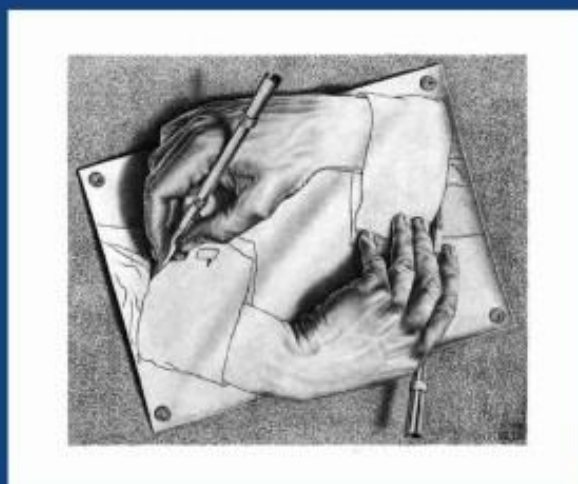


З.И. Комарова

**МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОД,
МЕТОДИКА И ТЕХНОЛОГИЯ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЛИНГВИСТИКЕ**



Екатеринбург
2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Уральский государственный педагогический университет
Институт международных связей

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
Алексеева Лариса Михайловна

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

доктор филологических наук, профессор
Герд Александр Сергеевич

(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор
Табанаква Вера Дмитриевна

(Тюменский государственный университет)

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с. (электронная версия)

ISBN 978-5-8295-0158-7

Книга знакомит исследователя-лингвиста с основами системной лингвистической методологии, раскрывает теорию лингвистического метода и вводит в методику и технологию лингвистических исследований, благодаря чему способствует оптимизации научных исследований в области лингвистики.

Учебное пособие предназначено для бакалавров, магистров, аспирантов, докторантов и преподавателей вузов, ведущих курс «*Основы научных исследований*», а также слушателей ФПК. Она будет полезна специалистам, занятым в системе подготовки и аттестации научных кадров.

Печатается по рекомендации кафедры иностранных языков УрФУ; кафедры немецкой филологии ИИЯ УрГПУ и кафедры общей лингвистики и межкультурной коммуникации ИМС.



*Вильгельм фон Гумбольдт
(1767-1835)*

«Язык – основа всех видов деятельности, родитель и воспитатель всего высочайшего и утончённейшего в человечестве, стимулятор человеческой духовной силы и постоянной деятельности».



*Иван Александрович
Бодуэн де Куртенэ
(1845-1929)*

«Жажда знаний и стремление к её удовлетворению свойственны только человеку, и человеку высокоорганизованному, сознательному.

Пусть, следовательно, большая часть образованного общества в своих взглядах на науку не возвышается над умственным уровнем животного: пусть она ищет в науке только выгоду и удобство. Но найдется всегда определенное количество чудаков, ищущих в науке только знаний и расширения своего умственного кругозора. В их числе будет всегда также маленькая горсточка чудаков в квадрате, которые признают язык в качестве предмета, достойного исследования, а языкознание, таким образом, как науку равноправную с другими науками».

О задачах языкознания (1889)

Всем тем, кто ввел меня в науку о языке; всем тем, кого я учила в школе и вузе, начиная с 1955 года; всем тем, кто трудился рядом со мною многие годы, – моим учителям, ученикам, коллегам, а также моим родным с благодарностью посвящаю эту свою книгу.

Предисловие

Все люди от природы стремятся к знанию
Аристотель¹

Вы открыли эту книгу, значит решили заняться научным исследованием в области лингвистики или даже уже приступили к нему.

Это почетно, ответственно и волнительно². Почетно, потому что это не легкий труд³, который не каждому по плечу, который требует сильного желания сказать своё слово в науке и в результате позволяет обрести высокий статус в профессии и обществе⁴.

Ответственно, потому что именно от таких людей, как Вы, зависит развитие лингвистической науки, её продвижение вперед.

Волнительно, потому что Вас будут всегда одолевать сомнения в том, **Что, Зачем и Как** следует делать. И это понятно, поскольку определение методологии и методов исследования – это основной исходный элемент любой научной работы. От правильного и грамотного выбора методов зависит успешность, достоверность и доказательность результатов наших поисков. Вопросы о том, каким способом исследовать языковой материал, с чего начинать исследование, какие стадии анализа нужно пройти, какой объём материала необходим, какие аспекты, свойства и характеристики объекта нужно проанализировать и прочее возникают у каждого учёного уже при первом подходе к объекту [Токарева 2004 : 4]. Иначе говоря, проблема методологии лингвистических исследований является центральной проблемой современной лингвистики, поэтому она традиционно представлена почти во всех известных учебниках и учебных пособиях по языкознанию, специальных монографических работах лингвистов, философов, логиков, науковедов, психологов и др.

Но Вы находитесь в парадоксальной ситуации: с одной стороны, перед Вами «монблан» научных работ (о чем свидетельствует библиография в этой книге), в которых даются ответы на перечисленные методологические вопросы. Однако, с другой стороны, «работ обобщающего, системного характе-

¹ *Аристотель* (384-322 до н.э.) – великий античный философ, особенно прославившийся концепцией форм (сущностей вещей), концепцией категорий, созданием основ логики и этики.

² Так обращается к читателю своего пособия «Диссертационные исследования по педагогике: вопросы и ответы» [2011 : 10] М.А. Галагузова, и точнее сказать невозможно.

³ Вспомните крылатое выражение Гёте: «Трудолюбие составляет существенную часть гения». Об этом гениально просто сказал Александр Сергеевич Пушкин:

О сколько нам открытий чудных

Ещё готовит Ум и Труд.

⁴ Вы входите в научную элиту общества [Селье 1987 : 251; Кохановский и др. 2000 : 552].

ра <...> всё ещё очень мало» [Карлинский 2009 : 8]¹. В одной из новых работ известных лингвистов С. В. Гринёва-Гриневича и Э. А. Сорокиной «*О современных методах лингвистических исследований*» дан подзаголовок «к постановке проблемы» [Гринёв-Гриневич, Сорокина 2010 : 277], что свидетельствует о нерешенности проблемы.

Думается, что причины этого многочисленны и разноплановы, но одна из главных – разноположенность методологических работ по языкознанию, философии, логике, науковедению и других наук. А при всей весомости результатов, достигнутых каждой из этих наук на своём «поле», синтез их достигается с трудом. А поэтому одной из насущных проблем современной лингвистики (металингвистики) является создание системной методологии. Эта мысль осознана как с позиции философии науки [Методология: вчера, сегодня, завтра 2000; Пригожин И., Стенгерс И. 2000; Методологический синтез 2005; Стёпин 2006; Лебедев 2008 и др.] и с позиции современной синергетики [Хакен 2003, Князева 2004; Буданов 2006...], так и с позиции самой лингвистики [Пищальникова 1998; Ступин 2000; Зубова 2002 : 6; Штайн 2006; Алефиренко 2009 : 324; Карлинский 2009 : 8].

Исходя из этого, **задачей учебного пособия** является создание основ системной методологии лингвистики на базе синтеза работ по методологической проблематике для оптимизации научных исследований в области лингвистики. А поскольку эта проблема находится в стадии становления, то мы рассматриваем пособие только как «**введение**» в системную методологию.

«Архитектура» пособия логически достаточно прозрачна: первая часть посвящена основаниям системной лингвистической методологии (источники и составные компоненты); во второй части раскрывается теория лингвистического метода; в третьей части описывается методика лингвистического исследования и в четвертой – его технология.

Жанр учебного пособия, **цель** которого – оказать помощь исследователю-лингвисту в работе по конкретной индивидуальной теме, не предполагает многоаспектного обсуждения основных компонентов системной лингвистической методологии: методология – метод – методика – технология, а также понятийно-терминологического аппарата исследования: объект, предмет, цель, задачи, проблема, гипотеза исследования и т. д.

Это обуславливает умеренно достаточное количество ссылок на научные источники и ограниченное цитирование. Правда, в ряде случаев приводятся выдержки из работ лингвистов и специалистов других наук, не для того, «чтобы прикрыться броней непробиваемых цитат», как сказала по этому случаю О. С. Ахманова [Ахманова, Краснова 1974 : 47], а чтобы показать читателю мнение крупных специалистов, взятых из первоисточников.

Практическая направленность учебного пособия определяет наличие в нем большой **библиографии**, предназначенной для углубленного изучения различных методологических вопросов.

¹ См. раздел «Введение в проблематику системной методологии лингвистики».

Отметим, что библиографический список оформлен по алфавитному принципу, чтобы облегчить способ нахождения любой работы, а содержательная классификация работ по научным дисциплинам, разделам наук, направлениям и аспектам лингвистики даётся в содержании глав и разделов пособия.

Узкоспециальные работы, необходимые только для данного раздела, даны в подстрочнике и не вносятся в общий библиографический список.

При этом в библиографию осознанно включены работы только отечественных ученых и переводные – зарубежных, но не включены работы на иностранных языках, чтобы избежать метаязыковых разночтений, которых достаточно много.

Так, Ю. С. Степанов в книге *«Методы и принципы современной лингвистики»* уже в §1 Введения [Степанов 2007 : 3-5] приводит ряд таких метаязыковых различий: русскому термину методология соответствует американский металингвистика, Л. Тайгер термин металингвистика употреблял как синоним термину семантика. Американское терминовое понятие предлингвистика (или долилингвистика), призванная изучать звуки речи как акустические и физиологические явления, в этом значении в русском языкознании не используется и т. д.

Однако это не единственная причина, ограничивающая не только зарубежные первоисточники, но и цитирование на иностранных языках и иноязычный иллюстративный материал¹, за небольшим исключением.

Каждая глава завершается разделом *«Вопросы и задания для обсуждения»* и разделом *«Литература для углублённого изучения»*, что поможет организовать как занятия (семинары) по курсу *«Основы научных исследований»*, так и самостоятельное изучение каждым исследователем.

В заключение целесообразно подчеркнуть ещё одну особенность этого учебного пособия: четвертая часть книги *«Технология системной лингвистической методологии»* – целиком базируется на диссертационных работах, выполненных под моим руководством (См. список источников).

¹ Таковую позицию разделяют и некоторые другие авторы, аргументируя это тем, что «природа языка и его свойства инвариантны для всех конкретных языков и могут быть замечены и показаны на материале немногих (или даже одного) языков. Во-вторых, потому, что понимание языка как структуры семантической, а не формальной, предполагает, что читатель свободно опознаёт семантику языковых знаков и «распоряжается» ею в двух случаях: если читатель имеет дело с родным языком или если он знает иностранный язык так же хорошо, как свой родной. Потому отдельные иноязычные иллюстрации, полезные для пояснения некоторых вопросов, оказываются всё же мало эффективными при разъяснении инвариантных, сущностных свойств языка «вообще» [Березин, Головин 1979 : 3; Попова, Стернин 2004 : 3; Норман 2004 : 5]. И это понятно: «глубинные мыслительные действия, их адекватная вербализация в научном дискурсе возможны лишь в том случае, если учёный творит на родном языке» [Синельникова 2004 : 12].

Выражаю огромную благодарность моим коллегам, замечательным лингвистам: Ларисе Михайловне Алексеевой, Александру Сергеевичу Герду и Вере Дмитриевне Табанаковой, взявшим на себя труд рецензирования пособия.

Искреннюю признательность выражаю руководителям организаций, благодаря которым эта книга вышла в свет: Жанне Артуровне Храмушиной, Наталье Васильевне Пестовой и Олегу Георгиевичу Скворцову.

С благодарностью обращаюсь к Александре Лионовне Комаровой, Анне Сергеевне Дедюхиной и Юноне Юрьевне Шадринной, которые подготовили компьютерный вариант пособия с рукописного оригинала.



Введение в проблематику системной лингвистической методологии: предпосылки и источники

*Проблематика знания и познания не только не снимается с повестки дня, но становится **центральной** для понимания современного общества и человека.*

Владислав Лекторский¹

1. Предварительные замечания

История лингвистики как науки – это не только хронологическая последовательность теорий о языке, но и история лингвистического познания и, следовательно, история становления системной лингвистической методологии. Проблема её становления настолько сложна и противоречива, что требует самостоятельного монографического изложения. Это не в жанре учебного пособия, цель которого, напомним ещё раз, состоит в помощи лингвисту в осуществлении конкретного исследования по определенной индивидуальной теме. Поэтому ограничимся лишь кратким обзором основных обобщающих работ по методологии лингвистики.

Обратим внимание на то, что «наличие значительного количества исследовательских методов требует уточнения самого понятия «метод в языкознании» и, во-вторых, ставит вопрос об их классификации. Оба эти вопроса тесно связаны друг с другом, но до сих пор не решены современной лингвистикой. Думается, что «любая попытка уточнить термин *метод* и представить их непротиворечивую классификацию полезна для языкознания...», – справедливо отмечает А. Т. Хроленко [Хроленко 1999 : 205].

Вопрос систематизации научных методов ставится не только лингвистами, но и представителями других наук: «*Методы социальной психологии*» (2007); «*Методология педагогического исследования*» (2010); «*Структура и методы естественно-научного познания*» (2010); «*Природа математического познания*» (2006) и др. Это свидетельствует о настоятельной необходимости решения проблемы не только в лингвистике, но и в науке в целом, а классификацию и систематизацию научных методов следует рассматривать как первый шаг к созданию основы системной методологии науки и лингвистики, в частности.

Как мы уже указывали в Предисловии, работ методологического характера по лингвистике и много, и мало. Много таких, в которых некоторые методологические сведения (часто самого общего характера) даются лишь попутно при рассмотрении какого-либо лингвистического явления. Работ обобщающего характера мало. Так, А. Е. Карлинский называет всего четыре работы: «Сереб-

¹ *Владислав Александрович Лекторский* (р. 1932) – видный отечественный философ, специалист в области теории познания, эпистемологии, классической и неклассической науки.

ренников [ред.] (1973); Кодухов (1974); Степанов (1975); Березин и Головин (1979)» [Карлинский 2009 : 8]. Обратимся прежде всего к названным работам.

2. Проблемный анализ работ 70-х–80-х годов XX века¹

Языкознание как наука формировалось на протяжении веков. Однако особую роль в его истории сыграли последние два столетия, обогатившие теорию языка и исследовательский опыт множеством оригинальных идей, реальных научных результатов, а также значительным количеством эффективных методов научного анализа. Потому к середине XX века проявилась тенденция обобщения сложившихся к этому времени лингвистических методов, которая реализовалась в ряде работ.

Подчеркнём, что в этом проблемном анализе работ нет критической составляющей, поскольку в задачи автора входит: 1) выявить предпосылки и истоки для создания основ системной методологии и 2) показать лингвисту-исследователю основное концептуальное содержание данной конкретной работы в принятом аспекте.

Проблемный анализ работ целесообразнее проводить в хронологической последовательности, что позволяет проследить «становление основных проблем и методов» [Кодухов 1974 : 4], а также их «собственную, первичную, сферу применения», в которой они дают наилучшие результаты [Степанов 2009 : 385].

Начнём с фундаментальной специальной работы **«Общее языкознание. Методы лингвистических исследований»** (под ред. Б. А. Серебренникова². – 1973; 2009)

Работа начинается с императивного утверждения о том, что проблема методов лингвистической науки является «одной из узловых проблем общего языкознания. Преобладание того или иного метода в определенную историческую эпоху может даже определять общий характер развития языкознания» (с. 5). Потому в книге предпочтение отдается методам «уже зарекомендовавшим себя на практике и располагающим более или менее разработанной методикой: *методы лингвогенетических исследований* (первая глава); *методы лингвогеографических исследований* (третья глава); *принципы и методы структурного анализа* (четвертая глава); *методы типологии* (пятая глава) и *методы синхронного и диахронического описания языков* (вторая глава).

Иначе говоря, классификация методов и их анализ приводится с позиции подходов к языку, направлений и аспектов в языкознании, которые характеризуются специфическими объектами и теориями, их описывающими.

В Предисловии Б. А. Серебренников предупреждает, что «предлагаемая читателю книга не является попыткой исчерпывающего описания всех возмож-

¹ С 50-х годов XX века начинают складываться методологические подходы и направления в целом ряде дисциплин: филологии, науковедении, системологии, языкознании, литературоведении и др. [Новая философская энциклопедия 2010.2 : 554], поэтому обобщающие методологические работы в языкознании появились именно в 70-е годы XX века.

² **Борис Александрович Серебренников** (1915-1989) – крупный специалист в области теории языка, исследования языковой системности и методологии языка.

ных методов языкознания» (с. 5), причиной чего он считает, во-первых, то, что «сами конкретные методы лингвистических исследований обладают довольно большим разнообразием. Они сильно варьируются в зависимости от характера объекта, цели исследования и выбранного лингвистом аспекта исследования. Словом, чуть ли не **каждая область языка может иметь специфические методы** (выделено мной – З. К.), предназначенные для её изучения [Там же : 5]. Во-вторых, «многие современные методы ещё не имеют четкой методики и достаточного теоретического обоснования» [Там же : 5].

Центральной и наиболее концептуальной является завершающая шестая глава, посвященная проблеме взаимоотношения общей методологии лингвистической науки и частных методов лингвистического исследования.

Открывается глава разделом «*Понятие общей методологии науки*», хотя в нем логического определения этого понятия не дается. Понятие о методологии науки сводится к трем тезисам: 1) свойством науки является стремление к созданию тесной органической связи между общей методологией науки и частными методами исследования; 2) общая методология науки играет роль **направляющей силы** (выделено мной – З. К.) в научных исследованиях; 3) общей философской основой марксистской науки является диалектико-материалистический подход к познанию явлений природы и общества (с. 257).

Далее в главе раскрывается аксиоматика конкретного научно-исследовательского метода, что даёт возможность автору сформулировать трёхчастную систему метода:

1. Теория метода.
2. Комплекс научно-исследовательских приёмов, содержание которых определяется лингвистическими основами метода.
3. Комплекс технических приёмов и процедур (с. 260).

Теория метода включает в себя три компонента: 1) лингвистические основы метода, 2) методику применения научно-исследовательских приёмов, 3) основы общей теории познания (с. 261).

Лингвистические основы метода – это наличие знаний об объекте исследования. Но лингвистические основы метода, сформулированные в виде «определённых теоретических положений, ещё не олицетворяют самого метода» (с. 262), нужна ещё система приёмов. Особенностью приёма является его действительный характер, т. к. приём всегда предполагает определённое действие, оперирование с языковым материалом (с. 262).

И наконец, ни один метод не обходится без применения технических приёмов и процедур, например, конспектирование изучаемой литературы, занесение собранного материала на карточки и т. д. (с. 265).

Б. А. Серебренников особо подчёркивает **роль аспекта** в лингвистических исследованиях: поскольку изучаемое языковое явление может быть очень многогранным и сложным, то исследователь чаще всего изучает какую-либо сторону или несколько отдельных сторон, его определённый аспект, а не явление целиком (с. 266).

Завершает теорию лингвистического метода Б. А. Серебренников обоснованием необходимости связи философского диалектико-материалисти-

ческого метода с частными методами лингвистики, т. к. философский метод включает две составные части: 1) общие законы бытия (онтологическое обоснование метода) и 2) общую теорию познания, применимую к разным наукам (с. 272). При этом он не заменяет частных методов познания и «используется не наряду с ними, не как некоторое дополнение к частным методом, а в них и через них» (выделено мной – З. К.). Философский метод «входит» в научный метод и функционирует в рамках частнонаучных методов.

Итак, эта работа, действительно, носит обобщающий характер: дает систему методов, хотя и частичную, неполную; обосновывает трехчастную структуру лингвистического метода; выявляет его специфику и органическую связь философского метода диалектического материализма с общенаучными и частнонаучными.

Степанов Ю. С.¹ Методы и принципы современной лингвистики (1975, Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009)

Во Введении Ю. С. Степанов указывает, что «в советском языкознании 40-50-х годов три ключевые понятия определяли взгляды на проблему метода – «методика», «метод», «методология». Методика понималась как совокупность приемов наблюдения и эксперимента. Метод – как способы теоретического освоения наблюденного и выявленного в эксперименте. Методология – как применение принципов мировоззрения к процессу познания. Всеобщим методом в советской науке тогда, как и теперь, являлся диалектический материализм. По отношению к нему методы языкознания представляют собой частнонаучные методы» [Степанов 2009 : 3].

Цель работы и её содержание Ю. С. Степанов характеризует следующим образом: «Данная работа – не теория лингвистических методов, а **обзор и систематизация специальных лингвистических методов** (выделено мной – З. К.), применяемых» условно, во «внутренней лингвистике». По соображениям объема и специфической сложности пришлось отказаться от рассмотрения методов социальной лингвистики, психолингвистики, лингвистической статистики. Такое ограничение придаёт проблеме лингвистического метода большую четкость, но вместе с тем не снимает трудности классификации» [Там же : 12].

Далее Ю. С. Степанов обращается к очень сложной проблеме – поиску оснований для классификации методов и обосновывает интересную идею: «Единственной приемлемой классификацией оказывается классификация, основанная на предварительном выявлении глубинного принципа каждого метода» [Там же : 12]. Этому посвящена первая часть книги.

Это основание: принцип → методы его реализации структурирует книгу: вторая часть содержит изложение методов (*дистрибутивный, оппозитивный, порождающий, функтивный* и др.), реализующих **исторический принцип**; третья часть – изложение методов (*алгебраический, дистрибутив-*

¹ **Юрий Сергеевич Степанов** (1930-2012) – известный отечественный лингвист, продолжатель традиций Московской школы, специалист в области теории языка, семиотики и методологии языкознания. Основные его работы даны в библиографии учебного пособия.

ный, оппозитивный, функтивный, семиотический), реализующих **логический принцип** в современной лингвистике.

В работе показана экстраполяция методов, т. е. их перенос из одной сферы языка в другую и на другой материал, и также совмещение методов (см. гл. II в третьей части).

Следует обратить внимание ещё на один очень важный методологический постулат: о соотношении метода познания и метода изложения: «необходимо рассматривать как те лингвистические системы метода, в которых преобладает **процедура открытия**, так и те, в которых преимущественное внимание уделяется методам строгого логического **изложения знания**» [Там же : 11], что автор и делает на богатейшем материале индоевропейских языков. Работа содержит образцы глубокого, ювелирного анализа как методов познания, так и методов изложения, знакомство с которыми необходимо каждому лингвисту-исследователю. При этом порядок изложения в книге соответствует объективной иерархии методов, а значит – и целей познания (с. 17).

Завершается работа формулированием постулатов лингвистики.

Итак, в работе предлагается классификация методов на основе глубинного принципа этого метода, но не полная, а частичная, во-первых, только по двум принципам (историческому и логическому, частично – семиотическому), и, во-вторых, только для внутренней лингвистики.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания (2-е изд. 1975)

Это учебное пособие имеет трехчастное строение: 1) *Структура* (язык как объект теории); 2) *Норма* (язык и общество); 3) *Индивидуальная речь* (и межнациональное общение).

В целом в доступном для студента изложении в направлении «от конкретному к абстрактному» даётся концепция, близкая к изложенной в монографической работе автора [Степанов 1975; 2009].

Особо следует подчеркнуть значимость обсуждаемой методологической проблемы: соотношение языка как наблюдаемого явления и языка как абстрактного объекта теории (§ 72).

В разделе «*Виды лингвистических структур*» освещаются структурные методы исследования, обусловленные сущностью рассматриваемых лингвистических структур.

Завершается учебное пособие, как и в монографии, формулированием основных постулатов современной лингвистики (гл. III., § 83-88).

Таким образом, эта работа, по словам самого автора, может рассматриваться преимущественно «как книга по теории языка» (с. 4), имеющая методологическую направленность и проблематику.

Необходимо назвать ещё одну работу Ю. С. Степанова «*Язык и метод. К современной философии языка*» (1998, 2001), в которой под этим «говорящим» заголовком были собраны три работы разных лет: «*Семиотика*» (1971), «*В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства)*» (1985) и ещё неопубликованная «*Новый реализм*» (1997).

В каждой из этих работ раскрывается одно из противопоставлений семиотики: *синтактика, семантика и прагматика*.

Обозначив пять основных направлений в семиотике и раскрыв разные ступени семиотического процесса (семиозиса), Ю. С. Степанов обосновал роль семиотического принципа для такого естественного предмета познания, каким является Язык и его Метод «как движение по правильному пути», который «указан самим языком» [Степанов 1998 : 15].

Кодухов В. И.¹ Общее языкознание (1974)

Третья часть этого учебника посвящена методам языкознания (с.202-280). Во Введении этой части В. И. Кодухов вводит триаду: методология «как учение о научном методе вообще и методах отдельных (частных) наук» (с. 202); метод – это способ подхода к действительности, способ познания природы, общества и мышления» (с. 203); методика исследования – термин синонимический термину метод, но «чаще этот термин означает не метод как приём, а самую процедуру применения того или иного метода-приёма» [с. 215].

При этом лингвистическая методология «представляет собой совокупность научно-исследовательских аспектов и методов исследования, которые могут иметь общие процедурные моменты, а могут и отличаться методикой исследования и способами описания» (с. 218).

С методикой исследования непосредственно связан способ (или манера) описания полученных результатов и ведения доказательства, причём «способы описания не являются методами исследования: они всего лишь внешняя форма того или иного приёма и методики анализа» (с. 215).

Обозначив основные методологические понятия, автор переходит к классификации основных методов лингвистики.

Прежде всего подчеркивается, что классификация «должна основываться не на процедурных основаниях..., а на свойствах самого объекта» (с. 217).

В. И. Кодухов предлагает два основания для классификации методов: первое – «по их типичности для того или иного лингвистического направления или школы» и второе – «по направленности на разные стороны языка» (с. 218).

В первом случае речь идёт «о методике анализа у американских дескриптивистов, в пражской лингвистической школе, в психолингвистике и лингвистической семиотике и т. п.» (с. 218).

При второй классификации речь пойдёт «о приёмах и методике фонетического и фонологического, морфологического и синтаксического, словообразовательного, лексического и фразеологического анализа» (с. 218).

На этой основе В.И. Кодухов выделяет три группы основных лингвистических методов-аспектов: описательный, сравнительный и нормативно-стилистический (с. 218).

¹ **Виталий Иванович Кодухов** (1919-1993) – специалист в области общего языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного.

Как видим, предложенная классификация является двусмысленной и противоречивой. Хотя методологическая посылка базироваться «на свойствах самого объекта», вполне правомерна.

Но несмотря на некоторую невнятность предлагаемой классификации, описание двух методов: описательного (глава 13) и сравнительного (глава 14) представляет большой интерес для лингвиста-исследователя, поскольку очень детально и глубоко изложены приёмы и методика этих двух методов.

Так, в 13-й главе раскрываются:

1) приёмы внешней интерпретации (§ 37): социологические, логико-психологические, артикуляционно-акустические приёмы, дистрибутивная методика и приёмы межуровневой интерпретации;

2) приёмы внутренней интерпретации (§ 38): приёмы классификации и систематики, приёмы парадигм и парадигматическая методика, оппозиционный приём, приёмы семантического поля, позиционные приёмы и приёмы преобразований и трансформационная методика;

3) математические, логико-математические исчисления, моделирование, статистические приёмы (§ 39);

4) инструментальные приёмы, инструментально-фонетические приёмы, автоматизация лингвистических исследований.

В главе 14 «Сравнительный метод» изложены приёмы и методики:

1) сравнительно-исторического метода (§ 41);

2) историко-сравнительный метод (§ 42);

3) сопоставительный анализ (§ 43).

Отметим в заключение, что некоторые сомнения и неясности в изложении компенсируются глубиной и скрупулезностью, а также богатством иллюстративного языкового материала.

Березин Ф. М., Головин Б. И¹. Общее языкознание (1979)

Учебное пособие состоит из двух частей: «Язык» и «Лингвистические направления и методы XX века».

Во **Введении** авторы ставят задачу описать курс, «завершающий языковедческую подготовку студента-филолога, дающий ещё методологические основы (выделено нами – З. К.), которые помогут с позиции марксистко-ленинской философии осмыслить жизнь языка как целого и целостного знакового механизма общения» (с. 3).

В первой части, написанной Б. Н. Головиным, оригинально и многоаспектно освещаются основные проблемы общего языкознания, описываются «поля» лингвистики, в том числе частично и методологические проблемы: по-

¹ *Федор Михайлович Березин* (1930 г.р.) – специалист в области общего языкознания.

Борис Николаевич Головин (1916-1984) – крупный специалист в области языкознания, русистики, культуры речи, терминологии и др. Под его руководством были осуществлены впервые в нашей стране опыты применения электронной вычислительной техники в лингвистических исследованиях.

иск объекта лингвистики, установление границ и размежевание её со смежными науками.

Вторая часть, написанная Ф. М. Березиным, содержит освещение основных направлений лингвистики XX века: сравнительно-историческое изучение языков и его метод (гл. XVI); структурная лингвистика и её методы (гл. XVI); типологическое изучение языков и метод (гл. XVII); изучение языковых универсалий (гл. XVIII); социолингвистики (гл. XIX) и развитие советского языкознания (гл. XX).

Ценным является стремление авторов шире использовать материалы, способствующие пониманию того, как зародилось и развивалось то или иное направление, показать, какое место занимает в современном языкознании, что очень важно для обоснования лингвистических основ метода и разработки методики и применения его приёмов [Серебренников 1973 : 261].

При этом какого-либо теоретического обоснования классификации и систематизации методов в работе не содержится, но из последовательности освещения направлений следует, что основанием систематизации методов являются лингвистические направления XX века, сущность которых определяет ведущий или ведущие методы.

Поучительной для лингвиста-исследователя является манера изложения материала в этом пособии: авторы стремились меньше декларировать, а больше давать материала и доказывать сущность положений, так как доказательства и убеждения требуются самим существом научной теории, раскрывающей сущность жизни языка в обществе.

Подытоживая, следует указать, что в этой работе нет такого богатого освещения приёмов и методики лингвистического исследования, которые содержатся в предыдущих работах, но достоинством является выход за пределы внутренней лингвистики в область социолингвистики.

Тарланов З. К.¹ Методы и принципы лингвистического анализа (1979; 1995)

«В последние десятилетия лингвистику отличает обостренный интерес к совершенствованию методов и методики анализа языка» – отмечает во Введении З. К. Тарланов, – «в этом плане достигнуты несомненные положительные результаты. Появилась необходимость **систематизировать** всё, что относится к богатейшему арсеналу методов, принципов и приёмов, которые находятся в распоряжении современной лингвистики» (с. 3).

З. К. Тарланов называет ряд уже вышедших работ: монографию Ю. С. Степанова (1975); учебное пособие И. П. Распопова (1976), монографию А. М. Мухина (1976), которые ограничиваются характеристикой только структурных методов.

Исходя из этого, автор поставил задачу «показать, что лингвистика располагает достаточным арсеналом методов и приёмов для результативного лин-

¹ *Замир Курбанович Тарланов* – крупный специалист в области русистики, внутренней лингвистики и методологии языкознания.

гвистического анализа языка» (с. 171). Но поскольку «в языкознании не принимались попытки **обобщить и выстроить в обозримый ряд** (выделено мной – З. К.) все основные методы и приёмы которыми пользовалось и пользуется языкознание как наука, то именно «в этом главный смысл работы» (с. 7).

Исходя из системности как важнейшего принципа языка XX века, З. К. Тарланов в основание систематизации выдвигает понятие уровней языка (как подсистем), т.к. с помощью этого понятия «удаётся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов» [Бенвенист 1974 : 129].

Далее З. К. Тарланов обсуждает второй методологический вопрос «какой иерархической традиции следует придерживаться при анализе языковых единиц» (с. 10): нисходящей (от синтаксического уровня к нижележащим), как считает Н. Хомский, или восходящей (от фонетико-фонологического к синтаксическому), как предлагает Э. Бенвенист.

З. К. Тарланов принимает нисходящую иерархическую градацию, «поскольку она в полной мере согласуется с сущностью языка как коммуникативного средства» (с. 10).

Этот принцип положен в основу композиции самого учебного пособия, в котором детально описываются методы, приёмы и процедуры на уровне предложения (гл. 1); на лексико-семантическом уровне (гл. 2); на морфологическом (гл. 3); методы морфемного и словообразовательного анализа (гл. 4); на фонологическом уровне (гл. 5). В отдельную главу «выведен», как пишет автор, стилистический анализ (гл. 6).

Три последующие главы характеризует методы диахронического анализа: *сравнительно-исторической метод* (7-я гл.); *основные методы исторической стилистики* (гл. 8) и *типологический анализ* (гл. 9).

Завершая учебное пособие, З. К. Тарланов ещё раз подчёркивает, что «обзор методов не претендовал на то, чтобы быть исчерпывающим. Многое, но не главное, осталось за рамками» (с. 171). Так, в работе «не охвачены методы и принципы математической, инженерной лингвистики, а также приёмы статистического анализа» (с. 6).

Иначе говоря, за пределами этой достаточно стройной и аргументированной классификации методов, базирующейся на едином и существенном основании: *уровневой модели языка* [см.: Попова, Стерлин 2004 : 100] в синхронии и диахронии, оказались методы внешней лингвистики, которые и не могут быть систематизированы на принятом основании, кроме, естественно, *статистического анализа*, используемого как во внутренней, так и во внешней лингвистике.

Таков краткий анализ избранных работ этого периода, в которых наиболее ярко проявилась тенденция систематизации и классификации лингвистических методов, за пределами которого находится огромное количество обзоров и методов анализа лексики, словообразования и морфемики, синтаксиса, фонологии, истории слов, их значений и компонентов, синтаксиса и т. д.

3. Проблемный анализ работ конца XX – начала XXI века

Два последних десятилетия XX века и первое десятилетие XXI века в филологии, науковедении, лингвистике и других науках характеризуются «методологическим бумом» и «методологическим мятежом» [Паршин 1996; Чебанов, Мартыненко 2008, Пищальникова 2009 и др.], что обусловило наше ожидание значительных методологических сдвигов по изучаемой проблеме, а потому перейдём к анализу избранных работ этого периода.

Арнольд И. В.¹ Основы научных исследований в лингвистике (1991; 2010).

Автор в Предисловии формулирует **задачи** данного пособия: «помочь студенту овладеть важнейшими процедурами современных лингвистических исследований, ознакомить его с возможными подходами к сбору и обработке фактического материала и использованию уже достигнутого в науке, ознакомить с требованиями, предъявляемыми к научному изложению и доказательности, и заставить задуматься над этикой науки и долгом ученого» (с. 3).

В соответствии с этими задачами в пособии рассматриваются две главные темы: «получение научного результата и его представление» (с. 4).

По **первой теме** даётся, во-первых, трёхчастное строение метода и указывается, что разграничение методологии, метода и методики подробно освещено в работах Ю. С. Степанова [Степанов 1975; Степанов 1975; 2009] (с. 8-9); во-вторых, для лингвистических основ метода дан обзор основных направлений современного языкознания: структурализма, семиотики и прагматики (§ 3), а также теория системного подхода (глава II); в-третьих, в III главе содержится обзор «наиболее распространенных методов и возникших в их рамках процедур» (с. 33): *гипотетико-дедуктивный метод (§ 2), метод оппозиций (§ 3), дистрибутивный анализ (§ 4), дистрибутивно-статистический анализ (§ 5), валентностный анализ (§ 6), контекстологический анализ (§ 7), компонентный анализ (§ 8) и использование компьютеров в лингвистических исследованиях (§ 9)*; в-четвёртых, излагается методика исследования: выбора и обоснования темы исследования (глава IV), планирование работы (глава V).

По **второй теме** раскрывается понятие метаязык исследования (глава VI) и графический метаязык (глава VII). В трёх последующих главах характеризуется стиль и форма изложения полученных научных результатов.

Таким образом, в этом учебном пособии проблема систематизации методов исследования не ставится вовсе, как впрочем, и другие какие-либо методологические вопросы. Однако она представляет интерес для лингвиста-исследователя детальным изложением методики применения перечисленных выше методов, а особенно раскрытием метаязыка и графического языка научного ис-

¹ *Ирина Владимировна Арнольд* (1908-2010) – известный российский филолог-англист, специалист в области английского языка (лексикологии, семасиологии и стилистики) и методики его преподавания, а также в методологии языкознания.

следования. При этом изложение иллюстрируется в основном материалом из английского языка.

Гируцкий А. А.¹ *Общее языкознание (2001)*

Как указывает автор в Предисловии, учебное пособие призвано «познакомить студентов-выпускников с основными лингвистическими направлениями и школами, расширить и углубить их общеязыковую подготовку, выработать общелингвистическую перспективу, умение разобраться в новых направлениях и течениях в науке о языке, современных методах исследования» (с. 3).

В соответствии с задачами пособие состоит из трёх разделов: истории лингвистических учений как «исторических предпосылок современного языкознания» (с. 14), современной теории языка и методов изучения языка.

В первых двух разделах даётся богатая и оригинально изложенная теория языка как лингвистическое обоснование для метода лингвистики.

Раздел «*Методы изучения языка*» открывается кратким введением в трёхчастную структуру метода: методология – метод – методика, характеризуются их сходства и различия, а также их взаимодействие.

В отличие от всех ранее проанализированных нами работ в этом разделе А. А. Гируцкий раскрывает структуру методологии, содержащую три взаимосвязанных иерархических уровня: первый – философская методология, определявшая принципы и формы научного познания; второй – общенаучная методология, которая представляет собой обобщение методов и принципов изучения явлений различными науками (наблюдение, эксперимент, моделирование) и третий – частная методология включает методы конкретных наук (с. 267-270).

По наблюдениям А. А. Гируцкого, лингвистические методы исследования «характеризуются прежде всего редким применением инструментального эксперимента и слабой формализацией доказательств. Свободная интерпретация разнообразного фактического материала по правилам формальной логики и научная интуиция являются характерными чертами лингвистических методов» (с. 270).

Точной является оценка автором роли методики в лингвистическом исследовании: «Самый хороший метод и приём исследования могут не дать нужных результатов без верной методики исследования» (с. 271). Правда, в чём заключается эта *верная* методика, автор не раскрывает.

Далее А. А. Гируцкий даёт краткую, но точную, характеристику основных лингвистических методов: *описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический, конструктивные методы, дистрибутивный, метод компонентного анализа, психолингвистический метод, нейролингвистические методы, количественные, социолингвистические и экспериментальные методы.*

Как видим, эта характеристика лишена какой-либо системности, а использование этих методов лингвистами-исследователями будет затруднено тем, что характеристика методов практически лишена иллюстративного материала.

¹ *Анатолий Антонович Гируцкий* – специалист в области теории и истории языка, философии языка, нейролингвистики и белорусского языка.

Попова З. Д., Стернин И. А.¹ *Общее языкознание (1987, 2004)*

Особенностью этого учебного пособия является то, что основные проблемы теоретического языкознания раскрываются в нём с учётом современных достижений отечественной и зарубежной лингвистики и исследований теоретико-лингвистической школы Воронежского государственного университета. В связи с этим многие проблемы теории языка излагаются оригинально, например, проблема системности языка (З. Д. Попова), проблемы речевой деятельности и речевого воздействия (И. А. Стернин) и другие. Потому знакомство с этим учебным пособием представляет значительный интерес для проблемы основания лингвистического метода.

Как справедливо считают авторы, «теоретическое языкознание разрабатывает методы и приёмы лингвистического исследования, которые используются в частных разделах языкознания» (с. 4). Однако специального раздела, посвященного методологическим вопросам современного языкознания в книге нет, за исключением двух относительно небольших разделов: 1) методы лингвистического исследования, разработанные в XIX веке и 2) структурные методы изучения языка.

В первом разделе раскрывается специфика частных методов изучения языка, которые «специализированы на познание отдельных аспектов языковой деятельности человека и позволяют решать определённые классы лингвистических задач» (с. 11). К ним относятся разработанные в XIX веке методы *сравнительно-исторического* и *типологического* изучения языков, которые «служат изучению проблем исторического развития языка в его связях с историей общества» (с. 11). Вспомним *исторический принцип* Ю. С. Степанова [Степанов 2009].

Во втором названном разделе раскрываются шесть основных *структурных методов* изучения «формальной стороны языка» (с. 14).

Значительный интерес представляют «новые методы лингвистики XX века», охарактеризованные в разделе «*Теоретическое языкознание в России (60-90 г.г.)*», обусловленные «разнообразием научных направлений в лингвистике XX века» (с. 17), среди которых есть и такие, которые ещё почти не описаны, например, *нейролингвистические методы*, которые «требуют применения специальной аппаратуры, постановки экспериментов и специальных, не только лингвистических знаний» (с. 18), а *когнитивные методы* позволяют «заглянуть в глубины мозга, выявить и описать единицы человеческого мышления» (с. 19).

¹ *Зинаида Даниловна Попова* (1929 г.р.) – специалист в области теоретической лингвистики, исторического и современного синтаксиса русского языка, общей фразеологии и лексикологии, контрастивной и когнитивной лингвистики.

Иосиф Абрамович Стернин (1948 г.р.) – специалист в области теоретической и контрастивной лингвистики, риторики, психолингвистики, речевого воздействия, коммуникативного поведения.

Норман Б. Ю.¹ Теория языка: Вводный курс (1996; 2004)

Это учебное пособие содержит один методологический постулат: теория языка как лингвистическое основание метода. В восьми разделах книги обстоятельно раскрывается «характер науки о языке» с позиции синтетического, интердисциплинарного подхода, который отвечает нуждам современного дня (с. 5). А избранный автором лекционный жанр изложения при всей трудности рассматриваемых проблем делает содержание книги вполне доступным читателю.

Б. Ю. Норман обращает особое внимание на то, что «в изначальных свойствах языка как феномена (знаковость, системность, многофункциональность, социальность...) заложены глубинные неразрешимые противоречия—антиномии (от греч. *antinomia* – «противоречие в законе»). Описываются семь основных антиномий: 1) язык – речь; 2) асимметрия знака; 3) системность – асистемность; 4) узус – норма; 5) конкуренция языковых функций; 6) вторичность – автономность языка; 7) говорящий – слушающий.

Кстати, все они ещё в 60-е годы были выявлены в русском языке с добавлением ещё антиномии *кода и текста* [Рус. язык и советское общество... 1968 : 24-36], а ещё раньше антиномии *физического и психологического* в языке (Б. де Куртенэ), а также постулаты Ю. С. Степанова (1975).

Акцент на антиномиях нужен не только потому, что они как сущность языка должны быть обязательно положены в основание лингвистического метода как такового, но и потому что они сами могут быть особым, специфическим лингвистическим методом, что было замечено А. А. Гируцким, описавшим этот метод, используемый В. фон Гумбольдтом и Ф. де Соссюром [Гируцкий 2001: 68-80; 144-151]².

Рождественский Ю. В.³ Лекции по общему языкознанию (Изд. 2-е, 2000)

Специфика данной книги заключается в том, что в ней языкознание определяется как «часть филологии – науки о языковой деятельности» (с. 3), что делает специфичным понимание предмета языкознания и предмета филологии (с. 100-101).

В части 2 «Предмет и метод языкознания» (с. 95-192) Ю. В. Рождественский не рассматривает проблемы систематизации методов, но нельзя было обойти вниманием эту работу, поскольку в ней содержится глубокий оригинальный анализ ряда методологических проблем: 1) языкознание как гумани-

¹ **Борис Юстинович Норман** (1925 г.р.) – специалист в области русского и славянского языкознания, теории языка, психо- и социолингвистики.

² Близкую оценку можно дать ещё таким учебным пособиям: **Гречко В. А. Теория языкознания** (М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.); **Камчатнов А. М., Николина А. А. Введение в языкознание: учебное пособие. Изд. 3-е** (М.: Флинта: Наука, 2001. – 232 с.); **Вендина М. И. Введение в языкознание: учебное пособие** (М.: Высшая школа, 2001 – 288 с.); **Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учебник. Изд. 5-е** (М.: Академия; СПб.: СПбГУ, 2006. – 304 с.); **Горбачевский А. А. Введение в языкознание: учебное пособие** (Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. – 168с).

³ **Юрий Владимирович Рождественский** (р. 1926) – крупный специалист в области филологии, риторики, семантики, истории и теории языкознания, продолжатель традиций Московской школы.

тарная наука (важно для понимания лингвистических оснований метода); 2) предмет филологии и предмет языкознания; 3) проблемы отбора языковых фактов; 4) обзор методов сравнительного языкознания: *сопоставительного, типологического и сравнительно-исторического*; 5) методологическое единство сравнительного языкознания и методы смежных наук в языковедческих исследованиях (*математических, статистических, контент-анализа, статистико-комбинаторное моделирование, метод картографирования, методы исторических наук и экспериментальный с использованием приборов*).

Михалёв А. Б.¹ *Общее языкознание. История языкознания: путеводитель по лингвистике: конспект-справочник* (Изд. 3-е, 2008)

Концепция данного пособия – «дать по возможности наиболее полное представление об основных проблемах общего языкознания в максимально сжатой форме» (с. 7).

Это по существу «своеобразная карманная лингвистическая энциклопедия с иллюстрациями в виде цитат из первоисточников и библиографическими рекомендациями» (с. 7), что, безусловно, полезно лингвисту-исследователю.

Раздел «Методы лингвистических исследований» (с. 83-95) не затрагивает рассматриваемой нами проблемы, но экономно и обобщенно характеризует как уже традиционные, устоявшиеся методы (*сравнительно-исторический, методы лингвографии, атрибутивный и типологический методы*), так и *компонентный анализ, психолингвистические методы и статистические методы*, а также методы, которые ещё находятся на стадии формирования и потому реже описываются в лингвистической научной литературе: *дискурсивный анализ* (с. 211-212); *категориальный (логический) анализ* (с. 208-209) и *прагматический анализ* (с. 201-204).

Пищальникова В. А., Сонин А. Г.² *Общее языкознание* (2003, 2009)

Задача этого учебника состоит в том, чтобы представить важнейшие проблемы лингвистики как науки, не только отражая их современное состояние, но и раскрывая историю их становления (с. 3). Более того, в учебнике предлагается перспектива, позволяющая «сопоставить достижения важнейших лингвистических традиций и направлений» (с. 4), потому, естественно, эта книга является важным источником для формирования лингвистических основ метода нашей науки.

Глава 2. «Методы лингвистического исследования» (с. 41-76) содержит решения по целому ряду методологических проблем.

Прежде всего необходимо отметить глубокое и оригинальное раскрытие проблемы сущности метода. Казалось бы, авторы просто принимают уже сложившуюся трёхчастную структуру метода: методология – метод –

¹ **Андрей Борисович Михалёв** – специалист в области истории и теории языкознания, фоносемантики, семантики.

² **Вера Антоновна Пищальникова** – известный специалист в области теории языка, психолингвистики и методологии языкознания.

Александр Геннадьевич Сонин – специалист в области когнитивных исследований речи и создатель модели понимания поликодовых вербально-изобразительных текстов.

методика, но они уточняют и углубляют объем и содержание этих трех методологических концептов.

Методология – «учение о том, как методы правильно разрабатывать и применять..., это совокупность методов, используемых в определенной отрасли знания» (с. 42). Методом «в науке называют продуктивный способ познания, прошедший проверку временем и достаточно проанализированный учёными» (с. 41). При этом метод «рождается не в голове теоретика так же, как не рождается он в материале. Он вычленяется из деятельности исследователя в окружающем мире, диалектически сочетая в себе объективное и субъективное» (с. 42). Методика – это «конкретные действия (операции), а также их устойчивые комбинации, направленные на решения ограниченного класса задач» (с. 43). Всякий метод включает множество таких стандартных операций, далеко не все из которых специфичны, т. е. одна и та же методика может быть использована в разных методологических подходах (с. 43)¹.

Вторая методологическая проблема – специфика научного познания мира (с. 43-45) и специфика методов гуманитарных наук (с. 58-60)².

Третья – эмпирическое и теоретическое в научном знании³, что позволяет классифицировать методы на *эмпирические* (метод наблюдения, сравнения, описания, измерения) и *теоретические* (анализ, синтез, классификация, идеализация, моделирование, умозаключение по аналогии, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный) (с. 46-53), чему посвящена огромная философская, науковедческая литература и работы по частным наукам.

Наконец, четвёртый методологический вопрос, наиболее важный для нашего проблемного анализа, – это классификация лингвистических методов (с. 60-76).

В основу классификации положены **этапы развития языкознания**, поскольку они «неизменно сопровождаются существенными изменениями лингвистической теории, а вместе с ней – переходом к новым методам изучения языка» (с. 60).

Потому далее обзор важнейших (следовательно не всех) методов лингвистических исследований проводится в принятой последовательности: *сравнительно-исторический метод, метод фонологических оппозиций, дистрибутивный анализ, метод непосредственных составляющих, компонентный анализ, трансформационный метод*.

Это один цикл методов: от первого в истории лингвистики к структурным, используемым во внутренней лингвистике.

Переход ко второму циклу авторы объясняют тем, что в последние десятилетия XX в. и в начале XXI учёные перешли «к созданию **многомерной модели языка**, к исследованию в нем феноменов разного порядка с включением в общую картину языковых фактов в различном (социальном, психологическом, культурном, биологическом, общем философском и любом другом их применении)» (с. 72).

¹ См. проблему экстраполяции методов у Ю. С. Степанова [Степанов 2009 : 243-300].

² См. Библиографию.

³ Там же.

Это обусловило возникновение и формирование **методов внешней лингвистики**: *наблюдения в клинических условиях, социологические методики, экспериментальные методики, метод семантического дифференциала, методики анкетирования и тестирования, методы математической статистики, контент-анализ, анализ дискурса* (с. 70-76).

По мнению В.А. Звегинцева, «будущее как более полного понимания языка, так и увеличения возможностей для работы лежит в развитии **междисциплинарного общения** (выделено мной – З. К.)» [Звегинцев 1973 : 27], и как следствие расширения междисциплинарных исследований, для которых необходимо появление специфических «междисциплинарных методов исследования» [Пищальникова, Сонин 2009 : 31].

Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка (2004; 2006)¹

Авторы учебного пособия ставят перед собой задачу: «показать студенту-филологу длительную историю изучения языка, сложившееся к настоящему времени целостное представление о феномене языка <...>, методы и приёмы лингвистических исследований» (с. 3).

В соответствии с этим книга содержит три части: первая – «*История лингвистических учений*», в которой даётся очерк поступательного развития научных воззрений на язык (с. 7-133), вторая – «*Теория языка*» – центральная и самая значительная часть книги, в которой даются как традиционные, но остающиеся актуальными, так и новые темы общего языкознания (с. 134-420) и третья часть – «*Методы изучения и описания языка*» (с. 421-499).

В третьей части раскрываются две методологические проблемы: во-первых, даётся понятие о лингвистическом методе и, во-вторых, характеризуются основные лингвистические методы и их методики.

А. Т. Хроленко, рассматривая проблему метода (с. 421-432), исходит из двух употреблений термина *метод*. В широком, философском смысле метод – это путь познания и истолкования явления действительности, «способ построения и обоснования системы философского и научного знания; совокупность приёмов и операций практического и теоретического освоения действительности» [ФЭС 1987 : 387] (с. 423).

В узком смысле метод «представляет собой определённый подход к изучаемому явлению, систему положений, научных чисто технических приёмов и процедур, способствующих целенаправленному изучению объекта с определённой точки зрения» (с. 424).

Иначе говоря, философский метод отличается от научно-исследовательского (выделено мной – З. К.) той или иной науки «своей широтой: он является достоянием всех наук, изучающих природу, общество и человека, поскольку позволяет обнаружить наиболее общие, глубинные закономерности мира»

¹ Авторы пособия: *Александр Тимофеевич Хроленко* (1938 г.р.) – специалист в области лингвофольклористики и теории языка. *Василий Данилович Бондалетов* (1928 г.р.) – специалист в области социолингвистики и внутренней лингвистики.

Автор подчеркивает, ссылаясь на А. Н. Уайтхеда, что «только философского метода, каким бы истинным он ни был, недостаточно, так как конкретное познание требует более частных, специальных методов, число и специфика которых обуславливается уже не общим философским взглядом на действительность, а объектом той или иной науки и её предметом» (с. 425).

Итак, методы различаются уровнем: а) общенаучные; б) специально-научные; в) конкретно-проблемные (с. 427).

Автор считает, что «наличие значительного количества исследовательских методов требует, во-первых, уточнения самого понятия «метод в языкознании» и, во-вторых, ставит вопрос о классификации методов (выделено мной – З. К.). Оба эти вопроса тесно связаны друг с другом и **до сих пор не решены современной лингвистикой**» (выделено мной – З. К.).

Методологически важным является тезис авторов о том, что «характеристика методов должна предваряться уточнением исходных понятий: 1) понятие базы, 2) понятие специализации, 3) понятие аспекта, 4) понятие методики» (с. 429).

Базой метода может быть один язык или совокупность языков (с. 429).

Под аспектами метода понимаются исследуемые стороны языка, его структурные особенности или функциональные свойства (с. 430).

Методика представляет собой включение приёма в процедуру исследования (с. 430).

Реализация метода немислима без использования технических приёмов (выделено мной – З. К.): изучение литературы, накопление картотек, составление диаграмм, таблиц, беседа и информантами и т. п. (с. 430).

Обобщая, авторы подчеркивают, что «метод является сложной совокупностью цели, базы, специализации, аспекта и методик» (с. 430). К этому перечню следует добавить ещё и технические приёмы, применяемые в исследовании.

Подавляющая часть страниц этого раздела посвящена решению второй методологической проблемы – характеристике основных лингвистических методов. При этом авторы не называют своё основание для классификации описываемых методов. Однако сам способ расположения материала в публикации, и некоторые косвенные указания (например, при характеристике описательного метода указывается, что он является «наиболее древним методом языкознания» (с. 432); «Исторический метод освещает этапы развития языка в их хронологической последовательности» (с. 241)) свидетельствует, что таким основанием является хронологическая периодизация языкознания. Итак, в этом разделе характеризуется: 2¹. *Описательный метод*: 2.1. Понятие об описательном методе. 2.2. Полевая лингвистика. 2.3. Методика лингвистического эксперимента. 3. *Таксономический метод*. Методика коммутационной проверки. Методика анализа по непосредственно составляющим. 4. *Лингвогенетические методы*. 4.1. Исторический метод. 4.2. Сравнительно-исторический ме-

¹ Под цифрой 1 авторы дают понятие о лингвистическом методе.

год. Методика относительной хронологии. Методика глоттохронологии. 5. *Типологический метод*. 6. Методика количественного анализа.

Алефиренко Н. Ф.¹ Современные проблемы науки о языке (2-е изд. 2009)

Научное кредо этой книги: ознакомить лингвиста-исследователя с многополярным миром лингвистических идей, школ и направлений, т. е. с формированием лингвистической теории, и, во-вторых, обсудить методологические проблемы современного языкознания, т. е. в первую очередь – её метода.

Первая задача реализуется автором в трех частях этой книги: 1) теоретические основы развития современного языкознания (с. 17-163); 2) современные лингвистические теории (с. 164-238); 3) интерлингвистические теории (с. 239-313).

Решению второй задачи посвящена четвёртая часть книги «*Методологические проблемы современного языкознания*» (с. 314-397).

Связь между первым и вторым разделами очевидна: «накопление фактических знаний о языке создавало условия для их классификации и систематизации, что, в свою очередь, требовало разработки соответствующего метода» (с. 395).

Как продвигаться от первого (теории) ко второму (методу), преодолевая все «лингвистические лабиринты»?

Выход Н. Ф. Алефиренко видит «в соблюдении незыблемого принципа любого исследования – принципа системной методологии. Чтобы этот принцип стал основополагающим и функциональным, необходимо осмыслить сущность таких понятий, как методология, системная методология, метод...» (с. 324).

Лингвистический метод – совокупность исследовательских приёмов, методик и операций, используемых для достижения исследовательских задач в соответствии с определённой лингвистической теорией и принципами (методологией) познания (с. 395).

Как видим, уже в определении заключена связь метода с методологией.

Лингвистическая методология представляет собой совокупность исходных принципов, которыми руководствуются лингвист на различных этапах исследования, начиная с определения его целей и заканчивая формулированием выводов и обобщений (с. 318).

В лингвистической методологии Н. Ф. Алефиренко предлагает выделять **три уровня**: 1) общую для всех наук философскую доктрину; 2) общенаучную философию, применяемую в группе наук; 3) частную методологию, специфичную для одной науки (с. 319).

Итак, системную методологию современной лингвистики образуют те сферы научного поиска, которые объективно идентифицируют предмет исследования, указывают на его способы и аспекты, формулируют принципы и правила систематизации знания и критерии ценности (с. 328).

¹ *Николай Федорович Алефиренко* – специалист в области теории языка, функциональной лексикологии, фразеологии и методологии языкознания.

Иначе говоря, системная методология выполняет четыре основные функции:

- *первая* – определение предмета исследования (исходные позиции в понимании данного явления, его отношение к смежным явлениям, отграничение от них);
- *вторая* – определение цели исследования;
- *третья* – разработка (подбор) системы методов для данного исследования;
- *четвертая* – оценка степени соответствия результатов проведённого исследования поставленным целям (с. 320).

В соответствии с разработанной системной методологией Н. Ф. Алефиренко характеризует три основных метода, прошедших проверку временем и детально проанализированных учёными: *методы компаративистики* (гл. 15), *структурные методы* (гл. 16) и *лингвостатистический метод* (гл. 17).

Итак, методологическую концепцию Н. Ф. Алефиренко можно рассматривать как постановку проблемы системной методологии и введение в неё.

Карлинский А. Е.¹ Методология и парадигмы современной лингвистики (2003; 2009)

В предисловии А. Е. Карлинский указывает, что «настоящая работа не преследует цели дать исчерпывающее описание всех методов и приёмов лингвистического анализа, а только о наиболее разработанных и положительно зарекомендовавших себя на практике способах анализа, которые и сейчас могут быть использованы при решении аналогичных задач (с. 8).

Свой поиск систематизирующего начала А. Е. Карлинский выразил уже в самом названии работы, сделав заявку на парадигмальный подход.

В этой работе под лингвистической парадигмой понимается «совокупность идей и теорий, выдвинутых разными авторами в различное время, которые посвящены одной общей проблеме теории языка и рассматриваются как образец решения исследовательских задач. Например, **сравнительно-историческая парадигма** (компаративистика) – теория возникновения языка (праязык) и законы языковых изменений с древнейшей поры до наших дней (история языка); **системно-структурная парадигма** – рассмотрение языка как системы уровней и планов в статике; **парадигма порождающей грамматики** – изучение правил возникновения глубинных и поверхностных структур, законов связи языка и речи; **антропоцентрическая парадигма** – рассмотрение всех языковых проблем сквозь призму особенностей человеческого организма, обладающего по природе когнитивно-коммуникативной системой, определяющей все виды человеческой активности и др. Совокупность всех исследовательских парадигм определяет специфику всей науки о языке» (с. 29-30).

Приведён целиком фрагмент работы, раскрывающий авторское понимание *парадигмы* и номенклатуры парадигм.

¹ *Аврам Ефремович Карлинский* (1923 г.р.) – специалист в области теории языковых контактов и двуязычия, теории языка, германистики, славистики и лингводидактики.

Далее же, к сожалению, наше ожидание описания методов и приёмов, характерных каждой из обозначенных парадигм, не оправдалось, т.к. дальше автор даёт описание методов и приёмов в соответствии со структурой лингвистики: гл. IV – методы и приёмы внутренней лингвистики в диахронии; гл. V – методы и приёмы внутренней лингвистики в синхронии; гл. VI – методы и приёмы внешней лингвистики; гл. VII – методы и приёмы прагмалингвистики; гл. VIII – методы математической лингвистики в лингвистических исследованиях; гл. IX – методы и приёмы прикладных лингвистических исследований, в которой раскрываются некоторые приёмы обучения неродному языку и гл. X – посвящена культуре работы учёного.

Во второй части пособия – *компендий антропоцентрической лингвистики* – содержит шесть работ автора по этой проблематике.

Таким образом, заявка автора на парадигмальный подход не оправдалась, хотя работа содержит достаточно глубокое описание ряда методов, приёмов и процедур лингвистики в принятом аспекте.

Подведём итоги

1. Проблемный анализ избранных работ свидетельствует о дискуссионности практически всех методологических проблем языкознания, что обусловлено осознанием «многокачественности» [Алефиренко 2009 : 48] и антиномичности (Вильгельм фон Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Фердинанд де Соссюр, Ш. Балли, А. Сеше, Н. В. Крушевский, М. В. Панов, Н. А. Слюсарева, А. А. Гируцкий...) онтологии языка как объекта и предмета исследования.

2. Произошла узуализация трехчастного строения метода, с одной стороны, но стала очевидной его ограниченность, – с другой стороны.

3. Осознана необходимость создания системной методологии лингвистики, и осуществлена постановка проблемы.

4. Постановка проблемы обусловила поиск её решения, который на данном этапе (первое десятилетие XXI века) может рассматриваться как только создание предпосылок и истоков системной методологии.

4. Принципы, основные постулаты¹ и концепты системной методологии языкознания

Первый принцип и постулат – антропоцентризм, который состоит 1) во включении языковой личности в объект науки о языке «как такой концепции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов 1987 : 16; Кубрякова 1995 : 2007; Гринёв-Гриневич, Сорокина 2008 : 15]; 2) в познавательной деятельности субъект познания (действующий человек) [Лебедев 2008 : 501; Бабосов 2009 : 18]² – основной компонент познавательной ситуации; 3) антропный принцип Вселенной [Вернадский 1991 : 80; Князева 2006 : 24; Черниговская 2004; 2005 и др.].

¹ Под постулатом понимается основное положение теории, из которого логически вытекают другие существенные положения, и которое само в этой теории либо не доказывается и принимается как данное, либо, напротив, постепенно разъясняется, раскрывается и доказывается [Степанов 1975 : 254]. Здесь принимается первое значение, как синоним *аксиоме*, а второе будет рассматриваться далее в главах пособия.

² Приведём в подтверждение слова только одного, но великого учёного: «Наука – это способ жизни людей, чья единственная цель состоит в личном открытии истины или подготовке всего необходимого для её открытия следующими поколениями» [Пирс 1978. II : 240].

Второй принцип и основной методологический постулат – деятельностный, поскольку деятельность является **универсальной** формой существования человека в мире¹. Кроме *универсальности* строения, важное значение имеет деятельность как объясняющая модель сфер человеческой активности [Белоусов, Блазнова 2005 : 5]. Под деятельностью обычно понимается процесс человеческой активности в его взаимодействии с окружающим миром, для достижения определённых целей, а потому вне человеческой деятельности не существует ни сам язык, ни его познание. **Познавательная** деятельность направлена на получение объективных и точных знаний о сущности предметов и явлений окружающего мира и о законах природы и общества [Новая философская энциклопедия 2010.2 : 554]², согласно *праксеологии* (раздел философии, рассматривающий общую теорию деятельности)³ и *праксеологии науки* (раздел философии, предметом которой является изучение науки как деятельности)⁴.

Третий принцип и постулат – системный⁵. 1) представление изучаемого объекта, явления и т. п. в виде целостной системы, обладающей системными качествами и проведение определённых операций с этим объектом-системой; 2) многоаспектное описание одного и того же объекта, т. е. выделение у него разных предметов (предмет-система), соотносящихся с различными научными областями, и последующий синтез результатов разнопредметного исследования объекта; 3) установка на системность мышления исследователя и различения объекта-феномена и объекта-системы, т. е. модель этого объекта-феномена [Щедровицкий 1999 : 70-83].

Центральным понятием системного, а точнее системно-деятельностного анализа являются концепты⁶ система и структура, неоднозначно понимаемые в языкознании [сравни: Солнцев 1971 : 125 и Мельников 2003 : 68].

Четвёртый принцип и постулат – дискурсивность познавательной деятельности. Определение дискурса⁷ как опосредованного познания сфор-

¹ Существуют различные классификации видов человеческой деятельности. Так, среди основных предметных видов выделяют практическую (трудовую), познавательную и духовную деятельность. Среди основных видов познавательной деятельности в зависимости от используемых средств различают: эмпирическую и теоретическую, дискурсивную и интуитивную, рассудочную и разумную и т. д.

² В многотомном источнике после года издания указывается том, в котором помещена данная работа.

³ См. первую главу.

⁴ См. вторую главу и седьмую главу (раздел 7.1.).

⁵ Адресуем читателя к трудам по системным исследованиям и общей теории систем А. А. Малиновского, В. Н. Садовского, В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева, Э. Г. Юдина, А. И. Яблонского, а также в языке – А. Г. Волкова, В. М. Солнцева, В. А. Карпова, Г. П. Мельникова и др. См. Библиографию и пятую главу.

⁶ Термин *концепт* используется в нашей работе в его первичном значении: от лат. *conceptus* – «*понятие, представление*», т. е. так, как он используется и сейчас в науке и философии: относительно самостоятельный структурный компонент (общее понятие) какой-либо теории [Канке 2008 : 115] или понятие, выражающее сущность какой-либо научной или философской теории [Лебедев 2008 : 410], но не в том значении, в котором этот термин используется в когнитивистике.

⁷ Дискуссионному осмыслению понятия *дискурс* посвящена огромная отечественная и зарубежная литература. Чтобы объяснить причину такой дискуссионности приведём лишь одно очень показательное высказывание: «*Между системой языка и её речевой реализацией существует некоторое третье пространство, которое И. Тодоров назвал «пропастью неопределённости, а современная наука именуется дискурсом»* [Алефиренко 2009 : 245].

мировалось ещё в античных теориях. Термин дискурсивный встречается у Фомы Аквинского, который считал, что «дискурсивный интеллект – это такой, в котором одно познаётся через посредство другого» [Цитируется по: Алексеева, Мишланова 2002 : 85]. В нашем исследовании дискурс представляет собой целенаправленное, профессионально обозначенное речемышление учёного, в ходе которого рождается, формируется и формулируется новое знание, стимулируемое научным концептом [Ракитина 2009 : 413].

Пятый принцип и постулат – парадигмальность vs непарадигмальность познания языка/речи. Под парадигмальным понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течении определенного времени дают модель постановки проблем и их решений», которые являются «источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения» [Кун 1977 : 31]. К непарадигмальным относятся новаторские нетрадиционные способы познания лингвистической деятельности, которые не вписываются в рамки общепринятых концептуальных схем, проблемных ситуаций и стандартов их решения. Они «разрывают» каноны существующих теорий, понятий и представлений, требуя новых подходов и методов лингвистического поиска [Алефиренко 2009 : 28].

Шестой принцип и постулат – статистико-комбинаторный, «включающий количественно-качественную структуризацию языкового материала» [Карпов 1991 : 18], поскольку «нужно признать объективную присущность языку количественных признаков, количественных характеристик» [Головин 1970 : 11], учитывая общефилософский принцип комплементарности количественной и качественной сторон любых объектов, в том числе – и языковых [Тулдава 1987 : 7]¹.

Следует отметить, что все эти принципы и постулаты, как видим, логически связаны и взаимообусловлены, но мы полагаем, что эта связь настолько органична, что позволяет ввести суперконцепт, синтезирующий обозначенные постулаты и являющийся «ядром» системной методологии лингвистики.

Необходимо сделать пояснение. В последние годы в металингвистику введены несколько суперконцептов. Коммуникативная ситуация как суперконцепт, соотносимый со знанием о коммуникативной (преимущественно вербальной) деятельности: «Все подструктуры, содержащие коммуникативно-регулятивную информацию, образуют органический сплав, они симбиотичны, весьма тесно взаимодействуют, а создаваемые ими конфигурации сугубо индивидуальны и предельно динамичны» [Боронин 2007 : 185].

Для абстрактной модели научного знания, которая акцентирует содержательную специфику научного текста введён суперконцепт – эпистемическая ситуация [Котюрова 1988; Баженова 2001] – «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих её онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и

¹ Названные постулаты следует дополнить ещё четырьмя: 1) о тождествах и различиях; 2) о синтагматике и парадигмах; 3) о синхронии и диахронии; 4) о времени-пространстве, выявленные Ю. С. Степановым [2007 : 301-305].

коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста (дискурса) и определяющих его стилевую специфику» [Баженова 2001].

Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий. Методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания, а также его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций и т. д. Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим.

При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Социально значимыми, а значит, наиболее важными, характеристиками знания являются степень его **достоверности, новизна и актуальность** – универсальные параметры оценки научной информации.

Рефлексивный компонент связан с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет индивидуальный стиль мышления, эмоциональные реакции на то или иное научное явление, а также активно утверждает свою личностную позицию в науке. Иными словами, рефлексия выявляет спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности.

Следует сказать, что личностно-психологическое начало, включающее персональный познавательный стиль, понимаемый «иерархически организованная, многосторонняя и гибко изменяющаяся форма интеллектуального поведения»¹, свойственно в большей степени самой научно-познавательной деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии, поскольку «отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но приводит к ощутимым потерям в содержательном плане» [Архангельская, 1980 : 66]. В связи с этим и можно утверждать, что «наука – это живая человеческая практика, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей» [Баженова, 2007 : 50].

Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. текстовые, так как научный текст – это узел, связывающий познание и общение. Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка.

Невозможно переоценить роль текста в научной коммуникации, поэтому приведем убедительное рассуждение Е. А. Баженовой: «Только текст, находясь

¹ Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 338.

на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия – одного учёного с другими и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, – способен обеспечить работу сложного механизма науки. Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме субъективного сознания индивида, она не является общезначимым социальным фактором и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа. Поскольку научное познание ориентировано на коммуникацию, то эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразующей деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным» [Баженова 2007 : 321].

В философии науки, в теории научного познания введён суперконцепт познавательная ситуация – «условия познания любого объекта, включающие следующие компоненты: 1) объект познания; 2) субъект познания; 3) средства познания» [Лебедев 2008 : 501], возможно шестизвенная структура [Бабосов 2009 : 19]¹.

Как видим, этот суперконцепт даёт лишь *формальную структуру* познавательной ситуации. Потому С. А. Лебедев считает, что «**содержание и результат познания** (выделено мной – З. К.), **в том числе и научного**» зависят не только от этих трёх компонентов [Там же : 501].

Существенно отметить, что все названные суперконцепты достаточно близки в методологическом отношении, но рассматриваются на разном материале, поэтому получают различную интерпретацию. На наш взгляд, суперконцепт эпистемическая ситуация (от греч. *episteme* – «знание») вполне может быть перенесён на познавательную ситуацию для её *содержательной интерпретации*. При этом эпистемическая ситуация рассматривается нами как **метамодел** познавательного процесса.

Эпистемическая ситуация позволяет уточнить структуру метода: ввести в трёхчастную структуру ещё один компонент – **технология**, в результате чего структура лингвистического метода стала не трёхчастной, что уже вошло в традицию, а **четырёхчастной**²:

методология ↔ метод ↔ методика ↔ технология.

Дефинируем эти основополагающие концепты³.

¹ См. раздел 2.4 пособия.

² Четырёхчастное строение метода, по-нашему мнению, не является случайным с лингвофилософских позиций. Мы опираемся на систему аргументации В. С. Юрченко и сформулированную им гипотезу о ещё одной лингвистической константе: «естественный человеческий язык в своей глубине представляет собой бинарную асимметричную оппозицию (3+1 или 1+3), заданную (существующую) на четырёхчастной основе» [Юрченко 2007 : 23-31]. Кстати, о переходе от двучленных классификаций, построенных по дихотомическому принципу, к многочленным, которые «гораздо сложнее, так как они сохраняют противоречивость и сложность развития языка», - писал и В. И. Кодухов [Кодухов 1974 : 5]. См. также: Мостепаненко 1966. Идею В.С. Юрченко о том, что число *четыре* является «лингвистической константой», поскольку внутренним содержанием всех фундаментальных ментальных структур и систем языка является четырёхчастная основа в бинарно асимметричном отношении (1+3 или 3+1), поддерживает В.В. Колесов в книге «*Философия русского слова*» [Колесов 2002 : 411].

³ Поскольку «в систематизациях познания **сущность** отображается через 1) **дефиниции**, 2) классификационные признаки и 3) модели» [Мигирин 2001 : 71], то мы, не вступая в дискуссию о полиморфизме всех этих терминов, которые потому и имеют множество определений [Гринёв-Гриневиц, Сорокина 2010 : 277-283], ограничимся дефинициями, которые, с нашей точки зрения, наиболее адекватны онтологии языка и современной методологической мысли о нём.

1. **Методология** [нем. Methodologie < греч. methodos – «путь вслед за чем-нибудь» + logos – «учение, наука»] – 1. Учение о принципах, основных путях, методах и способах познания языковой действительности; программа исследования. 2. Общая теория лингвистического метода.

2. **Метод** [греч. methodos – «путь вслед за чем-нибудь»] – совокупность исследовательских методик, приёмов и операций, т. е. средств исследования, используемых для достижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности.

3. **Методика** – процедура применения тех или иных методов и приёмов на всех этапах лингвистического исследования, которая зависит от личности лингвиста-исследователя.

4. **Технология** – фиксированная совокупность приёмов научно-практической деятельности, приводящая к заранее определённым результатам, включающая способы и средства описания получения нового знания и результатов лингвистического исследования как внешнюю форму методики, которая представляет собой операционно-технологическую процедуру.

Нетрудно увидеть, что четырехчастное строение метода было замечено уже В. И. Кодуховым, который в другой формулировке различал четыре понятия, выраженные термином метод: метод-аспект как способ познания действительности (т. е. методология); метод-приём как совокупность правил исследования; метод-методика как процедура применения метода-приёма и метод-способ (т. е. технология) – вербальная и невербальная форма описания методики [Кодухов 1974 : 213-217].

Введенный нами концепт технология поддерживается в логико-философских и науковедческих источниках, что обусловлено императивом нашей техногенной цивилизации, в которой «складываются социокультурные условия воспроизводства **технологий**. Создаются дисциплины, в которых **технология** осознаётся и осмысливается» [Новая философская энциклопедия 2010.2 : 554]¹.

При этом подчёркивается неопределённость и многозначность термина технология, что характерно периоду становления любого нового понятия. В связи с этим в разных источниках дефинируется 5-6 значений (например, в «Современном философском словаре» 2004 : 720), в том числе одно из нескольких в нашем понимании: «Технология (от греч. techne – «искусство, умение, мастерство» и logos – «учение, наука, слово...») – осознанная техника человеческой деятельности – индивидуальная или коллективная» [Новейший философский словарь 2008 : 542]. При этом А. Г. Войтов подчеркивает, что это «операциональный процесс деятельности людей, который позволяет получать одни и те же результаты всем людям, овладевшим технологией» [Войтов 2004 : 336].

Важно подчеркнуть, что в этой «тетрахотомии» центральным компонентом является **метод** как специфический способ познания. Он подкрепляется с

¹ К примеру защищены многочисленные диссертации по проблемам педагогических *технологий*, которые обобщены в ряде изданий: Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2-х т. – М., 2006 (I т. и II т. по 816 с.).

двух сторон: **методологией**, которая осмысляет границы его применения, его сущность, способы взаимодействия между субъектом и объектом в познавательной деятельности и т. д., а, с другой стороны, – **методиками** – конкретными способами реализации методов, связанными с определённым материалом [Пищальникова, Сонин 2009 : 43].

Необходимо обратить внимание ещё на один момент взаимодействия всех четырёх концептов в этой эпистемической цепочке: первые три компонента служат для выражения **процедуры открытия знания** (по Ю. С. Степанову), т. е. являются *стратегией* и *тактикой* получения нового знания в исследовании в зависимости от его цели и задач, а четвёртый компонент – технология служит в основном для **изложения полученного знания** (по Ю. С. Степанову), хотя следует подчеркнуть, что он участвует и в добывании научного знания.

Иначе говоря, структура этой эпистемической цепочки концептов, раскрывающей строение метода, является своеобразным подтверждением, ещё одним аргументом, поддерживающим гипотезу В. С. Юрченко, т. е. представляет собой бинарную асимметричную оппозицию: 3 + 1.

Таковы в кратком изложении основные предпосылки и истоки лингвистической методологии и наше понимание структуры метода, сущность которых далее будет последовательно, в соответствии с четырёхчастной структурой метода, раскрываться в четырёх частях этого учебного пособия.



Часть первая
**Системная лингвистическая методология:
основания и характеристика деятельности**

Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания

Готфрид Лейбниц¹

Как было уже сказано во Введении, лингвистическая методология представляет собой многоуровневую иерархическую систему. В большинстве проанализированных источников называется три уровня: философская, общенаучная и частнонаучная методология.

При этом методология рассматривается в двух срезах: теоретическом и практическом. В первой части попытаемся раскрыть если не все, то хотя бы основные слагаемые системной лингвистической методологии. Начнём, естественно, с дискуссионного основания – философии и философии науки, чтобы дать ответ на вопрос, зачем лингвисту-исследователю нужна философия и в чем состоит философский уровень системной лингвистической методологии.

Глава 1
**Философия и философия науки как источники
и составные части лингвистической методологии**



*Наука заимствует свои принципы
и начала из философии.*

Рене Декарт²

Не случайно, начиная анализ философского компонента в лингвистической методологии, мы подчеркнули дискуссионность вопроса. Дело в том, что в истории науки и в её современном состоянии существует два противоположных мнения в роли философии в добывании нового знания. Ещё Ф. Энгельс писал о том, что «естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят её» [Энгельс 1982 : 148]. Известный физик Ричард Фейнман в одной из лекций заявил: «Эти философы всегда топчутся около нас, они мельтешат на обочине науки, то и дело порываясь сообщить нам

¹ *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1648-1716) – выдающийся немецкий философ, логик, математик, физик, биолог, языковед, юрист и изобретатель.

² *Рене Декарт* (1596-1650) – выдающийся французский философ, математик и физик; создатель рационалистического метода в учении о познании и методологии познания. В основе философии Декарта – дуализм души и тела; автор учения о врожденных идеях.

что-то. Но никогда на самом деле они не понимали всей глубины и тонкости наших проблем» [Фейнман 1965 : 24].

Напротив, вся книга зачинателя квантовой механики Вернера Гейзенберга повествует о его «встрече с философией» и её роли в формировании философского мышления¹ и его «методологического принципа». О том, как он «осознал тот факт, что занятие физикой – нечто большее, чем суммирование определённого числа удачных вычислений...; понял, что нуждается в философии, которой мог бы руководствоваться в дальнейшей работе», – писал Вернер Гейзенберг Нильсу Бору после получения Нобелевской премии «За построение квантовой механики» [Гейзенберг 2006 : 559].

Примеров таких множество. Вильгельм фон Гумбольдт, основоположник теоретического языкознания в мировой науке, как известно, дружил не только с Ф. Шиллером, И. Гёте, но и с Георгом Гегелем, потому его теория сложилась под большим влиянием философской концепции Гегеля, более того, он вошел в историю науки ещё и как философствующий учёный. Примем утверждение о том, что «попытки изолироваться от философского влияния при построении тех или иных лингвистических концепций являются весьма иллюзорными», потому, что «методология в лингвистике – это конкретное философское мировоззрение (выделено мной – З. К.), определяющее пути и способы осмысления и познания языка» [Алефиренко 2009 : 316].

Прежде всего с философских позиций обозначим соотношение философии, философии науки и методологии науки.

1.1. О соотношении философии, философии науки и методологии



Философия (от греч. *phileo* – «люблю» и *sophia* – «мудрость») – любовь к истине – таково её одно из первых значений, которое содер­жится в сократовской школе [Философский энциклопедический словарь 1999 : 481].

Большинство источников по классической философии, когда она призна­валась «царицей наук», «наукой наук», характеризует её как науку *о всеобщих законах развития природы, общества и мышления*, а также как *общую методо­логию познания и форму общественного сознания, направленную на выработку мировоззрения*.

Исторически сложились основные разделы философии: онтология (учение о бытии как таковом); гносеология (общая теория познания); логика, этика и эстетика [Советский энциклопедический словарь 2002 : 1425].

Из множества функций философии: *онтологических, гносеологических, методических, логических, аксиологических (ценностных), праксеологических (деятельностных), эстетических и др.* в качестве основных выделяют три: *гносеологическую, методологическую и онтологическую* [Войтов 2004 : 132] как

¹ О роли для начинающего исследователя умения *философствовать*, т. е. приобрести философское мышление, поскольку «философствование совершенно неотделимо от **научности**» [Гегель 1975 : 18], см. учебное пособие для аспирантов А. Г. Войтова «История и философия науки» (2004).

наиболее востребованные современной теорией познания, которая в первом десятилетии XX века понимается как «раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности» [Новая философская энциклопедия 2010.4 : 47].

Во второй половине XX века из философии выделилась в качестве самостоятельной философской науки – философия науки, рассматриваемая как «прикладная философия» [Лебедев 2008 : 140] или как теория науки [Кохановский и др. 2008 : 7; Хрусталёв 2009 : 146]¹.

Примерно в это же время выделилась методология как наука о построении человеческой деятельности [Современный философский словарь 2004 : 391; Новая философская энциклопедия 2010.2 : 554].

В наши дни существует сложное взаимодействие этих дисциплин, обусловленное характером самого познания как такового и пониманием онтологии этих дисциплин на современном уровне философской мысли. Это взаимодействие дано в таблице 1.

Таблица 1

Взаимодействие философии, философии науки и методологии

Философия	Философия науки	Методология
<p>Ф. – теоретическая форма мировоззрения, сосуществующая в человеческой культуре наряду с другими формами мировоззрения (обыденным опытом, религией, мифологией, искусством) [Лебедев 2008 : 133].</p> <p><i>Предмет философии</i> – рациональная форма мировоззрения, включающая в себя три основные структуры:</p> <p>1) общую теорию бытия (в частности, общие представления об окружающем человека объектом мире – Космосе); 2) общую теорию человека, включающую</p>	<p>Ф.н. – дисциплина, предметом которой являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассматриваемых в исторически изменяющемся социокультурном контексте [Стёпин, Горюхов, Розов 1996 : 9].</p> <p>Ф.науки – область прикладной философии, предметом которой является общая структура, закономерности функционирования и развития науки как сис-</p>	<p>М. – общая теория предметно-практической и познавательной деятельности человека, их специфики и взаимосвязи [Лебедев 2008 : 56].</p> <p>М. науки – раздел общей методологии познания, а также часть теории научного познания как учение о методах, средствах и процедурах научной деятельности [Лебедев 2008 : 57].</p> <p>М. – тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различ-</p>

¹ Существует ещё утверждение, что философия науки – это **аналитическая эпистемология**, или **аналитическая философия** [Рорти 1997 : 127; Никифоров 1998]. Термин философия науки впервые появился в работе Е. Дюринга «Логика и философия науки» (Лейпциг, 1978).

<p>в себя общую теорию <i>сознания и познания</i>; 3) общую теорию отношения человека к миру, т. е. структуру <i>мировоззрения</i> [Лебедев 2008 : 105].</p>	<p>темы научного знания, когнитивной деятельности, социального института, основы инновационной системы современного общества [Лебедев 2008 : 140].</p>	<p>ных сферах духовной и практической деятельности [Новая философская энциклопедия 2010.2 : 553]. Понимание М. как науки о методах мышления, когда-то весьма плодотворное сегодня отходит на второй план [Там же : 554].</p>
--	--	--

В дополнение к таблице считаем важным пояснить ещё два момента.

Во-первых, сложность отношений методологии и философии определяется тем, что, безусловно, методология может трактоваться с позиций философии, а философия может характеризоваться в рамках некоей обобщенной методологии.

Двусмысленность этой ситуации объясняется исторически: пока в науке доминировала вера в незыблемые стандарты, философия описывалась и оценивалась в терминах общей методологии познания (см. таблицу 1).

Но поскольку в XX веке познавательные стандарты обнаружили свою зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта, постольку в основаниях методологии появились социальные, человеческие, культурные, исторические и т. д. «измерения» и потребовалось их социальное философское осмысление¹.

Более того, если появились сомнения в пользе общей философии, которая в обобщенном виде представляет положения философии базовых наук (математики, физики, химии, языкознания...) для частнонаучного знания [Канке 2008 : 264; Марков 2011 : 18], то специальная философия науки, частнонаучная, вне всякого сомнения, принята на «вооружение» специалистами разных наук [Канке 2008 : 258-281; Марков 2011 : 18], поскольку в ней осуществляется синтез философского и частнонаучного знания.

Во-вторых, считаем необходимым сделать терминологическое пояснение для того, чтобы читатель этого пособия мог верно и точно понять содержание новых книг и словарно-справочной литературы по философии.

Речь идёт о содержании терминов гносеология (от греч. *gnosis* – «познавание», «познание», «знание») и эпистемология (от греч. *episteme* – «умение», «искусство», «опытность», «знание»). В философии они либо отождествляются, опираясь на этимологию [Канке 2010 : 356], либо различаются: *гносеология* как общая теория познания и *эпистемология* как теория *научного познания*, что дошло до наших дней [Поппер 1983; Лебедев 2008 : 14; 156]. В постнеклассической философии это различие значительно расширилось: под

¹ В связи с этим выделяют специфику классической, неклассической и постнеклассической методологии [Лебедев 2007, 2008; Кохановский и др. 2008; Хрусталёв 2009; Канке 2010; Новейший философский словарь 2007; Новая философская энциклопедия 2010.2 : 553-557].

эпистемологией стали понимать «научно-познавательную деятельность и её исследование» [Лебедев 2008 : 15]. Иначе говоря, современная эпистемология, в отличие от традиционной теории познания, непосредственно опирается на опыт (результаты) конкретных наук, а также наук, изучающих сознание человека (*human mind*) и его нейрофизиологическую основу – мозг человека (*human brain*) во всех их проявлениях, т. е. «вбираются» исследовательские результаты эволюционной биологии и генетики, нейрофизиологии, психологии, когнитивистики, антропологии, лингвистики, робототехники и др. [Хрусталёв 2009 : 83-97].

Более того, эпистемология как эволюционная теория познания и знания объясняет когнитивные феномены и описывает эволюционный характер когнитивного процесса [Хрусталёв 2009 : 89].

Вот почему авторы «*Новой философской энциклопедии*» в четырёх томах не дают отдельных словарных статей на два этих термина, а отсылают к статье «*Теория познания*», автор которой видный отечественный философ-специалист по теории познания В. А. Лекторский включает оба термина в теорию познания, чтобы показать этим характер современного познания «во всем многообразии его форм и типов», для чего необходимо изучать научное знание в его взаимодействии с до-научным и вне-научными формами знания... [Новая философская энциклопедия 2010.4 : 52].

1.2. Философские принципы современного познания

Одной из основополагающих проблем философии, философии науки и методологии является выявление принципов познания.

Принципы познания – это основополагающие концепты, нормативные общие высказывания, содержащие определённые требования к осуществлению познавательной, практической и духовной деятельности [Лебедев 2008 : 509].

Основные принципы сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Философские принципы познания

Принципы	Содержание принципа
п. антропоцентризма	Человек как субъект и объект познания
п. системности	Требование смотреть на любой предмет познания как на систему, функционирование которой подчиняется общим закономерностям существования и эволюции системных объектов.
п. инвариантности	Неизменность, сохраняемость, бинарная оппозиция категории <i>изменчивости</i> .
п. относительности	Любая теория имеет вполне определённое содержание, но именно поэтому и вполне конкретную, а не универсальную, когнитивную, «разрешающую» силу.
п. относительности к средствам наблюдения	Все исходы измерений являются результатом взаимодействия изучаемых явления и средств наблюдения

	ния.
п. операционной относительности	Положения теории должны быть доведены до такой стадии, когда оказывается возможным их практическое использование.
п. дополнителности	Данные различных экспериментов дополнительные, но только тогда, когда они интерпретируются посредством одной и той же теории.
п. редукционизма (умеренного)	Сведение многого к единому, сложного к простому, случайного к закономерному, явлений к сущности одних законов к другим.
п. простоты	Методологический критерий отбора наиболее предпочтительной из конкурирующих научных гипотез (теорий, фактов...), исходя из меньшего количества допущений, т. е. содержательно более простой при одинаковой объяснительной силе.
п. наблюдаемости	Методологические требования предъявления эмпирической информации о любом реальном объекте как действительно существующем (путём хотя бы опосредованного наблюдения с помощью приборов или соответствующих расчётов)
п. наглядности	Все концепты должны обладать объективными, причем легко наблюдаемыми аналогами.
п. экстремальности	Максимальное или минимальное значение некоторого свойства из всех возможных значений.
п. изоморфизма	Взаимно-однозначное соответствие элементов двух множеств, когда элементу одного множества соответствует один элемент другого множества и наоборот.
п. красоты	Нахождение таких пропорций в исследуемом объекте или такое их полагание в будущем проекте, которое вызывает эстетическое восприятие, чувство гармонии, красоты.
п. ответственности	Ученые должны добровольно брать на себя обязательство за своё и общества благоприятное будущее.
п. историзма	Учёт эволюции познаваемого объекта во времени и в единстве его свойств.
п. детерминизма	Происхождение важного явления можно объяснить определенными причинными факторами.
п. достаточного основания	Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания.
п. научной актуальности	Соотносительность старой и новой теории асимметрична: более совершенная новая позволяет интерпретировать старую, но не наоборот.

п. симметрии	Методологический и эвристический принцип, согласно которому всегда необходимо стремиться к обнаружению некоторых инвариантов.
п. соответствия теорий	Теории, справедливость которых установлена, с появлением новых не устраняются, а сохраняются как предельная форма и частный случай новых теорий.

Примечания к таблице 2

1. Принцип *системности* имеет важное эвристическое значение в науке, т.к. позволяет при характеристике любого объекта как системы экстраполировать на него общие системные закономерности.

2. Принцип *инвариантности* позволяет реализовать отношения важных компонентов: *форма, покой, структура, абсолют, неизменность, изменчивость* и др.

3. В философии науки признание принципа *относительности* нашло своё наиболее четкое выражение в теории парадигм Т. Куна и в идее принципиальной несоизмеримости сменяющих друг друга фундаментальных теорий.

4. Принцип *относительности к средствам наблюдения* был открыт впервые в квантовой механике (Н. Бор). Он требует чёткой фиксации той отборной базы познания, на основе которой были получены определенные результаты наблюдения и эксперимента.

5. Принцип *операциональной относительности* ставит заслон голословным утверждениям в области экспериментальных наук и теорий (например, в психолингвистике).

6. Принцип *дополнительности* – один из фундаментальных принципов квантовой механики, сформулированный Н. Бором, но был перенесён и на познание других объектов, имеющих противоречивую и сложную природу.

7. *Редукционизм* – одна из общих исследовательских стратегий по обеспечению синтеза научного знания.

8. Принцип *простоты*, как показывает история науки, не является единственным при выборе научным сообществом наилучшей теории, а дополняется другими критериями предпочтения, например, практическая эффективность, предсказательная сила и др.

9. Принцип *наблюдаемости* исключительно актуален, но его не следует абсолютизировать.

10. Принцип *наглядности* принимается не всеми. Часть исследователей считают его несостоятельным [Канке 2010 : 357], хотя он часто называется в научной литературе. Этот принцип (по Канке) является результатом абсолютизации принципа наблюдаемости и недооценки значимости научной теории.

11. Принцип *экстремальности* актуален для многих наук, хотя проявляется он очень специфично, например, в физике руководствуются способом наименьшего действия, а в экономике – максимализации полезности.

12. В таком случае говорят о равноценности множеств или их количественной тождественности, важен для метода моделирования.

13. Принцип *красоты* связан с принципом редукционализма, имеющего эстетическую природу. Современная наука прямо и косвенно реализует этот принцип. Хочется привести пример совсем «свежей» работы: О. А. Алимурдова, М. А. Каратышова «*Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения*» (Пятигорск: СНЕГ, 2010. – 140 с.)

14. Принцип *ответственности* становится в науке все более значимым, т.к. имеет ярко выраженный этический характер.

15. Особенно большое значение принцип *историзма* имеет для теорий социальных и гуманитарных наук.

16. В наши дни считается, что принцип *детерминизма* применяется лишь вероятно.

17. Выдвинул Г. Лейбниц относительно логики, но он имеет многофункциональное значение.

18. Принцип *научной актуальности*, важен для метода *верификации* и *фальсификации*.

19. Принцип *симметрии* проявляется сильнее в математических и физических дисциплинах и в меньшей степени в общественных науках.

20. Принципы *соответствия теорий* ввел Н. Бор, но он более значительно проявился в *специальной теории относительности*.

1.3. Уровни научного познания и знания

Проблема уровней, т. е. подсистем, научного познания и научного знания – одна из главных тем и глобальных проблем философии, философии науки и методологии науки. Традиционно принято выделять два основных уровня: эмпирический и теоретический. С. А. Лебедев обосновывает «по крайней мере трёхуровневую модель познания и знания» [Лебедев 2010 : 62], т. е. помимо двух названных, в основе которых лежит противопоставление двух видов рационального познания и знания [Смирнов 1964], выделяет ещё третий уровень – метатеоретический.

Если обратим внимание на слова С. А. Лебедева «*по крайней мере*», то понимаем, что он не исключает возможность выявления и других уровней. Такие попытки со стороны исследователей естественнонаучного и технического знания уже есть: так, В. А. Тихонов и В. А. Ворона предлагают выделять ещё и экспериментально-теоретический уровень [Тихонов, Ворона 2009 : 47], а Ю. М. Хрусталёв – технологический, поскольку «осмысление научных технологий становится особым философским направлением» [Хрусталёв 2009 : 223].

С нашей точки зрения, экспериментально-теоретический – это промежуточный уровень между эмпирическим и теоретическим, а технологический включается как в теоретический, так и эмпирический, поэтому нам более обоснованной и принятой в наши дни представляется трёхуровневая модель С. А. Лебедева, поддержанная и другими философами и науковедами.

1. Специфика эмпирического уровня и его формы

На эмпирическом уровне преобладает живое созерцание (чувственное познание), рациональный момент и его формы (суждения, понятия и др.) здесь присутствуют, но имеют подчиненное значение. Поэтому исследуемый объект отражается преимущественно со стороны своих внешних связей и проявлений¹, доступных живому созерцанию и выражающих внутренние отношения. Сбор фактов, их первичное обобщение, описание наблюдаемых и экспериментальных данных, их систематизация, классификация и иная фактофиксирующая деятельность – характерные признаки эмпирического познания.

Эмпирическое, опытное исследование направлено непосредственно (без промежуточных звеньев) на свой объект. Оно осваивает его с помощью таких приемов и средств, как *описание, сравнение, измерение, наблюдение, эксперимент, анализ, индукция*, а его важнейшим элементом является *факт* (от лат. *factum* – сделанное, свершившееся).

Любое научное исследование начинается со сбора, систематизации и обобщения фактов. Понятие факт имеет следующие основные значения: 1. Некоторый фрагмент действительности, объективные события, результаты, относящиеся либо к объективной реальности («факты действительности»), либо к сфере сознания и познания («факты сознания»). 2. Знание о каком-либо событии, явлении, достоверность которого доказана, т. е. синоним истины. 3. Предложение, фиксирующее эмпирическое знание, т. е. полученное в ходе наблюдений и экспериментов [Кохановский и др. 2008 : 171; Канке 2008 : 253; Лебедев 2008 : 560].

Второе и третье из названных значений резюмируются в понятии научный факт. Последний становится таковым тогда, когда он является элементом логической структуры конкретной системы научного знания, включен в эту систему. Данное обстоятельство всегда подчеркивали выдающиеся ученые. «Мы должны признать, – отмечал Н. Бор, – что ни один опытный факт не может быть сформулирован помимо некоторой системы понятий» [Бор 1961 : 114].

Луи де Бройль писал о том, что «результат эксперимента никогда не имеет характера простого факта, который нужно только констатировать. В изложении этого результата всегда содержится некоторая доля истолкования, следовательно, к факту всегда примешаны теоретические представления [Бройль 1962 : 164].

А. Эйнштейн считал предрассудком убеждение в том, что будто факты сами по себе, без свободного теоретического построения, могут и должны привести к научному познанию. Собрание эмпирических фактов, как бы обширно оно ни было, без «деятельности ума» не может привести к установлению каких-либо законов и уравнений [Эйнштейн 1965].

В понимании природы факта в современной методологии науки выделяются две крайние тенденции: *фактуализм* и *теоретизм*. Если первый подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то второй, напротив, утверждает, что факты полностью зависят

¹ Иногда утверждают, что эмпирическое познание отражает лишь внешние свойства и отношения предметов и процессов. Но это неверно, ибо тогда мы никогда не выявим их внутренние связи, существенные, закономерные отношения.

от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки. Верное решение проблемы состоит в том, что *научный факт*, обладая теоретической нагрузкой, относительно независим от теории, поскольку в своей основе он детерминирован материальной действительностью.

В научном познании факты играют двоякую роль: во-первых, совокупность фактов образует эмпирическую основу для выдвижения гипотез и построения теорий; во-вторых, факты имеют решающее значение в подтверждении теорий (если они соответствуют совокупности фактов) или их опровержении (если тут нет соответствия). Расхождение отдельных или нескольких фактов с теорией не означает, что последнюю надо сразу отвергнуть. Только в том случае, когда все попытки устранить противоречие между теорией и фактами оказываются безуспешными, приходят к выводу о ложности теории и отказываются от нее. В любой науке следует исходить из данных нам фактов, которые необходимо признавать, независимо от того, нравятся они нам или нет.

Говоря о важнейшей роли фактов в развитии науки, В. И. Вернадский писал: «Научные *факты* составляют главное содержание научного знания и научной работы. Они, если правильно установлены, бесспорны и общеобязательны. Наряду с ними могут быть выделены системы определенных научных фактов, основной формой которых являются *эмпирические обобщения*. Это тот основной фонд науки, научных фактов, их классификации и эмпирических обобщений, который по своей достоверности не может вызывать сомнений и *резко отличает науку от философии и религии*. Ни философия, ни религия таких фактов и обобщений не создают [Вернадский 1997 : 414]. При этом недопустимо «выхватывать» отдельные факты, а необходимо стремиться охватить по возможности все факты (без единого исключения). Только в том случае, если они будут взяты в целостной системе, в их взаимосвязи, они и станут «упрямой вещью», «воздухом ученого», «хлебом науки» (И. П. Павлов).

Хотя любой факт, будучи детерминирован реальной действительностью, практикой, так или иначе концептуализирован, «пропитан» определенными теоретическими представлениями, однако всегда необходимо различать *факты действительности* как ее отдельные, специфические проявления, и *факты знания* как отражение этих проявлений в сознании человека. Не следует «гнаться» за бесконечным числом фактов, а, собрав определенное их количество, необходимо в любом случае включить собранную систему фактов в какую-то концептуальную систему, чтобы придать им смысл и значение. Ученый не вслепую ищет факты, а всегда руководствуется при этом определенными целями, задачами, идеями и т. п.

Таким образом, эмпирический опыт никогда (тем более в современной науке) не бывает «слепым»: он планируется, конструируется теорией, а факты всегда так или иначе теоретически нагружены. Поэтому исходный пункт, начало науки – это, строго говоря, не сами по себе предметы, не голые факты (даже в их совокупности), а теоретические схемы, «концептуальные каркасы действительности». Они состоят из абстрактных объектов («идеальных конструкторов») разного рода – *постулаты, принципы, определения* и т. п.

Как в этой связи отмечал А. Уайтхед, научное познание представляет собой соединение двух слоев. Один слой складывается из непосредственных данных, полученных конкретными наблюдениями. Другой – представлен нашим общим способом постижения мира. Их можно назвать, считает Уайтхед, «Слоем наблюдения и Концептуальным Слоем», причем первый из них всегда интерпретирован с помощью понятий, доставляемых концептуальным слоем [Уайтхед 1990].

Согласно К. Попперу, является абсурдом вера в то, что мы можем начать научное исследование с «чистых наблюдений», не имея «чего-то похожего на теорию». Поэтому некоторая концептуальная точка зрения совершенно необходима. Наивные же попытки обойтись без нее могут, по его мнению, только привести к самообману и к некритическому использованию какой-то неосознанной точки зрения. Даже тщательная проверка наших идей опытом сама в свою очередь, считает Поппер, вдохновляется идеями: эксперимент представляет собой планируемое действие, каждый шаг которого направляется теорией [Поппер 2002].

Поппер считает, что если в факты не «встроено нечто теоретическое», то такие «факты» не являются ни основой, ни их гарантией. Однако между теорией и фактами, описываемыми данной теорией, всегда надо проводить «реалистическое различие».

Причисляя себя к «реалистам», Поппер отмечает, что ответ на вопрос о том, истинны или нет созданные человеком теории, зависит от реальных фактов, которые, за очень немногими исключениями, явным образом не созданы человеком. Созданные человеком *теории* могут приходиться в столкновение с этими реальными *фактами*, и тогда в наших поисках истины нам приходится приспосабливать теории к фактам или же отказываться от этих теорий [Поппер 2002 : 309].

Итак, эмпирическое знание является категориальной структуризацией *чувственной реальности*, представляя её в том или ином аспекте и с различной степенью полноты [Лебедев 2010 : 64].

Завершая характеристику эмпирического уровня познания и знания, подчеркнём, что мы уделили этому уровню такое внимание, особенно философскому осмыслению феномена факт, потому, что лингвистика традиционно считается описательной наукой, хотя это в какой-то мере и спорно по отношению к современной лингвистике. Однако в ней, безусловно, проявляется сложное диалектическое взаимодействие *факта* и *концептуальных идей* в *формировании теорий*.

2. Специфика теоретического уровня и его формы

Теоретический уровень научного познания характеризуется преобладанием рационального момента – понятий, теорий, законов и других форм мышления и мыслительных операций, или, по словам В. Н. Мигирова, у м с т -

венных операций [Мигирин 2002 : 20-30]¹. Живое созерцание и чувственное познание здесь не устраняются, а становятся подчинённым аспектом познавательного процесса.

Теоретическое познание отражает явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, постигаемых с помощью рациональной обработки данных эмпирического знания.

Характерной чертой теоретического познания является его направленность на себя, внутринаучная рефлексия, т. е. исследование самого процесса познания, его форм, приёмов, методов, понятийного аппарата и т. д. На основе теоретического объяснения и познанных законов осуществляется предсказание, научное предвидение будущего. В этом отношении Огюсту Конту принадлежит знаменитый афоризм: «*знать, чтобы предвидеть*».

В этом типе познания важнейшее значение имеет мышление человека. Исходя из древней философской традиции, восходящей к античности, выделяют два уровня мышления: *рассудок* и *разум*.

Рассудок – это обыденное повседневное житейское мышление, то, что часто называют *здоровым смыслом*. Такое мышление совершается по законам и правилам формальной логики в виде основных форм мысли: *понятий, суждений, умозаключений, категорий*².

Разум – это диалектическое мышление как высший уровень рационального познания, для которого прежде всего характерны творческое оперирование абстракциями и сознательное исследование их собственной природы (*саморефлексия*). На этом уровне строятся более сложные формы рационального познания, такие как *гипотеза, теория* и другие.

Многие великие творцы науки говорят о том, что в науке нельзя всё доказать и всё определить, а потому важная роль в научном познании отводится ими воображению, фантазии и интуиции.

Однако в теоретическом познании всё же основными структурными компонентами, формами являются: *проблема, гипотеза, теория, закон* как «узловые моменты» построения и развития знания на теоретическом уровне [Кохановский и др. 2008 : 181].



Проблема – существенный вопрос, имеющий важное теоретическое и практическое значение, для решения которого либо недостаточно наличного знания, либо возможность его использования далеко не очевидна [Лебедев 2008 : 513]. Проблема как единица научного знания была впервые предложена и обоснована британским философом *Карлом Поппером* (1902-1994), трактовавшим научное познание как процесс выдвижения и отбора предполагаемых решений (гипотетических ответов) поставленной проблемы. Он обосновал свою модель научного познания как множество проблем (загадок) и их возможных решений [Поппер 2002]. Он считал, что наука начинается не с наблюдений, а именно с проблем, их пе-

¹ Разрабатывая принципы отображающей грамматики, В. Н. Мигирин значительное внимание уделяет первичным и вторичным умственным операциям и эвристическим правилам для анализа языковых единиц, которые чрезвычайно полезны лингвисту-исследователю [Мигирин 2002].

² См. раздел по логике – 3.1 пособия.

рехода от менее глубоких к более глубоким. По его мнению, проблемы возникают: 1) либо как следствие противоречия в отдельной теории, 2) либо как столкновение двух различных теорий, 3) либо в результате столкновения теории с наблюдениями [Поппер 1983].

Иначе говоря, проблема – это «знание о незнании» [Кохановский и др. 2008 : 181], а потому необходимая предпосылка для её успешного решения. В этом заключается её важная роль в теоретическом познании. «Формулировка проблемы часто более существенна, чем её разрешение, которое может быть делом лишь математического или экспериментального искусства. Постановка новых вопросов, развитие новых возможностей, рассмотрение старых проблем под новым углом зрения требует творческого воображения, и отражают действительный успех в науке», – так оценивают роль проблемы великие физики [Эйнштейн, Инфельд 1965 : 78].

При этом следует помнить, что каждой эпохе характерны свои специфические проблемы: «В деле выбора проблемы традиция, ход исторического развития играют существенную роль» [Гейзенберг 2006 : 258; Жариков : 1988].

Следующая форма теоретического знания – гипотеза.



Под гипотезой в современной философской теории понимается *такая форма теоретического знания, которая содержит предположение, сформулированное на основе ряда фактов, истинное значение которого неопределённо и нуждается в доказательстве.*

Иначе говоря, это *гипотетическое знание*, которое носит *вероятностный*, а не достоверный характер и требует проверки, обоснования. В ходе доказательства выдвинутых гипотез возможны три результата: 1) одни из них становятся истинными теориями; 2) другие уточняются и конкретизируются; 3) третьи отбрасываются, превращаются в заблуждения, если проверка даёт отрицательный результат. При этом выдвижение новых гипотез, как правило, опирается на проверку старых, даже тех, которые в результате проверки были отвергнуты.

Данное понимание гипотезы уточняется рядом философов. Так, автор многих пособий по философии науки, вышедших в последние годы, С. А. Лебедев даёт следующее определение гипотезы – «*непротиворечивое эмпирическое или теоретическое утверждение, решение об истинности которого научным сообществом ещё не принято*» [Лебедев 2008 : 449]. Поясняя непринятость этой формы знания, В. А. Канке уточняет, что гипотеза ещё не включается в научный строй определённой дисциплины, а потому носит *предварительный*, но не *предположительный* характер, т. е. в этом случае гипотеза ничем бы не отличалась от самой развитой теории, став *проблематичным знанием* [Канке 2008 : 50].

Существует и отрицание гипотезы как формы знания. К примеру, лингвист В. Н. Мигирин пишет: «догадку и гипотезу не считаем знанием..., гипотеза – это предположение о возможном знании» [Мигирин 2002 : 243].

Считаем, что научные факты не подтверждают такое мнение. Во-первых, гипотеза занимает совершенно определённое место в теоретическом познании и

выполняет собственные функции: «Научные факты получают выражение в системе таких понятий, в которых целенаправленное наблюдение и философское осмысление совпадают на теоретическом уровне, концептуализация полученных *фактов* ведёт в итоге к формулированию новых познавательных проблем, а затем к созданию *гипотез* [Хрусталёв 2009 : 196]. Исходя из этого, задача гипотезы состоит в том, что «на базе философского осмысления фактов определить *теоретические допущения* в возможном объяснении наблюдаемых явлений и процессов» [Там же : 197].

Вот почему выдающиеся философы и учёные хорошо понимали важную роль гипотезы для научного познания. Д. И. Менделеев считал, что в организации целеустремленного, планомерного изучения явлений ничто не может заменить построения гипотезы. «Они, – писал великий русский химик, – науке и особенно ее изучению необходимы. Они дают стройность и простоту, каких без их допущения достичь трудно. Вся история наук это показывает. А потому можно смело сказать: лучше держаться такой гипотезы, которая может со временем стать верною, чем никакой» [Менделеев 1947 : 150]. Ф. Энгельс рассматривал гипотезу как «форму развития естествознания, поскольку оно мыслит» и связывал ее с понятиями теории, закона, истины.

Крупный британский философ, логик и математик А. Уайтхед подчеркивал, что систематическое мышление не может прогрессировать, не используя некоторых общих рабочих гипотез со специальной сферой приложения. Такие гипотезы направляют наблюдения, помогают оценить значение фактов различного типа и предписывают определенный метод. Поэтому, считает Уайтхед даже неадекватная рабочая гипотеза, подтверждаемая хотя бы некоторыми фактами, все же лучше, чем ничего. Она хоть как-то упорядочивает познавательные процедуры. Указывая на важное значение гипотез для прогресса научного познания, британский ученый отмечает, что «достаточно развитая наука прогрессирует в двух отношениях. С одной стороны, происходит развитие знания в рамках метода, предписываемого господствующей рабочей гипотезой; с другой стороны, осуществляется исправление самих рабочих гипотез» [Уайтхед 1990 : 625-626].

Наука нередко вынуждена принимать две или более конкурирующие рабочие гипотезы, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поскольку такие гипотезы несовместимы, то, по мнению Уайтхеда, наука стремится примирить их путем создания новой гипотезы с более широкой сферой применения. При этом выдвинутая новая гипотеза должна быть подвергнута критике с ее же собственной точки зрения.

Таким образом, гипотеза может существовать лишь до тех пор, пока не противоречит достоверным фактам опыта, в противном случае она становится просто фикцией. Она проверяется (*верифицируется*) соответствующими опытными фактами (в особенности экспериментом), получая характер истины. Гипотеза является плодотворной, если может привести к новым знаниям и новым методам познания, к объяснению широкого круга явлений.

Говоря об отношении гипотез к опыту, можно выделить три их типа: а) гипотезы, возникающие непосредственно для объяснения опыта; б) гипотезы,

в формировании которых опыт играет определенную, но не исключительную роль; в) гипотезы, которые возникают на основе обобщения только предшествующих концептуальных построений.

В современной методологии термин гипотеза употребляется в двух основных значениях: а) форма теоретического знания, характеризующаяся проблематичностью и недостоверностью; б) метод развития научного знания. Как форма *теоретического знания* гипотеза должна отвечать некоторым общим условиям, которые необходимы для ее возникновения и обоснования и которые нужно соблюдать при построении любой научной гипотезы вне зависимости от отрасли научного знания. Такими *непременными условиями* являются следующие:

1. Выделяемая гипотеза должна соответствовать установленным в науке законам. Например, ни одна гипотеза не может быть плодотворной, если она противоречит закону сохранения и превращения энергии.

2. Гипотеза должна быть согласована с фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого она выдвинута. Иначе говоря, она должна объяснить все имеющиеся достоверные факты. Но если какой-либо факт не объясняется данной гипотезой, последнюю не следует сразу отбрасывать, а нужно более внимательно изучить прежде всего сам факт, искать новые – лучшие и достоверные факты.

3. Гипотеза не должна содержать в себе противоречий, которые запрещаются законами формальной логики. Но противоречия, являющиеся отражением объективных противоречий, не только допустимы, но и необходимы в гипотезе (такой, например, была гипотеза Луи де Бройля о наличии у микрообъектов противоположных – *корпускулярных и волновых* – свойств, которая затем стала теорией).

4. Гипотеза должна быть простой, не содержать ничего лишнего, чисто субъективистского, никаких произвольных допущений, не вытекающих из необходимости познания объекта таким, каков он в действительности. Но это условие не отменяет активности субъекта в выдвижении гипотез.

5. Гипотеза должна быть приложимой к более широкому классу исследуемых родственных объектов, а не только к тем, для объяснения которых она специально была выдвинута.

6. Гипотеза должна допускать возможность ее подтверждения или опровержения; либо прямо – непосредственное наблюдение тех явлений, существование которых предполагается данной гипотезой (например, предположение Леверье о существовании планеты Нептун); либо косвенно – путем выведения следствий из гипотезы и их последующей опытной проверки (т. е. сопоставления следствий с фактами). Однако второй способ сам по себе не позволяет установить истинность гипотезы в целом, он только повышает ее вероятность.

Развитие научной гипотезы может происходить в трех основных направлениях. Во-первых, уточнение, конкретизация гипотезы в ее собственных рамках. Во-вторых, самоотрицание гипотезы, выдвижение и обоснование новой гипотезы. В этом случае происходит не усовершенствование старой системы знаний, а ее качественное изменение. В-третьих, превращение гипотезы

как системы вероятного знания, подтвержденной опытом, в достоверную систему знания, т. е. в научную теорию.

Гипотеза как метод развития научно-теоретического знания в своём применении проходит следующие основные этапы.

1. Попытка объяснить изучаемое явление на основе известных фактов и уже имеющихся в науке законов и теорий. Если такая попытка не удастся, то делается дальнейший шаг.

2. Выдвигается догадка, предположение о причинах и закономерностях данного явления, его свойств, связей и отношений, о его возникновении и развитии и т. п. На этом этапе познания выдвинутое положение представляет собой вероятное знание, еще не доказанное логически и не настолько подтвержденное опытом, чтобы считаться достоверным. Чаще всего выдвигается несколько предположений для объяснения одного и того же явления.

3. Оценка основательности, эффективности выдвинутых предположений и отбор из их множества наиболее вероятного на основе указанных выше условий обоснованности гипотезы.

4. Развертывание выдвинутого предположения в целостную систему знания и дедуктивное выведение из него следствий с целью их последующей эмпирической проверки.

5. Опытная, экспериментальная проверка выдвинутых из гипотезы следствий. В результате этой проверки гипотеза либо «переходит в ранг» научной теории, или опровергается, «сходит с научной сцены». Однако следует иметь в виду, что эмпирическое подтверждение следствий из гипотезы не гарантирует в полной мере ее истинности, а опровержение одного из следствий не свидетельствует однозначно о ее ложности в целом. Эта ситуация особенно характерна для научных революций, когда происходит коренная ломка фундаментальных концепций и методов и возникают принципиально новые (и зачастую «сумасшедшие», по словам Н. Бора) идеи [Кохановский 2008 : 186].

Следует иметь в виду, что сам поиск гипотезы не может быть сведён только к *методу проб и ошибок*, как полагал К. Поппер. В формировании гипотезы существенную роль играют принятые исследователем идеалы познания, картина мира, его ценностные и иные установки, которые целенаправленно направляют творческий поиск.

Говоря о гипотезах, нужно иметь в виду, что существуют различные их *виды*. Характер гипотез определяется во многом тем, по отношению к какому объекту они выдвигаются. Так, выделяют гипотезы *общие*, *частные* и *рабочие*. Первые – это обоснование предположения о закономерностях различного рода связей между явлениями. Общие гипотезы – фундамент построения основ научного знания. Вторые – это тоже обоснованное предположение о происхождении и свойствах единичных фактов, конкретных событий и отдельных явлений. Третьи – это предположение, выдвигаемое, как правило, на первых этапах исследования и служащее его направляющим ориентиром, отправным пунктом дальнейшего движения исследовательской мысли.

Существуют и так называемые, «*ad hoc-гипотезы*» (от лат. *ad hoc* – «к этому, для данного случая»). Каждая из них – это предположение, выдвинутое с целью решения стоящих перед испытываемой теорией проблем и оказавшееся в конечном итоге ошибочным вариантом ее развития. Обычно такие гипотезы логически не связаны с основными положениями данной теории и являются нарушением общепризнанных критериев научности. Однако ученые иногда сознательно идут на нарушение этих критериев, прибегая к помощи *ad hoc-гипотез* «во имя спасения» испытываемой теории, которая сталкивается с конкретными трудностями (невозможность предсказания новых фактов, адаптации к новым экспериментальным данным и др.).

Следует иметь в виду, что гипотезы, позволяющие успешно решать определенные проблемы, вполне могут оказаться в дальнейшем гипотезами *ad hoc*. Вместе с тем отдельные *ad hoc-гипотезы* временно обеспечивают исходной теории некоторые важные прагматические преимущества (например, достаточную степень согласованности с экспериментальными данными) [Касавин 2008 : 283].

Наконец, перейдем к самой сложной и развитой форме научного знания – теории, точнее – научной теории (от греч. *thea* – «вид, зрелище, театр, в котором вещь является человеку» и *oraō* – «смотреть на что-либо, охватывать его взором, почтительно пребывать при нём»), которая позволяет сделать «познание многого немногими словами» (И. Кант).

Проблема состоит в том, чтобы философски осмыслить теоретизацию как осуществление рационализации в науке (см. раздел 1.2 пособия), поскольку именно философские принципы и методы значительно упрощают и углубляют познание, делая излишним проведение большого количества эмпирических исследований. «Благодаря открытию новых методов и принципов, мы с их помощью и без обременения памяти сами будем находить всё, что желаем, – утверждал И. Кант, – поэтому гением в истории будет тот, кто охватит её в идеях, которые останутся устойчивыми всегда» [Кант 1999 : 301].

Теория – это 1. Мысленная (понятийно-дискурсная) модель реальности (в отличие от чувственно-перцептивной модели реальности). 2. Идеализированно-логическая модель эмпирического опыта. 3. Любой продукт идеальной деятельности (в отличие от продуктов его предметно-практической деятельности) [Лебедев 2008 : 555].

Все эти значения объединяются тем, что эта сложная и развитая форма научного знания, дающая целостное изображение закономерных и существенных связей определённой области действительности [Кохановский 2008 : 188].

А. Эйнштейн считал, что любая научная теория должна отвечать следующим критерием: 1) не противоречить данным опыта, фактам; 2) быть проверяемой на имеющемся опытном материале; 3) отличаться «естественностью», т. е. «логической простотой» предпосылок (основных понятий и основных соотношений между ними); 4) содержать наиболее определенные утверждения: это означает, что из двух теорий с одинаково «простыми» основными положениями следует предпочесть ту, которая сильнее ограничивает возможные априорные качества систем; 5) не являться логически произвольно выбранной среди приблизитель-

но равноценных и аналогично построенных теорий (в таком случае она представляется наиболее ценной); 6) отличаться изяществом и красотой, гармоничностью; 7) характеризоваться многообразием предметов, которые она связывает в целостную систему абстракций; 8) иметь широкую область своего применения с учетом того, что в рамках применимости ее основных понятий она никогда не будет опровергнута; 9) указывать путь создания новой, более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем [Эйнштейн 1965 : 139-143].

Любая теоретическая система, как показал К. Поппер, должна удовлетворять *двум основным требованиям*: 1) непротиворечивости (т. е. не нарушать соответствующий закон формальной логики) и фальсифицируемости – опровержимости; 2) опытной экспериментальной проверяемости.

Поппер сравнивал теорию с сетями, предназначенными улавливать то, что мы называем реальным миром, для осознания, объяснения и овладения им. Истинная теория должна, во-первых, соответствовать всем (а не некоторым) реальным фактам, а, во-вторых, следствия теории должны удовлетворять требованиям практики. Теория, по Попперу, есть инструмент, проверка которого осуществляется в ходе его применения и о пригодности которого судят по результатам таких применений.

Структура теории настолько сложна: *принципы, понятия, законы, методы, концепция истины...*, что даёт основание В. А. Канке считать теорию своеобразной «тайной», которая заключается в *концептуальности* (ментальной и языковой) [Канке 2008 : 240].

Подчеркнём, что в современной философии науки, как отечественной, так и зарубежной, теория уже не рассматривается как неизменная, «закрытая» статичная система с жёсткой структурой, а наоборот строятся различные *теории динамики* (роста, изменения, развития) научного знания [Поппер 1983; 1992; Стёпин 2000].

Однако развитие теории – это не есть только «движение мысли внутри ее самой» («идей»), а активная переработка мыслью многообразного эмпирического материала в собственное внутреннее содержание теорий, конкретизация и обогащение ее понятийного аппарата. Образ действительного развертывания (развития) теории, данный Гегелем – «снежный ком», – не утратил своей актуальности и по сей день. Вот почему важнейшим методом построения, развертывания и изложения теорий является метод восхождения от абстрактного к конкретному [Ильенков 1997]¹.

К числу *основных функций теории* можно отнести следующие:

1. Синтетическая функция – объединение отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему.

2. Объяснительная функция – выявление причинных и иных зависимостей, многообразия связей данного явления, его существенных характеристик, законов его происхождения и развития, и т. п.

¹ См. раздел 7.3.3 пособия.

3. Методологическая функция – на базе теории формулируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности.

4. Предсказательная – функция предвидения. На основании теоретических представлений о «наличном» состоянии известных явлений делаются выводы о существовании неизвестных ранее фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т. д. Предсказание о будущем состоянии явлений (в отличие от тех, которые существуют, но пока не выявлены) называют *научным предвидением*.

5. Практическая функция. Конечное предназначение любой теории – быть воплощенной в практику, быть «руководством к действию» по изменению реальной действительности. Поэтому вполне справедливо утверждение о том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория [Кохановский и др. 2008 : 196-197]. Но как из множества конкурирующих теорий выбрать хорошую? Как считает К. Поппер, важную роль при выборе теорий играет степень их проверяемости: чем она выше, тем больше шансов выбрать хорошую и надежную теорию.

Так называемый «*критерий относительной приемлемости*», согласно К. Попперу, отдает предпочтение той теории, которая: а) сообщает наибольшее количество информации, т. е. имеет более глубокое содержание; б) является логически более строгой; в) обладает большей объяснительной и предсказательной силой; г) может быть более точно проверена посредством сравнения предсказанных фактов с наблюдениями.

Иначе говоря, резюмирует К. Поппер, мы выбираем ту теорию, которая наилучшим образом выдерживает конкуренцию с другими теориями и в ходе естественного отбора оказывается наиболее пригодной к выживанию [Поппер 1983].

Итак, завершая анализ теории, подчеркнём, что теоретизация (создание теорий) выступает «своеобразным индикатором развития науки» [Стёпин 2000 : 704]. Полная характеристика научного знания в структуре научных теорий дана В. С. Стёпиным [2000 : 703-714].

Завершим характеристику теоретического уровня науки познания раскрытием *ключевого элемента теории – закона*, поскольку главная задача любой науки, основная функция научного познания состоит в открытии законов действительности, выражающих сущность, глубинные связи и изучаемого объекта во всей его целостности и конкретности, как единство многообразного.



Закон – существенная, повторяющаяся, устойчивая связь между различного рода материальными и идеальными предметами (природными, социальными, психическими, мыслительными) [Лебедев 2008 : 200].

Повторим, что одной из главных задач научного познания является *открытие, конструирование, формулировка и обоснование законов* [Пуанкаре 1983 : 8; Фейнман 1987 : 110; Гейзенберг 2006 : 308; Лебедев 2008 : 201...].

Для нас, лингвистов, важно, что закон в составе теории, как правило, представлен в *ментальной и языковой форме* [Канке 2008 : 64].

Многообразии видов отношений и взаимодействий в реальной действительности служит объективной основой существования *многих форм (видов) законов*, которые классифицируются по тому или иному критерию (основанию).

По *формам движения* материи можно выделить законы: механические, физические, химические, биологические, социальные (общественные); по *основным сферам действительности* – законы природы, законы общества, законы мышления; по *степени их общности*, точнее – по широте сферы их действия – всеобщие (диалектические), общие (особенные), частные (специфические); по *механизму детерминации* – динамические и статистические, причинные и не причинные; по *их значимости и роли* – основные и неосновные; по *глубине фундаментальности* – эмпирические (формулируемые непосредственно на основе опытных данных) и теоретические (формируемые путем определенных мыслительных действий с идеализированными объектами) и т. п.

Осуществляя исследование, важно учесть возможные *ошибочные трактовки закона*, чтобы избежать ошибок в собственном теоретизировании.

1. Понятие закона *абсолютизируется*, упрощается, фетишизируется. Здесь упускается из виду то (замеченное еще Гегелем) обстоятельство, что данное понятие есть лишь одна из ступеней познания человеком единства взаимозависимости и цельности мирового процесса.

2. Игнорируется *объективный характер законов*, их материальный источник. Не реальная действительность должна соотноситься с принципами и законами, а наоборот, последние верны лишь постольку, поскольку они соответствуют объективному миру.

3. Отрицается возможность использования людьми системы объективных законов как основы их деятельности в многообразных ее формах – прежде всего в чувственно-предметной.

4. Закон понимается как нечто *вечное, неизменное, абсолютное*, не зависящее в своем действии от совокупности конкретных обстоятельств и фатально предопределяющее ход событий и процессов. Между тем развитие науки свидетельствует о том, что «нет ни одного закона, о котором мы могли бы с уверенностью сказать, что в прошлом он был верен с той же степенью приближения, что и сейчас... Своим «разжалованием» всякий закон обязан воцарению нового закона, и, таким образом, не может наступить междуцарствие» [Пуанкаре 1983 : 418].

5. Игнорируется качественное многообразие законов, их несводимость друг к другу и их взаимодействие, дающее своеобразный результат в каждом конкретном случае.

6. Отвергается то обстоятельство, что объективные законы нельзя создать или отменить. Их можно лишь открыть в процессе познания реального мира и, изменяя условия их действия, изменять механизм последнего.

7. Абсолютизируются законы более низших форм движения материи, делаются попытки только ими объяснить процессы в рамках более высоких форм движения материи (*механицизм*¹, *физикализм*², *редукционизм*³ и т. п.).

8. Нарушаются границы, в пределах которых те или иные законы имеют силу, их сфера действия неправомерно расширяется или, наоборот, сужается.

9. Законы науки толкуются не как отражение законов объективного мира, а как результат соглашения научного сообщества, имеющего, стало быть, *конвенциональный характер*.

10. Игнорируется то обстоятельство, что объективные законы в действительности, модифицируясь многочисленными обстоятельствами, осуществляются всегда в особой форме через систему посредствующих звеньев. Нахождение последних – единственно научный способ разрешения противоречия между общим законом и более развитыми конкретными отношениями. Иначе «эмпирическое бытие» закона в его специфической форме выдается за закон как таковой в его «чистом виде» [Кохановский и др. 2008 : 204-206].

Такова краткая характеристика двух основных уровней познания и знания. Как мы уже отметили, кроме этих основных уровней, принятых в отечественной и зарубежной философии, в последние годы выдвинут и обоснован ещё метатеоретический уровень познания и знания, к анализу которого мы и переходим.

3. Метатеоретический уровень научного познания

Этот уровень состоит из двух подуровней: 1) общенаучное познание и знание и 2) философские *основания* науки.

Общенаучное познание и знание в свою очередь включает два основных слагаемых: 1) частнонаучная и общенаучная картины мира и 2) частнонаучные и общенаучные гносеологические, методологические, логические и аксиологические принципы научных исследований.

Подчеркнём, что концепт научная картина мира (НКМ) не принят в западной философской науке⁴. Это обусловлено тем, что в западной философии науки делается особый акцент на *теоретической нагруженности фактов*, что привело к редукции онтологии факта, а вслед за этим и всей антологической составляющей в методологии науки [Канке 2008 : 155].

В связи с этим НКМ, по словам ведущего отечественного философа науки и науковеда В. С. Стёпина, «является визитной карточкой отечественной

¹ Механицизм – научно-философская концепция, согласно которой фундаментальные законы природы могут быть сведены к комбинации законов механики. В настоящее время гносеологический авторитет М. значительно снизился.

² Физикализм – один из вариантов редукционизма в классической философии науки, согласно которому идеалом для всех наук (особенно естествознания) должна выступать физика как наиболее объективная, доказательная и фундаментальная наука.

³ Редукционизм – одна из общих исследовательских стратегий (принцип познания) по обеспечению синтеза научного знания, которая в наши дни используется в двух установках: 1) радикальный антиредукционализм, основанный на философской идее неповторимости и уникальности явлений и процессов действительности и 2) умеренный антиредукционализм, основанный на умеренной фиксации единства и качественного разнообразия как предметной, так и когнитивной реальности.

⁴ Основания для её выделения в западной философии существует, т.к. «общую картину природы», её модель рассматривал уже Ф. Энгельс [Энгельс 1982]

философии» [Стёпин 1992]. В. С. Стёпин характеризует НКМ как научную *онтологию* и полагает, что НКМ, во-первых, синтезирует научные знания; во-вторых, в качестве исследовательских программ определяет стратегию научного поиска; в-третьих, обеспечивает объективацию научного знания, его отнесение к научным объектам и включения в культуру [Стёпин 2000; 2010 : 33]; в-четвёртых, является «ядром» мировоззренческой системы человека, в том числе и исследователя [Лебедев 2008 : 60].

В. А. Канке подчёркивает, что «выделение в основаниях науки её *онтологической составляющей* весьма актуально, т.к. связано с углублением анализа, более исчерпывающим понимаем той или иной науки» [Канке 2008 : 155].

Вот почему в отечественной философии науки проблематика НКМ вызвала большой интерес к философии, начиная с 80-х годов XX века, а затем и в отдельных науках, в том числе и в лингвистике (см. Библиографию).

В наши дни под научной картиной мира понимается *совокупность общих представлений науки определённого исторического периода о фундаментальных законах строения и развития реальности; часть межнаучного знания, являющаяся одним из важнейших видов оснований науки – онтологического* [Лебедев 2008 : 217].

НКМ создаётся двумя основными способами: 1) обобщение, синтез онтологических схем различных частных областей научного знания (*физики, химии, биологии, лингвистики...*) и 2) сведение онтологических схем различных наук к одной из них как наиболее фундаментальной.

Считаем важным обратить внимание на то, что в современной науке не существует какого-то единого по содержанию, одинакового для всех научных дисциплин *метатеоретического знания* [Лебедев 2007 : 155; 2010 : 70].

Дело в том, что это метатеоретическое знание всегда *конкретизировано* и в существенной степени «привязано» к особенностям научных теорий и частнонаучным картинам мира.

Частнонаучная, специальная картина мира – это *совокупность господствующих в какой-либо науке представлений о мире*, т. е. общие представления о структуре и особенностях изучаемой ею сферы реальности, типах явлений и процессов, характере законов, управляющих поведением объектов изучаемой реальности [Лебедев 2007 : 158; 2008 : 274; 2010 : 70].

При этом наличие конкурирующих фундаментальных парадигм в науке приводит к *«принципиальной мозаичности»* общей научной картины мира, которая должна включать в себя принципы НКМ всех фундаментальных наук [Лебедев 2007 : 157], с одной стороны. Но, с другой стороны, роль общенаучной картины мира, как правило, выполняет одна из частнонаучных картин мира, которая является господствующей в науке той или иной эпохи. В результате сложного взаимодействия этих картин мира, тенденций плюрализации и универсализации в науке современная общенаучная картина мира всё больше претендует на статус метатеоретического знания, сближаясь с философской онтологией [Лебедев 2010 : 71].

Как мы уже указали, в «слое» метатеоретического знания значительное место занимают разнообразные методологические и логические *императивы* и

правила. Они не только различаются для разных наук (к примеру, инструментальной лингвистики, безусловно, иной, чем инструментальной физики), но и для одной и той же науки на разных стадиях её развития. Но одновременно есть общие внутренние ценности науки, которые в отечественной философии науки получили название «*идеалы и нормы научного исследования*» [Идеалы и нормы научного исследования 1982], которые требуют отдельного рассмотрения¹.

Таковы в целом проблемы *первого подуровня* метатеоретического уровня познания.

Перейдём к краткому освещению *второго подуровня*, т. е. к *философским основаниям науки и научного знания*. По сути, это одна из первых и важнейших проблем философии и философии науки, а потому очень многоаспектна, сложна и противоречива, освещению которой посвящена философия и философия науки как таковые.

В целом философские основания науки – это множество онтологических, гносеологических, методологических, логических и аксиологических понятий и утверждений философии, философии науки и методологии, которые используются учёными при создании или обосновании какой-либо научной теории, исследовательской программы или даже науки в целом.

Потому ответы на эти многочисленные вопросы, как мы надеемся, читатель пособия получит, прочитав эту книгу до конца.

В этом разделе, учитывая нашего читателя, дадим ответ на кардинальный вопрос – вопрос о *статусе* философских оснований науки, или, иначе говоря, на вопрос о том, *включать или не включать* философские основания науки во внутреннюю структуру науки и, следовательно, в конкретные научные исследования.

В принципе, никто не отрицает влияние философских представлений на развитие и оценку научных достижений. Вся история науки и высказывания великих её творцов не оставляют никаких сомнений в том, что влияние философии на процесс научного творчества не является чем-то чисто внешним, т. е. входит в структуру науки.

Однако существуют и противоположные мнения. Некоторые философы и науковеды считают, что после того, как научная теория достигла необходимой степени зрелости, философские основания удаляются из её структуры. Вряд ли это возможно, поскольку философские основания науки – это *особый, промежуточный между философией и наукой вид знания*, который не является ни чисто философским, ни чисто научным. Философские основания знания гетерогенны по своей структуре и включают в свой состав как философские, так и конкретно-научные понятия и категории. Это особый вид междисциплинарного знания, имеющий диалектический «кентавровый» характер [Лебедев 2010 : 13]². Потому ставить вопрос, включать ли философские основания науки в структуру научного знания (эмпирического и теоретического), некорректно.

¹ Частично будут рассмотрены в разделе 1.4 и в третьей части этого пособия.

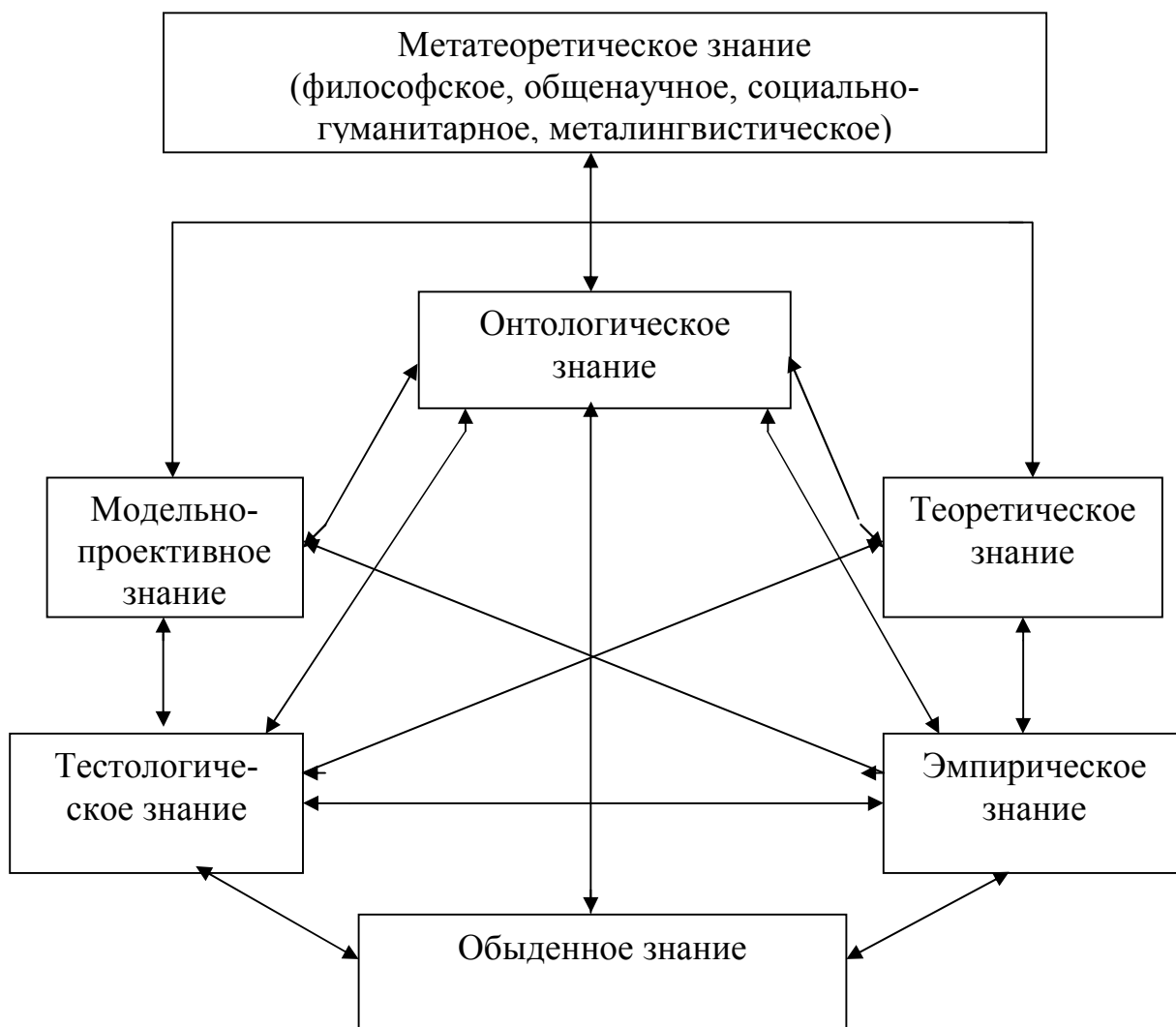
² См. главу 8 пособия.

Ясно одно, что без философских оснований науки нарушается целостность научного знания и целостность культуры, по отношению к которым философия и наука выступают лишь её частными аспектами.

Всё сказанное можно свести в схему¹ [Лебедев 2006 : 531].

Схема 1

Структура метатеоретического знания



Подытожим сказанное

1. Анализ структуры научного познания и научного знания показывает *трехуровневость* (эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни) и *многослойность* каждого из уровней.

2. Каждый уровень знания «зажат» как бы между двумя плоскостями (сверху и снизу): *эмпирический* уровень знания – между чувственными и теоретическими знаниями; *теоретический* – между эмпирическим и метатеоретическим уровнем и *метатеоретический* – между теоретическим и философским знанием. Это создаёт внутреннюю когнитивную и социокультурную реальность [Лебедев 2010 : 74].

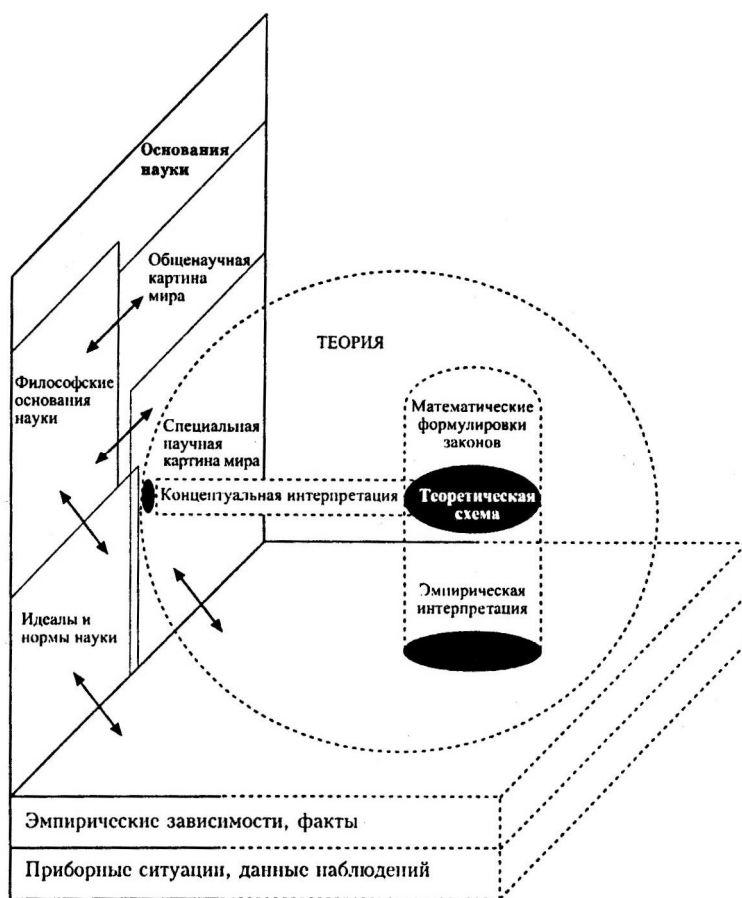
¹ См., к примеру, в работе крупного отечественного философа науки Э.М. Чудинова (1930-1980) концепцию СЛЕНТ – философия как «строительные леса научной теории».

3. Три основных уровня в структуре научного познания и знания обладают, с одной стороны, относительной самостоятельностью; с другой, – органической взаимосвязью в процессе функционирования научного знания как целого.

4. Способом осуществления органической взаимосвязи уровней и подуровней является процедура *интерпретации* терминов одного уровня в терминах других. Вместе с тем, метатеоретический уровень науки обеспечивает её связь с когнитивными ресурсами реально существующей культуры [Лебедев 2010 : 74; Стёпин 2000 : 286]. Структуру метатеоретического уровня В. С. Стёпин представил в виде следующей схемы [Стёпин 2000 : 287].

Схема 2

Общая структура метатеоретического уровня



1.4. Философия лингвистики и философия языка

В предыдущих разделах этой главы речь шла об общей философии науки и методологии научного познания. В разделе 1.1 было сказано, что к нашим дням оформилась ещё и *специальная философия*, в которой осуществляется синтез философского и частнонаучного знания какой-либо базовой науки. Одна из двух десятков таких философских наук получила название философия лингвистики – «метанаука, предметом которой является лингвистика» [Канке 2008 : 26]. Однако сами философы подчеркивают, что, поскольку пред-

метом лингвистики является язык, то часто философию лингвистики приравнивают к философии языка.

Если самым общим образом определять характер философии XX века, то нельзя не согласиться с мнением современного логика и философа Ф. Анкерсмита, разделяемого другими философами, что «философия XX века была преимущественно *философией языка*... Безусловно, философия языка XX столетия стала золотым веком в истории философии» [Анкерсмит 2003 : 7].

Однако, некоторые философы считают, что приравнивание философии лингвистики к философии языка неправомерно, т.к. «содержит в себе опасность забвения концептуального аппарата лингвистических теорий» [Канке 2008 : 261].

Такой вопрос ставят и лингвисты. Так, анализируя лингвофилософские исследования В. С. Юрченко, во вступительной статье О. Б. Сиротинина и Э. П. Кадькалова, пишут, что лингвофилософская тематика лингвистов «соединяет в себе *философию языка* и *философию языкознания*. При этом оба направления лингвистической теории имеют самостоятельную значимость, поскольку разграничение и соотнесение системы знания и системы объекта – это один из главных методологических принципов науки» [Сиротинина, Кадькалова 2008 : 9]. Из предисловия В. С. Юрченко можно уяснить, что *философия языка* рассматривает «саму языковую действительность как фрагмент мира; феномен реальной действительности», а *философия языкознания* – «теории, модели об этом объекте» [Юрченко 2008 : 314]¹.

В связи с этим остановимся сначала на философии языка, философская проблематика которой необычайно обширна, а мы же кратко охарактеризуем две, с нашей точки зрения, наиболее актуальные проблемы.

Первая проблема – **проект создания идеального языка науки**.

Обсуждение вопроса о научном методе (Р. Декарт, Ф. Бэкон) в аспекте форм языкового выражения знания стимулировало идею создания идеального языка науки. Прологом к данному направлению исследовательской мысли выступает картезианская² идея всеобщей математики (*mathesis universalis*).

Импульсом создания идеального языка науки явилось осознание недостатков естественного языка – орудия обыденного общения и познания. Об этом весьма недвусмысленно высказывается, к примеру, Ф. Бэкон: «Ведь слова в большинстве случаев формируются исходя из уровня понимания простого народа и устанавливает такие различия между вещами, которые простой народ в состоянии понять; когда же ум более острый и более внимательный в наблюдении над миром хочет провести более тщательное деление вещей, слова поднимают шум, а то, что является лекарством от этой болезни (т. е. определения), в большинстве случаев не может помочь этому недугу, так как и сами определения состоят из слов, и слова рожают слова» [Бэкон 1978].

¹ Иначе рассматривает Дж. Сёрл: «Если «философия языка» – это название объекта изучения, заголовок темы внутри философии, то «лингвистическая философия» – это, в первую очередь, название философского метода» [Сёрл 2010 : 6].

² *Картезианский* – от латинизированной формы фамилии французского философа Р. Декарта – *Cartesius*, т. е. имеющий отношение к учению Р. Декарта.

Установка на разграничение житейского, обыденного и философского (в перспективе научного) познания сформировалась ещё в античности, в Новое время она была интерпретирована в терминах противопоставления соответствующих языков.

Первый проект создания «всеобщей науки» и «универсального языка», с помощью которого все человеческое знание, включая эстетические принципы и философские истины, может получаться автоматически, связывают с именем Г. Лейбница. Его метод включал два теоретических инструмента: а) *искусственный язык науки* (*characteristica universalis*), б) *исчисление умозаключений* (*calculus ratiocinator*) [Лейбниц 1983]. Искусственный язык должен служить средством выражения любых мыслей, устранять барьеры разноязычной речи, а также быть орудием логического анализа любых проблем. «Выражения естественного языка в универсальном языке науки должны быть заменены компактными, наглядными хорошо обозримыми и однозначно понимаемыми знаками» [Цитируется по: Бугорская 2008 : 44]. Предполагалось все понятия свести к некоторым элементарным, образующим как бы алфавит человеческой мысли. Когда это будет сделано, можно будет заменить рассуждения оперированием со знаками. Правила такого оперирования должны быть заданы во второй части «всеобщей науки». Они должны однозначным образом определять последовательность выполнения действий над данными знаками и сами эти действия, так что при правильном их применении для разногласий не будет места [Цитируется по: Бугорская 2008 : 44]¹. Как известно, этот проект остался незавершённым, нерешённым.

Вторая проблема – **анализ обыденного языка**.

Одно из направлений критики логического позитивизма было реализовано *лингвистической философией* (другое название – анализ обыденного языка), к сторонникам которой относят Дж. Мура, позднего Л. Витгенштейна, ученых Оксфорда и Кембриджа: Г. Райла, Дж. Остина, П. Ф. Стросона, Дж. Сёрля и др. Как это следует из самого названия, данное направление философской мысли, сформировавшееся в начале 1930-х гг. в Англии, провозгласило основной целью анализ обыденных форм рассуждения. Оно возникло в противовес формализованному анализу в его феноменалистическом² и физикалистском вариантах и в целом было направлено против идеи языкового строительства – *построения идеальных логических языков науки*.

История взаимоотношений между двумя неопозитивистскими течениями – *логическим эмпиризмом* и *лингвистической философией* – весьма непростая: идейное противостояние осложнено личными отношениями. Так, центральная фигура лингвистической философии Л. Витгенштейн ранее относился к школе логического анализа и был учеником Б. Рассела. Отход Л. Витгенштейна был

¹ Теория лингвопроектирования, заложенная трудами Р. Декарта, Ф. Бэкона и Г. Лейбница, и её развитие описано в разделе «Интерлингвистика» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС 2002 : 196-197]. См. также: «Логическое направление в языкознании» [ЛЭС 2002 : 273-275].

² Феноменология – философское направление (Ф.Э. Гуссерль), согласно которому предметом философии является не мир объектов (природных или социальных), а *мир сознания* его элементарных структурных единиц и актов (*феноменов*) сознания. Это направление показало свою большую плодотворность в гуманитарных науках. См. раздел 7.3.6 пособия.

принят как отступничество, и это сообщило особую запальчивость критике его доктрины.

В результате деятельность лингвистических философов часто радикальным образом противопоставлялась доктрине логических позитивистов. Однако это утверждение справедливо лишь в определенном отношении.

Здесь можно сослаться на оценку ситуации швейцарским философом Г. Кюнгом: «Многие философы рассматривают искусственные языки символической логики как более совершенные по сравнению с естественными языками и пытаются формулировать свои теории в таких искусственных логических языках. С другой стороны, имеются философы, выступающие против этого и не желающие выходить за пределы «естественно» возникших языков. Обычно они не отвергают научной ценности логических исчислений, но относят их к математике и специальным областям науки, не признавая за ними философского значения. К этой группе принадлежат феноменологи, а в англоязычных странах – последователи позднего Витгенштейна, так называемые «философы обыденного языка». В частности, последние настроены иногда весьма радикально и утверждают, что вообще философские проблемы возникают только благодаря неправильному употреблению языка и что их решение сводится к тщательному анализу корректности словоупотребления. Их процедуры часто являются *ad hoc*, и у них отсутствует стремление к систематическому построению знания» [Кюнг 1999 : 30-31].

Упрек в адрес философов обыденного языка в данном высказывании Г. Кюнга обусловлена, по-видимому, не чем иным, как целью его работы «познакомить читателя со способами мышления тех современных философов, которые при анализе классических философских проблем используют средства символической логики» и которых не следует «огульно отвергать... как «позитивистов»¹ и «номиналистов»² [Кюнг 1999 : 27], т. е. оправданием того направления логико-философской мысли, от которого отталкивалась в своём становлении философия лингвистического анализа обыденного языка.

Однако слова Г. Кюнга заслуживают внимания в той части, где речь идёт о характере взаимоотношений между двумя философскими направлениями. Исследователь верно подмечает тот факт, что данные позиции не столь уж взаимоисключающи. Несмотря на то, что философы обыденного языка отказались от «языкового строительства» и создания универсального языка науки средствами символической логики, что во многом определяло характер деятельности представителей логического позитивизма, установка на поиск адекватных форм языкового выражения научного знания оставалась общей для тех и других, и разность их лозунгов не должна вводить в заблуждение.

¹ П о з и т и в и з м – одно из основных направлений философии науки, представители которого исходят из того, что единственно надёжным и одновременно практически важным для человечества видом познания и знания является то, которое получают **методами частных наук**. Это знание было названо или «положительным», или «позитивным», отсюда и название направления.

² Н о м и н а л и з м [от лат. *nomen* – «имя»] – концепция, согласно которой не существуют универсалии, понятия являются результатом языковой деятельности человека, в реальной действительности им ничего не соответствует. В Средние века номинализм, получивший наиболее детальную разработку у У.Оккама, противостоял реализму (Ф. Аквинский) и концептуализму (П. Абеляр).

Между тем поворот к анализу естественного языка и своего рода реабилитация последнего в глазах научного сообщества имели широкий резонанс за пределами логики и философии, в частности его с восторгом приняли языковеды как долгожданный «праздник на своей улице».

На ранние стадии анализа обыденного языка глубокое влияние оказала философия Дж. Э. Мура с его учением о *здоровом смысле*, однако классический вид философии анализа обыденного языка связывают с именем Л. Витгенштейна. Поздние взгляды Л. Витгенштейна (как они изложены в его работах «*Замечания по основам математики*» и «*Философские исследования*») сохранили некоторые черты, характерные для раннего его произведения – «*Логико-философского трактата*», бывшего своего рода священной книгой логических позитивистов Венского кружка. Например, он «по-прежнему отрицает универсалии, духовные сущности, типы, логические константы, бесконечные множества, дихотомию души и тела и все подобные логические и метафизические аксессуаруры; он предпочитает объекты, конкретные факты, действительно встречающиеся логические структуры и формы поведения. Однако в последних произведениях понимание Витгенштейном функций обыденного языка, задач философии и природы значения существенно отличается. Он по-прежнему признает сложность обыденного языка, но отношение к ней меняется. «В «*Трактате*» Витгенштейн из сложности обыденного языка делал вывод о необходимости выявления структуры обыденного языка в совершенном языке, в котором все сложные высказывания с помощью тавтологий сводились бы к элементарным высказываниям, отображающим атомарные факты. В последних работах он приходит к мысли, что попытка построения такого совершенного языка является бесполезной и ошибочной.

Можно сказать, что сам по себе обыденный язык был реабилитирован, а причина всех бед усматривалась в его неверном использовании людьми.

Поскольку предметом конкретного языкового анализа лингвистических философов были произведения традиционной философии, то ей и досталось в первую очередь. Так, в защиту обыденного языка против искажающей его философской практики выступил Н. Малкольм в работе «*Мур и обыденный язык*» (1942), обнаружив, что язык, который использовался традиционной философией, обладает все теми же недостатками, что и язык простецов, некогда третируемый Ф. Бэконом.

С точки зрения доктрины логического позитивизма это само собой разумелось, поскольку философия пользовалась все тем же естественным языком, вводящим всех в заблуждение. Однако лингвистическая философия указала на одно обстоятельство, которое не позволяло принижать роль естественного языка: *в ситуации обычного человеческого общения он функционирует вполне исправно*. Вот как об этом рассуждает Л. Витгенштейн. Философские проблемы, по его мнению, являются не прямым результатом сложности обыденного языка, а результатом особого подхода к языку: проблем не возникает до тех пор, пока язык используется обычным образом. Так, например, в обычном рассуждении мы не встречаем трудностей при связывании имен и вещей, но как только философ начинает исправлять само отноше-

ние между именем и вещью, уставившись на находящийся перед ним объект и повторяя его название... бесчисленное количество раз», именование начинает казаться странным занятием. Таким образом, «философские проблемы возникают тогда, когда язык *бездельничает*». Они встают тогда, «когда язык работает вхолостую, а не тогда, когда он по-настоящему работает» [Витгенштейн 1994 : 97]. Одним словом, дело в том, что философы (это можно распространить и на ученых) неправильно используют язык, что приводит к созданию целого ряда проблем.

Философы данного направления привлекли внимание к тому обстоятельству, что не все споры и разногласия одинаково ценны для науки, иначе говоря, не за всеми коллизиями стоят реальные проблемы, иногда оживленный спор лишь маскирует отсутствие таковых. Само выражение *терминологическая проблема* чаще всего употребляются как раз по поводу непринципиальных разногласий между исследователями. Когда говорят, что данные разногласия *носят характер чисто терминологический*, явно подразумевают разногласия, не имеющие отношения к существу дела (затрагивающие различия исключительно в форме выражения одного и того же содержания) [Бугорская 2007 : 77].

Итак, сторонники анализа обыденного языка ратовали за то, чтобы умирить амбиции и не строить идеальный язык, а разобраться со старым. Очищенный от искажений, он окажется вполне пригодным для использования его в качестве *языка научного описания*.

Надо отметить, что проект очищения обыденного языка был бы не менее грандиозным, чем проект создания искусственного языка, если бы удалось прояснить все смыслы употребляемых в научном обиходе терминов и выражений. Однако для реализации такой программы было не обойтись слабыми силами энтузиастов, на это потребовалась бы мобилизовать всех ныне здравствующих философов. Последнее по вполне понятным причинам было невозможно, поэтому в целом программа очищения обыденного языка производит впечатление некой незавершенности, фрагментарности. Замечание Г. Кюнга об отсутствии «стремления к систематическому построению знания» и использовании аналитических процедур *ad hoc* подчёркивает именно эту особенность данного направления философской мысли [Бугорская 2009].

Итак, точкой расхождения *логического позитивизма* и *лингвистической философии* явился вопрос о масштабах языкового строительства (создания искусственных языков символической логики). Логический позитивизм был целиком подчинён этой идее, лингвистическая философия оспаривала её исключительную значимость в проблематике анализа языка науки. Все прочие принципиальные позиции, в том числе установка на «очищение» языка науки, оставались общими для обоих направлений. Это единство служит оправданием традиции рассматривать обе философские программы под общим названием – *неопозитивизмом*¹.

¹ См. статью Н. Д. Аругюновой «Лингвистическая философия» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС 2002 : 269-270].

Философия языкознания (лингвистики)

Почти во всех философских работах подчеркивается «причудливая» природа языка, постижение которой связано с многочисленными сложностями. Основные концепции сведены в таблицу 3.

Таблица 3

Философские концепции языка/языкознания

Автор	Содержание концепций
Платон	Имя выражают сущность объекта.
Аристотель	Звуковой знак произволен, он является конвенцией и в качестве таковой условием коммуникации людей.
Стоики	Наряду со знаком как таковым и тем, что он обозначает, существует смысл (лектон) предложения, который может быть истинным или ложным.
П. Абеляр	Слова является выражением концептов.
Д. Скот У. Оккам	Наукой о языке является логика. Каждое слово, являясь знаком, обозначает единичное (концепция минимализма).
Дж. Локк Д. Юм	Значениями слов, т. е. знаков, являются идеи.
И. Кант	Язык есть обозначение мыслей.
Э. Гуссерль	Язык, выступая результатом феноменологической работы субъекта, является средством формирования жизненного мира человека.
М. Хайдеггер	Язык – дом бытия.
Х.-Г. Гадамер	Язык – это среда понимания людьми друг друга.
Ж.-П. Сартр	Язык есть отношение одного человека к другому.
К.-О. Апель	Язык по своей природе не субъективен, а интерсубъективен.
Ю. Хабермас	Язык – это коммуникация.
Г. Фреге Б. Рассел	Подлинной теорией языка является логика. Естественный язык неточен и приблизителен.
Л. Витгенштейн	1) Значением слова является определенный предмет. Значе-

	<p>нием предложения является некоторое положение дел.</p> <p>2) Значение слова есть его употребление.</p> <p>3) Язык реализуется в форме языковых игр.</p>
Дж. Остин Дж. Сёрл	Речевые акты имеют грамматическое значение. Они могут быть успешными или неуспешными.
М. Фуко	Язык – это социальное средство функционирования властных отношений между людьми.
Ж. Деррида	Знаки не обладают значением, их никогда не прекращающееся деконструирование формирует путь жизни.
Ж.-Ф. Лиотар	Жизнь – это агонистика языковых игр, они не представляют нечто отличное от них.

Как видно из таблицы 3, философы спорят о природе языка и его теорий (моделей). Спор идёт по ряду основных проблем:

- 1) о концептуальности языка;
- 2) о соотношении языка и ментальности;
- 3) о соотношении языка с внешним (предметным) миром;
- 4) о соотношении языка с деятельностью человека;
- 5) о соотношении в языке индивидуального и общественного;
- 6) о самостоятельности языка;
- 7) об игровом характере языка;
- 8) о соотношении формального и естественного языка;
- 9) о соотношении языка и речи.

О концептуальности языка. Абсолютное большинство современных философов считает, что язык по своей природе концептуален. Дело обстоит не так, что люди обозначают словами отдельные предметы, они непременно используют концепты. Против этой позиции иногда, впрочем довольно вяло, возражают номиналисты¹, восприимчивы идей Д. Скота и У. Оккама. Но и они прекрасно сознают, что любой фрагмент языка, например, текст или предложение, представляет собой теорию, статус которой немислим без концептов. Попугай повторяет слова за человеком, но он не в состоянии осилить их смыслы.

О соотношении языка и ментальности. Длительное время, вплоть до XIX в., язык считали выражением ментальности. Сознание – первично, язык – вторичен. Этой позиции придерживались, в частности, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм и И. Кант. Ныне рассматриваемая концепция не в почете. Взаимодействие между ментальностью и языком не отрицается. Но предполагается, что в нем совсем не обязательно язык играет подчиненную роль. Абсолютное

¹ **Номинализм** [фр. *nominalisme* < лат. *nominalis* – «касающийся имени, наименования»]. Направления в средневековой философии, считавшее общие понятия лишь именами единичных предметов.

большинство аналитических авторов концентрирует свое внимание на отношении языка не с ментальностью, а с внешним миром. Такой подход к осмыслению природы языка был инициирован Л. Витгенштейном.

О соотношении языка с внешним (предметным) миром. На этот раз спор идет о первичности или же вторичности языка по отношению к миру вещей.

В рамках неопозитивизма¹ (Л. Витгенштейн, Р. Карнап) считалось, что языковые знаки только обозначают вещи. Истинность того или иного предложения определяется его соответствием фактам. В обсуждаемом вопросе позиция неопозитивистов во многом совпадала с представлениями материалистов, которые считают, что язык копирует действительность. В рассматриваемую позицию сейчас вносятся существенные коррективы. Действительно, концептуальный характер языка указывает на его нетривиальную природу. Правомерно ставить вопрос о соотносительности языка и предметного мира, но не о первичности одного из них [Канке 2010].

О соотношении языка с деятельностью человека. Мало кто сомневается в ее наличии. Связь языка с деятельностью человека особенно часто подчеркивают прагматически настроенные авторы, например, Л. Витгенштейн (в последний период его творчества), Дж. Остин, Дж. Сёрл, У. Куайн, К.-О. Апель, Ж.Ф. Лиотар. Для них всех язык есть форма деятельности. Причем именно язык придает концептуальность его единству с деятельностью. Деятельностная концепция языка, естественно, несовместима с пониманием языка в качестве всего лишь копии действительности.

О соотношении в языке индивидуального и общественного. На первый взгляд, кажется, что язык общества – это лишь простая сумма индивидуальных языков. Однако эта точка зрения многими, например, Х. Г. Гадамером, М. Фуко, К.-О. Апелем, решительно отвергается. Согласно их точке зрения, язык имеет не столько *индивидуально-субъективный*, сколько *интерсубъективный характер*. Доминирует в языке не личностное, а общественное. Согласно господствующей среди современных философов точке зрения, язык имеет интерсубъективную природу. Но если герменевтики (Х. Г. Гадамер) и представители философии критической теории (К. О. Апель, Ю. Хабермас) подчеркивают сильные стороны языка интерсубъективной природы, то постструктуралисты² и постмодернисты³, например, Ж. Деррида и

¹ **Неопозитивизм, или логический позитивизм** – влиятельное направление современной философии науки, выступающее за союз философии и науки, широко использующее логический анализ языка.

² **Постструктурализм** – философское направление, характерное для французской философии (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз) 70-80-х годов XX в., который свелся к пересмотру структуралистской лингвистической модели. Деррида критиковал концепцию синтаксического знака. Фуко изучает образование дискурсивных практик, реализуя триаду: *генеология* (образование дискурсивных практик) – *критика* (перегруппировка дискурсов) – *археология* (проблематизация в историческом).

³ **Постмодернизм** – общее название ряда течений современной философии (по своему предмету и методу являющейся лингвистической), в основе которых лежит неприятие всех основных установок западноевропейской философии XVII-XX вв. как теоретической основы культуры и общества, в том числе и науки. Наиболее важным достижением философии постмодернизма можно считать её вклад в разработку методологии гуманитарного познания, философских проблем литературоведения, эстетики, этики, социальных теорий.

Ж. Ф. Лиотар, Н. С. Лакан и др. всячески подчеркивают необходимость его деконструирования¹ во имя борьбы с тоталитаризмом.

О самостоятельности языка. Философы, которые отказываются от признания возможности сведения языка к ментальности и предметному миру, как правило, подчеркивают его самостоятельность. В наиболее отчетливом виде эту позицию выражают постструктуралисты и постмодернисты. Ж. Деррида подчеркивал, что у знака нет референта. Иначе говоря, он отказывался считать язык системой знаков. Язык и мир вещей как бы скользят по поверхности друг друга. Выражаясь несколько грубо, но зато более определенно, можно сказать, что, по Ж. Деррида, язык первичен, а все остальное намного менее существенно.

Язык как игра. Согласно Л. Витгенштейну, язык реализуется в форме возможной совокупности предложений. Однозначное определение несамостоятельно в принципе, ибо всегда есть некоторые возможности. Мы всегда имеем дело не с одним-единственным предложением, а с целым их гнездом. Правила языковой игры постоянно меняются. Язык не вторичен, а первичен. «Понимай языковую игру, – отмечал он, – как то, что первично, а чувства и т. д. – как способ рассмотрения, интерпретацию языковой игры» [Витгенштейн 1994 : 253]. Концепция языковой игры стала лейтмотивом многих философских систем. Она характерна для *деконструктивизма* Ж. Деррида, *постмодернизма* Ж. Ф. Лиотара, концепции неопределенности перевода У. Куайна [Марков 2011 : 234].

О соотношении формальных, машинных и естественных языков. В рамках аналитической философии² длительное время считалось, что *формальные языки*³, в частности языки логики и математики существенно превосходят естественные языки, которые обладают многочисленными изъянами. Рассматриваемая позиция характерна для Г. Фреге, Б. Рассела и Р. Карнапа. Интересно, что все трое являются логицистами. Они полагали, что теорией языка является не лингвистика, а математическая логика. Развитие аналитической философии сопровождалось изучением также естественных языков. Их стали считать вполне адекватными тем ситуациям, в которых они актуальны. В результате логический поворот дополнился лингвистическим. Лишь один из этих двух поворотов, а именно лингвистический, характерен для европейско-континентальной философии [Марков 2011 : 235].

Широко распространенной разновидностью формальных языков являются *машинные языки*, посредством которых представляются совокупности операций, которые реализуются определенными техническими средствами. В

¹ Деконструкция (термин М. Хайдеггера) – ключевое понятие деконструктивизма – это влиятельное философско-методологическое направление анализа гуманитарного знания конца XX века, основное требование которого – деконструкция текста.

² Аналитическая философия – очень широкое и разнородное по содержанию течение современной философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У. Куайн, Х. Патнэм, К. Поппер...) и современной философии науки, объединенное идеей анализа различными средствами (логическими, лингвистическими, семиотическими, герменевтическими) языка науки.

³ О формальных языках см.: статья «Синтаксис» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС 2002 : 450]; статья «Логическое направление» (с. 275); статья «Искусственные языки» (с. 202) статья «Языки программирования» (с. 615-617).

случае применения вычислительной техники машинные языки выступают как *языки программирования*¹, которые используются для представления данных и операций (алгоритма) их обработки на ЭВМ. Примерами *языков программирования* являются *Алгол, Фортран, Паскаль* и другие.

В наши дни становится все более очевидным, что высоты философско-научной культуры недостижимы без учета интердисциплинарных связей между языками. Имеет место единство и многообразие языков различных наук.

О соотношении речи и текста. Длительное время философы считали, что главной формой языка является речь, в которой пульсирует сама жизнь. Текст же интерпретировался как опредмеченная, застывшая речь. Постструктуралист Ж. Деррида опрокинул эту концепцию, т.к. предпочел речи текст. Он представляет интерес субъективности языка в более определенной форме. Речь всегда локальна и виртуальна, она вспыхивает и исчезает. Текст более определен в том смысле, что он всегда доступен, над ним можно размышлять, он не требует срочного ответа. В этом смысле весьма показательны *онлайновые тексты*. К ним можно обратиться в любое время суток. Отталкиваясь от идей Ж. Деррида, его коллега Ю. Кристева развила концепцию интертекстуальности. Имеется в виду, что все тексты как бы пронизывают друг друга. Поэтому в любом тексте мы узнаем следы творений других авторов.

Что такое язык? После всего изложенного очевидно, что ответить на поставленный вопрос непросто. Было бы, например, недостаточно определять язык как инструмент, необходимый для выражения ментальности или же создания картины предметного мира человека.

Предлагается следующее философское определение языка: «Язык – это *интерсубъективное конструирование смыслов бытия*» [Канке 2010 : 262]. Сегодня популярен радикальный тезис: «*всё есть язык*» [Марков 2011 : 232].

Итак, в стремлении понять содержание языка наиболее исчерпывающим образом следует учитывать, что язык *концептуален* (большинство философов), *диалогичен* (Х.Г. Гадамер), *проблематичен* (М. Фуко), *интертекстуален* (Ю. Кристева), *коммуникативен* (Ю. Хабермас) и имеет *игровой характер* (Л. Витгенштейн).

Рассмотренные проблемы позволяют признать, что «последние тридцать лет особое внимание философов фокусируется на теме «*Познание и язык*», которая грозит даже поглотить собой всю эпистемологическую проблематику» [Касавин 2008 : 7].

¹ О машинных языках см. «Лингвистический энциклопедический словарь» статья «Языки программирования» (с. 615-617).



Вопросы и задания для обсуждения

1. Что такое современная философия?
2. Почему и для чего возникла философия науки? Каково её соотношение с философией?
3. Что такое методология с философской позиции?
4. Как методология соотносится с философией и философией науки?
5. Как Вы понимаете сущность познания?
6. Что такое принципы познания?
7. Почему существует не один основополагающий, а множество принципов познания?
8. В чем заключается специфика эмпирического познания?
9. Каковы особенности философского осмысления феномена факт?
10. Как соотносятся два уровня мышления: *рассудок* и *разум*?
11. Назовите основные формы теоретического познания.
12. Какова роль проблемы в структуре научного познания?
13. Является ли *гипотеза* формой теоретического познания?
14. Какова роль научных теорий в структуре научного познания? Её основные функции. Что даёт основание считать научную теорию «удивительным достижением человеческого разума» [Марков 2011 : 254].
15. В чем Вы видите основную задачу научного познания?
16. Как Вы полагаете, существуют ли метатеоретический уровень научного познания? Докажите свою позицию.
17. Какова роль общенаучной картины мира в познании?
18. Обозначьте пути взаимодействия общенаучной и специальных картин мира в процессе познания.
19. Нужно ли включать философские основания науки в структуру научного знания?
20. Назовите основные проблемы философии лингвистики как специальной философии.
21. Как вы прокомментировали бы следующее высказывание современного отечественного философа: «В философии язык обычно рассматривался в качестве инструмента познания, и это чисто профессиональное отношение к языку как средству выражения истины остаётся превалирующим и сегодня» [Марков 2011 : 213].
22. Прокомментируйте высказывания:
 - «Чтобы понять современное состояние мысли, вернейший путь вспомнить, как человечество дошло до него» (Александр Иванович Герцен).
 - «Философия есть особый способ мышления, благодаря которому она становится познанием» (Георг Гегель).
 - «Философия всегда включает зародыши нового сознания, иногда даже предвосхищает целые области развития науки» (Владимир Иванович Вернадский).

«Наука без теории познания... становится примитивной и путаной»
(Альберт Эйнштейн).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|--------------------------------|-------------------------------------|--|
| Абрамова 1983 | Классическая философия науки 2007 | Славин 1972 |
| Алексеев 1992 | Колесов 2002 | Соловьев 1988 |
| Алефиренко 2009 | Копнин 1974; 1978 | Соловьева 2002 |
| Ананьев 1977 | Коршунов 1979 | Спиноза 1957 |
| Андреев 1975; 1979 | Коршунов, Пружинин 1989 | Спиркин 1960 |
| Анкерсмит 2003 | Кохановский и др. 2008 | Степанов 1991 |
| Аристотель 2002 | Ланг 1967 | Стёпин 2006 |
| Балашов 1988 | Лебедев 2007; 2008; 2010 | Тейярде Ш. 1987 |
| Бердяев 1989; 1996 | Лейбниц 1983 | Тюхтин 1988 |
| Берков 1979; 1983 | Лекторский 2001 | Уайтхед 1990 |
| Библер 1975 | Локк 1985 | Фейерабенд 1988 |
| Блажевич 1999 | Лосев 1990 | Фейербах 1974 |
| Брунер 1977 | Малиновский 2000 | Философия 1985; 1994; 2003; 2007; 2010; 2010 |
| Бугорская 2007; 2009 | Мамардашвили 1992; 1997 | Философский словарь 1999; 2004; 2008 |
| Бузгалин 2009 | Мамчур 1989; 2008 | Фреге 2000 |
| Булгаков 1989 | Марков 2011 | Хайдеггер 1993 |
| Вернадский 1988; 1989; 1991 | Медушевский 2009 | Хакинг 1998 |
| Витгенштейн 1958; 1994 | Микешина 2005; 2007 | Хинтиikka 1980 |
| Войтов 2004 | Найсер 1981 | Хрусталёв 2009 |
| Вызов познанию 2004 | Никифоров 1988 | Чернейко 1997; 1998 |
| Гердер 1977 | Новая философская энциклопедия 2010 | Чудинов 1977 |
| Гипотеза 1980 | Новые идеи 2002 | Чудинов 1977 |
| Глазман 1989 | Новые подходы 2003 | Швырев 1988 |
| Гринёв-Гриневиц, Сорокина 2010 | Ору 2000 | Шептулин 1980 |
| Гуссерль 1991; 1999 | Панфилов 1982; 1983 | Шпет 1989; 1994 |
| Декарт 1953; 1994 | Патнэм 2002 | Штофф 1963; 1996 |
| Жариков 1988 | Петров 1987 | Шульц 2008 |
| Илларионов 1968 | Поппер 1983; 1992 | Шумилин 1989 |
| История философии 2010 | Рассел 1957; 1999; 2001 | Щедровицкий 1987; 1997; 1999 |
| Кадеева 2007 | Рубинштейн 1958; 1997; 2003 | Эйнштейн 1965 |
| Канке 2004; 2008; 2010 | Светлов 2008 | Энгельс 1982 |
| Кант 1999 | Серио 1993 | Юрченко 2008 |
| Карнап 1959 | Сичивица 1979 | Якушин 1984 |
| Касавин 2008 | | Яркова 2007 |
| Кассирер 1988; 2002 | | Яскевич 1991 |
| | | Ясперс 1994 |

Глава 2

Науковедение и наука как источники и составные части лингвистической методологии

Дело науки – служить людям.
Лев Николаевич Толстой¹

*Наука не является, и никогда не
будет являться законченной книгой.
Каждый важный успех приносит но-
вые вопросы.*

Альберт Эйнштейн²

*Уровень цивилизации зависит от
уровня науки и искусства.*

Анри Пуанкаре³

2.1 Науковедение и наука

Науковедение – это комплекс научных дисциплин (история науки, социология науки, наукометрия, стилистика науки, психология науки, экономика науки, библиометрия, логика науки, лингвистический анализ научного языка, правовое регулирование научной деятельности, научная политика), исследующих науку и её различные аспекты конкретно-научными методами и средствами.

Науковедение осознало себя как самостоятельный целостный комплекс в 60-е годы XX века. У истоков этой науки стоял Дж. Бернал⁴, а в СССР – коллектив науковедов под руководством академика С. Р. Микулинского⁵.

Для всех дисциплин, входящих в науковедение, общим признаком является то, что их конечным продуктом является построение *конкретно-научных моделей* исследуемых ими аспектов научной реальности (типы моделей научного знания К. Поппера, И. Лакатоса, Ст. Туллина, Т. Куна...). Этим науковедение отличается от философии науки. Но очевидно, что только широкая опора на науковедческие исследования может сделать современную философию

¹ *Лев Николаевич Толстой* (1828-1910) – не только великий русский писатель, но и христианский мыслитель и педагог, осуществлявший рациональную критику православия. Осмысливая диалектику души, выразил стремление личности к постижению своей внутренней сущности и к её нравственному совершенствованию.

² *Альберт Эйнштейн* (1879-1955) – великий немецко-американский физик-теоретик. Один из основателей современной физики. Разработал в 1905 г. специальную, а в 1915 г. общую теорию относительности. Оригинальный философ науки. Лауреат Нобелевской премии (1921).

³ *Анри Пуанкаре* (1854-1912) – великий французский учёный, математик и физик, теоретик науки и философ.

⁴ *Джон Бернал* (1901-1971) – английский физик, философ и социолог науки. Один из основателей науковедения.

⁵ *Семён Романович Микулинский* (1919-1991) – советский историк науки, философ, специалист по проблемной биологии, истории философии, философским вопросам естествознания и науковедения.

науки по-настоящему научной и уберечь её от чисто умозрительной философской схоластики [Лебедев 2008 : 67].

Но следует отметить, что до настоящего времени большие споры в науковедении вызывает вопрос о возможности и необходимости *общего науковедения* как отдельной научной дисциплины. Так, В. П. Кохановский считает, что «науковедение изучает общие закономерности развития и функционирования науки, как правило, малопроблемно и описательно» [Кохановский и др. 2008: 9].

Ещё раньше В. П. Копнин отказывал науковедению в праве быть самостоятельной комплексной наукой на том основании, что она не располагает какой-либо общей теорией, набором общих методов и проблем [Копнин 1974 : 56].

Напротив, коллектив авторов во главе с академиком А. М. Прохоровым считает, что в сферу науковедения входит изучение науки в трех направлениях: 1) изучение закономерностей функционирования и развития науки; 2) изучение структуры и динамики научной деятельности и 3) взаимодействие науки с другими сферами материальной и духовной жизни общества [Советский энциклопедический словарь 2002 : 876; Рачков 1974 : 16].

Науковедение сегодня – это единая целостная система знаний. Наиболее существенные научные труды и этой области принадлежат Б. Г. Ананьеву, И. Д. Андрееву, И. Г. Герасимову, П. В. Копнину, Г. И. Рузавину, И. Г. Рузину, В. С. Стёпину и другим.

Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день нет однозначного определения науки. В различных научных источниках насчитывается более 150 определений науки.

Наиболее принятым является определение науки (греч. *episteme*, лат. *scientia*) как *своеобразной сферы творческой человеческой деятельности, функция которой – выработка, накопление и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, что позволяет ей предвидеть события и тем самым создавать основу для целесообразной практической деятельности людей* [Бабосов 2009 : 6].

Причины такой неоднозначности науки многочисленны и разнородны. Прежде всего следует отметить то, что наука сегодня является *сверхсложной социальной системой*, имеющей многоуровневую структуру: наука как познавательная деятельность; как знание, определённая дисциплина; как социальный институт; как инновационная деятельность и как социокультурная подсистема [Лебедев 2008 : 545].

Вторая причина состоит в том, что за 23 века своего существования наука прошла ряд этапов развития, изменяясь на каждом этапе [Горелов 2010 : 29]. В результате процесса исторического развития границы между наукой и не-наукой постоянно меняются: то, что было вчера не-наукой, сегодня обретает статус науки [Ивин, Никифоров 1998 : 214, Лекторский 2004 : 184], а потому науку не всегда легко отделить от других форм общественного сознания [Бабосов 2009 : 137].

Очень кратко остановимся на этих аспектах.

Наука в её современном понимании является принципиально новым фактором в истории человечества, возникшим в недрах новоевропейской цивилизации XVI-XVII вв.

Немецкий философ К. Ясперс говорит о двух этапах становления науки:

- *первый этап* – «становление логически и методически осознанной науки – греческая наука – и параллельно зачатки научного познания мира в Китае и Индии»;

- *второй этап* – «возникновение современной науки, вырастающей с конца Средневековья, решительно утверждающейся с XVII в. и развертывающейся во всей широте с XIX века» [Ясперс 1994 : 100].

Современный философ науки А. Уайтхед об этом феноменальном явлении античной науки писал: «Греческий гений был философичен, прозрачен и логичен. Эти люди задавали, прежде всего, философские вопросы... Их умы увлекала страсть к обобщению эмпирических знаний, они требовали ясных и смелых идей и строгих умозаключений из них, это было совершенство, это был гений, это была идеальная подготовительная работа, но это ещё не было наукой в нашем понимании» [Уайтхед 1990 : 49].

П. П. Гайденко выражает эту мысль в парадоксальной формулировке: «Античная наука существовала в форме философии» [Гайденко 1980], т. е. была натурфилософией – общей наукой о природе, мире, о действительности, иначе говоря, преднаукой [Хрусталёв 2009 : 17], мало связанной с практическими задачами жизни людей.

И только с XVII века наука стала определять лицо новой цивилизации – техногенной [Хрусталёв 2009 : 26]. Социальным стимулом развития науки стало растущее капиталистическое производство, которое требовало новых природных ресурсов и машин, новых идей и знаний. Для осуществления этой потребности и понадобилась наука в качестве производительной силы общества.

Тогда же и были осмыслены новые идеи и цели науки, которая стала ориентироваться на практическое использование научных результатов, чтобы «эти познания (эти новые способы представления) сделали нас хозяевами и обладателями природы» [Декарт 1953 : 305].

В условиях западной культуры (с её рационализмом и деятельностным направлением ума), обусловленной объединённым влиянием социальных, духовных и природных факторов [Горелов 2010 : 31] произошла *научная революция XVII века* [Кохановский и др. 2008 : 70-75], заключающаяся в радикальной смене основных компонентов содержательной структуры науки.

Возникнув после философии и религии, наука стала в определенной степени синтезом двух предшествующих ей отраслей культуры, результатом «существовавшей в Средние века непререкаемой веры в рациональность Бога, сочетающего личную энергию Иеговы с рациональностью греческого философа» [Пригожин, Стенгерс 1986 : 92].

На этой основе в Новое время решается уникальная задача: поиск наиболее общих средств познания мира, т. е. создание *системы методов и приёмов* добывания нового знания. Выдающийся английский учёный и философ **Френ-**

сис Бэкон (1561-1626) предложил «*Новый органон*», который стал первой методологией, указывающей учёным кратчайшие пути к новым знаниям, а индукцию как всеобщий метод познания. Ему принадлежит знаменитый афоризм: «Знание – сила».

Его современник, выдающийся французский учёный и философ *Рене Декарт* (1596-1650), которого называли «отцом новой философии и науки», заложил основы методологии науки, создав общефилософский метод рассуждений. Его знаменитый афоризм: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Итак, Ф. Бэкон и Р. Декарт стали пионерами создания философской методологии, разработав первые научные методы. Они своими радикальными учениями о методах заложили основы эмпирической и рациональной научно-философской методологии Нового времени.

С этих пор значение науки неуклонно возрастало вплоть до XX века, и вера в науку поддерживалась её огромными достижениями: «Моя вера – это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки» (И. П. Павлов).

В середине XX века в результате растущей связи науки с техникой произошло событие, равное по масштабу научной революции XVII в., получившее название *научно-технической революции (НТР)* и ознаменовавшее новый, третий этап в развитии науки [Горелов 2010 : 32].

2.2. Характерные черты науки

Дальнейшее развитие науки определялось внешними и внутренними факторами. При этом внутренняя динамика развития науки имеет свои особенности на каждом уровне познания. Так, эмпирическому уровню присущ *кумулятивный характер*, поскольку даже отрицательный результат наблюдения или эксперимента вносит свой вклад в накопление знаний. При этом наука, суммируя опыт прошлого, выступает в роли «социальной памяти» человечества, обеспечивая поступательный характер, т. е. *рост науки*.

Теоретический уровень познания отличается «*скачкообразным*» характером, т.к. каждая новая теория представляет собой качественное преобразование знания.

В начале 60-х годов XX в. американский учёный *Томас Кун* (1922-1996) выдвинул концепцию, в соответствии с которой теория до тех пор остаётся принятой научным сообществом, пока не подвергается сомнению основная парадигма (от греч. *paradeigma* – «пример, образец») – совокупность наиболее общих идей и методологических установок в науке, признаваемых данным научным сообществом. Динамика науки была представлена Т. Куном следующим образом:

старая парадигма → *нормальная стадия развития науки* → *революция в науке* → *новая парадигма*.

Таким образом, Т.Кун считает, что развитие науки представляет собой процесс поочередной смены двух периодов: «нормальной науки», когда научные теории «дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» и «науки революций», когда «учёные видят вещи иначе, как будто они попали на другую планету» [Кун 1977 : 11].

По Т. Куну, парадигма, или «дискриминарная матрица» – это начало всякой науки, т.к. именно парадигма обеспечивает возможность целенаправленного отбора фактов и их интерпретации [Кун 1997].

Согласно **Карлу Попперу** (1902-1994), развитие научного знания является непрерывным процессом ниспровержения одних научных теорий и заменой их другими. Исходя из концепта *рост научного знания*, К. Поппер настаивал на изощренной фальсификации теории (от лат. *falsus* – «ложный» и *facio* – «делаю») – нахождение ошибочности и опровержимости теории для отделения научного знания от ненаучного. Сама идея роста научного знания признаётся продуктивной и актуальной и для наших дней, хотя её потенциал сам К. Поппер использовал не до конца [Канке 2008 : 194].

В целом К. Поппер представил этот процесс в виде следующего алгоритма, состоящего из девяти шагов:

- выдвижение гипотезы;
- оценка степени фальсифицируемости (опровержимости) гипотезы;
- выбор предпочтительной гипотезы;
- введение эмпирически проверяемых следствий;
- проведение экспериментов;
- отбор следствий, имеющих принципиально новый характер;
- отбрасывание гипотезы в случае ее фальсификации (если она не фальсифицируется, то она временно поддерживается);
- принятие конвенционального или волевого решения о прекращении проверок;
- объявление определенных фактов и теорий условно принятыми [Поппер 1983].

Иными словами, по Попперу наука развивается благодаря выдвижению смелых предположений и их последующей беспощадной критики путем нахождения контрпримеров.

Имре Лакатос (1922-1974) вслед за К. Поппером полагает, что основой теории *научной рациональности* (или методологической концепции) должен стать принцип *критицизма*. Им была разработана методологическая концепция «утонченного фальсификационизма», или методология научно-исследовательских программ [Лакатос 1995].

Развитие науки И. Лакатос представляет не как чередование отдельных научных теорий, а как «историю рождения, жизни и гибели исследовательских программ».

Стивен Тулмин (1922-2009), в отличие от «революционной» модели Т. Куна рассматривает *эволюционную модель*, которая строится по аналогии с теорией Ч. Дарвина, и объясняет развитие науки через взаимодействие процессов *инновации* и *отбора* [Тулмин 1978], т. е. науку он представляет как непрерывную *генеалогическую проблематику*. Формула С. Тулмина гласит: *научные проблемы = идеальное объяснение – современные возможности*, в соответствии с «идеалами естественного порядка» [Канке 2008 : 248].

Рассмотрение научных знаний как *целостной развивающейся системы* следует ещё дополнить концепциями «основных тем науки» (Дж. Холтона); «исследовательской традицией» (Л. Лаудана); сторонника безудержного «размножения» теорий иррационализма и анархизма в науке *Пола Карла Фейерабенда* (1924-1994) и автора концепции «неявного знания», передаваемого через непосредственное обучение и личные контакты – *Майкла Полани* (1891-1976).

Всё это сформировало науку как многофункциональное явление, обладающее рядом характерных черт.

1. *Универсальность*: получаемые ею знания пригодны для всех людей и её язык – однозначный.
2. *Фрагментарность*: изучает не бытие в целом, а различные фрагменты реальности, а сама делится на отдельные дисциплины, которые являются определенной проекцией на мир.
3. *Общезначимость*: получаемые ею знания пригодны для всех людей и её язык – однозначный.
4. *Обезличенность*: ни индивидуальные особенности ученого, ни его национальность или место проживания никак не представлены в конечных результатах.
5. *Систематичность*: наличие определенной структуры, а не бессвязный набор частей.
6. *Незавершенность*: невозможность достижения абсолютной истины.
7. *Преемственность*: новые знания по определенным правилам соотносятся со старыми.
8. *Критичность*: готовность поставить под сомнение и пересмотреть свои даже самые основополагающие результаты.
9. *Достоверность*: ее выводы требуют, допускают и проходят проверку по определенным, сформированным в ней правилам.
10. *Внеморальность*: научные истины нейтральны в морально-этическом плане, а нравственные оценки могут относиться либо к деятельности по получению знания, либо к деятельности по его применению.
11. *Рациональность*: получение знаний на основе рациональных процедур и законов логики и доходит до формулирования теорий и их положений, выходящих за рамки эмпирического уровня.
12. *Чувственность*: полученные результаты требуют эмпирической проверки с использованием восприятия, и только после этого они могут считаться достоверными [Михайлова 1972].

Эти свойства науки образуют шесть диалектических пар: универсальность – фрагментарность, общезначимость – безличность; систематичность – незавершенность; преемственность – критичность; достоверность – внеморальность; рациональность – чувственность [Горелов 2010 : 18].

Отмеченные характерные черты науки позволяют ей дистанцироваться от всех других отраслей культуры.

- Отличие науки от *мистики* заключается в стремлении не к слиянию с объектом исследования, а к его теоретическому пониманию и воспроизведению.

• От *искусства* наука отличается рациональностью, не останавливающейся на уровне образов, а доведённой до уровня теорий; индивидуальностью-коллективностью: «Искусство – это я, наука – это мы» (К. Бернар).

• От *философии* науку отличает то, что её выводы допускают эмпирическую проверку и отвечают не на вопрос «почему?», а на вопросы «как?» и «каким образом?» [Мамчур 2008 : 162].

• Наука отличается от *религии* тем, что разум и опора на чувственную реальность имеют в ней большее значение, чем вера, хотя в науке есть вера в познавательные возможности разума.

• По сравнению с *идеологией* научные истины общезначимы и не зависят от интересов определённых слоёв общества.

• В отличие от *техники* наука нацелена на познание мира, а не на прямое использование научных знаний о мире для его преобразования.

• От *обыденного сознания* наука отличается теоретическим осмыслением действительности [Ивин, Никифоров 1998 : 214-215; Горелов 2010 : 18-19].

Тем не менее эти области культуры объединяет творческое отношение к действительности и её отражению, а также взаимодействие в рамках определённой культуры [Михайлова 1972; Рубинштейн 2007].

Всё сказанное о науке можно свести в схему 3 [Бабосов 2009 : 67].

Схема 3

Наука как динамическая система



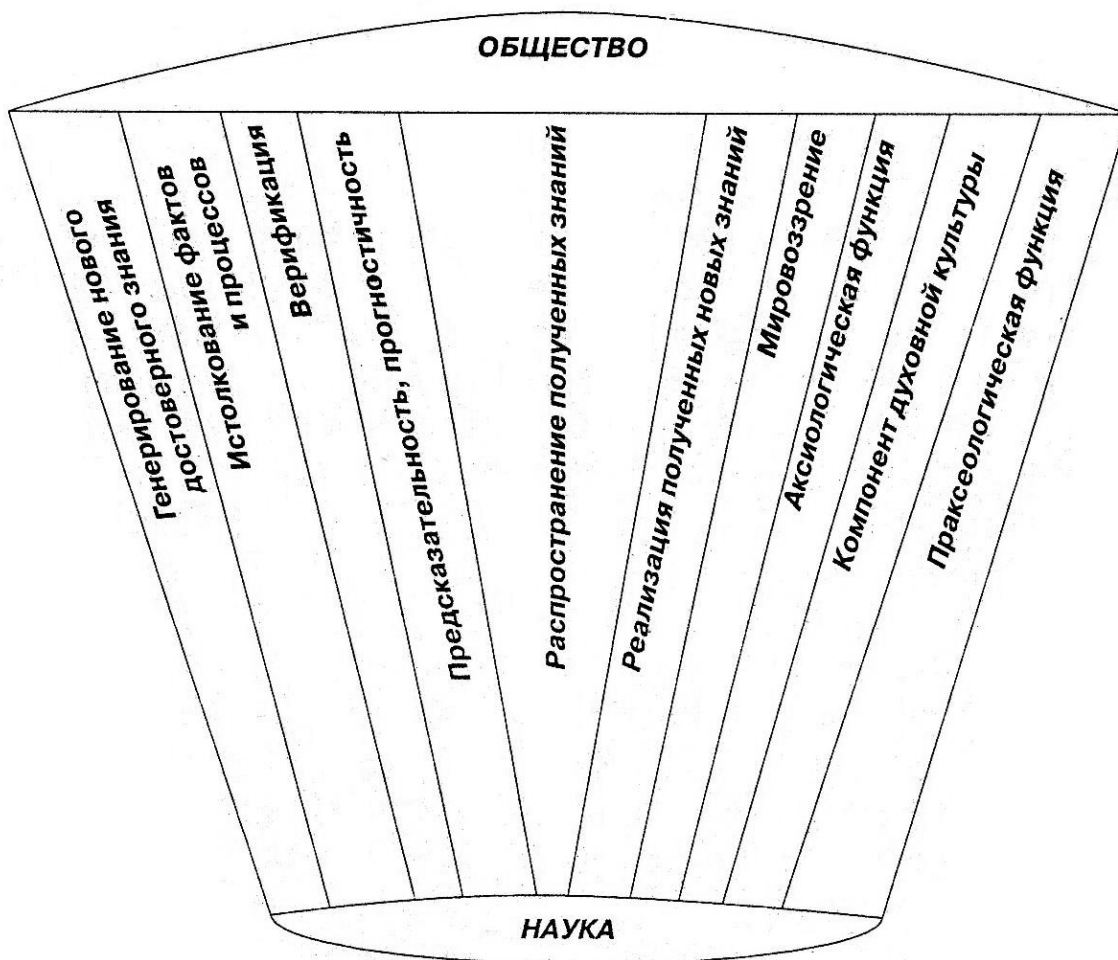
2.3. Функции науки в обществе

Существование науки в качестве особого *социального института* состоит в том, что учёные, объединённые в различные локальные и глобальные социальные системы на основе единства целей и средств своей профессиональной деятельности, обеспечиваются определённой системой научных коммуникаций и юридическим статусом [Лебедев 2008 : 64].

Это даёт науке возможность выполнять в обществе определённые функции, представленные на схеме 4 [Бабосов 2009 : 93].

Схема 4

«Социальный веер» функций науки в обществе



Как видно из схемы, **первая** важнейшая социальная функция науки – это, безусловно, *генерирование нового достоверного знания*, которая проявляется: а) в получении нового знания в результате научной деятельности; б) преемственности; в) в оценке степени научной новизны; г) в поддержке новых идей.

Вторая функция – *интерпретационная*, которая заключается не только в том, что научная теория объясняет те явления и процессы, которые мы видим в окружающей действительности, но и то, почему мы видим именно это и именно таким.

Третья функция состоит в *верификации*, т. е. в проверке истинности выдвигаемых научных положений и теоретических конструкций и в установлении их достоверности.

Четвёртая функция – *прогностическая*, т. е. возможность предсказывать возникновение новых, ранее не известных фактов, явлений, процессов, которые могут произойти в будущем.

Пятой существенной функцией науки является *распространение полученных знаний*, включение их в информационные процессы и тем самым оказывать самым влияние на различные сферы общества.

Шестая функция науки заключается в её способности *реализовать полученные знания* в технике и технологиях сообразно целям, нормам, критериям и т. п., которые складываются в обществе и варьируются от эпохи к эпохе.

Седьмая социальная функция науки проявляется в том, что она с самого начала своего возникновения составляла и составляет очень важный *компонент духовной культуры*, поскольку своим стремительным развитием она приводит к возникновению могущественной *технокультуры*, которая в начале XXI века расширяет свои масштабы «человекообразности» и превращается в своеобразный *социо – технико – инновационно (информационно) – научно – культурный суперкомплекс* [Бабосов 2009 : 219].

Восьмая состоит в том, что, создавая научную картину мира, наука выполняет *мировоззренческую функцию*.

Девятая функция – *аксиологическая*, которая представляется в том, что формируя систему ценностей, мышления и поведения людей в различных ситуациях, наука оказывает воспитательное воздействие на индивидов, их социальные группы и общество в целом.

Десятая функция – *праксеологическая (деятельностная)*, которая осуществляет во всех сферах общества инновационную деятельность [Бабосов 2009 : 88-93].

2.4. Структура научной деятельности

Из предшествующих разделов ясно, что дать ответ на такой казалась бы ясный вопрос, *что такое наука*, оказывается не так просто, поскольку наука представляет собой очень сложный и противоречивый феномен. И это, как мы видели, относится не только к её истории, но и её синхронному бытованию.

Из всего сказанного также ясно, что самым существенным аспектом бытования науки является её специфического вида деятельность – *научная*. Понятно, что наука – это прежде всего когнитивная, познавательная деятельность. Мы уже отмечали, что любая деятельность – это целенаправленная, процессуальная, структурированная активность человека-исследователя.

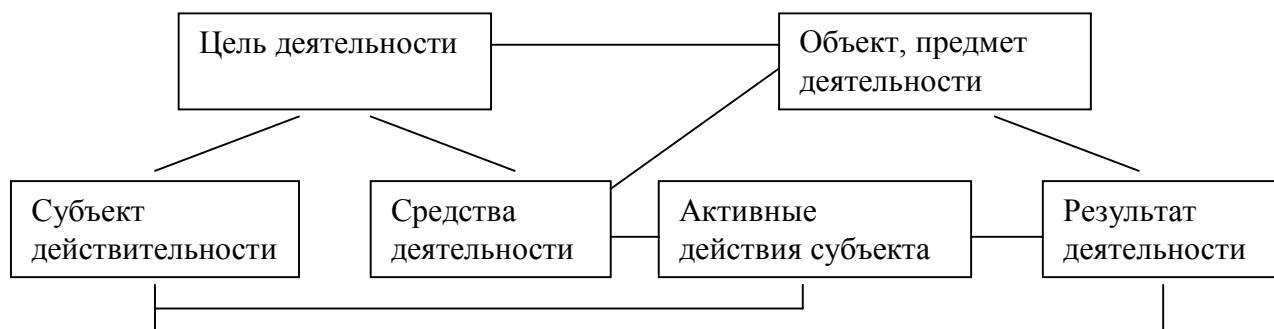
Уже из этого следует, что деятельность, даже в своём элементарном акте [Щедровицкий 1997; 1998; 1999; Стёпин 2000; 2006; 2010] представляет собой многокомпонентный процесс, который включает шесть взаимосвязанных элементов: 1) субъект деятельности (познающий человек); 2) объект, предмет деятельности, на который направлено действие; 3) цель деятельности; 4) средства деятельности; 5) сами активные действия и 6) результат деятельности.

Эта шестизвенная система специфически реализуется в научной деятельности [Бабосов 2009 : 19] – см. схему 5.

Обозначим, прежде всего, элементы шестизвенной схемы деятельности, а затем обсудим специфику структуры научной деятельности.

Схема 5

Структура деятельности



Ядро научной деятельности впервые было осмыслено ещё пионерами философской методологии и эпистемологии Ф. Бэконом и Р. Декартом, выделившим оппозицию субъект и объект познания. *Субъект* согласно Декарту, это мыслящая субстанция – человек, а объект – природа, мир, созданный Богом [Декарт 1953]. С тех пор они становятся отправными точками научного познания мира, позволяющими понимать роль и значение самой сути познания. Основная цель состоит в получении нового научного знания. Основными средствами являются имеющиеся в распоряжении исследователя методы, приёмы, методики и операции, способствующие достижению цели. Активные действия субъекта – это сам процесс научного творчества. А продукт научной деятельности – это проблемы, гипотезы, научные идеи, теории, открытия и т. п., которые производятся единично и поштучно, т. е. они уникальны и неповторимы. Главный критерий эффективности науки – не материальный эффект, а *новизна научного продукта* как одна из основных ценностей и целей научного познания наряду с *адекватностью* (истинностью) и *полезностью* полученных научных знаний [Бабосов 2009 : 39] – см. схему 6 на с. 81.

Рассмотрим каждый компонент научной деятельности в его развитии. В понимании «*субъект научного познания*» существует четыре основные концепции: 1) объективно-трансцендентальная¹, 2) субъективно-трансцендентальная, 3) эмпирическая и 4) социальная.

Согласно *первой* концепции *субъектом* научного познания выступает некий безличностный объективный разум («душа» у Платона, «идея» у Гегеля и др.), а учёные лишь орудия, средства этого Абсолютного разума.

¹ Трансцендентализм – восходящая к временам Античности трактовка философии как множества всеобщих, необходимых и абсолютных истин, лежащих в основе любого частнонаучного знания и имеющих внеопытную природу. Такой подход в естествознании получил название н а т у р ф и л о с о ф и и (науки о природе). Но трансцендентализм шире натурфилософии, т. к. он имеет место и в науках о мышлении, обществе, человеке, языке и т. д. См. раздел 7.3.5 пособия.

Структурная модель научной деятельности



Согласно *второй* концепции (Р. Декарт, И. Кант и др.) *субъектом* выступает отдельная, но обобщенная и идеализированная личность (*субъект*), обладающая абсолютными способностями чувственного и рационального познания.

Третья позиция состоит в том, что науку делают конкретные, отдельные личности, обладающие определёнными способностями, которые выдвигают на проверку многочисленные гипотезы и те, которые выдерживают проверку, становятся «зерном» Истины.

Наконец, современная позиция о *субъекте* научной деятельности исходит из того, что конкретные реальные учёные – всегда продукт своей эпохи, обладающие *профессиональной* подготовкой в какой-либо *специализированной* области (дисциплине, конкретной науке).

Более того, по самой сути науки как открытой инновационной системы сам процесс выдвижения, обоснования и оценки когнитивных инноваций носит *коллективный, социальный* характер. Поэтому чаще всего в наши дни *субъектом* научной деятельности выступает не отдельный исследователь, а научный

коллектив, научный социум (проблемная группа, лаборатория, научный институт, кафедра, научная школа и т. д.). Вот отсюда и афоризм К. Бернара: «Искусство – это я, наука – это мы».

Однако это не значит, что всё научное знание обезличено, *деперсонифицировано*. Стремясь преодолеть ложный идеал такого знания, Майкл Полани подчеркивал, что в научной деятельности чрезвычайно важным является не только культурно-историческая и социальная обусловленность субъекта познания, но и цели и мотивы его личного опыта, его мастерство, переживания, заинтересованность учёного, делающего науку, а поэтому в продукте «познания всегда есть доля личностного знания» [Полани 1985 : 105].

Объектом научной деятельности выступает какая-либо материальная или идеальная система, т. е. такая сущность (реальная, абстрактная или сконструированная), которая находится вне сознания учёных и на которую направлена активность субъекта деятельности.

А потому различают: 1) объекты как элементы материального мира; 2) объекты как предметы чувственного опыта; 3) абстрактные (мысленные) объекты и 4) идеальные (теоретические объекты) [Лебедев 2008 : 225].

Отметим, что наука – принципиально *объектный тип познания*, и в этом главное отличие научного познания от других типов познания бытия (художественного, мистического, религиозного, мифологического и др.)¹.

Следует подчеркнуть, что если *предметом науки* в целом считается «всё потенциально бесконечное множество объектов и различных систем объектов, их свойств, отношений, законов функционирования и изменения» [Лебедев 2008 : 104], то в конкретном научном исследовании науковедение предлагает различать *объект* и *предмет* исследования. При этом отношения между ними одни исследователи видят 1) как целое (объект) и часть (предмет), или сторона, аспект (Е. В. Бережнова, И. Н. Кузнецов, М. Е. Сысоева и др); 2) другие – как объективное (объект) и субъективное (предмет) (И. Г. Безуглов, В. В. Лебединский, А. И. Безуглов), против чего резонно возражает В. А. Канке [Канке 2008 : 203]; 3) предмет как «угол зрения» исследователя на объект (В. В. Краевский, М. А. Галагузова); «*видения как*» (по Дж. Сёрлу) им «*фокуса*» познающего субъекта (по У. Л. Чейфу). Именно эта последняя точка зрения представляется нам более рациональной и достоверной.

Следующая по значимости и обусловленная генерированием новых научных знаний отличительная особенность научной деятельности – её *инновационный характер*. Сущность инновации проявляется в том, что она представляет собой созданное в процессе научной деятельности и практически используемое средство для удовлетворения общественных потребностей или средство, направленное на достижение поставленной цели и дающее реальный эффект в процессе воплощения нового научного знания [Бабосов 2008 : 24].

¹ Иначе выглядит деятельностная модель познания К. Р. Поппера, в которой предметом научного познания считается не *объект*, а *научная проблема*. В целом эту оригинальную и богатую концепцию не включен *субъект* с его творческим потенциалом и переменными целями, что обусловлено специфической моделью трех миров К. Поппера. Поэтому модель К. Поппера «не может быть признана в полной мере деятельностным изображением процесса научного познания». И его «ошибка» будет позже исправлена в других моделях научной деятельности, например, в парадигмальной теории развития науки Т. Куна [Лебедев 2008 : 103].

Из этого следует, что инновационные изменения, происходящие в процессе развития науки, представляют собой возникновение новых способов познания окружающей нас действительности и их применение к созданию таких технико-технологических новшеств, которых не существовало на предыдущих стадиях научного и социально-экономического развития.

Чтобы инновации, базирующиеся на научных знаниях, стали эффективными, необходима очень большая «доля живого труда, больше, чем в других видах деятельности, и гораздо меньшей – *овеществлённого*» [Бабосов 2008 : 26], что требует значительных кадровых ресурсов, чем и вызван огромный рост научных работников¹. А это в свою очередь остро поставило вопрос о роли профессионализации и специализации в развитии науки мировой [Вебер 1990] и отечественной [Шкляр 2009 : 21-55; Бабосов 2009; Абдулова 2011].

Ещё одной важной отличительной чертой научной деятельности является *социальная и культурная детерминированность*. Каждый индивид, а тем более человек, занимающийся наукой, все свои действия совершает в определённой среде: «Действие закодировано культурными системами и мотивировано индивидуальностью», – указывает социолог науки Макс Вебер [1990]².

Но когда мы говорим о социокультурных факторах, влияющих на научную деятельность, следует иметь в виду, что жесткой детерминации научного познания *нормами и ценностями культуры* не существует. Достаточно вспомнить не такие уж редкие факты, когда научная деятельность того или иного учёного, как говорится, опережала своё время. Более того, эта обусловленность часто индивидуализирована. Так, хорошо известно влияние Федора Михайловича Достоевского на творческое своеобразие создателя теории относительности Альберта Эйнштейна. Но совершенно неправильно было бы из этого факта делать вывод, будто сущность теории относительности предопределена особенностями художественного творчества великого русского писателя³. Речь может идти только в косвенном влиянии писателя. А в целом можно утверждать *взаимодетерминированность* развития науки и культуры [Бабосов 2009 : 37].

Наконец, следует остановиться ещё на одной особенности научной деятельности, которая, собственно говоря, обусловила специфику всей научной деятельности, органически вошла во все структурные компоненты модели научной деятельности, предложенной отечественным академиком-социологом науки Евгением Михайловичем Бабосовым [Бабосов 2009], – это её *творческий характер*, что напрямую связано с её *инновационностью*.

История науки даёт многочисленные примеры творчества её создателей. Всякое творчество, включая научное, индивидуально. Творческий научный про-

¹ Если с конца XVIII в. до начала XX в. развитие мировой науки обеспечивали 15 тысяч учёных, до середины XX столетия – 400 тысяч, то в настоящее время более 3 млн. научных работников, а на сегодняшний день – 12 млн. [Абдулова 2011 : 398]. За последние 30 лет создано 70% знаний человечества, полученных за всю историю его существования, поэтому численность учёных удваивается каждые 12-15 лет [Тихонов, Ворона 2009 : 27].

² *Макс Вебер* (1864-1920) – видный немецкий философ, экономист, социолог и социолог науки, разработавший целостное учение о методологии общественных наук и методов социально-гуманитарного познания, работы которого высоко оцениваются отечественной философией науки и науковедением [Кохановский и др. 2008 : 495-504].

³ Но, с другой стороны, именно *этого писателя-мыслителя*, в произведениях которого идёт исследование духовности человека.

цесс, как и всякое искусство, не терпит шаблонов и мертвящей схемы. Путь подражания нерационален, т.к. правда науки, её результаты и выводы рождаются как открытия (большие и малые) в процессе научной работы, в процессе слияния метода и материала, в процессе осмысления фактов исследователем в свете его мировоззрения, интуиции и мастерства. Потому не вызывают удивления слова **Климента Аркадьевича Тимирязева**, сказанные в назидание молодым коллегам: «Творчество поэта, диалектика философа, искусство исследователя – вот материалы, из которых слагается великий учёный» [Тимирязев 1948 : 26].

Итак, проблема творчества в науке имеет, по крайней мере, четыре взаимосвязанных аспекта: 1) творческая личность учёного; 2) творческая интуиция и даже «озарения» 3) творческий процесс самого исследования и 4) продукт творчества.

Если эти четыре аспекта совпадают в едином и целостном акте, то возникают качественно новые научные идеи, реализованные в новых теориях. И тогда реализуется самый труднодостижимый результат – «творческий научный продукт, призванный изменить основные принципы, традиции, взгляды людей на мир. В этом состоит сущность научного творчества – главного двигателя научной деятельности» [Бабосов 2009 : 40].

Как мы видим по схеме 6, остались неосвещёнными три особенности научной деятельности: *аксиологический* и *этический* компоненты будут рассмотрены в отдельной главе (см. главу 4, разделы 4.1 и 4.2). Вопрос о *рациональности* научной деятельности, обусловленный определённым типом науки и философии науки, будет раскрыт в следующем разделе (2.5).

2.5. От классической науки к современной

Как известно, наука – явление конкретно-историческое, проходящее в своем развитии ряд качественно своеобразных этапов. В разделе 2.1 было показано, когда, как и зачем возникла наука, были охарактеризованы два основных этапа её становления и утверждения себя в качестве самостоятельного явления культуры (её *институционализации*).

В философии, философии науки и науковедении вопрос о периодизации науки вплоть до наших дней является дискуссионным и активно обсуждается в отечественной и зарубежной литературе.

Для современного исследователя, возможно, проблема периодизации науки важна не сама по себе. Чтобы работать в ней в наши дни, надо хорошо представлять специфику современной науки и то, что она унаследовала от других периодов. Вот потому мы не будем обсуждать то, по каким критериям (по научным революциям, по типам ли рациональности, по типам теории, динамике знания, соотношению субъекта и объекта и т. д.) выделяются периоды науки, а дадим краткую характеристику трём основным её этапам: *классическая*, *неклассическая* и *постнеклассическая* (современная) наука [Стёпин 1992; 2000; 2010; Лекторский 2001; Лебедев 2007; 2008; 2010; Канке 2008; Хрусталёв 2009...].

2.5.1. Специфика классической науки (XVII – XIX вв.)

1. Как мы уже отмечали, классическая наука возникла в Новое время как новый тип познания, сущность которого может быть характеризована как экспериментально-математическое исследование и описание различного рода объектов. Общая схема познания: «субъект – средства познания – объект», т. е. (S – C – O), в классическом типе научная рациональность концентрирует своё внимание на *объекте познания*: (S – C [O]). Это значит, что исследуя свои объекты, который, согласно Канту, «никем не дан», а *задан* формами человеческой чувствительности и рассудка, т. е. канонами науки [Кант 1999], наука стремилась при их описании и теоретическом объяснении устранить по возможности все, что относится к субъекту, средствам, приёмам и операциям его деятельности, т.к. субъект как бы «включен» в сам процесс познания. Такое устранение рассматривалось как необходимое условие получения *объективно-истинных* знаний о мире. Потому в этот период господствует *объективный* стиль мышления, стремление познать предмет сам по себе, безотносительно к условиям его изучения субъектом.

2. Специфика классической науки проявлялась, прежде всего, в *фундаментализме* и *нормативизме*. Сам идеал знания должен быть обоснован, т. е. следует найти такой фундамент наших знаний, на базе некоторых неизменных норм, который не вызывает никаких сомнений. А все то, что претендует на знание, но не покоится на этом фундаменте, должно быть отвергнуто.

3. В это время происходит разделение концепций на *эмпиризм* (<греч. *empeiria* – «опыт») и *рационализм* (< лат. *rationalis* – «разумный»). С точки зрения эмпиризма обоснованным может считаться только то знание, которое в максимальной степени соответствует данным *чувственного опыта*, в основе которого лежат либо ощущения (*сенсуализм*), либо «чувственные данные» (*неореализм*), либо элементарные протокольные предложения (*логический эмпиризм*).

Рационализм в качестве знания рассматривал только то, что вписывается в систему «врождённых идей» (Декарт, Спиноза), либо в систему категорий и схем (Гегель). Кант пытался занять некую третью позицию в этом споре [Лекторский 2010 : 48].

Иначе говоря, суть этого типа *рациональности* заключается в том, что единственным источником истинного знания является только *мышление* (Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц, Гегель и др.). Основной аргумент рационалистов состоит в том, что «строительным материалом» истинного знания являются понятия, идеи, которые не что иное, как результат абстрагирующей деятельности мышления. Потому теоретическая истина («истина в чистом виде») является продуктом идеализирующей или конструктивной деятельности мышления. Чувственное познание и его результаты принципиально не могут выступать критерием истины, тогда как мышление, напротив, имеет право оценивать чувственные данные с точки зрения наличия в них истинного содержания. Коррелятом такого *гносеологического рационализма* в философии и методологии

науки выступает *теоретизм*¹ в форме либо критического рационализма², либо научного конструктивизма³, либо культурного априоризма⁴, не только в этот период, но и позже.

4. Следующая особенность науки этого периода заключается в *наукоцентризме*, который состоит в том, что большинство теоретико-познавательных систем исходили из того, что именно научное знание, как оно было представлено в математическом естествознании этого времени, является высшим типом знания, а то, что говорит наука о мире, то и существует на самом деле. И все проблемы, которые обсуждались в то время в теории познания, могли решаться только в свете этой установки.

5. Постепенно в рамках классического типа науки были разработаны её *философские основания*. В области *онтологии* – это принципы объективности и детерминизма (см. раздел 1.2). В области *гносеологии* – однозначный характер научных законов, аксиоматическая организация научных теорий и их экспериментальное обоснование. В области *методологии* – количественные методы описания объектов, эксперимент и математическая модель объекта. Приоритет введения в науку *гипотетико-дедуктивной методологии* познания принадлежит выдающемуся итальянскому физическому Галилео Галилею (1564-1642), который, по словам А. Эйнштейна, является «отцом современной физики и, фактически, современного естествознания вообще» [Эйнштейн 1967.IV : 82].

Значение методологии Г. Галилея для естествознания высоко оценил другой знаменитый физик Нильс Бор: «Галилеева программа, согласно которой описание физических явлений должно опираться на величины, имеющие количественную меру, дала прочную основу для упорядочения данных во всё более и более широкой области» [Бор 1971.2 : 526].

Заслуги перед наукой другого гениального учёного этого периода *Готфрида Вильгельма Лейбница* были настолько значительны, что через полвека основатель кибернетики *Норберт Винер* (1894-1964) предложил выбрать в анналы истории наук в качестве святого покровителя кибернетики именно Лейбница.

Нельзя не назвать ещё одного учёного этого периода *Исаака Ньютона* (1643-1727) – гениального английского физика, математика, астронома, заложившего основы классической науки: открыл закон тяготения; сформулировал

¹ *Теоретизм* – одна из основных философских интерпретаций природы научного знания, согласно которой основным критерием истинности/ложности любых научных теорий (парадигм) является не их соответствие конкретным эмпирическим данным, а их внутренняя непротиворечивость, конструктивная полезность и органическая «вписываемость» (гармония) в структуру наличного научного знания (М. Малкиш, Ст. Тулмин, Т. Кун и др.)

² *Критический реализм* – одна из форм теоретизма, в которой провозглашен принцип бескомпромиссной критики не только своих оппонентов, но и собственных моделей научного знания (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос и др.) Их влияние было ослаблено в постнеклассической науке.

³ *Научный конструктивизм* – одно из влиятельных направлений философии науки и науковедения, возникшие в конце 70-х годов XX века, в котором подчеркивалось, что человек не просто активное, деятельное существо, а постоянно *созидающее* своё бытие, а потому не существует никакой познавательной реальности, кроме той, которая создаётся (*конструируется*) субъектом познания (Э. Шмит, У. Матурана, Г. Рот, Х. фон Ферстер и др.)

⁴ *Культурный априоризм* – такой социокультурный тип науки, в котором признаётся *априорное знание* – знание, полученное не в результате опытного, эмпирического исследования предмета, а до него и независимо от такого исследования, и вообще от содержания объективной действительности. Примером такого знания учёные считают математическое и логическое знание.

основные законы механики; разработал интегральное и дифференциальное исчисление; создал систему земной и небесной механики и т. д. Оригинальный мыслитель-рационалист [Эйнштейн 1967].

Закончим анализ классической науки предвидением основателя науковедения *Джона Бернала*: «Основы науки могли быть позднее пересмотрены и изменены, однако воздвигнутое на них сооружение было прочным. И, что ещё важнее, общий метод для построения его был теперь известен и уже не подвергался угрозе быть когда-либо снова забытым» [Бернал 1956 : 276].

В конце XIX – начале XX веков произошел кризис классической науки, обозначивший границы её познавательных и социальных возможностей.

2.5.2. Особенности неклассической науки (начало XX века по 70-е годы)

В конце XIX века произошли научные революции в области естествознания: физике, биологии, математике. С онтологической точки зрения кризис классической науки был связан в основном с осознанием неуниверсальности теоретической парадигмы всей классической науки – механики Ньютона и её законов; обнаружением противоречий в математической теории множеств и в биологии – неспособностью объяснить механизмы наследственности.

В связи с этим исходным пунктом неклассической науки была разработка *релятивистской* и *квантовой* теории, которые отвергают объективизм классической науки, отбрасывают представление реальности как чего-то независимого от средств познания и познающего субъекта. В результате чего она осмысливает связи между знанием объекта и характером средств и операций деятельности субъекта. Иначе говоря, при неклассическом типе рациональности схема познания выглядит уже так: (S – [C – O]) [Канке 2008 : 100].

В сжатом виде новации неклассической науки можно свести к следующим характеристикам.

1. Идея активности познающего субъекта. Если в классической теории познания акцент делался на объекте познания, а целью познания считалось получение истинных знаний, соответствующих объекту, то неклассическая теория познания характеризуется признанием активной роли *субъекта* в познавательном процессе вызывает изменение представлений об объекте, который толкуется уже не как реальность в «чистом виде», существующая до и независимо от субъекта, и фиксирующаяся в актах созерцания, и её *определенный срез*, задаваемый через призму теоретических и операциональных средств и способов её освоения субъектом. Зависимость объекта от субъекта стала передаваться формулой: «Без субъекта нет объекта» Эта идея выражена ярко в словах выдающегося физика В. Гейзенберга: «Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [Гейзенберг 2006 : 169].

Результатом реализации принципа активности субъекта явилось следующее:

– понятие *реальность* само по себе было отнесено к разряду метафизических, легитимировано понятие «*научная реальность*» – результат конструктивной деятельности интеллекта;

– подвергалась критике теория отражения за пассивный взгляд на процесс познания, за чересчур упрощенную трактовку знания, за игнорирование в нем субъективно-конструктивного момента, установлена *субъект-субъектная* схема познания;

– была вскрыта недостаточность традиционной (локковской) теории абстракции, сводящей процесс образования понятий к процедуре обобщения, лежащей в основании абстракции отождествления и изолирующей абстракции, что поставило в число первоочередных задачу *формализации* процесса образования понятий, который мыслился исключительно как интуитивный, не подлежащий логическому контролю, акт.

2. Идея предпосылочности познания и знания

Она связана с заменой трансцендентального субъекта (см. раздел 2.4) конкретно-историческим, *социальным*. Сам познавательный процесс в результате мыслится как детерминированный конкретными условиями жизнедеятельности субъекта, социально-культурным фоном его существования, кооперативной природой его деятельности.

Исходным моментом научного познания является постановка проблемы, именно характер проблемы определяет взгляд на реальность и задает «горизонт её интерпретации» [Гейзенберг 2006 : 42]. Призванные служить решению поставленных проблем научные теории реализуют этот взгляд, «расчлняя» действительность под определенным углом зрения и создавая тем самым язык научного описания – способ говорения об этой реальности. В результате подходы к реальности должны быть необходимо опосредованы анализом форм её языкового представления, учетом того, что реальность не столько *отражается*, сколько *создается* в языке [Кубрякова 2004; 2009; 2010].

3. Антифундаментализм

Отказ от фундаментализма был связан с обнаружением изменчивости познавательных норм, невозможности формулировать жесткие нормативные предписания развивающемуся познанию. Попытки отделить знания от незнания с помощью таких жестких предписаний провалились [Лекторский 2010 : 50]. Реакции философов науки и науковедов на эту ситуацию очень разные (см.: Л. Витгенштейн, У. Куайн, В. А. Лекторский, К. Лоренц, Л. А. Микешина, К. Поппер, Р. Рорти, В. С. Стёпин, С. Тулмин и др.).

Благодаря работам по истории науки, которые подчеркивали историческую изменчивость базовых научных понятий (терминов), происходит снятие установки на поиск неизблемого фундамента научного познания в виде *окончательно истинных идей*. Согласно антифундаменталистской доктрине, в своих рассуждениях мы опираемся на гипотетические понятия, которые адекватны уровню решаемых задач и удовлетворяют нас до тех пор, пока их очевидность не подвергается сомнению.

4. Отказ от наукоцентризма

Культ науки в XX веке привел к провозглашению её как высшей ценности развития человеческой цивилизации, т. е. с *сциентизму* (от лат. *scientia* – «знание, наука»). Было осознано, что хотя наука и является важнейшим способом познания реальности, но не единственным. Она принципиально не может вытеснить *обыденное знание*. Для того, чтобы понять познание во всем многообразии его форм и типов знания, необходимо изучать и эти *до-научные* и *вне-научные* формы и типы знания. Самое важное при этом то, что *научное знание* не просто предполагает все другие типы знания, но и взаимодействует с ними [Витгенштейн 1994; Гуссерль 1994]. В связи с этим идёт острая дискуссия по вопросу о том, насколько и как следует учитывать все типы знания в научном.

5. Философия науки ставит терминологические вопросы в контексте проблемы разработки языка науки, смещая в процессе своего развития центр тяжести проблематики с термина как такового на анализ выражений и построение *концептуальных каркасов* научных теорий.

Современные представления о познавательном статусе научной теории, обнаруживающие сильное влияние инструменталистско-прагматических идей, можно представить в следующих тезисах:

5.1. Потребность в познании возникает из необходимости разрешения конкретной проблемной ситуации, детерминирующей познавательные инструменты – смыслы высказываний, обеспечивающие превращение неопределенной проблемной ситуации в целостную, контролируемую, поддающуюся разрешению.

5.2. Поскольку проблемная ситуация возникает в практической деятельности, постольку истинность научных теорий, призванных разрешить проблемную ситуацию, отождествляется с практическим эффектом данного разрешения.

5.3. Логико-семантическая замкнутость категориальных аппаратов научных теорий индуцирует идею несоизмеримости научных теорий, несовместимости их категориальных аппаратов, что требует нового подхода к осмыслению проблем *преемственности* в развитии научного знания и возможности *межнаучного синтеза* [Степин 2000 : 580].

Итак, завершая краткий экскурс, подчеркнем, что постнеклассическая наука значительно расширяет поле возможных мировоззренческих смыслов, с которыми согласуются её достижения. Она включена в современные процессы решения проблем глобального характера.

В результате этого теория научного познания и знания оказывается в центре многих наук о человеке, начиная с психологии и кончая биологией и исследованиями по истории науки. Возникновение информационного общества делает проблематику получения и ассимиляции научного знания одной из центральных для культуры в целом.

Неклассический этап развития «новоевропейской» науки проходит пик развития в 70-е XX века [Лебедев 2007 : 12], а затем в результате четвертой научной революции последней трети XX века и ряда других процессов зарожда-

ется *постнеклассическая наука* [Кохановский и др. 2008 : 397; Лебедев 2007 : 12; 2008 : 97; Канке 2008 : 100 и др.].

2.5.3. Характерные черты постнеклассической науки (70-е годы XX – начало XXI века)

В отличие от прежних этапов развития науки для данного периода характерно прежде всего изменение преимущественного типа *объектов* исследования: *сверхсложные системы*¹, включающие человека в качестве существенного элемента своего функционирования и развития, так называемые «человекоразмерные» системы: Земля как система взаимодействия геологических, биологических и техногенных процессов; Вселенная как система взаимодействия микро-, макро- и мегамира; Ноосфера как «мыслящий пласт» земли [Вернадский 1991; 1998]; Человек – «самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки» [П. Тейяр 1987 : 135], который «космичен по своей природе... центр бытия» [Бердяев 1989 : 293].

Принципы *онтологии* постнеклассической науки: *системность, структурированность, органицизм, нелинейный (многовариантный) эволюционизм, телеологизм, антропоцентризм.*

Её *гносеологические* основания: проблемная предметность, социальность (коллективность) научно-познавательной деятельности, концептуальность научного знания, полезность, экологическая и гуманитарная ценность научной информации.

Методология постнеклассической науки: методологический плюрализм, конструктивизм, консервативность, эффективность, целесообразность научных решений [Лебедев 2007 : 13]. Следовательно, общая формула современного познания: $(S-C=O)$ [Канке 2008 : 100], где S – субъект; C – средство познания; O – объект познания. Формула показывает, что постнеклассический тип познания учитывает *ценностно-целевые* устремления субъекта познания.

Раскроем названные и некоторые неназванные характерные черты постнеклассической науки.

1. Широкое применение идей и методов синергетики и кибернетики

Как мы уже отметили, сущность современной науки состоит в том, что она перешла к исследованию *сверхсложных* и в высшей степени *самоорганизующих* систем мира, что и потребовало решительной перестройки её концептуального облика в плане *онтологии, гносеологии и методологии*. Прежде всего, следует подчеркнуть изменения типа рациональности: формулирование *синергетического и кибернетического типа мышления.*

Краткая сопоставительная характеристика этих новых научных направлений дана В. В. Губановым [Губанов 2009 : 159-165], см. таблицу 4.

¹ Под *сложными* системами понимаются такие, которые состоят из большого числа независимых переменных и, стало быть, большого количества связей между ними [Горелов 2010 : 110]. Чем сложнее система, тем большее количество флуктаций, угрожающих её устойчивости. Флуктация (< лат. *fluctuation* – «колебание») – случайное отношение величины, характеризующей сложную систему от её среднего значения.

Общая характеристика синергетики и кибернетики

Сравниваемые категории	Синергетика	Кибернетика
Определение	Наука о самоорганизации в живых (биологических и социальных) и неживых системах	Наука об управлении в живых (биологических и социальных) и неживых системах
Объекты деятельности (исследования, разработки)	Нелинейные, неустойчивые, неравновесные, открытые, диссипативные ¹ , когерентные, кооперативные, саморазвивающиеся, хаотические системы (живые и неживые, функционирующие в естественных или искусственных условиях) синергетические системы – СС.	Устойчивые управляемые саморегулируемые системы, как правило, целевые, равновесные (живые и неживые, функционирующие в естественных или искусственных условиях) кибернетические системы – КС.
Предметы исследования, разработки как фундаментальной науки	Общие принципы, механизмы организации и самоорганизации, возникновения и развития, самоусложнения и разрушения СС; обратные связи, прежде всего положительные; нелинейная неравновесная термодинамика СС, <i>хаос</i> ² , сложные системы (их выявление, исследование, модельное представление)	Общие принципы, цели, правила, законы и закономерности управления и равновесия, устойчивости КС, связи и передачи управленческой информации в них; механизмы целенаправленного, самоконтролируемого поведения КС; обратные связи, прежде всего отрицательные; линейная равновесная термодинамика КС (их выявление, исследование, модельное представление)
Предметы исследования как прикладной	Закономерности и пограничные условия, характеризующие возникновение	Ограничения, свойственные КС, их происхождение, условия равновесия и устойчи-

¹ *Диссипативная система* – система, в которой происходит превращение энергии упорядоченных процессов в энергию неупорядоченных процессов. *Диссипация* (рассеяние упорядоченной энергии) эквивалентна росту энтропии в результате внутренних процессов в системе.

² *Хаос* – одна из древнейших и, возможно, изначальных моделей объективной реальности, в соответствии с которой реальность представляет собой множество событий и процессов, ведущих себя *случайным* образом, т. е. реализующих одну из бесконечного множества своих потенциальных возможностей, имеющих различную вероятность.

науки	самоорганизующихся систем, их структур, функций, качеств; эволюция, развитие, переход от хаоса к порядку, и наоборот; точки <i>бифуркации</i> ¹ , <i>аттракторы</i> ² (их установление, анализ); теоретические основы проектирования, моделирования, <i>квалиметрии</i> ³ СС	ности (их обнаружение, исследование); теоретические основы проектирования, создания и эффективного применения, моделирования и исследования КС, включая их идентификацию и имитацию, <i>квалиметрию</i>
Предметы разработки как области практической деятельности	Разработка и применение искусственных СС, методов и средств проектирования, моделирования, <i>квалиметрии</i> , исследования и эксплуатации	Искусственные КС; конкретные методы и средства проектирования, моделирования, эксплуатации, <i>квалиметрии</i> КС (их разработка, применение, наладка, эксплуатация и т. п.)

Отличие этого нового взгляда от традиционного, по мнению одного из основоположников синергетики Г. Хакена, состоит в переходе от исследования простых систем к сложным, от закрытых к открытым, от линейных (устойчивых) к нелинейным (неустойчивым), от рассмотрения равновесия процессов к нестабильности, от хаоса как первичной неустойчивости к структурогенезу [Хакен 2000 : 54-55].

Принимая эту методологию и тип мышления некоторые современные исследователи стремятся осуществлять комплексное, системное рассмотрение всей совокупности факторов современной науки: «Подобная постановка проблемы означает не что иное, как попытку построить модель самой науки как *самоорганизующейся* системы» [Лесков 2003 : 148].

Приоритетное направление новой парадигмы – анализ нестабильных, неравновесных систем – сталкивается с необходимостью исследования ещё одного феномена – *онтологической неопределённости*. Напомним, что в середине XX века неопределённость заинтересовала ряд западных учёных, занимающихся проблемами кибернетики и компьютерной связи. В работах Н. Винера, К. Шеннона, У. Эшби, Р. Хартли информация ставилась в зависимость от неопределённости и измерялась её мерой. Было принято считать, что неопределённость (или неожиданность) обратно пропорциональна *вероятности*: чем событие более вероятно, тем оно менее неопределенно. Вероятность предполагает устойчивое распределение признаков системы и нацелена на исчисление континуума возможных изменений [Кохановский и др. 2008 : 431; Налимов 2003].

¹ *Бифуркация* – разветвление (как минимум, раздвоение) в определённой точке путей дальнейшей возможной эволюции (изменении) системы, в которой система теряет свою устойчивость.

² *Аттрактер* – структура, обеспечивающая устойчивое состояние системы, её воспроизводство и нейтрализующая влияние на систему возмущающих внешних и внутренних воздействий.

³ *Квалиметрия* (от лат. *qualis* – «какой, какого качества» + *метрия*) – область науки, объединяющая методы количественной оценки качества чего-либо (продукции).

Таким образом, понимание мира не только как саморазвивающейся целостности, но и *хаосности* и *неопределенности* является важной особенностью постнеклассической науки, поскольку «без неустойчивости нет развития» [Князева, Курдюмов 1992 : 11].

Такое понимание обосновал И. Пригожин: нестабильность мира не означает, что он не поддаётся научному изучению, а неустойчивость далеко не всегда есть зло, подлежащее устранению. Неустойчивость может выступать условием стабильного и динамичного развития [Пригожин, Стенгерс 1986]. Следовательно, современная наука не может обойтись без вероятностей как характеристики современного бытия [Канке 2008; Кохановский и др 2008; Лебедев 2008; 2010; Хрусталёв 2010; Марков 2001 и др.].

Характеристика синергетики и кибернетики как новой научной парадигмы, нового образа мышления [Князева 1994; 2004; Князева, Курдюмов 1992; 2005; Лесков 2003; Моисеев 1993; Пригожин, Стенгерс 1986] имеет смысл лишь в том случае, если её научное значение не абсолютизируется [Канке 2008 : 229], а такие попытки существуют.

2. *Укрепление парадигмы целостности*, т. е. осознание необходимости глобального, всестороннего взгляда на мир, которое проявляется:

- во-первых, в целостности общества, биосферы, ноосферы, мироздания, внутри чего находится Человек как познающее целое;

- во-вторых, идеи и принципы, получившие развитие в современном естествознании (синергетике, кибернетике, информатике) внедряются в гуманитарные науки, в связи с чем наблюдается конвергенция (синтез) двух культур: научно-технической, технологической и гуманитарно-художественной, науки и искусства, в центре чего опять же оказывается человек;

- в-третьих, в выходе частных наук за пределы новоевропейской науки и культуры для обогащения европейского типа рациональности [Вернадский 1991; 1998]. Благодаря чему постнеклассическая наука органично включается в современные процессы формирования планетарного мышления, диалога культур, «становясь одним из важнейших факторов кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» [Стёпин 2000 : 714].

3. *Более широкое применение философии и её методов* во всех науках. Первые инновационные характеристики современной науки обусловили философское критическое «раздумье» об *основаниях* построения науки. А поскольку философия во все времена выполняла функцию «интеллектуальной разведки» [Хрусталёв 2010 : 125] и одновременно «предохраняла от ложных путей» и была «хранительницей науки» [Кант 1995 : 258], то естественно возрастает интерес исследователей по всем функциям философии. Наблюдается своеобразная «реставрация» ряда античных идей философии и идей классической и неклассической философии науки [Кохановский и др. 2008 : 400-404].

Наблюдается своеобразный *методологический плюрализм*: было осознано, что в современной науке нельзя ограничиться лишь логикой, диалектикой и эпистемологией, а более, чем раньше, нужны интуиция, фантазия, воображение и другие средства постижения сложной и противоречивой современной

действительности. И эту ситуацию парадоксально выразил американский методолог науки Пол Файерабенд: «Всё дозволено».

Это привело к постепенному, но неуклонному ослаблению требований к жёстким нормативам научного дискурса и одновременно – к усилению роли внерационального компонента в процессе познания, а также к усилению идей историзма и диалектизма в исследованиях и одновременно усилению материализации наук как действенного инструмента познания.

4. *Стремление построить общенаучную картину мира на основе принципов глобального эволюционизма, объединяющего в единое целое идеи системного и эволюционного подходов.*

Все особенности современной науки, которые кратко описаны нами так или иначе касались *системного* подхода. Синергетика, кибернетика, информатика и т. д. дали возможность *углубить диалектику саморазвития* и на этой основе новую философскую картину Вселенной.

При этом Н.Н. Моисеев показал, что понятия *коэволюция*, или «*универсальный эволюционизм*» для современной науки не менее важны, чем к примеру синергетика [Моисеев 1998].

Вселенский эволюционизм, возникший в конце XX века – это общеполитическое понятие, означающее такое мировоззрение, согласно которому всё в мире рассматривается с позиции *эволюции* жизни на Земле и Вселенной. В связи с этим актуализировались *междисциплинарные* исследования жизненных процессов. Учёные осознали, что познать и понять *неопределённость* и *сложность* процессов глобального уровня саморазвития в жизненных процессах возможно, но только при исследовании их в более масштабном плане, который задаётся, главным образом, вселенской эволюцией как качественно нового состояния исследовательской деятельности бытия. Это позволяет снять барьер между прежними эволюционными сферами (живая и неживая природа) и включить их в *единые* концептуальные рамки познания.

Оценивая идеи античных мыслителей о Космосе как *начале* порядка, идеи основоположника *эволюционизма* **Чарльза Роберта Дарвина** (1809-1882), русские мыслители открыли космическую сущность жизни. Учение **Владимира Ивановича Вернадского** (1863-1945) о новой жизненной сфере – *ноосфере* и научной мысли как планетарном явлении [Вернадский 1989; 1991]. Учение **Константина Эдуардовича Циолковского** (1857-1935) о взаимосвязи и взаимодействии человека и Космоса способствовало формированию в научном сознании преобразующего воздействия Космоса на жизнь человека. **Александр Леонидович Чижевский** (1897-1964) первым заявил о диалектическом единстве органического мира Земли со звездными мирами, тем самым завершив мировоззренческую ломку геоцентризма, начатую ещё польским учёным **Николаем Коперником** (1473-1543). В современной науке завершилось осознание того, что всё живое – это *производные* сложнейших космических процессов в их синергетическом единстве.

Как видим, в обоснование универсального эволюционизма внесли свою лепту многие научные дисциплины, а также философия и философия науки. Однако определяющее значение, по мнению В. С. Стёпина, сыграли три важ-

нейшие концептуальные направления: во-первых, теория нестационарной Вселенной; во-вторых, синергетика и, в-третьих, универсальный эволюционизм [Стёпин 2000: 646].

Таким образом, *научной картиной мира* (см. раздел 2.4) в современной науке выступает описанная *научно-философская парадигма*, сложившаяся на конкретном этапе цивилизационного развития человечества [Хрусталёв 2009 : 225].

Таковы главные характеристики постнеклассической науки. Завершая анализ современной науки, напомним слова Френсиса Бэкона: «Совершенство науки следует ждать не от способности или проворства какого-нибудь отдельного человека, а от последовательной деятельности *многих поколений*, сменяющих друг друга» [Бэкон 1978 : 278].

Современную науку называют *Большой наукой* не столько потому, что она включает 15 тысяч научных дисциплин и в ней работают 5 млн. учёных [Кохановский и др. 2008 : 67], столько потому, что она в наши дни, действительно, «определяет, за какой из наций останется первенство» (К. А. Менделеев), т. е. наука стала решающим фактором самой цивилизации.



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чем Вы видите взаимоотношение философии науки и науковедения? Почему такое неоднозначное понимание роли науковедения для науки?
2. Какие Вы можете дать определения понятию *наука*?
3. В чем заключается феномен античной науки?
4. Когда и почему возникла Новая наука?
5. Существует два мнения о характере наук: одни считают, что она имеет *кумулятивный* характер, а другие – *революционный*. Какое из них Вы считаете верным? Почему?
6. Докажите, что наука – многофункциональное явление.
7. Какое место занимают науки в структуре культуры? Чем она отличается от других отраслей культуры и чем сходна?
8. Каковы функции науки в обществе? Какую из них Вы считаете основной? Аргументируйте своё мнение.
9. Назовите основные компоненты структуры деятельности человека.
10. Как Вы думаете, что составляет ядро научной деятельности?
11. Каково соотношение *объекта* и *субъекта* в разные периоды развития науки?
12. В чем проявляется инновационный характер научной деятельности?
13. Докажите, что научная деятельность носит творческий характер.
14. Когда возникла классическая наука? Почему она называется *классической*?
15. В чем проявляется *гносеологический рационализм* классической науки?
16. Каковы *философские основания* науки классического типа?
17. Каковы ключевые предпосылки возникновения неклассической науки?

18. Какие новации неклассической науки Вы помните?
19. Почему же возник кризис неклассической науки?
20. В чем заключается специфика объектов исследования в постнеклассической науке?
21. Каковы особенности синергетики и кибернетики как парадигмы научного мышления?
22. В чем суть антропного основания современной науки?
23. Что означает концепт «глобальный, или вселенский эволюционизм»? Какова его роль в формировании научной картины мира современной науки?
24. Как бы Вы прокомментировали следующие высказывания:
«Земля ограничена, а знаниям грани не предвидится» (Д. И. Менделеев).
«Завтрашние истины питаются вчерашними ошибками» (Сент-Экзюпери).
«Всё дозволено» (Пол Фейерабенд)
«Наука – основной элемент, объединяющий мысли людей, рассеянных по земному шару» (Ф. Жолио-Кюри).

Литература для углублённого изучения

Абдулова 2011	Кант 1999	Ракитов 1982; 2011
Ахлибинский 1989	Киященко 2000	Рассел 1957, 1999
Бабосов 2009	Князева 1994; 2004	Рубинштейн 2007
Бердяев 1989; 1996	Князева, Курдюмова	Смирнов 1988
Бернал 1956	1992; 2005	Стёпин 1992; 2000;
Библер 1975	Копнин 1974; 1987	2006; 2010
Блажевич 1999	Кохановский и др. 2008	Тимирязев 1948
Бор 1971	Кун 1975; 1977	Тихонов, Ворона 2009
Бородастов и др. 1985	Лакатос 1995	Тулмин 1978
Брушлинский 1996	Лебедев 2008	Уайтхед 1990
Буданов 2006	Лекторский 2010	Фейерабенд 1988
Бунге 1967	Малиновский 2000	Хакен 2000
Бэкон 1978	Мамчур 2008	Хрусталёв 2009
Вернадский 1988, 1989, 1991	Марков 2011	Шенк 1980
Витгенштейн 1994	Медушевский 2009	Шкляр 2009
Гайденко 2003	Микешина 2005	Шумилин 1989
Гейзенберг 2006	Моисеев 1998	Щедровицкий 1997;
Горелов 2010	Налимов 2003	1998; 1999
Губанов 2009	Научное творчество 1969	Эйнштейн 1967
Гуссерль 1991; 1994	Основы науковедения	Энгельс 1982
Декарт 1953; 1994	1985	Юдин 1997
Ивин, Никифоров 1998	Полани 1985	Яркова 2007
Ильин 1972; 1989	Поппер 1983; 1992	Ясперс 1994
Ильин, Калинин 1985	Пригожин, Стенгерс	
Канке 2008	1986	
	Пуанкаре 1990	

Глава 3

Логика и психология как источники и составные части лингвистической методологии



Обязанность мыслить – удел современного человека; обо всем, что попадает в орбиту науки, он должен мыслить не иначе, как в форме строгих логических суждений. Научное сознание – неугомонный императив, составной частью входящий в понятие адекватности современного человека

Х. Ортега-и-Гассет Хосе¹

3.1. Логика как философская наука

В большинстве научных источников логика (от греч. *logos* – «мысль, слово, понятие, рассуждение, разум, закономерность») определяется как философская наука о законах и формах правильного мышления, которая зародилась в связи с риторикой (учении о красноречии) в Древней Греции и Древней Индии [Кондаков 1975 : 131].

За два с половиной тысячелетия своего существования она имела так много пониманий, акцентирующих тот или иной её аспект, что сегодня обобщение её определений – это дело достаточно сложное, ёмкое. Для нашей задачи обратим внимание на три взаимодополняющих определения:

1. *Логика есть наука, изучающая мысли человека со стороны их логической формы и формулирующая законы, правила, соблюдение которых является необходимым условием для достижения истины в получении выводного знания* [Горский 1954 : 10].

2. *Логика есть наука о формах, приёмах и методах теоретического познания на ступени абстрактного мышления, имеющих общенаучный характер; о законах, составляющих основу этих методов, а также о языке как средстве познания* [Войшвилло, Дегтярёв 1988 : 19].

3. *Логика – наука о формах, законах и методах правильного (т. е. построенного в соответствии с определёнными логическими стандартами) мышления* [Лебедев 2008 : 419].

¹ *Ортега-и-Гассет Хосе* (1883-1955) – известный испанский философ, публицист, представитель философии жизни и философии антропологии. Один из представителей концепции «массового общества» и «массовой культуры».

Общим во всех определениях является то, что все они подчеркивают, что логика является философской наукой не только по своему происхождению¹, но и по своей сущности и основному предмету изучения – *мышление*, которое, как известно, является кардинальной проблемой философии и «сквозной», прошедшей через всю историю философской мысли.

Но при этом, если первое определение относится к *формальной логике*, которая изучает мышление последовательно, только через репрезентацию его в дискурсе, в языке разных форм мысли, прежде всего рассуждений (по И. Канту), то второе и третье определения, относясь к традиционной формальной логике, акцентируют её *содержательный аспект*, в котором теория мышления строится как специфический познавательный процесс, ответственный за конструирование новых единиц знания (абстрактных и идеальных, эмпирических и теоретических). Содержательная логика в таком её понимании является органической частью *теории научного познания*, а именно учением о предпосылках, возможностях, механизмах и *методах* научного мышления.

Другими названиями содержательной логики являются следующие: логика научного познания, логика и методология науки, логика научного исследования, диалектическая логика и конструктивно-генетическая логика, – которые используются в литературе по философии и логике. Нас, безусловно, интересует прежде всего именно этот аспект.

Следует отметить, что в развитии *формальной логики* выделяют два основных этапа: этап *традиционной логики*, начинающейся с Аристотеля, который дал первое систематическое изложение логики, и всю доматематическую логику.

Второй этап – это появление *математической логики*, или *символической логики*, основоположником которой по праву считают Г. В. Лейбница. Начиная с него, в логике используется в качестве метода исследования *метод формализации*², который традиционной логикой относился только к методам математического исследования, а Лейбниц показал, что этот метод имеет *общенаучный характер*. Лейбниц пытался построить универсальный язык, с помощью которого споры между людьми можно было бы разрешить посредством исчислений (см. раздел 1.4).

Уже в XIX веке математическая логика получила интенсивное развитие в работах Д. Буля, Э. Шрёдера, Л. С. Порецкого, Г. Фреге и др. логиков. Однако до сих пор в понимании сущности и предмета математической логики среди

¹ *Аристотель* (384-322 г. до н.э.), великий античный учёный-энциклопедист, прославился своими трудами не только по философии (особенно концепцией *форм-сущностей* вещей), но и изобретёнными им *логикой* и *этикой*. Как известно, под названием «Органон», которым сам Аристотель не пользовался, а древние комментаторы объединили все работы Аристотеля по логике (*категории, об истолковании, первая (априорная) аналитика, вторая (апостериорная) аналитика, топика, о софистических опровержениях*), – Аристотель считал «инструментом, орудием познания» [См: Светлов 2008 : 24-39]. Включая раздел логики в учебное пособие по философии математики и технических наук, проф. С. А. Лебедев во Введении объясняет это двумя причинами: во-первых, наличием философских проблем в логике; во-вторых, тем, что логика является универсальным языком любой науки, которым должен владеть профессиональный учёный [Лебедев 2006 : 22]. То же наблюдается и в зарубежных учебниках, например, в одном из авторитетных английских учебников (университет в Оксфорде и Кембридже) «*Философия. Вводный курс*» включены разделы по логике и этике.

² См. раздел 7.4 пособия.

учёных по-прежнему нет единства (см. Г. Х. Вригт, В. И. Гливенко, Ю. Л. Ершов, А. А. Ивин, Ю. А. Ивлев, Х. Карри, С. Клини, А. Н. Колмогоров, Р. Ледри, А. А. Марков, В. С. Меськов, П. С. Новиков, Е. Г. Палютин, Т. Стил, Г. Рейхенбах, А. Л. Субботин, А. Чёрч)¹.

Современная логика складывается из большого числа логических систем, описывающих отдельные фрагменты содержательных рассуждений, ни одна из которых не может претендовать на выявление логических характеристик мышления в целом. Но при всем её многообразии логика как наука едина [Горский 1963; Войшвилло, Дегтярёв 1994; Ивин, Никифоров 1998; Ивлев 1994; Гетманова 2007 и др.]. Единство логики проявляется прежде всего в том, что входящие в неё «отдельные» логики пользуются при описании логических процессов одними и теми же методами исследования: все они отвлекаются от конкретного содержания высказываний и умозаключений и оперируют только их *формальным, структурным содержанием*. В каждом применяется язык символов и формул, строящийся в соответствии с общими для всех систем принципами. Единство логики проявляется также в том, что разные логики не противоречат друг другу и имеют общие законы.

3.1.1. Основные методологические принципы формальной и диалектической логики

Логика выполняет в научном познании ряд функций, важнейшей из которых является *методологическая*. Напомним, что методологические принципы соотносятся с мировоззренческими, философскими (см. раздел 1.2), являясь прескриптивной, т. е. предписывающей составляющей.

Основные методологические принципы формальной логики

Как уже говорилось, формальная логика исследует связи между мыслями, зависящие от их логических форм, т. е. прежде всего от смысла логических терминов. Эти связи имеют место независимо от того, знаем ли мы о них или нет. Поскольку логические термины, по крайней мере некоторые, представляют наиболее общие характеристики внеязыковой действительности, постольку в логике выражается знание онтологического характера, знание о том, какими признаками обладает действительность.

Знания указанных связей и признаков включаются в мировоззренческую часть науки формальной логики. В логике эти знания выражаются в виде так называемых *логически-истинных высказываний*², т. е. высказываний, которые являются истинными независимо от того, каковы входящие в них дескриптивные термины.

Правомерность формально-логического закона непротиворечия со времен Аристотеля подвергается критике.

¹ Поскольку в этой работе мы не касаемся проблемы математической, или символической логики, то даём такой большой список авторов, работающих в этом направлении.

² Обратим внимание на то, что логика не занимается установлением *истинности/ложности* наших мыслей. Это дело конкретных наук. Истина в логике используется для установления *логического вывода* и *логического следования*.

Е. К. Войшвилло исследовал следующее «словесное противоречие»: «В данный момент времени тело находится в данной точке и неверно, что в тот же момент оно находится в данной точке» [Войшвилло 1964].

Формально-логический закон непротиворечия является мощным инструментом развития знания.

От формально-логических противоречий следует отличать *диалектические противоречия*. Диалектические противоречия – это особый вид отношения между сторонами объекта, имеющими противоположные тенденции развития. Эти стороны называются *противоположностями*. Например, *классы феодалов и крепостных крестьян* имеют противоположные тенденции развития и являются противоположностями. На определенном этапе развития общества между этими классами возникает отношение противоречия. Такой вид противоречия только по названию сходен с формально-логическим противоречием.

Логически-истинные высказывания входят, как уже было сказано, в мировоззренческую часть логической науки. На основе этой части логики формулируются методологические принципы и правила рассуждения.

Основные методологические принципы формальной логики: *тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания*¹. Эти принципы выражают наиболее общие требования, которым должны удовлетворять наши рассуждения и логические операции с мыслями, если мы ставим перед собой цель достигать истину рациональными методами.

Принцип *тождества* устанавливает требование определенности мышления – в процессе рассуждения, употребляя некоторый термин, мы должны употребить его в одном и том же смысле, понимать под ним нечто определенное. Хотя предметы, существующие в объективной действительности, непрерывно изменяются, в понятиях об этих предметах выделяется нечто неизменное. В процессе рассуждения нельзя изменять понятия без специальной оговорки. По-другому принцип тождества можно назвать *принципом оговорки*: *если изменяешь смысл термина, то оговори это, иначе будешь понят неправильно*.

Принцип *непротиворечия* требует, чтобы мышление было последовательным. Он требует, чтобы, утверждая нечто о чем-то, мы не отрицали того же о том же, в том же самом смысле, в то же самое время, т. е. запрещает одновременно принимать некоторое утверждение и его отрицание.

Противоречия в языковых контекстах иногда являются неявными. Так, известное утверждение Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю» скрывает в себе противоречие. В самом деле, если Сократ знает, что он ничего не знает, то он и этого не знает.

Принцип *исключенного третьего* требует не отвергать одновременно высказывание и его отрицание.

Согласно этому принципу нужно уточнять наши понятия так, чтобы можно было давать ответы на альтернативные вопросы. Например, «*Солнце взошло или не взошло?*». Представим себе такую ситуацию: Солнце наполовину вышло из-за горизонта. Как ответить на этот вопрос? Принцип исключенного

¹ Это одновременно называют и *логическими законами* (см. раздел 3.1.2).

третьего требует, чтобы понятия уточнялись для возможности давать ответы на такого рода вопросы. В случае с восходом Солнца мы можем, например, договориться считать, что Солнце взошло, если оно чуть-чуть показалось из-за горизонта. В противном случае считать, что оно не взошло.

Уточнив понятия, мы можем сказать о двух суждениях, одно из которых является отрицанием другого, что одно из них обязательно истинно, т. е. третьего не дано.

Принцип *достаточного основания* требует, чтобы всякое утверждение было в какой-то мере обоснованно, т. е. истинность утверждений нельзя принимать на веру.

Суждения, из которых выводится утверждение при его обосновании (если считать правила логики данными), называются *основаниями*, поэтому рассматриваемый принцип называется принципом *достаточного основания*, что означает: оснований должно быть достаточно для выведения из них рассматриваемого утверждения. Если требование принципа достаточного основания не выполняется, то утверждения оказываются необоснованными, голословными.

Основные методологические принципы диалектической логики¹

В качестве высшего методологического принципа выступает *требование объективности рассмотрения*. Этот принцип вытекает из материалистического решения основного вопроса философии, т. е. из мировоззренческого принципа первичности материального и вторичности идеального. Он требует при исследовании всякого объекта исходить из него самого, а не из нашего мнения о нем. «Не мышлению подчинять предмет, а мышление предмету, внутренней логике взаимосвязи и взаимозависимости его сторон» [Шептулин 1977 : 4].

Принцип объективности рассмотрения, используемый в социальном познании, «включает в себя не только требование исходить из самого объекта, из законов его функционирования и развития и не привносить в него ничего от себя, но и четкого различения материальных и идеологических отношений, объективных и субъективных факторов, общественного бытия и общественного сознания, признание материальных, объективных факторов (отношений), общественного бытия в качестве определяющего, первичного, а духовных, идеологических отношений, явлений общественного сознания – в качестве вторичных, обуславливаемых материальной жизнью людей, их экономическими отношениями. Только в таком специфическом выражении принцип объективности в состоянии правильно ориентировать субъекта в познании социальных явлений» [Шептулин 1977 : 5].

Например, при прогнозировании преступности исходят из того, что она является вторичным явлением по отношению к другим социальным явлениям, выступающим в качестве ее причины. Поэтому вначале должен быть составлен прогноз, относящийся к первому звену причинно-следственной системы – к об-

¹ *Диалектическая логика* – философская теория, пытавшаяся выявить, систематизировать и обосновать в качестве универсальных основных особенностей мышления коллективистического общества, «ядром» которой провозглашается сближение и отождествление *противоположностей*, т. е. диалектическое мышление [Ивин, Никифоров 1998 : 83-87].

ласти причин, а уже затем и на основе этого – ко второму звену – к преступности, Разработка прогнозов первого звена – задача экономистов, социологов, демографов и др., разработка второго звена – дело криминологов» (К. Ф. Скворцов).

Следствием принципа объективности рассмотрения является *требование не идти от вторичных явлений к их причинам, а наоборот, исходя из первичных явлений, из причин выявлять все возможные следствия.*

Другим следствием принципа объективности является *принцип конкретности*, требующий при изучении объекта исходить из его особенностей, специфических условий его существования, а принципы и методы исследования объекта использовать лишь в качестве ориентиров, направляющих познание на выявление его внутренней природы.

Принципом диалектической логики является также требование рассматривать объект во всех его связях и отношениях, называемое принципом *всесторонности рассмотрения*. Этот принцип следует из мировоззренческого принципа всеобщей связи. В самом деле, если предмет представляет собой единство взаимосвязанных сторон, свойств и т. д., если он находится в многочисленных связях с другими предметами, то, чтобы познать предмет, необходимо стремиться охватить все эти связи и отношения. В многочисленных дискуссиях, проходящих в нашей стране, принцип всесторонности рассмотрения постоянно нарушается.

Важным принципом диалектической логики является принцип *историзма*, который требует рассматривать объект в его развитии, самодвижении, изменении, т. е. изучать его возникновение, переходы от одних стадий развития к другим вплоть до настоящего времени, с тем чтобы предсказать его будущие состояния. Принцип историзма является следствием мировоззренческого принципа всеобщего развития. Действительно, если все в мире находится в движении, изменении, то для того, чтобы познать то или иное явление, нужно изучить процесс его изменения, его развитие.

Принцип историзма не сводится к требованию воспроизвести историю исследуемого объекта в том виде, в каком она является в действительности. Он требует идти дальше этого и выявлять закономерности смены одних стадий развития объекта другими. Именно выполнение последнего требования позволяет научно объяснить свойства и связи объекта, раскрыть его сущность и предсказать, с определенной степенью вероятности, его будущее развитие [Ивлев 1994 : 28-32].

3.1.2. Формы мысли, логические формы и логические законы



Поскольку логика – наука о правильном мышлении, то основным её концептом является мышление, которое в логике понимается как *активный процесс отражения объективного мира в понятиях, суждениях, научных теориях, гипотезах и т. п., имеющий опосредованный, обобщенный характер, связанный с решением нетривиальных*

задач; *высший продукт особым образом организованной материи – человеческого мозга* [Ивин, Никифоров 1998 : 211].

Как известно, мышление исследуется различными науками: психологией, физиологией высшей нервной деятельности, кибернетикой, философией, логикой и др. В логике мышления изучается, прежде всего, со стороны *форм мысли*, т. е. его связи с проблемами адекватного отражения изучаемых объектов в мысли, в связи с задачами достижения истины в процессе познания, в связи с теми приёмами и процедурами, правильное использование которых является необходимым условием достижения верного, истинного знания [Там же : 211]. Это даёт основание считать, что «логика изучает то, каким образом осуществляется мыслительно-познавательная деятельность в различных науках» [Войшвилло, Дегтярев 1998 : 19], причём это особенно важно в теоретическом познании (см. раздел 1.3) как процесса «важного, бесконечного приближения мышления к объекту» [Марков 2011].

Потому начнём исследование роли логики в теоретическом познании и научной деятельности с анализа форм мысли.

Понятие как мыслительная единица очень многогранно и, как всякая базовая единица, не имеет универсального определения (Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев, В. И. Кириллов, С. А. Лебедев, Г. А. Орлов и др.).



Понятие – это мысль, отражающая существенные и необходимые признаки предмета или явления. Понятия характеризуются их объёмом и содержанием. *Объём понятия* – это круг тех предметов, на которые данное понятие распространено. *Содержанием* называют совокупность признаков, которые объединены в данном понятии. Понятия могут быть общими, единичными, собирательными, абстрактными и конкретными, абсолютными и относительными. *Общие* понятия связаны не с *одним*, а со *множеством* предметов. Наиболее широкие понятия называются *категориями* и к ним относят некоторые философские понятия (формы и содержания явлений), политэкономии (товар, стоимость) и т. д. *Единичные* понятия относятся всегда только к одному определенному предмету. Например, дерево, машина. Под *собирательными* подразумеваются понятия, обозначающие целые группы однородных предметов, представляющих собой известное единство, законченную совокупность (лес, транспортный поток и т. п.). Термин *конкретные* относятся к конкретным предметам, а *абстрактные* понятия – к отдельно взятым признакам этих предметов, например «белые предметы». Особенностью термина *относительные* понятия является то, что они всегда мыслятся попарно, например: «правый» и «левый», «начальник» и «подчиненный». *Абсолютными* называют такие понятия, которые не имеют парных отношений, например «планета», «дом», «дерево».

По признаку отношений между понятиями их делят на: **тождественные, равнозначные, подчиненные, соподчиненные, частично согласные, противоречащие и противоположные.**

Тождественными называют такие понятия, которые имеют одинаковое содержание. Это одни и те же понятия, только выраженные в различной словесной форме. *Равнозначные* понятия имеют один и тот же объём, но отличаются

по содержанию. Так, например, понятия «автор “Капитала”» и «основатель научного социализма» хотя и относятся к одному лицу, но указывают на различные его признаки.

Для описания процесса формирования новых сложных понятий из более простых используется способ вывода сложных соотношений из элементарных. Организация процесса часто осуществляется на языке теории множеств.

Отношения *тождества* и *равнозначности* понятий имеют чрезвычайно важное значение в науке, так как делают возможным замещение одного понятия другим. Этой операцией широко пользуются в математике при преобразовании и упрощения алгебраических соотношений.

Подчиненными называют понятия, которые по содержанию входят в понятия более высокого ранга или более общие. *Соподчиненными* являются понятия, связанные по объему (объем двух или более понятий входят в объем какого-либо высшего понятия). Например, понятия «многоугольник» и «окружность» являются подчиненными понятию «геометрическая фигура» и соподчиняемыми между собой. Если отдельные части объема понятий оказываются совпадающими, общими, то их называют *частично согласными*. В подобном отношении находятся такие понятия, как «студент» и «слушатель».

Понятие, которое отрицает положительное понятие, называют *противоречащим*. Например, понятие «нечеловек» отрицает положительное понятие «человек». Противоречащие понятия не допускают ничего промежуточного. Одно понятие начисто исключает другое. Если понятие указывает не только на то, что отрицает, но и на то, что взамен отрицаемого утверждается, то такое понятие называют *противоположным*. У противоположных понятий имеются средние и промежуточные понятия. Так, между понятиями «белый» и «черный» мыслимо понятие «серый».

Установление видовых признаков осуществляется при помощи деления понятия. *Делением понятия* называется раскрытие всех видов, входящих в состав данного понятия. Если определение имеет дело с содержанием изучаемого понятия, то деление – с объемом понятия.

Основанием деления называется тот признак, который является общим всем видам, входящим в объем данного понятия. Особым видом деления принятий является *дихотомия* (от греч. *dichotomia* – «разделение на двое»), или двучленное деление, при котором членами деления бывают только два понятия, из которых одно является противоречащим в отношении другого.

Понятие соотносится с термином. **Термин** (от лат. *terminus* – «граница, предел») – слово или сочетание слов, обозначающих специальное понятие, употребляемое в науке, технике, искусстве. Термины используются при интерпретации элементов предметной области. К терминам и терминологии нужно относиться с осторожностью. Как заметил Г. Шухард «Неясность в терминологии оказывает такое же влияние на исследование, какое туман оказывает на мореплавание, но она даже опаснее, потому, что люди обычно не подозревают о ее существовании».

Еще более категорично высказался Р. Декарт: «Определяйте значение слов – и вы избавите человечество от половины его заблуждений».



Суждение – умственный акт, реализующий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли и связанный с убеждением или сомнением в ее истинности или ложности. Как синоним суждения иногда используют термин *высказывание*. Таким образом, **суждение** – это мысль, в которой посредством связи понятий утверждается или отрицается что-либо. В речи суждение выражается в виде предложения. Суждение – это сопоставление понятий, устанавливающих объективную связь между мыслимыми предметами и их признаками или между предметом и классом предметов.

В *проблематических* суждениях наличие связи понятий отмечается лишь с известной степенью вероятности. В *аподиктических* суждениях указывается, что связь понятий является безусловно необходимой. *Ассерторические* суждения указывают только на действительно существующую связь понятий.

Соединение суждений по количеству и качеству приводит к четырем новым видам суждений: *общеутвердительному, общеотрицательному, частноутвердительному и частноотрицательному*.

К суждению о предмете или явлении человек может прийти или путем непосредственного наблюдения какого-либо факта, или опосредованным путем с помощью **умозаключения**.



Умозаключение – умственное действие, связывающее ряд посылок и следствий мысли различного содержания. Если нормы и типы этой связи совпадают с правилами и законами логики, то умозаключение по своему результату равносильно **логическому выводу**. Таким образом, умозаключение – процесс мышления, составляющий последовательность двух или нескольких суждений, в результате которых выводится новое суждение. Часто умозаключение называют **выводом**, через который становится возможным переход от мышления к действию, практике. Вместе с тем следует подчеркнуть, что не всякая последовательность суждений может быть названа умозаключением или выводом. В умозаключении связь двух суждений иногда обнаруживает подчинение, в силу которого одно (основание) обуславливает другое (следствие).

Умозаключения делятся на две категории: **дедуктивные** и **индуктивные**. *Дедуктивные* умозаключения представляют собой выведение частного случая из какого-нибудь общего положения. В *индуктивных* умозаключениях на основании частных случаев приходят к общему положению.

Умозаключения подразделяются также на **непосредственные** и **опосредованные**. В *непосредственных* умозаключениях от одного суждения приходят к другому. В *опосредованных* суждениях переход от одного суждения к другому осуществляется через посредство третьего.

Если в процессе умозаключения изменяется форма суждения, то говорят об ее превращении, например, утвердительное суждение становится отрицательным, и наоборот. При этом смысл и количество суждения сохраняются¹.

¹ Другие, более сложные логические формы мышления (индукция, дедукция, анализ, доказательство), которые имеют отношение к методу, будут рассмотрены во 2-ой части этого пособия.

Понятия, суждения и умозаключения выражаются в словесной форме, потому, как мы уже говорили, данность мышления в языке является действительно исходной и принципиальной проблемой для логики [Лебедев 2006 : 617].

Даже этот краткий анализ основных форм мысли показывает, что **логическая форма** – это способ связи составных частей содержания мысли, существующей относительно самостоятельно и независимо от любого содержания мысли. Это одно из центральных понятий формальной логики, т.к. показывает, как построить правильное умозаключение, логически истинное¹ высказывание и т. п.

Следует ещё дополнить наш анализ тем, что в содержательной логике в качестве всеобщих форм мышления, всеобщих способов организации любого знания рассматриваются наиболее общие понятия (философские и общенаучные), получившие у Аристотеля название **категории** – это особый, основной формат знания, поскольку все знания о мире хранятся в нашем сознании в категориальной форме и все входящие в картину мира объекты категоризированы, упорядочены, а потому человек воспринимает мир в таксономической «обработке». Так задается онтологическая модель мира, причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели [Кассирер 2002, I: 41 – 47].

Значимость категории как формата знания подчеркивают многие ученые разных областей знания².

Напомним, что в философском понимании **категории** – это предельно общие фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения между вещами и явлениями действительного мира. Такие категории, получившие название **понятийных (логических)**, восходят к трактату «Категории» Аристотеля, определившего 10 основных категорий: *сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание* [Аристотель 2002].

Число этих понятийных категорий либо увеличивалось (12 у Канта), либо уменьшалось (4 у Платона, 3 у Декарта и Локка). Однако неизменным оставалось то, что эти классические понятийные категории характеризовались необходимыми и достаточными для ее опознания чертами, которыми должны обладать все входящие в нее представители. «Исключительная ценность этого понятия для всех наук и научного мышления не может быть поставлена под сомнение» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 45], потому близкое понимание категорий как «самых общих понятий материи, сознания и их атрибутов» [Лейчик 2007: 29–30] сохраняется и в наши дни в формальной логике и науковедении.

¹ Обратим внимание на то, что логика не занимается установлением *истинности/ложности* наших мыслей. Это дело конкретных наук. Истина в логике используется для установления логического вывода и логического следования.

² Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью *категорий*; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих *категориям*», - писал философ И. Кант [Кант 1994 : 117]. «Грамматика станет наукой сегодняшнего дня, если ее изучать от категории к знаку», - пишет лингвист В. Н. Миригин [Миригин 2002 : 234]. Значимость этого формата знания для типологии языков подчеркивает У. Лабов: «В самом общем плане исследование языка можно определить как исследование *категорий*, выраженных в языке» [Лабов 1983 : 138]. На особую значимость проблемы категорий в лингвистике указывает Н. Н. Болдырев [Болдырев 2006: 5] и др.

В связи с этим ценным представляется изучение категорий, учитывая их более чем двухтысячелетнюю «вписанность в эволюцию культуры» [Режабек 2006] и «революционное», по мнению Лакоффа [1988, 1996, 2004], изменение взгляда на категорию в когнитивистике с 80-х годов XX века, вызванное пересмотром самого процесса классификации предметов и явлений мира и человека в нем [Лакофф 1988: 12–51]¹.

Категории и стали рассматриваться как особый формат знания: *категория* – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта. Другими словами, это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию [Болдырев 2006: 6].

Интерес лингвистов направлен на соотношение понятийных и языковых категорий², о чем речь пойдет в третьей части пособия.

Очень кратко остановимся на **законах (принципах) правильного мышления**.



Закон мышления – это необходимая, но существенная, устойчивая связь между мыслями [Лебедев 2006 : 702]. Наиболее простые и необходимые связи между мыслями выражаются формально-логическими законами *тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания*. Эти законы в логике играют особо важную роль, являются наиболее общими, лежат в основе различных логических операций с понятиями, суждениями и используются в ходе умозаключений и доказательств. Первые три закона были выявлены и сформулированы Аристотелем. Закон достаточного основания сформулирован Лейбницем. Законы логики являются отражением в сознании человека определенных отношений между предметами объективного мира.

Формально-логические законы не могут быть отменены или заменены другими. Они имеют общечеловеческий характер: они едины для всех людей различных рас, наций, классов, профессий. Эти законы сложились в результате многовековой практики человеческого познания при отражении таких обычных свойств вещей, как их устойчивость, определенность, несовместимость в одном и том же предмете одновременно наличия и отсутствия одних и тех же признаков. *Законы логики – это законы правильного мышления, а не законы самих вещей и явлений мира.*

Кроме этих четырех формально-логических законов, обеспечивающих основные характеристики правильного мышления, – *определенность, последовательность, непротиворечивость, доказательность*, выбор «или-или» в определенных «жестких» ситуациях, – существует много других формально-

¹ Детальный анализ классификационной деятельности человека (этапы: мифологический, логический, гностико-натурфилософский, схоластический, естественно-исторический, рационально-позитивистский, математико-статистический, таксоно-меронимический, когнитологический) дан в работе С. В. Чебанова и Г. Я. Мартыненко [2008: 328-390].

² См. работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена, Ф. Брюно, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, А. В. Акуленко, М. А. Булатова, М. М. Гухман, Н. А. Кобриной, М. М. Копыленко, Г. Г. Кругликовой, У. Лабова, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелёва, В. В. Химика, Л. Д. Чесноковой, Т. И. Цветковой, С. А. Атанасовой, И. Б. Долининой, Д. И. Руденко, С. А. Швачко и др.

логических законов, которым должно подчиняться правильное мышление в процессе оперирования отдельными формами мышления (понятиями, суждениями, умозаключениями).

Законы логики выступают в мышлении в качестве *принципов правильного рассуждения* в ходе доказательства истинных суждений и теорий и опровержения ложных суждений.

Г. И. Рузавин пишет: «...Все общезначимые (или тождественно-истинные) формулы логики могут рассматриваться как законы логики, поскольку они обеспечивают получение правильных заключений. Однако с исторической и методологической точек зрения представляется целесообразным выделить законы, сформулированные Аристотелем, как основные, во-первых, потому, что с их помощью можно объяснить специальные правила логики, во-вторых, в связи с тем, что по установившейся исторической традиции они фигурируют именно как основные и, в-третьих, потому, что они с успехом применяются как в повседневных, так и во многих научных рассуждениях» [Рузавин 1997 : 221].



Закон тождества. Этот закон формулируется так: «*В процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе*».

В математической логике закон тождества выражается следующими формулами:

$a \equiv a$ (в логике высказываний);

$A \equiv A$ (в логике классов, в которой классы отождествляются с объемами понятий).

Тождество есть равенство, сходство предметов в каком-либо отношении.

В мышлении закон тождества выступает в качестве нормативного правила (принципа). Он означает, что нельзя в процессе рассуждения подменять одну мысль другой, одно понятие – другим. Нельзя тождественные мысли выдавать за различные, а различные – за тождественные.

Например, тождественными по объему будут три таких понятия: «ученый, по инициативе которого был основан Московский университет»; «ученый, сформулировавший принцип сохранения материи и движения»; «ученый, ставший с 1745 г. первым русским академиком Петербургской академии», – все они обозначают одного и того же человека (М. В. Ломоносова), но дают различную информацию о нем.



Закон непротиворечия. Если предмет А обладает определенным свойством, то в суждениях об А люди должны утверждать это свойство, а не отрицать его. Если же человек, утверждая что-либо, отрицает то же самое или утверждает нечто несовместимое с первым, налицо *логическое противоречие*. Формально-логические противоречия – это противоречия путаного, неправильного рассуждения. Такие противоречия затрудняют познание мира.

Древнегреческий философ и ученый Аристотель считал «самым достоверным из всех начал» следующее: «...Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [Аристотель 1976.1 : 125]. Эта формулировка указывает на необходимость для человека не допускать в своем мышлении и речи формально-противоречивых высказываний, в противном случае его мышление будет неправильным.

Мысль противоречива, если мы об одном и том же предмете в одно и то же время и в одном и том же отношении нечто утверждаем и то же самое отрицаем. Например: «Кама – приток Волги» и «Кама не является притоком Волги»; «Ф. М. Достоевский – автор романа “Преступление и наказание”» и «Ф. М. Достоевский не является автором романа “Преступление и наказание”».

Закон исключенного третьего



В книге «*Метафизика*» Аристотель сформулировал закон исключенного третьего так: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [Аристотель 1976.I : 141].

В мышлении закон исключенного третьего предполагает четкий выбор одной из двух взаимоисключающих альтернатив. Для корректного ведения дискуссии выполнение этого требования обязательно.

Этот закон можно проиллюстрировать следующими математическими примерами. Возьмем суждения $A - O$: «*Все трапеции – четырехугольники*» и «*Некоторые трапеции не являются четырехугольниками*».



Закон достаточного основания

Он формулируется так: «*Всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснована другими мыслями, истинность которых доказана*» [Кондаков 1975 : 163]. Символический закон достаточного основания изображается формулой: Если есть B_1 , то есть его основание – A .

Закон требует, чтобы наши мысли в любом рассуждении были внутренне связаны друг с другом, вытекали одна из другой, обосновали одна другую. При этом закон выражает требование обоснованности мысли в наиболее общем виде. Он утверждает только то, что всякое истинное высказывание должно опираться на достаточное основание. Вопрос же о специальном характере основания, как и вопрос о том, при каких условиях то или иное качество переходит в другое качество, является предметом рассмотрения специальных наук особо в каждом отдельном случае [Кондаков 1975 : 164].

С другой стороны, латинская поговорка гласит: «Ошибаться свойственно всем людям, но настаивать на своих ошибках свойственно лишь глупцам» (См. раздел 3.1.1).

3.1.3. Логические операции: классификация и определение



Классификация является разновидностью деления объема понятия. Она представляет собой многоступенчатое, разветвленное *деление* логического объема понятия. Результатом классификации является система соподчиненных понятий: делимое понятие является *родом*, новые понятия – *видами*, видами видов (*подвидами*) и т. д.

Наиболее сложные и совершенные классификации дает наука, систематизирующая в них результаты предшествующего развития каких-либо отраслей знания и намечающая одновременно перспективу дальнейших исследований. Блестящим примером научной классификации является периодическая система элементов Д. И. Менделеева, фиксирующая закономерные связи между химическими элементами и определяющая место каждого из них в единой таблице. Эта система позволила сделать подтвердившиеся вскоре прогнозы относительно неизвестных еще элементов.

Большую роль в развитии биологии сыграла классификация животных и растений К. Линнея, Ж. Бюффона, Ж.-Б. Ламарка и др.; в социальном мире – К. Маркса и др.; в духовном мире – И. Канта, Г. Гегеля и др.; в лингвистике – классификации языков и т. д. Хорошо известна классификация элементарных частиц, даваемая современной физикой.

Классификации подразделяются на естественные и искусственные (по Лебедеву – вспомогательные) [Лебедев 2006 : 658]. В качестве основания первой берутся существенные признаки, из которых вытекают многие производные свойства упорядочиваемых объектов. Искусственная классификация использует для упорядочивания объектов несущественные их признаки, вплоть до ссылки на начальные буквы имен этих объектов (алфавитные указатели, именные каталоги в библиотеках и т. п.).

Примером научной классификации является классификация категориальных понятий, начиная с 10 категорий Аристотеля:

- | | |
|--|----------------------------|
| 1) Субстанция (сущность): <i>человек</i> | 6) Время: <i>вчера</i> |
| 2) Количество: <i>два локтя/числит.</i> | 7) Положение: <i>лежит</i> |
| 3) Качество: <i>белый/прилагат.</i> | 8) Обладание: <i>обут</i> |
| 4) Отношение: <i>двойной</i> | 9) Действие: <i>режет</i> |
| 5) Место: <i>на площади</i> | 10) Страдание: <i>жгут</i> |

[Попов 1974 : 112]

Широко известной является категориальная классификация концептуальных объектов Дальберга [Философский энциклопедический словарь 1989 : 815] (см. схему 7 на с. 111).

Таким образом, *классификация* – необходимая форма предметного познания, без осуществления которой невозможно понятийно-дискурсивные моделирование действительности [Лебедев 2008 : 390].

Однако следует заметить, что отношение к ней в науке в разные периоды было неоднозначным.

Категориальная классификация концептуальных объектов



Было время, когда естественная классификация объявлялась высшей целью изучения природы и венцом научного ее познания. В XX в. представление о роли классификации в процессе познания заметно изменилось. Противопоставление естественной и искусственной классификации во многом утратило свою остроту. Далеко не всегда удается существенное четко отделить от несущественного, особенно в обществе и живой природе. Кроме того, существенное в одном отношении может оказаться гораздо менее важным в другом отношении. Поэтому роль классификации, в том числе естественной, не должна переоцениваться, тем более не должно преувеличиваться ее значение в области сложных и динамичных социальных объектов и явлений. Как стало очевидным, еще в прошлом веке, абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития, тем более в постнеклассической науке.

Завершая анализ, отметим, что классификация – это разновидность деления объема понятия, а поэтому к ней применимы все правила этой операции.

Для правильного проведения этой логической операции необходимо соблюдать *четыре основные правила*:

1. Логическое деление должно быть соразмерным. Это значит, что объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов логического деления. Например, это правило будет нарушено, если *все леса разделить на хвойные и лиственные* (пропущен член логического деления: *смешанные*).

2. Логическое деление на каждом его этапе должно производиться по одному основанию. Мы нарушим это правило, если, например, разделим международные договоры на *справедливые, несправедливые, устные и письменные*: сначала международные договоры мы разделили по признаку их равноправности, а затем – по признаку формы их заключения.

3. Члены логического деления должны исключать друг друга. Пример, связанный с нарушением этого правила: *«Войны бывают справедливые, несправедливые и освободительные»* (освободительные войны входят в объем справедливых).

4. Логическое деление должно быть непрерывным. Не будет непрерывным, например, такое логическое деление: «*Грамматические предложения бывают простыми, сложносочиненными и сложноподчиненными*». На первом этапе следовало бы грамматические предложения подразделить на простые и сложные, а затем сложные, подразделить на сложносочиненные и сложноподчиненные [Ивин, Никифоров 1998 : 67].

Обратимся ко второй логической операции, заявленной в этом разделе – *определению*.

Определение, или дефиниция являются одним из базовых концептов логики. Однако в отличие от других логических концептов *определение* представлено в научной литературе, с одной стороны – очень обстоятельно и детально, а, с другой стороны, очень неоднозначно. Более того, «сегодня нет теории определения» [Комарова 1991 : 4; Табанакова 2004 : 43].

Определение глазами лингвиста рассматривается обычно в трех ракурсах:

(1) как способ семантизации слова в словаре. Построение словарного определения – это центральная проблема практической и теоретической лексикографии;

(2) как объект лингвистического исследования, когда оно изучается с точки зрения синтаксиса, стилистики, средств номинации. Здесь же рассматривается арсенал языковых средств построения научного определения;

(3) определение термина. В силу двойственной природы термина, терминологическое определение одновременно основывается на логической структуре суждения о специальном понятии и имеет языковую форму выражения. Терминологическое определение является предметом терминоведения, его разных прикладных направлений. Например, разработка правил построения определения термина возможна с целью стандартизации терминологии, с целью гармонизации терминов в дискурсе [Комарова 2008] и др.

В данном разделе считаем необходимым кратко охарактеризовать логическую операцию определения, остановиться на содержательных особенностях дефиниции, правилах определения понятия и завершить – описанием приёмов, сходных с определением, которые можно использовать в описании исследования.

В логике *определение* трактуется по-разному: как форма мысли; как условное соглашение, как прием познания, как вид суждения, как способ установления соответствия, как метод введения термина. В словарях логики определение чаще всего толкуется как утверждение, раскрывающее сущность предмета или явления, и тогда оно становится типом суждения. Уточнение понятия дефиниция непосредственно связано с его функцией. Как и всякая базовая единица, определение многофункционально. Только семиотический подход дает возможность обобщить следующие функции дефиниции:

- указывает значение термина;
- вводит термин;
- исключает термин;
- объясняет и сокращает;

- анализирует;
- обучает;
- информирует;
- классифицирует и разграничивает [Табанакова 2004 : 44]

Все эти функции реализуются в понимании определения как приемы познания: «*Определение* – это логический способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка» [Войшвилло 2001: 249].

В рамках данного подхода вписывается исследование определения как метода введения терминов. «Определение – это некоторое соглашение, вводящее в теорию новый символ и устанавливающее его значение через уже известные символы [Карпович, 1978 : 6]. «Определение в некоторой теории, - как подчеркивает Карпович, – может выполнять двойную роль. Во-первых, оно может служить для введения нового термина в некоторую наличную теорию, расширяя тем самым ее понятия и терминологию. Во-вторых, определение может выявлять значение некоторого термина теории, описывая его через другие термины этой же теории» [Там же : 4]. Эта двойная роль может реализовать две дополнительные функции к названным выше:

- вводит *новый* термин;
- выявляет значение некоторого термина через другие термины этой же теории.

В нашем пособии важным является и деятельностный, операциональный подход к определению в логике.



Определение (или дефиниция) понятия есть логическая операция, которая раскрывает содержание понятия либо устанавливает значение термина [Гетманова 2007 : 54].

С помощью *определения* понятий мы в явной форме указываем на сущность отражаемых в понятии предметов, раскрываем содержание понятия и тем самым отличаем круг определяемых предметов от других предметов. Так, например, давая определение понятия «трапеция», мы отличаем его от других четырехугольников, например от прямоугольника или ромба. «*Трапеция – четырехугольник, у которого две стороны параллельны, а две другие – не параллельны*» (1).

Приведем еще несколько определений понятий, взятых из школьных и вузовских учебников, которые принадлежат к двум различным видам определений. «*Вещества, растворы которых проводят электрический ток, называются электролитами*» (2). «*Стратиграфия есть термин, обозначающий отрасль геологии, изучающую напластования осадочных пород и относительный возраст каждого слоя*» (3). «*Информатика – наука, изучающая структуру и общие свойства научной информации, а также вопросы, связанные с её сбором, хранением, поиском, переработкой и распространением в различных сферах человеческой деятельности*» (4).

В явном определении понятие, содержание которого надо раскрыть, называется *определяемым* понятием [definiendum (дефиниендум), сокращенно Dfd], а то понятие, посредством которого оно определяется, называется *определяющим* понятием [definiens (дефиниенс), сокращенно – Dfn].

Если определяется понятие, то определение будет *реальным*. Если определяется значение имени или термин, обозначающий понятие, то определение будет *номинальным*. Из вышеприведенных определений (1) и (4) – это реальные определения, а (2) и (3) – номинальные определения.

С помощью *номинального* определений вводятся также новые термины, краткие имена взамен более сложных описаний предметов.

По типам определений существует значительное количество работ, которое мы укажем в конце раздела и не будем раскрывать в этом пособии. Здесь же, исходя из задач, остановимся на двух вопросах: правилах определений и приёмах, сходных с определениями, которые необходимо учитывать при описании результатов исследования.

Правила явного определения. Ошибки, возможные в определении

1. *Определение должно быть соразмерным*, т. е. объем определяющего понятия должен быть равен объему определяемого понятия. $Dfd \equiv Dfn$. Это правило часто нарушается, в результате чего возникают логические ошибки в определении. Типы этих логических ошибок:

а) *широкое определение*, когда $Dfd < Dfn$. Такая ошибка содержится в следующем определении: «*Лошадь – млекопитающее и позвоночное животное*». (Здесь понятие «лошадь» нельзя отличить от понятий «корова» или «коза»);

б) *узкое определение*, когда $Dfd > Dfn$. Например, «*Совесть – это осознание человеком ответственности перед самим собой за свои действия и поступки*» (а перед обществом?);

в) *определение в одном отношении широкое, в другом – узкое*. В этих неправильных определениях $Dfd > Dfn$ и $Dfd < Dfn$ (в разных отношениях). Например, «*Бочка – сосуд для хранения жидкостей*». С одной стороны, это широкое определение, т. к. сосудом для хранения жидкостей может быть и чайник, и ведро, и т. д.; с другой стороны, это узкое определение, т. к. бочка пригодна для хранения и твердых тел, а не только жидкостей.

2. *Определение не должно содержать круга*. Круг возникает тогда, когда Dfd определяется через Dfn, а Dfn был определен через Dfd.

В определении «*Вращение есть движение вокруг своей оси*» будет допущен круг, если до этого понятие «ось» было определено через понятие «вращение» («*ось – это прямая, вокруг которой происходит вращение*»).

Круг возникает и тогда, когда определяемое понятие характеризуется через него же, лишь выраженное иными словами, или когда определяемое понятие включается в определяющее понятие в качестве его части. Такие определения носят название *тавтологией*.

Тавтологичны такие определения:

– «*Халатность заключается в том, что человек халатно относится к своим обязанностям*»;

– «Количество – это характеристика предмета с его количественной стороны».

Логически некорректным является употребление в мышлении (и в речи) тавтологий, таких, например, как *трудоёмкий труд, порученное поручение, прогрессирующий прогресс, заданная задача, поиграем в игру, памятный сувенир, подытожим итоги и др.* Иногда можно встретить выражения вида: «Закон есть закон», «Жизнь есть жизнь» и т. д., которые представляют собой прием усиления, а не сообщения в предикате какой-то информации о субъекте, т. к. субъект и предикат тождественны. Такие выражения не претендуют на определение соответствующего понятия: «закон», «жизнь» или др.

3. *Определение должно быть четким, ясным.* Это правило означает, что смысл и объем понятий, входящих в Dfn, должен быть ясным и определенным, т. е. определения понятий должны быть свободными от двусмысленности; не допускается подмена их метафорами, сравнениями и т. д.

Не будут определениями следующие суждения: «*Архитектура – застывшая музыка*», «*Лев – царь зверей*», «*Верблюды – корабль пустыни*», «*Такт – это разум сердца*» (К. Гуцков), «*Неблагодарность – род слабости*» (И.-В. Гёте).

Приёмы, сходные с определением понятий

Всем понятиям определение дать невозможно (к тому же в этом нет необходимости), поэтому в науке и в процессе обучения используются другие способы введения понятий – приемы, сходные с определением: **описание, характеристика, разъяснение посредством примера** и другие.

Описание состоит в перечислении внешних черт предмета с целью нестрогого отличия его от сходных с ним предметов. Описание дает чувственно-наглядный образ предмета, который человек может составить с помощью творческого или воспроизводящего представления. Описание включает как существенные, так и несущественные признаки.

Описания широко используются в художественной литературе (например, описание Л. Н. Толстым внешности Анны Карениной; описание Н. В. Гоголем внешнего облика Плюшкина, Собакевича и других литературных героев); в истории (описание Куликовской битвы; описание обликов военачальников, монархов и других личностей); в специальной технической литературе приводится описание внешнего вида машин, в т. ч. ЭВМ, и т. д.

Характеристика дает перечисление лишь некоторых внутренних, существенных свойств человека, явления, предмета, а не его внешнего вида, как это делается с помощью описания.

Разъяснение посредством примера используется тогда, когда легче привести пример или примеры, иллюстрирующие данное понятие, чем дать его строгое определение через род и видовое отличие.

Объяснение понятия «животный мир пустыни» происходит путем перечисления видов ее обитателей: *верблюды, джейраны, черепахи, ящерица варан, кулан* и другие.

Понятие «полезное ископаемое» объясняется перечислением видов (примеров): *нефть, каменный уголь, металлы* и др. Разъяснение и объяснение

посредством примера используются и в средней школе, и в начальной, реже – в вузе.

Разновидностью этого приема являются *остенсивные* определения (показывают предмет или картинку с его изображением при разъяснении непонятных слов родного языка или иностранного языка).

Сравнение. К сравнению прибегают как на уровне научного познания, так и на уровне художественного отображения действительности.

В науке сравнение позволяет выявить сходства и различия сопоставляемых предметов. В учебнике по биологии приводятся такие сравнения, где общим признаком (основанием сравнения) является форма:

– «Тело медузы студенистое, похожее на зонтик»;

– «Почки – небольшие парные органы, имеющие форму бобов».

Такую, например, характеристику идеального человека через сравнение дал Аристотель: «Идеальный человек испытывает радость от того, что делает благодеяния другим; но ему стыдно принимать благодеяние от других. Возвышенные натуры творят добро, низшие натуры принимают его» [Аристотель 1976.1 : 216].

Часто применяется сочетание *описания* и *характеристики*. Оно используется при изучении химии, биологии, географии, истории, языкознания и других наук. Например: «Нефть – маслянистая жидкость, легче воды, темного цвета, с резким запахом. Главное свойство нефти – горючесть. При сгорании нефть дает больше теплоты, чем каменный уголь. Нефть залегает глубоко в земле». Этот прием часто используется и в художественной литературе.

Художественные сравнения часто включают в свой состав слова: «как», «как будто», «словно» и др.

«Христианин, привязанный к вещественному, – пишет преподобный Ефрем Сирийский, – подобен ястребу, летящему с ремнями на ногах; где ни сядет он, тотчас запутается. А не привязанный к вещественному, то же, что путник, всегда готовый в дорогу».

Различение есть прием, позволяющий установить отличие данного предмета от сходных с ним предметов. Например: «Истерия – не болезнь, а характер: главная черта этого характера – самовнушаемость» (П. Дюбуа).

Завершим анализ определений, выявлением **их роли в науке**.

Определения играют в научных теориях весьма существенную роль. Они составляют важную часть всякой научной теории:

1. Определения подытоживают наши знания о том или ином изучаемом предмете (или классе предметов).

2. Определения облегчают поиск интересующего нас предмета.

3. Определения раскрывают значение терминов, выражений, знаков, встречающихся в науках.

4. Определения являются средством сокращения сложных описаний, средством сокращения отдельных рассуждений в научных теориях.

5. Определения являются важным средством развития научных теорий. Это особенно ярко проявляется в аксиоматически построенных теориях, где че-

рез аксиомы определяются исходные, элементарные объекты науки. Выведение следствий из аксиом является средством получения новых истин (теорем).

6. Поиски эффективных определений связаны с совершенствованием и развитием научной методологии: с выявлением и анализом процессов измерения (*операциональные определения*), с анализом и выявлением методов порождения интересующих нас объектов из некоторых исходных [Горский 1963 : 81; Кондаков 1978 : 412].

Несмотря на ту большую роль, которую играют определения в науке, следует, однако, отметить *ограниченность* всякого определения: дефиниция никогда не может охарактеризовать все существенные черты предмета.

А потому, как подчеркивает А. Д. Гетманова: «Не надо требовать от дефиниции того, что они не могут дать» [Гетманова 2007 : 649].

3.1.4. Логика в классической, неклассической и постнеклассической науке

Периодизация логики соответствует периодизации науки в целом (см. раздел 2.5). Одновременно с этим основанием для деления логики на разные направления служит различие применяемых в ней принципов, на которых базируются исследования. Исходя из этого выделяются три основных направления.

Классическая логика имеет следующие основополагающие принципы:

- 1) область исследования составляют обыденные рассуждения в классических науках;
- 2) допущение разрешимости любой проблемы;
- 3) отвлечение от содержания высказываний и от связей по смыслу между ними;
- 4) абстракция двужначности высказываний [Меськов 1986 : 9].

Представление о логике, её законах, логических операциях и методах, которые были господствующими в науке до конца XIX века, в целом не выходили за рамки аристотелевского понимания возможностей логики.

На эмпирическом уровне познания активно использовались такие логические методы, как *абстрагирование*, *индукция* и *классификация*, а на теоретическом – методы логического *доказательства* и *опровержения*. Наиболее широко они использовались в естественных науках. Более фрагментарно логические правила систематизации научного знания и логических рассуждений использовались в социально-гуманитарных науках.

Однако это не касалось лингвистики, связь которой с логикой является *изначальной* [Арутюнова 2002 : 273]. Сам термин логика, введенный стоиками (в отличие от них Аристотель применял к законам мышления термин *аналитика*), обозначал словесное выражение мысли (*logos*). Потому логическое направление в языкознании было господствующим до середины XIX века, когда пересмотр логических оснований грамматики был начат *психологическим направлением* [Арутюнова 2002 : 274].

В классической логике господствовал принцип *двузначности*, в соответствии с которым всякое высказывание либо истинно, либо ложно, т. е. имеет одно из двух возможных истинностных значений, поэтому и сама логика именовалась *двузначной* [Кондаков 1978 : 131; Ивин, Никифоров 1997 : 70].

Применение в науке искусственного языка логики обнаружило неоднозначность многих предложений и в естественных языках. Потому в 60-80-е годы XX века проблема *неоднозначности* стала широко обсуждаться и в лингвистике.

Логика неклассической науки (начало XX в. – 70-е годы XX в.) в целом соответствовала специфике науки этого периода. В это время сама логика, благодаря использованию в ней математического языка функций применительно по всем её формам мысли (понятию, суждению, умозаключению), теории множеств и т. д. существенно изменила представления о своем предмете, задачах и возможностях. Было построено огромное количество разных, но в то же время строгих логических исчислений, которые дали начало разным логикам: *трехзначным*, *многозначным*, *деонтическим*, *вероятностным* и другим.

Первым было строго математически построен главный раздел традиционной логики – *силлогистика*¹. От *двузначной* логики перешли к *трехзначной*, основанной на использовании не двух (*истина и ложь*), а трех истинных значений для высказываний: *истина, ложь, неопределенно*. Логика активно используется как инструмент формализации различных математических теорий. В первой половине XX в. появилась логика нового типа – *конструктивная*, или *интуиционистская*², которая отличается от классической логики по своим основным законам и принципам. С точки зрения конструктивистов (В. И. Гливенко, А. А. Марков, М. Н. Нагорный, А. Н. Колмогоров) любые логические и математические рассуждения и теории являются существенно *содержательными*. Контроль за содержанием любых теорий должен быть основан только на *интуиции*, правда, такой же простой («глобальной») по однозначному распознаванию элементарных единиц (квантов) содержания мышления (знания), что такой интуицией может обладать и вычислительная машина.

На этой основе были реконструированы все разделы и теории классической математики с отказом от их неконструктивных утверждений и доказательств.

Логика постнеклассической науки (с 70-х гг. XX века по настоящее время) отличается *плюрализмом* и *толерантностью* в отношении понимания своего предмета, задач и возможностей применения в научном познании как на этапе открытия нового научного знания, так и на этапе его систематизации и обоснования.

Для большинства наук, кроме математики и самой логики, абсолютная логическая строгость и доказательность научного знания, всех его единиц,

¹ *Силлогистика* [*<* греч. *sylogistikos* – «выводящий умозаключение»] – учение о *силлогизмах*; силлогизм состоит из двух суждений (посылок), из которых следует третье суждение (вывод). Например: *Все четырехугольники имеют четыре стороны; квадрат – четырехугольник; следовательно, квадрат имеет четыре стороны*.

² *Интуиционистская* школа логики была создана голландским математиком и логиком *Л. Брауэром* (1881-1966) в 1907 году.

включая теории, не рассматриваются в качестве главного, а тем более единственных критериев научного знания.

На первый план по важности критериев научности знания выходит *общезначимость* (среди специалистов) понимания содержания той или иной единицы знания и возможность её *подключения* («вписывания») в качестве значимого элемента не только в данный научный контекст, но и в другие и, наконец, возможность эффективного применения на практике данной научной информации.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Каково Ваше понимание логики как науки? В чем заключается её назначение?
2. Каковы основные методологические принципы формальной логики?
3. Перечислите основные методологические принципы диалектической логики.
4. Что такое логические формы?
5. Почему понятие не имеет универсального определения?
6. Какие Вы знаете отношения между понятиями?
7. Как суждение связано с понятием?
8. Почему умозаключение можно назвать *выводом*?
9. В чём заключается значимость категории как формы знания?
10. Почему основные принципы правильного мышления имеют силу законов?
11. Какие логические законы являются основными? Почему?
12. В чём суть логической операции *классификация*?
13. В чем заключается различие между естественными и искусственными классификациями?
14. Каковы основные правила проведения классификации?
15. Почему логическая операция *определение* является базовой для логики и науки в целом?
16. Какие ошибки наиболее частотны при проведении определения?
17. Для чего необходимо знать приёмы, сходные с определением?
18. Сформулируйте особенности логики классической науки.
19. Охарактеризуйте логику неклассической науки.
20. Каковы характерные черты логики постнеклассической науки?
21. Как Вы полагаете, не носит ли логика, логические законы субъективной или конвенциональный характер?
22. Прокомментируйте утверждение Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю». Платон дал следующее определение человека: «Человек – двуногое животное, не имеющее перьев». Прокомментируйте эти определения.

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|-----------------------|------------------------|------------------------|
| Анкерсмит 2003 | Комарова 1991; 1992; | Режабек 2006 |
| Аристотель 1976; 2002 | 2004; 2008 | Рузавин 1997 |
| Барабанщиков 2002 | Кондаков 1975 | Светлов 2008 |
| Берков и др. 1996 | Копнин 1978 | Смирнов 1999 |
| Библер 1975 | Краткий словарь когни- | Субботин 1969 |
| Болдырев 2006 | тивных терминов 1997 | Табанаква 2004 |
| Брутян 1984 | Лабов 1983 | Тюхтин 1988 |
| Витгенштейн 1958 | Ладенко 1973 | Уемов 1975; 1997 |
| Войшвилло 1964; 1967 | Лакофф 1981; 1988; | Философский энциклопе- |
| Войшвилло, Дягтерев | 1996; 2004 | дический словарь 1999; |
| 1988; 1994 | Лебедев 2006; 2008 | 1989 |
| Гетманова 2005; 2007 | Лейчик 2006; 2007 | Фреге 2000 |
| Горский 1963; 1974 | Маркин 1991 | Хинтикка 1980 |
| Грязнов | Марков 2011 | Чебанов, Мартыненко |
| Ивин 1973; 1987; 2000 | Меськов 1986 | 2008 |
| Ивлев 1994; 2005 | Мигирин 2002 | Черняк 1983 |
| Кант 1994 | Пирс 2000 | Шелов 2003 |
| Карпинская и др. 1997 | Попов 1974 | Шептулин 1977 |
| Карпович 1978 | Поупкин, Стролл 1997 | Яшин 2004 |
| Кассирер 2002 | Рассел 1999 | |



3.2. Психология как наука о психической деятельности¹

*Познавать, не размышляя, – бесполезно,
размышлять, не познавая, – опасно.*

Конфуций²

*Колесо истории раскручивается психикой
человечества.*

В. П. Попов, И. В. Крайнюченко³

Психологию с логикой «роднит» изучение мышления, но в отличие от логики, психологию интересуют механизмы мышления как на уровне эмпирического, так и на уровне теоретического познания.

Анализ отечественных и зарубежных источников по психологии показывает отсутствие больших разногласий в понимании этой науки: под психологией в наши дни понимают науку, объектом которой выступает психика человека и животных, т. е. вся совокупность психических процессов, свойств и состояний во всех возможных их проявлениях.

На сегодняшний день, вследствие бурного развития и внедрения во все сферы практической и научной деятельности человека, психология представляет собой целый комплекс наук, насчитывающий от 50 до 100 отраслей, претендующих на статус научных дисциплин [Психология XXI века, а также Официальные сайты Американского, Британского и Российского Психологического Общества]. Так, за последние десятилетия интенсивное развитие получили такие направления, как *социальная психология, инженерная психология, психология науки* и др. См. схему 8 на с. 122.

Главными течениями психологии XX века на Западе являются *гештальт-психология, бихевиоризм и психоанализ*.

Гештальтпсихология – одно из ведущих направлений современной зарубежной психологии, отстаивающее принцип *целостности* при анализе психических исследований. При этом *гештальты* (нем. *Gestalt* – «форма, образ, структура») являются целостными образами, структурами, части которых определяются целым и которые в то же время взаимно поддерживают и определяют друг друга (Х. Эренфельд, В. Кёлер, К Коффка...)

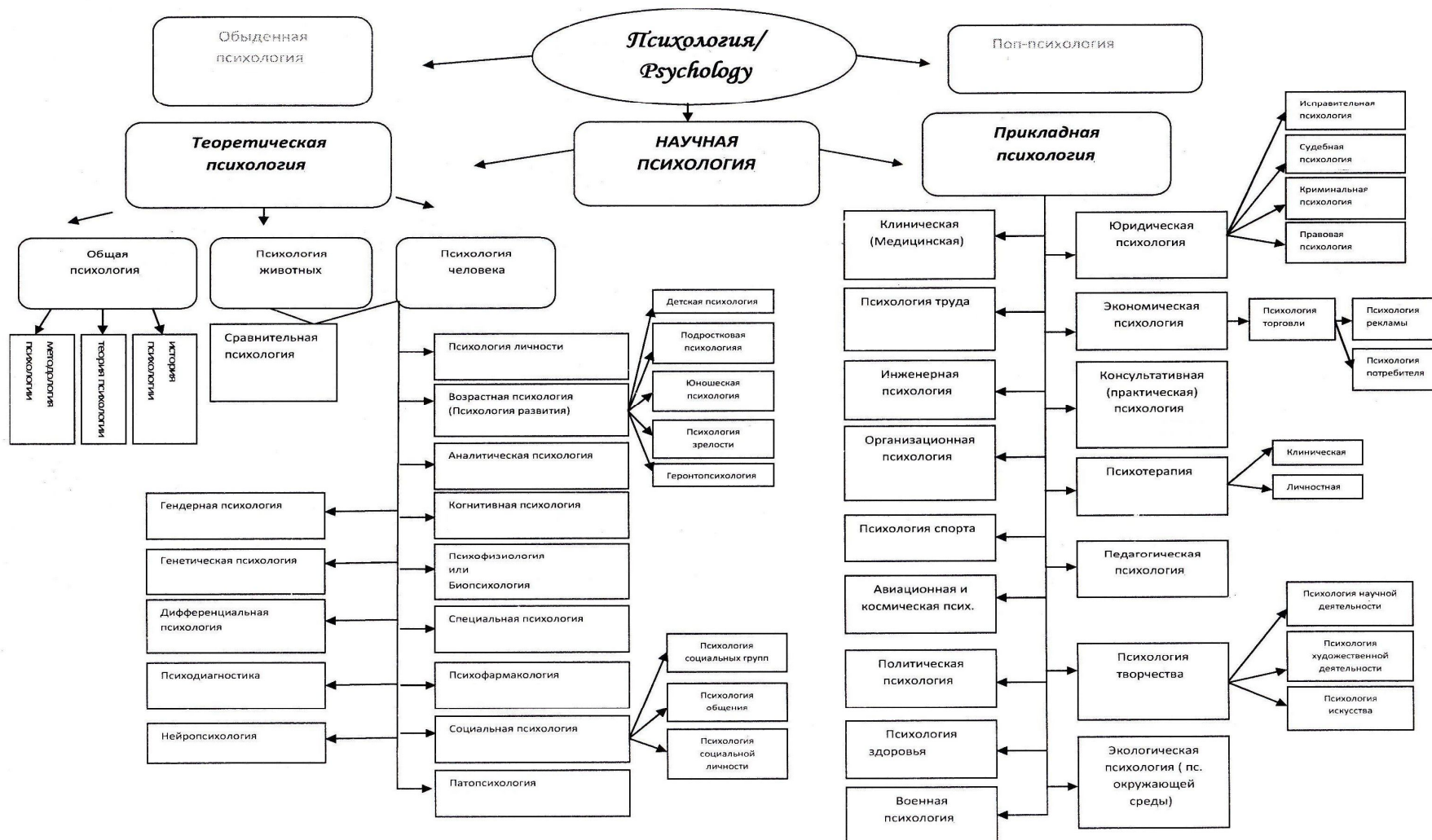
Бихевиоризм – направление в американской психологии, считающее предметом психологии человеческое поведение, под которым понимаются физиологические реакции на воздействие стимулов внешней среды (Дж. Уотсон, Э. Торндайк, К. Хилл...)

¹ Психология – (нем. *Psychologie* – греч. *Psyche* – «душа» + *logos* – «наука, учение») – учение о душе, душевном [Философский энциклопедический словарь 1999 : 375]. Первую психологию написал Аристотель, который рассматривал *душу* как «первую энтелехию», т. е. одухотворённую основу тела с тремя основными способностями – питанием, ощущением и мышлением. Научное понятие души: душа в отличие от индивидуального духа – совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности чувств и стремлений (витальная душа). Для современной психологии душа – носительница *бессознательного* и выражение тех структурных качеств (*гештальтов*) микрокосмоса, которые сообщают его частям положение, важность и их динамику.

² **Конфуций, Кун-цзы** (около 551-479 г. до н.э.) – великий древний китайский мыслитель, основатель конфуцианства – этико-политического учения о Китае, которое до 1911 года являлось официальной государственной идеологией. Основные взгляды на мир изложены в книге «*Лунь юй*» («*Беседы и суждения*»).

³ См.: Попов В.П., Крайнюченко И.В. 2011 : 401.

Концептосфера современной психологии



¹ Концептосфера современной психологии разработана в кандидатской диссертации Е.В. Жучковой [2008].

Психоанализ – психологическое учение и основанный на нём метод лечения неврозов, который ставит в центр внимания *бессознательные* психические процессы (особенно в сфере влечения, инстинктов) и мотивации, начало которому положил австрийский психиатр и психолог **Зигмунд Фрейд**. Его теория психосексуального развития индивида получила развитие во *фрейдизме* – различных школах и направлениях, применяющих психологическое учение З. Фрейда для объяснения явлений, относящихся к человеку, обществу и культуре.

В современной отечественной психологии существуют три основные парадигмы: 1) структуралистская; 2) бихевиористская и 3) деятельностная.

Первые два направления сближаются с двумя обозначенными западными направлениями. В нашей работе избирается третья, т. е. деятельностная парадигма, в которой психическое рассматривается как продукт деятельности мозга, т. е. психика изучается в единстве с её нейрофизиологическим субстратом.

Следует подчеркнуть, что современная психология имеет *разветвленную систему связей* внешних, т. е. с другими науками, не только с логикой, но и с философией, медициной, биологией, социальными науками, лингвистикой, историей, педагогикой и др. Важно то, что известный учёный **Жан Пиаже**¹ поставил психологию в центр «треугольника наук», подчеркнув её глобальную роль в целостном познании мира [Психология XXI века 2003 : 9].

Важнейшими шагами в продвижении современной психологии является: 1) выделение в структуре психики личности и коллектива наряду с сознательным уровнем её *бессознательного* уровня; 2) установление функциональной связи физиологической деятельности мозга с психическими актами личности и её поведением; 3) интерпретация происхождения психической деятельности как результата *интериоризации* (усвоения) предметной деятельности человека, а его поведения – как ориентировочной деятельности [Лебедев 2008 : 514]

Выделяются два базовых сопряженных концепта психологии: если *психика* является внешней, событийной проекцией сознания, то *сознание* выступает в виде теоретического представления или модели, теоретического конструкта психики [Лебедев 2008 : 537].

Рассмотрим оба концепта, исходя из наших задач.

3.2.1. Психика и психические процессы



Психика (от греч. *psychikos* – «душевный») – свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой отражения действительности, возникающее в результате специфического взаимодействия живых систем с окружающей средой с учётом возможностей сознания субъекта [Советский энциклопедический словарь 2002 : 1090].

¹ **Жан Пиаже** (1896-1967) – известный швейцарский психолог, создатель операциональной концепции интеллекта и генетической эпистемологии.

Исходя из такого понимания, психика – это ничто иное, как *внутренний мир реального субъекта* (мир желаний, эмоций, установок, целей, ценностей, ощущений, восприятий, мышления, характера, типа личности), доступный эмпирическому исследованию. Потому совершенно не случайно изучение психических процессов именно в экспериментальной психологии в 80-е годы XIX века, когда психология заявила себя как самостоятельная наука, отдельная от философии и физиологии.

Однако следует отметить, что в наши дни существует расширенное понимание психики, которая с позиции синергетики и кибернетики (см. раздел 8.2 пособия) понимается как *«адаптивная функция, организующая целенаправленное поведение существа в биосфере»* [Винер 1968 : 175].

Потому можно обобщить существующие точки зрения на психику: 1) присуща только человеку (Р. Декарт); 2) психику имеют организмы с нервной системой (*Нейропсихизм*); 3) психика проявляется только у организмов с трубчатой нервной системой (*Мозгопсихизм*); 4) критерием зачатков психики у живых организмов является наличие чувствительности (А. Н. Леонтьев); 5) психика – это свойство живой природы, в том числе растений (*Биопсихизм*); 6) *панпсихизм* – всеобщая одухотворенность природы.

А исходя из этого некоторые учёные считают, что на сегодняшний день «границы психического не определены» [Попов, Крайнюченко 2011 : 401]¹.

К основным психическим процессам, участвующим в чувственном познании, как правило, относят: *ощущения, восприятия, представления и воображение*.



Ощущение – это отражение мозгом человека свойств предметов и явлений объективного мира, которые действуют на его органы чувств, вызывая возбуждение нервных центров коры головного мозга.

Существует достаточно много ощущений, среди которых в качестве основных выделяют: зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые. Эти виды ощущений являются несравнимыми. Так, раскат грома не может ощущаться зрительно или осязательно и, наоборот, цвет, форма, размер и др. признаки цветка ощущаются именно зрительно, обонятельно, осязательно.

Представители экспериментальной психологии выделяют ещё *двигательные*, или *кинестические* ощущения и *органические* ощущения, возникающие во внутренних органах.

Подчеркнём, что чаще всего единичные ощущения выступают как часть сложного комплекса ощущений. Как только сложное ощущение переступает порог сознания, так оно ставится частью образа и частью восприятия.

Восприятие – это отражение мозгом человека предметов или явлений в целом, причем таких, которые действуют на органы чувств в данный момент времени, вызывая превращение многообразия *раздражений* в *чувственное восприятие*.

¹ См. также работы: Попов 2006; Юнг 1994; Фейджер Р., Фейдимен Д. 2002; Столяренко 2005 и др.

Следовательно, восприятие – это первичный, чувственный образ предмета или явления. В «воспринятом» предмете уже достаточно полно раскрывается смысл характеристики предметности, за счёт чего возрастает его адекватность. Для целостности восприятия недостаточно лишь чувственного впечатления, большую роль играют и смысловая сторона объекта. В восприятии реализуется способность «достраивать» образ. Так, способность к восприятию изображений на плоскости геометрических фигур как объемных формируется на определённом историческом этапе развития. С выработкой жизненно необходимых механизмов *отражения* обычных предметов складывается и восприятие геометрических фигур, рисунков, схем. Человек начинает объемно отображать плоскостные изображения.



Представление – вторичный образ предмета или явления, которые в данный момент времени не действуют на органы чувств человека, но обязательно действовали в прошлом.

Представление – это образы, которые восстанавливаются по сохранившимся в мозге следам прошлых воздействий предметов или явлений. Иначе говоря, это акт, когда вспоминаемое «поднимается» из сферы бессознательного (в настоящее время) и превращается в частичное содержание сознания. Результатом этого процесса является *представленное*.

Кроме того, представление – это предмет мышления, чувствования, волнения, фантазии или мечтания, когда он целиком *представляется наглядным*, когда индивиду удается как бы поставить его перед собой как нечто воспринимаемое.

Подчеркнём, что большинство представлений – это представления прошлого как *воспоминание, память*. Но они могут относиться и к будущему, вызываться ожиданием, предвкушением радости, предчувствия, заботой, страхом и т. п. Они могут представлять собой более или менее свободную переработку восприятий – *фантастические* представления (см. *воображение*), т. е. связанные с *фантазией*.



Фантазия (от греч. *phantasia* – «воображение») – это творческая сила, объединяющая непосредственные переживания с действительностью духа¹, причем внутреннее содержание её представляет собой базу всех разновидностей способностей к творческому воображению, называющихся потому «*чувственной способностью*».

Отличают *сенсорную*² фантазию, характеризующуюся созерцательностью, внутренней направленностью на основе воспоминаний, от *моторной* фантазии с присущей ей спонтанностью, ранней активной формой которой является *игра*. Благодаря переходу сенсорной фантазии к *моторной*, рождается творческая фантазия учёного, художника или инженера.

¹ В этом тексте – дух – личный дух (сущность) отдельного индивида.

² *Сенсорный* (лат. *sensus* – «ощущение, чувство») – связанный с восприятием и передачей ощущений.



Воображение – это соединение и преобразование различных представлений в целостную картину новых образов.

Существенным признаком воображения является способность создавать *новые* образы. Одна из характерных черт воображения состоит в том, что оно связано не только с мышлением, но и чувственными данными. Воображение, создавая наглядные образы, вбирает в себя **ощущения**. Однако воображение не является продуктом деятельности органов чувств. Воображение – продукт преобразования, прежде всего, функциональных характеристик *отображения*. Можно сказать, что *воображение* есть деятельность, а которой в той или иной форме сознательно включено его отношение к действительности, лежащей в основе деятельности воображения.

Материальной базой процесса воображения выступает внешний мир во всем богатстве его отношений, из которого получают новые впечатления и создаются новые образы. Различают *активное*, практически-деятельное *воображение* и *пассивное*, созерцательное, а также его произвольные формы (*грезы, дремотные состояния, сновидения*). Активное воображение опосредованно потребностями, задачами, целевой установкой субъекта, в нашем случае – исследователя.

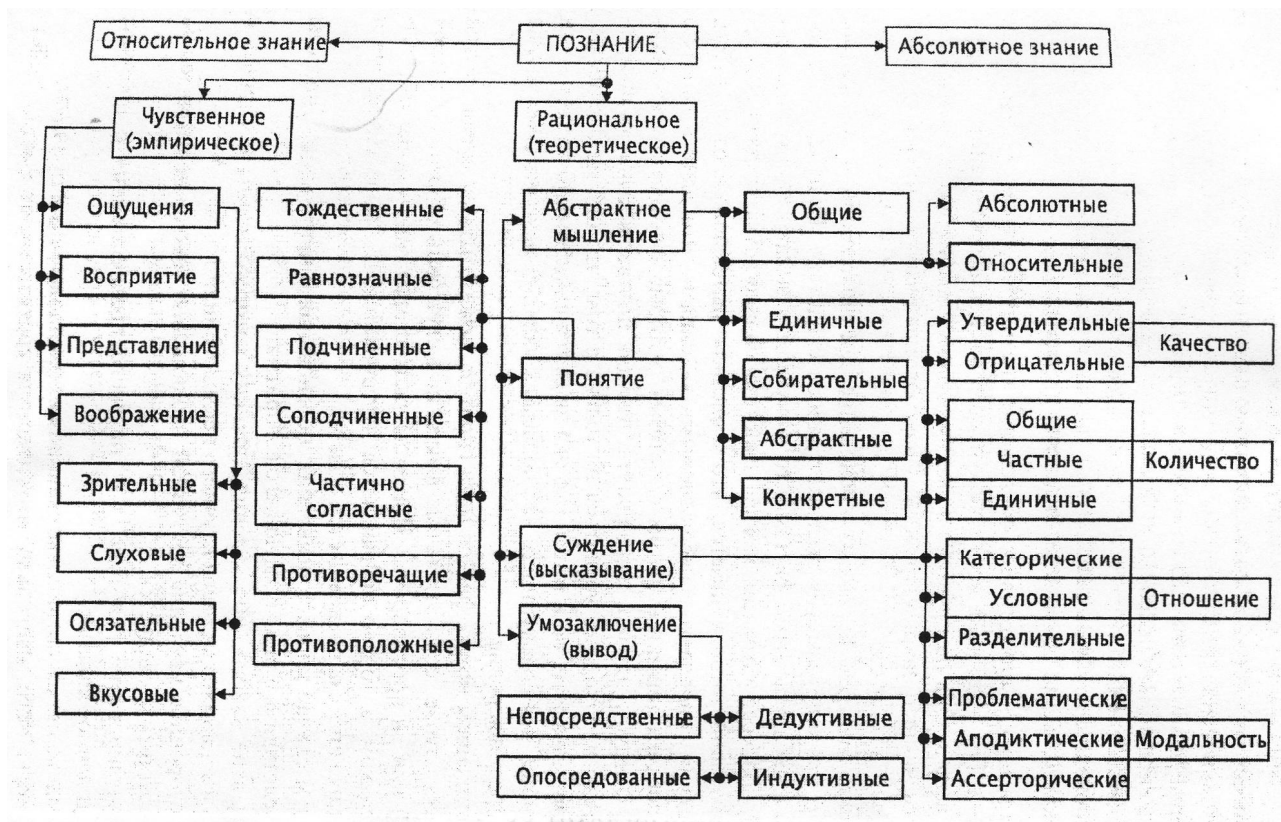
Заканчивая обзор основных психических процессов, отметим, что *воображение* как познавательная способность к созданию новых образов (чувственных и мыслительных), ранее не воспринимавшихся человеком, базируется на *фантазии*, о которой мы уже говорили, и *интуиции* (от позднелат. *intuitio* – «*созерцание*») – «*откровение, развивающееся изнутри человека*» (Гёте), т. е. видение, вроде вдохновения, понимание сути чего-либо непосредственно, а не эмпирически или путём размышления. В сознание эти понимания (решения) приходят внезапно, при самых разных внешних обстоятельствах и обозначаются обычно как «*озарение*» (*инсайт*), что бывает только у очень увлечённых учёных. Огромную роль интеллектуальной интуиции в процессе научного познания отмечали Р. Декарт, Г. Галилей, А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев и другие.

Обобщая логические формы мысли и психические процессы, существующие в сознании исследователей, можно предложить следующую схему структуры познания [Тихонов, Ворона 2009 : 35] (см. схему 9 на с. 127).

3.2.2. Сознание как высшая форма психического состояния человека

Осмысление феномена сознание было и остаётся одной из самых сложных проблем естественных наук, социологии и философии. Из научных дисциплин, прежде всего, следует выделить психологию и социологию. К познанию этого феномена причастны медицина, а также искусство и религия. Во всех научных источниках подчеркивается, что среди фундаментальных философских и научных проблем одно из главных мест во все времена занимает сознание, как только оно возникло.

Обобщенная структура познания



В античный период не было этого концепта, но существовало четыре термина, которые можно соотнести с современным представлениям о сознании: *нус* – творческий ум, *психея* – душа, *логос* – разум, *эйдос* – идея [Хрусталёв 2009 : 364].

Современные представления о сознании имеют долгую предысторию. Впервые понятие сознание, отличное от понятий дух и душа, ввел в научный оборот Рене Декарт, но он отождествлял его с мышлением: «Я мыслю», значит, имею сознание (лат. *cum sintetia* – «со-сознанием»), которое стало означать *жизнь со знанием о мире*, существующие вне человека (осознанное бытие), о своей деятельности, самом себе. Согласно И. Канту, сознание есть «Я», т. е. «система, способная к выделению себя из окружающей среды и последующей постоянной самоидентификации» [Лебедев 2008 : 579], в отличие от **Не-Я** – «сферы реальности, противостоящей Я» [Там же : 222] и в отличие от **ОН** – «субъект, внеположенный Я» и от **ОНО** – «всё, существующее вне Я» [Там же : 228].

Специалист в области психофизиологии **П. В. Симонов**¹ утверждал, что из всех существующих определений сознания «наиболее адекватным для естественнонаучного анализа нам представляется такое, где оно определяется как *знание*, которое с помощью слов, математических символов и обобщающих образов художественных произведений может быть *передано*, может стать дос-

¹ Павел Васильевич Симонов (1925-2002) – выдающийся русский учёный и оригинальный мыслитель, психофизиолог, биофизик и психолог.

тоянием других членов общества. Сознание – это *знание вместе с кем-то* (сравните с *со-чувствием, со-переживанием* и т. п.). Осознать – значит приобрести потенциальную возможность сообщить, передать своё знание другому, в том числе другим поколениям в виде памятников культуры» [Симонов 2004 : 288].

Таким образом, порог, разделяющий человека и животных – самосознание – способность не просто знать в чем-либо, а *познавать самого себя*. Самосознание формируется в виде духовного начала, которое не только оценивает свою собственную «самость», но и выступает как фиксирование *личностью* самобытного «Я» или «Эго» и понимание происходящих в душе переживаний (М. Хайдеггер), как бы позволяет человеку увидеть себя «как свет, обнаруживающий себя и другое» [Гегель 1974.3 : 201].

Социально-культурный, научный, технический и технологический прогресс дал основание *Тейяру Пьеру де Шардену*¹ заявить, что «человек – не статический центр мира, как он долго понимался, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» [Тейяр 1987 : 40].

Всё это позволило философии осмыслить противоречивую триаду диалектического единства знания, сознания и познания [Хрусталёв 2009 : 374].

Знание предстаёт как коллективное, постоянно развивающееся в истории составляющее сознания. Знание предстаёт и как индивидуальное, свойственное человеку интеллектуально-нравственное качество.

Диалектика знания и сознания реализуется в специфическом философском методе научного познания (см. разделы 7.1; 7.2). Диалектический подход к научному знанию заключается в том, что мир рассматривается как особый изменчивый процесс, сочетающий в себе моменты устойчивости и изменчивости, прерывности и непрерывности в знаниях о нём, их единстве и иерархической соподчинённости. Потому в основе диалектического метода познания лежат философские идеи и принципы (см. раздел 1.2), взаимосвязанные между собой [Хрусталёв 2009 : 376].

Таким образом, сознание выполняет многообразную роль в жизни и деятельности людей. С одной стороны, оно является высшей формой отражения действительности в виде образов и понятий, иначе говоря, идеального бытия мира. С другой стороны, оно, опираясь на память, накапливает, хранит и воспроизводит эту ранее отражённую действительность в *образах, понятиях, концепциях, теориях*.

При этом сознание нельзя считать только суммой знаний, сведений и других составляющих духовный мир человека о внешнем мире. Это интегративное целое в психике человека, которое позволяет ему не только о чем-либо знать, но и *понимать*, благодаря чему сознание выполняет не только *познава-*

¹ *Тейяр де Шарден Пьер* (1881-1955) – выдающийся французский учёный, философ и теолог. Специалист по проблемам антропологии. Предложил и развивал учение о ноосфере. Внёс значительный вклад в палеонтологию, антропологию, философию и теологию. Создал синтез христианского учения и теории космической эволюции.

тельную, но и *собирательную функцию*, а познающий человек не только *отражает* в своем сознании мир, сколько его *творит* [Хрусталёв 2009 : 377].

Итак, сознание – «это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, в предварительном мыслительном построении действий и предвидении их результатов, разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [Спиркин 1972 : 149].

3.2.3. Творчески «мыслящая» психика человека

Человек, познай самого себя
*Сократ*¹

«Мыслящая психика» представляет собой совокупность множества творческих акций, которые осуществляет конкретная личность, группа людей, народ и т. д.

Выделяют четыре мыслительных вида: *предметный, или технологический; образный, или художественный; практический, или социальный; понятийный, или концептуальный*. Но этим не исчерпывается сфера разнообразных видов мыслительной психики.

1. Есть творческая психическая сфера мыслительной деятельности человека, которая способствует созиданию принципиально нового мира – мира духовной и материальной культуры. Это человеческий разум. Его наличие у человека предусматривает не только умение оперировать понятиями, категориями, не только иметь память, хранящую знания, но и способность уточнять неясные понятия, создавать, творить новые теории, выбраковывать и отбрасывать устаревшие.

Мыслящая психика человека способна не только создавать новые идеи, концепции, теории, но и «*материализовать*» их. С тех пор как человек научился изготовлять орудия труда и стал применять их совместно с такими же, как и сам, он по существу заложил основу великого процесса рождения и совершенствования мыслящей творческой психики. Но, прежде чем «материализовать» какой-либо продукт (результат) мыслительной деятельности, человеку надо сформировать в своей голове идеальную модель этого процесса деятельности. Как отметил К. Маркс, говоря о принципиальной разнице между «мыслительным» трудом пчелы и архитектора, последний должен, прежде чем что-то сделать, пропустить это через свое сознание. И здесь важно понять не то, что сознает это человек или нет, а что он становится совершенно другим существом – *субъектом*, создающим культуру.

2. Сфера мыслящей психики, будучи направленной на образование понятий, категорий, законов и т. д., отвечает стремлению человека к постижению

¹ *Сократ* из Афин (около 469-399 г. до н.э.) – знаменитый древнегреческий философ, учение которого начинает поворот от философии натурализма к антропоцентризму. Разработал специальный метод, вошедший в историю как искусство диалектического спора. Стал идеалом мудреца.

полного смысла и сжато, лаконично, кратко по содержанию изложению мыслей и связывает наглядность (образность) со значимостью вещи, предмета, явления.

Мышление тонко фильтрует всю поступающую информацию: сведения, мнения, но, прежде всего, знания как теоретического, так и практического свойства. Это уникальная способность человека *мыслить абстрактно: анализировать (расчленять) и синтезировать (обобщать) знания о целом*. Это уже не столько простое отражение бытия в виде образов, представлений, сколько критически осмысленная оценка информации о действительности в виде понятий и категорий. Мыслящая психика человека – это факт функционирующего мозга особо творческой личности.

Мозг – это пусть и очень важная, но только часть целого: личности, общества. Только в составе этого целого он функционирует как орган сознания. Но так считали и считают, к сожалению, не все ученые, медики и философы. По их мнению, мысль не отделима от материи (мозга) и является ее продуктом. А если допустить, что это действительно так и есть, то она – разновидность материи.

Если в голове человека возникла мысль, то она обязательно мыслит о чем-то. А то, что в сознании имеется некое содержание, не соответствующее оригиналу или даже вообще не имеющее никакого оригинала, совсем не означает, что может вдруг всплыть какая-то беспредметная мысль. Даже грезы или бред у психически больного человека «заимствует» свое пусть призрачное содержание у реальности. И подавляющее большинство людей осознает вещи, себя, свои чувства и мысли, абсолютно не подозревая, что же творится в самом мозгу. Это все происходит потому, что сознанию человека даются не физиологические состояния его мозга, а мир внешних вещей, предметов, явлений, то есть *объект*. Дело в том, что мысль принадлежит не какому-то потустороннему миру, а только миру реальному.

Мысль не имеет самостоятельного *физического* существования, как, например, желчь. Творчески мыслящая психика человека, в отличие от предметного мышления животных, оперирует только *понятиями и категориями*. И если она тоже отражает мир, то отражает его иначе, чем обычное мышление. Она не имеет или, иначе говоря, свободна от конкретно-чувственного характера отражения бытия, а потому не столько идеально отражает отдельные вещи, предметы и явления, а скорее находит *общее* в вещах, предметах и явлениях, раскрывает их внутреннюю сущность, указывает на свойственные им связи и закономерности. Это, можно сказать, есть *обобщенное* выражение в понятии, категории реальной действительности (бытия). Мыслящая психика фильтрует знания об объективном мире, предлагая новые гипотезы, теории или парадигмы.

3. В творческом мышлении выделяют разные уровни развития, хотя граница между ними очень условна.

К *первому уровню мышления* относят природную *силу ума*. Это ситуативное мышление, или, по Декарту, *естественное, обыденное мышление*. Оно

является переходным от животного мышления. В нем доминирующее место занимает **мотивация**.

Ко *второму уровню* относят *образное мышление*. Это здравый смысл, или «обыденный рассудок, это и строгая логика. Рассудочное мышление опирается на выработанные историческим человеком правила, принципы или законы логического суждения о предмете, вещи или явлении.

Третий уровень человеческого мышления качественно отличается от всех предшествующих. Это – чисто *абстрактная мыслительность*, теоретическое осознание мира и создание понятийного аппарата постижения тайн природы, общества и самого себя. Возникновение философии означало рождение принципиально нового – чисто человеческого, или понятийного уровня, мышления. Именно философия вырабатывает истинно понятийный стиль мышления, но с разных сторон познания природного мира и общества людей: *эмпиризма* (Ф. Бэкон, Д. Локк...) и *рационализма* (Р. Декарт, Б. Спиноза...). Немецкие философы И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс поставили вопрос о *понятийном мышлении* как центральной научно-методологической парадигме. Они разработали и предложили принципиально новый научный механизм развития мыслительной практики человека.

Будучи эффективной формой познавательной человеческой деятельности, само мышление исследуется теперь многими науками: физиологией, психологией, логикой, филологией, кибернетикой, но, прежде всего, философией. Физиология изучает и оценивает мышление людей как некое качество живого функционирования нервной системы человека. Она, изучая мозг человека как орган мыслительного акта (И. П. Павлов), пришла к выводу, что в нем происходят некие целесообразные процессы, предвосхищающие будущее. Мышление человека и физиологично и психологично. Оно восходит и к рассудку, и к разуму, что далеко не одно и то же. Кант определял рассудок как способность формировать понятия, а разум – вырабатывать идеи и идеалы. Разум считается выше рассудка, ибо он позволяет мысли проникать в сущность вещей и явлений.

4. Мысль как атрибут жизнедеятельности есть *функция* мыслящего сознания. Эту функцию во всей ее полноте выполняет философия. И тот факт, что мыслить могут практически все люди, не освобождает научное и всё творческое сообщество от необходимости специального занятия философией [Хрусталёв 2009 : 390].

В связи с этим в сознании современных людей следует выделять три функционально-содержательных момента. Первым является *мировоззрение* как осознанный взгляд человека на мир и его развитие. Оно формируется образованием, воспитанием и воздействием социальной среды. Вторым моментом считается *идеология*. Это заинтересованный взгляд на объективные общественные связи и отношения, в которые люди объективно вступают. И третий момент в их сознании – это взгляд на самого себя, или *самосознание*, которое оценивает *смысл* личной жизни и деятельности, придавая ему особый нравственно-волевой и разумный настрой сердца. «У каждого есть перед глазами определенная цель, – писал Маркс, – которая, по крайней мере, ему

самому кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца» [Маркс, Энгельс 1956 : 1].

5. *Общественное сознание* – это *необходимая* и специфическая сторона общественной жизни людей. Оно не только *отражает* постоянно меняющееся общественное бытие, но и организует, регулирует и творчески воздействует на его преобразование. Общественное сознание, как и общественное бытие, носит конкретно исторический характер. Это целостная система идей, представлений, понятий, нормативов мышления, ценностных установок, практической жизнедеятельности. Его содержание чрезвычайно многообразно. Оно несет в себе как естественно-научные, общечеловеческие, гуманитарные, так и некие классовые, национальные, профессиональные, корпоративные смыслы. Содержание общественного сознания существует в сознании некой конкретной личности, но оно может существовать и в *отчужденном* от индивидуального сознания виде – книжном тексте, произведениях живописи, устройстве и функционировании машин, в продуктах производственной деятельности, в различных видах общественных связей и отношений, т. е. *во всевозможных символических и вещественных формах*.

Можно сказать, что общественное сознание есть уникальная сфера (аура) в жизни каждого индивида. Оно при этом имеет разные уровни проявления: *социально-психологический* и *идеологический*. Первый – это эмоционально-чувственный, а второй – рационально-теоретический. Все это в сознании личности выступает как *целостная система* очень разных содержательных форм: философского, морального, политического, правового, религиозного, эстетического и т. д. понимания бытия мира и общества.

Роль и значение общественного сознания в становлении и развитии личности не просто огромны, а жизненно необходимы в ее индивидуальном духовном развитии и интеллектуальном совершенствовании. Все формы и виды общественного сознания (*наука, философия, искусство, мораль, религия и т. д.*), являясь фактически накопителями знаний и базой для хранения различной, жизненно необходимой информации, выступают одновременно и инициаторами, вырабатывающими разнообразные духовные ценности для нормального функционирования общества и личности. Это, образно говоря, та духовно-нравственная атмосфера жизни, которая способствует развитию и возвышению всех потенциальных духовных качеств личности. Она по-своему участвует в материальном и духовном производстве, в научном и нравственном творчестве, в общественной и культурной деятельности широких масс людей.

Г. Гегель был первым, кто философски обосновал термин *самосознание народов*, которое, согласно ему, «состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах» [Гегель 1990 : 480]. Гегель самосознание народа называл его важнейшим качеством. По выражению философа, каждый народ осознает себя таким, каким его видят и воспринимают другие народы. Правда, «для этого они должны доказать, что являются собой самостоятельные народы» [Там же]. Гегель указал на существенный фактор самосознания народа, предполагающий эмоционально-оценочное самосозерцание себя в других само-

стоятельных народах. Будущее человечества возможно лишь в той форме и мере, в какой люди будут открыты и природе, и друг другу.

3.2.4. Бессознательное в психике человека

Современное представление о психике человека было бы не просто неполным, а неверным, искаженным без выяснения дискуссионного вопроса о соотношении *сознательного* и *бессознательного* в психике человека.

Бессознательное есть проявление внутреннего состояния человеческой психики. Это своеобразный мир, охватывающий различные сферы духовной жизни и деятельности личности. Это и уникальное психическое ее состояние, когда сами собой проявляются «темные или смутные ощущения, либо частью сознаваемые, либо вовсе не сознаваемые» (И. М. Сеченов)¹, так как они находятся за порогом сознания.

Одним из первых философов, кто научно сформулировал психическое состояние человека как нечто бессознательное, был Г. В. Лейбниц. По его мнению, в психике человека есть то, что так или иначе «дремлет в ее темницах в виде смутных представлений». Бессознательным поэтому считается, по Лейбницу, все: и *врожденные идеи*, и *приобретенные человеком знания и жизненный опыт*, но как-то *вытесненные из его сознания* (понимания).

Г. Гегель обратил внимание, что при некоторых болезнях в психике человека просыпаются разного рода представления, которые недоступны сознанию для их понимания.

Более определенно о бессознательном как психическом свойстве человека высказался И. Кант. Он связывал бессознательное с «интуитивным прозрением». Состояние бессознательного, по его мнению, представляет «темные ощущения» у человека, и их число безгранично. В психике, писал он, – «освещены только немногие пункты. Это обстоятельство может возбуждать у нас удивление перед нашим собственным существом; ведь если бы некая высшая сила сказала: да будет свет!, то без малейшего содействия с нашей стороны перед нашими глазами открылось бы полмира (если, например, мы возьмем писателя со всем тем, что он имеет в своей памяти)» [Кант 1999 : 366] Такое представление о психике человека ему не чуждо, ибо здоровье нельзя сохранить, если бессознательно, а еще лучше сознательно, не заботиться о том, чтобы ежедневно его сберегать или сохранять.

Представители иррационализма в бессознательном видели проявление чувств, воли, скрытых в природе в виде «жизненных сил» (внутреннюю энергию), как имманентный источник жизни, которому противостоит *беспомощное* сознание. «Наш духовный мир похож на Египет, – образно писал о бессознательном Ницше², – пустыня и громадные пирамиды, а в этих пирамидах, большей частью недоступных, только жалкие трупы» [Ницше 1966 : 226].

¹ *Иван Михайлович Сеченов* (1829-1905) – выдающийся русский учёный и мыслитель. Основатель физиологической школы России и естественно-научного направления психологии. Философ науки. Оказал большое влияние на развитие естествознания.

² *Фридрих Ницше* (1844-1900) – известный немецкий философ – представитель иррационализма, волюнтаризма и основатель «философии жизни». В этике – нигилист. Противник религии.

Глубинное философское осмысление явлений психического осуществил австрийский врач-психиатр и мыслитель **З. Фрейд**¹. Он открыл, что за покровом сознания скрыт глубинный пласт не осознаваемых индивидом могущественных сил – стремлений, влечений, желаний. «Все душевные процессы по существу бессознательны, – писал он, – ... сознательные процессы являются только отдельными проявлениями всей нашей душевной деятельности» [Фрейд 1989 : 426]. Бессознательное можно уподобить подводной части айсберга. Эта часть, скрытая под водой, невидима и непредсказуема, потому что там господствуют дикие силы природы. Так и психика человека имеет как бы подводную, глубинную часть – *бессознательное*. Максимум, что можно о нем сказать, так это то, что оно есть, реально существует.

Оценивая учение З. Фрейда, И. П. Павлов писал: «Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы – человеческой психики..Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света» [Цитируется по: Уэллс 1959 : 5].

Деятельность человека в обычных условиях осмыслена, т. е. сознательна. Освоение природы животными носит приспособительный характер: они не способны преобразовывать свою жизнь. Чтобы приспособиться, животному достаточно «просто познать» тот или иной элемент окружающей среды при помощи одних лишь органов чувств, которые у него достаточно развиты.

Высшие животные, обладая, например, зрительной памятью, способны к неким мыслительным операциям. Они обладают свойством *опережающего отражения* действительности. Так, П. К. Анохин² обнаружил в действиях животных способность к предварительным мыслительным актам. Он назвал это явление *опережающим отражением действительности*. Ученый осмыслил неординарный факт, рассказанный ему орнитологами из Дании. Когда те ехали по Сахаре, увидели хищную птицу, которая улетела за камнем, чтобы затем усердно долбить им яйцо. После того как птица улетела еще раз, орнитологи раскрасили яйцо страуса в красный цвет. Вернувшись, птица, обнаружила красный цвет яйца и выронила камень из клюва. Исходя из этого факта, П. К. Анохин заключил, что эту операцию птица не совершила, если бы она заранее перед собой не ставила мыслительную цель раздолбить яйцо.

По мнению ученика З. Фрейда К. Юнга³, сферу бессознательного составляют не только желания человека, но и все коллективные архетипы – базовые схемы, символические образы, которые «являются врожденными и унаследованными» [Юнг 1991 : 70]. Если З. Фрейд исследовал *подсознание*, К. Юнг – *коллективное бессознательное*, то его ученик – Э. Фромм обратился к *сверхсознанию*. По его мнению, не животная природа человека ведёт к социаль-

¹ *Зигмунд Фрейд* (1856-1939) – выдающийся австрийский врач-психиатр, психолог-аналитик. Основатель новой научной парадигмы: психоанализа в теории и практике.

² *Петр Кузьмич Анохин* (1898-1974) – учёный-физиолог, философ науки и медицины. Создатель теории системного понимания функций человека. Автор идеи «опережающего сознания» у животных.

³ *Карл Густав Юнг* (1875-1961) – швейцарский психолог, основатель аналитической психологии, разработал концепт *архетипа*.

ным конфликтам, а общественное устройство извращает первичные благородные побуждения человека. Итак, диалектическое взаимодействие сознательного и бессознательного можно представить следующим образом [Горелов 2010 : 229-230].

Таблица 5

Соотношение сознательного и бессознательного в психике человека

№	Сознательное	Бессознательное
1	Вербальное	Невербальное
2	Формально-логическое	Нелогичное, неформальная логика
3	Концептуальное, абстрактное	Образно-визуальное, конкретное
4	Символическое	Иконическое
5	Синтаксическая связанность	Свободная комбинации знаков
6	Вторичные мыслительные процессы	Первичные мыслительные процессы
7	Рациональное	Иррациональное
8	Интенциональное (предметно-направленное) мышление	Сновидения, фантазии, галлюцинации
9	Формализация	Интуиция
10	Научная систематизация	Мифологическая систематизация
11	Последовательность	Одновременность
12	Дискретность	Континуальность

3.2.5. Психология науки

Психология науки – одна из новых психологических дисциплин, имеющих пограничный характер с философией науки, когнитологией и науковедением.

Предметом ее исследования является изучение научной деятельности как отдельных ученых, так и научных коллективов психологическими методами (тесты, статистический, биографический и социологический методы).

Уже в конце XIX – начале XX в. намечаются попытки ввести в психологическую науку новый объект эмпирических исследований – *личность ученого* в ее обусловленности биологическими и социальными факторами. (Ф. Гальтон, В. Оствальд, А. А. Потебня, П. К. Энгельмейер, Ж. Адамар и др.).

Одна из центральных проблем психологии науки – анализ процесса научного творчества, изучение тех качеств ученых и необходимых условий, наличие которых делает человека науки способным бросить вызов устоявшимся представлениям и принципам и отстаивать новые взгляды.

Одной из прикладных задач психологии науки, имеющих огромное социальное и практическое значение, является нахождение средств раннего распознавания людей с творческими задатками ученого, методик развития этих способностей, разработка типологий характерологических особенностей ученых для оптимальной ориентации научной молодежи на наиболее подходящие для нее виды научной деятельности и отрасли наук.

Огромное значение в механизме творческой деятельности ученого имеет **мотивация**. Именно мотивы побуждают конкретного ученого к направленной

и напряженной деятельности. Анализ этой мотивации свидетельствует о сложной иерархической структуре, задания в каждом конкретном случае специфической конфигурации соотношения внутренней и внешней мотивации. Мотивация же любого поведения, в том числе когнитивного, существенно связана со всей структурой личности, где познавательные способности и продуктивное воображение играют необходимую, но отнюдь не достаточную, а часто даже и не определяющую роль в творческих достижениях ученого. Огромное значение имеют сила воли, целеустремленность, смелость, лабильность, способность рисковать и принимать на себя всю полноту ответственности за предлагаемые решения, ориентация на большие и социально-значимые ценности и др.

Г. Селье сформулировал *мотивы* деятельности учёного:

- бескорыстная любовь к Природе и Правде;
- восхищение красотой закономерности;
- простое любопытство;
- желание приносить пользу;
- потребность в одобрении;
- ореол успеха, преклонение перед героями и желание подражать им;
- боязнь скуки [Селье 1987 : 57].

Мотивы и требования к научной работе определяют *качества*, необходимые учёному. В целом к ним Г. Селье относит:

- энтузиазм и настойчивость (преданность цели, устойчивость к неудачам, единообразию и успеху, мужество, здоровье, энергия);
- оригинальность (независимость мышления, воображение, интуиция, одарённость);
- интеллект (логика, память, опыт, способность к концентрации мышления, абстрагированию);
- этика (честность перед самим собой);
- контакт с природой (наблюдательность, внимательность);
- контакт с людьми (понимание себя и других, совместимость с окружающими людьми, способность организовать группы, убеждать других и прислушиваться к их аргументам);
- постоянная неудовлетворённость собой [Селье 1987 : 84].

Эти качества присутствуют у разных по складу характера учёных, которых Г. Селье объединяет в несколько *типов*: *делатель*, *думатель*, *чувствователь*, *Фауст* как идеальный учитель и руководитель, *Фамулус* как идеальный ученик и сотрудник и др. [Селье 1987 : 44-45].

Современная психология науки все больше убеждается в том, что науку «делают» не просто умные, знающие люди, а смелые творческие личности, нонконформисты, не любящие и не терпящие стереотипные формы поведения. Дивергентность, оригинальность мышления, свободолюбие, самоутверждение, стремление к необычным решениям трактуются сегодня как самые драгоценные свойства творческой личности в любой сфере деятельности.

Не отрицая огромного влияния на творческую деятельность отдельных ученых и научных коллективов накопленного предметно-логического содержа-

ния науки, объективной логики ее развития и социально-культурной природы, психология науки делает сознательный акцент на *интеллектуально-мотивационной сфере* научного познания и творящих науку личностей [Лебедев 2008 : 516].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Что является предметом изучения психологии? Почему сегодня психология представляет собой целый комплекс наук?
2. Охарактеризуйте основные направления зарубежной психологии.
3. Какие Вы знаете направления отечественной психологии? Почему нами избрано деятельностное направление?
4. Что такое психика?
5. Перечислите основные психические процессы, имеющие отношение к познанию.
6. Каким образом ощущения связаны с восприятием?
7. Какое значение имеет восприятие для эмпирического познания?
8. Чем представление сходно с восприятием и чем отличается от него?
9. Какова роль фантазии и интуиции для научной деятельности?
10. Охарактеризуйте воображение как психический процесс.
11. Какова роль воображения в познавательной деятельности?
12. Почему психика и сознание являются основными концептами психологии?
13. Почему сознание выделило человека из животного мира?
14. Охарактеризуйте современное понимание сознания. Почему сознание является высшей формой психического состояния человека?
15. Что такое самосознание?
16. Назовите основные направления творчески «мыслящей» психики человека.
17. Охарактеризуйте уровни человеческого мышления.
18. В чем заключается принципиальное отличие сознания от психики животных.
19. Что П.К. Анохин понимал под «опережающим сознанием» животных?
20. Сопоставьте понятия: *знание, сознание, самосознание и познание*.
21. Как сопрягается сознание личности с общественным сознанием?
22. В чем проявляется отличие познавательных возможностей, чувств и мышления?
23. Что такое *бессознательное* в психике человека?
24. Какие Вы знаете формы бессознательного?
25. Сопоставьте признаки сознательного и бессознательного в психике человека.
26. Что изучает психология науки?

27. Прокомментируйте схему развития *сознания* с позиции естественных наук, которую даёт проф. А. А. Поспелов [2010 : 235]:
Отражение (у всей материи) → *раздражимость* (у живых существ) → *восприятие* (органами чувств) → *представление* (в психике) → *эмоции* → *чувства* → *архетипы* коллективного бессознательного → *мифы, культы* → *сознание* (пралогическое мышление) → *понятийное* (абстрактное) мышление → *сознательное* преобразование действительности → *ноосфера*.
28. Прокомментируйте высказывание:
«Самость есть наша психическая целостность, построенная из сознания и бесконечного океана души, по которому оно плывёт. Моя душа и моё сознание – вот что такое моя Самость, в которую я погружен, как остров в море, как звезда в небо. Самость бесконечно более обширна, чем Я» (Карл Юнг).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|---------------------|--------------------------|-----------------------|
| Берлов 2001 | Общая психология 2005 | Селье 1987 |
| Блейхер и др. 1996 | Официальный сайт | Симонов 2004 |
| Большая | Американского | Советский |
| психологическая | Психологического | энциклопедический |
| энциклопедия 2007 | Общества (элект. ресурс) | словарь 2002 |
| Винер 1968 | Официальный сайт | Социальная психология |
| Гегель 1974, 1990 | Британского | 2006 |
| Гетманова 2006 | Психологического | Спиркин 1972 |
| Горелов 2010 | Общества (элект. ресурс) | Столяренко 2005 |
| Декарт 1953; 1994 | Официальный сайт | Тейяр 1987 |
| Еникеев 2006 | Российского | Тихонов, Ворона 2009 |
| Лебедев 2007; 2008 | Психологического | Уэллс 1959 |
| Лурия 1988 | Общества (элект. ресурс) | Философский |
| Маклаков 2002 | Попов 2006 | энциклопедический |
| Маркс, Энгельс 1956 | Попов, Крайнюченко | словарь 1999 |
| Национальная | 2007; 2011 | Фрейд 1989 |
| психологическая | Психологическая | Хрусталёв 2009 |
| энциклопедия | энциклопедия (элект. | Шульц и др. 1998 |
| Немов 2003 | ресурс) | Эшби 1964 |
| Ницше 1966 | Психология XXI 2003 | Юнг 1999 |
| Новейший | Радугин 2003 | |
| энциклопедический | Ребер 2000 | |
| словарь 2005 | Рубинштейн 1989 | |



Глава 4

Аксиология, этика и эстетика как источники и составные части лингвистической методологии

*Среди этого спокойствия, осенённого
славой, его (прогресса) благородное величие
вознесёт науки настолько высоко, насколько
в наше время это в силах человеческих, –
науки, которые составляют главное
украшение мира, величайшее орудие войны и
драгоценнейшее сокровище человечества.*

Готфрид Лейбниц¹

Объединяющим началом всех этих трёх наук является их философские основания².

4.1. Аксиология науки и научной деятельности

*Человек есть существо **оценивающее**,
определяющее качество.*

Николай Бердяев³



Аксиология (от греч. *axia* – «ценность» и *logos* – «учение, наука») – раздел философии науки и науковедения, имеющий своим предметом исследование ценностных предпосылок и оснований научного знания и научной деятельности.

Как известно, человек жил и живёт в *ценностном мире*, который представляет собой множество целей и идеалов человека и человечества. При этом ценности – это базисные универсальные ценности и идеалы человеческой деятельности в целом (*Истина, Добро, Красота, Справедливость, Польза и др.*) [Лебедев 2008 : 272], так и различных видов деятельности (ценности науки, экономики, морали, политики, искусства, права и т. д.). Ценности являются основой духовности человека и общества, а также регулятором их истинной жизни.

Уровень фундаментальных (всеобщих) ценностей, как известно, связан с сущностным бытием человека, отражает его природу и отличие от всех других

¹ См.: [Лейбниц 1984 : 468].

² Детальное описание основных философских концепций аксиологии, этики и эстетики даёт проф. Виктор Андреевич Канке в своём новом учебнике [Канке 2010 : 284-319].

³ **Николай Александрович Бердяев** (1874-1948) – выдающийся русский философ, труды которого по социальной философии, философии существования (43 книги) посвящены изучению человека, его свободы, смысла жизни и творчества, нравственному возвышению человечества: «Смысл творчества» (1916), «О назначении человека» (1993).

живых существ. Потому эти ценности имеют необходимый и абсолютный характер и неподвластны бегу времени.

Вопрос о природе этих всеобщих ценностей является одним из самых трудных и дискуссионных как для философии, философии науки, науковедения, так и представителей других форм мировоззрения (религии, мифологии, искусства, обыденной деятельности).

Нас, безусловно, интересуют не только эти всеобщие ценности, хотя они и влияют на все другие, сколько ценности именно науки и научной деятельности.

Аксиологические (ценностные) основания имеются как у фундаментальных научных теорий, так и у прикладных исследований. Вспомним слова Аристотеля и Гегеля: «Теория есть высшее благо и высшее добро» [Гегель 1975 : 428].

Аксиологические основания науки влияют на формирование всех элементов знания: его предметно-онтологического содержания, гносеологических установок и предпосылок, а также возможностей его практического использования. Аксиологические основания научной деятельности (см. раздел 2.4, схему 5) состоят из трёх основных компонентов:

- идеологии науки;
- социальных предпосылок науки и научной деятельности;
- внутринаучных представлений о необходимых целях и средствах осуществления научной деятельности.

1. Идеология науки – это *понимание её общественного смысла, предназначения и возможностей.*

Науки без идеологии не бывает и не может быть в силу социокультурной природы её и научной деятельности. Содержание собственных идеологических оснований науки зависит от *трех основных факторов*:

- от типа культуры и общества, элементом которых она является;
- от объекта (предмета) исследования;
- от научной традиции.

Первый фактор является главным, обуславливающим идеологические основания различных типов науки (см. раздел 2.5). Например, основаниями древневосточной науки является, во-первых, взгляд на науку как «служанку» практики; во-вторых, взгляд на науку как особое сакральное искусство, данное людям Богом, а потому оно может быть уделом только посвященных и, в-третьих, признание критерием истинности знания оценку его со стороны «учителя», «гуру».

Поскольку наука является органической частью общества, то она, помимо своей внутренней идеологии, не может быть свободна и от внешней для неё идеологии, т. е. проникновения в науку разного рода идеологий из вненаучных сфер культуры (политики, права, морали...).

В таком случае наука и конкретные научные исследования мотивируются и оправдываются различными внешними соображениями («всё для фронта», «наука должна служить целям практики», «истина – дочь времени» и т. п.).

Безусловно, необходимо эту внешнюю идеологию подчинять внутренней. Иначе науке грозит потеря самоидентификации и, действительно, превращение её в «служанку» других подсистем культуры.

2. Социальные предпосылки науки и научной деятельности – это требования, запросы и ожидания по отношению к научной деятельности в связи с социальными функциями науки (см. раздел 2.3) и результатами научной деятельности.

Регулятором отношений выступает социология науки, предметом которой является изучение, диагностика, количественное измерение различных свойств и отношений науки как специфической социальной системы. Она исследует функционирование науки как социального института. Важной её проблемой является изучение продуктивности и эффективности научных исследований; профессиональных и социальных ролей научных работников; мотивации научной деятельности; профессионального признания и карьерного роста учёных, а также оценка вклада учёных в развитие своей дисциплины.

3. Внутринаучные представления о необходимых целях и средствах осуществления научной деятельности.

Это прежде всего идеалы и нормы научного исследования, которые составляют множество внутринаучных ценностей, организующих, направляющих и оценивающих как сам ход научного исследования, так и его результаты – научное знание.

Внутринаучные ценности выполняют ориентационную и регулируемую функции [Кохановский и др. 2008 : 442]. К ним необходимо ещё отнести нормы и процедуры научного поиска, методики проведения исследований, оценки результатов деятельности, а также этические императивы научного сообщества. Иногда такие ценности называют *когнитивными* [Кохановский и др. 2008 : 442]. К ним следует отнести такие ценности, как опора на традиции и авторитет.

К их числу относится целый ряд внутринаучных категорий: научная истина, научное доказательство, научная эффективность, критерии научного знания, критерии истинности научного знания, научная теория, научное объяснение и др.

Часть из них уже была рассмотрена в предыдущих главах пособия. Обобщенное описание этих категорий малоэффективно, поскольку их содержание исторически изменчиво и образует аксиологический фундамент того или иного исторического типа науки, к краткому описанию которых мы перейдём.

Аксиология классической науки (см. раздел 2.5.1) – это ценностные основания классической науки и её идеология, которые в значительной степени унаследовали ценности и идеологию античной науки. Двумя ключевыми ценностями этой науки были *объективная истина* и *практическая польза* (в том числе для развития техники и технологий). В число ценностей входили также необходимость пропаганды науки и её достижений в обществе (Р. Декарт, Ф. Бэкон и др.), сциентизм, вера в неуклонный и бесконечный научный прогресс и непогрешимость науки. Явно идеализированный (наивно-романтический, но вместе с тем и догматический, и агрессивный) характер идеологии классической науки был осознан научным сообществом только уже в ходе кри-

зиса этой науки и обсуждения несостоятельности её основных парадигм: классической механики, физики и математики.

Аксиология неклассической науки (см. раздел 2.5.2) В число ценностей науки этого периода входили: *субъект-объектность научного знания, относительная истина, релятивизм, плюрализм научных гипотез и теорий, методологический плюрализм, ценностная обусловленность научного знания, его социокультурный характер, разумный скептицизм и антифундаментализм.*

Ценностные основания неклассической науки более либеральны и менее жестки и агрессивны по сравнению с идеологией классической науки.

Однако дальнейшее развитие науки, которое привело к возникновению нового кризиса, заставило пересмотреть существующую аксиологию, что сопровождалось рефлексией и критикой универсальных оснований неклассической науки.

Аксиология постнеклассической науки (см. раздел 2.5.3)

По сравнению с ценностными основаниями неклассической науки изменения состояли в дальнейшем усилении *«человекоразмерной» (антропной) сущности науки и научного знания.* Это, пожалуй, основная ценность науки данного периода, которая взаимодействует с рядом других ценностей, формируя аксиологическое основание науки этого типа.

К ним следует отнести творчески-конструктивный характер научного познания, плюрализм и гуманизм как необходимые ценности, условия существования и развития современной науки.

Современная наука стала достаточно мощной и *самоорганизующейся системой*, чтобы перестать «бояться» свободы творчества [Лебедев 2008 : 598], которая может в ряде случаев приводить к ошибочным или малоэффективным решениям и даже возможным кризисным явлениям (З. Бауман, Б. В. Голофаст, Э. Гуссерль, О. И. Иванов, В. Е. Кемеров, М. П. Петров, Дж. Холтон...)

Но противоположная стратегия («не пущать», «как бы чего не вышло», «свобода приведёт к разрушению науки и её истины»...) приведёт науку к застою и догматизму.

Потому в число основных ценностей постнеклассической (постмодернистской) науки входит: *объективность, человеческий, а не трансцендентальный характер реального научного познания и всех его результатов; творчество, когнитивная смелость, отсутствие однозначности и неограниченной точности, толерантность, самокритика, риск и осознание возможных неудач как неизбежной платы за достижение удачи.*

Главное сегодня – не столько отказ от некоторых названных ценностей, «сколько освобождение *навыков мышления*» (как «верху блаженства и радости в жизни, доблестнейшему занятию человека», по Аристотелю), связанных с использованием этих ценностных категорий [Бауман 2001 : 562].

Более того, исходя из данной идеологии, следует говорить не столько об использовании ценностей, сколько об их *развитии*, их изобретении, что придаёт аксиологии творческий характер [Канке 2010 : 303-305].

Итак, анализ основных ценностей науки на разных этапах её развития, а также изобретение ценностей свидетельствуют о том, что в наше время можно выделить ряд основных, непреходящих *ценностей науки*:

первая ценность – убеждённость исследователя в том, что используемая им методология, методы, приёмы и процедуры исследования, стандарты доказательности, образцы и идеалы являются объективными, соответствующими *рациональности науки*;

вторая ценность – *общность*, смысл которой состоит в том, что научное знание должно свободно становиться общим достижением, и никто не в праве монополюльно владеть им;

третья ценность – *незаинтересованность*, т. е. бескорыстный поиск истины, свободный от соображений личной или корпоративной выгоды, завоевания славы, получения денежного вознаграждения;

четвертая ценность – организованный скептицизм, проявляющийся в том, что каждый учёный несет ответственность за оценку доброкачественности того, что сделано им или его коллегами, и за то, чтобы эта оценка стала достоянием гласности, с учётом толерантного научного общения [Общие проблемы философии науки 2007 : 277].

4.2. Этика науки и научной деятельности



Этика – (нем. *Ethik* < лат. *ethica* < греч. *ethos* – «обычай, характер») – раздел философии, в котором исследуются мораль и нравственность как специфические регуляторы человеческой жизни, взаимоотношения людей друг с другом как область высших ценностей человеческого бытия [Лебедев 2008 : 158].

Сам термин *этика* в своих больших трёх книгах ввел в философию Аристотель, понимая под этим нравственные устои, позволяющие контролировать страсти.

При этом особой, непростой проблемой является соотношение понятий мораль и нравственность, которые часто используются как синонимы, хотя между ними есть существенные различия. Так, существует традиция, в русле которой *мораль* понимается как *система норм–запретов*, идеалов, требований, предписаний, принятых в данном обществе. Эти нормы закреплены в культуре и достаточно стабильно передаются от поколения к поколению. *Нравственность* же при таком понимании характеризует реальное поведение людей с точки зрения соответствия этим нормам. Так что *безнравственным* будет назван человек или его поступок, который отклоняется от этих принятых норм.

Насколько наука может быть объектом моральной оценки и какие именно её стороны подлежат такой оценке? По этическим вопросам споры происходили на протяжении всей истории развития науки, что и обусловило возникновение достаточно новой дисциплины – *этики науки*, которая является предметом изучения *философии науки и науковедения*.

Под *этикой науки* понимается совокупность моральных норм, регулирующих поведение учёных по отношению:

1) к *научному знанию* (когнитивная свобода и когнитивная ответственность);

2) к *друг другу* (коммуникационная свобода и ответственность);

3) к *обществу и государству* (социальная свобода и ответственность);

4) к *самому себе* (экзистенциальная¹ свобода и ответственность).

Первый тип моральных отношений обусловлен творческой, конструктивной природой научного познания. Как известно, сущность науки и научного познания – *внеморальны* [Ясперс 1994 : 108]. Наука, несомненно, благо, т.к. она даёт истинные знания, но его применение включает этическую оценку, т.к. в процессе развития науки и её технических возможностей появляются всё новые проблемы, требующие этического рассмотрения. Моральный кризис науки проявляется в той точке, в которой она становится *всесильной* [Поспелов 2010 : 254]. К примеру, в наши дни науку обвиняют в том экологическом кризисе, в котором мы сейчас пребываем. «В реальной науке и её этике произошли изменения, которые делают невозможным сохранение старого идеала служения знанию ради него самого... Мы были убеждены, что это никогда не сможет обернуться злом, поскольку *поиск истины есть добро само по себе*. Это был прекрасный сон», – писал выдающийся физик XX века М. Борн [Борн 1973 : 130].

Второй тип моральных отношений известен как «*этнос науки*». Американский учёный Р. Мертон разработал и предложил систему этических норм науки – *этнос науки*, который, по его мнению, играет роль внутреннего основания для объединения учёных в особую социальную общность, отличающую её от всех других общностей людей. Среди норм научного этноса Р. Мертон выделяет четыре ценностных императива, регулирующих деятельность учёных:

- *универсализм*, отражающий объективную природу научного знания, содержание которого не зависит от того, кем и когда оно получено; важна лишь его достоверность, подтверждаемая принятыми научными процедурами;
- *коллективизм*, отражающий всеобщий характер научного труда, предполагающий гласность научных результатов, их всеобщее достояние;
- *бескорыстие* – норма, обусловленная целью науки – постижение истины, которая должна преобладать над любыми соображениями престижного характера, личной выгоды, круговой поруки, конкурентной борьбы и пр.
- *организованный скептицизм* как критическое отношение к себе и работе своих коллег. В науке ничего не принимается на веру и момент отрицания полученных результатов является неустраняемым элементом научного поиска [Кохановский и др. 2008 : 560].

¹ *Экзистенция* (от позднелат. *existentia* – «существование») – человеческое *существование* (бытие) в мире (чаще в трудовом мире) в результате свободного выбора, связанное с наличием у человека сознания и воли. Человек – это всегда открытый проект, будущее которого никогда не определено, т.к. невозможно заранее предсказать, какой выбор сделает индивид [Ж. П. Сартр, А Камю, М. Хайдеггер, Л. Шестов, К. Ясперс...]. Такое поведение чаще иррационально, реже – рационально [Лебедев 2008 : 279].

Одним из неписанных правил научного сообщества является запрет на обращение к властям и народу при разрешении научных споров. В качестве экспертов и арбитров при оценке результатов научного исследования могут выступать только профессионалы и группы профессионалов.

Позднее Б. Барбер включил в этос науки ещё два императива: *институциональное* и *когнитивное*. Институциональное – это функционирование науки как социального института: виды научных объединений, обмен научной информацией и т. п. Изучение когнитивной деятельности учёных даёт возможность этического регулирования способов взаимоотношения между учёными в процессе обсуждения научных гипотез («научные переговоры»), предъявление научной информации, обоснование истинности и новизны теорий и т. п.

Третий тип этического поведения учёных определяется мерой их ответственности за развитие и применение науки перед обществом и государством. *Научная ответственность*, принимаемая на себя субъектами научной деятельности за все совершаемые ими риски выбора и предпочтения, неодинакова. Существуют четыре основных вида научной ответственности в зависимости от характера принятых решений: 1) индивидуальная и 2) коллективная ответственность; 3) когнитивная ответственность перед Истиной и 4) социальная ответственность перед коллегами и обществом в целом.

Чрезвычайно высока в наши дни социальная ответственность учёных, когда происходит экспансия науки на всё новые сферы действительности, более интенсивное воздействие на природную среду созданной на научной основе техники. Необходимы новые регуляторы научной деятельности. Сейчас новые этические проблемы вращаются вокруг вопросов о том: 1) выше ли ценность человека, чем животных (*биоэтика*); 2) рода, чем индивида (*медицинская этика*); 3) планеты, чем человека (*глобальная этика*) и 4) человека, чем созданной им техники (*инженерная и компьютерная этика*) [Горелов 2010 : 255].

Четвертый тип поведения учёных определяется осознанием своего личного предназначения и личной ответственности за принятые решения.

В предшествующей главе, разделе 3.2.3 мы уже освещали вопрос о творчески «мыслящей» психике человека, что является непременным условием выбора человеком научной деятельности. В разделе 3.2.5 (*Психология науки*) были названы *качества*, необходимые для профессии учёного. Важны и *мотивы* деятельности, и многие другие слагаемые, по которым человек делает выбор этой профессии.

Делая такой выбор, человек понимает, настолько многомерна, противоречива и разнообразна жизнь человека в науке. Изучая научные биографии крупных учёных, психологи науки пришли к выводу о том, что крупный учёный – это прежде всего очень сильная личность, а не просто человек, обладающий большой научной эрудицией и одарённостью. В науке её истины не просто доказываются и утверждаются, но и «проживаются» её творцами, становятся частью их жизни, требуя иногда не только рациональных аргументов, но и значительного мужества (Дж. Бруно, Н. Коперник, Н. Лобачевский, А. Богданов, Л. Больцман, Н. Тимофеев-Ресовский, Н. Вавилов и др.). А новые истины, как правило, не просто плод чисто рациональной деятельности рассудка и опыта

учёных, а продукт их целостной жизни во всех её измерениях, результат «драмы идей», по выражению А. Эйнштейна.

Сам акт осознания своей предназначенности уже включает ответственность за результаты научной деятельности.

Потому примечательной особенностью развития этики науки является сегодня острая дискуссия по теме – *основания и границы ответственности* учёных и персонально каждого исследователя. Свидетельством чего являются такие противоположные мнения: «Строго говоря, учёный ответственен лишь за достоверность предлагаемых знаний, а не за последствия их практического применения» [Кохановский и др. 2008 : 449].

«Ответственность за научные результаты не снимается, если учёный не может предугадать всех последствий... Тем более не снимается ответственность за применение открытия, которому учёный может потенциально воспрепятствовать, не сообщая о своих открытиях» [Горелов 2010 : 258].

Ясно одно, что в наше время, время научных вызовов [см.: Канке 2010 : 376-378] и в значительной мере *агрессивной*¹ науки, учёный должен брать на себя всё большую ответственность за окружающий мир.

Возникает вопрос, касается ли это исследователей гуманитарных наук. Безусловно, ответ должен быть только положительным, даже в самых «мирных» исследованиях. Так, в процессе конкретного научного исследования, необходимо принять ценностно-моральные нормы и требования для осознания своей ответственности: 1) когнитивная ответственность за выбор наиболее перспективных проблем и их истинное решение; 2) когнитивное мужество в оставлении тех концепций, которые автор считает истинными, но которые по каким-то причинам ещё не разделяет в качестве таковых «молчаливое большинство»; 3) честность и искренность в своих научных поступках, высказываниях и публикациях; 4) нацеленность на социальное благо от результатов этого исследования; 5) умение прощать оппонентам их «консерватизм» и «упрямство», основанное на понимании того, что новые истины в науке, по словам Т. Гехсли, в начале своего существования всегда кажутся ересью.

Основания современной постнеклассической науки, когда человечество стало, по словам В. И. Вернадского, геологической силой на нашей планете, безусловно, требуют конкретизации и обновления этических регуляторов науки и научной деятельности, в том числе принятия *этических кодексов* учёных [Горелов 2010 : 258] и внедрения «принципа предосторожности²» [Лебедев 2007 : 453].

Вместе с тем очевидно, что центр этического регулирования современной науки должен быть смещен от общих оценок науки в целом с позиции блага и зла к дифференцированной оценке её отдельных направлений и действий

¹ Агрессивность современной науки заключается не столько в том, что очень часто невозможно предсказать результаты применения того или иного открытия, сколько в том, что около 40% учёных так или иначе связаны с решением задач, имеющих отношение к военной сфере [Горелов 2010 : 253].

² Он заключается в том, что более эффективный и безопасный путь – стараться предотвратить негативные последствия новых технологий, чем тратить ресурсы на минимализацию произошедших негативных последствий. На основании этого, в частности, в 2002 году был принят закон о запрете клонирования человека, в котором четко зафиксировано, какие именно исследования в этой области подлежат запрету.

конкретных учёных. Именно при таком подходе морально-этические суждения в науке не только могут, но и должны играть всё более важную роль в развитии на благо современного общества и будущих поколений.

Итак, в наши дни этика науки понимается как *система норм, действующих в рамках научного сообщества и применяемая в отношениях, возникающих внутри научных коллективов, а также между учёным и результатами его научной деятельности* [Ильин 1989; Кезин 1985; Лебедев 2007; 2008; Чернявская 2011 и др.].

4.3. Эстетика науки и научной деятельности



Эстетика (от греч. *aisthetikos* – «чувствующий, чувственный») – философское учение о прекрасном, а в более общем понимании – об эстетически важном и его действительности: его законах и нормах (живая форма, чувственная полнота содержания, гармоничное членение...); его формах и типах (наряду с прекрасным – возвышенное, грациозное, трагическое, комическое, идиллическое...); его отношении к природе и искусству; его происхождении и роли в художественном творчестве и наслаждении [Философский энциклопедический словарь 1999 : 544].

Как видим, уже из этого определения следует, что предмет эстетики понимается очень по-разному. Чаще её считают философской наукой о прекрасном. Согласно современным воззрениям, эстетика понимается ещё широко: как метанаука по отношению ко всему комплексу искусствоведческих дисциплин [Канке 2008 : 309; Канке 2010 : 308].

Известный отечественный эстетик А. В. Гулыга пишет: «Удивительна судьба науки о красоте: зародившись в древности, она только в XVIII в. обрела название¹, в начале XIX в. – чёткие контуры и понятия, но уже в конце века подвергалась нападкам и в нашем столетии истребила себя уже полностью, только в последние годы уразумев немыслимость своего самоиспепеления» [Гулыга 2000 : 35]. Речь идёт о кризисе эстетики, связанным с потерей чётких ориентиров: господствующее философское мнение состоит в исключении из философии науки всего, что относится к феномену искусства на том основании, что она оперирует ценностями, т. е. обладает антинаучным «синдромом» [Канке 2008 : 309].

С другой стороны, наблюдается стремление связать эстетику с той или иной конкретной наукой: психологией (Г. Фехнер, Т. Липпс), физиологией (А. Грант-Аллен, В. Вельямович), психоанализом (З. Фрейд, Ж. Лакан), социологией (М. Гюйо, Ш. Лало), семиотикой (Ч. Моррис, У. Эко), математикой (Дж. Биркгоф) и др.

Однако приходится констатировать, что в наши дни ещё не прошло становление самостоятельного направления эстетика науки, о чем свидетельствуют научные источники и словарно-справочная литература.

¹ Термин *эстетика* как название научной дисциплины ввел в 1735 г. Александр Баумгартен (1714-1762), который признан основателем эстетики.

Такое положение дел противоречит тому, что сам философский принцип научного познания – *принцип красоты* [см. раздел 1.2] – уже давно осмыслен.

Можно сегодня сформулировать два основных положения; во-первых, эстетизм как категория постмодернистской философии, обозначающая внутреннее единство этики и эстетики, т. е. зависимость этики не только от разума, сколько от норм эстетического восприятия мира. Она представляет собой не только *эмоционально-эстетическое отношение* к миру, но и его непосредственное *чувственное переживание* во всей его конкретности.

Идеология эстетизма¹ – это, прежде всего, противодействие различным сферам современной масс-культуры, глобализму, социальному и культурному универсализму и рационалистическому духу современного общества [Лебедев 2008 : 579].

Как видим, такой подход косвенно относится к эстетике науки. Только отдаленно он пересекается с *трансцендентальной*² *эстетикой* И. Канта как учением о чувственности, о чувственном восприятии и его роли в познании.

Наконец, можно ещё назвать рецептивную эстетику как направление в литературоведении и философии гуманитарных наук, исходящее из идеи, что художественный и любой гуманитарный текст «возникает» или, по крайней мере, «реализуется» только в ходе непосредственного контакта с читателем и зрителем в процессе его восприятия (Х. Г. Гадамер) и не имеет «самодавляющего», т. е. независимого существования не только от различных его интерпретаторов, но и от конкретного исторического, социального и культурного контекста, в рамках которого это направление вынуждено всегда пребывать [Касавин 2008]. Будучи элементом таких интерпретаций и контекстов, это направление приобретает свой определённый смысл, значение и *эстетическую ценность* [Кузьмина 2009 : 30].

Таким образом, формирование общей эстетики науки как направления, по-нашему мнению, дело недалёкого будущего. А пока, опираясь на философский *принцип красоты* в познании³, покажем, как он проявляется в науке. По словам С. А. Лебедева, принцип красоты в науке – «это эстетическое измерение научного знания» [Лебедев 2008 : 510]. Его проявление наблюдается в трех формах:

- 1) нахождение таких пропорций в исследуемом объекте, которые вызывают эстетическое восприятие, чувство гармонии, красоты (например, известный ещё древним учёным принцип «золотого сечения» в соотношении частей к целому и между собой);

¹ Хотя есть мнение, что сфера эстетики не ориентирована на *этику, на добро*. В этом смысле афоризм «*красота спасёт мир*» князя Мышкина из известного романа Ф. М. Достоевского не следует воспринимать в качестве обязательной связи этики и эстетики. Сам Ф. М. Достоевский неоднократно отмечал, что с красотой часто связано зло и порок. Как видим, сфера эстетического неоднозначна в этическом, а следовательно, аксиологическом отношении.

² См. раздел 7.3.5 пособия.

³ По И. Канту, эстетика, в отличие от этики, не вырабатывает некоторые цели, которые необходимо достичь. Суждения о красоте исключают интерес к цели; основываясь на общем чувстве: «во всех суждениях, в которых мы признаём что-то прекрасным, мы никому не позволяем быть другого мнения, хотя мы основываем наше суждение не на понятиях, а только на нашем *чувстве*, которое мы, следовательно, полагаем в основу не как частное чувство, а как *общее*» [Кант 1968 : 244].

- 2) сведение различных сложных явлений к комбинациям, состоящим из простых и однотипных элементов (к примеру, аксиоматическое построение научных теорий);
- 3) нахождение изменений в существовании разного рода констант.

Одно из основополагающих философских принципов познания – принцип *редукционизма* (см. раздел 1.2), несомненно, имеет эстетическую природу.

Завершая анализ, ещё раз отметим, что вовсе неслучайно наука началась именно в Древней Греции – цивилизации, в которой фундаментальными ценностями были *красота, гармония, стремление к эстетическому восприятию действительности* [Канке 2010 : 308].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Как Вы понимаете аксиологию в философском осмыслении?
2. Какую роль выполняют основные аксиологические компоненты в науке и научной деятельности?
3. В чем заключаются аксиологические основания классической науки?
4. Каковы аксиологические основания неклассической науки?
5. Охарактеризуйте аксиологические основания постнеклассической науки.
6. В чём заключается философское осмысление этики?
7. Может ли быть наука объектом моральной оценки?
8. В чём проявляются моральные регуляторы по отношению к научному знанию?
9. Охарактеризуйте этос науки.
10. В чём проявляется ответственность науки и научной деятельности перед обществом и государством?
11. Почему возрастает моральная ответственность учёных и каждого учёного персонально в наши дни?
12. В чём проявляется моральная ответственность учёного, проводящего гуманитарное исследование?
13. Почему Иван Петрович Павлов поставил перед своим институтом памятник собаке?
14. Кто прав – З. Фрейд или А. Эйнштейн – в споре о том, должен ли учёный бороться против опасности войны и других деструктивных действий человека? Имеет ли это смысл?
15. Трое знаменитых учёных в сходной ситуации вели себя по-разному: Николай Коперник был против публикации своей гелиоцентрической картины мира; Джордано Бруно отказался отречься от своих научных взглядов, а Галилео Галилей публично отрекся от своих взглядов под давлением католической церкви. Каково Ваше отношение?
16. Охарактеризуйте современную эстетику науки.
17. Каково соотношение базовых концептов: *аксиология, этика и эстетика*?
18. Прокомментируйте высказывания:

*«... Поиск истины есть добро само по себе» (М. Борн).
«Я никогда не читаю. Это мешает мне думать» (П. Дирак).*

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|---------------------------|-------------------------------------|--|
| Аггаци 1998 | Канке 2000; 2007;
2008; 2010 | Новая философская
энциклопедия 2010 |
| Адорно 2001 | Кант 1966; 1999 | Общие проблемы
философии науки
2007 |
| Аристотель 1976 | Касавин 2008 | Поспелов 2010 |
| Белов 2001 | Кезин 1985 | Проблема ценности
статуса науки 1999 |
| Бердяев 1989 | Князева 1995 | Пуанкаре 1983 |
| Борн 1973 | Комби 2009 | Селье 1987 |
| Бройль 1962 | Кохановский и др.
2008 | Философия науки
1995-2000 |
| Брянник 2003 | Кравец 1993 | Философский
энциклопедический
словарь 1999; 2001 |
| Быков и др. 2010 | Краткий словарь по
эстетике 1983 | Фролов, Юдин 1986 |
| Бэкон 1978 | Кузьмина 2009 | Чернявская 2011 |
| Вернадский 1991;
1997 | Лебедев 2006; 2007;
2008 | Швейцер 1973 |
| Гадамер 1991 | Лейсли 2001 | Шрейдер 1998 |
| Гегель 1974; 1978 | Леопольд 1983 | Ясперс 1994 |
| Гулыга 2000 | Лешкевич 2001 | |
| Гуссейнов, Ирлитц
1987 | Мертон 1965 | |
| Гуссейнов 1985 | | |
| Декарт 1953; 1994 | | |
| Ильин 1989; 1994 | | |



Глава 5

Системология как источник и составная часть лингвистической методологии

Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что **Язык есть система.**

Н. С. Трубецкой¹

5.1. Понятие о системологии

На рубеже XX и XXI веков стало очевидным, что человечество переходит от одной эпохи мышления и деятельности к другой: от «века анализа и синтеза» к «веку систем» [Разумов, Благодатских 2006 : 3].

Для «века систем» характерно появление и развитие больших и сложнейших систем в различных областях человеческой деятельности, что, как мы уже видели, обусловило создание другого типа науки – *постнеклассической* (см. раздел 2.5.3) и, как покажем дальше, другого *типа систем* и, значит, обостренного внимания к проблеме *системности*.

Однако это не привело к обоснованию новой области знания. Такие попытки были сделаны исследователями в области информатики и кибернетики, но они не увенчались принятием их предложений научным сообществом.

Заслуга введения удачного, на наш взгляд, терминированного понятия – *системология* [от греч. *systema* – «соединённое, составленное из частей; соединение» и *logos* – «наука»], вынесенного нами в название главы, принадлежит видному отечественному лингвисту Г. П. Мельникову².

Синтезирующий характер системной лингвистики задаётся Г. П. Мельниковым *системой взаимодополнительных принципов*: 1) принцип *материальности* субстрата языка и его продукта – речевого потока; 2) принцип *мерности* языковой системы в пространстве и времени; 3) принцип *триадичности* языковых категорий, среди которых особое значение придаётся триадам: «*материя – форма – содержание*», «*среда – сущность – явление*»; диалектической триаде Гегеля: «*тезис – антитезис – синтез*» и методологической триаде: «*методика – метод – концепция (теория)*» [Мельников 2003].

К этому следует ещё добавить «греческий» тип мышления, с его устремлённостью к целостности, к онтологичности, к выяснению истоков и направле-

¹ *Трубецкой Николай Сергеевич* (1890-1938) – русский языковед, славист, балканист и компаративист, приват-доцент Московского университета, один из теоретиков структурно-функциональной концепции Пражской лингвистической школы, основоположник теории языковых союзов, а также семиотики языка и литературы. Разработал принципы фонологии и морфологии как особых лингвистических дисциплин. Обосновал троякий подход к изучению языков: *сравнительно-исторический, ареально-исторический и типологический*. Основоположник оппозиционного метода.

² *Геннадий Прокопьевич Мельников* (1928-2000) – кандидат технических наук, доктор филологических наук, академик Национальной русской академии, заслуженный изобретатель Комитета по мирному использованию атомной энергии; создатель системной лингвистики и теории системной типологии языков, а также системологической методологии и понятия системология, которое разделяется многими лингвистами (Л. Г. Зубкова, А. А. Поликарпов, В. А. Виноградов и др.).

ний развития каждой вещи, существа, общества и мира в целом. «Греческий» тип мышления направлен на формирование целостной картины мира, «выявление общего в частностях и на постоянный пересмотр этой картины ради приближения её характеристик к свойствам реальности и усиления объяснительных и предсказательных возможностей» [Мельников 2003 : 8].



На этой основе и формулируется системология как *общеметодологическая дисциплина*, необходимость которой обусловлена тем, что «между методологией любой частной науки и философией должна стоять общая для всех частных наук промежуточная, посредническая метанаучная дисциплина (выделено мной – З. К.), в терминах которой должно раскрываться содержание понятий методологии частных наук, в том числе и лингвистики, а также отношений этих понятий к понятиям и категориям философии» [Мельников 2003 : 7].

Среди объектов, рассматриваемых системологией, важное место занимают составные объекты, под которыми Г. П. Мельников понимает такие *структурированные* объекты, которые возникают «вследствие связей и взаимодействий совокупности других объектов, объектов *более глубокого* (по отношению к составному в *надсистеме*) яруса или, иначе говоря, *совокупности элементов* составного объекта» [Мельников 2003 : 35]. Во многих науках, в том числе и лингвистике, такие объекты преобладают.

На этой основе Г. П. Мельников рассматривает отношения между *системой* и *надсистемой* как особые отношения между *частью* и *целым* [Мельников 2003 : 36-38].

Это раскрытие общечеловеческих понятий и положений даёт возможность автору рассматривать системологию как «*прикладную диалектику*», т. е. такую методологию, которая содействует преодолению возникающих в процессе научной деятельности *методологических* затруднений и тем самым способствует увеличению эффективности научного исследования.

5.2. Общая теория систем и её основные концепты

Основным концептом, ядром системологии является общая теория систем (Л. фон Берталанфи¹, И. Блауберг, М. Месарович, Э. М. Мирский, В. Н. Садовский, В. П. Тихомиров, А. И. Уёмов, У. Р. Эшби, Э. Г. Юдин...), которая, хотя и получила большое распространение, до сих пор не имеет однозначного понимания и общепринятого определения, как, впрочем, и основные понятия этой теории – *система* и *структура* [Благодатских, Разумов 2006 : 14].

К нашим дням осознано предназначение общей теории систем. Самое сложное положение современной науки, кризис научного знания связаны прежде всего с «информационным взрывом»². Это особенно характерно для си-

¹ *Людвиг фон Берталанфи* (1901-1972) – австрийский биолог и философ, который разработал программу построения общей теории систем.

² Специалисты подсчитали, что с начала нашей эры человечеству потребовалось для удвоения знаний 1750 лет; следующее удвоение произошло в 1900 году, третье – к 1950 году, а в наши дни человек не готов к переизбытку информации, что вызывает у него «информационный тромбоз» [Разумов, Благодатских 2003 : 328]

темных знаний и их окружения: количество существующих концепций и различных методов значительно превысило в наши дни возможности их изучения специалистами. В этих условиях общая теория систем предназначена для интеграции, «сжатия» научных знаний, их фундаментализации и создания обобщающих моделей.

Кроме того, практически всеми исследователями принимается положение о том, что общая теория систем является важным звеном в цепи представлений единства материального мира, а потому имеет большую эвристическую ценность, особенно в гносеологическом аспекте и в целом в теории познания.

Вот такая **интегрирующая** роль теории систем представлена в общей схеме 10 на с. 154 [Разумов, Благодатских 2006 : 15]¹.

Как показывает схема 10, в общую теорию систем включены:

- *пространственная интеграция* – объединение усилий отраслей и регионов;
- *временная интеграция* – органичная взаимосвязь стадий, этапов различных процессов;
- наличие системы «наука – техника – производство»: от идеи через разработку, конструирование, эксперимент, производство до серийного внедрения новой техники и технологий.

Исследователям систем важно понимать, что при изучении любой системы всегда присутствуют *четыре аспекта*:

- 1) система-объект – источник научного системного знания;
- 2) теоретическая (научная) система отражает в сознании исследователя систему-объект;
- 3) теоретическая система движется к большей адекватности отражения системы-объекта;
- 4) практика как среда применения знаний о системе – исходный пункт познания, его основа и критерий истинности.

Таким образом, изучение системы означает отражение в сознании исследователей в определенных теоретических понятиях внутренней природы, характерных черт, свойств и особенностей системы.

Исследовать систему – значит *раскрыть*:

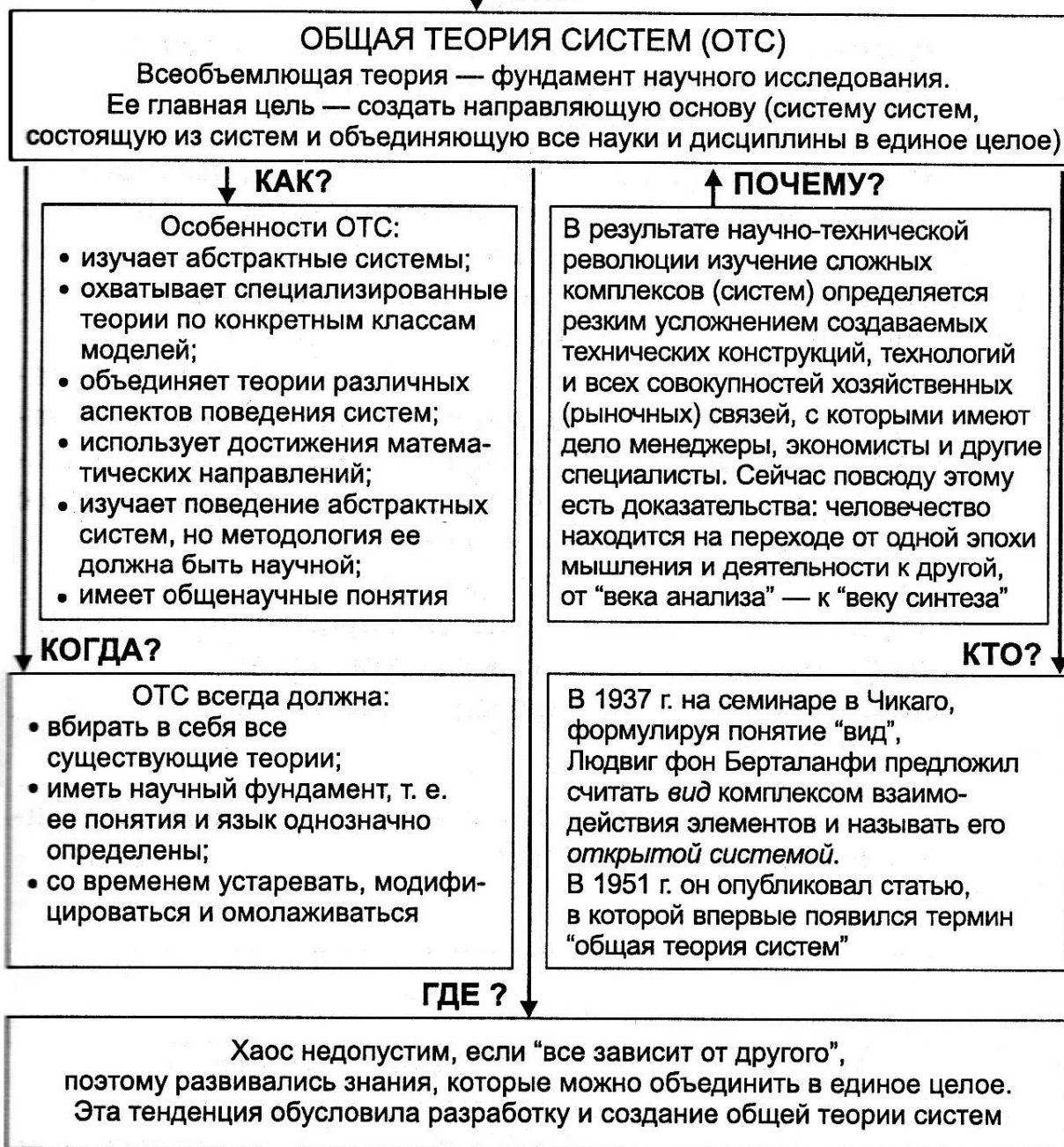
- *ее сущность*, т. е. присущие ей системные, интегративные свойства;
- *состав* – количественную и качественную характеристику ее частей;
- *структуру*, т. е. внутреннюю организацию, взаимосвязь элементов;
- *функции* – активность, жизнедеятельность системы и ее частей;

¹ К схеме своеобразной иллюстрацией является известное стихотворение Редьяра Киплинга о познании:

*Есть у меня шестёрка слуг
Проверенных, удалых
И всё, что вижу я вокруг, -
Всё знаю я от них.
Они по знаку моему
Является в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.*

Общая теория систем

↓ ЧТО?



- *интегративные, системные факторы, механизмы обеспечения целостности, взаимодействия, совершенствования и развития;*
- *коммуникации с внешней средой и связь с большей системой;*
- *историю, т. е. начало и источник возникновения, становление, тенденции и перспективы развития, превращение в качественно новую систему.*

На основе данной методологии систем можно сделать следующие выводы:

- существование систем в природе и человеческом обществе обусловило *системность* – свойство объективной действительности;

- системный подход к объективной действительности – черта диалектики (конкретизация учения о всеобщей связи, движении и развитии);
- история развития систем показывает, что все науки без систематизации, без системности не могли бы существовать [Разумов, Благодатских 2003 : 10; Лебедев 2008 : 112].

Общая теория систем как методологический компонент системологии включает ряд общесистемных понятий (концептов): *система, структура, системный подход и системный метод*, а также – *классификация систем*, к рассмотрению которых мы и переходим.

5.2.1. Система и структура

Изучение философской, науковедческой, системологической литературы, а также источников по частным наукам, в том числе лингвистики, свидетельствует о значительных сложностях в изучении этих двух фундаментальных понятий: *системы и структуры*.

С древнейших времен люди, осуществляя сложные формы деятельности и накапливая практический опыт для передачи последующим поколениям, создавали различные формы *упорядочения (систематизации)* однородных данных, фактов, сведений – календари, родословия, космогонические мифы, астрологические схемы, иерархии божественных или сверхъестественных существ и т. п. [Чебанов, Мартыненко 2008 : 329].

Далее в течение длительного времени оказывали сильнейшее влияние на разные направления философской, научной, богословской и др. мысли мотивы упорядочения классификационной логики Аристотеля.

Мы не ставим своей целью представить историю формирования системного подхода и системного анализа предметов и явлений природы, общества, человека и его языка и становления понятий *системы и структуры*, а подчеркнём лишь то, что принцип системности познания (см. раздел 1.2) является органическим и неизбежным для научной деятельности.

Ю. Т. Рубаник аргументирует острую востребованность системности в науке следующим образом: «Жизнь поражает нас разнообразием и сложностью во всех областях человеческой деятельности: профессиональной, социальной, семейной, личной. Для того чтобы преодолеть барьер сложности мы начинаем упрощать интересующие нас жизненные явления, делим их на части, поочередно рассматриваем различные аспекты, стороны, проблемы. Какое бы явление и объект мы ни взяли – везде мы имеем дело с *целостной системой*, существование которой обусловлено взаимовлиянием её компонентов. В различных сферах жизни осознаётся важность формирования целостного видения ситуации для эффективной диагностики и принятия решений» [Рубаник 2006 : 8].

Используя концепцию диалектической триады Гегеля¹, Ю. Т. Рубаник полагает, что познание сущности целого можно представить как последовательность сменяющих друг друга трех уровней знания о нём.

¹ Обратим внимание на то, что Г. П. Мельников также в одно из оснований системологии положил эту гегелевскую триаду.

Первый уровень (*тезис*) соответствует *интуитивному*, опирающемуся на живой опыт, целостному пониманию объекта. Этот подход может быть действенным, но успех здесь трудно предсказуем: он целиком зависит от способностей, таланта отдельного человека.

Аналитический подход, расчленяющий целое, происходит как отрицание (*антитезис*) интуитивного метода познания и является достижением эпохи Просвещения. В рамках аналитического подхода мы пристально всматриваемся в устройство интересующего нас объекта, расчленяем его, чтобы понять структуру и особенности отдельных частей, затем через них объяснить свойства целого.

Таким образом, *системный подход* к пониманию объекта можно рассматривать как синтез *интуитивного* и *аналитического методов*. Он отрицает попытку сведения свойств целого к свойствам его частей, но «заимствует» у аналитического подхода интерес к внутренней структуре объекта. На первое место выдвигается совокупность системных свойств целого. Такой подход концентрирует внимание на тех *взаимосвязях*, которые становятся причиной возникновения системных свойств [Рубаник 2006; Пермякова 2007 : 65].

Особое место в становлении этих двух основополагающих концептов принадлежит первой половине XX века, когда учёные самых разных областей знания осознали, что «системно-структурные исследования выступают в качестве специфической тенденции науки середины XX века» [Садовский 1965 : 41-42]. Логика развития математики привела в 30-е годы к созданию теории математических и логических структур. В центре внимания физики находится проблема структуры элементарных частиц. Биологи изучают структуру генетического кода и функционирования живых систем. Социологи исследуют систему и структуру общества. Широкое распространение получили положения структурной психологии. Лингвисты изучают систему и структуру языка и т. д. Начинает складываться общая теория систем.

Значительную роль в изучении системных и структурных свойств объектов сыграла система феноменологической философии, начало которой было положено Э. Гуссерлем¹. Суть учения Э. Гуссерля состоит в том, что, во-первых, он считал, что предмет философии – это явления (*феномены*) сознания, рассматриваемые как единственно и непосредственно данные явления и, во-вторых, эти феномены являются некими абсолютными сущностями, имеющими всеобщее значение, которое и следует изучать.

Представители этой школы философии оказали значительное влияние на формирование структурной лингвистики, особенно пражской и копенгагенской школ структурализма [Амирова 2000 : 7-9].

Как подчёркивает Эмиль Бенвенист², именно в лингвистике возник целый комплекс понятий (*система, структура, структурный, структурализм* и

¹ Эдмунд Гуссерль (1859-1938) – выдающийся немецкий философ, основоположник феноменологической философии, в центре осмысления которой была проблема сознания и связи философии «как строгой науки» и фундаментальных наук, связанных с разными сферами человеческой деятельности.

² Эмиль Бенвенист (1902-1976) – выдающийся французский языковед, компаративист, ученик А. Мейе, принадлежавший к французской социологической школе. Автор серьезных трудов по общему и сравнительно-историческому языкознанию, этимологии, семиотике, романским языкам.

структуралист), «которые теперь и другие науки заимствуют из лингвистики, вкладывая в них своё собственное содержание» [Бенвенист 1998 : 60].

Все эти факты отражают не столько начальный этап исследований, направленных на изучение систем и структур разных типов, сколько известное обобщение результатов длительной и плодотворной деятельности в разных областях науки.

Можно поэтому считать, что середина 50-х годов XX века «знаменует собой тот переломный момент, начиная с которого происходит интенсивное распространение рассматриваемых понятий на более широкий круг явлений, с одной стороны, и активная разработка методологической стороны этих исследований, – с другой» [Кубрякова, Мельников 1972 : 9].

Таким образом, системный метод – это подход к предмету научного изучения как к некоторой *системе*. Это, с одной стороны, «банальная», а с другой, – очень сильная познавательная установка. Моделируя объект как систему, исследователь должен разложить его на определённое множество элементов, а также сформулировать определённое множество отношений между ними. При этом предполагается, что системная модель объекта способна *объяснить* все его существенные свойства и отношения, а также его интегральное поведение, согласуясь при этом с эмпирическими данными о нём, полученными путём систематического наблюдения и эксперимента [Лебедев 2008 : 535].

А отсюда подход к изучению сложных объектов, направленный на познание объекта как определённой системы, обычно и называют системным подходом.

При таком подходе исследователь стремится к овладению закономерностями осуществления и развития объекта как связного целого, как материально определённой совокупности элементов и связей. При этом он объясняет свойства объекта, исходя из его целостности как упорядоченного образования, т. е. устанавливает, в какой мере эти свойства автономны и независимы друг от друга, а в какой – взаимообусловлены.

Иначе говоря, системный подход «сводится к объяснению свойств системы через выявление конкретного взаимоотношения её структуры, субстанции и функции, то есть интегральный подход» [Кубрякова, Мельников 1972 : 29].

Аргументируя преимущества этого нового подхода, его сторонники подчеркивали, что при помощи понятий *системы* и *структуры* становится возможным обнаружение «общего подобия» в строении Вселенной, отражение единых принципов её устройства..., т.к. он означает переход от фрагментарного и разрозненного представления об окружающей действительности к пониманию её единства и цельности» [Кубрякова, Мельников 1972 : 10; Мельников 1978; 1990; 2003; Хрусталёв 2009; Марков 2011...].

Исходя из такого представления, понимаем, почему столько усилий потребовалось для осознания анализируемых понятий *системы* и *структуры*,

особенно применительно к такому сложному объекту, каким является человеческий язык¹.

Возможно потому одно из лучших определений системы, с нашей точки зрения, принадлежит именно лингвистам: «**Система** – известным образом организованное (т. е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определённых целей» [Кубрякова, Мельников 1972 : 30].

Поскольку «понятия *система* и *структура* имеют много общего» [Разумов, Благодатских 2006 : 24], то их соотношение обнаруживается и определяется неоднозначно: от синонимизации [Берталанфи 1969; Эко 2004 : 339] до дифференциации этих понятий, но общепринятого их разграничения в философской и лингвистической литературе «пока не существует» [Булыгина, Крылов 2002 : 453], потому прием существующее более общее разграничение, существующее 1) в философии науки:



«**Структура** – множество отношений между элементами системы, которые обычно описываются в виде некоторых функций» [Лебедев 2008 : 254] и 2) в общей теории систем: «**Структура системы** представляет собой характеристики устойчивых связей и способов взаимодействия элементов системы, определяющие её целостность, строение и основы организации» [Разумов, Благодатских 2006 : 24]. В этом отношении наиболее близким является понимание структуры языка как «реляционного каркаса системы, сетки отношений между её элементами» [Кубрякова, Мельников 1972 : 29].

Характеристика системы включает ещё два взаимодействия: *система и среда*; *система и время*.

Система и среда

Любая реальная система существует в среде, и ее можно считать подсистемой некоторой более общей системы, которая включает в свой состав и среду окружения данной системы. В связи с этим иногда возникают затруднения: какие элементы относить к системе, а какие – к среде. Здесь решение должно подчиняться задаче исследования. В систему (как выделяемую часть мира) надо включать те элементы, которые вступают между собой в различные связи и формируют ряд характерных для данного исследования свойств системы, определяющих ее как целостное образование, противостоящее среде и взаимодействующее с ней. Выделим два аспекта этого взаимодействия:

¹ Вопрос о системе языка фигурирует в контексте «состояния» двух выдающихся лингвистов прошлого века: **И. А. Бодуэна де Куртене** (1845-1929) и **Ф. де Соссюра** (1857-1913): «введение понятия системы в применении к языку обычно связывают с именем Ф. де Соссюра, хотя несомненный приоритет в этом отношении принадлежит И.А. Бодуэну де Куртене» [Звегинцев 1962 : 54], а также: В. В. Виноградов, А. А. Холодович, Р. О. Якобсон и др. «...научная судьба Ф. де Соссюра оказалась более удачной (в сравнении с Бодуэном), и он получил всемирное признание значительно раньше» [Слюсарева 1975 : 6] и «...сейчас, сто лет спустя, из Соссюра как теоретика и философа языка, который опередил своё время, наконец-то можно извлечь плодотворный урок» [Автономова 2001 : 27; Бенвенист 1988 : 61]. Следует отметить, что «понимание системной сущности языка у Соссюра было, несомненно, более формальным и более узким, чем у Гумбольдта или Бодуэна» [Кубрякова, Мельников 1972 : 37; Бугорская 2007 : 362]. Но благодаря этому, сама область исследования оказалась чётко очерченной: «задачей лингвистики было провозглашено изучение языка как системы» [Кубрякова, Мельников 1972 : 37].

1) характер обмена между системой и средой может быть вещественным, или энергетическим, и информационным;

2) среда – обычно источник неопределенности для системы; к последней часто относят малоизученные, плохо выявленные элементы и факторы, в том числе и имеющие внутрисистемный характер.



Среда – совокупность элементов окружающего систему мира, которые не входят в ее состав, но оказывают на нее различные воздействия [Разумов, Благодатских 2006 : 26].

Среду имеют не только материальные, но и абстрактные системы, особенно из подкласса *генерализующих* (концептуальных и знаковых). Например, *средой языка* являются другие языки и различные факторы общественного развития, которые не отражены в основной модели развития языка, а для любой науки – это другие науки и факторы социально-технического процесса, влияющие на развитие рассматриваемой науки.

Понятие среда служит признаком классификации систем еще на два класса: открытые и закрытые системы.



Открытой системой называется система, взаимодействующая с окружающей ее средой. Любая такая система – часть более общей системы или нескольких систем. И если выделить из этого сложного образования собственно исследуемую систему, то оставшаяся часть и будет ее *средой*. Следовательно, все материальные (реальные) системы открытые. Открытая система связана со средой через сеть *внешних связей*, выделение которых и описание взаимодействия «система – среда» – центральная задача теории открытых систем. При изучении таких систем понятие структура приобретает большее значение: оно включает не только внутренние связи между элементами системы, но и внешние связи со средой. При описании структуры внешние связи обычно разделяют на *входные*, посредством которых среда действует на систему, и *выходные*, посредством которых система воздействует на среду. Совокупности элементов этих связей (каналов), принадлежащих собственно системе, называют соответственно *входными* и *выходными полюсами* системы.

Закрытой системой называется система, которая не взаимодействует со средой. **Условно-закрытой** называется система, взаимодействующая со средой строго определенным образом через соответствующие *входные полюса*.

Система и время



Состояние системы – совокупность параметров (свойств, признаков, качеств), которые в каждый рассматриваемый момент времени отражают наиболее существенные (по цели исследования) стороны поведения системы (ее функционирования) [Разумов, Благодатских 2006 : 28].

Это общее определение, которое акцентирует внимание на том, что выбор характеристик состояния и конкретное содержание понятия зависят от поставленной цели исследования.

Главное значение понятия состояние приводится в описании изменений во времени, которые происходят в реальных системах. Изменения состояния в зависимости от конкретных задач исследования систем интерпретируются как движение, поведение, функционирование или некоторый *процесс в системе*.

Система, состояние которой изменяется во времени под воздействием определенных причинно-следственных связей, называется **динамической системой**. Все материальные (реальные) системы динамические.

Статической системой называется система, состояние которой во времени не изменяется. Состояние такой системы вводится в результате фиксации определенного состояния динамической системы (или на основе некоторой идеализации).

Соотношение *система и время* свидетельствует о том, что состояние и изменение систем зависит не только от этого фактора, но и от широкого понимания социокультурной *среды систем* и прежде всего – от *типа науки*. Рассмотрим это взаимодействие.

5.2.2. Типы систем в различных типах наук

В теории систем выявлено, что системы претерпевают трехфазную эволюцию, при этом каждая из фаз соотносится с определённым историческим типом науки [О`Коннор 2006].

Таблица 6

Соотношение типов систем с типами наук

	Типы наук	Тип систем
	Классическая	Традиционная
	Неклассическая	Динамическая
	Постнеклассическая	Синергетическая

В разделе 5.1 дан краткий экскурс в становление традиционной фазы систем. Формирование *системного метода* и *системного подхода* в первую половину XX века, как мы видели, приходится на период неклассической науки, когда начали формироваться уже динамические системы. Данное нами определение системы приходится именно на этот период: в дефиницию системы включены уже *целеполагание* и *функция* системы, её *назначение* и *адаптация*.

Подход к таким языковым системам описан Г. П. Мельниковым в его основном труде «*Системная типология языков*» [Мельников 2003 : 36-38].

Описание динамических систем применительно к гуманитарным наукам тезисно изложил О`Коннор.

1. Имея дело с системами, формальной логикой, причинно-следственные связи действуют вне временных рамок, а в системах все происходит во времени. Для разрешения возникающих при этом логических парадоксов нужен

системный подход или *метапозиция*, выходящая за рамки установленной системы отсчета.

2. *Степень стабильности системы* зависит от многих факторов, в том числе от размера, числа и разнообразия подсистем, также от характера и силы связи между ними. Сложные системы необязательно должны быть нестабильными. Многие из них хотя и сложны, но поразительно устойчивы. Общая стабильность очень важна, но за нее приходится платить дорогой ценой – сопротивлением к переменам. Наличие *обратных связей* – неотъемлемая характеристика систем: нет обратных связей, нет и систем. Все сколь угодно сложные системы включают только два типа обратной связи – *усиливающую* и *уравновешивающую*.

3. Нам нужно меняться, чтобы выжить, потому что мир не стоит на месте, он пребывает в непрерывном движении. Это все равно что встать посреди быстрой реки, когда вода подмывает песок под ногами, а течение норовит увлечь за собой. Просто стоять на месте не получится. Чтобы не потерять равновесие и удержаться на ногах, надо безостановочно продвигаться вперед. Это *динамическое равновесие*.

4. Системный подход рекурсивен, он берет опредмеченные качества и на более высоком уровне прилагает их к тому, что происходит во взаимодействии.

5. В долгосрочной перспективе лучше всего то, что способно самостоятельно приспособливаться, а не то, что наилучшим образом приспособлено сейчас. Сделав часть системы сверхэффективной или очень быстрой, нужно понимать, что это хорошо только в данном контексте или в данное время. Обстоятельства меняются. То, что хорошо подходит к определенной среде, не будет также удачно вписываться в новое окружение. Цена, которую приходится платить за повышение *адаптации* к существующей ситуации, – утрата гибкости перед лицом меняющихся обстоятельств. Когда вы лучше всего адаптированы, вы особенно уязвимы к переменам. Каждое решение создает свои проблемы. Момент наивысшего успеха – это время, когда нужно активно задуматься о следующем шаге, следующей идее или следующем рынке. Не пытайтесь меняться, идя в ногу со временем. Опережайте время, или оно будет диктовать вам перемены [О'Коннор 2006].

«Вершинной» моделью динамических *языковых систем* является такое их представление, когда языковая система описывается как «некое порождающее устройство», в котором описание языковых систем ориентировано не на готовые единицы, а на процесс их конструирования. По словам С.К. Шаумяна, «всякая порождающая грамматика – это система правил образования, рассматриваемых в виде правил вывода, причем породить лингвистические единицы из небольшого количества исходных единиц» [Шаумян 1968 : 6; Степанов 1975].

Несколько подробнее остановимся на современном этапе науки – постнеклассическом (см. раздел 2.5.3), в котором формируется *синергетический тип систем*.

При характеристике постнеклассической науки уже были охарактеризованы *синергетика* и *кибернетика* как науки и как особый тип мышления, характерный для этого периода науки.

В этом разделе нам осталось охарактеризовать принципы синергетики, положенные в основу формирования *синергетических систем*.

Возникновение синергетики историки науки связывают с возникшим в XX веке движением к *интеграции* и созданию *интертеории*, стремящейся рассматривать разнородные объекты как сложные динамические системы, подчиняющиеся единым законам развития. Такой ракурс позволяет выявить ряд скреп, «превращающих, казалось бы, разнородные процессы и явления в единое целое, объединить общим языком и процессы, протекающие в косном мире, в живом веществе и обществе, т. е. в той сфере Универсума, где утверждается Разум» [Моисеев 1999: 3].

Синергетика, по мнению самих специалистов, есть некий зонтообразный термин, охватывающий разные подходы к пониманию принципов *коэволюции* и *самоорганизации сложноорганизованных систем* самого разного рода. Эти подходы развиваются в ряде научных школ в России и на Западе. Общая направленность таких исследований может быть выражена немногими ключевыми словами: *эволюция, коэволюция, самоорганизация, сложные системы, хаос, нелинейность, нестабильность, открытость, устойчивое развитие* [Князева, Курдюмов 2002: 6].

Современная синергетика представлена работами И. Пригожина, И. Стенгера, Дж. Николиса, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, С. П. Капицы, Г. Г. Малинецкого и др.

Любой эволюционный процесс выражен чередой смен оппозиционных качеств – условных состояний порядка и хаоса в системе, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации). Из этих четырех стадий лишь одну (стабильную) относят к **Бытию**, гомеостазу системы. Зачастую она наиболее протяженная по времени, остальные три так или иначе связаны с хаосом и относятся к **Становлению** или кризису.

Условность такого разбиения связана с тем, что во всяком порядке есть доля хаоса и, наоборот, в хаосе можно найти элементы порядка, проблема в мере их смешивания. Относительную кратковременность глубоких кризисов можно объяснить мерами *эволюционной безопасности* природы, длительный кризис резко истощает адаптационные возможности системы, и она погибает, исчезает ее системная целостность. Поэтому природа «предпочитает» эволюционировать мелкими шагами, нежели сразу «из глины творить человека». В синергетике достаточно развиты универсальные методы и язык описания этих стадий, но прежде следует наметить основные подходы. В простейшем варианте можно предложить семь основных принципов синергетики: два принципа Бытия и пять Становления [Буданов 2006 : 81].

Два принципа Бытия: 1 – гомеостатичность, 2 – иерархичность.

Они характеризуют фазу «порядка», стабильного функционирования системы, ее жесткую онтологию, прозрачность и простоту описания.

1. Гомеостатичность. Гомеостаз – это поддержание программы функционирования системы в некоторых рамках, позволяющих ей следовать к своей цели.

Согласно Н. Винеру, всякая система телеологична, т. е. имеет цель существования. При этом от цели-эталона-идеала (реальной или воображаемой) система получает корректирующие сигналы, позволяющие ей не сбиться с курса. Эта корректировка осуществляется за счет отрицательных обратных связей, подавляющих любое отклонение в программе поведения, возникшее под действием внешних воздействий среды.

2. Иерархичность. Наш мир иерархизован по многим признакам. Например, по масштабам длин, времен, энергий. Это означает, например, что базовые структуры Вселенной принимают не все возможные значения энергий, но с относительным шагом примерно в 100 раз, начиная от кварков и кончая живыми организмами.

Основным смыслом структурной иерархии является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал.

Важным свойством иерархических систем является невозможность полной редукции, сведения свойств-структур более сложных иерархических уровней к языку более простых уровней системы. Каждый уровень имеет внутренний предел сложности описания, превысить который не удастся на языке данного уровня.

Все это свидетельства того, что иерархичность не может быть раз и навсегда установлена, т. е. не покрывается только принципом Бытия, порядка. Необходимы принципы Становления – проводники эволюции.

Пять принципов Становления: 1. – нелинейность, 2. – неустойчивость, 3. – незамкнутость, 4. – динамическая иерархичность, 5. – наблюдаемость [Буданов 2006 : 83].

Они характеризуют фазу трансформации, обновления системы, прохождение ею последовательно этапов гибели старого порядка, хаоса, испытаний альтернатив и, наконец, рождения нового порядка.

Начнем с первых трех принципов, «ТРЕХ НЕ», или «НЕ»-принципов, которых всячески избегала классическая методология, но которые позволяют войти системе в хаотическую креативную фазу. Обычно это происходит за счет положительных обратных связей, усиливающих в системе внешние возмущения. Выполнение этих принципов необходимо и достаточно для становления системы.

1. Нелинейность. Линейность – один из идеалов простоты многих поколений математиков и физиков, пытавшихся свести реальные задачи к линейному поведению. Замечательно, что это всегда удается вблизи положения равновесия системы.

Но представить мир состоящим из одних линейных систем невозможно по одной простой причине: его просто будет некому представлять, ибо в таком мире нет эволюции, нет развития, нет человека.

Нелинейность предполагает изменение системы под воздействием множества причин, что обуславливает множественность *вариантов, альтернатив*. Отсюда, нелинейность предполагает наличие выбора из альтернативных путей. Причем этот выбор невозможно предсказать с точностью. Для обозначения этого феномена синергетики используют понятие *стохастичность* – непредсказуемость маршрутов, по которым может эволюционировать система. Кроме этой особенности нелинейных систем, можно обозначить еще такие особенности:

- при определённых условиях нелинейность может приводить к «разрастанию малого» – делать малое отличие большим, макроскопическим по своим последствиям;
- нелинейным открытым структурам присуща *пороговость* чувствительности: ниже порога всё стирается, забывается, не оставляя следов в природе, науке и культуре, а выше порога – наоборот, многократно возрастает;
- нелинейность предполагает возможность неожиданных (*эмерджентных*) изменений в результате случайности выбора пути развития [Князева, Курдюмов 2002 : 37].

2. Незамкнутость (открытость). *Невозможность пренебрежения взаимодействием системы со своим окружением.* Свойство, которое долгое время пугало исследователей, размывало понятие системы, сулило тяжелые проблемы. Поэтому, хотя в природе все системы в той или иной степени открыты, исторически первой классической идеализацией было понятие *замкнутой, изолированной системы, системы не взаимодействующей с другими телами.*

Но сами живые системы и общество – системы открытые, потребляющие вещество и энергию. Именно открытость позволяет эволюционировать таким системам от простого к сложному, разворачивать программу роста организма из клетки-зародыша. Это означает, что иерархический уровень может развиваться, усложняться только при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями.

В неживой природе *диссипация* (преобразование системой поступающей энергии в тепловую) тоже может приводить к упорядоченным структурам.

На языке иерархических уровней принцип открытости подчеркивает два важных обстоятельства. Во-первых, это возможность явлений *самоорганизации бытия* в форме существования стабильных неравновесных структур макроуровня. Во-вторых, возможность *самоорганизации становления*, т. е. возможность смены типа неравновесной структуры.

Оказывается, что при переходе от одного положения гомеостаза к другому, в области сильной нелинейности система становится обязательно *открытой* в точках неустойчивости.

3. Неустойчивость. Последнее из трех «НЕ»-принципов (*нелинейность, незамкнутость, неустойчивость*) содержит в себе два предыдущих и долгое время считалось дефектом, недостатком системы.

Неустойчивость – состояние, траектория или программа системы неустойчивы, если любые сколь угодно малые отклонения от них со временем

увеличиваются. Если это справедливо лишь для некоторых типов отклонений, то говорят о **частичной неустойчивости**.

Такие состояния неустойчивости выбора принято называть точками бифуркаций (двузубая вилка по числу альтернатив, которых может быть и не две), они непеременимы в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между новым и старым.

Открытие *неустойчивости, непредсказуемости* поведения в простых динамических системах, содержащих не менее трех степеней свободы в 60-е годы, совершило революцию в понимании природы сложности нашего мира, открыло нам миры динамического хаоса, странных хаотических структур. Именно свойство неустойчивости в критические моменты развития систем позволяет понять «роль личности в истории», расширять пространства состояний систем, генерировать информацию в перемешивающем хаотическом слое: динамическая теория информации Д. Чернавского [Чернавский 2004].

4. Динамическая иерархичность (эмерджентность) – это основной принцип прохождения системой точек *бифуркаций*, ее становления, рождения и гибели иерархических уровней. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, т. е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке ее структуры.

Каждому знакомы метаморфозы воды (*пар – жидкость – лед*), происходящие при строго определенных температурах фазовых переходов, бифуркационных температурах – критических значениях управляющих параметров.

Иногда используют язык *флуктуаций* (случайных отклонений характеристик системы от средних значений), говоря, что флуктуации, будущие альтернативы, конкурируют и побеждает наиболее быстрорастущая из них – порядок через флуктуации. Здесь принцип подчинения Г. Хакена для принципов Бытия инвертируется: параметр порядка теперь не самый медленный, но, напротив, самый неустойчивый, самый быстрый [Хакен 2003].

Описанный нами процесс есть **самоорганизация в режиме становления**, и ее следует отличать, как мы видели, от **самоорганизации в режиме бытия**, т. е. от процессов поддержания гомеостаза стабильной диссипативной структуры. Таким образом, феномен самоорганизации принципиально по-разному проявляется в фазах бытия и становления.

5. Наблюдаемость. Именно последние два принципа включают принципы дополненности и соответствия, кольцевой коммуникативности и относительности к средствам наблюдения, запуская процесс диалога *внутреннего наблюдателя* и *мета-наблюдателя*. Принцип наблюдаемости подчеркивает ограниченность и относительность наших представлений о системе в конечном эксперименте. В частности, это принцип относительности к средствам наблюдения, ярко заявивший свои права в теории относительности и квантовой механике.

Принцип наблюдаемости понимается нами как открытый комплексный эпистемологический принцип, его включение делает систему принципов синергетики открытой к пополнению философско-методологическими и си-

стемными интерпретациями. Например, для живых и социальных систем естественно было бы добавить принципы сопряжения со средой, коэволюции, для исследования сознания – принцип рефлексии и т. д. [Буданов 2006 : 92].

Завершая краткий синергетический очерк языка, заметим, что, хотя синергетика сегодня провозглашается новой научной парадигмой, лингвисты – в силу постоянного внимания к проблемам языковых антиномий, истории языка, законам развития как системы в целом, так и отдельных её элементов – всегда были своего рода «стихийными» синергетиками [Кузьмина 2009 : 40].

Потому неслучайно Р. Г. Пиотровский выделил синергетику в качестве одного из магистральных направлений лингвистики будущего: *«Как устроены синергетические механизмы, управляющие как развитием, так и устойчивым обращением системы языка в социуме, так и функционированием речемыслительной деятельности отдельного индивида? Ответ на этот вопрос мы пока не имеем, можно ожидать, что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем XXI века»* [Пиотровский 1996 : 127]. В начале XXI века мы уже стали свидетелями формирования лингвосинергетики.

5.3. Классификация систем

Выбор принципов и признаков классификации систем определяется содержанием решаемой проблемы (задачи). Выделим основные цели любой классификации систем:

- ограничение выбора подходов к отображению систем;
- сопоставление приемов, методов анализа и синтеза выделенным классам систем;
- выработка рекомендаций по выбору методов для соответствующего класса систем.

Все классификации – всегда относительны, т.к. соответствуют уровню теории и практики определенной научной дисциплины на данный период времени. Сейчас можно выделить *шесть признаков* классификации систем.

1. *По характеру природы и основному назначению:*

- 1.1. Материальные (реальные) системы.
- 1.2. Абстрактные системы.

2. *По взаимодействию со средой:*

- 2.1. Открытые системы.
- 2.2. Закрытые системы.

3. *По состоянию:*

- 3.1. Динамические системы.
- 3.2. Статические системы.

4. *По сложности:*

- 4.1. Простые системы.
- 4.2. Сложные системы.
- 4.3. Большие системы.

5. *По направленности (заданию целей):*

- 5.1. Целенаправленные системы.

5.2. Нецеленаправленные системы.

6. По степени организованности:

6.1. Хорошо организованные системы.

6.2. Плохо организованные (диффузные) системы.

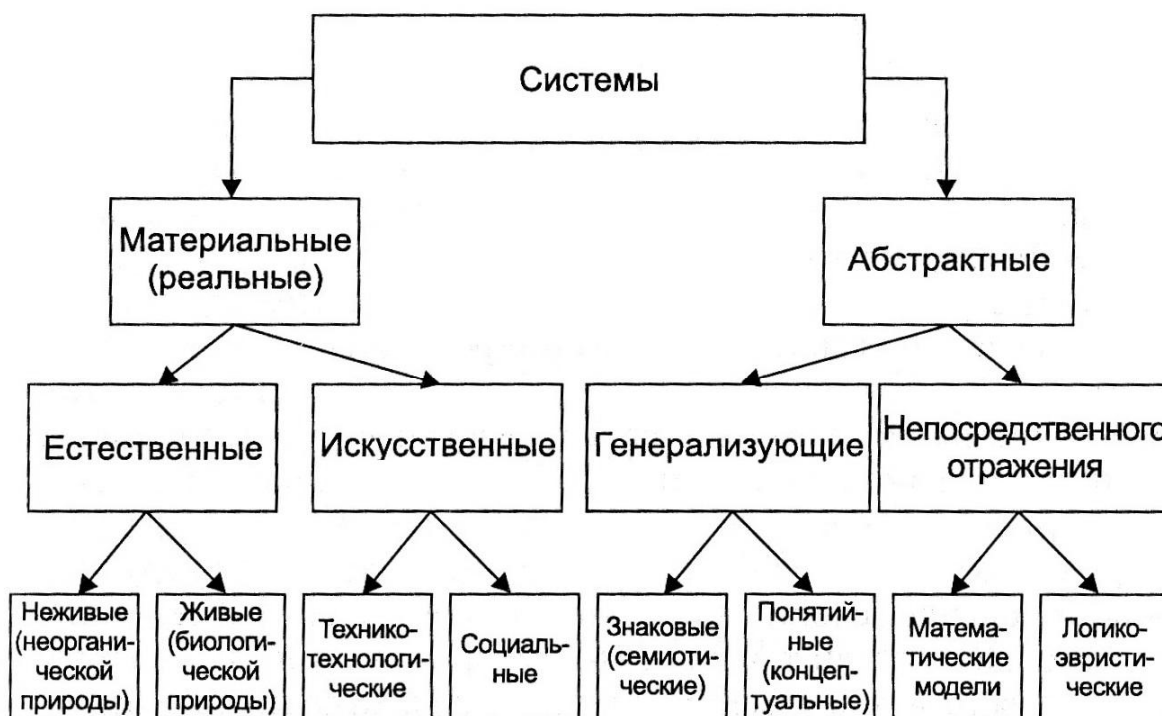
6.3. Самоорганизующиеся (развивающиеся) системы.

При изучении и исследовании систем надо помнить, что любая из них может принадлежать сразу нескольким классам (подклассам или группам в них), каждый из которых применяется при выборе *методов моделирования*.

Классифицировать системы, как мы видели, можно по многим признакам. Рассмотрим основные из них: *характер природы* и *основное назначение систем*, в соответствии с которыми они делятся на два класса: материальные и абстрактные системы (см. схему 11) [Разумов, Благодатских 2006 : 23].

Схема 11

Классификационная схема систем (по природе и назначению)



Материальные (реальные) системы – объективно существующие в реальном мире, подразделяются на два подкласса:

1) *естественные* – системы самой природы, к которым относятся:

- *неживые* – вид физических систем неорганической природы;
- *живые* – вид биологических систем;

2) *искусственные* – системы, создаваемые деятельностью людей. В этом подклассе выделяются:

- *технико-технологические* – вид систем, включающий объекты – системы целевого назначения и системы, управляющие этими объектами в соответствии с определенной технологией;
- *социальные* – вид различных систем человеческого общества, в том числе системные программы.

Абстрактные системы – продукт мышления, т. е. результат отражения реальных систем в мышлении людей. Эти системы подразделяют на два подкласса:

1) **генерализующие** – системы обобщающего отражения реальной действительности. Здесь выделяют:

- *понятийные* – вид концептуальных систем (теории, методологические построения, включая и основные математические);
- *знаковые* – вид семиотических систем, важнейшие из которых – лингвистические (знаковые);

2) **непосредственного отражения** – системы, отражающие определенные свойства (аспекты) конкретных реальных систем. В этом подклассе два вида:

- *математические модели;*
- *логико-эвристические.*

В рассмотренной выше классификации многие системы можно назвать *гибридными (смешанными)*, они занимают промежуточное положение между указанными выше классами систем. Например, *человека* можно рассматривать как *биосоциальную систему*, а вычислительный комплекс (центр, систему) – как *социально-техническую систему*.

Итак, по описанной классификации систем, *языковая система* относится к *генерализующие* типу, а именно *знаковым* системам, семиотические характеристики которой будут рассмотрены в следующей (шестой) главе.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Охарактеризуйте предпосылки возникновения системологии. В чём заключается её сущность?
2. В чем состоит предназначение общей теории систем?
3. Что значит исследовать систему?
4. Каково соотношение системологии и общей теории систем?
5. Перечислите основные концепты общей теории систем.
6. Что такое системный подход?
7. В чем состоит суть системного метода?
8. Почему трудно дать определение концептам *система* и *структура*?
9. Каково соотношение этих концептов?
10. Охарактеризуйте состояние: *система* и *среда*.
11. Как соотносятся *система* и *время*?
12. Какие Вы знаете типы систем, обусловленные историческими типами наук?
13. Каковы принципы синергетических систем?
14. Чем занимается и будет заниматься *лингвосинергетика*?
15. Каковы основания классификации систем?

16. Интерпретируйте классификационную схему систем (по природе и назначению).
17. К какому типу систем относится *языковая система*? Почему?
18. Прокомментируйте высказывание:
«Языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы и являются саморегулируемыми и развивающимися звуковыми стихиями» (Вильгельм Гумбольдт).

Литература для углубленного изучения

- | | | |
|-----------------------------|---------------------------|----------------------------|
| Александрова 1989 | Князева, Курдюмов 2002 | Разумов, Благодатских 2006 |
| Алефиренко 2005; 2009 | Кондаков 1975 | Рубаник 2006 |
| Алпатов 1993 | Крушевский 1893 | Садовский 1965; 1974; 1978 |
| Амирова 2000 | Кубрякова, Мельников 1972 | Свирский 1990 |
| Баранов, Добровольский 1997 | Кузьмина 2009 | Серебренников 1990 |
| Бенвенист 1998 | Курилович 1965 | Соссюр 1977 |
| Берталанфи 1969 | Лебедев 2008 | Степанов 1975 |
| Бибихин 1998 | Линней 1989 | Сэпир 1934; 1993 |
| Блауберг, Юдин 1973 | Малинецкий, Потапов 2002 | Телия 1996 |
| Борботько 2009 | Марков 2011 | Умнов 1999 |
| Буданов 2006 | Мельников 2003 | Хакен 2003 |
| Булыгина, Крылов 2002 | Мельчук 1962 | Хакинг 1998 |
| Бюлер 1993 | Мечковская 2004 | Хрусталёв 2009 |
| Винер 1958 | Моисеев 1999 | Чебанов, Мартыненко 2008 |
| Герман 2000 | Налимов 2003 | Чернавский 2004 |
| Гумбольдт 1984 | О'Коннор 2006 | Шаумян 1968 |
| Ельмслев 1960 | Общая теория систем 1998 | Шеннон 1963 |
| Иванов Вяч. Вс. 1998 | Пермякова 2007 | Щерба 1984 |
| Ивин 1998 | Пиотровский 1995 | Эко 2004 |
| Капица и др. 2001 | Пригожин 1987 | Якобсон 1985 |
| Караулов 1988 | Прохоров 2005 | |
| Киященко 2000 | | |
| Климонтович 2000 | | |



Глава 6

Семиотика и лингвистика как источники и составные части лингвистической методологии

6.1. Семиотика как наука и метанаука

6.1.1. Семиотика как наука

Задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера.

Вячеслав Всеволодович Иванов¹



Семиотика (от греч. *semeion* – «знак, признак», греч. *semiotike* – «учение о знаках») – 1) научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию², будь то системы, действующие в человеческом обществе (гл. обр. язык, а также некоторые явления культуры, обычаи и обряды, кино и т. д.) в природе (коммуникация в мире животных) или самом человеке (напр. зрительное и слуховое восприятие предметов; логическое рассуждение); 2) система того или иного объекта, рассматриваемая с точки зрения семиотики в 1-ом значении (напр., С. данного фильма; С. лирики А. А. Блока; С. обращений, принятых в русском языке и т. п.) [Степанов 2002 : 440]³.

Из этого определения следует, что основным предметом семиотики являются *знаковые системы*, но не единственным: в другие дефиниции семиотики (или *семиологии*) входит ещё один её предмет: *знаки*. Однако в этот предмет семиотики входит не содержание процессов коммуникации⁴, не со-

¹ Вяч. Вс. Иванов; 1998 : 791.

Вячеслав Всеволодович Иванов (р. 1929) – выдающийся отечественный филолог, переводчик, академик; автор известных трудов по теории языкознания: общего, индоевропейского, славянского, балтийского и кавказского; работ по фольклору и мифологии славян. Автор фундаментального исследования «*Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка*» (в соавторстве) (1984). Вяч. Вс. Иванов, как и В. Н. Топоров (р. 1928) и Ю. М. Лотман, были не только генераторами семиотических идей, но и ключевыми фигурами в планировании и организации семиотических исследований в СССР. Вяч. Вс. Иванов является, кроме всего прочего, крупнейшим историком отечественной семиотики (1976; 1998).

² В информатике: *информация* – «всеобщая генеративная основа вселенной: всё, что внутри нас, вне нас и во всей Вселенной – вездесущая информация» [Юзвизин 2000 : 62] При этом информация всегда имеет знаковую природу и передаётся с помощью знаков [Мечковская 2004 : 9].

³ Проблемы семиотики как науки определяются внутренней логикой её развития, а не национальной принадлежностью учёного, который ею занимается. Однако можно различать и национальные школы. Так, Ю. С. Степанов выделяет три национальные школы семиотики и философии языка: *англосаксонскую, французскую и российскую*. По его мнению, российская школа характеризуется стремлением к тонкому концептуальному анализу и к различным его расширениям [Степанов 1998(2001) : 9-17]. В этой главе, безусловно, учитываются разные национальные школы, но всё же основные положения семиотики даются в русле традиций российской школы.

⁴ *Коммуникация* (лат. *communicatio* – «сообщение, передача : делать общим, связывать») – в широком смысле рассматривается как процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию [Шарков 2009 : 269]. В таком значении термин *коммуникация* появился в научной литературе в начале XX века.

держание сознания, а только знаковое воплощение, т. е. закономерности семиозиса (означивания, знакового представления информации и использования знаков) во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы [Мечковская 2004 : 14].

Знаковая система – это система знаков, приводящихся в действие исключительно в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе [Соломоник 1995 : 28].

Знак. Со времен Аристотеля и стоиков (III – II вв. до н. э.) все определения знака указывают на его двусторонний – материально-идеальный – характер¹. **Знак** (лат. *signum*) – это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации [Мечковская 2004 : 23].

Каждый **знак** имеет, во-первых, материальную сторону – это его означающее (лат. *signans*), или план выражения², и, во-вторых, идеальную сторону – это значение знака, или содержание, в терминах семиотики – означаемое (лат. *signatum*), или план содержания.

Термины *план выражения* и *план содержания* могут показаться перифразой древнейшей философской оппозиции *форма и содержание*. Действительно, если иметь в виду такую единицу языка, как слово, по отношению к которому традиционно говорят о *звуковой оболочке*, о *грамматической форме* и о значении как о *содержании слова*, то может показаться, что термины *план выражения* и *план содержания* ничего не добавляют к уже имеющимся представлениям о диалектике формы и содержания в языке. Однако в семиотической оппозиции *план выражения* – *план содержания* в центре внимания оказываются не взаимозависимости и корреляции формы и содержания, но их асимметрия, иногда разномасштабность. План выражения – это не всегда «оболочка» или «вместилище» содержания, часто это просто «метка», «ярлычок», «репрезентативная малость», пусть свернутая и концентрированная, однако в сопоставлении с означаемым, с тем, на что указывает метка, – это всегда «малость» (ср. означающее и означаемое в государственном флаге и гербе; ср. богатство содержания географической карты или чертежа, с одной стороны, и принципиальную «экономность», «схемность» представления соответствующего содержания средствами названных семиотик, – с другой). С точки зрения «техники» и «экономики» информационно-семиотических процессов обязательная и сущностная «экономность» знака, т. е. способность выразить или репрезентировать «большое» через «малое», – это его ценное свойство [Мечковская 2004 : 24].

¹ Эта точка зрения является господствующей, но есть и другая точка зрения: знак рассматривается как односторонняя сущность, т. е. унилатеристы помещают означаемое вне знака (А. И. Смирницкий, А. Г. Стернин, В. З. Панфилов, В. М. Солнцев, А. А. Ветров и др.). Это обычная позиция математиков и логиков. Господствующее понимание знака, по мнению В. А. Канке, не является ошибочным, но оно не лишено слабостей, поскольку не включает в определение знака основной компонент – человека-интерпретатора знака [Канке 2008 : 66].

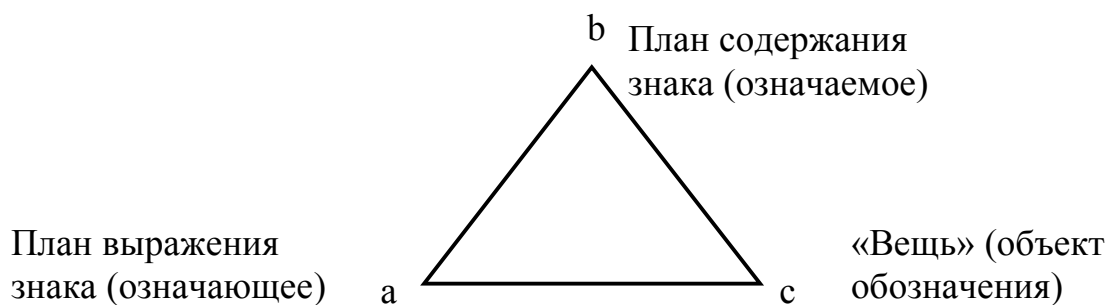
² В когнитивной лингвистике для «означающего» появился выразительный термин *тело знака* [Кубрякова и др. 1996 : 55], подчеркивающий материальность *носителя значения*.

Тезис о материально-идеальном характере знака требует пояснения. Значением (содержанием) любого знака является не «замещаемый» предмет, а представление о нем¹. Например, в дорожном знаке «Дети» его материальная оболочка – это силуэт двух бегущих детей, помещенный в треугольнике с красной обводкой, а его содержание (значение) – это не реальные конкретные дети, а представление о том, что на этом участке дороги часто появляются дети. По отношению к реальным ситуациям (о которых предупреждает данный знак) его значение представляет собой обобщение и абстракцию: ведь реально дети могут не обязательно бежать, а идти или играть; не такими, как «на картинке», могут быть их количество, а также пол, возраст и т. д.

Нематериальность содержания знака видели уже стоики эллинистической поры, когда определяли *означающее* как «воспринимаемое» (*aistheton*), а *означаемое* – не как «вещь», но как «понимаемое, осознаваемое» (*noeton*). Поэтому, несмотря на бинарность знака, его сущностной графической формулой в семиотике стал треугольник (см. схему 12).

Схема 12

Семиотический треугольник



Легко видеть, что к этой триаде восходят и «логический треугольник» выдающегося немецкого логика Готлиба Фреге (в его работах конца XIX в.) – графический образ, разводящий и объединяющий «денотат – концепт – знак», и «семантический треугольник» «слово – понятие – вещь» (в работах американских семасиологов Ч. Огдена и А. Ричардсона).

Из сущности знака как «*нечто* (любой материальный предмет), *стоящее вместо чего-то другого*» [Соломоник 1996 : 236] следует, что мир знаков и знаковых систем бесконечно разнообразен, а его единство носит континуальный² характер [Степанов 1971 : 82; Мечковская 2004 : 95; Лебедев 2008 : 208 и др.]. Чтобы представить границы мирового семиотического континуума, его свойства и закономерности существования, необходима классификация знаковых систем и знаков, к ним принадлежащих.

¹ Именно это подчеркивается в определении знака Г. Гегелем: «Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» [Гегель 1956 : 256].

² К о н т и н у у м (лат. *continuum* – «непрерывное, сплошное») – категория, обозначающая любое непрерывное множество объектов и величин [Лебедев 2008 : 209]. В общенаучном смысле континуум – это непрерывная или связанная совокупность объектов, различия между которыми носят *градуальный* (ступенчатый) характер и определяются местом объектов в данной совокупности. Для континуума характерно, что объекты, расположенные рядом, различаются незначительно, тогда как удалённые друг от друга объекты в этом континууме имеют значительные различия, вплоть до противоположных.

Поскольку основания классификаций могут быть разные, то существует несколько типов классификаций знаковых систем и знаков.

Первую, самую органичную для семиотики классификацию, разработал **Ч. С. Пирс**¹, которая охватывает все знаки, а потому является целостной. Эта классификация основоположника семиотики по праву считается существенной, поскольку в её основание положен главный признак в двухсторонней структуре знака – степень мотивированности оболочки знака его содержанием. Ч. С. Пирс установил, что обязательная для любого знака связь означающего и означаемого бывает двух видов: 1) мотивированная, т. е. объяснимая, а значит, в том или ином отношении «естественная» и 2) немотивированная. При этом мотивированные связи (ассоциации) бывают двух видов: а) по смежности явлений и б) по их сходству, поэтому возможны три типа знаков.

Первый тип – знаки-индексы. В знаках-индексах (позже их стали называть также *знаками-симптомами*) связь означающего и означаемого мотивирована их **естественной смежностью** (соприкосновением или пересечением); в случае пересечения означающее является частью означаемого. «Индекс физически связан со своим объектом». *Индекс* есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием (being really affected by) этого Объекта» [Пирс 2000 : 90]. Примеры: 1) *оскал собаки* – это знак угрозы и одновременно компонент ее готовности к защите или нападению; 2) *вскрик Ой!* в момент, когда человек почувствовал внешнюю боль, – это часть его произвольной физиологической реакции на боль и вместе с тем знак (междометие), отчасти выражающий данное состояние.

Отношения естественной смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию двух представлений, как известно, лежат в основе метонимии, поэтому мотивированность означающего означаемым в знаках-индексах правомерно охарактеризовать как **метонимическую**.

Второй тип – знаки-копии. В знаках-копиях (синонимы термина: *знаки-иконы*, или *иконические знаки*²) связь означающего и означаемого мотивирована **сходством, подобием** между ними. Примеры: 1) слово *жук* (означающее) звучит похоже на те звуки, которые издает это насекомое (денотат означаемого); 2) на физической карте распределения светлых и темных оттенков голубого, синего, зеленого и коричневого цветов (означающего) соответствуют означаемому: глубине «синих» морей, уровню по отношению к морю, «зеленым» долинам и высоте «коричневых» гор.

¹ *Чарльз Сандерс Пирс (Пёрс)* (1839-1914) – выдающийся американский философ, основоположник прагматизма, логик, математик, химик, метеоролог, геодезист, всю свою жизнь посвятивший созданию науки о знаках и знаковых системах, которую вслед за Дж. Локком назвал *семиотикой*, потому по праву считается основоположником этой науки. Огромное наследие его в восьми томах до сих пор ещё полностью не осмыслено [Светлов 2008 : 239]. Роль Ч. С. Пирса исключительно высоко оценена в науке. Так, Р. О. Якобсон писал, что Пирс, «возможно, был самым изобретательным и разносторонним из американских мыслителей» и с горечью добавлял: «настолько великим, что ни в одном университете не нашлось для него места» [Якобсон 1983 :102].

² От греч. *eikon* «изображение, образ, подобие»; сравни: использование в компьютерном деле термина *иконка* (для «подсказывающих», благодаря изобразительности, значков в меню).

В отличие от знаков-индексов, в которых мотивированность означающего означаемым носит метонимический характер, мотивированность знаков-копий основана на подобии, сходстве означающего с означаемым, т. е. носит метафорический характер.

Третий тип – знаки-символы. В знаках-символах¹ мотивированность связи данного означающего с данным означаемым отсутствует. Примеры: 1) никто, в том числе этимологи, не знают, почему звуковой комплекс *рыба* обозначает этот класс водных позвоночных: для современного языкового сознания (говорящих по-русски) эта связь не мотивирована; 2) также необъяснимо, почему знак **4** связан с количеством «четыре», а знак **5** – с количеством «пять».

Три названных типа элементарных знаков² соответствуют трем **ступеням семиозиса** – процесса означивания и возникновения в сознании человека знака и знаковых отношений между явлением действительности, его отображением в сознании и формой знака. Три ступени образуют градацию в направлении увеличения условности (конвенциональности) знака, т. е. увеличения его *знаковости*. Наименьшая степень условности характерна для знаков-индексов, наибольшая – для знаков-символов.

Однако и внутри каждого из трех классов знаков разные знаки могут различаться по степени знаковости (т. е. условности). Например, мимика и интонация (а это, как и междометие, – знаки-индексы) в большей степени зависимы от состояния человека и, следовательно, чаще выражают это состояние, чем междометный возглас. Иначе говоря, у междометий степень условности (знаковости) выше, чем у паралингвистических средств общения. В кругу иконических знаков *фотоснимок* более иконичен, чем *карандашный портрет* (того же лица). Преобладанием условности в форме по отношению к содержанию знака делает его знаком-символом.

Таким образом, оппозиция знаков-индексов, знаков-икон, знаков-символов носит градуальный характер по степени знаковости (т. е. условности, конвенциональности): это градация от знаков с относительно невысокой степенью условности (индексов), к более условным знакам (иконам) и от них к еще более условным знакам – символам.

Знаки-индексы и знаки-символы составляют полярную противоположность с точки зрения своих возможностей обозначить конкретное и абстрактное, общее и единичное. Индексы «привязаны» к конкретному и единичному³, символ, напротив, «не может указать на какую-либо конкретно вещь – он дено-

¹ В термине семиотики *знаки-символы* компонент *символ* является омонимом по отношению к нетерминологическому, более широкому значению этого слова (ср.: *Белый голубь – символ мира*; *NN – символ уходящей эпохи* и т. п.) и по отношению к специальному значению термина *символ*, которым обозначается один из видов сложных знаков (*символ* в противопоставлении *эмблеме*, *образу*, *сравнению*, *метафоре*, *аллегории* и др.). Указанную омонимию следует иметь в виду во избежание путаницы.

² С введением понятия *нулевого знака* (т. е. значимого отсутствия материально выраженного знака) [Норман 2004 : 57] была осознана *минимальная знаковая система*, состоящая из двух знаков: материального и нулевого. Знаки, входящие в такую систему, получили название *сигналов* [Глинских 1999 : 65-66]. Например, сигналом к началу какого-либо действия (например, *бега*) может быть выстрел из стартового пистолета, звонок, гудок, взмах руки, выстрел из ракетницы и т. д. Во всех этих случаях материально выраженный *сигнал* противопоставляется его отсутствию.

³ Ср. исчерпывающую формулировку Пирса: «Индексы... ссылаются на индивидуальные объекты, единичные предметы, единичные совокупности предметов или единичные длительности» [Пирс 2000 : 96].

тирует некоторый тип вещей...» [Пирс 2000 : 92]. «Символы дают нам средство мыслить о мыслях, причем так, как мы бы не смогли о них мыслить в отсутствие Символов. Они позволяют нам, например, создавать Абстракции, без которых мы лишились бы великого двигателя развития науки. Они же позволяют нам вести счет...; Символы суть сама подоснова нашего разума» [Пирс 2000 : 223].

Говоря о разной роли в познании трех типов знаков, Ч. Пирс указал на их связь с разными временными планами: индексам соответствует план актуального настоящего («здесь и сейчас»), иконическим знакам – прошлое, символам – будущее.

«Итак, способ существования символа отличается от способа существования иконического знака и индекса. Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято. <...> Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее. <...> Все истинно общее относится к неопределенному будущему» [Цитируется по: Якобсон 1983 : 116]. Значение этого вывода Ч. Пирса важно для содержания и функций разных семиотик.

Другим основанием для классификации знаковых систем являются следующие три группы свойств знаков.

Первая группа – физическая (материальная) природа плана выражения знаков, что определяет сенсорный канал их восприятия.

По данному основанию различаются пять видов знаков и знаковых систем (по числу основных органов чувств): 1) **оптические**, воспринимаемые зрением; 2) **слуховые**, воспринимаются слухом; 3) знаки, связанные с **восприятием запахов** через обоняние; 4) **тактильные** знаки, воспринимаемые осязанием; 5) знаки, связанные со **вкусовыми ощущениями**, воспринимаемые органами вкуса.

Вторая группа – генезис знаковых систем. По данному основанию различаются три главных рода семиотик: **природные, биологические**, или врожденные семиотики (это прежде всего «языки» животных); 2) **небиологические, культурные**, но при этом **естественные семиотики** (это этнические языки, поведение, одежда, этикет, религия, искусство) и 3) **искусственные семиотики**, т. е. сознательно и целенаправленно созданные людьми (например, математическая и логическая символика, географическая карта, дорожные знаки, азбука Морзе...)¹.

На этой основе Ю. С. Степанов в семиотике как науке выделяет ряд научных направлений: первый тип знаковых систем и знаков (*природные, биологические*) изучаются биосемиотикой.

¹ Детальное описание первой и второй группы классификаций знаковых систем и этапов даётся в учебном пособии Н.Б. Мечковской [2004 : 95-196].

Второй и третий типы языковых систем и знаков, ориентированный на антропологию и этнографию, т. е. на изучение преимущественно примитивных обществ, Ю. С. Степанов условно называет этносемиотикой.

Этот же тип знаковых систем и знаков, который направлен на изучение естественных человеческих языков, а также ряда искусственных языков (информационных, информационно-поисковых, языков программирования, международных плановых языков и др.)¹, изучает лингвосемиотика.

Кроме того, сформировалось направление, которое изучает наиболее общие свойства и отношения, характеризующие знаковые системы, независимо от их материального воплощения (Р. Карнап, В. Б. Бирюков, Д. П. Горский, А. А. Зиновьев, В. В. Мартынов и др.), которое Ю. С. Степанов именуется абстрактной, или общей семиотикой.

Наконец, в период неклассической и постнеклассической науки формируется пятое направление в семиотике как науке, связанное с развитием информатики, кибернетики и синергетики, названное кибернетической семиотикой [Степанов 1971 : 24-26].

Продолжим анализ классификаций языковых систем и знаков.

Систематизации знаковых систем и знаков первой и второй группы классификаций сводится Н. Б. Мечковской в следующую таблицу (см. таблицу 7 на с. 177) [Мечковская 2004 : 98].

Как свидетельствует таблица 7, континуум знаковых систем, организованный по двум описанным основаниям в классификации семиотик, в последовательности: 1) зрение, 2) слух, 3) обоняние, 4) осязание, 5) вкус – соответствует степени важности для сознания человека отдельных сенсорных каналов, от самого важного – *зрения* – к менее важным.

Обратим внимание на то, что эта последовательность является *обратной* по отношению к хронологии формирования соответствующих органов в эволюции жизни на Земле².

Последовательность, в которой расположены столбцы в таблице 7 на с. 177 отражает относительную хронологию появления отдельных классов знаковых систем³.

Заметим, что к концу XX века целостный статус семиотики, как её понимала Московско-Тартуская школа [Почепцов 2001 : 665-677], значительно изменился: семиотика в какой-то мере утратила роль образца «особо чистой науки», а круг «семиотиков» потерял социально-обусловленную привлекательность когорты «посвященных». Но лингвистика по-прежнему остаётся частью семиотики как науки о знаковых системах [Фрумкина 1999 : 18; Почепцов 2001 : 8; Норман 2004 : 10; Степанов 2006 и др.].

На наш век «карта» семиотических направлений содержит 22 области, т. е., кроме пяти направлений, обозначенных ранее, включает области:

- экосемиотика;
- социальная семиотика;

¹ См. *Лингвистический энциклопедический словарь* (2002) статьи на с. 196; 199; 201-202; 289; 291; 615-616.

² См.: Мечковская 2004 : 119-129; Горелов 2010 : 128-168 и 192-212.

³ См.: Мечковская 2004 : 117-128 и 278-378.

Генезис семиотических систем и сенсорные каналы, по которым осуществляется восприятие знаков

Сенсорные каналы, по которым воспринимается план выражения знаков		Основные классы знаковых систем, различающиеся по своему генезису								
		Биологические (врожденные) семиотики	Культурные семиотики (являются плодом социальной истории человечества)							
			Естественные (но не врожденные) семиотики					Примеры искусственных семиотик		
		Языки животных	Жесты, мимика, пантомимика, интонация	Поведение, одежда, этикет	Религии	Искусства	Естественные (этнические) языки	Математическая символика	Семиотика географической карты	Знаки дорожного движения
		А	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	І
1	Зрение	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Слух	+	+	+	+	+	+	–	–	+
3	Обоняние	+	–	+	+	–	–	–	–	–
4	Осязание	+	–	+	+	–	–	–	–	–
5	Вкус	+	–	+	–	–	–	–	–	–

¹ В таблице знак + (плюс) в клетке указывает, что в семиотическом континууме имеются знаки с соответствующими двумя признаками, а знак – (минус) указывает на отсутствие таких знаков.

- семиотика политики;
- семиотика культуры;
- семиотика концептов;
- семиотическая логика;
- математическая семиотика;
- компьютерная семиотика;
- когнитивная семиотика;
- медиасемиотика;
- семиотика текста (нарратосемиотика);
- визуальная семиотика;
- семиотика фотографий;
- киносемиотика;
- семиотика театра;
- музыкальная семиотика;
- семиотика архитектуры;
- семиотика искусства и др. [Фещенко 2006 : 60].

Такая дифференциация исследовательских областей свидетельствует, во-первых, что семиотика продолжает оставаться востребованной и динамично развивающейся дисциплиной; во-вторых, семиотика проявляет интерес к самым новым полям знания; в-третьих, семиотика, по-прежнему, служит мостом между различными науками.

6.1.2. Семиотика как метанаука

Представьте себе, что на Землю пришел наблюдатель из другого Мира. Познакомившись с нашей культурой и её историей, он, как метанаблюдатель – существо, находящееся вне наших теоретических построений и воспринимающее все совершенно непосредственно, был поражен ролью знаковых систем в человеческой цивилизации... Земная цивилизация – культура обществ последних столетий, – несмотря на всё своё многообразие, всё же в определённом ракурсе едина, и это единство задается языком, который, широко варьируя, всё же остается пронизанным логическим единством.

Василий Васильевич Налимов¹

Как указывает академик Ю. С. Степанов, в формировании семиотических идей отчётливо прослеживаются два потока [Степанов 1971; 1983...].

¹ См.: *Василий Васильевич Налимов* (1910-1997) – математик, профессор МГУ, интересы которого находятся не только в области математики и кибернетики, но и охватывают культуру, философию, методологию науки, науковедение и наукометрию, а также теоретическую биологию и языкознание. Автор вероятностной модели языка и семантической шкалы языков. В этой же работе 2-ая глава посвящена характеристике языковых знаковых систем [2003 : 46-71].

Один идёт от изучения особенностей человечества. Иначе говоря, это вся система знания о мире: природе, обществе и самом человеке. Следовательно, это вся общенаучная, научная и частнонаучная картина мира (см. раздел 1.3). Это система метазнания и система дисциплинарного знания, т. е. всё то, что описано нами в пяти предыдущих главах этой книги.

Второй поток семиотических идей связан с формированием понятия о *знаке* и *знаковых системах*. При этом развитие семиотики до Ч. С. Пирса – это история отдельных семиотических идей, озарений и споров о словах или знаках в безбрежном море философских поисков [Мечковская 2004 : 32]. Хронология семиотики богата событиями и именами: от Аристотеля и стоиков через теорию познания Джона Локка¹, Иоганна Ламберта², Готфрида Лейбница, Этьена Кондильяка³ до Чарльза Пирса, а затем Готлиб Фреге⁴, Чарльз Моррис⁵, Роман Якобсон⁶; отечественные учёные: М. М. Бахтин⁷, Ю. М. Лотман⁸,

¹ **Джон Локк** (1632-1704) – английский философ. Согласно Б. Расселу, - «наиболее удачливый из всех философов», работы которого по теории познания и семиотике получили признание. Ввел в научный оборот термин «рефлексия», упорядочивающее мышление. Обрел многочисленных поклонников своей теории абстракций, теории общих идей. Политик, разрабатывающий политическую философию, и практикующий врач.

² **Иоганн Генрих Ламберт** (1728-1777) – немецкий учёный, один из создателей фотометрии; в математике доказал иррациональность числа π (π), автор ряда трудов по алгебре и тригонометрии; автор закона Ламберта силы света; в астрономии исследовал кометные орбиты и строение Вселенной. Автор идеи универсального языка знаков. В его честь назван крупнейший на земле ледник в Антарктиде.

³ **Этьен Бонно де Кондильяк** (1715-1780) – французский философ, один из основоположников ассоциативной психологии; автор ряда трудов по проблемам соотношения языка и мышления. Обосновал идею о том, что нужно исследовать мышление не «универсального» человека, а человека конкретного, индивидуального, который рождается без каких-либо знаний и приобретает их. В развитии семиотических идей выдвинул идею о трех типах языковых знаков.

⁴ **Готлиб Фреге** (1848-1925) – выдающийся немецкий логик, математик и философ; основатель математической логики, непримиримый критик психологизма и эмпиризма, один из основоположников аналитической философии и логицизма. Согласно Фреге, задача науки – открывать истины. Гуманитарные науки не считал точными, а этику и эстетику не считал науками, поскольку они обе не соотносятся с истиной. Образцовыми науками считал логику и математику. Занимался семиотикой. Ввел понятие о простых и сложных знаках и так называемый треугольник Г. Фреге, манифестирующий триединство знаковых систем.

⁵ **Чарльз Уильям Моррис** (1901-1979) – американский философ-идеалист, языковед, один из основателей теории знака. Именно он в основном труде «*Основания теории знаков*» (1938) ввел три основных семиотических измерения: *семантика*, *синтактика* и *прагматика*. Сочетал принципы прагматизма с идеями логического позитивизма.

⁶ **Роман Осипович Якобсон** (1896-1982) – выдающийся филолог XX в., прежде всего языковед; по характеру своей научной работы был «типом разведчика» (по словам Вяч. Вс. Иванова): был первым в постановке ряда проблем в лингвистике, много сделал для развития семиотики. См.: Якобсон 1983; 1996; 1999 и др.

⁷ **Михаил Михайлович Бахтин** (1895-1973) – фигура почти культовая для философии и филологии XX века [Кузьмина 2009 : 16] – русский философ, филолог и историк культуры. Поставил перед собой цель разработать методологию гуманитарных наук. В этой связи им были разработаны концепты диалога «я» и «другого», карнавальной культуры, хронотопа, двугласного слова. Его философия крайне полифонична и не поддается однозначной интерпретации. Представители конструктивизма находят в его работах новые импульсы для своего творчества. Его работы представляют интерес с позиции семиотики искусства.

⁸ **Юрий Михайлович Лотман** (1922-1993) – отечественный философ и литературовед, специалист в области семиотики и философии литературоведения. Разработал концепцию вторичных знаковых систем, которые выступают в качестве интерпретации первичной знаковой системы, т. е. языка. Основатель Тартуской школы семиотики. Ввел понятие *семиосферы* (по аналогии с *биосферой* В. И. Вернадского) – «синхронного семиотического пространства, заполняющего границы культуры и являющегося условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [Лотман 1996 : 4]. При этом важно отметить, что все элементы семиосферы находятся в подвижном состоянии, «постоянно меняя формулы отношения друг к другу» [Там же : 412].

Б. М. Гаспаров¹, Е. Е. Бразговская², Н. А. Кузьмина³ и др.; французские пост-структуралисты⁴: Р. Барт, А.-Ж. Греймас, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что, с одной стороны, ни один эмпирический объект не принадлежит «только» семиотике: так язык изучается в первую очередь лингвистикой, «язык» животных – зоопсихологией и этологией, языки программирования – информатикой и кибернетикой, ритуалы – антропологией и религиоведением, «язык» географической карты – картографией, «язык» сцены, кино, изобразительного искусства – соответствующими разделами искусствоведения, эстетики, аксиологии и т. д.

Но, с другой стороны, всё это одновременно и объекты семиотики, в которой они изучаются не так, как в какой-либо конкретной науке.

Выделим то, что нового вносит семиотика:

- общую концепцию, которая в любой отдельной семиотической системе видит коммуникативную систему с моделирующими и порождающими возможностями, а также принимает во внимание знаковую (заместительную) природу тех единиц, из которых строится система;
- семиотика предлагает гуманитарному знанию – результативный общий метод исследования разных систем;
- сопоставление разных знаковых систем позволяет лучше понять своеобразие каждой отдельной семиотической системы;

¹ **Борис Михайлович Гаспаров** (р. 1940) – отечественный литературовед, специалист в области семиотики литературоведения, языкознания и культуры. Если для Ю. М. Лотмана язык – один из семиотических объектов, то Б.М. Гаспаров выстраивает свою теорию как «лингвистику языкового существования» [Гаспаров 1996]. Основной его тезис – «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток цитации, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти [Там же : 14]. При этом цитацию понимает в духе бахтинского «чужого слова».

² **Елена Евгеньевна Бразговская** – специалист в области семиотики литературоведения, языкознания и культуры. Её работа «Текст культуры: от события к со-бытию (логико-семиотический анализ механизма межтекстовых взаимодействий)» [Пермь, 2004] посвящена описанию механизма межтекстовых категорий при логико-семиотическом подходе, в частности, рассматривается расширенная теория референции, согласно которой текст мыслится не только как референция к миру, но и как референция, опосредованная другими текстами. Е.Е. Бразговская предлагает семиотическую классификацию **i-знаков** (от англ. *interaction* – «взаимодействие»): знаки иконические, индексальные и символические); рассматривает способы их реализации в тексте и своеобразие вычлняемых ими функций.

³ **Наталья Арнольдовна Кузьмина** (р. 1934) – специалист в области филологии и культуры. Её работы посвящены описанию динамических процессов в культуре и языке на основе понятия интертекста как когнитивной модели – инструмента познания сложных семиотических феноменов, недоступных непосредственному наблюдению. В её монографии [Омск. 2009] используются различные по своей природе лингвокультурные семиотические феномены: реклама, массовая литература, книга стихов, художественный перевод, бардовская песня.

⁴ **Ролан Барт** (1915-1980) – французский литератор, критик, семиотик; автор работ по проблемам знака, символа, мифа и их социальной и культурной обусловленности.

Альгирдас Ж. Греймас (р.1917) – его интересы лежали в области семиотики тематического, абстрактного курса.

Жан Деррида (1930-2004) – французский философ, автор деконструктивизма как философского направления. Выступал за нескончаемое преобразование текста в поисках шанса поэмы.

Жан Лакан (1901-1981) – французский философ, структуралист, психолог. Считал, что бессознательное структурировано как язык. Занимался исследованием семиотики языковых знаков и семиотическими проблемами сознания и мышления.

Мишель Фуко (1926-1984) – французский философ, историк, методолог и философ науки, видный представитель конструктивизма. Один из создателей концепции «археологии знания» как способа построения предметов познания и социальной практики. Фуко интересовался не столько структурами, сколько дискурсивными практиками.

- благодаря присущему семиотике абстрагирующему видению своих объектов, удаётся выявить не просто те или иные особенности отдельных систем, но самые существенные, т. е. закономерные черты их строения и содержания [Степанов 1971 : 80-144; Мечковская 2004 : 16-20 и 224-276; Канке 2008 : 66-67; 188; 225-226; Норман 2004 : 55-61; Маслов 2006...].

Важно ещё раз подчеркнуть, что центром и вершиной семиотики Ч. Пирса выступает третичность (первичность – объект сам по себе; вторичность – данность этого объекта в другом и третичность – целостность, объединяющая первичность и вторичность), выражающая концептуальное содержание первичности и вторичности, что обуславливает концепт такой общности (обобщенности), который даёт возможность познать законы и закономерности¹, которые так детально описаны в вышеназванных нами источниках.

Наиболее перспективными нам представляются законы и закономерности, объединённые в три группы: 1) *объективные*, определяющие устройства знаковых систем, изучаемые прежде всего синтактикой; 2) законы, зависящие от позиции наблюдателя, изучаемые прагматикой и 3) законы смысла, изучаемые разделом семиотики – семантикой (по Ч. Пирсу) [Степанов 1971 : 80-143].

Таким образом, междисциплинарный характер семиотики очевиден: семиотика входит в гуманитарное знание в качестве крупного метанаучного блока теоретико-методологического основания конкретных гуманитарных наук, что обобщено в таблице 8 на с. 182 [Мечковская 2004 : 19].

Метаязыковой характер семиотики ещё ярче проявляется при когнитивном подходе: «Семиотика и когнитология относятся к тем научным парадигмам, которые «обречены» на длительные и серьезные отношения – во многом благодаря сходству характеров и интересов: обе междисциплинарны; обе неутомимы в своём стремлении познать то, что кроется за очевидными, на первый взгляд, актами передачи информации, и увидеть за ними реального пользователя; обе обращены, прежде всего, к семантике языковых единиц» [Ирисханова 2009 : 303].

При этом исследователь подчеркивает, что включение характеристики «семиотический тип» в когнитивно-прагматическое исследование позволило бы значительно обогатить традиционную для когнитологии цепочку: *структура знаний – языковое выражение – дискурс*. Перед исследователем открывается возможность провести параллель между степенью индексальности, символичности и иконичности языкового выражения и его способностью выстраивать в сознании говорящих различные когнитивные структуры [Там же : 304].

Таким образом, завершая разговор о метаязыковой сущности семиотики, напомним слова одного из её зачинателей Ч. Морриса, который, характеризуя семиотику, писал: «С одной стороны, это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это инструмент наук» (выделено мной – З. К.) [Моррис 1983 : 38].

Такое положение сохранилось до наших дней.

¹ Законами и закономерностями знаковых систем считаются такие их признаки и свойства, которые наблюдаются, регистрируются и проверяются на значительном ряде фактов [Степанов 1971 : 80]

Место семиотики в кругу гуманитарных наук. Семиотика как метанаука

Гуманитарное знание									
Исследования гуманитарных объектов (современного состояния и истории)	Зоопсихология, этология	Социальная психология, этнография, этика, исследование массовой коммуникации	Психология личности и межличностных отношений, антропология, этнология	Лингвистика (теория языка; общее и частное синхроническое и диахроническое языкознание)	Теория и история искусств, включая теорию и историю литературы; эстетика	Религиоведение	Когнитивные науки, лингво-семиотические аспекты автоматической переработки информации	Конкретные гуманитарные исследования (современного состояния и его истории)	Конкретные гуманитарные исследования (современного состояния и его истории)
Теоретико-методологические основания исследований	(1) Семиотика							(2) Философия, теория познания, логика	(3) Психология, психоаналитика (фрейдизм, юнгианство и др.)
	Семиотика биологической коммуникации	Семиотика социальной коммуникации и управления	Семиотика поведения и социальной репрезентации	Семиотика языка	Семиотика искусства	Семиотика религии	Семиотические аспекты познания и представления знаний		
	Теория (категории и методы) семиотики								

Примечание: В таблице представлены только 3 типа теоретико-методологических оснований гуманитарных исследований, хотя реально их значительно больше.

Приведём ещё один аргумент современного отечественного философа В. А. Канке: «Возникает актуальный вопрос о той из наук, которая стоит у входа, т. е. **первая наука** (выделено мной – З. К.) как наука более общего характера. На наш взгляд, это **семиотика**, наука о знаках. Во всех науках используется концепт **знака**, поэтому при их изложении непременно приходится обращаться к понятиям семиотики» [Канке 2008 : 188]¹.

6.2. Лингвосемиотика как межнаучное направление

Для меня проблемы языка – по преимуществу семиологические, и всё языковое развитие происходит только под влиянием семиологии... Если мы хотим раскрыть истинную природу языка, то мы должны изучать его наряду с другими семиологическими системами.

Фердинанд де Соссюр²

Аврам Соломоник, начиная свою монографию «Семиотика и лингвистика», пишет: «Пожалуй, можно сказать, что эта книга на 50% относится к лингвистике, на 50% – к семиотике (науке о знаках) и на 100% – к философии. Несмотря на кажущуюся шутливость такого расклада, он довольно точно отражает мои намерения и взгляды, изложенные в книге... Я постараюсь доказать, что эта проблематика имеет тройственное гражданство: философское, лингвистическое и (в последнем столетии) семиотическое» [Соломоник 1995 : 5].

Такое заявление явно свидетельствует, во-первых, не просто об органической связи лингвистики и семиотики, а об их взаимопроникновении друг в друга и, во-вторых, их прямом отношении к теории познания как ядерной проблеме философии науки.

Анализируя семиотику как науку и как метанауку, мы уже неоднократно подчеркивали мысль о том, что семиотика черпает свой материал из других наук и, в свою очередь, отдаёт этим наукам свои обобщения, развиваясь, таким образом, на стыке наук. Как утверждает Ю. С. Степанов, «срединное положение семиотики (выделено мной – З. К.) среди ряда наук и то, что семиотика – наиболее оформленная часть современных структурно-системных исследований составляет её аналогию с философией» [Степанов 1971 : 4].

Полагаем, что совсем неслучайно Ю. С. Степанов в своём «введении в семиотику» идёт, прежде всего, от лингвистики, что в этой книге и в последующих [Степанов 1971; 1976; 1985; 1998(2001); 2002; 2007] звучит очень аргументированно: лингвосемиотика – «сама и есть прообраз общей семиотики» [Степанов 1971 : 81].

¹ Однако следует отметить, что такое представление о семиотике в процессе познания привело к преувеличению её роли и попыткам заменить ею философию, что неправомерно [Хроленко, Бондалетова 2006 : 178].

² См.: Соссюр 1977 : 55; 1999 : 24.

А потому в наше время, действительно, если уже можно считать семиотику **первой наукой**, то, видимо, лингвистику – **второй**: «Что касается упорядоченности наук, то это, разумеется, самый сложный вопрос. Мы можем лишь предложить некоторый проект. Мы полагаем, что связь наук реализуется в такой цепочке: *семиотика* → *лингвистика* → *логика* → *математика* → *физика* → *химия* → *геология* → *биология* → *социальные науки* → *технические науки*» [Канке 2008 : 188].

Таков взгляд современного философа. Нам представляется аргументированной и научно перспективной позиция современного лингвиста Нины Борисовны Мечковской, обосновывающей лингвоцентризм семиотики [Мечковская 2004 : 20].

Семиотика, будучи одной из общих теорий разных гуманитарных объектов, находится в особо тесных отношениях с лингвистикой¹. Это связано с особым статусом языка среди других знаковых систем: по Соссюру, язык – «наиважнейшая из этих систем» [Соссюр 1977].

Луи Ельмслев, основатель и глава копенгагенской школы структурной лингвистики, видел уникальность языка в том, что «практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики – как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры. <...> Данное свойство языка обусловлено неограниченной возможностью образования знаков и очень свободными правилами образования единиц большей протяженности (предложения и т. д.)» [Ельмслев 1999 : 231].

Некоторые семиотики способны выразить более сложное (более «глубокое» или «богатое») содержание, чем язык «сам по себе» (т. е. в наборе значений своей лексики и грамматики), – таковы *литература, искусства, религии*². При этом назначение религии, литературы, искусств не исчерпывается их семиотической функцией; их незнаковые аспекты (формирование в сознании реципиента той или иной общей концепции человека и мира; воспитание реципиента (т. е. внедрение в сознание человека этических норм); утешение; развлечение и др.) несомненно богаче их семиотик (их формы сообщения и способа существования).

В отличие от названных, более содержательных, семиотик, язык является по преимуществу «чистой» семиотикой, как бы общесемиотической моделью разных «устройств», предназначенных для сообщения информации. В семиотическом континууме язык не только хронологически, но и по своим семантическим характеристикам и универсальности занимает среднее положение между семиотиками искусств, передающими наглядно-образное содержание, и семиотиками наук – носителями абстрактно-логического знания.

Поскольку семиотики искусств и семиотики наук и их произведения принципиально более трудны для понимания, чем язык, поэтому язык, выполняя посредническую функцию, помогает разобраться в фантазиях поэтов и построениях учёных.

¹ Характерно объединение двух дисциплин в некоторых словарях и руководствах [см.: Соломоник 1995; Баранов и др. 2001].

² См. об этом: Мечковская 2004 : 277-378.

В сравнении с семиотиками искусств, язык – более надежный передатчик информации, т. к. обеспечивает взаимопонимание участников коммуникации, но в сравнении с семиотиками наук, язык менее надежен в силу нестрогости своих значений, зато усваивается естественным путём и поэтому общедоступен [Мечковская 2004 : 376-399].

Неслучайно искусствоведы, затрагивая художественные средства того или иного искусства – а это и есть семиотический аспект искусствознания – начинают говорить о «языке» соответствующего искусства. Привычность подобных «лингвистических метафор» говорит о семиотическом видении искусства, а может быть, и о том, что принципы анализа поэтики разных искусств во многом «подсказаны» семиотическим эталоном – языком.

Онтология языка может быть понята в наибольшей мере на основе именно знаковой теории, потому что в языке нет незнаковых, утилитарных функций. Вот почему семиотика так важна для языкознания.

Знаковая теория языка (лингвосемиотика) позволяет увидеть *наиболее существенные черты языка* как в содержательно-функциональном плане, так и в строении языка. Опираясь на типологию знаковых систем, лингвосемиотика очерчивает место языка среди природных и социальных семиотик. Знаковая теория языка обладает большими возможностями как в объяснении природы языка, так и в плане эвристики: открытия нового знания о своем объекте. Важно при этом, что знаковая теория языка не является альтернативой по отношению к другим концепциям. В корпусе знаний о языке у лингвосемиотики своя ниша – она изучает те свойства языка, которые выявляются при сопоставлении языка с другими семиотиками. Это существенные свойства, приоритетные для онтологии языка, однако исследования такого рода не создают особых методов описания фонологии, грамматики и лексики, т. е. не развиваются в специальную методологию. Поэтому семиотика не конкурирует с другими лингвистическими концепциями и методологиями, а мирно с ними сосуществует.

С точки зрения логики представления знания, семиотический подход к конкретной знаковой системе соответствует этапу логического определения объекта, которое в классическом случае (*defenitio per genus proximum et differetiam specificam* – определение через ближайший род и видовое отличие») предполагает отыскание ближайшего рода для определяемого объекта и отличительных признаков, имеющих только у данного объекта.

Ближайший род для понятия естественный язык – это семиотические системы, видовые отличия – это те признаки, которыми *естественный язык* отличается от других *семиотических систем*: языка животных, языка жестов и мимики, языков искусств, языков программирования и т. д. Таким образом, знаковая теория языка выступает как его «макроопределение» или как семиотическое введение в теорию языка [Мечковская 2004 : 22].

Из значимых для динамики лингвосемиотики изменений отметим следующие: 1) речь стала вестись не об одной, а о нескольких знаковых теориях языка, т. е. отмечается и распространенность семиотических представлений, и их вариативность; 2) знаковая теория языка больше не ограничивается рамками

структурализма; 3) предмет лингвосемиотики представлен как более широкий и значительный: вместо «исследует свойства единиц языка и правила их сочетания» стало «исследует строение языка»; 4) история лингвосемиотики «удлинилась», т. е. обогатилась более чем на два тысячелетия, в том числе философской мыслью Средних веков; 5) в новой редакции вместо знаменитой, но для многих дискуссионной фигуры зачинателя структурализма Фердинанда де Соссюра семиотику связывают с именем Вильгельма фон Гумбольдта – величайшего и общепризнанного авторитета, родоначальника теоретического языкознания Нового времени, лингвистической типологии и философии языка [Мечковская 2004 : 23; Шаумян 2001 : 151].

Как видим, в доказательствах лингвоцентризма семиотики Н. Д. Мечковская делает акцент на том, в чем заключается ценность семиотики для языкознания. Нам же для наших целей хотелось бы перенести акцент на то, в чем заключается ценность *лингвистики* для семиотики и таким путём показать семиотическую сущность языковой системы.

Для этого, прежде всего, обратимся к вопросу о том, какую роль сыграл язык и языковая система в становлении самой семиотики и, стало быть, лингвосемиотики.

Итак, возвращаясь к взглядам **Дж. Локка**, следует заметить, что для нашей книги важным является введенный им термин *знак* в отношении слова как базисной единицы языка. Локк стал во многом предтечей Соссюра: он не только ввёл в научный обиход термин *знак*, но и сформулировал мысль о том, что знаки – «символы наших идей», а идеи – «подлинное и непосредственное наполнение знака». Более того, согласно Дж. Локку, именно это орудие *человека* (слово как знак) и даёт ему возможность развития в особое высшее существо на земле, ибо животные не обладают способностью к абстракции и созданию общих Идей, так как они не используют Слова или иные обобщающие знаки. Дж. Локк подчеркивает, что, подобно всем другим идеям, общие идеи объясняются словами. Отсюда, язык – это система знаков, необходимая людям для общения друг с другом [Локк 1985 – 1989.I : 461].

Таким образом, понятие знака и языка как системы знаков Дж. Локк сформулировал на языковом материале.

Теория Дж. Локка была воспринята доброжелательно **Г. В. Лейбницем**, хотя не обошлось и без критики. Лейбниц не был согласен с Локком в том, что слова – чисто *конвенциональные знаки*: «... слова вовсе не так произвольны и случайны, как это представляется некоторым, поскольку нет ничего случайного в мире, и только наше незнание не позволяет иногда видеть скрытую от нас причину» [Лейбниц 1982 : 318].

Критикуя «*Опыт*» Локка, Лейбниц писал: «... существует нечто естественное в связи между обозначаемыми вещами и звуковой формой слов, оно сохраняется в словах и в движениях артикуляционных органов» [Лейбниц 1982 : 19]. Лейбниц соглашается с Локком, что слова суть «символы наших идей», но добавляет: «слова не только символы наших идей, но и также вещей» [Там же : 321].

Этьен Кондильяк считал, что мы сами изобретаем язык для реализации мыслительной способности.

Внутри языка Кондильяк различал разные виды знаков. Первым он назвал *случайные* – произвольные знаки, возникающие стихийно. На втором месте – «крики от радости, боли, страха и т. д.») и третья, высшая категория, – это знаки «*для себя*», которые имеют конвенциональную связь с нашими идеями. Он пишет: «Мозг и использование знаков будут развиваться к взаимной выгоде и в направлении прогресса обоих слагаемых» [Цитируется по: Соломоник 1995 : 17]. Это последнее замечание «о взаимной выгоде *языка и мышления*» является одним из центральных постулатов, который затем был активно разработан Ф. Соссюром.

Фердинанд де Соссюр¹ и его влияние на последующее развитие общеизвестно. Ф. де Соссюра часто называют «отцом современной лингвистики» или «ключевой фигурой на историческом повороте от XIX к XX столетию» [Соломоник 1995 : 17].

Из обширного наследия Соссюра выделим лишь три кардинальных положения, хорошо известные любому современному лингвисту, потому без особых обоснований.

Родоначальник структурной концепции языка Ф. де Соссюр (1857 – 1913) не знал о семиотических идеях своего американского современника Ч. Пирса и шел к семиотике не от логики и истории схоластики, как Пирс, но от лингвистики, размышляя над природой языка. Соссюр считал *семиологию* (так он предлагал называть науку о знаках) частью социальной психологии, а лингвистику – частью семиологии².

Соссюр указал три свойства языкового знака «первостепенной важности»: 1) его *произвольность* (или *арбитрарность*), т. е. условность, конвенциональность знака; 2) *линейность* означаемого языкового знака; 3) «*неизменчивость и изменчивость*» знака.

1. Говоря о преобладании в языке произвольных знаков, Соссюр вместе с тем называет два главных класса языковых явлений, где наблюдается мотивированность (звукоподражания и междометия), однако считает эти исключения «малостью»: принцип произвольности знака «подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы» [Соссюр 1977 : 101].

Сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его», поэтому исчезает всякая почва для обсуждения «рациональности» знаков, предпочтения одних знаков другим. «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» [Там же : 106-107].

¹ О неоднозначной, часто трагической судьбе «Курса общей лингвистики» Соссюра см. «Критические заметки и примечания» Туллио де Мауро [Соссюр 1999 : 235-392]. Нам ближе представление Эмиля Бенвениста: «С того времени, как Пирс и Соссюр, эти два полярно различных гения, ничего не зная друг о друге и почти одновременно пришли к мысли о возможности самостоятельной науки о знаках и способствовали разработке её основ, возникла важнейшая проблема, *каково место языка среди знаковых систем*» [Бенвенист 1998 : 69].

² См. эпиграф к разделу.

2. Линейный характер означающего языкового знака Соссюр раскрывает так: «элементы следуют один за другим, образуя цепь». Таким образом, означающее языкового знака характеризуется признаками, «заимствованными у времени»: он обладает протяженностью. Признак линейности существен, «от него зависит весь механизм языка» [Там же : 103], поскольку линейность означает неодновременность восприятия одного сообщения (например, двух сегментов одного высказывания).

Вслед за Соссюром при классификации знаковых систем различают семиотики, порождающие *линейные сообщения* (язык, музыка, танец и др.), и семиотики, чьи произведения *нелинейны* (изобразительные искусства, дорожные знаки, униформа и др.). Это полезное различие, оно существенно для психологии восприятия текстов разной семиотической природы. Например, можно сразу окинуть взглядом полотно, которое художник писал два года, в то время как произведение словесного искусства, если оно длиннее пословицы, загадки или четверостишия, воспринимается не одномоментно [Мечковская 2004 : 35].

3. «Неизменчивость и изменчивость знака» – так парадоксально, антиномично называет Соссюр главу в первой части своего «*Курса общей лингвистики*» (1916) и далее не боится два соседних параграфа назвать так же противоречиво: § 1 – «*Неизменчивость знака*», § 2 – «*Изменчивость знака*».

Однако в данной оппозиции существенна *очередность*, т. е. иерархия терминов: «При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности» [Соссюр 1977 : 107].

Более того, по признанию Ф. де Соссюра, его главный вклад в лингвистику в том и состоит, что он рассматривает её в более широком контексте семиотики: «если мне в какой-то мере удалось более точно определить место лингвистики среди других дисциплин, это произошло потому, что я соединил её с семиологией» [Там же 1977 : 239]¹.

Этот краткий экскурс в становление семиотики свидетельствует о том, что **параллельно с ним, одновременно** шло становление и лингвосемиотики, её основных положений, к которым мы и переходим.

Избирательно остановимся лишь на тех положениях, которые наиболее значимы для наших целей, т. е. для лингвистической методологии.

Безусловно, базовым концептом лингвосемиотики является *языковой, или вербальный знак*.

Хотя этому вопросу, как мы видели, уделялось большое внимание, все же знаковая теория остается чрезвычайно запутанной и потому дискуссионной.

Наиболее принятой в отечественной лингвистике является следующее определение языкового знака: «**Знак языковой** – материально-идеальное образование (*двусторонняя единица языка*), репрезентирующее предмет, свойство,

¹ Подробно о семиотических идеях Соссюра см. в книгах Якобсона [Якобсон 1983; 1996; 1999].

отношение действительности, в своей совокупности знаки языковые образуют язык» [Уфимцева 2002 : 167].

Из определения явствует, что структурное своеобразие языкового знака заключается в его материально-идеальной *билатеральности* и *репрезентативности* – в свойстве представлять разнообразие внеязыковых объектов, *внеязыковую реальность* [Соломоник 1995 : 236].

А. А. Уфимцева подчеркивает взаимосвязь двух сторон знака: «Две стороны языкового знака, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение» [Уфимцева 2002 : 167].

Из рассуждения А. А. Уфимцевой можно выделить несколько свойств языкового знака: *материальность формы, социальность, опосредованность сознанием, способность выражать значение*¹.

В монографии А. А. Уфимцева объясняет свою приверженность билатеральной теории знака тем, что понимание знака как односторонней физической сущности приводит к отождествлению языкового знака с искусственными знаками типа *дорожных знаков, азбуки Морзе* и др., лишая тем самым естественные человеческие языки функции общения, репрезентации и идентификации предметов объективного мира [Уфимцева 1986 : 52].

Возможно, поэтому большинство лингвистов разделяет эту точку зрения. Однако при этом возникает следующее противоречие: «...если знак языковой, а язык – идеальное образование, то вполне закономерно возникает сомнение: как материальный объект локализуется в нашем сознании» [Алефиренко 2009 : 90].

Видимо, понимая это, А. А. Уфимцева даёт такое объяснение: «форма знака (означающее) существует в двух его ипостасях, как все материальное: *материальной и идеальной*, так как звуковой состав слова обретает форму идеального образа материальной стороны знака» [Там же : 53].

Следовательно, согласно этой теории, означающее языкового знака функционирует то как материальный (чувственно воспринимаемый), то как идеальный, недоступный наблюдению феномен.

Выход из этого семиотического противоречия мы вслед за Н. Ф. Алефиренко, видим в когнитивно-семиологическом обосновании диалектического сосуществования знаков языка и знаков речи [Алефиренко 2009-а : 91-92].

Диалектика здесь такова: 1) эталонный знак языка конституирует план выражения речевых знаков, а 2) некоторое множество материальных знаков речи служит материалом для формирования инварианта – образцового эталонного знака.

Без знаков *языка* невозможны знаки *речи*, и наоборот. Такой подход создает новый стимул для развития лингвосемиотики, в частности, открывает возможности для создания в ее рамках когнитивно-социологической

¹ Более развернутую характеристику знаков, в том числе – языковых знаков даёт И.П. Сусов [Сусов 2007 : 56-59].

теории знака, включающей его когнитивные, семиотические и прагматические свойства [Алефиренко 2009-а : 91].

Без последовательного различения знаков языка и знаков речи сложно определить, как язык в процессе познания выполняет одну из своих основных функций – объективирует в сознании человека то, что ему уже каким-то образом известно. В связи с этим утверждается, что знак – понятие, прежде всего гносеологическое.

Лингвисты акцентируют внимание на коммуникативном предназначении языковых знаков, поскольку они служат средством передачи сообщений. Противоречие снимается разграничением *знаков языка* и *знаков речи*.

На самом деле, когнитивную функцию выполняют *знаки языка*, а коммуникативную и прагматическую – *знаки речи*. Причем функциональное предназначение одного служит условием выполнения «функциональных обязанностей» другого. Действительно, прежде чем передать сообщение определенной комбинаторикой речевых знаков, необходимо при помощи знаков языка обработать, преобразовать и закодировать соответствующую информацию в общественном сознании, превратить ее в знание.

При этом репрезентация языковых знаков речевыми – процесс не механический. Дискурсивные задачи при общении требуют дополнительной обработки информации как со стороны ее отправителя, так и со стороны получателя. Речевые знаки располагают для этого необходимым интерпретационным механизмом. Всякая дискурсивная интерпретация языкового знака опирается на опыт, а «знаковость сущности есть функции, аргументом которой является опыт» [Кравченко 2001 : 85]¹.

Когнитивно-семиотический подход позволяет перейти к другому важнейшему концепту лингвосемиотики – *языковому семиозису* в процессе познания.

В современной семиотике утвердилась мысль, что процесс возникновения знака начинается со взаимодействия познающего субъекта с предметом познания, поскольку значение предмета познания определяется его местом и значимостью в человеческой деятельности. При этом формирование значения связывается с отражением в нашем сознании внешнего события, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений *субъекта* и *объекта*. В языковом знаке результат этого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляется за соответствующим *звукосочетанием*, которое в знаке становится его *означающим*.

С этого момента *звукоряд* становится не только обычным средством обозначения предмета, но и средством активизации когнитивно-социологической деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого предмета.

¹ Старый спор о связи между звучанием и значением, о степени произвольности и характере мотивированности языкового знака не только не решен в современном языкознании, но и приобретает всё большую остроту в связи с новыми данными о системности языка, что нашло своё отражение в монографии Л. Г. Зубковой «*Принципы знака в системе языка*» (М., 2010. – 750 с.).

Процесс декодирования уже имеющегося в нашем сознании знака осуществляется по несколько иному алгоритму. В этом случае когнитивно-дискурсивная деятельность человека начинается с восприятия знака, затем развивается в направлении, противоположном тому, в котором осуществлялся процесс семиозиса. Алгоритм когнитивно-дискурсивной деятельности при восприятии знака, можно сказать, выстраивается по известной уже *схеме знакообразования*. Однако таков наиболее общий способ семиозиса, главным образом, *довербальных знаков*, по этим же семиотическим законам происходит порождение и *языковых знаков*. И все же процесс лингвосемиозиса имеет свою специфику, обусловленную предназначением языкового знака. В отличие от довербальных, языковой знак – не только средство обозначения, но и средство обеспечения речемыслительного процесса [Алефиренко 2009-а : 87].

Можно, разумеется, говорить о языковом знаке вообще. Однако важно помнить о специфике языковых знаков разных типов. Конечно же, эталонным для всех типов языковых знаков является *словесный знак*.

Его образование осуществляется по схеме довербального семиозиса: формирование означаемого предшествует возникновению означающего – звуковой или графической материи словесного знака. Как считают логики, начальной точкой объективации означаемого служит выделение конкретного объекта из класса ему однородных. Искомый объект получает свое словесное обозначение после того, как превратится в «найденный», «определенный», «понятный». Это универсальная схема порождения каждого словесного знака.

Понимание и декодирование словесного знака, в общем, повторяет алгоритм его возникновения. Если следовать ему, то такая методика откроет возможность проникать в сущность взаимодействия структуры означающего и структуры означаемого языкового знака. При этом важно не упускать из вида, по крайней мере, два момента: во-первых, что такое взаимодействие определяется диалектикой взаимоотношения *объекта познания* и *субъекта речемыслительной деятельности* и, во-вторых, что данное взаимодействие *опосредовано*.

Роль такого посредника выполняет открытая А. А. Потебней *внутренняя форма слова*. Значит, структуру словесного знака следует представлять не как монологическую (знак – это означающее) и не как билатеральную структуру (знак – единство означающего и означаемого), а как *триединство* означающего (звуковой или графической структуры), внутренней формы и означаемого [Алефиренко 2009-а : 88].

Внутренняя форма показывает, как и каким способом в нашем сознании представлено значение слова. В наиболее простом виде внутреннюю форму слова формирует признак, положенный в основу наименования и отражающий *первоначальное* понимание (восприятие, видение) *обозначаемого* предмета. Внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим его значением и является «отношением содержания мысли к сознанию», т. е. представлением, сущность которого в том, что оно объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание.

Обычно говорят, что внутренняя форма выступает способом передачи значения (однако не всегда указывают, при помощи каких средств). Таким

средством служит мотивационный признак производного слова, который актуализируется или его морфемной структурой, или ассоциативно-смысловыми связями производного значения с исходным [Алексеева, Мишланова 2002 : 48-70].

Диалектическое противоречие между чувственным образом и абстрактным значением служит источником *знакообразующей энергии* речемыслительной деятельности. На определенном этапе в процессе познавательной деятельности смысловое содержание концепта становится связующим средством между акустическим образом слова и чувственным образом обозначаемого предмета. В результате такого синергетического взаимодействия и осуществляется преобразование *образа* предмета в *понятие* о предмете.

Согласно теории А. А. Потебни, такие когнитивные переходы осуществляются только при помощи слова, реализующего эвристическую функцию языка. Данное положение было выражено им крылатой для когнитивно-социологической теории фразой: «Язык есть средство не выразить готовую мысль, а **создавать** ее... (выделено мной – З. К.), он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1999].

Для реализации этих функций служат вербальные знаки (языковые и речевые). Каждый речемыслительный шаг, связанный с их возникновением, направлен на обеспечение онтологической предназначенности языка.

Углублению представленного подхода, а именно постановке проблемы о трех различных типах семиозиса и пределах человеческого познания, в том числе и языкового, посвящена статья А. В. Кравченко, завершая которую, он пишет: «... языковой семиозис следует рассматривать как процесс порождения множественных реальностей, а поскольку, как говорит Матурана, “мы как люди существуем в языке”, языковой семиозис и порождаемые им множественные миры и есть та реальность, которую человек способен познать» [Кравченко 2008 : 44].

И, наконец, последний концепт, на котором необходимо остановиться и который непосредственно связан с семиозисом, – это *знаковая интерпретанта*.

Справедливо считается, что одним из основных понятий семиотической теории является *интерпретанта*, представляющая собой пример одного из наиболее сложных терминов всей семиотики (Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, Т. В. Булыгина...). Как известно, этот термин был введен Ч. Пирсом в качестве третьего члена семиотической диады «означаемое – означающее» [Пирс 2000].

Сам Ч. Пирс по-разному понимает интерпретанту. В одних случаях он отождествляет ее с контекстом (знак становится знаком только в определенном контексте). В других случаях интерпретанта понимается Пирсом как набор правил употребления знака и его воздействия на сознание интерпретатора. И в том, и в другом случае интерпретанта рассматривается как чисто *прагматическая составляющая акта семиозиса*.

С другой стороны, Ч. Моррис, цитируя Аристотеля, определяет интерпретанту как общие знания о предмете (концепт), т. е. как коммуникативную

категорию [Моррис 1983 : 77]. Эта двойная природа интерпретанты и заложила базу для развития когнитивно-ориентированной теории коммуникации.

В лингвистике уже предпринимались попытки классифицировать интерпретанту по различным основаниям. Так, Ю. С. Степанов предложил различать интерпретанту *по денотату и сигнификату* [Степанов 1983]. Е. С. Кубрякова предлагает ввести *словообразовательную интерпретанту*, которая бы фиксировала способ представления семантики производного слова и указывала на непосредственный источник его мотивации, а также на операцию по его преобразованию [Кубрякова 2004].

Представляется возможным ввести понятие прагматической интерпретанты, которая несет информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого прагматического контекста [Заботкина 2008 : 90].

Прежде всего, следует отметить, что семиотическая система Ч. Пирса, в отличие от системы Ч. Морриса, ориентирована в основном на процесс восприятия. Знаковая деятельность первого интерпретатора, т. е. человека, использующего знак для воздействия на партнера по коммуникации, не акцентируется Ч. Пирсом.

В изложении И. Йогансона, давшего наиболее полную интерпретацию системы Ч. Пирса, особо подробную характеристику дает Ч. Пирс *адресату и четырем* последовательным результатам интерпретации. Сущность каждого из данных результатов может быть сформулирована следующим образом: 1) непосредственный результат интерпретации, вытекающий только из означаемого знака или из акта семиозиса, в который знак входит как часть в целое, т. е. из текста – контекста с положенными в нем лингвистическими правилами (фонологическими, семантическими и синтаксическими); 2) актуальный результат интерпретации – непосредственное воздействие знака на интерпретатора; 3) стандартный, или нормативный результат — воздействие на сознание интерпретатора после достаточно глубокого развития мысли; 4) конечный логический результат, изменение языковой привычки, которое повлечет за собой понимание знака [Цитируется по: Заболоцкий 2008 : 91].

Ч. Пирс в письме Виктории Вельби писал: «Существует *интенциональный интерпретант*, который определяет разум говорящего, *эффективный интерпретант*, определяющий разум слушающего, и *коммуникативный интерпретант*, или можно сказать *коминтерпретант*, который определяет тот разум, в котором должны слиться разум говорящего и разум слушающего, чтобы любая коммуникация имела место» [Цитируется по: Заболоцкий 2008 : 91]. Очевидно, именно коммуникативный интерпретант и позволяет увидеть в интерпретации связь с контекстом.

Мы, придерживаясь точки зрения Е. С. Кубряковой, определяем процесс семиозиса следующим образом: для того, чтобы обозначить что-то, должен быть кто-то, кто произведет акт семиозиса, т. е. интерпретатор – человек, который интерпретирует действительность. После создания знака интерпретатор снова его осмысливает и, видя за ним другие знаки, сопоставляет его с этими знаками. Как известно, даже самый абстрактный знак требует для своего пони-

мания соотнесенности с другими знаками, т. е. контекст. Таким образом, знак дважды интерпретируется (выделено мной – З. К.) в процессе семиозиса – 1) создателем, 2) обществом [Кубрякова 2004 : 91].

При этом мы полагаем, что непосредственная интерпретанта соотносится с первичным контекстом интерпретации, т. е. с контекстом акта создания знака. Динамичная интерпретанта соотносится с контекстом конвенционализации знака, т. е. с динамичным процессом его вхождения в общество и языковую систему. Нормативная и конечная интерпретанты представляют собой нормативный контекст знака.

Таким образом, интерпретанта является квинтэссенцией *прагматических знаний* формирующихся в процессе семиозиса, проходящего в определенной временной последовательности и характеризующегося сменой различного типа контекстов.

Проводя идею Ч. Пирса о прагматической составляющей интерпретанты, В. Дресслер прагматику языкового знака связывает с его интерпретантой, под которой понимает в его содержании то, что указывает на способ представления значения в знаке. Р. О. Якобсон, по сути, приравнивает данное понятие к значению и выделяет две разновидности интерпретант: одна связывает знак с системой знаков, другая – с контекстом его использования.

Е. С. Кубрякова, опираясь на якобсоновскую концепцию знака [Якобсон 1983], предлагает разграничивать *интерпретанту* и *языковое значение*. Она полагает, что можно выделить целую серию интерпретант, с помощью которых можно было бы показать, каким способом в нашем сознании представлены разные аспекты языкового значения – *когнитивный, концептуальный, прагматический, эмотивный и экспрессивный*. Если следовать этой логике, то значение языкового знака окажется формой существования сознания, а интерпретанта – сам способ репрезентации значения в языковом знаке. При таком понимании соотношения значения и сознания *интерпретанта* как свойство знака находится в генетической связи с его внутренней формой, служит способом знаковой репрезентации значения и использования знака в речемыслительной деятельности как уже готовой единицы.

Внутренняя форма, представляя нашему сознанию связь между языковым знаком и объектом знакообозначения, служит *смыслогенерирующим источником* в процессах формирования значения. Связь между знаком и обозначаемым объектом удерживается в сознании благодаря актуализации в нем образного признака, определившего характер данного знакообозначения.

Поскольку образные признаки отображают осмысленные свойства номинируемых предметов и являются непосредственными участниками семиозиса, они становятся элементами значения. Отсюда *внутренняя форма* – это категория языковой семантики, а *интерпретанта знака* – категория когнитивная, связанная с кодированием и декодированием информации, ее преобразованием в знание, пониманием и использованием знака в когнитивно-дискурсивной деятельности.

Поскольку же и интерпретации, и внутренняя форма принадлежат языковому знаку, то сам знак, по А. Ф. Лосеву, «есть акт интерпретации как соответ-

ствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев 1982 : 96], потому что языковое мышление является а) пониманием самого мыслительного процесса и б) своеобразным его преломлением сквозь призму предыдущего опыта, зафиксированного в языковых знаках. А это, в свою очередь, предполагает, что любой языковой знак «существует исключительно как единица определенной семиотической системы» [Кубрякова 2004: 503], что вне такой системы нет знака [Степанов 1971 : 81], как нет его и без интерпретатора.

Системный характер и интерпретанта языкового знака обеспечивают ему когнитивно-семиотическую свободу, на что обращал внимание А.Ф. Лосев: «Всякий языковой знак, отражающий ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной истинности отраженной в нем предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка» [Лосев 1982 : 95]. Этим свойством обладают, в отличие от иных семиотических систем, только языковые знаки.

Заканчивая свой фундаментальный труд и возвращаясь к определению знака с тем, вероятно, чтобы учесть весь существующий семиотический опыт, Е. С. Кубрякова пишет: «Знак – это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначаемое в языковых или метаязыковых операциях...» [Кубрякова 2004 : 503-504].

Как видим, здесь определяется знак в широком его понимании. Автор, как можно предположить, сознательно в начале дефиниции не использует словосочетание *языковой знак*. Иначе возник бы вопрос: каким образом материальный (физический) объект, которым является «тело знака», становится фактом языка – феномена идеального?

С другой стороны, чтобы служить сообществу интерпретаторов при порождении и восприятии сообщения, знак должен быть воспринимаемым.

Всё это возвращает нас к необходимости разграничения *знаков языка* и *знаков речи*. Их специфика обуславливается тем, что, как утверждает В. А. Виноградов, система языка ориентирована на символизацию, а дискурс – на иконичность [Виноградов В.А. 1991 : 243]. Только опираясь на данные факторы, можно выявить своеобразие языковых и речевых знаков в контексте их возникновения. К этому побуждает и сама Е. С. Кубрякова: «Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство» [Кубрякова 2004 : 502].

Сущность знакообразования состоит в *семасиологизации* (И. А. Бодуэн де Куртэнэ), *означивании* (Э. Бенвенист) и преобразовании звукосочетаний в социально обусловленные средства речемыслительной деятельности. С точки зрения когнитивной лингвистики, знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества. Наименование предметов звукосимволами, таким образом, является одновременно и осмыслением этих предметов, овладением ими не только материально, но и

«идеологически» (В. И. Абаев). Иными словами, словесный знак является одновременно основной когнитивной единицей, которая фиксирует, имплицитно хранит формы «перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории, т. е. в своего рода «упаковки» знания. Тип и характер таких «упаковок» соответствует этапам и уровням познания [Алефиренко 2009-а : 94].

Из сказанного выше следует, что основными факторами вербального знакообразования являются *сознание* и *мышление*. Как констатировал С. Д. Канцельсон, сознание невозможно без мышления, а мышление невозможно без содействия языка [Канцельсон 2001]. Механизмы такого «содействия» находятся в его знаковости. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немислимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков, потому что процесс накопления и упорядочения знаний представляет собой сведение их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в общественном сознании.

Таковыми структурами являются разного рода концепты, объективируемые языковыми знаками и их речевыми коррелятами. Именно когнитивные структуры для своей объективации стимулируют процессы «свертывания» речи, ее превращения во внутреннюю, а затем в «потенциальную» речь, что в конечном итоге индуцирует образование языковых знаков.

Значимость языковых знаков для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление концептов. Во-вторых, тем, что языковые знаки снабжают механизмы сознания семиотическими средствами элементарного мышления.

Как видим, это двусторонний процесс. «Развертывания» элементов сознания и «свертывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы. Развитие речемыслительной деятельности не только создает внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и механизмов (так называемые *внутреннюю* и *потенциальную речь*), без которых немислимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание. Следовательно, знаковая подсистема языка служит не просто придатком к сознанию, позволяющим оформлять конечные «фабрикаты» мышления – концепты, «упаковывая» их в языковые формы, но и средством формирования сознания.

Не остаются в стороне от этого процесса и речевые знаки. Они вызывают в сознании такие структурные изменения, которые делают его более совершенным, порождая при этом новые языковые знаки, прежде всего знаки вторичной (метафоры) и косвенно-производной номинации (фразеологизмы) [Алефиренко 2009-а : 97].

Итак, анализ основных концептов лингвосемиотики свидетельствует о том, что она, действительно, по словам Ю. С. Степанова, «и есть прообраз общей семиотики», определяющий её перспективные направления развития.

Вместе с тем анализ основных концептов лингвосемиотики – специфики языкового знака, языкового семиозиса и разных типов знаковых интерпретант – в наши дни приводит к выводу о том, что между семиотикой и лингвистикой существуют *более сложные отношения*, чем те, которые обозначены в традиции их изучения. Они состоят в том, что языковая знаковая система является не просто одной из многих знаковых систем, занимающих срединное положение в семиотическом континууме, не просто наиболее оформленной и важной знаковой системой, а в том, что функционально она абсолютно специфична (конечно, это не означает отсутствие у неё общих свойств и закономерностей, присущих знаковым системам как таковым): её знаки служат не только для передачи (хранения, преобразования и др.) информации, как во всех знаковых системах, но и являются «орудием» (по словам А. Соломоника) общения в любых сферах деятельности человека, т. е. она является, в отличие от других знаковых систем, универсальной знаковой системой «с неограниченной информационной мощностью» [Сусов 2007 : 59], а также «орудием» формирования мысли, о чем настойчиво в своё время говорил А. А. Потебня.

Этими двумя основными отличиями не ограничивается специфичность языковой знаковой системы. Её специфичность проявляется в *первичности языка* по отношению к другим знаковым системам; языку присуща *множественность функций* в отличие от однофункциональности других знаковых систем; ни в одной системе не известны соотношения, подобные соотношению языка и речи [Хроленко, Бондалетов 2006 : 203].

В завершение напомним предупреждение А. Соломоника: «Тут мне хотелось бы предостеречь против неумеренных претензий некоторых учёных, изучающих отдельные виды знаковых систем; во многих случаях они объявляют именно «свои» знаковые системы могущими осуществлять всё или, во всяком случае, огромное большинство функций человеческого общения. Это несправедливо даже для языковых знаковых систем, которые, по-моему, выполняют на сегодняшний день *ведущую роль в системе коммуникаций и во влиянии на когнитивное развитие человека. Только совокупное воздействие всех знаковых систем обеспечивает человечеству его место в мире*» – (выделено мной – З. К.) [Соломоник 1995 : 26].

Именно это открывает перспективу дальнейших изысканий в области лингвосемиотики, особенно в «сопряжении» с лингвокогнитологией, что актуализировалось в наши дни.

6.3. Лингвистика как наука и метанаука

6.3.1. Лингвистика как наука

Хотя научное языкознание, достаточно строгая система которого была представлена уже у Панини, существует более трех тысяч лет, главные его проблемы только ещё начинают формулироваться. Их подробное обсуждение, а по возможности и решение откладывается на наступившее столетие, а может быть, и на всё тысячелетие.

Вяч. Вс. Иванов¹

В преамбуле этого раздела отметим его специфику: этот раздел является только своеобразным введением в лингвистику, поскольку не содержит полной характеристики её концептуальных основ.

Всё дело в том, что две последующие части этого пособия посвящены раскрытию сложной дисциплинарно-методологической структуры лингвистики с целью её изучения.

Потому в этом разделе раскрываются только два вопроса: первый – **что** изучает лингвистика (её *объект* и *предмет*), т. е. то, с чем сталкивается исследователь в самом начале своего пути. Второй вопрос – это *общая характеристика современной лингвистики как постнеклассической науки*. Это скорее постановка вопросов, на которые следует искать ответы в исследованиях лингвистики XXI века.

Ставя вопрос о «самосознании лингвистики – вчера и завтра», Ребекка Марковна Фрумкина говорит о том, что идеальный проект науки – это в самом общем виде ответы на вопросы о том, **что** нужно изучать, **как** нужно изучать, и **почему** ценностью считается изучение именно «этого», а не чего-либо иного. *Идеальный проект* по определению не может быть реализован до конца – потому он и называется «идеальным». Но осознание идеального проекта как воплощения идей и ценностей, доминирующих на *данном этапе* развития науки, исключительно важно для всех работающих в ней [Фрумкина 1999 : 78]. И даёт ответ на этот вопрос: «Лингвисты, с моей точки зрения, такого проекта не имеют, пребывая пока на ступени осознания его необходимости» [Там же : 81], что перекликается со словами Вяч. Вс. Иванова, вынесенными нами в эпиграф.

На первый взгляд это кажется очень странным, поскольку вся история языкознания «пронизана» поиском ответов на эти вопросы и сравнительно давно осознано, что одна из центральных проблем языкознания² – это проблема **объекта лингвистики**. В словарно-справочной литературе, большинстве учеб-

¹ См. Вяч. Вс. Иванов 2004 : 13-14.

² См. разделы 1 и 2 во «Введении в проблематику».

ников, учебных пособий и в научной литературе ответ об объекте лингвистики, казалось бы, найден¹.

Однако дискуссия продолжается до сегодняшнего дня. Всё дело в том, что во всей истории языкознания язык предстаёт как такая сложная система неразрывно связанных, взаимозависимых фактов, которые даже самая точная лингвистика не может распределить по независимым категориям [Матезиус 1967]. «Проблематика языка – вещь сложная», – поддерживает В. Матезиса В. Скаличка [Там же].

В книге «Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка» (1908) Альбер Сеше писал: «Лингвистику определяет её объект: это наука о языке... Лингвистика – это наука фактов и наука законов... или Теоретическая лингвистика» [Сеше 2010 : 22, 35]. Такую проблему поднимает уже в современной лингвистике Ю. С. Степанов, подчеркивая необходимость различения «Соотношения языка как **наблюдаемого явления** и как **абстрактного объекта теории**: «Как ни странно, приходится обсуждать, казалось бы, очень ясный вопрос о том, что же изучает наука о языке – реальный объект или абстрактную систему понятий, так называемых конструкторов» [Степанов 1975 : 11].

Проблема языка как объекта лингвистики осложняется ещё и его коренной **двойственностью**: В. Гумбольдт говорил о языке не как *ergon* (продукт деятельности), а как *energia* (деятельность); Ф. де Соссюр – о языке и речи; Л. Ельмсев – о *схеме* и *узусе*; Н. Хомский – о *языковой компетенции* и *языковом употреблении*. Некоторые исследователи говорят о **тройственности языка**: язык – речь – норма (Э. Косериу, А. Гардинер); *речевая деятельность* – *языковая система* – *языковой материал* (по Л. В. Щербе) и И. Р. Гальперину (язык – речь – текст); *система* – норма – узус (А. Мустайоки) и даже **четырёх измерениях языка**: *система языка* – *система употребления* – *речь* – *язык как орудие общения* (Д. Г. Богушевич).

¹ **Языкознание** (языковедение, лингвистика) – наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как индивидуальных его представителях [ЛЭС 2002 : 618].

Языкознание, лингвистика, языковедение – наука о языке. Объектом языкознания является язык во всем объеме его свойств и функций, строение, функционирование и историческое развитие языка. Однако в качестве непосредственного предмета языкознания в разные эпохи выдвигались различные стороны объекта [Русский язык: Энциклопедия. 2003 : 672]

Языкознание – наука о языке, тесно связанная с логикой и рядом других дисциплин. В языкознании изучается природа языка, внутренние закономерности его развития в связи с историей общества, историей народа, творцом и носителем языка, сущность языка, его метод среди других общественных явлений, его отличие от производства, техники, науки, мышления, функции языка, отношение его к мышлению; грамматический строй языка, история возникновения и развития письменности [Кондаков. Логический словарь-справочник, 1975 : 695].

Языкознание (лингвистика) – наука об общих закономерностях строения и функционирования человеческого языка [Советский энциклопедический словарь 2002 : 1586].

«В качестве главного объекта лингвистики продолжает оставаться *естественный язык* (языки)» [Хроленко, Бондалетов 2006 : 96].

Лингвистика. Наука о языке, слагающаяся из предлингвистики, микролингвистики и металингвистики [Ахманова. Словарь лингвистических терминов 1974 : 217].

Языкознание, или лингвистика (от лат. *lingua* – «язык») – это наука, изучающая языки, все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем, а тем самым человеческий язык вообще [Маслов 2006 : 6; 2008 : 6].

Лингвистика как наука: «собственным объектом лингвистики являются языки, а не язык» [Пильх 1994 : 7]. «Начнём с того, что лингвистика имеет *два объекта*: она является наукой о языке и наукой о языках» [Бенвенист 1998 : 22].

Много страниц исследований посвящено *многокачественной природе языка*. Некоторые из них:

- язык одновременно оказывается синхронически стабильным и диахронически изменчивым;
- язык одновременно выступает как социально обусловленная система и как индивидуально варьируемое отклонение от неё;
- язык одновременно характеризуется структурной упорядоченностью своих единиц и вероятностной неопределённостью их выбора;
- язык одновременно обладает синтагматической однозначностью своих единиц и парадигматической многозначностью этих единиц и их компонентов [Андреев 1977 : 258].
- диалектический характер содержания языкового явления и формы его выражения, т.к. «содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму» [Гегель 1975.1 : 298]
- в менталингвистическом направлении объект языка следует рассматривать не как традиционное двуединство «язык – мышление», а как взаимодействие четырех компонентов речемыследеятельности: язык – речь – мышление – сознание [Алефиренко 2009 : 61]. Близкая концепция: *мысле-рече-языковой деятельности* человека по В. К. Радзиховской [2003 : 3-14].

Учитывая такую сложную природу языка, Владимир Андреевич Звегинцев всё же считает, что «мы имеем основание утверждать, что объектом изучения лингвистики является язык, но мы не в состоянии ещё сказать, что такое язык»¹ [Звегинцев 2007 : 7].

Н. Ф. Алефиренко предлагает два по сути близких решения:

Первое решение: «**Объектом** изучения в языкознании... является речевая деятельность [РД] (langage) не в узком (психолингвистическом), а в широком смысле: языковые средства в процессе порождения речи и её понимания, в дискурсе и тексте. Это положение можно выразить формулой: **РД = язык (система + норма) + речь**». **Предметом** изучения лингвистики является **язык**. Этим и объясняется то, что основной проблемой общего языкознания считается вопрос о сущности языка» [Алефиренко 2009 : 8; 13].

Второе решение: «В наиболее общем виде можно сказать, что **объектом** любого лингвистического исследования является совокупность объективно-реальных явлений языка и речи, а **предметом** – система абстрактных, научно достоверных построений, отражающих уровень нашего познания языка» [Алефиренко 2009 : 13].

¹ Такая позиция, с одной стороны поддерживается учёными и в истории лингвистики («Язык – это лабиринт тропинок. Вы подходите с одной стороны и знаете дорогу; вы подходите к тому же месту с другой стороны и дороги уже не знаете» [Витгенштейн 1958]) и в современности («Язык есть тайна» [Камчатков, Николина 2001:3]). Но, с другой стороны, подчеркивается развитость теории современной лингвистики: «Фундаментальная составляющая языкознания – теория языка – сама по себе может не торопиться с декларированием новых подходов» [Всеволодова 2010 : 8].

Но если принять терминологию Ю. С. Степанова, то соотношение *объекта* и *предмета* находится тогда (по Алефиренко) в плоскости того, что познается (объект?) и того, что формируется в процессе познания (предмет?).

Нам представляется, что диалектика *объекта* и *предмета* гораздо сложнее, о чем свидетельствует философское осмысление этих феноменов (см. разделы 1.3 и 1.4), а также науковедческое (см. разделы 2.3 – 2.5) и даже типа науки (см. разделы 2.5.1 – 2.5.3)

Воспользуемся «подсказкой» Р. М. Фрумкиной, что разработки любой проблемы «не может быть начата иначе, нежели *ab ovo*: именно традиция должна служить источником «легитимности» избранной проблемы» [Фрумкина 1999 : 5], что позволяет подойти к этому диалектическому единству конкретно-исторически.

Для этого необходимо (по возможности полно и объективно) *реконструировать систему общелингвистических взглядов языковедов прошлого и осветить их вклад в разработку таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания* [Зубкова 2002 : 6] и использовать эти данные как *предзнание* наших дней¹.

Поскольку понимание объекта – в нашем случае языка – зависит не только от субъективных установок и способностей исследователя, но и от осознания им особенностей самого объекта, то большое значение в постижении этой сущности имеют работы, анализирующие (реконструирующие) эволюцию общей теории языка, которыми так богата история языкознания.

В этом плане считаем необходимым отметить методологическую работу Г. П. Мельникова «*Системная типология языка*» (2003), к которой мы обращались в пятой главе² и книгу Л. Г. Зубковой «*Общая теория языка в развитии*» (2002), в которой реконструируется основное направление эволюции философско-лингвистических воззрений на соотношение *бытия, мышления, человека и его языка*³.

Продуктивным для осознания сущности языка является раскрытие в этой работе важнейшего расхождения между *аспектирующими* и *синтезирующими концепциями* лингвистики, а также роли синтезирующих концепций (И. П. Гардера, В. Гумбольдта, А. А. Потемни и И. А. Бодуэна де Куртенэ) в формировании целостной системной теории языка, которая необходима исследователю как «предзнание»⁴ в системе современного знания о языке.

Это первое, а второе – осознано, что язык является сложнейшим явлением. Э. Бенвенист несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не

¹ Согласно принципу *актуального историзма* [Хроленко, Бондалетов 2006 : 5], из истории лингвистики отбираются идеи, положения и истины, созвучные лингвистике сегодняшнего дня.

² См. раздел 5.1 Понятие о системологии.

³ Следует отметить концептуальную близость этих работ, несмотря на разную их проблематику. Так, принцип *детерминантности*, который использует Л. Г. Зубкова, хорошо описан в книге Г.П. Мельникова (см. раздел 1.3.3.3).

⁴ О «предзнании» и его отношении к другим типам знания см.: Комарова, Запелалова 2010; Комарова, Дедюхина 2011 и др.

одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» [Бенвенист 1998 : 142].

Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т. д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность [Там же].

Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Ю. С. Степанов представил его в виде нескольких образов, ибо ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М. Хайдеггер), т. е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Соответственно, с позиций седьмого образа, язык, – во-первых, результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности и результат деятельности нормализаторов языка – государственных институтов, вырабатывающих нормы и правила) [Степанов 1995].

К этим образам в самом конце XX в. прибавился еще один: язык как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов [Маслова 2001 : 6].

Итак, из всего сказанного следует, что «единственным конечным объектом лингвистики был и остаётся **язык** (выделено мной – З. К.) во всем многообразии его этноисторических вариантов и во всей сложности и многосторонности его структуры, функционирования и развития» [Степанов 1975 : 11; 2007]. Иначе говоря, объект лингвистики включает всю языковую **реальность**, т. е. всё то, что познаётся в языке и языках, как и то, что формулируется в процессе познания.

Что касается второго компонента в соотношении *объект-предмет* исследования, то это проблема ещё более сложная: «В языкознании отсутствует то, что характерно для большинства эмпирических наук – фиксированное представление о своём предмете. В самом деле, если в минералогии существуют исчерпывающие коллекции минералов, в ботанике – подробнейшие гербарии, в химии – описание и классификация всех известных науке химических элементов, то в языкознании до сих пор не имеется каталожного собрания адекватно описанных языков мира» [Успенский 1969 : 13].

В связи с этим освещение вопроса о *предмете*, а точнее – о *предметах* изучения в лингвистике переносим в следующие части книги, когда будет раскрыта дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики¹.

¹ Т. И. Вендина пишет: «*Предметом* языкознания являются такие сложные вопросы, как сущность языка, его происхождение и основные функции, соотношение языка и мышления, языка и объективной действительности, типы языков, организация их языковых уровней, функционирование и историческое развитие и др.» [Вендина 2001 : 4]. И далее ещё на двух страницах перечисляет, что изучается общим языкознанием, из чего можно заключить, что она отождествляет объект и предмет языкознания.

Переходим ко второму заявленному вопросу: **современная лингвистика как постнеклассическая наука.**

Охарактеризовать современную лингвистику можно только исходя из **современной языковой ситуации**¹, обуславливающей запросы лингвистики и состояния **современной науки**, определяющей возможности реализации этих запросов.

1. Современная языковая ситуация отличается чрезвычайной сложностью и многоаспектностью [Алпатов 2005]. В ней можно выделить ряд, с одной стороны, относительно самостоятельных, с другой стороны, – взаимосвязанных аспектов, факторов. Основные из них:

- 1) многоязычие и разноязычие, а также обилие национальных языков, входящих в круг мирового общения;
- 2) соотношение внутриязыкового и межъязыкового общения;
- 3) соотношение естественных и искусственных языков;
- 4) соотношение разных форм существования современного национального языка.

Многоязычие, как известно, порождает разные формы взаимодействия языков и возникновение в них общих элементов, тогда как **разноязычие** выдвигает на первый план вопросы, связанные с языковым барьером и способами его преодоления. В научной литературе дается анализ этих способов преодоления языкового барьера, и он в целом неутешителен [Марчук 2007]. В какой-то мере это связано с действием **второго фактора**, который в общем виде можно охарактеризовать как быстрый рост межъязыкового общения и его выравнивание к нашим дням с внутриязыковым общением [Кузнецов 1987 : 61].

Третий фактор заключается в том, что бурно развивающиеся искусственные языки образовали к концу XX века «свой своеобразный мир, существующий параллельно с миром естественных языков», и постепенно начала складываться «новая языковая ситуация, основным отличием которой можно считать становление естественно-искусственного двуязычия», которое еще очень слабо изучено [Там же].

Четвертый фактор в общих чертах сводится к тому, что во всем многообразии форм существования современных национальных языков (общенародный, литературный, диалектный, жаргонный, арго, специальные языки – подязыки...) все большее значение приобретают подязыки, связанные с научной и профессиональной деятельностью людей, а также с развитием науки в эпоху НТР.

Таким образом, современная языковая ситуация «высветила» основные проблемы лингвистики и позволила определить ее основные запросы, которые можно детализировать, выяснив состояние современной науки и частных наук, и одновременно установить возможности реализации этих и далее сформулированных запросов.

2. В условиях НТР сложилась единая система: «*Наука – техника – производство*». Иначе говоря, наука стала «*существенным фактором прогресса*»

¹ Состояние постнеклассической науки см.: раздел 2.5.3.

[Бабосов 2009] и одновременно обусловила **«информационный взрыв»**. Так, Л. Л. Нелюбин, объясняя возникновение в эпоху НТР *компьютерной и инженерной лингвистики*, приводит яркие доказательства «информационного взрыва». Назовем лишь две цифры: объем знаний удваивается каждые 50 лет, а объем информации за последние 50 лет увеличился в 32 раза [Нелюбин 1997 : 15; Пиотровский 2008].

Фактически человечество приблизилось к черте, за которой использование поступающей информации окажется невозможным. В этих условиях, заставляющих говорить об **«информационном кризисе»** [Урсул 1985: 124], исключительную важность приобретает проблема обеспечения науки **средствами информационного поиска** через «оптимизацию естественных коммуникативных систем... и создание искусственных вспомогательных языков», носящих название **информационных**, в том числе и **международных** [Кузнецов 1987 : 27]. К числу таких средств В. Н. Ярцева относит и информационно-поисковые языки, а «для отдельных отраслей знания, так называемые «подъязыки» науки» [Герд 2005].

Реализация всех этих настоятельных запросов прежде всего зависит от развития лингвистики и терминоведения.

3. Осмысление лингвистики на стыке XX и XXI веков привело к осознанию того, что по «статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как **полипарадигмальный**» [Кубрякова 1995 : 228]. Еще до этого утверждения, А. Е. Кибрик писал: «При сохранении принципа «чистоты» лингвистика последних десятилетий характеризуется в то же время неуклонным расширением своих интересов... То, что считается «нелингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [Кибрик 1992: 35].

Полипарадигмальный характер современной лингвистики проявляется, по мнению Е. С. Кубряковой, в четырех принципиальных установках: 1) экспансионизм, 2) антропоцентризм, 3) неофункционализм, 4) экспланаторность [Кубрякова 1995: 207].

При этом экспансионизм она усматривает, прежде всего, «в почти повсеместном признании того факта, что для адекватного познания языка необходимы выходы не только в разные области **гуманитарного знания**, но и разные сферы **естественных наук**» (выделено мной – З. К.) [Кубрякова 1995 : 210]. Экспланаторность связана со стремлением ввести в анализ языка «объяснительный момент», или, по терминологии В.З. Демьянкова, **интерпретирующий** момент [Демьянков 1994].

4. Эти четыре принципиальные установки обуславливают и то, что «примечательной особенностью современной теоретической лингвистики является ее ярко выраженный интерес к **металингвистическим построениям...**» (выделено мной – З. К.) [Кубрякова 1995 : 155; Вяч. Вс. Иванов 2004 : 8].

Еще более широкую «теоантропокосмическую парадигму» с позиции идеала цельного научного знания устанавливает для лингвистики XXI века В.И. Постовалова, которая пишет: «Идеал цельного знания, избранный в качестве интерпретационной призмы для аналитического **описания металинг-**

вистических процессов в науке о языке из бесчисленного множества других различных ракурсов, аспектов видения этих процессов, имеет экстралингвистический и, еще точнее, **экстранаучный общегуманитарный** характер. Он относится к числу глубочайших непреходящих духовных ценностей и культурно-исторических ориентиров познавательной деятельности человека» [Постовалова 1995 : 347].

Таким образом, современная лингвистика дает методологическую базу для изучения таких сложных научных объектов, каким является язык.

5. Вслед за Мишелем Фуко можем сказать, что «единственное пространство, в котором возможна встреча и столкновение совершенно несоизмеримых познавательных феноменов, – это **пространство языка**» [Фуко 1994 : 128], что обусловлено многофункциональностью языка. При этом одной из них является **информационно-кибернетическая функция** [Налимов 2003 : 349].

Но наиболее оптимально эту информативную функцию выполняют **формализованные, искусственные языки (ИЯ)**, которые «возникают как продолжение и специализация естественного языка» [Вяч.Вс. Иванов 1977 : 47]. Значительное число таких формализованных языков функционирует в подъязыках науки, что требует их осмысления. Изучение всего типологического многообразия языков (как естественных, так и искусственных) и их сопоставление, во-первых, необходимо для создания ИЯ: «Проблема построения ИЯ приобрела в настоящее время особое значение в связи с ростом научно-технической информации», а во-вторых, осмысление ИЯ способствует более глубокому проникновению в сущность самого естественного языка [Налимов 2003; Мечковская 2004].

6. Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к когнитивным аспектам языка, «во многом определяющее лицо современной лингвистической науки» [Попова, Стернин 2007 : 3], которое получило официальное признание [Кубрякова 2010 : 13], и переходом к лингвистике антропоцентрической¹, изучающей язык в соотношении с человеком, его сознанием, мышлением и разными видами деятельности. Общеизвестным стало положение о том, что язык как продукт человеческого сознания не может быть рассмотрен вне человека, вне его взаимодействия с окружающим миром, что обусловило появление новой научной дисциплины – антропологической лингвистики [Гринев-Гриневиц и др. 2008 : 5]. А интеграция двух подходов в исследовании языка – *системоцентрического* и *антропоцентрического* – позволяет осмыслить многое из того, что не поддавалось объяснению прежде [Алпатов 1993; Голованова 2008].

7. Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается не просто как орудие коммуникации, а как «культурный код науки» [Маслова 2001 : 3], как «сопряжение языка и культуры, лингвокультурологии и лингвокогнитологии» [Иванова 2004], что вполне соответствует духу «человекоразмерной науки» XXI века, в которой человек активно осуще-

¹ Есть концепции, в которых Вильгельм фон Гумбольдт признается не только создателем целостной теории языка как отдельной научной дисциплины, но и «основоположником антропоцентрической парадигмы в языкознании, возрожденной в конце XX и начале XXI века [Карлинский 2009 : 212-230].

ствяет «онаучивание» культуры и «окультурирование» науки [Бабосов 2009 : 219], что будет способствовать раскрытию «тайны языка – главной из тайн человечества» [Маслова 2001 : 4].

8. На международной конференции, подводящей итоги достижений лингвистики XX века, заявила о себе идея о синергетическом характере языка¹, выразившаяся в постановке ряда новых нетривиальных проблем: язык как адаптивная, самоорганизующаяся система, язык как динамическая система, синергетика речи и ситуации, языковая суггестия и другие [Борботько 2009 : 7]. На этой конференции Р.Г. Пиотровский выделил *синергетику* в качестве одного из магистральных направлений лингвистики будущего [Пиотровский 1995 : 418]².

9. В заключение ещё раз подчеркнём уже широкую распространённость **междисциплинарных исследований**, актуализировавших ряд кардинальных проблем современности; в том числе проблему: типы знания и их вербализация в языках [Комарова, Запелова 2010 : 37 и др.], что обуславливает прогноз Вяч. Вс. Иванова об отношениях между научными дисциплинами XXI века: «Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам...» [Вяч. Вс. Иванов 2004: 156], когда новые научные результаты в лингвистике будут получать «не столько под влиянием внутри дисциплинарных факторов, сколько путём «парадигмальной прививки идей, транслируемых из других наук» [Стёпин 2000 : 627]

Таким образом, современная «синтезирующая» лингвистика даёт методологическую базу для изучения таких комплексных научных объектов, каким является изучаемый нами объект исследования, требуя «помещения его в многомерное пространство единой лингвистической теории» [Кибрик 2002: 3].

¹ Следует учесть определённую опасность «растворения и утраты смыслов: «Сегодня почти любая публикация (по крайней мере, в гуманитарной сфере) непременно содержит «магические» слова: *синергетика, нелинейность, самоорганизация, хаос, фрактал* и т. п., которые становятся своего рода маркерами принадлежности к современной научной парадигме и паролем избранного научного сообщества» [Кузьмина 2009 : 203].

² О системе языка как синергетическом феномене см. раздел 5.2.3 пособия.

6.3.2. Лингвистика как метанаука

*Если в целом Вселенная осознаётся и описывается нашим разумом, возникновение которого возможно благодаря её изначальному антропному принципу, то само это описание невозможно без **естественного языка** и его **искусственного аналогов**. В этом смысле язык необходим для разумного осознания Вселенной, а его осознание становится одной из главных задач науки в целом.*

Вяч. Вс. Иванов¹

Собственно говоря, этой проблемы мы касались с разных сторон во всех предыдущих пяти главах. Метанаучная роль языка, а следовательно, и лингвистики, осмысляющей эту функцию языка, «высвечивалась», когда раскрывалась сущность философии языка и философии лингвистики (см. раздел 1.4). При характеристике уровней научного познания и знания, особенно метатеоретического уровня научного познания и раскрытия функций общенаучной картины мира и структуры метатеоретического знания (см. раздел 1.3), были обозначены составные слагаемые этого знания: наряду с философским, общенаучным, частнонаучным, социально-гуманитарным указано и металингвистическое знание (см. схему 1), поскольку роль языка в познании входит составной частью в теорию познания (гносеологию) любой философской системы².

При характеристике функций науки в обществе (см. раздел 2.3) и структуры научной деятельности (см. раздел 2.4, схемы 2-5) неизбежно «высвечивалась» эта функция лингвистики, как и при описании логической и психической составляющей сознания человека и функциональной взаимосвязи системы языка и системы мышления (см. главу 3).

Полагаем, что достаточно ясно была показана роль «системной лингвистики» в формировании системологии как промежуточного звена между философским (мировоззренческим) и частнонаучным видением мира (глава 5).

При *семиотическом подходе* к языку, согласно семиотическому принципу, элементарными речемыслительными функциями языка, по Ю. С. Степанову, выступают *номинация*, *предикация* и *локация*. Номинация состоит в именовании и классификации познаваемых предметов, признаков и действий; суть предикации – в установлении взаимосвязей между познаваемыми предметами; локация располагает названное и взаимосвязанное друг с другом в пространстве и времени [Степанов 1971; 1983].

Новым в когнитивно-социологической теории слова является введение понятия «виртуальных» и «актуальных» семиотических структур лингвокреа-

¹ См.: Вяч. Вс. Иванов 2004 : 15.

² Терминированное понятие *металингвистика* было введено в науку М.Бахтиным, чтобы обозначить те стороны жизни языка, которые выходят за пределы чистой лингвистики [Бахтин 2000 : 395].

тивного мышления. Актуализация первых обусловливается лингвокогнитивной спецификой человеческого процесса познания, объективируемого многоуровневыми механизмами взаимодействия системы языка и системы мышления [Алефиренко 2009 : 41].

Общую стратегию взаимодействия первой и второй фазы речемышлительного процесса в свое время наметила А. А. Уфимцева: «Применительно к результатам объективации реальной действительности, которые находят прямое отображение в лексических единицах, первая фаза познания «вещь – деятельность – слово» соответствует акту снятия предметного, чувственного, этапу образования представлений и понятий, которые формируют знаковое значение слова как виртуального знака.

Что касается второй фазы познавательного цикла «слово – деятельность – вещь», то она соответствует в языковой деятельности акту конкретизации обобщенного значения виртуального знака, его семантическому развертыванию в синтагматическом ряду.

Словесный знак, таким образом, – основная когнитивная единица языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода» старого опыта (знания) в новый, своеобразно отражает в своем значении ступеньки человеческого познания» [Уфимцева 1986 : 68]¹.

Напомним, наконец, что при характеристике *языкового семиозиса* (см. раздел 6.2) было показано, что он свершается именно в процессе познания, на базе современной «синтезированной» лингвистики, с учётом эволюции общей теории языка (см. раздел 6.3.1).

Перейдём от «попутных» идей при раскрытии других проблем в главах книги к акцентированному рассмотрению именно этой проблемы, которая в наиболее явном виде проявилась в когнитивно-дискурсивной парадигме², при когнитивно-категориальном освещении языка в современной лингвистике³.

Эта парадигма (а точнее субпарадигма) представляет собой попытку не только систематизировать разные точки зрения на один и тот же объект исследования, но и дать этому объекту максимально полное и всестороннее описание, учитывая релевантные экстралингвистические факторы: *психологические*, связанные как с обработкой информации, так и с её эмоциональной оценкой; *социально-исторические* и *прагматические*. Потому когнитивно-дискурсивный подход характеризуется многофакторным анализом каждого изучаемого явления с точки зрения его роли в осуществлении познавательных и коммуникативных процессов. Иначе говоря, при таком изучении любой объект иссле-

¹ В этом плане убедителен взгляд В. фон Гумбольдта: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», при котором понятно, что слово является той «каплей росы, в которой выражается мир» [Гумбольдт 1985 : 304].

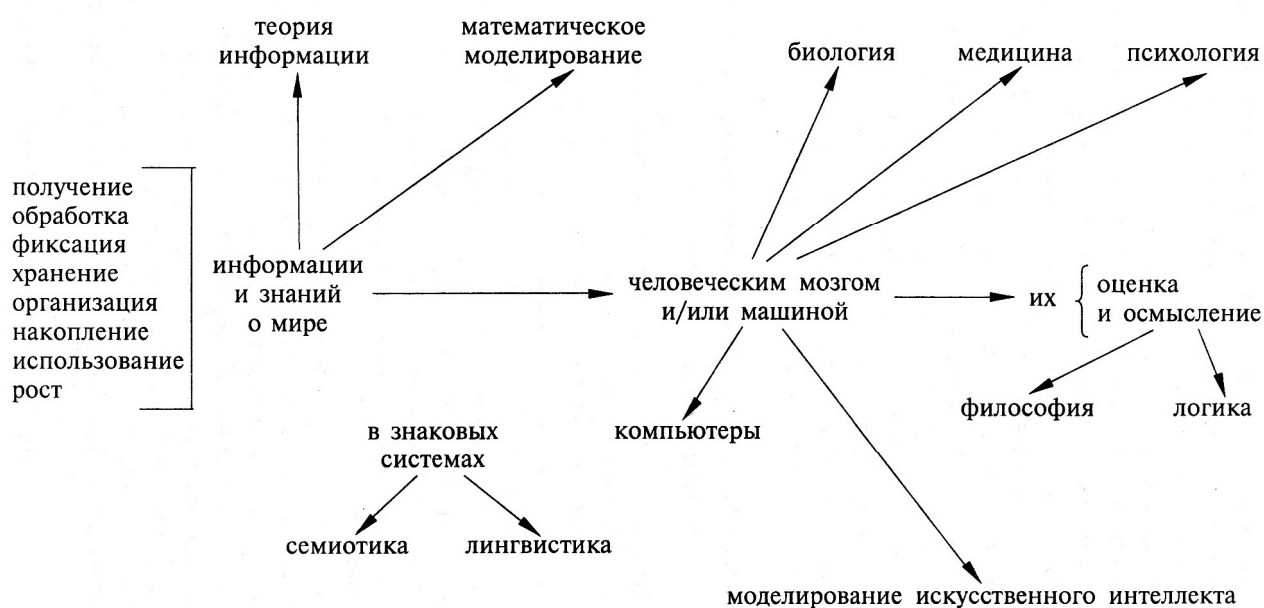
² Эта парадигма была введена в отечественную лингвистику Еленой Самойловной Кубряковой (1978; 1994; 1995; 1997; 2000; 2004; 2008; 2009; 2010), и, будучи подхваченной многими исследователями, стала рассматриваться как «особая версия отечественной лингвистики, развивающая идеи когнитивизма» [Лузина 2006 : 41].

³ Точнее принять понятие когнитивно-семиологической субпарадигмы как синергетическое единство когнитивной и дискурсивной деятельности человека [Алефиренко 2009 : 317], интегрирующей знания, в том числе и металингвистические, под которыми можно понимать содержательные формы кодирования и хранения информации [Красных 2001; Ирисханова 2008; 2010 и др].

дования включается в многомерное пространство «синтезированной» лингвистической теории, вбирающей в своё метазнание множество как философского, так и дисциплинарного знания интегрированных ею дисциплин (см. схему 13 Е. С. Кубряковой [1997 : 4])¹ через кодирование знания в *общеязыковой семантике* [Джекендофф 1982; 2002; Лакофф 1981; 1998; 2004; Болдырев 2001; 2004; 2006...], а также *семантике слов-терминов в подъязыках* [Л. М. Алексеева, Л. Ю. Буянова, М. Н. Володина, Е. И. Голованова, З. И. Комарова, В. Г. Кульпина, В. М. Лейчик, Л. А. Манерко, С. Л. Мишланова, В. Ф. Новодранова, В. А. Татаринев, С. Д. Шелов...; M. Cabre, R. Temmerman, P. Weissenhofer и др.].

Схема 13

Науки, синтезированные лингвистикой с позиции кодирования знания



Основной смысл этого подхода заключается в «постоянном соотношении разных форматов знания с языковыми формами. При этом само направление анализа может меняться. Иначе говоря, у разных исследователей в фокусе внимания могут оказаться либо вопросы о том, какие структуры знания стоят за определёнными языковыми формами (т. е. каковы когнитивные основания этих форм), либо вопросы о том, с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания [Кубрякова 2009 : 5].

А поскольку в реальном функционировании языка функции когниции и коммуникации «не могут быть жестко противопоставлены друг другу, то это даёт возможность обосновать существование единой для обеих сфер ориентирующей, или мирозозидающей функции языка [Там же : 5], которая заключается в конструировании мира (*the construal of the world*) при его «портретировании», а точнее при его интерпретации и преломлении в языке.

¹ Схема Кубряковой интерпретируется с позиции места современной лингвистики в ряду когнитивных наук, но, с нашей точки зрения, с позиции кодирования знания эту схему можно рассматривать как круг наук, синтезированных лингвистикой. При этом полагаем, что это лишь минимально достаточный круг наук, охватывающий разные типы дисциплинарного, лингвистического знания.

Е. С. Кубрякова так поясняет эту функцию языка и языков: «Мне кажется, что само введение этого термина в когнитивную науку явилось следствием отказа от мысли о том, что язык *отражает мир* и что вообще онтологически существующая вне нас реальность может быть, так сказать, в готовом виде представлена в языке, как в зеркале. Эту метафору об отражении мира в языке – следует, на наш взгляд, трактовать антропоцентрически, то есть в том смысле, что в языке окружающая нас действительность предстаёт в том виде, в каком она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова 2010 : 14].

Такую позицию хорошо обозначил Г. Г. Гадамер: «Язык есть «предыстолкованность мира» [Гадамер 1988], если учесть «фокус» познающего субъекта (по У. Л. Чейфу) или «видение как» (по Дж. Сёрлу) [Комарова, Запевалова 2010 : 110]. Именно благодаря этому задаётся онтологическая модель мира, причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели [Кассирер 2002.1 : 41-47].

При этом важно подчеркнуть, что мир расчленён человеком и представлен в разных языках по-разному именно потому, что в каждом естественном языке он выступал исключительно в виде итогов по-разному протекавших в соответствующих языках процессах категоризации и концептуализации (выделено мной – З. К.) мира [Кубрякова 2010 : 14]. Это актуализировало категориальный подход к изучению языка и языков¹, что позволило выделить категорию как основной формат знания и различные типы категорий.

Можно сказать, что сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, в философии, языкознании и терминоведении осознано, что категориальный строй мышления выступает в качестве необходимой предпосылки и условия всякой познавательной деятельности и приоритетной роли в этом языка и его теории, а потому исследования в этой области в наши дни многочисленны, но, с другой стороны, – точное число категорий, ни философских, ни языковых, ни научных не установлено.

Причину этого В. А. Татаринев усматривает в том, что «категории, определяемые как формы мыслительной деятельности, сами оказываются «бесформенными, бестелесными», в чем и заключается одна из причин «открытости списка категорий как идеальных сущностей» [Татаринев 2006 : 102].

Что касается типологии категорий, то результаты проведённых исследований по языковым и научным категориям (формальным, семантическим, эвалютивным, функциональным, прагматическим и др.), на которые следует опираться при изучении общих и специальных языков, – «до сих пор весьма скудны» [Там же : 304].

Более того, в науке сегодняшнего дня «вряд ли возможно построить типологию категорий на каком-либо едином принципе или даже предвидеть сведение реального многообразия категорий и их конечному списку» [Кубрякова 2010 : 18].

¹ Чтобы убедиться в актуальности такого подхода в современной отечественной и зарубежной лингвистике, достаточно открыть библиографические указатели научной литературы или заглянуть в каталоги библиотек и Интернет-ресурсы. В библиографии этой книги представлены лишь основные работы.

В целом же механизм языка по реализации мирозозидающей функции и его осмысление в теориях¹; а также соотношение полей, категорий, концептов [Всеволодова 2009, 2010; Попова, Стернин 2007; Шафиков 2007 и др.] и т. д. требуют дальнейших поисков методологического и методического характера по целому ряду кардинальных проблем.

Насущность продолжения исследований в когнитивно-категориальном изучении языка ощущается в наши дни лингвистами настолько остро, что появляются такие мнения: «В лингвистике практически не ставится вопрос о месте и статусе Языка в мироздании, без чего невозможно корректно описать язык» [Всеволодова 2010 : 18].

Считаем, что видение автором этого аспекта лингвистики представляет интерес как одно из возможных альтернативных направлений, поэтому в сжатом виде изложим его.

Как известно, в 2008 г. американские физики Дэвис, Бом и Пригожин получили Нобелевскую премию за выявление фактов исчезновения материи. Их швейцарские коллеги экспериментально доказали, что при определенных условиях материя может исчезать, а при другом взаимодействии виртуальных волн – возникать из ничего. Осмысление этих явлений привело физиков к мысли, что в дихотомии «материя – сознание» первично сознание и что материя была создана неким высшим космическим разумом, и они, как утверждают, с точностью до сотой доли секунды вычислили возраст материальной Вселенной – 18 млрд. лет.

Российские ученые прокомментировали этот вывод так: «Последние открытия, по сути, не принесли нам ничего нового, лишь научно обосновали те истины, которые знали еще древние ... Материальная Вселенная держится только потому, что в физическом вакууме, в непроявленном мире, в «высших разумных силах» по Циолковскому, в «ноосфере» по Вернадскому существует абсолютный порядок» (Материал из электронной газеты <http://novosti.vins.ru>)

Теория Вернадского о трех сферах: неживой материи – собственно физической; живой материи – биосфере и о сфере разума (в первую очередь Сверхразума, но, думается, и человеческого разума тоже) – ноосфере, где, по Вернадскому, существует абсолютный порядок, думаю, общеизвестна.

Очевидно, что Язык – это составляющая ноосферы. Но, вероятно, как и все материальное, а Язык в своей реализации материален, это и единица мироздания, и двойное присутствие Языка в самой высокой оппозиции «материя – сознание» (я заменю слово **сознание** словом **разум**) говорит о его высочайшем статусе. Ну а степень порядка в языке если и не абсолютна, то достаточно высока, так как язык – система организованная [Всеволодова 2010 : 18-19].

М. В. Всеволодова напоминает, что ещё 40 лет назад А. В. Бондарко декларировал для Языка целостное двуединство принципиально противоположных по своей устроенности типов структур – полей и категорий [Бондарко

¹ См., например, механизмы концептуализации категории аспектуальности (А. В. Бондарко, Т. В. Белошапкина); категории определённости/неопределённости (Ю.А. Рылов); категории единичности [Комарова, Запелалова 2010]; категории партиитивности [Комарова, Дедюхина 2010; 2011] и др.

1971; 1983]. Без учёта этих структур, как считает М. В. Всеволодова, – «адекватное на сегодняшний день представление языка невозможно..., это позволит понять и многое объяснить в работе Языка, в частности, прозрачность границ категорий» [Всеволодов 2010 : 19].

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что эвристический потенциал этого направления практически пока неисчерпаем, а потому актуальность дальнейших изысканий в этом направлении непреходяща, поскольку прежде всего сквозь призму категорий, категоризации и концептуализации можно показать «конструирование» мира в целом через языковое существование человека.

Вот почему, повторим ещё раз, в наши дни взаимосвязь типов знания (и типов теорий) инициируется философами и науковедами в виде вектора: *гуманитарное* → *техническое* → *естественнонаучное* (В. Г. Горохов, В. А. Канке, М. А. Розов, В. С. Стёпин, В. В. Чешев и др.). Как видим, на первое место поставлено гуманитарное знание, в котором авангардное положение в продуцировании метазнания занимает лингвистика¹.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Что такое семиотика?
2. Как семиотика соотносится с кибернетикой и информатикой?
3. Что такое знак? Каковы основные свойства знаков?
4. Какие Вы знаете классификации знаков?
5. Что такое семиотическая система?
6. Какое место занимает языковая знаковая система в семиотическом континууме? Обоснуйте своё мнение.
7. В чем состоит специфика языкового знака?
8. Как Вы думаете, почему Ю. С. Степанов считает лингвистику «прообразом общей семиотики»?
9. Как обстоит дело с понятием языкового знака в современной семиотике, лингвистике и философии языка? Такой вопрос поставил Себастьян Шаумян в статье «*О понятии языкового знака*» (2001). Подготовьте ответ на этот вопрос, ознакомившись со статьей. Обратите внимание на то, в чем С. Шаумян соглашается и в чем не соглашается с Ф. де Соссюром по этому вопросу.

¹ Философы и науковеды отмечают, что если «атом» был ключевым понятием XVIII в.; «развитие» - XIX в., то в XX столетии таким понятием стал «язык». Более того, они отмечают, что концепт «язык» стал ключевым понятием современной культуры в целом. Анализируя современную эпистемологию и место в ней языка, Е.И. Ищенко берёт эпиграфом своей монографии слова М. Хайдеггера: «*Все пути мысли более или менее ощутимым образом загадочно ведут через язык*» [Ищенко 2003 : 95]. Лингвисты объясняют выдвижение лингвистики в центр гуманитарного и негуманитарного знания переходом к антропоцентрической парадигме, обратившейся к феномену человека, что привело к изменению *парадигм всей науки* [Хроленко, Бондалетов 2006 : 481].

10. Как Вы думаете, почему лингвист Фердинанд де Соссюр и философ Людвиг Витгенштейн сравнивали языковую знаковую систему с игрой в шахматы?
11. В чем суть языкового семиозиса? Ознакомьтесь со статьей А. В. Кравченко «Языковой семиозис и пределы человеческого познания» (2008) и ответьте на вопрос: Каковы пределы человеческого познания?
12. Раскройте понятие интерпретанта языкового знака.
13. В чем состоит значимость языковых знаков для нашего сознания?
14. Фердинанд де Соссюр сравнивал языковой знак с листом бумаги: «мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную». Что он имел в виду?
15. Что такое семиотика как метанаука? Приведите аргументы «за» и «против» такой постановки вопроса.
16. В чем заключается сложность определения *объекта и предмета* лингвистики? Какова Ваша позиция в этом вопросе?
17. Ознакомьтесь с понятиями *аспектирующих* и *синтезирующих концепций* в лингвистике, изложенными в книге Л. Г. Зубковой «Общая теория языка в развитии» (2002).
18. Перечислите основные черты современной лингвистики как науки постнеклассического периода. Какие её черты для Вас являются самыми значимыми?
19. В чем состоит сущность лингвистики как метанауки?
20. Прокомментируйте высказывания:
«Кто отчасу более углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле, или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» (Михайло Ломоносов).
«Лингвистика не обладает ни размахом, ни инструментальным могуществом математики, не обладает она и универсальным эстетическим очарованием музыки. Однако под её суровой, скучноватой, технической внешностью скрыт тот же классический дух, та же свобода в рамках ограничений, которая одушевляет математику и музыку в их чистейших проявлениях» (Эдуард Сепир).

Литература для углубленного изучения

Алексеева, Мишланова 2002	Бенвенист 1998; 2002	Глинских, Петрова 1999
Алефиренко 2005; 2009-а; 2009-б	Болдырев 2002	Голованова 2008
Алпатов 1993	Борботько 2009	Греймас 2004
Андреев 1977	Бразговская 2004	Григорьев 1979
Античные теории 1936	Бюлер 1993	Даниленко 2007
Ахманова 1974	Ветров 1968	Демьянков 1994
Бабосов 2009	Виноградов А. В. 1991	Деррида 2000
Барт 1989	Гаспаров 1996	Ельмслев 1960; 1999
	Гегель 1956; 1975	Заболоцкий 2008
	Герд 2005	Заботкина 2008

Звегинцев 2007	Лингвистический	Семиотика 1983
Зубкова 2002; 2010	энциклопедический	Семиотика: антология
Ибраев 1981	словарь 2002	2001; 2006
Иванов Вяч.Вс. 1976;	Локк 1985	Сепир 1993
1998; 2004	Лосев 1982	Сеше 2010
Ирисханова 2009	Лотман 1996; 2000	Солнцев 1977
Ищенко 2003	Лурия 1979	Соломоник 1995
Канке 1997; 2008	Мартынов 1966	Соссюр 1977; 1999; 2000
Кацнельсон 2001	Маслова 2001; 2006	Степанов 1971; 1975;
Кибрик 2001	Матурана 1996	1976; 1985; 1998 (2001);
Колесов 2002	Мельников 2003	2002; 2006; 2007
Колмогоров 1997	Мечковская 2004	Стёпин 2000
Комарова, Дедюхина	Моррис 1983 (2001)	Успенский 1969; 1996-
2010; 2011	Налимов 2003	1997
Комарова, Запевалова	Нелюбин 1997	Уфимцева 1986 (2002);
2010	Никитин 1997; 2003	1990 (2002)
Кондаков 1975	Норман 2004	Фещенко 2006
Кравченко 2001; 2008	Панфилов 1977	Фреге 1997; 2000
Красных 2001	Пиаже 1983-а; 1983-б	Фрумкина 1999
Кристева 2000; 2004	Пиотровский 1995; 2008	Фуко 1994
Кубрякова 1995; 2001;	Пирс 2000	Хроленко, Бондалетов
2004; 2009; 2010	Попова, Стернин 2007	2006
Кузнецов 1987	Потапова 1997	Шаумян 2001
Кузьмина 2009	Потебня 1999	Шафф 1963
Лебедев 2008	Почепцов 2001	Эко 1998
Лейбниц 1982-1989	Розин 2001	Якобсон 1983; 1996;
	Светлов 2008	1999

Итоги по первой части

Объективной точкой зрения на предмет следует считать такую точку зрения, при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – познавательное. Ни чувство, ни воля, конечно, не исчезают при этом, но они как бы переливаются целиком в познание. Человек не хочет ничего от изучаемого предмета ни для себя, ни для других, он хочет только познать.

Александр Матвеевич Пешковский¹



В шести главах первой части пособия рассматривается системная лингвистическая методология. Её системность создаётся за счёт синтеза разных подходов к ней. Основное внимание было уделено *синтезу источников и составных частей*, создающих основания методологии.

Отметим при этом, что число наук, входящих в основание, взято с позиции минимально достаточной для получения достоверности, но не исчерпывающе, что, собственно говоря, невозможно. В завершающей шестой главе было показано, что современная «синтезированная» лингвистика не имеет в исследовании «чужих полей». Поскольку языки способны вербализовать любой тип знания (лингвистическое, гуманитарное, естественнонаучное, техническое и т. д.), то в континуум оснований методологии практически могут быть включены все науки, существующие «здесь и сейчас». Но они, вне всякого сомнения, занимают разные места по отношению к лингвистике, потому нами были рассмотрены только наиболее, так сказать, «*лингвоцентрические*» (см. в разделе 6.3.2 схему 11)². Это как бы основной «срез» методологии – **первый подход**.

Второй подход, сопровождающий первый, состоит в анализе методологии с позиции *деятельности* по каждому источнику и составной части. При этом его актуализация является разной, обусловленной спецификой рассматриваемой науки.

Третий подход, реализованный в менее явной форме, состоит в том, что методология рассматривалась в двух срезах: как *теоретическая*, формируемая прежде всего разделом философского знания на метатеоретическом уровне познания, а также – системологическим, семиотическим и синергетическим

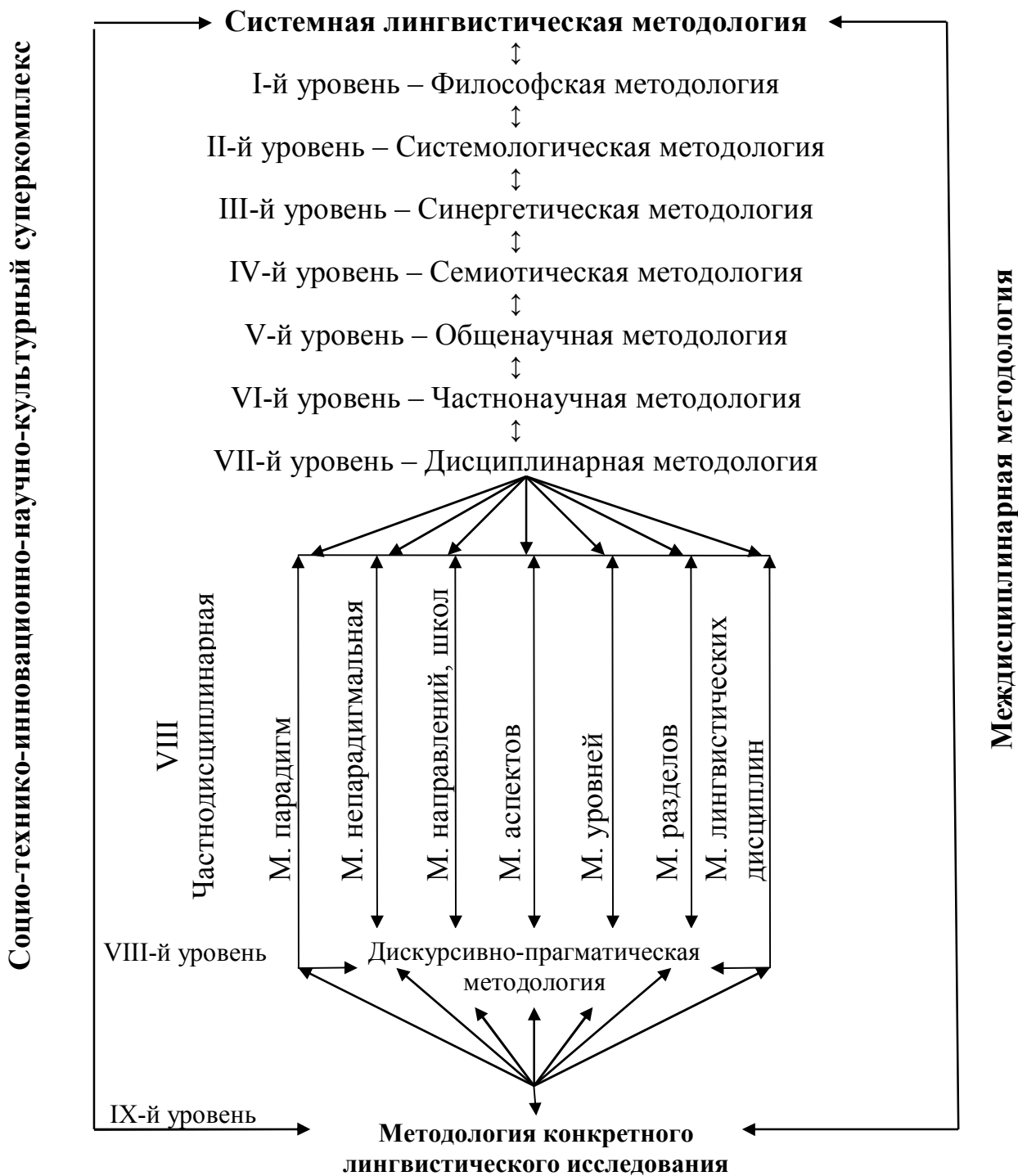
¹ *Александр Матвеевич Пешковский* (1878-1933) – один из крупнейших представителей отечественного языкознания, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ, один из основоположников теории фонемы. По его словам, круг его интересов – «теория языка вообще», но больше всего – фонетика и синтаксис. Основные его труды «*Русский синтаксис в научном освещении*» (1914), «*Объективная и нормативная точка зрения на язык*» (1923), «*О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*» (1931) и др.

² Не включена достаточно «*лингвоцентрическая*» наука – терминоведение по разным соображениям, но этот пробел восполняет тем, что практически во всех главах пособия так или иначе по мере необходимости рассматриваются различные терминологические вопросы.

знанием и в меньшей степени – другими, так и *практическая* методология, рассчитанная на решение исследователями практических целей и задач в своих работах.

Схема 14

Структура системной лингвистической методологии



Четвертый подход заключается в характеристике логической структуры научной деятельности – это в первую очередь обсуждение проблем *объекта* и *предмета* исследования; её форм (*гипотеза, теория...*) и средств, а также результатов исследований и их верификации.

Пятый подход состоит в синтезе содержательной и формальной методологии. Содержательная включает рассмотрение законов, теорий, структуры, научного знания, критериев научности и их изменений. Формальная методология состоит в практическом применении положений содержательной методологии.

Таким образом, для полноты описания системной методологии необходимо ещё проанализировать временную структуру научной деятельности (*фазы, стадии, этапы*) и технологию выполнения исследования, чему будут посвящены третья и четвертая части пособия.

Наконец, из логической структуры научной деятельности сознательно пока «изъят» центральный компонент – теория метода, что требует самостоятельного, отдельного рассмотрения. Этому будет посвящена вторая часть пособия.

Итак, в завершение анализа системной методологии лингвистики, в которой язык рассматривается как исторически развивающаяся система, а главное – как особая деятельность человека, дадим её «модель» в виде иерархической структуры, которая в силу своей наглядности не требует каких-либо пояснений¹ (См. на с. 216).



¹ К тому же интерпретации уже даны в содержании всех глав этой части пособия.

Часть вторая
**Метод как ядро системной
лингвистической методологии**

Достоинство хорошей методы состоит в том, что она уравнивает способности; она вручает всем средство легкое и верное. Делать круг от руки трудно, надобно навык и прочее; циркуль стирает различие способностей и даёт каждому возможность делать круг самый правильный... Метод – это циркуль.
Ф. Бэкон¹

Глава 7
Общая теория метода



Уже лучше совсем не помышлять об отыскании каких-либо истин, чем делать это безо всякого метода, ибо совершенно несомненно то, что подобные беспорядочные знания и тёмные мудрствования помрачают естественный свет и ослепляют ум... хвалите методу, а не открытие.

Рене Декарт²

В книге известного современного специалиста по методологии науки Ю. В. Сачкова «*Научный метод: вопросы и развитие*» научный метод рассматривается как ядро науки и её методологии, что обусловлено пониманием науки как «высокоспециализированной творческой деятельности человека» [Сачков 2003 : 5]. Автор убеждает нас в том, что «метод образует первичную ценность науки., вопрос о котором, во многом остающийся открытым и таинственным, вечен и потому актуален в любую эпоху» [Там же : 15].

Перейдём к выявлению сущности метода и его функций.

7.1. Сущность метода и его функции

Во введении и первой части пособия, рассматривая проблемы методологии научного познания, мы уже указывали, что терминированное понятие методология во втором значении – это *общая теория метода*.

¹ См.: Бэкон 1977 : 64.

² См.: Декарт 1953 : 276.

При этом подчеркивали, что деятельность людей в любой её форме (научная, практическая и т. д.) определяется целым рядом факторов, а её конечный результат зависит не столько от того, **кто** действует (*субъект*) и на **что** действие направлено (*объект*), сколько от того, **как** совершается эта деятельность: какие способы, приёмы и средства при этом имеются, т. е. от используемых *методов*¹.

Из этого следует, что методология как общая теория метода является кардинальной проблемой философии, философии науки, науковедения и частных наук на все времена, что обусловлено необходимостью и важностью метода для любого исследования как «некоей ариадниной нити», по выражению Г. В. Лейбница, который считал, что на свете есть вещи, важнее самых прекрасных открытий – это **знание метода**, которым они были сделаны [Лейбниц 1983.3 : 495].

О необходимости метода для исследования неоднократно писали философы, создавшие первые научные методы². Так, Ф. Бэкон сравнивал метод то с циркулем, то со светильником, освещающим путнику дорогу в темноте, и полагал, что нельзя рассчитывать на успех в изучении какого-либо вопроса, идя ложным путём. При этом он стремился создать такой метод, который мог бы быть «органом» (орудием) познания человека. Таким методом он считал индукцию, которая требует от науки исходить из эмпирического анализа, наблюдения и эксперимента с тем, чтобы на этой основе познать причины и законы [Бэкон 1977].

Р. Декарт методом называл «точные и простые правила», соблюдение которых способствует поиску истины, приращению знания, позволяет отличить ложное от истинного. Таким методом он считал дедуктивно-рационалистический [Декарт 1953; 1994]³.

Таким образом, основная функция метода – это внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта. Поэтому метод (в той или иной своей форме) сводится к совокупности определенных правил, приемов, способов, норм познания и действия. Он есть система предписаний, принципов, требований, которые должны ориентировать в решении конкретной задачи, достижении определенного результата в той или иной сфере деятельности. Он дисциплинирует поиск истины, позволяет (если правильный) экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем. Истинный метод служит своеобразным компасом, по которому субъект познания и действия прокладывает свой путь, позволяет избегать ошибок [Бэкон 1977; Декарт 1953; Кохановский и др. 2008 : 308].

¹ См.: Введение в проблематику системной лингвистической методологии: предпосылки и источники (четвертый раздел).

² См. высказывания, данные в эпитафиях.

³ По Ф. Бэкону и Р. Декарту «задача состоит в том, чтобы осчастливить человечество, построив *органон*, т. е. логическую машину для изобретательства и производства новых знаний» [Цитируется по: Войтов 2004 : 211].

Вот почему «при хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую» [Павлов 1956 : 26].

Остаётся выяснить, какой же метод исследования является «плохим», а какой «хорошим», а поэтому «несомненно, магистральной линией современной цивилизации является разработка методов в самых различных сферах человеческой деятельности» [Новая философская энциклопедия 2010. II : 552]. Знание новых и традиционных методов, осознание их возможностей и границ делает деятельность исследователей более рациональной и эффективной.

Для осознанного использования методов необходимо прежде всего выяснить соотношение метода и теории.

Любой научный метод разрабатывается на основе определенной *теории*, которая тем самым выступает его необходимой предпосылкой. Эффективность, сила того или иного метода обусловлены содержательностью, глубиной, фундаментальностью *теории*, которая «сжимается в метод». В свою очередь «метод расширяется в систему», то есть используется для дальнейшего развития науки, углубления и развертывания теоретического знания как системы, его материализации, объективизации в практике. «Как известно, развитие науки заключается в нахождении новых явлений природы и в открытии тех законов, которым они подчиняются. Чаще всего это осуществляется благодаря тому, что находят новые методы исследования» [Капица 1987 : 314].

Тем самым теория и метод одновременно *тождественны и различны*. Их сходство состоит в том, что они взаимосвязаны, и в своем единстве есть аналог, отражение реальной действительности. Будучи едиными в своем взаимодействии, теория и метод не отделены жестко друг от друга и в то же время не есть непосредственно одно и то же.

Они взаимопереходят, взаимопреобразуются: теория, отражая действительность, преобразуется, трансформируется в метод посредством разработки, формулирования вытекающих из нее принципов, правил, приемов и т. п., которые возвращаются в теорию (а через нее – в практику), ибо субъект применяет их в качестве *регулятивов, предписаний*, в ходе познания и изменения окружающего мира по его собственным законам.

Развитие теории и совершенствование методов исследования и преобразования действительности, по существу, один и тот же процесс с этими двумя неразрывно связанными сторонами. Не только теория резюмируется в методах, но и методы *развертываются* в теорию, оказывают существенное воздействие на ее формирование и на ход практики. Однако нельзя полностью отождествлять научную теорию и методы познания и утверждать, что всякая теория и есть вместе с тем метод познания и действия. Метод не тождествен прямо и непосредственно теории, а теория не является непосредственно методом, ибо не она есть метод познания, а необходимо вытекающие из нее *методологические установки, требования, регулятивы*.

Основные различия теории и метода состоят в следующем:

- теория – результат предыдущей деятельности, метод – исходный пункт и предпосылка последующей деятельности;
- главные функции теории – объяснение и предсказание (с целью отыскания истины, законов, причины), метода – регуляция и ориентация деятельности;
- теория – система идеальных образов, отражающих сущность, закономерности объекта; метод – система регулятивов, правил, предписаний, выступающих в качестве орудия дальнейшего познания и изменения действительности;
- теория нацелена на решение проблемы – что собой представляет данный предмет, метод – на выявление способов и механизмов его исследования и преобразования [Кохановский и др. 2008 : 312].

Таким образом, теории, законы, категории и другие абстракции еще не составляют метода. Чтобы выполнять методологическую функцию, они должны быть соответствующим образом трансформированы, преобразованы из объяснительных положений теории в *ориентационно-деятельные, регулятивные принципы* (требования, предписания, установки) метода.

Любой метод детерминирован не только предшествующими и сосуществующими одновременно с ним другими методами, и не только той теорией, на которой он основан. Каждый метод обусловлен, прежде всего, своим предметом, то есть тем, что именно исследуется (отдельные объекты или их классы).

Ещё Г. В. Гегель отмечал, что «только метод в состоянии обуздать мысль, вести её к предмету и удерживать в нём» [Гегель 1975 : 57]. Метод как способ исследования и иной деятельности не может оставаться неизменным, всегда равным самому себе во всех отношениях, а должен изменяться в своем содержании вместе с предметом, на который он направлен. Это значит, что *истинным* должен быть не только конечный результат познания, но и ведущий к нему путь, т. е. *метод, постигающий и удерживающий именно специфику данного предмета*.

Говоря о тесной связи *предмета* (объекта) и *метода* и их «параллельном развитии», Гейзенберг отмечал, что когда предметом естествознания была природа как таковая, «научный метод, сводившийся к изоляции, объяснению и упорядочению», способствовал развитию науки. Но уже к концу XIX – началу XX в., когда полем зрения науки стала уже не сама природа, а «сеть взаимоотношений человека с природой, научный метод «натолкнулся на свои границы. Оказалось, что его действие изменяет предмет познания, вследствие чего сам метод уже не может быть отстранен от предмета» [Гейзенберг 2006 : 271].

Поэтому нельзя «разводить» предмет и метод, видеть в последнем только внешнее средство по отношению к предмету, никак не зависимое от него и лишь «налагаемое» на предмет чисто внешним образом.

Таким образом, метод не навязывается предмету познания или действия, а изменяется в соответствии с их спецификой. Исследование предполагает тща-

тельное знание фактов и других данных, относящихся к его предмету. Оно осуществляется как движение в определенном материале, изучение его особенностей, связей, отношений и т. п. Способ движения (метод) и состоит в том, что исследование должно детально освоиться с конкретным материалом (фактическим и концептуальным), проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь [Кохановский и др. 2008 : 313].

Тем самым метод проявляется не как «внешняя рефлексия», а берет определения из самого предмета. В своей деятельности мы не можем выйти за пределы природы вещей, а потому метод познания объективной истины и выражающие его в своей совокупности категории мышления – не «пособие человека», а выражение закономерности и природы и человека [Кохановский и др. 2008 : 314].

Таким образом, истинность метода всегда *детерминирована содержанием предмета*. Поэтому метод всегда был и есть «сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания», «сам себя конструирующий путь науки». Такое понимание всегда было и остается очень важным и актуальным, в том числе и для развития современной науки, где «мы подходим к проблемам, в которых методология неотделима от вопроса о природе исследуемого объекта» [Пригожин, Стенгерс 1986 : 267].

Итак, недопустимо рассматривать метод как некий механический набор предписаний, «список правил», на основе которых можно будто бы решить любые вопросы, возникающие в жизни. Кроме того, он не есть жесткий алгоритм, по которому строго регламентированно осуществляются познание или иные формы деятельности. Применение же того или иного метода в разных сферах не есть формальное внешнее наложение системы, его принципов на объект познания или действия, а необходимость использования этих принципов не привносится извне. В этом смысле «не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели. Исследователь должен выведать у природы четко формулируемые общие принципы, отражающие определенные общие черты совокупности множества экспериментально установленных фактов» [Эйнштейн, Инфельд 1965 : 6].

Будучи детерминирован своим предметом (объектом), метод, однако, не есть чисто *объективный* феномен, как, впрочем, не является он и чисто *субъективным* образованием. Особенно наглядно это видно на примере научного метода, который «всегда есть критический метод» [Поппер 2002 : 137].

Следовательно, метод не есть совокупность умозрительных, субъективистских приемов, правил, процедур, вырабатываемых априорно, независимо от материальной действительности, практики, вне и помимо объективных законов ее развития. Он не является способом, однозначно определяющим пути и формы деятельности, позволяющим априори решать любые познавательные и практические проблемы. Поэтому необходимо искать происхождение метода не в головах людей, не в сознании, а в материальной действительности. Но в последней – как бы тщательно ни искали – мы не найдем никаких методов, а отыщем лишь объективные законы природы и общества [Гейзенберг 2006 : 169].

Таким образом, метод существует, развивается только в сложной диалектике субъективного и объективного при определяющей роли последнего. В этом смысле любой метод прежде всего *объективен*, содержателен, «фактичен». Вместе с тем он одновременно *субъективен*, но не как чистый произвол, «безбрежная субъективность», а как продолжение и завершение объективности, из которой он «вырастает». Субъективная сторона метода выражается не только в том, что на основе объективной стороны (познанные закономерности реальной действительности) формулируются определенные принципы, правила, регулятивы [Кохановский и др. 2008 : 315].

Каждый метод *субъективен* и в том смысле, что его «носителем» является конкретный индивид, субъект, для которого, собственно говоря, данный метод и предназначен. В свое время Гегель справедливо подчеркивал, что метод есть «орудие», некоторое стоящее на стороне субъекта средство, через которое он соотносится с объектом [Гегель 1975]. В этом вопросе Гегелю вторил и Фейербах своим афоризмом о том, что именно «человек – центр всей методологии» [Фейербах 1974].

Метод не является застывшим списком «разреженных абстракций» или закостенелых общих формул-предписаний. Он не существует вне его конкретного реального носителя – личности ученого, философа, научного сообщества, коллективного субъекта и т. п. Их роль в реализации методологических принципов исключительно велика. Каждый метод – не сам себя доказывающий автомат, он всегда «замыкается» на конкретного субъекта. Так, Ю. В. Сачков, испытавший влияние интереса к «слишком человеческому» (по Ф. Ницше), усиливает «антропологический акцент» рассмотрения метода [Сачков 2003 : 15].

Включенностью субъекта в «тело» метода объясняется, в частности, его творческий характер, который «затрагивает» не только научные открытия, но и созидание нового в любой сфере человеческой деятельности. История науки и практики показала, что нет никакой «железной» последовательности познавательных процедур и действий, в сумме составляющих логику открытия, так же как нет универсального алгоритма созидания новых форм социальной жизни. Хотя и в том, и в другом случаях роль метода весьма важна [Кохановский и др. 2008 : 316].

Однако любой метод (даже самый важный) – лишь один из многих факторов творческой деятельности человека. Последняя не ограничивается только сферой познания и не сводится лишь к логике и методу. Она включает в себя и другие факторы – силу и гибкость ума исследователя, его критичность, глубину воображения, развитость фантазии, способность к интуиции и т. д.

Таким образом, любой метод не есть нечто «бессубъектное, внечеловеческое», он «замыкается» на реальном человеке, включает его в себя как свое субстанциальное основание.

Тем самым движение метода с необходимостью осуществляется в процессе жизнедеятельности реального человека – субъекта, творящего прежде всего свое общественное бытие и на этой основе – другие формообразования, включая сознание, познание, мышление, принципы и методы своей деятельности.

В современной философско-методологической литературе различают несколько *аспектов метода* как такового. Так, некоторые исследователи считают, что каждый метод имеет три основных аспекта: объективно-содержательный, операциональный и праксеологический.

Первый аспект выражает обусловленность (детерминированность) метода *предметом познания* через посредство теории, поэтому его иногда называют предметным [Минаева и др. 2007 : 14].

Операциональный аспект фиксирует зависимость содержания метода не столько от объекта, сколько от субъекта познания, от его компетентности и способности перевести соответствующую теорию в систему правил, принципов, приемов, которые в своей совокупности и образуют метод.

Праксеологический аспект метода (< греч. *praxis* – «дело, деятельность»; *logos* – «наука») составляют такие его свойства, как эффективность, надежность, ясность, конструктивность и др. [Лебедев 2008 : 101-103], который ещё интерпретируют как *нормативно-оценочный* [Минаева и др. 2007 : 14].

К числу характерных признаков научного метода чаще всего относят: *объективность, воспроизводимость, эвристичность, необходимость, конкретность* и др.

Так, например, рассуждая о методе, крупный британский философ и математик XX в. А. Уайтхед считал, что любой метод задает «способ действий» с данными, с фактами, значимость которых определяется теорией. Последняя и «навязывает» метод, который всегда конкретен, ибо применим только к теориям соответствующего вида. Поэтому, хотя, согласно Уайтхеду, каждый метод представляет собой «удачное упрощение», «однако с помощью любого данного метода можно открывать истины только определенного, подходящего для него типа и формулировать их в терминах, навязываемых данным методом, а не каким-либо методом «вообще» [Уайтхед 1990 : 624].

Итак, роль адекватного целям и задачам исследования метода трудно переоценить. Однако всё же следует избегать крайностей: недооценки метода («*методологический негативизм*»), так и не следует преувеличивать значение метода, считая его более важным, чем тот предмет, к которому его хотят применить, т. е. превращать метод в некую «универсальную отмычку» по всякому предмету исследования («*методологическая эйфория*»).

Всё дело в том, что «ни один методологический принцип не может исключить, например, риска зайти в тупик в ходе научного исследования» [Пригожин, Стенгерс 1986 : 86]. Даже самый хороший метод может оказаться неэффективным и бесполезным, если им пользоваться не как «руководящей нитью» в научном исследовании, а как готовым шаблоном, применимым ко всему и вся.

Итак, определив сущность, функции и значение метода для исследователя, можно сформулировать основные общие требования, которые предъявляются к любому («хорошему») научному методу.

1. *Детерминированность* метода объектом и предметом исследования, а также той теорией, в рамках которой проводится исследование, познавательной

деятельностью субъекта познания и диалектикой перехода теоретических знаний в нормативные средства управления методом.

2. *Заданность* метода целеустановкой исследователя, включенной в «тело» метода, что обуславливает адекватность метода исследователя.

3. *Результативность* и *надежность* метода состоят в том, что он должен быть таким по своим «разрешающим» способностям, чтобы мог однозначно давать результат с высокой степенью вероятности.

4. *Экономичность* и *эффективность* метода, т. е. затраты на использование метода должны окупаться полученными результатами исследования, а путь к получению этих результатов – короче.

5. *Ясность* и *эффективная распознаваемость* метода: он должен быть таким, чтобы им мог воспользоваться при соответствующей подготовке любой исследователь.

6. *Воспроизводимость* метода, т. е. возможность его использования неограниченное число раз одним или разными исследователями.

7. *Обучаемость* методу, основой чего являются воспроизводимость, ясность и распознаваемость метода.

8. *Допустимость* с точки зрения морали и права.

9. *Безопасность* для здоровья и жизни людей [Кузнецов 2006 : 14; Шкляр 2009 : 101].

7.2. Проблема классификации и систематизации методов – одна из основных проблем теории метода

Многообразие видов человеческой деятельности обуславливает широкий спектр методов, которые могут быть классифицированы по самым различным основаниям (критериям). Прежде всего следует выделить методы духовной, идеальной (в том числе научной) и методы практической, материальной деятельности.

В настоящее время стало очевидным, что система методов не может быть ограничена лишь сферой научного познания, она должна выходить за ее пределы и непременно включать в свою орбиту и сферу практики. При этом необходимо иметь в виду тесное взаимодействие этих двух сфер.

Что касается научных методов, то оснований их классификации может быть несколько. Так, в зависимости от роли и места в процессе научного познания можно выделить методы формальные и содержательные, фундаментальные и прикладные, методы исследования и методы изложения.

Содержание изучаемых наукой объектов служит критерием для различия методов естествознания и методов социально-гуманитарных наук. В свою очередь методы естественных наук могут быть подразделены на методы изучения неживой природы и методы изучения живой природы и т. п.

Выделяют также качественные и количественные методы, однозначно детерминистские и вероятностные, методы непосредственного и опосредованного познания, оригинальные и производные.

Методы исследования классифицируются *по отраслям науки*: математические, биологические, медицинские, лингвистические и т. д.

В зависимости от сферы применения и степени общности различают методы *всеобщие* (философские), действующие во всех науках на всех этапах познания, в разных типах познания (т. е. не только в научном, но и эмпирико-бытовом), используемые для изучения разных типов знания; *общенаучные*, применяемые во всех науках; *частнонаучные*, используемые в естествознании или обществознании и *дисциплинарные*, используемые в какой-либо одной науке.

В современной науке достаточно успешно «работает» многоуровневая субординированная концепция методологического знания и на её основе многоуровневая система методов. Обычно философы, науковеды и специалисты разных наук, в том числе и лингвисты, выделяют трехуровневые субординированные системы методов: *философские*, *общенаучные* и *частнонаучные (дисциплинарные)*. Реже выделяется большее число уровней. Так, И. Н. Кузнецов (обосновывает пятиуровневую систему: 1) высший уровень – философская методология; 2) общенаучная методология; 3) конкретно-научная методология; 4) дисциплинарная методология и 5) междисциплинарная методология [Кузнецов 2006 : 10-13]. Е. Н. Яркова также выделяет пятиуровневую систему, но несколько иную: 1) философская; 2) общелогическая; 3) общенаучная; 4) частнонаучная и 5) дисциплинарная [Яркова 2007 : 89]¹.

В итогах первой части нашего пособия дана «модель» многоуровневой субординированной системной лингвистической методологии (см. схему на с. 216), включающей девять иерархических уровней. Напомним эти уровни:

- *первый* – философская методология;
- *второй* – системологическая методология;
- *третий* – синергетическая методология;
- *четвертый* – семиотическая методология;
- *пятый* – общенаучная методология;
- *шестой* – частнонаучная методология;
- *седьмой* – дисциплинарная методология;
- *восьмой* – частнодисциплинарная методология;
- *девятый* – методология конкретного лингвистического исследования.

Классификацию методов научного познания проводим на основе этой субординированной модели. Но в данной главе даётся краткая характеристика методов только первого уровня методологии, наиболее противоречиво освещенного в научной литературе.

7.3. Философские методы

В принятой нами систематизации и классификации методов научного познания наиболее общими, точнее – всеобщими [Тихомиров, Ворона 2009 : 41; Шкляр 2009 : 79; Горелов 2010 : 49], «верхним уровнем» методов,

¹ Любопытна аргументация и противоположного мнения: «...сегодня маловероятно выстроить *иерархию методов* (выделено мной – З.К.)» [Минаева и др. 2007 : 27].

являются философские методы, что соответствует господствующему мнению, выраженному в научной литературе по теории познания (гносеологии и эпистемологии)¹. К ним обычно относят такие методы: *натурфилософский, диалектический, феноменологический, синергетический* и др. Мы остановимся на характеристике только тех философских методов, которые являются не просто всеобщими по сфере своего действия, но главное – они «задействованы» в решении вопроса о соотношении философии и частных наук.

7.3.1. Натурфилософский метод



Натурфилософский метод (возможно, – подход) базируется на натурфилософии – философском учении о природе, о её наиболее общих свойствах, отношениях и закономерностях, который заключается в преимущественно *умозрительном* (без обращения к опыту) истолковании природы, рассматриваемой *в её целостности*.

Натурфилософия имела большое положительное значение: в течение длительного этапа формирования научного познания природы (естествознания), играя долгое время роль *теоретического уровня знания в естественных науках* [Лебедев 2008 : 62].

Границы между натурфилософией и естествознанием менялись в истории философии. В античности натурфилософия фактически сливалась с зачатками естественнонаучных знаний и обычно именовалась *физикой*. Уже первые системы натурфилософии (концепции милетских философов, Демокрита, Левкиппа, Аристотеля и др.) оказались чрезвычайно эвристичными для естествознания. Натурфилософия была важнейшей составной частью философских систем Нового времени (Ф. Бэкон, Р. Декарт и др.).

Френсис Бэкон (1561-1626), недовольный наследием средневековой схоластики, поставил перед собой задачу «великого восстановления наук». Особенно его интересовала наука о природе, которая как таковая ещё находилась в стадии становления. Эпохальный труд И. Ньютона «*Математические начала натуральной философии*» будет опубликован только спустя 60 лет после кончины Бэкона.

Для «восстановления наук», поскольку «человеческий разум, представленный самому себе, не заслуживает доверия» [Бэкон 1977.1 : 44], нужно «основание», которым он считал «первую философию» Аристотеля, «монарха науки», работу которого называл «смотровой башней науки» [Там же : 113]. Кроме того, нужен **метод** как «мореходная игла» (т. е. компас). Он полагал, что

¹ Существуют и другие мнения: «Вряд ли правильно утверждать, что *философские методы* могут быть положены в исходное начало системы общенаучных методов: а) с одной стороны, общенаучные методы (индукция, дедукция, аналогия и т. д.) не в меньшей степени, чем в конкретных науках, применяются в философских исследованиях; б) с другой стороны, некоторые общенаучные методы по степени своей всеобщности могут быть выше (абстрактней), чем диалектико-логические операции (например, экстраполяция, метод альтернатив, метод «черного ящика»). Академик Б.М. Кедров, например, предлагал считать универсальным приемом научного исследования *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. Его оппоненты резонно утверждали, что данный метод практически невозможно приложить к анализу механических или аксиоматических систем и что обратный ход движения мысли (*от конкретного к абстрактному*) – ничуть не хуже» [Минаева и др. 2007 : 23-24].

научный метод состоит в экспериментальном исследовании и последовательном, а не мгновенном и произвольном восхождении от чувств к сущностям вещей («формам»). Такое восхождение Ф. Бэкон назвал индукцией, которой он хотел дать лишь начало, а «завершение даст судьба рода человеческого» [Там же : 79].

Относительно собственного вклада в науку он писал: «Поэтому мы отнесли этот метод к числу предметов, требующих исследования и разработки, и будем называть его «передача факела», или «метод, обращенный к потомству» [Там же : 328].

Как известно, и в современной науке этот метод является плодотворным [Канке 2010 : 88; Войтов 2004 : 318; Лебедев 2008 : 61 и др.], однако не единственным и не универсальным. Современный отечественный философ, анализируя историю научного метода, показывает длительную ревизию *индуктивизма* и *эмпиризма* [Светлов 2008].

Одним из первых критиков эмпиризма и индуктивизма Ф. Бэкона стал **Рене Декарт** (1596-1650), научный метод которого – интуитивно-дедуктивный, несовместим с методом предшественника в натурфилософском направлении. В качестве рационалиста Р. Декарт считал, что науку следует возводить на прочном фундаменте мыслей, а не вводящих в заблуждение чувств. Он, как и предшественник, считал, что «наука заимствует свои правила и принципы из философии» [Декарт 1989.1 : 254]. Однако «философия остаётся слабым основанием науки ввиду плюрализма, в ней надо установить начала» [Там же : 262], то есть «нужна новая философия как метод» [Там же : 267]. Содержание своего метода он изложил в «*Правилах для руководства ума*», где раскрыл концепцию общефилософского метода рассуждений, согласно которому начинать надо с ясных идей (врожденных идей), под которыми, по сути, понимались математические аксиомы.

Разработанный им метод включал ряд конкретных правил:

- включать в суждения только то, что представляется уму ясно и отчетливо и не даёт повода к сомнению;
- делить изучаемые явления на составные части;
- восходить в мышлении от предметов простейших до наиболее сложных;
- делать обширные обзоры [Декарт 1989.1 : 260].

Эти четыре правила Р. Декарта «принесли ему мировую популярность» [Канке 2010 : 89].

Р. Декарт показал пятым правилом единство «горизонтальных» (в противоположность «вертикальным» при индукции и дедукции) направлений движения мысли. Он исходил из необходимости использования *прошлого* для объяснения *настоящего*. К. Маркс знал эту работу Р. Декарта и практически использовал его идеи при определении композиции «Капитала» [Маркс, Энгельс 1954.23 : 401-402].

Решающие принципы *натурфилософии* были развиты Гегелем в его «*Философии природы*» [Гегель 1975 : 42-49].

Подход к природе как отчуждению духа позволил Гегелю применить категории логики к осмыслению природы. Правда, у самого Гегеля этот процесс предстает как навязывание природе логики, которая ей не присуща.

Однако следует отметить, что после того, как естественные науки сформировали в Новое время собственную методологию и теоретический аппарат, натурфилософия была вытеснена на периферию науки и подвергалась критике со стороны специалистов естествознания (Р. Майер, Ю. Либих, А. Гумбольдт, Э. Геккель, Г. Гельмгольц и др.).

Спекулятивное использование некоторых натурфилософских воззрений привело к дискредитации этого метода в глазах учёных. К примеру, балтийско-немецкий химик и философ **Вильгельм Оствальд** (1853-1932), который в 1909 году был удостоен Нобелевской премии за открытие в области химии, в своём главном труде «*Философия природы*» резко критиковал натурфилософию за её *умозрительность* и считал, что, «если мы хотим избежать в новой натурфилософии ошибок старой, то мы должны постоянно проверять *наши теории опытом*, изменять и исправлять их, пока они не будут *согласны с опытом*» [Цитируется по: Классическая философия науки: Хрестоматия 2007 : 17]. Особой критике этот метод подвергнулся в СССР со стороны марксистско-ленинской философии.

В наши дни всё же необходимо признать «право натурфилософии на относительную самостоятельность и независимость от уровня, достигнутого современной ей наукой» [Лебедев 2008 : 62].

Анализ генезиса натурфилософского метода и его современное состояние дано в «*Новой философской энциклопедии*» [2010.3 : 17-23].

7.3.2. Диалектический метод

Диалектический метод (подход) базируется на диалектике (<лат. *dialectica* – «искусство спорить» < греч. *dialectike*) – *философском учении о всеобщем характере движения и развития, основных законах развития и специфике их проявления в различных сферах бытия (природе, обществе, сознании, познании)*.

Этот метод познания вечно движущихся и изменяющихся явлений путём вскрытия внутренних противоречий и борьбы противоположностей, приводящих к скачкообразному переходу из одного качества в другое.

Следует отметить, что понятие диалектика было известно уже в античности¹, когда под диалектикой понималось искусство обсуждения проблем, взвешивания аргументов pro и contro, в защиту или опровержение какого-либо суждения, вынесение на этом основании итогового заключения о его истинности/неистинности или малозначимости.

Родоначальником диалектики античности признается **Сократ** (469-399 до н.э.), который видел в ней искусство поиска истины путём противоборства разных мнений. Но отцом диалектического познания стал его ученик **Платон**

¹ «Древние философы были все прирождёнными стихийными диалектиками» [Маркс, Энгельс 1954.20 : 19].

(427-347 гг. до н.э.), у которого диалектика характеризуется как *философское мышление*. Он доказал, что диалектика может служить специфическим инструментом в познании и объяснении мира и общества.

Именно мыслительный диалог как логические операции умственного расчленения и связывания понятий ведет к истинному знанию. А. И. Герцен назвал диалектику Платона «изумительной и всепокоряющей». Таким образом, Сократ и Платон придали диалектике понятийный характер: диалектическое мышление пробивается к иному бытию – всеобщему, бесконечному, необходимому и абсолютному, т. е. к тому бытию, которое у этих философов предстало как *мир идеальных сущностей* или *мир идей*.

Аристотель (384-322 до н.э.) органично увязал эту диалектику античности с формальной логикой в своем «*Органоне*» [Аристотель 1976; 2002]¹, поставив и решив вопрос «что такое мыслить диалектически».

Учёные и философы продолжали углублять идеи диалектики в средние века: Августин (354-430), Фома Аквинский (1225-1274), Н. Кузанский (1401-1464), Дж. Бруно (1548-1600), а также в XVII-XIX веках: Ж.О. Ламетри (1709-1751), Ж. Ламарк (1744-1829), Ч. Дарвин (1809-1882).

Особо следует подчеркнуть роль Ф. Бэкона в развитии диалектического мышления, создавшего *индуктивную логику* и *метод индукции*. Исходя из единства дедукции и индукции, он обосновал идею о том, что для «восстановления наук», нужно основание, в том числе метод и «таким методом является диалектика» [Бэкон 1977 : 64].

Но поистине развитой формой диалектика становится в философских трудах родоначальников немецкой классической философии от **И. Канта** (1724-1804) до **Г. Гегеля** (1770-1831).

Заслуга введения в науку диалектического метода принадлежит Г. Гегелю, поскольку диалектика в своей конкретной форме проявляет себя прежде всего в диалектике мышления – *диалектической логике*, разработанной Г. Гегелем. В рамках диалектической логики Г. Гегель решает грандиозную задачу – выработать логику развивающихся объектов. При этом само развитие понимается как борьба и единство противоположностей, что приводит к отрицанию высшими формами низших. Предметом диалектической Логики (у Гегеля с большой буквы!) является всеобщее содержание Абсолютной идеи, последовательность категорий, которые она *самопорождает* в ходе своего *имманентного развития*.

Методом этого самопорождения Абсолютной идеи является её *восхождение от абстрактного* (т. е. бедного одностороннего содержания) *к конкретному* (т. е. всё более богатому и полному, а в пределе – к абсолютно полному) с помощью раздвоения (расщепления) содержания на *противоположности* и введение (конструирование) третьего элемента («посредствующего звена»), который обеспечит их синтез в рамках любого предмета как целостности. Такая структура диалектического противоречия (*тезис – антитезис –*

¹ Детальный анализ технологии диалектического мышления философов античности даётся в учебном пособии для аспирантов А.Г. Войтова [Войтов, 2004 : 232-312], что можно рассматривать как методику обучения диалектическому мышлению в наши дни.

синтез) даёт возможность порождения и развития нового противоречия. Этот механизм циклического порождения предшествующим противоречием последующего ведёт ко все более полному разворачиванию содержания Абсолютной идеи.

Основными законами развития диалектического мышления, по Гегелю, являются: 1) закон единства и борьбы противоположностей; 2) закон перехода количественных изменений любого содержания в качественные при переходе границы меры его определенности; 3) закон диалектического отрицания, или отрицание отрицания, согласно которому всякое отрицание одного состояния (или качества) другим, противоположным ему, не может быть абсолютным (или полным) отрицанием, а всегда только *частичным* всегда с удержанием (кумуляцией) некоторого старого содержания.

Гегель считал эту открытую им схему разворачивания предметного содержания знания единственно правильной и рекомендовал перестроить по этому методу все частные науки, которые, с его точки зрения, построены неверно [Гегель 1975].

Большие трудности вызвало понимание *диалектического противоречия*, которое чуждо формальной логике, но которое значимо и в наши дни. Современное понимание диалектического противоречия в системе данного метода состоит в том, что эта «структура, элементы которой представляют собой противоположные стороны, свойства, отношения, векторы изменения некоторых предметов и процессов (как материальных, так и идеальных)» [Лебедев 2008 : 196].

Характерной чертой большинства диалектических противоречий является то, что содержание образующих их противоположностей не является строго определённым, однозначным, а всегда в некоторой степени «размытым», т.к. они находятся в состоянии изменения, саморазвития. При этом противоречие считается допустимым в том случае, *если оно не разрушает систему* [Канке 2008 : 56].

Благодаря постоянно существующему между сторонами диалектического противоречия динамического напряжения, они представляются одной из главных причин внутреннего *развития (саморазвития)* большинства систем [Лебедев 2008 : 197], учет чего необычайно значим для любого современного научного исследования.

Таким образом, именно Г. Гегель раскрыл сущность диалектического метода, доказав, что «диалектика составляет природу самого мышления» [Гегель 1975 : 96], «обеспечивает инструмент познания исследователей» [Там же : 94], а потому её развитие – «дело исследователей, т. е. тех, кто трудится с её помощью» [Там же : 94].

Последний этап формирования диалектического метода как *диалектической формы* познания связан с диалектическим материализмом – философской теорией, объединившей диалектику с материализмом, классиками которого являются К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

Карл Маркс (1818-1883) высоко оценивал гегелевскую диалектику: «гегелевская диалектика есть, безусловно, последнее слово всей философии»

[Маркс, Энгельс 1954.29 : 457]. Он творчески использовал диалектический метод Г. Гегеля при создании своего «*Капитала*»: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля» [Цитируется по: Войтов 2004 : 379].

При этом К. Маркс, обобщив все ценное в истории диалектики, а особенно законы и категории диалектики Г. Гегеля, во многом по-новому оценил роль диалектического метода в познании, значительно переосмыслив идеалистические формы диалектики, моделью которой служила не объективная реальность, а *мышление*, вследствие чего диалектика у Гегеля была независимой от реальности, т. е. была *чистыми законами абсолютного разума* [Хрусталёв 2009 : 63].

Своё радикальное исправление идеалистической сути диалектики Гегеля К. Маркс назвал «переворачиванием» её на ноги, поскольку у Гегеля она стояла на голове. К. Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, *идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней*» (выделено мной – З. К.) [Маркс, Энгельс 1954.23 : 21].

Таким образом диалектический метод в марксистской философии был связан, во-первых, с материалистической переработкой идеалистической диалектики Гегеля; во-вторых, с диалектической переработкой прежнего *метафизического материализма*. «Это, – писал Энгельс, – вообще уже больше не философия, а просто *мировоззрение* (выделено мной – З. К.), которое должно найти себе подтверждение не в некоей особой *науке наук* (т. е. в философии – З. К.), а в реальных науках» [Маркс, Энгельс 1965.20 : 142].

Исходя из этого, диалектика Маркса и Энгельса, во-первых, впервые «реально онтологична» [Новая философская энциклопедия 2010.I : 651] и, во-вторых, становится *общенаучным методом* [Там же : 656], а потому он оказывает влияние на развитие современной науки, что признают такие выдающиеся философы современности, как Ю. Хабермас, Г. П. Щедровицкий [Канке 2010 : 185].

На базе диалектического материализма в наши дни осознаны *диалектические противоречия сознания и познания*. Они представляют собой противоположные стороны (характеристики, свойства, элементы) сознания и познания, взаимно отражающие и взаимно предполагающие друг друга. Такой тип отношения между ними фиксируется с помощью соответствующих бинарных оппозиций: чувственное – рациональное; эмпирическое – теоретическое; сознательное – бессознательное; явное – неявное; субъективное – объективное; интуитивное – дискурсивное; познавательное – практическое; научное – вненаучное и т. д.

Как и в случае общих диалектических противоречий, между противоположными сторонами диалектических противоречий сознания и познания не существует жесткой демаркационной линии, наоборот, она подвижна и относи-

тельна в силу конструктивного характера познания и когнитивной воли субъектов познания.

Важной чертой *диалектических противоречий* познания является то, что они, как правило, опосредованы каким-либо промежуточным элементом, сочетающим в себе в определенной степени свойства противоположных сторон данного противоречия. Возникает так называемый «кентавровый» тип знания.

Например, противоречие *чувственного и рационального знания* опосредовано *эмпирическим знанием*, сочетающим в себе свойства чувственного содержания и рациональной (понятийно-дискурсивной) формы.

Ещё один пример: противоречие *эмпирического и теоретического знания* опосредовано *интерпретативным* знанием, в частности – эмпирическая интерпретация каких-либо теорий.

Таким образом, диалектический метод необходим учёным не потому, что так кому-то очень хочется, а потому, что в конечном счёте в природе, обществе и в самом человеческом мышлении все свершается диалектически, потому диалектический метод – это путь к научному познанию.

В связи с этим диалектико-материалистический метод играет возрастающую роль в современном научном познании, поскольку он функционирует не в виде жесткой и однозначной совокупности норм, рецептов, а в качестве гибкой диалектической системы всеобщих принципов и регулятивов человеческой деятельности, в том числе – и мышления.

Раскроем основные методологические принципы диалектико-материалистического метода.

1. *Объективность* – философский, диалектический принцип, основанный на признании действительности в ее реальных закономерностях и всеобщих формах.

2. *Всесторонность* – философский, диалектический принцип познания и иных форм деятельности, выражающий всеобщую связь всех явлений действительности.

3. *Конкретное (конкретность)* (от лат. *concretus* – «сгущенный») – философская категория, выражающая вещь или систему взаимосвязанных вещей в совокупности всех своих сторон и связей, которая отражается как чувственно-конкретное (на эмпирическом этапе) или как мысленно-конкретное (на теоретическом этапе).

4. *Историзм* – философский, диалектический принцип, являющийся методологическим выражением саморазвития действительности в плане его направленности по оси времени в виде целостного непрерывного единства таких состояний (временных периодов), как прошлое, настоящее и будущее.

5. *Принцип противоречия* – диалектический принцип, имеющий основой реальные противоречия вещей и сводящийся к следующим основным требованиям:

- выявление предметного противоречия;
- всесторонний анализ одной из противоположных сторон данного противоречия;
- исследование другой противоположности;

- рассмотрение предмета как единства (синтеза) противоположностей в целом на основе знания каждой из них;
- определение места противоречия в системе других противоречий предмета;
- прослеживание этапов развития данного противоречия;
- анализ механизма разрешения противоречия как процесса и результат его развертывания и обострения.

При неверной реализации и применении принципов диалектики возможны многочисленные искажения их требований, а значит, отклонения от пути к истине и возникновение заблуждений [Кохановский 1992; Кохановский и др. 2008 : 320-321].

Однако следует учесть два предупреждения. Во-первых, если в марксистско-ленинской философии этот метод под названием диалектико-материалистический метод считался *единственным, универсальным* (субстанциональным) методом научного познания, то в наши дни осознано, что, хотя «он и является результатом, выводом из истории развития познания» [Шептулин 1983 : 316], однако диалектический метод, как в гегелевской, так и в диалектико-материалистической интерпретации *не является универсальным* [Войтов 2004; Лебедев 2007; 2008; Минаева и др. 2007; Кохановский и др. 2008; Хрусталёв 2009; Марков 2011 и др.]¹, т.к. он применим в определенном интервале абстракции, по отношению к определённым объектам и целям познания [Лебедев 2008 : 352].

Во-вторых, следует учитывать то, что в СССР с 70-х годов XX века диалектико-материалистический метод подвергается жесткой дискредитации и, следовательно, в какой-то мере забвению. Причину этого объяснил К. Поппер, который, как и многие другие, резко отрицательно относился к революционным взглядам К. Маркса и В.И. Ленина, которых назвал в своей книге «врагами открытого общества» [Поппер 1992.2]².

По этой и ряду других причин «в начале XXI века понимание Гегеля в мире близко к нулевой отметке. Это – результат не стихийного, а созидательно-го убийства его идей» [Войтов 2004 : 362]. И чтобы «овладеть диалектикой как методом, ... как инструментом научного труда», следует, по мнению А. Г. Войтова, изучать труды «гениев» диалектики: Аристотеля, Гегеля и Маркса» [Войтов 2004 : 460-466], а также осознать «остроту состояния проблемы диалектики». «Если представить ранжировку остроты научных проблем, то острота состояния диалектики должна быть признана максимально возможной» [Войтов 2004 : 422]³.

¹ Существует мнение о том, что «диалектика есть скорее некоторый особый «дух» некоторого философского или научного исследования – его стиль, но не метод в точном смысле слова» [Минаева и др. 2007 : 23].

² Но как человек науки К. Поппер принимает *материализм* Маркса и считает, что он «представляет весьма ценный прогресс в методах социальной науки» [Поппер 1992.2 : 126]. Но к этому были способны далеко не все, особенно пострадавшие от политических репрессий.

³ Следует учитывать предупреждение И.Ф. Гёте в беседе с Г. Гегелем: «Диалектика – великопепная вещь, но бойтесь, если она попадёт в дурные руки» [Войтов 2004 : 41].

При этом дальнейшее совершенствование диалектического метода в наши дни многие исследователи видят в преодолении кризиса его диалектико-материалистического этапа¹.



Метод восхождения от абстрактному к конкретному напрямую связан с диалектическим методом в его гегелевской и марксистской интерпретации, в котором он является «ядром» в формулировании сущности диалектического противоречия и диалектической логики.

Итак, в диалектической традиции анализа мышления *метод восхождения от абстрактного к конкретному* – это «способ движения теоретической мысли по все более полному, всестороннему и целостному развертыванию её предмета» [Новая философская энциклопедия 2010.I : 447].

В историко-философской традиции абстрактное обычно противопоставляется конкретному как мысль, содержание которой отвлеченно, абстрагировано от конкретной действительности, выступающей в чувственном созерцании в полноте и целостности существования.

С этих позиций абстрактность интерпретируется как бедность, неразвитость, односторонность знания, а конкретность – как его полнота, содержательность, развитость.

Значимость метода заключается в том, что он даёт *способ реконструкции развития объекта*, широко и глубоко разработанный в диалектике Гегеля и Маркса. Сущность его заключается в следующем:

- в признании главным источником и причиной развития любой системы её внутренних противоречий;
- в выделении среди множества противоречий системы её основного противоречия;
- в полагании неразвитой, простейшей по содержанию (и благодаря этому всеобщей) формы основного противоречия в качестве исходного начала всего последующего процесса рациональной реконструкции развития изучаемой системы;
- в использовании в качестве внутреннего механизма последовательной разверстки из исходного (абстрактного) противоречия всех остальных противоречий системы (названных Г. Гегелем конкретными) диалектического **ритма**: *тезис – антитезис – синтез*², что даёт возможность после

¹ Так, только в текущем 2011 году на страницах журнала «Вопросы философии», многократно (№3, №4, №5, №7, №11) под показательными заголовками «Надо ли задумываться над Марксом», «Наследие советского критического марксизма», «Социальная философия XXI века: ренессанс марксизма?» и подобные утверждается, что в России XXI века сложилось новое интеллектуальное поколение последователей Маркса» [Бузгалин 2011 : 36] и делается важный вывод о ренессансе диалектики марксизма при критическом переосмыслении: системно-диалектическом подходе [Там же : 47].

² Следует отметить, что сам Г. Гегель никогда не использовал триадичное выражение: *тезис – антитезис – синтез*, что введено в современном гегелеведении. По Гегелю, научный метод состоит в том, что для начала констатируется наличное (*тезис*). На втором шаге оно рассматривается вне себя, т. е. как бытие для другого и как собственная противоположность (*антитезис*). Налицо диалектическое противоречие. На третьем шаге совершается возврат к себе. Противоположности оказываются тождественными друг другу (*синтез*). Одно противоречие, таким образом, преодолено, но идёт следующее. И в результате двойного отрицания повторяются черты исходного бытия, но на более высокой основе. Таково рассуждение Г. Гегеля.

многократного повторения *синтеза противоположностей* достичь его на более высоком (конкретном уровне).

В истории науки наиболее мощной попыткой применения данного метода явилась реконструкция К. Марксом в «*Капитале*» развития экономической системы капитализма из исходного противоречия между ценовой и потребительской стоимостью, заключенного в любом товаре. Механизмом расширенного воспроизводства исходного противоречия капитализма К. Маркс считал ритм «товар – деньги – товар» [Войтов 2004 : 425-427; 438-470; Лебедев 2008 : 436 и др.].

Таким образом, конструктивный потенциал рассматриваемого метода связан «с преодолением эмпиризма в трактовке возможностей теоретического мышления, в обращении к процессам развития сложных теоретических систем на их собственной основе, стимулируемыми в значительной степени возникающими в процессе познания противоречиями. Этот потенциал ассимилирован в современных методологических представлениях о способах развития теоретического знания» [Новая философская энциклопедия 2010. I : 448]. Конкретные примеры применения этого метода в теоретическом познании и в изложении его результатов довольно многочисленны [Швырев 1988 : 54-62].

В наши дни при *реконструкции развития изучаемых систем* более широко и плодотворно используется гибкое сочетание *исторического и логического* подходов (методов) [Лебедев 2008 : 436; 386; 51; 429].

Обратим внимание на *сферу использования* данного метода: он применим «только к задаче реконструкции развивающихся объектов и его нельзя отождествлять с *методом движения знания от простого к сложному*, который имеет более общую сферу применения по сравнению с методом восхождения от абстрактного к конкретному» [Лебедев 2008 : 436].

С другой стороны, сфера действия этого метода достаточно широка. К примеру, В.С. Юрченко в книге «*Философия языка и философия языкознания*», рассматривая вопрос методологии лингвистики, подчеркивает, что общенаучный метод гипотетико-дедуктивный есть «вариация метода восхождения от абстрактного к конкретному» [Юрченко 2008 : 339]. Вот почему в пособии в разделе 9.2.1 характеристика гипотетико-дедуктивного метода не дается.

7.3.4. Метафизический метод (подход)



Этот метод необходимо хотя бы кратко охарактеризовать в пособии по целому ряду причин. Во-первых, этот метод находится в оппозиции к диалектическому методу. Во-вторых, в начале XX века наблюдается его ренессанс, поскольку к целостному изучению действительности «можно приблизиться лишь с помощью метафизического способа рассмотрения..., т. е. индуктивной метафизики» [Философский энциклопедический словарь 1999 : 265]. В-третьих, в наши дни возник целый ряд метафизик, опирающихся на частные науки, создающие предпосылки различного исследования истины [Там же].

Наконец этот метод, резко отрицаемый одними философами «как признак плохого вкуса» (О. Конт, Ф. Бэкон, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий) и специалистами разных наук (В. Оствальд, К. Пирсон, Н. Пуанкаре и др.) и, напротив, пусть частично, но принимаемый (И. Кант, Д. Юм, Н. Хайдеггер, Х. Вольф, Г. Гегель) нуждается в объективной характеристике, хотя бы потому, что «программа преодоления метафизики не снята с повестки дня. Более того, она ныне актуальна в большей степени, чем когда-либо ранее» [Канке 2008 : 139].

Метафизический метод базируется на метафизике (от греч. *meta ta physika* – «после физики; то, что за физическим»), которая имеет два основных значения 1) *философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) принципах бытия; как всеобщее, синтетически-априорное знание (философия в этом смысле синоним рациональной или теоретической метафизики); 2) философия, исходящая при создании теоретических моделей мировоззрения от идеи первичного свойства всех явлений и процессов (как материальных, так и духовных)* [Лебедев 2008 : 52].

Термин метафизика в первом значении ввел в 1 в. до н.э. переиздатель произведений Аристотеля *Андронин из Родоса*.

В «Метафизике» Аристотеля рассматривается то, что познаваемо нами только после природы, потому что лежит «позади неё». Иначе говоря, рассматривается надэмпирическое, стоящее над всяким возможным опытом, но являющееся первопринципом¹, поэтому метафизика в этом смысле является «первофилософией» – основной философской наукой, в которой коренятся все философские дисциплины [Философский энциклопедический словарь 1999 : 264-265].

Антонимом термина метафизика в этом отношении является апостериорное, т. е. конкретно-научное знание [Лебедев 2008 : 52].

Термин метафизика во втором значении ввел в свою теорию Г. Гегель как антоним термину диалектика.

Таким образом, противоположный диалектическому, метафизический метод «рассматривает явления в их первоизданной неизменности и независимости друг от друга, отрицающий внутренние противоречия как источник их развития» [Советский энциклопедический словарь 2002 : 805]. Согласно этому методу, наличие противоречий в любой системе имеет для неё только *деструктивный характер*, но не созидательный [Лебедев 2008 : 18].

Завершая, ещё раз подчеркнём, что в современной философии «метафизика как выход за пределы научного знания остается самым болезненным синдромом. Если философия не понимается в качестве метанауки (выделено мной – З. К.), то неизбежно культивируется метафизика» [Канке 2008 : 139].

Тем не менее, как подчеркивает В. А. Канке, использование, а значит и понимание) термина метафизический в онтологическом аспекте необхо-

¹ Как видим, метафизика у Аристотеля – это учение о *первопринципах*: после формы тремя другими первопринципами являются субстрат (материал), движение и цель. Как указывают многие философы и представители субнаук, эти идеи великого мыслителя «сохранили актуальность» в наши дни [Канке 2008 : 27; 2010 : 212].

димо для современной науки «поскольку в противном случае не будет средств для определения специфики научного знания» [Канке 2008 : 248].



7.3.5. Трансцендентальный метод (подход) как «учение о методе, определяющем формальные условия завершения системы чистого разума» [Философский энциклопедический словарь 1999 : 460], введенном И. Кантом, базируется на трансцендентальной философии («лат. *transzedere* – «переходить, выходить за пределы») – в схоластической философии – это то, что возвышается над всеми категориями и *родовыми понятиями*; это свойство основных определений–трансценденталий сущего, неотделимых от него и вытекающих из его сущности непосредственно и с необходимостью.

Это понятие было перенесено И. Кантом в теорию познания из средневековой схоластики, но переосмыслено с позиций критицизма [Кант 1999].

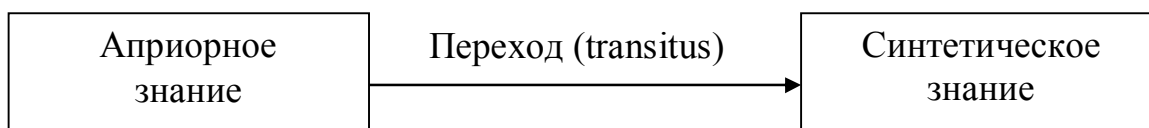
Сущность трансцендентальной философии И. Канта: изначально данные (априорные) формы познания, не приобретенные из опыта, но обуславливающие опыт, предшествующий ему [Советский энциклопедический словарь 2002 : 1359].

Раскроем данное положение и объясним «работу» трансцендентального метода.

Иммануил Кант (1724-1804)¹ поставил перед собой грандиозную задачу – показать возможность науки. Канта не устраивали как эмпирики, так и рационалисты. Он считал, что эмпирики, в частности Локк, абсолютизировали чувственность, а рационалисты, в частности Лейбниц, преувеличивали роль интеллекта. Следует же объединить чувственность с интеллектом. Для этого Кант создал следующую концепцию трансцендентализма.

Схема 15

Трансцендентальная схема И. Канта



Традиционно считали, что знание бывает либо априорным, либо апостериорным. *A priori* в буквальном переводе с латинского означает *предшествующее опыту*. *A posteriori* – на основании опыта. По Канту, априорное и апостериорное (или синтетическое) знание следует объединить, ибо от априорного знания всегда совершают переход к синтетическому знанию. В итоге любое знание является априорным и синтетическим. Происхождение априор-

¹ Как известно, И. Кант был одним из самых образованных людей своего времени, компетентным в области многих наук, был не только ординарным профессором логики и метафизики, но и преподавал естественные науки: математику, физику, географию, астрономию и антропологию.

ного знания, единственно обеспечивающего необходимость и всеобщность науки, Кант не объяснял. Оно мол присуще человеку благодаря силе его творческого воображения. Так как априорное знание всегда обеспечивает переход к более полному знанию, то оно является трансцендентальным.

Итак, объяснение возможности любой науки выглядит, по Канту, следующим образом. Прежде всего надо указать априорный принцип, характерный для этой науки. А затем установить, каким образом в контексте этого принципа упорядочиваются чувственные впечатления. Согласно Канту в качестве наук возможны математика, естествознание, этика, эстетика и философия, которую он называл метафизикой, которая даёт формы синтеза понятий рассудка и чувственного многообразия.

Философия имеет дело с разумом, но он, выходя за пределы науки, непременно приходит в противоречие сам с собой. Эти противоречия Кант называл антиномиями и полагал, что они фигурируют в так называемой трансцендентальной диалектике. Она имеет дело не с явлениями, т. е. феноменами, доступными познанию человека, а с ноуменами.

Ноумен (< греч. *νοῦμενον*) – объект мысли, разума, воображаемая сущность, которой не соответствует никакой предмет реальной действительности («вещь в себе», душа человека, Бог...), выходящие за пределы познания.

При этом философия и должна определить границы чистого разума. В этой связи она становится критикой чистого разума, что раскрывается Кантом в его «Критике чистого разума» (1790 г.).

Как сама философия, так и метод И. Канта способствовали превращению философии в *метанауку*, что несомненно следует поставить ему в заслугу, а также подчеркивание особой значимости принципов научной теории и теоретической относительности всякого знания [Канке 2010 : 98], хотя слабой стороной была недооценка эмпирического метода, что невозможно было в то время в силу недостаточности научного материала [Там же : 103].

Итак, долгосрочный прогноз развития трансценденталистской концепции философии науки и её метода, полагаем, связаны с ответом на их главный вопрос: насколько возможны достижения наукой всеобщих и необходимых истин о природе, обществе, человеке и его сознании? Потому более близкий прогноз связан с преодолением недооценки трансцендентальным методом тесной связи с практикой, социальной обусловленностью частных наук и их системным характером [Лебедев 2008 : 127].

7.3.6. Феноменологический метод



Феноменологический метод базируется на феноменологии (греч. букв. – «учение о феноменах») 1) в широком смысле философское направление (И. Ламберт, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Brentano, Н. Гартман, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.), согласно которому предметом философии является не *мир объектов*, природных или социальных, а *мир сознания*, его элементарных единиц – феноменов (языковые оболочки, психические переживания, мыслимый предмет, смысл);

2) в узком смысле – одно из основных направлений современной философии, основателем которого является выдающийся немецкий философ, логик и математик *Эдмунд Гуссерль*¹.

Э. Гуссерль поставил перед собой грандиозную задачу – выяснить подлинные основания всех наук и в результате представить их в ясном виде. Как мы уже писали, подобную задачу впервые поставил И. Кант (см. раздел 7.3.5), посчитавший, что основанием науки являются *априорные принципы*. Но он не показал, каким же образом достигаются эти принципы [Канке 2010 : 97].

Э. Гуссерль был недоволен состоянием философии и частных наук: для него были неприемлимы как теории абстракций *эмпиристов* (Дж. Милль), так и бездоказательное постулирование априорных истин *рационалистов* (И. Кант). Он не мог принять британский *психологизм* (Дж. Локк).

Он считал, чтобы преодолеть кризис европейской науки, следует дать науке феноменологический метод [Гуссерль 1992], разработке которого Э. Гуссерль посвятил 50 лет своей жизни.

Решающая идея Э. Гуссерля состояла в том, что следует детально проанализировать *деятельность сознания*, поскольку именно *сознание* является жизненным фундаментом людей, благодаря чему у них есть доступ ко всему другому (см. главу 3, разделы 3.2.2 и 3.2.3).

Ключевым понятием феноменологии является феномен (< греч. *phainomenon* – «являющееся») – *явление* (предмет), данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от *ноумена*, постигаемого разумом и составляющего основу, сущность феномена [Философский энциклопедический словарь 1999 : 477; Новая философская энциклопедия 2010.4 : 174]. Это единица познания внутреннего мира субъекта познания, *мыслимый предмет*, *смысл*, который в отличие от предметов внешнего мира дан сознанию непосредственно и выступает в форме ощущения, перцепции, переживания, «идеи» (*эйдоса*) [Лебедев 2008 : 563]. Мир феноменов – это первичная и наиболее фундаментальная реальность, сама себя «показывающая» сознанию, но в то же время объективная, более «упрямая», чем мир фактов внешнего мира [Гуссерль 1991; 1992; 1999].

В центр своей философии Э. Гуссерль поставил не кантовскую трансцендентальную схему, а принцип интенциональности (направленности сознания на предмет изучения и эйдетической интуиции).

Аргументацию феноменологического метода можно представить следующими «шагами».

1. *Сознание* – это жизненный мир человека, его *Lebenswelt* (нем.), его опыт, наполненный цветами, звуками, запахами.

2. Сознание *интенционально* (от лат. *intendere* – «быть на что-то направленным»), т. е. обращено к познаваемому.

¹ *Эдмунд Гуссерль* (1859-1938) – крупный немецкий философ, основоположник феноменологического метода философии, в центре осмысления которой – проблема познания.

Его ученик *Мартин Хайдеггер* (1889-1976), который с почтением величал Гуссерля учителем, не был последовательным продолжателем феноменологии Гуссерля, но наоборот, подвергал её критике. Прославился созданием фундаментальной онтологии.

3. Достоверным источником философствования является чистое Я, не замутненное какими-либо созерцаниями. Как условие познания чистое Я трансцендентально.

4. Основоположение, согласно которому всякое изначальное (original) данное созерцание является *истинным источником познания*.

5. Чтобы не внести в познаваемое чуждые ему предпосылки, не являющиеся результатом философствования, они должны быть «заключены в скобки», т. е. использовать приём *эпохе* (от греч. *epoche* – «воздержание от необоснованных суждений»)¹.

6. Сознание оперирует феноменами – мыслимыми предметами и тем, что содержит смыслы. При этом феномены выступают как *интенции*, как «сознание о...». Феномены синтезируются субъектом, поэтому сознание есть *поток феноменов*.

7. Синтез феноменов предполагает их отождествление, которое достигается в имманентной субъекту временности. В качестве тождественного выступает некий *инвариант*, следовательно, *когитация* (размышления) есть выявление идентичного.

8. Можно сказать, что все сведено (*редуцировано*) к феноменам. В этом заключается смысл феноменологической редукции².

9. Чтобы обеспечить полноту сознания, необходимо *варьировать* феномены. При этом чем больше *вариаций*, тщательнее синтезируется поток переживаний, тем выше шанс усмотреть идентичное, сущностное, т. е. *эйдосы* (от греч. *eidos* – «сущность»). Усмотрение сущности есть, по определению, – *эйдетическая ситуация*. Иначе говоря, инварианты в вариациях – это и есть сущности, *эйдосы*.

10. Смыслы, эйдосы достигаются в категориальной ситуации через установление связи *чувственного с рациональным*, но при этом полностью исключаются теории абстракций.

11. Полученные эйдосы идеальны, они не даны реально, а исключительно *умопостигаемы*. Постигаемый в эйдосах предмет есть *идеальная предметность*.

12. Выявленные смыслы позволяют *прояснить* содержание всего того, что было предварительно «взято в скобки», в том числе и статус объектов.

13. Чистота работы с феноменами обеспечивается не только феноменологической редукцией (см. пункт 8), но и *эйдетической редукцией*, т. е. сведением всего опыта сознания к эйдосам³.

¹ Эпохэ (от греч. *epoche* – букв. «остановка»). В феноменологическом методе *эпохе* (историческая) есть отбрасывание всех полученных в ходе истории мышления мнений о предмете с целью сделать доступной сущность этого предмета [Марков 2011 : 318]. Согласно Гуссерлю, именно эпохэ вынуждает начать философствование с чистого Я [Марков 2011 : 318].

² *Феноменологическая редукция* – фундаментальный принцип данного метода. Сущность *ф. редукции* состоит в обеспечении перехода от естественной установки сознания и полученного с её помощью субъект-объектного знания и *феноменологической установки* путем сведения всякого внешне объективного (трансцендентального) знания к его внутренним коррелятам, к *имманентному* (внутренне присущему) опыту сознания. Осуществляя *ф. редукцию*, субъект переключает своё внимание с того, что им познаётся, на то, как оно дано в познании [Лебедев 2008 : 564].

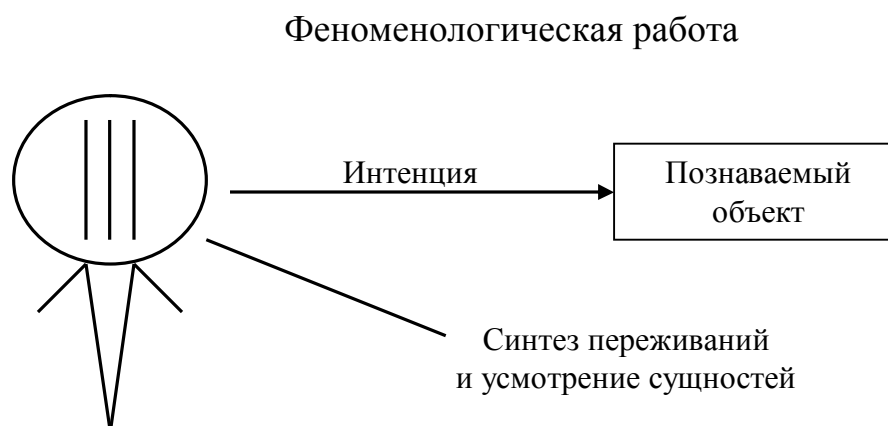
³ *Эйдетическая редукция* (заключение в скобки) состоит в том, что из поля зрения исключаются все относящиеся к предмету научные и ненаучные данные опыта, суждения, положения, оценки, так что сущность предмета становится *свободной и познаваемой*.

14. Истина есть *интенциональное прояснение*, обеспечивающее согласованность человеческого опыта.

15. Трансцендентальное **Я** есть инвариант и единство всех актов сознания, условие, предпосылка феноменологического опыта.

16. Выходом из критического состояния науки является тщательная феноменологическая работа (см. схему 16) [Канке 2010 : 110].

Схема 16



Подводя итоги, процитируем оценки философии Э. Гуссерля и его метода в новых источниках XXI века.

1. «Влияние Э. Гуссерля на философию XX века весьма глубоко и ощущается в постоянном существовании феноменологии как направления, или философского движения» [Новая философская энциклопедия 2010.1 : 573; Марков 2011].

«Феноменология Гуссерля – в потенции бесконечное поле методологических, а также гносеологических, онтологических, этических, эстетических, социально-философских исследований любой темы философии через возврат к феноменам сознания и их анализу. Главные принципы и подходы гуссерлевской феноменологии, в основном сохраняющие свое значение на всех этапах ее эволюции и при всех оговорках признаваемые в различных (хотя и не во всех) модификациях феноменологии как направления» [Новая философская энциклопедия 2010.4 : 175].

«На наш взгляд, достоинство феноменологии Гуссерля состоит в определении путей осмысления мира на основе чувственных впечатлений (феноменов). Деятельность сознания представлена в феноменах намного более содержательно, чем в теории абстракций», но в феноменологическом подходе Гуссерля изначально содержалась опасность его абсолютизации¹ [Канке 2008 : 256; Хрусталёв 2011].

2. «Феноменологическая философия Гуссерля открыла простор для нового осмысления статуса различных наук» [Канке 2008 : 257; Хрусталёв 2011].

«Феноменологическое направление анализа сознания показало большую плодотворность в гуманитарных науках (искусствознании, культурологии, праве, психиатрии, социологии, педагогике и др.)» [Лебедев 2008 : 133].

¹ Подробнее о достижениях и изъянах феноменологии см.: Канке 2010; Марков 2011.

Представители школы феноменологической философии оказали значительное воздействие на формирование *структурной лингвистики*; как на представителей Пражской школы, так и на представителей Копенгагенской школы структурализма. В основу работ Копенгагенской школы были положены философские взгляды Гуссерля» [Амирова 2000 : 7].

3. «В таком случае, когда речь заходит о ментальности человека, феноменологическому методу, как представляется, трудно найти альтернативу» [Канке 2008 : 257].

«...от полноты реализации феноменологического метода зависит достигаемый горизонт научности». Феноменологический метод был продуктивно использован не в естествознании, а в гуманитарных науках, в частности, в социологии (А. Шюц), эстетике (М. Дюфрен, Р. Ингарден), психологии (К. Ясперс, Л. Бинсвангер), литературоведении (Р. Ингарден) [Канке 2008 : 257; Канке 2010 : 111].

4. Известный современный японский философ и логик Я. Хинтиikka, считает феноменологию Гуссерля и его метод «одной из основных традиций» философии и ставит вопрос: «Куда идти современной феноменологии?» [Хинтиikka 2011 : 3-10].

Итог научной конференции «*Новые концепции современной феноменологии: генетический метод и междисциплинарные проблемы*» показал «неспадающую актуальность философского проекта, предложенного в своё время Э. Гуссерлем, и его богатый идейный потенциал, представленный широким концептуальным горизонтом современной феноменологической мысли» [Бросова 2011 : 183].

7.4. Философско-общелогические методы и приёмы

Чтобы обосновать свою позицию, проведём небольшое исследование с использованием компонентного анализа в его дефиниционной разновидности для анализа семантики только одного термина – *анализ*, используя специальные словари и толковые, общеязыковые.

В специальных словарях 1) логических – в дефинициях термин квалифицируется как «*логический приём, метод исследования*» [Кондаков 1975 : 34] или как *процедура* [Ивин, Никифоров 1998 : 14]; 2) в философских – как «аналитический метод в логике» [1999 : 19]; в словарях по философии науки – «*как один из способов научного исследования*» [Канке 2008 : 20] или как «*один из важнейших методов научного познания*» [Лебедев 2008 : 306].

В общеязыковом, толковом словаре современного русского языка – 1) метод *научного исследования* и 2) детальное рассмотрение, разбор каких-либо фактов, явлений [2004 : 12].

Как видим, терминированное понятие *анализ* квалифицируется 1) как логический метод/приём, т. е. дисциплинарный метод; 2) как общенаучный метод; 3) как философский метод и, наконец, 4) общенародное слово со значением «анализа чего-либо», т. е. мыслительная процедура в эмпирико-бытовом познании.

Это небольшое исследование объясняет, почему так по-разному квалифицируется **анализ** и в научной литературе: *общенаучный, дисциплинарный* (логический), *общелогический* [Шкляр 2009 : 80; Кохановский и др. 2008 : 348], *всеобщий, т. е. философский* [Горелов 2010 : 49].

Во всех этих и других источниках указывается, что расчленение может быть *«как мысленное, так и практическое»*, что возможно в любом познании, а поскольку закономерностями познания и мышления занимается как логика, так и философия, создающие логико-философские основы любого познания, то, с нашей точки зрения, все далее описываемые методы считаем философско-общелогическими, которые не создают отдельного уровня методов, а примыкают к философским методам¹.



1. Абдукция – способ, приём выдвижения и формирования объяснительных гипотез для аномальных фактов с целью устранения познавательных тупиков, обоснованный Ч. С. Пирсом [Светлов 2008 : 251]².

Абдукция не обладает свойством открывать необходимые истины, поскольку она не преследует цель формулировки нового знания. Плодотворность её заключается в том, чтобы изобрести новую гипотезу, но настолько она соответствует истинности решается в специальном акте индукции.



2. Абсолютизация (лат. *absolutus* – «безусловный, неограниченный») – мысленный приём, суть которого заключается в том, что в качестве точного (абсолютного) принимается такой предел приближения к действительности, который обусловлен потребностями практики. В процессе абсолютизации относительно точное в рамках решаемой задачи рассматривается как точное в некотором абсолютном смысле.



3. Абстрагирование (от лат. *abstractio* – «удаление, отвлечение») – процесс мысленного выделения, вычленения отдельных или общих интересующих нас в данный момент признаков, свойств и отношений конкретного предмета или явления и мысленного отвлечения их от множества других признаков, свойств, связей и отношений этого предмета. Результаты абстрагирования принято называть *абстракциями*. Этот приём использовал Аристотель в своей *«Метафизике»* [Аристотель 1976 : 135].

Выяснение того, какие из рассматриваемых свойств являются *существенными*, а какие *второстепенными* – главный вопрос абстрагирования. Этот вопрос в каждом конкретном случае решается прежде всего в зависимости от природы изучаемого предмета, а также от конкретных задач исследования.

¹ Кстати, почти все творцы этих методов, за небольшим исключением, начиная с Аристотеля, были одновременно и философами и логиками, что неслучайно.

² См. раздел 7.4.2 пособия.

В ходе своего исторического развития наука восходит от одного уровня абстрактности к другому, более высокому. Развитие науки в данном аспекте – это, по выражению Гейзенберга, «развертывание абстрактных структур».

Раскрывая механизм развертывания абстрактных структур, В. Гейзенберг пишет: «Понятия, первоначально полученные путем абстрагирования от конкретного опыта, обретают собственную жизнь. Они оказываются более содержательными и продуктивными, чем можно было ожидать поначалу. В последующем развитии они обнаруживают собственные конструктивные возможности: они способствуют построению новых форм и понятий, позволяют установить связи между ними и могут быть в известных пределах применимы в наших попытках понять мир явлений» [Гейзенберг 2006 : 179]. Вместе с тем В. Гейзенберг указывал на ограниченность, присущую самой природе абстракции. Дело в том, что она дает некую базисную структуру, своего рода скелет, который мог бы обрести черты реальности, только если к нему присоединить много иных (и не только существенных) деталей [Там же].

Существуют различные виды абстракций: *отождествления, изолирующая, актуальной бесконечности, потенциальной осуществимости*. Абстракции различаются также по уровням (порядкам). Абстракции от реальных предметов называются абстракциями первого порядка. Абстракции от абстракций первого уровня называются абстракциями второго порядка и т. д. Самым высоким уровнем абстракции характеризуются философские категории [Кондаков 1975 : 9-11].



4. Анализ (греч. *analysis* – «разложение, расчленение, разбор») – логический приём, метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения), каждый из которых затем исследуется в отдельности как часть расчленённого целого, для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью другого логического приема, метода – *синтеза* в целое, обогащенное новыми знаниями.

Анализ – один из важнейших методов познания, зачатки которого наблюдаются уже в действиях высших животных. Так, Ф. Энгельс пишет в «*Диалектике природы*»: «Уже разбиение ореха есть начало анализа» [Энгельс 1982 : 557].

Форма анализа зависит от анализируемого объекта и тех целей, которые человек ставит при исследовании этого объекта. Учёные разных специальностей активно используют этот метод. Опровергая методологическую несостоятельность концепций немецкого психолога Келера, академик И. П. Павлов указывал на то, что в психологии нет другого пути к истинно научному обладанию её материалом как через анализ [Павлов 1956].

Применяя этот метод, следует иметь в виду, что, во-первых, анализ не должен упускать качество изучаемых предметов; во-вторых, разновидностью анализа является также разделение классов (множеств) предметов на подклассы – их *классификация* и периодизация; в-третьих, анализ и синтез диалектически

взаимосвязаны: анализ, оторванный от синтеза, сведется к поверхностному рассмотрению механически расчлененного целого, кроме того, синтез информации, полученный в ходе анализа, является *критерием истинности* осуществленного анализа.



5. Аналогия (греч. *analogia* – «соответствие, сходство») – одно из важнейших эвристических средств научного познания, когда на основе сходства двух предметов по каким-либо одним свойствам, соотношениям делается вывод об их возможном сходстве и по другим параметрам. Механизмом установления аналогии является *индуктивное умозаключение*.

Схему аналогии можно представить так:

a имеет признаки *P, Q, S, T*

b имеет признаки *P, Q, S ...*

b, по-видимому, имеет признаки *T*.

Аналогия не дает достоверного знания: если посылки рассуждения по аналогии истинны, это еще не значит, что и его заключение будет истинным.

Для повышения вероятности выводов по аналогии необходимо стремиться к тому, чтобы:

1) были схвачены внутренние, а не внешние свойства сопоставляемых объектов;

2) эти объекты были подобны в важнейших и существенных признаках, а не в случайных и второстепенных;

3) круг совпадающих признаков был бы как можно шире;

4) учитывалось не только сходство, но и различия – чтобы последние не перенести на другой объект [Ивин, Никифоров 1998 : 16].

В целом же аналогия является мощным генератором новых идей и гипотез. Рассуждения по аналогии дали науке многие блестящие результаты, например, М.В. Ломоносов на основе аналогии сделал вывод о том, что свет есть материя. Ф. Энгельс на основе аналогии вывел закономерности гомологических рядов соединений углерода.

Этот метод активно применяется в гуманитарных науках.

Аналогия, как и другие формы умозаключений – *индукция* и *дедукция*, *абдукция* (см. пункт 1) и др – неразрывно входит в единый мыслительный процесс человека, в том числе и исследователя.

На аналогии основан метод *моделирования* (см. раздел 9.2) в науке и технике, на её основе делаются различного рода прогнозы.



6. Аргументация (от лат. *argumentatio* – «приведение аргументов») – полное или частичное обоснование какого-либо положения (суждения, концепции, теории, учения и т. п.) через приведение доводов или аргументов с намерением вызвать или усилить сочувствие другой стороны к выдвинутому положению.

То, что обосновывается называется *тезисом аргументации*. Положения, используемые для его обоснования, называются *аргументами*, основаниями или доводами в пользу тезиса.

Существуют различные виды аргументации в пользу истинности определенного тезиса: *логическая, жизненно-поведенческая*. Наиболее разработаны типы логической аргументации. Однако, как показал опыт философского анализа науки, логическая аргументация составляет только один из аспектов реальной аргументации.

В современной науке, как свидетельствует история её развития, всегда используются все перечисленные виды аргументации, направленные на обоснование и утверждение научной истины.

Безусловно, в разных науках и на разных этапах научного исследования тот или иной вид аргументации преобладает. Например, в логико-математических науках преобладает логическая; в технических – практическая; в социально-гуманитарных – риторическая и жизненно-поведенческая; в естествознании равномерно используются все виды аргументации.

В современной лингвистике, изучающей все типы знания (гуманитарное, естественнонаучное и техническое), особенно в междисциплинарных проектах, безусловно, используются все названные виды аргументации.

Для аргументации характерны следующие черты:

- она всегда материализована, т. е. выражена в разных типах текстов и дискурсов;
- она является целенаправленной деятельностью, предназначенной для усиления или ослабления чьих-либо убеждений¹;
- она всегда социально направлена, поскольку предполагает диалог;
- она предполагает разумность тех, кто её воспринимает и предполагает их способность рационально взвешивать аргументы.

Виды аргументации (*контекстуальная, интуитивная, теоретическая, эмпирическая, аргумент к авторитету, аргумент к аудитории, аргумент к незнанию, аргумент к силе* и т. д.) описаны в научной литературе по логике [Ивин, Никифоров 1998 : 30-44].

Итак, с логико-языковой позиции, аргументация – это акт коммуникации, в котором некоторый субъект сознательно производит изменения в системе убеждений другого субъекта путём обоснования или опровержения убеждений [Аргументация и интерпретация 2006].

Однако в постнеклассической науке приоритет логического подхода подвергается сомнению, потому как аргументация явно не сводится только к умозаключениям, а включает в себя и приёмы нелогического происхождения [Сергеев 1987; Цепцов и Куарье 1997; Брюшинкин 2001 и др.].

В наши дни осознание многообразия аргументационных процессов отображается в системной модели аргументации в виде взаимодействия трех подсистем: *логической, когнитивной и риторической*.

В системной модели учитывается синтез всех трех факторов: логического, тяготеющего к синтаксису, когнитивного – к семантике и риторического – к прагматике.

¹ Методами воздействия занимается психология (см. раздел 3.2 пособия).

На этой основе предлагается шесть возможных вариантов модели, например:

ЛКР – логико–когнитивно–риторическая модель;

КЛР – когнитивно–логико–риторическая модель;

РКЛ – риторико–когнитивно–логическая и др. [Брюшинкин 2006 : 15].

Выбор в каждом отдельном случае определяется установкой на аргументацию и учётом субъектом «образа рациональности адресата» [Там же : 16].



7. Дедукция (от лат. *deductio* – «выявление») – 1) в широком смысле – такая форма мышления, когда новая мысль выводится чисто логическим путём (по правилам логики)¹ из некоторых данных лительных посылок. Такая последовательность мыслей называется *выводом*, а каждый компонент (член) этого вывода является либо доказанной мыслью, либо аксиомой, либо логически вытекает из предыдущих мыслей.

В этом значении дедукция – категория формальной логики и методологии науки, которая позволяет сделать вывод от общего знания к менее общему, частному и даже единичному [Лебедев 2008 : 342]. Бинарной оппозицией является индукция.

2) В узком смысле – *дедукция* – это дедуктивное умозаключение, т. е. переход от посылок к заключению, опирающееся на логический закон, в силу чего заключение с логической необходимостью следует из принятых посылок. Характерная особенность дедукции заключается в том, что от *истинных посылок* она всегда ведет только к истинному заключению.

Как известно, дедуктивный метод был введен в науку французским философом **Рене Декартом** в 1637 [Декарт 1953; 1994]². Хотя в истории науки дедуктивный вывод был осмыслен уже в аристотелевской логике [Аристотель 1976].

К нашим дням осознана важность дедукции как метода познания и её огромная роль в развитии науки, однако она одна недостаточно для всестороннего исследования действительности, поэтому, как правило, она используется в единстве с другими методами и, прежде всего, с индукцией. «Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, – пишет Ф. Энгельс, – как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счёт другой, надо стараться применять *каждую на своём месте* (выделено мной – З. К.), и этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [Энгельс 1982 : 542].

¹ См. главу 3, раздел 3.1 пособия.

² Анализ интуитивно-дедуктивного метода Р. Декарта дан в работе В.А. Светлова [2008 : 24-39].



8. Доказательство 1) в философии науки, в широком плане способ обоснования какого-либо утверждения, когда в пользу его принятия приводятся достоверные и достаточные обоснования.

Существуют различные виды доказательства: *практические, теоретические, эмпирические* и *логические*. Разработкой теории логических доказательств, построением и многообразием форм и видов занимается логика.

2) Логические доказательства – рассуждения, устанавливающие истинность какого-либо утверждения путём приведения других утверждений, истинность которых уже доказана.

В доказательстве различают тезис – утверждение, которое нужно доказать, и основания, или аргументы, с помощью которых доказывается тезис.

По способу проведения различают два вида доказательств: 1) *прямые* – задача которых состоит в том, чтобы найти такие убедительные аргументы, из которых логически вытекает тезис; 2) *косвенные* доказательства устанавливают справедливость тезиса тем, что вскрывают ошибочность противоположного ему тезиса – *анти тезиса*.

Задача доказательства – исчерпывающе утвердить истинность тезиса. Этим оно отличается от других мыслительных процедур, призванных только частично поддержать тезис и придать ему большую или меньшую убедительность. К примеру, *обобщение* – переход от частных факторов к общим заключениям – даёт не достоверное, а лишь *вероятностное знание*.

По форме умозаключения, в которых совершаются доказательства, они могут быть *индуктивными* и *дедуктивными*.

Доказательства используются как в практической жизни человека, так и во всех науках. При этом содержание мыслей, истинность которых требуется доказать, в каждой науке, безусловно, различное. Логика же находит то *общее*, что характерно для всех доказательств, независимо от того или иного конкретного содержания доказательства.

Таким *общим* для всех логических доказательств является структура доказательства, способы доказательства, общие требования в отношении доказываемой мысли.

Кроме того, чтобы доказательство завершилось успехом, надо в процессе обоснования истинности тезиса соблюдать определённые *правила* доказательства [Кондаков 1975 : 465-466; Ивин, Никифоров 1998 : 94-95].

Конкретные виды доказательства (*конструктивные, от противоположного, по случаям, от предположения, по аналогии, по существу, математическое, экзистенциальное* и др.) описаны во многих логических источниках [Кондаков 1975 : 159-162; Ивин, Никифоров 1998 : 95-98].

Противоположным приемом является *фальсификация, опровержение*.



9. Идеализация (греч. *idea* – «идея, понятие») – процесс мыслительного конструирования представлений и понятий об объектах, не существующих в действительности, но сохраняющих некоторые черты реальных объектов.

В процессе идеализации мы, с одной стороны, отвлекаемся от многих свойств реальных объектов и сохраняем лишь те из них, которые нас в данном случае интересуют, с другой, – вводим в содержание образуемых нами понятий такие признаки, которые в принципе не могут принадлежать реальным объектам. Идеализация потому является одним из видов абстрагирования.

Это конструирование особого рода реальности – *мира теоретических объектов*, которые существенно отличаются по своим свойствам от *мира эмпирических объектов* (мира чувственно воспринимаемых объектов), а тем более – *мира реальных объектов* («вещей самих по себе»).

В результате идеализации возникают идеальные, или идеализированные объекты типа: *фонема, концептуализация, компаративистика, скрытые категории, экспрессивность* и т. д.

Данные объекты не есть «чистые фикции», а весьма сложное и очень опосредованное выражение реальных процессов. Они представляют собой некоторые *предельные случаи* последних, служат средством их анализа и построения теоретических представлений о них.

Идеализированный объект в конечном счете выступает как отражение реальных предметов и процессов. Образовав с помощью идеализации о такого рода объектах *теоретические конструкторы*, можно в дальнейшем оперировать ими в рассуждениях как реально существующей вещью и строить абстрактные схемы реальных процессов, служащие для более глубокого их понимания.

Существуют два основных способа идеализации: 1) через предельный переход, как продолжение и дополнение *абстрагирования* путём максимализации значений; 2) как независимая от абстрагирования самостоятельная мыслительная операция, когда идеальные объекты вводятся (задаются) конструктивно, «по определению», например, *иррациональные числа, бесконечные пространства* и др. Второй способ обычно применяется в рамках математических и логических теорий.

Указывая на важную роль идеализации в научном познании, А. Эйнштейн и Л. Инфельд отмечали, что, например, «закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно – мышлением, связанным с наблюдением. Этот идеализированный эксперимент никогда нельзя выполнить в действительности, хотя он ведет к глубокому пониманию действительных экспериментов» [Эйнштейн, Инфельд 1965 : 11].

В результате идеализации образуется такая теоретическая модель, в которой характеристики и стороны познаваемого объекта не только отвлечены от фактического эмпирического материала, но и путем мысленного конструирования выступают в более резко и полно выраженном виде, чем в самой действительности.

Идеализированные объекты – результат различных *мыслительных экспериментов*, которые направлены на реализацию некоторого нереализуемого в действительности случая. В развитых научных теориях обычно рассматриваются не отдельные идеализированные объекты и их свойства, а целостные *системы идеализированных объектов и их структуры*.

Истинность идеализации проверяется общественной практикой, опытом, экспериментом.



10. Индукция (лат. *inductio* – «наведение») 1) в широком смысле – движение мысли от единичного (опыта, фактов) к общему (их обобщению в выводах). Этот способ постижения реальности, состоящий в восхождении к общему, представляет собой *скачок в познании*, при котором мысль от констатации отделенных фактов переходит к приращению знания в виде некоторых обобщающих суждений. Это философский и вообще научный метод движения знания от отдельного, особенного к всеобщему, закономерному. Противоположность – *дедукция*.

Как известно, заслуга введения этого метода в науку принадлежит английскому философу **Френсису Бэкону**, который обосновал его в «*Новом органоне*» (1620), считая, что он единственно избавит ум человека от ошибок в познании природы [Бэкон 1977]¹.

2) В узком смысле – это индуктивное умозаключение, в котором связь посылок и умозаключений не опирается на логический закон, в силу чего заключение из принятых посылок следует *не с логической необходимостью, а только с некоторой степенью вероятности*, а потому индукция может и из истинных посылок давать ложное заключение, хотя и не противоречащее посылкам.

Такое понимание индукции в современной логике принято в современной постнеклассической науке (см. раздел 2.5.3 пособия). Вот почему видный отечественный специалист по философии науки Сергей Александрович Лебедев рекомендует для различения этих двух типов индукции (классической и современной) использовать термины *индукция-1* и *индукция-2* [Лебедев 2008 : 373].

Частным случаем индукции–2 является *подтверждение*.

О *видах индукции* (полной, неполной, математической, популярной и др.) можно прочитать в ряде учебников по логике и логических словарях [Кондаков 1975 : 200-202; 376; Ивин, Никифоров 1998 : 124-128].

Значение индукции для лингвистов, приступающих к своим исследованиям, состоит в том, что она положена в основу целого ряда других научных методов [Кохановский и др. 2008 : 352-355].

Закончим описание индукции напоминанием о диалектическом единстве с дедукцией: «Великие открытия, скачки научной мысли вперед создаются *ин-*

¹ Критический анализ индуктивистской программы Ф. Бэкона дан В.А. Светловым [Светлов 2008 : 59-80] и многими другими, считающими программу Ф. Бэкона «чистой утопией», т.к. никакая «индуктивная машина, перерабатывающая факты в новые законы и теории, невозможна» [Ивин, Никифоров 1998 : 126]. См. также критику «всеиндуктивистов» Ф. Энгельсом [Энгельс 1982 : 542].

дукцией, рискованным, но истинно творческим методом, связанным с дедукцией» [Энгельс 1982 : 543].

Но из этого, конечно, не нужно делать вывод о том, что строгость *дедуктивного рассуждения* не имеет никакой ценности. На самом деле, лишь она мешает воображению впасть в заблуждение, лишь она позволяет после установления индукцией новых исходных пунктов вывести следствия и сопоставить выводы с фактами, лишь одна дедукция может обеспечить проверку гипотез и служить ценным противоядием против не в меру разыгравшейся фантазии» [Бройль 1967 : 178].



11. Обобщение, или генерализация (лат. *generalis* – «общий») – 1) в логике – мысленное выделение каких-нибудь свойств, принадлежащих некоторому классу предметов, и формулирование такого вывода, который распространяется на каждый отдельный предмет этого класса: переход от единичного к более общему, от менее общего к более общему, т. е. процесс установления общих свойств и признаков предметов; 2) в философии науки – мысленный переход от частного знания к общему, от менее общих научных понятий и суждений к более общим; 3) метод познания, который позволяет на основании выделения множества элементов, имеющих однотипную характеристику (генеральной совокупности), и выбора единицы анализа получать массивы (системы) этих элементов. При этом происходит формализация объекта и единицы анализа [Всемирная энциклопедия 2001 : 223].

Гносеологической основой обобщения является категория общего и единичного [Философский энциклопедический словарь 1999 : 204].

Реализуется с помощью двух основных операций: абстрагирования и индукции.

В соответствии с двумя видами общего различаются два вида научных обобщений: 1) выделение любых признаков (абстрактно-общее) и 2) существенных (конкретно-общее, закон).

Обобщение не может быть беспредельным. Его пределом являются философские категории, которые не имеют родового понятия и потому обобщить их нельзя.

Противоположной операцией обобщения понятия является ограничение понятий – логическая операция перехода от понятия с большим объемом к понятию с меньшим объемом, от рода к виду. Этот переход осуществляется за счёт добавления к содержанию исходного понятия. Например, добавив к содержанию понятия *предложение* признак «несколько предикативных основ», получим понятие *сложное предложение*; добавив признак «тип связи – сочинение», получим – *сложносочинённое предложение* и т. д.



12. Обоснование – способ рационального убеждения в надежности или в истинности какого-либо высказывания, теории, концепции путём приведения в их пользу каких-либо дополнительных аргументов общего или частного характера.

Напомним, что К. Поппер считал второй проблемой философии науки проблему «как можно обосновать наши теории и верования» [Поппер 1983 : 229].

Существуют три основных способа обоснования:

- доказательство через дедукцию;
- подтверждение через индукцию;
- объяснение.

Обоснование, как правило, является сложным мыслительным процессом, не сводимым к построению отдельного умозаключения, а состоит из цепочки умозаключений. При этом необходимым предварительным условием обоснования любого высказывания, теории, концепции является установление их *логической непротиворечивости и осмысленности*.

Обоснование соотносится с аргументацией как цель и средство: в процессе обоснования используются только основные приёмы аргументации, поскольку приёмы аргументации являются почти всегда более богатыми и острыми, чем приёмы обоснования. Так в аргументации, в отличие от обоснования, используются не только корректные приёмы, но и некорректные, подобные лжи и вероломству. К тому же приёмы аргументации, выходящие за пределы обоснования, менее универсальны и убедительны.

В заключение следует предупредить исследователей о том, что в современной эпистемологии и постнеклассической науке проблема обоснования трансформировалась в проблему не абсолютного, а относительного, вероятностного уровня обоснованности. Однако при этом само требование обоснованности как качество правильного логического мышления, безусловно, остаётся в силе [Кондаков 1975 : 396].



13. Объективация (лат. *objectus* – «предмет») – 1. Перевод сознанием и познанием результатов своей деятельности (содержания переживаний, ощущений, восприятий, представлений, мышления)¹ из внутреннего плана во внешний план, т. е. конструирование объективного предмета познания как некоего противостоящего сознанию предмета созерцания. Результатами такой объективации являются не только все абстрактные, а также идеальные объекты науки, но и чувственные объекты, создаваемые в ходе взаимодействия сознания с внешним миром (миром «вещей в себе» по И. Канту).

Таким образом, объективация – опредмечивание, превращение в объект, а объективировать – значит сделать объектом.

2) Материальное воплощение продуктов сознания и познавательной деятельности (образов, моделей, концепций, теорий) в *объективные артефакты* (в частности в продукты системы, в предметы искусства, социальные инновации и др.).

¹ См. главу 3 пособия.



14. Объяснение – логическая операция, состоящая в подведении утверждений о фактах, законах под более общие законы, принципы и теории.

Научное объяснение понимается как одна из важнейших функций научной теории и науки в целом.

Понятие *объяснение* используется и в повседневном языке, где объяснить какое-либо явление означает сделать его ясным, понятным для нас.

В современной методологии научного познания наиболее широкой известностью и почти всеобщим признанием пользуется дедуктивно-номологическая (от греч. *nomos* – «закон») схема объяснения, в которой объясняемое явление подводится под закон природы, т. е. при таком объяснении указывается условие или причина этого события, при которой с естественной необходимостью должно существовать и её следствие. Такое объяснение чаще используется для природных фактов и событий.

Для общественных фактов и событий чаще используются рациональные объяснения (от лат. *rationalis* – «разумный», *ratio* – «разум»). Правда, такие объяснения сталкиваются с существенными сложностями, обусловленными разным пониманием рационализма в соответствии с философским направлением [Философский энциклопедический словарь 1999 : 386].

Гораздо большую сферу охватывают телеологические (от греч. *telos* – «цель» и *logos* – «учение»), интенциональные (от лат. *intentio* – «намерение, тенденция, стремление») объяснения, которые указывают не на рациональность действия, а на его интенцию, цель, которую преследует человек, осуществляющий действие.



15. Определение (лат. *definitio*) – одно из важнейших средств познания, состоящее в дискурсной и чёткой констатации значения и смысла используемых слов и терминов, которое как логическая операция уже описано в пособии в разделе 3.1.3. Подчеркнем только, что в процессе дефинирования слову или термину приписываются в качестве их значения либо *экстенционал* (объект), либо *интенционал* (понятийные признаки), либо то и другое. Но если слово или термин не соотносятся ни с объектом, ни с признаками, т. е. являются *символами*, то в определении реализуется установка на границы их применения [Всемирная энциклопедия 2001 : 289-290].



16. Подтверждение, или верификация (от лат. *verus* – «истинный» и *facio* – «делаю») – установление соответствия (тождества в определенном отношении) теории, закона, гипотезы некоторому факту или экспериментальному результату, которое никогда не является полным и окончательным.

В методологии научного познания подтверждение рассматривается как один из критериев истинности теории или закона или вероятности их истинности.

Подтверждение может осуществляться логически через индуктивные умозаключения, а также опытом, который является условно-консенсуальным, поскольку всегда необходимо согласие учёных относительно качества (существенности) удостоверенных на опыте следствий и их достаточности для суждения об истинности. Противоположный приём – фальсификация.



17. Синтез (греч. *synthesis* – «соединение, составление, сочетание») – 1) в логике – логическая операция, состоящая в соединении частей предмета, расчленённого в процессе *анализа* и установления взаимодействия связей и частей в познании этого предмета как единого целого; 2) в философии науки – один из важнейших методов научного познания, состоящий в интеграции, объединении различных частей качественно разнородных элементов (материальных или идеальных) в единую систему, единое целое.

На уровне эмпирического познания формами *синтетического познания* являются естественные и искусственные классификации (см. о классификациях раздел 3.1.3 пособия), эмпирические законы, материальные модели объектов, процессов, событий.

На уровне *теоретического познания* такими формами являются логическая систематизация знания, математические модели объектов познания, теоретические законы.

Высшими формами когнитивного синтеза в науке являются научные теории (см. раздел 1.3 пособия), исследовательские программы [Лакатос 1995 : 135-154], парадигмы [Кун 1975], междисциплинарные и комплексные исследования сложных систем [Касавин 2008 : 275-280].

В технико-технологических науках формами синтетического познания выступают проекты новых технических устройств и систем, машин и механизмов, строительных конструкций, новых лекарств, продуктов питания, технологических процессов и т. д. [Лебедев 2006; Канке 2008; 2010 и др.].

Подчеркнём, что анализ и синтез в диалектическом единстве используются на разных этапах исследования, но они абсолютно необходимы на *начальном этапе*, на котором происходит переход от общего, нерасчленённого описания изучаемых объектов, к выявлению их строения, состава, отдельных свойств и затем их цельное представление.



18. Сравнение – один из важнейших методов познания, в том числе научного, который заключается в процедуре установления тождества, сходства или различия познаваемых объектов, явлений и т. п.

Значимость этого метода познания становится ясной, если понять, что сравнение органически входит во всю практическую деятельность людей, в том числе и *научную деятельность*, целью которой является получение научного знания о свойствах, отношениях и закономерностях различных объектов, что невозможно без их сравнения. Без сравнения невозможно познание не только простейших, но и самых сложных явлений природы, общества, челове-

ка, его сознания и мышления, поскольку сравнение «входит» не только в процесс *обобщения*, но и в умозаключения по *анalogии*, в индукцию, дедукцию и особенно в *доказательство*: «Чтобы что-либо доказать, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения...», – пишут классики марксизма и многие учёные [Маркс, Энгельс 1954; Энгельс 1982].

Получение правильного вывода в результате сравнения зависит от строгого соблюдения ряда необходимых условий *логического сравнения*, поскольку сравнение «вовсе не есть чисто произвольное рефлексивное определение...» [Маркс, Энгельс 1982 : 442]:

- сравнивать следует только однородные понятия, которые отражают однородные предметы и явления объектной действительности;
- сравнивать предметы надо по таким признакам, которые имеют важное, существенное значение, поскольку при сравнении «дело идёт о том, чтобы свести имеющиеся налицо различия к тождеству» [Гегель 1975 : 201].

Однако в общеметодологическом плане современной постнеклассической науки «сравнивать между собой можно *любые объекты*, но при условии, что это сравнение производится по какому-либо точно выделенному признаку, свойству, отношению, т. е. в рамках определённого интервала абстракции» (выделено мной – З.К.) [Лебедев 2008 : 544].



19. Фальсификация (от лат. *falsus* – «ложный» и *facio* – «подделывание, искажение», или опровержение) – 1) преднамеренное, сознательное искажение; подмена подлинного, истинного ложным. Такое буквальное понимание было господствующим в доклассический период и в классической науке, хотя оно иногда принимается некоторыми исследователями и в наши дни.

2) Фальсификация – методологическая процедура – устанавливающая ложность теории или гипотезы в результате эмпирической проверки.

Противоположное понятие – верификация (от лат. *verificatio* – «доказательство, подтверждение») – методологическая процедура, используемая в логике и методологии научного познания для обозначения процесса установления истинности научных утверждений посредством их эмпирической проверки. При этом проверка заключается в соотнесении утверждения с реальным положением дел с помощью наблюдения, измерения или эксперимента.

Термин фальсификация в новом значении ввел в методологию науки **К.Р. Поппер**¹, понимая под ней не подделывание теории, а *возможность её оправдания*. Его концепция сводится к следующим тезисам:

- работая с теорией, учёный стремится обеспечить *рост научного знания*, поскольку он подвергает её суровым испытаниям – *фальсификации* – операции нахождения ошибочности теории;

¹ **Карл Раймунд Поппер** (1902-1994) – выдающийся австрийско-английский философ, основатель *постпозитивизма*, или исторической школы в философии науки. Сам он называл себя *критическим рационалистом*. «Главный претендент на почетное звание самого выдающегося философа науки XX века» [Канке 2008 : 195].

- неверно, что возможна абсолютная достоверность научного знания, т.к. человек (учёный) – существо активное и значит – ошибающееся и заблуждающееся [Поппер 1983 : 386-388];
- неверно, что теория должна соответствовать эксперименту; истина (с маленькой буквы) – это найденные ответы на проблемы, отсюда: теория «истинна», если она не противоречит базисным высказыванием, и «ложна», если она этим высказыванием противоречит, потому соответствие между теорией и экспериментом *не является критерием* её истинности. Истина (с большой буквы) – это методологический идеал роста научного знания;
- с логической точки зрения хорошо подтверждаться *опытом* могут не только истинные, но и ложные теории; ненаучность теории не в том, что её нельзя подтвердить, а в том, что её принципиально нельзя опровергнуть с помощью опытных данных;
- неверно, что в науке стремятся к теориям, вероятность опровержения которых максимально низка, что приведёт к топтанию на месте, как раз наоборот, учёных влекут теории, вероятность опровержения которых максимально высока, т.к. именно такие теории обладают высшей степенью информативности;
- верификация и фальсификация не методологические противоречия, а являются *дополнительными процедурами*, т. е. теория должна и верифицироваться и фальсифицироваться [Поппер 1983; 1992].

Таким образом, сильная сторона позиции К. Поппера состоит в том, что он обратил внимание и представил стройную концепцию проблемной фальсифицированности, хотя «в ней недооценены достоинства верификационизма» [Лакатос 1995 : 149; Канке 2008 : 39].

На этой основе в современной науке, в рамках постнеклассической науки осознана фальсифицируемость научного знания как одно из его фундаментальных свойств, хотя критерий фальсифицированности имеет ряд недостатков [см. об этом: Лебедев 2008 : 562].



20. Формализация (от лат. *forma* – «вид, образ») – 1) в логике в широком значении – отображение результатов мышления в точных суждениях и понятиях; такой путь исследования объектов, когда их содержание познаётся с помощью выявленных элементов его формы [Кондаков 1975 : 648-650; Ивин, Никифоров 1998 : 355-356];

2) в логистике (математической логике) в отличие от традиционной логики используются искусственный, *формализованный* язык и метод *логических исчислений*;

3) в философии науки – *формализованные знания* и *формализация теорий* – изложение посредством формализованных языков, которое имеет целый ряд преимуществ, связанных с обоснованием теорий (законов) и обеспечением вычислительных операций [Канке 2008 : 282];

4) в самом широком смысле в философии науки под *формализацией* понимают фиксацию содержательного знания в знаковом формализме. В этом

случае формализацию связывают с методом семиотического анализа (см. раздел 8.3) как сведение содержательных мыслительных процессов к символизации, т. е. обозначению объектов с помощью специальных символических формализованных языков [Общие вопросы философии 2007 : 277-279].

Таковы основные философско-общелогические методы (приёмы и процедуры), которые обобщены¹ и проанализированы нами минимально достаточно для того, чтобы исследователи-лингвисты смогли использовать их в своих работах.

➡ **Обратите внимание!**

При анализе философско-общелогических методов неоднократно указывалось на их взаимодействие. Сложность современного научного знания и его многообразие обуславливают использование в конкретном научном исследовании не одного метода, а их сочетание.

Но при этом возникает вопрос, какие из них сочетаются наиболее продуктивно? Ответ мы можем получить в истории мировой науки при условии, что рассматривать будем не *научные теории* отдельных учёных, а их *научно-исследовательские программы*, потому что историки и методологи науки утверждают, что научные теории являются элементами более общих системных образований, называемых научными исследовательскими программами, примеры которых дают нам работы И. Лакатоса² и В.А. Светлова³.

1. «Твердое ядро» (термин И. Лакатоса) научно-исследовательской программы, изложенной в «Органоне» *Аристотеля*, составляет индуктивно-дедуктивный метод, имеет две стадии: 1) *индукцию*, выполняющую функции открытия научного обобщения (первые принципы физики) и его обоснования (коррекции), и 2) *дедукцию*, предназначенную для переноса истины от первых принципов на их заключение и выполняющую *объяснительные* и *предсказательную* функции.

Программа оказалась настолько высоко эвристичной, что оценивается и в наши дни как «универсальный научный метод познания природы» [Светлов 2008 : 25].

2. «Твердое ядро» интуитивно-дедуктивного метода *Рене Декарта* составляет *дедукция* в союзе с *интеллектуальной интуицией*. Программа настолько высоко эвристична, что Р. Декарт признан «основателем современного рационализма» [Философский энциклопедический словарь 1999 : 128].

3. «Твердое ядро» метода идеализации *Галилео Галилея*⁴ составляет синтез индуктивно-дедуктивной модели научного познания в союзе с идеализацией, экспериментом, абдукцией, абстрагированием, формализацией.

¹ Как правило, в разных источниках обычно указывается только 5-6 общелогических методов: *анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия* [Шкляр 2009 : 80].

² *Имре Лакатос* (1922-1974) – видный венгерский философ, историк науки, философ математики, разработавший концепцию истории науки, согласно которой друг друга сменяют *научно-исследовательские программы* [Лакатос 1995 : 135-154].

³ Используем учебное пособие отечественного философа *Виктора Александровича Светлова*, в котором история научного метода даётся с позиции научно-исследовательских программ [Светлов 2008 : 7].

⁴ *Галилео Галилей* (1564-1642) – гениальный итальянский математик, физик, астроном, мыслитель, который имеет методологические заслуги в области этих наук.

Эвристичность метода – изобретение принципа относительности [Канке 2008 : 46].

4. «Твердое ядро» аналитико-синтетического метода **Исаака Ньютона**¹ составляет единство анализа, синтеза, абдукции, идеализации, абстрагирования, формализации, экспериментального метода и верификации.

Эвристичность – механика Ньютона принимается как первая научная физическая теория [Канке 2008 : 170].

Как видим, уже в этих первых научно-исследовательских программах значительный научный потенциал достигается благодаря синтезу ряда философско-общелогических методов.

Подведём итоги

Краткий обзор основных философско-методологических концепций и сформировавшихся на их основе философских и философско-общелогических² методов позволяет выявить ряд тенденций.

1. Эволюция философских и философско-общелогических методов обнаруживает явную зависимость философских методов от понимания основного вопроса: соотношения философии, философии науки, методологии и науки. Исторически первая, прошедшая длительную эволюцию от Античности почти до нашего времени, концепция *соотношения философии и науки* заключалась в *приоритете философии* (как «науки наук», как «царицы наук»). Справедливо считая высшей целью научного познания объективно-истинное и доказанное знание, философия видела только один путь достижения наукой этой цели – приобщение к истинной философии и овладение её методами. Характер и методы этого «приобщения» предполагались самые разные. На этом этапе роль философии и философия науки в формировании научного метода неоспорима, поскольку метод «вызревал» в основном в лоне философии.

2. Эволюция описанных философских методов явно обнаруживает постепенный, но нарастающий учёт в философских и философско-общелогических методах опыта *частных наук (субнаук)*, в результате чего формируется методология научного метода, представляющего собой диалектическое единство *всеобщего, общего и индивидуального* [Кедров 2006; Яркова 2007].

3. В наши дни критический учёт в научном исследовании философских и философско-общелогических методов, безусловно, необходим, поскольку, как мы указывали, без этого невозможно овладеть научным методом³, существенную часть которого составляет *всеобщая* (философская) и логическая методологии, включающие мировоззренческий компонент, принципы познания, диалектический тип мышления и т. д. Иначе говоря, анализируемые методы в этом случае реализуют метатеоретический компонент познания и

¹ Классические примеры других научно-исследовательских программ с несколько иных позиций и другими целями детально анализирует И. Лакатос, выделяя «ядро» и «защитный пояс» программ, и анализирует диалектику эвристик программ [Лакатос 1995 : 135-154]. Их можно рассматривать как поучительные блестящие образцы верификации и фальсификации научных теорий этих программ.

² См. концепцию академика Б.М. Кедрова о единстве диалектики, логики и теории познания [2006].

³ *Научный метод* в любой науке не является продуктом спонтанной деятельности ума исследователя, наоборот, им надо овладеть через обучение (см. раздел 7.1).

метатеоретическое, по словам С.А. Лебедева, гетерогенное, «кентавровое» знание [Лебедев 2007 : 162].

4. Следует особо подчеркнуть роль *диалектического метода*, который даёт общее направление научного исследования, формирует общие методологические установки и служит средством ориентирования в эмпирическом материале, являясь для исследования своеобразной «ариадниной» нитью, помогающей найти выход из лабиринта фактов [Кузнецов 2006 : 10; Кедров 2006 и др.]¹.

5. Итак, в практике современного научного исследования, в том числе и лингвистического, формы использования философских и философско-общелогических методов многообразны: это не обязательно прямое использование какого-либо философского метода или его компонента, что в принципе возможно, но для всех обязательно необходимо знание описанных методов для овладения *научным методом* и, возможно, ещё важнее – для овладения *частнонаучными* и *дисциплинарными* (в нашем случае – *лингвистическими*) методами, когда охарактеризованные методы не заменяют частных методов познания, а используются «в них и через них».

6. Основная задача, которая осуществлена нами в этой главе – обобщающая. Потребность в этом обусловлена тем, что в лингвистической литературе (см. раздел 1–4 Введения в пособии) даётся только *констатация* необходимости использования философских и философско-общелогических методов в лингвистическом исследовании, но они никак не характеризуются.

В самых новых и лучших, с нашей точки зрения, источниках по философии, философии науки и по науковедению характеризуются основные философские направления и их концепции, но внимание читателей не акцентируется на характеристике конкретных философских методов как таковых. Описание философско-общелогических методов обычно сводится к характеристике только 5-6 основных, за небольшим исключением [см. Горелов 2010; Кузнецов 2006; Новая философская энциклопедия 2010; Всемирная философская энциклопедия 2001 и др.].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Можно ли считать метод *ядром* методологии?
2. В чем заключается сущность метода?
3. Каковы основные функции метода?
4. Как соотносятся теория и метод?
5. Каково соотношение метода с объектом и предметом исследования?
6. Охарактеризуйте три основных аспекта метода.
7. В чем суть, по Вашему мнению, *хорошего метода*?

¹ Однако не следует абсолютизировать диалектический метод, который органично вступает в реальных, конкретных исследованиях в связи с другими методами и, прежде всего, с системным методом, что разъясняется А.Г. Войтовым в разделе «Системность и диалектика» [Войтов 2004 : 427-439].

8. Почему проблема классификации методов является одной из основных проблем теории метода?
9. Почему философские и философско-общелогические методы считаются *всеобщими*?
10. В чем состоят плюсы и минусы натурфилософского метода?
11. Как бы Вы прокомментировали высказывание Ю.М. Хрусталёва: *«Диалектический метод – путь к научному познанию»* [Хрусталёв 2009 : 60].
12. Когда, по Вашему мнению, применим *метод восхождения от абстрактного к конкретному*?
13. Необходимо ли современному исследователю знание *метафизического метода*?
14. Чем обогащает методологическую подготовку современного исследователя *трансцендентальный метод*?
15. Как вы полагаете, почему *феноменологический метод* получает такую высокую оценку в современной философии науки и науковедении? Обоснуйте свою точку зрения.
16. Можно ли в современном исследовании, в том числе – в лингвистическом, обойтись без знания философско-общелогических методов и приёмов?
17. Почему *научный метод*, представляет собой диалектическое единство *всеобщего, общего и индивидуального*? Обоснуйте свою позицию, опираясь не только на содержание главы, но и используя дополнительную научную литературу.
18. Прокомментируйте высказывания:

«Диалектика выступает как метод для отыскания новых результатов»
(К. Маркс, Ф. Энгельс).

«По Э. Гуссерлю именно философы должны взять на себя ответственность за весь проект человеческого познания» (Т. Лойт).

«1000-летнее господство логики и диалектики завершилось в XVI веке»
(А.Г. Войтов).

«Поистинне трагично положение философа. Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии, и притом с самых разнообразных сторон» (Н.А. Бердяев).

«В настоящем веке успех будет обеспечен не за нацией атлетов и классиков, но за страной тех людей, кто, получив воспитание в строгих методах науки, будет обладать знанием и, что ещё важнее, живостью ума, необходимой для того, чтобы черпать из всем доступной неистощимой сокровищницы природы» (К.А. Тимирязев).

«Каждое поколение смеётся над предыдущим, обвиняя его в слишком поспешных и слишком наивных обобщениях» (А. Пуанкаре).

Литература для углублённого изучения¹

- Амирова 2000
Аргументация и интерпретация 2006
Аристотель 1976
Бросова 2011
Брюшинкин 2001
Бузгалин 2011
Бэкон 1977
Войтов 2004
Гегель 1975
Гейзенберг 2006
Горелов 2010
Гуссерль 1992; 1991; 1999
Джевонс 2007
Декарт 1953; 1989
Ивин 1997
Ивин, Никифоров 1998
Канке 2008; 2010
Кант 1999
Капица 1987
Кассирер 2007
Кедров 2006
Кондаков 2005
Кохановский и др. 1992; 2008
Кузнецов 2006
Лебедев 2007; 2008
Лейбниц 1983
Марков 2011
Маркс, Энгельс 1954
Минаева и др. 2007
Новая философская энциклопедия 2010
Новейший философский словарь 2007
Оствальд 2007
Павлов 1956
Пирсон 2007
Поппер 1992; 2002
Пригожин, Стенгерс 1986
Пуанкаре 2007
Риккерт 2007
Сачков 2003
Светлов 2008
Сергеев 1987
Советский энциклопедический словарь 2002
Тихонов, Ворона 2009
Уайтхед 1990
Фейербах 1974
Философский словарь 2007
Философский энциклопедический словарь 1999
Фолькман 2007
Хинтиikka 2011
Хрестоматия 2007
Хрусталёв 2009
Цепцов, Куарье 1997
Швырев, Джумадурдыев 1988
Шептулин 1983
Шкляр 2009
Шпет 1996
Эйнштейн, Инфельд 1965
Яковлев 1989
Яркова 2007



¹ См. также списки литературы к первой и второй главам.

Глава 8

Методы гибридных методологических уровней



*Метод науки – просеивать житейское мировоззрение и, оставляя лишь очень определённый подбор его обрывков, остальное объявлять за пределами своей области, а потому – и вне закона, по крайней мере, **своего** закона..., от метода одной науки нет моста к методу другой. Области наук отрезаны друг от друга... К счастью, **существует философия**, – и значит, связность совместима с полнотой... Существует философия – значит описание может быть жизненным. Философия есть – и мертвящий метод науки теряет свою железную жесткость.*

Павел Флоренский¹

В этой главе анализируются методы методологических уровней, которые мы обозначим как *гибридные*, поскольку они иницируются философско-общенаучными концепциями:

- системологией;
- синергетикой;
- семиотикой,

являющихся промежуточными, посредническими метанаучными дисциплинами, в концептах и терминах которых реализуются отношения, связи между философской методологией и методологией частных наук. К таким уровням относим: 2-ой уровень – *системологический*; 3-ий уровень – *синергетический* и 4-й уровень – *семиотический*².

8.1. Системный подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа системного метода

8.1.1. Основные концепты системологии

В предшествующей главе пособия, в разделах 7.3 и 7.4, были рассмотрены *философские* и *философско-общелогические методы* «высшего» – **пер-**

¹ Флоренский 1998 : 121.

Павел Александрович Флоренский (1882-1937) – замечательный русский мыслитель, один из основателей русской философии всеединства (см. анализ этого направления в книге В.А. Канке 2010 : 198-205; Колесов 2002 : 112-118; 261-273), «учёный поп», о котором Н.С. Булгаков писал: «...Жизнь ему как бы предложила выбор между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были и Соловки, он хотел до конца разделить судьбу со своим народом» [Цитируется по: Флоренский 1999 : 12].

² См. в «Итогах первой части» схему 14 и в разделе 7.2. «Проблема классификации и систематизации методов» перечень методологических уровней.

вого уровня методологии, синтезируемые на основе единства диалектики, логики и теории познания [Кедров 2006]¹.

Перейдём к рассмотрению **второго уровня** методологии – системологического и его системного метода.

Напомним, что в пятой главе пособия «Системология как источник и составная часть лингвистической методологии» уже говорилось о начавшемся «веке систем», характеризующемся обострённым вниманием к проблеме системности, под которой в наши дни понимается «внутренняя организация Вселенной, обладающая *саморазвитием и эмерджентными*² свойствами и функционирующая по принципу обратных связей» [Горелов 2010 : 482].

Это обусловило формирование системологии (термин Г.П. Мельникова) как промежуточной, посреднической метанаучной дисциплины, связывающей философскую и частные науки (субнауки).

Системология рассматривается как итог развития методов познания и самой идеи системного исследования объектов мира в науке, которые возникли ещё в античной философии.

В настоящее время системология включает прежде всего такие базовые концепты, как *системный подход, система и структура, принцип системности, общая теория систем и системный анализ*.



Системный подход – это такое направление в философии и методологии науки, которое подчеркивает фундаментальную роль *системного метода* не только в самом научном познании, но и в философском осмыслении *науки* – в построении моделей её структуры и динамики [Лебедев 2008 : 112].

Само понятие *системный подход* стало широко употребляться в англоязычной и русскоязычной научной литературе только в конце 60-х и начале 70-х годов XX века, когда была осмыслена сущность этого подхода, который является альтернативой, с одной стороны, элементарному *механическому подходу*³ к объектам науки, а с другой – грубо *холистическо-телеологическому*⁴, которые были характерны классической и неклассической науке (см. раздел 2.5.1 и 2.5.2 пособия) и пересматриваются в современной постнеклассической науке (см. раздел 2.5.3 пособия).

¹ **Бонифатий Михайлович Кедров** (1903-1985) – крупный отечественный философ, психолог, химик, историк и методолог науки, обосновавший единство диалектики, логики и теории познания.

² **Эмерджентный** (от англ. *emergent* – «внезапно возникший») – концепция, которая рассматривает развитие как скачкообразный внезапно возникший процесс. Такими свойствами обладают все *сложные системы*.

³ **Механизм** – научно-философская концепция, согласно которой, во-первых, фундаментальные законы природы суть однозначные причинно-следственные зависимости; во-вторых, эти фундаментальные законы природы описываются в *механике*, которая является основной парадигмой в науке, т. е. образцом построения научных теорий для всех остальных областей естествознания и всех других наук.

⁴ **Холизм** – философская концепция, утверждающая приоритет целого перед составляющими его частями, вследствие чего функционирование и развитие систем и подсистем полностью определяется целым как таковым.

Телеологизм – концепция в философии науки всеобщего характера *целевой детерминации* процессов и явлений живой и неживой природы. Такая преувеличенная роль цели и целевой детерминации приводит к недооценке роли *причинно-следственной* взаимосвязи всех явлений и их самоорганизации, а также роли *случайного* характера связей явлений.

Специфика современного понимания *системного подхода* определяется тем, что он ориентирует исследователя на раскрытие целостности развивающегося объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведения их в единую теоретическую картину (см. раздел 1.3 пособия).

Важным понятием современного системного подхода является понятие *самоорганизация*. Данное понятие характеризует процесс создания, воспроизведения или совершенствования организации сложной, открытой, динамичной, саморазвивающейся системы, связи между элементами которой имеют не жесткий, а вероятностный характер (живая клетка, организм, биологическая популяция, человеческий коллектив и т. п.) [Кохановский и др. 2008; Хрусталёв 2009; Марков 2011 и др.].

В современной науке самоорганизующиеся системы являются специальным предметом исследования *синергетики* – общенаучной теории самоорганизации, ориентированной на поиск законов любой природы – природных, социальных, познавательных (см. раздел 2.5.3 пособия).

Наконец, следует подчеркнуть действие процесса *управления* в самоорганизующихся системах, инициируемых кибернетикой – наукой об управлении в живых (биологических и социальных) и неживых системах (см. в разделе 2.5.3 таблицу 4 на с. 91-92 «Общая характеристика синергетики и кибернетики»).

Как видим, в наши дни системный подход – это *междисциплинарное* философско-методологическое и научное направление исследований [Новая философская энциклопедия 2010. III : 559], без учёта которого невозможна в наши дни никакая исследовательская работа, поскольку такой подход даёт возможность любому исследователю овладеть системным мышлением.

Системный подход – совокупность общенаучных методологических принципов (требований), в основе которых лежит рассмотрение *объектов как систем*. К числу этих требований относятся:

- выявление зависимости каждого элемента от его места и функций в системе с учетом того, что свойства целого несводимы к сумме свойств его элементов;
- анализ того, насколько поведение системы обусловлено как особенностями ее отдельных элементов, так и свойствами ее структуры;
- исследование механизма взаимодействия системы и среды;
- изучение характера иерархичности, присущей данной системе;
- обеспечение всестороннего многоаспектного описания системы;
- рассмотрение системы как динамичной, развивающейся целостности.

Важную роль философского обоснования системного подхода составляет принцип системности, сущность которого заключается в философском универсальном утверждении: «Все предметы и явления мира представляют собой системы той или иной степени цельности и сложности» [Новая фило-

софская энциклопедия 2010. III : 558], в том числе и предметы и явления науки, инициируемые *общенаучными принципами* (см. раздел 2.2 пособия).

Принцип системности сыграл ведущую роль не только в формировании системного подхода, но не меньшую роль и в становлении *общей теории систем*, предназначенной для интеграции, сжатия научных знаний, их фундаментализации и создания обобщающих моделей систем [Разумов, Благодатских 2006 : 3]¹, *системного метода* и *системного анализа*.

Системный метод заключается в том, что в нём реализуется подход к предмету изучения как к некоторой *системе*.

Это, в оценке С.А. Лебедева, «с одной стороны, «банальная», а с другой – очень сильная познавательная установка» [Лебедев 2008 : 535].

Моделируя изучаемый объект как систему, исследователь должен разложить его на определённое множество элементов (*Анализ*), а затем сформулировать множество отношений между ними (*Синтез*).

При этом абстракция системы при её моделировании «является одной из наиболее универсальных, эвристичных и плодотворных в познании объектов самой различной природы» [Лебедев 2008 : 251].

Предполагается, что системная модель объекта способна объяснить все его существенные свойства и отношения, а также интегральные поведения систем, хорошо согласуясь при этом с эмпирическими данными об объекте, полученными путём систематического наблюдения и эксперимента.

Взгляд на объект как на систему предполагает принятие допущения о его относительной независимости от других объектов и самодостаточности с точки зрения его функционирования как целого по присущим ему внутренним законам.

Другим сильным следствием взгляда на исследуемый объект как систему является допущение о его целостности, что означает принятие гипотезы о наличии интегральных законов его поведения, несводимых к сумме законов функционирования его отдельных элементов.

Логическим продолжением и развитием системного метода является *системный анализ*², формирующийся в рамках постнеклассической науки.

Системный анализ – совокупность методов и приёмов, используемых при исследовании сложных и сверхсложных объектов, прежде всего методов выработки, принятия и обоснования решений при проектировании, создании и управлении социальными, экономическими, человеко-машинными и техническими системами [Новая философская энциклопедия 2010. III : 558].

¹ Анализ общей теории систем и её основных концептов (*система, структура, типы систем* и др.) дан в разделе 5.2. пособия. См. схему 11 (на с. 167) «Классификационная схема систем», а также таблицу 7 (на с. 111) «Соотношение типов систем с типами наук»

² Ряд исследователей, работающих в области *общей теории систем*, считают, что *системный анализ* в некотором роде «незаконный» термин. В начале 60-х годов в США появился термин *system analysis*, который обозначал сложившуюся к тому времени методику анализа сложных систем, развивающую методы исследования операций. Исследователь операций по-английски называется *analyst*, а специалист по анализу и проектированию сложных систем – *system analyst*. Таким образом подчёркивается его квалификация.

Этот термин следовало бы перевести на русский язык как анализ систем, но его перевели и ввели в научный оборот как *системный анализ* [Разумов, Благодатских 2006 : 13]. В таком виде он попал в словарно-справочную литературу.

Системный анализ предполагает выявление *эффективности сложных (неравновесных) систем*.

Эффективность – существенное отношение изменений на выходе неравновесной системы к изменениям на входе.

В основе многих неравновесных процессов лежит превращение одной формы энергии в другую.

К понятию эффективности обращаются, когда задаются вопросами: какова потеря энергии? можно ли снижать потери до некоторого эталонного уровня? Эффективность функционирования неравновесной системы определяется ее способностью разрешать внутренние и внешние противоречия.

Существуют несколько условий и требований, предъявляемых к показателю эффективности:

- показатель эффективности характеризует систему в целом, а не какую-то ее часть;
- показатель эффективности и его зависимость от установленных факторов должны обеспечивать получение количественной оценки с требуемой достоверностью;
- необходимо, чтобы область изменения показателя эффективности имела четко очерченные границы.

Показатель эффективности есть величина, полученная от деления выходного потока системы на ее входной поток [Общие вопросы философии науки 2007 : 301].

Как видим из дефиниции, системный анализ направлен на сложные и сверхсложные системы (к примеру, такой является *языковая система*), причем в таких системах важная роль принадлежит *деятельности человека*.

Основным принципом анализа является одновременное (совместное) исследование *структуры и функционирования системы*.

Использование методов системного анализа для решения исследовательских и управленческих проблем необходимо прежде всего потому, что в процессе принятия решений приходится осуществлять выбор в условиях неопределенности, которая связана с наличием факторов, не поддающихся строгой количественной оценке.

Процедуры и методы системного анализа направлены на выдвижение альтернативных вариантов решения проблемы, выявление масштабов неопределенности по каждому из вариантов и сопоставление вариантов по тем или иным критериям эффективности.

Согласно принципам системного анализа, возникающая перед обществом та или иная сложная проблема (прежде всего проблема управления) должна быть рассмотрена как нечто целое, как система во взаимодействии всех ее компонентов. Для принятия решения об управлении этой системой необходимо определить ее цель, цели ее отдельных подсистем и множество альтернатив достижения этих целей, которые сопоставляются по определенным критериям эффективности, и в результате выбирается наиболее приемлемый для данной ситуации способ управления.

Центральной процедурой в системном анализе является – построение *обобщенной модели* (или моделей), отображающей все факторы и взаимосвязи реальной ситуации, которые могут проявиться в процессе осуществления решения. Полученная модель исследуется с целью выяснения близости результата применения того или иного из альтернативных вариантов действий к желаемому, сравнительных затрат ресурсов по каждому из вариантов, степени чувствительности модели к различным нежелательным внешним воздействиям. *Системный анализ* опирается на ряд прикладных математических дисциплин и методов, широко используемых в современной деятельности управления.

Техническая основа системного анализа – современные компьютеры и информационные системы. В системном анализе широко используются методы системной динамики, теории игр, эвристического программирования, имитационного моделирования программно-целевого управления и т. д.

Важной особенностью системного анализа является единство используемых в нем формализованных и неформализованных средств и методов исследования.

8.1.2. Основные методы исследования систем

Наиболее эффективные методы исследования систем сведены в таблицу 9 [Разумов, Благодатских 2006 : 116-118].

Таблица 9

Основные методы исследования систем

№ п/п	Название метода	Сущность	Выход	Достоинства	Недостатки
1	Экспериментальный	Эксперимент	Надо изучить общие закономерности систем и использовать при исследовании конкретных систем с помощью абстрактных понятий и математических методов	Наиболее эффективен при исследовании больших систем	Сложность, дороговизна; сложно исследовать реальные объекты в их среде с целью эксперимента
2	«Черный ящик»	На основе изучения потоков информации в системе создается модель, обеспечивающая преобразование входной	—	Делается заключение о поведении системы на основе наблюдений за входом и выходом	Используется только на начальном этапе исследования систем

		информации в выходную. После экспериментов с моделью полученные данные о входах и выходах системы формируются вывод о структуре системы		дом, но не исследуется внутренняя структура системы	
3	Статистический анализ	1. Определяется статистический характер выходных величин по известным входным. 2. Определяются условия функционирования систем	Методы 5 и 6	Используется для изучения информации и выявления статистических закономерностей в системе	Необходима информация о реальных системах
4	Логический анализ	Выявление логических закономерностей в системах и различных видов управляющих систем	Методы 5 и 6	Используется при разработке новых систем (на основе выявления логических закономерностей в существующей системе и различных видах управления систем)	То же
5	Метод обследования	Получение сведений об изучаемой системе по заранее составленной методике	Количество документов, их форма, содержание, периодичность, маршруты движения	—	—
5.1	Изучение формализованных документов	Сбор сведений о функционировании системы	—	—	Необходима информация о реальных системах
5.2.	Анкетирование	То же	—	—	То же
5.3.	Мгновенное наблюдение	Личное изучение исследователем отдельного звена или исполнителя	—	—	То же
5.4.	Самостоятельное фотографирование	В течение определенного времени работник сам фиксирует начало, ко-	—	—	То же

		нец и наименование выполняемой работы. При этом момент для каждого обследования определяется датчиком случайных чисел			
6	Эвристический	Основан на интуиции и опыте	—	Решение задач, для которых еще нет эффективных алгоритмов решения	Для сложных задач – многошаговый процесс с множеством альтернатив

Интерпретация таблицы 9

1. Экспериментальный метод наиболее эффективен для использования больших систем, но сложность и дороговизна его применения практически исключают создание опытных систем для экспериментального изучения. Трудно, а часто и невозможно исследовать реальные объекты в их естественной среде с экспериментальными целями. Например, создание систем вооружения; войсковые командно-штабные учения; военные игры и др.

Большое значение имеет изучение общих закономерностей разнообразных по природе систем, чтобы применять их при изучении конкретных, поэтому при исследовании систем широко используются абстрактные понятия и математические методы.

В основе *методов исследования систем, лежит* принцип изоморфизма (от лат. *isos* – «равный», *morfe* – «форма»), т. е. одинаковость формы в широком смысле. Примеры: полет ракеты и система дифференциальных уравнений, описывающая этот полет; изменение напряжения в электрической сети и колебательное движение летательного аппарата относительно центра тяжести.

На базе изоморфизма моделируется функционирование различных систем.

Сущность *моделирования*: исследуемая система заменяется некоторой моделью, которая и изучается. Суть при этом не во внешнем тождестве модели и исследуемой системы, а в сходстве их структуры и функций; в единстве процессов управления в них, т. е. исследуемая система и модель должны быть *изоморфными*.

Любой процесс можно моделировать разными средствами: физическими, электрическими, математическими. Технические средства моделирования применяются в соответствии с требованием близости модели к исходному объекту. Для исследования систем чаще всего используется математическое моделирование с помощью ЭВМ.

2. Метод «черного ящика» – распространенный метод исследования систем. Он основан на *аналогии* данных входов и выходов систем при различии их внутренних структур. Основное назначение этого метода – не вникая во

внутреннюю структуру систем, ее устройство, сделать заключение о поведении системы при наблюдении за входами и выходами.

Суть этого метода состоит в том, что на основе изучения потоков информации в системе строится *модель* (физическая или математическая), которая обеспечивает преобразование входной информации для получения состояния выходов системы. После серии экспериментов с этой моделью исследователь получает данные, описывающие связи входов и выходов системы. Полученная информация позволяет сделать вывод о ее структуре.

Моделирование, как метод исследования систем, занимает промежуточное положение между экспериментальным исследованием реальной системы и математическим анализом системы, поэтому часто применение метода моделирования для исследования систем называется *системным экспериментом*.

3. Статистический анализ систем предназначен для выявления статистических закономерностей в изучаемых системах на базе теоретико-вероятностного подхода. Сущность метода – определение статистических характеристик выходных величин по известным статистическим характеристикам входных величин и условий функционирования. Метод широко применяется при изучении *информации, циркулирующей в системе*.

4. Логический анализ применяется для определения логических закономерностей в изучаемых системах и для выявления различных типов управляющих систем. Классификация последних на основе логического анализа базируется на определенных признаках (по выполняемым функциям, по типам применяемых схем или элементов и т. п.) и имеет большое значение при разработке новых систем управления.

Для создания модели системы при проведении анализа методами 3 и 4 и решении других задач необходима информация о реальных системах, т. е. их обследование.

5. Метод обследования – это способ получения сведений об изучаемой системе по определенной, заранее составленной методике (программе). Например, при изучении деятельности органов управления компаний и других управляющих решений можно рекомендовать комплекс следующих методов обследования:

- изучение формализованных документов, применяемых для управления (количество документов, их форма, содержание, периодичность обмена, их маршруты и т. д.);
- анкетирование;
- мгновенные наблюдения;
- самофотографирование и др. [Разумов, Благодатских 2006 : 120].

6. Эвристические методы наиболее эффективны в случае:

- выбора структуры системы управления;
- оптимизации процесса функционирования систем по нескольким критериям;
- выбора решений в условиях неопределенности;

- исследования процессов обучения и самообучения;
- распознавания образов;
- изучения процессов взаимодействия человека и технических средств в автоматизированных системах управления.

Сущность этих методов – решение задач, для которых еще нет эффективных алгоритмов решения; базируется на интуитивных представлениях. Отсутствие эффективного алгоритма требует просмотра огромного количества вариантов. Человек в этом случае использует свой логический аппарат, ассоциации и аналогии, вспоминая прецеденты; высказывает прогнозы и догадки. Естественно, он стремится к оптимальным результатам.

Эвристическими называются методы, основанные на опыте, принципы и средства, которые способствуют уменьшению числа поисков решения сложных задач.

Эвристический метод (эвристика) не гарантирует нахождения не только оптимального, но и любого решения; предлагается решение, которое обычно оказывается хорошим. *Эвристическим программированием* (ЭП) называется составление программ с помощью эвристического метода для решения сложных задач на ЭВМ. Главная задача ЭП – формализация мыслительных функций человека для применения ЭВМ в сложных интеллектуальных областях. Основные приложения эвристического программирования к решению таких задач:

- оптимальное распределение материальных ресурсов и рабочей силы;
- составление расписаний движения транспорта;
- распознавание аварийных ситуаций (катастроф);
- медицинская диагностика;
- распознавание образов;
- шахматные партии (по дебютам) и др.

Итак, системный подход и его концепты входят в методологический арсенал любого современного исследователя, в том числе и исследователя-лингвиста, поскольку такой подход даёт возможность овладеть современным системным методом, способствующим формированию системного мышления как «высшей формы научного познания» [Войтов 2004 : 121].

8.2. Синергетический подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа синергетического метода

Этот *третий уровень* системной лингвистической методологии органично связан со *вторым уровнем* – *системологическим* – через исходное понятие – система, поскольку в современном научном сообществе принимается положение о том, что синергетический метод инициируется, прежде всего:

- синергетикой (греч. *sinergeia* – «совместное действие») ¹ – общенаучной теорией самоорганизации сложных и сверхсложных систем ¹;

¹ *Синергия* – согласованное действие, содействие, что является одним из источников и причин самоорганизации сложных систем.

- кибернетикой (греч. *kybernetike* – «искусство управления») – наукой об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и человеческом обществе, т. е. управление сложными системами с *обратной связью*², которая в свою очередь формируется на стыке с математикой, техникой и нейрофизиологией; а также
 - общей теорией систем³;
 - информатикой (лат. *informacio* – «сообщение, осведомление, сведение») – наукой об *информации* и закономерностях всех процессов научной коммуникации;
 - философской концепцией о системном характере бытия; об *Универсуме* а) как бесконечном множестве системных объектов любого рода и т. д.; б) как мир в целом, Вселенная [Лебедев 2008 : 264]; 2) о системном восприятии мира как об основополагающем свойстве человеческой психики [Рамишвили 1978 : 176]; 3) о системном характере научного знания [Лебедев 2008 : 70].

Понятно, что такое направление в науке, формирующееся на синтезе сложных, неоднозначных теорий, наук не может пониматься и интерпретироваться однозначно: «Вопрос о статусе синергетики запутан сверх всякой меры», – считает В.А. Канке⁴ [Канке 2008 : 228].

Самое узкое понимание синергетики – «физико-математическая дисциплина, предметом которой является определённый класс нелинейных математических уравнений и возможности их использования в целях моделирования» [Канке 2008 : 229].

Второе понимание: синергетика – одно из ведущих направлений современной науки, репрезентующее собой *естественнонаучный вектор* развития теории нелинейных динамик в *современной культуре* (выделено мной – З.К.) [Всемирная энциклопедия 2001 : 923-934; Новейший философский словарь 2001 : 902-913 и др.].

Как видим, синергетическое мировидение распространено не на отдельную науку как в первом понимании, а на всё естествознание в пределах современной культуры.

Третье понимание: синергетика – «междисциплинарное направление научных исследований, возникшее в 70-х годах XX века и ставящее основной задачей познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе самоорганизации в системах разной природы: биологических, технических, экономических, социальных и др.» [Философский словарь 2001 : 511; Хакен 2000; Лесков 2003; Губанов 2009 и др.]

¹ Понятие о *сложных* и *сверхсложных* системах см. в разделе 2.5.3.

² *Обратная связь* – связь подсистемы на выходе по сравнению с моделью на входе, через которую осуществляется управление данной подсистемой, т. е. связь между воздействием на систему окружающей среды и реакцией системы на него.

³ См. раздел 8.1. этой главы пособия, а также раздел 2.5.3.

⁴ **Виктор Андреевич Канке** (г.р. 1944) – доктор философских наук, профессор, автор цикла научных и учебных работ по вопросам философии науки, техники, этики, истории философии, автор оригинальной энциклопедии по философии науки (2008).

Как видим, синергетика уже осмысливается как общенаучное и междисциплинарное направление.

Четвертое, самое широкое понимание синергетики – общая теория самоорганизации и развития, формирующая новый, *синергетический тип мышления и мировоззрения* [Пригожин, 1987; Князева 2004; 2010; Князева, Курдюмов 2010; Хрусталёв 2009; Марков 2011 и др.].

Очевидно, что с конца 60-х годов XX века, когда *Г. Хакен*¹ ввёл в науку понятие синергетика, до наших дней, идёт неуклонное расширение синергетического мировоззрения. И если стоящую перед синергетикой цель И. Пригожин² и И. Стенгерс определяют как состоящую в том, «чтобы в необычном разнообразии естественных наук попытаться найти путеводную нить, ведущую к какой-то единой картине мира» [Пригожин, Стенгерс 1986], то «цель эта может считаться достигнутой» [Новейший философский словарь 2001 : 911].

Более того, в настоящее время уже предприняты попытки создания универсальной концептуальной модели мирового процесса самоорганизации: в англоязычной литературе – *К. Майнцером*, в русскоязычной – *Н.Н. Моисеевым*³ [Там же : 912]: «Глобальный эволюционный процесс развития Суперсистемы и её отдельных составляющих – это процесс самоорганизации» [Моисеев 1990 : 78].

В самом сжатом виде современную концепцию синергетики как теории самоорганизации и развития можно представить следующим образом – это процесс самопроизвольного формирования регулярных структур в системах, для чего системы должны быть *диссипативными*, т. е. способными к рассеянию энергии; *открытыми*, т.е. иметь возможность обмениваться веществом, энергией и информацией с окружающей средой; *нелинейными*, т. е. иметь возможность альтернативного изменения в точках *бифуркации*, т. е. раздвоения, разветвления, в которой система теряет свою устойчивость⁴ [Лебедев 2008 : 248];

- понимание самоорганизации как постоянного отбора более совершенных и продуктивных способов организации и кооперации систем и отбраковка контрпродуктивных, утративших свой энергетический потенциал [Там же];
- в системах действует требование: самоорганизующимися системами нельзя управлять, навязывая им нежелательные сценарии развития, а не-

¹ *Герман Хакен* (г.р. 1927) – немецкий математик и физик, который обосновал синергетику как «учение о взаимодействии и исследовании общих закономерностей, которые действуют в системах, состоящих из отдельных частей» [Хакен 2000 : 54]. Его последователями были:

² *Илья Романович Пригожин* (1917-2003) – русско-балтийский и американский физик, химик. Основатель термодинамики неравновесных процессов: «Неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса» [Пригожин; Стенгерс 1986 : 357]. За эту работу он получил Нобелевскую премию (1977). Благодаря его работам в области синергетики, она получила статус общенаучной дисциплины.

³ *Никита Николаевич Моисеев* (1917-2000) – российский физик, математик, автор работ по концепции *универсального эволюционизма*.

Моисей Самойлович Коган (1921-2006) – российский философ, культуролог. Одна из его работ «*Человеческая деятельность: опыт системного анализа*» (1991).

Князева Елена Николаевна (г.р. 1959) – отечественный философ, специалист в области философии синергетики, которая использует синергетические модели для анализа процесса познания.

Эти учёные способствовали формированию синергетики в её последнем, четвертом понимании.

⁴ Эти и другие концепты синергетики см. в разделе 2.5.3.

обходимо *создавать условия*¹, с тем чтобы система развивалась по тому или иному сценарию [Князева, Курдюмов 2005];

- разработанные современной синергетикой «модели» порядка через *флуктуацию* (случайные отклонения), открывают перед нами неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие следствия; отвечая на вопрос, каков механизм «выбора» системой того или иного пути развития из веера возможных, синергетика постулирует фундаментальный статус в этом процессе *феномена случайности* [Пригожин, Стенгерс 1986].

Следует ещё подчеркнуть, что синтез синергетики и кибернетики² позволяет дать ответы на ряд фундаментальных вопросов: «Кибернетика решает проблему рождения разума, синергетика – проблему рождения материи» [Горелов 2010 : 115].

В целом же интегрированная современная синергетика имеет **философское значение**, поскольку даёт новое представление о мире, основанное на роли принципов самоорганизации, имеющего общий характер и присущий явлениям и процессам *природы, общества и познания* [Лебедев 2008 : 248], а также роли связи, управления, информации, организованности, обратной связи, целесообразности и вероятности [Винер 1968 : 288; Горелов 2010 : 214].

Синергетика, сформулировавшая принцип саморазвития в природе, обществе и познании, подтвердила вывод теории относительности о взаимопревращении *вещества и энергии* [Пригожин, Стенгерс 1994 : 244]. Ответила на вопрос, за счёт чего происходит эволюция в природе, обществе и познании и позволила сформулировать концепцию *универсального эволюционизма* [Моисеев 2000; Кохановский и др. 2008 : 434; Хрусталёв 2009 : 328; Горелов 2010 : 115].

Итак, синергетическое видение мира – это умение усмотреть в сегодняшнем состоянии нелинейной системы те фрагменты, в которых процессы протекают так, как они шли во всей системе в прошлом, и те фрагменты, в которых они идут так, как они будут идти во всей системе в будущем [Кузьмина 2009 : 35].

Социальное значение синергетики заключается в том, что она даёт новое представление о самоорганизации общества и моделирование самоорганизации социокультурных систем [Моисеев 1990; Хакен 1980; Лешкевич 1994].

Общенаучное значение, поскольку, во-первых, она даёт целый ряд общенаучных понятий, которые оказываются важными и для других областей науки; во-вторых, на основе функционального подхода «сигнал-отклик» она формирует гипотезы о внутреннем составе и строении систем; в-третьих, изучение функционирования более простых систем используется для выдвижения гипотез о механизме работы сложных систем (например, мышление человека) [Горелов 2010 : 214].

¹ *Условием формирования новых структур* является: 1) открытость системы; 2) её нахождение вдали от равновесия и 3) наличие *флуктуаций* – возмущений, создаваемых внешней средой или воспроизводимых самой системой [Горелов 2010 : 113].

² Общую характеристику *синергетики и кибернетики* см. в разделе 2.5.3. в таблице 4.

Методологическое значение синергетики состоит в том, что она, во-первых, дала и апробировала целый ряд *новых стратегий научного поиска*, например 1) древовидная ветвящаяся графика, образ которой воссоздаёт альтернативность развития [Тойби 1991]; 2) синергетика как стратегия сжатия информации в системах [Хакен 1980]; стратегия на основе «теории направленного беспорядка» [Кохановский и др. 2008 : 425]; 3) схемы цикличности с учётом отношений бинарности и дополнительности; 4) анализ нестабильных, неравновесных систем на основе онтологической неопределённости (Н. Винер, К. Шеннон, У. Эшби, Р. Хартли, Т.Г. Лешкевич...); 5) анализ по типу «*case studies*» – ситуационные исследования: текстуальные и полевые [Касавин 2008]; 6) научно-исследовательская стратегия изучения *куматоидов* – так называемых «плавающих» системных объектов, которые дают воспроизведение наиболее типических особенностей поведения объектов, к примеру, из социальной жизни [Кохановский и др. 2008 : 434].

Во-вторых, синергетический подход позволил оформиться ряду научных методов: *вероятностных, стохастических* (случайно-вероятностных) и особенно – *методов математического и кибернетического моделирования*. Следует отметить знаменитую отечественную школу *математического моделирования*, главой которой является академик А.А. Самарский, к которой принадлежал С.П. Курдюмов и др. [Курдюмов и др. 1988].

Таким образом, методология синергетики как позитивной эвристики позволяет осмыслить высказанные идеи в контексте целого и сделать следующий шаг в понимании и объяснении общих принципов описания сложных и сверхсложных систем в природе, обществе, познании.

Техническое значение синергетики и кибернетики состоит в том, что на основе их принципов созданы электронно-вычислительные машины, роботы, персональные компьютеры, что породило тенденцию *кибернетизации и информатизации* не только научного познания, но и всех сфер жизни [Хрусталёв 2009; Горелов 2010; Марков 2011 и др.].

В завершение анализа следует предупредить, что такая оптимистическая характеристика синергетической парадигмы как нового образа мышления и нового мировоззрения, новой методологии науки «имеет смысл лишь в том случае, если её научное значение не абсолютизируется и рассматривается наряду со значением других наук» [Канке 2008 : 299]¹.

8.3. Семиотический подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа семиотического метода

8.3.1. Основания семиотического подхода

¹ Специалисты по синергетике сетуют: после того, как на одной из конференций они услышали, что «Бах офрактализовал свои произведения» или что «синергетику надо внедрять в культуру, а культуру в синергетику», стало ясно – для синергетики вполне реальна опасность «растворения» и утраты смыслов [Кузьмина 2009 : 203].

Перейдём к рассмотрению последнего гибридного методологического уровня, который инициируется прежде всего семиотикой (<греч. *semeion* – «знак») – это *научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию* [Новейший философский словарь 2001 : 895]¹.

В приведённой дефиниции подчеркивается, что основным объектом изучения этой науки являются особые, специфические системы, в том числе – и сложные, следовательно, очевидна органическая связь семиотики с системологией, синергетикой, кибернетикой (математикой, техникой, нейрофизиологией) и информатикой².

Синтез этих наук, безусловно, неполон без включения в это «сообщество» герменевтики (< греч. *hermeneutice* – «толкование») – направление в философии и гуманитарных науках, в котором понимание рассматривается как условие (осмысление) социального бытия [Новейший философский словарь 2001 : 239].

При этом герменевтика как одно из основных философских направлений, в рамках которого все концепты группируются вокруг проблемы *понимания*, включает, во-первых, герменевтику бытия (Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер и др.), во-вторых, герменевтику сознания (Ф. Шмейермахер, В. Дильтей, Э. Бетти и др.) и проблематику интерпретации, восходящую к идеям Платона относительно интерпретации текстов, но затем вышедшую за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире и его сознанием «как знаковым бытием» [Канке 2008 : 225].

Подчеркнём, что Х.-Г. Гадамер в книге *«Истина и метод»* доказывает, что герменевтический способ постижения мира способен оказать благотворное влияние на науку, поскольку герменевтический момент пронизывает всю науку [Гадамер 1988].

Действительно, интерпретация в качестве специального понятия *методологии науки*, опирающейся на семиотический анализ языка науки, означает процедуру придания смысла формальным конструкциям *языка науки*, в результате которой они превращаются в содержательные термины и утверждения.

При этом используются две взаимосвязанные процедуры герменевтики: *понимание и объяснение*.

Понимание как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием через внешнее выражение (речь, жесты, позы). *Цель понимания* – совершить переход от выражения к тому, что является основной интенцией знака и выйти вовне через выражение [Рикер 1996; 2010. III : 283].

Видный теоретик герменевтики В. Дильтей поясняет, что процедура понимания возможна благодаря способности, которой наделено каждое сознание, способности проникать в другое сознание *не непосредственно*, путём пережи-

¹ Напомним, что в 6-ой главе уже раскрывалось понятие о «первой науке» (по В.А. Канке) – *семиотике* как науке (раздел 6.1.1.) и метанауке (раздел 6.1.2.); история её формирования, основные её концепты и роль для методологии лингвистики.

² См. в разделе 8.2. сведения о синергетическом подходе.

вания, а *опосредованно*, воспроизводя творческий процесс из внешнего выражения [Дильтей 1995].

Наличие материальной основы знаков, моделью которой является *письмо*, предопределяет переход от понимания к *интерпретации*. Таким образом, если *понимание* характеризует общее явление проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, то *интерпретация* представляет собой операцию понимания, направленную на знаки, зафиксированные в письменной форме. Операция интерпретации сопутствует процедуре понимания, и это демонстрирует сложившееся отношение между *письмом* и *чтением*: чтение сводится к тому, что читающий субъект овладевает смыслами, заключенными в тексте. Это овладение позволяет ему преодолеть временное и культурное расстояние, отделяющее его от текста так, что читатель при этом осваивает значения, которые из-за дистанции, существующей между ним и текстом, были ему чужды.

Важно отметить, что В. Дильтей зафиксировал противоположность между словами *понимать* (*verstehen*) и *объяснить* (*erklären*).

На первый взгляд понимание и объяснение альтернативны: надо принять либо одно, либо другое. В действительности речь идёт не о конфликте методов, поскольку к методологии относится лишь объяснение.

Всё дело в том, что как бы ни были отточены приёмы и процедуры понимания, всё же основа её остается *интуитивной* в силу изначального единства между интерпретатором и тем, о чем говорится в тексте.

Реально конфликт между пониманием и объяснением коренится в противопоставлении двух типов наук: наук о природе (естествознании) и наук о духе (социально-гуманитарных наук).

Как известно, науки о природе имеют дело с наблюдаемыми фактами, которые со времен Г. Галилея и Р. Декарта подвергаются *математизации*, затем следуют процедуры *верификации*, которые определяют *фальсифицируемость* гипотез (К. Поппер), наконец, объяснение, которое является родовым именем для трёх разных процедур: *генетического объяснения*, исходящего из предшествующего состояния; *материального объяснения*, опирающегося на лежащую в основании систему меньшей сложности и *структурного объяснения* через синхронное расположение элементов или составляющих частей.

При этом В. Дильтей считает, что любая процедура *объяснения* должна исходить из наук о природе, а её экстраполяция на науки о духе, учитывая противопоставленность этих двух типов наук, является ошибкой или небрежностью. Следовательно, всякое объяснение в семиотической сфере должно считаться незаконным и рассматриваться как обусловленное натурфилософией [Дильтей 1995].

Этот герменевтический конфликт в какой-то мере разрешается только во второй половине XX века, когда в результате семиологических изменений¹:

¹ П. Рикёр считает это изменение даже «*семиотической революцией*», когда оформилась семиотика текста, дискурса [Рикёр 2010. III : 284].

оформление концепции семиотики текста как сложного знака, а точнее – знаковой системы.

В результате этого текст стал автономным объектом исследования и стал располагаться «именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения» [Рикер 1996; 2010. III : 284].

Но если интерпретация не может быть понята без этапа объяснения, то объяснение не способно стать основой понимания, которое составляет существо интерпретации текстов. Эта неустранимая основа прежде всего предполагает формирование максимально автономных значений, которые рождаются из интенции к обозначению как к акту субъекта.

Кроме того, предполагается существование абсолютно неустранимой *структуры дискурса* как акта, посредством которого кто-либо говорит что-то о чем-то на основе кодов коммуникации; от этой структуры дискурса зависит соотношение «*обозначающее – обозначаемое – референт*» – все то, что образует основу всякого знака.

Наконец, она предполагает симметричное отношение между значением и рассказчиком, дискурсом и воспринимающим его субъектом, т. е. между *собеседником* или *читателем*. Именно к этой совокупности различных характеристик добавляется многообразие актов интерпретаций, составляющих суть герменевтики.

В действительности текст всегда есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз. Он представляет собой *структурированную целостность*, которая всегда может быть образована различными способами. Поэтому множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций – это не недостаток или порок, а достоинство понимания, образующее *суть интерпретации*. Можно говорить о текстуальной *полисемии* точно так же, как говорят о лексической полисемии [Рикер 2010. III : 284].

Поскольку понимание постоянно конституирует нередуцируемую основу интерпретации, постольку оно предваряет, сопутствует процедурам объяснения и завершает их. *Понимание* предваряет *объяснение* путем сближения с субъективным замыслом автора текста. Оно создается опосредованно через предмет данного текста, т. е. через мир, который становится содержанием текста и который читатель может обжить благодаря воображению и симпатии.

Понимание сопутствует объяснению в той мере, в какой оппозиция «письмо – чтение» продолжает формировать *интерсубъективность* коммуникации и в этом качестве восходит к диалогической модели вопроса и ответа, описанной Коллингвудом и Г. Г. Гадамером.

Наконец, понимание завершает объяснение в той мере, в какой оно преодолевает географическую, историческую или культурную дистанцию, отделяющую текст от его интерпретации. В этом смысле *понимание* предполагает *объяснение* в той мере, в какой объяснение развивает понимание. Это двойное отношение может быть кратко выражено девизом: больше объяснить, чтобы лучше понимать [Рикер 2010. III : 285].

Итак, ещё раз обратим внимание на основные постулаты герменевтического метода, который синтезирован в семиотическом подходе и его методе¹:

- исходный постулат – *понимание*;
- основные процедуры: *понимание, объяснение и интерпретация*;
- принцип дихотомии естественных наук и наук о человеке и обществе;
- принцип *диалогического* характера понимания как постижение иной индивидуальности, иного сознания;
- принцип «лучшего понимания» текста и мира его автора;
- метод герменевтического круга²;
- проблема интерпретационного произвола и соотношения с критериями научности и истинности понимания [Ильин 1989; 1994; 2006; Кезин 1985; Кравец 1993; Стёпин 2000; Чернявская 2011 и др.];
- наличие широкой исследовательской свободы (отсутствие строгости, точности, единообразия интерпретаций, допускающее свободу истолкования), что в какой-то мере «ставит под сомнение статус герменевтики как научной методологии» [Яркова 2007 : 105; Кохановский и др. 2008 : 50].

8.3.2. Семиотический метод в его проблематике, процедурах и приёмах

Опираясь на минимально достаточное изложение основ, во-первых, семиотики как науки, точнее «первой науки» по В. А. Канке и метанауки как инструмента наук по Ч. Моррису (раздел 6.1); лингвосемиотики как *второй науки* по В. А. Канке (раздел 6.2); лингвистики и металингвистики как *общесемиотической модели* разных «устройств» для передачи информации по Н. Д. Мечковской или «чистой семиотики» по Л. Ельмслеу (раздел 6.3); во-вторых, философии и философии науки, осмысливших семиотический подход как одно из методологических оснований науки (первая глава); в-третьих, науковедения и науки, принявших семиотику «как инструмент науки», – мы можем продолжить освещение семиотического метода.

При этом обширность проблематики обуславливает принятый способ изложения: 1) перечисление основных семиотических направлений и концептов и 2) исходя из задач данного пособия, сжатое изложение семиотического анализа и семиотики языка науки (метаязыка).

Если исходить из того, что «задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера» [Иванов Вяч. Вс. 1998 : 751], то ясно, что основным направлением является метод семиотики как *единого комплексного*

¹ «Я полагаю, - пишет Х.Г. Гадамер, - что не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой *событие языка* (выделено мной – З.К.) даже когда речь идёт о внеязыковых феноменах или об умолкнувшем и застывшем в буквах голосе» [Гадамер 1991 : 44; 1995 : 432].

² Герменевтический круг – это метафора, описывающая продуктивное движение мысли герменевта в рамках техник герменевтической реконструкции. Сущность его заключается (по Шлейермахеру) в том, что понимание является принципиально незавершенной деятельностью, всегда подчиняющейся правилу циркулярности, т. е. движению по расширяющимся кругам. При этом герменевтический круг не следует путать с порочным кругом в логике [См. Кондаков 1975]. Герменевтический круг, наоборот, продуктивен: задача герменевта состоит не в том, как из него выйти, а в том, как в него «правильно» войти [Новейший философский словарь 2001 : 240].

направления, в котором происходит интерпретация существующих систем знаков, служащих для выражения какой-либо информации. В основу этого метода, действующего везде, где осуществляются семиотические процедуры понимания, объяснения, интерпретации, на базе «триадической природы знака»: репрезентант – интерпретант – референт [Пирс 1967; 1983; 2000] и выделения Ч. Моррисом трёх сфер семиотического анализа: семантики, синтактики и прагматики [Моррис 1983], в которых реализуются три основные функции знака: *соединительно-преобразовательная, референциальная и прагматическая*, утилитарно-информационная [Лебедев 2008 : 529].

Предметом семантики (как раздела семиотики, логики и методологии науки) является, во-первых, исследование референциальной функции знаков и знаковых систем, т. е. отношения языковых выражений к обозначаемым предметам. Во-вторых, семантика исследует возможности и правила приписывания знакам их смыслов. Одной из главных проблем семантики является проблема *семантической истины* и проблема *тождества* (Ч. Пирс, Г. Фреге, Б. Рассел, А. Тарский, У. Куайн, С. Крипке и др.).

Предметом синтаксиса является исследование соединительно-преобразовательной функции знака и знаковых систем, т. е. возможностей создания из небольшого исходного набора знаков их систем путём взаимного присоединения их друг к другу и задание правил преобразований одних правильно построенных синтаксических систем в другие. Активно применяется в *формализации теорий и знаний*.

Предметом прагматики является утилитарно-информационная функция знаков и знаковых систем, т. е. исследование способов использования людьми знаков в различных целях (познавательных, духовных, практических). При этом главные вопросы прагматики – ценностные: для чего, с какой целью человек что-то обозначает и выражает именно таким образом?

Безусловно, все три названные функции знаков и знаковых систем взаимосвязаны, а обособлены только для удобства их исследования (Ж. Пиаже, Р. Якобсон, Р. Барт, Е. Пельц, К. Леви-Стросс, К. Льюис, Г. Амелин, В. В. Ильин, Ю. С. Степанов и др.).

Описанный всеобщий семиотический метод модифицируется применительно к специфике разных знаковых систем, а также в разных направлениях, из которых следует назвать: 1) *логико-математическое направление*, ведущее своё начало с работ Г. Лейбница, изучающее свойства логических и математических систем и искусственно формализованных языков (Б. Рассел, Д. Гильберт, К. Гёдель, А. Чёрч, Р. Карнап и др.); 2) *математическое* в исследованиях Б. Рассела, А. Уайтхеда, Д. Гильберта, Г. Генцена, А. Чёрча и др.; 3) *логико-семантическое и теоретико-модельное* (Г. Фреге, Р. Карнап, А. Чёрч, Дж. Кемени, А. Тарский, А. И. Мальцев, А. А. Марков, Н. А. Шанин и др.).

Особо следует остановиться на гуманитарном направлении, в котором интерес сосредоточен не только на поиске значения, но особенно – на *способе означивания*, начиная с пионерских исследований Ф. де Соссюра, начавшего семиотику структурной лингвистики, которая интенсивно на-

чала разрабатываться с 20-х годов XX века в ряде стран (Чехословакия, СССР, США, Дания и др.). Акцентируется понятие о том, что знаки образуют язык, который в семиотическом методе выступает как «*интерпретант всех прочих систем*» [Бенвенист 1974; 1983] и одновременно как «*частный случай семиотической функции*» [Пиаже 1969].

Активно разрабатываются 1) синтаксический аспект лингвистики: теория формальных грамматик, основанная на логико-математической и теоретико-множественной методологии; 2) семантический аспект: модель «Смысл ↔ Текст»; 3) методологический аспект: поиски универсалий и теория порождения в работах Н. Хомского и его школы; 4) разнообразные прикладные направления, например, вероятностно-статистические описания языковых структур; работы Ю. В. Кнорозова по дешифровке древних письменностей и др. [См.: Баранов 2003; Герд 2005 и др.].

Приёмы, процедуры и технологии семиотического метода в структурной лингвистике повлияли на развитие метода семиотики: 1) в литературоведении: «формальная школа» Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, В. Я. Проппа; работы Ю. М. Лотмана и др. по структурной поэтике [Барт 1989; Бахтин 1979; 2000; Лотман 1996; Семиотика и Авангард 2006 и др.]; 2) в эстетике – изучение «языков» кино, театра и др. видов искусства; 3) в психологии и педагогике – школа Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, А. К. Гастева [Выготский 1982; 2007; Пиаже 1969]; 4) в этнологии, антропологии, культурологии, социологии и других науках [Усманова 2001 : 895-896; Финн 2010 : 520-521].

Описание модификаций семантического метода в разных концепциях и направлениях было бы неполным без характеристики *семантического анализа (семанализа)*, разработанного Ю. Кристевой на новом этапе развития философии и науки, характеризующимся 1) поворотом философии XX века к философии языка (обращение к языку, речи, к анализу семиотической деятельности)¹; 2) критикой классического структурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, У. Эко...); 3) в лингвистике переходом от структурной парадигмы к функциональной, поворотом к лингвистике текста, а затем к проблемам дискурса, понятого как сложное коммуникативное явление, включающее помимо текста и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнение, самооценки и оценки другого).

Исходя из этого, семанализ – это такая семиотическая концепция, теория *текстуального означивания*, которая является альтернативной сосюррианской семиологии и одновременно выступающая как форма «перевода» психоаналитических идей З. Фрейда и Ж. Лакана на язык лингвистики и семиотики [Усманова 2001 : 893]. Иначе говоря, эта семиотическая практика, базирующаяся на постструктуралистской и постмодернистской концепции текста и дискурса [Канке 2008 : 223].

Согласно Ю. Кристевой, семанализ, исследуя язык как означивающую деятельность, как дискурс, *порождаемый говорящим субъектом*, схватывает

¹ См. раздел 1.4 пособия «Философия лингвистики и философия языка».

фундаментально гетерогенную сущность языка. Ю. Кристова усматривает в семанализе новую материалистическую *диалектическую* теорию означивания, внутренняя логика которой изоморфна её привилегированному объекту – *поэтическому* языку, который по сути своей является *гетерогенным* языком [Кристева 2000; 2004]. Ю. Кристева подчеркивает, что речь идёт не о линейной последовательности знаков, а об «означивающем комплексе», который маркирует множественное распределение бесконечности означивания [Кристева 2004 : 300-311].

Ю. Кристева считает, что семиотика не может себе позволить быть лишь продолжением лингвистики, распространением лингвистической модели (напомним, что речь идёт о структурной модели) на другие означивающие практики. Истоки семанализа она видит в *рефлексии* над означающим, порождающим текстом, благодаря чему семанализ открывает в своем объекте пространство «другой сцены» – экран, на который проецируется скрытая глубинная структура текста и производства текста, открытого любым значениям.

Таким образом, семанализ, отказавшись от жесткого структурно-системного кода естественного языка, намечает процедуры расширения семиотических практик, хотя получающих неоднозначную оценку [Канке 2008 : 223; Фещенко 2006 : 121]¹.

В наши дни, когда осознано, что «границы семиотики подвижны» [Усманова 2001 : 896], расширение семиотического метода и семиотических практик продолжается. Так, перспективным представляется синтез современной *семиотики и авангарда*, на базе чего рассматривается *аутороетика* как опыт и метод, создающий новые горизонты семиотического метода [Фещенко 2006 : 54-122]².

В завершение остановимся ещё на понятиях – **язык науки и мета-язык**, напрямую связанных с семиотикой.

Бурное развитие научного знания и расширение возможностей новых технологий в современном мире привлекают внимание ученых разных специальностей к вопросам **языка науки** (Н. Ю. Абелян, О. С. Ахманова, Л. Б. Баженов, М. Бунге, М. Вебер, Н. Бор, Н.Б. Гвишиани, М. М. Глушко, В. Г. Горохов, А. Н. Колмогоров, В. В. Мартынов, У. Найсер, Е. С. Никитина, В. В. Налимов, Г. И. Рузавин, Д. Сёрл, А. Х. Султанов, М. Фридмен, В. С. Швырев, Э. Шредингер, А. Эйнштейн, В. Н. Ярцева и др.).

Можно выделить целый «ряд предельно актуальных проблем, связанных с языком науки» [Никитина 2010].

Основная сложность состоит в том, что раскрыть понятие **язык науки** можно только на скрещении нескольких областей знания и деятельности: логико-философском, семиотическом, науковедческом, лингвистическом и терминологическом.

¹ К сожалению, данная линия исследования Ю. Кристевой затерялась среди других модных подходов... Между тем нам представляется, что этот вектор семиотических исследований имеет большой потенциал для настоящих и будущих разысканий в области языка и искусства [Фещенко 2006 : 121].

² Термин *аутороетика* ввели в эволюционную биологию чилийские учёные Умберто Матурана и Франциско Варела в 70-е годы XX века для обозначения фундаментального свойства живых систем самообновляться при функционировании, а также самого процесса такого самообновления [Матурана, Варела 2001 : 44].

Напомним, что проблема *языка науки* была поставлена в философии при обсуждении вопроса о научном методе в аспекте форм языкового выражения знания, что стимулировало идею создания **идеального языка науки** на базе осознания недостатков естественного языка как орудия обыденного общения и познания (Г. Лейбниц, Ф. Бэкон, Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн).

Этот поиск, растянувшийся на несколько столетий, направил философскую мысль не столько на проблемы бытия, сколько на проблемы *познания* и *философию языка XX века*¹.

Одновременно шло осознание семиотических основ языка науки.

Для анализа языка науки исходными являются следующие положения:

- знаки и знаковые системы в природе и обществе образуют континуум, который по своей цельности сопоставим с эволюционным континуумом жизни;
- в этом континууме естественный язык не только хронологически, но и по своим семантическим характеристикам и универсальности занимает срединное положение между семиотиками искусств, передающими наглядно-образное содержание, и семиотиками наук – носителями абстрактно-логического знания;
- семиотики искусств и наук и их произведения принципиально более трудны для понимания, чем язык, поэтому язык, выполняя посредническую функцию, помогает разобраться в фантазиях поэтов и построениях ученых;
- в сравнении с семиотиками искусств, язык – *более надежный передатчик информации*, т.к. обеспечивает взаимопонимание участников коммуникации, но в сравнении с семиотиками наук, язык *менее надежен* (в силу нестрогости своих значений, многозначности и синонимии), зато усваивается естественным путем и поэтому *общедоступен*;
- семиотическое пространство имеет тенденцию к расширению и уплотнению, особенно интенсивно растет число искусственных левополушарных знаковых систем науки [Мечковская 2004: 376-399].

Все это позволяет считать, что действительно изучение научного знания, безотносительно к знаковой системе, фиксирующей это знание, лишено смысла. Потому семиотическая компонента в языке науки обязательна, поскольку объективированное научное знание, рассмотренное как семиотическое (знаковое) позволяет исследовать его в разных аспектах: *семантическом, синтаксическом и прагматическом*.

Исходя из этого язык науки в настоящее время понимается в двух смыслах: широком и узком.

В *широком смысле* язык какой-либо науки (назовем его вслед за С.Е. Никитиной – язык науки 1-А) приравнивается к системе специальных научных знаний, т. е. к самой науке, либо к её теории и её логике, в частности, к понятийному аппарату и способам рассуждений и доказательств. При этом

¹ См. раздел 1.4. пособия.

существенно то, что во всех этих употреблениях под языком науки понимаются некоторые глубинные основы научного текста, не сводимые к языку текста поверхностного [Никитина 2010: 9]. При этом точного определения этого понятия не дается [Канке 2008: 324].

Узкое понимание термина язык науки дается в логике (назовем его язык науки 1-Б): «**Язык науки** – система понятий, знаков, символов, создаваемая и используемая той или иной областью научного знания для получения, обработки, хранения и применения знаний. В качестве специального языка конкретных наук обычно используется некоторый фрагмент естественного языка, обогащенный дополнительными знаками и символами... » [Ивин, Никифоров 1997: 381].

Как видно из этой дефиниции, язык науки 1-Б представляется в виде набора некоторых формальных знаковых систем с правилами их интерпретации.

Таким образом, если анализ языка науки 1-А включает в себя описание структуры научного знания, то анализ языка 1-Б заключается в описании типов терминов и предложений, посредством которых это знание объективизируется, хотя в целом разграничение философских и логических проблем анализа языка науки очень условно. Скорее всего язык науки 1-Б является способом представления языка науки 1-А.

При этом язык науки 1-Б состоит из нескольких слоев: выделяются **объектные языки** и вспомогательные языки, или **метаязыки**. Первые фиксируют знания об объектах науки, вторые строят и описывают первые. Объектный язык в свою очередь может делиться на несколько слоёв. Для языка современной физики, например, выделяются три слоя: 1) логический, к которому относятся логические правила, выводы, знаки для обозначения кванторов, связей и операций, 2) совокупность математических выражений, обслуживающих физические теории; 3) собственно физические термины [Канке 2008 : 271-272].

Иногда в языках науки различаются не два слоя (*объект-языки* и *метаязыки*), а три: *язык данных* (язык наблюдений); *язык*, на котором формируются гипотезы, и *метаязык*, выполняющий функцию аргументации (философский, методологический и др.) [Никитина 2010: 11].

Иными словами, в логико-философском направлении вопрос о соотношении метаязыка и языка-объекта трактуется хотя и не совсем однозначно (например, по Р. Карнапу, «всякая наука и есть язык этой науки»), но тем не менее метаязык естественных наук не «консубстанционален» с предметом изучения [Гвишиани 2008 : 245].

Отметим сразу же, что иначе обстоит дело с языком лингвистики как науки: «язык лингвистической науки (иначе метаязык языкознания) определяется как «язык второго порядка», т. е. как особая семиотическая система, которая используется тогда, когда говорят о языке же. Естественный человеческий язык при этом выступает как язык-объект..., т. е. язык «ручного описания» оказывается «консубстанциональным» с языком-объектом: имеет тождественную с ним субстанцию, или материальное выражение» [Гвишиани 2008 : 25].

Таким образом, различное понимание термина метаязык в логико-философском направлении, с одной стороны, и в языкознании – с другой,

может рассматриваться как случай «междисциплинарной», или внешней омонимии [Комарова 1991 : 103-104; Комарова, Краев 2008 : 150; Гвишиани 2008 : 25].

Язык науки с **позиции лингвистики** содержит иную проблематику, хотя сам термин имеет, как и в предыдущем направлении, две основные интерпретации: широкую и узкую, что является результатом истории формирования самого понятия язык науки [Комарова, Хасаншина 2009: 61-69].

Поскольку «в конечном счете всякое научное знание воплощается в тексты и познается только через тексты» [Герд 2005: 16], то в широкой интерпретации язык науки можно приравнять к **языку научных текстов** (назовем его языком науки 2-А). Объектом анализа языка науки в этом смысле являются все знаковые уровни письменной формы языка – лексика, морфология, синтаксис с точки зрения их функционирования в научных текстах (М. М. Бахтин, Р. Барт, О. Д. Митрофанова, В. В. Налимов, Л. Ольшки, Л. В. Славгородская, Л. Хоффман, Ю. Кристева...).

В свою очередь язык научных текстов можно рассматривать либо как **функциональный стиль** (А. Н. Кожин, М. Н. Кожина, О. А. Крылова, Л. В. Одинцов, М. П. Котюрова, О.Б. Сиротинина, А. Н. Васильева, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, А. П. Сковородников, Т. Б. Трошева, В. Е. Чернявская...), либо как особый **функциональный язык**, выходящий за рамки общелитературного языка (Б. Гавранек, В. П. Даниленко, Л. Дрозд, А. И. Комарова...).

В первом случае анализ языка научных текстов входит в компетенцию *функциональной стилистики*, а также стилистики речи, прежде всего – научной речи и научных жанров; во втором случае осознается различие между понятиями стиль и язык, введенное Б. Гавранеком [ЛЭС 2002: 390], а потому анализируются функции языка научных текстов – функции объективации и передачи научного знания. В этом случае научный текст рассматривается как «форма фиксации научного знания и способов его представления» [Герд 2005 : 18].

Вторая, более узкая интерпретация понятия язык науки связана с пониманием его как особой знаковой системы, состоящей из специального словаря и специального синтаксиса, причем каждый элемент этой системы соответствует элементу конкретно-научного знания (язык науки – 2-Б). Как писал Ш. Балли, «научный язык совпадает с понятийно-логическим языком» [Балли 1961 : 144].

Такие языки входят в научный текст, составляя тем самым часть языка науки 2-А и делая его естественно–искусственным образованием. К языку науки 2-Б относятся формализованные, искусственные языки и язык любой науки [Комарова, Хасаншина 2009 : 37-40], центральным объектом которых является терминология.

Поскольку научная мысль реализуется, как мы уже подчёркивали, в соответствующем языке, а взаимодействие наук проявляет себя как взаимодействие их концептуальных аппаратов, то проблема языка науки должна быть поставлена как проблема **терминологическая**, что связано с формированием совре-

менного терминоведения как метанауки, на базе которой можно уточнить целый ряд основополагающих понятий языка науки.

Во-первых, выявить два конкурирующих в наши дни понимания языка науки, в его лингво-терминологических разновидностях: **подъязык; язык для специальных целей – ЯСЦ, или (Language for special purposes - LSP); профессиональный язык**: 1) смежное для терминоведения понятие функциональной стилистики, обозначающее наиболее развитую сферу функционирования терминов и терминосистем [Татаринов 2006: 348] и 2) специализированная форма национального языка, обслуживающая не общую, а частные коммуникативные сферы: науку, технику и т. д. [А.И. Комарова 2004 : 12; Комарова, Краев 2008 : 25].

При этом термины: **подъязык** и **LSP** понимаются 1) как синонимы [Андреев 1965 : 23; Ярцева 1975; Герд 2007; Никитина 2010] или 2) **LSP** ограничено областью науки и техники [Суперанская 2003 : 70; Гвишиани 2008 : 215-217 и др.], т. е. уже подъязыка..

Во-вторых, уточняются параметры языка науки в его *горизонтальном срезе*: а) **объектный язык** включает в себя необходимые лексико-семантические средства для фиксации знаний о соответствующей системе объектов: он жестко ориентирован на определенную онтологическую систему и б) **метаязык** ориентирован не на фиксированную предметную область, а на язык-объект: его основная функция состоит в построении, описании и выявлении закономерностей объектного языка.

Следовательно, метаязык можно определить как знаковую систему, которая интерпретируется на другую, т.к. связь между языком-объектом и метаязыком задается отношением интерпретации [Ким 2002 : 47; Комарова, Хасаншина 2009 : 37].

А также параметры языка науки в его *вертикальном срезе*: **язык науки** (структурированное научное знание) предстает как многослойное иерархическое образование, верхний слой которого включает три крупных блока: 1) категориально-понятийный аппарат; 2) терминосистему (терминополе); 3) средства и правила формирования понятийного аппарата и других (базового и небазовых) терминов.

Каждый из этих блоков свою очередь содержит в качестве субэлементов отдельные логико-языковые образования (второго, третьего и т. д. уровней). [Комарова, Краев 2008 : 23-31; Комарова, Хасаншина 2009 : 37-40; Никитина 2010 : 10-11].

В-третьих, продуктивной идеей для анализа языка науки является идея отождествления **метаязыка с ЯСЦ** [Куликова, Салмина 2002 : 101; Гвишиани 2008 : 3]. Это ещё раз подтверждает, что метаязык представляет собой *естественно-искусственное образование*. Это неоднократно подчеркивается многими исследователями: и в строго логическом смысле о метаязыке можно говорить применительно к **формализованной системе** [Вяч. Вс. Иванов 2004 : 8].

Итак, основной предназначенностью языка науки и его особенностью является способность фиксации, хранения и переработки большого объема точной, однозначной и доказательной научной информации, которая обладает об-

щезначимостью, безличностью, интерсубъективностью и неангажированностью [Язык науки 2007 : 304].

Завершая анализ **языка науки** подчеркнём, что нами освещена проблематика языка науки лишь в той степени, в которой этого было достаточно для создания «соединительного канала» между основными его интерпретациями.

Подведём итоги

1. Анализ гибридных методологических уровней показал, что методы этих уровней, формируются на основе синтеза философской и общенаучной методологии, в результате чего они составляют метатеоретический базис современной науки.

2. Анализ показал, что эти гибридные уровни взаимосвязаны и взаимопроницаемы. Так, 1) семиотика по-прежнему служит мостом между различными науками: естественными и гуманитарными, логическими и художественными [Фещенко 2006 : 60]; 2) *семиотический метод* тесно соприкасается с *феноменологическим* и *герменевтическим* [Там же : 75]; 3) *синергетический метод* может быть задействован сегодня как дополнительный к *семиотическому методу* [Там же : 101]; 4) в качестве методологического моста между семиотикой и синергетикой можно принять теорию *радикального конструктивизма*¹, разрабатываемую в настоящий момент на базе различных дисциплинарных областей: системной теории, кибернетики, когнитивной науки, психологии и др. [Князева 2004].

3. Взаимосвязь и взаимопроницаемость проанализированных гибридных уровней составляет единое целое современной науки и обеспечивает её связь с когнитивными ресурсами современной наличной культуры.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Перечислите основные концепты системологии.
2. Охарактеризуйте предпосылки возникновения системологии.
3. Каково соотношение системологии и общей теории систем?
4. Что такое системный подход?
5. Что значит исследовать систему?
6. В чем состоит сущность системного метода?
7. Каковы принципы синергетических систем?
8. Назовите основания синергетического подхода.
9. Каковы особенности синергетики и кибернетики как парадигмы научного мышления?
10. Что такое семиотика как метанаука? Приведите аргументы «за» и «против» такой постановки вопроса.

¹ *Радикальный конструктивизм* в теории познания – это такой подход, в котором считается, что человек в своих процессах восприятия, мышления и творчества не столько *отображает* окружающий мир, сколько активно *изобретает, конструирует* его [Князева 2004; Кубрякова 2001; 2004; 2009; Фещенко 2006 и др.].

11. Как Вы думаете, почему философ В. А. Канке назвал семиотику *первой наукой*, а лингвистику – *второй*?
12. Почему концепт *язык* стал ключевым в современной науке и культуре в целом?
13. Как Вы думаете, почему Ю. С. Степанов считает лингвистику «прообразом общей семиотики»?
14. В чем заключается специфика *семанализа* Ю. Кристевой? Каковы, с Вашей точки зрения, его перспективы?
15. Как соотносятся понятия *язык науки* и *метаязык*?
16. Как бы Вы прокомментировали высказывание Павла Флоренского, вынесенное в эпиграф к этой главе пособия?
17. Прокомментируйте высказывания:
«Все пути мысли более или менее осязаемым образом загадочно ведут через язык» (М. Хайдеггер).
«Синергетика – это новый диалог человека с природой» (И. Пригожин).
«Человек является существом, которое целенаправленно конструирует действительность» (Е. Князева).
«Наука – язык» (П. Флоренский).

Литература для углубленного изучения

- | | | |
|-----------------------------|------------------------------------|-------------------------------------|
| Абрамова 1983 | Ибраев 1981 | Налимов 2003 |
| Алефиренко 2009-а | Иванов Вяч. Вс. 1998 | Никитина 1997; 2010 |
| Барулин 2002 | Канке 2008 | Новая философская энциклопедия 2010 |
| Блаубер, Юдин 1973 | Кедров 2006 | Новейший философский словарь 2001 |
| Борботько 2009 | Князева 2004; 2010 | О'Коннор 2006 |
| Буданов 2006 | Князева, Курдюмов 1992; 2005; 2010 | Общая теория систем 1998 |
| Булгаков 2008 | Киященко 2000 | Общие проблемы философии 2007 |
| Вебер 1990 | Колмогоров 1997 | Пайтген, Рихтер 1993 |
| Вернадский 1988; 1991 | Кохановский и др. 2008 | Панфилов 1977 |
| Ветров 1968 | Кристева 2000; 2004 | Петров 2004 |
| Винер 1968 | Куайн 1982 | Пирс 1967; 1983; 2000 |
| Войтов 2004 | Кузьмина 2009 | Порце 2006 |
| Всемирная энциклопедия 2001 | Курдюмов 1988 | Почепцов 1990; 2001 |
| Гадамер 1998 | Лебедев 2008 | Пригожин 1987 |
| Герман 2000 | Лесков 2003 | Пригожин, Стенгерс 1986; 1994 |
| Гейзенберг 2006 | Лосев 1982; 2009 | Прохоров 2005 |
| Горелов 2010 | Лотман 1996 | Разумов, Благодатских 2006 |
| Губанов 2009 | Марков 2011 | Рамишвили 1978 |
| Дейк 1981; 1989 | Мартынов 1966 | |
| Дильтей 1995 | Мечковская 2004 | |
| Добронравов | Миловидов 2000; 2003 | |
| Дорошевский 1973 | Мишанкина 2010 | |
| Дроздова 2003 | Моисеев 2000 | |

Рассел 1957	Терехова 1986	Хрусталёв 2009
Рикёр 1995; 1996; 2010	Тихонов, Ворона 2009	Цепцов, Куарье 1997
Роговкин 1988	Тюхтин 1988	Черняк 1975; 1983
Розин 2001	Уайтхед 1990	Шалан 2004
Рубаник 2000	Умков 1999	Шарден 2001
Рузавин 1997; 1999	Урсул 1971	Шаумян 2001
Садовский 1974; 1978	Успенский 1996-1997	Шемякин 2003
Семиотика 2001	Фейербах	Шеннон 1963
Семиотика и Авангард 2006	Фещенко 2006	Шпет 1989; 2007
Сигал, Юрьева 2009	Филипс, Йоргансен 2004	Штайн 2006
Сироткин 2006	Философский словарь 2007	Штофф 1963; 1996
Системный анализ 2009	Философский энциклопедический словарь 1999	Щедровицкий 1997; 1998; 1999
Сичивица 1979	Флоренский 1998	Эйнштейн 1964
Скрэгг 1983	Франселла, Баннистер 1987	Эко 1998
Словарь философских терминов 2001	Хайдеггер 1993	Эшби 1964
Советский энциклопедический словарь 2002	Хакен 2000	Юдин 1997
Солнцев 1977	Хакинг 1998	Яблонский 2001
Соломоник 1995	Харман 1972	Яркова 2007
Степанов 1971; 1976; 1985; 2006	Хинтиikka 1980; 2011	Яскевич 1991

Глава 9

Общенаучные методы и приёмы исследования



Инновационный познавательный акт совершается лишь держа и воспроизводя в себе – «в точке» – условия и внутренние связности всей науки в целом.

М. К. Мамардашвили¹

В седьмой и восьмой главах пособия были проанализированы методы четырех методологических уровней. После чего перейдём к рассмотрению методов *пятого уровня* методологии – общенаучного.

Как известно, общепринятой единой классификации общенаучных методов нет. Она проводится по самым разным основаниям. Нам представляется, что наиболее оптимальной является классификация общенаучных методов в соответствии с уровнями познания и типами знаний, потому выделяем три уровня:

- методы эмпирического исследования;
- методы теоретического исследования;
- методы метатеоретического уровня познания.

Такая классификация к тому же учитывает научную традицию выделения двух видов познания: *эмпиризма* и *рационализма*.

9.1. Методы и приёмы эмпирического исследования

Как мы уже говорили², человек может получать новое знание о действительности прежде всего *непосредственно*, т. е. без применения каких-либо специальных познавательных средств наблюдения. Однако в науке, как правило, используется *опосредованный* способ постижения истины, при котором применяются определённые методы и процедуры получения эмпирического знания. К основным таким методам обычно относят:

- наблюдение (научное наблюдение);
- эксперимент;
- измерение;
- описание.



1. Научное наблюдение (лат. *observatio* – «наблюдение») в отличие от простого созерцания и непосредственного обыденного наблюдения предполагает замысел, цель и средства, с помощью которых исследователь переходит от наблюдаемых явлений (объектов, процессов, свойств, явлений и т. д.) к результату наблюдения.

¹ Мамардашвили 1996 : 33

² См. первую главу пособия.

В реальной научной практике наблюдение (научное) представляет собой активный познавательный процесс, направленный на получение эмпирической информации с использованием органов чувств человека, а также научных приборов в соответствии с поставленной познавательной задачей. Оно в отличие от житейского видения фактов и явлений предполагает *целенаправленное, планомерное и систематическое* восприятие реальных процессов и их глубокий анализ. В связи с этим научному наблюдению предъявляются жесткие *требования*:

- четкая постановка цели наблюдения;
- выбор методики и разработки плана;
- систематичность, включающая повторяемость;
- контроль за корректностью и надежностью результатов наблюдения;
- наличие критериев количественной оценки результатов наблюдения;
- обработка, осмысление и истолкование полученных эмпирических результатов [Лебедев 2007 : 171].

Из всех средств эмпирического познание наблюдение является наиболее простым, а потому часто *исходным звеном* в познавательной деятельности человека. Итак, достоинства этого метода состоят в том, что, во-первых, он доступен каждому исследователю; во-вторых, позволяет воспринимать наблюдаемое явление в момент его протекания; в-третьих, даёт возможность получать объективные показатели об изучаемых явлениях или процессах; в-четвертых, даёт возможность для широкого использования технических средств. Но вместе с тем оно является необходимым звеном во многих более высших формах познания. Более того, по мере развития науки наблюдение как метод становится все более опосредованным и, следовательно, сложным.

Следует так организовать наблюдение, чтобы оно было *максимально эффективным*, т. е. привело к получению *объективных и однозначных* эмпирических результатов.

Это достигается прежде всего путём уточнения той наблюдаемой ситуации, относительно которой сформулированы условия наблюдения. Такие уточнения заключаются в указании места, времени и конкретных условий протекания наблюдаемых событий. Кроме того, необходима *систематичность и повторяемость* операций наблюдения, а также *сравнения, измерения и эксперимента*, которые «преследуют цель сделать наблюдения настолько независимым от индивидуальности наблюдателя, насколько это возможно» [Борн 1964 : 13].

Особая трудность в использовании наблюдения как метода проявляется в социально-гуманитарных науках, где его результаты в большей мере зависят от заинтересованного отношения исследователя к изучаемому явлению [Кохановский и др. 2008 : 342; Безуглов и др. 2008 : 59]. А потому важно иметь систему критериев для количественной оценки результатов наблюдения.

Так, в социально-гуманитарных науках обычно используются **пять видов систем критериев**.

1. *Неполная система* критериев предполагает только крайние альтернативные оценки, а потому исследователи отдают предпочтение более детально разработанным системам.
2. *Концептуально (непрерывная) система* критериев позволяет оценить то или иное явление в баллах, чаще по пятибалльной системе.
3. *Дисконтинуальная (несвязанная, разорванная) система* критериев состоит в том, что в ней нет непрерывного ряда критериев. Она по сути заменяется «системой этапов действий», в которой каждый этап в отдельности оценивается по пятибалльной или какой-либо другой шкале.
4. *Сложная система критериев и показателей* многообразна. Например, для оценки исследования групповой деятельности такую сложную систему предложил социальный психолог Р. Бейзи [Здравомыслов 1969].
5. Критерии для так называемого *монографического социального исследования* охватывают оптимальное число взаимосвязей явлений и процессов для выявления их взаимодействия [Безуглов и др. 2008 : 60-66]¹.

Одним из приёмов наблюдения считается **анкетный метод**, под которым понимается способ сбора необходимой для выводов и обобщений информации с помощью определённым образом составленных вопросников, каждый из которых логически связан с центральной проблемой исследования [Кондаков 1975 : 40; Безуглов и др. 2008 : 85]. Это такой способ исследования предметов, явлений объективной действительности в том виде, в каком они существуют и происходят в природе и обществе в естественных условиях.

Применяется этот метод, как правило, когда можно пренебречь точностью и полнотой собранных данных и довольствоваться лишь приблизительными, не вполне исчерпывающими сведениями.

Вероятность результатов, полученных на основе обобщения анкетных ответов, объясняется тем, что 1) почти никогда не возвращаются все разосланные тому или иному кругу лиц анкеты; 2) как правило, истинность, т. е. соответствие ответов подлинному положению дел, при анкетном методе не проверяется, т.к. проверка всех анкет на месте исключает надобность в рассылке анкет, проверка же некоторой части анкет даёт лишь вероятностный результат; 3) остаётся без ответа такой немаловажный вопрос: как, кто и почему не заполнил анкеты или ответил не на все вопросы.

Важно то, что при использовании этого метода большое значение имеют четкое содержание вопросов и правильная их формулировка, подробная инструкция о порядке заполнения анкеты, тщательная количественная и качественная обработка полученного материала, правильное использование статистических методов обработки.

Положительным качеством метода анкеты считается возможность получения большого по объёму материала, достоверность которого определяется *законом больших чисел* [Кондаков 1975 : 41].

¹ Детальная разработка наблюдения как метода педагогического исследования дана в работе: Безуглов и др. 2008 : 59-67.

В какой-то мере анкетный метод сближается с **выборочным наблюдением** – это такой вид наблюдения, когда изучаются не все компоненты системы или совокупности, а только по определённому принципу отобранная часть компонентов. Отбор компонентов производится часто просто в виде случайного выбора¹.

В завершение отметим, что наблюдение как метод эмпирического исследования, обладая несомненными достоинствами, одновременно имеет и ограничения: 1) наибольшая эффективность наблюдения достигается, когда число наблюдаемых объектов составляет 7 ± 2 , а далее эффективность его падает; 2) исследователь не всегда может активно вмешиваться в процесс наблюдения; 3) при наблюдении возможна фиксация случайных, несущественных фактов, ослабляющих объективные характеристики наблюдаемых явлений; путём только наблюдений затруднительно установить причинно-следственные и другие типы отношений между наблюдаемыми явлениями.

Все это говорит о том, что наряду с организацией научных наблюдений следует использовать другие методы эмпирических исследований, среди которых ведущую роль играет эксперимент.



2. Эксперимент (<лат. *experimentum* – «проба, опыт») – метод эмпирического исследования, посредством которого, воздействуя на предмет познания в специально подобранных условиях, исследователь целенаправленно актуализирует и фокусирует нужное ему состояние, а затем изучает его на качественном или количественном уровне.

По словам Нильса Бора, «эксперимент относится к такой ситуации, когда мы можем сказать другим, что мы делали и что узнали» [Бор 1971].

Это следует понимать так, что в отличие от пассивного характера наблюдения в эксперименте, управляемая ситуация создаётся с целью активного воздействия на ход изучаемого процесса и его исследования в «чистом виде» [Лебедев 2008 : 575].

Что означает в «чистом виде»? В ходе эксперимента изучаемый объект изолируется от побочных влияний, затемняющих его сущность, поэтому он и представлен в эксперименте в «чистом виде»:

Основные особенности эксперимента:

- более активное, чем при наблюдении, отношение к объекту, вплоть до его изменения и преобразования, т. е. в искусственно созданных условиях;
- многократная воспроизводимость изучаемого объекта по желанию исследователя;
- возможность обнаружения таких свойств явлений, которые не наблюдаются в естественных условиях;
- возможность рассмотрения явления в «чистом виде»;
- возможность контроля за «поведением» объекта исследования и проверки результатов.

¹ О других видах наблюдения в разных науках см.: Кондаков 1975 : 372; Минаева и др. 2007 : 93-115.

Основные стадии (этапы) эксперимента: 1) планирование эксперимента (его цель, тип, средство, методы проведения); 2) проведение эксперимента; 3) контроль за проведением эксперимента; 4) интерпретация результатов.

Структура эксперимента, т. е. что и кто необходим, чтобы эксперимент состоялся: 1) экспериментатор или экспериментаторы; 2) объект эксперимента; 3) система приборов или другое научное оборудование; 4) методика проведения эксперимента; 5) гипотеза, теория, которая подлежит подтверждению или опровержению.

Подготовка и проведение эксперимента требуют **соблюдения ряда условий**. Так, научный эксперимент:

- никогда не ставится наобум, он предполагает наличие четко сформулированной цели исследования;
- не делается вслепую: он всегда базируется на каких-то исходных теоретических положениях. «Без идеи в голове, – говорил И. П. Павлов, – вообще не увидишь факта» [Павлов 1962];
- не проводится бестолково, хаотически, т.к. предварительно исследователь изучает пути его проведения, средства познания, необходимые для его реализации¹;
- должен проводиться людьми, имеющими достаточно высокую квалификацию.

Только совокупность всех условий определяет успех в экспериментальных исследованиях.

Следует учитывать, что эксперимент является наиболее сложным и в то же время чрезвычайно эффективным методом эмпирического познания. По сути дела существует сложная система экспериментов, используемых в разных науках. Их можно свести в схему 17 на с. 296 [Тихонов, Ворона 2009 : 106].

Интерпретация схемы 17

По способу формирования условий эксперименты могут осуществляться в естественных условиях существования объекта исследования, которые чаще используются в биологических, социальных, педагогических и психологических науках.

Искусственный эксперимент предполагает формирование искусственных условий (широко применяется в естественных и технических науках).

Преобразующий созидательный эксперимент включает активное изменение структуры и функций объекта исследования в соответствии с выдвинутой гипотезой, формированием новых связей и отношений между компонентами объекта или между исследуемым объектом и другими объектами. Исследователь в соответствии со вскрытыми тенденциями развития объекта исследования преднамеренно создает условия, которые должны способствовать формированию новых свойств и качеств объекта.

¹ Детальное изложение гносеологических функций приборов для проведения экспериментов дано в работе С.А. Лебедева [2007 : 189-200].

Классификация экспериментальных исследований



Констатирующий эксперимент используется для проверки определенных предположений. В процессе этого эксперимента констатируется наличие определенной связи между воздействием на объект исследования и результатом, выявляется наличие определенных фактов.

Контролирующий эксперимент сводится к контролю за результатами внешних воздействий на объект исследования с учетом его состояния, характера воздействия и ожидаемого эффекта.

Поисковый эксперимент проводится в том случае, если затруднена классификация факторов, влияющих на изучаемое явление вследствие отсутствия достаточных предварительных (априорных) данных. По результатам поискового эксперимента устанавливается значимость факторов, осуществляется отсеивание незначимых.

Решающий эксперимент ставится для проверки справедливости основных положений фундаментальных теорий в том случае, когда две или несколько гипотез одинаково согласуются со многими явлениями. Это согласие приводит к затруднению, какую именно из гипотез считать правильной. Решающий эксперимент дает такие факты, которые согласуются с одной из гипотез и противоречат другой.

Примером решающего эксперимента служат опыты по проверке справедливости Ньютоновой теории истечения света и волнообразной теории Гюйгенса. Эти опыты были поставлены французским ученым Фуко¹.

Другим примером решающего эксперимента может служить спор между Птолемеем и Коперником о движении Земли. Решающий опыт Фуко с маятником окончательно решил спор в пользу теории Коперника.

Лабораторный эксперимент проводится в лабораторных условиях с применением типовых приборов, специальных моделирующих установок, стендов, оборудования и т. д. Чаще всего в лабораторном эксперименте изучается не сам объект, а его образец. Этот эксперимент позволяет доброкачественно, с требуемой повторяемостью изучить влияние одних характеристик при варьировании других, получить хорошую научную информацию с минимальными затратами времени и ресурсов.

Натурный эксперимент проводится в естественных условиях и на реальных объектах. Этот вид эксперимента часто используется в процессе натурных испытаний изготовленных систем. В зависимости от места проведения испытаний натурные эксперименты подразделяются на *производственные, полевые, полигонные, полунатурные* и т. п. Натурный эксперимент всегда требует тщательного продумывания и планирования, рационального подбора методов исследования. Центральными задачами натурного эксперимента являются:

- изучение характеристик воздействия среды на испытуемый объект;
- идентификация статистических и динамических параметров объекта;

¹ *Фуко Жан Бернар Леон* (1819 – 1868) – французский физик, иностранный член Петербургской АН. Определил скорость света в воздухе и в воде; осуществил опыт с маятником, подтвердив вращение Земли вокруг своей оси; изобрел гироскоп; обнаружил вихревые токи.

- оценка эффективности функционирования объекта и проверка его на соответствие заданным требованиям.

Эксперименты могут быть открытыми и закрытыми, они широко распространены в психологии, социологии, педагогике, психолингвистике.

В открытом эксперименте его задачи открыто объясняются испытуемым. Любая форма открытого эксперимента влияет (часто активизирует) на субъективную сторону поведения испытуемых. В этой связи открытый эксперимент целесообразен только тогда, когда имеются возможность и достаточная уверенность в том, что удастся вызвать у испытуемого живое участие и субъективную поддержку намечаемой работе.

Закрытый эксперимент характеризуется тем, что его тщательно маскируют в целях получения объективных данных. Испытуемый не догадывается об эксперименте, и работа протекает внешне в естественных условиях. Такой эксперимент не вызывает у испытуемых повышенной настороженности и излишнего самоконтроля, стремления вести себя не так, как обычно.

Простой эксперимент используется для изучения объектов, не имеющих разветвленной структуры, с небольшим количеством взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, выполняющих простейшие функции.

В сложном эксперименте изучаются явления или объекты с разветвленной структурой (можно выделить иерархические уровни) и большим количеством взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, выполняющих сложные функции. Высокая степень связности элементов приводит к тому, что изменение состояния какого-либо элемента или связи влечет за собой изменение состояния многих других элементов системы.

Информационный эксперимент используется для изучения воздействия определенной (различной по форме и содержанию) информации на объект исследования (чаще всего информационный эксперимент используется в биологии, психологии, социологии, кибернетике и т. п.). С помощью этого эксперимента изучается изменение состояния объекта исследования под влиянием сообщаемой ему информации.

Вещественный эксперимент предполагает изучение влияния различных вещественных факторов на состояние объекта исследования. Например, влияние различных добавок на качество стали и т. п.

Энергетический эксперимент используется для изучения воздействия различных видов энергии (электромагнитной, механической, тепловой и т. д.) на объект исследования. Этот тип эксперимента широко распространен в естественных науках.

Обычный, или **классический** эксперимент включает экспериментатора как познающего субъекта в объект или предмет экспериментального исследования, а также средства (инструменты, приборы, экспериментальные установки), при помощи которых осуществляется эксперимент.

Модельный эксперимент в отличие от обычного имеет дело с моделью исследуемого объекта. Модель входит в состав экспериментальной установки, замещая не только объект исследования, но часто и условия, в которых изучается некоторый объект.

Различие между средствами эксперимента при моделировании позволяет выделить **мысленный** и **материальный** эксперимент. Средствами мысленного (умственного) эксперимента являются мысленные модели исследуемых объектов или явлений (чувственные образы, образно-знаковые модели, знаковые модели). Для обозначения мысленного эксперимента иногда пользуются терминами: **идеализированный**, или **воображаемый** эксперимент.

Мысленный эксперимент является одной из форм умственной деятельности познающего субъекта, в процессе которой воспроизводится в воображении структура реального эксперимента.

Мысленный эксперимент является мыслительным процессом, в котором чувственные и рациональные элементы находятся в диалектическом единстве и взаимопроникновении. Именно единство чувственного и логического, наглядного образа и научной абстракции составляет то необходимое условие, благодаря которому на основе мысленного эксперимента нередко совершаются важные научные открытия.

Эвристическая ценность мысленного эксперимента заключается в том, что при анализе чувственно-наглядного образа объекта исследования можно вскрыть в нем такие стороны и свойства, такое содержание, которое еще не зафиксировано в понятийном аппарате науки.

В структуре мысленного эксперимента можно выделить три основных элемента:

- активную мысленную деятельность экспериментатора как познающего субъекта;
- образ объекта исследования;
- образ экспериментальных средств, с помощью которых реализуется связь воображаемого субъекта познания с образом объекта исследования.

Ценность мысленного эксперимента, во-первых, состоит в том, что он позволяет исследовать ситуации, неосуществимые практически, хотя и возможные принципиально; во-вторых, он позволяет в ряде случаев осуществлять познание и проверку истинности знаний, не прибегая к материальному экспериментированию.

Если в материальном эксперименте уже сам ход его служит подтверждением истинности «посылок», то этого нельзя сказать об эксперименте мысленном: свою окончательную оценку мысленный эксперимент может получить только в процессе проверки его результатов на практике.

Таким образом, мысленный эксперимент – форма мышления, объективно возникшая как результат активного воздействия человека на природу. Специфика этой формы состоит в том, что абстрактное и конкретное, рационально-понятийное и чувственно-наглядное составляют в ней диалектическое единство. Мысленный эксперимент есть эффективное средство получения новых знаний о мире.

Материальный эксперимент имеет аналогичную структуру. Однако в материальном эксперименте используются материальные, а не идеальные объекты исследования. Основное отличие материального эксперимента от

мысленного в том, что реальный эксперимент представляет собой форму объективной материальной связи сознания с внешним миром, между тем как мысленный эксперимент является специфической формой теоретической деятельности субъекта.

Сходство мысленного эксперимента с реальным в значительной мере определяется тем, что всякий реальный эксперимент, прежде чем быть осуществленным на практике, сначала проводится человеком мысленно в процессе обдумывания и планирования. Поэтому мысленный эксперимент нередко выступает в роли идеального плана реального эксперимента, в известном смысле предваряя его.

Пассивный эксперимент предусматривает измерение только выбранных показателей (параметров, переменных) в результате наблюдения за объектом без искусственного вмешательства в его функционирование.

Пассивный эксперимент по существу является *наблюдением*, которое сопровождается инструментальным измерением выбранных показателей состояния объекта исследования.

Активный эксперимент связан с выбором специальных входных сигналов (факторов) и контролирует вход и выход исследуемой системы.

Однофакторный эксперимент предполагает:

- выделение нужных факторов;
- стабилизацию мешающих факторов;
- поочередное варьирование интересующих исследователя факторов.

Стратегия **многофакторного** эксперимента состоит в том, что варьируются все переменные сразу и каждый эффект оценивается по результатам всех опытов, проведенных в данной серии экспериментов.

Технологический эксперимент направлен на изучение элементов технологического процесса (продукции, оборудования, деятельности работников и т. п.) или процесса в целом.

Социометрический эксперимент используется для измерения существующих межличностных социально-психологических отношений в малых группах с целью их последующего изменения.

Как уже отмечалось, приведенная классификация экспериментальных исследований не может быть признана полной, поскольку с расширением научного знания расширяется и область применения экспериментального метода. Кроме того, в зависимости от задач эксперимента различные его типы могут объединяться, образуя **комплексный**, или **комбинированный** эксперимент.

Для проведения эксперимента любого типа необходимо:

- разработать гипотезу, подлежащую проверке;
- создать программы экспериментальных работ;
- определить способы и приемы вмешательства в объект исследования;
- обеспечить условия для осуществления процедуры экспериментальных работ;

- разработать пути и приемы фиксирования хода и результатов эксперимента;
- подготовить средства эксперимента (приборы, установки, модели и т. п.);
- обеспечить эксперимент необходимым обслуживающим персоналом.

Результаты экспериментов должны отвечать трем статистическим требованиям:

- *эффективности оценок*, т. е. минимальности дисперсии отклонения относительно неизвестного параметра;
- *состоятельности оценок*, т. е. при увеличении числа наблюдений, оценка параметра должна стремиться к его истинному значению;
- *уверенности оценок*, т. е. отсутствию систематических ошибок в процессе вычисления параметров.

Важнейшей проблемой при проведении и обработке эксперимента является совместимость этих трех требований.

Таким образом проблема *валидности*, т. е. достоверности результатов эксперимента является одним из важных вопросов [Минаева и др. 2007 : 39].

Итак, эксперимент как метод включает ряд других методов: *научное наблюдение, измерение, сравнение¹, описание*, а также предполагает соотношение с теоретическими методами, которые будут рассмотрены в следующем разделе. Что касается измерения и описания, то они могут применяться не только в экспериментальных исследованиях, но и в других эмпирических исследованиях, потому кратко охарактеризуем эти методы.



3. Измерение – это метод (процедура) установления численного значения одной величины путём сравнения её с другой величиной, принятой за эталон [Лебедев 2007 : 177; 2008 : 370; Канке 2008 : 70; Кохановский и др. 2008 345; Тихонов, Ворона 2009 : 42 и др.].

При этом первая из указанных величин называется *измеряемой* величиной; вторая – *единицей измерения*.

Измерение исторически развилось из операции сравнения, введенной в опытное естествознание трудами Леонардо да Винчи, Г. Галилея и И. Ньютона. Провозглашенный ими принцип количественного подхода к явлениям стал методологическим фундаментом развития науки.

Способ измерения включает в себя три главных момента:

- выбор единицы измерения и получения набора соответствующих мер;
- установление правила сравнения измеряемой величины с мерой и правила сложения мер;
- описание самой процедуры сравнения [Лебедев 2007 : 182].

Это процедуры *прямого измерения*. Однако с развитием науки все большее практическое и теоретическое значение приобретает метод *косвенного измерения*, при котором искомая величина определяется на основании прямых измерений других величин, связанных с искомой величиной математически выраженной зависимостью [Там же : 183].

¹ Описание философско-логического метода *сравнения* см. в разделе 7.4. пособия.

Существует несколько видов измерений. Исходя из характера зависимости измеряемой величины от времени измерения разделяют на статические и динамические.

При *статических измерениях* величина, которую мы измеряем, остается постоянной во времени (измерение размеров тел, постоянного давления и т. п.).

К *динамическим* относятся такие измерения, в процессе которых измеряемая величина меняется во времени (измерение вибрации, пульсирующих давлений и т. п.).

По способу получения результатов различают измерения прямые и косвенные.

В *прямых измерениях* искомое значение измеряемой величины получается путем непосредственного сравнения ее с эталоном или выдается измерительным прибором.

При *косвенном измерении* искомую величину определяют на основании известной математической зависимости между этой величиной и другими величинами, получаемыми путем прямых измерений (например, нахождение удельного электрического сопротивления проводника по его сопротивлению, длине и площади поперечного сечения). Косвенные измерения широко используются в тех случаях, когда искомую величину невозможно или слишком сложно измерить непосредственно или когда прямое измерение дает менее точный результат.

В наши дни измерение в различных своих модификациях используется в естественных, гуманитарно-социальных и технических науках, а также в науках о культуре [Канке 2008 : 70].



4. Описание – эмпирический метод, познавательная операция, состоящая в фиксировании результатов опыта (наблюдения, эксперимента и др.) с помощью определённых знаковых систем, принятых в науке: как **вербальных** (текстов, дискурсов), так и **невербальных** (схемы, графики, рисунки, таблицы, диаграммы и т. п.)¹.

Описание как особая лингвистическая процедура использует средства как естественных, так и искусственных, формализованных языков.

Описание бывает двух видов:

- 1) *непосредственное*, когда исследователь непосредственно воспринимает и указывает признаки объекта;
- 2) *опосредованное*, когда исследователь отмечает признаки объекта; которые уже воспринимались и описывались другими исследователями.

Существует более широкое понимание *описания* как не только экспериментального метода, но и как метода описания, изложения теоретических знаний: *дескриптивный* (от лат. *descriptio* – «описание, изображение»), или описательный способ *изложения*.

Отметим, что процесс *научного описания и изложения* теоретического знания предстает как *восхождение от абстрактного к конкретному*¹, хотя и,

¹ Проблемы фиксации результатов научных исследований будет раскрыта в четвертой части пособия.

разумеется не все звенья исследования в процессе восхождения фиксируются в этом изложении.

Таким образом, приняв во внимание роль научного описания и изложения эмпирического и теоретического материала, его внутреннюю логику развертывания, следует признать неправомерность *метода изложения* как пассивного метода, наоборот, его следует отнести к активным методам исследования. Просто их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга [Швырев, Джумадурдыев 1988 : 61].

Описание составляет необходимый, как правило, начальный этап научного исследования по любой проблеме, на смену которому затем приходят его *объяснение, обоснование, понимание* и другие методы и приёмы.

Завершая анализ эмпирических методов, следует ещё раз подчеркнуть, что методы эмпирического исследования никогда не реализуются «вслепую», наоборот, они всегда *теоретически нагружены*, т. е. направляются определёнными концептуальными идеями, а потому связаны с методами теоретического познания.

9.2. Методы и приёмы теоретического исследования

9.2.1. Краткая характеристика теоретических методов и приёмов



1. Аксиоматический метод – такой способ построения научной теории, при котором в её основу кладутся некоторые исходные положения – *аксиомы* (постулаты), из которых все остальные утверждения этой теории выводятся из них чисто логическим путём, посредством *доказательства*.

Длительное время учёные считали аксиоматический метод настоящим оплотом достоверности науки. В наши дни осознано ограничение этого метода. Это лишь метод построения уже добытого научного знания. Он имеет ограниченное применение, поскольку требует высокого уровня развития аксиоматизированной содержательной теории, потому В. А. Канке считает его основным методом логико-математических дисциплин [Канке 2008 : 19].

Известный французский физик Луи де Бройль обращал внимание на то, что аксиоматический метод может быть хорошим методом классификации или преподавания, но он не является методом открытия [Бройль 1962 : 179].



2. Вероятностно-статистические методы основаны на учёте действия множества случайных факторов, которые характеризуются устойчивой частотой.

Это позволяет вскрывать *необходимость (закон)*, которая пробивается» через совокупное действие множества случайностей. Названные методы опираются также на теорию вероятностей.

¹ См. раздел 7.3. *Философские методы*.

Вероятность – количественная мера (степень) возможности появления некоторого явления, события при определенных условиях. Диапазон вероятности от нуля (невозможность) до *единицы* (действительность). Теория вероятности позволяет выявить закономерности, возникающие при взаимодействии большого числа случайных факторов.

Статистическая закономерность возникает как результат взаимодействия большого числа элементов, составляющих целое, и поэтому характеризует не столько поведение отдельного элемента, сколько целого. Необходимость, проявляющаяся в статистических законах, возникает вследствие взаимной компенсации и уравнивания множества случайных факторов.

«Хотя статистические закономерности и могут привести к утверждениям, степень вероятности которых столь высока, что она граничит с достоверностью, тем не менее принципиально всегда возможны исключения», – считает В. Гейзенберг [Гейзенберг 1987 : 125].

Таким образом, хотя вероятностно-статистические методы не дают однозначных и целиком достоверных данных, тем не менее они являются единственно возможными при исследовании массовых явлений случайного характера, потому в наши дни, когда в науку входит *вероятностный стиль мышления* [Пригожин, Стенгерс 1986 : 50], эти методы широко используются в разных науках.



3. Выборочный метод, в основе которого лежат теория вероятностей и закон больших чисел, предполагающих в качестве важнейшего условия успеха исследования наличие достаточно большого количества объектов, выявленных с помощью *таблиц больших чисел* [Митропольский 1961 : 13] или с помощью приёма *шкалирования* [Безуглов и др. 2008 : 102].

4. Генетический метод построения теорий – способ задания содержания и сущности исследуемого предмета не путём конвенции, идеализации или логического вывода, а с помощью изучения его происхождения и становления, опираясь на изучение причин, приведших к его возникновению, а также на механизм становления и конструирования.



Метод широко используется не только в естественных и социально-гуманитарных науках, но и частично в математике (метод математической индукции) [Лебедев 2008 : 324].



5. Диахронический анализ – метод познания, состоящий в расчленении процесса эволюции изучаемого предмета (объекта) на ряд последовательно сменяющих друг друга в реальном историческом времени этапов и дальнейшем сравнении этих временных состояний объекта по определённым признакам их структуры.

Диахронический анализ, осуществляемый путём горизонтального временного сечения, позволяет выявить определённые закономерности, тенденции в эволюции предмета познания.

Бинарной оппозицией диахроническому анализу является *синхронный анализ* объекта, и вместе они образуют необходимые стороны *исторического метода* познания.

Этот метод активно используется во многих естественных науках, но особенно в социальных (истории, социологии, культурологии и др.) и гуманитарных.



6. Идеографический метод – метод познания, основанный на акцентировании единичности и даже уникальности (единственности, абсолютной неповторимости) каждого из реальных явлений, процессов и событий.

Основным средством и операциями данного метода являются *описания* познавательного объекта, с привязкой его к конкретному пространству и времени; *реконструкция* этого объекта в качестве относительно замкнутой, целостной системы свойств и отношений; *погружение* его в качестве элемента в некоторую тоже уникальную, но более широкую реальность – *контекст бытия* познаваемого объекта.

Использование идеографического метода познания, как правило, опирается на герменевтические процедуры *понимания*.

Метод широко используется, прежде всего, в гуманитарно-социальных науках, а также и в естественных (*протокольные утверждения*).

Бинарной оппозицией идеографического метода является *номотетический метод* познания, что впервые было четко сформулировано в философии неокантианства [Лебедев 2008 : 370].

7. Исторический метод – это способ изучения сущности и содержания природных и социальных объектов, когда существенное внимание уделяется длительности и скорости их формирования и развития, степени влияния на динамику изучаемых объектов внутренних закономерностей и внешних условий существования (среды). Иначе говоря, явления рассматриваются в процессе их возникновения, расцвета и увядания.



Применяется тогда и там, когда скорость изменения свойств объекта является достаточно важной, особенно в таких науках как астрономия, космология, геология, история общества, социология, но в принципе используется во всех науках.

По своему содержанию исторический метод сближается с *проблемным методом*.



8. Кластерный анализ (<англ. *cluster* – «пучок, гроздь») – многомерный анализ, который позволяет классифицировать объект одновременно по многим признакам. Этот метод классификации объектов может быть использован для введения данных в группы, которые называют *кластерами*.

Кластер – множество взаимосвязанных свойств, отношений, законов, обозначающих их категории, взаимоподдерживающих друг друга в рамках некоторой целостной модели объекта или предмета познания [Лебедев 2008 : 391].



9. Конструктивистский метод – состоит в том, что вводятся исходные понятия (концепты), из которых строятся другие концепты. Всё, что невозможно построить, признаётся ненаучным. Этот метод особенно характерен для алгоритмических построений, где бы они ни использовались [Канке 2010 : 361].



10. Корреляционный анализ – один из математико-статистических методов, направленный на выявление и математическое представление *структурных особенностей систем случайных явлений*.

При этом *структура* здесь понимается как множество взаимосвязанных элементов системы, *моделирующих* количественные и качественные характеристики явления, и выражается корреляционным рядом и матрицей.

Корреляцией называется разновидность стохастической (случайно-вероятностной) связи, которая определяется не через распределения, а только через их параметры.

Различается множество видов корреляций: *линейная и нелинейная; простая (парная) и множественная; частная и чистая* [Кузнецов 2006 : 42].



11. Метод альтернатив – метод решения научных проблем путем сопоставления и взаимной критики конкурирующих между собой теорий.

Общая идея этого метода была сформулирована Карлом Поппером в книге «*Объективное знание*» (1972). Неважно, с чего начинать познание, полагает К. Поппер, но важно всегда отыскивать *альтернативы* уже имеющимся у нас идеям, гипотезам, а затем сталкивать между собой альтернативы, чтобы выявлять и устранять ошибки.

Суть метода не столько в критике теорий практикой, сколько в открытии новых проблем, формулировании новых гипотез и онтологических схем.

В работе «*Ответ на критику*» Поль Фейерабент формулирует **четыре условия альтернативы**:

- дополнительно к предсказанию, которое противоречит выводу из критикуемой теории, альтернатива должна включать в себя некоторое множество утверждений;
- это множество должно быть связано с предсказанием более тесно, нежели только посредством конъюнкции, а предпочтительно органическое единство опровергающего предсказания и остальной части концепции;
- требуется хотя бы потенциальное эмпирическое свидетельство в пользу альтернативы;

- предполагается способность альтернативы объяснять прежние успехи критикуемой теории [Фейерабент 1978 : 421-422; 1986].

Только при наличии всех этих условий мы имеем право заменить старую теорию её альтернативой.

Метод альтернатив знаменует собой появление нового стиля мышления, характерного постнеклассической науке, когда познание уже не рассматривается как процесс приближения к некоторому идеалу истины, а «видят в нем океан постоянно увеличивающегося числа альтернатив» [Минаева и др. 2007 : 57].

Метод альтернатив вбирает в себя два философско-общелогических метода: *верификация* и *фальсификация* (см. раздел 7.4 пособия), но не сводится к ним. Главное в этом методе не опровержение и отбрасывание старых теорий, а противопоставление точке зрения опровергаемой теории иных возможных видений объекта исследования.

Метод альтернатив имеет свои границы. Его вряд ли следует применять в отношении к самому себе, поскольку это приведёт к парадоксу. Приносит только ущерб науке гиперкритика и крайний релятивизм [Минаева и др. 2007 : 61]¹.



12. Метод антиномий, или антиномизм (греч. *anti* – «против» и *nomos* – «закон»; букв. против закона; противоречие в законе) – принцип и метод теоретического познания и/или изложения полученных выводов, основанных на широком использовании парадоксов, противоречий между одинаково доказуемыми суждениями.

Отметим, что первоначально термин антиномизм возник в XVI в. в протестантской теологии и стал применяться в философии науки для обозначения особого метода познания.

Иммануил Кант констатировал антиномии рассудка, из-за которых рассудок неизбежно запутывается в собственные сети [Кант 1999].

Внешне антиномизм сходен с *диалектическим методом*, поскольку предполагает принятие «диалектических противоречий мышления как столкновение альтернативных концепций, моделей, позиций в качестве возможных решений некоторой проблемы» [Лебедев 2008 : 309]. При этом сам объект может оказаться противоречивым по своим реальным свойствам. В таком случае каждая из альтернатив может оказаться частично истинной по отношению к описанию объекта в целом [Там же : 309].

Однако по своей сути он во многом как бы «расширяет» диалектический метод.

Так, антиномизм ограничивает притязание и сферу применимости логического мышления, диалектической логики и рационально-системного анализа [Минаева и др. 2007 : 65].

Дело в том, что мир в целом целостен, конкретен, а потому *металогичен* и *сверхсистемен*. А металогическое – предмет интуиции, но не рационального дискурса [Там же : 65].

¹ Детальнее о сути метода и его эволюции см. работы: Поппер 1983; Фейерабент 1978; 1986; а также работы В.С. Швырева, А.Г. Асмолова, И. Лакатоса, И.П. Меркулова, А.Л. Никифорова, Д.В. Пивоварова и др.

Антиномизм противостоит, с одной стороны, *эклектике*, а с другой – *рациональному систематизму*. Противостояние тривиальному эклектизму заключается в том, что антиномизм, отсекая надуманные альтернативы и отбирая равнореальные контрадикторные утверждения о целом, признает, что конъюнкция последних правомерна при условии их опосредования неким бесконечным содержанием, пока не доступным нашему разуму.

В отличие от диалектической логики, которая заранее «знает», что реалии обозначаются парными категориями, антиномизм более осторожен – он исходит из предположения, что парные категории выражают разные опыты и разные мироотношения, поэтому в силу равновеликости этих опытов ни одному из них нельзя отдавать предпочтение [Минаева и др. 2007 : 66].

Таким образом, антиномизм является как бы противоядием от категоричного отрицания того, что рождено опытом инакомыслящих и чужими культурами.

В этом – достоинства метода. Однако следует помнить и его ограничение: «недопустимы антиномии в логических и математических теориях, главным гарантом и регулятором законности которых выступают требования и законы логически правильного мышления» [Лебедев 2008 : 309].

13. Метод коцитирования – один из способов определения взаимосвязи между различными публикациями в определённой области науки, состоящий в подсчете числа одновременных ссылок на эти публикации в статьях других авторов [Прайс 1963; Лебедев 2008 : 622].



Метод коцитирования может быть использован как индикатор формирования новой области исследования, а также как определитель состава и мощности того или иного научного коллектива в современной науке¹.



14. Метод научного теоретического ряда и научного теоретического строя – методы, обеспечивающие динамику научного знания и позволяющие определённым образом упорядочить теории, взаимосвязанные друг с другом.

Метод научного теоретического строя ряда требует выстраивать теории таким образом, чтобы каждая последующая концепция не содержала часть затруднений предыдущей концепции.

Метод научно-теоретического строя требует выстраивать теории таким образом, чтобы посредством более развитой теории можно было бы объяснить содержание менее развитой теории.

На первый взгляд кажется, что *научно-теоретический строй* не способен вместить все многообразие теорий, но это мнение не учитывает ряда новейших тенденций развития современного научного знания.

¹ Значимость *коцитирования*, или библиометрического индикатора в наши дни не только в нашей стране, но и ряде других стран по разным причинам снижается или даже утрачивается [Чернявская 2008 : 79; 2011 : 103].

Соответствующие анализы показывают, что буквально во всех науках динамика роста научного знания неизбежно сопровождается *синтезом* его элементов.

Например, в биологии несколькими этапами развития отмечен синтез дарвинизма и генетики. В психологии благополучно соединяют когнитивизм и необихевиоризм. Лингвисты исходят из полипарадигмального характера современной лингвистики и т. д.

Таким образом, в условиях плюрализма теорий и их синтеза, если исследователи не будут с максимально возможной ответственностью возводить *научно-теоретический ряд и строй*, то их ожидает хаос (П. Фейерабент, И. Пригожин, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, Е. Н. Князева, А. А. Самарский и др.).



15. Метод ранжирования состоит в том, что при анализе явлений и процессов в сложных системах возникает потребность рассматривать большое количество факторов (признаков), среди которых необходимо выделять главные при помощи *метода ранжирования и исключения второстепенных факторов*, не влияющих существенно на исследуемые объекты.

Метод допускает усиление основных и ослабление второстепенных факторов и их расположение по силе фактора.

16. Номотетический метод (греч. *nomothetiche* – законодательное искусство) вводит познавательную установку на получение, конструирование, формулировку и обоснование любого общего знания, рассмотрение любых конкретных вещей, объектов и процессов не в их индивидуальном бытии (см. *идеографический метод*), а как элементов, представителей некоторого класса, с некоторой общей точкой зрения.



Результатом такой познавательной установки являются введение в качестве непосредственного предмета научного познания *абстрактных и идеализированных* предметов и структур, поиск и формулировка *общих законов*, которым подчиняется функционирование отдельных предметов.

Этот метод абсолютизирует формально-логический закон обратного отношения объема и содержания понятия, упрощённо изображая процедуры научного мышления [Философский энциклопедический словарь 1999 : 306].

С точки зрения неокантианцев, именно номотетический метод лежит в основе естествознания и математики, конструируя их главное отличие от гуманитарно-социального познания [Лебедев 2008 : 480].



17. Прагматический метод состоит в том, что теория понимается как реализация ценностно-целевых отношений, о действительности которых свидетельствует в конечном счёте практическая деятельность. Этот метод нацеливает на органическую слитность теории и практики. Метод характерен для всех, в первую очередь, аксиологических

наук (экономика, психология, политология, социология, история, юриспруденция, искусствоведческие науки, медицина, технические науки, сельскохозяйственные и экологические науки) [Канке 2010 : 51; 360-362].



18. Проблемный метод – способ исследования, развития и изложения научных теорий, существо которых составляет проблематизация, т. е. выявление проблем и их решение. Он позволяет обнаружить области напряженности в теории, а их «разминирование» приводит к росту знания. Большим энтузиастом проблемного метода был К.Поппер, заявлявший, что в мире знания самыми благодатными гражданами «являются именно проблемы» [Поппер 1983 : 478].



19. Прогностические методы как способы достижения определённых результатов в познании и практике представляют собой систему регулятивных принципов, правил, требований, направляющих познавательную деятельность исследователя по пути к овладению объективной истиной.

Как и любой другой метод, прогностический метод эвристичен. Новые задачи, связанные с предвидением, прогнозированием развития объектов и явлений требует применения адекватных методов в соответствующих прогностических исследованиях.

По степени формализации методы научного прогнозирования делятся на *интуитивные* и *формализованные*; *одиночные* и *комплексные*¹.

Интуитивные методы прогнозирования связаны с применениями соответствующего математического аппарата: это *корреляционный* и *регрессивный анализы*, а также *факторный анализ*, *вариационные исчисления*, *методы моделирования* и другие.



20. Регрессивный анализ – один из математико-статистических методов, направленный на выявление и математическое выражение тех изменений и зависимостей, которые имеют место в системе случайных величин:

Метод служит для решения **трех задач**:

- *выявить факт изменчивости* изучаемого явления при определённых, но не всегда четко фиксированных условиях;
- *выявить тенденцию* как однонаправленное или периодическое изменение, которое, в частности, может рассматриваться *генетически*;
- *выявление закономерности*, выраженной в виде корреляционного уравнения.



21. Синхронный анализ – метод познания, состоящий в выделении (фиксации или конструировании) структуры изучаемого предмета (объекта), взятого в *конкретный момент* (или определённый промежуток реального исторического времени его существования) с помощью вертикального временного сечения эволюции объекта.

¹ Подробнее о прогностических методах см.: Кузнецов 2006 : 26-43.

Активно используется во всех естественных и социальных науках, особенно в науках о культуре.

Бинарной оппозицией данного метода является *диахронический анализ*.



22. Структурно-функциональный (структурный) метод строится на основе выделения в целостных системах их структуры – совокупности устойчивых отношений и взаимосвязей между ее элементами и их роли (функций) относительно друг друга (см. раздел 5.2.1 пособия).

Структура понимается как нечто инвариантное (неизменное) при определенных преобразованиях, а функция как «назначение» каждого из элементов данной системы (функции какого-либо биологического органа, функции государства, функции теории и т. д.).

Основные требования процедуры структурно-функционального метода (который часто рассматривается как разновидность системного подхода):

- 1) изучение строения, структуры системного объекта;
- 2) исследование его элементов и их функциональных характеристик;
- 3) анализ изменения этих элементов и их функций;
- 4) рассмотрение развития (истории) системного объекта в целом;
- 5) представление объекта как гармонически функционирующей системы, все элементы которой «работают» на поддержание этой гармонии.

23. Эвристические методы (греч. *heurisko* – «нахожу») – методы, используемые в теоретических исследованиях для получения нового знания, отыскания истины¹.



24. Экспертные методы – группа методов, направленных на получение экспертных оценок в науке. Сущность метода экспертных оценок заключается в проведении экспертами интуитивно-логического анализа какой-либо научной проблемы по вопросу оценки её значимости, обоснованности, истинности, новизны, перспективности и др., с применением количественных методов и формальной обработкой результатов.

В основу метода положена квалиметрия (<лат. *quails* – «качество» + *metro* – «измерять») – область науки, объединяющая методы количественной оценки качества объектов, явлений, процессов. Наиболее часто используются методы *многомерного статистического анализа, факторного и корреляционного анализа*.

Достоверность коллективной экспертной оценки зависит от компетентности и эрудиции экспертов, от степени аргументированности их мнения и консенсуальности их решения².

¹ Подробнее см. в разделе 9.2.3. «Методы творческого мышления».

² Подробнее об экспертных методах см.: [Кузнецов 2006 : 26-43].



25. Экстраполяция (фр. *extrapolation* <лат. *extra* – «вне, сверх» + *polire* – «отделывать, изменять») – метод научного исследования, заключающийся в распространении выводов, полученных из *наблюдения* над одной частью явления, на другие его части; распространение каких-либо закономерностей или тенденций, наблюдавшихся в определённом временном интервале (базовом) на другой временной интервал (прогнозный).

Экстраполяция обычно проводится на основе статистически установленных изменений количественных характеристик прогнозируемого объекта.

9.2.2. Методы моделирования

Этот метод вынесен в отдельный раздел вовсе не случайно: на сегодняшний день, видимо, нет другого метода, обладающего такой мощной эвристической, гносеологической и онтологической силой: «...современная наука обладает мощным орудием познания сложных явлений реальной действительности – методом *моделирования*» [Ревзин 1962 : 8]¹, поскольку моделирование выступает и как метод представления и изучения объекта, явления или процесса и одновременно как метод *верификации*.

Идею модели (фр. *modele* < ит. *modello* < лат. *modulus* – «мера, образ, способ») и моделирования использовали ещё Демокрит, Эпикур, Леонардо да Винчи. Широкое внедрение этой идеи в науку, начавшееся в конце XIX века, актуализировано в начале XXI века.

Этим обусловлена необходимость более широкого раскрытия этого метода в пособии: его сущности, сфер применения, условий, при которых та или иная модель приобретает прогностическую функцию, какие имеются ограничения и допущения в использовании метода, как интерпретировать выводы о свойствах и отношениях между элементами модели и других вопросов.

1. История формирования понятий модель/моделирование и его роль в развитии науки

Латинское слово *модель* в его первоначальном значении было связано со строительным искусством, и почти во всех европейских языках оно употреблялось для обозначения образа, или прообраза, или вещи, сходной в каком-либо отношении с другой вещью.

Рассматривая историю возникновения термина *модель*, А. Ф. Лосев указывает, что впервые он появляется в работах математиков конца XIX века **Е. Бельтрами** и **Ф. Клайна** в геометрии, а затем в работах философов **Г. Фреге** и **Б. Рассела**, посвященных проблемам математической логики. В 1944 г. термин появляется в работе американского лингвиста **З. Харриса**, который с его помощью описывает специфику методологии Э. Сепира.

К 60-м годам XX века этот термин только в лингвистике (Л. Хоккет, Н. Хомский, И. И. Ревзин и др.) уже имел 27 значений [Лосев 2004 : 14], а в современной науке он необычайно полиморфичен.

¹ Вот почему метод моделирования некоторые учёные считают не *общенаучным*, а даже – *всеобщим* [Тихонов, Ворона 2009 : 41].

Потому отметим, что в этой работе термин модель используется в значении: «**опытный образец или информационно-знаковый аналог того или иного изучаемого объекта, выступающего в качестве оригинала**» [Лебедев 2008 : 445].

Как видим из дефиниции, модель понимается очень широко. К ней применима интерпретация Я.Г. Неуймина: «... модель в общем понимании этого термина (обобщенная модель) является предельно широким понятием. Множество взаимосвязанных моделей объективной реальности и её фрагментов, зафиксированное в системе научных знаний, являет собой ту базу, тот *гносеологический арсенал человечества* (выделено мной – З. К.), из которого мы непрерывно черпаем материал для создания и развития всех более узких гипотез, теорий, картин мира и т. д., причем результаты каждого нового исследования в свою очередь пополняют модельный банк данных современной науки» [Неуймин 1984 : 50].

Это определение показательное ещё и тем, что по существу может быть спроецировано *на всю*, а не только научную, *гносеологическую базу человечества* (выделено мной – З. К.) [Мишанкина 2010 : 17]¹.

Проблемы моделирования как научного метода стали предметом обобщения и анализа, начиная с 40-х годов XX в. В 60-е годы появляются первые крупные монографические исследования. Общее количество публикаций, посвященных проблеме моделирования, уже в 80-е годы исчислялось сотнями [Неуймин 1984 : 37], а в наши дни их число трудно обозримо.

Из всех работ, в которых исследуются общие свойства научной модели и моделирования, необходимо выделить работу Я. Г. Неуймина, в которой дается **структура обобщенной научной модели**: «Модель представляет собой «четырёхместную» конструкцию, компонентами которой являются *субъект, задача, решаемая субъектом, объект-оригинал и язык описания или способ материального воспроизведения модели* <...> Особую роль в структуре обобщенной модели играет решаемая субъектом задача: она играет роль главного системообразующего фактора при интеграции свойств в единый интегральный образ как некоторую целостность, как систему» [Неуймин 1984 : 45].

Из этого основополагающего определения структурной модели вытекают следующие свойства:

- каждому *объекту-оригиналу* может соответствовать множество моделей, связанных с определёнными *задачами* (при этом реализация задачи также предполагает вариативность), потому модель всегда лишь *приблизительно* соответствует оригиналу;
- модель/моделирование обязательно предполагает наличие активного субъекта-творца, воспроизводящего в своём творении черты реальности, существующей или потенциальной, гипотетической;
- итогом рассуждений (интерпретаций) исследователя становится вывод о том, что «исторически сложившиеся научные понятия, непосредственно

¹ Как пишет Н.А. Мишанкина в своей монографии, в наши дни понятие *модель/моделирование*, покинув отеческую сферу науки, вышло на широкую арену массового употребления: «модель самолёта», «модель здания», «модель на подиуме» и т. д. [Мишанкина 2010 : 8].

или опосредованно связанные с объективной реальностью, – законы, теории, научные картины мира – суть модельные конструкты. Все наши научные представления о мире природы, общества и техники, наши знания о самих себе, о мышлении и его закономерностях носят модельный характер» [Неуймин 1984 : 49; Мишанкина 2010 : 11].

2. Сущностные характеристики метода моделирования

Сущностными свойствами моделей являются следующие:

1. *Субъективность модели*, т.к. именно исследователь проводит отбор свойств, в которых она соответствует оригиналу.
2. *Двойственная природа модели*. В процессе познания модель сама замещает объект, сохраняя при этом некоторые важные для исследователя черты, и сама становится объектом непосредственного исследования. Таким образом, модель – одновременно и объект исследования, и средство познания.
3. *Трансформируемость модели*. С моделью можно сделать то, что с оригиналом сделать нельзя. Возможность преобразований – самая фундаментальная, самая информативная сторона метода моделирования, поэтому модель применяется для исследования объектов, оперирование с которыми затруднено или вовсе невозможно по этическим или организационным причинам.
4. *Компактность модели*. Модели воспроизводят объект исследования в упрощенной форме, поэтому модель всегда компактнее оригинала. Для более разностороннего охвата реальности требуется множество моделей, или *комплексные, многоуровневые* модели.
5. *Специфическая информативность моделей как средства познания*. Модель всегда выступает в абстрактной форме, поэтому всегда можно выделить такие свойства, которые не представлены в оригинале модели [Минаева и др. 2007 : 68].

Поскольку при моделировании исследователь имеет дело не с самим изучаемым объектом–оригиналом, а с его заменителем–моделью, то ясно, что в основу методологии моделирования положен философско-общелогический метод – а н а л о г и я .

В науке существует шуточная поговорка: прием мышления по аналогии хромает на обе ноги. Однако для метода моделирования аналогия правомерна и важна, поскольку именно аналогичные отношения устанавливают **границы метода** моделирования: поскольку модель как средство познания основана на *анalogии* (метафорической, графической, системной, когнитивной), то она утрачивает свой смысл в случае тождества модели и прототипа, с одной стороны, а также в случае большого различия между объектом–оригиналом и его моделью, с другой стороны.

Кроме отношений аналогии, модель и её прототип находятся ещё в отношениях изоморфизма и гомоморфизма.

Гомоморфизм – более общее и более слабое отношение между моделью и ее прототипом, когда не выполняется одно из трёх условий:

- соответствие элементов;

- соответствие функций;
- взаимоднозначное соответствие свойств и отношений.

И, наоборот, отношения между моделью и ее прототипом изоморфны, если все эти три условия соблюдаются.

Исходя из этого, модель есть изоморфный или гомоморфный образ исследуемого объекта-оригинала [Лебедев 2008 : 466].

3. Основные типы моделей/моделирования

Создание единой классификации видов моделирования затруднительно в силу многозначности понятия *модель* в науке, поэтому классификацию обычно проводят по разным основаниям.

В зависимости от средств моделирования различают **материальное (субстанциональное) и идеальное моделирование.**

Материальное (субстанциональное) моделирование основывается на материальной аналогии объекта и его модели. Для построения данного типа моделей необходимо выделить функциональные характеристики (геометрические, физические) исследуемого объекта. Примером субстанциональных моделей являются социально-психологические эксперименты. Так, колония А. Макаренко является такой моделью организации и осуществления воспитательной работы с подростками [Минаева и др. 2007 : 73].

Большой класс моделей представляют **идеальные модели**, которые основаны на *мыслимой аналогии*. Идеальное моделирование в свою очередь подразделяется на **знаковое (формализованное) и интуитивное моделирование.** Интуитивное моделирование используется тогда, когда процесс познания только начинается или системные взаимосвязи очень сложные. Например, жизненный опыт человека можно рассматривать как интуитивную модель межличностных отношений [Там же : 73].

Моделями знакового моделирования являются языковые модели¹, схемы, графики, чертежи, формулы.

Важнейшим видом знакового моделирования является **математическое и компьютерное моделирование.**

Математическая модель представляет собой абстрактную систему, состоящую из набора математических объектов [Лебедев 2007 : 249]. Они в свою очередь бывают двух типов: **модели описания (имитационные) и модели объяснения.**

Для **модели описания** характерно то, что в них соответствие между формальной и физической структурой не обусловлено какой-либо закономерностью и носит характер единичного факта. Глубина восполнения модели описания решается всегда эмпирически [Лебедев 2007 : 252].

Модель описания представляет собой качественно иной вид познавательных моделей, в которых структура объекта находит себе соответствие в математическом образе в силу внутренней необходимости. Эта модель уже нечто

¹ Понятие языкового моделирования и базовых языковых моделей будет дано в третьей части пособия.

большее, чем простая эмпирическая «подгонка», поскольку она обладает способностью *объяснения*.

Характерными гносеологическими свойствами **моделей объяснения** являются:

- способность к кумулятивному обобщению, к экстраполяции на новые области фактов;
- способность к предсказанию принципиально новых качественных эффектов;
- способность к адаптации, которую А. Пуанкаре называл «гибкостью» теории, которая проявляется в возможности видоизменения и совершенствования;
- способность к трансформационному обобщению, при котором глубина восполнения исходной модели может быть строго установлена *теоретически*, а не эмпирически, как в описательной модели. И этот факт имеет фундаментальное гносеологическое значение [Лебедев 2007: 255].

Одна из наиболее развитых областей *математического* моделирования социального поведения называется *теорией игр* [Минаева и др. 2007 : 76].

Компьютерные модели основываются на программировании с использованием не уравнений, как в математических моделях, а *алгоритмов* – строго сформулированных последовательных инструкций. Эти модели особенно эффективны при изучении ситуаций, сопряженных с обработкой большого количества информации. Очень часто применяется такая форма компьютерной модели как *экспертная система*, в которой используется большое количество установок типа: «если... то».

С развитием синергетики стали развиваться **модели нелинейных процессов**, особенно для анализа сложных социально-психологических процессов: *модель катастроф*, *модель миграции* и т. п. [Минаева и др. 2007 : 79].

В типологию моделей входят также **структурные** (чаще субстанциональные), **функциональные** и **смешанные модели**. Функциональное моделирование – это основной метод **кибернетики** на современном этапе. При этом отдельные типы моделей в чистом виде встречаются редко: модели обычно из **однополярных** превращаются в **многополярные**.

Подчеркнём, что появление «**виртуальных**» объектов в кибернетике заставило по-новому взглянуть на уже давно существующие феномены модельной природы, в которых создаются «альтернативные реальности»: на литературу, искусство, науку. Это в свою очередь привело к переосмысливанию роли языка как посредника между миром и человеком [Минаева и др. 2007 : 79; Канке 2008 : 147; Мишанкина 2010 : 54].

Таковы в общих чертах типы моделей и моделирования.

4. Этапы моделирования

Основными принципами моделирования являются: *наглядность*, *объективность* и *определённость* [Кузнецов 2006 : 28].

Процедура построения модели включает ряд последовательных *этапов*:

1) формирование проблемы исследования, определение цели и постановка задач моделирования;

2) обоснование необходимости обращения к методу моделирования, что связано с особенностями объекта исследования, необходимостью прогноза поведения, с наличием детализированных моделей и т. п.;

3) теоретическая подготовка процесса моделирования (выбор модели, набор допущений и др.);

4) построение концептуальной модели;

5) конструирование формализованной модели;

6) исследование созданной модели и получение новой информации;

7) оценка параметров модели и получение численных предположений;

8) включение модельных знаний в существующую систему теоретического знания об объекте исследования [Кузнецов 2006 : 28-29; Минаева и др. 2007 : 80-82; Лебедев 2007 : 249-260; Тихонов, Ворона 2009 : 101-103; Мишанкина 2010 : 8-19 и др.].

В заключение следует обратить внимание на **сложности, связанные с моделированием**:

- одна из проблем связана с системой заложенных в модель *исходных допущений*, поскольку *валидность* модели зависит не от её аппарата, а от допущений; самый частый недостаток моделей – *сверхупрощенные исходные допущения*;
- сложность интерпретации полученных результатов;
- следует учесть, что сведения, полученные в результате испытания модели, носят *вероятностный* характер;
- для сложных систем не всегда удаётся построить *математическую модель* из-за множества связей между элементами системы, большого числа параметров, различных нелинейных ограничений.

9.2.3. Методы активизации творческого мышления

Современная психология науки настаивает на том, что творческое научное мышление регулируется не логическими правилами, а психологическими установками и закономерностями.

Прежде всего, творческое мышление предполагает знание факторов, отрицательно влияющих на мышление, чтобы успешно преодолеть их. К числу таких факторов относятся: отсутствие гибкости мышления, сила привычки, узкопрактический подход, чрезмерная специализация, влияние авторитетов, боязнь критики, страх перед неудачей, высокая самокритичность, лень, раскрепощение индивида и некоторые другие.

Но этого мало. Чтобы *преодолеть психологическую инерцию мышления*, связанную со стремлением действовать в соответствии с прошлым опытом и знаниями, с использованием привычных стандартов, а также чтобы преодолеть негативные факторы, влияющие на мышление, необходимо знание *методов стимулирования творческого мышления*.

На сегодняшний день существует в общей сложности более тридцати таких методов и методик [Лебедев 2008 : 442], наиболее используемые из которых сведены в схему 18 [Тихонов, Ворона 2009 : 98].

Методы активизации творческого мышления



Интерпретация схемы 18

Методы активизации творческого мышления обычно объединяются в две группы: *эвристические* методы (<греч. *eurisko* – «нахожу») – поисковые методы и *алгоритмические*, т. е. осуществляемые с помощью алгоритмов.

Рассмотрим кратко суть указанных методов.

Мозговой шторм (брейнсторминг) – включает комплекс организационных мероприятий и процедур, проводимых группой специалистов (до 10 человек) из различных областей знаний с целью генерирования идей, предназначенных для решения поставленной задачи. Обычно для группы создаются комфортные физиологические и психологические условия. Сеанс работы длится 40–50 мин. Все предлагаемые идеи фиксируются, а потом анализируются специалистами, которые будут решать поставленную задачу.

По сути «мозговой шторм» – это средство получения от группы лиц большого количества идей за короткий промежуток времени. Существует несколько разновидностей «мозгового шторма», или «мозговой атаки».

Синетика – сходна с предыдущей процедурой «мозгового шторма». Отличие заключается в том, что рабочая группа состоит из постоянных членов,

приглашенных для разового заседания и уже знакомых с проблематикой и порядком работы.

Экспертный метод основан на использовании знаний и опыта экспертов в исследуемой области.

Метод контрольных вопросов предполагает анализ ответов на вопросы, касающихся той или иной тематики. Существует много разновидностей данного метода, различаемых по именам авторов вопросов. Так, известны списки вопросов Бонзака, Буша, Грегори, Крика, Юнга, Вольфа и многих других¹.



Метод записной книжки Хефеле предполагает предварительное ознакомление всех участников поиска решения проблемы с задачей и выдачи им записных книжек. Все привлеченные специалисты записывают в эти записные книжки все идеи, которые им приходят в процессе работы над решением задачи. Одновременно им выдаются опросные листы со списком контрольных вопросов. Через некоторое время записные книжки собираются и проводится анализ полученных ответов.

Метод локальных объектов разработан американским специалистом Ч. Вайтингом и используется для поиска новых оригинальных решений модернизации исследуемого объекта. Слово локальный здесь используется для того, чтобы подчеркнуть, что все возможные признаки исследуемого объекта находятся как бы в его фокусе. Процедура работы заключается в рассмотрении возможностей исполнения вариантов совершенствуемого объекта, объединенных с одним из различных признаков, случайно выбранных или названных предметов.



Интегральный метод «Метра» разработан французским исследователем И. Бувеном и объединяет процедуры «мозгового штурма», синетики, свободных ассоциаций и морфологических матриц. На первом этапе просматривают первоначальную формулировку задачи, переводя ее на понятийную основу. Затем в новой постановке применяют метод «мозгового штурма». После этого осуществляют экскурс в мир аналогий посредством фантастических модельных представлений.

Метод маленьких человечков является вспомогательным и служит для наглядного представления процессов, которые должны происходить в идеализированной системе для получения идеального конечного результата. Все процессы, происходящие в системе, представляются в виде набора рисунков, каждый из которых отображает выполнение одной технологической операции. Такое художественно-графическое представление облегчает переход к конкретной конструктивной схеме.



Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ) разработана нашим ученым, писателем-фантастом Г. Альтшулером и его учениками. Эта теория включает большое количество инструментальных средств, каждое из которых в отдельности или в совокупности с

¹ О правилах формулирования вопросов; о типах и видах вопросов см.: Минаева и др. 2007 : 104-113.

другими решает задачи модернизации и усовершенствования объектов, а также их дизайна. Эти средства включают: законы развития технических систем, приемы устранения технических противоречий, банки данных физико-технических, химических, геометрических, биологических, психологических и других эффектов, вещественно-полевые ресурсы, стандарты и алгоритмы решения изобретательских задач. В общем случае ТРИЗ предполагает следующий алгоритм работы:

- анализ исходной ситуации;
- анализ задачи;
- анализ модели задачи;
- разрешение физического противоречия;
- анализ возможности устранения физического противоречия;
- развитие полученного решения;
- анализ хода решения.



Метод морфологического ящика (морфологический анализ) служит для выявления новых вариантов решения технической системы путем комбинирования разновидностей исполнения ее подсистем, частей и элементов. Метод реализуется путем построения двумерной морфологической матрицы (таблицы) или ящика (многомерный пространственный элемент), строки и столбцы которых заполняются альтернативными вариантами исполнения составляющих системы. Затем последовательно выбираются варианты подсистемы и рассматриваются в сочетании с вариантом исполнения других составных частей системы. Из полученного массива решений выбирается лучшее, соответствующее требованиям технического задания.

При проведении теоретических исследований наряду с вышеизложенными методами используются и другие. Немалую роль при построении любых исследований играют, например, логические методы и правила, носящие нормативный характер. К числу таких правил относятся правила вывода, образования сложных понятий из простых, установления истинности сложных высказываний и т. д. Специальными методами теоретических исследований могут служить также принципы формирования аксиоматических теорий, критерии непротиворечивости, полноты и независимости систем и другие.

9.3. Проблема методов метатеоретического уровня научного познания

1. В существующей учебной литературе методы этого уровня познания и знания либо не рассматриваются вовсе, поскольку сам этот уровень познания не выделяется, либо освещаются очень скупо, что в общем-то мало согласуется с данными философии науки и конкретными науками.

К примеру, в своем учебном пособии В.А. Тихонов и В.А. Ворона, освещив эмпирические и теоретические методы исследования, пишут: «К методам метатеоретического уровня относят диалектический метод и метод системного анализа. С помощью этих методов исследуются сами теории и разрабатываются пути их построения, изучается система положений и понятий данной теории, устанавливаются границы её применения, способы введения новых по-

нятий, обосновываются пути синтеза нескольких теорий. Центральной задачей данного уровня исследования является познание условий формализации **языков, именуемых метаязыками**» [Тихонов, Ворона 2009 : 48].

Как видим, очень узкое понимание метатеоретического познания и метазнания обусловило отнесение только двух методов, «работающих» на этом уровне.

Согласно нашему пониманию метатеоретического уровня и метазнания, которое опирается на существующие в современном науковедении и философии науки¹ концепции, очевидно, что на этом уровне познания «работающими» являются все методы описанных пяти методологических уровней, т. е. все *философские* и *философско-общелогические методы* (1-ый уровень); *системный метод* (2-ой уровень); *синергетический метод* (3-ий уровень); *семиотический метод* (4-ый уровень) и *общенаучные*, кроме эмпирических и теоретических, методы (5-ый уровень).

Иначе говоря, методы *метатеоретического уровня* познания представляют собой сложную субординированную (пятиуровневую) систему, в которой сфера действия того или иного метода напрямую обусловлена методологическим уровнем этого метода, а потому сфера действия методов постепенно сужается от первого уровня к пятому.

Из этого следует, что философские и философско-общелогические методы являются *общегносеологическими* (термин С. А. Лебедева), поскольку они используются не только в науке, но и в обыденном познании, самой философии, мифологии, искусстве, религии [Лебедев 2007 : 276]². По мере снижения уровня «гносеологическая сила» метода слабеет. Однако она достаточно сильна для того, чтобы, модифицируясь в частнонаучном и дисциплинарном знании, инициировать метазнание³ в конкретных науках (субнауках).

Но описанная система методов, работающих на метатеоретическом уровне, является неполной, т.к. она касается только разных типов *предметного знания*, но не охватывает *рефлексивного знания*.

2. Рефлексия как один из основных методов метатеоретического познания в науке



Научно-исследовательская деятельность⁴ включает в себя два уровня – предметный, когда активность исследователя направлена на познание реальной действительности, и рефлексивный, когда познание обращается на самое себя⁵.

В первом случае результаты научной деятельности выражаются в виде эмпирического и теоретического знания, а во втором – подвергаются анализу сами эти

¹ См. первую и вторую главу пособия и особенно раздел 1.3.

² *Сергей Александрович Лебедев* – известный современный отечественный философ – является автором ряда монографий, учебников, учебных пособий, оригинальной энциклопедии по проблемам логики и методологии науки, философии науки, философской антропологии.

³ См. понятия *металогика*, *металингвистика*, *метаматематика* и др.

⁴ См. раздел 2.4. пособия.

⁵ *Рефлексия* – «мысль о мысли, дополняющая мысль» [Шрейдер 1979] – есть способность мышления делать своим предметом мышление [Ясперс 1991].

результаты. Во втором случае цель состоит в том, чтобы выявить, насколько достоверны, надежны полученные результаты, насколько они обоснованы, точны и истинны, каковы сами критерии истинности.

При этом диалектика рефлексивного и предметного, нерефлексивного знания обнаруживается в самом акте рефлексии, поскольку «каждая процедура рефлексивного анализа предполагает некую неререфлектируемую в данном контексте рамку «неявного» обосновывающего знания» [Лекторский 1983 : 5].

В зависимости от того, на каком этапе находится развитие той или иной отрасли знания и какие исследовательские задачи выдвигаются на первый план, в ней доминирует и соответствующий тип рефлексии.

Первый тип – это рефлексия над **результатами познания**.

Второй тип – анализ познавательных **средств и процедур**.

Третий тип – выявление предельных культурно-исторических **оснований, философских установок, норм и идеалов исследования** [Лебедев 2007 : 261].

Первый тип рефлексивного знания практически представлен почти в каждом научном исследовании, поскольку в нем необходимо доказать *достоверность* полученных результатов.

Второй тип рефлексии также часто представлен в современных исследованиях, поскольку автору необходимо обосновать *адекватность* используемых им методов, приёмов и процедур, хотя в ряде работ это сводится только к перечню использованных познавательных средств.

Что касается *третьего типа* рефлексивного знания, то он чаще не представлен в диссертационных исследованиях, поскольку он соотносится с мета-теоретическим предметным знанием, даёт методологическую квалификацию, как правило, *старого, предпосылочного* знания [Кубрякова 2008]. Кроме того, методологические тексты занимают «особое место в вербализации научного знания. Они прямо пропорционально связаны с новаторством публикаций. Их специфика определяется рефлексивной абстракцией, глубоким проникновением в механизмы и методы развития науки в целом и её определённых областей. В силу этого «работа» субъекта научного познания над методологическими текстами регулируется определёнными конвенциональными нормами, ограничивающими их допуск в науку» [Чернявская 2008 : 78].

Вот почему методологическая квалификация старого, предпосылочного знания в естественнонаучном цитатном дискурсе, по нашим данным, составляет всего лишь 7% (русский язык) и 9% (английский язык) [Комарова, Шагеева 2009 : 198].

В жанровом отношении рефлексивное знание этого типа представлено обычно в крупных жанрах: докторских диссертациях, монографиях и реже – в научных статьях, где оно содержится только тогда, когда поставлена такая задача. Например, в статье «*Суперкатегория партитативности как тип понятийной и языковой категории*» ставится задача «выявить, насколько продуктивной является предлагаемая методология и методика изучения данной категории» [Комарова, Дедюхина 2010 : 482]. Решение такой задачи, безусловно,

предполагает рефлекссию авторов над метатеоретическим предметным знанием изучаемой категории.

Хотя интерес к рефлексии в истории познания возник сравнительно давно, её методологическая значимость в полной мере стала осознаваться лишь в XX веке, причины чего вскрывает С. А. Лебедев: «Сегодня, однако, стало ясно, что глубоко понять законы движения человеческой мысли, её механизмы и формы нельзя, если мы отвлекаемся от лежащих в её основаниях *предпосылок*» [Лебедев 2007 : 264].

Особенно ярко рефлексия над предметным знанием стала проявляться на переломе веков и в новом, XXI веке, когда активно заговорили о *методологическом повороте* в науке, по мнению одних, или *методологическом «мятеже»*, по мнению других [Паршин 1996].

Именно в этот период была осмыслена **структура рефлексивного знания**.

Поясним. Любой пласт методологического знания по отношению к **предметному** в общем-то носит рефлексивный характер, т.к. в методологическом исследовании речь идёт не о предметной эмпирии и теории, а о различного рода *ментальных реальностях, о языке науки, о знании предпосылочного типа* и т. п.

В этом смысле к метанаучной рефлексии можно отнести всякую деятельность (независимо от того, кто ею занимается: специалист какой-либо субнауки или философ, философ науки, науковед, кроме методолога [Лебедев 2007 : 266]), *связанную с анализом знания*: систематизацией имеющихся результатов, критической переоценкой существующих понятий и теорий, анализом структуры и основанием теорий, парадигм и т. д. В этом случае речь идёт о **рефлексии**.

Однако следует помнить, что в рамках самого методологического знания понятие *рефлексии* применимо лишь по отношению к определённому рода познавательным ситуациям. Когда специалист какой-либо науки задумывается над точностью, адекватностью концептуальных средств, с помощью которых он фиксирует результаты своих исследований, когда он занимает критическую позицию по отношению к полученным им данным, когда он переключает своё внимание с предметной области на структуру самой теории, – во всех этих случаях разумно говорить о *методологической саморефлексии* ученого [Лебедев 2007 : 266].

Сегодня все бóльшую эвристическую значимость приобретает методология рефлексивного подхода, рассматривающего поле взаимодействия *субъекта и объекта, субъективного и объективного*. С появлением все новых «человекоразмерных» измерений науки, с углублением мировоззренческого понимания сущности и человеческого значения получаемого наукой знания, роль рефлексивного подхода неизбежно будет усиливаться [Фролов 1995 : 66], особенно в гуманитарных науках [Кохановский и др. 2008 : 534].

Подведём итоги

Итак, все многообразие проанализированных методов научного исследования объединяется в три крупных, относительно самостоятельных, но взаимосвязанных блока (*кластера*):

- методы эмпирического исследования;
- методы теоретического исследования¹;
- методы метатеоретического познания.

При этом, если методы первых двух блоков (кластеров) «организуют» *предметное знание*, то методы третьего блока организуют и контролируют диалектическое единство *предметного* и *рефлексивного знания* на данном этапе развития науки и культуры.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Какое основание для классификации общенаучных методов Вы считаете наиболее рациональным? Почему?
2. Чем отличается научное наблюдение от обыденного?
3. Является ли метод научного наблюдения актуальным для современного лингвистического исследования?
4. Как Вы полагаете, почему академик Лев Владимирович Щерба поставил вопрос о роли эксперимента в языкознании (1931)?
5. Рассмотрите схему «Классификация экспериментальных исследований» (на с. 296) и определите, какие из типов экспериментов можно использовать в Вашем исследовании?
6. Спланируйте эксперимент для проверки гипотезы Вашего исследования?
7. Как Вы полагаете, является ли *мысленный эксперимент* средством эмпирического или теоретического исследования?
8. Какие виды *измерений* наиболее применимы в лингвистическом исследовании?
9. Как соотносятся методы описания, изложения и метод восхождения от абстрактного к конкретному?
10. Какие методы теоретического исследования являются, адекватными объекту/предмету и задачам Вашего исследования?
11. Что обуславливает особое положение метода моделирования среди других теоретических методов в наши дни?
12. Как Вы полагаете, какая из типов моделей/моделирования является адекватной для Вашего исследования?
13. Перечислите этапы моделирования. Какой из этапов представляется Вам наиболее сложным для реализации?

¹ «В открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге», - так объясняют причину взаимосвязи двух блоков методов разработчики современной синергетики [Пригожин, Стенгерс 1994 : 259].

14. Почему лингвисту-исследователю нужно знать основные методы активизации творческого мышления? Аргументируйте свой ответ.
15. В чем состоит *проблема* методов метатеоретического уровня познания?
16. Почему *рефлексия* является одним из основных методов метатеоретического познания в науке? Обоснуйте свой ответ.
17. В чем проявляется диалектическое единство *предметного* и *рефлексийного* знания?
18. Прокомментируйте высказывания:

«Однако мы должны сосредоточить своё внимание главным образом не столько на **сходстве** и **различиях**, сколько на тех **аналогиях**, которые часто скрываются в кажущихся различиях» (А. Пуанкаре).

«Экспериментирование означает не только достоверное наблюдение подлинных фактов, не только поиск эмпирических зависимостей между явлениями, но и предполагает систематическое взаимодействие между теоретическими понятиями и наблюдением» (И. Пригожин, И. Стенгерс).

«Мы не знаем – мы можем только предполагать» (К. Поппер).

«Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рождённых только воображением» (М.В. Ломоносов).

«Узкий специалист теряет общую перспективу» (Г. Селье).

Литература для углубленного изучения

- | | | |
|---------------------|--------------------------|---------------------------|
| Андреев 1967; 1975 | Методологические | Смирнов 1988 |
| Баженов 1988 | проблемы 1984 | Соколов 2001 |
| Баранов 2007 | Методологический синтез | Соловьев 1988 |
| Безуглов и др. 2008 | 2005 | Соловьева 2002 |
| Библер 1975 | Методология | Статистические методы |
| Бор 1971 | математического | 1982 |
| Борн 1963 | моделирования 2006 | Степанов 1998 (2001) |
| Бройль 1962 | Методы анализа данных | Стёпин 2000; 2006 |
| Брунер 1977 | 1985 | Сухотин 1976 |
| Бутенко 1989 | Микешина 2005 | Тихонов, Ворона 2009 |
| Быков 1974 | Минаева и др. 2007 | Туллин 1984 |
| Вартофски 1988 | Митропольский 1961 | Тюхтин 1988 |
| Вернадский 1991 | Михеев 1987 | Урсул 1971 |
| Войтов 2004 | Мишанкина 2010 | Фейерабенд 1978; 1986 |
| Вольт 1975 | Научное творчество 1969 | Философия и методология |
| Гейзенберг 1987 | Неуймин 1984 | науки 1994 |
| Герасимов 1985 | Никифоров 1988 | Философский |
| Гипотеза 1980 | Нишаков 1990 | энциклопедический |
| Гумилёв 1993 | Новые идеи 2002 | словарь 1999 |
| Здравомыслов 1969 | Олешков 2006 | Франселла, Баннистер 1987 |
| Зиновьев 1971 | Оре 1965 | Фролов 1995 |
| Ивин 1973 | Основы науковедения 1985 | Харман 1972 |
| Канке 2008; 2010 | Павилёнис 1983 | Хинтиikka 2010 |
| Кант 1999 | Павлов 1962 | Хрусталёв 2009 |

Карасик 2005
Кезин 1985
Коваленко 2010
Комарова, Дедюхина 2010
Комарова, Запевалова 2010
Комарова, Шагеева 2009
Кондаков 1975
Кохановский и др. 2008
Красных 1998
Кудряшов 1988
Кузнецов 2006
Ладенко 1984
Лаенко 2007
Лебедев 2007; 2008; 2010
Лекторский 1983; 2010
Лич 1983
Лосев 2004
Мамардашвили 1992; 1996
Марков 2011
Медведев 2010
Паршин 1996
Пермякова 2007
Пиаже 1969
Подкорытов 1988
Полани 1985
Поппер 1983
Прайс 1963
Прибрам 1975
Пригожин, Стенгерс 1986
Разумовский 1999
Ракитов 1982
Ревзин 1962
Роговин 1988
Ростова 2000
Рузавин 1999
Серкин 2004
Сигал 2009
Систематизация 2007
Сичивица 1979
Скрэгг 1983
Чебанов, Мартыненко 2008
Чернявская 2008; 2010
Черняк 1975
Чоговадзе 2003
Шалан 2004
Швырев 1988-а, 1988-б
Шкляр 2009
Шрейдер 1979
Штофф 1996
Шумилин 1989
Щедровицкий 1987; 1999
Эксперимент 2004
Юдин 1997
Яблонский 2001
Ядов 1994; 1998
Язык науки 2007
Яркова 2007
Ясперс 1991
Яхонтов 1982



Глава 10

Частнонаучные методы в социально-гуманитарном познании



Уникальный жизненный путь формирования личностных оснований научного познания особенно отчетливо выражен в гуманитарных науках.

А. В. Юрьевич¹

*Разум человеческой владеет тремя ключами, открывающими всё: **цифрой, буквой, нотой.** Знать, думать, мечтать. Всё в этом.*

Виктор Гюго

*Ныне человечество «приговорено» к **диалогу.***

М. С. Каган²

В предыдущей главе пособия мы проанализировали методы *пятого уровня* методологии – общенаучного. Перейдём к анализу методов *шестого уровня* методологии – частнонаучного, который включает подходы и методы, применяемые в рамках группы научных дисциплин.

10.1. Проблема специфика социально-гуманитарного познания и социально-гуманитарных наук

Положение социально-гуманитарных наук в их отношении к естественным (точным) наукам обсуждалось много раз, хотя до сих пор по этому вопросу не сделано таких выводов, которые стали бы общепризнанными. Очевидно, что между двумя этими группами наук есть существенные различия, и вопрос о том, в чем именно состоят эти различия и какова их причина, «является очень трудным и сложным, но вызывающим ещё и весьма сильные эмоции» [Ульдалль 1999 : 257].

Существует две крайние, полярные позиции в решении проблемы соотношения социально-гуманитарного и естественнонаучного познания.

Первая позиция заключается в том, что никакого различия между социально-гуманитарным и естественнонаучными формами и методами познания не существует (Е. Топольский). Такая ошибочная позиция привела классическую науку к натуралистике – теоретическому, механическому распространению естественнонаучных методов (методов точных наук) на социально-гуманитарное познание (Дж. Милль), что неизбежно привело к разным формам *редукционизма* (физикализм, физиологизм, энергетизм, бихевиоризм и др.).

Сторонники второй позиции, противопоставляя социально-гуманитарное познание естественнонаучному (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт), ги-

¹ См.: Юрьевич 1993 : 17.

² См.: Каган 1996 : 139.

пертрофировали его. Такая позиция привела к гуманитаристике – абсолютизации социально-гуманитарного познания и его методов, сопровождаемая дискредитацией «точных наук».

В.В. Ильин, подчеркивая единство, «родовую единообразность науки», и фиксируя эти ошибочные позиции, писал, что естественники и гуманитарии «едят одно блюдо», хотя с разных концов и разными ложками [Ильин 1994].

Сказанное не означает, что между естествознанием и обществознанием нет различий и что будто бы каждое из них не обладает своей спецификой, но для её выявления необходимо обратиться к истории познания и истории наук.

То, что идея единства естественнонаучного метода господствовала в *классической науке*, имеет историко-научную основу: опережающее развитие естественных наук, которые «достигли более высокого уровня развития, чем гуманитарные» [Ульдалль 1999 : 257].

Но на смену этому методологическому монизму в *неклассической науке* приходит методологический и теоретический плюрализм, способствующий расщеплению научного знания, и в первой половине XIX века создаются условия для активного формирования методологии социально-гуманитарных наук. Это в свою очередь обусловило широкую дискуссию о специфике социально-гуманитарных наук.

Один из участников этой дискуссии **В. Дильтей**¹ обосновал разделение наук на две группы: *науки о природе* и *науки о духе* на основе различения их предметных областей: науки о природе, по Дильтею, сосредоточены на изучении внешних по отношению к человеку явлений, тогда как науки о духе призваны изучать внутреннее переживания, цели и ценности самого человека [Дильтей 2001].

Принципиально иной подход к демаркации наук формулирует **В. Виндельбанд** (1848-1915), утверждающий, что следует разделять науки в соответствии с их методом, а не с их предметом: естественные науки используют *номотетический метод*, выявляющий общие законы, а исторические науки (науки о культуре) используют *идеографический метод*, фиксирующий особенное, индивидуальное.

Г. Риккерт (1863-1936) различие наук о природе и наук о культуре видит в методологии, т. е. с какой точки зрения рассматривается исследуемый объект: науки о природе видят в своих объектах бытие, свободное от всякого отнесения их к ценности, их цель – изучить общие законы их бытия, поэтому они склонны отвлекаться от всего индивидуального, прибегая к *генерализации*. Науки о культуре исследуют объекты, имеющие отношение ко всеобщим культурным ценностям, их цель – выявить своеобразное, особенное. Соответственно, ведущим методом наук о культуре является *индивидуализирующий метод* [Риккерт 2007 : 90].

Дальше методологические идеи в рамках социально-гуманитарных наук развивали: **Макс Вебер** (1864-1920), создавший концепцию «понимающей со-

¹ Немецкий философ и историк культуры **Вильгельм Дильтей** (1833-1911) – представитель «философии жизни», основоположник «понимающей» психологии и школы «истории духа». См. о его позиции в разделе 8.3.1 пособия.

циологии» [Вебер 1990]; *Х. Г. Гадамер* (1900-2002), основоположник герменевтики как метода гуманитарных наук [Гадамер 1991]; *Карл Поппер* (1902-1994) [Поппер 1983; 1992; 2002]; *Мишель Фуко* (1926-1984) [Фуко 1977; 1994] и др.

В XX веке проблема раскола наук переросла в проблему раскола *двух культур* как тревожном факте жизни современной цивилизации (В. Гейзенберг, К. Лоренц, Н. Н. Моисеев, И. Пригожин, И. Стенгерс и др.), которая стала «центральной проблемой наших дней и важнейшей из оставленных «в наследство» нашему, XXI веку, веком ушедшим, XX-ым» [Лебедев 2007 : 681].

Обобщенную картину основных оппозиций, по которым происходит раскол двух типов наук и двух культур – *естественнонаучной* и *гуманитарной* – можно представить следующим образом.

По предметному основанию:

1. Если природа выступает в естествознании всегда в виде объекта познания, независимого от познающего его субъекта, то в гуманитарной области субъект сам становится предметом познания самого себя, т. е. объекты познания: *человек, общество, культура* [Яркова 2007 : 95], «вся сфера человеческой деятельности в многообразных её формах» [Кохановский и др. 2008 : 512].

2. Если природа внеисторична, то культура – это и есть исторический процесс созидания все новых и все более совершенных форм значимостей и смыслов.

3. Если природа есть царство необходимых законов, то культура – продукт деятельности свободного человека.

4. Если в природе господствует причинность, причинные отношения и взаимодействия, то культура есть продукт деятельности человека, преследующего всегда определенные цели и руководствующегося при этом определенными нормами, идеалами и ценностями.

5. Если, говоря предельно общим языком, природа есть сфера бытия (сущего), то культура – это прежде всего сфера должного, ценностно нагруженного.

По методологическому основанию:

1. Если целью познания в естественных науках является открытие и формулирование общих законов, то целью гуманитарных наук является познание индивидуальных, всякий раз уникальных в своей неповторимости явлений человеческой культуры.

2. Если главной операцией, с помощью которой постигаются конкретные явления природы в рамках естествознания является их объяснение (как частных случаев общих законов), то главной операцией в сфере гуманитарного знания является понимание культурно-исторических явлений путем постижения того смысла, носителями которого они являются [Лебедев 2007 : 693].

10.2. Методы и приёмы социально-гуманитарных наук

Наиболее целесообразно начать этот раздел с методологической «программы» Макса Вебера, которая удивительно современна для гуманитарной методологии наших дней.

М. Вебер исходит из того, что исследователю трудно рассчитывать на «дельную работу» в науке, на получение ценных результатов, если ему «не хватает надежного рабочего метода» [Вебер 1990 : 719].

Согласно М. Веберу, наука как «специализированное и уходящее в бесконечность производство» имеет два основных фактора: вовне – для практической, личной жизни и улучшения благосостояния людей, и вовнутрь – для собственных потребностей науки.

Исходя из этого, наука прежде всего разрабатывает технику «овладения жизнью», а также она разрабатывает методы мышления, рабочий инструмент и вырабатывает навыки обращения с ними [Там же].

Возражая против рассмотрения общества по биологической модели, М. Вебер в качестве методологической основы для социологии выбирает «целерациональное действие» – *требование исходить из индивидуального действия индивидов* [Там же].

Научные принципы должны быть творческими и плодотворными, а их применение исследователем – «осторожным, свободным от догматизма». Требуя всегда руководствоваться определёнными методологическими положениями, М. Вебер подчеркивает, что методология – не цель, а средство, не носящее, однако, внешнего характера. Дело в том, что «только в ходе выявления и решения *конкретных проблем*, а отнюдь не благодаря чистым гносеологическим или методологическим соображением возникли науки и разрабатывались их методы» [Вебер 1990 : 418].



1. Полагаю, что характеристику методов социально-гуманитарных наук следует, безусловно, начать с **герменевтического метода**. Напомним, что он уже был предметом рассмотрения в составе семиотического подхода (раздел 8.3.1), но там он был характеризован в его широком познавательном значении, в котором он используется не только во всех науках, но и в обыденном познании.

Как частнонаучный метод он используется в своём первичном, узком значении: как совокупность правил и техник истолкования текста в ряде областей знания: филологии, юриспруденции, богословии и др., на базе трёх основных процедур: *понимания, объяснения, интерпретации*¹.

Исходным положением, по мнению М. М. Бахтина, является во-первых, положение о том, что смысловые глубины мира культуры «так же бездонны, как и глубины материи» [Бахтин 1979 : 292]; а во-вторых, М.М. Бахтин отмечает, что дух, сознание, мышление, «переживание переживаний» человека предстают перед исследователем в форме текстов, в знаково-языковом выражении. Вне этого социально-гуманитарное познание невозможно, т. к. человек всегда выражает себя (говорит), т. е. создаёт текст, который является той непосредственной действительностью мыслей и переживаний, из которой только и может исходить социальное познание, мышление [Там же].

¹ Об этих процедурах герменевтического метода см. раздел 8.3.1 пособия.

Если естественные науки нацелены на вещи, их свойства и отношения, то гуманитарные – на тексты, которым присущи значение, смысл, ценность. М. М. Бахтин подчеркивал, что «текст есть первичная данность (реальность) всякой гуманитарной дисциплины». «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан как прямой объект гуманитарных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах для самого себя и для другого» [Бахтин 1979 : 294].

«Текстом называется любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой интерпретации и имеет языковую природу (выделено мной – З. К.). С этой точки зрения любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом» [Бахтин 1979 : 294].

Вследствие языковой, текстовой природы социально-гуманитарного познания особое место в гуманитарных науках занимает семиотическая проблематика, а семиотический метод как один из основных методов реализуется в гуманитарных исследованиях в диалектическом взаимодействии с герменевтическим методом¹.

Цель анализа текстов состоит в том, чтобы, исходя из понимания текста как «материализованного выражения духовной культуры», распределить субъективные смыслы, объективированные в текстах, «услышать через них человеческие голоса» и с их помощью проникнуть в «дух» минувших эпох, чужих культур [Кузнецов 1991 : 128; Кохановский и др. 2008 : 519].

Такая герменевтическая возможность существует благодаря диалогичности текстов, за счет чего реализуются два человеческих стремления: стремление *сказать и быть услышанным* и стремление *понять и быть понятым*.

При этом диалогичность текста, диалог, по мнению М. М. Бахтина, – это «сложные динамические отношения особого типа. Они возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов (диалог с самим собой носит вторичный характер)... Диалогические отношения – это смысловые отношения между всякими высказываниями в речевом общении» [Бахтин 2000 : 315].

В связи с этим важна роль диалектики объекта и субъекта: в частности, опосредованность текстами, т. е. включённость в них автора как *первичного субъекта* и интерпретатора как *вторичного субъекта*.

С точки зрения этого подхода социально-гуманитарное познание является *вторичным отражением* социальной действительности, поскольку этот процесс опосредован текстами, языком.

Этой проблеме, модифицированной в проблему интертекстуальности и интертекста – «модели, имеющей ценность в силу своей эффективности как инструмента познания сложных феноменов, недоступных непосредственному наблюдению» [Кузьмина 2009 : 5]. Этой проблеме в лингвистике по-

¹ И даже шире: для человеческого сознания характерна *символическая деятельность*: «человек есть животное символическое» [Кассирер 2002], т. е. именно через символические формы (язык, миф, религия, наука) человек упорядочивает окружающий его мир.

следних десятилетий уделяется огромное внимание, что абсолютно справедливо, поскольку интертекстуальное взаимодействие в наши дни может рассматриваться «как *основа научной коммуникации*» [Чернявская 1999; 2009] как инструмент для изучения «динамических процессов в культуре и языке» [Кузьмина 2009 : 4]¹.

Значимость диалога (*интертекстуальности*) не исчерпывается названными направлениями. Он задействован в разрешении многих проблем современной науки: «Не будет преувеличением сказать, что логика диалога во многом заменяет эксперимент в гуманитарных науках» [Коршунов 1988 : 64]. В наши дни широкое распространение получило понятие «диалог культур, который выдвигается в качестве «возможного основоположения философии в начале XXI в.» [Библер 1975; Лебедев 2007 : 681; Кохановский и др. 2008 : 522 и др.]

2. Наблюдение как частнонаучный метод модифицируется в сторону большей степени субъективности, поскольку результаты наблюдения зависят от жизненных установок, ценностных ориентаций других факторов наблюдателя. При этом различают *простое (обычное) наблюдение*, когда факты и события регистрируются как бы со стороны, а включенное наблюдение используется, когда исследователь включается, «вживается» в определённую социальную среду, адаптируется к ней и анализирует события «изнутри».



3. Интроспекция (<лат. *introspectare* – «смотреть внутрь, всматриваться») – изучение психических процессов (сознания, мышления) самим *индивидом*, переживающим эти процессы; *самонаблюдение* – это осознанное систематическое наблюдение над действиями собственной психики с целью выявления её особенностей.

Для преодоления субъективизма самонаблюдение должно сочетаться с внешним наблюдением («со стороны»), (см. работы американских психологов А. Маслоу, А. Уотса, С. Грофа и др.).

Блестящие примеры использования интроспекции как способа познания и регуляции жизни дают многие восточные учения, ориентированные на совершенствование человека.



4. Разновидностью включенного наблюдения является этнометодология, суть которой состоит в том, чтобы результаты *описания* и *наблюдения* социальных явлений и событий дополнить идеей их *понимания*.

Такой подход в наши дни широко применяется в этнографии, социальной антропологии, социологии, культурологии, социолингвистике, этнолингвистике, психолингвистике и лингвокультурологии.

¹ Хотя сам термин *интертекст* появился во французском постструктурализме, он генетически связан именно с русской филологической традицией. Показательно, что статья Ю. Кристевой, в которой впервые употреблён этот новый термин, называлась «*Бахтин, слово, диалог и роман*» (1967) [Кузьмина 2009 : 7]. Показательно, что современная теория интертекстуальности подготовлена всем предшествующим развитием филологической науки, философской мысли и теории синергетики [Там же : 7-41].

Специфика этнометодологического подхода выражается в том, что он ориентирует исследователя на изучение сугубо духовных явлений культуры, выражая социальную реальность через значения слов, понятий, суждений, т. е. отождествляя её с практикой языковой коммуникации.

Этнометодология представляет собой теорию социально-гуманитарного познания, в которой онтологический и методологический аспекты настолько тесно переплетаются, что их трудно разделить, т.к. *понимание* выступает и на стороне субъекта познания и как способ постижения этой социальной реальности, т. е. как своеобразное «понимание понимания». Этот метод активно используется в американской социолингвистике [Швейцер 1977 : 232-241].



5. Широко используется метод социального эксперимента, который способствует внедрению в жизнь новых форм социальной организации и оптимизации управления обществом.

Объект социального эксперимента, в роли которого выступает определённая группа людей (микросоциум), является одним из участников эксперимента, с интересами которого приходится считаться, а сам исследователь оказывается также *включенным* в изучаемую им ситуацию.

В социальной психологии испытуемого ставят в различные экспериментальные условия, предлагая решать определённые задачи. При этом оказывается возможным экспериментально сформировать сложные психические процессы, а затем исследовать их структуру.

Социальный эксперимент как модификации экспериментального метода (см. раздел 9.2.1 пособия), получивший распространение в социальной и педагогической психологии, получил название формирующего эксперимента [Минаева и др. 2007 : 34-55; Безуглов и др. 2008 : 67-81].



6. Метод эмпатии (лат. «вчувствование, проникновение») – восприятие внутреннего мира другого человека как целостного с сохранением эмоциональности и смысловых оттенков путём способности (приёма) «представить себя на месте другого человека» и понять его чувства, желания, идеи и поступки, т. е. проникнуть во внутренний мир другого человека.

Терминированное понятие *эмпатия* возникло в начале XX века как эквивалент немецкому *Einfügung*. Использование эмпатии является важной частью методов психологического консультирования, предложенного американским психологом Карлом Роджерсом. Используется также в психологических тренингах как методах социально-психологических исследований [Минаева и др. 2007 : 218-230].



7. Анализ документов, который позволяет получить сведения о прошедших событиях, наблюдение за которыми уже невозможно. К числу *документов* относятся письменные источники – тексты в любой форме; статистические данные; иконографические изображения (кино, фото и т. п.); фонетические документы (радио, телевиде-

ние, магнитофон и т. п.); информация в машиночитаемой форме (дискеты, компакт-диски и т. п.).

Анализ документов может быть *качественным* (проблемный поиск, тематические обобщения) и *когнитивным* (контент-анализ).

Качественный анализ направлен на полное выявление содержания документов. Основной недостаток анализа этих документов – *субъективизм*, во многом преодолевается формализованным (количественным) методом изучения документов [Кохановский и др. 2008 : 528].



8. Методы опроса основаны на высказываниях людей, с целью выявления их мнений по каким-либо проблемам. Всё многообразие указанных методов обычно сводится к трём основным:

- *Вопросо-ответный метод* различается в зависимости от конструирования вопроса, степени ответа опрашиваемых, способов коммуникации с ними:
 - *сплошной*, когда опрашиваются все привлечённые к исследованию;
 - *выборочный*, когда число респондентов ограничено;
 - *очный*, осуществляемый при непосредственном контакте исследователя с респондентами;
 - *заочный*, организуемый без какого-либо контакта;
 - *индивидуальный*, направленный на одного респондента;
 - *групповой*, когда одновременно опрашивается некоторое число респондентов;
 - *открытый (свободный)*, при котором ответы на поставленные вопросы даются в произвольной форме;
 - *закрытый*, когда варианты ответов заранее предусмотрены и зафиксированы в вопроснике и опрашиваемый может выбрать один из нескольких ответов;
 - *полузакрытый*, когда, кроме нескольких вариантов ответов, даны альтернативные ответы типа: «не знаю», «затрудняюсь ответить», «другие»;
 - *устный*, в ходе которого ответы записываются самим исследователем [Безуглов и др. 2008 : 81-82].

Правила формулирования вопросов в целом обусловлены программой исследования, но есть и более частные требования [Минаева и др. 2007 : 107-113; Безуглов и др. 2008 : 83].

- **Анкетирование** – опрос по специальным анкетам, содержащим конкретные вопросы (см. раздел 9.2.1.).
- **Интервью** – целенаправленная, заранее запланированная беседа с респондентами «лицом к лицу» с целью получения информации с помощью устного опроса.

Метод интервью применяется в социологии, психологии, журналистике, медицине, криминологии, психолингвистике и социолингвистике [Минаева и др. 2007 : 116-138].

- **Групповая дискуссия**, обеспечивающая глубокую проработку имеющей информации по данной проблеме с разных точек зрения.



9. Контент-анализ – один из междисциплинарных методов социально-гуманитарных наук, направленный на формально-логическое изучение текстов некоторыми формализованными методами.

Методологической основой такого исследования выступает статистический принцип частного распределения признака (признаков), которой во взаимосвязи образует новые смыслы.

Суть метода заключается в идентификации «поисковых образов» и их подсчёте.

Объектом анализа могут быть не только любые массивы печатных текстов, но и устные высказывания, имеющие место в учебном процессе или высказывания участников межличностной коммуникации [Кузнецов 2006 : 40].

Исходные постулаты метода:

- исследовать можно только то, что зафиксировано;
- имеется только два способа фиксации информации: сознание человека, точнее, его память и любые материальные (физические) носители;
- исследовать можно только двумя способами: аналитическим и статистическим;
- статистический метод исследования имеет два варианта: интуитивный и формализованный;
- формализованный метод имеет две формы: линейное и двумерное частное распределение [Аверьянов 2009 : 6].

Для применения контент-анализа исследователь *должен определить*:

- 1) четкую цель или иерархию целей;
- 2) гипотезу с целью проверки её анализом материала;
- 3) выборочную совокупность, на основе которой будет произведен сбор первичной информации;
- 4) способ выявления интересующей исследователя информации;
- 5) критерий классификации высказываний в соответствии с целями;
- 6) единицы анализа;
- 7) способы количественной обработки собранной информации;
- 8) способы содержательной интерпретации полученных данных [Кузнецов 2006 : 41].

Контент-анализ является перспективным, т.к. он даёт возможность получить практически бесконечное множество субъективных характеристик, позволяющих в совокупности иметь объективную оценку явления или процесса, интересующего исследователя. Метод позволяет сделать прогноз, получить надежные результаты. И, наконец, метод имеет способность к совершенствованию [Аверьянов 2009 : 441].



10. Тестирование (англ. *test* – «испытание, исследование») – в социологии, педагогике и психолингвистике: получение информации с помощью *тестов*–вопросников, распространяемых с целью получить материал, характеризующий индивидов как членов определённых социальных общностей. Достоинством метода является то, что тестирование даёт богатый материал для размышления. Однако на его основе

невозможно сделать обобщающие выводы и заключения об интеллектуальных и нравственных качествах человека, т. е. метод имеет ограничение [Безуглов и др. 2008 : 91].

11. Шкалирование – метод оценки самим испытуемым каких-либо объектов внешнего мира, событий жизни, самого себя или других людей с помощью бланков с определёнными *шкалами* (<лат. *scalae* – «лестница»), полюса которых обозначены краткими или развернутыми названиями.



Шкалы могут быть даны в *графической, словесной* или *числовой форме*.

Так, примером графического шкалирования является методика *самооценки Дембо-Рубинштейна*; примером словесной формы – шкалы полярных профилей, характеризующие качества словами «сильно», «средние», «слабо» и т. д.; примером числовой формы: пяти-, семи-, или девятибалльная оценка.

Метод шкалирования разработан группой американских психологов во главе с *Ч. Осгудом*, который получил широкое распространение в исследованиях, связанных с восприятием человека, анализом его социальных установок и личностных смыслов [Осгуд 1972].

Одной из разновидностей метода шкалирование является **метод семантического дифференциала**, который позволяет измерить коннотативные значения, а также личностные смыслы человека. Известны методики Ч. Осгуда. В отечественной психологии и психолингвистике известен вариант личностного дифференциала С.Д. Шмелёва [Корнилова 1997; Петренко 1997; Шмелёв 1983; Прохоров 2001; Серкин 2004; Минаева и др. 2007; Безуглов и др. 2008 и др.].



12. Социометрический метод (<лат. *societas* – «общество» + греч. *metreo* – «мерю, измеряю») – совокупность методов и приёмов, направленных на получение и анализ количественных данных о структуре и функционировании небольших человеческих коллективов.

Социометрия (социометрический тест) представляет собой одну из разновидностей опроса, направленную на изучение внутриколлективных и межколлективных связей путём выявления отношений между членами группы. Данный текст был предложен Дж. Морено в 1943 году.

Выделяют две формы проведения социометрической процедуры:

- *непараметрическая* (число выборов не ограничено);
- *параметрическая* (число выборов ограничено).

Каждая из этих форм обладает своими достоинствами и недостатками.

Процедуры проведения социометрического опроса, его критерии, обработка результатов и социометрические индексы для расчетов детально описаны А. М. Вильгельмом [Минаева и др. 2007 : 139-148].



13. Монографический метод (<греч. *monos* – «один, единственный» + *grapho* – «пишу») – метод, состоящий в том, что данную проблему или группу проблем тщательно и со многих сторон

анализируют на одном каком-либо социальном объекте («случае»), после чего делают гипотетический вывод от этого объекта к более широкой области сходных объектов (*экстраполяция*), а в завершение требуется максимально полное описание данного случая как характерного, типичного.

14. Биографический метод (<греч. *bios* – «жизнь» + *grapho* – «пишу, описываю») – один из методов исследования субъективной стороны общественной жизни индивида, основанный на так называемых *личных документах*, в которых, кроме описания определённой социальной ситуации, содержится также личный взгляд пишущего, т. е. на основе описания чьей-либо жизни.



Разновидностями этого метода являются автобиография и просопография.



15. Игровые методы – активные методы, применяемые при обучении и выработке управленческих решений. К ним относятся *имитационные* (деловые) игры; игры открытого типа (особенно при анализе нестандартных ситуаций). Среди игровых методов выделяют *психодраму* и *социодраму*, где участники проигрывают соответственно индивидуальные и групповые ситуации.

Следует сказать, что в современной культуре значение игры как важной «области деятельности и жизни» существенно возросло. Нидерландский культуролог *Й. Хейзинг* в работе «*Человек играющий*» показал, что игра относится к существенным характеристикам человека, наряду с разумностью и созидательной способностью, т. е. культура в целом носит игровой характер.

А Х.-Г. Гадамер утверждал «священную серьезность игры», высшим достижением которой является искусство [Кохановский и др. 2008 : 531].

Анализ *деловой* и *ролевой* игры как метода обучения и развития игрового метода как активного метода в социальной психологии даёт Э.А. Боднар [Минаева и др. 2008 : 169-217].

Таковы наиболее известные методы социально-гуманитарных наук, но сколько-нибудь четкой классификации методов этой группы наук пока не существует, что проявилось и в нашем описании, лишенном какой-либо последовательности.

«Сложить» систему частнонаучных методов – задача современной социально-гуманитарной мысли [Ильин 1994 : 122; Кохановский и др. 2008 : 532].

10.3. Вопрос о новой парадигме и методологии социально-гуманитарных наук на пути к единству естественнонаучной и гуманитарной культуры

Проведённый анализ основных методов и приёмов социально-гуманитарных наук приводит к выводу о том, что общая ситуация в этой области такова, что «специализированной методологии гуманитарных наук, по своей разработанности, значительности и значимости сопоставимой с методологией наук естественных, невзирая на несомненные находки – пронизательные мысли и

обобщения немногочисленных теоретиков-энтузиастов, до сих пор не сложились» [Ильин 2006 : 287].

Потому сегодня всё чаще говорят о том, что социальное познание стоит на пороге «методологической революции» [Кохановский и др. 2008 : 532; Лебедев 2007; 2008; Бабосов 2008; Хрусталёв 2011 и др.], поскольку оформилось *понимание необходимости* коренной перестройки методологического арсенала общественнознания, с одной стороны, и *наличие возможностей, предпосылок* такой перестройки, с другой стороны.

Необычайная сложность общества XXI столетия, способного, по словам И. Пригожина, «претерпеть огромное число бифуркаций (раздвоений)», создаёт новую ситуацию в мире, что «вселяет в нас одновременно и надежду и тревогу», и «синергетика выдвигает парадигмальную программу «нового синтеза», провозглашающую своей целью снятие противоречия не только между гуманитарным и естественнонаучным познанием, но и между «двумя культурами» [Новая философская энциклопедия 2010. III].

Современная постнеклассическая наука, освоившая новые сложные «человекомерные» объекты; новый тип научной рациональности, сочетающий моделирующее и символическое¹ мышления; новые методы и приёмы исследования, новые подходы и т. д. Это привело к тому, что современный человек во все большей степени нуждается в «окультуривании» науки и одновременно в «онаучивании» культуры.

Поэтому велением времени, категорическим императивом XXI века становится формирование своеобразного социо-техничко-информационно (инновационно)-научно-культурного суперкомплекса [Бабосов 2009 : 219], в котором осуществляется множество взаимопереходов, но стержневым фактором эффективного взаимодействия становится взаимообусловленность науки и культуры.

Но путь к самопознанию современного человека, по словам С. А. Лебедева, все ещё преграждён «глухой стеной» между естествознанием и общественнознанием, в котором находится европейская наука со времен Г. Галилея.

Наши ведущие учёные – синергетики С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малиновский с сожалением констатируют: «В конце нашего века междисциплинарный синтез, направленный на выработку новых императивов развития, технологий выживания, идеологии XXI века, стал не игрой ума, не академической программой, родившейся в кабинетной тиши, а насущной необходимостью, к сожалению, «физики» и «лирики» по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придётся сдавать вместе» [Капица и др. 1997 : 11-12].

Как видим, они не только ставят задачу, но и указывают один из возможных путей преодоления раскола наук и культур – междисциплинарные исследования, на которые возлагают надежды современные учёные [Стёпин 2009; Вяч. Вс. Иванов 2004 и др.].

¹ «Мысль, оперирующую символами, можно сравнить с произведениями искусства, ... она возбуждает чувство и восхищения, и чувство неудовлетворенности. Она бросает вызов, побуждая идти вперёд» [Пригожин, Стенгерс 2000 : 250].

Таким образом, можно казать, что возможность диалога наук и культур не только осмыслена, но и подготовлена всем ходом развития науки, особенно постнеклассической науки XX и XXI веков.

Одним из оснований сближения наук и культур является современная гуманитарно–социальная парадигма в философии науки, которая исходит из идеи человекообразного, антропологического характера процесса научного познания [Лебедев 2008 : 15].

Эта человекообразность научного знания фиксируется не только по отношению к социально-гуманитарным наукам, что в общем-то никогда особенно и не отрицалось, но главное – *и к естественнонаучному и математическому познанию.*

Распространение гуманитарного подхода на *любую область науки* идёт по нескольким направлениям:

- экстраполяция на все области научного познания *деятельностного подхода*, при котором человеческие цели, стремления, потребности, ценности являются существенной и неустранимой компонентой содержания любого процесса научного познания;
- обоснование необходимости применения методологии *семиотического и герменевтического анализа*¹ к любому виду научного знания на том основании, что существенным условием научного знания является его бытие в виде некоторого *текста*, формирование и функционирование которого подчиняется общим законам *языка.*
- любое знание является органической частью современной ему социокультуры и не может быть до конца понятно вне этого социокультурного контекста;
- понимание процесса научного познания в любом его проявлении как детерминированного не только *объектом*, но также и *субъектом* научного познания, т. е. его познавательными установками, объемом имеющейся в его распоряжении информации, целями и задачами исследованиями, когнитивной волей ученого, его приоритетами и т. д.
- неизбежность и неустранимость учёными когнитивно-этической ответственности учёных за все делаемые ими утверждения, за все принимаемые ими когнитивные решения в науке;
- все науки, а не только социально-гуманитарные, имеют *ценностное, духовное измерение*, выражая те или иные цели, интересы и потребности людей, неся на себе печать их творчества.

Таким образом, на базе этой философской парадигмы можно утверждать, что, в сущности, мы имеем только одну подлинную науку – науку о Человеке [Лебедев 2008 : 17]².

¹ Основные операции герменевтического метода: *понимание, объяснение и интерпретация* – используются не только в социально-гуманитарном познании, но и в естественных науках, что подчеркивает, например, основатели квантовой теории [Гейзенберг 2006 : 17; 568]. Операция *объяснения* использовалась уже в классической науке.

² Как неоднократно писал в своих работах К. Маркс по этому вопросу, мы знаем только «одну всеобщую науку» и это наука История – наука о Человеке в его различных исторических проявлениях и историческом развитии.

На основе этого, как мы уже указывали в шестой главе, современные философы, науковеды и специалисты субнаук взаимосвязь типов познания и наук иницируют в виде вектора: *гуманитарное* → *техническое* → *естественнонаучное* (см. раздел 6.3.2.). Как видим, на первое место поставлены гуманитарные науки, среди которых называется «первонаука» – семиотика, поскольку во всех науках используется концепт *знака* [Канке 2008 : 188], а на второе место в «цепочке наук» ставится лингвистика с позиции *кодирования знания* (см. схему 13 в шестой главе).

Таким образом, представляется очевидным, что в движении сближения наук и культур роль локомотива принадлежит *социально-гуманитарным наукам*, особенно *семиотике* и *лингвистике*.

Однако тут мы вступаем в противоречие с тем, что для осуществления роли локомотива эти науки менее пригодны, чем естественнонаучные и математические, поскольку, во-первых, принципиальной мозаичности гуманитарного познания и знания избежать вряд ли удастся когда-нибудь (да и есть ли в этом необходимость?) и, во-вторых, гуманитарное познание и знание чрезвычайно плюралистично по сравнению с естественнонаучным и математическим.

История формирования социально-гуманитарного знания есть история поиска путей исследования таких сложных феноменов, как человек, общество и культура. Соответственно существует множество научных теорий, исследовательских подходов, методов и приёмов изучения, даже в какой-то мере «теоретического анархизма» [Паршин 1996]. Поэтому множественность конкурирующих между собой концептуально-теоретических схем в гуманитарной и социальной реальности и возможность свободного выбора какой-либо из них – *это норма*, а не какая-то аномалия [Кохановский и др. 2008 : 524].

Потому ещё одной специфической особенностью социально-гуманитарного познания и знания, помимо *мозаичности* и *плюралистичности*, является их полипарадигмальность, т. е. синхронное бытование в науке различных научных парадигм, а также – в значительной степени антикумулятивность, поскольку и сама культура организуется не по принципу обобщения, а по принципу общения, диалога [Библер 1975; Яркова 2007 : 95].

Из сказанного следует, что и методология социально-гуманитарного познания представляет собой *сложное гетерогенное образование* в силу своей сущности, а не только в силу недостаточной разработанности.

К тому же, как мы уже говорили, цивилизационная сложность современности и самой постнеклассической науки плохо описывается старым категориальным аппаратом общественных наук, потому нужен новый (или по крайней мере – обновлённый!) категориальный аппарат и новые методологические средства. Некоторые исследователи видят необходимость «формирования новой «большой» парадигмы и методологии» [Кохановский и др. 2008 : 532], а потому методы социально-гуманитарного познания являются предметом повышенного внимания философии науки, науковедения и частных наук» [Лебедев 2008 : 441].

Очевидно, что пути формирования такой новой «большой», т. е. синтезированной, парадигмы и её методологии не могут не быть различными.

Остановимся на краткой характеристике тех возможных путей, которые уже как-то обозначены в современной науке.

1. Одним из мощных процессов взаимного сближения методов и концептуальных оснований естественных и гуманитарных наук является междисциплинарная сфера научных исследований, о чем очень много говорится в современных научных работах.

2. Решение проблемы чисто *логическими средствами* через интенсивное становление новых систем логики. О возможностях этого подхода можно составить представление по работам отечественного учёного А. А. Ивина, давно и плодотворно работающего в этой области. Так, в одной из публикаций он обосновывает положение о *единстве научного знания*, исходя из тезиса о том, что *понимание и объяснение* являются универсальными операциями мышления в *любой науке*, способствуя обоснованию и систематизации научного знания. В основе рассуждений А.А. Ивина лежит концепция двойственности всех принципов и общих законов научной теории [Ивин 2002].

3. Широкое внедрение аппаратов *герменевтики, культурологии и понимающих методик* как сближения объяснительных и интерпретационных подходов.

4. «Социобиологическое движение» и биофилософия как «мост», соединяющих генетико-органическую и социо-культурную эволюцию [Лебедев 2008; Хрусталёв 2009; Горелов 2010; Марков 2011 и др.] для создания целостной концепции жизнедеятельности человека в единстве его социальной и биологической сторон как объекта исследования.

5. Объединение концепций и методов теории *информации, нелинейной динамики и нелинейного мышления и теории самоорганизации (синергетики)* для построения конструктивных моделей происхождения жизни, сознания, мышления, языка и культуры [Чернавский 2001], в которых синтез природных и социальных систем осуществляется через «спонтанное образование структур» [Хакен 2000].

6. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания, в которой на основе нового объекта исследования гуманитарных наук – система когнитивно-информационных связей общества – достигается научный синтез гуманитарного знания и преодолеваются основные противоречия гуманитарного знания: 1) отсутствие единой теории гуманитарного познания и разработанной схемы общепринятых понятий; 2) отсутствие единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это становится звеном, «мостом» соединяющим гуманитарные и естественные науки.

7. Активное внедрение идей и методов синергетики и кибернетики и возрастание в связи с этим статистически-вероятностных методов и приёмов.

8. Проект «глобальной электронной цивилизации» на базе синтеза телевидения, компьютерной службы и энергетики, благодаря чему воз-

никнут новые механизмы человеческого общения и взаимодействия и как следствие расширится и усилится взаимозависимость самых разных аспектов, в том числе – наук и культур [Кохановский и др. 2008 : 533].

9. Сопряжение *системного* и *синергетического* подходов с «многомерным» диалогом как *универсальным, всеохватывающим* способом существования культуры и человека в культуре» [Каган 1996 : 405].

При этом М. С. Каган предлагает оригинальное решение проблемы раскола наук: «... в той мере, в какой изучение человека, общества, культуры стремится *быть научным* – при всей специфичности гуманитарного знания, – оно должно освоить методологию современного изучения природных систем, но поскольку они являются менее сложными, чем системы антропо-социокультурные, методологические принципы их изучения, сложившиеся на почве изучения физических, химических, биологических систем, с органичным для них математическим аппаратом, должны быть приведены в соответствие с *уровнем сложности данного класса систем*, а не переноситься механически из сферы естествознания в сферу гуманитарного знания» [Каган 1996 : 32].

10. На основе принципа *диалогии*, понимаемой В. С. Библером как «логика диалога логик» [Библер 1997 : 170], систематизацию методов изучения человека, общества, культуры можно произвести как систему *дуальных оппозиций*, представляющих собой «идеальную модель познания, имеющую инструментальное значение» [Яркова 2007 : 96]. При этом Е. Н. Яркова убеждена, что «формирование или актуализация социально-гуманитарных парадигм происходит под знаком диалога альтернативных логик концептуализации общества, человека, культуры» [Яркова 2007 : 316].

Для раздумий над этой концепцией даём её в виде схемы автора [Яркова 2007 : 96].

Схема 19

Идеальная модель гуманитарного познания

Герменевтика	Натурализм
Аксиология	Прагматизм
Феноменология	Позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм
Структурализм, постструктурализм	Эволюционизм (формационный подход)
Теория самоорганизации (синергетика)	

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что мир науки настолько богат и сложен, что не только эта, но и все описанные ранее методологические концепции в той или иной мере условны, ограничены и не способны охватить всё методологическое богатство социально-гуманитарной и естественной науки.



Вопросы и задания для обсуждения

1. О каких «царствах» пишет М. М. Бахтин: «Из царства объективности, вещности, однозначной готовности, необходимости, где работает овеществленное познание, мы вступаем в царство свободы, неопределённости, неожиданности и абсолютной новизны, бесконечных возможностей и совпадений с самим собой» (М. Бахтин)?
2. Почему методы социально-гуманитарных наук должны принципиально отличаться от методов естественных наук?
3. В чем заключается специфика социально-гуманитарных методов анализа в сравнении с методами естественных наук?
4. В чем Вы видите специфику гуманитарной рациональности?
5. Каково соотношение рационального и чувственного в гуманитарном познании?
6. В чём Вы видите различие *объяснения* и *понимания*?
7. Какова судьба книги как текста в эпоху масс-медиа?
8. К. Маркс социально-гуманитарную науку определяет как «критическую рефлексию», разоблачающую идеологические предпосылки во всех формах сознания. Как Вы относитесь к такому пониманию?
9. В чем, на Ваш взгляд, заключаются причины негативного отношения к синергетике значительной части российских гуманитариев?
10. Понимание – наука или искусство? Обоснуйте своё мнение.
11. Почему герменевтику часто называют общегуманитарной методологией?
12. В чем заключается различия методологии Г. Риккерта и методологии М. Вебера?
13. На Ваш взгляд, интервью – это стандартизированный метод или искусство общения?
14. Выделите способы повышения надежности метода опроса.
15. Как Вы относитесь к деловой и ролевой игре?
16. Может ли социально-гуманитарное познание обеспечиваться только частнонаучными методами? Обоснуйте своё мнение.
17. Какие из частнонаучных методов наиболее адекватны цели и задачам Вашего исследования?
18. Почему семиотический метод считают «ядром» гуманитаристики?
19. Какую из описанных концепций Вы считаете наиболее адекватной для наведения «мостов» между гуманитариями и естественниками?
20. Прокомментируйте высказывания:
«Фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один» (Х.-Г. Гадамер).
«Знание может быть лишь у того, у кого есть вопросы, вопросы всегда схватывают противоположности между «да» и «нет», между «так» или «иначе» (Х.-Г. Гадамер).

«Явление богаче закона» (Г. Гегель).

«Мир задан человеку не вещью – натуралистически, а духовно – смысловым образом как целостная сущность, подлежащая пониманию и истолкованию» (В. Ильин).

«Человек есть животное символическое» (Э. Кассирер).

«Человек – центр всей методологии» (Л. Фейербах).

«Поэзия есть философия конкретного разума» (А. Белый).

«Я называю опытом путешествие на край возможностей человека» (Ж. Баттай).

«Акт дифференциации есть акт самоозарения» (А. Скрябин).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|---------------------------------|---------------------------------------|---------------------------|
| Аверьянов 2009 | Медушевский 2009 | Ульдалль 1999 |
| Бахтин 1979; 2000 | Микешина 2005; 2007 | Усманова 2001 |
| Безуглов и др. 2008 | Минаева и др. 2007 | Устин 1995 |
| Библер 1975 | Михеев 1987 | Франселла, Баннистер 1987 |
| Бородастов и др. 1985 | Новиков 2007 | Фролов 1995 |
| Вебер 1990 | Ору 2000 | Хантингтон 2003 |
| Гадамер 1988; 1991 | Осгуд 1972 | Хрусталёв 2009 |
| Гейзенберг 2006 | Парахонский 1982 | Чернавский 2001 |
| Дейвисон 1986 | Петренко 1997 | Чернявская 1999; 2009 |
| Здравомыслов 1969 | Похилько 1982 | Чоговадзе 2003 |
| Ивин 2002 | Прохоров 2001 | Шалан 2004 |
| Ильин 1994; 2006 | Ракитов 1982 | Швейцер 1977 |
| Каган 1991 | Рикер 1995; 1996; 2010 | Швырев 1978 |
| Кассирер 2002 | Риккерт 1995; 2007 | Шмелёв 1983 |
| Компьютерное моделирование 2001 | Розин 2001 | Шпет 1989; 2007 |
| Корнилова 1997 | Семиотика 2001; 2006 | Штофф 1963; 1996 |
| Коршунов, Мантатов 1988 | Семиотика и Авангард 2006 | Шульц 1998; 2008 |
| Кохановский и др. 2008 | Серкин 2004 | Эко 1998; 2005 |
| Кузнецов 1991; 2006 | Слышкин 2000 | Эксперимент 2004 |
| Кузьмина 2009 | Степанов 1971; 1976; 1985; 1998(2001) | Юнг 1991 |
| Лебедев 2007 | Стёпин 2000 | Яблонский 2001 |
| Малиновский 2000 | Топоров 1995 | Ядов 1994; 1998 |
| Марков 2011 | Тулмин 1984 | Яркова 2007 |
| | | Ясперс 1991 |



Итоги второй части

Я убеждён, что в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями. Нет, мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь посредством проб и ошибок, строя свою дорогу позади себя, по мере того, как мы продвинулись вперед.

Макс Борн¹

Слова видного учёного, вынесенные в эпиграф, касаются прежде всего исследователя-первопроходца в науке. Однако и любые исследователи, действительно, будут блуждать в джунглях науки, если не смогут ориентироваться в современном методологическом многообразии, не отыщут «надёжные рабочие методы» (М. Вебер) для своего исследования. А выбор такого метода возможен только при условии знания всего методологического арсенала, которым сегодня располагает наука.

Потому в этой части пособия последовательно, опираясь на структуру системной лингвистической методологии, описанной в первой части пособия, была проанализирована и описана система методов шести методологических уровней: *философского, системологического, синергетического, семиологического, общенаучного и частнонаучного : социально – гуманитарного.*

Анализ показал:

- метод как специфический способ познания, как инструмент исследования, действительно, является ядром методологии, т. к. он «подкрепляется» с двух сторон: *методологией*, которая определяет границы его применения и способ взаимодействия между субъектом и объектом, а с другой стороны – *методикой* – конкретным способом применения этого метода;
- метод обладает достаточно сложной структурой, поскольку он вбирает в себя ряд приёмов, процедур, познавательных действий, обусловленных той функцией, которую выполняет данный метод, а также он имеет три аспекта: *объективно-содержательный, операциональный и праксеологический*; особенно сложной структурой обладают методы гибридных методологических уровней;
- метод возникает и закрепляется способом проб и ошибок на базе определённой теории для регуляции и ориентации субъекта познания, с учётом содержания объекта/предмета исследования и целеустановки исследователя;
- объективная эффективность метода определяется множеством факторов, среди которых центральное положение занимает *содержательность*,

¹ *Макс Борн* (1882-1970) – крупный немецкий физик, разработавший статистическую интерпретацию квантовой механики, которая имеет решающее значение в понимании концептуальных особенностей не только в этой области знания, но оказала большое влияние на формирование методологической мысли в естествознании, а затем и в гуманитарных науках.
См.: Борн 1963.

глубина, фундаментальность обслуживаемой им теории; субъективная эффективность используемых методов обусловлена методологической компетентностью исследователя: знанием арсенала методов и умением творческого их применения;

- плюрализм современной науки, «не снимаемость одних методов другими» (В.С. Библер), сопряжение ряда методов, отсутствие универсальных методов инициируют использование в одном конкретном исследовании не одного, а нескольких методов;
- новый тип постнеклассической науки в условиях наведения «мостов» между естественными и социально-гуманитарными науками делает невозможным существование какой-либо обособленной системы (группы) методов, оторванных от других методологических уровней и форм методологического знания.
- описанные системы методов пока не охватывают *дисциплинарных* и *междисциплинарных* методов: в нашем пособии – это методы языкознания, которые будут охарактеризованы в третьей части пособия.



Часть третья

Дисциплинарные методы и методики системной лингвистической методологии

*Язык сам по себе и для себя является
наиважнейшим и общепольнейшим
предметом исследований.*

Вильгельм фон Гумбольдт¹

Во второй части пособия были охарактеризованы методы шести методологических уровней: *философского, системологического, синергетического, семиотического, общенаучного и частнонаучного (социально-гуманитарного)*.

Задача этой части пособия – раскрыть методы двух из трех оставшихся нижележащих уровней: прежде всего дисциплинарного (седьмой уровень), затем – частнодисциплинарного (восьмой уровень), а также – частично обозначить методологические контуры последнего (девятого) уровня – конкретного лингвистического исследования, который будет охарактеризован в четвертой части пособия.

Глава 11

Лингвистические основы дисциплинарного метода и методик



*Видимость и сущность в языке не
совпадают, и задача лингвистической
науки состоит в том, чтобы проникнуть
через видимость в сущность.*

Ю. С. Степанов²

Рассматривая сущность метода как такового (см. раздел 7.1), мы выяснили его сложную многокомпонентную структуру, в которой операционально-функциональный компонент находится в диалектическом единстве с концептуально-теоретическим, реализующий эвристические возможности научного знания (теории), переводя систему знания с логико-семантического уровня на прагматический.

¹ Гумбольдт 1985 : 348.

Для Гумбольдта изучить язык «сам по себе и для себя» значит «рассмотреть язык с точки зрения разносторонних связей человека» [Там же : 348].

Фридрих Кристиан Карл Фердинанд Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – филолог, философ, этнограф, дипломат, просветитель и государственный деятель Германии XIX века, в которой властителями дум были четыре друга-гения: В. И. Гёте, Ф. Шиллер, Г. Гегель и В. Гумбольдт. В. Гумбольдту принадлежит заслуга создания первой общей теории языка, которая «обрела статус самостоятельной научной дисциплины» [Зубкова 2002 : 25]. По многим идеям в области общего языкознания Гумбольдт опередил не только своих современников, но и многих лингвистов последующих поколений. Некоторые лингвисты наших дней полагают, что «есть все основания считать его основоположником антропоцентрической парадигмы» в лингвистике [Карлинский 2009 : 231; Сусов 2006 : 173]. Основные труды: «О разнообразии структур человеческого языка» (1827-1829); «О языке кави на острове Ява» (1830-1835); «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1836).

² Степанов 2007 : 300.

Применительно к методу лингвистики этот предметный компонент представляет собой «лингвистические основы метода – наличие знаний об объекте исследования» [Серебренников 1973 : 261]. Причем эта теоретическая база метода «должна основываться, – как подчеркивает Б. А. Серебренников, – на познании действительности, а не на вымышленных свойствах объекта» [Там же]. Иначе говоря, следует обратиться к *языковой действительности и объекту лингвистики*.

11.1. Вопрос о языковой действительности и дисциплинарном методе лингвистики

1. Обращение к сложной дискуссионной проблеме об объекте и предмете исследования и их соотношении с позиции теории познания и науковедения показывает, что вопрос этот казался бы решённым: объект имеет *объективно-субъективную природу*, и современная (постнеклассическая) наука перешла на *субъект-субъективную* схему анализа¹.

Однако применение этого подхода к конкретной дисциплине – *лингвистике* – даёт неоднозначные ответы на вопрос об объекте лингвистики²: 1) язык; 2) языки; 3) язык и языки; 4) наука о языке; 5) речь, речевая деятельность; 6) совокупность объективно реальных явлений языка и речи, а предмет – система абстрактных, научно достоверных построений, отражающих уровень нашего познания языка» [Алефиренко 2009 : 13]; 7) «объект лингвистики предстаёт в виде четырехчастного конструкта: собственно язык, языковая способность, речевая деятельность, речь» [Пищальникова, Сонин 2009 : 88] и некоторые другие варианты названных объектов³.

Для принятия решения следует учесть три важных обстоятельства: во-первых, постановку вопроса о том, что изучает лингвистика: «реальный объект или абстрактную систему понятий» [Степанов 1975 : 11]; во-вторых, утверждение Ф. де Соссюра о наличии «системы лингвистик»: *лингвистику языка* и *лингвистику речи* [Соссюр 1999]; в-третьих, мнение Соссюра о том, что в лингвистике «точка зрения создаёт самый объект» [Там же : 16]⁴.

На этой основе, с нашей точки зрения, объект современной лингвистики включает *всю языковую реальность*, т. е. всё то, что *познаётся в языке*, языках, речи, речевой деятельности, тексте, дискурсе, как и то, *что формулируется* в процессе познания, т. е. теорию языка.

Исходя из этого, *лингвистические основы* её дисциплинарного метода включают оба компонента, входящие в объект лингвистики⁵.

¹ См. разделы 1.3 и 1.4, а также 2.2 и 2.3.5 пособия.

² См. раздел 6.3.1 пособия.

³ Подробнее систему аргументации см. в разделах 6.3.1 и 6.3.2 пособия.

⁴ Это высказывание не следует понимать так, что объектов столько, сколько точек зрения, а так, что объект включает и субъективный фактор. А признание объективно-онтологической природы языка позволяет эту множественность понимания объекта лингвистики объяснять за счёт сложности и многомерности *самого языка*.

⁵ В современной антропоцентрической суперпарадигме лингвистические основы дисциплинарного метода значительно расширяются: «наука о языке включает всё то, что вербализовано» [Маслова 2008 : 3], т. к. «язык по своей природе стремится за свои пределы, стремится охватить всё большие пространства духа» [Там же : 18].

Но в отношении первого компонента показательно мнение В.А. Звегинцева¹, который считает: «Мы имеем основание утверждать, что объектом изучения лингвистики является язык, но мы не в состоянии ещё сказать, что такое язык» [Звегинцев 2007 : 7].

Действительно, за прошедшее столетие, когда представлялось, что «объект лингвистики выступает перед нами как *груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений*» (выделено мной – З.К.) [Соссюр 1999 : 17], несмотря на то, что лингвисты значительно продвинулись в постижении *языка*, однако в начале XXI века бытует мнение о том, что «язык есть тайна» [Камчатов, Николина 2001 : 3] или, по крайней мере, «ещё нет новой, целостной, интегральной по своему характеру модели языка» [Сусов 2007 : 27].

2. Анализ отечественной и зарубежной литературы по лингвистике показывает, что на сегодняшний день осмыслена многомерная модель языка.

Во-первых, язык – общественное (социальное), биологическое, психическое и физическое явление.

Во-вторых, разные модели функций языка как его сущностных свойств: *монофункциональные*; *бифункциональные* (коммуникативная – мыслеобразующая) и *полифункциональные* (Л. Блумфильд, К. Бюлер, Л. С. Выготский, Ю. Д. Дешериев, О. Есперсен, А. А. Леонтьев, А. Мартине, Н. А. Слюсарева, Ю. С. Степанов, М. Хэллидей, Р. О. Якобсон и др.)

В-третьих, коренная *двойственность* (В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Н. Хомский...); *тройственность* (Э. Косериу, А. Гардинер, Л. В. Щерба, И. Р. Гальперин, А. Мустаойки...) языка и даже его *четыре измерения* (Д. Г. Богушевич, В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин...)².

В-четвертых, наличие множественности структур и свойств языка [Бенвенист 1998 : 140]³.

В-пятых, множественность моделей системы языка:

- *уровневая* модель системы языка, построенная по принципу восходящей/нисходящей сложности однородных единиц, в которой набор уровней (блоков) и отношений между ними определяется по-разному (Э. Бенвенист, Г. Глисон, С. Д. Кацнельсон, И. П. Распопов, Л. М. Васильев...);
- *полевая* модель системы языка, в которой объединение разнородных единиц по принципу ядра – периферии осуществляется по общности содержания (М. М. Покровский, П. Роже, И. Трир, А. М. Пешковский, В. Г. Адмони, Ю. Н. Караулов, Г. С. Щур, А. В. Бондарко...);

¹ *Владимир Андреевич Звегинцев* (1910-1988) – выдающийся языковед, специалист по теоретической и прикладной лингвистике. Организатор науки: под его руководством впервые в истории высшей школы была реализована идея комплексного коллектива, ведущего исследования языка на стыке общественных, естественных и технических наук; он открыл отделение и кафедру структурной и прикладной лингвистики, которой заведовал в течение двадцати лет. Он много сделал для знакомства отечественных лингвистов с концепциями зарубежных языковедов: составитель широко известной хрестоматии (три издания), циклов сборников «Новое в лингвистике» и «Новое в зарубежной лингвистике» (первое издание).

Основные его работы даны в библиографии пособия.

² См. раздел 6.3.1 пособия.

³ «Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т. д.» [Бенвенист 1998 : 142].

- *многослойная* модель Д. С. Спивака;
- модель *ассоциативно-вербальной сети* Ю. Н. Караулова;
- *динамические* модели системы языка, в том числе и *психолингвистические* (Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, И. Н. Горелов, Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, И. А. Зимняя, И. А. Стернин...) и другие, «дополняющие друг друга и свидетельствующие об исключительной сложности системы языка, заключенной в мозгу человека» [Попова, Стернин 2004 : 108].

В-шестых, множественность социальной дифференциации структуры, семантики и функций языка:

- дифференциация по виду, способу материального воплощения речи (устная и письменная);
- дифференциация по мононаправленности или полинаправленности средств языка в процессе речи (монологическая, диалогическая и полилогическая);
- дифференциация по функциональным стилям (разговорно-бытовой, научный, официально-деловой, публицистический, художественный, религиозный и др.);
- дифференциация по слоям, группам людей (социальные диалекты, профессиональные, гендерные и т. д.);
- дифференциация по типам и жанрам словесных произведений (литературные и речевые жанры);
- дифференциация по авторам словесных произведений (жанры речи, авторские идиостили и т. п.);
- территориальная (наречия, диалекты, говоры).

В-седьмых, язык как сложнейшая *знаковая система*, предназначенная для того, чтобы с помощью конечного числа элементов (знаков) передать бесконечное множество информации при коммуникации.

В-восьмых, язык как ментальное явление и сущность: соотношение языка и мышления, языка и сознания, языка и бытования, существования человека в мире.

В-девятых, язык как сложная *эволюционная система*, бытующая в единстве парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии. Язык как *самоорганизующаяся, адаптивная система*.

В-десятых, всё выше описанное свидетельствует о *многокачественной природе языка*¹.

Таковы далеко не полные представления о сложной, многокачественной природе языка как объекта лингвистики, который, включаясь в любой вид деятельности человека, не сводим ни к одному из них, поскольку «всякий раз остаётся камертоном, который позволяет производимым действиям оставаться в интерпретационных рамках, устанавливаемых человеческим обществом» [Пи-

¹ См. раздел 6.3 пособия: семь «образов» языка по Ю. С. Степанову [Степанов 1995] и восьмой «образ» - язык как культурный код [Маслова 2001 : 6]; девять аспектов и 27 подаспектов языка по Н. Г. Комлеву [Комлев 2003 : 34-54].

щальникова, Сонин 2009 : 102]. Всё существо языка – «в отводе глаз от него к вещам... и к миру, дающему о себе знать в самом присутствии языка...; ускользая, он оставляет после себя мир» [Бибихин 1993 : 24]. В. фон Гумбольдт признан основоположником языкознания «не потому, что положил ему начало, а потому, что заложил его основы» [Зубкова 2002 : 13], осознав сущность языка. Согласно В. Гумбольдту, «сущность языка состоит в том, чтобы отлить в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984 : 315], поскольку «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Там же : 169; 304].

Из этого вытекает основной методологический постулат: *степень адекватности той или иной лингвистической теории природе языка может оцениваться по тому, в какой мере при его анализе учтено единство и взаимодействие всех трех миров: реального, мыслительного и языкового* (выделено мной – З.К.) [Зубкова 2002 : 13].

Следовательно, необходимо обратиться ко второму слагаемому метода лингвистики – *теории языка*, т. е. рассмотреть *дисциплинарную структуру лингвистики*.

11.2. Дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики

Такая сложная, многомерная, многокачественная природа языка обуславливает сложную разветвлённую дисциплинарно-методологическую структуру¹ современной лингвистики, представленную в схеме 20 (см. с. 352).

Интерпретация схемы 20

Как установлено, вся совокупность знаний о языке – **макролингвистика** (греч. *macro* – «большой, обширный») ² с учётом объекта лингвистики включает два взаимосвязанных раздела: **теоретическую лингвистику** и **прикладную лингвистику**. Эта дихотомия была введена в науку отечественным учёным И.А. Бодуэном де Куртенэ³ в конце XIX – начале XX веков, а оформление относится примерно к 20-м годам XX века [Баранов 2001 : 7].

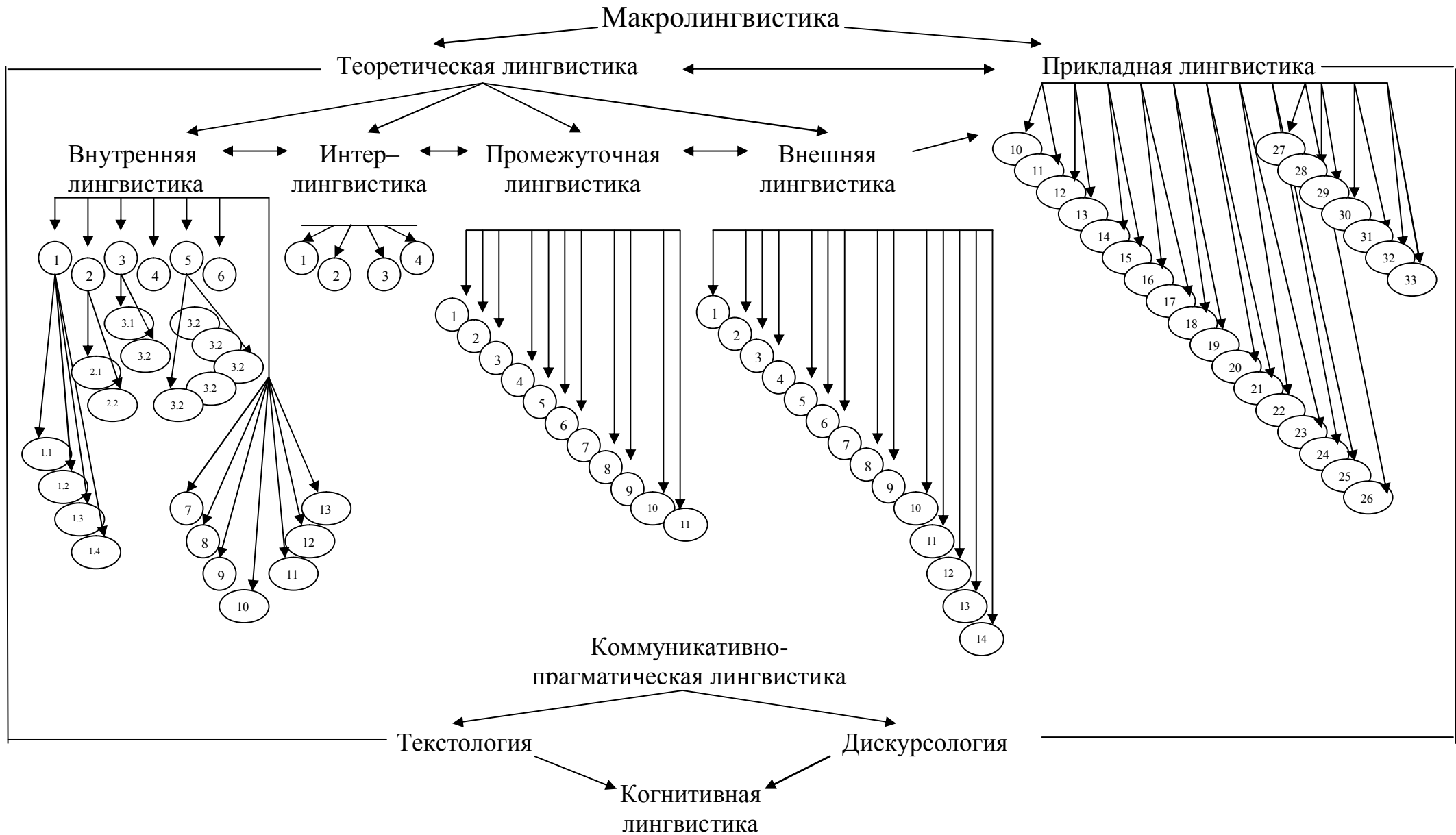
Осмысление структуры научного знания о языке стало рассматриваться как центральная задача языкознания с середины XX века, когда в *теоретической лингвистике* (чаще называемой *общим языкознанием*) оформились четыре основных раздела: *внутренняя лингвистика*, *внешняя лингвистика*, *интерлингвистика* и «*промежуточная*» лингвистика.

¹ Взаимодействие теории и метода (см. раздел 7.1) обуславливает взаимозависимость *дисциплинарной* и *методологической* структуры лингвистики: «Дисциплинарная структура лингвистической науки, вместе с тем, не существует независимо от её методологической структуры» [Даниленко 2007 : 6].

² Термин М.П. Ильяшенко [1970 : 30] и использован А.Е. Карлинским [2009 : 27]. Этот термин использовался в 30-50-е годы XX века американскими дескриптивистами.

³ **Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (Ян Ягнацы Нечислав)** (1845-19290 – выдающийся отечественный языковед-мыслитель, индоевропеист, русист, полонист, лексикограф, диалектолог, фонолог, основатель и идейный вдохновитель Казанской, Петербургской и Польской лингвистических школ. Первым обосновал теорию фонем и фонетических чередований, разграничил диахронию и синхронию, рассматривая их в неразрывной связи. Обосновал идею сопоставительного метода в языкознании, был одним из основателей морфологии и структурного метода в языкознании. Основные труды по славянскому языкознанию, русскому и польскому языкам.

Дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики



Но поскольку лингвистика развивалась «не прямолинейно, а зигзагообразно, *меня фокусы и векторы своих интересов*» [Сусов 2007 : 8], то и оформление этих разделов шло неодновременно и противоречиво.

Так, дихотомия *внутренняя лингвистика – внешняя лингвистика* была обозначена Ф. де Соссюром, при этом внутренняя лингвистика, по Ф. Соссюру, изучает язык как систему знаков: от отношений в системе к её членам в синхронии, в статике [Соссюр 1999 : 23; 89; 101], тогда как внешняя лингвистика – это условия существования языка, т. е. связь с внеязыковыми явлениями, а также лингвистика речи, диахроническая лингвистика (эволюционная, динамическая) [Там же : 28; 29; 140].

В наши дни **внутренняя лингвистика** изучает преимущественно субстанциональные свойства языка как системно-структурного образования, позже – и функционально-прагматические свойства языковых единиц.

Дальнейшее разделение внутренней лингвистики в отечественном языкознании, осуществлённое И. А. Бодуэном де Куртенэ, проводится в зависимости от *уровня языковых знаков, выступающих объектом исследования*. При этом уровневая модель является одним из основных средств представления структуры языка.

1. Фонетика¹ – традиционный раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка, в современном и историческом развитии, включает: 1) акустическую; 2) артикуляционную; 3) экспериментальную и 4) функциональную.

2. Фонология изучает фонологическую систему языка и включает 1) сегментную и 2) суперсегментную, фонологию.

3. Лексикология изучает словарный состав, лексику языка в его современном и историческом развитии и включает 1) семасиологию и 2) ономасиологию.

3.1. Семасиология – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, т. е. значениями слов и словосочетаний, которые используются для номинации отдельных предметов и явлений. Один из разделов семантики, противопоставленный *ономасиологии*.

3.2. Ономасиология – раздел языкознания, который занимается изучением принципов названия (номинации). Один из разделов семантики, противопоставленный *семасиологии*.

4. Фразеология изучает фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии.

5. Грамматика изучает грамматический строй языка в его грамматических категориях, грамматических единицах и грамматических формах и включает: 1) морфологию, 2) морфемистику, 3) словообразование и 4) синтаксис.

5.1. Морфология – раздел грамматики, изучающий закономерности функционирования и развития морфологической системы языка, которая включает: 1) формообразование (закономерности образования форм слов) и 2) теорию частей речи (классов слов, выделяемых на основании общности их морфо-

¹ Следует отметить, что китайская, индийская и арабская языковедческие традиции и европейская (античная) относятся ещё к 3-1 тысячелетию до н. э., когда появляются зачатки знаний (фонетических, лексических, грамматических, этимологических и др.) о языках.

логических, синтаксических и семантических свойств). На стыке морфологии и фонологии сформировалась *морфонология*, не обозначенная на схеме.

5.2. Морфемика – раздел грамматики, изучающий морфемный строй языка: типы и структуру морфем, их отношение друг к другу и к слову в целом.

5.3. Словообразование – раздел грамматики, изучающий способы образования, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов.

5.4. Синтаксис – раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также общие свойства предложения как самостоятельной единицы языка (и речи).

6. Семантика – раздел языкознания, изучающий содержание, информацию, передаваемую языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением).

7. Лингвистика текста – раздел языкознания, в котором изучаются правила построения связного текста и его смысловые (текстовые) категории, выражаемые этими правилами. Лингвистика текста как лингвистическая наука включает теорию текста и прикладные направления.

8. Лингвосомиотика – область языкознания, в которой изучается специфика языковых знаков и специфика языка как знаковой системы и формируются знаковые теории языка.

9. Менталингвистика – область языкознания, в которой изучается взаимоотношение *языка и мышления, языка и сознания*, а также концепции вербализации речемыслительных процессов. Язык рассматривается как важнейшее средство общения людей и средство выражения их мыслей и чувств. Менталингвистика связана с *психолингвистикой, нейролингвистикой и когнитивной лингвистикой*.

10. Коммуникативная лингвистика – область языкознания, в которой изучается взаимодействие субстанциональных и функциональных свойств в ситуации реального общения в устной и письменной форме.

11. Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) – относительно молодая область языкознания, которая обеспечивает стратегию исследования субстанциональных и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации на базе изучения речевых актов и теории речевой деятельности.

12. Лингвистическая типология (<греч. *typos* – «отпечаток, форма, образец» + *logos* – «учение, наука») – лингвистическая область, в которой осуществляется сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними и ареальных их объединений, а на основе *языкового типа*.

Основы лингвистической типологии начали закладываться одновременно с формированием сравнительно-исторического языкознания¹.

¹ Отметим, что сами термины *типология* и *тип* появились более века спустя: употреблены в «Тезисах» Пражского лингвистического кружка (1929) [Климов 1981 : 21].

13. Лингвистика универсалий (<лат. *universalis* – «общий, всеобщий») и *лингвистическая типология* – две близкие по интересам области языкознания, составляющие единое исследовательское пространство, т.к. их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков в том случае, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга. В *лингвистике универсалий* акцент делается на свойствах, *присущих всем языкам или большинству из них*, т. е. верификации и интерпретации *лингвистических универсалий*.

Такова в общих чертах дифференциация *внутренней лингвистики*. Следует подчеркнуть, что названные разделы языкознания к нашим дням уже стали автономными лингвистическими дисциплинами.

Обозначим дифференциацию **внешней лингвистики**, в которой становление методологических основ многочисленных гибридных лингвистических дисциплин относится чаще всего к последней трети XX века. При этом существует мнение, что внешняя лингвистика – это внутренняя лингвистика, использующая для изучения языка методы пограничных наук, как правило, совместно с лингвистическими методами.

1. Психолингвистика – лингвистическая наука, сложившаяся на стыке *психологии, лингвистики и речеведения*, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесённости с системой языка, т. е. изучает сложный триединый комплекс деятельности человека: *мыслерече-языковой деятельности*. Как гибридная наука *психолингвистика* по предмету исследования близка к лингвистике, а по методам – к психологии.

2. Нейролингвистика, биологическая лингвистика – лингвистическая дисциплина, возникшая на стыке *неврологии (нейрофизиологии) и лингвистики* и изучающая систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения человека, т. е. изучает психофизиологический механизм языкового отражения действительности. В последние десятилетия актуальными стали исследования обратной связи – влияние речи на протекание физиологических процессов.

3. Этнолингвистика (<греч. *ethnos* – «народ, племя» + лингвистика)¹ – пограничная дисциплина, лежащая между *языкознанием, этнографией, социологией и антропологией* и изучающая язык в его соотношении с *этносом*, а также изучает взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка.

Возникает ещё более комплексная наука – лингвоэтносоциология (термин Л.Б. Никольского), которая исследует не только национальные, народные, племенные особенности *этноса*, но и особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще на поздней стадии его развития [Толстой 1963; Герд 2001].

4. Ареальная лингвистика (<лат. *area* – «площадь, пространство») – лингвистическая наука, исследующая с помощью методов *лингвистической*

¹ Термин *этнолингвистика* в работах американских учёных часто заменяется терминами *антропологическая лингвистика, этносемантика*.

географии распространение языковых явлений (языков и диалектов) в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии.

Зародилась в лоне *диалектологии* в конце XIX – начале XX веков. В середине XX века методы и приёмы ареальной лингвистики вошли в состав исследовательского инструментария *сравнительно-исторического языкознания* нового периода.

5. Паралингвистика (<греч. *para* – «около» + лингвистика) – языковедческая дисциплина, изучающая невербальные, неязыковые средства (*фонационные, кинетические, графические*) включённые в речевое общение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию. Паралингвистические средства являются функциональным компонентом речевой деятельности, релевантным для каждого конкретного речевого общения [Колшанский 2010 : 32].

В настоящее время паралингвистика утвердилась как отрасль языковедческой науки, занимающаяся сферой несловесной коммуникации [Там же : 6].

6. Математическая лингвистика – пограничная дисциплина, возникшая на стыке *математики* и *лингвистики*, предметом которой является разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков; теория способов описания синтаксической структуры языков.

7. Лингвостатистика, лингвистическая статистика – лингвистическая дисциплина, разрабатывающая способы применения *статистических методов*, базирующихся на статистико-вероятностных закономерностях, в языкознании прежде всего для изучения процессов речи, а точнее – текстов. Структурно-вероятностное моделирование используется в психолингвистике и социолингвистике.

8. Палеография (<греч. *palaios* – «древний» и *grapho* – «пишу») – историко-филологическая дисциплина, изучающая создание знаков письменности и их развитие, а также закономерности развития письменности.

9. Лингвистическая палеонтология (<греч. *palaios* – «древний» + *ontos* – «существо» + *logos* – «учение, наука») – 1) область лингвистики, в которой при помощи соответствующих приёмов выявляются и истолковываются наиболее архаичные элементы языка, сохраняющиеся в истории и в данном его состоянии как пережитки утраченных более древних систем; 2) раздел знания, в котором на основании языковых реликтов восстанавливаются материальные и духовные условия жизни носителей вымершего языка.

10. Когнитивная лингвистика (<лат. *cognitio* – «познание»; *cogitatio* – «познавание») – одна из новых междисциплинарных¹ когнитивных наук, начало которой приходится на 80-е годы XX века, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный (познавательный) механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодиро-

¹ См. схему 13 наук, синтезированных когнитивной лингвистикой (Е.С. Кубряковой) в разделе 6.3.2.

вании) и в трансформировании информации. В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков со своими «телами».

11. Политическая лингвистика – новая наука второй половины XX века, возникшая на пересечении *лингвистики с политологией* и учитывающая также достижения *этнологии, социальной психологии, социологии* и других гуманитарных наук, активно вбирающая в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, предметом исследования которой является *политическая коммуникация* [Чудинов 2008 : 5-6; Будаев, Чудинов 2008 : 21].

12. Лингвокультурология – новая самостоятельная дисциплина европейского языкознания XXI века, возникшая на стыке *языкознания (психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, прагматической лингвистики и когнитивной лингвистики)* и *культурологии*, которая сосредоточила своё внимание на взаимодействии *языка* как транслятора культурной информации, *культуры* с её установками и предпочтениями и *человека*, который создаёт эту культуру, пользуясь языком [Маслова 2001 : 36; Алефиренко 2010 : 21-29].

13. Коммуникативно-прагматическая лингвистика – междисциплинарная антропоцентрическая дисциплина, в которой целесообразно интегрированы базовые категории *коммуникативной и прагматической лингвистики* для изучения механизмов речевого воздействия и исследования прагматических свойств языковых единиц в нескольких аспектах, связанных с 1) субъектом речи; 2) адресатом, их стремлением к взаимному воздействию и 3) ситуацией общения [Почепцов 1984 : 35; Алефиренко 2010 : 217-229].

Тесно связана с *социолингвистикой, психолингвистикой, функциональным синтаксисом, лингвистикой и теорией текста и дискурса, общей теорией деятельности и философией естественного языка*.

14. Межкультурная коммуникация – междисциплинарная и межпарадигмальная языковедческая дисциплина, в которой на диалектическом этапе её развития центральными категориями становятся не формальные сочетания *коммуникации и культуры*, а динамические категории *межкультурной компетенции личности, дискурса и концепта* [Пермякова 2007 : 34].

Завершая описание лингвистических дисциплин *внешней лингвистики*, следует отметить, что все эти многочисленные гибридные лингвистические дисциплины могли возникнуть лишь в пределах антропоцентрической парадигмы, настолько широкой, что её вслед за Н. А. Алефиренко считаем суперпарадигмой, поскольку её концептуальная база позволяет сформироваться множеству конкретных парадигм-спецификаторов (термин Ю. И. Сватко), а также макропарадигм. При этом, пожалуй, «самым многообещающим для конструктивного развития научной мысли, – считает Н. Ф. Алефиренко, – оказываются лингвистические кентавры с головой *homo lingua, т. е. антропоцентрическое образование маргинального происхождения* (<лат. *margo* – «край»)» [Алефиренко 2009 : 217].

Как показывает схема 20, кроме оппозиции *внутренняя лингвистика – внешняя лингвистика*, в теоретической лингвистике выделены ещё два блока:

интерлингвистика и «*промежуточная*» лингвистика, к описанию которых мы и перейдём.

Интерлингвистика – область языкознания, изучающая *международные языки* как средство межъязыкового общения людей разных государств, в которой основное внимание обращается на процессы возникновения *естественных международных языков* (1), к которым принадлежат *контактные* и *смешанные языки*, «самопроизвольно возникающие в результате необходимости межнационального общения на разноязычной территории» [Ахманова 1966 : 531], например, *лингва франка*, *койне*, *пиджины*, для которых функция межъязыкового общения является реальной, но вторичной по отношению к роли этнического языка, а также на процессы создания и функционирования *международных искусственных языков* (2) например *воляпюк* (1879), *эсперанто* (1887), *идо* (1907), *интерлингва* (1951)...

В оппозиции к естественным языкам находятся так называемые *плановые языки* (3) – это своего рода эвфемизм, которым сторонники «рукотворных» языков предпочитают называть *неспециализированные искусственные международные языки*, которые расшифровываются как «международный + искусственный + коммуникативно реализованный» [Кузнецов 1987 : 9].

К языковым системам, которые остались потенциальными, коммуникативно нереализованными, к которым применяется термин *лингвопроект* [Там же : 9-10], например, *окциденталь* (1922); *новиваль* (1928); *линкос* (**лингвистика космоса** – 1960).

Во многих работах подчеркивается огромный энтузиазм по лингвопроектированию: за 2000 лет – 1000 проектов [Мечковская 2001 : 185].

Наконец, ещё одна группа международных языков – *специализированные искусственные языки*, создаваемые людьми для точной передачи разнообразной специальной (профессиональной) информации (4), например, так называемая «биологическая латынь» для «тривиальных» наименований ботанических растений в систематике К. Линнея (1735). К этой группе языков относится изученный нами латинизированный семантический метаязык агрономии [Комарова, Хасаншина 2009].

В 60-70-е годы XX века делается попытка расширения проблематики *интерлингвистики* (Ю. А. Жлуктенко, В. П. Григорьев, Е. М. Верещагин, М. Вандрушка, Т. П. Ильященко, Т. П. Ломтев) как «науки о любых взаимоотношениях между языками (как естественными, так и искусственными), включившей и область межъязыковых отношений» [Григорьев 1966 : 37; Ильященко 1970 : 30-31]. Интересно, что Н.Ф. Алефиренко включает в область интерлингвистики *социолингвистику*, *лингвокультурологию* и *компаративистику* [Алефиренко 2009 : 234-313].

Неопределенность границ современной интерлингвистики обуславливает «различное понимание предмета интерлингвистики» [Исаев 1998 : 108].

Наконец, четвертый блок наук в теоретической лингвистике, обозначенный условно как «**промежуточная**» лингвистика, по определению Вяч. Вс. Иванова, – это промежуточное звено между «*внутренней лингвистикой*» и «*внешней лингвистикой*», изучающей социальные и пространственно-времен-

ные условия бытования языка... Последними занимаются такие разделы языкознания, как *лингвистическая география, диалектология, социолингвистика, ономастика, топонимика, стилистика...*, которые пока не образовали единого целого...» [Вяч. Вс. Иванов 2002 : 620].

1. Диалектология (<греч. *dialektos* + *logos*) – традиционный раздел языкознания (наука), изучающий местные, территориальные разновидности языка – *диалекты*. Диалектология подразделяется на: 1) *описательную* диалектологию, изучающую особенности территориальных диалектов, устанавливающую характер их фонетических, грамматических и лексических черт и определённых неязыковых (социально-исторических) факторов, которые отличают одни диалекты от других, и 2) *историческую диалектологию*, осуществляющую реконструкцию истории различных диалектов; историю возникновения, развития или утраты диалектных особенностей и установления диалектных разновидностей какого-либо языка (языков) на всем протяжении его существования и развития.

В наши дни диалекты изучаются в разных парадигмах, в том числе когнитивной и психолингвистической, в которых решается проблема диалектной языковой картины мира [Демидова 2011].

2. Лингвистическая география – раздел языкознания (наука), выделившийся из *диалектологии* в конце XIX века и изучающий территориальное распространение языковых явлений во взаимодействии с *ареальной лингвистикой*, что даёт возможность на основе сопоставительного изучения *изоглосс* получить важные сведения для изучения истории языков и диалектов, установить их исторические связи.

3. Социолингвистика, социальная лингвистика – междисциплинарная наука, возникшая на стыке *языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии* и представляющая собой реализацию на современном этапе лингвистических и социологических исследовательских принципов и процедур социологического направления в языкознании, которые были разработаны в первой половине XX века. Социолингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

В наши дни выявлено, что *социальный фактор* имеет такую сложную структуру, что механизм его воздействия на язык пока останется нераскрытым [Сусов 2006; 2007; Алефиренко 2009; Пищальникова, Сонин 2009 и др.].

4. Компаративистика (<лат. *comparativus* – «сравнительный»), **сравнительно-историческое языкознание** – область языкознания, объектом которой являются родственные языки, т. е. генетически связанные языки, которые сравниваются с целью установления соотношения между ними и описания их эволюции во времени и пространстве на базе *сравнительно-исторического метода*, базирующегося на принципах *сравнения* и *историзма*.

Находится во взаимоотношении с *сопоставительной, контрастивной лингвистикой*.

Одна из новых областей исследования – *теория и практика реконструкции текстов*, углубляя и расширяя проблематику компаративистики, возвра-

щает её к исходной основе – принципу *историзма* и принципу связи языка с культурой [Топоров, ЛЭС, 2002 : 490].

5. Контрастивная, сопоставительная лингвистика – интенсивно развивающаяся с середины XX века область языкознания, которая занимается сопоставительным изучением двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий (или только различий) на всех уровнях языковой структуры, как правило, на синхронном срезе языка с использованием *сопоставительного, контрастивного метода*.

Место контрастивной лингвистики в общей структуре лингвистики «ещё нуждается в уточнении» [Ярцева, ЛЭС, 2002 : 239].

6. Контактная лингвистика – относительно молодая, формирующаяся в наши дни междисциплинарная языковедческая наука, оформляющаяся на стыке *этнолингвистики, социоллингвистики, психоллингвистики, компаративистики, контрастивной лингвистики и интерлингвистики*, которая изучает разнообразные механизмы языковых *контактов* (в структурном, социально-культурном, этноисторическом, этнокультурном и антропологическом аспектах) двух или нескольких языков при определённых социально-исторических условиях, а также изучает явления, возникшие в результате этих контактов, в частности – *контактные элементы*.

Термин контактная лингвистика впервые используется зарубежными исследователями в конце 90-х годов XX века (Р. Холл, Д. Тейлор, У. Вайнрайх, Й. Айдукович...) и отечественными исследователями уже в XXI веке (В. И. Томашпольский, В. П. Хабиров, М. Ф. Кондакова, А. И. Глазырина и др.).

Подчеркнём, что в отечественном языкознании мысль о необходимости создания особой «науки о законах внедрения и привнесения готовых элементов одной языковой системы в другую» высказал ещё в 60-е годы Вяч. Вс. Иванов, а в 70-е годы XX века – Б. А. Серебренников [Цитируется по: Глазырина 2010 : 12].

7. Этимология (<греч. *etymon* – «истина» + *logos* – «учение, наука») – традиционный раздел языкознания, связанный с *диалектологией* и *исторической лексикологией*, в котором изучается происхождение слов на основе реконструкций первичных форм и значений с помощью *этимологического анализа* на основе *сравнительно-исторического метода*.

Вторая половина XX века характеризуется расширением этимологических исследований и освоением новых лексических материалов и новых методологических принципов.

8. Ономастика (<греч. *onomastike techne* – «искусство давать имена») – раздел языкознания, оформившийся в самостоятельную интегративную науку в 30-е годы XX века, связанную с *историей, этнографией, археологией, генеалогией, геральдикой, текстологией, литературоведением, географией* и др. и изучающий историю возникновения *имен собственных* и мотивы их номинации.

Ономастика включает: 1) *антропонимику* (<греч. *anthronos* – «человек» и *onyta* – «имя») – раздел ономастики, изучающий *антропонимы* – собственные наименования людей; 2) *топонимику* (<греч. *topos* – «место» и *onyta* – «имя, название») – раздел ономастики, изучающий *топонимы* – географические названия; 3) *этнонимику* (<греч. *ethnos* – «племя, народ» и *onyta* – «имя, название») –

раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение и функционирование *этнонимов* – слов, называющих различные виды этнических общностей (наций, народов, народностей, племен, родов и т. п.) и *лингвонимов* (названий языков и диалектов).

9. Лингвистическая стилистика, общая стилистика – особая комплексная научная языковедческая дисциплина, оформившаяся к середине XX века, которая изучает выразительные средства и возможности языка и закономерности функционирования (использования) языка в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения; предметом стилистики является *стиль* во всех его значениях, однако задачи современной стилистики шире, поскольку она исследует и вопросы формирования стилей в связи с историей литературного языка, и язык художественной литературы (смыкаясь поэтикой), и проблемы организации текста (смыкаясь с лингвистикой текста), и различные жанры общения, исходя из учёта структуры речевого акта и его успешности, эффективности (смыкаясь с прагматикой). Существенной приметой современной стилистики является изучение языка *в динамике*, в связи с чем выделяется *функциональный* и *речеведческий* аспект, поэтому развитие стилистики связано с оформлением в языкознании *коммуникативно-функциональной парадигмы* лингвистики [СЭС 2003 : 408-414].

В связи со сложной структурой основного понятия – стиль разные исследователи выделяют в современной стилистике множество направлений: 8 направлений – Ю. С. Степанов [ЛЭС 2002 : 495]; 9+5 направлений – М. Н. Кожина [СЭС 2003 : 408-414].

10. Металингвистика – наука, предметом которой является *метаязык* лингвистики, т. е. язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект» [ЛЭС 2002 : 297; Куликова, Салмина 2002; Гвишиани 2008; Никитина 2010].

11. Историографическая лингвистики – комплексная междисциплинарная наука, базирующаяся на *философии и методологии науки, философии языка, науковедении, истории науки и общей историографии, истории лингвистических учений, теории языкознания, металингвистике* и *макрولينгвистике*, в XX веке всё более отходит от фактографии и хронологии [Позднякова 2008 : 62], а выдвигает на первый план вопросы методологического характера, в первую очередь вопрос *об объекте историографии лингвистики и основных принципах описания процесса развития знания о языке*.

Современная историография лингвистики осознает свою тесную связь с *теорией языка*: она персонифицирует теории языка, существовавшие в истории языкознания, выделяет традиции, школы и направления в языкознании, даёт его периодизацию и выдвигает концепции развития языкознания как науки, критически анализируя труды предшественников; разрабатывает проблемы генезиса лингвистической мысли и общие проблемы генезиса лингвистики как науки [Бокадорова, ЛЭС, 2002 : 204].

Таковы основные блоки теоретической лингвистики, с которой в двусторонних связях находится **прикладная лингвистика** (см. схему 20): с одной стороны, общие методы решения задач в прикладной лингвистике разрабаты-

ваются теоретическим языкознанием [Андрющенко, ЛЭС, 2002 : 397], а с другой, – «обзор проблематики практически любого прикладного направления выявляет в нём *значительную теоретическую составляющую*» (выделено мной – З.К.) [Баранов 2001 : 4].

Сущность прикладной лингвистики состоит в том, что она занимается решением конкретных практических задач, связанных с использованием языка, причем *языка в действии*.

При этом прикладные лингвистические задачи отличает их заказной характер. В большинстве своём они представляют собой тот или иной социальный заказ: их реализация протекает в диалоге «заказчик – разработчик» [Герд 2005 : 104]. Важной особенностью прикладных задач является их *проверяемость*, при этом проверяемость повторная, неоднократная и каждый раз на новом материале [Там же : 105].

Характерно, что большинство лингвистов подчеркивает, что прикладное языкознание издавна отличалось широким разнообразием, а сегодня представляет собой разветвлённую отрасль современной лингвистики [Городецкий 1983; Прикладная лингвистика 1996; Баранова 2001; Герд 2005; Кибрик 2002 и др.].

Отметим **основные направления прикладного языкознания**:

- теория письма;
- разработка алфавита, графика;
- орфография;
- орфоэпия;
- культура речи;
- прикладная риторика;
- теория и практика преподавания языка;
- лингвистическая картография;
- филологическая картография;
- филологическая стилеметрия;
- лингвистическая дешифровка;
- лингвистическая (стилистическая) диагностика;
- лингвистическая криминалистика;
- нормирование языка и языковая политика;
- вычислительная лингвистика;
- инженерная лингвистика;
- компьютерная лингвистика;
- автоматизированные обучающие системы;
- лексикография и терминография¹;
- автоматизация в лексикографии;

¹ В соответствии с данными отечественных и мировых терминологических школ современное терминоведение считается *интегрированной самостоятельной наукой*, а потому прикладные аспекты терминоведения не включаем в перечень прикладной лингвистики [См., например: Суперанская, Подольская, Васильева 2005; Лейчик 2006; Комарова 2006...], хотя существует мнение, что не только прикладное терминоведение, но и само теоретическое терминоведение включается в прикладную лингвистику [Пищальникова, Сонин 2009 : 371].

- автоматическое распознавание речи;
- сетевое представление знаний;
- практика перевода;
- машинный перевод;
- лингвистическое обеспечение информационно-поисковых систем;
- автоматическое реферирование и аннотирование;
- корпусная лингвистика;
- проектирование баз данных и баз знаний;
- разработка автоматизированного рабочего места специалиста и др.;
- прикладные аспекты количественной лингвистики;
- нейролингвистическое моделирование;
- психолингвистическое моделирование;
- прикладные аспекты политической лингвистики;
- лингвистические аспекты искусственного интеллекта и другие.

Как видим, в прикладные аспекты входят как древние и традиционные аспекты (первые семь аспектов, а также практика перевода; лексикография и терминография и др.), так и ряд новых аспектов, сформировавшихся к концу XX и даже началу XXI века.

В схеме 20 обозначено 33 аспекта прикладной лингвистики, но они не исчерпывают всех возможных направлений, поскольку решение каждой новой задачи не тривиально и не шаблонно, а «число прикладных задач *непредсказуемо* (выделено мной – З. К.), т. к. нельзя предвидеть всех коммуникативных ситуаций типа «человек – человек» и «человек – ЭВМ», в решении которых может понадобиться участие лингвистов; сами задачи меняются: одни уходят, приходят новые, вызванные новыми социальными потребностями», – указывает А. С. Герд, – поэтому прикладная лингвистика динамично развивается [Герд 1996 : 6]. Современная прикладная лингвистика столь же многообразна, как и область практической деятельности человека [Баранов 2001 : 4; 323].

В наши дни зримым проявлением новой информационной сферы XXI века стал Интернет, потому важной задачей стала разработка программ-оболочек гипертекста, совершенствование ТБД и ТБЗ, создание корпусов текстов и т. д.¹

При этом следует особо подчеркнуть, что деление тем на фундаментальные и прикладные очень относительно, поскольку *теоретическое* и *прикладное языкознание* «представляет собой неразрывное семиотическое единство ряда дисциплин» [Герд 2005 : 7], а также потому, что «усиление темпов эволюции прикладного языкознания уже не раз порождало ускоренное развития лингвистической теории» [Герд 2005 : 87]².

Такова в общих чертах дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики, включающая 78 лингвистических наук, однако в кото-

¹ Об актуальных проблемах современной прикладной лингвистики. См.: Баранов 2001, Герд 2005 и др.

² Анализ роли прикладной лингвистики в развитии теоретического языкознания за последние 30 лет дан в статье А. С. Герда (в соавторстве с В. В. Богдановым, Л. В. Бондарко, В. Д. Буторовым) «*Прикладная лингвистика и теория языка*» [Герд 2005 : 87-102].

рой не нашло прямое отражение ряда областей (наук) с нескольких иных позиций:

- *дихотомия*: общее языкознание, изучающее свойства, присущие любому языку, т. е. теоретические проблемы языкознания – частное языкознание занимается изучением одного (например, русистика) или группы родственных языков (например, славистика);
- *дихотомия: синхрония–диахрония*: историческая фонетика, историческая лексикология, исторический синтаксис и т. д.;
- *различные направления*: традиционное, формальное, логическое, натуралистическое, психологическое, младограмматизм, социологическое и др. (в ЛЭС дано 16 направлений);
- *этноязыковые*: русистика, славистика, германистика, романистика, арабистика, лингвистическая японистика... (в ЛЭС – 17 областей);
- *аспектуальные*: описательная лингвистика, нормативная (прескриптивная) лингвистика, объяснительная лингвистика, структурная лингвистика, функциональная лингвистика и др.;
- *различные школы*: Московская фонологическая школа, Ленинградская фонологическая школа, Лондонская школа структурной лингвистики, Пражская школа структурной лингвистики и т. д. (в ЛЭС описаны 17 научных школ).

Таким образом, реальная дисциплинарно-методологическая структура лингвистики гораздо сложнее, чем она минимально представлена в схеме 20¹.

В целом можно утверждать, что *макролингвистика* сегодня является сложной системой, объединяющей в себе множество лингвистических наук, которые лишь *в совокупности* дают нам достаточно полное знание о разных сторонах человеческого языка как такового и всех отдельных языков: «Лингвистика как целостная наука о языке постепенно интегрировала историко-филологические, а затем и различные гуманитарные знания в *определённую целостность*, стимулируя интенсивное развитие науки о человеке и гуманизацию человеческого общества» [Журавлёв 2000 : 85].

При этом *историография лингвистики* свидетельствует о том, что, во-первых, в современном мировом языкознании лидирует европейско-американская традиция, которая опирается на греко-римскую, а также и на восточную традиции; во-вторых, происходит активное взаимодействие и сближение национальных лингвистических направлений и школ; в-третьих, наше отечественное языкознание всё в большей степени втягивается в процесс планетарной интеграции лингвистической науки, всё заметнее становясь частью мирового языкознания [Сусов 2006 : 12].

¹ Характеристика лингвистики как постнеклассической науки дана в разделах 5.2.3 и 6.3 пособия.

11.3. Вопрос о парадигмальном подходе в методологии современной лингвистики

В предыдущем разделе при характеристике дисциплинарно-методологической структуры современной лингвистики акцент был сделан на первый компонент структуры – *дисциплинарное многообразие* лингвистики. В этом разделе перенесём акцент на второй компонент структуры – *методологический*, чтобы выяснить, какова роль парадигмального подхода в методологии современной лингвистики.

Напомним, что слово *парадигма* (<греч. *paradigma* – «пример, образец») через латынь распространилось в современных европейских языках и находилось в употреблении в разных значениях (в том числе и как термин грамматики) в качестве «дремлющего концепта» [Демьянов 2008 : 16-25] до того времени, когда этому слову дал новую жизнь в качестве термина философии и истории науки Томас Кун, который под парадигмами понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течении определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [Кун 1977 : 11].

Концепция Т. Куна произвела большой резонанс в научной общественности: термин парадигма оказался мгновенно востребованным и перенесённым в разные науки. И это понятно: он был необходим для размышления о том, как «упорядочивать знания о научных результатах» (выделено мной – З. К.) [Демьянов 2008 : 15], поэтому важность этой концепции, преодолевающей представление «о поступательно-кумулятивном развитии науки, не подлежит сомнению» [Белоглазова 2008 : 43].

К тому же важной чертой концепции Т. Куна было его предложение рассматривать историю науки не вокруг изложения отдельных теорий (как у К. Поппера) или даже не отдельных авторских школ, но вокруг деятельности целых научных сообществ, разделяющих единые для них допущения и установки и в принципе «составляющих некое метатеоретическое единство» [Цитируется по: Кубрякова 2008 : 7].

Лингвистика не стала исключением: новое терминованное понятие было взято на вооружение и пущено в оборот [Макаев 2004 : 23].

Однако уже более полувека продолжается полемика вокруг целесообразности использования этого понятия в методологии лингвистики.

Большинство лингвистов [Ору 2000; Серию 2001; Демьянов 2008; Кубрякова 2008] приходят к выводу, что термин *парадигма* в понимании Т. Куна малоприменим в лингвистике.

Дело в том, что теория Куна была изначально разработана для естественных наук, прежде всего – физики, где та или иная гипотеза может быть однозначно доказана или опровергнута опытным путём, а потому развитие идёт скачкообразно, через научные революции.

Всё это плохо ложится на материал гуманитарных наук, в частности лингвистики. Так, П. Серию, отталкиваясь от высказывания Т.Куна «наука уничтожает своё прошлое», совершенно справедливо замечает, что это применимо к

Эйнштейну, упразднившему Ньютона и Галилея, но не применимо к Пикассо, не упразднившему Рембрандта [Серио 2001 : 46].

В истории развития лингвистики новое знание не упраздняет старое, в ней нет абсолютных разрывов¹: новая парадигма оказывается так или иначе развитием старой, т.к. между ними сохраняются отношения *преемственности*. Потому общую историографическую схему языкознания В.З. Демьянов рассматривает иначе: «историю теоретического языкознания можно рассматривать как историю парадигм» [Демьянов 2008 : 36], т. е. «лингвистические парадигмы характеризуются как *развивающиеся сущности*» [Алефиренко 2009 : 20].

Их преобразование может быть *внутренним* и *внешним*. Внутреннее развитие парадигмы стимулируется взаимодействием концепций в рамках одной парадигмы. Внешнее развитие лингвистической мысли связано с взаимодействием интерпарадигмального характера. Здесь должна идти речь о взаимодействии парадигм, олицетворяющих собой разные этапы истории языкознания [Там же].

Всё это привело к тому, что в наши дни только некоторые лингвисты (Э. А. Макаев, Н. И. Рудный...) приняли понятие *парадигма* в куновском понимании, другая часть лингвистов не включает в свои концепции понятие парадигмы², но подавляющее большинство стремится отыскать, «при каком определении парадигмы знания оно может принести действительную пользу и охарактеризовать главные черты и главные особенности истории лингвистической мысли за последнее столетие» [Кубрякова 2008 : 5].

На этом пути, прежде всего, следует отметить, что лингвисты, принявшие понятие парадигмы, встали под знамёна Имре Лакатоса, хотя и полемизировавшего с Т. Куном, но выделившего рациональное зерно теории Куна: в исследовательской программе Куна была новая идея: изучать следует не мышление отдельного учёного, а *мышление научного сообщества* (выделено мной – З. К.) [Лакатос 2001 : 341], а также то, что в текстах Т. Куна понятие *парадигма* иногда «очеловечивается», т.к. парадигмы, подобно людям, могут «мирно сосуществовать» между собой [Демьянов 2008 : 25].



Поиски понимания парадигмы, целесообразного для лингвистики, шли в сторону расширения её значения, когда под *парадигмой* стали понимать «*господствующий* в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определённым философским течением и определённым направлением в искусстве, притом именно таким образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка – для решения некоторых философских проблем. «Парадигма» связана с определённым стилем мышления в науке и стилями в

¹ Вот так образно об этом писал Василий Васильевич Налимов: «Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут, как деревья: одни их ветви засыхают и опадают, другие разрастаются, и по мере того как дерево растёт, его нижние части врастают в землю – уходят в область истории. Языкознание развивается не так – это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести» [Налимов 2003 : 14].

² См.: В.А. Гречко [2003], А.А. Гируцкий [2005], А.Т. Хроленко и В.Д. Бондалетов [2006], Н.С. Шарафутдинова [2008], А.Б. Михалёв [2008], В.А. Пищальникова и А.Г. Сонин [2009].

искусстве. Понятая таким образом «парадигма» – явление историческое» [Степанов 1985 : 4].

В этой дефиниции уже выделен ведущий принцип, характерный понятию *парадигма – господствующий* взгляд на язык у научного сообщества данного периода. Это близко к тому, что В.З. Демьянов обозначает как *доминирующие лингвистические теории* [Демьянов 1995; 2006]. В свою очередь Д. И. Руденко подчеркивает, что «парадигма, определяемая в расширительном смысле, трактуется как ... **доминирующий исследовательский подход** к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже научный «**климат мнений**»» [Руденко 1990 : 19].

При этом широком понимании *парадигмы* как «*климата мнений*», которое считали оптимальным для лингвистики, сосуществование нескольких научных парадигм в одну историческую эпоху, недопустимое с точки зрения С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1980 : 4], оказывается **единственно возможным** [Кубрякова 1995; 2006; Демьянков 1995; 2006; Правипова 2000; Гончаренко 2003 : 4; Сусов 2003; Колесов 2003; Позднякова 2006 : 59...].

Подход к парадигме как «климату мнений», т. е. то, как мыслят сегодня представители лингвистики и гуманитарного знания, в целом, помогает перейти к *вопросам эпистемологии* современного гуманитарного знания и лингвистики, в частности [Позднякова 2006 : 59].

Эпистемология лингвистики в этом случае, по мнению Р. М. Фрумкиной, решает проблемы объекта, методов его познания, целеустановки, методов верифицируемости результатов, систематизации и передачи их в научный социум [Фрумкина 1995 : 77].

Базируясь на этом, исходным принципом и базовым основанием для систематизации дисциплинарных методов лингвистики считаем понятие *парадигмы знания* «как способа принятия решения общего круга «дисциплинарных» задач» [Тулмин 1984 : 136]; «как удобный способ выделить некие концептуальные единые моменты за внешним разнообразием подходов, средством обнаружения сходства «на глубине», очертить основные линии развития науки в рассматриваемый период и выделить главные тенденции в её поступательном движении» [Кубрякова 1995 : 165].

Но в лингвистике дискуссионными являются ещё два понятия, связанных с парадигмой как эпистемическим понятием: нет единства мнений о *периодизации* и *номенклатуре парадигм* в лингвистике. Так, С. Ору усматривает первую парадигмоустанавливающую революцию в рождении письменности [Ору 2000], а потому, по его мнению, лингвистика существует как «нормальная наука» уже несколько тысячелетий. О многотысячелетней истории науки о языке пишут Вяч. Вс. Иванов [2004] и Е.С. Кубрякова [1995], но они отсчёт парадигм, а вместе с ними и «нормальной» зрелой лингвистики, начинают со *структурализма*.

Есть и другие точки отсчёта парадигм: «*хомскианская революция*» [Алпатов 2001]; «*сосюрская парадигма*» [Правилова 2000; Слюсарёва 2000]; *научная школа* [Колесов 2003]; «*гумбольдтианская лингвистическая парадигма*» [Березин 1984; Амирова, Ольховиков, Рождественский 2003]; *функциональ-*

но-системная [Арнольд 1991; 2001]; но большинство лингвистов такой точкой отсчёта считают *компаративизм* [Дыбо 1988; Караулов 1988; Сусов 2003; Макаев 2004; Белявская 2008; Алефиренко 2009; Карлинский 2009...].

Наконец, поскольку границы парадигмы размыты [Позднякова 2008 : 61], вопрос о номенклатуре лингвистических парадигм в современной науке о языке не решен: минимально это всего две парадигмы: *сравнительно-историческая* и *системно-структурная* [Караулов 1988 : 6]; три парадигмы: *сравнительно-историческая*, *структурная* и *когнитивная* [Белявская 2003; 2006 : 65]; три: *сравнительно-историческая*, *системно-структурная* и *антропоцентрическая* [Маслова 2008 : 6]; четыре парадигмы XX века: *структурализм*, *генеративизм*, *когнитивизм* и *неофункционализм* в целом [Кубрякова 2006 : 8]; четыре, но другие: *сравнительно-историческая*, *системно-структурная*, *генеративная* и *деятельностно-функциональная* [Сусов 2003]; четыре: *лингвистический компаративизм*, *системно-структурная*, *коммуникативно-прагматическая* и *дискурсивно-когнитивная* [Алефиренко 2009 : 19]; четыре: *сравнительно-историческая (компаративистика)*, *системно-структурная*, *парадигма порождающей грамматики* и *антропоцентрическая* [Карлинский 2009 : 29-30]; семь в истории лингвистики: *логическая парадигма*, *сравнительно-историческое языкознание*, *натуралистическая парадигма*, *идеоэтническая парадигма*, *социологическая парадигма*, *структурно-функциональная парадигма*, *современная научная парадигма* [Лингвистика и межкультурная коммуникация 2001]¹ и другие.

Как видим, чаще называются четыре крупные парадигмы, но лишь частично совпадающие. Для решения вопроса о номенклатуре парадигм лингвистики, с нашей точки зрения, следует принять два рациональных предложения.

Во-первых, идею об иерархии парадигм, предложенную Николаем Федоровичем Алефиренко [2009 : 20-25] и обусловленную гетерогенностью парадигм и наличием внутрипарадигмальных и межпарадигмальных отношений.

В связи с этим антропоцентрическую парадигму рассматриваем как суперпарадигму, о чем речь уже шла в предыдущем разделе, осознанную уже В. фон Гумбольдтом, который, установив *соотношение мира, человека и его языка*, выявив главную функцию языка – антропогенную, ставит задачу исследования языка в целях «познания человека на разных ступенях его культурного развития» [Гумбольдт 1985 : 349], что обуславливает возможность становления других парадигм в лоне этой суперпарадигмы, поскольку «*научная парадигма*» – одно из первых проявлений антропоцентрической философии науки [Демьянов 2008 : 16].

И. А. Бодуэн де Куртенэ также осознает человека в языке «мерой всех вещей» [Б. де Куртенэ 1963. II : 71]. Тезис Э. Бенвениста о «присвоении языка говорящим» [Бенвенист 1974: 27] открыл те шлюзы, которые позволили «соположить человека и язык и раскрыть каналы “присвоения” человеком языка» [Ревзина 1999 : 26]. Как пишет П. Серию, «восстановление роли субъекта в лингвистике и есть новшество, введенное Бенвенистом» [Серию 1993 : 46].

¹ Как видим, в этом перечне отождествляется понятия парадигма и направление в лингвистике (направление – это методологический поиск новых путей и способов познания языковых явлений), которые далеко не всегда могут совпадать, а чаще различаются.

В отечественной науке об антропоцентризме как главном принципе современной лингвистике и о антропоцентрической парадигме как важнейшей системе научных представлений пишут многие лингвисты [Звегинцев 1982 : 254; Павиленис 1983 : 260; Степанов 1985 : 15; Караулов 1987; Серебренников 1988; Алпатов 1993 : 15-27; Кубрякова 1994; 1995; Фрумкина 1996; Воркачев 2001; Маслова 2001; 2008 и др.].

В.А. Маслова считает, что антропоцентрическая парадигма в наши дни, позволяет охватить не только когнитивную лингвистику, но и лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, психоллингвистику и другие области, в центре которых состоит человек [Маслова 2008 : 10].

Таким образом, В. А. Маслова подчеркивает высокий статус антропоцентрической парадигмы в иерархии парадигм, хотя и не использует термин суперпарадигма.

Далее по вертикали располагаются языковые макропарадигмы, которые охватывают всю область дисциплинарного знания в конкретной области науки [Демьянков 2008; Кубрякова 2008; Позднякова 2008...] и вбирают в себя «неоднородные составляющие: теории, школы, концепции, подходы» [Алефиренко 2009 : 21].

И, наконец, – это языковые парадигмы-спецификаторы (Ю. И. Сватко, Н. Ф. Алефиренко), которые охватывают лишь частное дисциплинарное знание, т. е. частные лингвистики [Позднякова 2006 : 50], а потому их отличительной особенностью является однородность составляющих компонентов. К ним можно отнести парадигмы психоллингвистики, социоллингвистики, когнитивной лингвистики... [Лингвистика и межкультурная коммуникация 2001].

Такая иерархия научных парадигм в языкознании позволяет «примирить» два взаимоисключающих понимания их сущности: однородности и неоднородности элементов структуры лингвистической парадигмы [Алефиренко 2009 : 21].

Вторая идея, необходимая для решения вопроса о составе парадигм современной лингвистики, принадлежит Е. С. Кубряковой¹. Это те признаки, параметры, необходимо достаточные для определения лингвистической парадигмы, включающие три основных звена:

- установочно-предпосылочное;
- предметно-познавательное;
- процедурное [Кубрякова 1995 : 167].

Позже ею была установлена более детальная структурация парадигмы, включающая шесть основных параметров:

- хронологические рамки парадигмы;
- условия, предпосылки и мотивы её появления;
- установки и цели;
- предметные области её анализа;
- используемые здесь методики;

¹ Елена Самойловна Кубрякова (1927-2011) – выдающийся отечественный языковед, специалист по общему языкознанию, ономастологии, словообразованию, грамматической семантике, германистике, когнитивной лингвистике, Часть её работ в области когнитивной лингвистики дана в библиографии пособия.

- эвалютивный (оценочный) аспект [Кубрякова 2006 : 9].

Опираясь на эти параметры организации парадигмы, дающие в своей совокупности представление о парадигме как «модели постановки проблем и их решений» [Там же], мы устанавливаем четыре **макропарадигмы лингвистики**.

Первая макропарадигма – сравнительно-историческая (компаративизм) сформировалась в первые два десятилетия XIX века. *Предпосылочным знанием* [Кубрякова 1995] для неё было всё предшествующее языкознание, как аспектирующие его концепции (А. Шлейхера, Г. Пауля и Ф. де Соссюра), так и особенно синтезирующие концепции (И. Г. Гердера, В. Гумбольдта, А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ), вобравших в себя достижения философской и лингвистической мысли своего времени и предшествующих эпох [Зубкова 2002 : 435].

Установочной частью парадигмы были принципы историзма/эволюционизма, с принятием которых «язык познания оказался в состоянии заявить о себе как о самостоятельной науке со своим объектом познания и собственными исследовательскими методами» [Сусов 2003 : 148].

Действие принципа парадигмального детерминизма [Мельников 1978; 2003; Зубкова 2002; Алефиренко 2009] проявилось в основном постулате континуальности, имеющем в качестве своего основного следствия представление о выводимости [Беляевская 2003; 2006].

Эти постулаты формулировали кардинальное для компаративистики допущение – возможность проследить последовательные изменения отдельных явлений языка на протяжении достаточно длительного времени. В результате создавалась возможность составить цепочки «состояний», т. е. зафиксировать некоторое языковое явление на разных этапах развития языковой системы и описать его изменения.

Наиболее удобным материалом, которого к началу XIX века уже было накоплено довольно много, является *формальная*, а не содержательная сторона языковых явлений. Первоначально сравнению подвергались единицы, имеющие одно и то же значение в разных языках, например, слова *мать*, *отец* и т. д., а предметом изучения были явления фонетики и морфологии и значительно меньше – синтаксиса.

Шло постепенное формирование приёмов и процедур сравнительно-исторического метода, а лидирующая роль сравнительно-исторического языкознания закрепилась вплоть до 20-х годов XX века, причем на этом этапе оно претендовало на роль единственного научного метода [Сусов 2003 : 150].

В результате усилий компаративистов на протяжении XIX и XX веков были «сделаны многие открытия первостепенной важности» [Макаев 2004 : 17]¹. Э. А. Макаев считает, что усилиями нескольких поколений компаративистов удалось «создать точную и строго дисциплинированную методику исследова-

¹ *Энвер Ахмедович Макаев* (1916-2004) – выдающийся германист-компаративист, который, опираясь на материал индоевропейских языков, дал новое обоснование ряда положений компаративистики и способствовал созданию обобщенной теории сравнительного языкознания.

ния, которая по строгости выбора исходных постулатов, аргументированности научного построения и логичности конечных результатов может с достоинством выдержать сравнение с научной процедурой, применяемой в точных науках. В этом отношении методика сравнительного языкознания может по праву служить эталоном или моделью описания и анализа для любой лингвистической дисциплины» [Макаев 2004 : 20].

Такую оценку поддерживают многие крупные лингвисты: «Метод, испытанный на индоевропейских языках, становится образцом. В наше время, обновлённый, он привёл к новым достижениям» [Бенвенист 1998 : 22].

Вторая макропарадигма – системно-структурная, или *структуральная* пришла на смену компаративизму в начале XX века, когда кризисные явления в компаративистике стали объективным основанием перехода к новой парадигме. Возникновение структурализма как ведущей парадигмы первой половины XX века было обусловлено распространением в естественных науках, а затем и гуманитарных понятий структуры и системы. Большую роль в становлении лингвистического структурализма сыграли феноменологическое направление в философии и школа неопозитивизма, а также бихевиоризм в психологии [Амирова 2000: 7-9].

Кроме этих внелингвистических предпосылок, не меньшую роль сыграли и лингвистические предпосылки. Так, к *собственно лингвистическому предпосылочному знанию* следует отнести прежде всего достижения самого компаративизма в области систематизации генетически родственных элементов в морфологической структуре европейских языков [Березин 1984]. Принципы реконструкции языков требовали создания некоторой языковой системы, к которой возводятся сближаемые языки, поэтому *атомарность* стала восприниматься как тормоз для дальнейших исследований.

Идея системности языка прозвучала в первой книге Ф. де Соссюра «Мемуары о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» [Алпатов 2001]. К предпосылочному знанию структурализма следует отнести и «принципиальный поворот» лингвистов от диахронии к синхронии, от описательности к таксономии языка, что прозвучало как оппозиция компаративизму: У.Д. Уитни и Ф. Боас в США, Г. Сунт в Англии, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба в России, Ф. де Соссюр как предтеча структурализма и др. [Алпатов 2001; Сусов 2003].

Таким образом, основными становятся принципы целостности и системности.

Аксиоматика структурной парадигмы лингвистического знания тесно связана со структурными методами. А. Хилл выявил главный постулат структурной лингвистики – манипулятивность, которая обосновывает возможность проведения анализа языковых сущностей посредством познавательного выделения отдельных элементов из ткани языка и проведения над ними различных «операций». Отсюда выводится одно из следствий основного постулата – *операциональность* лингвистического анализа [Беляевская 2003; 2008 : 65], которая предполагает вычленение отдельных элементов, их изучение и сведение в определённые классы.

На первом этапе структурной лингвистики исследователи работали в основном с фонетическим и морфологическим материалом и только на более поздних этапах развития структуральной парадигмы были разработаны структурные методы изучения значения. Но как и компаративисты, исследователи оперировали в качестве исходного материала отдельным значением слова, выделяя в нем семантические компоненты. Сходство этих двух парадигм заключается ещё в том, что подход к материалу анализа был по преимуществу описательным, а не объяснительным. Неслучайно одно из наиболее мощных направлений структурализма носило название американского дескриптивизма (<лат. *describere* – «описывать»). А различие в том, что в структурализме подход к языковым явлениям был системоцентрическим [Алпатов 1993].

Исходя из этого *целью* лингвистического анализа в рамках структуральной парадигмы являлось разделение языка на подсистемы, содержащие более или менее однородные по своим функциональным свойствам элементы (языковые уровни), а также описание единиц каждого уровня и правил перехода от одного уровня к другому.

Таким образом, «системоцентричный подход структурализма *был шагом вперед по сравнению с традиционным языкознанием*» уже в том, что доструктурная лингвистика апеллировала к интуиции (явно или чаще неявно) едва ли не на любом шаге анализа. Но те же дескриптивисты свели обращение интуиции информанта к строго определённым этапам, а в остальных случаях проводились дистрибутивный или какой-либо иной анализ, *поддающийся проверке*, что особенно важно для описания языков, по строю отличных от родного языка исследователя [Алпатов 1993 : 21]. В структурной парадигме сформировался ряд строгих методов, предназначенных для синхронного статичного описания языка. Благодаря структурализму в языкознание стали проникать математические методы исследования [Сусов 2006 : 227].

Целый ряд структурных методов и сейчас плодотворно используется в работах лингвистов, принадлежавших к самым различным направлениям и в самых различных странах [Амирова 2000 : 9]. Иначе говоря, основные понятия и принципы структурной парадигмы «вошли составной частью в общую теорию языка» [Сусов 2006 : 230].

Однако в рамках этой парадигмы нерешенным остался целый ряд проблем: 1) созданная модель языка была *статичной*, но не *динамичной*, поскольку принцип системности ослабил интерес исследователей к «асистемным» динамическим процессам; 2) методы «разборки» языковой системы на элементы оказались не работающими на «обратный процесс» – восстановление из выделенных элементов исходной сущности, т. е. *языка в непосредственных условиях коммуникации* [Беляевская 2006 : 70]; 3) модель семантики, как указывает Г. Джиори, в этой парадигме строится как *логическая схема*, опирающаяся на представление о референции и об условиях истинности, является излишне жёсткой и схематичной, т.к. ограничивает представление о вариативности и изменчивости значения; 4) процессы изменения значения в ходе исторического развития языка было невозможно понять и объяснить без обращения к

понятию метафоры и других средств образного восприятия действительности, а в структурализме эти явления исключались из лингвистического анализа из-за их «нечеткости» и «неопределённости» [Цитируется по: Беляевская 2008 : 76-77], поэтому данная научная парадигма «не смогла до конца преодолеть замкнутости и зашоренности лингвистического поиска, поскольку исключала из поля своего зрения человека» [Алефиренко 2009 : 19].

*Третья макропарадигма лингвистики – коммуникативно-прагматическая*¹ оформляющаяся в 60-70-е годы XX века, которая потребовала для своего формирования очень широкую интегративную лингвистическую базу: практически всю теорию языка, существующую к этому времени, однако наиболее востребованными оказались три теории: *теория номинации*, *теория референции* и *теория речевых актов* [Сусов 2006; 2007; Гречко 2003; Хроленко и Бондалетов 2006; Михалёв 2008; Алефиренко 2009]. Кроме того, в *предпосылочное знание* для этой парадигмы необходимо было знание формальной структуры языка, сфокусированное прежде всего в *структурализме* и *генеративизме*². Особое значение имеет *открытая* структурно-таксономическая парадигма, которая, несмотря на единый *структурный принцип*, объединила достаточно отдалённые друг от друга направления: с одной стороны, *функционализм* Пражской школы, в рамках которого были сформулированы принципы функционального описания языка, функциональный синтаксис и функциональная стилистика, а также разработан оппозиционный метод анализа, а с другой стороны, таксономизм американского и датского структурализма с их ярко выраженными концепциями релятивной обусловленности языковых единиц.

Основным постулатом данной макропарадигмы является принцип интегративности, синтезирующий *антропоцентричность* и *системоцентричность*, а также *функциональность*, при котором движение исследовательский мысли идёт в направлении: *от функций, значений, коммуникативных целей и намерений* к имеющимся в данном языке средствам, к формальным показателям [Сусов 2007 : 29]. При необходимости могут учитываться и *паралингвистические средства* в вербальной коммуникации [Колшанский 2010].

Принцип интегративности, кроме названных основополагающих постулатов, распространялся ещё и на прагматику³.

Основной единицей вербальной коммуникации является речевой акт – высказывание в его процессуальном аспекте как первый (начальный) уровень

¹ Часть лингвистов не признает эту парадигму: «Думается, что функциональный, коммуникативный, когнитивный, текстоцентрический и прочие *подходы* (выделено мной – З. К.) к языку так и не оформились в парадигмы..., ибо для парадигмы нужно, чтобы она была общей для всякого гуманитарного знания...» [Маслова 2008 : 7]. Полагаем, что этот критерий не является обязательным, поскольку речь идёт о дисциплинарных лингвистических парадигмах. Вполне достаточно, чтобы методы и методика данной парадигмы использовались в разных областях лингвистики.

² Как мы уже говорили, некоторые лингвисты считают генеративизм самостоятельной макропарадигмой, но в нашей концепции генеративную лингвистику *Ноама Хомского* квалифицируем как одну из *парадигм-спецификаторов* в структурной макропарадигме, дающей описание языка в виде формальной модели определённого типа [Михалёв 2008 : 192; Маслова 2008 : 9].

³ Исследования в области лингвистической прагматики имеют интернациональный характер и отличаются исключительной многоаспектностью. Наиболее значимы два направления: 1) исследование прагматического потенциала языковых единиц; 2) изучение взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения и создание коммуникативных моделей.

абстрагирования речевой деятельности человека [Остин 1986; Арутюнова 1988; 1999; Красных 2001; Сёрл 2010]. При этом речевой акт представляет собой трёхуровневое образование: 1) по отношению к используемым в речевом общении языковым средствам – это локутивный акт, т. е. обычный акт «говoreния», построенный в соответствии с *языковым кодом* данного этносообщества, т. е. по правилам грамматики и семантики. 2) по отношению к цели и условиям осуществления процесса общения – это иллокутивный акт, т. е. целенаправленная реализация коммуникативного намерения говорящего; 3) по отношению к результатам коммуникативного взаимодействия – это перлокутивный акт, т. е. превращение высказывания в орудие воздействия на мысли, чувства и поступки слушающих.

Последовательность речевых актов образует дискурс, т. е. связный текст, отражающий некоторое событие «живой» действительности. Начиная своё высказывание говорящий создаёт вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство, включающее коммуникантов, предмет речи, время и место речи, коммуникативное намерение говорящего, коммуникативный регистр и сопутствующие обстоятельства [Сусов 2007 : 37-38].

Таким образом, в целом постулат интегративности предполагает изучение любого лингвистического объекта не в «препарированном виде», а в использовании языка «в действии», т. е. с точки зрения того, как он используется носителем языка в *процессе коммуникации* с позиции *языковой способности человека*.

Следует отметить, что речевая деятельность человека, как справедливо указывает первый психолингвист Западной Европы, создавший психосистематику языка, Гюстав Гийом, начинается не с произнесения слов, предназначенных для выражения мысли, а с более ранней, лежащей в его основании мыслительной операции [Гийом 2004 : 81]. Проследить всю цепочку образования речевого акта – от зарождения замысла до его словесного выражения – позволяет разрабатываемая отечественными психолингвистами теория порождения (кодирования) речи и её понимания (декодирования) на базе теории **мысле-рече-языковой** деятельности человека [Кириянов, Радзиховская 2003 : 3-14].

Четвертая макропарадигма – когнитивизм, когнитивная, когнитивно-дискурсивная, или когнитивно-коммуникативная.

Необычайно то, что даже в названии парадигмы даны четыре номинации. Уже это свидетельствует о том, что данная парадигма в лингвистике формируется в наши дни и до конца ещё не сложилась [Степанов 1991: 4; Кубрякова 1994; Цурикова 2002 : 419; Маслова 2004 : 9; Парадигмы научного знания 2008; Пищальникова, Сонин 2009 : 413; Алефиренко 2009 : 19; Мишанкина 2010 : 3; Голованова 2011 : 6].

В наши дни едва ли можно назвать какое-либо другое направление исследования, вызвавшее и вызывающее такое количество неоднозначных оценок, дискуссий и обсуждений, как когнитивное [Голованова 2011 : 9]. Идеи когнитивной науки и когнитивной лингвистики по-прежнему принимаются далеко не всеми учёными, что признают сами сторонники этого направления [Краткий

словарь когнитивных терминов 1996 : 95-96]. Так, В. Б. Касевич отказывает когнитивизму в статусе новой научной парадигмы потому, что она не внесла никакой новой методики, нового инструментария в современное языкознание, а поэтому «правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует» [Касевич 1988 : 20]. П.Б. Паршин видит в когнитивной лингвистике только совокупность *индивидуальных исследовательских программ*, но нет единого метода, который может применяться другими исследователями, что приводит к невоспроизводимости результатов [Паршин 1996 : 30]. Полагаем, что всё это характерно при становлении любой науки, в том числе и когнитологии и когнитивной лингвистики.

Именно потому до сих пор обсуждается вопрос о «дате рождения» самой *когнитивной науки (когнитологии)* и *когнитивизма* как нового направления: когнитивный поворот в мировой науке относится к концу 50-х – началу 60-х годов XX века [Краткий словарь когнитивных терминов 1996 : 69], то когнитология и когнитивизм¹ – середина 50-х годов (Дж. Миллер, Дж. Бруннер), середина 60-х годов и даже 70-х годов XX века [Там же : 60], но в большинстве авторитетных источников указывается середина 60-х годов XX века.

При этом показателем быстрого становления когнитологии является то, что уже к концу XX и началу XXI веков стало очевидным, что «когнитивная наука – при всей раздробленности её школ – представила миру некую единую научно-теоретическую программу исследований человеческого разума и человеческих возможностей и вовлекла в это исследование представителей разных наук и целые научные сообщества» [Кубрякова 2004 : 4]².

Признано, что в этом сообществе когнитивных наук особое место занимает когнитивная лингвистика: «Язык, – как пишет один из основателей когнитологии Г. Харман, – главная тема в когнитивной науке. Частично это происходит потому, что язык отражает познание, выступая как основное средство выражение мысли, так что изучение языка – это косвенное изучение познания. Возможно также, что язык воздействует на познание, ибо влияет на то, какие есть у неё или него понятия и какие мысли придут в голову ей или ему» [Цитируется по: Кубрякова 2004 : 42]. «Язык, – утверждает У. Л. Чейф, – до сих пор лучшее окно в знание... Язык к тому же наблюдает, поддаётся анализу, и нам хочется думать, что он предлагает неплохую возможность анализировать и знание» [Там же : 43].

Ещё сложнее вопрос с «датой рождения» когнитивной лингвистики³: называются вторая половина 70-х годов XX века [Шарафутдинова 2007 : 321];

¹ Объектом изучения когнитологии, когнитивизма является «человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Эта наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей» [Маслова 2004 : 6].

² См. схему 1, показывающую количество наук, интегрированных когнитологией как «зонтиковой» наукой [Краткий словарь когнитивных терминов 1996 : 4] и см. схему 13 на с. 303 пособия.

³ То, что когнитивная лингвистика – лишь формирующееся направление, обнаруживается и в терминологической её неустойчивости, т.к. одновременно употребляются термины: *когнитивная лингвистика*, *когнитивно ориентированная лингвистика*, *лингвистика как когнитивная наука*; *когнитивные исследования в лингвистике*, *когнитивные процессы в области лингвистики*, *лингвогносеология* (И.Г. Ольшанский) и др. [Пищальникова, Сонин 2009 : 432].

70-е – 80-е годы [Лузина 2008 : 42]; 80-е годы [Краткий словарь когнитивных терминов 1996 : 54] и даже рубеж XIX-XX веков [Беляевская 2008 : 64].

Чем обусловлен такой «разброс» в датировке будет понятно после анализа основных постулатов когнитивной парадигмы [Кубрякова 2000; 2003].

В российской лингвистической науке развивается собственная версия когнитивизма, которую Е. С. Кубрякова предложила назвать когнитивно-коммуникативной, или когнитивно-дискурсивной [Кубрякова 2004 : 325].

Отличия этой парадигмы от других в мировом направлении когнитивизма состоят в том, что в ней «с одной стороны, проявляется отказ от «узкого когнитивизма» с его сосредоточенностью на изучении ментальных репрезентаций и на стремлении связать все программы когнитивной науки с их разработкой и реализацией в виде компьютерных программ. С другой стороны, эта парадигма знания направлена на преодоление ограниченности *коммуникативно-прагматической парадигмы*, где ведущая роль принадлежала теории речевых актов и анализу прагматических установок говорящих и прагматических условий совершения речевых актов» [Лузина 2008 : 43].

В **установки** этой парадигмы входит *постулат* о том, что адекватное познание языка и языковых явлений с когнитивных позиций происходит в двух системах координат, т. е. на пересечении когниции и коммуникации, что обусловлено самой природой, сущностью языка, выполняющих две основные функции – когнитивно-репрезентативную и коммуникативную (дискурсивную) в их единстве, неразрывной связи [Кубрякова 2004; 2008; 2009; 2010], т. к. язык по своему назначению есть *когнитивно-коммуникативная система* [Сусов 2007 : 51].

Поскольку, как уже было отмечено, когнитивно-дискурсивная лингвистическая парадигма, – отмечает Е. Г. Беляевская, – в настоящее время ещё только складывается, трудно достаточно точно говорить о её аксиоматике. В самом предварительном плане можно говорить, что когнитивная лингвистика основывается на постулате **интегративности** (выделено мной – З. К.) [Беляевская 2008 : 76]. Этот постулат был уже назван при характеристике *коммуникативно-прагматической парадигмы*, синтезирующей принцип *антропоцентричности, системоцентричности, функциональности*, то все эти принципы характерны и когнитивно-дискурсивной парадигме, обладающей значительно большей интеграцией, которую совершенно справедливо некоторые исследователи называют **концептуальной интеграцией** [Кубрякова 2004; Ирисханова 2004; Лузина 2008], поскольку идёт интеграция концепций не только теоретической и прикладной лингвистики (сравнительно-историческое языкознание, структурное языкознание, лингвистическая семантика, психолингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, лингвистическая типология, лингвокультурология, теория искусственного интеллекта...) [Маслова 2004 : 21-22], но и *междисциплинарная интеграция*: все когнитивные науки и прежде всего – *когнитивная психология* [Там же : 18].

Вот почему предпосылочное знание когнитивной парадигмы имеет такую широчайшую базу.

В Америке предпосылочной составляющей являются, с одной стороны, достижения генеративизма и бихевиоризма в психологии, а с другой, – преодоление их ограничений и выхода в когнитивные изыскания, прежде всего в когнитивную семантику [Кубрякова 2008 : 12]: «психосемантика У. Чейфа, «процедурная семантика» Т. Винограда, «когнитивная семантика» Т. А. Ван Дейка, Р. Джекендоффа и др.» [Герасимов 1985 : 213; Рахилина 1998 : 276].

В России *предпосылочные знания* оказываются совершенно иными: в психологии огромное влияние оказывают взгляды Л. С. Выготского и А. Р. Лурия; в лингвистике никогда не игнорировалась значимость *семантики* (к примеру, семантические категории В. З. Панфилова, Б. А. Серебрянникова, Ю. С. Степанова, Ю. Н. Караулова, В. Н. Телии, А. А. Уфимцевой и др.), ранней версией когнитивизма здесь становится *ономасиологическое направление*, а также неослабевающий интерес к проблемам соотношения языка и *мышления*, что подготовило почву для рассмотрения этих проблем на новом материале (прежде всего – семантическом) и в условиях особого внимания ко всем познавательным процессам человеческого разума [Кубрякова 2008 : 13], с учётом структурного языкознания [Шарафутдинова 2008 : 321].

Именно **целеполагание** в новой парадигме знания – внимание к *когниции* и *коммуникации* в отечественной версии *функционального направления* – обусловило её название как когнитивно-дискурсивной парадигмы [Там же : 13], в задачу которой входит **построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями** [Маслова 2004 : 12].

А учитывая то, что проблема соотношения *бытия-мышления-языка* ставилась в лингвистике, отечественной и зарубежной, во всех *синтезирующих концепциях*, начиная с В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ... [Зубкова 2002 : 447-454], что так или иначе тоже входит в *предпосылочное знание* когнитивной лингвистики, становится не столько уж удивительным отнесение её формирования «на рубеж XIX–XX веков» [Беляевская 2008 : 64].

Вот такая **концептуальная интеграция** приводит к тому, что для того, чтобы «*объяснить необъясненное, выполнить недостающее*» [Беляевская 2008 : 80] один и тот же объект в когнитивно-дискурсивной парадигме подвергается **многофакторному анализу** [Лузина 2008 : 43], что в свою очередь способствует формированию метода концептуальной интеграции [Ирисханова 2001; Селезнева 2002; Беляевская 2008...].

А пока на вопрос сомневающимся в достижениях этой парадигмы когнитивной лингвистики, когнитивизма в целом можно дать общий и предварительный ответ: «Когнитивизм делает заявку на метод серийного, если угодно «промышленного» решения задач о человеческой мысли» [Демьянов 1994 : 17-33; Маслова 2004 : 7].

Завершим обоснование когнитивно-дискурсивной парадигмы следующими словами¹: «на современном этапе развития науки наблюдается изменение отношения к когнитивной науке (далее – КН) – она получила официальное при-

¹ Выдержка из Вступительного слова к «круглому столу» Института языкознания РАН, посвящённому рассмотрению проблем «Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке», **Елены Самойловны Кубряковой**. Это можно рассматривать как её завещание лингвистам-когнитивистам.

знание... это, конечно, очень радует тех учёных, которые, борясь со скептическим отношением к КН вообще и когнитивной лингвистике, в частности, посвятили свою деятельность делу её продвижения и разъяснения, по крайней мере, в течение двух последних десятилетий. Мы просто должны продолжить эту работу и всячески содействовать её совершенствованию.

Вместе с тем возрастает роль непосредственно когнитивной лингвистики (далее – КЛ) среди других наук когнитивного цикла, происходит утверждение мнения о ней как едва ли не системообразующей дисциплине (выделено мной – З. К.) – наряду с психологией – а, значит, и разъяснение её особого места в когнитивной парадигме научного знания в целом. Это объясняется спецификой роли КЛ абсолютно во всех процессах категоризации и концептуализации мира, осуществляемых людьми – притом как в обыденной их жизни, так и, естественно, в деятельности научной.

Никакое обобщение человеческого опыта было бы невозможно ВНЕ ЯЗЫКА, БЕЗ ЯЗЫКА: от одного человека к другому, а главное, от одного поколения к другому, была бы невозможна ПЕРЕДАЧА и знаний, и умений, и всего накопленного опыта во взаимодействии людей с миром; лишь существуя в виде системы знаков, язык и совершает свою главную задачу» [Кубрякова 2010 : 13].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Что представляет собой *предметный* компонент лингвистического метода?
2. Используя основную и дополнительную научную литературу, подготовьте ответ на вопрос, что такое *языковая действительность*?
3. Обоснуйте многомерную модель языка.
4. Почему *дисциплинарная* и *методологическая* структуры лингвистики составляет единство? Аргументируйте свой ответ.
5. Каково основание дихотомии: *внутренняя лингвистика* – *внешняя лингвистика*?
6. Охарактеризуйте структуру *внутренней лингвистики*.
7. Охарактеризуйте структуру *внешней лингвистики*.
8. Что такое *интерлингвистика*?
9. Обосновано ли выделение так называемой «промежуточной» лингвистики? Обоснуйте своё мнение.
10. Чем занимается *прикладная лингвистика*?
11. Охарактеризуйте взаимодействие *теоретической* и *прикладной лингвистики*?
12. Кто, когда и для чего ввел в науку понятие *парадигма*?
13. Почему уже более полувека продолжается полемика о целесообразности использования понятия *парадигма* в лингвистике?
14. Что нового даёт парадигмальный подход в лингвистике. Обоснуйте своё мнение.

15. Чем обусловлена полемика по проблеме номенклатуры парадигм в лингвистике?
16. В чем состоит новизна и целесообразность введения Н. Ф. Алефиренко понятия *иерархии* парадигм?
17. Каковы признаки (структурные компоненты), предложенные Е. С. Кубряковой, для обоснования наличия какой-либо парадигмы (макропарадигмы)?
18. Обоснуйте сущность *сравнительно-исторической* парадигмы.
19. Обоснуйте сущность *системно-структурной* парадигмы.
20. Охарактеризуйте *коммуникативно-прагматическую* макропарадигму.
21. Как бы Вы квалифицировали антропоцентрическую парадигму?
22. Докажите, существует ли в мировой и отечественной науке *когнитивная* макропарадигма?
23. В чем сходство и различие отечественного и американского (западного) когнитивизма?

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|------------------------------------|-------------------------|---|
| Ажеж 2003 | Вяч. Вс. Иванов 2002 | Кирьянов, Радзиховская 2003 |
| Александрова 2000; 2003 | Гвишиани 2008 | Климов 1981 |
| Алефиренко 2009 | Герасимов 1985 | Когнитивная лингвистика 2007 |
| Алимурадов 2010 | Герд 1996; 2001; 2005 | Когнитивные исследования 2010 |
| Алпатов 1993; 2001 | Гийом 2004 | Кожина 2003 |
| Амирова 2000 | Гируцкий 2005 | Колшанский 2010 |
| Андрющенко 2002 | Глазырина 2010 | Комарова 2006 |
| Антиномии языка 1968 | Голованова 2011 | Комарова, Хасаншина 2009 |
| Антропологическая лингвистика 2003 | Горелов 2003 | Комлев 2003 |
| Апресян 1966 | Городецкий 1983 | Кравченко 2000 |
| Арапов 1988 | Гречко 2003 | Кубрякова 1974; 1994; 1995; 1997; 2001; 2004; 2008; 2009; 2010 |
| Ахманова 1966 | Григорьев 2966 | Кузнецов 1987 |
| Ахутина 1975; 1989 | Гумбольдт 1984; 1985 | Куликова, Салмина 2002 |
| Бабурина 1997 | Демидова 2011 | Кун 1977; 2001 |
| Баранов 2001 | Демьянов 1994; 2008 | Лакатос 2001; 2008 |
| Белоглазова 2008 | Журавлёв 1994; 2000 | Лейчик 2006 |
| Белозёрова, Чуфистова 2004 | Звегинцев 2007 | Лингвистика и межкультурная коммуникация: Проекты программ 2001 |
| Беляевская 2003; 2008 | Зубкова 2002 | |
| Бенвенист 1998 | Иванова 1995 | |
| Березин 2000 | Ильященко 1970 | |
| Бибихин 1993 | Ирисханова 2004; 2009 | |
| Бокадорова 2002 | Камчатов, Николина 2001 | |
| Болдырев 2006 | Караулов 1986; 2004 | |
| Будаев, Чудинов 2008 | Карлинский 2009 | |
| Бурлак 2005 | Касавин 2008 | |
| | Касевич 1998 | |
| | Кибрик 1996 | |

Лузина 2008	Попова, Стернин 2004	Топоров 2002
Лурия 1979	Поппер 1983; 2002	Филлмор 1983; 1988
Макаев 2004	Почепцов 1984	Формановская 1998
Маслова 2001; 2007; 2008	Правикова 2000	Фриман 2004
Мечковская 2001	Прикладная лингвистика 1996	Фрумкина 1995
Михалёв 2008	Рахилина 1988	Холодная 2002
Мишанкина 2010	Селезнёва 2002	Хроленко, Бондалетов 2006
Налимов 2003	Серебренников 1973	Чейф 1975; 1983
Никитина 2010	Серио 2001	Человеческий фактор 1991
Новодранова 2006; 2009	Сёрль 2010	Чудинов 2008
Ору 2000	Соссюр 1999	Шарафутдинова 2008
Паршин 1996	Степанов 1974; 1991; 2002	Шаховский и др. 1998
Пермякова 2007	Суперанская, Подольская, Васильева 2005	Ярцева 2002
Пиаже 1983	Сусов 2003; 2006; 2007	
Пищальникова, Сонин 2009	Толстой 1963; 2001	
Позднякова 2008		



Глава 12

Макропарадигмальные методы и методики лингвистики



Каждый из «больших методов» в лингвистике ... имеет собственную, «первичную» сферу применения, в которой господствует он один и только он даёт наилучшие результаты, и сферу «вторичную», куда он переносится, экстраполируется с меньшим успехом и где он подвергается конкуренции со стороны других методов.

Ю. С. Степанов¹

Описание макропарадигмальных методов и их методик даётся в этой главе в соответствии с хронологией формирования «первичной» сферы применения методов, поскольку именно в ней он господствует и, как указывает академик Ю. С. Степанов, даёт наилучшие результаты исследования.

12.1. Сравнительно-исторический метод и его методики

12.1.1. Лингвистический компаративизм

Перед тем как перейти к общей характеристике метода необходимо остановиться на понимании лингвистического компаративизма (<лат. *comparativus* – «сравнительный»), который в XIX веке выступил в виде двух направлений.

Во-первых, это историко-генетическое направление – сравнительно-историческое языкознание и его сравнительно-исторический метод, который базируется на диахронном подходе к языку и используется при изучении родственных языков. Это компаративистика в узком смысле, обязательно учитывающая при *сравнении* языков фактор *времени (историзм)*, а также зачастую фактор пространства.

Во-вторых, историко-сравнительный метод (исторический метод), как вариация сравнительно-исторического метода [Общее языкознание 1973; Кодухов 1974], который также базируется на принципе *историзма*, но используется для изучения разновременных форм отдельного языка.

Эти оба метода пользуются общим арсеналом методик: «Комплекс этих приёмов входит в равной мере как в методику исторического исследования от-

¹ Степанов 2007 : 285.

Степанов Юрий Сергеевич (р. 1930-2012) – выдающийся отечественный филолог, продолжатель традиций Московской школы, академик, автор многих теоретических работ и учебников по различным аспектам общего языкознания, семиотике, компаративистике («*Индоевропейское предложение*»), романскому языкознанию, культурологии («*Константы: словарь русской культуры*», – 2001), методологии и методики лингвистических исследований. Часть его работ дана в библиографии пособия.

дельно взятого языка, так и в методике сравнительного изучения группы родственных языков – в сравнительно-исторический метод» [Общее языкознание 1973 : 9]. Процедурное сходство обоих методов приводит к тому, что очень часто они не разграничиваются [Хроленко, Бондалетов 2006 : 450].

В-третьих, это типологическое направление, отвлекающееся в определённой степени от факторов *времени* и *пространства*, в которых существуют языки, а потому в этом направлении изучаются любые языки. Обоснование этому типологическому методу дал В. фон Гумбольдт¹.

С середины XX века самостоятельный статус в рамках лингвистической компаративистики приобретает контрастивная, конфронтативная лингвистика, которая занимается сопоставительным изучением двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры [Ярцева 1981; 2002].

Подчеркнём, что генетический и типологический подходы пересекались в деятельности одних лингвистов, а в деятельности других лингвистов либо акцентировалось только *сравнение* ради выявления общих и различительных свойств языков, либо внимание сосредоточивалось на поисках путей происхождения и развития языков, т. е. на *истории* языков [Нерознак 2002 : 487; Сусов 2006 : 151].

В 60-е годы XX века в типологических исследованиях оформляется новое направление – лингвистика универсалий². Типология языков и лингвистика универсалий – это две близкие по интересам области языкознания, составляющие единое исследовательское пространство. Их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга.

Различия связаны с характером наблюдаемой общности: типология изучает взаимосвязанные сходные черты как некоторый тип устройства языков. Лингвистика универсалий стремится обнаружить общие черты, присущие всем языкам или большинству из них [Мечковская 2001 : 19-20].

Причем, если в континентальной Европе наших дней основным направлением межъязыковых исследований является типология, то в США и Англии главенствует лингвистика универсалий [Там же : 21].

Наконец, в-четвертых, следует назвать ещё одно самостоятельное направление лингвистического компаративизма, которое начинает оформляться в начале XX века – это ареальное направление, которое имеет дело со взаимодействием географически контактирующих языков, могущим привести к возникновению языковых союзов [Сусов 2006 : 151].

Таково понимание лингвистического компаративизма в широком значении, которое и принимается в этом пособии.

¹ Этот метод в лингвистике именуют по-разному: типологический, сравнительно-сопоставительный, сопоставительный, характерологический [Зеленецкий 2004 : 4; Алефиренко 2009 : 325].

² *Лингвистические универсалии* (<лат. *universalis* – «общий, всеобщий») – это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), которые имеют место во всех или почти во всех языках мира [ЛЭС 2002 : 535].

При этом самой разработанной областью лингвистического компаративизма, безусловно, является сравнительно-историческое языкознание и его метод, к характеристике которого мы и переходим.

12.1.2. Общая характеристика метода

Как мы уже выяснили, сравнительно-историческая парадигма (компаративизм) была первой научной макропарадигмой лингвистики (см. раздел 11.3), а сравнительно-исторический метод был *первым дисциплинарным* методом исследования языка, до которого использовались лишь философские, логико-философские, общенаучные и частнонаучные методы гуманитарных наук.

Возникновение метода приходится на первое десятилетие XIX века, который на протяжении всего этого века был ведущим методом лингвистики.

При этом возникновение и развитие метода именно в этот период не является случайным: лингвистический компаративизм был подготовлен культурно-историческим, философским и общенаучным контекстом конца XVIII – начала XIX веков.

К основным *экстралингвистическим предпосылкам* следует отнести философское и общенаучное понимание развития: философское осмысление *истории*, как автономной науки (И. Кант, Г. Гегель, Ж. Ж. Руссо...) и *эволюционной теории* (А. Тюрго, Ж. Б. Шеллинг, И. Дарвин...), а также бурный расцвет *естественнонаучного компаративизма*: появление *сравнительной* анатомии, эмбриологии, палеонтологии, геологии и т. п. (Ж. Б. Ламарк, Э. Ф. Сент-Илер, Ж. Кювье); выделение в естествознании в качестве объекта исторического изменения не функции, а *формы*, возрастания роли морфологии как учения о форме.

К основным *лингвистическим факторам* следует отнести наличие к этому времени обширной фактуальной базы по конкретным живым европейским языкам, рост интереса к греческому и латинскому языкам [Лайонз 1978 : 41], иначе говоря, уже существовало значительное *предпосылочное* знание для формирования сравнительно-исторической парадигмы (см. раздел 11.3).

Своеобразным толчком к поиску метода явилось открытие санскрита (древнеиндийского языка) как генетически родственного европейским. В 1786 году английский востоковед и юрист Уильям Джоунз в докладе, прочитанном в Азиатском обществе в Калькутте, пришел к выводу о том, что санскрит обнаруживает с древнегреческим и латинским языками «такое родство как в корнях глаголов, так и их грамматических формах, которое нельзя объяснить случайным совпадением. Это сходство настолько разительно, что каждый филолог, столкнувшись с ним, должен неминуемо прийти к выводу о том, что эти языки имеют общий источник, который, возможно, уже не существует» [Цитируется по: Лайонз 1978 : 42]¹.

¹ Подробнее об условиях, подготовивших сравнительно-исторический метод, можно прочитать: Общее языкознание 1973 : 34-38; Тарланов 1995 : 116-119; Реформатский 1999 : 393-396; Алпатов 2001 : 52-59; Сусов 2006 : 156-161 и др.

Таким образом, временем, состоянием и запросами самой лингвистики было обусловлено открытие сравнительно-исторического метода. Это произошло почти одновременно в ряде стран и независимо друг от друга, что свидетельствует о том, насколько назревшими и современными были идеи, которые предстояло воплотить в метод.

Основоположниками метода заслуженно признаны: Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм и А. Х. Востоков.

Немецкий профессор **Франц Бопп** (1791-1867), который в 1816 году опубликовал работу «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германских языков», которая была первым опытом сравнительного описания именных и глагольных флексий индоевропейских языков, т. е., по выражению А. Мейе, Ф. Бопп «открыл сравнительную грамматику индоевропейских языков» [Мейе 2002 : 449].

Датский учёный **Расмус Кристиан Раск** (1787-1832) в 1818 году опубликовал работу, в которой установил степень родства внутри германских, романских и других индоевропейских языков. Ему принадлежит идея о циклическом развитии языков.

Немецкий учёный **Якоб Гримм** (1785-1863) создаёт первую четырехтомную «Немецкую грамматику» на материале германских языков, первый том которой вышел в 1819 году. В книге он показал историческое развитие отдельных германских языков и выявил закономерности их фонетического развития.

Русский учёный **Александр Христофорович Востоков** (1781-1864) в 1820 году публикует «Рассуждение о славянском языке», содержащее реконструкцию звуковых значений букв Ж (юс большой) и А (юс малый), открыл «тайну юсов» (как писали учёные того времени), но главное в том, что эта работа заложила основы сравнительного славянского языкознания.



Сравнительно-исторический метод – это «система научно-исследовательских приёмов (методик), используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы»¹.

Базовые концепты сравнительно-исторического метода:

- **Архетип (праформа)** – теоретически установленная исходная форма *пра-языка* (фонема, морфема, слово), рассматриваемая как основа дальнейших преобразований. Архетип принято обозначать особым значком – * (астериском <греч. *aster* – звезда), который был введен в научный обиход А. Шлейхером. Например, русская древнейшая форма инфинитива *вести* – * *ведти*.
- **Конвергенция** (от лат. *convergo* – «приближаюсь, схожусь») – сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей, в частности языков, в результате чего могут складываться *языковые союзы*.

¹ См.: Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 58.

- **Генетическое тождество** – регулярное соответствие фонем, морфем, слов в родственных языках, восходящих к общему архетипу, но не совпадающих полностью в момент письменной фиксации. Например: *мать* (рус.) – *мати* (укр.) – *майка* (болгар.) – *мајка* (серб.) – *matka* (чешск.) – *matka* (польск.) [Алефиренко 2009-а : 342].
- **Дивергенция языка** (от ср.-лат. *divergo* – «отклоняюсь, отхожу») – вид языковой эволюции, при которой отдельные диалекты в силу этноисторических обстоятельств тяготеют к обособлению. Так происходит становление новых языков.
- **Генеалогическая классификация** – группировка языков мира на основании определения родственных связей между ними (отнесение их к одной семье, группе), т. е. на основе общего происхождения из предполагаемого *праязыка*. Например, русский язык относится к индоевропейской семье, славянской группе, восточной подгруппе.
- **Праязык (язык-основа)** – реконструируемая абстрактная модель языка, мыслимая как источник возникновения всех родственных языков, составляющих в своей совокупности одну *семью*.
Так, для языков индоевропейской семьи в качестве праязыка принят *санскрит*, а в современных работах компаративистов – *хетто – ливийские/анатолийские языки*.
- **Реконструкция** (от лат. *re* – приставка, означающая возобновление и *constructio* – «построение») – комплекс приёмов и процедур (методика) воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путём исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков.
- **Родство языковое** – общее свойство двух или нескольких языков, заключающееся в том, что их исконные минимально значимые элементы (корневые морфемы и суффиксы) находятся в строго определённых соответствиях, отражающих регулярный характер звуковых преобразований материального фонда, восходящему к общему источнику – *праязыку*.
- **Семья языков** – совокупность всех родственных языков и диалектов (живых и мёртвых), возникших из одного *праязыка*.
- **Языковая группа** – совокупность близкородственных языков и диалектов внутри одной *языковой семьи*. Например, *индоевропейская семья состоит из германской, романской, славянской, балтийский и др. групп*.
- **Языковой союз** – особый тип ареально-исторической общности языков, характеризующийся определённым количеством сходных структурных и материальных признаков, приобретённых в результате длительного и интенсивного контактного и *конвергентного* развития в пределах единого географического пространства.
Термин был предложен Н. С. Трубецким в статье «*Вавилонская башня и смешение языков*» (1923). Идея языкового союза содержится в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ. Примером языкового союза является *балканский языковой союз*, обоснованный также Н. С. Трубецким (1923; 1928).

➤ **Этимон** (греч. *etymon* – «исходный, первичный») – первичное значение и форма слов *генетического тождества*. Например, *щи* – букв. ‘сочные’.

Начиная с 1816 года сравнительно-исторический метод прошел длительный процесс совершенствования и развития, «триумфально распространяясь по всему миру как одна из самых авторитетных и влиятельных отраслей лингвистического знания и методологии, в создании которых принимали деятельное участие сотни блестящих умов из многих стран» [Тарланов 1995 : 119].

Почти в двухсотлетней истории открытия, становления и совершенствования сравнительно-исторического метода выделяются несколько периодов, критерии выделения которых у разных учёных не совпадают.

Наиболее привлекательной является периодизации выдающегося отечественного компаративиста Энвера Ахмедовича Макаева (базируется на концепции парадигмы науки Томаса Куна), выделившего в сравнительно-исторической макропарадигме четыре частные парадигмы [Макаев 2004 : 23-32].

Первый этап (1816-1850) – это незавершённая парадигма, т.к. зачинатели метода решили лишь ограниченную задачу – проблему происхождения глагольных и именных флексий, т. е. нашли «релевантные критерии» для выявления регулярных соотношений [Общее языкознание 1973 : 14], но на этом этапе не были ещё разработаны строгие приёмы и последовательность их применения к исследуемому материалу.

Второй этап (50-е–60-е годы XIX века) – завершённая парадигма *Августа Шлейхера* (1821-1868), который издал значительное количество работ. Самый большой его труд «*Компендиум¹ сравнительной грамматики индоевропейских языков*» (1861), который «знаменует новый этап в развитии метода» [Макаев 2004 : 25]: 1) в нем впервые детально разработана методика внешней реконструкции; 2) установлено понятие исходного языкового состояния – *праязыка*; 3) предвосхищена методика внутренней реконструкции, обоснованной позже; 4) благодаря введению понятия праязыка и последовательной методики его реконструкции, появилась возможность представить сравнительную грамматику индоевропейских языков как цепочку непрерывной эволюции исходного состояния. История индоевропейских языков объяснялась А. Шлейхером на основе концепции родословного дерева, которая основана на том, что развитие языков, как и развитие животного и растительного мира, идёт только одним способом: языки и языковые группы могут какое угодно число раз дробиться, отдельные ветви могут «отсыхать», языки расходятся, но не сходятся.

Главными законами развития языков А. Шлейхер считал дарвиновские законы борьбы за существование и естественного отбора.

Как видим, многое в построении А. Шлейхера было слишком прямолинейным и натуралистическим, однако он не только расширил эмпирический материал, привлекаемый для исследования, но и шлифовал сам метод. Сохранились и принципы построения генетической классификации языков, им сформулированные [Алпатов 2001 : 78].

¹ Компендиум от лат. *compendium* – «сокращенное изложение».

Третий этап (с 70-х годов XIX века по 1910 год), когда завершённая парадигма А. Шлейхера замещается завершённой парадигмой младограмматиков: Август Лескин (1840-1916), Герман Остхоф (1847-1909), Карл Бругман (1849-1919), Герман Пауль (1846-1921), Бертольд Дельбрюк (1842-1922)¹.

Эти немецкие учёные восприняли идеи А. Шлейхера, концепцию развития языков, в том числе понятие *языкового закона*, но полностью отказались от его стадийных концепций и от идеи «распада» языков. Фонетические, морфологические и синтаксические факты разных индоевропейских языков непосредственно, однолинейно проецировали на праязык без учёта «временной иерархичности и ареальной дистрибуции подлежащих реконструкции явлений», а потому младограмматическая процедура реконструкции оказалась эклектичной [Макаев 2004 : 28].

Но благодаря деятельности младограмматиков расширяются эвристические возможности метода: он рассматривается и используется не только как средство реконструкции праязыковых состояний, но и как надёжный инструмент для выяснения закономерностей в истории развития родственных языков. Так, книга Г. Пауля *«Принципы истории языка»* оказала значительное влияние на русских компаративистов [Алпатов 2001 : 103]. Потому в целом резкая критика принципов историзма младограмматиков не может считаться корректной [Тарланов 1995 : 123].

Четвёртый этап (с 20-х годов XX века) – современная парадигма, которая является незавершённой и эмоционально оценивается Э. А. Макаевым как «период утраченных иллюзий и больших ожиданий» [Макаев 2004 : 28].

Такая парадоксальная оценка свидетельствует о том, что в наши дни, с одной стороны, сравнительно-исторический метод не стал уже единственным, основным дисциплинарным методом языкознания, т. е. он вступил во «вторичную» сферу применения (по Ю. С. Степанову).

Однако, с другой стороны, он продолжает активно использоваться и развиваться за счёт синтеза с другими методами: во-первых, самой компаративистики (типологическим, историко-сравнительным, лингвогеографическим); во вторых, с другими дисциплинарными методами лингвистики (структурным, описательным, квантитативным, методом моделирования, вероятностным...) [Степанов 2002; 2007; Нерознак 2002; Топоров 2002], в-третьих, с методами гибридных уровней методологии (семиотическим, системным, герменевтическим, синергетическим) и, наконец, с методами всех методологических уровней.

А потому нет сомнения, что «в опоре на своих великих предшественников современные компаративисты достойным образом довершают построения парадигмы сравнительного языкознания» [Макаев 2004 : 218].

12.1.2. Методика внешней реконструкции

¹ В России последователями младограмматической традиции были академик Филипп Федорович Фортунатов (1848-1914) и его ученик Алексей Александрович Шахматов (1864-1920).

Цели и задачи:

1. Установить первоисточник (праязык) всех родственных языков и диалектов данной группы или семьи.
2. Изучить законы дивергентного развития и возникновение письменно зафиксированных языков от гипотетического языка-основы.
3. Воссоздать модели праязыковых состояний отдельных семей и групп родственных языков мира.
4. Создать генетическую (генеалогическую) классификацию языков мира.

Объект, на который направлена методика, – родственные языки.

Предмет – межъязыковое сравнение родственных языков (живых и мертвых, литературно-письменных и разговорно-диалектных).

«Два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше...» [Мейе 1938 : 50].

Из этого определения А. Мейе следует, что **аксиомой** для внешней реконструкции, как впрочем и для всего сравнительно-исторического метода в целом, является признание того, что материальное родство языков является результатом общности их происхождения и все родственные языки восходят к одному и тому же языку-основе, который по традиции называют праязыком¹.

Эта аксиома обуславливает *второе допущение*: языки, образовавшиеся в результате распада одного языка-основы, связаны регулярными звуковыми и морфологическими соответствиями², что позволяет их *сравнивать*, а сравнение, как считал А. Мейе, – «единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков» [Мейе 1938 : 18]. А. А. Потебня полагал, что «мысль о *сравнении языков* есть для языкознания такое же великое открытие, как идея человечества – для истории» [Потебня 1989 : 55]. Эти оценки обусловлены действительно эвристической мощностью этого философско-общелогического метода (см. раздел 7.4).



Сущность внешней реконструкции состоит в межъязыковом генетическом отождествлении для установления закономерностей развития родственных языков через восстановление языкового состояния периода, не зафиксированного памятниками письменности.

Наш видный отечественный компаративист Т. В. Гамкрелидзе это интерпретирует так: «Реконструкция праязыковой системы достигается путём сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путём ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию»³.

¹ Для компаративистов 2-го и 3-го периода праязык постепенно делается не искомым, а техническим средством. См. работы А. Мейе.

² В учебнике А.А. Реформатского (1999) на с. 406 дана таблица фонетических, морфологических и лексических соответствий в разных индоевропейских языках.

³ Гамкрелидзе Т.В. Языковое развитие и предпосылки сравнительно-генетического языкознания // Литература, язык, культура. – М., 1986. – С. 205.

Общая процедура внешней реконструкции складывается из ряда этапов и технических приёмов:

- отбор материала для сравнения;
- установление ряда сравниваемых единиц и их отождествление;
- установление относительной хронологии фонетических и морфологических изменений;
- реконструкция архетипа.

Формула последовательности процедур: Этимология¹ → Соответствия в лексике → Соответствия в корнях и аффиксах → Соответствия грамматических систем → Соответствия фонетические → Фонетические законы [Михалёв 2008 : 87]

Детально технология проведения внешней реконструкции описана в ряде источников [Общее языкознание 1973 : 9-83; Кодухов 1974 : 254-259; Семереньи 2002 : 15-27; Тарланов 1995 : 126-127; Макаев 2004 : 100-190; Алефиренко 2009-а : 340-345; Карлинский 2009 : 38-43 и др.].

Таким образом, при помощи методики внешней реконструкции можно реконструировать прасостояние языков, не зафиксированных в письменных источниках, а затем проследить дивергентные процессы, приведшие к возникновению родственных языков. «Это выдающееся достижение лингвистической мысли не утратило своей важности и в настоящее время» [Карлинский 2009 : 43].

12.1.4. Методика внутренней реконструкции

Цели и задачи:

1. Выявить законы исторического развития конкретного языка на основе данных письменных источников.
2. Установить остаточные формы и аномалии, отражающие особенности соответствующего языка в дописьменный период, или выявить новые формы, которые возникли в результате языковых контактов (заимствования).
3. Объяснить современное состояние языковой системы как результата определённых исторических изменений и установить время и причины этих изменений.

Объектом, на который направлена методика, является любой язык в его исторической перспективе.

Предмет – разновременные формы какого-либо языка, фиксирующие разные периоды развития одного и того же языка.

К основным концептам компаративистики (см. раздел 12.1.2) следует добавить ещё один: **периодизация** (<греч. *periodos* – «круговращение») – установление промежутков времени, в течение которых сохраняется устойчивость явлений языковой системы.

¹ Сведения об этимологии и методика этимологического анализа будет дана в соответствующем разделе (14.2.2) пособия.

В индоевропейских языках обычно выделяют три периода: *древний, средний и новый*.



Сущность методики заключается в том, что сравнивая между собой разные периоды относительной устойчивости какого-либо языкового явления (звука, корня, формы, слова...) на основе внутриязыкового сравнения, можно решить поставленные задачи.

При этом методика внутренней реконструкции будет эффективной только **при условии**, что исследуемые периоды находятся в отношении *генетической общности*, например, латинский язык и народная латынь; народная латынь и романские языки; современный немецкий язык и древневерхненемецкий и средневерхненемецкий языки; древнерусский (восточнославянский) язык и современный русский, украинский и белорусский языки и т. д.

Вот почему многие лингвисты – Г. А. Климов, Б. А. Серебрянников [Общее языкознание 1973], А. Мейе, Ж. Вандриес, Вяч. Вс. Иванов, В. П. Нерознак, Т. В. Гамкрелидзе, Э. А. Макаев и др. – считают методику внутренней реконструкции второй разновидностью сравнительно-исторического метода.

Отметим, что восстановление древних форм по этой методике проводится не с ориентацией на праязык, а путем интерпретации фактов, относящихся к синхронно взятым состояниям исследуемого языка.

Поясним это методологическое основание примером. В русском языке второй согласный звук корня глагола *печь* чередуется с *к*: *пеку, пекут*, но *печешь*. Выделяются условия, вызвавшие историческое чередование *к//ч*, и реконструируется древняя форма **рек-* [Тарланов 1995 : 127].

При этом в данной методике используются два приёма.

Первый приём – внутренняя ретроспекция (<лат. *retro* – «назад» + *spec-tare* – «смотреть») связан с обращением вспять, т. е. от современного состояния для определения характера и времени изменений к более древним периодам.

Приведённый пример с объяснением исторического чередования *к//ч* получен путём приёма ретроспекции.

Второй приём – внутренняя проспекция (<лат. *pro* – «вперед» + *spec-tare* – «смотреть») связан с анализом вперед по оси времени, начиная от самой древней формы, зафиксированной в письменных источниках, к современной.

Например, др. англ. *gōs-gōsi* («гусь-гуси») > ср. англ. *gōs-gose* (умлаут с утерей огубления) > совр. англ. *goose-geese* (сужение долгих гласных /ō>ū/ и /ē>ī/) [Карлинский 2009 : 46].

Концепция и приёмы внутренней реконструкции начали складываться в конце XIX века (реконструкции в процессе исследования древнеиндийского языка немецким учёным Я. Ваккернагелем), но окончательно сложились только в четвертый, современный период компаративистики и были обоснованы Ежи Куриловичем¹ и Антуаном Мейе¹, которые учитывали идеи структурно-системного и типологического подходов к языкам.

¹ *Ежи Курилович* (1895-1978) – польский языковед, представитель лингвистического структурализма, который находился под влиянием идей И. А. Бодуэна де Куртене, идей Пражского лингвистического кружка (школы) и

Занимаясь исследованиями семитских языков, реконструкцией индоевропейского ударения, подтвердив историческую реальность ларингальной гипотезы Ф. де Соссюра, Е. Курилович обосновал методику внутренней реконструкции², концепция которой изложена в книге Э. А. Макаева [Макаев 2004 : 27], но признана им ущербной [Там же : 67].

Основным недостатком этой методики Э. А. Макаев считает её *статичность* и призывает компаративистов приложить все усилия к тому, чтобы создать новую, *динамическую реконструкцию* [Там же : 217-218].

Однако эта критика известного компаративиста с позиции прогностики не исключает «плодотворность внутренней реконструкции как важнейшего приема сравнительно-исторического метода, что подтверждается содержанием исторических грамматик отдельных индоевропейских языков» [Тарланов 1995 : 128].

Кроме того, методика внутренней реконструкции является основной методикой историко-сравнительного, или исторического метода, и этим она содействовала становлению этого метода как самостоятельной вариации сравнительно-исторического метода.

Отметим, что наряду с методикой внутренней реконструкции, в историческом методе используются ещё методики: 2) поэтапной хронологизации языкового материала; 3) методика лингвогеографии (диалектографии); 4) методика культурно-исторической интерпретации и 5) методика текстологии [Алефиренко 2009 : 348-352].

12.1.5. Методика относительной хронологии и глоттохронологии

Важным условием межъязыкового и внутриязыкового сравнения является учёт *древнейшей фиксации* языковых явлений. Но точное время фиксации языковых явлений установить нельзя, поскольку древнейшие состояния в памятниках вообще не зафиксированы, а промежуточные звенья в ряде случаев утрачены. Потому в компаративистике большое значение придаётся установлению *относительной хронологии* языковых явлений, что и является **целью** методики относительной хронологии.



Сущность методики относительной хронологии состоит в том, что путём изучения распространения и значимости в системе

глоссематики. В своих исследованиях он базировался на синтезе структурализма и компаративизма (в нем – типологического метода).

¹ *Антуан Мейе* (1866-1936) принадлежал к школе Ф. де Соссюра, был признанным главой французской лингвистики и был компаративистом широкого профиля, который во многом учёл критику младограмматизма (см.: Алпатов 2001 : 92-105) и «диссидентов индоевропеизма» [Алпатов 2001 : 106-113], много сделал в направлении строгости и тщательности процедур реконструкции. Из его огромного наследия (24 книги и 540 статей) в пособии приводится только его книга «*Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*» (1911), которая многократно переиздается в разных странах на разных языках. В ней А. Мейе предложил уточнить внутреннюю реконструкцию филологической методикой, которая состоит в изучении текстов памятников письменности и выбора из них изучаемых языковых явлений и форм [Мейе 1938].

² Е. Курилович на IX Международном конгрессе языковедов в Осло прочитал доклад «*О методах внутренней реконструкции*».

языка двух явлений устанавливается, какое из них является более древним, т. е. предшествовало другому.

Например, в исторической грамматике русского языка эта методика использовалась для выявления, какая из трех палатализаций заднеязычных согласных (г, к, х) была первой, какая второй и третьей.

Эта методика широко используется при установлении подлинности памятников письменности, датировки периодов развития языков и т. д.

Иначе говоря, эвристический потенциал этой методики значителен, потому она все время уточнялась. Одной из более совершенных в компаративистике считается методика глоттохронологии (от греч. *glotta* – «язык» + *chronos* – «время» + *logos* – «учение»), предложенная в 30-х годах XX века американским лингвистом и этнографом Моррисом Сводешом.

Цель методики состоит в выявлении скорости языковых изменений для определения на этом основании времени разделения (дивергенции) родственных языков и степени близости между ними.

Сущность концепции глоттохронологии заключается в ряде теоретических постулатов, сформулированных Моррисом Сводешом. Он исходит из допущения об изменчивости основного словарного запаса языка (*basis dictionary*) с *постоянной скоростью*, что в свою очередь обуславливается сложностью самого языка и исключительной ролью, выполняемой им как универсальным коммуникативным средством.

При этом в качестве опорного лексического базиса берутся, как это принято в компаративистике в целом, слова, обозначающие «предметы, которые встречаются повсеместно и известны каждому члену общества, а не только специалистам и учёным. Более того, они должны обозначать легко распознаваемые общие понятия, к которым нетрудно найти соответствия среди простых слов в большинстве языков» [Сводеш 1960 : 38].

Техническая сторона методики состояла в том, что составив опытный словарь, состоящий из 200 таких слов, (но он может быть больше или меньше!) и который изменяется, как постулировалось, с постоянной скоростью на 15-18% за тысячу лет, Сводеш предложил остроумную методику *лексикостатистической* датировки доисторических процессов в родственных языках: если какие-то языки сохраняют к соответствующему этапу истории 81-85% опытного словаря, то со времени языковой дивергенции прошло тысячелетие; если они сохраняют около 66% (вторая ступень датировки), то дивергенция родственных языков осуществилась за 2 тысячи лет и т. д. [Сводеш 1999].

С помощью этой методики были получены конкретные результаты по дивергенции родственных языков, которые позже были подтверждены другими методами. Например, славянские языки разошлись примерно полторы тысячи лет назад; русский и английский разошлись около пяти тысяч лет назад и т. д. [Общее языкознание 1973 : 86-89; Хроленко, Бондалетов 2006 : 455-457 и др.].

Однако эта методика даёт лишь приблизительные результаты, потому были многочисленны попытки уточнения методики. К примеру, американский

лингвист Роберт Лиз предложил формулу, по которой можно определить наименьшее время разделения двух родственных языков:

$$t = \log C : 2 \log R,$$

где C – доля совпадающих слов в основном списке; R – коэффициент, характеризующий степень сохранности основного списка за интервал времени ($R=86\%$); t – время разделения двух родственных языков.

Эта формула была использована М. Сводешом для определения дивергенции языков [Сводеш 1999 : 30-33].

Уточнение методики дает А. Ф. Журавлёв, предложивший опору на сплошное статистическое обследование праславянского языка [Журавлёв 1994] и многие другие исследователи.

В наши дни признаётся, что эта методика небезупречна, поэтому одни исследователи подвергают её критике, а другие полагают, что при продуманном применении она является «вполне эффективным инструментом, расширяющим возможности компаративистики как науки» [Тарланов 1994 : 130].

12.1.6. Методики лингвистической экстраполяции

В истории философии, науковедения и конкретных наук существуют полярные мнения об экстраполяции (переносе знания из одной предметной области в другую, часто более широкую): от резкого неприятия как заблуждения до полного отождествления с операцией переноса любого знания вообще, т. е. «вседедуктивизма».

Однако в наши дни экстраполяция понимается как философско-общелогический метод, вполне правомерный, если следовать определённым правилам переноса знаний (В. А. Славин, А. Турсунов, А. И. Уемов...)¹.

Применительно к сравнительно-историческому языкознанию необходимость экстраполяции была обоснована во второй период компаративизма А. Шлейхером.



Концепция методики заключается в том, что гипотетически восстанавливая те или иные языковые формы, отдалённые от нас многими веками и даже тысячелетиями, лингвисты исходили из *допущения*, что законы существования и развития древних и современных языков одни и те же. На этом постулате базируется вся исследовательская практика межъязыковых и внутриязыковых реконструкций индоевропейских языков.

Но поскольку речь идёт о распространении свойств языковых моделей одной эпохи, выявленных в результате анализа реальных фактов, на конструируемые модели, то лингвистическая экстраполяция таит в себе опасность смещения онтологического и гносеологического уровней [Тарланов 1995 : 128; Макаев 2004 : 194].

¹ См. описание этого метода в разделе 7.4 пособия.

В связи с этим Э. А. Макаев всю четвертую главу своей монографии посвящает анализу ошибок в сравнительно-исторических исследованиях, обусловленных этой причиной.

«Элементарным правилом строгого лингвистического анализа, – предупреждает он, – является жесткое разграничение реальных языковых данных и наших гипотез и конструктивных предположений по поводу этих данных» [Макаев 2004 : 194].

Надежность и эффективность лингвистической экстраполяции тесно связана как с общей типологией языка, так и с внутренней историей развития соответствующих языков. На этом основании устанавливается ещё одно правило лингвистической экстраполяции: можно экстраполировать явления одного языкового среза или явления одного уровня определённой языковой семьи на явления того же уровня другой языковой семьи лишь тогда, когда они отвечают условиям *типологического тождества* [Там же : 204]. Например, учёт данных монгольских языков при построении сравнительной грамматики тюркских языков.

В заключение Э. А. Макаев останавливается на вопросе, в какой мере теоретические посылки и постулаты, обоснованные на материале индоевропейских языков, являются императивными для других языковых семей? Или каждая языковая семья требует своей собственной методики?

Ответ его положительный: «методика сравнительно-исторического языкознания, разработанная на материале индоевропейских языков, может с полным правом претендовать на универсальный характер» [Макаев 2004 : 208], т. е. экстраполироваться на другие языковые семьи при соблюдении определённых принципов и правил.

12.1.7. Типологический метод и его методики

Отметим сразу парадоксальность ситуации в наши дни по проблеме типологического метода.

С одной стороны, типологический метод интуитивно используется очень давно: элементы, истоки типологического анализа так же уходят в глубокую древность, как и сама наука о языке. Создавались синхронно-описательные классификации разных языковых средств, что со временем становится универсальной процедурой описания самых разных языков. Это привело к пониманию, что все языки в принципе устроены одинаково. Эта идея нашла свое завершённое воплощение в универсальной философской «*Грамматике Пор-Рояля*».

Многовековая традиция изучения иностранных языков опиралась на сравнение чужого языка с родным, что по сути и есть практический сопоставительный метод в зачаточном состоянии.

Социально-культурный контекст конца XVIII века, как мы уже говорили (см. раздел 12.1.2) обусловил возникновение и формирование в начале XIX века компаративизма, с зарождением которого типологические разыскания и характеристики переводятся в русло генетических объяснений, проецируясь на вос-

создание картины становления *языка вообще*. Именно в это время французский лингвист Ж. Вандриес в книге «*Язык*» пишет: «Существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу» [Вандриес 1937 : 217].

Именно одновременно с формированием сравнительно-исторического метода оформляется концепция типологического метода, основанием для которого стало убеждение в том, что все языки мира при всем их внешнем разнообразии изоморфны, т. е. в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы.

Первые типологические классификации (Ф. Бопп, А. Шлейхер, братья Шлегели) были сравнительно-историческими. Но затем из двух типологических направлений *шлейхерианского* (эволюционного, генетического) и *гумбольдтианского* (таксономического) – второе направление оказалось более жизненным в современной типологии [Общее языкознание 1973 : 235], потому В. фон Гумбольдт и признан основоположником типологического метода.

Но с другой стороны, до наших дней сохранилось справедливое мнение чешского лингвиста В. Скалички, что типология – самый древний, хотя и менее других разработанный раздел языкознания¹. Так, Б. А. Успенский пишет, что «типология систем ещё мало разработана»². Б. А. Серебренников, говоря о трудностях описания методов лингвистики, указывает, что метод типологических исследований находится в стадии эксперимента [Общее языкознание 1973 : 6].

«Общая неразработанность проблем типологии и типологического метода во многом обусловлена тем, что до сих пор нет общепринятого определения целей и задач этого подхода к изучению языка», считают А. Т. Хроленко и В. Д. Бондалетов уже в этом веке [Хроленко, Бондалетов 2006 : 463].

Этому есть объективные причины: *лингвистическая типология* – самый сложный раздел макролингвистики, поскольку она исходит из некоей идеальной, гипотетической модели человеческого языка вообще, которая строится в теории языковых универсалий и ищет пути, какими конкретные знаки реализуют общие закономерности своих систем [Сусов 2007 : 312].

Иначе говоря, лингвистическая типология и лингвистический универсализм являются *высшими уровнями* исследований в современной лингвистике [Сусов 2007 : 320].

Итак, несмотря на то, что, возникнув в начале XIX века, типология языка не сходила с научной сцены весь XX век, а в новом веке число работ по типологии языков даже возросло [Хроленко, Бондалетов 2006 : 113], в силу названных причин в доступной нам научной литературе не оказалось дефинирования типологического метода в его цельносистемном аспекте при синтезе типологического и универсологического подходов.

¹ Скаличка В. О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М., 1963. – С. 19

² Успенский Б. А. Структурная типология языков. М., 1963. С. – 28

Потому пойдём иным путём, чем при описании сравнительно-исторического метода: от **принципов исследования** (онтологических и эпистемологических оснований типологий) к его дефинированию.

Для выявления эпистемических оснований метода, **принципов анализа**, обратимся к докладу выдающегося слависта и типолога Романа Осиповича Якобсона «*Типологические исследования и их значение для сравнительно-исторического языкознания*», прочитанного им на VIII Международном конгрессе в Осло (1965).

Основные положения сводятся к следующему:

- современное языкознание не может не учитывать значение типологических исследований, поскольку в самых различных языках наблюдаются явления *изоморфизма*;
- генетический метод имеет дело с родством языков, а ареальный – с их сходством (сродством);
- в отличие от родства и сходства, изоморфизм не включает в себя ни *фактора времени*, ни *фактора пространства*: изоморфизм может объединять различные состояния языка или же две фазы различных языков независимо от того, существуют ли они одновременно или разделены временем, являются ли сравниваемые языки смежными по территории, родственными или не родственными;
- основой типологического исследования является не *инвентаризация* элементов языка, а *анализ его систем*; для того чтобы понять систему, недостаточно простого перечисления её компонентов, а типологическое сравнение различных систем должно учитывать сложную иерархию элементов, образующих систему, поэтому лингвистическая типология, базирующаяся на *произвольно выбранных* особенностях, не может дать положительных результатов.
- типология вскрывает *законы импликации*, лежащие в основе той или иной структуры, согласно которым присутствие одного элемента *предполагает* присутствие или отсутствие другого;
- универсалии только в том случае приобретают действительную ценность, если будет доказана *причинность* её появления в определённых условиях¹.

К названным **принципам** типологического метода следует добавить ещё несколько новых или не новых, но уточняющих представления типологов «первой волны».

1. Типологией схватываются такие языковые явления, которые отмечены общностью либо структуры, либо отношений, либо функций, либо какими-то их сочетаниями [Тарланов 1995 : 166; Хроленко, Бондалетов 2006 : 465; Алефиренко 2009-а : 346; Карлинский 2009 : 71 и др.], т. е. «сериями системно связанных между собою явлений» [Мечковская 2001 : 31], составляющих типологические сходства языков, которые положены в основу языкового типа.

¹ Изложено по: Общее языкознание 1973 : 90-91.

2. Типологический фактор сходства языков самый широкий и общий, проявления которого носят самый общий и вероятностный характер: это *всё те возможности языка, которые «разрешены» природой человека* [Мечковская 2001 : 30; Сусов 2007 : 312].

3. Многочисленные и разнообразные типологические сходства языков, которые систематизируются по двум дифференциальным признакам: 1) степень распространённости данного явления в языках мира и 2) системный или атомарный характер наблюдаемого сходства, классы которых носят градуальный характер: 1) **универсалии**¹ – общие для всех языков (всеобщие); 2) **почти универсалии, статистические универсалии** – это универсалии, для которых известны один или два языка-исключения; 3) **фректалии** (<лат. *frequens* – частый) – встречаются в меньшем количестве языков, но чаще, чем типологические закономерности; 4) **типологические закономерности** – это сходство, наблюдаемое хотя бы в двух языках [Мечковская 2001 : 45] и 5) **уникалии** – те признаки, которые характерны лишь одному языку, принадлежащие к типологии только в широком смысле [Общее языкознание 1973 : 236], что обуславливает множественность типологических направлений.

4. В основу типологического метода положена идея языкового типа, поэтому в лингвистике принято терминологически отграничивать собственно типологию от всех других видов *систематизации языков*. При этом собственно типология имеет *множество направлений*, обусловленных 1) градуальностью типологических сходств языков; 2) множественностью целей исследования, например, А. Б. Михалёв называет четыре цели [Михалёв 2008 : 215], другие исследователи – ещё больше; 3) множественностью объектов и предметов исследования (Общее языкознание 1973; ЛЭС 2002; В. П. Нерознак 1986; В. Н. Ярцева 1986; Лингвистическая типология 1985; Климов 1981; Языковые универсалии и лингвистическая типология 1969; Кибрик 1989; Литвинов 1989; Карлинский 2009 и др.); 4) множественностью моделей типизации; 5) множественностью способов построения типологической классификации; 6) множественностью представления результатов типологизирования с прагматической позиции.

Таким образом, эти основные факторы обусловили множество **видов типологий**. Так, в «Путеводителе по лингвистике» А. Б. Михалёв выделяет четыре вида типологий:

- *функциональная* (социолингвистическая): язык как коммуникативное средство;
- *структурная*: язык как система;
- *формальная*: только план выражения языка;
- *контенсивная*: семантические категории языка и способы их выражения [Михалёв 2008 : 215].

¹ См. работу И.Ф. Хоккета: Хоккет. Проблема языковых универсалий //Новое в лингвистике. – Вып. V. – М., 1970. – С. 64-76. Показано, что универсалии также градуируются; например; 1) *У любого человеческого языка есть традиции*, но 2) *если в языке есть система гласных, то в этой системе есть противопоставления по высоте подъема языка*; 3) *основное противопоставление классов форм «имя – глагол» является универсальным* и т. д.

В статье «Типология» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» видный отечественный типолог Виктор Алексеевич Виноградов, обобщая существующие виды типологий, называет 17 её видов: *структурная, функциональная, контенсивная, классификационная, таксономическая, инвентаризационная, контрастивная, характерологическая, конфронтативная, универсологическая, общетипологическая («цельносистемная»), фрагментарная, квантитативная, стилистическая, синхроническая и диахроническая*¹.

Из этого следует наличие множества видов и разновидностей типологического метода, обусловленных политипологизмом языка (термин Т. Милевского) и иерархичностью политипологизма языка (термин Б. А. Серебренникова).

В этом пособии сделана попытка охарактеризовать общетипологический метод как единство, по А. Е. Карлинскому, *сравнительного и типологического* методов [Карлинский 2009 : 71]. К этому мы ещё считаем необходимым добавить, как уже сказано, единство типологического и универсологического подходов.

5. Для общетипологического метода является релевантным разграничение языкового типа («типа языка») и «типа в языке», по В. А. Виноградову [Виноградов ЛЭС 2002 : 512], т. е. «класса языков».

6. Для выявления специфики типологического метода является релевантным экстраполяция философско-общелогического метода (см. раздел 7.4 пособия) сравнения в дисциплинарный (лингвистический) как «наиболее универсальный способ исследования материала языка» [Ярцева 1967; 1981], а затем – в типологическое сравнение, которое, по мнению Т. Милевского, начинается там, где кончается описательное исследование, естественным продолжением которого становится типология [Цитируется по: Общее языкознание 1973 : 231]. Сущность типологического сравнения хорошо представлена в таблице А.А. Зеленецкого [Зеленецкий 2004 : 18].

Таблица 10

Способы сравнения языков

Характер сравнения	Характер языка	Число языков	Характер выводов
Нетипологическое (генетическое, ареальное)	Конкретный	Не менее двух	Частные
Типологическое сравнение	Любой язык–объект	Все, но не менее одного	Общие

¹ Следует отметить, что типологи одни из названных видов признают, другие не признают. Например, *характерологическую* типологию многие лингвисты признают как вид типологии или как направление, другие – не признают (например, Ю. В. Рождественский). *Контрастивную* и *конфронтативную* типологии одни типологи считают различными (например, А. А. Зеленецкий и Р. Штернеманн), другие нет (например, А. Е. Карлинский) и т. п.

7. Типология по своему существу панхронична (внеисторична) и провозглашает это в качестве одного из основных принципов [Якобсон 1963; Виноградов В. А. 1973 : 234; Тарланов 1995 : 167 и др.].



Итак, типологический метод, в его научно-исследовательских методиках и приёмах, состоит в том, чтобы через типологическое сравнение установить, каким образом реализуются всеобщие и общие свойства (изоморфизм) языка как атрибута человека и человеческого общества в многообразии языков мира (их алломорфизме) для создания типологических классификаций и типологических характеристик языков на базе языковых типов и типологических сходств языков.

Цель: установить, как реализуются всеобщие (общие) свойства языка (изоморфизм) в многообразии языков мира (их алломорфизме) для создания типологических классификаций и типологических характеристик языков.

Задачи:

1. Установить типологически значимые признаки (в структурах или социальном бытии языков).
2. Установить типологические сходства (степень изоморфизма) и языковые типы.
3. Выявить языковые классы.
4. Построить типологические классификации языков (языковых подсистем, языковых ситуаций или состояний) или типологические характеристики языков.
5. Изучить степень распространенности типологических явлений в языках для установления типологических закономерностей и языковых универсалий разных типов.

Объекты, на которые направлен метод, разнообразны: 1) все языки мира, любые языки без учёта генетических, локальных (ареальных) и временных факторов; 2) типологические группы языков и их типологические характеристики; 3) языковые ситуации и состояния [Мечковская 2001 : 22].

Предметы, на которые направлен метод, также разнообразны [Виноградов В. А. 1973; 2002], но для общетипологического метода обобщенным предметом является **обнаружение всеобщих (общих) свойств языка (изоморфизма) в их особенных и единичных свойствах (в алломорфизме).**

Базовые концепты метода:

- **Алломорфизм** (<греч. *allos* – «другой, иной» + *morphe* – форма) – различия/расхождение типологических признаков сравниваемых языков;
- **Изоморфизм** (<греч. *isos* – «одинаковый, подобный» + *morphe* – форма) – равенство или подобие типологических признаков в сравниваемых языках;
- **Типология** (<греч. *typos* – «отпечаток, форма, образец» + *logos* – «слово, учение») – учение о языковых типах, выявляющее строение языковых систем и подсистем, устанавливающее наиболее общие (типологические)

закономерности строения и функционирования языков и их проявление в особенных и индивидуальных чертах строя и функционирования языков, групп языков и отдельных языков и систематизирующее на этой основе языки мира в отдельные классы [Зеленецкий 2004 : 38].

- **Языковой тип** – абстрактный (мыслительный) конструкт, представляющий собой иерархический комплекс семантико-грамматических характеристик, связанных импликационным отношением¹, что предполагает выделение в каждом типе наиболее общей доминирующей характеристики, имплицитующей ряд прочих [Виноградов В. А. 1990 : 513; Мечковская 2001 : 16].
- **Языковой класс («тип в языке»)** – эмпирическая реальность, представляющая собой подмножество из всего множества языков и обладающая рядом типологически существенных черт, характерных определённому языковому типу (Т. П. Ломтев, М. И. Журинская, А. А. Зеленецкий и др.).
- **Язык-эталон** – конструкт (мысленное построение), который в качестве абстрактного гипотетического инварианта языков мира выполняет мета-языковую функцию в типологических исследованиях (Б. А. Успенский, С. К. Шаумян, В. А. Виноградов, М. Б. Мечковская, К. Леман, Р. Штернеманн...)².

Типологический метод, как и все другие, реализуется через систему научно-исследовательских методик и приемов. Рассмотрим несколько основных.

1. Методика анкетного эталона

В литературе по типологии языков обычно описываются две методики моделей типологизирования: *анкетная* и *эталонная*³. Обе методики сходны в том, что они используют понятие *языка-эталона*, но по-разному: в анкетной методике построение языка-эталона осуществляется путём *индукции* (см. раздел 7.4 пособия), тогда как в эталонной – путём *дедукции* [Виноградов 1973 : 249] и *редукции*.

При *анкетном* типологизировании исследователь располагает *списком признаков* (своеобразная анкета-матрица), которые путём перебора классифицируемых языков-объектов приписываются им с положительным (+) или отрицательным (–) значением, соответствующим *наличию или отсутствию* у данного языка–объекта свойства, предполагаемого тем или иным признаком.

Анкетная методика типологизирования предполагает строгое определение понятий, используемых в качестве признаков классификации, которые и

¹ В логике импликация (<лат. *implico* – «тесно связано») – это логическая операция, образующая сложное суждение из двух исходных суждений посредством логической связки, соответствующей союзу *если... то...* Такие отношения характерны имплицитивным универсалиям, например, *если в языке имеется противопоставление по роду у существительных, то оно имеется и у местоимений*.

² Понятие языка-эталона как абстрактного «гипотетического инварианта языков мира» [Шаумян 1965 : 30] в менее абстрактных представлениях об *языке-эталоне* аналитических языков, «эталоне агглюнативных языков и т. д. [Мечковская 2001 : 273]. О ценности понятия языка-эталона для типологии см.: [Там же : 274; 282].

³ Эти методики типолог В. А. Виноградов называет *методами* [Виноградов 1973 : 249]; А. Е. Карлинский – *приёмами* [Карлинский 2009 : 73]. Считаю, что это *методика* типологического метода (см. обоснование во Введении пособия). Такое понимание разделяет А. А. Зеленецкий [2004 : 17].

образуют метаязык типологического описания, т. е. *язык-эталон*, представляющий собой *максимально широкий* перечень признаков языков-объектов.

Эта методика применяется обычно для закрытых языковых систем, поэтому большинство структурных типологий является «эксплицитно анкетными» [Виноградов В. А. 1973 : 249]. Например, анкетная методика широко используется при построении фонологической типологии, в которой анкетная матрица (язык-эталон) представлена в виде дифференциальных признаков фонем Якобсона–Халле. В таблице 11 представлен фрагмент такой матрицы для фонем русского языка [Халле 1962 : 339¹; Зеленецкий 2004 : 14].

Эта таблица показывает такой недостаток анкетного эталона, как *избыточность* ряда признаков (свойств) для описания фонем конкретных языков (символ «0» в матрице), которая ведёт к тому, что *переход* от языка-эталона к языку-объекту происходит путём *свертывания*, поскольку любой конкретный язык оказывается проще языка-эталона.

Таблица 11

Матрица идентификации фонем дихотомической фонологии (фрагмент)

Признаки фонем	Фонемы						
	/t/	/d/	/s/	/z/	/o/	/a/	/u/
Вокальность	–	–	–	–	+	+	+
Консонантность	+	+	+	+	–	–	–
Диффузность	0	0	0	0	–	–	+
Компактность	–	–	–	–	–	+	0
Низкая тональность	–	–	–	–	+	0	+
Напряженность	–	–	+	+	0	0	0
Назальность	–	–	0	0	0	0	0
Протяженность	0	0	+	+	0	0	0
Звонкость	–	+	–	+	0	0	0
Палатальность	–	–	–	–	0	0	0
Ударность	0	0	0	0	+	+	+

Из этого следует, что максимально полные эталоны перспективны в частном языкознании, но трудны для межъязыкового сравнения, особенно открытых систем (лексических, семантических...).

¹ Халле М. Фонологическая система русского языка: лингвистико-акустические исследования //Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1962. – Вып. II. – С. 320-347.



2. Эталонная методика

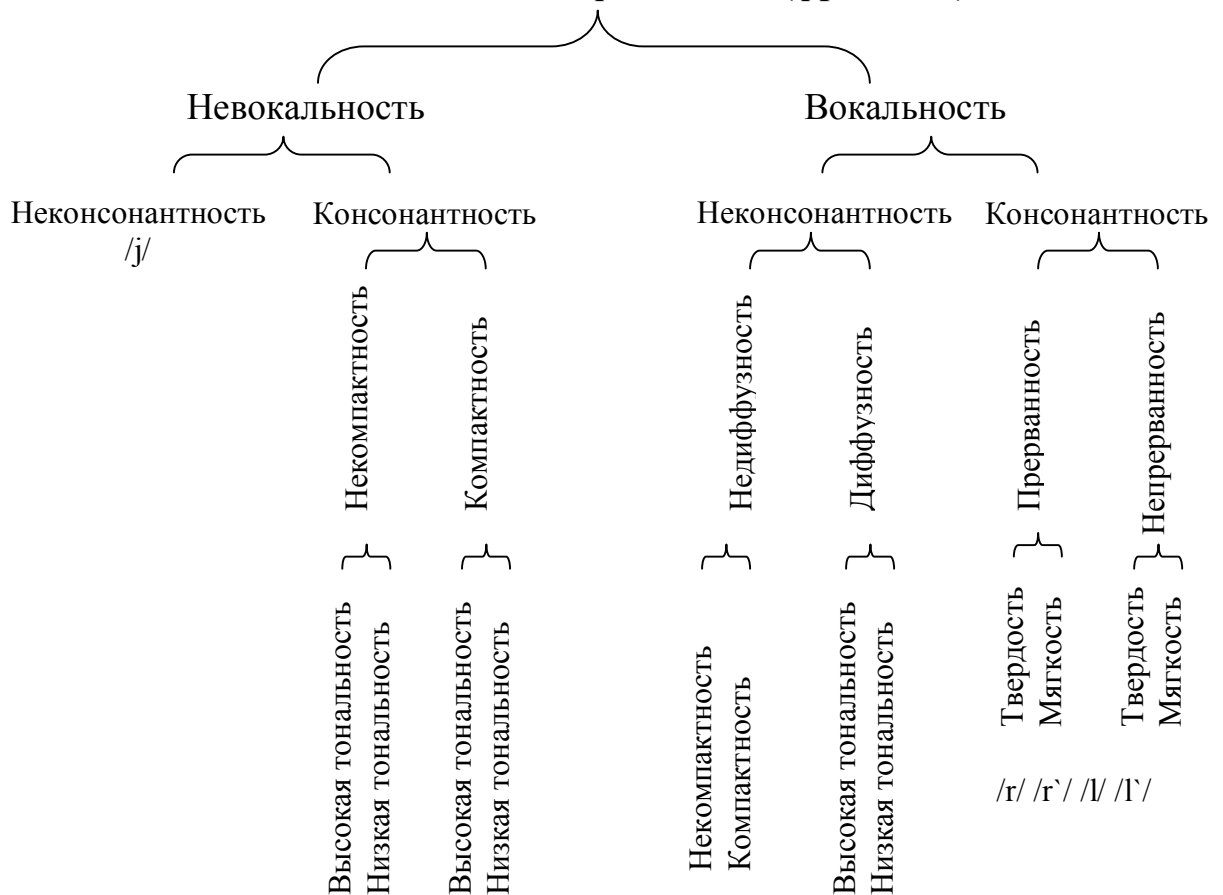
Она в отличие от анкетного языка-эталона использует *редукционный язык-эталон*, являющийся своеобразной версией «исчисления признаков», при котором часть из них редуцируется (свертывается, нейтрализуется).

Такой редуцированный язык-эталон используется для создания типологий любых языков мира, их подсистем, даже одного языка или одного какого-либо языкового явления.

Примером редуцированного языка-эталона может вновь служить дихотомическая фонология, но на этот раз тот её вариант, где фонемы русского языка представлены посредством «дерева их исчисления» [Халле 1962 : 338; Зеленецкий 2004 : 15].

Таблица 12

Исчисление (редукция) русских гласных фонем в дихотомической фонологии (фрагмент)



и т. д. вплоть до признаков: «мягкость» и «ударность»

Приведённый фрагмент «дерева исчисления» фонем демонстрирует такое преимущество редуцированного языка-эталона, как последовательное применение процедуры *развертывания минимальной системы* через добавление к ней все новых и новых признаков, что отвечает представлениям о языковом изо-

морфизме и алломорфизме (единообразии и многообразии) единиц языков-объектов, что последовательно отражается узлами ветвления дерева.

Необходимо также заметить, что редуцированный эталон даёт по сравнению с анкетным более экономное описание языков-объектов. Кроме того, он удачно увязывается с дидактическим принципом восхождения от простого к сложному.

Помимо «дерева исчисления» фоном в дихотомической фонологии существуют и другие прецеденты использования в лингвистической практике языков-эталонов редуцированного типа.

Редуцированный язык-эталон, по сути дела, представляет собой и порождающая грамматика хомскианского типа с её переходом от глубинной структуры к поверхностной через трансформации, специфическая цепочка которых образует характеристику языка-объекта (см. раздел 12.2.5).

На этом основании своеобразную версию порождающей грамматики использовал как язык-эталон в своё время Ю.В. Рождественский для типологизации частей речи и членов предложения [Рождественский 1969 : 67-169]¹, а также Б.А. Успенский² и К.С. Шаумян [1965 : 30]³.

А поскольку существует много возможностей создания редуцированного языка-эталона, то и существует множество вариантов эталонной методики, которые можно считать её *приёмами*. Они описаны в научной литературе по типологии языков. В пособии считаю необходимым особо выделить приём использования в качестве языка-эталона родного языка, поскольку этот приём используется широко не только в типологических исследованиях, но и в практике преподавания иностранных языков, когда методологически происходит представление категорий иностранного языка через категории родного.

О возможностях применения такого языка-эталона в плюсах и минусах достаточно много написано в учебниках по сравнительной (сопоставительной) типологии языков, например [Аракин 1989; Зеленецкий 2004; Гак 2006 и др.].

3. Квантитативные методики в типологических исследованиях

Впервые идею количественного исследования типологически разных языков высказал Джозеф Гринберг⁴. До Гринберга в типологических исследованиях было уже установлено, что существуют три типа признаков: 1) *характеристики*, когда признаки приписываются объекту как присутствующие или отсутствующие; 2) *сериалы*, которые характеризуют объекты только через сравнение с другими объектами, входящими в серии; 3) *переменные*, которые представляют собой точное количественное измерение некоторого свойства. Эти понятия были использованы Дж. Гринбергом⁵, который этот третий тип назвал *количественными понятиями*. А поскольку сериальные признаки в лингвистической типологии не играют существенной роли, то основными выступают

¹ Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969.

² Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1963

³ Шаумян К.С. Структурная лингвистика. М., 1965. – С. 30

⁴ Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // новое в лингвистике. – Вып. II. – М., 1963. – С. 60-94.

⁵ *Джозеф Гринберг* (р. 1916) – известный американский лингвист, изучавший вопросы двуязычия, языковые универсалии, типологии языков и проблемы антропологической лингвистики.

признаки первого типа – качественные – и третьего типа – количественные. Следовательно, основные различия проводятся между *каллитативной* и *квантитативной* типологиями. Важность количественных исследований стала особенно очевидной по мере осознания политипологизированности языков, что предполагает точное определение того, в какой степени проявляется в языке то или иное типологическое свойство. Такова та теоретическая база [Виноградов В. А. 1973 : 250-251], которая была положена в основание методики индексирования Дж. Гринберга.

Второе основание – это «скользящая», многоступенчатая и многомерная морфологическая классификация языков Эдварда Сепира¹, который был очень близок к идее *измерения* типологических свойств языка [Сепир 1993 : 134].

Сущность методики Дж. Гринберга состоит в количественной оценке ряда типологически значимых черт морфемно-грамматического уклада языков, их морфологических типов.

Для этого он проанализировал отрывки письменного текста в 100 словоупотреблений, затем рассчитал индексы по каждому из десяти признаков (*синтетичность, словосложение, согласование, деривация, изоляция* и др.) по 8 живым и мертвым языкам.

Например, индекс *синтетичности* J_s определяется по формуле $J_s = \frac{M}{W}$, где M означает число морфем, а W – число слов в предложении.

Оказалось, что только русский язык является собственно синтетическим ($J_s = 2,5$), а английский – собственно аналитическим ($J_s = 1,5$), а остальные языки являются переходными, образуя своеобразный континуум.

Затем, сравнив индексы по всем параметрам во всех 8 языках, свел все данные в таблицу [Гринберг 1963 : 91], на основе которой вывел особенности грамматической синтагматики и получил большее количество классов, чем в классификации Э. Сепира².

Методика Дж. Гринберга оказалась востребованной в типологических исследованиях разных языковых явлений, к примеру, для построения стилистической типологии.

Разумеется, было осознано, что набор и существо индексов не является окончательными, а объем выборки явно недостаточен. Но главное то, что «плодотворность введенных Дж. Гринбергом индексов для различных целей несомненна» [Виноградов В. А. 1973 : 252], а поэтому возможность использования квантитативных методик была обоснована.

Опишем ещё одну квантитативную методику, разработанную видным польским типологом Тадеушем Милевским (1906-1966), с помощью которой можно рассчитать степень сходства/различия типологических признаков языков и установить степень подобия языков по формуле:

¹ *Эдвард Сепир* (1884-1939) – учёный-энциклопедист, который занимался антропологией и лингвистикой, в которой круг его интересов был очень широк: общее языкознание, компаративистика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, типология.

² Н.Б. Мечковская приводит две таблицы Дж. Гринберга: с индексами синтетичности и с индексами агглютинативности и анализирует их [Мечковская 2001 : 73-78].

$D = \frac{a - v}{a + v}$, где D (<лат. *distantia* – «расстояние») – показатель степени по-

добия элементов или каких-либо систем языка; a – (<лат. *aequis* – «равный» + *valens* – «имеющий силу») – сумма сходных признаков, в языках; v – сумма различающихся признаков [Милевский 1963 : 11]¹. Эта методика также вошла в арсенал типологов.

Таков в общих чертах общетипологический метод и его основные методики. Но следует обратить внимание на то, что этот общетипологический метод вариативно проявляется через разные методики в зависимости от предметов исследования, типов типологических сходств, целей исследования и т. д.

Так, для изучения универсалий, статистических универсалий и фректалей, т. е. всех языков, почти всех и большинства языков, используется чаще всего *общетипологический метод*; для изучения типологических закономерностей, т. е. для двух-трех языков – *сопоставительный* и *контрфронтативный*, использующий язык-эталон, и *контрастивный* метод; для изучения уникалий, т. е. одного языка, применяется *характерологический* метод. В научной литературе по типологии эти вариации общетипологического метода часто называют также *методами*.

Для того, чтобы избежать заблуждений в использовании этих разных типологических методов, необходимо ещё учесть разное понимание некоторых основополагающих терминологических понятий.

1. Как соотносятся термин *сравнение* и *сопоставление*? Большинство типологов их отождествляют, синонимизируют, а некоторые различают, считая, что в основу сопоставления положена техника *идентификации* [Виноградов 1973 : 232], а не сравнение.

2. В работах В. Н. Ярцевой *сопоставительный*, *контрастивный* и *контрфронтативный* методы отождествляются. Такое понимание даётся в «*Лингвистическом энциклопедическом словаре*» (1990; 2002), а потому принимается в конкретных типологических исследованиях.

Большинство же современных исследователей различают эти разновидности типологического метода. Так, видный отечественный лингвист Владимир Григорьевич Гак считает, что *сопоставительный*, или *сравнительный*, метод используется для изучения двух (реже нескольких) *языков* с целью выявления их *сходств* и *различий* или особенностей одного языка по сравнению с другим [Гак 2006 : 9]. При этом всегда подчеркивается прикладная направленность таких исследований: преподавание иностранных языков [Зеленецкий 2004] и теорию обычного или машинного перевода [Карлинский 2009 : 68]².

Уточняя применение характерологического метода, В. Т. Гак подчеркивает, что он «стремится выявить специфические особенности данного языка, его своеобразие среди других языков» [Там же : 12].

¹ Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания// Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С. 3-31.

² Но современный специалист в области двуязычия и лингводидактики Аврам Ефремович Карлинский акцентирует предназначенность *сравнительного* метода на выявление «только сходств (а не различий!) между двумя языками» [Карлинский 2009 : 66], т. е. разграничивает *сравнительный* и *сопоставительный* методы.

Завершая описание типологического метода и его разновидностей, подчеркнем, что неслучайно ему уделено такое большое внимание. Во-первых, типология языков и лингвистика универсалий как «передовой отряд» лингвистики – образец систематичности и полноты охвата языкового материала не только для самой лингвистики, но и всего гуманитарного знания [Мечковская 2001 : 282]. Следовательно, во-вторых, перспективно и эффективно использовать не только сам типологический метод во всех его вариациях, но и его отдельные элементы (методики, приёмы, процедуры) в современных лингвистических исследованиях при сочетании с другими методами и методиками.

12.1.8. Непарадигмальные методики компаративизма

При характеристике метода и методик компаративизма в его узком, собственном значении¹, неоднократно подчеркивалось, что в его первые периоды материалом для исследований были фонетико-фонологические и морфологические системы. Только с середины 50-х годов XX века началось использование сравнительно-исторического метода в *синтаксисе*. О возможностях его применения в синтаксисе и обобщение опыта таких исследований пишет Г.С. Кнабе в своей блестящей и единственной в своем роде статье [Кнабе 1956], в которой показывает, что сложившиеся методики практически неприложимы к синтаксису, нужны иные подходы и иные методики, которые начали создаваться в современной парадигме компаративизма.

1. Методика А.А. Потебни²

Практически она реализована А. А. Потебней в его докторской диссертации, ставшей классическим трудом по историческому синтаксису – «*Из записок по русской грамматике*». В ней же автор отказался от традиционной методики, в которой синтаксические конструкции рассматривались *изолированно* в сравнении с аналогичными явлениями из других языков. Сущность методики А.А. Потебни состоит в том, что 1) в центр исторического синтаксиса поставлено изучение *синтаксических тенденций*; 2) в качестве фактической базы выступает фронтально привлекаемый материал *отдельного языка* (русского); 3) формулируются общие закономерности синтаксического развития в разные исторические периоды; 4) основная тенденция сводится к вытеснению паратаксиса гипотаксисом и иерархической организацией предложения, централизующегося вокруг глагольного слова [Кнабе 1956; Тарланов 1995].

2. ”Морфологическая методика” Б. Дельбрюка³

Содержание этой методики включает в себя следующие понятия и приёмы:

¹ Методы и методики компаративизма в его широком понимании будут описаны в других разделах пособия.

² *Александр Афанасьевич Потебня* (1835-1891) – видный украинский и русский филолог-славист, глава Харьковской лингвистической школы, который внёс значительный вклад в области общего языкознания, теории словесности, типологии, лексикологии, истории стилистики, семиологии, но особенно в славистику, сравнительно-историческую грамматику славянского языков.

³ *Бертольд Дельбрюк* (1842-1922) – немецкий языковед, представитель Лейпцигской школы младограмматизма, заложивший основы сравнительного синтаксиса индоевропейских языков.

- исходит из тезиса о неразрывной связи морфологии и синтаксиса, что позволяет «распространить» методику на синтаксис;
- в основу изучения синтаксиса кладется учение об «исконных значениях», которые делятся на «относительные» и «абсолютные»;
- под «относительными исконными значениями» имеются в виду функции языковых *праформ*, представленных в древних памятниках;
- «абсолютно исконные значения» устанавливаются путём разложения анализируемой праформы на лексическое и грамматическое значения.

Но приём установления «относительно исконных значений» во многом оказывается субъективным и не вписывается в логику сравнительно-исторического метода» [Кнабе 1956 : 82].

К совершенствованию этой методики Б. Дельбрюк возвращался несколько раз, а прославился своей работой «*Введение в изучение языка*» [Дельбрюк 2003], которую Э.А. Макаев оценил как «подлинную энциклопедию сравнительного языкознания» [Там же : 29].

3. "Аналогичный метод" А. Мейе

Смысл этой методики состоит в том, что выводы, касающиеся функций или структуры языковых форм, основываются на поиске *аналогичной* функции или структуры синтаксического оборота в сравниваемых родственных языках.

Методика А. Мейе имеет много общего с приёмом установления «исконных относительных значений» Б. Дельбрюка.

Эта методика не получила широкого распространения, поскольку, во-первых, выявленные соответствия могут быть просто результатом параллельного развития в каждом языке; во-вторых, могут объединять явления лишь внешне аналогичные [Кнабе 1956 : 83].

4. "Комбинированная методика"

Г. С. Кнабе предлагает использовать для исследования исторического синтаксиса методику, компонентами которой могли бы быть методика А. А. Потебни и методика А. Мейе, которая «может лучше удовлетворять запросы сравнительно-исторического синтаксиса» [Кнабе 1956 : 83-84].

В целом поддерживая идею «комбинирования», З. К. Тарланов предлагает более широкий синтез для изучения исторического синтаксиса: использование методик типологического, системного и трансформационного анализа, а также внедрение методики актуального членения [Тарланов 1995 : 149].

5. Приёмы исторического комментирования

З. К. Тарланов, опираясь на то, что содержание исторического языкознания не исчерпывается результатами, полученными с помощью сравнительно-исторического метода и его методик, какими внушительными они бы ни были [Тарланов 195 : 150], предлагает их дополнять *приёмами исторического комментирования*, к которому прибегают многие исследователи:

- В. В. Виноградов¹ квалифицирует приём, используемый А. А. Шахматовым в «*Очерке современного русского литературного языка*», как приём фонетического сопоставления морфем, опирающийся на сравнительную грамматику славянских языков [Виноградов В. В. 1977 : 12];
- приёмы комментирования при изучении исторической лексикологии и фразеологии [Виноградов В.В. 1977];
- приёмы комментирования при изучении исторической грамматики [Виноградов В.В. 1975];
- приёмы комментирования при изучении конкретного языка [Виноградов В. В. 1986].

12.1.9. Успехи и недостатки сравнительно-исторического метода

Значение этого метода для лингвистики, положившего начало науке о языке и отделившего её от донаучного изучения языков обычно в лоне других наук, трудно переоценить. Вместо мнений, догадок и толкований относительно различных языковых явлений возникла стройная теория исторического познания живых и мертвых языков.

Сравнительно-исторический метод даёт возможность проникнуть в не засвидетельствованную письменными памятниками историю языков, обнаружить и восстановить первоначальное единство родственных языков, выявить специфические внутренние законы их последующего развития. Благодаря этому методу наука о языке достигла впечатляющих успехов [Алефиренко 2009-б : 345]. Потому история языкознания сохранила много восторженных оценок этого метода², но не только лингвистов, но и их великих современников, которые считали, что эти исследования «за последние 60 лет получили такое мощное и плодотворное развитие» [Маркс, Энгельс 1956.20 : 334].

Однако сравнительно-исторический метод не лишен существенных недостатков. Отметим основные из них.

– Возможности сравнительно-исторического метода зависят от количества материально родственных черт внутри той или иной семьи языков. Так, в финно-угорских языках общих черт меньше, чем в индоевропейских, а в индоевропейских – меньше, чем в семитских или тюркских. Наилучших результатов посредством этого метода ученые добились при изучении индоевропейских языков.

– При помощи сравнительно-исторического метода удастся объяснить реально существующие между родственными языками различия, возведя их к единому источнику, однако нельзя выявить те различия, которые существовали

¹ **Виктор Владимирович Виноградов** (1894-1969) – выдающийся отечественный языковед, академик, первый директор Института русского языка АН СССР, главный редактор журнала «*Вопросы языкознания*». По предварительным данным, объем его работ равен собранию сочинений в 30 томов по 30 печатных листов каждый, потому его наследие ещё до конца не изучено и не осмыслено. В его трудах, по словам академика Н. И. Конрада, «удивительный этот герой – русский язык – предстаёт во многих обликах» Анализ концепции академика В. В. Виноградова посвящена книга Ю. А. Бельчикова «Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895-1969). Традиции и новаторство в науке о русском языке. – М.: Высшая школа, 2004. – 191 с.»

² См. раздел 11.3 и 12.1.2 пособия.

в прошлом, а позже были утрачены. Трудно установить также параллельные процессы, возникавшие в родственных языках независимо друг от друга. Он оказывается бессильным при изучении изменений, которые были обусловлены контактами языков в глубокой древности.

– При сравнительно-историческом изучении языков приходится иметь дело с очень пестрыми в хронологическом отношении фактами: хеттскими памятниками XIV-XIII веков до н.э., греческими X-IV веков, ст.-славянскими IX-XI веков, литовскими второй половины XVI века и т. д. По этой причине невозможно восстановить ни целостной системы праязыка, ни стройной и строгой картины последующего развития его диалектов.

– Самые значительные достижения сравнительно-исторического метода связаны с изучением фонетики, фонологии и морфологии, т. е. закрытых систем, а для открытых систем (лексика, фразеология, синтаксис) возможна лишь *частичная реконструкция*. Он позволяет восстановить фонемный и морфемный инвентарь праязыка эпохи. Методика же сравнительно-исторического изучения лексики, семантики и синтаксиса разработана пока слабо и не даёт ожидаемых результатов.

– Изучение исторических языковых процессов носит *атомарный* характер (кроме четвертого периода), что затрудняет получение строгих системных знаний о языке предыдущих эпох, особенно дописьменных.

– Данный метод малоэффективен при изучении изолированных языков, таких как баскский, японский.

– Гиперболизация исторического подхода, рассмотрение его как единственного способа познания, отсутствие интереса к синхронии опасна для науки о языке [Апресян 1966; Общее языкознание 1973; Амирова 2000; Алефиренко 2009 : 345; Карлинский 2009 : 46 и др.].

Однако этот перечень недостатков метода совершенно не свидетельствует о том, что он «плохой», устарел, и использование его уже нерационально. Описание недочётов дано только для того, чтобы показать современным исследователям (особенно молодым!) сферу и границы использования метода, т.к. в целом он, безусловно, не исчерпал своего ресурса и продолжает оставаться одним из ведущих методов в современном языкознании. Уверенность в этом основана на том, что «генетический принцип, обогащенный и существенно измененный новой типологической и общефилософской точкой зрения» [Степанов 1998 : 11] продолжает свое совершенствование.

Дальнейшее развитие и совершенствование этого метода, обогащение его новыми приёмами – одна из важнейших задач нашей науки.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Почему сравнительно-исторический метод возник именно в начале XIX века, а не раньше и не позже?

2. В чем заключается сущность сравнительно-исторического метода? Для чего он предназначен?
3. Как Вы полагаете, почему методика *внутренней реконструкции* оформилась позже, чем методика *внешней реконструкции*? Такой вопрос ставит Джозеф Гринберг в книге «*Антропологическая лингвистика: Вводный курс*» (2004 : 37).
4. Почему сравнительно-исторический подход является «*объективным и точным*» [Гринберг 2004 : 133].
5. В чем заключается сходство и фундаментальное различие между *генетическим* и *типологическим* подходом к языкам?
6. Почему генеалогическая классификация языков одна, а типологических – много? Случайность ли это?
7. Русский философ Николай Кузанский обосновал господство *сравнения* как философско-общелогического метода в науке: «*Всякое исследование основано на сравнении*», а Ф. де Соссюр показал возможность экстраполяции этого метода в лингвистику; поскольку «*в языке нет ничего, кроме различий и сходств*» (1977 : 152). Опираясь на эти два постулата, подготовьте сообщение на тему «*Сравнение в компаративистике*».
8. За счёт чего, по Вашему мнению, идёт расширение проблематики компаративистики XXI века? Обоснуйте своё мнение.
9. «Важное значение сравнительно-исторического подхода не ограничивается только одной лишь историей языка. Реконструкция языков может дать много ценной исторической информации *нелингвистического характера*» – считает Джозеф Гринберг. Как вы думаете, какой и для каких наук?
10. Как Вы думаете, существует ли зависимость между типологическим своеобразием языка и особенностями культуры и цивилизации, созданной носителями языка?
Используя работы В. фон Гумбольдта (1984, 1985), Э. Сепира (2001), Дж. Гринберга (2004), Н. Б. Мечковской (2001) и др.¹, подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Литература для углублённого изучения

Алефиренко 2009-а	Иванов 1984	Реформатский 1999
Алпатов 2001	Иванова 1995	Рождественский 1969
Аракин 1989-а; 1989-б	Карлинский 2009	Сводеш 1960; 1999
Арапов 1988	Кацнельсон 1972; 1983;	Семереньи 2002
Бенвенист 1963	1896; 2001	Сепир 1993; 2001
Блумфилд 2007	Климов 1959; 1973; 1961	Серебрянников 1973;
Бурлак, Старостин 2001	Кнабе 1956	1976; 1986
Вандриес 2004	Кодухов 1974	Серебрянников, Климов
Виноградов В.А. 1973;	Лайонз 1978; 2003; 2010	1973
2002	Макаев 2004	Смирницкий 1955

¹ См. список литературы для углублённого изучения.

- | | | |
|--|-----------------------------|--|
| Виноградов В. В. 1963;
1975; 1977; 1986 | Маркс, Энгельс 1954 | Степанов 2007 |
| Гак 2006; 1977; 2004 | Маслова 2008 | Сусов 2006; 2007 |
| Гамкрелидзе, Вяч.Вс. | Мейе (1938), 2002 | Тарланов 1995 |
| Иванов 1984 | Мельников 2003 | Толстой 1963 |
| Гируцкий 2001 | Мечковская 2001 | Топоров 2002 |
| Гринберг 1963; 2004 | Милевский 1963 | Трубецкой 1958 |
| Гумбольдт 1984; 1985 | Михалёв 2008 | Успенский 1965 |
| Дельбрюк 2003 | Нерознак 2002 | Хоккет 1970 |
| Жирмунский 1954 | Общее языкознание 1973 | Шарафутдинова 2007 |
| Журавлёв 1994; 1998 | Пауль 1964 | Шаумян 1965 |
| Зеленецкий 2004 | Пищальникова, Сонин
2009 | Якобсон 1963 |
| Исаев 2003 | Потебня 1989 | Ярцева 1960; 1967; 1981;
1985; 1986 |

12.2. Структурный метод и его методики

С тех пор как термин «структура» приобрел теоретический и в некотором роде программный смысл, он получил широкое распространение в лингвистике.

Э. Бенвенист¹

В лингвистической научной литературе почти² единодушно признаётся, что структурный метод – детище XX века, становление которого приходится на 20-е – 30-е годы, а «первичная» сфера применения продолжалась до 70-х годов. Это период, когда структурная лингвистика определяла «лицо языкознания 20 века» [Сусов 2007 : 19].

С 70-х годов структурный метод вступил во «вторичную» сферу своего применения, когда стал использоваться наряду с другими методами, а структурная лингвистика «стала составной частью общей теории языка» [Виноградов В. А. (ЛЭС) 2002 : 497].

¹ См.: Бенвенист 1998 : 60.

Эмиль Бенвенист (1902-1976) – выдающийся французский лингвист, ученик А. Мейе, не принадлежавший ни к одной лингвистической школе, создавший свою концепцию лингвистики под влиянием идей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, которая раздвинула «горизонты лингвистики», т.к. он своими трудами способствовал развитию теории индоевропеистики, типологии, лингвистического структурализма и методов их изучения. Э. Бенвенисту принадлежит заслуга обоснования понятий: структура (1998 : 60-66), уровни языка (1998 : 129-140); обоснование лингвистического структурализма в главе «Лингвистика на пути преобразования. Взгляд на развитие лингвистики» (Там же : 21-32). Исходя из этого, Э. Бенвениста следует считать одним из основоположников лингвистического структурализма.

² В истории лингвистики, действительно, не было полного единодушия в признании структурной лингвистики и структурного метода. Причины неприятия разные. Одна из основных: «...никаких новых фактов, никаких новых методов изучения языкового развития, никаких новых законов языка <...> структурная лингвистика никогда не устанавливала» [Лосев 1968 : 273].

«Думается, что следует говорить не о структурном методе, а о системно-структурном подходе к языку <...>. Структурный принцип реализуется в целом ряде методик. Видимо, при разграничении метода и методики нужно учитывать критерий универсальности. Метод может использоваться при изучении любого яруса, для методики это необязательно... “Структурный метод” является не методом науки, а методом изложения материала» [Хроленко, Бондалетов 2006 : 443].

В научной литературе достаточно широко освещен вопрос о причинах, внешних и внутренних предпосылках становления метода [Апресян 1966; Засорина 1974; Слюсарёва 1975; Степанов 1998; Амирова 2000; Алпатов 2001; Виноградов В.А. 1973; Сусов 2006; 2007; Маслова 2008 и др.]¹, свидетельствующие о предсказуемости и закономерности формирования лингвистического структурализма как, прежде всего, реакции на компаративизм.

Предтечей лингвистического структурализма были: Ф. де Соссюр, Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, Н. В. Крушевский, Л. В. Щерба, А. Мартине, Э. Бенвенист, Е. Курилович и др. [Сусов 2006 : 228-229].

12.2.1. Общая характеристика метода

Методологической базой структурного метода является синтез 1) *системного подхода и системного метода*²; 2) *семиотического подхода и семиотического метода*³; 3) *логического подхода* и его принципа «как логические основания языка и логические основания описания языка» [Степанов 2007 : 14], на основе которых он сформировался 4) *лингвистический структурализм и структурная лингвистика*.

Лингвистический структурализм как особая система научных воззрений на язык сводится к следующим **постулатам**:

- язык – система знаков, соотносящаяся с другими знаковыми системами в пределах семиотики;
- подлинной языковой реальностью признаётся не отдельный факт (звук, морфема, предложение и т. п.), а язык как системно-структурное образование, в котором все единицы (элементы) связаны универсальными отношениями: *парадигматическим* и *синтагматическими*;
- *структуру* системы создают вневременные отношения; преимущественное или исключительное внимание к синхроническому аспекту;
- описание языка как сложной системы, имеющей многоуровневое, иерархическое строение; различие в нем уровня (или уровней) знаковых единиц и уровня (или уровней) незнаковых единиц;
- отношения доминируют над элементами;
- осознание строгого различения *языка и речи*;

¹ В одиннадцатой главе пособия (см. раздел 11.3) при обосновании второй макропарадигмы языкознания – системно-структурной, или структурной показаны нелингвистические и лингвистические предпосылки её формирования.

² В пятой главе пособия раскрывается *системный подход* и *системный метод* с позиции философии науки и науковедения, обусловившие формирование основных концептов: система и структура (см. раздел 5.2.1–5.2.3). В восьмой главе дана их экстраполяция на язык (см. раздел 8.1).

³ В шестой главе раскрывается сущность семиотики и лингвистики как научных дисциплин и их взаимодействие. В разделе 8.3 охарактеризован *семиотический подход* и *семиотический метод*. Принятый структурной лингвистикой семиотический подход определил её отношение к языковому материалу: если лингвистика XIX века исходила из реализации языка, то для структурного языкознания «*текст служит лишь тем источником, из которого должна быть выведена виртуальная семиотическая система, затемнённая условиями и формой её физического воплощения*» [Общее языкознание 1974 : 170].

- преимущественное внимание к плану выражения языковых единиц, а не к их значениям и функциям;
- благодаря примату отношений, среди которых доминируют *оппозиционные*, возможно вневременное и несубстанциональное («алгебраическое») ¹ изучение системы языка, т. е. использование *точных методов*, сближающих языковедение с естественными науками [Общее языковедение 1973 : 168-171; Виноградов В. А. ЛЭС 2002 : 496; Степанов ЛЭС 2002 : 298; Сусов 2006 : 19-20; Маслова 2008 : 8-9; Гринберг 2004 : 71].

Эта методология стала объединяющим началом ² для существующих разновидностей (школ) ³ лингвистического структурализма и в какой-то мере двух периодов его бытования: *первый период* (20-е – 50-е годы), когда начали складываться основные школы, сыгравшие значительную роль в разработке принципов, постулатов, метода и методик структурной лингвистики; *второй период* (с 50-х до 70-х годов) – совершенствование метода и его методик, формирование трансформационного и компонентного анализа и использование всего этого арсенала в компаративистике.



Структурный метод – это система методик и приёмов, служащая для изучения языка как целостного структурно-системного, иерархического образования, позволяющая выявить закономерности структурной организации языка и систематику его элементов.

Основная цель метода – познание языка как целостной функционирующей структуры, элементы и части которой соотнесены и связаны строгой системой языковых отношений ⁴.

Объект, на который направлен метод, – это структура языка как сеть отношений между элементами языковой системы, определяющая её целостность, строение и основы организации.

Предмет, на который направлен метод, – выявление особенностей структуры языковой системы через отношения между элементами как в речевой цепи, так и в парадигмах форм, исходя из примата системы по отношению к её элементам ⁵.

¹ См. §1 «Множество и алгебраический метод» в третьей части книги Ю.С. Степанова любого издания [Степанов 2007 : 196-203].

² Джозеф Гринберг, говоря о роли синхронической структурной лингвистики и её разных школах и течениях, отмечает, что «в конце концов возникло нечто подобное единой модели», благодаря которой, «несмотря на внешнее разнообразие, обнаруживается **значительное внутреннее единство**» (выделено мной – З. К.) [Гринберг 2004 : 85].

³ Обычно в лингвистическом структурализме выделяют четыре основных течения, четыре школы: 1) **Пражская школа** создана в 1926 г. по инициативе Вилема Матезиуса (1882-1945) и Романа Осиповича Якобсона (1896-1982); 2) **Копенгагенская** (глоссематика) в 1931 г., во главе которой стояли Луи Ельмслев (1899-1965) и Вигго Брёндаль (1887-1942); 3) **американский структурализм** (дескриптивное и дистрибутивное направления) конца 20-х годов, созданные Леонардом Блумфильдом (1887-1949) и Зеликом Харрисом (1909-1992) и в 50-е-60-е годы – генеративная грамматика Ноама Авраама Хомского (р. 1928); 4) **Лондонская** школа концептуализма – 40-е годы XX в. во главе с Джоном Рупертом Фёрсом (1890-1960).

⁴ Сравни: программные цели лингвистики Л. Блумфильда в книге «Язык», Л. Ельмслева в его «Прологоменах...» и другие теоретические работы структуралистов.

⁵ В основу положено понимание терминированного понятия структура в концепции Эмиля Бенвениста, изложенное в IV главе «Понятие структуры в лингвистике» в книге «Общая лингвистика» (1998 : 60-66).

Базовые концепты структурного метода:

- **Система языка** (<греч. *systema* – «целое, составленное из частей; объединение») – множество языковых элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом, характеризующееся определённой целостностью.
- **Структура языка** – сеть отношений между элементами языковой системы, определяющая целостность языковой системы.
- **Уровень (ярус) языка** – некоторые иерархические «части» языка; подсистемы общей языковой системы, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы¹.

Другие терминологические понятия будут даны при характеристике методик, которые имеют свой набор терминов².

Перейдём к характеристике методик структурного метода.

12.2.2. Оппозиционный анализ

Основные задачи методики:

1. Выделение элементарных единиц языка на всех уровнях анализа с учётом их функций.
2. Установление классов этих единиц в языке.

Объекты, на которые направлена методика: структуры всех уровней любого языка.

Отдельные элементы оппозитивной методики зародились в недрах классического (традиционного) языкознания, но концептуально в его современном понимании ОМ была разработана представителями Пражской школы лингвистического структурализма Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном в 30-е годы XX века.



В основу методики положено понятие оппозиция (<лат. *opposite* – «противопоставление») как семиотически существенное противопоставление языковых единиц, предполагающее разложимость противопоставленных единиц на часть общие (основания для сравнения) и часть различные элементы, так называемые дифференциальные признаки.

Принципы ОМ были разработаны на базе фонологической концепции Н. С. Трубецкого, изложенной в книге «*Основы фонологии*» (1939), в основу которой положено понятие фонологической, или смыслоразличительной оппозиции, под которой разумеется «звуковое противоположение, спо-

¹ Эмиль Бенвенист считал, что первый ключевой термин структурной лингвистики – система, второй – структура (с. 23), а третий – уровни языка (с. 129) [Бенвенист 1998].

² Так, Ю.С. Степанов называет ещё шесть терминов, которые являются базовыми для определенной методики (метода): *множество, дистрибуция, функция, пликация* (импликация и аппликация), *репрезентация* [Степанов 2007 : 14].

Совершенно по-разному понимаются в трех школах структурализма термины *субституция, инвариант* и *функция* [Апресян 1966 : 76].

собное дифференцировать различие двух слов данного языка» [Трубецкой 1960 : 38].

Понятие фонема является производным от понятия фонологической оппозиции: фонема определяется как совокупность фонологически существенных признаков.

На этой основе Н. С. Трубецкой разрабатывает:

- 1) правила парадигматической идентификации фонем, выделение фонем и вариантов [Там же : 53-55].
- 2) правила синтагматической идентификации фонем, отдельных фонем и сочетаний фонем [Там же : 63-65 и 82-87]¹.

Эти *технические правила*, «по надежности и богатству указаний превосходящие всё, что сделано в этой области дескриптивистами и глоссематиками» [Апресян 1966 : 67], дали возможность Т. С. Трубецкому:

- во-первых, выделить типы фонологических оппозиций: 1) с точки зрения отношений между членами оппозиций (*градуальные, привативные, эквивалентные*); 2) по объему различительной силы (*постоянные и нейтрализуемые*); 3) с позиции привативной нейтрализуемой оппозиции (*маркированные члены и немаркированные члены*), т. е. установлена системная классификация оппозиций.
- во-вторых, созданная им методика позволила описать около 200 фонологических систем различных языков.

Методика Н.С. Трубецкого в школе пражцев была дополнена Р. О. Якобсоном, который попытался свести все типы фонологических оппозиций к бинарным привативным оппозициям и построить универсальную систему из 12 бинарных дифференциальных признаков. Эта методика была принята неоднозначно: положительно одними учёными (С. К. Шаумян) и вызвала возражения других (А. Мартине, А. А. Реформатский).

Р. Я. Якобсон в 30-е–50-е годы перенес методику оппозиций на **морфологию**, где основной единицей является морфема, квалифицируемая как пучок элементарных морфологических оппозиций, а морфологические оппозиции стали рассматриваться как бинарные (двучленные) структуры независимо от того, какой факт грамматической структуры языка изучается².

Наконец, Вилем Матезиус в 60-е годы переносит МО на **синтаксис**, сформулировав идею актуального членения предложения³, согласно которой под актуальным членением подразумевается такое членение предложения, которое существенно в данный момент речи. С этой позиции предложение состоит из двух коммуникативных частей: 1) из «исходной точки (или основы) высказывания, то есть того, что является в данной ситуации *известным*

¹ Эти правила идентификации детально изложены в работе: [Тарланов 1995 : 98-99].

² Обосновав идею использования МО в грамматике, Т.В. Булыгина опирается на фонологическую концепцию А.С. Трубецкого [Булыгина 1968 : 175-231]. Оценивая теорию и приёмы фонологии Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона для лингвистики в целом, Владимир Константинович Журавлёв считает, что фонология благодаря этому вкладу стала «демиургом лингвистического мировоззрения XX века» [Журавлёв 2004 : 164].

³ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.

или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит *говорящий*»; 2) из «ядра высказывания, то есть того, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [Матезиус 1967 : 239].

А поскольку каждый из синтаксических членов способен занять позицию ремы, то методика позволяет выявить варианты актуального членения предложения. Так, трехчленное предложение: *Мальчик рисует слона*, грамматически тождественное самому себе, имеет ряд вариантов членения.

Тема	Рема
Мальчик/	рисует слона.
Мальчик рисует/	слона.
Слона рисует/	Мальчик.
Мальчик слона/	рисует. [Тарланов 1995 : 49]

При этом порядок, при котором тема предшествует реме, называется *объективным*, а порядок, когда тема следует за ремой, – *субъективным* [Матезиус 1967 : 244-245].

Методика В. Матезиуса «носит менее законченный характер» [Апресян 1966 : 73], но она была поддержана синтаксистами и активно развивается (А. Мартине, Л. Теньер, И. И. Ковтунова, В. В. Виноградов, О. А. Лаптева, Т. М. Николаева, М. Хэллидей, Н. А. Слюсарева, В. Е. Шевякова и др.)¹.

Таким образом, предложенная Н.С. Трубецким логическая классификация смыслоразличительных оппозиций в силу своей универсальности, с одной стороны, и изоморфной структуры уровней языка, с другой, может рассматриваться как методика системной интерпретации фактов не только в фонологии, морфологии [Булыгина 1975; 1977], но и в лексикологии [Ельмслев 1962; Караулов 1976; Новиков 1982; Найда 1983], синтаксисе, тексте [Лайонз 1978] и в поэтике [Новиков 2001].

Кроме того, методика оппозиции хорошо сочетается почти со всеми другими методиками лингвистического анализа, например, с дистрибутивным, компонентным и контекстологическим анализом [Арнольд 1991 : 39].

А главное в том, что методика оппозиции позволяет решить обе поставленные задачи, поэтому, действительно, «опозиционный анализ явился главным вкладом пражцев в методологию структурного анализа языка» [Сусов 2006 : 235]².

Потому вряд ли можно согласиться с теми лингвистами, которые считают, что в силу ограниченности своих возможностей она не «пользуется всеобщим признанием» [Тарланов 1995 : 79; Шарафутдинова 2007 : 145].

При использовании методики в исследовании необходимо обязательно учитывать *границы* её применения: 1) какие задачи можно решить, применяя её

¹ Она была достаточно высоко оценена В. В. Виноградовым, а в целом он признал «бесспорную заслугу» пражцев в развитии лингвистической теории [Виноградов 1975].

² Ещё одним аргументом в пользу методики оппозиций является освещение возможностей использования методики оппозиций не только в синхронии, но и в *диахронии*, представленной Ю. С. Степановым на богатом материале разных языков, в том числе и русского [Степанов 2007 : 212-228], что свидетельствует о расширении возможностей методики.

и 2) применять для исследования единиц только одного какого-либо уровня, т. е. для исследования *однородных* единиц.

12.2.3. Дистрибутивный анализ

Дистрибутивная методика анализа (ДА) была разработана и внедрена в научный оборот представителями американской школы структурализма (дескриптивистики) на базе идей Леонарда Блумфилда (20-е годы), прежде всего, Зелликом Харрисом в 30-е–50-е годы.

Правда, необходимо отметить, что отдельные приёмы, вошедшие в состав ДА, были уже известны значительно раньше (Ш. Балли, О. Есперсен, Л. В. Щерба и др.).

Концепция Л. Блумфилда, положенная в основу методики, сводилась к тому, что он исходил из цели создания конструктивной и последовательно построенной системы понятий, пригодных для описания *языка любого строя*, изложенной в программной работе «Язык» (1933) [Блумфилд 2007] и ряде статей. Отметим только главное – отказ от значения (лексического и грамматического), которое, по его мнению, «не может быть проанализировано в рамках нашей науки» [Блумфилд 2007 : 176]. Эта концепция минимально достаточно изложена Юрием Дерениковичем Апресяном [Апресян 1966 : 42-44].

На основе этой концепции Л. Блумфилд представил *два приёма*, необходимые для методики: сегментацию речевого произведения (дробление его на элементарные единицы) с выявлением ближайшего окружения полученных при сегментации единиц и с у б с т и т у ц и ю (подстановку элемента).

Задачи, решаемые методикой, практически те же, которые уже обозначены нами для оппозитивной методики. Различия заключаются в том, что 1) оппозитивная методика направлена на анализ *однородных единиц* (единиц одного уровня), а ДА – на разнородные единицы (единицы разных уровней); 2) ДА осуществляется в направлении «снизу вверх», т. е. сначала на фонологическом, а затем на морфологическом уровнях, ограничиваясь только этими двумя, и лишь значительно позже – на других уровнях¹; 3) ДА изучает контрасты – различительные отношения в *синтагматике*, а оппозитивный анализ – оппозиции – различительные отношения в *парадигматике* [Общее языкознание 1973 : 193].

Базовые концепты:

- **Дистрибуция** (<лат. *distribuere* – «распределять, разделять») – распределение элемента, т. е. сумма всех окружений, в которых встречается тот или иной элемент (фонема, морфема); сумма всех возможных позиций элемента относительно других элементов. Это исходный концепт для ДА.
- **Универсум речи, континуум речи** – совокупность текстов, корпус, из которого делается выборка.

¹ Описание методики дистрибутивного анализа, предназначенной для изучения лексического и семантического уровней, см.: [Карлинский 2009 : 51-57].

- **Конкретный акт речи** – любой отрезок речи одного из участников коммуникации, ограниченный с обеих сторон молчанием (в устной речи при работе с информантами).
- **Высказывание** – то, что соответствует различным «текстовым» отрезкам: звуку, слову, фразе, предложению.
- **Сегмент** – отрезок, устный или письменный, вычленяемый в данной последовательности акта речи.
- **Элемент** – абстрактный сегмент, освобождённый от конкретных, ситуативных и физических черт, т. е. некоторый класс сегментов – *языковая единица*.
- **Окружение** (*position*) – соседство в актах речи других элементов.

Основная (конечная) цель ДА – получить картину сочетательных возможностей различных компонентов (классов, подклассов) синтаксической конструкции языка.



Сущность ДА состоит в том, что он представляет собой систему диагностирующих по своему характеру приёмов членения высказывания на минимально возможные в данном языке сегменты (*фоны, морфы*) с опорой на субстанцию; отграничения друг от друга самостоятельных единиц – инвариантов (*фонем и морфем*) и отграничения их вариантов (*аллофонов и алломорфов*) и установление дистрибутивных классов фонем и морфем.

Из этого следует, что процедура методики состоит из ряда этапов, или «шагов»:

- *первый этап* – предварительная запись высказываний информантов с помощью рабочей фонетической транскрипции, т. е. с помощью символической записи;
- *второй этап* – *сегментация* текста на лингвистически значимые единицы посредством тестов на субституцию;
- *на третьем этапе* – *идентификация* единиц как инвариантов, которая осуществляется путём сведения речевых сегментов (фонем, морфем и т. д.) в языковые единицы – инварианты (фонемы, морфемы) с опорой на сугубо формальной критерий – учёт дистрибуции единиц относительно друг друга в тексте;
- *на четвертом этапе* – группировка выявленных единиц в дистрибутивные классы.

Методика, как видим, включает целый **ряд приёмов**, точнее **систему приёмов**, поскольку они используются в строго определённой последовательности: 1) *сегментация* – выделение в исходном тексте определённых отрезков-сегментов; 2) *идентификация* – отождествление сегментов, т. е. объединение выделенных сегментов в эквивалентные классы, для чего необходима процедура 3) *дистрибуции*, т. е. установление совокупности окружений и установление всех возможных дистрибуций сегментов и дистрибутивных отношений и их типов; для установления дистрибутивных различий между классами исполь-

зуются приёмы: 4) *субституции* (<лат. *substitutio* – «подстановка, замена, замещение») – заменяя словоформы в одной и той же позиции (окружении) или, наоборот, заменяя окружение одной и той же формы, уточняем (подтверждаем или опровергаем) правильность выделенных позиций и выделенных классов и подклассов; 5) *реконструкция* – восстановление полной структуры высказывания путём замены нулевых позиций конкретными формами для уточнения неясной или неполной конструкции или для уточнения позиционных вариантов исследуемой конструкции; 6) *перестановка* – для обнаружения различных позиций, которые может замещать одна и та же форма в пределах исследуемой конструкции на последнем этапе – 7) *классификация* – распределение единиц по классам, подклассам.

Обычно устанавливаются три типа дистрибутивных отношений, которые называют моделями дистрибуции [Апресян 1966; Сусов 2006; Алефиренко 2009 и др.].

1. *Контрастивная дистрибуция*. Единицы (элементы) текста считаются находящимися в отношении контрастивной дистрибуции, если они находятся в одинаковых окружениях, различая значения. Например, в русском языке: *дом – том*.

2. *Дополнительная дистрибуция*. Единицы (элементы) текста (высказывания) считаются находящимися в дополнительной дистрибуции, если они не встречаются в одинаковых окружениях (позициях), несмотря на их формальное сходство. Таковы, например, гласные по степени закрытости в русском языке в зависимости от соседства с мягкими или твердыми согласными.

3. *Дистрибуция свободного варьирования*. Единицы (элементы) текста считаются находящимися в отношении свободного чередования, если они встречаются в одинаковых окружениях, не различая значений. Сравни: в русском языке: *зусь – жусь* (чередование заднеязычных взрывных и фрикативного в одной позиции : перед у).

Итак, первый тип дистрибуции диагностирует разные (самостоятельные) единицы языка (фонемы, морфемы), а второй и третий – вариативные модификации одной и той же единицы.

Как видим, в целом ДА представляет собой изошренную, крайне формализованную систему экспериментальных приёмов обнаружения языковой системы (синтагматики) в текстах [Сусов 2006 : 243], которая по сути своей является моделью лингвистической дешифровки [Апресян 1966 : 120; 2002 : 137]. Это в наши дни отталкивает некоторых исследователей от её использования.

В своем первом, описанном в пособии, варианте ДА имел ограничения: применяется для изучения только плана выражения, но в дальнейшем развитии ДА стал использоваться и для изучения содержания языка, модифицируясь в компонентный анализ семантики языковых единиц.

Привлекает ДА объективностью и точностью своей процедуры и своей результативностью, потому ДА получил значительное развитие и «занимает важное место в методологии лингвистики» [Карлинский 2009 : 57]. Значимость

ДА возрастает, если он дополняется другими экспериментальными и статистическими приёмами. К тому же ДА имеет основу для синтеза с рядом других методов (методик) [Степанов 2007 : 212]¹.

12.2.4. Анализ по непосредственным составляющим

Методика анализа по непосредственно составляющим (НС) была разработана в рамках американской дескриптивной лингвистики. Основные её принципы были сформулированы ещё в 20-е годы Л. Блумфильдом в его работе «Язык», а затем Генри Глисоном (р. 1917) в книге «Введение в дескриптивную лингвистику», а процедурный аспект методики разрабатывали З.З. Харрис, Ч.Ф. Хоккет, Р. Уэллс, Ю. Найда и др.²

Методика формировалась, с одной стороны, как реакция на традиционные представления о структуре слова и проблему ступенчатого развертывания синтаксической структуры (словосочетаний и предложений)³, а с другой, как совершенствование дистрибутивного анализа, в котором дистрибуция морфем, составляющая основу анализа, учитывала *все возможные* окружения в высказывании, включая даже те комбинации элементов, которые структурно между собою *не связаны*. Методика НС исключает структурно не связанные комбинации элементов из исследования. И в том отношении методику НС можно рассматривать как включающую в себя *дистрибуцию* в уточненном виде.

Цели методики НС состоят в выявлении и представлении словообразовательной структуры слова и синтаксической структуры словосочетания и предложения с учетом иерархических отношений (*анализ*) и 2) в выявлении и представлении порождения предложения (*синтез*).

Базовые концепты НС:

- **Непосредственные составляющие** (англ. *immediate constituent*) – элементы высказывания, которые входят в конструкцию в качестве *конституэнт*ов: одно, два или несколько составляющих, из которых непосредственно образована та или иная конструкция⁴. Это исходный концепт методики.
- **Конструкция** – любая группа линейно расположенных элементов, поддающаяся членению (т. е. сложная) на более мелкие составные части (предложения, словосочетания, композиции или производные слова)⁵.
- **Составляющие** – конструкции, входящие в какую-либо более крупную конструкцию⁶.
- **Конечные составляющие** (англ. *ultimate constituent*) – далее не членимые единицы непосредственно составляющих.

¹ См. вторую главу «Обобщение» третьей части в книге Ю.С. Степанова (2007 : 243-300).

² Мы исходим из положения Ю.К. Лекомцева о различии между теоретическими и операционными (процедурными) понятиями [Лекомцев 1983].

³ См. работы Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ш. Балли, Н.В. Крушевского, А.М. Пешковского, О. Есперсена, А.М. Мухина, Ю.С. Юрченко и многих других.

⁴ См.: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. – М., 1959. С. 190-191.

⁵ См.: Там же : 190.

⁶ См.: Там же : 190.

- **Аллофон** (англ. *allophone*) – вариант речевой манифестации фонемы.
- **Алломорф** (англ. *allomorph*) – вариант конкретной манифестации морфемы в речи.

Методика НС базируется на нескольких исходных постулатах.



- язык представляет собой строго организованную систему ярусов (уровней), единицы которых находятся друг с другом в неоднородных, иерархических отношениях;
- все слова в предложении находятся в однотипных отношениях подчинения: подлежащее подчинено сказуемому, а второстепенные члены подчинены друг другу или одному из главных членов, а поэтому подчинение предполагает наличие бинарных структур, в которых есть главное слово (ядро) и зависимое; т. е. в линейной последовательности речи слова связаны попарно;
- всякая сложная единица языка или текста складывается из двух (т. е. всегда бинарна), более простых и линейно не пересекающихся единиц - непосредственно составляющих.

На этом основании созданы *технические* (процедурные) правила: 1) членение высказывания всегда бинарно¹; 2) строго соблюдаемая последовательность членения; 3) каждое слово может быть членом только одной пары; 4) нельзя в паре переставлять слова; 5) на каждом шагу можно опускать *только одно* зависимое слово (это правила редукции); 6) каждый шаг направлен на выделение только одной бинарной структуры; 7) нарушение порядка проведения операции свертывания (*редукции*) может привести к ошибкам в членении фразы.

В результате пошаговой операции свертывания *речевая единица* (высказывание) превращается в *единицу языка* – структурную схему, или модель этого высказывания.

Общая картина свертывания высказывания по методике НС, т. е. результат анализа, обычно представляется графически в одном из двух видов: 1) с помощью скобок в обычной линейной записи высказывания или 2) в виде «дерева зависимости».

Обратимся к примеру: *Старый человек, который живёт там, пошел к дому своего сына*².

Приведённую фразу можно попарно расчленить на такие группы: {**Старый человек** | **который живёт** | **там** | **пошёл к дому** | **своего сына**}³.

Далее предполагается, что каждая пара функционирует в высказывании как самостоятельное целое, что подтверждается заменой одним словом: *старый*

¹ Это целесообразный путь, который экономит усилия при анализе. Если бы рассматривать отношения каждого слова с каждым (а не попарно!), то для анализа высказывания из 100 слов пришлось бы проанализировать 4950 отношений [Глисон 1959 : 186].

² Пример взят из книги Г. Глисона (1959 : 186).

³ Границы между НС всегда проводятся так, чтобы получившиеся части были максимально независимы друг от друга, т. е. способны к самостоятельному употреблению вне этой конструкции [Апресян 2002 : 332].

человек = старик; который живёт = живущий; пошёл к дому = туда; сына своего = Мориса и т. д.

Далее пошагово сокращается число единиц, пока оно не будет равно двум, что представлено в схеме [Тарланов 1995 : 42].

Схема 21

Модель анализа высказывания

Старый	человек,	который	живет	там,	пошел	к дому	своего	сына
Старик	живущий					туда	Мориса	
	тамошний			отправился				
он								

Анализ по НС можно записать и в символах. Например: *Маленький мальчик бросил резиновый мяч*. Если обозначить первое и четвертое составляющие (прилагательные) через **A**, второе и пятое (существительные) – через **N**, третье (глагол) – через **V**, а всякую группу составляющих – через **P**, то получится, что наше предложение состоит из следующих конструкций [Тарланов 1995 : 43].

Схема 22

Модель предложения

Маленький	мальчик	бросил	резиновый	мячик
A	N	V	A'	N'
NP			NP	
		VP		

Таковы модели свертывания (*анализа*) высказываний по НС. Но методика НС может работать и в обратном направлении, может использоваться для синтеза синтаксических структур, т. е. с целью построения порождающих моделей предложений, эта процедура называется развертыванием: от структурной схемы, модели к конкретному высказыванию, когда единица языка преобразуется в единицу речи. Потому эту часть методики НС в научной литературе обычно именуют моделью порождения по НС [Апресян 1966 : 198-212].

Принципы и правила развертывания те же самые, что и при свёртывании структур, только шаги процедуры идут в обратном порядке.

Первоначально задается некоторая основная «аксиома» (в нашем случае **S** как символ предложения). Затем применяются правила, позволяющие переписывать аксиому до тех пор, пока не будет получено предложение.

Рассмотрим процедуру порождения по НС того же предложения: *Маленький мальчик бросил резиновый мяч*, которое при свертывании было обозначено в символах **A**, **N**, **V**, **NP** и **VP**. Кроме этого набора символов, применяется ещё символ типа $a \rightarrow b$, где стрелка обозначает «может быть переписано в виде»¹.

¹ См.: Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. – М.: Прогресс, 1976. – С. 43

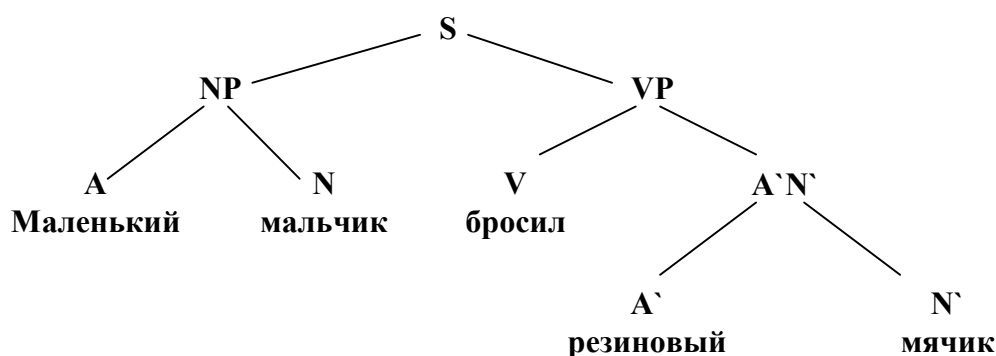
Правила порождения:

1. $S \rightarrow NP + VP$
2. $NP \rightarrow A + N$
3. $VP \rightarrow V + NP$
4. $A \rightarrow \text{маленький}$
5. $A' \rightarrow \text{резиновый}$
6. $N \rightarrow \text{мальчик}$
7. $N' \rightarrow \text{мячик}$
8. $V \rightarrow \text{бросил}$

Подчеркнём, что верность правил проверяется *грамматической правильностью* получаемых (порождаемых) ими предложений. При этом любое предложение, которое не может быть выведено в результате применения этих правил, *формально считается грамматически неправильным*, т. е. семантика предложений не учитывается¹.

Схема 23

Схема результатов порождения²



Методика анализа по НС используется в исследовательской практике и в наши дни, но возможности её довольно ограничены, на что неоднократно указывалось в научной литературе по лингвистике.

К важнейшим недостаткам методики НС относится:

- не позволяет различить синтаксические структуры предложений, различных по смыслу;
- применим только в рамках простого предложения (реже сложноподчинённого с определительными отношениями);
- не даёт возможность различать активные и пассивные структуры;
- жесткость правил и громоздкость процедуры;
- не даёт возможность ответить на вопрос, что же является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне.

¹ См.: Слобин Д., Грин Дж. 1976 : 80.

Например, грамматически правильной конструкцией считается предложение: *На верблюде поёт бумага* [Алефиренко 2009-б : 367].

² См.: Тарланов 1995 : 44.

Всё это побудило учёных, во-первых, к совершенствованию методики НС (Р. Уэллз, С. Четмен, К. Безелл и др.), во-вторых, искать другие типы порождающих моделей, другие методики.

12.2.5. Трансформационный анализ

Основы трансформационного анализа (ТА) были разработаны в начале 50-х годов Зеликом Харрисом¹, который рассматривал его как логическое развитие дистрибутивного анализа (ДА) и анализа по непосредственным составляющим (НС). В 1957 году ТА был существенно переработан учеником Харриса Ноамом Хомским.

Аналогом ТА в европейской лингвистической традиции является концепция синтаксической (функциональной) транспозиции (Ш. Балли, О. Есперсен, Л. Теньер, Е. Курилович и др.).

Принципиальное отличие ТА от всех ранее названных методик состоит в том, что он основывается на правилах преобразования и правилах перераспределения элементов, в то время как методика НС базировалась, как мы уже указывали, «на правилах образования, при помощи которых одни символы переписываются в другие символы»². Кроме того, НС имеет дело с описанием поверхностных структур³, тогда как ТА – описанием глубинных структур⁴. Так, предложения – *Плотники строят дом* и *Дом строится плотниками* – при всем различии их поверхностных структур обнаруживает одну и ту же глубинную структуру, т.к. они имеют смысловую близость и отличаются только грамматическими значениями активности /пассивности.

Из этого следует, что ТА уже является в какой-то мере конструктивной методикой⁵, которая имеет *объяснительный* характер.

Следовательно, **основная цель ТА** состоит в том, чтобы объяснить, каким образом можно получить при помощи некоторого набора правил всю совокупность предложений данного языка.

Основные задачи ТА:

1) свести различные предложения и их типы к минимуму на основе единства глубинных структур;

2) выявить различия в глубинной семантической структуре синтаксических конструкций.

Могут быть и другие, неосновные задачи [Алефиренко 2009-б : 369].

¹ *Харрис (Хэррес) Зелик* (1909-1992) – американский лингвист (уроженец России), крупнейший представитель дескриптивной лингвистики. Одна из основных его работ – «*Метод в структурной лингвистике*» (1948).

² См. указанную работу: Слобин Д., Грин Дж. 1976 : 46.

³ В теории трансформационных порождающих грамматик поверхностная структура – один из способов описания синтаксического устройства предложения, противопоставленный глубинной структуре, т.е. само конкретное высказывание в речи.

⁴ В теории трансформационных порождающих грамматик глубинная структура – это способ представления (абстрактного описания устройства) предложения, который позволяет отразить смысловую близость ряда предложений при различии их грамматической (синтаксической) структуры и значения.

⁵ Понятие конструктивных методов и методик будет дано при характеристике генеративной грамматики Н. Хомского.

Базовые концепты:

- **Синтаксическая система** (грамматическая синтагматика) состоит из двух подсистем: *ядерной* и *производной*.
- **Ядерная синтаксическая подсистема** – совокупность ядерных предложений, которая устанавливается из реальных предложений текста при помощи дистрибутивного свертывания.
- **Производная синтаксическая система** выводится из ядерной путём использования определённого набора трансформационных правил.
- **Трансформация** (<лат. *transformatio* – «преобразование») – это получение (порождение) производных конструкций из ядерных путём так называемого «внутреннего» перевода, т. е. путём использования различных языковых средств для выражения одного и того же смысла.
- **Трансформ** – это каждая отдельно взятая конструкция, произведённая от ядерной и связанная с ней отношением трансформации.
- **Пропозиция** (<лат. *proposition* – «основное положение, тема») – общий логический смысл, лежащий в основе предложения; смысл, содержащийся в конструкциях, реализованных в речи.
- **Трансформационные правила** – предписания для выполнения трансформационных действий, т. е. для получения трансформов от исходных (ядерных) конструкций.

В основу ТА положены две основные идеи: 1) синтаксическая система языка может быть разбита на подсистемы, одна из которых является *ядерной*, а все остальные – её *производными*; 2) ядерные предложения вместе со своими трансформами связаны с классами элементарных ситуаций [Апресян 1966 : 183-184].

Для прояснения **сущности** ТА Юрий Дереникович Апресян даёт яркое и остроумное сравнение с таблицей Менделеева: громадное число «молекул» (сложных синтаксических типов) описывается с помощью небольшого числа «элементов» (ядерных типов) и небольшого числа «реакций» (трансформаций) [Апресян 1966 : 181].

Процедурная сторона ТА состоит из ряда *этапов, шагов*.

1. ТА получает *на входе* текст и множество правильных фраз с уже расставленными дугами непосредственных синтаксических связей:

(Профессор осматривает пациента)

и вырабатывает *на выходе* информацию о *ядерных типах* и трансформациях, действующих в его синтаксической системе языка

Для этого используются общие и частные *трансформационные правила*.

Общие трансформационные правила:

1. Все трансформы, получаемые от одной ядерной конструкции, должны сохранить исходные семантические отношения, т. е. выражать один и тот же смысл – пропозицию, соотноситься с одной и той же денотативной ситуацией.

2. Для получения трансформов допустимо изменение (преобразование) синтаксической структуры конструкции при сохранении лексической семантики конституэнтов.

3. В отдельных случаях допускается замена слова синонимом, добавление или исключение элементов конструкции, не изменяющих её пропозиционную структуру (смысл).

Частные трансформационные правила охватывают основные действия по трансформационным преобразованиям, учитывая разные типы трансформаций:

- **Пермутация** (<лат. *permutare* – «менять») связана с перестановкой мест элементов внутри предложения: *Миша был на уроке* → *На уроке был Миша*¹.
- **Субституция** (<лат. *substitution* – «замена») – это замена элемента предложения при сохранении общего смысла: *Рабочие строят дом* → *Дом строится рабочими*.
- **Адьюнкция** (<лат. *adjunction* – «прибавление, присоединение») – вставка дополнительных элементов в структуру предложения, например, изменение цели высказывания, но смысловая основа должна остаться неизменной, т. е. прием развертывания: *Миша был на уроке* → *Был ли Миша на уроке?*
- **Элиминация** (<лат. *eliminare* – «исключение, удаление») – исключение элемента из состава предложения, т. е. приём свертывания: *В тех краях тепло* → *Там тепло*.
- **Номинализация** (<лат. *nomina* – «имя») – преобразование имен существительных от личных форм глагола ядерной конструкции: *Собака лает* → *Лай собаки*.
- **Адъективация** (лат. *adjectivum* – «прилагательное», переход в прилагательные) – использование предикативных прилагательных и причастий, образованных от личных форм глагола в качестве определений существительных. *Обед был вкусным* → *Вкусный обед*. *Мальчик читает книгу* → *Читающий книгу мальчик*.
- **Комплексная трансформация** имеет место в том случае, когда при образовании одного трансформа используется сразу несколько трансформационных правил: *Мальчик читает книгу* → *Читающий книгу мальчик* (кроме адъективации, ещё и изменение порядка слов).

Итак, применяя общие и частные правила трансформации, получаем список трансформов, который адекватно может быть задан через фиксацию парадигмы предложения. Например:

1. *Профессор осматривает пациента.*
2. *Осматривает ли профессор пациента?*
3. *Профессор не осматривает пациента.*
4. *Пациент осматривается профессором.*

¹ Все примеры взяты из книги: [Карлинский 2009 : 60].

5. *Профессор будет осматривать пациента.*
6. *Пациент будет осмотрен профессором.*
7. *Кем будет осмотрен пациент?*
8. *Кем был осмотрен пациент?*
9. *Кем осмотрен пациент?*
10. *Осмотр пациента профессором.*
11. *Профессор, осматривающий пациента*
12. *Пациент, осмотренный профессором* [Апресян 1966 : 186].

2. Далее идёт *испытание* списка трансформов (расширение или сужения его в зависимости от цели и задач, материала и других условий). Это один из самых важных этапов ТА, т.к. объективность и формальная строгость ТА начинается именно со структурных проб и оценки семантической допустимости при составлении списка трансформаций.

3. После испытания множества трансформов¹ списка решаются две задачи: 1) устанавливается ядерный трансформ и 2) основные типы трансформаций, действующие в синтаксической системе данного языка.

Установление ядерного типа сравнимо с установлением *основной формы слова* в лексикографии.

Ядерный трансформ устанавливается по признакам: 1) имеет форму предложения; 2) является самой простой в синтаксическом отношении конструкцией с наименьшим количеством грамматических морфем [Апресян 1966 : 186].

Это простое двусоставное предложение, в изъявительном наклонении, настоящем времени, активном залоге, утвердительной форме, не содержащее модальных и эмфатических слов [Хомский 1962], т. е. в нашем списке это первое предложение: *Профессор осматривает пациента*².

4. Последний этап состоит в том, чтобы *упорядочить* найденные в ходе анализа трансформации. Каждому высказыванию присваивается индекс, указывающий на его *трансформационный потенциал* (т. е. количество допустимых трансформаций), по которому классифицируются анализируемые высказывания. Высказывания, обладающие одинаковым потенциалом, группируются в один класс. Так решается вторая задача ТА.

Итак, с помощью ТА достаточно успешно и с высокой степенью достоверности решаются многие задачи структурного описания языка, а потому он используется отечественными и зарубежными специалистами.

Вместе с тем ТА не лишен некоторых недостатков и ограничений:

– Список трансформаций относительно данной конструкции нельзя определить а priori, он устанавливается исследователем на основе своей интуиции,

¹ Коливанский Г.В. К вопросу о семантическом инварианте при трансформации предложений // Филологические науки. – 1965. – №2. – С. 51.

² Так, ядерные предложения такого типа (*Ученик решает задачу. Художник рисует картину. Ветер гонит тучи* и т. д.) составляют один класс, который можно обозначить как: $N_1 V N_2$, - одна из глубинных структур, что подтверждается данными психолингвистики, типологии, развития речи у детей и др. [Левицкий 2005 : 233-241; Гридина 1996; 2003].

которая, правда, может быть уточнена информантами-носителями определённого языка в качестве родного. Такая возможность имеется не всегда.

– Строгое соблюдение трансформационных правил, что обязательно для ТА, часто вызывает определённые трудности. Например: лёдоход → ход (движение) льда, но пароход → *ход пара?

Это в значительной степени связано с основным недостатком ТА – с игнорированием семантической составляющей анализируемых единиц, что получило отражение в *принципе семантической инвариантности трансформаций*.

Лингвисты в конкретных исследованиях сталкиваются и с другими сложностями и противоречиями при использовании ТА. Потому поиск путей совершенствования ТА естественен и неизбежен.

Такая возможность возникла в рамках конструктивного направления, возникшего в математике, а затем и в других науках, в том числе в 60-е годы XX века и в лингвистике.

Основная идея конструктивизма: *необходимость конструирования (моделирования)* там, где объект науки *недоступен непосредственному наблюдению*, была уже частично реализована в методике НС и в трансформационной, где для описания языка были предложены статичные модели, которые оказались недостаточно эффективными в применении к такому сложному объекту, каким является язык и речевая деятельность.

Одной из причин неудачи явилось то, что была не реализована ещё одна концептуальная особенность конструктивизма – *динамичность*.

Наиболее ярко конструктивные подходы к языку были реализованы в герменевтических, или порождающих грамматиках в 50-60-е годы XX века. Наибольшую известность получили два варианта: трансформационная модель порождения Ноама Хомского (США, 1957) и аппликативная порождающая модель Шаумяна Себастьяна Константиновича (СССР 1965)¹.

Необходимо сразу же предупредить читателя пособия, что существует объективные сложности описания генеративной грамматики (от ср.-лат. *generativus* – «рождающий, порождающий»), обусловленные тем, что созданы даже не две основные версии генеративизма: начальная, так называемая стандартная теория (*Standart Theory*), сформулированная Н. Хомским в работе «*Синтаксические структуры*» (1957, в русском переводе вышла в 1962 г.), и «*Расширенная стандартная версия*», сформулированная Хомским и его учениками в 80-е годы XX века, а множество других, поскольку пересмотр идей генеративизма идёт и в наши дни [Фундаментальные исправления современной американской лингвистики 1997; Алпатов 2001; Кибрик (ЛЭС 2002; Сусов 2006; Степанов 2007; Михалёв 2008 и др.).

Изложить изменения методики по каждой теоретической версии в жанре учебного пособия просто невозможно, поэтому считаю необходимым осветить только два вопроса: 1) в чем сходство и отличие теории и методики генеративной грамматики от исходного трансформационного анализа (в версии ортодок-

¹ Аппликативная модель принципиально отличается от ТА, поэтому в пособии она не рассматривается. Описание см.: [Апресян 1966 : 223-232; Степанов 2007 : 265-278].

сального дескриптивизма учителя Хомского З. Харриса) и 2) в условиях полярных оценок лингвистической деятельности Н. Хомского¹, которая сама по себе вызывает величайшее уважение, помочь читателю осознать, почему современному исследователю всё же необходимо знать основы генеративизма, чтобы понять, что в этой методике и её приёмах, этой модели порождения речи вполне применимо в современных исследованиях.



I. Принципиальные положения трансформационной порождающей грамматики

1. Грамматика – не конструкт, изобретаемый грамматистом, а *формальный объект, обладающий психологической реальностью в жизни человека.*

2. Практически каждое предложение, которое человек произносит и понимает, это принципиально новая *комбинация слов*, впервые возникающая в истории вселенной, на базе *схемы, программы, общей (универсальной) грамматики* для всех языков² [Пинкер 2009 : 15].

3. Предложения обладают внутренней структурой, отражающей произношение и написание; *все языки обладают одной и той же внутренней структурой*, различаясь только по внешнему облику своих предложений.

4. Каждая система человеческого поведения, в том числе и *языковая система, есть автономный модуль*, регулируемый своими наборами принципов. Модули взаимодействуют между собой лишь *по результату, не вмешиваясь во внутреннюю механику друг друга*: промежуточные результаты работы одного модуля подвергаются «обработке» другими модулями.

5. Языковые способности человека объяснены, хотя бы частично, через структуры языковых репрезентаций при обязательном разграничении **компетенции** (competence) как знание языка и **употребления** (performance) как использование языка в речевой деятельности.

Из сказанного следует, что одна из **главных целей** порождающей грамматики состоит в *объяснении структуры этих человеческих способностей*, а **главная задача** состоит *«не в процедуре открытия речевых регулярностей»³, а*

¹ По мнению Стивена Пинкера, крупнейшего американского психолингвиста, «реакции на его (Хомского – З.К.) идеи колеблются от благоговейного почтения... до уничижительных выпадов» [Пинкер 2009 : 15]. Вместе с тем, к настоящему моменту «клан» учёных, исследующих поднятые им вопросы исчисляется тысячами. Сейчас Хомский входит в десятку наиболее цитируемых авторов в гуманитарных науках (обходя Гегеля и Цицерона и уступая только Марксу, Ленину, Шекспиру, Библии, Аристотелю, Платону и Фрейдю) и является единственным ныне здравствующим членом этой десятки [Пинкер 2009 : 15].

² Хотя эту универсальную грамматику Н. Хомский создаёт, используя «сырой материал» только одного, английского языка, выступая в качестве информанта и исследователя одновременно.

³ По крайней мере, так декларировал сам Н. Хомский: «Я полагаю, что, снизив наши запросы и поставив более скромную цель – *разработать процедуры выбора грамматики* (выделено мной – З.К.), – мы можем сосредоточить наше внимание на узловых проблемах лингвистической структуры и прийти к более удовлетворительному их решению» [Хомский 1962 : 459-460].

в моделировании деятельности носителя языка» [Алпатов 2001 : 312]¹ для достижения **конечной цели** порождающей грамматики, по Н. Хомскому, – *созданию виртуального автомата, строящего правильные предложения*, что позже было воплощено в действительные автоматы – компьютерные системы и работу по проблеме искусственного интеллекта.

Таким образом, трансформационная порождающая грамматика, унаследовав (особенно на первом этапе своего развития) от Т.А. З. Харриса *правила НС* и *трансформационные правила*, принципиально отличается от предшествующей модели, которая была статичной (вне развития языка), имманентной (не нуждающейся в каузальности и присутствии человека); асемантической² и с акцентом на синтаксический компонент³, т. е. полностью соответствовала принципам структурализма. Все эти недостатки были устранены в модели Н. Хомского. В результате этого порождающая грамматика позиционируется как самостоятельная ветвь структурализма, что неоднократно подчёркивает Н. Хомский в своих работах, которая сосредоточивается не на решение вопроса «**Как устроен язык?**», если рассматривать его извне (без человека), а на вопрос «**Как функционирует язык?**», если рассматривать его с позиции компетенции, присущей идеальному говорящему–слушающему, т. е. с позиции реального носителя языка.

При этом Н. Хомский настойчиво подчеркивает, что компетенция *динамична* и по существу представляет собой «*систему порождающих процессов*» (Хомский 1962; 1965; 1968; 1981 и др.).

Понятие порождение употребляется Н. Хомским в его математическом смысле, т. е. *перечисление, выбор* грамматик посредством ряда формальных правил, а точнее как рекурсивное перечисление, т. е. исчисле-

¹ Но к оценке теории (метаязыка) трансформационной порождающей грамматики Н. Хомского (взгляд из современности) вполне применима позиция Ю.С. Степанова: «процесс строгого, или даже формализованного изложения нередко, а в современном языкознании это даже типичный случай, – повторяет в очищенном и логически упорядоченном виде процедуру открытия (выделено мной – З.К.), зачастую неосознанную» [Степанов 2007 : 11], т. е. модель порождения речевой деятельности человека в концепции Н. Хомского представляет собой «внутреннее единство открытия и процесса изложения» [Там же : 11], хотя «эксплицитная процедура выявления грамматики в порождающих исследованиях отсутствует» [Там же : 10], что и обусловило такую бурную и длительную дискуссию в лингвистике: от «хомскианской революции» и создания отдельной научной парадигмы в лингвистике, с одной стороны, до сравнения с «операциями таких медиков, больные которых умирают на операционном столе», – с другой. См., к примеру, книгу М. Таубе «*Вычислительные машины и здравый смысл. Миф о думающих машинах*» (М. 1964. – С. 59-73).

Однако интенсивные поиски более адекватных подходов к моделированию языка самого Н. Хомского и наличие большого числа учеников и последователей обеспечило ему право «считаться одним из выдающихся представителей американского и мирового языкознания» [Алпатов 2001 : 322; Сусов 2006 : 259 и др.].

² На первом этапе действовал критикуемый принцип *семантической инвариантности трансформаций*, перенесённый из Т.А. З. Харриса, заключающийся только в грамматической правильности предложений. Отсюда знаменитый пример Н. Хомского, критикуемый лингвистами разных стран: *Colourless green ideas sleep furiously* – *Бесцветные зеленые идеи спят яростно*.

Семантический компонент встраивается в трансформационную грамматику только к концу 60-х годов [Апресян 1966 : 214; 2002 : 520].

³ Первоначально трансформационная порождающая грамматика имела *трехчастное строение*, т. е. состояла из трёх уровней: 1) уровня непосредственно составляющих; 2) трансформационного уровня и 3) морфологического [Апресян 1966 : 214; Амирова 2000 : 96] и только к концу 60-х годов, сохранила трехчастную структуру, но с другими уровнями: *синтаксическим, семантическим и фонологическим*, из которых центральным является *синтаксический*, а два других выполняют по отношению к синтаксису интерпретирующие функции [Кибрик 2002 (ЛЭС) : 98].

ние в *рекурсивной последовательности* (<лат. *recurrens* – возвращающийся) – возвратная последовательность, когда в решении какой-либо задачи приходится использовать предшествующие элементы данной последовательности [Кондаков 1975 : 515] и *рекурсивной функции* [Кондаков 1975 : 515], т. е. таких числовых функций, значение которых можно вычислять посредством некоторого (единого для данной функции) алгоритма¹.

Мы не будем описывать всю достаточно сложную систему порождения в **процедурном аспекте** по двум причинам: во-первых, потому что квалифицированное, но доступное описание даёт Александр Евгеньевич Кибрик в «*Лингвистическом энциклопедическом словаре*» (1990; 2002 : 98-99) и во-вторых, потому что современный исследователь может использовать не всю порождающую модель, а только её элементы: 1) терминологический аппарат этой методики (*глубинная и поверхностная структура, компетенция и употребление...*); 2) отдельные виды трансформаций или каких-либо других приёмов. К примеру, для проверки результатов исследования эффективным является приём коммутации, введенный Л. Ельмслевым, правда, не описанный в пособии, потому что он вполне сравним с описанной *дистрибуцией у дескриптивистов и оппозитивной методикой* прагматов².

Иначе говоря, современный исследователь должен учесть методологические ограничения, характерные генеративизму, что детально описано в научной литературе, и включить в свой методологический арсенал только то, что уже апробировано лингвистами и признано эффективным³.

12.2.6. Компонентный анализ

Компонентный анализ (КА) был введен в практику изучения языка американскими этнолингвистами У.Х. Гуденафом и Ф. Дж. Лаунсберги в 50-е годы XX века как *техника* для описания узкого круга лексических единиц (терминов родства) в языках североамериканских индейцев⁴.

КА обнаруживает несомненную связь с классическими методиками изучения лексики, в особенности с её лексикографическим представлением значений слов и теорией поля в лингвистике [Щур 2007]⁵.

Но концептуальное становление КА пришлось на период лингвистического структурализма, поэтому многие лингвисты рассматривают КА как вари-

¹ См.: Мальцев А. И. Алгоритмы и рекурсивные функции. М., 1965. – С. 12; 65.

² Дело лишь в различном понимании терминов в разных школах структурализма [см.: Апресян 1966 : 75-76]. Методика коммутационной проверки в трудах датских структуралистов описана в учебном пособии А. Т. Хроленко и В. Д. Бондалетова «Теория языка» (2006 : 443-444), правда как особый метод, что вряд ли соответствует действительности.

³ Хочется ещё сказать, что читать работы Н. Хомского (как впрочем и других крупных лингвистов) полезно ещё и потому, что «он учит думать», на что обратила внимание крупный современный философ Хилари Патнем [Патнем 2002]

⁴ Применение КА к этим же терминам родства дано в ряде других работ. См.: Тарланов 1995 : 63; Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976. – С. 128-129 и др.

⁵ В книге «*Теория поля в лингвистике*» (2007) даётся обобщение существующих в лингвистике концепций поля, написанной выдающимся отечественным языковедом *Георгием Семеновичем Щуром* (1929-1981). Он германист, автор работ по общему и сравнительно-историческому языкознанию, лингвистической типологии, языковых категорий, инвариантности в языке и теории поля.

ант *оппозиционной методики*, перенесенной на лексический уровень и на семантику двусторонних единиц языка, что в общем-то вполне правомерно.

Однако расширение теоретической базы КА связано с работами Э. Кошмидера и Г.Ф. Мейера (Германия), с успехами американской этнолингвистики, с трудами представителей генеративной семантики (Э.Х. Бендикс, Дж. Катц и др.) и идеями отечественных учёных в области структурной семантики.

За 60 лет своей эволюции КА превратился из методики, «дававшей представление значения отдельно взятого слова в виде неупорядоченного набора однотипных минимальных компонентов, в метод анализа слова в типовом синтаксическом контексте, результаты которого представляются в виде разнообразных семантических метаязыков» [Кобозева 2000 : 120-122], а сам КА сегодня имеет множество вариантов, которые могут существенно различаться в процедуре анализа¹.



Компонентный анализ (в своём классическом варианте) – это методика исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в разложении значения на минимальные семантические составляющие с целью выявления и представления семантической структуры этих единиц.

Сущность КА определяется рядом исходных **постулатов**:

- в соответствии с достижениями лингвистики постулируется, что значение двусторонних единиц языка (в том числе – и *слова*) – это сложные феномены;
- эти сложные феномены можно разложить на составляющие компоненты²;
- языковые подсистемы (в том числе и словарный состав языка) может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков [Кузнецов (ЛЭС) 2002 : 233-234].

Базовые концепты КА:

- **Сема** (<греч. *sema* – «знак») – минимальный смысловой элемент значения; конструктивный компонент семемы.
- **Семема** – пучок сем [Тарланов 1995 : 79].
- **Структура семемы** – пучок структурно упорядоченных сем; иерархическая взаимосвязь и взаимозависимость сем одной семемы.
У многозначных слов *семема* синонимична термину *лексико-семантический* вариант (А.И. Смирницкий).
- **Семантический признак** – это определенный параметр или аспект значения слова или какой-либо другой двусторонней единицы языка [Алефиренко 2009-б : 377].

¹ Например, в кандидатской диссертации Т.А. Зевахиной «Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова» (М., МГУ, 1979) разработана система параметров (всего их 134!), на основе которых можно охарактеризовать конкретные разновидности КА в *процедурном* и *метаязыковом* аспектах.

² Существует сложность: для обозначения минимальных семантических единиц плана содержания используется несколько терминов: *дифференциальный элемент* (Ф. де Соссюр); *фигура содержания* (Л. Ельмслев); *семантический множитель* (Ю.Н. Караулов); *дифференциальный признак* (И.В. Арнольд); *ноэма* (Э. Кошмидер, Г. Мейер); *сема* (В. Скаличка). Термин *сема* является наиболее принятым.

В КА существует три основных подхода к способам выявления сем в структуре значения:

1) логический, основанный на установлении гносеологических связей между семами и признаками денотата;

2) лингвистический, использующий совместную встречаемость (сочетаемость, синтагматику) семантически близких слов в речи;

3) логико-лингвистический, сочетающий в себе логические и лингвистические приёмы [Алефиренко 2009-б : 377].

1. Покажем действие **логического** способа на примере слова *птица* с использованием логических приёмов и упрощенной символики¹:

– включение в класс '*птица* (x)' \supset '*животное*';

– включение в подкласс: '*птица* (x)' \supset '*позвоночное животное*';

– серия предикаций, т. е. приписывание признаков x–у ($\forall x$ для всякого x верно, что...):

$\forall x$ 'иметь' (x, '*крылья*');

$\forall x$ 'иметь' (x, '*две конечности*');

$\forall x$ 'иметь' (x, '*клюв*');

$\forall x$ 'быть покрытым' (x, '*перья*');

$\forall x$ 'быть покрытым' (x, '*пух*') [Сусов 2007 : 95].

Дж. Лайонз в своём учебнике *«Введение в теоретическую лингвистику»* для выявления семного состава значения использует приём **семантических пропорций** типа: $a : b = c : d$ (*кислород : газ = клубника : ягода*) [Лайонз 1978 : 496-497]. Интересный вариант предложен А.Я. Шайкевичем, представляющий собой *дистрибутивно-статистический* анализ [Шайкевич 1976 : 353-377].

Начинающие лингвисты чаще других применяют логический способ выделения сем, но при этом иногда допускают ошибки, обусловленные тем, что подменяют анализ языковых значений анализом *всех* существенных реальных и возможных признаков, *характерных денотату*.

Критический анализ такого подхода в работах Г. Мейера дают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [Гулыга, Шендельс 1976 : 291-314].

2. Стремясь избежать подобных недостатков, часто языковые значения отграничивают от логических при помощи *словарных дефиниций*. Такой подход обычно называют дефиниционным вариантом КА.

Этот **логико-лингвистический** подход в наши дни является господствующим, что предполагает наличие ряда вариантов КА.

Один из ранних вариантов описывает Юджин Найда в учебном пособии *«Компонентный анализ значений»*, процедура которого дана в русском переводе [Найда 1983 : 61-74].

Предлагаемую процедуру КА Ю. Найда называет **процедурой вертикально-горизонтального анализа** значений; поскольку она предусматривает анализ значений слов в двух измерениях: 1) в вертикальном, когда сравниваются значения, стоящие на разных уровнях иерархии родо-видовых отноше-

¹ Символы математической логики: \supset означает материальную двойную импликацию (логическую связку, соответствующую грамматической конструкции: «если... то»); $\forall x$ - означает «для всех x» [Кондаков 1975 : 535-539].

ний и 2) в горизонтальном, когда сравниваются значения одного и того же уровня иерархии.

Процедура такого анализа состоит из пяти этапов.

Первый этап состоит в нахождении гиперонима слова, например, для слова «журнал» (англ. *magazine*), это будет «периодическое издание».

Второй этап состоит в подборе гипонимов данного слова, т. е. названия конкретных журналов.

Третий этап заключается в анализе единиц того же самого иерархического уровня, к которому принадлежит данное слово, т. е. в анализе синонимов и антонимов.

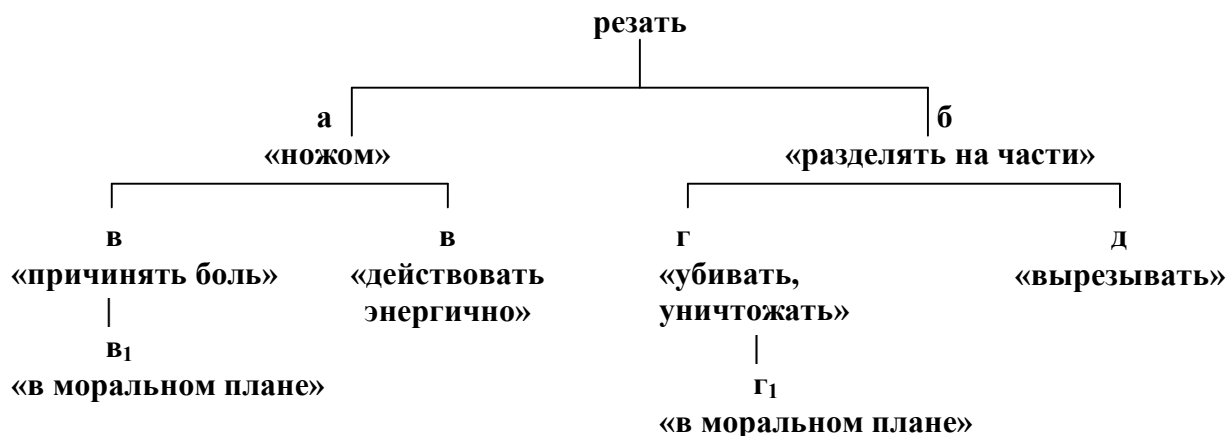
Четвертый этап – основной, т.к. на этом этапе составляется список минимальных диагностических компонентов (сем), которые группируются в определённые блоки. Так, для слова «журнал» выделяется три крупных блока: 1) 'периодическое издание'; 2) 'переплетенное или сброшюрованное' и 3) 'по содержанию и оформлению носящее довольно популярный характер'.

Пятый этап – заключительный и, по мнению Ю. Найды, факультативный, состоит в формулировании дефиниции слова на основе его диагностических признаков.

Как видим, предложенный вариант КА является типичным для начального периода КА, когда анализируются отдельные, изолированные слова с учётом **парадигматических отношений** (корреляций)¹.

Но в зависимости от цели и задач исследования вариант КА, предложенный Ю. Найдой, является вполне эффективным. Приведём, к примеру, схему семной структуры глагола *резать*, выявленную В.Г. Гаком (1976 : 90)².

Схема 24



Приведённые варианты КА для конкретной лексики на парадигматическом уровне, представленные в виде схем (см. схему 24) или в виде таблиц³, нашли широкое использование в работах И.В. Арнольд, Э.В. Кузнецовой,

¹ В этой же работе Н. Найды представлен ещё один вариант КА, названный *процедурой анализа пересекающихся значений* [Найда 1983].

² Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследования. М., 1976. 81-90.

³ См., например, таблицу, представляющую результаты КА в учебном пособии: Алефиренко 2009-б : 380.

А.А. Уфимцевой, И.А. Стернина, Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, О.Н. Селиверстовой, Э. М. Медниковой и многих других.

Из многих направлений КА особенно перспективными в силу его объективности [Болотнова 2009 : 453] представляется **методика ступенчатой идентификации** на основе *словарных дефиниций*, разработанная Эрой Васильевной Кузнецовой. Она заключается в последовательном сведении слов-идентификаторов к словам с предельным значением на базе словарных дефиниций.

Рассмотрим пример из учебного пособия Э.В. Кузнецовой.

Выловить – *извлечь* из жидкой среды; *извлечь* – достать изнутри; *достать* – *взять* откуда-либо; *взять* – *получить*; *получить* – *взять*.

Процедура *многоступенчатой идентификации* продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях не возникнет ситуация «взаимной идентификации». В нашем примере это взаимная идентификация глаголов *взять* и *получать*. Такая ситуация сигнализирует, что дальнейшее разложение значений с помощью слов того же языка невозможно.

Конечные идентификаторы можно принять за лексико-семантические единицы, которые как бы олицетворяют семантические компоненты, представленные в значениях всех глаголов и объединяющие их. Так, в приведённом примере идентификатор *взять* является манифестатором категориально-лексической семы «*приобщение объекта*», на основе которой они включается в соответствующую лексико-семантическую группу глаголов [Кузнецова 1989 : 37].

Для анализа абстрактной и служебной лексики эффективен вариант АК, разработанный представителями Московской семантической школы [Мельчук 1974 : 62-67; Кобозева 2000 : 115-120].

КА активно используется на разных языковых уровнях различных языков для выявления **иерархии сем** в качестве самостоятельной задачи.

Так, вслед за Б. Потье, Владимир Григорьевич Гак даёт следующую иерархию сем:

– архисема (категориальная сема) – общая сема родового характера, например, у слова *лошадь* – ‘одушевлённое существо’;

– дифференциальные семы видового характера: 1) описательные, отражающие индивидуальные свойства и признаки предмета и 2) относительные, отражающие связи и отношения данного предмета с другими;

– потенциальные семы – скрытые элементарные смыслы, возможность выявления которых обеспечивается актуализацией слова в речи, например, у слова *лошадь* ‘тяжесть’ или у слова *автомобиль* – ‘состоятельность’ и т. п. [Гак 1988; Алефиренко 2009-б].

3. Наконец, третий подход к выделению сем – чисто **лингвистический**, который базируется на уровне синтагматики и заключается в анализе семантики слов (или других единиц языка), исходя из совместной встречаемости слов (единиц) в текстах.

В этом случае методика извлечения сем сводится к следующим **шагам**:

- 1) фиксируются все случаи совместного появления в тексте двух слов, одно из которых является анализируемым;
- 2) составляется список слов-синонимов;
- 3) аллонимы группируются в семантически близкие классы;
- 4) каждому классу присваивается обобщенное значение. Эти обобщенные значения и являются семемами (семантическими, структурными) исследуемых слов.

Такой вариант выделения сем позволяет избежать субъективности в анализе языковых значений, поскольку семы извлекаются из текста при помощи формализованных процедур [Алефиренко 2009-б : 381].

Зародившись как основная методика структурной семасиологии, КА был перенесен на морфемный уровень, а затем на морфологический (И. Вахек, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс) и синтаксический (О. И. Москальская, В. А. Белошапкова, В. Г. Гак, Е. М. Вольф).

На уровне грамматики КА направлен, прежде всего, на анализ грамматических категорий и грамматической семантики, где он используется, по мнению Замира Курбановича Тарланова, «особенно результативно», что обеспечивает КА «важную роль в современных грамматических исследованиях» [Тарланов 1995 : 81].

КА продолжает своё совершенствование и сегодня, избавляясь от ограничений структурализма через синтез¹ с другими методиками и методами. Совершенствуясь в процедурном аспекте, КА *«обрастает теорией, тем самым трансформируясь в автономную лингвистическую концепцию»* [Тарланов 1995 : 67]. Иначе говоря, компонентный анализ из методики трансформируется в метод, что отмечают многие лингвистические источники.

12.2.7. Успехи и ограниченность структурного метода и его методик

Чтобы оценить достоинства и ограниченность структурного метода и его методик, необходимо, прежде всего, обратиться к оценке самого лингвистического структурализма, т.к. известно, что базой любого метода является его теория, которая «сворачивается» в метод при его формировании.

Мы уже говорили о том, что оценки лингвистического структурализма неоднозначны. Более того, они колеблются от восторженных до уничижительных, что вполне объяснимо. С учётом «дрейфа» языка (по Э. Сепиру) и места структурализма на «стреле познания» языка острая критика структурализма идёт с двух сторон: со стороны предшественников, обеспокоенных судьбой лингвистики («Куда мы идём?») и со стороны зачинателей новых парадигм, которым надо было доказать, почему структурализм должен уступить свои позиции другим парадигмам (*функциональной, коммуникативной* и т. д.). Потому, с нашей точки зрения, вряд ли разумно принимать эту острую, часто даже ожесточённую, критику.

¹ См.: работу А.М. Кузнецова *«От компонентного анализа к компонентному синтезу»* (1986) и работу Е.Г. Белявской *«Компонентный анализ vs концептуальный анализ»* (2008).

Более взвешенная позиция состоит в том, что появление структурализма обусловлено общими закономерностями развития научной мысли середины и конца XX века. Главное состоит в том, что структурализм **утвердил важнейший принцип языкознания** – рассмотрение языка как *структурного устройства*, части которого существуют лишь в их взаимосвязи и взаимозависимости, что стало стимулом для дальнейшего развития лингвистической мысли¹.

Вот почему представители современного языкознания, осмысляя вопрос о том, что унаследовано языкознанием XXI-го века, подтверждают, что структурная лингвистика как система научных мировоззрений на язык стала составной частью общей теории языка, несмотря на то, что с позиции современности имеет и ограничения².

С этой позиции **структурный метод** выполняет свою функцию: является применением идей структурализма к анализу фактов языка [Апресян 1966 : 280; Апресян 2002 : 137-138; 332; 519-520]³.

Юрий Сергеевич Степанов так оценивает структурные методы⁴: «Структурные методы сохраняют значение как научные методы начального описания всякого языка, *установления его структуры и систематики его элементов...* (выделено мной – З.К.)». Их ограниченность связана с предельной абстрактностью и с невозможностью применить их к изучению языка как общественной, исторической системы и в специальном плане – с невозможностью применения для описания различных *коннотаций*, семантики предложения-высказывания, синтаксиса, явлений связной речи и текста, в особенности к динамике последней» [Степанов 2002 (ЛЭС) : 298].

Как видим, Ю.С. Степанов, во-первых, постулирует **научность метода** и **возможность** его использования (я бы уточнила – **необходимость!**) при изучении *структуры языка и систематики его элементов* в современных исследованиях; во-вторых, необходимость соблюдения *границ использования метода*, что в общем необходимо для любого метода.

Согласившись с этими постулатами, я бы ещё добавила то, что вытекает из описания методик структурного метода – это **применимость** отдельных

¹ Так, зарождение функционального направления произошло в недрах структурализма в Пражской школе (В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавраанек, В. Скаличка, И. Вахек), Копенгагенской школе (Л. Ельмслев) и французской лингвистике 40-60-х годов XX века (Л. Теньер, Э. Бенвенист, А. Мартине).

Андре Мартине, понимая, что структурные модели дают нам представление «*об анатомии языка*», но ничего не говорят о его «*физиологии*», т. е. о функциях языка, шел в своих исследованиях по схеме «структура → функции». Анализ функций и функционального метода даёт Ю. С. Степанов [Степанов 2007 : 228-239].

О системно-функциональном анализе см. в разделе 8.1 пособия.

² Показательно, что Иван Павлович Сусов в своём учебнике по истории языкознания, характеризуя лингвистический структурализм, дал подзаголовок «**Претензии и результаты**», показав, что корифеям структурализма не удалось сделать всё из их грандиозных замыслов, хотя и сделано много [Сусов 2006 : 226-251], а с позиции современности объективные ограничения структурализма уже осознаны [Сусов 2007 : 23-24].

³ С этой позиции структурный метод выполнил свою миссию: «с его помощью было изучено и описано ядро языка, его центр» [Воркачев 2001].

⁴ Обратим внимание, что Ю.С. Степанов описанные нами методики считает методами. В нашей концепции выделяется структурный метод как **метод познания** языка с позиции лингвистического структурализма, а его методики выделяем как «внутреннее единство процесса открытия и процесса изложения», т. е. мы исходим из методологического принципа, сформулированного Ю. С. Степановым [Степанов 2007 : 11].

процедур и приёмов описанных методик в современных исследованиях в силу их объективности и строгости.

Особое внимание хочу обратить на разработку в структурных методиках *техники* использования общенаучного метода *моделирования* (см. раздел 9.2.2 пособия), во-первых, моделей **языка** (оппозиционный и дистрибутивный анализы) и моделей **речевой деятельности** (модели по НС, ТА и особенно – генеративные), конечно, с учётом ограничений и недостатков¹.

В завершение хочу обратить внимание, особенно молодых исследователей, на перспективную идею Ю.Д. Апресяна: «в структурной лингвистике была создана теория грамматик, или метатеория лингвистики, *мощный аппарат* которой позволяет с большей точностью и надёжностью оценивать и сравнивать друг с другом различные классы грамматик» [Апресян 1966 : 281; 2002 (ЛЭС) : 520; А. Е. Кибрик 2002 (ЛЭС) : 99; Суслов 2006 : 227 и др.].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Какова, по Вашему мнению, методологическая база структурного метода?
2. Опираясь на научную лингвистическую литературу, дайте общую характеристику структурного метода.
3. В чем состоит сущность и границы применения оппозиционного анализа?
4. Какие задачи можно решать, используя дистрибутивный анализ? Какие его приёмы Вы можете использовать в своём исследовании?
5. Сформулируйте принципы и задачи трансформационного анализа.
6. Какими видами трансформаций можете Вы воспользоваться в своём исследовании?
7. В чём состоит принципиальное различие трансформационной модели от генеративной?
8. Что «подвластно» компонентному анализу?
9. Каково соотношение структурного метода и его методик?
10. Опираясь на рекомендованную литературу, подготовьте сообщение на тему «Претензии и результаты лингвистического структурализма и его метода».
11. Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников в первой главе «*Общего языкознания*» пишут: «Вряд ли можно назвать в настоящее время такую отрасль знания, прогрессивное развитие которой не было бы так или иначе связано с внедрением в неё понятий системы и структуры» (выделено мной – З. К.) [Общее языкознание 1972 : 8].
Завершая эту главу «*О понятиях языковой системы и структуры языка*» они же отмечают пять основных направлений в изучении этих понятий:

¹ К основным недостаткам следует отнести слабый учёт функционально-семантического фактора языка и фактора его антропоцентричности. В результате чего созданные модели были фактически не моделями речи и речевой деятельности, а лишь порождающими моделями предложения.

- 1) инвентарно–таксономическое;
- 2) функциональное;
- 3) собственно структурное;
- 4) стратификационное и
- 5) типологическое и топологическое (метрическое) [Общее языкознание 1972 : 43].

Прокомментируйте эти два высказывания и ответьте на вопрос: «существует ли структурный метод (возможно, методы?) или он уступает место таксономическому методу, как считают Александр Тимофеевич Хроленко и Василий Данилович Бондалетов» [Хроленко, Бондалетов 2006: 441-443].

Литература для углубленного изучения

- | | | |
|--|-------------------------|------------------------------|
| Алефиренко 2009-б | Гринберг 2004 | Николаева 2000 |
| Алпатов 2001 | Гулыга, Шендельс 1976 | Новиков 1982; 2001 |
| Амирова 2000 | Ельмслев 1960; 1964 | Общая динамика 1996 |
| Анализ метаязыка 1982 | Есперсен 2006 | Общее языкознание 1972; 1973 |
| Апресян 1962; 1963; 1966; 1967; 1969; 2002 | Засорина 1974 | Основные направления 1965 |
| Арнольд 1991 (2011) | Звегинцев 1960; 1965 | Основы компонентного 1969 |
| Арутюнова 1963; 1980 | Караулов 1976 | Падучева 2004 |
| Арутюнова, Булыгина 1973 | Карлинский 2009 | Пинкер 2009 |
| Арутюнова, Климов, Кубрякова 1965 | Кибрик 2002 | Пищальникова, Сонин 2009 |
| Ахманова и др. 1961 | Кобозева 2000 | Проблемы структурной 1978 |
| Бейкер 2008 | Кодухов 1974 | Распопов 1976 |
| Беляевская 2008 | Колшанский 1965 | Ревзин 1962; 1967; 1980 |
| Бенвенист 1998 | Кондаков 1975 | Реформатский 1975 |
| Бендикс 1983 | Кузнецов 1986 | Селивёрстова 1975 |
| Блумфилд 2007 | Кузнецова 1973; 1989 | Скворцов 2001 |
| Бодуэн де Куртенэ | Лайонз 1978; 2003; 2010 | Слюсарева 1960; 1975; 2000 |
| Булыгина 1968; 1975 | Лекомцев 2002 | Соссюр 1999 |
| Вандриес 1937; 2004 | Лиз 1961 | Степанов 1975; 2007 |
| Виноградов В.А. 2002 | Лингвистика XX в. 2004 | Сусов 2006; 2007 |
| Виноградов В.В. 1975; 1977 | Маркус 1963 | Тарланов 1995 |
| Гинзбург 1978 | Мартине 1960; 2004 | Трансформационный метод 1964 |
| Гируцкий 2001 | Маслова 2008 | Трубецкой (1960) 2010 |
| Гладкий 1973 | Матезиус 1967 | |
| Глисон 1959 | Мельчук 1962; 1974 | |
| Гридина 1996; 2003 | Михалёв 2008 | |
| | Мухин 1976 | |
| | Найда 1962; 1983 | |

Уорс 1962; 1964
Фрумкина 1961
Фундаментальные на-
правления 1997
Халле 1965

Харрис 1964
Хоккет 1970
Хомский 1962; 1995;
2010

Хроленко, Бондалетов
2006
Шайкевич 1976
Щур 1971; 2007
Якобсон 1975

12.3. Коммуникативно-прагматический метод и его методики

*Деятельность говорящего человека
должна изучаться в целой совокупности
дисциплин.*

Ф. де Соссюр¹

Описать *сравнительно-исторический* и *структурный* методы было проще в том отношении, что оба они прошли проверку временем (первый – в два столетия, второй – более полувека!), и за это время были детально проанализированы учёными разных стран. И несмотря на различия в оценках, не признать их просто невозможно.

Сложнее с методом, который условно обозначен по названию своей макропарадигмы², – *коммуникативно-прагматическим*. Часть теорий, положенных в основу метода, только ещё складывается³. Идёт осмысление интегративного *коммуникативно-деятельностного* подхода к языку [Белоусов, Блазнова 2005; Левицкий 2005; Сусов 2006; Маслова 2008 и др.]. Вопрос о возможности выделения коммуникативно-прагматической лингвистики лишь ставится [Формановская 1998; 2002; Алефиренко 2009-б : 219]. Всё это свидетельствует о том, что метод в своей «первичной» сфере применения только ещё вызревает. В этих условиях остро стоит вопрос об институционализации этого метода.

Однако, с другой стороны, к 70-80 годам XX века уже было осознано, что лингвистика, достигнув высокой степени абстракции в познании языка, имеет возможность перейти от изучения минимальных лингвистических единиц к изучению многомерных и сложных образований, включив в сферу своих интересов все аспекты *речевой деятельности, речевого взаимодействия, речевой коммуникации* и, по выражению Н.Д. Арутюновой, такие «максимальные» объекты исследования, как *текст* и *дискурс*, рассматривая их во взаимодействии с прагматическими факторами⁴.

¹ См.: Соссюр 1999 : 104.

² См. раздел 11.3 пособия.

³ К примеру, Маргарита Николаевна Кожина пишет, что *лингвистика речи* (речеведение) – «новая, ещё только складывающаяся область знания [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003 : 332]. Текст в аспекте коммуникации «пока остаётся одним из недостаточно познанных творений человеческого интеллекта» [Маслова 2008 : 29] и др.

⁴ Арутюнова Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты в изучении предложения и текста. – Киев, 1983. – С.3.

Для этого уже существуют все необходимые предпосылки, как теоретические¹, так и практические².

Принимая всё это во внимание, в освещении метода ограничиваемся скорее постановкой проблемы, нежели её решением.

12.3.1. Проблема метода и его концепты

Основные постулаты метода:

- опираясь на праксеологию – философскую общую теорию деятельности и прагмалингвистику, которая ввела в описание языка *акциональный (деятельностный)* аспект, базовым постулатом метода является коммуникативно-деятельностный подход к языку, речи и речевой деятельности, поскольку «применение к языку понятия *динамической системы* может дать новое знание о его сущностных свойствах» [Пищальникова, Сонин 2009 : 206];
- принцип интегративности семиотического и герменевтического подходов;
- принцип интегративности *антропоцентричности* и *системоцентричности*, а также *функциональности*, при котором движение исследовательской мысли идёт в направлении: от *функций, значений, коммуникативных целей и намерений* к имеющимся в данном языке средствам, к формальным показателям [Сусов 2007 : 29];
- принцип интегративности трёх базовых лингвистических теорий: *теории номинации, теория референции* и *теории речевых актов* [Алефиренко 2009-б : 19] (в узком понимании), а также ещё и: *теории коммуникации, лингвистики речи, теории текста, теории дискурса, теории прагмасемантики* (в широком понимании)³.
- ядерную позицию в этом интегративном комплексе занимает коммуникативно-прагматическая лингвистика.

Гипотеза, положенная в основу метода: насколько возможно и целесообразно интегрирование в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики основных подходов и базисных категорий коммуникативной и прагматической лингвистики, которые порождают прагматику языковой единицы [Алефиренко 2009-б : 218].

¹ Так, обзор различных теорий в области речевого общения занимает целую главу в монографии Оксаны Сергеевны Иссерт [1999 : 51-92].

² Наша ежедневная речевая практика настолько богата и разнообразна, что даёт возможность обладать поистине безграничной «базой данных» для изучения вербальной коммуникации [Иссерт 1999 : 8].

³ «Наиболее «всеядной» оказалась прагматика, которая пытается выявить абсолютно все условия успешной коммуникации», – считает Юрий Анатольевич Левицкий [Левицкий 2005 : 225]. Для этого она интегрировала многочисленные проблемы, имеющие длительную историю изучения в рамках *риторики* и *стилистики*, *коммуникативного синтаксиса*, *теории и типологии речи* и *речевой деятельности*, *теории коммуникации* и *функциональных стилей*, *теории дискурса* и др. [Арутюнова (ЛЭС) 2002 : 390].



Итак, коммуникативно-прагматический метод – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения, для достижения успешности коммуникации и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации всё усложняющейся человеческой деятельности.

Целью метода является обеспечение стратегии и тактики исследования онтологических и функциональных свойств языковых единиц, составляющих их прагматическую ценность в разных актах коммуникации.

Основными объектами, на которые направлен метод, являются *речевой акт, текст, дискурс*, а также целый комплекс проблем, связанных с 1) субъектом речи; 2) адресатом речи; 3) отношениями между участниками коммуникации и 4) в связи с ситуацией общения.

Обобщенный предмет анализа: антропологическая сущность языковых структур, их амбивалентные отношения к другим элементам высказывания и к участникам коммуникативно-знаковой ситуации в рамках соответствующего ей речевого акта [Алефиренко 2009 : 220].

Однако каждый из четырех выше названных **аспектов** коммуникативно-прагматической ситуации имеет свои предметы исследования¹.

Базовые концепты метода:

- **Коммуникация** (лат. *communicatio* < *communico* – «делаю общим, связываю, общаюсь») – общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности [Горелов (ЛЭС) 2002 : 233]².

Коммуникация – целенаправленный процесс, деятельность, одним из средств которой является речь, а знаковой целостной формой организации – *текст* [Маслова 2008 : 30]³.

Прежде всего выделяется информативная и регулятивная коммуникация. Информативная коммуникация – это способность языка хранить и передавать информацию о мире и человеке. Регулятивная коммуникация активно используется в прагмалингвистике, изучающей воздействие языка на сознание и поведение языковой личности [Маслова 2008 : 63].

¹ Перечисление всех этих предметов исследования даёт Нина Дмитриевна Арутюнова [ЛЭС 2002 : 390], Николай Федорович Алефиренко [2009-б : 222-229] и Андрей Борисович Михалёв [2008 : 200-201]. Этот перечень предметов исследования следует дополнить ещё одним терминированным понятием: коммуникативно-прагматическое пространство [Сусов 2007 : 37].

² В коммуникологии (теории коммуникации) выделяется 51 тип коммуникаций, однако основным из них признаётся коммуникация как процесс общения [Шарков 2009 : 278]. Этот вид коммуникации в научной литературе имеет целый ряд наименований: языковая коммуникация, речевая коммуникация, вербальная коммуникация, языковое общение, речевое общение, вербальное общение, речевая деятельность, речь, которые используются как синонимы [Сусов 2007 : 35]. В пособии в целях сокращения чаще всего используется родовая термин коммуникация.

³ Г.Г. Почепцов насчитал более 100 различных понятий коммуникации [Почепцов 1999], что свидетельствует о сложной структуре, многоаспектности к многофункциональности этого понятия.

- **Коммуникант** – участник коммуникации, порождающий высказывания (тексты) и интерпретирующий их [Васильев 1995 : 49].
- **Коммуникативная установка** – интеллектуальная предрасположенность, настроенность на определенное понимание, отношение к людям, предметам и событиям, с которой индивид вступает в коммуникацию, и, шире, общий настрой на коммуникацию, или, напротив, стремление избегать вербальных контактов [Цейтлин и др. 2006 : 47].
- **Интенция (= коммуникативная цель, коммуникативное намерение)** – мысленное предвосхищение участником коммуникации желательного для него результата коммуникации, направленность сознания¹ на этот результат (иллокуция в терминологии Дж. Серля) [1987; 2002; 2010].
- **Коммуникативный успех** – реализация цели речевого (коммуникативного) акта, когда сообщение без существенных помех передаётся адресантом и адекватно воспринимается адресатом [Цейтлин и др. 2006 : 49].
- **Коммуникативная неудача (= коммуникативный сбой)** – ситуация, при которой смысл текста, воспринятый слушающим, не соответствует коммуникативной задаче говорящего, тому смыслу, который говорящий вкладывал в текст [Цейтлин и др. 2006 : 47].
- **Речевой акт (=коммуникативный акт)²** – основная (минимальная) единица коммуникации, функционально цельный её фрагмент [Красных 2001 : 202]; это высказывание в его процессуальном аспекте, первый (начальный) уровень абстрагирования речевой деятельности [Алефиренко 2009-б : 204]; это не предложение или какое-либо другое выражение (например, высказывание), а действие – совершение определённых актов (*констатация, вопрос, приказ, благодарность, направление* и т. д.) [Михалёв 2008 : 200].

Речевой акт представляет собой трехуровневое образование: 1) по отношению к используемым в речевом общении языковым средствам – локутивный акт, т. е. речение, акт «говорения» в обычном смысле этого слова; 2) по отношению к цели и условиям осуществления процесса общения – это иллокутивный акт, т. е. акт внесения в локуцию определённого смысла и коммуникативных намерений говорящего; 3) по отношению к результатам коммуникативного взаимодействия – это перлокутивный акт, т. е. акт превращения высказывания в орудие воздействия на мысли, чувства и поступки слушающих.

- **Речевой жанр** – вторая, более крупная единица коммуникации; следующий за речевым актом уровень абстрагирования речевой деятельности,

¹ О понятии сознания см. раздел 3.2.2 пособия.

² Одно из первых определений принадлежит Ольге Сергеевне Ахмановой: «Речевой акт – отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определённую целевую направленность, данное артикуляционно-акустическое единство, которое говорящий и слушающий связывают с одинаковым значением ситуации общения» [Ахманова 1966 (2007) : 386].

устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста [Федосюк 1997]¹.

- **Речевая стратегия и речевая тактика** – это не столько более крупные единицы, чем речевой акт и речевой такт, как считают некоторые исследователи, что в общем-то справедливо, т.к. речевые акты и речевые стратегии пересекаются, относясь к сфере речевых действий [Иссерс 1999 : 73], сколько, прежде всего, некоторая последовательность действий, организованных в зависимости от **цели взаимодействия**, направленных на максимальный учёт «**условий успешности**» в осуществлении задуманного речевого действия.

Речевая стратегия – совокупность речевых действий, направленных на *контроль оптимального решения коммуникативной задачи говорящего*² [Иссерс 1999 : 100], а **речевая тактика** – это приём реализации речевой стратегии [Труфанова 2001 : 61]³.

- **Актуальное коммуникативно-прагматическое пространство** – комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в начале осуществления речевого акта, определяемого формулой: **кто – что – где – когда – кому – зачем – как** (говорит) [Сусов 2007 : 37; Маслова 2008 : 63; Алефиренко 2009-б : 226].
- **Коммуникативная компетенция** – умение осуществлять разные виды общения [Маслова 2008 : 72].
- **Коммуникативная личность** – это языковая личность в условиях общения – «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002 : 22].
- **Дискурс** (от франц. *discours* – «речь») – всё, что находится между языком и речью... речь, присваиваемая говорящим [Бенвенист 1998 : 27-29].

Дискурс – это связанная последовательность речевых актов, т. е. образование, включенное в коммуникативно-прагматический контекст [Красных 1999; 2001; Арутюнова (ЛЭС) 2002 : 137; Сусов 2006 : 273].

В нашей парадигме: Дискурс – «коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [Алефиренко 2002 : 104]⁴.

- Текст как «информационный след» состоявшегося дискурса [Сусов 2007 : 40], т. е. цельная единица коммуникации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая композиционным, семантическим, прагматическим единством, обработанная в соот-

¹ Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – №5. См. также: Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003 : 352 – 354; В.А. Салимовский 2002 и др.

² При этом *эффективность* речевой стратегии оценивается по достижению максимального количества целей, которые могут и конкурировать между собой, поэтому стратегии, контролирурующие оптимальное решение системы задач, должны быть «гибким и локально управляемым способом» [Дейк 1989 : 274]. В этом заключается отличие *речевой стратегии* от *правил и принципов (максим)* общения, которые требуют безоговорочного выполнения и действуют одинаково на всех этапах коммуникации [Грайс 1985].

³ Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. – 2001. – №3. – С. 56-65.

⁴ Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознание, культуры. – М., 2002. – С. 104.

ветствии со стилистическими нормами и функциями языка [Маслова 2008 : 33].

- **Прагмасемантика**, по мнению Г.Г. Почепцова, имеет дело с перебором нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации, т. е. это семантика выбора, семантика альтернатив с учётом ситуации общения [Почепцов 1984 : 55]¹.
- **Коммуникативно-прагматическая ситуация** – это конкретная коммуникативная ситуация, в которой реализуется языковой знак и в которой обеспечивается адекватное понимание коммуникантами языкового значения в структуре смыслового содержания высказывания, через реализацию их прагмасемантики [Алефиренко 2009-б : 221].

12.3.2. Методика анализа текста

Благодаря усилиям многих исследователей, появилась теория текста, которая стала своеобразной квинтэссенцией подходов к тексту. З. Я. Тураева характеризует развитие лингвистики текста в конце XX века как «стремление к цельному знанию всеединства» [Тураева 1986 : 18], когда лингвистика, по словам Г.В. Степанова, становится «служанкой при тексте».

Коммуникативно-прагматический подход к тексту предполагает его **комплексный анализ**, исходя из чего **цель анализа** текста состоит в выявлении разноаспектных свойств текста, а в **задачи** входит выявление и описание композиционных, семантических и прагматических свойств текста и способов его оформления в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка.

В соответствии с этим при всем разнообразии предлагаемых методик анализа текста, можно выявить некий обобщенный подход, апробированный отечественными лингвистами.

Алгоритм для исследования предполагает семь основных шагов:

1. Делимитация текста (фр. *delimitation* – «размежевание, разграничение») – определение границ, крайних пределов текста.
2. Определение типа текста.
3. Установление темы текста (< *thema* – «вопрос для обсуждения, ядерно-семантическая основа текста»).
4. Определение структуры текста.
5. Выявление особенностей внутритекстовых связей.
6. Определение стилистических особенностей текста.
7. Установление прагматической сущности текста.

Как видим, первые три шага посвящены текстовому анализу «сверху вниз», а последующие шаги – анализу «снизу вверх».

Рассмотрим шаги алгоритма на примере следующего текста².

¹ Почепцов Г.Г. Коммуникативно-прагматические аспекты семантики //Филологические науки. – 1984. – №4. – С. 31-45.

² Пример взят из работы А.Е. Карлинского (2009 : 113).

Старинное предание

(1) Жил-был один жестокий хан. (2) Он был очень богат, и самым любимым предметом, которым он располагал, была восхитительная чаша. Ей было более 1000 лет. Мастера, которые её изготовили, уже давно умерли, и никто не знал секрета их искусства. (3) Однажды, когда хан возвращался из удачного похода, он приказал своим трубачам приветствовать его. Они играли так громко, что задрожали стены дворца, и прекрасная, бесценная чаша упала и разбилась. (4) Хан очень опечалился и умер.

Шаг 1: делимитация текста.

Она может быть осуществлена тремя основными способами: **семантическим**, когда начало текста маркирует первый речевой акт, а конец определяется достаточностью референтных смыслов, обеспечивающих его понимание как целого. Этот способ наиболее пригоден для выделения коммуникативно-прагматических текстов внутри больших произведений (роман, монография), реже – для небольших.

Формальный способ чаще используется при делимитации небольших текстов с заглавием в начале и «пустым» пространством в конце текста.

Авторский способ основан на определении границ текста, установленных самим адресантом (автором текста) с помощью вводных и заключительных замечаний. Так, в научных текстах это может быть: «*В настоящей статье мы рассмотрели...*» (начало текста) и «*В заключение...*» (конец текста).

Для делимитации нашего текста применимо сочетание первых двух приёмов, т. е. формально-семантический способ.

Шаг 2: определение типа текста.

Опираемся на существующие типологии текстов в теории текста и лингвистике речи. В нашей стране приоритет изучения языка в аспекте его употребления принадлежит функциональной стилистике (Г.О. Винокур, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, М.Н. Кожина, Т.В. Шмелёва, Н.И. Формановская и многие другие) [Степанов (ЛЭС) 2002 : 493], что очевидно потому, что «стиль по своей онтологической природе является антропоцентрической категорией» [Гончарова 1999 : 150]¹. Наиболее распространённой является типология по жанрово-стилистической принадлежности текстов.

Анализируемый текст является **монологическим** (монолог автора текста), **репрезентативным** (соотносится с реальными референтами), **информативным** (информирует читателя об одном событии), **ненаучным** (не отражает процесс и результат научного познания с использованием терминов и других специализированных языковых средств), по жанру – скорее **притча** (краткий иносказательный рассказ назидательного содержания), но в целом текст нерегламентированный, содержание которого не подлежит строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы.

¹ Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория //Studia Linqvistica. – Вып. 8. – СПб, 1999.

Шаг 3: установление темы текста.

Тема текста как ядерно-семантическая основа текста – «о любви хана к старинной чаше и его смерти из-за неё».

Шаг 4: определение структуры текста

(1) Экспозиция, т. е. та часть текста, которая характеризует обстановку перед основным событием, выражена двумя средствами: заглавием (*Старинное предание*) и первым речевым актом: *Жил-был один жестокий хан*.

(2) **Вводная часть** как переход к основному событию даётся через речевой ход – *характеристику хана и его любимой чаши*.

(3) **Основная часть** (фрагмент текста, отражающий основное событие, т. е. кульминацию повествования) – *возвращение хана из удачного похода, его приветствует трубачи так, что стены дрожали, чаша упала и разбилась*.

(4) **Заключение** (часть текста, завершающая повествование) – *хан опечалился и умер*.

Шаг 5: выявление особенностей внутритекстовых связей.

Основным средством когезии (сцепления речевых актов в целое, текст) является коференция (множественная референция), выраженная в нашем тексте словами: *хан, он, его*, которые встречаются во всем текстовом пространстве.

Вторым средством внутритекстовых связей являются лексико-тематические линии, основанные на ассоциативных связях (имплицитная коференция), которых в нашем тексте две. Это:

первая – линия хана: *жесток, богат, владелец любимого предмета (чаши), возвращается однажды из похода, умер из-за гибели любимого предмета;*

вторая – линия чаши: *старинный, восхитительный предмет, ей более 1000 лет, секрет её изготовления утерян, прекрасная и бесценная чаша однажды разбилась.*

Обе лексико-тематические линии сливаются в единое целое: *чаша была любимым предметом хана, и её гибель стала причиной смерти хана*.

Таким образом, когезия текста обеспечивается эксплицитной и имплицитной коференцией.

Шаг 6: определение стилистических особенностей текста.

Язык повествования простой и лаконичный. В идиостиле преобладает нейтральная общеизвестная лексика (слова в прямых значениях), на фоне которой единично, скупно используются несколько эмоционально окрашенных слов, находящихся **в оппозиции**: по лексико-тематической линии чаши два эпитета: *прекрасная, бесценная*, выражающее эстетическую ценность чаши, а по линии хана – *жестокий*, даётся резко негативная оценка. В этом, по мнению Л.С. Выготского, заложено психологическое противоречие, которое должно оказать воздействие на читателя: справедливо ли, если жестокий бездушный (любит не людей, а лишь один предмет!) человек владеет такой ценностью.

В контрасте с общим нейтральным стилем находится сказочно-фольклорный зачин – *жил-был один...*

Шаг 7: установление прагматической сущности текста.

Она определяется позицией автора относительно людей, предметов и событий, зафиксированных в тексте. Сам автор текста не был свидетелем давнего описанного события, он только передаёт старинное предание. Этим объясняется в целом нейтральный стиль повествования, подчеркивающий желание автора быть объективным: он старается точно передать то, что услышал от других людей. Прямая оценка события автором отсутствует, но анализируя лексические и синтаксические (простые предложения, передающие реальность в прошлом) средства, как мы уже увидели, через контраст передаётся имплицитная оценка события автором. Таким образом, хотя знаки вторичной номинации, обладающие значительной иллокутивной силой, автором не используются, текст всё же является прагматически «заряженным», т.к. коммуникативное намерение (интенция) автора косвенно в тексте выражена.

В других методиках, описанных в лингвистической литературе, варьируются основные шаги, обозначенные в представленной методике, которые обусловлены иными типологическими характеристиками текста. К примеру, методика анализа устного текста будет включать анализ фонационного компонента текста. Методика анализа диалогического текста также должна иметь шаги, направленные на специфику диалога.

В нашей стране наиболее разработанными являются методики анализа письменных текстов, прежде всего, художественных [Бабенко и др. 2000; Болотова 2006; Воронова 2000; Казарин 2000; Кузьмина 2009; Лукин 2005] и научных [Баженова 2001; Данилевская 2005; Какзанова 2009; Комарова (А.И.) 2004; Котюрова 1988; 2010 и др.].

12.3.3. Методики анализа дискурса

Методики и приёмы анализа дискурса, в отличие от анализа текста, пока ещё недостаточно разработаны, что связано с серьезными объективными трудностями.

Дискурс, как известно, это прежде всего **процесс**, т. е. последовательность речевых актов во времени и пространстве. А любые процессы можно исследовать, как бы «остановив» их в определённых точках (этапах), и подвергнуть их анализу и описанию в **статике**, за счёт чего и наблюдаются некоторые просчёты в методиках анализа.

Сходство методик анализа текста и дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте заключается в **комплексности анализа**. Однако, анализ дискурса гораздо **шире**, «комплекснее», т.к. кроме анализа прагматики языковых и речевых средств, предполагается выход за пределы языка в сферу экстралингвистических факторов, т. е. изучение всего коммуникативно-прагматического пространства: что – кому – как – зачем – почему и с каким результатом говорит?

Исходя из этого, основные задачи анализа дискурса состоят в:

- 1) изучении типов дискурса и его языковых и паралингвистических особенностей;
- 2) определении интенций, коммуникативных стратегий и тактик участников дискурса;
- 3) изучении особенностей речи каждого из участников интеракта¹;
- 4) определении семантических особенностей и лексико-грамматических средств всего дискурса.

Алгоритм анализа двустороннего дискурса в его классическом понимании² может быть представлен следующим образом:

1. Описание ситуации общения.
 2. Определение типа дискурса.
 3. Установление структуры дискурса.
 4. Выявление роли коммуникантов в местах перехода хода (речевого тура).
 5. Семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуниканта А.
 6. Семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуниканта В.
 7. Определение интенций, речевой стратегии и тактики обоих коммуникантов.
 8. Семантико-прагматические особенности всего дискурса.
 9. Лексико-грамматические аспекты дискурса.
- Проиллюстрируем анализ дискурса по принятому алгоритму³.

Дискурс

[Два приятеля одинакового возраста случайно встретились на улице, жмут друг другу руки. У одного рука перевязана].

- I.** 1. **А.** *Привет! Долго тебя не видел. Где был?*
2. **В.** *Пиво пил.*

- II.** 3. **А.** *Нет, серьезно. Чем занимался всё это время?*
4. **В.** *Ездил на рыбалку с друзьями. Стал заядлым рыболовом.*
5. **А.** *А кого ловил?*
6. **В.** *Сазана.*
7. **А.** *И сколько поймал?*
8. **В.** *Ни одного.*
9. **А.** *Откуда тогда знаешь, что ловил сазана?*

- III.** *А чего у тебя рука перевязана?*
10. **В.** *Из-за той же рыбалки, но в другой раз.*
11. **А.** *Наверно, вывихнул, когда вытаскивал рыбу из воды?*
12. **В.** *Нет, когда показывал друзьям её размеры.*

¹ **Интеракт** (<лат. *inter* – «между» – *actus* – «поступок, действие») – попеременное взаимодействие между коммуникантами при помощи вербальных и невербальных средств.

² В научной литературе по лингвистике классическим осмысляется дискурс в диалогической устной форме (с двумя коммуникантами).

³ Пример взят из работы А.Е. Карлинского (2009 : 121).

-
- IV. 13. А. Ну, ладно. А как жена?
14. В. Как обычно. Всё требует денег, утром, днем и вечером.
15. А. И куда она их деваает?
16. В. Сам не знаю, ведь я ей ничего не даю.
-
- V. 17. А. Ну, ладно, пока, привет жене.
18. В. Будь здоров и не кашляй.
-

Шаг 1: описание ситуации общения.

Два приятеля одного возраста, мужского пола, одинакового социального положения встретились случайно на улице, у одного из них перевязана рука.

Шаг 2: определение типа дискурса.

Тип дискурса, т. е. его речевой жанр, определяется **предметом (темой)** обмена мыслями и отношениями между участниками диалога¹.

Тип нашего дискурса – разговор, т. к. идёт произвольное обсуждение нескольких тем равноправными социальными партнерами в описанной ситуации, о чем свидетельствует использование бытовой обиходной лексики, иногда даже разговорно-просторечной (*вытаскивая рыбу, куда их деваает*), а также формул этикета (*Привет! Будь здоров и не кашляй*).

Шаг 3: установление структуры дискурса.

Структура (композиция) дискурса определяется количеством тематических единиц и устанавливается путём постановки вопроса «О чем идёт здесь речь?» к связанным между собой частям дискурса.

В нашем дискурсе пять тематических единиц:

- I. Приветствие (1-2).
- II. О рыбалке (3-9).
- III. О перевязанной руке (10-12).
- IV. О жене (13-16).
- V. Прощание (17-18).

Шаг 4: определение роли коммуникантов в местах перехода коммуникативного хода.

Роли коммуникантов определяются по целому ряду признаков. Во-первых, использованием социоэтнических форм обращения друг к другу: *ты – вы; Ваня – Иван Иванович; Петров – господин директор...* Во-вторых, характером распределения речевых ходов между коммуникантами: *заинтересованностью – незаинтересованностью* в разговоре; в-третьих, *добровольностью – недобровольностью* при передаче ходов разговора и т. д.²

Коммуниканты А и В обращаются друг к другу **на ты**, как социально равноправные партнёры, которые находятся в приятельских (дружеских) отно-

¹ Это может быть **беседа** – обсуждение какой-либо темы равноправными коммуникантами; **разговор** – произвольное обсуждение нескольких тем; **интервью** – ответы на вопросы одного коммуниканта, желающего получить определённую информацию от другого; **дискуссия** – обсуждение спорного вопроса на собрании, в беседе (прения, спор); **допрос** – беседа следователя с нарушителем; **ток-шоу** – рассмотрение мнений различных людей по какому-либо важному социальному вопросу и др.

² При формализованных ситуациях общения (диспут, прения, ток-шоу) смену речевых туров регулирует ведущий (председатель, модератор), речь которого также анализируется на этом этапе.

шениях, причем часто местоимение «ты» ситуативно пропускается: *где был?* (1). *Чем занимался всё это время?* (3).

Инициатором разговора является коммуникант А: он «хозяин» первого (приветствие) и предпоследнего тура (прощание); он проявляет **заинтересованность** в продолжении разговора (задаёт вопросы), чего нельзя сказать о коммуниканте В: он только отвечает на вопросы. Правила перехода хода носят **добровольный** характер и маркируются вопросительной интонацией коммуниканта А, а его собеседник вопросов не задаёт, т. е. не проявляет **заинтересованности** в продолжении разговора. Таким образом, можно считать, что А – доминантный, мобильный коммуникант, а В – интровертный коммуникант, который не стремится владеть инициативой разговора.

Шаг 5: семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуниканта А.

Как видно из анализа на шаге 4, коммуникативной установкой коммуниканта А является стремление к общению, коммуникации, а коммуникативное намерение состоит в том, чтобы узнать побольше о приятеле, о событиях, которые произошли в его жизни за время отсутствия их контактов. Это определяет его интерактивные установки. В его речевом поведении, т. е. в форме и содержании речи, наиболее важными оказываются не только сущность вербальных знаков, но и невербальных (интонация, тембр, мимика, жесты, телодвижения и т. д.). Для чего коммуникант А постоянно задаёт конкретные деловые вопросы: *Где был?* (1). *Чем занимался все это время?* (3). *А кого ловил?* (9). *А как жена?* (13). *А куда она их деваает?* (15). Эти вопросы включают в себя иллокутивную (неречевую) функцию, а сами речевые акты являются (по Дж. Сёрлу) – интеррогативами, т. е. актами-запросами информации.

Комплексная фиксация всех аспектов интеракта требует создания специальной транскрипции, разработанной немецкими учёными, в том числе Л. Хофманом.

Дадим некоторые её элементы, необходимые для описания интонации, поскольку коммуникант А постоянно задаёт вопросы¹.

Условные знаки:

□ – символ временной оси.

abc – логическое ударение.

↓ – нисходящий пограничный тон

↑ – восходящий пограничный тон.

/ – обрыв речи.

■ – краткая пауза

□ – невербальное поведение под символом временной оси.

Вот так выглядит начало дискурса в такой транскрипции.

¹ См. Карлинский 2009 : 124

А. Привет ↑ Долго тебя не видел. Где был ↓	
В. Пиво пил ↓	
[улыбается, подаёт руку]	[пожимает руку]

А. Нет, серьезно. Чем занимался всё это время ↑	
В. Ездил	
	[смотрит на руку В]

А.	
В. Ездил на рыбалку с друзьями. Стал заядлым рыболовом ↓	

А. А кого ты ловил ↑	и сколько ты
В. сазана ↓	

А. Поймал ↑	
В. Ни одного ↓	

Вторая особенность речевого поведения коммуниканта А состоит в том, что, видя, что коммуникант В всё время уходит от прямого ответа на поставленные вопросы, коммуникант А **постоянно меняет тему разговора**, желая его продолжения.

В-третьих, стремясь к успешности общения, коммуникант А предваряет новый вопрос узуальными выражениями: *Нет, серьезно* (3); *ну, ладно* (13, 17), которые реализуют контактоустанавливающую тактику общения через фатические компоненты прагматического значения.

Шаг 6: семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуниканта В.

Коммуникативная установка и интенции коммуниканта В противоположны установке и интенции коммуниканта А, поэтому он, понимая заданные вопросы, уклоняется от прямых ответов. Он не возражает и явно не демонстрирует **вербально** своё нежелание к общению, а потому отвечает шутками: *Где был? – Пиво пил* (1, 2). *Вывихнул руку, когда вытаскивал из воды рыбу? – Нет, когда показывал друзьям её размеры* (11, 12) и др. (см. 14, 15, 16).

Таким образом, коммуникант В не заинтересован в успешности общения, а потому его речевые акты даже не констативы (в них должна содержаться информация о положении дел), а уход от ответов коммуникант В реализует в тактике пустых шуток, не содержащих никакой информации о себе и близких (жене).

Шаг 7: определение интенций, речевой стратегии и тактики обоих коммуникантов.

В нашем случае ответы уже содержатся в анализе шагов 5 и 6, остается только сделать вывод о том, что, несмотря на общие пресуппозиции коммуникантов, на попытку коммуниканта А установить контакт с коммуникантом В, и казалось бы, отсутствие прямых нарушений постулатов (максим) общения, принцип кооперации (сотрудничества) в диалогическом взаимодействии не состоялся, а потому общение практически не состоялось.

Причина в речевом поведении коммуниканта В.

Шаг 8: семантико-прагматические особенности всего дискурса.

Как мы уже видели, тип рассматриваемого дискурса – это разговор со сменной тематических единиц общения.

Дискурс имеет форму вопросно-ответного диалога¹. Эксплицитно тон разговора дружеский, ненапряжённый, с элементами юмора, но имплицитно явно видно отчуждение коммуникантов: коммуникант В не намерен давать информацию о себе и близких.

Коммуникант А **эксплицитно, вербально** является «хозяином» положения (субъектом всего дискурса), а коммуникант В с этих же позиций – объектом: его ответные реплики во всех речевых турах (ходах) детерминированы вопросами коммуниканта А.

Шаг 9: лексико-грамматические аспекты дискурса.

Говоря о лексических особенностях нашего дискурса, мы уже отмечали, что он носит обиходный характер: *пиво, рыбалка, сазан, рука, жена, деньги* и др., т. е. относится к сфере повседневной жизни, что вполне соответствует ситуации общения и его жанровой форме.

Этому соответствуют и грамматические средства: простой, прозрачный синтаксис: простые, ничем не осложнённые, повествовательные и вопросительные предложения. Глаголы-сказуемые, используемые в изъявительном наклонении, чаще в прошедшем времени (*не видел, был, пил, занимался, стал, ловил, вытаскивал, показывал*), выражают **реальность** событий в прошлом, реже – в настоящем (*знаешь, требует, знаю*). Использование неполных реплик, обусловленное спецификой диалога, в котором конситуативная неполнота – закономерное явление диалогической русской речи. Но в этом дискурсе неполнота служит дополнительным средством прагмасемантики: подчеркиванию естественного (простого), ненапряжённого внешне дружественного тона разговора.

Однако, как мы уже указывали, этому внешне дружественному естественному (для приятелей!) тону разговора противоречит на эксплицитном уровне только то, что ответные реплики коммуниканта В, по сути своей, не являются констативами, что выявляет действительные коммуникативные установки и интенции коммуниканта В. Всё остальное в выражении коммуникативной установки и интенции коммуниканта В приходится на **имплицитные коммуникативные имплицатуры**², которые обусловлены, прежде всего, имплицитными нарушениями максимов общения, т. е. конвенциональных правил общения³.

Таков один из возможных анализов дискурса, который, безусловно, может варьироваться у разных исследователей, имеющих свои подходы к дискурсу.

¹ О сущности вопросно-ответного диалога существует значительная литература. Хотелось бы отметить работу У. Лекерта Проблемы вопросно-ответного дискурса //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М., 1988. С. 258-280.

² Имплицатура – имплицитное, не выраженное вербально знание о коммуникативном намерении (интенции) говорящего. Оно «выводится» на основе соотношения речевого акта с речевой ситуацией.

³ Нарушены все постулаты *принципа кооперации* Г.П. Грайса: 1) постулат количества информации + (*говори столько, чтобы тебя поняли*) – коммуниканту В не нужно понимание; 2) постулат качества передаваемой информации – никакой информации о себе и не даёт; 3) постулат релевантности/отношения к делу – к делу не относится, лишь шутит в ответ; 4) постулат способа передачи (*говори однозначно, не сумбурно*) – только шутит.

Следует отметить ещё один подход, а следовательно и методику анализа, в центре которой находится не текст, дискурс и даже не речевой акт, а их коммуникативно-прагматическое пространство.

Речь идёт о так называемом *конверсационном анализе (conversational analysis)*, который сформировался в русле этнометодологии (Х. Гарфинкел, Х. Закс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Ч. Гудвин) и который направлен на эмпирический анализ **разговоров**.

В своей сущности конверсационный анализ направлен на изучение организованной последовательности речевых ходов и на смену коммуникативных ролей. В центре внимания исследователей находится обоснование выбора говорящим языковых и неязыковых средств с учётом существующих у реципиента предварительных знаний и ожиданий, а также выявление возможных нарушений коммуникативных ролей и их характер.

В качестве наиболее сильного и эффективного средства организации разговора стал рассматриваться переход (*twin*) от одной смены коммуникативных ролей к другой (*twin taking*), характеризующей границы отдельного речевого вклада (*move*, хода) каждого и затрагивающего интересы всех сторон.

Границы речевых ходов (как и в анализе дискурса) устанавливаются на основе: 1) формальных критериев (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной смены ролей); 2) функциональных критериев (совершение по крайней мере одного коммуникативного хода).

Устанавливается зависимость особенностей речевых ходов от этнокультурных и возрастных факторов и типа дискурса.

В исследованиях используются разные виды моделей (статистико-стохастические, вероятностные), проводятся наблюдения над использованием дискретных вербальных и невербальных сигналов в целях управления поведением друг друга (А. С. Недобух, А. А. Романов, С. А. Аристов, С. В. Крестинский, А. С. Горлина, О. Д. Белецкая и др.).

Одним из существенных результатов конверсационного анализа является выявление правил сочетаемости и взаимной обусловленности речевых ходов в рамках парных (бинарных) последовательностей (нормативных сочетаний и отклонений от нормы) [Сусов 2006 : 277].

Анализ разговора (Gesprächsanalyse) является немецким вариантом конверсационного анализа, в котором наблюдается сближение с теорией речевых актов (Г. Унгехойер, Д. Вегенер, Х. Рамге, Й. Диттман, Х. Хенне, Х. Ребок, А. Буркхардт).

Методика базируется на двух концепциях: SAT (*speech acts theory*) и FCS (*functional – communicative speech theory*).

Исходный пункт SAT состоит в том, чтобы выделить элементарный и репрезентативный лингвистический срез процесса коммуникации. В качестве предмета исследований рассматривается отдельное *коммуникативное действие* единичных, целерационально действующих индивидов. Само же коммуникативное действие состоит в том, чтобы в процессе коммуникации сообщить информацию о доступных элементах интенции говорящего.

В качестве предпосылок исследования САТ выделяет грамматические и коммуникативные значения, которые объединяются в системное единство.

Исследование на основе САТ аналитично, оно начинается с хорошо обозреваемых областей, с отдельных языковых актов, а результаты распространяются затем на сложные целостные области, на тексты.

Исходным пунктом FCS, наоборот, выступает сложная коммуникация как целенаправленный процесс и рассмотрение его частей с точки зрения всего процесса. Само коммуникационное действие состоит в том, чтобы языковыми средствами достичь индивидуальной или социальной цели.

Преимущество анализа на базе FCS состоит в учёте бóльшего количества факторов даже при рассмотрении элементарного речевого акта, тем более при анализе сложных процессов коммуникации¹.

12.3.4. Эвалютивный аспект коммуникативно-прагматических исследований

Общеизвестно, что для апробации любого метода нужно время. Такой короткий (для метода!) срок бытования коммуникативно-прагматического метода, безусловно, недостаточен, чтобы оценить его достоинства, ограничения и недостатки, поэтому пока приходится довольствоваться скорее прогнозами, чем реальными результатами.

Но в наши дни уже очевидно, что появление и формирование коммуникативно-прагматического метода обусловлено общими закономерностями научной мысли последних десятилетий XX и начала XXI веков. Более того, он уже утвердил важнейший принцип современного языкознания – изучение языка с коммуникативно-деятельностного подхода для постижения его **коммуникативно-прагматической природы**. Иначе говоря, **событие коммуникативного и прагматического поворота лингвистической мысли** состоялось, в результате чего в наши дни уже «нет необходимости доказывать, что употребление языка является действительным объектом лингвистики» [Демьянков 2010 : 40]. «Для некоторых из нас осознание решающего значения *текстуальных* и *дискурсивных* факторов было равносильно по своим последствиям революции. Мы смогли теперь, например, объяснить, почему в определенных положениях в тексте мы находим пассивную конструкцию или топикализацию, или экстраполяцию, или экзистенциальную конструкцию», – считает финский лингвист Н. Энkvист [Энkvист 1998 : 332].

Современная лингвистика, по мнению Елены Викторовны Падучевой, «инкорпорировала в себя теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в своё распоряжение аппарат, позволяющий описывать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу – частиц, междометий, дейктических слов, иллокутивных функций и прочее» [Падучева 1995 : 47].

¹ Детальное осмысление этих концепций, положенных в основу анализа, см.: [Касавин 2008 : 94-118].

М. Л. Макаров подчеркивает, что в современной лингвистике утвердилось широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к речи, тексту, диалогу¹. Это позволило осознать, что «дискурс – это новая черта в облике языка, каким он предстал пред нами к концу XX века» [Степанов 1995 : 71].

«При анализе дискурса вырабатывается оригинальный метод интерпретации (выделено мной – З.К.), который <...> обнаруживает появление нового смысла, до сих пор не замеченного²», – считает Валентина Авраамовна Маслова [Маслова 2008 : 49]. Она же подчеркивает, что коммуникативно-деятельностный подход не только «с наибольшей полнотой и глубиной раскрывает онтологические свойства языка» [Маслова 2008 : 30], но и расширяет границы лингвистики настолько, что она вышла за пределы языка. Это осознаётся не только лингвистами.

Вот как об этом пишет известный российский философ и организатор науки Илья Теодорович Касавин, проанализировавший современный лингвистический поворот к изучению языка как коммуникативно-прагматического феномена: «Таким образом, каждая из локальных лингвистических теорий – теория текста, теория дискурса и теория контекста – из специальных научных дисциплин превращаются в варианты общей философской теории культуры <...> Мир, понятый как текст, отныне представляет собой универсальный контекст нашей речи; текст, понятый как мир, – универсальный контекст нашей жизни» [Касавин 2008 : 152].

Полагаю, что через приведённые индивидуальные дискурсы известных лингвистов, мне удалось показать основные результаты коммуникативно-прагматического метода. Что касается ограничений метода, то основное ограничение очевидно. Оно определяется тем, что язык по своему назначению является когнитивно-коммуникативной системой, поэтому для объективного его познания необходимо исходить из единства этих основных функций: коммуникативной и познавательной.

Кроме того, проведённые за этот период исследования показали «узкие места» разработанного метода и его методик. Основные недочёты связаны с тем, что обнаружена «недостаточность теории речевых актов в качестве базисного концептуального аппарата для построения прагматической теории вербального общения»³.

Критике подвергается неправильность ограничения речевого акта размерами одного высказывания, поскольку коммуникативное намерение говорящего нередко реализуется в более крупных единицах речи.

При выделении речевых актов не учитывается, что в реальном общении позиция («точка зрения») коммуникантов постоянно меняется, поэтому не ос-

¹ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. С. 50

² Это, к примеру, реализовалось в альтернативных грамматиках: коммуникативных (см. работы Г.А. Золотовой) и актантажно-ролевых (см. работы Л. Теньера, Ч. Филлмора, У. Чейфа и др.)

³ Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения и риторике// Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17.

таются неизменными и коммуникативные структуры, т. е. «точка зрения» речевого акта *статична*, а речевое общение – *динамично*¹.

Кроме того, не вполне определена в исследованиях роль контекста, который привлекается к анализу только как дополнительный фактор, хотя его реальная роль значительна [Касавин 2008 : 216-240].

Можно назвать и ряд других «несостыковок» прагматики как отрасли внешней лингвистики при изучении проблем внутренней лингвистики [Пищальникова, Сонин 2009 : 401-410], что обуславливает необходимость дальнейшего формирования метода через совершенствование его методик и приёмов анализа.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Используя дополнительную литературу, подготовьте сообщение «Основные предпосылки формирования коммуникативно-прагматической макропарадигмы и её метода».
2. Какова методологическая база метода?
3. В чем состоит сущность коммуникативно-деятельностного подхода к познанию языка?
4. Какова, по Вашему мнению, структура коммуникации?
5. Определите цель, объект и предмет метода?
6. В чем состоит рациональность концепта *актуальное коммуникативно-прагматическое пространство* для конкретных коммуникативно-прагматических исследований?
7. Каково соотношение концептов *дискурс – текст – речь*? В чем состоит дискуссионность содержания этих терминов?
8. Как Вы думаете, почему, по мнению Валентины Авраамовны Масловой, «анализ дискурса – интерпретирующая дисциплина» [Маслова 2008 : 49]?
9. Как Вы думаете, *междисциплинарность* в науке фактор положительный или отрицательный? Сравните своё понимание с мнением Ильи Теодоровича Касавина [Касавин 2008 : 275-280].
10. Оцените предложенный алгоритм анализа текста.
11. Оцените предложенный алгоритм анализа дискурса.
12. Ознакомьтесь с методиками и приёмами исследования коммуникативного поведения народа, предложенных Юрием Евгеньевичем Прохоровым и Иосифом Абрамовичем Стерниным, и оцените их [Прохоров, Стернин 2007 : 60-89].
13. Прокомментируйте высказывание финского лингвиста Н. Бенквиста: «Для некоторых из нас осознание решающего значения *текстуальных и дискурсивных факторов* было равносильно по своим последствиям *революции*».

¹ Там же. С. 367.

14. Какова, по Вашему мнению, судьба коммуникативно-прагматического метода и его методик в современном познании языка в действии?

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|----------------------------|---------------------------------|------------------------------------|
| Ажеж 2003 | Карданова 2012 | Пищальникова, Сонин 2009 |
| Алексеева 2001 | Карлинский 2009 | Плотников 1984 |
| Алефиренко 2009-б | Касавин 2008 | Постовалова 1988; 1995 |
| Алпатов 1993 | Катц 1981 | Потапова 1997 |
| Антология 2007 | Кибрик 1995 | Почепцов 1990; 1999 |
| Апухтин 1977 | Кожин 1982 | Принципы и методы 1985; 1976 |
| Арутюнова 1980; 1999; 2005 | Кожина 1984; 2002; 2003; 2010 | Проблемы функциональной 1985; 2003 |
| Ахапкин 2011 | Колесов 2006 | Прохоров 2004 |
| Ахманова (1966) 2007 | Колшанский 1977; 1999; 2005 | Прохоров, Стернин 2007 |
| Бабенко и др. 2000 | Комарова А.И. 2004 | Рубакин 1997 |
| Баженова 2001 | Комлев 1989; 2003 | Салимовский 2002 |
| Баранов 1988 | Котюрова 198 | Секерина 1996 |
| Барт 1978 | Красных 1998; 2001 | Сёрл 1987; 2002; 2004; 2010 |
| Бахтин 2000 | Крейдлин, Кронгауз 2004 | Скворцов и др. 2009 |
| Белоусов, Блазнова 2005 | Кривоногов 1986 | Стросон 1986 |
| Бергельсон 2004 | Крипке 1986 | Сусов 2006; 2007 |
| Богин 1986; 1996 | Кронгауз 2001; 2004 | Текст 1984 |
| Болдырев 2001 | Куайн 1982; 1986 | Теория 1996; 2003 |
| Болотнова 2000 | Кубрякова 1995; 2008 | Тондл 1975 |
| Боронин 2007 | Лапп 1993 | Тулмин 1984 |
| Бразговская 2004 | Леонтьева 2008 | Тураева 1986 |
| Валгина 2003 | Лингвистика XX века 2004 | Ферс 1962 |
| Васильев 1997 | Лингвистическая прагматика 1989 | Филипс, Йоргенсен 2004 |
| Вейнрехт 1981 | Лотман 1996 | Философия языка 2010 |
| Винокур Т.Г. 1980; 1993 | Макколи 1981; 1983 | Формановская 1998; 2002 |
| Водак 1997 | Малинович 2003 | Фундаментальные направления 1997 |
| Ворожбитова 2005 | Марова 2006 | Хейрартс 1995 |
| Всеволодова 2002 | Маслова 2008 | Цейтлин и др. 2006 |
| Гаврилова 2003 | Матвеева 1990; 2010 | Чейф 1975; 1983 |
| Гальперин 1981 | Михалёв 2008 | Чернявская 2004; 2009; 2011 |
| Гиндин 1977 | Мишанкина 2010 | Шарков 2002; 2009 |
| Гончарова 2003 | Москальская 1981 | Шмелёва 1996 |
| Горелов 1980 | Москальчук 2003 | Щедровицкий 1987 |
| Грайс 1985 | Мурзин 1990; 2000 | |
| Грибанов 2004 | Николаева 2000 | |
| Данилевская 2005 | Одинцов 1965 | |
| Демьянков 1983; 1989; 2008 | | |
| Дридзе 1985 | | |

Журавлёв 2000	Олешков 2006	Щенк, Бирнбаум, Мей 1989
Звегинцев 2007	Остин 1986	Щирова, Тураева 2005
Золотова 1973; 1998	Павилёнис 1983; 1986	Эко 2005
Иванова 1995	Падучева 1999; 2004	Энквист 1998
Иссерт 1999 (2003)	Парадигмы 2008	Якобсон 1983; 1985; 1999
Кайда 2000	Переверъев 2000; 2002	Янко 2001
Каменская 1990	Перцов, Пищальников 2011	
Карасик 2002		

12.4. Когнитивно-коммуникативный метод и его методики

От существующего к возникающему

И. Р. Пригожин¹

Во многих лингвистических работах подчеркивается, что современное языкознание характеризуется сосуществованием ряда парадигм, без явных признаков монополий одной из них, но с доминированием нескольких. Так, в предыдущем разделе описана одна из доминирующих макропарадигм – коммуникативно-прагматическая, обеспечивающая языковую коммуникацию.

Параллельно с ней идёт формирование ещё одной доминирующей в наши дни макропарадигмы – когнитивной с её методом и методиками, к анализу которых мы и переходим.

12.4.1. Идеи, постулаты и концепты метода

Хронологические рамки когнитивной макропарадигмы, формирующейся в рамках антропоцентрической суперпарадигмы; условия, предпосылки и мотивы её появления; установки и цели; предметные области её анализа; аксиоматика, – всё это уже охарактеризовано в разделе 11.3 пособия. Потому не повторяясь, подытожим: идёт дальнейшее расширение и изменение границ канонической модели лингвистического описания через *концептуальную междисциплинарную интеграцию*, и по существу когнитивная парадигма сложилась путём **синтеза коммуникативно-прагматических моделей языка и идей когнитивной науки**².

Язык не просто передаёт в актах коммуникации в виде высказываний *сообщения*, в которых содержатся те или иные *знания* о каких-либо фрагментах

¹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. 1994 : 259.

Илья Романович Пригожин (1917-2003) – русско-бельгийский физик, химик, лауреат Нобелевской премии по химии (1977), основоположник термодинамики неравновесных процессов, один из основоположников синергетики, создатель одной из междисциплинарных концепций. Он считал, что несводимые вероятностные законы приводят к “картине» открытого мира, в котором в каждый момент времени в игру вступают все новые возможности” [Там же : 11]. Одна из его работ так и называется «*От существующего к возникающему*».

² Полагаю, что именно «поглощение» коммуникативно-прагматической парадигмы когнитивной и их одновременное формирование привели к тому, что многие лингвисты так и не осознали её автономность и необходимость её институционализации.

мира. Главное – он играет важную роль в *накоплении знаний* и их *хранении* в нашей памяти, он способствует их упорядочению, систематизации, т. е. участвует в их *обработке*. Тем самым язык обеспечивает *познавательную деятельность человека*. Это возможно благодаря тому, что две сущностные функции языка – коммуникативная и когнитивная – неразрывно связаны, взаимно предполагают друг друга.

Таким образом в основе метода лежит присущая человеку целостная **коммуникативно-когнитивная система**, которую образуют тесно взаимосвязанные друг с другом **мышление, сознание и язык**. Она локализована в мозгу человека. Основным назначением этой системы является обеспечение процессов восприятия информации извне, переработки этой информации и её сохранения и передачи другими индивидами.

Исходя из этого, коммуникативно-когнитивный подход к изучению языковых явлений **базируется** на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и её дискурсивной деятельности лежит *система знаний о мире* – концептуальная картина мира, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности. Сам же язык при этом выступает в качестве **когнитивного механизма, когнитивного инструмента** [Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) 1996 : 53], т. е. **условия и орудия познания**, непосредственно участвующего в формировании этой системы.

В. А. Звегинцев подчеркивает, что существенной чертой знаний является их *дискретный характер*, что и заставляет обратиться к языку, который выполняет здесь сразу **три функции**: «Он служит средством дискретизации знаний, их объективизации и, наконец, интерпретации. Эти функции тесно взаимосвязаны» [Звегинцев 1996 : 195].

А в качестве **центральной проблемы** выступает круг вопросов, связанных с установлением зависимостей в когнитивной цепочке: «**разум (сознание)¹ – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие**» [Кравченко 2003 : 3].

Исходя из этого, сущность метода состоит в **допущении**: *языковые средства в конечном итоге являются отражением когнитивных структур*.

Основные постулаты лингвокогнитивного исследования:

- структуры сознания (*ментальные репрезентации*) и структуры языка в речемыслительной деятельности пребывают в активном взаимодействии;
- языковой знак – важнейшее средство проникновения в тайну речемыслительных процессов; средство представления тех концептуальных признаков, которые актуализируются в том или ином контексте общения²;

¹ Обратим внимание на постулирование сдвига от соотношения языка и мышления на соотношение сознания и языка [Кравченко 2001]. См.: о сознании как высшей форме психического состояния человека раздел 3.2.2 пособия.

² Языковой знак выполняет роль «золотого ключика», открывающего тайники концептуального знания [Алефиренко 2009-б : 196]. По образному выражению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковой знак можно уподобить включателю: «он включает концепт в нашем сознании, активируя его в целом и запуская его в процессе мышления» [Попова, Стернин 2001 : 39].

- структура значения языкового знака есть структура представления знаний;
- каждым языковым знаком можно эксплицировать целые пласты знания;
- языковой знак изучается не как статичная единица, а с позиции его *функционализации* в дискурсе, в котором он используется.



Итак, **когнитивно-коммуникативный (когнитивный) метод** – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения широкого комплекса проблем, связанных с языковой репрезентацией ментальных процессов и их результатов, оформленных в голове человека в виде знаний, а также с когнитивной интерпретацией и верификацией полученных результатов, с целью «построения языковой модели коммуникации как основы обмена знаниями»¹.

Целью метода является обеспечение стратегии и тактики исследования языка как условия и орудия познания на основе *усвоения и использования и языка, и знаний*.

Основные задачи:

- 1) задачей исследования в когнитивной лингвистике являются также установление концептов, наиболее важных для построения всей концептуальной системы, прежде всего, тех, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения [Арутюнова 1991];
- 2) описать системы универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубриками её членения [Маслова 2008 : 101];
- 3) попытаться понять и исследовать процессы концептуализации и категоризации знаний, описать средства и способы языковой категоризации и концептуализации констант культуры [Степанов 2001];
- 4) конечной задачей когнитивной лингвистики является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова 2004 : 13].

Основными объектами, на которые направлен метод, являются: 1) два самых крупных взаимосвязанных процесса: когниция² и коммуникация (дискурс); 2) концептуализация и категоризация; 3) концепт и категория; 4) концептосфера, картина мира, языковая картина мира и менталитет.

Обобщённый предмет, на который направлен метод, – знаковая репрезентация ментального мира; соотнесение языковых форм с их когнитивными структурами и выявление того, какая часть концептуального содержания и каким образом фиксируется языковыми значениями.

Кроме того, все ранее обозначенные конкретные объекты имеют свои предметы исследования.

¹ Сравните: В. А. Маслова считает, что «метод когнитивной науки заключается, прежде всего, в попытке совместить данные разных наук, гармонизировать эти данные [Маслова 2008 : 117].

² Когниция «в её языковом отражении» [Болдырев 2004 : 22], т. е. с точки зрения *когнитивной* функции языка.

При этом следует подчеркнуть, что современные философы и учёные (особенно физики-теоретики) склоняются к тому, что само познание человека «отелеснено», т. е. обусловлено выработанными потребностями человеческого тела видеть, слышать, ощущать. То, что познается и как оно познаётся, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве <...>. *Устроено по-разному – значит познаёт мир по-разному* (выделено мной – З. К.) [Князева 2006 : 24].

Для того, чтобы точнее **обозначить границы** использования метода в предлагаемом понимании, т. е. обозначить его «первичную» сферу использования, назовем **основные направления современной когнитивной лингвистики**, сложившиеся в отечественном языкознании:

- культурологическое – исследование концептов и концептосфер как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Н. Ф. Алефиренко и др.);
- лингвокультурологическое – изучение в направлении «от языка к культуре» (В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев, В. В. Воробьев, В. Н. Телия, В. А. Маслова, В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, А.Т. Хроленко и др.);
- логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв, Г. В. Макович и др.);
- философско-семиотическое – исследуются когнитивные основы знаковости (А. В. Кравченко, В. В. Колесов, Н. Ф. Алефиренко и др.);
- индивидуально-речевое, семантическое (Д. С. Лихачёв, Н. Ф. Алефиренко, А. Вержбицкая, В. В. Колесов, И. П. Михальчук, В. П. Нерознак и др.);
- семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин, А. В. Кравченко, Е. Ю. Балашова, М. В. Пименова, В. З. Демьянков, С. Х. Ляпин, Г. В. Быкова и др.).

При этом два основных направления когнитивизма – классический американский и отечественный, семантико-когнитивный – развиваются достаточно независимо друг от друга, а потому создали свои методологию и понятийно-терминологические инструментариумы [КСКТ 1996; Кубрякова 2004 : 11; Попова, Стернин 2007 : 4-7 и др.], последний принят в этом пособии.

Базовые концепты:

- **Когниция** (<лат. *cognitio, cogitatio* – «познание, познавание») – вся познавательная деятельность человека, охватывающая процессы, в ходе которых обрабатывается, перерабатывается, фиксируется мозгом в виде

ментальных репрезентаций разного типа информация, поступающая к человеку по различным каналам [КСКТ 1996 : 81]¹.

- **Концепт** – оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (лат. *lingva mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике [КСКТ 1996 : 90].
Концепт – это конструкт, он не воссоздаётся, а «реконструируется» через своё языковое выражение и внеязыковое знание [Телия 1996 : 96]².
- **Концептуализация** (*conceptualization*) – понятийная классификация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмысленной поступающей к нему информации и приводящий к образованию **концептов**, концептуальных структур и всей **концептуальной системы** в мозгу (психике) человека; некий «сквозной» для разных форм познания процесс структурализации знаний и возникновение разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц-концептов [КСКТ 1996 : 93].
- **Категория** – одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщить его опыт и осуществлять его классификацию; наиболее общий род высказывания; группы концептов, вокруг которых строится категория [Там же 1996 : 45]. Основной формат знания.
- **Категоризация** – это, как и концептуализация, классификационная деятельность, которая направлена не на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, как концептуализация, а на *объединение* единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные классы – **категории** [Там же 1996 : 93].
- **Концептосфера** – упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления [Попова, Стернин 2007 : 36]³.
- **Когнитивная база** – это определённым образом структурированная совокупность *обязательных знаний* того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают *все говорящие* на данном языке; включает не только знания о мире, но и знания языка и знание о языке⁴.
- **Картина мира** – 1) это совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности [Васильева и др. 1995 : 47]; 2) упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин 2007 : 51].

¹ Когниция как вся познавательная деятельность включает: знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, делание наглядным, классифицирование, соотнесение, фантазирование, мечты, организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание, узнавание, мимезис [Михалев 2008 : 197].

² Множество других дефиниций концепта см.: Маслова 2008 : 101-113; Попова, Стернин 2007 : 29-35; Голованова 2001 : 22-30 и др.

³ Термин ввел академик *Дмитрий Сергеевич Лихачев* (р. 1906) в работе «*Концептосфера русского языка*» // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993 - №1. – С. 3-9.

⁴ Термин в научный оборот ввел в 1998 году **В. В. Красных** в работе «*От концепта к тексту и обратно*» // Вестник МГУ. – Сер. 9, - Филология. – 1998. – № 1. – С. 47.

- **Языковая картина мира** – совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний [Пименова 1999 : 8].
- **Менталитет** – специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определённой личности, социальной или этнической группы людей и нации [Попова, Стернин 2007 : 58].
- **Ментальные репрезентации** – внутренние мыслительные представления о внешнем мире; способы психического существования объектов и действий действительности [Пищальникова, Сонин 2009 : 414].

В нашем исследовании:

Ментальная репрезентация – это актуальный образ того или иного конкретного объекта или события, т. е. субъективная форма видения происходящего; оперативная форма ментального опыта человека [Лаенко 2007 : 11]

Кроме того, для проведения когнитивно-семантических исследований необходимо знать оперативные (процессуальные, опытные) **единицы знания** – ментальные структуры (*репрезентации*), которые участвуют в категоризации и концептуализации мира.

Даём типологию в интерпретации Николая Николаевича Болдырева [2000 : 36-38].

- **мыслительная картинка** (представление) – результат чувственно-перцептивной деятельности;
- **схема** – ментальный пространственно-контурный образ предмета или явления;
- **понятие** – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики предмета или явления¹;
- **прототип** – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определённой категории;
- **пропозиция** – сложный конструкт, образуемый базовым предикатом и его аргументами;
- **фрейм** – объёмный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации; знания о стереотипной ситуации (как результат ассоциативных связей);
- **сценарий, или скрипт** – динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определённая последовательность этапов, эпизодов;
- **гештальт** – это концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности как результат нерасчленённого восприятия ситуации.

¹ Вот почему в разделе 12.4.1 пособия, как и в других разделах, используется терминологическое обозначение: «*Основные концепты метода*», а не *основные понятия*, т. к. я имею в виду *содержание* научного концепта.

12.4.2. Методики анализа концептов¹

Поскольку концепт является базовым понятием когнитивной лингвистики, то изучению природы концепта уделяется первостепенное значение.

Виды методик анализа концептов обусловлены: во-первых, различными целями и задачами исследования; во-вторых, различными типами концептов как объектов исследования (*языковой, научный, художественный* и т. д.)²; в-третьих, предметом исследования, т. е. тем аспектом концепта, который изучается; в-четвертых, типом концептосферы, картины мира, языковой картины мира, концептуальной системы и менталитета лингвиста-исследователя; в-пятых, способом языковой объективизации концепта (*обозначение, выражение, описание*)³; в-шестых, типами значений, объективирующих объем концепта (*психологическое, лексикографическое*)⁴; в-седьмых, методологической установкой исследователя (принципы анализа концептов); наконец, в-восьмых, теми приёмами и процедурами, которыми владеет исследователь, в первую очередь – типами моделей и экспериментальными методиками.

Вот далеко не полный перечень факторов, определяющих многообразие методик анализа концептов, описанных в научной литературе, часть приёмов которых обозначена в учебном пособии В. А. Масловой (2008).

Это теория *профилирования*, предложенная Е. Бартминским, на базе которой выявляется рекуррентность концепта [Попова, Стернин 2007 : 148-158]⁵; теория и методика вертикальных синтаксических полей С. М. Прохоровой; методика концептуального анализа использования гештальтов Л. О. Чернейко и В. А. Долинского; теория и методика вертикального контекста О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет; методика описания концепта через образы, картинки, схемы (Ю. Д. Апресян, Г. Д. Гачев, В. В. Воробьев...), полевые методики через ядро и периферию (Р. М. Фрумкина...); описание концепта через модель-контейнер (Е. С. Кубрякова); методика выявления «слоистой» структуры концепта (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик...) и др. [Маслова 2008 : 113-119].

При этом в конкретных исследованиях до конца XX века концептуальные характеристики выявлялись при синтезе двух приёмов: 1) через значения язы-

¹ Сознательно не используем термин *концептуальный анализ*, поскольку он является не совсем терминологически точным, потому предлагаются другие его наименования: *лингвоконцептуальный анализ*, *лингвокогнитивный анализ* и др. [Гольдберг 2003 : 46; Дударева 2004 : 28 и др.]; *лингвоконцептологический* [Попова, Стернин 2007 : 161]. Многозначность термина обусловлена тем, что он применяется к разным объектам и имеет разные цели: 1) проанализировать концепт; 2) реконструировать концепт; 3) проанализировать категорию через концепты.

² О типах концептов см.: Болдырев 2000 : 29-38; Бабушкин 1996; Алефиренко 2003; Дударева 2004 : 21-27; Попова, Стернин 2007 : 115-120; Маслова 2008 : 101-119 и др.

³ См.: Карасик 2004 : 109-110.

⁴ См.: Попова, Стернин 2007 : 93-104. Особенно таблицу основных различий между видами значения и концептом [Там же : 101-104].

⁵ Использована в диссертационном исследовании Ю. Ю. Шадринной. См.: Комарова З. И., Шадринная Ю. Ю. Категория местоименности в когнитивном аспекте: о когнитивной выделенности местоимений-прилагательных в национальных концептосферах // Вестник Челяб. гос. ун-та. – Филология и искусствоведение. – Вып. 39. – №43 (181). – Челябинск, 2009. – С. 78-87.

ковых единиц, репрезентующих данный концепт, т. е. через их словарные толкования и 2) через речевые контексты.

Первый приём фактически является *методикой компонентного анализа* лексических единиц в его лексикографическом варианте¹, который позволяет выявить только обобщенные (узультные) содержательные признаки языковых единиц.

Потому одного этого приёма недостаточно для выявления содержательной структуры концепта. Отметим, что такие ошибочные исследования описаны в лингвистических источниках.

Он должен дополняться анализом речевых контекстов, который позволяет выявить *речевые значения*².

Такой вид анализа и был назван концептуальным анализом [Болдырев 2000 : 31; 2004 : 26].

«**Объектом** концептуального анализа соответственно является смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями.

Сопоставление всех доступных языковых средств реализации концепта в *системе языка и речи* и позволяет выявить *основное содержание концепта*, а также принципы организации языкового материала, поскольку в основе формирования значений отдельных языковых единиц, их различных классификаций, а также в основе формирования *языковых категорий* лежат те или иные концепты» [Болдырев 2004 : 27].

Исходя из этого, Е.С. Кубрякова определяет концептуальный анализ как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1991 : 85]³.

Пример такого анализа концепта «*культура*» даёт Н.Н. Болдырев [2000 : 31-36].

Но продемонстрировав эти приёмы методики анализа концепта, Н. Н. Болдырев предупреждает: «...концепт имеет сложную структуру, содержание которой *лишь частично может быть выявлено через средства его репрезентации в языке*. Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять (и пониматься) знания разной степени абстракции, т. е. разные *форматы знания* <...>: *конкретно-чувственные образы, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт* и т. д.» (выделено мной – З.К.) [Болдырев 2000 : 36].

¹ См. раздел 12.2.6 пособия.

² См. работу Е.Г. Беляевской «*Когнитивный анализ VS концептуальный анализ*» [2008 : 140-146].

³ Е.С. Кубрякова различия между концептуальными и семантическими анализами видит в нетождественности их конечных целей [Кубрякова 1991 : 86].

Потому в дальнейшем в теоретических и практических исследованиях лингвисты уточняли, усложняли методику анализа концептов, вводя в неё другие приёмы и процедуры.

Методика сопоставительного анализа концептов внутреннего мира человека разработана в Кемеровской школе когнитивной лингвистики (Пименова 1999; 2004; 2009; 2011).

В общих чертах эта методика включает ряд процедур: «методика исследования концептов заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов.

Затем – на их основе – обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в сравниваемых языках»¹.

Так, на примере сопоставительного анализа социальных концептов *бедность* (в русской концептосфере) и *poorness* (в английской концептосфере) в этой школе когнитивной лингвистики показана методика анализа концептов «в действии» с использованием образ-схем М. Джонсона.

Выделенные образы-схемы в совокупности позволяют представить гештальт-структуры анализируемых концептов и показать их различия, обусловленные этноспецификой концептуальных систем носителей этих языков [Пименов, Пименова 2011 : 339-349].

В рамках этой же шкалы выполнена работа по реконструкции и анализу русского концепта *сердце* и немецкого концепта *Herz*, в которой разработана **комплексная методика** включающая:

- элементы этимологического анализа, необходимые для определения мотивирующих признаков концептов;
- метод дефиниционно-компонентного анализа, необходимого для выявления понятийных признаков концептов;
- метод концептуального анализа (выявление признаков, формирующих структуры исследуемых концептов, их классификация и интерпретация);
- приёмы классификации и систематизации языковых репрезентантов концептов;
- лингвокультурологический анализ единиц сравниваемых языков, их сопоставление и противопоставление;
- количественный приём статистического анализа выявленных и классифицированных по различным критериям признаков исследуемых концептов².

Методика сопоставительного анализа группы временных концептов, образующих концептуальную сферу «*Время*» в русской и башкирской языковых

¹ Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации – Кемерово, 2004. – С. 20.

² Романенко Т.А. Реконструкция и анализ структур русского концепта *сердце* и немецкого концепта *Herz*: автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012. С. 4-5.

картинах мира описана в монографии З.М. Дударевой [2004], в которой используется как основной метод моделирование в разных типах моделей: *линейно-историческая, антропоцентрическая, циклическая, созерцательная, агентивная* [Дударева 2004 : 82-86], но он дополняется рядом других приёмов и процедур исследования концептов¹.

В ряде работ описана методика внутриязыкового сопоставительного анализа концептов разных типов, к примеру, фитонимических концептов, *общеязыковых* и *научных*, которая позволила выявить значительные расхождения в семантике и структуре концептов и в характере выявленных концептуальных признаков [Комарова, Плотникова 2006 : 70-86]. Была разработана методика параллельного анализа концептов, которая включает три последовательных этапа: *первый этап* – анализ языковых концептов «*василёк*»; *костёр, лисохвост, пырей*; *второй этап* – анализ научных концептов: *василёк синий (L), костер безостый (L), лисохвост луговой (L) и пырей ползучий* и их латинские тривиальные биномиальные названия; *третий этап* – сопоставление структуры языковых и научных концептов, интерпретация и верификация полученных результатов.

Широкую известность в нашей стране получила семантико-когнитивная методика анализа концептов, сформировавшаяся в теоретико-лингвистической школе Воронежского университета [Попова, Стернин 2007 : 160-162].

Основные этапы методики таковы:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

Данный этап факультативен, но желателен, поскольку в любом описании концепта велика роль субъективизма исследователя в выделении и формулировании когнитивных признаков, а носители языка в **специальном эксперименте** могут подтвердить правильность выделения исследователем того или иного когнитивного признака. Появляется также возможность при обработке результатов, полученных от испытуемых, вычислить *яркость каждого признака* в структуре концепта, что позволяет ранжировать когнитивные признаки по яркости, выделить ядро и периферию.

Если у исследователя отсутствуют возможности проведения верификации, ему приходится полагаться на собственную языковую интуицию, собственный опыт носителя языка.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Следующие шаги будут зависеть от того, ставит ли исследователь своей задачей двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингво-

¹ Для сравнения методики анализа см. работу: Попова Н. С. Абстрактный концепт «время» как сложная когнитивная структура//Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 151-159.

концептологических исследований (то есть ставит ли он задачу описать семантику тех или иных языковых единиц с использованием когнитивных данных или моделировать концепт как единицу сознания).

В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Например, понятия когнитивного признака, классификатора используются для объяснения появления тех или иных сем или семем, их группировок, изменений в семантике слова, перестроек семантемы слова.

Во втором случае необходим **этап моделирования**¹ концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу и предполагает **несколько последовательных шагов**. Они представляют собой три взаимодополняющие, но выполняемые отдельно процедуры:

- *описание макроструктуры концепта* (атрибуция выделенных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);
- *описание категориальной структуры* концепта (выделение иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);
- *описание полевой организации* выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Результаты когнитивной интерпретации² и верификации³ позволяют представить модель содержания исследуемого концепта в виде словесной или графической модели.

Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Эта методика «в действии» показана на примере целостного семантико-когнитивного анализа концепта *русский язык*, выполненного И. А. Стерниным совместно с Л. А. Тавдгиридзе [Попова, Стернин 2007 : 218-296].

В завершении следует перечислить **приёмы и процедуры**, которые, используя в методиках анализа концептов, показали свою продуктивность. Доминирование какого-либо из них в разных сочетаниях и определяет специфику той или иной методики:

- описание концепта по его ассоциативному полю на основе анализа языковых значений по их словарным дефинициям;
- использование этимологического анализа;

¹ О методике моделирования см. раздел 9.2.2 пособия.

² О типах когнитивной интерпретации см.: Попова, Стернин 2007 : 198-210.

³ Верификация проводится путём свободного или направленного эксперимента (см. раздел 9.1 пособия).

- изучение концепта через лексико-грамматическое поле лексики, его презентующей;
- описание по предикативным связям и моделирование «диагностических контекстов»;
- «визуальная» методика Р. Лангакера;
- тезаурусно-сетевое моделирование;
- модель ассоциативно-вербальной сети Ю.Н. Караулова (1999; 2000; 2006);
- модель детализированной рассредоточенной интерпретации В.А. Пищальниковой (1999; 2001; 2008);
- сетевая коннекционистская модель А.Г. Сониной (2005; 2008) и др.¹.

12.4.3. Методики анализа категорий

Важно отметить **объективную необходимость** создания множества методик для анализа такого сложного феномена, каким является категория. Факторы, обуславливающие эту вариативность методик, аналогичны тем, которые определяют множество методик анализа концептов.

Но должно привлечь во внимание ещё два фактора. Первый, более сложную, по сравнению с концептом, природу категории: если концепт является родовым обобщением минимальных ментальных репрезентации (*образ, схема, понятие, фрейм* и т. п.), то категория – это «формы осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающие наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления» [Новейший философский словарь 2001 : 237].

Второй фактор – *временной*: если понятие *концепта* введено в теорию и практику лингвистики именно в её когнитивный период, то осмысление сущности категорий имеет более чем двухтысячелетнюю «вписанность» в эволюцию культуры [Режабек 2006 : 28]: от древнегреческой философии (Платон, Аристотель) до когнитивистики².

На этом длительном пути, в первый период, шло философское, а точнее – логико-философское³ осмысление категорий как форм мысли человека, начиная от гениальной теории *эйдосов* (идей) **Платона** (427-347 г.г. до н.э.), которые по сути были первыми в историческом плане «проформами» концептов [Канке 2008 : 189], объединенными Платоном в четыре категории.

Второй «пик» осмысления категорий – выделение **Аристотелем** в трактате «*Категории*» 10 основных понятийных категорий бытия [Аристотель 1976; 2002].

Третий «пик» – это 12 категорий рассудка **Иммануила Канта**, в которых он переносит акцент с онтологического содержания категорий на логическое и гносеологическое, определив познавательную ценность категорий как основной

¹ О типах моделей в лингвистике см.: Мишанкина 2010.

² Детальный анализ см.: Комарова, Дедюхина 2011 : 28-46.

³ См.: раздел 3.1.2 и 3.1.3 пособия.

формы знаний о мире, самом человеке и языке¹, которые хранятся в нашем сознании в *категориальной* форме, благодаря чему человек воспринимает мир в таксономической «обработке»².

Четвертый «пик» – подход **Л. фон Витгенштейна**, который через анализ значений слова *игра* показал, что все подобные значения связаны лишь «*фамильным сходством*», т. е. наличием у попарно сравниваемых значений какого-нибудь общего признака, что затем привело к обоснованию *недискретности категорий и размытости границ между ними* [Витгенштейн 1958; 1994].

Таким образом, этот логико-философский подход позволил осознать три аспекта категорий: 1) *онтологический*; 2) *гносеологический* и 3) *лингвистический*. Если первый аспект представляет собой суть самого явления объективной реальности, в которой отражает структурирование мира человеческим разумом, то третий служит представлению, т. е. *объективации* первых двух.

На втором этапе разработки проблемы категория и язык – лингвистическом – первый «пик» связан с работой **Отто Есперсена** «*Философия грамматики*» (1928), в которой он вводит в научный обиход терминованное понятие *понятийные категории*³. При этом, не исключая традиционного подхода к изучению языков – от формы к содержанию (семиологического), О. Есперсен, как и его современник Ф. Брюно, считает важным метод исследования языка с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме, закладывает, таким образом, ономазиологический подход [Даниленко 2007], который позже Е. С. Кубрякова назовет «предкогнитивным» [Кубрякова 1995 : 2004-а, 2004-б]

Именно при таком подходе становится очевидной та существенная роль, которую играют в успехе лингвистического исследования *понятийные категории*, и встает вопрос об их соотношении с языковыми категориями.

Второй «пик» связан с трудами академика **Ивана Ивановича Мещанинова** (1883-1967), который в работе «*Понятийные категории в языке*» (1945) поставил проблему соотношения *понятийных категорий* с языковыми, решаемую ряде других работ (1948; 1954; 1958; 1960). И. И. Мещанинова не устраивало положение в современной ему науке, когда «*факты языка освещались со стороны, вместо того, чтобы получить своё объяснение изнутри себя*» (Мещанинов 1948 : 5).

¹ Так, Н. Д. Арутюнова замечает, что в обычной, эталонной ситуации не говорят: *Я вижу что-то белое, круглое и плоское*, а говорят: *Я вижу тарелку*, т. е. в таксономической обработке этого предмета [Арутюнова 1998 : 422].

² «Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслительного предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [Кант 1999 : 117].

Именно это позволило осознать один из основных постулатов когнитивной лингвистики: «не язык является опорным базисом для познания, а напротив, *категории мысли*, которые выделил И. Кант в качестве *категорий разума*, образуют тот базис, на котором строится разнообразие языков» [Кубрякова 2004 : 128].

³ О. Есперсен признаёт наличие «внеязыковых категорий», которые «являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом... За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории *понятийными категориями*» [Есперсен 2006 : 57-58].

Однако было бы ошибочным считать, что теория *понятийных категорий* как мыслительного субстрата языка начала развиваться только с трудов этого исследователя. Так, С. Д. Кацнельсон показывает, что наличие «универсального компонента языков содержится уже в работах В. фон Гумбольдта» [Кацнельсон 1984 : 12-13].

Понятие вопроса он видел именно в изучении соотношения между языковыми и понятийными категориями. Такими «опорными пунктами» в его работах и в работах других лингвистов (Л. В. Щерба, С. Д. Кацнельсон, А. В. Бондарко и др.) в изучении языковых категорий служат семантические категории.

На этой базе начали складываться методики изучения категорий, прошедшие три основных этапа: структурный (по типу оппозиций); функциональный (полевой) и когнитивный (прототипический) [Болдырев 2006 : 6].

Первый этап формирования методик изучения категорий, получивший определение как структурный, методологически был связан, во-первых, с платоновско-аристотелевским пониманием категорий как имеющих четкий перечень элементов, с одинаковым набором категориальных характеристик, жесткими границами между категориями, а принадлежность той или иной единицы к конкретной категории определяется *обязательным наличием всех выделяемых признаков*. Во-вторых, этот подход базируется на методологии лингвистического структурализма¹, а поэтому основной методикой является методика *оппозиционного анализа*², используемого для изучения грамматических (чаще – морфологических, реже – синтаксических) языковых категорий. К примеру, бинарные категории *качественности – количественности; определённости – неопределённости; дискретности – континуальности* и др.

Одновременно была выявлена и ограниченность этой методики, при использовании которой исследователи наталкивались на непреодолимые трудности: континуальные, недискретные языковые единицы, с явлениями асимметрии, трудно укладывались в жесткие, дискретные рамки категорий с ограниченным, конечным набором признаков для языковых единиц.

Второй этап связан с функциональным, полевым подходом (В.Г. Адмони, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко, Г.С. Щур и др.)

Сущность этой методики состоит в том, что все языковые элементы разных уровней, выполняющие *сходные семантические функции*, группируются в виде поля с центром и периферией. При этом центром считается элемент, семантически *инвариантный* по отношению ко всем другим элементам поля, которые и образуют его периферию. Таким образом, эта методика базируется на принципе семантической инвариантности/вариативности, который в целом позволил интерпретировать соотношение понятийных и языковых семантических категорий, особенно в теории *функционально-семантических полей* (ФСП) как «национально детерминированной реализации семантических категорий» [Всеволодова 2009 : 76]. Считаем продуктивной идею М.В. Всеволодовой понятийные категории относить к категориям Языка, а их реализацию в каждом отдельном языке вслед за А.В. Бондарко именовать категориями функционально-семантическими [Там же : 76], имеющими в языках несколько рангов, ярусов (А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырев, М.В. Всеволодова и др.).

¹ См. раздел 12.2.1 пособия.

² См. раздел 12.2.2 пособия.

Использование этой методики является результативным: были созданы функциональные грамматики языков. Однако до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о границах ядра и принципов формирования периферии. Остался нерешённым главный вопрос: как определяются границы той или иной категории, как определить категориальную принадлежность какого-либо языкового элемента, чем обусловлена конкретная категоризация этого языкового элемента?

Поиск ответов на эти вопросы и снятие трудностей и противоречий в использовании методик ФСП продолжился в рамках когнитивного направления.

Третий подход – когнитивный, характеризующийся новым взглядом на категории, который, по мнению Дж. Лакоффа, связан пересмотром самого процесса классификации предметов и явлений мира и человека в нём, поставившего вопрос о том, что такое «правильное» и «неправильное» в группировании – и вообще в ментальной деятельности человека [Лакофф 1988 : 12-51] и предложившего взамен логических классификаций иную форму структурирования – категоризацию¹.

С этого подхода категории рассматриваются как **концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта**, другими словами, **это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию** [Болдырев 2006 : 6]. При этом считаем, что наибольшей истинностной силой обладает интерпретация категорий и концептов как «пересекающихся типов ментальных структур» [Шафиков 2007 : 7]. Из этого следует, что 1) усложнение ментальных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям; 2) категории объединяют гомогенные множества (концепты), а концепты связаны с гетерогенными множествами (категориями) [Там же : 8].

Таким образом, категория предстаёт как **формат знания, или определённая форма, или способ представления знаний на мыслительном и языковом уровне** [Там же : 5].

Наконец, последняя (конечно, не по степени важности!) методологическая установка анализа категории заключается в том, что когнитивный подход к проблеме категорий, рассматриваемый как компромисс между платоновско-аристотелевским взглядом (на дискретность категорий) и виттгенштейновским (недискретность категорий и размытости границ между ними), базируется на теории прототипов в трёх её основных концепциях: 1) собственно семантика прототипов (психологический и антропологический подход в духе Э. Рош); 2) семантика стереотипов (Хилари Патнэм) и 3) концепция *фамильного, семейного*, сходства Л. Виттгенштейна [КСКТ 1995 : 140-145].

С этих позиций опишем методики анализа категорий и способов категоризации языковых единиц.

¹ Детальный анализ классификационной деятельности человека (этапы: мифологический, логический, гностико-натурфилософский, схоластический, таксоно-меронимический, когнитивный). См.: Чебанов, Мартыненко 2008 : 328-390.

I. Прототипическая семантика

Как возможное направление и метод¹ исследования прототипическая семантика является наиболее принятой и эффективной, оформление которой обычно связывают с работами американского психолога Э. Рош, поскольку именно она в начале 70-х годов XX века сформулировала её основные принципы. Они предполагают признание двух аспектов категоризации: *горизонтального* и *вертикального*. Горизонтальный аспект категоризации исходит из объединения объектов *одного уровня обобщения*, например, *книга, газета, журнал*.

В поисках прототипа Э. Рош выделяет три вертикальных уровня категоризации: *высший, базисный* и *подчинённый* [Рош и др. 1976]:

высший уровень	животное	фрукт	птица
базисный уровень	собака	яблоко	воробей
подчинённый уровень	боксёр	анисовка	полевой воробей

Как видим из таблицы, в построенной пирамиде уровней «глубина» абстрагирования меняется при категоризации, либо в сторону нарастающей абстракции (вверх по вертикали), либо в сторону спецификации (вниз по вертикали), а на вершине пирамиды мы получаем предельно абстрактные понятия.

В качестве **базисного** уровня категоризации берётся промежуточный уровень, поскольку:

- категории базисного уровня воспринимаются целостно, как единый гештальт, а поэтому проще запоминаются и употребляются: «хорошие гештальты когнитивно просты, легко изучаются, легко запоминаются и легко употребляются» [Лакофф 2004 : 695].
- базисный уровень соответствует уровню чувственного опыта, на котором формируется базовое знание о *кошках, стульях, столах, деревьях, скалах* [Там же : 386];
- именно на этом уровне сконцентрированы релевантные, «с точки зрения человека», свойства предметов и явлений: мы четко отличаем *тигров от слонов, стулья от столов, розы от нарциссов* и т. д. [Там же : 351];
- до образования естественнонаучных таксономий человеческий опыт структурируется именно на этом уровне, т. е. это *естественная категоризация*; по наблюдениям Э. Рош дети с трехлетнего возраста прекрасно справляются с задачей по сортировке изображений базисного уровня: *коров, собак, машин, самолётов...*, но затрудняются с ответом, когда речь заходит о генерализации или специализации [Рош и др. 1976 : 414-415], из чего Дж. Лакофф делает вывод о том, что «категории базового уровня формируются раньше классических таксономических категорий» [Там же]. Итак, первый этап анализа связан с определением уровня категоризации.

¹ Н.Н. Болдырев обозначает эту *методику* как *метод*.

Второй этап состоит в определении прототипа категории.

Допускается двойное понимание **прототипа**; *психологическое* и *собственно когнитивное* [Болдырев 2004 : 32]. Психологическое связано с выделением в ходе различных экспериментов по категоризации тех элементов категории, которые первыми приходят на ум и быстрее всех узнаются. С этой позиции **прототип** – это «лучший образец категории», «наиболее явный член категории», «выделяющийся образец», «наилучший представитель категории» [Рош и др. 1978; Лакофф 1988]. Таким образом, «образцовость» объекта как прототипа определяется в зависимости от того, насколько полно он соответствует релевантным для данной категории свойствам [Бочкарёв 2007 : 127]. Или, как говорит У.Л. Чейф, насколько содержание того или иного объекта приближается к «фокусу» или, наоборот, удаляется от *фокуса* изучаемой категории; по мере удаления от фокуса степень кодируемости понижается, а содержание категории, образно говоря, «обесцвечивается» [Чейф 1983 : 35-73].

Так определяется прототип в *стандартной версии теории прототипов*¹.

В *расширенной версии теории прототипов* вместо поисков наилучшего образца, прототип определяется на основе «*семейного сходства*», которое обусловливает *прототипический эффект*. Поиск такого прототипа демонстрирует Дж. Лакофф на примере модели «*мать*» [Лакофф 2004 : 116-117].

С собственно когнитивной точки зрения, **прототип** – это ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схема, стереотип, гештальт... Нетрудно заметить, что в этом случае указываются различные типы концептов, поэтому с когнитивной точки зрения **прототип** – это **концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий её содержание** [Болдырев 2004 : 32].

А для того, чтобы описать этот прототипический концепт, по мнению Дж. Лакоффа, можно использовать когнитивные модели четырёх типов.

Первый тип – **пропозициональные модели** – это такая когнитивная модель, которая строится на базе пропозиции, т. е. это сложный конструкт, образуемый базовым предикатом и его аргументами, но в этой модели не используются механизмы воображения или ментальная образность.

Второй тип – **схематические модели-образы** – это специфические схематические представления образов, наиболее известными из которых являются образные схемы типа: *вместилище; источник – путь – цель; верх – низ; центр – периферия* и т. д.

Третий тип – **метафорические модели** – это модели перехода от пропозициональных или образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области. Метафорический перенос предполагает наличие сферы-источника и сферы-мишени. Содержит ментальную образность.

Четвёртый тип – **метонимические модели** предполагают перенос в пределах одной концептуальной области с одного класса объектов (или отдель-

¹ По количественному критерию в качестве прототипа избирается только тот образец, на который в эксперименте указывает не менее 75% опрошенных информантов [Бочкарёв 2007 : 126].

ный объект) на другой, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. Как и третий тип, содержит ментальную образность.

Отметим, что изложенная методика широко используется в современных исследованиях с разными целями: 1) реконструкции категорий; 2) анализа категорий; 3) категориального анализа языковых единиц.

II. Когнитивная грамматика Р.У. Лангакера

Когнитивная грамматика, или «грамматика пространства» была создана Рональдом Уэйном Лангакером¹ (1987) как концепция лингвистического описания, кладущего в свою основу представления о процессах когнитивной переработки, структурировании и организации языкового знания.

Теоретические допущения, на которых базируется когнитивная грамматика Р. Лангакера, сводится к трём основным моментам.

Во-первых, в ней предполагается, что часто используемая морфема или лексическая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов. Эти смыслы образуют определённую сеть, в которой выделяются *прототипические смыслы* и смыслы, являющиеся расширениями или уточнениями прототипических смыслов или друг друга.

Задача грамматики, считает Р. Лангакер, состоит в том, чтобы воссоздать полностью эту сеть для каждой лексической единицы, описывая каждый смысл в отдельности и в его взаимосвязях с другими смыслами.

Во-вторых, когнитивная грамматика предполагает, что значение всегда характеризуется относительно определённой когнитивной области, т. е. структуры знания или концептуальной структуры. При этом граница между *лингвистическим* и *экстралингвистическим* знанием, или между словарным и энциклопедическим описанием значения признаётся иллюзорной.

В-третьих, предполагается, что значение языкового выражения не сводится к объективной характеристике той *сцены*, которую оно описывает. Люди способны моделировать любую сцену с помощью различных образных схем таким образом, что определённая семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей.

Важно подчеркнуть, что **образ**, или **образная схема**, понимается Р. Лангакером не как чувственный образ, а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, или, пользуясь компьютерной терминологией, можно сказать, что это способность по-разному форматировать когнитивное содержание [Болдырев 2004 : 28].

Различное форматирование содержания с помощью образных схем задаётся, по мнению Р. Лангакера, **шестью основными измерениями** этих схем.

Первое измерение – это навязывание того или иного «**профиля**» (profile) какому-либо основанию (base), или области, т. е. выделение из этого основания определённого элемента. Например, слово *гипотенуза* определяется (профилируется) только относительно понятия «правильный треугольник», причем се-

¹ В русской лингвистической литературе используется несколько транслитераций: *Ленакер*, *Лангаккер* и *Лэнекер*, Лангакер [Langacker].

мантика этого слова предполагает не «профиль» как выделенный элемент «основания» и не само «основание», а их взаимосвязь. Так, любой глагол с этой точки зрения, утверждает Р. Лангакер, анализируется относительно двух оснований: пространства и времени, – в которых профилируется то или иное состояние субъекта как составной элемент обозначенного глаголом процесса.

Второе измерение схематичного образа, определяющее тот или иной способ форматирования концептуального содержания, связано с «уровнем конкретизации».

Третье измерение имеет отношение к «шкале» (scale) и «сфере предикации» (scope of predication), т. е. тому, насколько концептуальная область покрывается данной предикацией. Например, область туловища служит непосредственной сферой предикации для *головой*, *руки* или *ноги*, а область *руки* – для *локтя* или *ладони* и т. д.

Относительная **выделенность** элементов предикации образует **четвертое измерение** образно-схематического регулирования концептуального содержания. Выделение как общее понятие может быть связано с учётом многих факторов, которые влияют на человека в процессе коммуникации и заставляют его подчеркивать (выделять) особую значимость тех или иных элементов. Одна из них, в частности, имеет отношение к *профилированию*.

Пятое измерение обуславливает конструирование ситуации в зависимости от различных фоновых предположений и ожиданий. Например, интуитивно слова *few* «немного» и *a few* «несколько» различаются тем, что первое содержит в своём значении некоторый отрицательный оттенок, а второе – положительный. На этом основании Р.Лангакер делает вывод о том, что эти слова своими значениями указывают на отклонение от некоей имплицитной нормы.

Шестое измерение связано с *перспективой отражения* события и включает целый ряд специфических факторов, таких как: ориентация, принятая точка наблюдения, направленность и объективность интерпретации¹.

III. Фреймовая семантика Ч. Филлмора

В качестве лингвистической концепции и методики (метода) анализа она была предложена Ч. Филлмором в середине 70-х годов XX века.

По мнению Н. Н. Болдырева, фреймовая семантика – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства, т. е. метод *когнитивного* и *семантического моделирования языка* [Болдырев 2004 : 29].

Она позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определённой части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц. При этом подчеркивается отсутствие чётко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т. е. достигается *непрерывность перехода от языковой семантики к опыту*.

¹ Подробнее об этой и других методиках см.: Демьянков 1992 : 57-71; Болдырев 2000 : 50-55; Болдырев 2004 : 27-29.

Фрейм используется как родовое понятие для обозначении различных типов когнитивных структур, лежащих в основе значения слова. Но если **концепт** может выражать любую единицу знания, как структурированную, так и неструктурированную, то **фрейм** – это всегда структурированная единица знания.

Формирование значения языковой единицы, с точки зрения фреймовой семантики, осуществляется в результате **выделения**, или **перспективизации** определённого фрагмента знания в структуре связанного с данным словом фрейма.

Так, по мнению Ч. Филлмора, лексическое значение слова передаёт определённую **сцену** (или **ситуацию**), которая соотносится с фреймом знания посредством «**перспективы**», т. е. определённой **перспективизация**, или **фокусировки** внимания на определенных элементах фрейма.

Например, глагол *buy* (*покупать*) фокусирует внимание на покупателе и товаре, а глагол *sell* (*продавать*) – на продавце и товаре, *pay* (*платить*) на покупателе и деньгах, *charge* (*назначать цену, просить*) на продавце и покупателе как элементах одного и того же фрейма «**торговая сделка**».

*Перспективизация*¹ *события*, или *фокусировка внимания* (выделение *фигуры* и *фона* в интерпретации Л. Талми [Талми 1999]) определяет синтаксическую функцию того или иного слова в предложении. При глаголе *buy* покупатель – субъект действия, а продавец – объект, а при глаголе *sell* – наоборот.

Таким образом, **фрейм**, или **когнитивный контекст** – это **модель культурно-обусловленного, канонизированного знания**, общего хотя бы для части говорящего сообщества [Болдырев 2004 : 30].

Такого типа фреймы называются **ситуационными**, поскольку они отражают знание мира *неязыкового, событийного характера* [Там же : 31].

Второй вид фреймов – **классификационные**, которые используются в метаязыковых описаниях. Это разного типа сочетаемостные, словообразовательные фреймы, фреймы класса слов, текстов и т. д. Иначе говоря, это такие *классификационные модели*, которые отражают принципы организации языковой системы [Болдырев 2000 : 64-65].

За счёт фреймов этих двух типов (*ситуационных* и *классификационных*) расширяется эвристический потенциал методики фреймового анализа: помимо *когнитивной функции*, фреймы обладают ещё и *коммуникативной функцией*, представляя собой *интегрированные* образцы концептуализации и взаимодействия с социальной реальностью посредством языка [Лаенко 2007 : 7].

Итак, сущность методики фреймового анализа, состоит в том, что для анализа значения того или иного слова необходимо: 1) установить **когнитивный контекст**, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и 2) определённым образом её **структурировать**, показав, какие участки этой области и каким образом (посредством какой *образной схемы*) «схвачены» знаком, т. е. **смоделировать фрейм**, определяющий данное значение.

¹ Понятие *перспективизации* Ч. Филлмора сходно с понятием *профилирование* Р. Лангакера.

IV. Когнитивная семантика Р. Джекендоффа

Связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных способностей (зрительного восприятия, музыкального слуха, управления мышечной системой и т. д.) является **семантика**, которая никоим образом не может быть отделена от познания. «Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [Лакофф 1988 : 10].

Р. Джекендофф, в частности, в связи с этим справедливо полагает, что важным источником эмпирических данных для теории познания является в том числе и *грамматическая структура языка*.

Считая необходимым для разрешения традиционных проблем семантики привлечение как психологических, так и грамматических данных, автор вводит в качестве критериев адекватности семантической теории наряду с такими, как, *выразительность, универсальность, композициональность и объяснение семантических свойств* (синонимичности, аномальности, аналитичности и пресуппозициональности), два ограничения – **грамматическое** и **когнитивное**. В соответствии с когнитивным ограничением существует уровень ментальной репрезентации, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка, сопоставляется с информацией, поступающей от различных органов чувств.

Есть основания называть, вслед за Р. Джекендоффом, этот единственный в своём роде уровень ментальной репрезентации, на котором происходит совмещение *лингвистической, сенсорной и моторной информации*, **концептуальной структурой**.

Нельзя не согласиться с мнением З.А. Харитончик¹ о фундаментальности и перспективности семантической теории Р. Джекендоффа для изучения проблем когнитивной лингвистики. Достаточно лишь отметить её требование обязательной опоры при описании значений и определении семантических компонентов как на *лингвистические процедуры*, так и на данные *психологии восприятия*, благодаря чему набор семантических примитивов, необходимых для семантического анализа той или иной лексической подсистемы, предстаёт не как произвольно полученные «данные», но как результат психологического и лингвистического исследования.

Работа Р. Джекендоффа, являя собой теоретический фундамент для дальнейших семантических исследований, предстаёт в то же время как некоторый итог многочисленных исследований в области антропологии, психологии, философии и лингвистики, направленных на **доказательство принадлежности языковых категорий нашему когнитивному аппарату**, на раскрытие концептуальной сущности и структуры языка.

V. Модели ментальной репрезентации

Зависимость содержания ментальных репрезентаций от условий и целей деятельности выражена в противостоянии *знания* и *репрезентации*, предложен-

¹ Харитончик З.А. Избранные труды. – Минск: МГЛУ, 2004. – С. 90-116.

ной Ж. Ф. Ришаром: «Репрезентации, с точки зрения их природы, необходимо отделить от знаний и верований... Репрезентации учитывают всю совокупность элементов или задачи... Репрезентации имеют переходный характер: когда задача выполнена, они заменяются другими репрезентациями, связанными уже с другими задачами. Знание – это тоже конструкции, но обладающие постоянством и существенно не изменяются от выполняемой задачи»¹.

На сегодняшний день существует ряд моделей репрезентации как формата психического отражения: *признаковые, сетевые, коннекционистские, множественные* и др.

Сторонники признаковых моделей исходят из предположения, что каждый признак обладает собственной, изолированной репрезентацией, переработка которой происходит независимо от других². В признаковых моделях структурными единицами являются *признаки*. В самой ранней модели Коллинза и Квиллиона (1969) объект однозначно задавался набором признаков, объединённых в таксономию.

Чтобы получить полный набор признаков какого-либо концепта, достаточно подняться по *иерархическому дереву концептов*. Для этого введена мера общности концептов, используя понятие *дистанции*, которое измеряется количеством «шагов», определяющих сравниваемые концепты друг от друга.

Так, латентное время оценки утверждения «*канарейка – птица*» меньше, чем латентное время оценки утверждение «*канарейка – животное*», т.к. для первого необходимо подняться на один уровень, а для второго – на два. Из этого следует, что все объекты, принадлежащие к одному классу являются *эквивалентными*.

Экспериментальные данные показали, что в модели семантической репрезентации, помимо таксономических организованных признаков, есть ещё и «случайные».

Первые признаки, получившие название *обязательных*, задают границы определенной категории. Вторые признаки называются *характерологическими*, и с их помощью удается смоделировать вариативность в пределах неизменной категории.

Характерологические признаки не обязательно присущи всем объектам данного класса. Например, *страус* входит в класс птиц, но не обладает признаком «умеет летать».

Сетевые модели отображают «обширную сеть связанных между собой понятий»³. Сетевые модели, отмечает Р. Клацки, напоминают концепции «стимул-реакция», в которых память описывается как *пучок ассоциаций*. Сторонники сетевых моделей считают возможным образования ассоциаций разного рода. Преимуществом сетей является их *упорядоченность* и *компактность*⁴.

¹ Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность. – М.: ИП РАН, 1998. – С. 5.

² Ребеко Т.А. Ментальная репрезентация как формат хранения информации. – М.: ИП РАН, 1988. – С. 30

³ Клацки Р. Память человека. – М. – М.: Мир, 1978. – С. 164.

⁴ Там же : 165.

Коннекционистские модели основаны на том, что восприятие стимула включается в общую систему следов памяти, представляющую собой распространение активации. Ментальные репрезентации, таким образом, описываются не как *таксономия* или *матрица*, а как **паттерн активации сети, состоящий из узлов и связей**.

К этим моделям относятся **схемы**, которые имеют много общего с *сетью*. Но основное отличие моделей схемы от сети состоит в том, что ментальные репрезентации, имеющие форму схемы, предполагают влияние внутреннего контекста при обработке поступающей информации, а ментальные репрезентации сетевого типа отрицают возможность такого влияния.

Кроме схем, в коннекционистских моделях могут использоваться *фреймы* для описания особенностей языкового поведения внутри определяемой сферы опыта.

При этом интерес представляет возможность *комбинации* двух подходов при определении значений слова: **прототипического подхода и теории необходимых и достаточных признаков** [Лаенко 2007 : 8].

Множественные модели ментальной репрезентации. Сторонники этого типа моделей исходят из того, что имеется несколько принципиально различных форматов хранения информации, объединяющих многообразие наших знаний. Форматы репрезентации обладают разными свойствами: специфический формат входа, хранения и выхода. Следовательно, можно учитывать при исследовании несколько форматов знания.

Самой известной моделью **двойной репрезентации** является модель А. Пайвио. Автор исходит из предположения, что существует две независимые системы репрезентации – **образная** и **вербальная**, но эти формы расположены на одном и том же уровне когнитивной системы. При этом в невербальной системе объекты хранятся как *интегративные, континуальные, холистические* репрезентанты, которые не могут быть разделены на отдельные элементы.

Между обеими системами существуют связи, так что для каждого *имажена* (единицы невербальной репрезентации, которые кодируют модально-специфическую информацию о невербальном, перцептивном и сенсорно-моторном опыте) имеется один или несколько *логогенов* (похожие на слова сущности, включающие визуальные и фонематические признаки).

В том случае, если работают обе системы, процесс когнитивной переработки осуществляется эффективней.

Экспериментальные данные подтверждают, что *образная память* имеет большую стойкость, чем вербальная. В большинстве экспериментальных исследований *аналоговая* (абстрактная) репрезентация связывалась с *образным* (пропозициональным) кодом через определённый код, опосредующий связь между вербальным и невербальным кодами.

Поскольку процесс познания невозможен без структурирования, осуществляемой благодаря активности субъекта [Пиаже 1983-б : 133-136], то значение рассматривается как когнитивный феномен; его образование объединяется с процессами концептуализации, и в ходе коммуникации репрезентация значения

слова должна вписываться в ряд различных ментальных процессов [Кубрякова 2004 : 10]¹.

VI. Опыт реконструкции и анализа категории партитивности в современном языкознании

Описанные (или хотя бы названные в разделах I-V) методики, приёмы и процедуры используются в конкретных исследованиях чаще всего в различных комбинациях. Продемонстрируем такую комплексную методику «в действии», используемую для анализа суперкатегории партитивности².

Комплексность методики обусловлена прежде всего особым статусом категории партитивности, которая, во-первых, имеет системообразующий характер по отношению к другим понятийным и языковым категориям; во-вторых, имеет особый, прогностический статус в языке: «противоборство процессов интеграции и дифференциации в структуре целого – главный стимул развития инноваций» [Алефиренко 2009-а : 96]; в-третьих, эта категория является классической, а *«классические категории вследствие той роли, которую они играют в структуре многих наших когнитивных моделей, действительно играют важную роль в понимании мира»* [Лакофф 2004 : 214-215].

Первичным концептуальным фоном исследования является понимание категории как основного формата знания, в связи с чем категория партитивности является *универсальной* и *«тотальной»* ментальной и языковой категорией.

Для нашего исследования наиболее оптимальным представляется поиск прототипа в духе Э. Рош [Рош и др. 1976] и установка на базисный уровень категоризации, что объясняется в стандартной версии теории прототипов тем, что связываемое с этим уровнем целостно-образное восприятие обеспечивает наилучшим образом систематизацию знания [Шафиков 2007; Бочкарёв 2007].

Отметим, что понимание концептуализации как процесса обратной категоризации верно только отчасти, в том смысле, что речь идёт о выделении отдельных минимальных единиц опыта (концептуализация) и об объединении этих единиц в более крупные рубрики (категоризация). Однако категоризация есть не только объединение, но и всякая типизация, и в этом смысле категоризация неотличима от концептуализации как процесса и результата выделения типовых смыслов. Накопление знания связано с усложнением концептов, которые начинают, с одной стороны, дробиться, а, с другой стороны, концентрироваться вокруг наиболее общих смыслов. Таким образом, усложнение знания ведёт к усложнению концептов и превращению их в категории.

Все остальные положения методологии и методики данного исследования, вытекающие из основных методологических посылок, обобщаются в виде следующих принципов:

- 1) антропоцентризма языка и лингвистики;

¹ Подробнее о моделях ментальной репрезентации см.: Лаенко 2007 : 5-12.

² См.: работы: Комарова, Дедюхина 2010-а; 2010-б; 2010-в; 2011; Дедюхина 2010.

2) синтеза ономаσιологического (как «предкогнитивного», по словам Е. С. Кубряковой) и семасиологического подходов;

3) синтеза когнитивно-дискурсивного подхода и теории функционально-семантических полей (ФСП), исходя из того, что поле как «общая для мироздания структура» [Всеволодова 2009 : 78], коррелирует с нейро- и психолингвистическими моделями памяти человека;

4) синтеза системно-категориального (языкового) и конкретно-смыслового (речевого, дискурсивного) подходов;

5) анализа категории партитивности в статике (фрагмент предметной картины мира) и динамике (фрагмент процессуально-событийной картины мира);

6) из трёх трактовок языковых категорий в современной лингвистике: структурной (*принцип оппозиций*), функциональной (*полевой*) и когнитивной (*прототипический*) [Болдырев 2006 : 6] – избираем синтез двух последних;

7) принципов современной постнеклассической науки¹;

8) принимаем идеологию современной корпусной лингвистики, которая сосредоточила своё внимание на лингвистике речи в результате установки на теорию узуса, что «позволяет изучать не мнимые, а действительно существующие в языке явления» [Плунгян 2008 : 19].

Комплексная методика направлена на решение двух взаимосвязанных задач: 1) реконструкция категории партитивности и 2) анализ реконструированной категории через грамматическую (собственно языковую) и лексическую (аналоговую) концептуализацию, а также частично – модусную, поскольку партитивность является суперкатегорией, т. е. категорией переходных зон, уровней, или пространств (термин Н. Н. Болдарева и С. Г. Шафикова).

Комплексная методика включает:

- концептуальный анализ, включающий компонентно-дефиниционный на начальном этапе исследования при отборе языкового материала (партитивных существительных и партитивности глагольных предикатов) из совокупности, отмеченной в *реальной коммуникации* (национальных корпусах языков);
- прототипическую семантику в двух её аспектах: *горизонтальном* и *вертикальном*, а) для выявления уровня категоризации и определения *прототипа* в стандартной версии теории прототипов; б) для установления прототипических концептов и прототипических смыслов с помощью когнитивных моделей четырех типов: *пропозициональных*; *схематических моделей-образов* (вверх – низ, центр – периферия); *метафорических* и *метонимических* (реже);
- когнитивную грамматику Р. Лангакера (в ее шести измерениях) для структурирования и организации языкового материала, прежде всего, непрототипических концептов и непрототипических смыслов, противопоставленных прототипическим через процедуру *профилирования*);

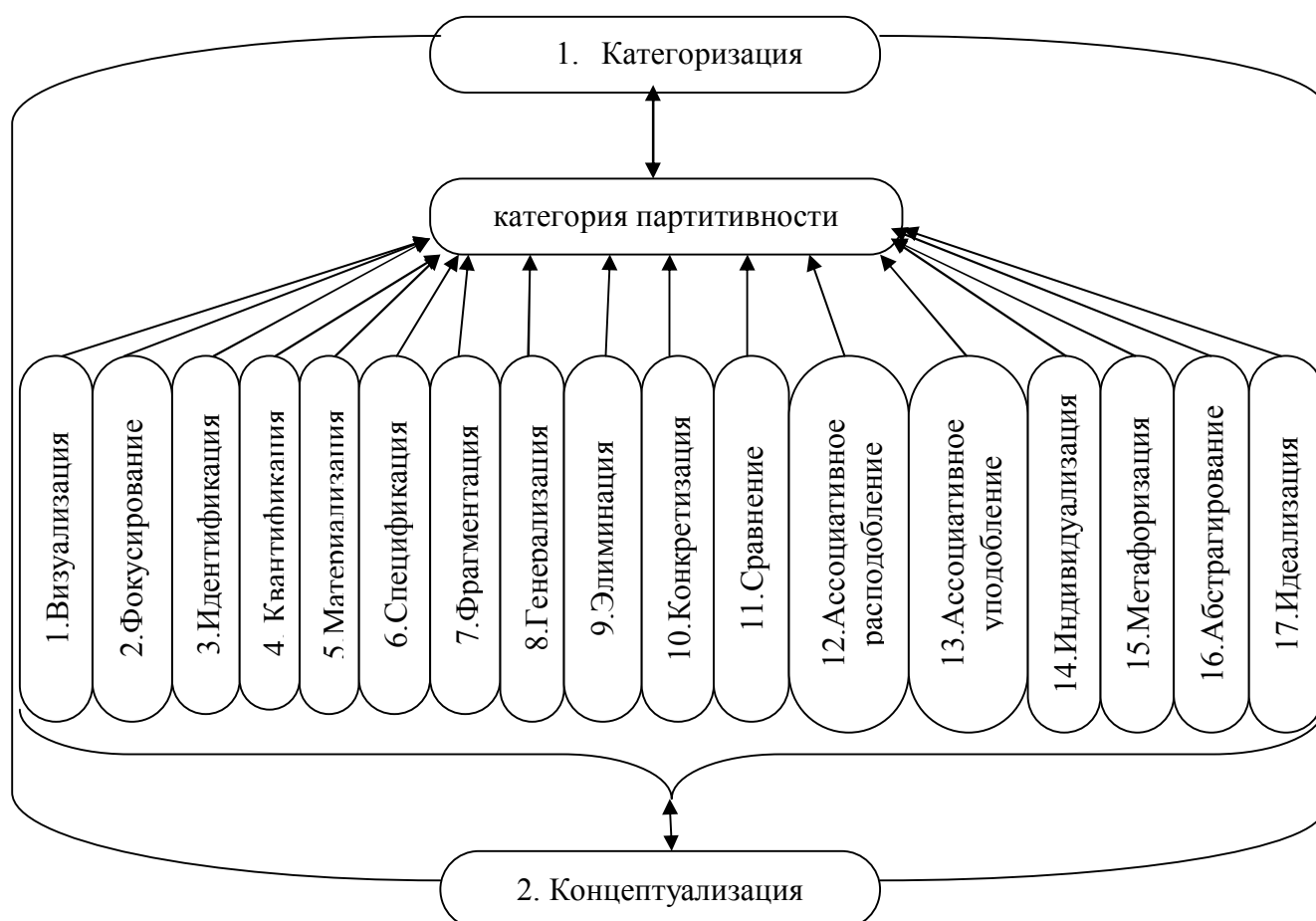
¹ См. раздел 2.5.2 пособия.

- фреймовую семантику Ч. Филлмора для структуризации языкового материала (при грамматической и лексической концептуализации) через *ситуационные* и *классификационные фреймы*;
- использование признаков и коннекционистических (как аналогов фреймовых) моделей ментальных репрезентаций;
- основные *когнитивные процессы, механизмы* концептуализации категории партитивности, которые сведены в схему 25.

Как показывает схема 25, основные когнитивные механизмы (1-19) являются универсальными при формировании категории партитивности в её статическом и динамическом компонентах. При этом механизмы 1-5 и 15 являются господствующими когнитивными процессами создания партитивных смыслов предметной картины мира, а механизмы 7-9 и 15 – во фрагменте процессуально-событийной картины мира; механизмы 12, 13, 15 – основные при перекатегоризации.

Схема 25

Основные когнитивные механизмы концептуализации категории партитивности



VII. Их других монографических работ последних лет значительный интерес представляет методика реконструкции и анализа категории профессионального деятеля [Голованова 2008] как одной из центральных категорий концептуальной картины мира. В языке эта категория представлена сово-

купностью наименований лиц по профессии, которая образует *зону пересечения* между обыденным и специальным знанием.

Чтобы выявить механизмы взаимодействия этих двух контактирующих зон языка, необходимо выяснить уровневую организацию данной категории.

Елена Иосифовна Голованова выделяет *семь основных уровней категоризации*:

- | | |
|-----------------------|--|
| 1) Высший | <i>Человек</i> |
| 2) Метакатегориальный | <i>Деятель</i> |
| 3) Категориальный | <i>Профессиональный деятель</i> |
| 4) Суперординатный | <i>Рабочий. Работник. Специалист</i> |
| 5) Базовый | <i>Аппаратчик. Менеджер. Инженер</i> |
| 6) Тематический | <i>Менеджер по продажам/сбыту/снабжению и т. д.</i> |
| 7) Субтематический | <i>Менеджер по продаже технологического оборудования</i> |

На базовом уровне автор выделяет четыре основных способа концептуализации лица: 1) инструментативный (*крановщик, комбайнер, весовщик*); 2) процессуальный (*сборщик, резчик, упаковщик*); 3) предметный (*жестящик, каменщик, стекольщик*); 4) экстернативный (*печник, лекальщик, макетчик*).

На периферии исследуемой концептуальной структуры находятся такие способы концептуализации, как *метафорический* и *метонимический*.

Оценочная категоризация профессионального деятеля анализируется автором с помощью *фреймовой семантики*.

VIII. Из работ, выполненных в жанре статей и докладов по данной проблематике, следует обратить внимание на статью, посвященную **КОГНИТИВНЫМ МЕХАНИЗМАМ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ** [Болдырев, Беседина 2007 : 3-10].

Как признаётся практически всеми лингвистами [Кубрякова 1997; 2000; 2004; Талми 1999; Бондаренко 1976; 1983; 1984 и др.], наиболее важная часть концептуальной информации, наиболее существенные с точки зрения языка смыслы фиксируются в грамматике и прежде всего в морфологии.

Морфологическая репрезентация подразумевает *категориальный способ* структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. В этом плане морфология отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы и репрезентирует наиболее существенные, фундаментальные концепты, такие как **время, количество, отношение**.

Анализ когнитивных механизмов и специфики морфологической репрезентации дают основание авторам заключить, что

– основными когнитивными механизмами морфологической репрезентации являются профилирование и абстрагирование;

- в качестве языковых средств выступают морфологические категории и формы;
- когнитивная основа морфологической репрезентации обеспечивается морфологически передаваемыми концептами;
- морфологические категории и передаваемые обобщенные смыслы создают «сетку координат», в рамках которой осуществляется концептуализация мира человеком [Болдырев, Беседина 2007 : 10]¹.

12.4.4. Методики анализа дискурса²

Наконец, перейдём к методикам изучения самого крупного *объекта* когнитивно-коммуникативного метода – дискурса. Не вступая в дискуссию по пониманию и определению дискурса³, напомним, что в предыдущем разделе с позиции коммуникативно-прагматического метода **дискурс** понимался нами как *коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера*.

Сущность когнитивно-коммуникативного метода состоит в синтезе *когниции* и *коммуникации*, что усиленно подчеркивается в отечественном языкознании. Исходя из этого и опираясь на работы отечественных и зарубежных учёных [Бахтин 1979; Якобсон 1983; Дейк 1989; Степанов 1995; 2007; Алефиренко 2002; Манаенко 2004; 2008-а, б; Ракитина 2009 и др.], под **дискурсом** будем понимать **коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера** [Манаенко 2008-б : 57].

Удачной попыткой раскрытия содержания дискурса в этом понимании представляются рассуждения Н. Ф. Алефиренко, который отмечает, что как *коммуникативно-прагматическое событие* дискурс – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации. В то же время, образуя своеобразное *семантическое единство*, дискурс, безусловно, является лингвокультурным событием.

Но в отличие от речевых актов и текста в их традиционном понимании (как последовательная цепочка высказываний, речевых актов), дискурс – это социальная деятельность людей, в рамках которой ведущая роль принадлежит *когнитивным пространствам общающихся*, где сформулированы различные особенности их внутренних миров, находящие отображение в этой деятельности [Алефиренко 2002 : 102].

¹ Назовём ещё несколько работ, не попавших в библиографию учебного пособия: Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная картина мира»// Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25-45; Игошина Т. В. Морфотемный анализ категории квантитативности в разносистемных языках (на материале русского и английского языков): дис... канд. филол. наук. – Ульяновск: УлГУ, 2002. – 131 с.; Савельева И. П. Категория квантитативности в перспективе морфотемного анализа// Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – № 1. – С. 123-126; Болдырев Н. Н. Языковые механизмы оценочной категоризации//Реальность, язык и сознание: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2 – Тамбов, 2002. – С. 360-369.

Фурс Л. А. О метакогнитивной категории в синтаксисе// Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. Типы категорий в языке д и с к у р с а. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010. – С. 417-423.

² Термин а н а л и з был введен в 1952 г. З.З. Харрисом для дистрибутивного анализа текста.

³ Как справедливо и остроумно заметил Ю. В. Прохоров, «если внимательно рассмотреть хотя бы основные определения и *текста*, и *дискурса*, а к ним ещё добавить и описание точек зрения на их взаимосвязь, то на собственную точку зрения не останется ни сил, ни полиграфических мощностей» [Прохоров 2004 : 6].

По сути, об этом уже писал Михаил Михайлович Бахтин, правда, не используя термин *дискурс*: «Ситуация и аудитория заставляют внутреннюю речь актуализироваться в *определённое внешнее выражение* (выделено мной – З.К.)», которое непосредственно включено в невысказанный жизненный контекст, выполняется в нём действием, поступком или словесным ответом других участников высказывания» [Цитируется по: Волошинов 2000 : 43].

Исходя из этого, дискурс не просто вид речевой коммуникации, обусловленный, по Ю. Хабермасу, критическим рассмотрением *ценностей и норм социальной жизни*, а определённые *коммуникативные стратегии*, или, как очень точно выразил это Т. А. ван Дейк, – это «**контекстуальные макростратегии**» [Дейк 1989 : 57], выраженные в определённом временном, пространственном и прочих контекстах» [Арутюнова 1998 : 136-137; Маслова 2008 : 40].

Следовательно, в **модели дискурса** можно выделить факторы, определяющие специфику речевого поведения человека, и факторы, отображающие эту специфику.

К компонентам модели дискурса, определяющим «**внешний**» контекст речевого общения, относятся традиционно выделяемые «**сцена действия**» и «**участники**». При этом «**сцена действия**» характеризует *среду*, в которой осуществляется речевое взаимодействие, и определяет, **зачем** оно происходит. Компонент «**участники**» отвечает на вопрос: «**Кто** совершает речевое взаимодействие?» и характеризует субъектов общения в социальном плане.

«**Внутренний**» контекст социального события речевого общения составляет компонент, определяющий, **что** является его содержанием, и характеризующий особенности *когнитивных пространств*, а точнее – *когнитивной базы* взаимодействующих людей. Таким образом, дискурс одной из своих сторон обращен к коммуникативно-прагматической ситуации, а другой стороной повёрнут к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психолингвистическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи [Маслова 2008 : 46].

Необходимой составляющей модели дискурса, отображающей его обусловленность социокультурным контекстом (внешним и внутренним), предстаёт **форма** осуществления речевого общения – *текст*, отвечающий на вопрос, **как** воплощается определённый тип речевого поведения в зависимости от «социально-исторической ткани» [Манаенко 2008-б : 58-59].

Системные, парадигматические связи внутри *социального контекста* дискурса детально изучены и описаны Т. А. ван Дейком¹. Они описаны в категориях: *личное, общественное, институциональное/формальное, неформальное* [Дейк 1989 : 23].

Он выделяет категорию *контекста*, который «задаёт возможные действия участников социального взаимодействия в тех или иных ситуациях»:

- позиции (роли, статусы);

¹ Т. А. ван Дейк (р. 1943 Нидерланды) – профессор Амстердамского университета, автор более 30 книг, монографий и около 200 статей по вопросам дискурса и дискурс-анализа, многие из которых уже стали классическими, поэтому они являются одним из методологических оснований анализа дискурса.

- свойства (пол, возраст и др.);
- отношения (авторитет, превосходство и др.);
- функции (отец, слуга, судья и т. д.).

Они дополняются конвенциональными установками. Совокупность всех установок Т.А. ван Дейк называет *внутренней структурой говорящего*. Это:

- 1) знания, мнения;
- 2) потребности, желания, предпочтения;
- 3) отношения, установки;
- 4) чувства, эмоции [Дейк 1989 : 25].

Таким образом, согласно теории Т.А. ван Дейка, и потребители, и создатели дискурсов/текстов действуют как *социальные субъекты* [Дейк 1989 : 138].

Всё сказанное позволяет построить **алгоритм анализа двустороннего дискурса**, состоящий из четырех основных шагов.

Шаг 1: описание (моделирование) ситуации общения, среды:

- тип социального бытия;
- цель социального события (функция);
- социально-идеологические условия (запреты, табу, применение санкций к их нарушителям);
- обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства общения);

Шаг 2: описание (моделирование) социального субъекта:

- социальный статус;
- ролевые отношения;
- социальная активность участников;
- их личные отношения.

Шаг 3: описание (моделирование) коммуникативно-когнитивной базы участников общения:

- интенции и цели коммуникации;
- затрагиваемые мировоззренческие позиции;
- общий фонд знаний (степень компетенции);
- знание правил, норм и стереотипов коммуникации;
- навыки речевого общения.

Шаг 4. описание (моделирование) формы речевого общения:

- тема речевого общения;
- речевой (языковой) жанр;
- композиция, последовательность коммуникативных ходов и речевых актов;
- отбор языковых средств;
- манера речевого поведения.

Как видим, алгоритм анализа дискурса сходен с тем, который был предложен в разделе **12.3.3**. Различие заключается в том, что, кроме коммуникативно-прагматического компонента, в алгоритм включается ещё и анализ *когнитивной базы* участников общения.

Отметим, что в одностороннем дискурсе (монографическом) методикой анализа этого компонента является *концептуальный фрейм* или *фреймово-слововая структура*, а в двустороннем дискурсе (диалогическом) – *концептуальный сценарий, скрипт, геиштальт* (или их элементы).

Заметим, что в большинстве работ отечественных исследователей проводится не весь анализ дискурса, а обычно какой-либо его элемент¹.

Значительно реже обычно в крупных жанрах, представлены полные методики анализа дискурсов. К числу таких работ следует отнести монографию известных отечественных лингвистов Ларисы Михайловны Алексеевой и Светланы Леонидовны Мишлановой «*Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа*» (Пермь, 2002). Монография состоит из двух глав: в первой раскрываются теоретические основы дискурса в когнитивном терминоведении, а вторая глава посвящена полипарадигмальному анализу дискурса.

Из зарубежных изысканий в области анализа дискурса необходимо обратить внимание на французскую школу Анализа дискурса [Семиотика : Антология 2001; Квадратура смысла 1999], в основу которой положены идеи Э. Бенвениста.

Однако для того, чтобы воспользоваться предлагаемой методикой, следует обратить внимание на различия в некоторых терминах.

Так, несмотря на заявления о том, что в школе Анализа дискурса *предметом* исследования являются тексты, дальнейшее изложение П. Серио данной концепции убеждает, что тексты здесь не *предмет*, а *объект* исследования.

Возможно, такое положение дел объясняется либо неточностью в переводе, либо отсутствием во французской традиции разграничения *объекта* и *предмета* исследования. Предмет исследования здесь определён достаточно ясно – «*лингвистическое исследование условий производства текста*» [Серио 2001 : 550].

Именно поэтому французские учёные в процессе Анализа дискурса получили значимый результат о том, что семантика языковых выражений не выводится только из лингвистики как науки о языке (внутренней лингвистики): «Связь, которая существует между значениями, присущими данному тексту, и социально-историческими условиями возникновения этого текста, является отнюдь не второстепенной, а *составляющей сами эти значения*» (выделено мной – З. К.) [Там же : 560].

Особенностью этой школы является изучение дискурса с точки зрения отношения к субъекту, говорящему. При таком понимании «исследование производства высказывания гармонично надстраивается над языком: лингвистика языка как система знаков открывает над собой перспективу лингвистики дис-

¹ Достаточно посмотреть программы конференций, посвящённых проблемам дискурса, к примеру, «*Активные процессы в различных типах дискурсов*» (М.-Ярославль 2009) или статьи и даже монографии; например: *Комарова З.И.* Слово в научном и общеязыковом дискурсе: некоторые направления исследования// Слово в языках и речи. – Елец, 2009 : 175-181; *Мишланова С.Л., Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: монография. – Пермь, 2008. – 428 с. и др.

курса, где присутствует субъект – хозяин речи, а его присутствие описывается и анализируется через систему следов» [Квадратура смысла, Серио 1999: 47].

Исходя из этого, среди многих пониманий дискурса, основным является понимание его как «теоретического конструкта, предназначенного для исследования производства текста» [Там же : 26-27].

Одна из наиболее интересных концепций понимания языка и дискурса принадлежит французскому философу-постструктуралисту Мишелю Фуко (1926-1984). Для него началом философствования является *дискурсивная практика* – «совокупность анонимных исторических правил, всегда определённых во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического и лингвистического пространства условия выполнения функций высказывания» [Фуко 1994 : 118].

Высказывание в его теории есть лингвистическое действие в области исторического. А *дискурсом* он называет совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же дискурсивной практике.

Фуко интересовался не структурами и не конструктами (порождение, понимание – то, что происходит в сознании субъекта и недоступно наблюдению), а становлением и видоизменением дискурсивных практик, всем тем, что в них происходит: трансформациями, рассеиваниями, сгущениями. Что касается *знания* (*эпистемы* как инварианта научного мышления разных эпох), то оно наращивается по *дискурсивным порогам*:

- *позитивности* – дискурсивная формация образовалась и начала трансформироваться;
- *эпистемологизации* – появились модели знания, которые подвергаются критике и проверке;
- *научности* – выработаны критерии аргументации;
- *формализации* – определены аксиомы и формальные правила построения дискурсов [Фуко 1994 : 185-186].

Для М. Фуко наука – это работающая реальность, а что именно является истиной – определяется установленными в дискурсивной практике правилами, поскольку истина всегда *контекстуальна*, т. е. она зависит от конкретной ситуации, а значит она *относительна*.

В заслугу М.Фуко следует поставить и выделение основополагающего значения лингвистического уровня культуры и науки, а также акцент на прагматике – дискурсивной практике человеческой жизни.

В заключение подчеркнём, что становление в наши дни, чему в какой-то мере способствовали дискурсивные практики М. Фуко, новой гуманитарной дисциплины – **дискурсологии**, специализирующейся на изучении разнообразных форм и видов дискурсов [Дискурсология 2006 : 5], способствует совершенствованию методики анализа дискурсов.

12.4.5. Методика морфотемного анализа

Методика (метод) морфотемного анализа разработан в 1991 году А. И. Фефиловым. При этом анализе языковая единица, в частности слово,

представляется как *триединство*, состоящее из материальной оболочки, или звука; идеального образа материальной оболочки в языковом сознании, или *акустемы*; и слитых, синтезированных с акустемой или закрепленных за нею семантических признаков. Иначе говоря, языковая единица представляется в виде морфотемы (*морфа* – форма; *тема* – семантическая основа, смысловой мотив).

«*Морфотема* – это формально-семантическая, знаковая модель языковой единицы. С одной стороны, это эталон лингвистического измерения (описания, анализа) языковых единиц на этапе языковой объективации (семантизации и формантизации) мыслительных понятий. С другой стороны, это операционная единица (единица анализа) процессов и результатов интеграции *языка и сознания* на уровне речевой репрезентации мыслительных понятий, т. е. взаимодействия «тем» как интралингвистического семантического комплекса и «концепта» как экстралингвистического понятийного комплекса [Фефилов 1997 : 50-51].

На семантическом этапе объективации элементы мыслительного понятия или комплекс мыслительных понятий приобретает статус семантических признаков номинативной единицы, и они структурно организуются. Структурная организация семантических признаков – это линейная семантическая структура номинативной единицы, или *синтагма*. Каждый синтагмемный признак представляет собой четыре ступени семантизации соответствующих мыслительных понятий: 1) структурную, или позиционную; 2) логико-категориальную; 3) модификационную и/или функциональную; 4) конвенциональную [Там же : 169].

1). Структурные позиции синтагмемы определяют характер взаимосвязи признаков. Выделяются четыре позиции: исходная (*Исх*), промежуточная (*Пром*), смежная (*Смеж*), замыкающая (*Зам*). Например: Нож – «то, с помощью чего (*Исх*) + кто-то (*Зам 1*) + взаимодействует (*Пром*) + на что-то (*Зам 2*) + ...».

2). Логико-семантические, или логико-категориальные, признаки заполняют структурные позиции, указывая на принадлежность понятий к тем или иным мыслительным категориям. К таким признакам относятся: а) **субстанциональность** (*Суб*), ср. *камень, человек*; б) **реляциональность** (*Рел*) (отношение, связь), в частности акциональность (*Акц*) (действие), ср. *писать, строить*; в) локальность (*Лок*) (внутреннее или внешнее пространство), ср. *дом, берег*; г) темпоральность (*Тем*) (время, длительность), ср. *день, период*; д) квалитативность (*Квал*) (качество), ср. *холодный, жара*; е) квантитативность (*Кван*) (множество, количество), ср. *много, рой, стая*.

3). На третьей ступени объективации логико-семантические признаки модифицируются, а также функционализируются.

Модификационные, или квалификационные, признаки определяют микроструктурную организацию синтагмемных компонентов. Они выступают в роли «признаков». Так, например, субстантность подразделяется на одушевлённую и неодушевлённую, парную и совокупную, мужскую и женскую и др., напр.: *кот* (*Суб.*: *Одуш, муж*), *вилы* (*Суб.*: *Неодуш, парн*).

Функциональные признаки фиксируют характер внешних, относительных межпризнаковых отношений, ср. «тот, кто производит действие, направленное на объект, или тот, кто воздействует на какой-то объект» – агенс, напр.: *врач, водитель*; «то, из чего создаётся какой-то объект» – фабрикатив, напр.: *картофельный суп*.

4). Четвертую ступень объективации занимают конвенциональные признаки. На данной ступени логико-категориальные признаки, структурированные, модифицированные и функционализированные соответствующим образом, наполняются конкретным содержанием. Конвенциональные признаки фиксируют отличительные черты объективируемого, идентифицируемого понятия ср. *нож* – «предмет, заострённый с одной стороны, предназначенный для...», *кинжал* – «предмет, заострённый с двух сторон, используемый для...».

Так, *семантика языковой единицы* представляет собой линейную синтагмообразную структуру – *синтагмему*, компоненты которой вступают друг с другом в отношения четырехмерной зависимости, а именно: позиционной, логико-категориальной, модификационной и функциональной, а также конвенциональной [Фефилов 1997 : 52-54].

Таким образом, морфотемика выступает в качестве метаязыка когнитологии [Фефилов 2005; 2010]. Как мы видели, эта методика начинает использоваться при анализе категорий: (И.П. Савельева, Т.В. Игошева).

12.4.6. Эвалютивный аспект когнитивных исследований

Начиная анализ когнитивного метода и его методик, мы уже говорили о том, что до сих пор когнитивная лингвистика вызывает множество неоднозначных оценок, дискуссий и обсуждений.

Стало уже традицией на различных научных мероприятиях задавать вопрос: а что нового привнесла когнитивная лингвистика в нашу науку? Есть ли что-либо, чего не могли лингвисты до прихода этого течения мысли?¹ Нужен ли современной лингвистике эпитет «когнитивная»?²

Когнитивисты дружно отвечают: «новым является главное устремление когнитивной лингвистики – установить закономерности, связывающие структуру языка (особенно то, как мы употребляем язык, общаясь на нём или размышляя на нём) с ментальными процедурами человека. Причем намерение и процесс для исследователя всегда интереснее, чем получаемый результат» [Демьянков 2010 : 71-72].

Стоит ли описывать сейчас тот энтузиазм, с которым был встречен в лингвистических кругах поворот к изучению *связи языка со структурами сознания*? [Харитончик 2010 : 187].

¹ Демьянков В. З. Что даёт когнитивная лингвистика?// Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – М., 2010. – С. 71-82; Харитончик З. А. К концептуальной сущности значения//Там же : 186-194.

² Падучева Е. В. Нужен ли лингвистике эпитет «когнитивная»? (о новых идеях и подходах в семантике)// НТИ. – Сер. 2. Информационные процессы и системы – 2003. – № 11. – С. 38-43.

Однако время для окончательных оценок ещё не наступило, потому крайние оценки не следует принимать во внимание.

Считаю взвешенным и точным понимание современного состояния когнитивной лингвистики и её метода лингвистом, который даёт оценку, находясь не «вне», а «внутри» этой парадигмы: *«когнитивную лингвистику следует определить как намерение, как проект, как процесс выполнения этого проекта – но не как результат в достижении поставленной цели»* [Демьянков 2010 : 72].

Близка точка зрения и З. А. Харитончик, которая, подчеркивая роль когнитивной лингвистики в расширении пределов лингвистики и её значительную роль в изучении концептуальной сущности значения, считает, что *«показав источники формирования лексических значений, она, тем не менее не внесла радикальных изменений в интерпретацию лексического значения как определённой статической структуры, или набора семантических компонентов, источниками которых является наше знание прототипических характеристик обозначаемых категорий»* [Харитончик 2010 : 191]. Как видим, она ставит вопрос о границах использования метода¹.

Поэтому права Елена Викторовна Падучева, которая считает: *«Выступать ПРОТИВ «когнитивной лингвистики» не имеет смысла в той же мере, что и бороться ЗА неё»* [Падучева 2003 : 43]. Нужно дать время для работы метода, имеющего большой эвристический потенциал, и всё покажет будущая лингвистическая «жизнь».

В заключение целесообразно остановится на вопросе о *возможности и пределах концептуального объяснения языковых фактов*².

И. Г. Рузин, изучив сферу перцептивных атрибутов (на материале русского языка), сформулировал несколько важных положений, касающихся, с одной стороны, *онтологии языка*, с другой – *методологии его исследования*.

Считаем эти положения настолько важными для будущих исследований в этой парадигме, что кратко, в форме выводов, приведём его аргументацию.

Природа языковых единиц определяется тремя факторами: **онтологическим, концептуальным и собственно лингвистическим**. Причем взаимоотношение этих факторов в каждом конкретном случае может быть весьма различным. В самом общем виде это взаимодействие можно сформулировать так: онтологическая природа объекта задаёт возможность **многих способов концептуализации** (т. е. онтология задаёт не необходимость определённой концептуализации, **но лишь набор возможностей!**), язык же определённым образом кодирует данные концептуальные возможности.

Связь же между этими тремя параметрами нежесткая, и каждый следующий уровень обладает определённой степенью свободы по отношению к предыдущему. Онтологически признание этого тезиса ведёт к признанию высокой

¹ См. близкую позицию А. Е. Бочкарёва, который показывает на сегодняшний день «незавершённость теории категоризации, ещё меньше её роль быть идеальным инструментарием семантического анализа» [Бочкарёв 2007 : 139].

² Этот вопрос изучал И. Г. Рузин, выполнивший диссертационное исследование «Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение языке» (М. 1996).

идиосинкретичности языка, методологически – к отказу от абсолютизации принципа семантической мотивированности.

Всё выше рассмотренное указывает на весьма нежесткий и во многих случаях непоследовательный характер концептуализации и номинализации: из ряда возможностей реализуется в каком-то случае (в какой-то области, на каком-то уровне) одна, в каком-то – другая.

Таким образом, найденное концептуальное объяснение тому или иному языковому факту *не является полным*: оно объясняет лишь возможность данной номинации, но не её необходимость. Исходя из этого, нам представляется в принципе порочной идея пытаться найти объяснение *каждому индивидуальному языковому факту* и тем более делать предсказания по поводу конкретных языковых явлений.

Однако данное заявление не следует рассматривать как декларацию принципиальной непознаваемости языковых фактов. Нам хочется лишь заметить, что **концептуальный метод исследования, обладая большой эксплаторной и эвристической силой**, тем не менее, как и остальные методы, **имеет определённые границы применения** [Рузавин 1996 : 49].

Этот вывод касается когнитивно-коммуникативного метода в целом и его основных методик.



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чем состоит когнитивный подход к изучению языковых явлений?
2. Почему когнитивизм является закономерным этапом развития лингвистической мысли конца XX века?
3. Используя дополнительную литературу, подготовьте сообщение о предпосылках и предыстории когнитивной лингвистики в отечественном языкознании.
4. Охарактеризуйте основные постулаты когнитивно-коммуникативного метода.
5. Раскройте понятийно-терминологический аппарат метода: его цели, задачи, объекты и предмет.
6. Почему *концепт* является базовым понятием когнитивной лингвистики?
7. Почему существует принципиальная необходимость создания разных методик и приёмов анализа концептов?
8. Какая, по Вашему мнению, из предложенных методик является более оптимальной и почему?
9. Каков, с Вашей точки зрения, эвристический потенциал концептуального анализа? Сравните Ваше мнение с мнением других лингвистов: Е.С. Кубряковой [1991], Н.Н. Болдырева [2000; 2004]; О.Н. Прохоровой [2005], С.А. Кошарной [2006], Е.Г. Беляевской [2008] и др.

10. Как Вы оцениваете следующее высказывание Николая Федоровича Алефиренко: «Что же касается метода концептуального анализа, то в строго терминологическом смысле его пока не существует» [Алефиренко 2009-а : 43].
11. Раскройте значимость понятия *категория* для лингвистики и науки целом. В чем состоит новизна когнитивного подхода к осмыслению этого феномена?
12. Какие основные подходы к изучению категорий существуют в лингвистике?
13. Какова заслуга Э. Рош, Дж. Лакоффа в оформлении прототипической семантики?
14. Какие из приёмов когнитивной грамматики Р. Лангакера эффективны для Вашего исследования?
15. Как Вы думаете, почему фреймовая семантика Ч. Филлмора и концептуальная метафора Дж. Лакоффа и М. Джонсона получили такое широкое распространение в современных исследованиях языковых явлений?
16. Как Вы понимаете высказывание Ю. С. Степанова о том, что дискурс – это «новая черта в облике Языка»?
17. В чем сходство и в чем отличие анализа дискурса с позиции коммуникативно-прагматической и с позиции когнитивной?
18. Прокомментируйте высказывания:

Сознание отражает себя, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания (Л. С. Выготский).

Дело в том, что на современном уровне знаний о человеке скорее психология питается за счёт лингвистики, а не наоборот...; пока что лингвистика является «донором» для психологии (Е. В. Падучева).

Устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их единственного канала, не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство (Ю. М. Лотман).

Логика лишь связала речь с различными по форме моделями. Психологи замкнули её на саму себя. Наша задача состоит в том, чтобы показать, как речь соотносится с окружающим миром посредством разума (Ф. Джонсон-Лэрд).

Высказывание (дискурс) – «точка роста семиотики наших дней» (Ю. С. Степанов).

Понятие «дискурс» настолько популярно, насколько и трудно определяемо (Н. Н. Алефиренко).

«За каждой языковой личностью стоит множество производимых ею дискурсов» (К. Ф. Седов).

Литература для углубленного изучения

- Алексеева, Мишланова 2002
Алефиренко 2002; 2005; 2009-а; 2009-б
Алимурадов 2003; 2010
Антология концептов 2005
Антология речевых жанров 2007
Апресян В.Ю. 2011
Аристотель 1976; 2002
Арутюнова 1988, 1998
Бабенко 2010
Бабушкин 1996
Баженова 2001
Барабанщиков 2002
Барт 1978
Бахтин 1979; 1984; 2000
Белозерова, Чуфистова 2004
Беляевская 2008-а; 2008-б
Болдырев 2000; 2001; 2004; 2006; 2011
Бондарко 1971; 1978; 1983; 1984
Бросова 2011
Буянова 2010
Величковский 2006
Вержбицкая 1996; 1999
Витгенштейн 1958; 1994
Волошилов 1993 (2000)
Воробьев 2008
Ворожбитова 2005
Всеволодова 2002; 2009
Герасимов, Петров 1988
Голованова 2008; 2010
Гольдберг 2003
Горизонты 2009
Грибанов 2004
Григорьева 2007
Даниленко 2007
Дейк 1989
Демьянков 1983; 1989; 1994; 1995; 2008
Дискурс 2008
Дискурсология 2006
Дмитровская
Дударева 2004
Есперсен 2006
Звегинцев 1982; 2007
Иванова 2007
Ирисханова 2001; 2004; 2009
Какзанова 2009
Кант 1999
Карасик 2002; 2004; 2005
Караулов 1989; 2007
Категории 1987
Катц 1981
Кацнельсон 1984; 1986; 2001
Квадратура смысла 1999
Кибрик 1987; 1995; 2003
Климов 1995
Книгин 2002
Князева 2004
Когнитивная 2007
Когнитивные 2010
Когнитивный 2000
Колшанский 1977; 1999
Комарова, Плотникова 2006
Комарова, Шагеева 2009
Комарова, Запевалова 2010-б; 2010-в
Комарова, Дедюхина 2010-а; 2010-б; 2010-в; 2011
Комарова, Талапина 2011-б
Комлев 2003
Конецкая 1997
Концептуальный 2007
Корнилов 1999
Кошарная 2006
Кравченко 1999; 2001; 2008
Красных 1999; 2001
Красовский 2000
Краткий словарь когнитивных терминов 1996
Кронгауз 2001
Куайн 1982; 1986
Кубрякова 1991; 1994; 1995; 1999; 2001-а; 2001-б; 2004-а; 2004-б; 2004-в; 2008-а; 2008-б; 2009; 2010
Кузьмина 1999-а; 1999-б; 2009
Лабов 1983
Лаенко 2007
Лакофф 1981; 1988; 2004-а; 2004-б
Лангакер 1992 (1987)
Лапп 1993
Леонтович 2009
Лингвистика XX века 2004
Лингвистическое моделирование 2009
Лихачев 1997
Логический 1993
Лотман 1996
Лукашевич 2007
Малинович 2003
Манаенко 2004; 2008-а; 2008-б

- Манерко 2000; 2010
 Марова 2006
 Маслова 2008
 Медушевская 2009
 Методологические 2001
 Мещанинов 1945; 1960
 Мишанкина 2010
 Найсер 1981
 Николаева 2000
 Новодранова 2006; 2009
 Олешков 2006; 2009
 Олянич 2007
 Павилёнис 1983; 1986
 Падучева 1999; 2004
 Паршин 1996
 Патнем 2002
 Педагогическое рече-
 вение 1998
 Переверъев 2000; 2002
 Пермякова 2007
 Пестова 2008; 2009
 Пименова 2009
 Пименов, Пименова
 2011
 Пиотровский 2008
 Пищальникова, Сонин
 2009
 Понятийные 1989
 Попова, Стернин 2007
 Постовалова 1988; 1995
 Потапова 1992; 1997;
 2002
 Почепцов 1990; 1999
 Правикова 2000
 Прибрам 1975
 Принципы 2008
 Проблемы 2007
 Прохоров 2004; 2005
 Прохорова 2005
 Ракитина 2006; 2009
 Рахилина 2004
 Рош 1978
 Руденко 1992; 1995
 Рузин 1996
 Рябцева 2005; 2009
 Седов 1999; 2004
 Секерина 1996
 Селезнёва 2002
 Селивёрстова 2002
 Семантика 1991
 Семиотика: Актология
 2001
 Серебренников 1988
 Сигал 2009
 Сидоров 2009
 Скворцов и др. 2009
 Скрэгг 1983
 Слышкин 2000; 2004
 Соколов 2001
 Степанов 1995; 2007
 Стернин 2001
 Стросон 1986
 Сусов 2006; 2007
 Талми 1999
 Телия 1996
 Теория функциональ-
 ной грамматики 1996;
 2003
 Терминология и знание
 2009; 2010
 Типы знания 2008
 Токарева 2004
 Тондл 1975
 Трофимова 2004
 Успенский 1997
 Федюченко 2009
 Фёрс 1962
 Фефилов 1997; 2005;
 2010
 Филипс, Йоргенсен
 2004
 Филлмор 1983; 1988
 Формирование 2003
 Фрумкина и др. 1990
 Фуко 1977 (1994)
 Халина 1993
 Харченко В.К. 2008
 Харченко Е.В. 2003
 Цепцов 1997
 Цивьян 2007
 Чебанов, Мартыненко
 2008
 Чейф 1972; 1983
 Ченки 2002
 Черненко 2002
 Чернявская 2001;
 2003; 2004; 2009; 2011
 Чоговидзе 2003
 Шарафутдинова 2008
 Шафиков 2007
 Шахнарович 1986
 Шенк 1980
 Шмелев А.Д. 2002
 Шпет 2007
 Шрейдер 1979
 Щедровицкий 1987
 Щирова, Гончарова
 2006
 Яблонский 2001
 Язык 1992; 1995; 2003
 Языковое 2000
 Якобсон 1983
 Янко 2001



Глава 13

Методы и методики частных парадигм лингвистики



...для адекватного познания языка необходимы выходы не только в разные области гуманитарного познания, но разные сферы естественных наук.

Е. С. Кубрякова¹

13.1. О сущности междисциплинарных исследований в гибридных областях наук

При анализе макропарадигмальных методов в 12-ой главе мы наблюдали движение от дисциплинарного метода лингвистики (*сравнительно-исторического*) к интегративным: *лингвистический структурализм* взаимодействовал с общенаучным структурализмом; *коммуникативно-прагматический* метод развивался уже при значительной междисциплинарной интеграции, а *когнитивно-коммуникативный* настолько далеко вывел лингвистику за её пределы, что направление это было обозначено Еленой Самойловой Кубряковой «зонтиковым»².

Такое состояние наук признаётся естественным: «Междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются *не столько системами знаний, сколько институциональными формами*» [Касавин 2008 : 276].

В науковедении отмечено три основных пути такого синтеза наук: первый – синтез разобщённых сторон предмета (внутридисциплинарное движение в лингвистике по уровням: фонетика → фонология → морфология → синтаксис) [Кибрик 2002 : 80]; *второй путь* – перенос методов исследования с более низких уровней изучения материи на более высокие и *третий путь*: объединение частных отраслей наук в более общие (*семиотика, герменевтика, синергетика...*) [Общие проблемы 2007 : 99].

В наши дни этот синтез продолжается. Так, крупнейший отечественный методолог языка Валентина Ильинична Постовалова с позиции *цельного научного знания* устанавливает для лингвистики XXI века интерпретационную призму общегуманитарного характера [Постовалова 1995 : 347] и даже шире – с позиции теoантропокосмической парадигмы («Бог – Космос – Человек»).

¹ Кубрякова 1995 : 210.

² Сравним: «Наука о языке изучает всё то, что вербализовано» [Маслова 2008 : 3].

В отношении же таких наук как *социология, психология, археология, этнография, лингвистика* и др. налицо особая ситуация: «... они сформировались приблизительно одновременно в ходе взаимодействия ряда областей знания, причем некоторые из них вообще не имели статуса научной дисциплины» [Касавин 2008 : 276].

И на новом витке развития они образовали гибридные науки под «зонтиком» антропоцентрической суперпарадигмы, с вершиной – Человек говорящий, образуя полипарадигмальность «материнской» науки – лингвистики¹.

Последовательно рассмотрим эти частные парадигмы современной лингвистики.

13.2. Метод и методики социолингвистики²

Социолингвистика, социальная лингвистика – междисциплинарная наука, возникшая на стыке *языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии* и представляющая собой реализацию на современном этапе лингвистических и социолингвистических исследовательских принципов и процедур социологического направления в языкознании, которые были разработаны в первой половине XX века³, а вторая «волна» в 60-70-е годы XX века⁴. Социолингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

В наши дни выявлено, что *социальный фактор* имеет такую сложную структуру, что механизм его воздействия на язык пока останется нераскрытым [Сусов 2006; 2007; Алефиренко 2009; Пищальникова, Сонин 2009 и др.].

Сложность определения метода и методик социолингвистики обусловлена прежде всего тем, что в отечественной и зарубежной социолингвистике по-разному определяются границы социолингвистики: 1) большинство социолингвистов ставят своей **целью** установление регулярных соответствий между языковой и социальной структурами [Белл 1980 : 42]; 2) как области взаимопроникновения социологии и лингвистики, охватывающей всё мно-

¹ См. прогноз Вяч. Вс. Иванова об отношениях между дисциплинами XXI века: «Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследования по проблемам...» [Вяч. Вс. Иванов 2004 : 156], когда новые научные результаты в лингвистике будут получать «не столько под влиянием внутродисциплинарных факторов, столько путём «парадигмальной прививки идей, транслируемых из других наук» [Стёпин 2000 : 627].

² Термин *социолингвистика* был введен в научный обиход американским учёным Г. Карри в 1952 году для обозначения уже существовавшего в науке направления, занимавшегося изучением языка как общественно-го явления.

³ А. Мейе, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Р. О. Шор, М. В. Сергиевский, Н. С. Чемоданов, М. М. Гухман, Ж. Вандрис, В. Матезиус, Б. Гавраанек, Й. Вахек, Т. Фрингс и др.

⁴ А. А. Авронин, Г. В. Степанов, А. Д. Швейкер, М. М. Гухман, В. Д. Бондалетов, А. И. Домашнев, Л. Б. Никольский, Ю. Д. Дешериев, В. А. Хомяков, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Крысин, Н. Б. Мечковская, А. А. Леонтьев, Н. Б. Вахтин, В. И. Карасик, Ф. П. Сергеев, Э. Г. Туманян, В. П. Коровушкин, Р. Т. Белл, У. Брайт, Д. Х. Хаймз, Дж. Гальперц, У. Лабов, Дж. Фишман, Х. Штегер, Д. Вундерлих, Х. Яхнов, П. Шрёдер, К.-Х. Бауш, Н. Дитмар, Т. Лукман, Х. Лёфлер и др.

гообразии влияния социальных факторов на язык и языковых факторов на общество [Лабов 1976 : 7]¹; 3) с позиции бихевиористики У. Брайт предлагает отнести к задачам социолингвистики «описание совместного варьирования языковых и социальных структур» [Брайт 1999 : 108] и тогда предметом исследования будут три фактора: отправитель, получатель и обстановка, при этом первый фактор отражает интересы *социолога*, второй – *лингвиста-историка*, а третий – связан с теми, кто занимается языковым планированием [Там же : 108-113].

В отечественной социолингвистике существует три понимания границ социолингвистики: узкое, среднее и широкое [Коровушкин 2005 : 24-32].

Наиболее широкие трактовки объектно-предметной области социолингвистики охватывают изучение общественной обусловленности возникновения, развития и функционирования языка; воздействие общества на язык и языка на общество [Хроленко, Бондалетов 2006 : 270].

Нас, безусловно, интересует общесоциолингвистическая проблематика. В ней акцентируются два направления, течения [Сусов 2006; 2007]².

Первое ориентировано преимущественно на социологию (собственно *социолингвистика*), в которой выделяются следующие *объектно-предметные области*:

- нормы языкового употребления с учётом факторов времени, цели, выбора языка или варианта языка, адресата;
- взаимоотношения языкового употребления и языковых установок, с одной стороны, и более крупных или более мелких социальных сетей, с другой стороны;
- проблемы диглоссии и теории кодов в связи с комплексом явлений, образуемых взаимодействующими социальной экономией, историей, этнической дифференциацией, культурой, социальным расслоением и вариантами языка.

Второе течение, ориентированное преимущественно на лингвистику (*лингвосоциология*); в которой выделяются *объектно-предметные области*:

- принципиальная неоднородность языковых систем, обнаруживаемая при учёте социологических параметров;
- установление на основе вероятностного анализа определённых социально детерминированных языковых правил, являющихся результатом влияния различных языковых и внеязыковых переменных – социальный слой, возраст, пол и т. д.;
- возможность использовать данные таких исследований в русле вариационной лингвистики для разработки теории языковых изменений;
- установление релевантности социальных условий для процессов языковой эволюции;

¹ Лабов У. Единство социолингвистики//Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 5-30.

² Третье направление в социолингвистике, ориентированное на этнометодологию и этнографию характерно зарубежной (американской) социолингвистике, в пособии не рассматривается.

- подтверждение того, что синхронически данные вариационные структуры языка являются лишь «моментальным снимком диахронических изменений» [Сусов 2007 : 329 : 329-330].



Итак, **социолингвистический метод** – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения широкого круга проблем воздействия общества на язык и языка на общество, с целью исследования природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии.

Базовые концепты метода:

- **Социальный фактор** – это системно организованное социальное действие разной структуры в определённой сфере человеческой деятельности. Социальный фактор в процессе речевой деятельности порождает и обусловливает конкретное проявление социальности языка [Алефиренко 2009-б : 240]¹.
- **Социум** (<лат. *socium* – «совместное») – большая устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей в каких-то существенных отношениях и вследствие этого общностью культуры.

Разновидностями социума являются: *общество* как целостная социальная система; *семейно-родственные, социально-классовые, национально-этнические, территориально-поселенческие общности*.

- **Языковая ситуация** – совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определённой этнической общности или административно-территориальном объединении.

Выделяется две группы языковых ситуаций: *экзоглоссные* – совокупности различных языков и *эндоглоссные* – совокупности подсистем одного языка.

- **Формы существования языка** – самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным формам использования (В.А. Аврорин): *национальный язык, литературный язык, народно-разговорная форма, общенародная форма, социальный диалект, вариант национального языка, гендерлекты, социолекты, профессиональные языки, новояз, идиолекты, подъязыки* и т. п.

¹ Ежи Курилович считает, что «социальный фактор, который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней». См.: Курилович Е. Очерк по лингвистике. – М., 1962. С. 19.

Достаточно подробная классификация социальных факторов и их роль в развитии языка дана в работе: Алефиренко 2009-б : 241-247.

- **Языковая политика** – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве (Ю. Д. Дешериев).
- **Языковое строительство** – целенаправленное вмешательство общества (в лице учёных-специалистов и властей) в стихийный процесс языкового развития и организационное руководство этим процессом (*создание алфавитов, орфоэпических и орфографических норм-правил; нормализация и стандартизация терминологий и т. п.*) (М. И. Исаев).
- **Функциональная нагрузка языков** определяется 1) количеством сфер общественной жизни, обслуживаемых определёнными формами языкового существования; 2) наличием письменности и продолжительностью письменной традиции; 3) степенью нормированности языка и типом нормированности; 4) правовым статусом языка (*государственный, социальный, титульный и др.*); 5) профессиональным статусом языка; 6) учебно-педагогическим статусом языка [Мечковская 2001 : 117-118].

Цели и задачи общесоциолингвистических исследований носят многовекторный характер:

1) *изучение языковой ситуации* в государстве с учётом качественных и количественных данных относительно существующих в нём языков и относительно выполняемых ими общественных функций;

2) исследование *форм существования национальных языков*;

3) изучение того, *как используют данный язык* или какую-либо его форму существования представители разных социальных групп в соответствии со своими этническими, профессиональными, образовательными, возрастными, гендерными и другими признаками;

4) изучение общих тенденций *языковой жизни* (языковой толерантности, конфликтности и др.);

5) изучение проблемы *язык и идеология*;

6) изучение социолингвистической системы речевого поведения;

7) исследование проблемы *билингвизма и переключения кодов*;

8) исследование проблемы *язык и (само)идентификация*;

9) изучение вариационной модели языковых изменений;

10) анализ языковой политики и языкового строительства государства для регулирования функций, выполняемых языками и его формами;

11) разработка функциональной классификации в дополнении к существующим генетической и морфологической классификациям и выявлении их соотношений [Мечковская 2001; Михальченко, Крючкова 2002; Хроленко, Бондалетов 2006; Карлинский 2009; Гулида, Вахтин 2010];

12) **конечная цель** – выработка социолингвистических стратегий, что способствовало бы гармоничному развитию всех языков [Хроленко, Бондалетов 2006 : 116].

Методики, приёмы и процедуры анализа

Методики социолингвистики представляют собой сплав лингвистических и социолингвистических процедур [Швейцер 2002 : 482], реально же это, по сути своей, *модификации общенаучных методов и приёмов*.

По этапам исследования их можно подразделить на 1) методики и приёмы сбора данных, материала; 2) методики и приёмы анализа и 3) методики и процедуры верификации.

1. Методики сбора социолингвистических данных:

- наблюдение и включенное наблюдение;
- опрос информантов через анкетирование и интервьюирование;
- эксперименты (свободные и направления)¹.

Эти методики, приёмы и процедуры получили название *полевых исследований*. Они включают этапы: 1) подготовка условий полевой работы; 2) первое знакомство с информантом/информантами и 3) работа с информантами, которая имеет «челночный» характер: опрос идёт по системе: гипотеза₁ → данные₁ → гипотеза₂ → данные₂... → добытое знание [Кибрик 2002 : 267]².

Эта методика, её приёмы и процедуры получили название **активных методов** [Карлинский 2009 : 90], поскольку исследователь сам определяет место и участников коммуникации, формы проведения (*наблюдение, опрос, интервью, эксперимент*).

Основным преимуществом *активных (контактных)* процедур и приёмов является живой контакт с информантами, а недостатком – значительный расход времени и средств, а также ограниченный охват языковых групп и ситуаций [Карлинский 2009 : 91], поэтому активные методики следует сочетать с **пассивными (дистантными)**.

Второй этап – методики и приёмы анализа данных (пассивные).

1. Анализ документов:

а) материалы переписи населения, статистических сборников (например, при изучении билингвизма в каком-либо регионе целесообразно сначала установить численность носителей одного и другого языков, проживающих в данном районе, количество школ, высших и средних учебных заведений с преподаванием на каждом из этих языков, число радио- и телепередач, периодических изданий, книг, выпускаемых ежегодно на одном и другом языке, и т. д.);

б) *персонифицированные тексты* (любые тексты в письменной или устной форме, полученные в экспериментальных условиях либо специально отобранные, социальные характеристики авторов, которые известны), например, исследование «*Русская разговорная речь*» (1973), в котором в качестве таких текстов были использованы магнитофонные записи разговорной речи. Этот метод находит также широкое применение при изучении билингвизма [Михалёв 2008 : 72].

¹ См.: раздел 9.1 пособия: общенаучные эмпирические методы исследования.

² В 18-ой главе своей монографии Александр Евгеньевич Кибрик даёт детальное изложение *методики полевой работы с информантами* [Кибрик 2002 : 262-287].

2. **Обработка данных полевых исследований** осуществляется, прежде всего, с помощью разновидностей **корреляционного анализа**, суть которого состоит в соотнесении социальных и языковых величин в качестве *независимых* и полностью или частично *зависимых переменных* с привлечением табличных данных, графиков зависимостей и математической статистики.

В стратификационной разновидности корреляционного анализа исходят из соотношения вариантов (форм) языка с определёнными специальными группами и выделяют *профессиональные варианты, жаргоны, социальные диалекты, варианты игрового характера* и т. д.

В ситуативной разновидности определяют варианты языка в зависимости от конкретных социальных ситуаций его употребления: обстановки и места речевого события (*университетская аудитория, выступление в суде, официальные переговоры, семейная беседа* и т. д.).

Коммуникативная классификация предполагает характеристику вариативности языка в зависимости от структуры и форм речи: *диалог или монолог, устная или письменная, жанр, стиль речи* и т. д.

Обычно эти корреляции описываются отдельно по каждому выделенному социальному параметру, а затем подвергаются *содержательной интерпретации* и оформляются в каком-либо виде (таблицы, графики и т. д.).

3. В наши дни для обработки данных активно используется **метод моделирования** (в различных типах моделей)¹ чаще для анализа социально обусловленной вариативности языка. Моделироваться может и речевое поведение, причем оно имеет свой основной выбор социолингвистических переменных и учёт ограничивающих этот выбор социальных факторов [Прохоров, Стернин 2007 : 56-87].

Последний этап социолингвистических исследований связан с **верификацией** полученных данных на *точность, достоверность, валидность* (диагностическая и прогностическая сила, к примеру, анкеты, опросника и т. д.) проводится самим исследователем или экспертами-специалистами обычно с использованием *вероятностно-статистического анализа*.

Завершая анализ, подчеркнём, что пока ещё рано подводить итоги развития социолингвистики [Гулида, Вахтин 2010 : 116], поскольку на повестке дня стоит задача разработки таких методов и понятийного аппарата, которые «помогут преодолеть фрагментарность социолингвистических исследований, повысить их уровень от описательного до типологического, что позволит выявить не только частные закономерности развития языков, но и социолингвистические универсалии» [Михальчик, Крючкова 2002 : 135].

¹ См. раздел 9.2.2 пособия – *Метод моделирования*



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чем состоит сущность социолингвистики как гибридной науки?
2. Каковы основные течения в отечественной и зарубежной социолингвистике?
3. Охарактеризуйте основные объектно-предметные области общей социолингвистики.
4. Оцените предложенные методики, приёмы и процедуры социолингвистического метода. Что Вы можете использовать в своём исследовании?
5. Прокомментируйте высказывания:

Там, где мы имеем дело с языком, содержащим в своём составе разнородные элементы, лингвистические методы недостаточны (Л.В. Щерба)

Речь любого субъекта с неизбежностью входит в тот или иной социолект (Р. Барт).

Все слова пахнут профессиями, жанром..., определённым человеком, поколением, возрастом, днём и часом (М.М. Бахтин).

Самое лениво сказанное в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни (О. Мандельштам).

Диалект – это языковое открытие родины (Л. Вайсгербер).

Русская речь вывела моё родное слово на просторы мировой поэзии (Юван Шесталов).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|--------------------------|-----------------------------------|----------------------------|
| Аврутин 1975 | Карасик 2002-а | Михалёв 2008 |
| Алефиренко 2009-б | Карлинский 2009 | Михальченко, Крючкова 2002 |
| Алпатов 2000 | Кибрик 2002 | Мишанкина 2010 |
| Бахтин 2000 | Климов 1995 | Никольский 1976 |
| Белл 1980 | Кодухов 1974 | Норман 2004 |
| Березин, Головин 1979 | Конецкая 1997 | Пищальникова, Сонин 2009 |
| Брайт 1999 | Коровушкин 2005 | Постовалова 1988 |
| Бутенко 1989 | Крысин 2003 | Принципы 1989 |
| Веников 1976 | Курилович 1962 | Прохоров, Стернин 2007 |
| Гируцкий 2001 | Лаврова 2011 | Рождественский 2000 |
| Головин 1983 | Левицкий 2005 | Сусов 2006; 2007 |
| Гречко 2003 | Леонтьев 1975 | Федюченко 2009 |
| Гулида, Вахтин 2010 | Мельников 2003 | Хроленко, Бондалетов 2006 |
| Журавлев В.К. 1982; 1988 | Методы социальной психологии 2007 | Швейцер 2002 |
| Здравомыслов 1969 | Мечковская 2001 | Юсслер 1987 |
| Исаев 2003 | | Ядов 1988 |

13.3. Метод и методика этнолингвистики

Этнолингвистика (<греч. *ethnos* – «народ, племя» + лингвистика)¹ – пограничная дисциплина, лежащая между *языкознанием, этнографией, социологией* и *антропологией* и изучающая язык в его соотношении с *этносом*, а также изучает взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка [Толстой 1963; Герд 2001].

Возникает ещё более комплексная наука – лингвоэтносоциология (термин Л.Б. Никольского), которая исследует не только национальные, народные, племенные особенности *этноса*, но и особенности социальной структуры *конкретного этноса* (социума) и *этноса* (социума) *вообще* на поздней стадии его развития.

Иначе говоря, этнолингвистику в наши дни воспринимают двояко: в *суженном, специализированном значении* и в *широком плане*, когда этнолингвистика включает в себя ещё и *диалектологию, язык фольклора* и часть *истории языка*, связанную с исторической диалектологией и культурой, и этнической историей народа, т. е. почти все аспекты изучения языка как социального явления [Толстой 2001 : 157].

На сегодняшний день единодушие лингвистов разных стран достигнуто только в признании «*пограничного*» характера этой научной области², стоящей на грани перечисленных наук, опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как и многие современные научные дисциплины, комплексными методами [Толстой 2001 : 163].

Её **обобщённый объект** осмыслен как соотношение языка и этноса, но не сняты сложности определения 1) её конкретных объектно-предметных областей; 2) её методологии и 3) её метода и методик.

Для выявления методологических установок этнолингвистики необходимо обратиться к истокам её формирования.

Три страны (Германия, Россия и США) были колыбелью направления, называемого сейчас термином этнолингвистика. В Германии, как известно, этнолингвистические идеи зародились в творчестве В. фон Гумбольдта, в его учении о языке как средоточении и выразителе духа народа.

В России, где к середине XIX века господствовало романтическое увлечение фольклором, народной культурой и мифологией, зародившаяся этнолингвистика приняла этнографическую окраску с ярко выраженным интересом к духовной и материальной культуре народа.

В Америке, где у многочисленных племён индейцев отсутствовала письменность и не было традиции изучения местных языков, обычаев и мифов, усилия учёных-лингвистов и этнографов были сосредоточены на выработке своей,

¹ Термин *этнолингвистика* в работах американских лингвистов часто заменяется терминами *антропологическая лингвистика, этносемантика, лингвистическая антропология*.

² Признаётся пограничное положение французской этнолингвистики, когда её сравнивают с летучей мышью – героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь в зависимости от обстоятельств [Кабанова 1993 : 101].

не схожей с европейской, методики описания языка, мышления, туземной культуры и всех форм её проявления [Хроленко, Бондалетов 2006 : 120-121].

Собственно этнолингвистика выделилась в первой четверти XX века благодаря работам **Франса Боаса** (1858-1942) и первого поколения его учеников. Значительное влияние оказали научные опыты генеалогической классификации американских языков с использованием *метода сравнительно-исторического языкознания, глоттохронологии* (М. Сводеш), *историко-типологического метода* и *ареальной лингвистики*. Важное значение имели работы по проблеме семантики неписьменных языков: Ф. Боас (семантика грамматических категорий), Э. Сепир (аномальные типы речи в языке нутка), Х. Хойер (языки тонкава и апачей), Б.Л. Уорф (язык хопи), Дж. Трейджер (язык тоас).

Заметный вклад в становление этнолингвистики принадлежит европейским неогумбольдтианцам (П. Порциг, Г. Ибсен, Й. Трир), особенно в немецкоязычных странах (содержательно ориентированная четырехступенчатая грамматика и теория Лео Вайсгерберга и теория Г. Шухардта «*Слова и вещи*», подчеркивающие «энергетическую», созидательную силу языка в упорядочении хаотического опыта и конструировании картины мира, изучающие связи языка и культуры, языка и мышления и познания мира).

В этом русле велись работы и в России (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, Д. К. Зеленин, А. А. Шахматов, Б. А. Ларин и др.). Значительную роль сыграли *семиологические* взгляды Ф. де Соссюра, идеи *структурализма*, особенно – генеративной грамматики, а в 70-80-е годы – идеи *лингвистической прагматики*.

Таким образом, этнолингвистика вобрала, впитала в себя методологию всех предшествующих парадигм лингвистики, а также сопредельных наук под эгидой антропоцентризма.

Вместе с тем она осознала свою сферу, отмежевавшись от социолингвистики: *этнолингвистика* оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится и в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, тогда как *социолингвистика* оперирует исключительно современными фактами.

Так, глава российской и славянской школы этнолингвистики академик **Никита Ильич Толстой** (1923-1996) считал, что цель этнолингвистики – *историческая ретроспектива*, т. е. выявление народных стереотипов, раскрытие фольклорной картины мира народа [Толстой 1963; 1995].

В рамках этого направления сформировались две самостоятельные ветви, которые обозначались вокруг двух важнейших проблем.

- реконструкция этнической территории по языку (Р. А. Агеева, С. Б. Бернштейн, Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе и др.);
- реконструкция материальной и духовной культуры этноса по данным языка (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Н. И. Толстой и др.).

А в наши дни, с точки зрения отношения по времени можно условно выделить *диахроническую* и *синхроническую* этнолингвистику, считает Александр Сергеевич Герд. Исходя из этого, этнолингвистика «всё шире пользуется мето-

дами классической диалектологии, системного анализа структурной и прикладной лингвистики, углубляя и развивая их» [Герд 2001 : 7].



Итак, **этнолингвистический метод** – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения широкого круга проблем, связанных со взаимоотношениями *языка* и *этноса*, с целью выявления закономерных корреляций между этническими и языковыми процессами для консолидации этнических общностей и научного прогнозирования этноязыкового строительства.

Базовые концепты:

- **Этнос** (<греч. *ethnos* – «племя, народ») – исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием) [Исаев 2003 : 179]¹.

В нашем исследовании: **этнос** – *языковая, традиционно-культурная общность людей*, связанных общностью представлений о своём происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства [Маслова 2001 : 10].

- **Этнический менталитет** – свойственный данному народу склад мышления, который обычно не осознаётся и принимается в этой культуре как естественный.
- **Этнический стереотип** – относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических и др. качествах, присущих представителям разных этнических общностей.
- **Этническая культура** – совокупность культурных элементов и структур, обладающих этнической спецификой и выполняющих этнодифференцирующие функции.
- **Реалия** – это название вещей, предметов, явлений (событий, праздников, достопримечательностей и др.), тесно связанных с культурой данного народа.
- **Этнические процессы** – перманентно происходящие изменения составляющих характеристик этноса (*культура, язык, обычаи* и др.)
- **Идиоэтнический** – (<греч. *idios* – «своеобразный» + *ethnos* – «народ») – отражающий специфические свойства языка и культуры данного этноса [Карлинский 2009 : 26].
- **Фоновые знания** – совокупность знаний носителей языка относительно явлений культуры данного этноса, не имеющих универсального выражения, но влияющих на речевое поведение любого носителя данной языковой общности.

¹ Многие дефиниции даются по «Словарю этнолингвистических терминов и понятий» М.И. Исаева (М., 2003)

➤ **Этногенез** – (<греч. *ethnos* – «народ»+ *genesis* – «возникновение, происхождение») – процесс образования и сложения этнических общностей. Различают этногенез отдельной общности (*этноса*), *субэтноса*, группы родственных этносов и этногенез отдельных территорий, где представлены разнообразные по происхождению группы населения.

Этногенез связан с *глоттогенезом* (образованием языка), *культурогенезом* (становлением культуры) и сопряжен с процессом взаимодействия человеческих рас.

➤ **Этническая история** – продолжение и развитие *этногенеза* уже сложившихся этнических общностей, которая включает взаимодействие одного этноса с другими, взаимную *ассимиляцию* их групп и отдельных представителей и объединение ряда этносов в новые общности – их *интеграцию* и *консолидацию*, а также процессы, идущие внутри этноса, к примеру, их *миграцию*.

➤ **Этническая картина мира** – свод основных допущений и предположений, обычно не обозначаемых и не обсуждаемых, которые направляют и структурируют поведение представителей данной общности; когнитивная ориентация, которой придерживаются члены данной этнической общности.

➤ **Типы воздействия языковых ситуаций** на этнические процессы: *первая ситуация* – наличие языка доминирующего этноса; *вторая ситуация* – полиэтническое общество, обслуживаемое европейским языком, без доминирующего этноса; *третья ситуация* – полиэтническое общество, в котором языком межэтнического общения становится язык одного из этносов данного общества [Арутюнов 2001 : 182].

Цели и задачи этнолингвистических исследований, как и социолингвистических, носят многовекторный характер¹;

- 1) язык и народный менталитет;
- 2) язык и мифология;
- 3) этнические ареалы и функции языков;
- 4) соотношение между языковой и этнической консолидацией;
- 5) типы воздействия языковой ситуации на этнические процессы;
- 6) отражение в номинативных единицах и речевых штампах особенностей этнокультуры;
- 7) влияние культурологических различий на межэтническую коммуникацию в различных жизненных ситуациях;
- 8) язык и этническая личность;
- 9) язык и этническая картина мира и т. д.

Иначе говоря, это соотношение языка со всеми возможными этническими концептами.

Всё сказанное позволяет уяснить, что **целью метода** современной этнолингвистики является обеспечение стратегии и тактики исследования *языка как*

¹ По образному выражению французского этнолингвиста Б. Потье, «полем исследования может быть как бульвар Сен-Мишель, так и Огненная Земля» [Цитируется по: Кабакова 1993 : 102].

транслятора этнокультурной информации, с одной стороны, и использование языка (в различных формах его существования) этносами в различных языковых ситуациях, – с другой.

Из этого следует понимание «двуликости» её **обобщенного предмета**: все возможные формы языка, речи, дискурсов в их социокультурном контексте, с одной стороны, и всевозможные формы этнознания, – с другой.

Этнолингвистические исследования требуют особых **источников материала**: во-первых, это широкий круг словарно-справочной литературы (этнографические, археографические, этнолингвистические, культурологические, фольклорные, мифологические, лингвокультурологические и т. д. и все типы лингвистических словарей и справочников, особенно таких как диалектологические, фразеологические, топонимические, этимологические и т. д.), которые представляют собой «подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа» [Герд 2001 : 11]; во-вторых, широкий круг текстов самых разных типов¹.

Комплексность метода задается использованием большого числа методик, приёмов и процедур разных методов:

- *сравнительно-исторического (реконструкции, глоттохронология, экстраполяция...)²*;
- *типологического*;
- *структурного³*;
- *коммуникативно-прагматического*;
- *когнитивно-коммуникативного*;
- *философско-общелогических (анализ, синтез, обобщение, формализация...)*;
- *методы гибридных методологических уровней (структурно-системный, семиотический, герменевтический...)*;
- *общенаучные методы, как эмпирические, так и теоретические (метод моделирования, эксперимент, наблюдение...)*;
- *частнонаучные (лингвостатистические, диалектологические, этимологические, лингвогеографические, ареальные, прикладной лингвистики...)*;
- *социолингвистические (полевая методика, методика корреляционного анализа...)* и др.

Поскольку многие *частные объектно-предметные* области этнолингвистики являются ненаблюдаемыми, то, безусловно, особое место в этнолингвистических исследованиях занимает **моделирование** (разных типов).

Блестящие образцы некоторых методик, приёмов и процедур исследования даёт А. С. Герд в книге «*Введение в этнолингвистику*» [2001]:

- этнос как объект моделирования в этнолингвистике (с. 49-61);

¹ Источники этнолингвистических исследований детально описаны А.С. Гердом [2001].

² См. раздел 12.1 пособия и далее – см. соответствующие разделы пособия.

³ См. раздел 12.2. К замечательным свершениям этнолингвистов можно отнести создание методики компонентного анализа, широко используемой в современных исследованиях.

- моделирование знаний и представлений в области материальной и духовной культуры (с. 62-86);
- историческая реконструкция модели народного знания в области материальной и духовной культуры (с. 87-97);
- методы этногенетических исследований (с. 121-131), которые базируются на синтезе сравнительно-исторического, структурно-типологического и системного методов анализа [Герд 2001 : 125].
- реконструкция историко-культурных зон (с. 132-143).

Таким образом, большое число объектно-предметных областей современной лингвистики, разные подходы к ним, разные цели и задачи исследования, – все это обуславливает *вариативность метода и его методик*.

Так, нельзя недооценивать значение **атомарных исследований** (истории отдельных реалий, отдельных слов, групп слов и т. д.) [Герд 2001 : 123], поэтому такие исследования практически преобладают¹.

Для нас же, безусловно, более значимы работы, в которых даётся «методология и методика в действии». Так, к примеру работа Елены Андреевны Земской «*Городская устная речь и задачи изучения*» последовательно излагает *методику коммуникативно-прагматического анализа* устного текста, правда, не используя метаязык этой парадигмы [Герд 2001 : 273-324].

Важным шагом в изучении этнолингвистических проблем является метод познания этнокультур через посредство **ключевых слов** [Вежбицкая 1996], но он обладает и некоторыми недостатками: во-первых, нет четкого определения количества ключевых слов для описания специфики этнокультуры данного народа; во-вторых, отсутствуют четкие критерии описания их семантической структуры при помощи естественного метаязыка; в-третьих, сам естественный семантический метаязык нельзя признать окончательным: он содержит всего около 60 концептов и нуждается в уточнении [Карлинский 2009 : 101].

Подчеркнём, что современный период этнолингвистических исследований характеризуется переходом от атомарных исследований к комплексным. Покажем это на примере методологии и комплексной методики изучения этноязыковой картины мира².

Методологические установки:

– семасиологический подход к изучению языковой и речевой семантики предполагает направление от формы лексем, фразем, речевых штампов к их значению;

– поскольку семантика представляет собой идеальный феномен, то характеристика её единиц наилучшим образом может быть обеспечена при помощи бинарных оппозиций – дуализмов. **Дуализм** (лат. *dualis* – «двойственный») – это путь познания целого на основе признания двойных противопоставлений в структуре всех вещей и явлений окружающего мира (*душа – тело; мужчина – женщина; пространство – время* и т. д.);

¹ См., например, работы, помещенные в «Хрестоматии» [Герд 2001]: *Аганитов В.А.* Киж: что в имени твоём [Там же: 453-457]; *Толстой Н.И.* Откуда дьяволы разные? [Там же : 387-391] и др.

² См.: Карлинский 2009 : 293-298.

– **кластерный анализ** направлен на установление всей совокупности этнических концептов и их разграничение на основе сущностных признаков этноса. **Кластер** (англ. *cluster* – «группа взаимосвязанных предметов») – совокупность этнических концептов языка и речи различной частеречной принадлежности (существительные, прилагательные, глаголы) и различной структуры (цельнооформленное слово, словосочетание, предложение, этикетные и клишированные структуры). Именно этим кластер отличается от лексико-фразеологического поля [Хроленко 2005 : 161-163];

– на основе наших знаний о языковой этнической картине мира (концептосферы) выделяются три взаимосвязанных кластера (блока): *этническое сообщество – этническая личность – среда обитания*, которые, в свою очередь, распадаются на открытое множество бинарных оппозиций.

Блок №1: Этническое сообщество

- | | |
|-----------------------------|------------------------------|
| 1. Свой – чужой | 10. Вера – суеверие |
| 2. Руководитель – коллектив | 11. Бог – человек |
| 3. Мужчина – женщина | 12. Традиции – обычаи |
| 4. Взрослые – дети | 13. Преступление – наказание |
| 5. Отец – мать | 14. Реальность – фантазия |
| 6. Еда – питье | 15. Хвала – хула |
| 7. Труд – отдых | 16. Одежда – жилище |
| 8. Богатство – бедность | 17. Качество-количество |
| 9. Добро – зло | 18. Деревня – город |

Здесь левая и правая части семантических оппозиций имеют в качестве своей доминанты наиболее общее понятие, определяющее прямые или косвенные связи всех членов данного кластера. Все приведённые бинарные оппозиции следует рассматривать с учётом общественных отношений, ценностей и норм поведения данного этноса.

В свою очередь все эти микрокластеры не являются простыми. Они включают в себя более мелкие семантические объединения. Так, например, концепт «руководитель» включает в себя организаторов народной жизни разного типа (*вождь племени, военачальник, князь, император, а также глава семьи, производства, руководитель учебного заведения, научно-исследовательского института, министр, премьер* и т. д.). Этим обеспечивается связь данного кластера с другими (*семья, труд, деревня, город* и т. д.), которая сводит их в единую концептосферу этноса. Дуализм «труд» – «отдых» охватывает все виды преобразовательной деятельности (*пища, одежда, жилье*), с одной стороны, и все основные виды отдыха (*развлечения, игры, игрушки* и т. п.), с другой.

Блок №2: Этническая личность

- | | |
|----------------------|--------------------------|
| 1. Тело – душа | 11. Храбрость – трусость |
| 2. Жизнь – смерть | 12. Щедрость – жадность |
| 3. Юность – старость | 13. Правда – ложь |

- | | |
|-----------------------|------------------------------|
| 4. Здоровье – болезнь | 14. Свобода – неволя |
| 5. Любовь – ненависть | 15. Красота – уродство |
| 6. Друг – враг | 16. Радость – печаль |
| 7. Сила – слабость | 17. Жестокость – сострадание |
| 8. Счастье – горе | 18. Такт – бестактность |
| 9. Слова – дела | 19. Имя – фамилия |
| 10. Ум – глупость | |

Второй блок также требует некоторых пояснений. Все доминанты дуальных оппозиций здесь следует рассматривать с позиции общественной оценки этнической личности с учётом его умственных, психических и поведенческих качеств. Они также носят комплексный (кластерный) характер, пересекаясь не только с другими дуализмами данного блока, но и с другими блоками. Так, например, оппозиция «тело – душа» содержит в своей левой доминанте концепты: *голова, уши, глаза, рот, волосы; живот, сердце, печень, желудок* и др. А правая часть (концепт «душа») включает в себя совокупность внутренних, психических качеств личности – *духовность, нравственность, разум, верования, отношение к коллегам* и т. п. Дуализм «друг – враг» раскрывает симпатии и антипатии этнолингва по отношению к членам как своего, так и чужого этноса (см. блок №1 «свой - чужой»), к детям и старикам и т. д.

Блок №3: Среда обитания этноса

- | | |
|-------------------------|--|
| 1. Ландшафт – климат | 8. Весна – осень |
| 2. Фауна – флора | 9. Утро – вечер |
| 3. Солнце – луна | 10. День – ночь |
| 4. Небо – земля | 11. Природные катастрофы –
техногенные катастрофы |
| 5. Пространство – время | 12. Топонимы – ойконимы |
| 6. Огонь – вода | |
| 7. Зима – лето | |

И, наконец, третий блок отражает *экологию этноса*, что и определяет, в конечном счёте, все виды жизнедеятельности этноса (*земледелие, животноводство, охота, ремесло* и т. д.). Доминанты этих дуальных оппозиций также носят сложный характер. Так, например, семантическая оппозиция «ландшафт – климат» включает в свою левую часть наименования рельефа среды обитания (*поля, леса, горы, реки, озера, степь, пустыня*), пересекаясь с концептом «топонимы», а правая доминанта – «климат» (*жара, холод, осадки, бури* и др.) влияет на фауну и флору среды обитания, что влияет на характер деятельности и быта этноса (*еда, жилища, одежда* и др.).

Таким образом, **этническая языковая картина мира**, как и сам мир, представляет собой сложную организацию, где все элементы (*сообщество, личность, среда обитания*) взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Все эти блоки состоят из открытого множества дуальных оппозиций (макрокластеров), которые в свою очередь распадаются на более мелкие классы – микрокластеры. При таком подходе этнос, так же как и язык, представляет собой упоряд-

доченную систему, но систему иного типа. Вместо трёх языковых уровней (фонетика, лексика, грамматика) мы различаем три блока этнической языковой картины мира, каждый из которых состоит из открытого набора семантических оппозиций, включающих в себя как номинативные единицы языка (лексико-фразеологический уровень), так и речевые стереотипы различного вида (*паремии, формы этикета, клише*).

Это различие и определяет специфику их познания: **язык – снизу вверх** (фонетика → лексика → грамматика), а **этнос – сверху вниз** (блоки → дуализмы → доминанты → микрокластеры).

При таком подходе очень важно определить состав дуалистических оппозиций для каждого блока. Е.А. Карлинский выделяет 49 оппозиций, включающих всего 98 концептов доминант [Карлинский 2009 : 297]. Конечно, определить адекватный перечень дуализмов для каждого из трёх блоков – задача очень сложная. Так, А.С. Герд выделяет всего 16 доминантных признаков этноса. Например, поле «среда обитания» включает у него три признака: *биосфера, ландшафт, климат*. Автор считает, что этнос как система не может быть представлен во всей полноте своих признаков [Герд 2001 : 59]. В общем, с этим можно согласиться. Представленная нами модель этнической концептосферы не может, конечно, претендовать на исчерпывающий характер принципов анализа этноса посредством языковых данных, но она, как нам кажется, представляет собой некоторый шаг в нужном направлении.

Алгоритм анализа включает восемь шагов:

- 1). Определить этимологию доминант обеих частей оппозиции.
- 2). Опираясь на доминанты обеих частей семантических оппозиций (сначала левая, затем правая), определить при помощи различных типов словарей (синонимических, антонимических, идеографических, толковых, фразеологических, крылатых слов и выражений, этимологических и др.) всю совокупность фактов, связанных с данным концептом.
- 3). Представить отобранные таким образом языковые факты в виде двух колонок.
- 4). Выделить в каждой части оппозиции более мелкие семантические группы (мини-кластеры) и озаглавить их в соответствии с их семантической спецификой.
- 5). Определить существенные особенности этноса по совокупности этимологических и семантических данных исследуемого дуального кластера.

Полученная таким образом картина мира будет довольно полной, но **не идиоэтнической**, поскольку будет включать в себя и *общечеловеческие свойства этноса*.

Чтобы получить идиоэтническую, присущую только данному сообществу, концептосферу, необходимо использовать *сравнительно-сопоставительный (типологический метод)*. Для определения сходств и различий языковых этнических картин мира необходимо сделать ещё несколько шагов в процессе познания.

- б). На основе рассмотренных выше принципов провести анализ аналогичных кластеров в другом языке (языках).

7). Наложить стороны бинарных кластерных схем (сначала левую, потом правую) друг на друга и определить сходства и различия между концептосферами двух (и более) языков.

8). Подвести итоги. Только те признаки этноса, которые не будут совпадать в двух или нескольких языках, и можно назвать *идиоэтническими*, характеризующими данное сообщество как самодостаточное и оригинальное. А такие признаки имеются у каждого этнического сообщества.

В завершение уместно напомнить:

- среди различных направлений языкознания этнолингвистика находится ближе всего к современному прикладному языкознанию. Перед ней, как и перед прикладными науками, постоянно встают всё новые и новые виды конкретных практических задач. Сегодня никто не может предсказать всех типов задач, которые могут встать перед этнолингвистикой в будущем;
- специфика этнолингвистики проявляется в том, что при появлении новых и порой неожиданных проблем, именно она может предложить наиболее эффективные подходы и методы решения этих задач [Герд 2001; Мечковская 2004; Хроленко, Бондалетов 2006; Карлинский 2009 и др.].



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чем состоит сущность этнолингвистики как гибридной науки?
2. Какое место занимает этнолингвистика в кругу гуманитарных наук?
3. Охарактеризуйте основные течения в отечественной и зарубежной этнолингвистике.
4. Докажите, почему метод и методики этнолингвистики неизбежно должны быть комплексными.
5. Оцените предложенные методики, приёмы и процедуры этнолингвистики.
6. Прокомментируйте высказывания.

Народ и язык один без другого представлен быть не может (И.И. Срезневский).

Этническую принадлежность не выбирают, а наследуют (С.В. Чешко).

Язык есть исповедь народа; в нем слышится его природа, его душа и быт родной (П. Вяземский).

Народ – зодчий речи. Речь – зодчий народа (А. Вознесенский).

Литература для углубленного изучения

Аванесов 1982	Виноградов 2003	Здравомыслов 1969
Алпатов 1994; 2000	Герд 2001	Исаев 1998; 2001;
Арутюнов 2001	Гумбольдт 1984; 1985	2002
Белянин 2007	Гумилёв 1993	Кабакова 1993
Бенвенист 2002	Жирмунский 1954	Карлинский 2009
Вежбицкая 1996	Журавлёв 1994	Кибрик 2002

Копыленко 1995	Сепир 2001	Хроленко, Бондалетов 2006
Малинович 2003	Сусов 2006; 2007	Шпет 1989
Маслова 2001	Терехова 1986	Шухардт 1950-а;
Мечковская 1996;	Толстой 1963; 1995;	1950-б
2001; 2004	2001	Этнопсихолингвисти-
Пищальникова, Сонин 2009	Топоров 1995	ка 1988
Рождественский 2000	Трубачёв 1991	Ядов 1988
Сводеш 1999	Уорф 2001	Яковлева 1995
	Успенский 1997	

13.4. Метод и методики ареальной лингвистики¹

Ареальная лингвистика (<лат. *area* – «площадь, пространство») – лингвистическая наука, исследующая с помощью методов *лингвистической географии*² распространение языковых явлений (языков и диалектов) в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектовом) взаимодействии.

Ареальная лингвистика зародилась в лоне *диалектологии* в конце XIX-начале XX веков. В середине XX века методы и приёмы ареальной лингвистики вошли в состав исследовательского инструментария сравнительно-исторического языкознания нового периода.

Базовые концепты:

- **Ареал** (языковой или диалектный) – границы распространения отдельных языковых явлений и их совокупностей.
- **Изоглосса** (<греч. *isos* – «равный» и *glossa* – «язык, речь») – линия на географической карте, ограничивающая территориально распространение отдельного языкового факта (фонетического, морфологического, синтаксического или лексического).
- **Диалект** (<греч. *dialektos* – «разговор, говор, наречие») – разновидность языка, употребляемая в качестве общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью [ЛЭС 2002 : 32].

Территориальный диалект – разновидность языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными географически, территориально.

- **Территориальный говор** – самая мелкая ареальная разновидность языка. Это понятие в лингвистическом плане может служить достаточно надежным коррелятом при выделении микроэтнических объединений в рамках отдельного населённого пункта, группы семей.
- **Наречие** объединяет группу близких диалектов.

¹ Термин *ареальная лингвистика* был введён М. Дж. Бартоли и Дж. Видоси в 1934 году.

² *Лингвистическая география*, как и *ареальная*, выделилась из диалектологии в конце XIX века. Её появление и развитие связано с картографированием диалектных различий языков и созданием диалектологических атласов. Совокупность изоглосс на территории распространения данного языка, или «языковой ландшафт» является объектом изучения лингвистической географии [Вяч. Вс. Иванов 2002 (ЛЭС) : 268].

- **Историко-культурная зона** – определённое ареальное единство, которое складывается постепенно на определённой территории в условиях конкретного климата и ландшафта, и определяется физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими и собственно этническими факторами.
- **Языковой (диалектный) ландшафт** – ареал распространения языковых фактов, изображённых на лингвистической карте.



Метод лингвистической географии – совокупность методик, приёмов и процедур исследования, направленных на изучение территориальных распространений языковых явлений для выявления характера бытования и взаимодействия диалектов и решения вопросов происхождения индоевропейских языков (сущности праязыковой реальности) и языковых союзов.

Определяющим принципом при ареальном описании фактов взаимодействующих языков (диалектов) служит их *фронтальный охват*.

Объект изучения – языковые ландшафты (совокупность изоглосс на территории распространения данного языка).

Методика картографирования

Территориальная ограниченность языковых явлений может быть использована для постановки и решения различных лингвистических проблем. Решение этих проблем и составляет основное содержание лингвистической географии как особой отрасли лингвистической науки.

Лингвистическая география, как вообще всякая география, связана с картами. Изучаемое лингвистическое явление должно быть непременно изображено на карте, поэтому картографирование является как бы первой фазой исследования в лингвогеографическом плане.

Однако картографирование не является таким простым приёмом, как может показаться с первого взгляда. М. А. Бородина¹ справедливо замечает, что провести правильно изоглоссу – работа столь же ответственная, как и правильно прочесть карту. Трудность эта объясняется тем, что картографирование не является самоцелью лингвогеографических исследований. Результаты картографирования всегда подвергаются интерпретации, которая может варьировать в зависимости от характера поставленной конкретной задачи. Разумеется, что и приёмы картографирования также в значительной мере будут находиться в зависимости от конечной цели исследования.

Так, например, диалектолог в первую очередь будет обращать внимание на так называемые *пучки изоглосс*, проблема архаизмов и инноваций будет его интересовать в значительно меньшей степени; специалист по исторической диалектологии будет картографировать только инновации; лингвист, изучающий результаты влияния субстратов, будет картографировать лишь те явления, которые нельзя объяснить как результаты развития языка суперстрата, и т. д.

¹ Бородина А.М. Проблемы лингвистической географии. – М.: Л., 1966.

Картографирование требует определённой предварительной подготовки, связанной со *сбором языкового материала*, подлежащего картографированию. Если речь идёт об изучении диалектов, то прежде всего необходимо решить следующие вопросы: выбор пунктов для составления так называемой сетки, которая может быть более плотной или менее плотной, принцип отбора пунктов, определение характера опроса информантов (прямой или анкетный метод), подбор информантов, предусматривающий такие критерии, как возраст, социальное положение, профессия, происхождение, срок проживания в данной местности и т. д.

Принципы составления анкет в случае опроса *анкетным методом*, установление методики проведения изоглосс с особо затруднительных случаях, принципы создания фонетической транскрипции, методика использования различных источников, методика сбора материала в районах поздней колонизации, проблема системного описания диалектных явлений, принципы паспортизации диалектного материала, принципы членения диалектического атласа, выработка системы условных знаков обозначения лингвистических явлений на карте, – все эти вопросы, связанные главным образом с технической стороной диалектических исследований, хорошо известны специалистам-диалектологом. Поэтому нет необходимости останавливаться на них подробно. Подготовка предварительных данных для решения других проблем будет в известной степени отличаться, но она также будет относиться к технике лингвогеографических исследований.

Таким образом, каждое лингвогеографическое исследование предполагает три основных этапа работы: 1) подготовка языкового материала; 2) картографирование; 3) интерпретация карт.

Все проблемы, которыми обычно занимается лингвистическая география, в основном связаны с двумя аспектами изучения языковых явлений – аспектом синхроническим и аспектом диахроническим. Правда, не во всех конкретных случаях можно провести строгую демаркационную линию, поскольку некоторые проблемы требуют комбинированного подхода, но в общих чертах такая классификация аспектов возможна.

Методика картографирования применяется в диалектологии, лингвогеографии и ареальных исследованиях.

Само по себе простое сопоставление изоглосс с историческим картографированием изучаемого материала не может служить достаточным основанием для установления достоверного соотношения разных проявлений данного языкового явления определённой эпохи на обследуемой территории. Поэтому в качестве заключительных приёмов следует использовать: 1) приём культурно-исторической интеграции и 2) текстологический приём.

Приём культурно-исторической интерпретации опирается на использование данных этнографии и археологии. Процедурными шагами этого приёма являются:

- этнографическая группировка языковых явлений;

- выделение и описание этнографизмов – слов и фразеологизмов, указывающих на этнографическую специфику данного языка;
- сопоставление изучаемого языкового явления с археологическими данными о его проявлениях в надписях на предметах материальной культуры;
- осмысление результатов сопоставления в соответствующем культурно-историческом контексте.

Текстологический приём направлен на изучение истории анализируемого текста, разграничение основного текста и отдельных его списков, редакций, установление авторства и хронологизация основного текста и его списков. Применяемые методы зависят от времени и сохранности текста.

В конечном счёте с помощью культурно-исторической интерпретации можно установить имеющиеся связи между историей языка и историей соответствующего этноязыкового сообщества.

О проблемах современной уральской лингвистической географии [см.: Демидова 2011 : 83-98]¹.

Таким образом, ареальная лингвистика, будучи изначально исторической наукой, значительно расширяет эвристические возможности сравнительно-исторического метода.

Во-первых, методики и приёмы ареальных исследований позволяют выявить пределы территориального распространения того или иного языкового явления и обозначить их на географической карте в виде изоглосс.

Во-вторых, методики и приёмы ареальной лингвистики помогают решать задачи конструирования парадигм, устанавливая относительную хронологию изучаемых явлений.

В-третьих, сопоставительное исследование изоглосс служит ретроспективному изучению праязыка во всем его диалектном многообразии. Разъясняя характер, направление и взаимодействие изоглосс, учёные получают возможность с помощью внутренней реконструкции восстановить пути развития и взаимодействия целых народов, их языков и культур.



Вопросы и задания для обсуждения

1. В каком соотношении находятся сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая география и ареальная лингвистика?
2. Почему метод ареальной лингвистики должен быть комплексным?
3. Как сочетаются и в чем дополняют друг друга методики картографирования, приём культурно-исторической интерпретации и текстологический приём?
4. В чем состоит значение ареального метода?

¹ О методике определения инноваций и архаизмов; определения центров распространения языковых явлений; определения ареалов распространения диалектов праязыка см.: Михалёв 2008 : 88-90.

Литература для углублённого изучения

- | | |
|----------------------------|------------------------------|
| Алефиренко 2009-б | Михалёв 2008 |
| Бородина 1966 | Нерознак (ЛЭС) 2002 |
| Герд 2001 | Общее языкознание 1973; 1970 |
| Демидова 2011 | Почепцов 1990 |
| Иванов Вяч. Вс. (ЛЭС) 2002 | Рождественский 2000 |
| Исаев 2003 | Рус.яз.: энциклопедия 2003 |
| Кибрик 2002 | Сусов 2006 |
| Кодухов 1974 | Толстой 1995; 2001 |
| Макаев 1964; 2004 | Хроленко, Бондалетов 2006 |
| Мейе 1938 | |

13.5. Метод и методики психолингвистики

Психолингвистика¹ – лингвистическая наука, сложившаяся на стыке *психологии, лингвистики и речеведения*, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесённости с системой языка, т. е. изучает сложный триединый комплекс деятельности человека: *мыслерече-языковой деятельности*. Как гибридная наука *психолингвистика* по предмету исследования близка к лингвистике, а по методам – к психологии.

Психолингвистика была вызвана появлением новых практических задач, для решения которых оказался недостаточен аппарат «чистой» лингвистики и традиционной психологии. Активная разработка психолингвистических проблем ведётся в Германии, Франции, Польше, США, России и других странах. В истории мировой психолингвистики различают три основных направления: *ассоциативное, трансформационное и деятельностное*.

Основателями ассоциативной² психолингвистики является Чарльз Осгуд, который в качестве исходной позиции использует *необихевиоризм* – учение, согласно которому поведение человека рассматривается как система реакций на стимулы, поступающие из внешней среды. Заслугой Ч. Осгуда является разработка его многоцелевого метода «семантического дифференциала», позволяющего оценивать любой стимул: от отдельного звука до связного текста.

Вторая концепция – это концепция Джорджа Миллера и Ноама Хомского, базирующаяся на теории *порождающей трансформационной грамматики*³.

Детищем отечественной науки является речедетельностная психолингвистика, становление которой связано прежде всего с именем *Льва Семеновича Выготского* (1896-1934). Эта концепция лишена тех крайностей, которые присущи зарубежной психолингвистике: с одной стороны, учитывая биологическую природу человека, она уходит от вульгарного социологизма; с

¹ Термин *психолингвистика* вошел в научный обиход с 1954 года после опубликования в США коллективной работы под руководством Чарльза Осгуда и Джона Кэрролла для придания официального статуса уже существовавшему научному направлению.

² *Ассоциация* (в психологии) – это связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое. Например, *ассоциация по сходству*.

³ См. раздел 12.2.5.

другой, основываясь на социальной сущности носителя языка, она уходит от какого-либо господства идей бихевиоризма [Алефиренко 2009-а : 167].

Основатель отечественной психолингвистики *Алексей Алексеевич Леонтьев* (р. 1936) сформулировал шесть постулатов психолингвистики, из которых мы назовём два основных.

Постулат первый. Единицей психолингвистического анализа является не «элемент», т. е. не статический коррелят той или иной языковой единицы в психике носителя языка, а элементарное *речевое действие* и *речевая операция* (в предельном случае – акт речевой деятельности).

Постулат второй. Эта единица психолингвистического анализа трактуется в *деятельностной парадигме*, т. е. исходное речевое событие характеризуется деятельностным фреймом (схемой). Иначе говоря, эта единица, эта минимальная «клеточка» речевой деятельности должна нести в себе все основные признаки деятельности. Такими признаками являются:

- *предметность деятельности*, которая заключается в том, что она направлена на окружающую человека действительность;
- *её целеустремлённость*, когда любой акт деятельности характеризуется конечной, а любое действие промежуточной целью, достижение которой, как правило, планируется субъектом заранее;
- *её мотивированность*; акт любой деятельности всегда полимотивирован, т. е. побуждается одновременно несколькими мотивами, слитыми в одно целое;
- *иерархическая («вертикальная») организация* деятельности, включая иерархическую организацию её единиц;
- *фазная («горизонтальная») организация* деятельности [Леонтьев 1967: 66].



Итак, психолингвистический метод – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур исследования, используемых для изучения языка как феномена психики – человеческого измерения языка и речи и роли языка в структурировании мира, с целью оптимизации деятельности человека в окружающем его социальном мире.

Цели и задачи психолингвистических исследований, как и других междисциплинарных областей, носят многовекторный характер:

- 1) *производство (порождения) речи* в индивидуальном речевом акте;
- 2) *восприятие речи* в индивидуальном речевом акте;
- 3) *формирование речи* в процессе онтогенеза человека;
- 4) анализ процессов становления и функционирования *языкового сознания* как системы образов действительности, получающих своё языковое «овнешнение» (термин Е.Ф. Тарасова) в речевой деятельности человека как носителя сознания;
- 5) модели речевой (психолингвистической) деятельности индивида;
- 6) экспериментальная проверка созданных моделей речевой деятельности индивида;
- 7) текст как объект психолингвистики;

8) особенности процессов и средств общения разных этносов (этнопсихолингвистика);

9) патологические отклонения в формировании и протекании речевых процессов в условиях несформированности или распада личности;

10) психолингвистические единицы восприятия речи;

11) этапы порождения и понимания речевого высказывания;

12) психолингвистические основы обучения языку (родному и иностранному);

13) речевое воспитание дошкольников и вопросы логопедии;

14) прикладные аспекты психолингвистики (судебная психолингвистика; язык и гендер; автоматический анализ текста; теория и практика искусственного интеллекта, язык и речевое воздействие);

Первые четыре *объектно-предметные области* из 14 обозначенных, по существу, составляют *обобщенный предмет*, на который направлен метод, – «человеческое измерение языка и речи, и роль языка в структурировании мира» [Белянин 2007 : 11]¹.

Основные концепты:

- **Производство речи** – заключается в том, что говорящий по определённым правилам переводит свой замысел в речевые единицы конкретного языка.
- **Восприятие речи** – представляет собой процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний, при этом уровень восприятия отражает как последовательность обработки речевых сигналов, так и уровень характер построения речевых сообщений.
- **Формирование (онтогенез) речи** – освоение речи ребёнком представляет собой процесс постижения мира в процессе общения с людьми и благодаря присвоению знаков языка и превращению их во внутренние символы мышления.
- **Испытуемый** – это субъект, который, будучи носителем языка одновременно является и экспертом в области его употребления и при этом косвенно сообщает экспериментатору информацию о фрагментах своего языкового сознания², т. е. психолингвистика принимает *факт субъективной интерпретации* носителем языка языкового материала не как *фактор помехи*, а как *факт, подлежащий научному анализу* [Белянин 2007 : 129].
- **Психолингвистический эксперимент** – это активный метод эмпирического познания процессов речевой деятельности, как правило, в искусственно созданных условиях с привлечением испытуемых и под контролем экспериментатора [Карлинский 2009 : 84].

¹ Сравните более развернутые формулировки обобщенного предмета психолингвистики: «соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1997]. Е.С. Кубрякова подчеркивала, что «когнитивную психологию трудно охарактеризовать вне рассмотрения психолингвистики [Кубрякова 1996 : 66], в которой «в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой».

² Особенностью метаязыка отечественной психолингвистики является то, что в нём используется как одно из базовых понятий понятие *испытуемый*, а не *информант* [Белянин 2007 : 129].

- **Интериоризация** в речедеятельностной психолингвистике – это переход от внешней, *интерпсихологической*, социальной деятельности, к внутреннему, *интрапсихическому*, знаковому, индивидуальному по форме, но социальному по сути, т. е. сфера пересечения психолингвистики и когнитивной лингвистики [Выготский 1982; Жинкин 1974; Леонтьев 1967; Тарасов 1987; Белянин 2007; Алефиренко 2009-б и др.]

Методы и методики

Поскольку обобщенный предмет психолингвистики, как и психологии – происхождение и функционирование отражательной способности (а точнее, по Е.С. Кубряковой, – мирозозидающей) человека [Белянин 2007 : 218; Кубрякова 2009], то такая абстрактная, идеальная сущность обусловила, во-первых, господство общенаучного метода моделирования, а для проверки выдвигаемых гипотез и создаваемых моделей – общенаучного метода эксперимента, которые уже описаны в этом пособии¹ и широко освещаются в психолингвистической научной литературе, потому не повторяясь, лишь напомним о том, что любой общенаучный метод, экстраполируясь в какую-то конкретную, предметную область, неизбежно модифицируется.

Так, следует подчеркнуть, что психолингвистика, безусловно, в значительной степени опирается на данные *лингвистических анализов*, но рассматривает их как только *промежуточные данные*, требующие психолингвистической проверки.

По словам А. А. Леонтьева, «разделение труда» между лингвистом и психологом (психолингвистом) в исследовании речевой деятельности таково: лингвист изучает то, **что усваивается**, а психолог изучает психические корреляты лингвистической модели и процессы, происходящие в сознании человека при усвоении, восприятии или продуцировании лингвистической модели, т. е. то, **как** говорящие в действительности конструируют и понимают **слова, предложения, тексты, дискурсы**.

Именно это и создаёт модификации названных методов. К тому же, современная психолингвистика использует, кроме этих двух методов, значительное число других психолингвистических методик.

В завершении перечислим эти **методы и методики**:

- *модели* порождения, восприятия, онтогенеза речи;
- *ассоциативный эксперимент (свободный, направленный, цепочечный)* как наиболее разработанная методика анализа психосемантики;
- *метод семантического дифференциала* и как метод психолингвистики, и как методика экспериментальной психосемантики [Серкин 2004];
- *методика дополнения* состоит в деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления; используется как диагностика речевого и неречевого поведения испытуемых;

¹ См. разделы 9.1 и 9.2.2 пособия.

- *методика заканчивания предложения* служит для понимания механизмов синтаксической организации речи;
- *методы косвенного исследования психосемантики* для установления семантических расстояний между объектами в высказываниях;
- *градуальное шкалирование*, при котором испытуемым предлагается расположить ряд слов одной семантической группы «по порядку», используется для выявления альтернативных семантических пространств, которые не даются в словарях;
- *методика определения грамматической правильности* (по примеру Л.В. Щербы о *глокой куздре...*), которая позволяет получить статистически достоверный материал с позиции носителей языка;
- различные *опросники*, чаще пилотажные, т. е. направленные на отбор материала для дальнейших экспериментов, а также *тесты*¹;
- *методика прямого толкования слова*, служащая для выявления в обыденном сознании рядового носителя языка сложной картины соотношения лексического значения и внутренней формы слова;
- *методики различных классификаций* (разбить материал на группы...), позволяют обнаружить когнитивные процессы испытуемых и др.²

Итак, обозначенные и необозначенные методики психолингвистических исследований свидетельствуют о том, что в наши дни исследования ориентированы не на стереотипные, а на продуктивные и творческие возможности речи, «формулы» для которых ещё только предстоит создать» [Белянин 2007 : 29].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Почему возникла теоретическая и практическая необходимость в развитии психолингвистики как науки?
2. Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «Идеи В. фон Гумбольдта и психолингвистика».
3. Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «Идеи Б. де Куртене и психолингвистика».
4. Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «Идеи А.А. Потебни и психолингвистика».
5. Проанализируйте в доступной Вам литературе дефиниции понятия «психолингвистика». Почему их существует множество? Составьте собственную дефиницию, отражающую Ваши представления о психолингвистике как науке?
6. Охарактеризуйте основные теоретические источники по психолингвистике.
7. Каковы основные течения мировой психолингвистики?

¹ Основные требования к достоверности и валидности тестов см.: Карлинский 2009 : 85-87.

² В учебном пособии Владимира Павловича Серкина даётся свыше 18 методик моделирования систем значений как *структур субъективного опыта* психосемантики [Серкин 2004].

8. В чем состоит специфика отечественной психолингвистики?
9. Что Вы понимаете под психолингвистическим методом?
10. Какова объектно-предметная специфика психолингвистического метода?
11. Как Вы думаете, почему цели и задачи психолингвистического метода имеют многовекторный характер?
12. Ознакомьтесь с темой «Производство речи» по учебнику В.П. Беянина [2007 : 69-86] и покажите сходства и различия в существующих моделях производства речи.
13. В чем заключается сущность восприятия речи слушателем или читателем?
14. Почему, возникнув в рамках психолингвистики как учение об онтогенезе речи, в наши дни онтолингвистика обретает статус самостоятельной дисциплины?
15. Может ли психолингвистика быть не экспериментальной наукой?
16. В чем состоит психолингвистическая сущность процессов интериоризации и экстериоризации (сфера пересечения психолингвистики и когнитивной лингвистики)?
17. Прокомментируйте высказывания:

Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и различных самих мировидениях (В. фон Гумбольдт).

Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершенствуется в слове (Л.С. Выготский).

Мозг является своеобразным микрокосмом, правильное функционирование которого является условием познания и овладения космосом, теперь раскрытым перед человеком (В. Дорошевский).

Литература для углублённого изучения

Апухтин 1977	Гумбольдт 1984; 1985	Манаенко 2008-а
Ахутина 1975; 1989	Жинкин 1974; 1982;	Осгуд 1972
Б. де Куртенэ 1963	1998	Основы теории речевой деятельности 1974
Белоусов, Блазнова 2005	Залевская 1990; 1996	Пиаже 1969; 1983-а,б
Беянин 2007	Иванова 1995	Пинкер 2009
Борботько 2009	Кацнельсон 1984;	Пищальникова, Сонин 2009
Васильев 1977	1986; 2001	Потебня 1993; 1999
Выготский 1982; 2007	Красных 2001	Психолингвистика 2003
Головин 1983	Леонтьев А.А. 1967;	Рубинштейн 2004
Горелов, Седых 1997	1969; 2001	
Гридина 1996; 2003	Леонтьев А.Н. 1975;	
	2000	

Сахарный 1989
Сернин 2004
Тарасов 1987
Уорф 2001
Фрумкина 2001
Фундаментальные
1997

Хомский 1972
Цейтлин 2000
Чейф 1983
Человеческий 1991-а,б
Чистович 1966
Шабес 1989
Шахнарович 2007

Щерба 1974
Этнолингвистика 1988
Языковое 2000
Якобсон 1985

13.6. Метод и методики нейролингвистики

Нейролингвистика, биологическая лингвистика¹ – лингвистическая дисциплина, возникшая на стыке *неврологии (нейрофизиологии)* и *лингвистики* и изучающая систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения человека, т. е. изучает психофизиологический механизм языкового отражения действительности. В последние десятилетия актуальными стали исследования обратной связи – влияние речи на протекание физиологических процессов.

Нейролингвистика возникла из потребностей клинической практики для решения клинических задач.



Нейролингвистический метод – это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, направленных на комплексное изучение языкового поведения человека.

Объектами изучения являются 1) все виды *афазий*²: *динамическая*, которая имеет синтагматическую природу, при нарушении передней речевой зоны; 2) *семантическая* – затруднения в построении смысловой схемы высказывания; 3) *синтаксическая* – аграмматизм, затруднения в грамматической организации высказывания и *эфферентная, моторная* – затруднения в моторной кинетической организации речи; 2) **неафатические** расстройства речи (*речевые агнозии, апраксии, дизартрии, алексии и опрафии*)³.

Предметом изучения являются корреляции между теми или иными видами расстройств речи и функциональными центрами коры головного мозга.

Иначе говоря, **предметом изучения** являются *психофизиологический механизм* языкового отражения действительности (в том числе распознавание ре-

¹ Возникновение нейролингвистики как науки относят к 1861 году, к моменту опубликования парижским хирургом и анатомом Брока его труда, посвященного моторной афазии.

² А ф а з и я (греч. *aphasia* < *a* – «не, без» + *phasis* – «высказывание, речь») – полная или частичная утрата способности говорить и понимать слышимую речь вследствие поражения головного мозга.

³ А г н о з и я (греч. *a* – «не без» + *gnosis* – «знание, познание») – нарушение деятельности коры головного мозга, состоящее в неузнавании предметов и явлений.

А п р а к с и я (<греч. *apraxia* – «бездействие») – нарушение способности производить целенаправленные движения в результате поражения высших отделов коры головного мозга.

А л е к с и я (лат. <*a* – «не без» + *lexis* – «слово») – потеря способности читать вследствие очагового поражения головного мозга; часто сопровождается потерей способности писать (*аграфия*) и нарушением речи (*афазия*).

Д и з а р т р и я (лат. *dis* – «раз» + греч. *arthroō* – «расчленяю») – расстройство речи, выражающееся в затруднённом произношении отдельных слов, слогов и звуков.

чи), механизмы интеграции знаковых комплексов, поступающих от разных анализаторов мозга и процессы языковых обобщений.

При этом учитывается функциональная асимметрия полушарий мозга, обуславливающая преимущественную локализацию языковых обобщений и мышления в языковых понятиях в левом (доминантном) полушарии, а конкретно-образного мышления – в правом (субдоминантном) полушарии.

Специфика объекта и предмета исследования обусловила основную методику нейролингвистики – **наблюдения в клинических условиях** за больными, страдающими от разного рода речевых нарушений, которые связаны с дисфункцией центральной нервной системы. Такая работа позволяет связать речевой механизм с конкретными зонами человеческого мозга.

Успех наблюдений зависит от тщательно продуманных и грамотно организованных заданий, предлагаемых больным. Разными, например, будут результаты деятельности одного и того же пациента при монологической и диалогической речи, при рассказе и пересказе, при устной и письменной формах изложения.

Более того, практика наблюдений в клинических условиях показала необходимость строго **системной** работы, рассчитанной на успех.

Так, в нашей стране эти наблюдения базируются на концепции о *системном строении высших психических функций человека*, разработанной **Александром Романовичем Лурия** (1902-1977). Это помогло привлечь лингвистический аппарат не только для изучения расстройств языкового поведения, но и для изучения их патогенеза.

По мере углубления самой науки и усовершенствования технических средств, приборов, инструментов и реактивов для наблюдения за активностью головного мозга возникают новые **приёмы**:

– *отображение магнитного резонанса*, построенного на использовании мощных электромагнитов, позволяющих регистрировать колебания плотности атомов водорода и получать на этой основе картины (с высоким разрешением!) функциональной активности мозга;

– *аксиальной томографии*, в котором используется вращающийся вокруг головы испытуемого рентгеновский аппарат, а полученные данные обрабатываются с помощью компьютеров;

– *позитронной эмиссионной томографии*, который даёт возможность фиксировать церебральный (внутричерепной) кровоток, благодаря введению в кровеносное русло испытуемого радиоактивного вещества и последующему отслеживанию его перемещений во время выполнения различных действий, в том числе и речевых;

– *стереотаксический приём* – введение микроинструментов строго в заданные структуры мозга с лечебными и диагностическими целями, например, для записи биоэлектрических потенциалов клеток;

– *электростимуляция* определённых участков мозга;

– *унилатеральная электрошоковая терапия* – временная инактивация одного из полушарий, которая позволяет получить спектр явлений, контролируемых левым или правым полушарием;

– *дихотомическое прослушивание* – одновременная двуканальная рецепция (восприятие) различных слуховых стимулов, что позволило выявить, что правое ухо более способно к точному узнаванию звуков речи, в то время как левое эффективно различает другие звуки;

– *нейрохирургическая практика* также является важным источником нейролингвистических обобщений.

Наконец, в наши дни на основе синтеза нейролингвистики, психоллингвистики, прагматики, когнитивной науки и психоанализа возникла теория и технология **нейролингвистического программирования (НЛП)**¹, целью которого является изучение и применение способов оптимизации через речевое воздействие функционирования коры головного мозга, отвечающей за сознание, и центров, несущих ответственность за сферу подсознания.

НЛП базируется на ряде принципов:

- Возможность выбора лучше, чем его отсутствие;
- Люди всегда делают наилучший выбор, доступный им в данный момент;
- Люди располагают всеми необходимыми ресурсами, им нужно лишь найти доступ к этим ресурсам в соответствующем месте и времени;
- Нет поражений, есть возможность получить новый опыт. Нет проблем, есть только задачи, которые надо решать;
- Можно достичь всего, если разбить задачу на достаточно мелкие части, и др. [Белянин 2007 : 203-204].

Практически каждое из этих положений имеет свою физиологическую и лингвистическую основу. Например, *принцип разбиения задачи* подразумевает обращение к риторике и тактикам ведения переговоров. В число ресурсов личности при этом включается и язык в целом, и речевые структуры, использованные нами в повседневной речи.

Говоря обобщенно, нейролингвистическое программирование изучает субъективный опыт, паттерны, или «программы», созданные взаимодействием мозга (*нейро*), языка (*лингвистическое*) и тела, которые обуславливают как эффективное, так и неэффективное поведение.

Предлагаемые техники реально используются в различных областях профессиональной коммуникации, включая психотерапию, бизнес, юриспруденцию, рекламу, политику [Белянин 2007 : 207].

Таким образом, нейролингвистические исследования позволяют проникнуть в биологический субстрат языка, понять процессы глоттогенеза, функционирования и развития человеческого языка, поскольку нейрофизиологические (а по существу – биологические) аспекты образуют субстрат языка, обеспечивая его длительное хранение как целостной системы знаний, как языковой спо-

¹ Возникнув в 1972 году в Калифорнии (США), нейролингвистическое программирование быстро завоевало популярность как более или менее доступный набор явно указанных навыков и техник речевого и неречевого взаимодействия.

способности в памяти индивида и функционирование этой системы в коммуникативной и познавательной деятельности человека.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Когда и почему (для чего?) возникла нейролингвистика?
2. В чем состоит сущность метода нейролингвистики?
3. Охарактеризуйте понятийно-терминологический аппарат нейролингвистики.
4. Какими по существу являются методики, приёмы и процедуры нейролингвистического метода?
5. В чем состоит значение нейролингвистических исследований для лингвистики?
6. Как Вам представляется будущее нейролингвистики как науки?

Литература для углублённого изучения

Анохин 1978	Выготский 1982; 2007
Баранов 2001	Гируцкий 2001
Белянин 2007	Лурия 1979
Апухтин 1977	Павлов 1962
Ахутина 1975	Пищальникова, Сонин 2009
Белянин 2007	Роговин 1988
Бехтерова 1974	Сусов 2006; 2007
Винарская 2007	Фрейд 1989; 1998
Винарская, Кузнецов (ЛЭС) 2002	Щерба 2007

13.7. Метод и методика паралингвистики

Паралингвистика¹ (<греч. *para* – «около» + лингвистика) – языковедческая дисциплина, изучающая невербальные, неязыковые средства (*фонационные, кинетические, графические*) включённые в речевое общение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию. Паралингвистические средства являются функциональным компонентом речевой деятельности, релевантным для каждого конкретного речевого общения [Колшанский 2010 : 32].

В настоящее время паралингвистика утвердилась как отрасль языковедческой науки, занимающаяся сферой несловесной коммуникации [Там же : 6].

¹ Термин паралингвистика был введён в обиход в 40-е годы XX века американским лингвистом А.А. Хиллом. Но институционализация паралингвистики произошла в 60-е годы [Николаева (ЛЭС) 2002 : 367]. В наши дни термин имеет два основных значения: 1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию; 2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [Там же : 367] – п а р а я з ы к [Ахманова 2007 : 311]. Этот термин в наши дни оказался мало востребованным, хотя, видимо, напрасно, поскольку он терминологически точен и лапидарен.

По данным современной коммуникологии, в процессе коммуникации информация передаётся словами лишь на 7%, характером звучания и интонацией – на 38%, остальные 55% – невербальными способами общения [Шарков 2009 : 276].

Эти данные, с одной стороны, подчеркивают, какую значительную роль имеет параязык (паралингвистические средства) в реальной коммуникации, а с другой, – сложную структуру реальной коммуникации, в которой достаточно трудно из всего комплекса неслесной коммуникации вычленить именно параязык.

Исходя из этого, определение границ паралингвистики – это первая проблема. Особенно сложно провести «достаточно чёткую границу между паралингвистикой и разнообразными экстралингвистическими явлениями... в ситуации общения» [Ахманова и др. 1974].

Для этого важны два критерия: 1-ый критерий: «паралингвистические факторы затрагивают лишь конкретное высказывание, участвуя в формировании однозначного сообщения» [Колшанский 2010 : 15] и 2-ой критерий: паралингвистические средства – это лишь те функциональные компоненты речевой деятельности, которые являются релевантными для данного конкретного речевого общения, т. е. необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации [Там же : 32].

К нашим дням, хотя и не бесспорно, к параязыку отнесены три основные типа паралингвистических средств:

1) *фонационные*: тембр речи, её темп, громкость, типы заполнителей пауз, мелодика речи, особенности произношения звуков речи (диалектные, социальные, идиолектные)¹, распределение ударений и пауз, т. е. всё то, что как-то связано с артикуляцией звуков речи.

2) *кинетические компоненты* (<греч. *kinetikos* – «связанный с движением»): жесты [Балли 1953; 1955], тип выбираемой позы, мимика, движения органов чувств.

3) *графические*: графическая сегментация текста, его расположение на странице, шрифтовой и красочный набор, типографические знаки и цифры, необычное написание букв, нестандартная расстановка знаков препинания, иконические знаки (рисунки, фотографии, таблицы, схемы), даже цвет бумаги; этот список не является жестко фиксированным [Анисимова 1992; Сорокин 1990; Педагогические речеведение 1998; Белянин 2007].

Чрезвычайно велика в нашей речи роль интонации. Недаром говорят: важно не то, *что* говорят, а то, *как* говорят: «Письменное искусство, хотя и очень разработанное грамматически, совершенно беспомощно, когда надо передать интонацию, так, например, есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет» и только один способ это написать»².

¹ Г. Гегель писал: «Звуки способны вызвать в нас соответствующие настроение. Преимущественно это справедливо относительно человеческого голоса; ибо этот последний представляет собой главный способ, посредством которого человек может обнаружить своё внутреннее существо; то, что он есть, он влагает в свой голос» [Гегель 1975 : 117].

² Шоу Б. Избранное. – М., 1953. – С. 14.

М. М. Бахтин заметил, что «интонация всегда находится на границе словесного и не-словесного, сказанного и не-сказанного, что именно в интонации говорящий соприкасается со слушателями» [Цитируется по: Волошинов 1993 : 69]. А по образному выражению Шарля Балли, интонация – это постоянный комментатор мысли [Балли 2001-б : 315].

В речи велика смысловая нагрузка пауз. Не случайно ещё Цицерон заметил: «Самый сильный крик содержится в молчании»¹. Как известно, Андрей Белый впервые ввел «издательские жесты» в поэзию: язык пробелов и лесенки слов².

Все три группы паралингвистических средств, объединяются в параязык ещё одним признаком – функционально-компенсирующим характером этой семиотической системы [Колшанский 2010 : 71], т. е. наличием определенных функций:

- дополнение речевой коммуникации («Хочешь пойти с нами?» – «Да!» и утвердительный жест);
- замещение какого-либо пропущенного члена речевой коммуникации («Хочешь пойти с нами?». В ответ отрицательный жест);
- репрезентация эмоционального состояния и подсознательных устремлений субъекта коммуникации (Эффект картины Эдварда Мунки «Крик»);
- отношение двойного кодирования³.

Эта многоаспектность параязыка осложняется ещё и тем, что некоторые паралингвистические компоненты имеют универсальную природу, какие-то – этнолингвистическую; какие-то – идиолектную.

Потому изучение параязыка проводится историками культуры, психологами, антропологами, социолингвистами, филологами и другими специалистами. Иначе говоря, паралингвистика имеет междисциплинарный характер.

Итак, **метод паралингвистики** – это междисциплинарный и междигмальный синтез методов, методик и приёмов, направленный на изучение параязыка для передачи полного, комплексного (поликодового)⁴ содержания коммуникации.

Целью паралингвистического исследования является «выделение и анализ паралингвистических элементов, служащих опорой для эксплицитного развёртывания конкретного высказывания в условиях реального общения [Колшанский 2010 : 20].

¹ Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М., 1998.

² Пронников В.А., Ладанов И.Д. Язык мимики и жестов. – М., 2001.

³ Вербальное сообщение ясно и вполне однозначно может интерпретироваться адресатом, а визуальный компонент передаёт то же самое содержание параллельно с языковым кодом, усиливая его воздействующий эффект. Например, обложка немецкого журнала «Der Spiegel» (2008) анонсирует редакционную статью в современных реалиях российской столицы. Вербальный компонент обложки «Алчность и мания величия метрополии миллиардеров» поддерживается картинкой, изображающей декольте, увешенное массивными золотыми цепями с символами российской столицы (звезда кремлёвской башни, собор Василия Блаженного) и атрибутом красивой жизни (дорогая машина).

⁴ Термин поликодовый предложен В.Е. Чернявской для изучения коммуникации с широкой семиотической позиции, для передачи полной информации с помощью разных семиотических систем: вербальных и невербальных знаков [Чернявская 2009; 2010 : 113-124].

Задачи:

- изучить типы невербальных средств и их включенность в реальную коммуникацию;
- установить, какой тип информации вносят паралингвистические средства в вербальный контекст;
- исследовать функции невербальных средств в общем контексте речепроизводства с учётом поликодовости коммуникации;
- определить способы взаимодействия вербальных и невербальных средств коммуникации и другие.

При этом в самой лингвистике паралингвистика теснейшим образом связана, прежде всего, с коммуникативно-прагматической парадигмой. Более того, если исходить из сущности параязыка как функционально компонента речевой деятельности человека, то его следует считать явлением внутренне присущим коммуникативно-прагматической парадигме. Следовательно, параязык изучается, прежде всего, в русле коммуникативно-прагматического метода

А поскольку субъект коммуникации является членом определённого социального, этнического и языкового сообщества, то при изучении параязыка привлекаются *социолингвистические, этнолингвистические, психолингвистические, лингвокультурологические* (для изучения невербальных маркёров культур и субкультур) методы и методики названных и других частных парадигм лингвистики.

Субъект коммуникации, участвуя в дискурсивной деятельности, опирается на все внешние (экстралингвистические) и внутренние контексты социального бытия речевого общения¹, в связи с чем используется *когнитивно-коммуникативный* метод и методики.

Сбор материала осуществляется чаще методом *наблюдения* с использованием свето- и звукозаписывающей аппаратуры, а так же другие эмпирические методики и приёмы.

Широко используется *описательный метод* для паралингвистических проблем, а для верификации применяются экспериментальные и лингвостатистические методики.

При этом само описание невербальных знаков представляет значительную сложность [Карлинский 2009 : 105], а потому проблема совершенствования метаязыка описания остаётся насущной.

Схема анализа паралингвистических средств художественного текста² может быть следующей:

анализ графической формы художественного текста:

- определить характер фактуры визуального текста – начертание (почерк, шрифт, набор, рисунок, орнамент, особенности орфографии, графические повторы и т. д.), окраску (цветовое выражение графем и графических единств);

¹ См. раздел 12.4.1 пособия.

² Эти схемы с известной долей модификации можно использовать и для анализа других типов текстов.

- выделить и охарактеризовать единицы графики (графемы, графическое единство, графический рисунок, фигура, графический орнамент, авторская орфография и пунктуация);
- определить функциональный тип графики (выделительная, декоративно-изобразительная, конструктивная графика);
- установить связь данного функционального типа графики с речевыми и другими паралингвистическими средствами;
- выявить визуальные смыслы текста и сопоставить их с общетекстовыми средствами;
- установить, является ли графическое средство доминирующим или сопутствующим в выражении художественного смысла;

анализ дикции:

- произвести фонетическую транскрипцию анализируемого фрагмента или всего текста;
- произвести артикуляционный анализ звуков, составляющих фонетические стыки слов во фразе или стихе;
- выявить нарушение фонетической сочетаемости на стыках слов;
- сделать вывод о степени благозвучности, чистоте дикции анализируемого текста;

графический анализ поэтического ритма:

- составить метрическую схему строфы или всего стихотворения;
- выявить и отметить отступления от канонического метра;
- оценить полученные геометрические фигуры по количеству углов;
- определить участки замедления и ускорения поэтического ритма данного стихотворения;
- оценить индивидуальный поэтический ритм;
- соотнести особенности индивидуального поэтического ритма с интонационной спецификой текста;

анализ индивидуально-авторской интонации в художественном тексте:

- выявить материальные знаки выражения индивидуально-авторской интонации;
- выявить в тексте синтаксические особенности индивидуально-авторской интонации;
- выделить в тексте фрагменты, где реализуются смысловая и ритмическая интонации;
- определить функции интонационных фигур в данном тексте;
- выявить соотношение интонационной системы текста с его текстосмысловой структурой [Бабенко и др. 2000; Мирошниченко 2009 : 104-105].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Как Вы полагаете, являются ли паралингвистические явления самостоятельными семиотическими средствами? Обоснуйте своё мнение.
2. Какие Вы знаете виды параязыка?
3. Охарактеризуйте фонацию.
4. Используя дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «Кинесика».
5. В чём состоит существенное отличие графических средств от фонации и кинесики?
6. Как соотносятся *языкознание* и *паралингвистика*?
7. Как соотносятся *язык* и *параязык*?
8. В чём состоит эвристическая функция параязыка?
9. Почему параязык изучается в русле коммуникативно-прагматического метода? Достаточно ли для изучения параязыка методик, приёмов и процедур только этого метода?

Прокомментируйте высказывания:

Обязательно присутствуя в речевом сообщении, паралингвистические средства отличаются, однако, непредсказуемостью реального воплощения (Т.М. Николаева).

Соединение интра- и экстралингвистических факторов... является по своему существу объединением, лежащим на поверхности языка (Г.В. Колшанский).

Молчание понятно говорит (В.А. Жуковский).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|------------------------------------|------------------------------------|---------------------------|
| Анисимова 1992 | Волоцкая, Николаева 1962 | Рубакин 1974 |
| Ахманова (1966) 2007 | Волошинов 1993 | Солнцев 1977 |
| Ахманова и др. 1961;
1966; 1974 | Гегель 1975 | Степанов 1971; 1985 |
| Балли 2001-а,б | Горелов 1980 | Теоретические 1964 |
| Белянин 2007 | Исаев 2003 | Хроленко, Бондалетов 2006 |
| Большой толковый 2007 | Колшанский (1974) 2000 | Цейтлин и др. 2006 |
| Будагов 1972 (2004) | Крейдлин, Кронгауз 2004 | Чернявская 2010 |
| Вейнрейх 1981 | Мирошниченко 2009 | Шарков 2009 |
| Верещагин, Костомаров
1999 | Николаева 2002 | Щукин 2007 |
| Виноградов В.В. 1975 | Николаева, Успенский 1966 | |
| | Педагогическое речеведение
1998 | |

13.8. Метод и методики лингвокультурологии

Лингвокультурология – новая самостоятельная дисциплина европейского языкознания XXI века, возникшая на стыке *языкознания (психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, прагматингвистики и когнитивной лингвистики)* и *культурологии*, которая сосредоточила своё внимание на взаимодействии *языка* как транслятора культурной информации, *культуры* с её установками и предпочтениями и *человека*, который создаёт эту культуру, пользуясь языком [Маслова 2001 : 36; Алефиренко 2010 : 21-29].

В предшествующих разделах уже отмечалась роль антропоцентричной суперпарадигмы, в лоне которой формируется множество частных (*парадигм-спецификаторов*) парадигм.

В конце XX века, говоря словами Р.М. Фрумкиной, «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект – культуре» [Фрумкина 1995 : 104].

Именно то, что Человек Говорящий был поставлен в центр мироздания и в центр языка, способствовало, осознанию этого «тупика» и выдвигению проблемы язык и культура в центр лингвистических исследований, а стало быть и формированию лингвокультурологии как науки¹, которая должна быть ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке [Телия 1996 : 222]. Ещё более точно сущность этой новой науки выразила В.И. Постовалова: «участие языка в создании духовной культуры и участие духовной культуры в формировании языка» [Постовалова 1999 : 26].

Лингвокультурология, по мнению одних лингвистов, – ответвление *этнолингвистики* (В.Н. Телия, С.Г. Воркачев, А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов, А.Е. Карлинский); для других – это часть *лингвострановедения* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В. Берчинска-Коженевска, В.П. Ощепкова); для третьих – часть *теории межкультурной коммуникации* (С.Г. Тер-Минасова, О.А. Леонтович)²; для четвертых – *этнопсихолингвистика* (Ю.С. Сорокин, В.П. Белянин); по мнению пятых, она как отдельная научная область скорее декларирована, чем действительно оформилась (А.А. Леонтьев, Н.И. Толстой, А.Т. Хроленко, Н.Ф. Алефиренко).

Сложность формирования этой молодой науки объясняется, прежде всего, тем, что существуют серьезные разногласия учёных в трактовке таких сложных понятий, как язык³ и культура. Уже хрестоматийным стало упоминание о более чем 500 определениях понятия **культура** [Алефиренко

¹ Датировки *предыстории* науки очень различаются: 1) древняя как сам язык: ещё *Пифагор* считал, что для познания нравов какого-либо народа, нужно изучать язык; 2) Пьер Абеляр (1079-1142) – основатель средневекового концептуализма; 3) В. фон Гумбольдт, В. Вундт, Г. Шухардт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф...; 4) первые упоминания о лингвокультурологии в работах М.М. Покровского, Г.В. Степанова, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана и др.

² О дисциплинарном разграничении *лингвокультурологии* и межкультурной коммуникации см.: Лысакова 2006 : 33-39

³ О сложной природе языка, «образах» языка уже говорилось в разделе 11.2 пособия.

2010 : 44] и не меньшем количестве дефиниций понятия **язык** [Алефиренко 2009-б : 269].

Причину многоликости понятия культура, по мнению П. С. Гуревича, следует усматривать «прежде всего в том, что культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и многолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Каждый исследователь обращает внимание на одну из её сторон. Кроме того, культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами»¹.

Н. Ф. Алефиренко, проанализировав дефиниции термина культура с разных позиций: 1) описательные; 2) нормативные; 3) психологические; 4) структурные; 5) генетические; 6) социологические, герменевтические и философские [Алефиренко 2010 : 47-56], пришёл к выводу о том, что западные исследователи рассматривают понятие культура в четырех основных значениях: 1) как социальное наследие человечества; 2) как научаемое поведение человека; 3) как комплекс взаимосвязанных идей, общих для членов этноязыкового сообщества и 4) как совокупность стандартизированных представлений народа [Там же : 52].

В основу отечественной культурологии положена концепция и форма-ционно-деятельностного подхода к пониманию культуры (М. С. Каган, Э. С. Маркарян, Ю. М. Лотман, Э. В. Соколов, К. М. Хоруженко и др.).

Культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей, поскольку именно деятельность человека породила новую «сверхприродную» сферу обитания – **четвертую форму бытия – культуру**². Напомним три формы бытия: *природа – общество – человек*. Отсюда следует, что культура – это мир человеческой деятельности, т. е. это мир артефактов (<лат. *arte* – «искусственный» + *factus* – «сделанный»), это преображение человеком природы по законам общества.

Но культура – это не просто совокупность артефактов, созданных руками человека, но главное, это *мир ценностных смыслов*. Именно их создание становится смыслом деятельности человека в духовной культуре – в искусстве,

¹ См.: Гуревич П. С. Культурология: учебник. – М.: Юнити, 2008. – С. 18 (см. первое издание 1996).

Павел Семенович Гуревич (р. 1933) – отечественный специалист в области философии культуры, культурологии, антропологии, современной западной философии. Рассматривает культурологию как интегральное выражение гуманитарного знания. Культурология переходит от описания отдельных обычаев и ритуалов к новой философии культуры. Автор многих работ по культурологии: «Спасёт ли мессия?» (1981); «Диалог культур или культурная экспансия» (на англ.яз. 1990); «Культура как объект социально-философского анализа» (1982) и др.

² Каган Моисей Самойлович (р. 1921) – крупный отечественный философ, эстетик, культуролог, исследования которого направлены на историю мировой культуры, разработку методологии изучения человеческой деятельности культуры. Автор широко известных монографий «Человеческая деятельность» (1974); «Морфология искусства» (1972); «Философия культуры» (1996) и др.

М. С. Каган, опираясь на философский анализ сущности человека и эстетическую сущность искусства, приходит к выводу о том, что «**всё, что есть в человеке как человеке, предстаёт в виде культуры, и она оказывается столько же разносторонне-богатой и противоречиво-дополнительной, как сам человек – творец культур и её главное творение**» (Каган. Философия культуры. СПб., 1996. – С. 20).

науке, религии¹. А поскольку культура производна от деятельности человека, то её строение должно определяться структурой порождающей её деятельности. Следовательно, культуры различных народов, этносов отличаются друг от друга не столько типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, сколько «**типом его материально-духовного присвоения, т. е. деятельностью, активной поведенческой реакцией на мир**» [Маслова 2001 : 19].

Исходя из этого, в условиях, когда нет единого общепринятого понимания культуры, в качестве рабочего определения, необходимого для наших целей, принимаем самое широкое понимание: **культура** (<лат. *culture* – «обработка, возделывание, воспитание, образование») – это всё: совокупность социально приобретённых и транслируемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность; это характеристика определённых исторических эпох (*античная культура*), конкретных обществ, народностей, наций (*культура майя*); это созданная людьми искусственная сфера существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения; в более узком смысле – сфера духовной жизни людей. Субъектом культуры является человек: он творит, сохраняет и распространяет созданные им культурные ценности; т. е. это *совокупность всех форм деятельности субъекта в мире* [Хоруженко 197 : 228-229]².

Итак, первой и основной трудностью формирования лингвокультурологии как науки является необычайная сложность и даже «загадочность и таинственность» (Е. Ф. Тарасов, В. А. Маслова и др.) этих двух феноменов: **языка и культуры**.

Вторая сложность: формирование лингвокультурологии во времени совпало с формированием двух крупных макропарадигм – коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной – и целого ряда частных парадигм в рамках антропоцентрической суперпарадигмы, достижения которых вобрала в себя лингвокультурология. Это способствовало тому, что лингвокультурология прошла несколько своих эволюционных этапов – от **страноведческого «камертона»** (по выражению Н.Ф. Алефиренко) до её **институционального становления** – очень быстро, спрессованно во времени, почти скачкообразно. Особенно важно для становления лингвокультурологии, процесс которого ещё не завершился, но активно идут поиски лингвокультурологией своих задач, объекта и предмета исследования и своих методов, которые отличали бы её от других наук [Алефиренко 2010 : 6], является «*сопряжение парадигм лингвокультурологии и лингвокогнитологии*» [Иванова 2004].

Это помогло преодолеть «стыковой» характер новой дисциплины в поиске нового типа анализа языковых единиц сквозь призму общности **языка, дис-**

¹ См. близкие идеи М. Хайдеггера: «...человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь – реализация верховных ценностей путём культивирования высших человеческих достоинств» [Хайдеггер 1993 : 193].

² В этом энциклопедическом словаре по культурологии даётся свыше 50 дефиниций понятий культура [Там же : 228-244].

курса и культурного фона коммуникативного пространства [Красных 2003 : 13], а главное – это способствовало осознанию **основного методического постулата лингвокультурологии – изоморфизма языка и культуры** [Телия 1996; Маслова 2001; 2008].

Изоморфизм языка и культуры базируется на том, что, будучи семиотическими системами, язык и культура имеют много общего: 1) культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – черта общая для языка и культуры; 5) историзм – одно из существенных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика - статика» [Телия 1996 : 225-226].

Но взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, поскольку: 1) это разные семиотические системы; 2) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 3) в отличие от языка культура не способна самореализовываться; 4) установки культуры не столь обязательны, как нормы языка [Маслова 2008 : 132-133].

Изоморфизм культуры и языка¹ позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык, поскольку язык одновременно и продукт культуры и составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру и условие существования культуры; 3) язык – фактор формирования культурных кодов².

На этих основаниях под **лингвокультурологией** понимаем комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [Воробьев 1997 : 36].



Лингвокультурологический метод – это интеграция методик, приёмов и процедур исследования, направленных на изучение взаимосвязи и взаимодействия *культуры и языка* с целью установления и объяснения того, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Задачи, решаемые с помощью метода, состоят в том, чтобы понять и объяснить:

- 1) как культура участвует в образовании языковых концептов;

¹ Это обоснование взаимодействия языка и культуры дано в работах *Клода Леви-Строса* (р. 1908) – французского этнографа, философа культуры, социолога, основателя структурной антропологии. Из его многочисленных работ на русский язык переведена монография «*Структура мифов*».

² В понимании Е.В. Шелестюк (1997) **код культуры** – это своего рода «сетка», которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры образуют некую матрицу или систему координат, с помощью которой задаются и затем сохраняются в нашем сознании эталоны (образцы) культуры. Базовым кодом любой национальной культуры является, безусловно, *этнический язык* как квинтэссенция самой культуры [Алефиренко 2010 : 117].

- 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
- 3) существует ли в реальности *культурно-языковая компетенция* носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы;
- 4) как описать культурную семантику языковых знаков, которая формируется на основе двух разных предметных областей – языка и культуры;
- 5) как выявить и описать концептосферу, а также дискурсы культуры;
- 6) как выявить и описать особенности менталитета того или иного народа;
- 7) как выявить и описать *картины мира и образы мира* того или иного народа, языкового коллектива;
- 8) как систематизировать основные понятия науки, т. е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы проанализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но и обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы;
- 9) поиск собственных методологических установок и методов исследования (В. В. Воробьев, В. А. Маслова, В. Н. Телия, А. В. Кравченко, С. В. Иванова, В. М. Шаклеин и др.)

Следует подчеркнуть, что приведённый реестр задач не является окончательным, потому как продвижение в их решении порождает следующий цикл задач [Маслова 2008 : 133; Алефиренко 2010 : 37-40].

Множество задач исследования одновременно свидетельствует о множестве *объектно-предметных областей* лингвокультурологических исследований.

В какой-то мере самостоятельными объектно-предметными областями исследования являются те феномены, посредством которых связаны язык и культура: 1) *значения языковых знаков* (Е. Ф. Тарасов); 2) *культурные коннотации* (В. Н. Телия); 3) *национально-культурные компоненты* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров); 4) *лингвокультуремы* (В. В. Воробьев); 5) *фоновые знания* (Ю. А. Сорокин); 7) *культурные семы* (В. А. Маслова); 8) *культурные смыслы и предсмыслы* (Н.Ф. Алефиренко); 9) *концепты культуры* (Д. С. Лихачёв, Ю. С. Степанов).

При этом в последние годы на смену *образу, понятию и значению* пришёл **концепт** как вербализованный культурный смысл, который от понятия унаследовал дискурсивность представления смысла; от образа – метафоричность и коннотативность; от значения – включенность его имени в лексическую систему языка [Воркачëв 2001 : 77]. При этом концепты – это как бы «сгустки культурной среды в сознании человека, ... то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997 : 40], причем «концепты не только мыслятся, но и переживаются» [Там же : 41].

В наши дни уже наблюдаются попытки осознания обобщенного объекта и предмета лингвокультурологии.

Так, **объектом**, на который направлены методы лингвокультурологии, является *языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения* [Алефиренко 2010 : 17], тогда **предметом** становится ценностно-смысловое пространство языка [Там же : 16], т. е. способы, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [Маслова 2008 : 133].

При этом, если изучается участие языка в создании материальной и духовной культуры при *ведущей роли культурологов* [Хроленко, Бондалетов 2006 : 265], то, безусловно, используются методы и приёмы **культурологические**, во-первых, это *качественный анализ*, который предполагает применение особых приёмов и методов анализа качественных сторон процессов и явлений, происходящих в культуре как общественном феномене: *биографический метод, психологические процедуры, методы стилистического анализа личных документов и художественной культуры, методы текстологии, исследование этнических групп* и др. [Хоруженко 1997 : 197]¹ и во-вторых, они находятся в тесной связи с *количественными методами в культурологии* и использованием математических методов и вычислительной техники [Там же : 206].

Согласно нашей концепции, в которой каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры [Винокур 1959 : 211], а значит языковые знаки приобретают способность выполнять функции знаков культуры и тем самым служить средством презентации основных установок культуры, преимущество в лингвокультурологических исследованиях отдаётся **лингвистическим методам, приёмам и процедурам**²:

1. *Диахронический метод*, основанный на сравнительном анализе различных лингвокультурных единиц во времени.

2. *Синхронический метод*, сравнивающий одновременно существующие лингвокультурные единицы.

3. *Структурно-функциональный метод*, предполагающий разделение объекта культуры на части и выявление связей между частями³.

4. *Историко-генетический метод*, ориентированный на изучение лингвокультурного факта с точки зрения его возникновения, развития и всей дальнейшей судьбы.

5. *Типологический метод*, предназначенный для выявления типологической близости различных лингвокультурных единиц историко-культурного процесса.

6. *Сравнительно-исторический метод*, предназначенный для сравнения самобытных лингвокультурных единиц во времени и проникновение в их сущность [Алефиренко 2010 : 39].

¹ См. методы и приёмы гуманитарных наук в разделе 10.2 пособия.

² В этом направлении В. А. Маслова выделяет 9 предметов анализа: 1) безэквивалентная лексика и лакуны лингвострановедения; 2) архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закреплённые в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение и 9) область речевого этикета [Маслова 2001 : 36-47]

³ Метод, близкий *структурно-функциональному* анализу культуры К. Леви-Строса [Хоруженко 1997 : 446].

7. *Коммуникативно-прагматический метод* позволяет изучить живые коммуникативные (дискурсивные) процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в данную культурную эпоху, а прагмалингвистика даёт возможность «высветить» этнокультурологические аспекты коммуникации.

8. *Когнитивно-дискурсивный метод* позволяет проникнуть в одну из самых сокровенных областей культуры – языковое сознание, а через ментальные репрезентации знания выйти на ценностно-познавательное пространство языковой картины мира как одного из основных предметов лингвокультурологии.

9. *Этнолингвистический метод*, его методики и приёмы позволяют обнаружить *изоморфизм* структур и функций форм языка и типов национальных культур¹.

10. *Метод психолингвистики* раскрывает универсальные и этнокультурные психические механизмы порождения и восприятия речи и кодирования и декодирования этнокультурной картины мира.

11. *Методики и приёмы социолингвистики* способствуют осмыслению социальных факторов, влияющих на становление и развитие языковой личности и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве языка.

Таким образом, успех лингвокультурологических исследований на начальных этапах эволюции лингвокультурологии обеспечивался синтезом лингвистических и культурологических методов, методик и приёмов изучения лингвокультурологических объектов/предметов.

Вместе с тем этот синтез стал той базой, на которой начали формироваться собственно лингвокультурологические методики и приёмы изучения.

Этому способствовала школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым и В. М. Шаклеиным, развивающими концепцию лингвострановедческой теории слова Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова². Представители этой школы обосновали отечественную концепцию лингвокультурологии, ввели понятие *лингвокультуремы* и *лингвокультуры*.

Школа Н. Д. Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры конструируются *с позиции внешнего наблюдателя*, а не реального носителя языка [Арутюнова 1998]. С этой же позиции *внешнего наблюдателя* разрабатывает комплексные методики анализа В.А. Маслова, сочетающие анализ текстов с герменевтических позиций с психосоциокультурными эксперимента-

¹ См.: концепцию Н.И. Толстого о соотношении форм бытования языка и типа культуры:
литературный язык – *элитарная культура*;
просторечие – *«третья культура»*
наречия, говоры – *народная культура*
арго – *традиционно-профессиональная культура* [Толстой 1995]

² См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвокультуроведческая теория слова. М., 1980; Они же. Язык и культура. М., 2005.

ми, аппаратом анализа метафоры, предложенным Дж. Лакоффом и др. (Маслова 1997; 1998; 2001; 2008).

Школа В.Н. Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов, в которой изучаются языковые сущности с позиции носителя живого языка (*с позиции внутреннего наблюдателя*), т. е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через *субъект* языка и культуры. Эта концепция (*Lingua mentalis*) близка позиции А. Вежбицкой – имитации речедейательностных ментальных состояний говорящего.

В.Н. Телия предложила для лингвокультурологического описания макрокомпонентную модель значения. Семимерное пространство этой модели включает в себя такие блоки информации, как сведения о пресуппозиции, денотации, рациональной оценке, мотивационном основании знака, эмоциональной и эмотивной оценках, а также оценке условий употребления знака. Каждый такой блок вводится когнитивным оператором, указывающим на процедуру обработки соответствующих ментальных структур (Телия 1977; 1994; 1995; 1996).

Эта компонентная модель анализа была названа В. Н. Телия концептуально-идеографическим анализом культурной специфики фразеологизмов, поскольку в ней анализ шел при сочетании ономаσιологического и семаσιологического подходов: «ономаσιологический путь описания, чётко провозглашённый в [Языковая номинация 1977]: от внеязыковой реалии – через способ её номинации (а для фразеологизмов это, как общее правило, образно мотивирующая номинация) – к значению знака позволяет учитывать не только образно мотивированные способы концептуализации обозначаемого, но и «место» знака в идеографическом пространстве языковой картины мира» [Телия 1996 : 259].

Наконец, в последнее время разрабатываются собственно культурологические методы *по способам репрезентации культурных концептов*. При этом исходят из того, что способы объективации концептов, протекающей по герменевтическому кругу, обеспечивают лингвокультурологу возможность создания речемыслительного «**портрета предмета познания**» (Е. Бартминский).

В процессе создания такого «портрета», когда прорисовываются отдельные фрагменты (элементы) образа предмета, происходит лингвокогнитивный отбор и интеграция отдельных культурно значимых смыслов (по происхождению, качеству, внешнему виду, функции, переживаниям) и их знаковое кодирование в виде сем семантической структуры слова (фразеологизма). Таким образом, создание *речевого портрета* того или иного предмета, по Е. Бартминскому, является средством организации минимальных смысловых элементов внутри языкового значения. Отобранные таким образом признаки Е. Бартминский называет профилем, а сам приём получил название профилирования на основе *общественного, этнокультурного сознания* [Алефиренко 2010 : 39-40]¹.

¹ Использование других методик, приёмов и процедур когнитивно-дискурсивного метода см. в разделе 12.4 пособия.

Рассматривая форматы и перспективы лингвокультурологических исследований при «сопряжении» парадигм лингвокультурологии и лингвокогнитологии, С.В. Иванова описывает методику «речевого портрета» языковой личности [Иванова 2004], которая активно используется отечественными лингвистами в последние годы. Например, речевой портрет профессиональной языковой личности учёного (Людмилы Александровны Шкатовой) даётся в учебном пособии Е.И. Головановой «Введение в когнитивное терминоведение» [Голованова 2011 : 204-214].

Завершая анализ методов лингвокультурологии, подчеркнём, что её становление продолжается в наши дни. Большие ожидания возможны при её сопряжении с синергетикой [Алефиренко 2010 : 202], а потому поиск оптимальных методов, методик, приёмов и процедур лингвокультурологии остается в науке наших дней актуальным.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Лингвокультурология – это научная дисциплина или особый подход к традиционному описанию языка?
2. Опираясь на дополнительную литературу, определите место лингвокультурологии в системе других наук о культуре.
3. Случайно ли оформление лингвокультурологии именно на стыке XX и XXI-го веков?
4. Сопоставьте известные Вам определения культуры. Какое из них Вам кажется более корректным? Аргументируйте свой выбор. Дайте своё рабочее определение культуры.
5. Какие функции выполняет культура?
6. Как соотносятся между собой единицы культуры и лингвокультуры?
7. Какую роль играют стереотипы в культуре? Каковы их функции?
8. Назовите основные положения герменевтики, используемые в лингвокультурологии.
9. Что общего и что различного в содержании понятий *ментальность* и *менталитет*?
10. Докажите, что ЯКМ – категория историческая.
11. Почему этноязыковое сознание культурного мотивировано?
12. Выпишите функции языка и функции культуры, сопоставьте их и назовите общее и отличное.
13. Найдите в поэтических текстах Б. Л. Пастернака (или другого любимого Вами поэта) 10 метафор, которые описывали бы: а) мир; б) природу; в) чувства человека; г) его эмоциональное состояние. Какие из предложенных методов Вы бы использовали при анализе этих метафор?
14. Может ли быть метод лингвокультурологии не комплексным, не синкретичным?

15. Прокомментируйте высказывания:

Самое могучее древо культуры, в котором отпечатывается душа национальности, есть язык... В языке мы имеем неисчерпаемую сокровищницу возможностей культуры, а вместе с тем и отражение, и создание души народной (С.Н. Булгаков).

Изучение языка должно включать в себя всё, что история и философия связывает с внутренним миром человека, чтобы таким образом стать средством познания человека на разных ступенях его культурного развития (В. фон Гумбольдт).

Язык мыслим только как средство <...>, видоизменяющееся создание мысли <...> его невозможно было бы понять как выражение готовой мысли (А.А. Потебня).

Образ психологичен, метафора семантически, символ функционален (Н.Д. Арутюнова).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|----------------------------|-------------------------------|-------------------------------|
| Аверьянов 1985 | Ильин 1994; 2011 | Рикёр 1995; 1996; 2000; 2010 |
| Агапов 2004 | Каган 1974; 1991 | Рождественский 1999 |
| Ажеж 2003 | Карасик 1996; 2002 | Роль человеческого 1988; 1991 |
| Александрова 2003 | Караулов 1987 | Русское 2004 |
| Алефиренко 2009-а,б; 2010 | Карлинский 2009 | Сепир 2001 |
| Алимурадов 2003 | Кассирер 1988 | Слышкин 2000; 2004 |
| Анталогия концептов 2005 | Кацнельсон 2001 | Соломоник 1995 |
| Апресян 2011 | Колесов 2002; 2003; 2006 | Степанов 1997 |
| Арутюнов 2001 | Колшанский 1999 | Тарасов 1994; 1996 |
| Арутюнова 1998 | Корнилов 2003 | Телия 1996 |
| Бабушкин 1996 | Костомаров, Бурвикова 2000 | Токарев 2004 |
| Барт 1989 | Кошарная 2002 | Толстой 1995; 2001 |
| Бахтин 1998; 2000 | Кравченко 2001; 2008 | Топоров 1995 |
| Белянин 2007 | Красных 1998; 2002 | Уфимцева 1987; 2007 |
| Бенвенист 2002 | Кубрякова 1996; 2001; 2004 | Флоренский 1998 |
| Болдырев 2000; 2004 | Культурные концепты 1996 | Фрумкина 1990; 1995; 1999 |
| Болотнова 2006 | Леонтьев А.А. 2001 | Хайдеггер 1993 |
| Брутян 1976 | Лихачёв 1997 | Хроленко 2005 |
| Вежбицкая 2001 | Лосев 1982; 1990; 2004 | Хроленко, Бондалетов 2006 |
| Величковский 2006 | Лотман 1996; 2000 | Чейф 1975 |
| Вендина 2001 | Лурия 1979 | Чернова 2008 |
| Верещагин, Костомаров 1990 | Лысакова 2006 | Шабес 1989 |
| Воркачёв 2001 | Маковский 1996 | Шаклеин 1997 |
| Воробьев 1997; 2008 | Маслова 2001 2004; 2007; 2008 | Шахнарович, Голод 1986 |
| Гак 2000 | | |

Глисон 1958; 2008	Мечковская 1996; 2001; 2004	Шаховский 2008
Голосовкер 1987	Микешина 2002; 2007	Шелестюк 1977; 1997
Горелов, Седов 2001	Мишанкина 2010	Шмелев 1983; 2002
Гумбольдт 1985	Мокиенко 1986	Шпет 2003; 2007
Гуревич 1996; 2008	Петров 1987; 1991; 2004	Юнг 1991
Дейк 1989	Попова, Стернин 2007	Языковое сознание 2000
Демьянков 1995	Постовалова 1988; 1995; 1999	Якобсон 1985
Дридзе 1984	Прохоров 1999; 2009	Яковлева 1994
Ельмслев 1960	Прохоров, Стернин 2007	Янко 2001
Залевская 2000		
Иванова 2004		

13.9. Метод и методики межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация – междисциплинарная и межпарадигмальная языковедческая дисциплина, в которой на диалектическом этапе её развития центральными категориями становятся не формальные сочетания *коммуникации* и *культуры*, а динамические категории *межкультурной компетенции личности, дискурса и концепта* [Пермякова 2007 : 34].

Оформлению межкультурной коммуникации как самостоятельной дисциплины предшествовал длительный период развития¹. Зародившись в 40-е годы XX века как эмпирическая дисциплина для выработки рекомендаций по разрешению межкультурных конфликтов, межкультурная коммуникация (МК) привлекла внимание многочисленных учёных (лингвистов, историков, этнографов, культурологов, этнопсихологов, психолингвистов, социологов и философов) первоначально западной (преимущественно американской) школы, а позднее и других школ, в том числе и отечественной (в 70-е годы XX в., а исследования начались – в 90-е годы).

МК прошла три периода развития:

- *традиционный подход*, при котором МК рассматривается как социальная наука, использующая *социологические методы*, а преимущественно – количественные методики анализа личности в адаптации к культурной среде;
- *интерпретативный подход* (этнография) с качественными этнографическими методиками анализа (*риторический, стилистический анализ текста*), учитывающие личностные аспекты МК;
- *критический подход*, при котором исследуется роль контекста коммуникации, история коммуникации и изменения коммуникантов, т. е. расширяется объектно-предметная сфера МК.

¹ См.: Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. Дискурс, культура, личность: к истокам межкультурной коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГУ, 2008. – С. 211-220.

В этом обзоре показана предыстория межкультурной коммуникации: дан анализ идей В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского, Э. Сепира.

Однако к началу XXI века сложилась парадоксальная ситуация. Количество работ по МК растёт лавинообразно, однако качественного преобразования понятийного аппарата не происходит [Пермякова 2007 : 8]. Так, в наиболее полном и часто цитируемом обзоре по теории МК в России О. А. Леонтович, аналогично зарубежным авторам, отмечает, что «для нынешнего состояния МК характерны эклектичность и разногласия, отсутствие общих методологических оснований исследования, единых концептуальных подходов. Нет чётко определённой теоретической базы, единства терминологии, исходных посылок, которые позволили бы представителям разных научных сфер и направлений достичь конструктивного взаимопонимания. Существует некоторая размытость в определении того, что считать межкультурной коммуникацией¹, неоправданное расширение границ МК или же, напротив, сведение её лишь к области прикладных исследований, неучёт того факта, что *МК представляет собой самостоятельную науку с собственным понятийным аппаратом и внушительной историей научных изысканий* (выделено мной – З. К.)» [Леонтович 2002].

И на сегодняшний день важность исследования МК обусловлена глобализацией современного мира, повышением значимости межкультурного взаимодействия во всех областях деятельности человека, когда идёт выравнивание межъязыкового и внутриязыкового общения².

Эти факторы требуют обновленного теоретического осмысления феномена межкультурной коммуникации, разработки и оптимизации методологии её изучения. Тем более что антропоцентрическая суперпарадигма создаёт условия для изучения укрупнённых интегративных объектов в «широком экстралингвистическом контексте» (Н. Д. Арутюнова).

Анализ сложившихся западной и отечественной школ МК (см. схему 26 на с. 547) [Пермякова 2007 : 23] свидетельствует о возможности интеграции достижений этих школ, обладающих значительным эвристическим потенциалом и соответствующих духу МК, которая по определению межкультурна, что позволяет перейти к четвертому этапу развития МК – диалектическому.

Как видим из схемы, спектр работ российской коммуникативной теории, даже с учётом современных достижений обогащения через диалог культур, явно лингвоцентричен, о чем свидетельствуют работы по речевому общению, языковому поведению человека, невербальной/вербальной коммуникации, речевым жанрам.

Западная коммуникативистика, в которой первостепенную роль приобретают типы коммуникации, сконструированные по кластерам общества: *межличностная, семейная, групповая, массовая, деловая, профессиональная коммуникация*, разработан инструментарий верифицируемости МК.

¹ О дисциплинарном разграничении *межкультурной коммуникации и лингвокультурологии* см.: Лысакова 2006 : 33-39.

² См. раздел 6.3.1 пособия.

Американская и российская школы исследования МК

Американская школа	Отечественная школа
<p>(1) Коммуникатология</p> <ul style="list-style-type: none"> - теория общего смысла - теория ассимиляции - теория снижения неопределённости - теория препятствий <p>(2) Антропология</p> <ul style="list-style-type: none"> - материальная - поведенческая <p>(3) Психо- и социолингвистика</p> <ul style="list-style-type: none"> - билингвизм - изучение не/родного языка 	<p>(1) Лингвистика</p> <ul style="list-style-type: none"> - семантика - стилистика - прагматика - семасиология - психо- и социолингвистика - билингвизм - изучение не/родного языка - перевод - лингвострановедение - лингвопереводоведение - когнитивная лингвистика <p>(2) Антропология</p> <ul style="list-style-type: none"> - этнографическая - прагматическая - культурная <p>(3) Методика преподавания</p> <ul style="list-style-type: none"> - методика преподавания иностранных языков - регионоведение - педагогика и возрастная психология



Итак, **метод межкультурной коммуникации** – это междисциплинарная и межпарадигмальная интеграция методик, приёмов и процедур изучения межкультурной коммуникации, с целью создания релевантных методов исследования межкультурной коммуникации и гармонизации ракурсов изучения результата интеграции между представителями различных лингвокультур.

Объектом изучения является процесс естественной коммуникации в естественных условиях между представителями различных лингвокультур в динамическом и статическом аспектах, рассматриваемая и как потенция, и как одна из многочисленных возможностей реализации этой концепции, а также коммуникативного поведения говорящих.

Предметом изучения являются: анализ типов взаимодействия между представителями различных лингвокультур; изучение факторов, оказывающих

положительное/отрицательное влияние на результат этого коммуникативного взаимодействия.

Задачи изучения:

- сущность и суть коммуникации;
- модели МК;
- функции МК;
- особенности межкультурного общения как варианта межличностного взаимодействия;
- типология культур;
- соотношение культуры и цивилизации;
- константное и вариативное в культуре определённого типа;
- типология диалога (т. е. взаимодействие) двух или более культур, а также субкультур;
- вербальные и невербальные маркеры культуры или её субкультур;
- оппозиция «свой ↔ чужой» при интракультурной интеграции или при интеркультурном взаимодействии;
- процесс идентифицирования личностью самой себя и/или другого какого-либо феномена, артефакта, а также результат идентификации;
- соотношение индивидуальной и коллективной идентификации;
- маркеры «своего» и «чужого»;
- закономерности кодирования знаний о мире;
- соотношение вербального и невербальных способов кодирования знаний о мире в определённом типе интеракции;
- способы активации сведений о мире;
- особенности социальной перцепции;
- языковая личность и культурная обусловленность соотношения «инвариант ↔ варианты» в использовании языка;
- культурно обусловленные дискурсивные стратегии;
- вычленение единицы описания и анализа межкультурной коммуникации;
- картина мира;
- структура картины мира, соотношение универсальных и культурно-специфических черт;
- принципы вычленения параметров картины мира;
- стереотипы и их классификация;
- влияние стереотипов на результат восприятия того или иного явления или факта, артефакта и др.;
- соотношение теории межкультурной коммуникации с другими смежными с ней дисциплинами, а также другие проблемы, как правило, относящиеся к компетенции различных гуманитарных дисциплин [Гришаева, Цурикова 2006 : 282].

**Методики изучения межкультурной коммуникации
в западной школе**

Инструмент измерения межкультурного развития М. Хаммера и М. Беннета – тест межкультурной компетенции, основанный на теории ко-

гнитивной психологии и конструктивизма, состоящий из 60 пунктов и описывающий 6 этапов развития сенситивности. Инструмент даёт текстовую интерпретацию каждого из этапов и сопровождающих вопросов перехода с этапа на этап. Базисом инструмента служит ориентация на культурные различия через оценку потребностей. Инструмент отвечает научным критериям валидных психометрических инструментов, надёжность обеспечивается Ро Спирмана 0,85-0,95, этапы развития подтверждаются *факторным анализом*. Инструмент используется более 15 лет.

Эволюционная модель межкультурной чувствительности М. Беннетта обеспечивает теоретически обоснованное объяснение вариабельности, наблюдаемой в межкультурных устремлениях. *Эволюционная модель межкультурной чувствительности* (ЭММЧ) также устанавливает уровни развития: от неопределённого одномерного внутреннего представления о культурных различиях до целостного и тонкого понимания культуры. Эта модель когнитивного развития основана на теории развития, требующей как самосознания, так и предпосылок для продвижения по эволюционным уровням.

Поскольку ЭММЧ выделяет последовательные этапы культурного понимания, благодаря чему человек может развиваться, каждый этап будет связан с особым типом поведения.

Первые три (из шести) этапа – «этноцентрические». Они продиктованы тем, что собственная культура воспринимается как центр мироздания при соотнесении с другими культурами, вследствие чего обнаруживает в них отсутствие субстанции и значения.

Следующие **три этапа – «этноотносительные».** Они основаны на осознании того, что собственная культура является просто одной из многих, имеющих равное право на существование. Этноцентрические уровни могут быть интерпретированы как средства, с помощью которых коммуниканты пытаются защитить себя от иной культуры: отрицанием её существования, клеветой на другие культуры или отрицанием того, что эти различия культур более чем внешние. На этноотносительных уровнях допускается культурное различие в качестве вещественных и обоснованных альтернативных построений реальности. Эти уровни позволяют приспособиться к различиям и в конечном счёте интегрируют их в собственную тождественность.

На основании концепции М. Беннетта Д. Гринхольц вводит понятие «*инвентаризации межкультурного развития*» (ИМР) для понимания эволюционных этапов межкультурной компетенции. Новшеством психометрического инструмента Д. Гринхольца для измерения компетенции, возникающей на пересечении культур, является изучение потребностей повышения квалификации (сравнение уровня знания) – как индивидуальных, так и групповых – и оценки результатов повышения квалификации.

В опроснике Д. Гринхольца были учтены возможные искажения, определяемые различиями пола и социального статуса. Результаты теста Стьюдента, выполненного мужчинами и женщинами, показали разницу, но она оказалась незначительной. Возможные проявления социального статуса были оценены

путём изучения результатов различных анализов ИМР-ответов, при этом учитывали уровень образования (высшее образование, университет, первая послевузовская степень (степень магистра), вторая послевузовская степень (докторская или эквивалентная ей степень) как «суррогат» социального статуса. Исследование по образовательному признаку (социальному статусу) показало негативный результат.

К сожалению, понятие ИМР может быть использовано для повышения межкультурной чувствительности, для лучшего понимания уровня только в *организационной среде*, в проблемах, связанных с развитием её членов, для определения потребностей клиентов в повышении квалификации и обучении, для оценки эффективности повышения квалификации и подготовки клиентов к вхождению в новую культуру или многонациональную среду. Вместе с тем Р. Брислин (1992) показал, что *чувствительность*, возникающая на пересечении культур, – решающая переменная в *разнообразии* ситуаций, требующих взаимодействия с людьми из других культур, которое возникает по ходу деятельности во время поездок за границу: от международных командировок и туристических поездок до эмиграции и приёма в качестве беженца.

Ещё одной методикой исследования межкультурной компетенции являются хофстедовы «**параметры культуры**» (cultural dimensions). Методы исследования Г. Хофстеда являются революционными (для своего времени) и до сих пор во многих отношениях непревзойденными методами этнометрического анализа. Труды Ф. Тромпенаарса, Р. Льюиса, Р. Инглхарта, хотя и значительно отличаются от хофстедовых, однако до некоторой степени наследуют его идею о *понятии биполярной культурной ценности*. Можно выделить две причины популярности методов Г. Хофстеда:

- хофстедова методика имеет наиболее широкую теоретическую и эмпирическую базу;
- выделенные Г. Хофстедом показатели (индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность, конфуцианский динамизм) следует считать наиболее универсальными.

Основная критика методики исследования сводится не к методологии, а к парадигматике МК. Подобно всему наработанному методологическому аппарату методика принадлежит традиционной функциональной парадигме, сводится к организационному контексту, статична и количественна.

Методики изучения межкультурной коммуникации в отечественной школе

Подобно тому, как в отечественной науке не складывалось самостоятельное изучение коммуникации изначально, и коммуникация концептуализировалась в пределах многих областей знания, методики исследования МК *фрагментарны и взаимодополнительны*.

Так, в психологии активно изучаются методы исследования *личности* как с точки зрения познавательных возможностей (особенности сенсорных и перцептивных процессов, памяти, внимания, мышления и речи), так и с точки зрения особенностей личности (мотивации, характера, эмоциональных проявле-

ний). Отчасти вторые методики рассматриваются в разделах, посвящённых вопросам межкультурной компетенции личности. В психолингвистике и в методике преподавания языка эти исследования распространились на изучение *языковой способности* (А.А. Леонтьев).

Только в последние десятилетия в отечественной науке стал актуальным вопрос *о методах исследования речевой коммуникативной компетенции*, в том числе коммуникативной компетенции как усвоения этапов этно- и социально-психологических эталонов, стандартов, стереотипов поведения, овладения «техникой» общения.

Парадоксальная ситуация сложилась тогда, когда в методике существовали коммуникативные методики, а компетенции не замерялись: процесс был отделён от результата обучения.

Наиболее часто используемым инструментом анализа служит *ассоциативный эксперимент (свободный и направленный)* (Караулов 1987; Привалова 2006; Залевская 1990), а с развитием социологии – *интервью и анкетирование* [Тер-Минасова 2000; 2007].

Качественная методика изучения МК складывалась во многом благодаря лингвистическим исследованиям, чаще всего семантическим (Шмелев 2004; Телия 1999).

В последние десятилетия приоритет качественных методик отдается *концептуальным и дискурсивным исследованиям* (более подробно об этом смотри в трудах Волгоградской школы аксиологической лингвистики, а также в работах, посвящённых функциональному направлению исследования дискурса).

Одной из проблем в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания является описание *когнитивных методик и приёмов* исследования, которые позволяют исследовать сложные объекты лингвоментальной природы, к которым и относится индивидуальное творчество, сопряженное с развитием личности при столкновении с «Другим».

В задачи исследования входит такая экспликация механизмов анализа, которая бы позволила выявить скрытые структуры знаний. В итоге полученные результаты, не противоречащие известным концепциям на стадии интерпретации, могли бы помочь оценить степень объективности и тщательности анализа. Более того, с помощью *когнитивного/концептуального* анализа представляется возможным вскрыть внутреннюю модель – представление о «собственном лице» и «лице другого» (термины С. Тинг-Туми) в языковом сознании.

В когнитологии основным механизмом творчества признаётся *концептуализация*, то есть сама речемыслительная деятельность индивида являет собой акт творчества.

Возможности исследования концептов представлены во многих работах. Наиболее известными являются следующие способы:

- изучение слоистой структуры концепта [Степанов 1997];
- концептуализация действительности в процессе создания идиом за счёт установления аналогии между ситуацией реального мира и языковым содержанием [Человеческий фактор 1991];

- анализ языковых категорий в тексте [Лакофф 2004];
- изучение семантических и ассоциативных структур [Караулов 1999];
- изучение структур семантических полей [Филлмор 1983];
- семантика контрастивных множеств, таксономий, партонимии, парадигм, циклов и цепочек номинаций;
- анализ «сетей» – структурной организации семантических групп слов с разными уровнями отношений;
- «фреймовый» анализ тематических ситуаций при «фрагментации действительности»;
- иные способы анализа номинации, экспрессивности, модальности, сочетаемости, интенсификации [Человеческий фактор 1991];
- всё это в какой-то мере для изучения коммуникативного поведения и речеповеденческих тактик [Лысакова 2006 : 33].

Обращение к тексту, охватывающему определённую социальную сферу, свойственно и социологии, где выделяется ряд подходов к изучению разных типов текстов.

Контент-анализ – количественный анализ книг, эссе, интервью, дискуссий, газетных статей, исторических документов и других текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей.

Контент-анализ, согласно работе А.Г. Здравомыслова, научно обоснованный метод чтения между строк [Здравомыслов 1969].

Единица контент-анализа – устойчиво повторяющаяся смысловая единица текста, относительно которой выявляются статистические и структурные связи с другими единицами и определяются иные количественные и структурные характеристики.

Контент-анализ позволяет исследователю выявлять содержание (сообщения, значения, символы) в источнике коммуникации (например, в книгах, статьях, кинофильме). Он позволяет экспериментировать с содержанием и рассматривать его с использованием методов, отличных от обычного прочтения книги и просмотра телевизионной программы. С помощью контент-анализа исследователь может сравнить содержание множества текстов и анализировать его с помощью количественной методики (например, диаграмм, таблиц). Кроме того, он может использовать его, чтобы выявить те аспекты содержания текста, которые трудно обнаружить на поверхности [Аверьянов 2009].

Но существует значительный недостаток такого метода. Он заключается в том, что обобщения, которые делает исследователь на основе контент-анализа, обусловлены (и ограничены) особенностями культурной коммуникации. Контент-анализ не может претендовать на истину в утверждениях об эстетических качествах текстов. Он скрывает содержание, поэтому исследователь должен изучать текст непосредственно. Как указывал Р. Холсти, «контент-анализ можно рассматривать только как дополнение, а не замещение к субъективному исследованию текстов» (цит. по: Словарь социологических терминов 2002).

Существует такая разновидность контент-анализа, как *концептуальный анализ*. Концептуальный анализ – контент-анализ текстов с использованием наборов слов, объединённых по определённому основанию (категорий).

Развитие МК приводит к необходимости интегрировать все имеющиеся теоретические сведения данной области знания. Анализ дефиниции МК в парадигматическом развитии подтверждает эту необходимость. **Адекватным объектом** для описания интегративной сущности МК **является дискурс**. Дискурс обладает сложной иерархической структурой и даёт возможность системно (*интегрально, количественно и качественно*) описывать диффузные, недискретные объекты с обобщенной концептуальной организацией социально значимого общения коммуникантов.

Таким образом, на современном диалектическом этапе развития теории МК базовыми категориями являются **дискурс** как вербально опосредованная деятельность языковой личности в специальной сфере; **концепт** как совокупность накопленного знания об объекте и **межкультурная компетенция личности**, развивающаяся в дискурсе как деятельности. Такой подход позволяет определить наиболее сильную на сегодняшний день теорию концептуальной интеграции межкультурной коммуникации [Пермякова 2007 : 115].

На базе этой концептуальной интеграции **межкультурная коммуникация** понимается как вербально опосредованная деятельность, предполагающая взаимодействие коммуникантов, принадлежащих различным культурам и обладающих различными уровнями профессиональной компетенции. При этом единицей анализа дискурса является **коммуникативное событие** – совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, в результате которых порождается текст о межкультурном событии.

Адекватным методом анализа **дискурса МК** считается модификация квантитативного референтивного метода анализа дискурса А. А. Кибрика – корпусно-дискурсивный метод – метод вербального анализа концептуальной структуры ключевых параметров межкультурного события как единицы дискурса МК [Пермякова 2007 : 117].

Такими ключевыми лингвистическими параметрами модели МК в корпусно-дискурсивном анализе являются *Субъект, Место и Время события*¹. Полагаем, что и другие работы в области МК снимут проблему «недосказанности» в методологии и методиках исследования².

¹ Пермякова Т.М. Моделирование и типология дискурса межкультурной коммуникации: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Пермь: Пермск. гос. ун-т, 2009. – С. 19.

² Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. Межкультурная парадигма и перспективы межкультурной коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. – С. 338-348.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Можно ли считать наукой теорию межкультурной коммуникации? Выскажите Ваши аргументы ЗА и ПРОТИВ.
2. Перечень проблем (задач), которые изучает теория межкультурной коммуникации, достаточно длинный и весьма неоднородный. Не возникает ли впечатление, что постулирование науки «*Теория межкультурной коммуникации*» несколько надуманно и относится к области сугубого теоретизирования?
3. В литературе по межкультурной коммуникации существует несколько точек зрения относительно *базовой единицы* описания и анализа. Как считаете Вы?
4. Объект теории межкультурной коммуникации – каков он? Обоснуйте Вашу позицию.
5. Предложите собственное видение предмета обсуждаемой науки и обоснуйте его. На какие положения Вы бы при этом опирались?
6. Как Вы считаете, что объединяет *межкультурную коммуникацию* и *внутрикультурную коммуникацию*? В чем состоит сходство и различие между этими явлениями?
7. М. М. Бахтин полагает, что любая коммуникация – это взаимодействие «говорящих сознаний» [Бахтин 1996 : 361]. Как Вы понимаете приведённое высказывание?
8. В.В. Красных определяет *этнопсихолингвистику* как «направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учётом национально-культурной составляющей дискурса», которое также «исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации» [Красных 2002 : 10].
9. Можно ли, опираясь на это понимание, заключить, что *этнопсихолингвистика* и *теория межкультурной коммуникации* – это одна и та же наука с различными названиями?
10. Сравните оппозиции: *свой – чужой / чужой – другой / свой – другой*. Какая из них свидетельствует о когнитивно и коммуникативно гибкой, толерантной личности?
11. Можно ли, опираясь на постулаты теории межкультурной коммуникации, объяснить, почему, несмотря на реальность наличия значительного количества барьеров, межкультурное взаимодействие всё-таки имеет место на протяжении многих веков?
12. В. П. Белянин пишет: «Культура фиксируется в слове, словосочетании, в понятии» [Белянин 2003 : 153]. Насколько Вы согласны с приведённой точкой зрения? Ваши аргументы ЗА и ПРОТИВ.
13. С помощью каких методов можно охарактеризовать межкультурную коммуникацию? Оцените описанные методики и приёмы западной и отечественной школ. В чём состоят их достоинства и ограничения?

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|----------------------------------|----------------------------------|-------------------------|
| Алексеева, Мишланова 2002 | Иванова 2004 | Привалова 2006 |
| Баранов 2001 | Карасик 1996; 2000; 2002 | Прохоров, Стернин 2007 |
| Бахтин 1986; 2000 | Караулов 1987; 2007 | Рубаник 2006 |
| Бергельсон 2004; 2005 | Кибрик 1987; 1995; 2002; 2003 | Салимовский 2002 |
| Верещагин, Костомаров 1980; 1999 | Клюканов 1998 | Сахарный 1989 |
| Вежбицка 1996; 1999; 2001 | Корнилов 2003 | Сепир 2001 |
| Воркачёв 1995; 2001 | Красных 1999; 2001; 2002 | Серова 2001 |
| Воробьев 1997; 1999; 2008 | Кубрякова 2004 | Слышкин 2000; 2004 |
| Выготский 1982 (2007) | Лангакер 1992 | Степанов 1995; 2001 |
| Гвишиани 1986 | Леонтович 2002; 2003; 2009; 2011 | Тарасов 1987; 1994 |
| Гринёв-Гриневич и др. 2008 | Леонтьев А.А. 1967; 1969; 2001 | Телия 1981; 1996 |
| Гришаева, Цурикова 2006 | Лурия 1979; 1998 | Тер-Минасова 2000; 2007 |
| Губанов 2009 | Лысакова 2006 | Уфимцева 1999 |
| Гудков 2003 | Маслова 2001; 2007 | Филипс, Йоргенсен 2004 |
| Гумбольдт 1984; 1985 | Методология и методика 1988 | Флоренский 1998 |
| Дейк 1989 | Мечковская 1996; 2001; 2004 | Фуко 1977 |
| Демьянков 1995; 2008 | О'Коннор 2006 | Халеева 1989 |
| Донец 2004 | Пермякова 2007 | Харченко 2003 |
| Жинкин 1974; 1982; 1998 | Пиаже 1969; 1983 | Чернявская 2001 |
| Залевская 1990; 1996 | Попова, Стернин 2007 | Шмелев А.Д. 2002 |
| Здравомыслов 1969 | Потебня 1976; 1993 | Шпет 1994; 1996; 2007 |
| Зимняя 1999; 2001 | | |

13.10. Метод и методики политической лингвистики

Политическая лингвистика (лингвополитология) – новая наука второй половины XX века, возникшая на пересечении *лингвистики* с *политологией* и учитывающая также достижения *этнологии*, *социальной психологии*, *социологии* и других гуманитарных наук, активно вбирающая в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, предметом исследования которой является *политическая коммуникация* [Чудинов 2008 : 5-6; Будаев, Чудинов 2008 : 21].

В истории становления лингвополитологии как научного направления выделяются три основных периода:

- этап становления политической лингвистики (30-50-е гг. XX в.);
- этап развития и оформления в самостоятельную науку (60-80-е гг. XX в.);
- современный этап лингвополитологии (с 90-х гг. XX в. по настоящее время).

Ретроспективный взгляд на лингвополитологию показал, что в основе её формирования лежали несколько магистральных направлений, каждое из которых тяготело к определённым методологическим подходам и обогащало формирующееся научное направление на определённом этапе его развития:

- исследование военной и коммунистической пропаганды в русле количественной семантики, опирающейся на методы контент-анализа;
- анализ речевого мастерства политиков, основанный на эвристиках традиционной риторики и дальнейших методологических инновациях в этой области исследований;
- специализированный анализ идиолектов политических лидеров, основанный на психолингвистических методиках;
- политическая публицистика, направленная на анализ способов контроля общественного сознания с помощью манипуляций с семантикой слов и высказываний;
- изучение политической символики в рамках политической семиотики;
- исследование политической коммуникации с учётом экстралингвистических факторов на основе широкого спектра подходов в рамках дискурс-анализа;
- анализ моделирования структур сознания, актуализированных в процессе политической коммуникации [Будаев 2010 : 8].

Как отмечает Анатолий Прокопьевич Чудинов, для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится своеобразной точкой отсчёта в изучении языковых явлений); экспансионизм (включение в область исследований лингвистики ряда смежных проблем, т. е. её расширение); функционизм (изучение языка в действии, в функционировании); экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2003 : 4].

Иначе говоря, современная политическая лингвистика смогла пройти этап институционализации только в русле антропоцентрической суперпарадигмы, вобрав методологию и методiku герменевтики, семиотики, коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной макропарадигм современной лингвистики и целого ряда её частных парадигм: социолингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики, нейролингвистики, лингвокультурологии, мужкультурной коммуникации, а также ряда гуманитарных наук; т. е. она имеет междисциплинарный и межпарадигмальный характер.



Итак, **метод политической лингвистики** – это междисциплинарная и межпарадигмальная интеграция методов, методик, приёмов и процедур исследования, направленных на изучение политической коммуникации, политического дискурса с целью создания условий для построения предсказывающих моделей в политологии и выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Задачи, на которые направлен метод:

- 1) исследовать взаимосвязь языка и идеологии, языка и политики в их истории и современности;
- 2) дать понятие политической коммуникации и её специфики;
- 3) дать понятие политического дискурса и выделить основные средства его организации;
- 4) определить их роль в построении дискурсивных миров;
- 5) определить задачи, которые может решать языковая личность посредством их использования;
- 6) установить характер воздействия структуры и языковых характеристик политического дискурса на репрезентацию событий и на реципиента;
- 7) определить общие и специфические характеристики политического дискурса;
- 8) выработать языковые методы воздействия на аудиторию;
- 9) исследовать проблемы формирования речевого имиджа политика;
- 10) выяснить соотношение свойств дискурса с такими концептами как *Власть, Воздействие, Авторитет, Власть и Политик*;
- 11) разработка средств массовой информации для мониторинга различных тенденций политического поведения;
- 12) построить предсказывающие модели в политологии;
- 13) как конечные задачи – освободить политическую коммуникацию от манипуляций политиков, обманывающих народ, и выработать оптимальные стратегии и тактики политической деятельности [Шейгал 2000; Баранов 2001; Маслова 2008; Чудинов 2008].

Эта множественность задач, с одной стороны, высветила обобщенные предметы исследования, а с другой стороны, множество конкретных объектно-предметных областей лингвополитологии.

Обобщенным предметом исследования является политическая коммуникация – речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Чудинов 2008 : 6].

При этом, характеризуя политическую коммуникацию как предмет исследования, А.П. Чудинов выделяет следующие её свойства:

- ритуальность и информативность;
- институциональность и личностный характер;
- эзотеричность и общедоступность;
- редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- авторство и анонимность политического текста;
- интертекстуальность и автономность политического текста;
- агрессивность и толерантность в политической коммуникации [Чудинов 2003 : 42-56].

В четвертый, современный этап развития лингвополитологии, когда господствующим методом исследования при наличии комплексности методов и методик стал дискурс-анализ, **обобщенный предмет** был осмыслен как политический дискурс.

Анализ научной литературы по лингвополитологии показал, что при единодушии принятия политического дискурса в качестве **обобщенного предмета исследования** сам политический дискурс понимается как многоаспектное и многоплановое по-разному понимаемое явление.

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет, по мнению В. А. Масловой, является работа Е. И. Шейгал «*Семиотика политического дискурса*», в которой описываются два измерения дискурса: *реальное* и *виртуальное* [Шейгал 2000].

Под *реальным* измерением дискурса исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), рассматриваемые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов¹.

Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфичных для общения в данной среде.

Е. И. Шейгал выделяет следующие признаки политического дискурса:

– *институциональность* (коммуникация проявляется в общественных институтах и является статусно-ориентированной);

– *преобладание оценки и воздействия над информативностью*; смысловая неопределенность (политики часто избегают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде);

– *фантомность* (многие знаки политического языка не имеют реального денотата);

– *фидеистичность* (иррациональность, опора на подсознание);

– *изотеричность* (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным);

– *дистанцированность* и *театральность* [Шейгал 2000 : 34].

Если сравним признаки политической коммуникации, выделенные А. П. Чудиновым, с признаками политического дискурса, выделенными Е. И. Шейгал, то увидим близость этих обобщенных предметов политических исследований, т. е. второй, по сути, является модификацией первого на новом этапе развития лингвополитологии.

Исходя из этого, более рациональным считается широкое понимание политического дискурса:

¹ См. раздел 12.4.4 пособия.



Политический дискурс, таким образом, – это разновидность дискурса, цель существования которого – завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В политический дискурс включается также процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, а также те экстралингвистические факторы, которые влияют на их порождение и восприятие [Маслова 2008 : 220].

Политический дискурс выполняет три основных функции:

1. Осуществление власти (через такие политические тексты как конституция, законы, подзаконные акты, декреты и другие официальные документы, регулирующие жизнь страны).
2. Убеждение как приоритетная функция, состоящая в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок.
3. Манипуляция – процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант считает заведомо ложным, но выгодным для себя, с использованием специальных приёмов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов¹, изменяя таким образом политическую среду в «нужном» направлении.

При этом Ю. А. Сорокин подчеркивает, что политический дискурс является *эксплицитно прагматичным* [Сорокин 1997 : 57], он является *оценочным* и *агрессивным* [Романов 2000 : 83; Карасик 2004 : 33].

Е. И. Шайгал отмечает, что основной функцией политического дискурса является его использование в качестве инструмента борьбы за власть [Шейгал 2000 : 35]. В качестве этой **функции языка политики** исследователь выделяет **более частные функции**:

- социального контроля;
- легитимизации власти;
- воспроизводства власти;
- ориентации;
- социальной солидаризации (обеспечение идентичности);
- дифференциации (отличия от *иного*);
- агональная;
- акциональная;
- аргументативная;
- персуазивно-функциональная (создание убедительной картины лучшего устройства мира) [Шейгал 2000 : 46-58].

Осознание основных и частных функций политического дискурса привело к осознанию **закона взаимодействия языка и политики**: тот, кто контролирует язык – контролирует и общество. Так, Элеонора Лассан в статье «*Лингвистика как ангажированное знание*» пишет об этом так: «Политическая лингвистика, или анализ языка политики, имеет, на мой взгляд, приоритет перед

¹ См. описание таких приёмов (*кластеризация, наш человек в толпе, враг народа, контраст, псевдовыводы* и др.) в работе: Малишевский 2003.

«другими» лингвистиками в области значимости своего прикладного характера, ибо показывает «всякую власть и как то, что она есть, и как то, чем она кажется» [Барт 1983 : 317]. Далее – дело тех, кто хочет знать о своей власти сокровенной или довольствуется её видимой стороной»¹.

Исходя из этого, среди частных объектно-предметных областей лингво-политологии необходимо указать две важнейших: *анализ языка политики*² и *политическая метафорология*.

Одним из новых направлений анализа политического дискурса является выявление и изучение модуса кажимости. Сам термин не является пока распространённым, а явление малоизученным, но очень современным, отмеченным лингвистами буквально в последние годы (Т. И. Семёнова, С. Н. Плотникова, С. А. Домышева, А. А. Чувакин, Н. В. Данилевская и др.).

В самом общем виде *кажимость* можно определить как содержательную характеристику политического дискурса, отражающую расхождение между глубинным смыслом речи и её языковой формой, несоответствие декларации и декларируемого, несовпадение (противоречие) позиции автора и адресата. Иногда *кажимость* приобретает конструктивную значимость для политического текста, когда наблюдается не просто умолчание о чём-либо важном, а развитие «демагогической составляющей..., изощрённые способы конструирования коммуникативной правды как бессознательного или и/или сознательного исправления (подмены) истины»³ и использования нулевой зоны содержания текста (термин Н. В. Данилевской), не эксплицирующего ожидаемую адресатом (адресатами) информацию.

Вторая проблема – *политическая метафорология*, в изучении которой важное место занимает школа политической метафорологии Анатолия Прокопьевича Чудинова, созданная в Уральском государственном педагогическом университете.

Следует подчеркнуть, что возникновение политической метафорологии не является случайным. Достаточно вспомнить слова Джорджа Лакоффа о возможности языка и метафоры «быть движущей силой социальных преобразований» [Лакофф 1981 : 361].

Как утверждает А.П. Баранов, «метафорическое мышление в политике – признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы». Например, мощное влияние известной метафоры «корабль перестройки». [Баранов 2001 : 252-254].

В политическом дискурсе метафора выполняет две важнейшие функции: 1) является мощным средством познания политической реальности; 2) является мощным средством убеждения [Чудинов 2001 ; 2003; 2008].

¹ Лассан Э. Лингвистика как ангажированное знание//Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Антология современной политической лингвистики. – С. 200.

² См. 10 направлений анализа языка политики в работе: Маслова 2008 : 208.

³ Чувакин А. А. Кризис речевой коммуникации и проблема языковедения//Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: МГУ, 2010. С. 148.

В отличие от других частных парадигм лингвистики, лингвополитология обладает могучим эвристическим потенциалом хорошо разработанных и широко описанных **методик исследования**. Нам остаётся только обозначить их и дать перечень источников:

- 1) методика контент-анализа¹ [Баранов 2001; Аверьянов 2009];
- 2) методика когнитивного картирования [Баранов 2001 : 281-287];
- 3) методология и методика политической лингвистики:
 - когнитивные методики;
 - риторические методики;
 - *дискурсивные методики*:
 - а) *критический дискурс-анализ по трем школам*:
 - анализ дискурса Т. ван Дейка;
 - дискурс-анализ Н. Фэрклау;
 - немецкая школа дискурс-анализа;
 - б) дескриптивный дискурс-анализ
 - *комплексные методики*:
 - нейрокогнитивные;
 - психолингвистические;
 - политолого-социологические;
 - сопоставительные и
 - типологические [Лассан 1995; Методология 1998; 2000; Будаев, Чудинов 2006 : 34-52; Будаев, Чудинов 2008 : 42-68].
- 4) методики политической метафорологии [Лакофф 1981; 1988; 2004; Лакофф, Джонсон 1987; Чудинов 2001; 2003; 2008];
- 5) методики изучения политического дискурса и конструирования дискурсивных миров [Алтунян 1999; Базылев 1998; Бушев 2002; Водан 1997; Герасименко 1998; Демьянков 2002; Карасик 2000; 2004; Маслова 2008 : 203-248; 2003; 2008; Романов 2002; Сорокин 1997; Шейгал 2000];
- 6) методики изучения языка политики [Блакар 1987; Лассан 1995; Михеев 1991; Эпштейн 1991];
- 7) методология и методики сопоставительной метафорологии [Чудинов 2008 : 180-187; Будаев 2010] и др²;
- 8) методика анализа поликодовых феноменов политической коммуникации [Чернявская 2009; 2010].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Когда и почему возникла лингвополитология?
2. Какие направления лингвополитологии активно развиваются в XXI-ом веке?

¹ См. также разделы 9.1-9.2; 10.2 пособия.

² См. также методики в разделах пособия 8.1-8.3; 12.2-12.4; 13.1-13.9.

3. Может ли быть метод лингвополитологии не междисциплинарным и не межпарадигмальным?
4. Охарактеризуйте, опираясь на дополнительную литературу, предмет политической лингвистики.
5. Почему *дискурсивный подход* к исследованию политической коммуникации называют важнейшим постулатом политической лингвистики?
6. Почему отечественная политическая лингвистика развивалась иначе, чем западная? Можно ли говорить об их сближении в современных условиях?
7. Чем Вы можете объяснить множественность задач лингвополитологии?
8. В какой степени жанровые признаки политического текста зависят от коммуникативной ситуации и личности автора?
9. Какие политические концепты Вы считаете ведущими? Обоснуйте своё мнение.
10. Какие манипулятивные методики используются в политическом дискурсе?
11. Объясните факторы, обуславливающие выбор определённой методологии и методики исследования.
12. Прокомментируйте высказывания:

Мы часто считаем язык всего лишь колебанием воздуха, репрезентацией реальности, а не самой реальностью, и, как следствие – неспособным быть движущей силой социальных преобразований (Дж. Лакофф).

Глубочайшая ценность европейской культуры заключается в ясном осознании: всё, что происходит в мире, зависит от твоих личных усилий, а значит – ты не можешь жить в мире, где неизвестными остаются источники, откуда к тебе «приходят» события (М.К. Мамардашвили).

Метафора, которую Жак Деррида провозгласил центром философии и мысли, стала «звездой дискурса 20-го века» (И.Р. Гоцци).

Литература для углублённого изучения

Аверьянов 2009	Бушев 2002	Купина 1995
Алтунян 1993	Вежбицкая 1996; 1999;	Лакофф 1981; 1988; 2004
Арутюнова (ЛЭС) 2002;	2001	Лакофф, Джонсон 1987
1999	Водак 1997	Лангакер 1992
Базылев 1998	Вольфсон 2003	Лассан 1995
Баранов 2001	Гаврилова 2003; 2004	Малишевский 2003
Баранов, Добровольский	Герасименко 1998	Мамардашвили 1992;
1997	Дейк 1989; 2001	1996
Баранов, Караулов 1991;	Демьянков 2002; 2003;	Маслова 2008
1994	2008	Метафология 1998; 2000
Барт 1978	Карасик 2004; 2000	Мечковская 1996; 2001;
Блакар 1987	Караулов 1987	2004
Будаев 2010	Квадратура смысла 1999	Михеев 1991
Будаев, Чудинов 2006;	Китайгородская, Розано-	Ортега-и-Гассет 1990
2008	ва 2003	Попова, Стернин 2007

Постовалова 1988	Рош 1978	Эпштейн 1991
Почепцов 1990; 1999; 2000	Серио 1993	Эссе 2001
Проскуряков 1999	Сорокин (1997) 20007	Юнг 1991
Прохоров 2004; 2007	Чудинов 2001; 2003; 2008	Якобсон 1985
Рикёр 1995; 1996	Шахнарович, Голод 1986	Яковлева 1994
Романов 2002	Шейгал 2000	Янко 2001

13.11. Перспективы частных парадигм лингвистики

Подход к языку как гибкой, постоянно изменяющейся в процессе человеческой деятельности **системе модифицированных знаний о мире и о месте человека в нем** [Сусов 2007 : 51; Маслова 2008 : 37] в антропоцентрической суперпарадигме обусловил одновременное сосуществование ряда частных парадигм. В этой главе описано девять междисциплинарных парадигм: *социолингвистика, этнолингвистика, ареальная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, паралингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация и политическая лингвистика.*

Они, как мы видим, представляют собой не механическое объединение (сложение) двух или нескольких наук и их методов, а качественно новые научные области, которые выработали новые понятийно-терминологические аппараты, новые синтезированные методики и приёмы исследования, что позволило получить новые научные результаты о языке.

Контуры этих описанных парадигм наиболее отчётливо воспринимаются в современной отечественной и зарубежной лингвистике.

Однако специализация и дифференциация знаний продолжается: «Науки идут к *объединению* знаний посредством их *дробления*. Но это дробление, если так можно выразиться, уже не *разъединяющее*, а *объединяющее*» [Бабосов 2009; Шарков 2009 : 8], поскольку именно этот путь позволяет изучать сложные, многомерные объекты.

Потому растёт число предметных областей, претендующих на статус особых лингвистик: *онтолингвистика* [Гридина 2003], *гендерная лингвистика* [Хроленко, Бондалетов 2006], *лингвистика цветообозначения* [В.Г. Кульпина 2001; Калуга 2008; Талапина 2008], *вариантология* [Сложеникина 2005; Сандалова 2010], *суггестивная лингвистика* [Маслова 2008], *патолингвистика* [Беянин 2007], *гендерная лингвистика, юрислингвистика* [Сандалова 2010] и другие. А поскольку каждый из «ликов» языка в принципе может исследоваться особой лингвистикой, то возникновение и оформление новых парадигм лингвистики – дело будущего: «...будущее как более полное понимание языка, так и увеличение возможностей для работы лежит в развитии междисциплинарного общения, – считает В.А. Звегинцев, – только признав свое неведение и смиренно осознав необходимость усвоить знания других наук, с тем чтобы иметь возможность эффективно сотрудничать с ними, смогут лингвисты внести свой вклад в человеческие знания и способствовать улучшению мира, в котором мы живём» [Звегинцев 1973 : 27; Смирнов 1988; Вяч. Вс. Иванов 2004].

Глава 14

Непарадигмальные методы и методики лингвистики



Сила современной лингвистики в разнообразии её методов, каждый из которых отвечает своей цели и именно её достигает наилучшим образом.

Ю. С. Степанов¹

Непарадигмальные методы и методики лингвистики по сфере их применения можно объединить в две группы: *дисциплинарные*, используемые во многих или во всех областях лингвистики, и *частнодисциплинарные*, используемые в какой-либо одной области лингвистики.

Начнём рассмотрение с первой группы.

14.1. Дисциплинарные непарадигмальные методы и методики лингвистики

«В начале исследовательского пути ищет не столько мысль, строящая формулы и определения, сколько глаза и руки, пытающиеся нащупать реальную наличность предмета», – считает отечественный философ В.Н. Волошинов [Волошинов 1993 : 55].

Вот почему *описательный метод* является самым древним методом языкознания, который возникает на заре науки и является универсальным методом эмпирических наук. Этот метод был единственным в древней Индии, Греции и Риме.

14.1.1. Описательный метод и его методики²

Базой для описательного метода служат факты одного какого-либо языка. По своей природе он является методом синхронического анализа. Все древнейшие грамматики были по преимуществу описательными. На протяжении тысячелетий описательный метод является ведущим при изучении языковых фактов, воплощенных затем в научной и учебной литературе, в многочисленных словарях и энциклопедических изданиях. Причем в энциклопедиях для описания фактов языка часто используются рисунки, карты, схемы, таблицы, фотографии и т. п.

Описательный метод настолько универсален, что проще выявить границы его использования через указание того, где он не используется.

¹ См.: Степанов 2007 : 285.

² См. раздел 9.1 пособия.



Описательный метод служит для изучения фактов языка на уровне основных его ярусов в синхронном аспекте во *внепространственном, нефункциональном, идиоэтническом, неколичественном* (если не считать грубые оценки типа «всегда», «часто» или «редко») аспектах.

Целью этого метода является установление фактов и явлений языка и включение их в обиход научного исследования¹.

Господствующими методиками метода являются *наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация*.

Сущность *наблюдения*² заключается в выделении единиц описания, их свойств, признаков, характеристик. К примеру, описание звуков речи, отдельных групп лексики, грамматических свойств слов и т. п.

Эта методика имеет большое значение: «Простое наблюдение – это самый удивительный и доступный из всех методов, и от него зависит большинство других... Великое преимущество наблюдения состоит в том, что оно в отличие от химических или физических методов воздействия выявляет в объекте его бесчисленные свойства и взаимосвязи. *Наблюдение даёт целостный и естественный образ, а не набор точек*» [Селье 1987 : 230]. Вот почему наиболее адекватным способом сбора данных о языке является не опрос говорящих, а «наблюдение за текущей, спонтанной речью» [Пильх 1994 : 7].

*Обобщение*³ сводится к синтезу подобных и повторяемых явлений, единиц наблюдения в одну какую-либо более широкую категорию, в пределах которой они объединяются теми или иными общими признаками. Например, по близким признакам лексика объединяется в тематические, синонимические или иные группы.

*Интерпретация*⁴ результатов наблюдения представляет собой их толкование, установление места факта среди других фактов. Иногда устанавливается возможность различных интерпретаций одного и того же факта.

*Классификация*⁵ базируется на распределении совокупности фактов относительно один другого по определённым признакам. Результаты классификации часто оформляются в виде таблиц, например, классификация гласных и согласных. «Классификация – самый древний и самый простой научный метод. Она служит предпосылкой всех типов теоретических конструкций, включающих сложную процедуру установления причинно-следственных отношений, которые связывают классифицируемые объекты» [Селье 1987 : 276].

¹ Репрезентативность эмпирической базы исследования свидетельствует о *достоверности* полученных результатов. Вот почему академик Виктор Владимирович Виноградов стремился не просто к обилию фактов, а к их *исчерпанности*, если это возможно. Научное положение обычно не доказывается фактами и не иллюстрируется наиболее яркими из них в виде примеров. Для В. В. Виноградова характерны, если воспользоваться его же собственными характеристиками, «сколь возможно более полный перечень», «по возможности исчерпывающий реестр», потому часто в приложениях даётся полный список использованных фактов [Котюрова 2006 : 143].

² См.: общенаучные методы и приёмы эмпирического исследования: раздел 9.1 пособия.

³ См. философско-общелогические методы исследования: раздел 7.4 пособия.

⁴ См. раздел 7.4 пособия.

⁵ См. раздел 3.1.4 пособия.

Классификация как методика прошла длительную эволюцию¹, одним из этапов которой является таксономический². Эта методика обладает большим эвристическим потенциалом, поскольку она сочетается со структурным методом и его методиками, а потому даёт возможность обобщать и интерпретировать не только реально наблюдаемые факты и явления, но и выводимое из них структурно-системное устройство языка, а при сочетании с типологическим методом – разных языков. С этой позиции различают естественные классификации, построенные на содержательных признаках самих объектов, и искусственные (таксономические), которые базируются на условных, конвенциональных признаках [Пищальникова, Сонин 2009 : 55].

Вне всякого сомнения, описательный метод не мог не использовать ещё два философско-общелогических метода – анализ и синтез³.

Анализ состоит в том, что при наблюдении за таким сложным объектом, каким является язык, его расчленили на составные части, например, звуковой поток членили на слова, а слова в свою очередь – на звуки и т. д.

Синтез предполагает объединение полученных в результате анализа каких-либо свойств, признаков языковых объектов для того, чтобы дать по возможности полное и целостное описание объекта.

Так, постепенно формировались свои собственные способы применения описательного метода, используемого для составления прежде всего грамматик и словарей. К примеру, в грамматике Панини (V в. до н.э.) с исчерпывающей полнотой описаны правила чередования звуков 14-ти классов, правила словоизменения и словообразования в санскрите [Амирова и др. 2003 : 60-76].

Описательный метод углубляется и совершенствуется через внедрение метода лингвистического эксперимента, который выступает как качественно иное, усложнённое наблюдение: «эксперимент – это форма научного опыта, представляющая собой систематизированное и многократно воспроизводимое *наблюдение объекта*, его отдельных сторон и связей с другими объектами, которые выявляются в процессе преднамеренных, строго контролируемых пробных воздействий наблюдателя на изучаемый объект» [Мостепаненко 1966 : 91]. При этом независимо от видов эксперимента и его методик обязательными признаками является наличие контролируемых условий и воспроизводимость⁴.

Термин экспериментальный метод появляется в языкознании во второй половине XIX века в связи с изучением экспериментальной фонетикой

¹ Детальное описание классификационной деятельности человека дают С.В. Чебанов и Г.Я. Мартыненко [2008 : 328-390], которые выделяют в эволюции классификации 11 этапов: *мифологический, логический, гностико-натурфилософский, схоластический, естественно-исторический, натурфилософский, исторический, рационально-позитивистский, математико-статистический, таксоно-меронимический и когнитивный этапы*.

² А.Т. Хроленко и В.Д. Бондалетов считают *таксономическую* методику даже самостоятельным методом [2006 : 441-449]. Такое понимание противоречит названной нами работе С.В. Чебанова и Г.Я. Мартыненко, а также нашему изучению понятий *систематизации, классификаций и таксономии растений* [Комарова, Хасаншина 2009 : 80-90].

³ См. раздел 7.4 пособия.

⁴ См. раздел 9.1 пособия.

механизмов произнесения звуков и связывается сначала с применением приборов в этом процессе.

В узком смысле применение аппаратуры для изучения звуков получило название *экспериментально-фонетического метода*.

К основным экспериментально-фонетическим методикам относятся *соматические, пневматические и электроакустические* (или электрографические методики), которые дают надёжную и точную артикуляционную и акустическую характеристику звуков речи, их формантной структуры [Гируцкий 2001 : 292-293].

А.А. Реформатский выделяет более широкую базу экспериментальной фонетики. Он считает, что экспериментальный метод может осуществляться и без всяких машин и приборов – это так называемое *самонаблюдение без помощи инструментов* [Реформатский 1999 : 229-231], а также и с применением приборов и аппаратов: кимографическая методика (<греч. *kyma* – «волна» и *grapho* – «пишу») с помощью кимографов; спектрографическая методика (<греч. *spectrum* – «видимое» и *grapho* – «пишу») с помощью спектрографов и др. А современные компьютерные программы позволяют получать очень точные *интонаграммы* разных типов предложений [Там же : 228-243].

Развитие электронно-вычислительной техники и компьютерных технологий внесло в развитие экспериментальных методов лингвистики новые направления: автоматический (машинный) перевод, машинная обработка текстов, синтезаторы речи, «говорящие» работы, что делает актуальным алгоритмическое описание языка [Баранов 2001; Зубова 2004; Пиотровский 1975; 1979; 1985; 1996; 2008; Марчук 2007 и др.].

Следует подчеркнуть, что будучи преимущественно эмпирической наукой, основанной на всестороннем изучении конкретного речевого материала, т. е. имея фундаментальную опытную базу, лингвистика во все времена была теснейшим образом связана с экспериментом, даже в этимологическом смысле (<лат. *experimentum* – «проба, опыт»).

В отечественной науке эксперимент стал широко использоваться в традиционном языкознании в первой трети XX века, прежде всего благодаря трудам академика Л. В. Щербы [1974] и А. М. Пешковского [2002], а позже он стал использоваться широко не только в ряде частных парадигм, но и даже в таких крупных современных макропарадигмах, как коммуниктивно-прагматическая и когнитивно-дискурсивная [Сигал, Юрьева 2009], хотя до сих пор эксперимент неправомерно окружен в нашей науке ореолом неприятия, возникшим из ряда предрассудков и просто недоразумений [Сигал 2010 : 170-179].

Что касается описательного метода в целом, то он и дальше обогащается, вбирая в себя другие методы и методики, поэтому в лингвистической литературе есть очень широкое понимание границ этого метода [Сергеев 1977; Хроленко, Бондалетов 2006]. Так, В.И. Кодухов, принимая широкое понимание описательного метода, объединяет все методики и приёмы описания в две группы: *внешней интерпретации* и *внутренней интерпретации* [Кодухов 1974 : 224-240], такой подход был принят Л.П. Ивановой [1995 : 12-22], а затем и Ф.П. Сергее-

вым. Достаточно посмотреть на схему 27, которую даёт в своём учебном пособии Ф. П. Сергеев на двух страницах, в которую включает 34 методики и приёма описания. Дадим только один фрагмент этой схемы, описывающий приёмы внутренней интерпретации языковых фактов и явлений [Сергеев 1997 : 160].

Схема 27

Описательный метод: методики и приёмы внутренней интерпретации



Важно подчеркнуть, что описательный метод применяется всегда дифференцированно, в зависимости от принадлежности учёного к той или иной школе или направлению. Например, по-разному осуществляли описательное изучение языка сторонники логико-грамматической школы Ф.И. Буслова, грамматико-психологической школы А.А. Потебни, формально-грамматической школы Ф.Ф. Фортунатова, в синтаксической концепции А.М. Пешковского и т. п.

Итак, описательный метод позволяет накапливать большое количество эмпирического материала, расклассифицированного и интерпретированного в *первом приближении*, что давало основание некоторым лингвистам считать описательный метод ненаучным, а лишь методом изложения фактов.

Действительно, результаты, добытые этим методом, как правило, подвергаются дальнейшему исследованию и проверке другими методами, т. е. описательный метод, как правило, используется на начальном этапе исследования по любой проблеме для выявления *фактологической основы* исследования.

Поэтому, несмотря на свой более чем почтенный возраст, описательный метод широко используется в современном языкознании, занимая своё место в системе методов, хотя, по общему мнению лингвистов, даже в наши дни сохранилась неразработанность методологии описательного языкознания [Хроленко, Бондалетов 2006 : 422].



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чем заключается сущность описательного метода?
2. Каковы границы применения метода?
3. Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте сообщения о методиках и приёмах метода.
4. Чем, по Вашему мнению, объясняется такая «живучесть» метода?
5. Как Вы полагаете, в Вашем исследовании придётся ли использовать этот метод и его методики?
6. Как Вы понимаете соотношение *таксономии, классификации и систематизации*? Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте аргументацию Вашей позиции.
7. Прочитайте раздел 1.3 пособия «Уровни научного знания и познания» и подготовьте сообщение: «Научный факт – эмпирическое знание – теория».
8. Прокомментируйте высказывания:

Мы ценим факты, потому что они непреходящи и образуют почву для идей, но истинное своё значение факт получает только через идею, которая из него может быть развита (Ю. Либих).

Менделеевская классификационная таблица химических элементов стала могучим орудием дальнейшего развития не только химической науки, но и всего естествознания (Н.И. Кондаков).

Литература для углублённого изучения¹

Ажеж 2003	Максименко 1929; 1959;	Сигал, Юрьева 2009
Апресян 1967	2002	Токарева 2004
Амирова 2003	Мостепаненко 1966	Фёдоров 1969
Васильев 1990	Пешковский 2002	Хроленко, Бондалетов
Волошинов 1993	Пильх 1994	2006
Гируцкий 2001	Пищальникова, Сонин	Чебанов, Мартыненко
Глухов 2005	2009	2008
Горбачевский 1999	Реформатский 1999	Шахнарович 1974
Иванова 1995	Рубинштейн 2004	Щерба 1974; 2007
Кодухов 1974	Селье 1987	Щур 1971

¹ См. также литературу к разделам 1,3; 3.1.3; 7.4; 9.1 пособия.

Комарова, Хасаншина 2009 Сергеев 1997
Левицкий, Стернин 1989 Сигал 2010
Леонтьева 2008

Эксперимент 2004
Яцкевич 2010

14.1.2. Лингвостатистический метод и его методики

Для любого современного лингвистического исследования актуальным остаётся философское и общенаучное положение об органическом единстве качественной и количественной определённости предметов и явлений: «познать – значит измерить» [Декарт 1994 : 77]¹. В науковедении также подчёркивается, что именно действие закона перехода количества в качество служит важнейшим условием выявления закономерности существования объектов и явлений, в том числе и языковых.

При этом в науковедении установлены два основных типа законов². Во-первых, **детерминированные законы** (<лат. *determinare* – «определять»), признающие строгую, обязательную причинно-следственную обусловленность явлений природы и реже – общества. Например, вода при нагревании до 100° Цельсия при сохранении обязательных условий (без посторонних примесей при давлении 670 мм ртутного столба) обязательно закипит, превратится в пар, а при охлаждении до 0 градусов по Цельсию – в твердое состояние (лёд).

Во-вторых, **статистико-вероятностные законы** управляют событиями, которые могут произойти, а могут и не произойти, поскольку каждое случайное событие определяется не внутренней структурой объектов, а спецификой воздействия на них очень многих случайных причин, действующих одновременно³.

Действие статистических законов связано, главным образом, с жизнью живой природы (растения, животные) и человека. Так, они лежат в основе коммуникативного речепроизводства, на которое влияет целый ряд переменных величин, таких как психика и менталитет говорящего (пишущего), его коммуникативное намерение, фонд знаний о мире, характер собеседника, особенности ситуации общения и т. п. Отсюда законы функционирования и изменения языка и речи могут быть только вероятностно-статистическими [Головин 1970; Носенко⁴; Налимов 2003 и др.].

¹ Напомним, что уже Пифагор (начало V в. до н.э.) считал, что разумная часть души нуждается в математическом образовании как средстве, уводящем разум от творимых богами вещей к *вечным сущностям*, а началом сущего являются *числа и числовые пропорции*, которые он называл «гармониями». Уже пифагорийцы сделали попытку представить окружающий мир в виде гармоничной математической модели.

Аристотель полагал, что «без изменения количества невозможен переход бытия из одного состояния в другое, оно предшествует качеству» [Аристотель 1976 : 112; 2002 : 10]. См. далее в пособии: «*Философские принципы познания*» (раздел 1.2.) и «*Характерные черты науки*» (раздел 2.2).

² См. раздел 1.3 пособия.

³ Например, если мы будем подбрасывать монетку, то она может упасть на землю либо одной своей стороной – «орел», либо другой – «решка». На поведение монеты влияет ряд случайных причин, переменных величин, которые могут быть однонаправленными или разнонаправленными. В нашем примере – это форма монеты, её вес, сила ветра, плотность воздуха и т. п. Потому предсказать обусловленное поведение монеты невозможно. Но если такие случайные события наблюдать *множественно*, то можно выявить, что они подчиняются определённым закономерностям, и количество выпадений «орла» и «решки» определяется двумя числами – концами интервала колебаний: «от» и «до».

⁴ Носенко И.А. Начала статистики для лингвистов – М., 1981.

Если науки естественного цикла сравнительно давно «заговорили» на языке математики¹, то гуманитарные науки обратились к нему значительно позже: только в 20-м веке, при этом первой из них была лингвистика².

Прежде всего, необходимо выяснить, насколько правомерен такой подход к языку.

В свое время Н. С. Трубецкой высказал мысль, что «язык лежит вне меры и числа» [Трубецкой 2000: 54]. Это утверждение, по словам О. С. Ахмановой, до сих пор «не прокомментировано должным образом» [Ахманова 2004: 99]. Однако большинство лингвистов придерживается иной позиции³. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ, подводя итоги развития лингвистики XIX века, подчеркивал: «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его всё более и более к наукам точным» [Цитируется по: Алпатов, 2003 : 116]. При этом В. М. Алпатов, комментируя это высказывание, отмечает, что «прогноз бесспорно оправдался... Но всерьёз проблема математизации лингвистики встала лишь в 40-50-е годы XX века» [Алпатов 2003 : 166].

К нашим дням выявлено главное: «для языка несомненным является **квантитативный фактор**» [Николаева 2000 : 14]. Так, видный польский исследователь В. Манчак, обсуждая вопрос о кризисе современного языкознания, считает, что «основным приёмом реализации в языкознании критерия истинности должно быть **статистическое обследование текстов**», так как частотность является, по его мнению, «основным двигателем в развитии и функционировании языка» [Цитируется по: Борисов 1999: 33], мощным инструментом для выявления сущности лингвистических явлений [Марчук 2007 : 232].

В лингвистике наших дней также утверждается значимость квантитативной характеристики языковых единиц: «При некоторых издержках она всё-таки, вне сомнения, может способствовать повышению уровня филологической науки, если «чистые филологи» не убоятся бездны математической премудрости» [Кормилов 2003 : 231].

«Но как нам представляется, было бы всё же ошибкой утверждать, что применение математического аппарата (точнее статистических методов) в принципе неспособно привести к получению **новой информации о лингвистических объектах** (выделено мною – З. К.) и обречено лишь конкретизировать и «оттенять» факты, найденные на других путях историко лингвистического познания» [Журавлёв 1995 : 31].

¹ Так, ещё в X веке учёный и философ эпохи Возрождения Николай Кузанский в трактате «*Об учёном познании*» утверждал, что все познания о природе необходимо записывать в цифрах, а все опыты над нею производить с весами в руках. После триумфа классической механики Исаака Ньютона (1642-1727) количественные методы стали применяться и в других науках [Горелов 2010 : 54].

² Так, русский математик А.А. Марков в 1913 г. издал работу «*Опыт статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепи*», в которой установил частотность повторения гласных и согласных звуков в тексте романа А.С. Пушкина, опираясь на теорию вероятностей.

³ Показательны в этом отношении слова Вяч. Вс. Иванова, который пишет: «Необходимость количественного исследования явно или неосознанно на практике признаётся всеми лингвистами, хотя они иногда заявляют обратное» [Иванов Вяч. Вс. 1963 179]. См. также В. В. Виноградов [1938: 1761, В. Н. Ярцева [1970], Ф.П. Филин [1979 : 27], Б. Н. Головин [1970 : 10] и др.

Объективные основания для применения статистических методов языка были сформулированы Б. Н. Головиным: «нужно признать объективную при-сущность языку количественных признаков, количественных характеристик» [Головин 1970 : 11].

Поддерживая эти идеи Б. Н. Головина, Р. Г. Пиотровский подчёркивает, что первым фактором, стимулирующим использование математических методов, оказались **потребности самого языкознания** [Пиотровский 1979 : 5; 2007 : 7]. Дело в том, что расширение и углубление лингвистических исследований в середине XX века настоятельно потребовало создания надёжной и экспериментальной методики, которая давала бы возможность не только собирать и трактовать непосредственно наблюдаемые лингвистические факты, но также исследовать скрытые от прямого наблюдения лингвистические объекты и связи. Эти потребности могли быть удовлетворены с помощью методов математического моделирования, опирающегося на приёмы количественной и неколичественной математики.

Вторым фактором было «стремление математиков использовать речевой материал для приложения и экспликации новых идей» (например, теории алгоритмов, теории графов, теории конечных автоматов и др.) [Там же : 6], которое давало импульсы самой лингвистике.

Третьим фактором является контакт лингвистики с семиотическими и системными исследованиями, направленными на создание искусственного интеллекта, имитирующего речемыслительную деятельность человека (Д. А. Поспелов, Р. Г. Пиотровский, В. Н. Садовский, А. В. Гладких, Б. Д. Рабинович и др.).

В качестве четвёртого фактора выступают запросы информационно-вычислительной индустрии и потребности автоматизации. Особенно потребности оперативно перерабатывать научно-технические и деловые документы, написанные на русском и других языках, а также работа по созданию баз данных, баз знаний, национального машинного фонда русского языка [Герд 2005 : 38], что обусловило создание алгоритмов автоматической переработки текстов.

Пятым фактором, связанным с четвёртым, является информатизация общества в целом, создание постэнергетической картины мира, когда «"атомами" мироздания стали вещество, энергия, знание и **информация**»¹, на базе чего возник «**союз информатики и языкознания**» [Андрющенко 1987 : 5-13].

Шестым фактором, ускоряющим развитие этой ветви лингвистики, является необходимость статистической оптимизации преподавания родного и неродного языков, для чего массово создаются лексические минимумы и частотные словари.

Таким образом, применение математических методов, определяемое социальными потребностями и логикой развития самого языкознания, «является неодолимым объективным фактом, не зависящим от воли отдельных учёных и научных школ» [Пиотровский 1979 : 6], «входит в языкознание в своём новом

¹ См.: Шемакин Ю. И. Предисловие: Постсинергетическая картина мира//НТИ. – Сер. 2. – 2001. – №4. – С.1.

качестве – в качестве неотъемлемой составной части точных методов исследования языка» [Ахманова 1966 : 97; Пиотровский 2007 : 7].

При этом продуктивным является вероятностный системно-квантитативный метод в языкознании, а отсюда и сама область – лингвостатистика – «раздел науки о языке, который посвящён получению, обработке и оценке численных характеристик, присущих языковым объектам и отношениям между объектами» [Андреев 1965 : 10].

В настоящее время лингвостатистика находится на стадии трезвой оценки своих возможностей, которые определяются природой самого изучаемого объекта – языка. Поэтому центр внимания переместился с вычислительной стороны на содержательную, в частности – «на разработку моделей, воспроизводящих не структуру языка, а функционирование элементов **языковой структуры**» [Якубайтис 1981 : 11].

В результате этого на базе сосюрговской дихотомии «язык-речь» и «синхронии-диахронии», с учётом антиномий «потенции» и «реализации» как коррелятов языка (орудия) и речи (реализации, применения), сформировалась методика системно-квантитативного анализа. В ней различаются четыре подсистемы: на языковом уровне – «языковая компетенция» и «языковая схема»; на речевом уровне – «речевой процесс» (акт) и «речевой продукт» (текст) [Тулдава 1987 : 21].

Это позволило сформулировать методологический постулат: «язык как совокупность **одновременно существующих текстов** (подчёркнуто мною – З.К.) [Арапов 1988 : 89], то есть текстов в их функционально-стилистической и тематической (подъязыковой) дифференциации. А любая речь, в том числе и научная, прежде всего – **суммарный итог случайных реализаций языка**» [Ахманова 1966 : 99].

При этом современные данные по стилистике научной речи показывают «функционально-стилистическую неоднородность научного регистра речи» [Комарова 2004 : 159], что обусловило обращение к предметно-тематической дифференциации русского языка, то есть к понятию **подъязык**, под которым мы вслед за Н.Д. Андреевым понимаем «набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой» [Андреев 1965 : 23; 1967 : 128].

Именно этому учёному принадлежит заслуга обоснования актуальности **статистического исследования подъязыков**: «Как экстралингвистическое, так и внутрilingвистическое в типологии подъязыков, к сожалению, ещё **очень плохо изучено** (подчёркнуто мною – З.К.) – и напрасно: роль специальных сфер употребления языка в наше время непрерывно растёт, их взаимодействие с общезыковой системой речи усиливается, и этот аспект языкового развития должен стать предметом самого пристального внимания лингвистов, предметом особых разделов науки о языке: подъязыковой типологии и отраслевой лингвистики» [Андреев 1967 : 122].

Если за прошедшие десятилетия положение резко изменилось в исследовании отраслевой лингвистики, где наблюдаются значительные достижения [Лейчик 2007 : 176-202], то в подъязыковой типологии существенных измене-

ний не произошло: «из-за отсутствия надёжных статистических исследований в данной области мы не можем сделать каких-либо исчерпывающих выводов» [Комарова 2004 : 33]. Следовательно, статистическое обследование подъязыков на сегодняшний день является **актуальной проблемой**.

А поскольку «подъязыки различных областей отличаются друг от друга, прежде всего, вероятностными спектрами своих лексических наборов» [Андреев 1967 : 23], то, как показывает анализ изученной научной литературы, более всего подъязыки статистически обследованы в области лексики (терминологического репертуара) и значительно слабее в области грамматики, где основные результаты получены по корреляционному анализу частей речи, на базе этого – атрибуции текстов и выделению констант стилометрии [Андреев 1967 : 61; Якубайтис 1980, 1981, 1982; Арапов 1988 : 49].

Итак, на сегодняшний день применение математических методов в лингвистике регулируется двумя лингвистическими науками: *математической лингвистикой* и *лингвостатистикой*, которые иногда объединяются достаточно условным понятием **квантитативная лингвистика** [Баранов 2001 : 38].

Математическая лингвистика – пограничная дисциплина, возникшая на стыке *математики* и *лингвистики*, предметом которой является разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков; для чего используется неколичественный математический аппарат: *теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов* и др.

Лингвостатистика, лингвистическая статистика – лингвистическая дисциплина, разрабатывающая способы применения *статистических методов*, базирующихся на статистико-вероятностных закономерностях, в языкознании прежде всего используется для изучения процессов речи, а точнее – текстов.



Итак, **лингвостатистический метод** – это совокупность статистических (межпарадигмальных) методик, приёмов и процедур, используемых для получения количественных данных о языковых явлениях, с целью раскрытия статистических закономерностей функционирования единиц языка и речи, а также для установления статистических закономерностей построения текстов¹.

Задачи статистического анализа текста:

1. Определить лексическое и грамматическое богатство данного текста или совокупности текстов.
2. Установить особенности индивидуального стиля автора, его способов воздействия на читателя.
3. Исследовать специфику отдельных функциональных стилей (подъязыков науки, прессы, художественной литературы).
4. Определить основы сбора и классификации языковых данных, полученных в результате наблюдений или в результате поставленных экспериментов в зависимости от цели исследования.
5. Составление частотных словарей.

¹ Помним вывод Б.Н. Головина: «Язык вероятностен, речь частотна» [1970 : 89].

Базовые концепты метода:

- **Генеральная совокупность** – совокупность всех текстов данного автора или данного функционального стиля или отдельного подязыка науки (лингвистика, экономика, архитектура и т. п.). Можно провести исследование всей данной совокупности, но это потребует больших временных и материальных затрат. В связи с этим из генеральной совокупности выбирают ограниченное число объектов, которые подвергаются изучению.
- **Выборочная совокупность**, или **выборка** – проба из генеральной совокупности определённого объема. Выборка должна быть *репрезентативной* (фр. *representatif* – «представительный, показательный»), т. е. она должна правильно представлять всю генеральную совокупность. С этой целью берется обычно несколько выборок, по которым надежно можно судить обо всей генеральной совокупности.
- **Способы формирования выборок**. Генеральная совокупность разбивается на части на основе случайного отбора. Обычно берутся от 5 до 20 выборок по 500 словоупотреблений [Карлинский 2009 : 132]¹. Под словоупотреблением понимается цепочка графических символов, букв между двумя пробелами.
Число выборок обозначается символом n (например, при 5 выборках – $n = 5$), а номер выборки – порядковыми числами – 1, 2, 3 ... i .
- **Выборочная частота** (x_i) – число появления изучаемого явления в наблюдаемой выборке: $x_1, x_2, x_3 \dots x_i$.
- **Средняя выборочная частота** (\bar{x}) – это среднеарифметическое значение выборочных частот или сумма выборочных частот – $\sum x_i$ (где \sum – знак суммы), деленная на число выборок – n .

$$\bar{X} = \frac{\sum x_i}{n};$$

Отклонение выборочных частот (x_i) от средней выборочной частоты (\bar{x}) – это разница между наблюдаемой частотой каждой отдельной выборки и общей средней:

$$a_i = x_i - \bar{x}$$

Среднее квадратичное отклонение (δ) частот от средней частоты равняется квадратному корню суммы квадратов отклонений, делённых на количество выборок – n .

$$\delta = \sqrt{\frac{\sum a_i^2}{n}},$$

или
$$\delta = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n}},$$

¹ Есть и другие способы формирования выборок, например, в нашем исследовании выборка составляет 100 тысяч словоупотреблений: 100 выборок по 1000 словоупотреблений [Комарова, Краев 2009 : 59].

где \sum – знак суммы; a_i^2 – квадраты отклонений выборочных частот от средней; n – число выборок.

➤ **Определение точности оценки распределения** наблюдаемых частот при известном среднем квадратическом отклонении (δ) вычисляется по формуле:

$$\lambda = \frac{t \cdot \delta}{\sqrt{n}},$$

где t – коэффициент точности; δ – среднее квадратическое отклонение; n – число выборок.

Чем больше количество выборок, тем меньше ошибка при определении средней наблюдаемой частоты (x), или, иначе говоря, при возрастании количества выборок (ср. 10 выборок и 100 выборок) точность оценки возрастает.

Числовое выражение коэффициента t изменяется в зависимости от числа выборок и желаемой надежности γ . Оно определяется по следующей таблице:

n	γ	t	n	γ	t
5	0,95	2,78	15	0,95	2,15
10	0,95	2,26	20	0,95	2,09

Например, при пяти выборках и надежности в 0,95 (95% наблюдаемых частот из 100 не будет выходить за рамки статистической вероятности (p)).

$$\lambda = \frac{2,78 \cdot \delta}{\sqrt{5}}$$

При 10 выборках $t = 2,26$, при 15 $t = 2,15$ и т. д.

При помощи определения оценки распределения наблюдаемых частот (λ) можно достичь значительной точности при малом количестве выборок. При лингвистических исследованиях удобнее всего для подсчетов брать 10 выборок, при надежности 92% (из 100!) и коэффициент $t = 2$ [Головин 1973 : 26-27].

➤ **Статистическая вероятность изучаемого явления (p)** среди других явлений будет равна: $p = \bar{x} \pm \lambda$, т. е. величина колебаний наблюдаемых частот будет находиться в пределах «от» $x - \lambda$ «до» $x + \lambda$.

Методика лингвостатистического анализа

Поскольку методика модифицируется в зависимости от конкретной цели исследования, то покажем методику в «действии» **по цели**: выявить количественные (частотные) и качественные характеристики ядерных служебных слов русского подъязыка информатики [Комарова, Краев 2009 : 13].

Гипотезой, положенной в основу исследования, является предположение о том, что частотные характеристики изучаемых слов и их типовые лексико-грамматические и семантические признаки находятся в отношениях взаимообусловленности.

Поскольку частотность в квантитативной лингвистике¹ понимается как аналог употребительности [Алексеев 1975; 1990; Пиотровский 1977; Поликарпов 1989; Тулдава 1987 и др.], то это означает «способ ранжирования по системной и функциональной значимости исследуемых слов» [Титов 2002 : 9].

Нами обоснованы принципы формирования **выборочной совокупности** – корпуса текстов в 100 000 словоупотреблений: 100 текстов по информатике по 1000 словоупотреблений [Там же : 59-73].

При экспериментальном лингвостатистическом моделировании были приняты следующие *допущения*:

- хотя конгломерат текстов (в нашем случае – 100) и целостный текст тех же размеров устроены несколько по-разному, «учитывая закон Ципфа-Мандельброта, можно экстраполировать статистические данные на конгломерат текстов» [Арапов 1988 : 31];
- хотя структура выборочной совокупности лишь приближенно отражает структуру генеральной совокупности текстов [Алексеев 1975 : 33], можно экстраполировать частотные характеристики слов, полученных в выборочной совокупности, на всю генеральную совокупность текстов по информатике, то есть на весь подъязык информатики [Пиотровский 1975 : 61; 1981 : 36];
- хотя частотный словарь отражает лишь лексический состав выборки, но не порядок следования лексем, возможно использовать допущение «о независимости следования лексем в тексте выборки [Пиотровский 1975 : 119] при определении рангов слов.

Первый этап моделирования состоит в квантификации языкового материала выборочной совокупности текстов, которая в целом представляет собой «некоторое абстрактное преобразование (сведение качества к количеству)... заключающееся в процедуре приписывания по заранее фиксированным правилам числовых значений тем или иным наблюдаемым объектам... вследствие чего эти явления можно изучать как **количественные объекты**» [Тулдава 1987 : 33].

В результате идентификации были выявлены числовые характеристики 601 единицы служебной лексики, зафиксированной в обследованных текстах, которые и являются их частотами, точнее, их **абсолютными частотами**. «Частотой какого-либо явления называют **число его появлений** в наблюдаемом отрезке действительности» [Головин 1970 : 21].

При этом особо следует остановиться на тех служебных словах, которые встретились всего один раз, то есть имеют частоту, равную единице. Встал вопрос о том, следует ли включать эти единицы ($F=1$) в исследование.

В отношении этих слов квантитативная теория и практика противоречивы. Так, в частотный словарь под ред. Л. Н. Засориной включены слова с частотой **10** и выше. В целом ряде частотных словарей разных подъязыков границы

¹ Квантитативная лингвистика отличается от математической лингвистики бóльшим вниманием к языковой специфике, которая стоит за количественными отношениями, т. е. соотношениями *количественных* и *качественных* сторон языка [Арапов 1988].

частот самые разные. В последний частотный словарь А. С. Шарова (2002 г.) включены не только слова с $F=1$, например: *посредством, ввиду, притом, свыше, наподобие, посредине, сверх, кабы ...*, но и даже **нуль-частотные** служебные слова, например: *исключая, сообразно, близ, взамен, наперекор, яко*¹.

В данном исследовании служебные слов $F=1$ включаются в частотный словарь, поскольку это, во-первых, соответствует цели исследования, требующей выявить весь ядерный служебный лексикон подъязыка информатики; во-вторых, согласно парадоксу вероятности и информации, «редкие лингвистические единицы несут больше потенциальной информации, чем единицы, часто употребляющиеся в тексте, поэтому при формировании словников приходится включать все лексические единицы, в том числе и такие, которые имеют $F=1$ » [Пиотровский 1975 : 92-93]; в-третьих, слова $F=1$ необходимы для вычисления «индекса исключительности».

Второй этап лингвостатистического моделирования состоит в том, что на базе полученных эмпирических частот составляется вариационный ряд слов с указанием частот по принципу убывания частоты, то есть проводится спектральное распределение²; или частотный спектр служебной лексики, иногда называемый просто лексический спектр.

В нём определяем «индекс разнообразия» как отношение количества лексем ($N=601$) к объёму текста ($N=100000$), равный 0,006. Затем определяем «индекс исключительности» как количество слов с $N=1$ (63 слова) к объёму текста ($N=100000$), равный 0,0006. «Индекс разнообразия» и «индекс исключительности» являются важными квантитативными характеристиками служебного лексикона подъязыка информатики³.

Третий этап исследования состоит в том, что выделенным ядерным служебным словам (а точнее их количественным признакам) были приписаны ранги (порядковые номера), в результате чего было получено ранговое распределение выделенного лексикона, которое имеет большое значение, т.к. ранг как эмпирический аналог статуса слова показывает *меру употребительности слова* а исследованном тексте [Пиотровский 1977; Арапов 1982; Тулдава 1985, 1987 и др.]⁴.

Четвёртый этап заключается в частотно-ранговом распределении ядерных служебных слов. А поскольку между частотой и рангом существует устойчивая закономерная обратно пропорциональная зависимость [Пиотровский 1975; Якубайтис 1981; Алексеев 1987:5], то в этом распределении словам с

¹ Эксперимент Р. Г. Пиотровского и К. Ф. Лукьяненко показал, что для выявления нуль-частотных слов, покрывающих 1-3% текста, понадобится обработка текста 10^{10} словоупотреблений, то есть около 30 млн. страниц, что «на данном этапе развития вычислительной техники оказывается нереальным» [Пиотровский 1975 : 95].

² Распределение – это результат такого расположения элементов, когда каждому из них по определённым признакам приписывается его частота, численность или ранг [Алексеев. 1987 : 4].

³ Для сравнения укажем, что «индекс разнообразия» служебных слов по МАС-2 составляет лишь **0,0012**, то есть в 6 раз ниже, чем в подъязыке информатики.

⁴ Важно, что *ранг* в частотном лексиконе «не зависит от объёма выборки и позволяет легко сопоставлять данные, полученные на разном материале» [Арапов 1987 : 19].

большими частотами соответствуют меньшие ранги в ряду, расположенном по убыванию частот.

Такое совместное частотно-ранговое распределение «раскрывает частотную структуру лексики текстов и представляет собой аспект общей статистической организации текста» [Тулдава 1987: 66] и «может служить объективной типологической характеристикой языков и подязыков» [Тулдава 1987 : 149].

Полученное частотно-ранговое распределение служебной лексики даёт возможность, во-первых, судить о покрываемости текста массивом выявленных единиц.

Экспериментальным путём на материале 8 подязыков английского, немецкого, французского и русского языков (П. М. Алексеев, О. А. Волмянская, Р. Г. Пиотровский) установлено, что в ранговом интервале « $i=100-150$ стабилизируется степень покрываемости анализируемого текста... и начиная с 20-й выборки, степень покрываемости текста не падает ниже 91%», а по данным Р. М. Фрумкиной, это является *межъязыковой универсалией*: покрываемость текста на любом языке «колеблется $80\% \pm 10\%$ в зоне высокочастотных лексем» [Цитируется по: Тулдава 1987 : 87].

Во-вторых, частотно-ранговое распределение служебного лексикона даёт возможность выявить эффект концентрации/рассеяния, для чего необходимо провести предварительно «стратификацию разных по статистическому весу пластов лексики, то есть провести выявление основных частотных зон» (выделено мною – З.К.) [Засорина 1966 : 57].

Как указывает Ю. Тулдава, «выделение частотных зон возможно по разным основаниям, и оно может быть осуществлено в зависимости от целей и задач исследования» (выделено мною – З. К.) [Тулдава 1987 : 65].

Исследователи, как правило, выделяют три основные зоны: зону **высокой частотности, средней частотности и низкой частотности**. Но при этом границы частотности различаются от исследования к исследованию. Исходя из цели нашего исследования специальных, терминологических текстов подязыка информатики, для выделения среднечастотной зоны принимаем границы, предлагаемые для таких терминологических текстов Ю.А. Тулдава: $50 > F > 15$ [Тулдава 1987 : 143]. На основании этого выделяем в материале три основные зоны частотности: **1-я – высокой частотности** с частотой выше 50, с подзонами: **приграничной** – $F=52-100$ с/у; **центральной** – $F=1001-1000$ с/у и **уникальной частотности** – $F > 1000$; **2-я зона – средней частотности** с $F=51-14$ с/у; **3-я зона – низкой частотности** с $F=13-1$.

Завершая общую характеристику экспериментального лингвостатистического моделирования, подчеркнём два момента.

Во-первых, поскольку большинство лингвостатистических задач не решается однозначно, а сводится, как правило, к получению ряда альтернатив, полученную нами математическую модель следует рассматривать как некоторое вероятностное приближение к действительности, что в общем виде обусловлено и самой вероятностной природой языка [Налимов 2003].

Во-вторых, с помощью закона Ципфа-Мандельброта «измеряется» только формально-частотная структура лексикона исследуемого текста вне связи с конкретным языковым «заполнением» его содержательной структуры, поэтому необходим «мостик» между количественными и качественными характеристиками.

О достоверности результатов лингвостатистического исследования

Выдвижение тезиса об универсальности квантитативно-текстовой методики и признание «частотности основным двигателем в развитии и функционировании языка» (В. Манчак) и «сильным ходом на пути поиска научной истины в науке о языке» (В.В. Борисов, Р.Г. Пиотровский, Е.Б. Соколинская) возможно только при соблюдении «важнейших правил организации статистического эксперимента и методики анализа его результатов» [Борисов 1999 : 33]. Этим объясняется тот факт, что в работах по квантитативной лингвистике большое внимание уделяется именно проверке правил организации эксперимента и оценке результатов исследования.

При этом в 70-е годы XX века обязательным требованием проверки достоверности результатов было определение «среднего квадратичного отклонения от средней выборочной частоты» [Головин 1970 : 50], которая даёт точное определение ошибки наблюдения. Б.Н. Головин, облегчая труд математически неподготовленных лингвистов, даже даёт таблицы для расчета среднего квадратичного отклонения, то есть допустимых пределов «ошибки» эксперимента [Головин 1970]¹.

Активно обсуждается в экспериментах, «какие различия относить на счёт варьирования условий эксперимента, а что считать случайными флуктуациями» [Арапов 1988 : 81]. Иначе говоря, оценивая исследования, надо дать ответ на вопрос: «являются ли найденные общие закономерности более или менее стандартными достоверностями» [Там же : 178].

Позже, к 90-м годам XX века, было установлено, что доверительные интервалы вероятностей, полученные с помощью расчётных формул, от значений эмпирических опытных частот *отклоняются незначительно*.

К нашим дням исследователи уже убедились, что установление доверительных интервалов оценки вероятностей лингвистических величин с помощью традиционной среднеквадратичной погрешности для объекта с нечёткими множествами, каким является язык, – **некорректно** (выделено мною – З.К.) [Борисов 1999 : 33]. Следует ориентироваться на множество познавательных оценок [Там же : 35] и прежде всего на *методику проведения эксперимента*, поскольку «если эксперимент поставлен корректно, то и частоты будут лежать в границах доверительной вероятности»².

Вот почему так тщательно были определены и обоснованы принципы формирования корпуса текстов для квантитативного исследования служебных

¹ Именно такой подход даётся в работе А. Е. Карлинского и др. [2009 : 134-137]

² См. аналогичные данные у П. М. Алексеева, К. Б. Бектаева, К. Ф. Лукьянкова, Н. С. Манасян, Л. М. Сутягиной и др.

слов и сама методика экспериментального лингвостатистического моделирования.

Исходя из этого, полагаем, что полученные экспериментальные данные находятся в границах доверительной вероятности, учитывая при этом и то, что «требования **исчерпывающего** и полностью **достоверного** (подчеркнуто мною – З. К.) знания о языке трудно совместимы» [Арапов 1988 : 178] и не вытекают из вероятностной природы естественного языка [Налимов 2003].

Итак, как уже было показано, лингвостатистический метод является дисциплинарным методом лингвистики, поскольку в принципе может применяться к любому уровню языка. Он может использоваться как для синхронных исследований, так и для диахронии. Особую продуктивность он показал при использовании в сравнительно-исторических исследованиях¹. Объединяясь со структурным методом [Иванова 1995 : 46-48], он создает структурно-вероятностную модель языка, обладающую большой реалистичностью, особенно эффективна она в типологических исследованиях [Шайкевич 2002 : 231].

Лингвостатистический метод обладает большими эвристическими возможностями:

- суждения, основанные на количественно-частотных данных, делают их точными и аргументированными;
- выявляют такие обстоятельства функционирования языка или диалекта, которые иными способами не обнаруживаются;
- позволяют глубже и всесторонне понять причины и результаты языковой эволюции, длительность эволюционных процессов, их хронологию и даже в какой-то мере прогнозировать будущее языковое развитие;
- расширяют сферу прикладного использования языкознания [Хроленко, Бондалетов 2006 : 472].

Самым мощным импульсом сотрудничества математиков и лингвистов стала необходимость обеспечения вычислительных машин, играющих всё более важную роль в жизни современного общества, где наиболее активно проявляется органическое единство теоретического и прикладного языкознания [Баранов 2001; Герд 2005; Зубов, Зубова 2004; Марчук 1990; 2007 и др.].

Тем не менее лингвостатистический метод в современной лингвистике разработан ещё недостаточно. Особенно это ощущается при исследовании семантики языковых единиц, что объясняется двумя наиболее очевидными причинами: во-первых, сфера идеального всегда считалась сложной для изучения её статистическими методиками, а во-вторых, недостаточной подготовкой лингвистов в области математики [Алефиренко 2009-б : 393]².

Наконец, необходимо подчеркнуть, что, как и любой другой метод, лингвостатистический имеет ограничения в применении: «применяя статистический метод, мы не можем предсказать поведение отдельного индивидуума совокуп-

¹ См. раздел 12.1.5 пособия.

² Лингвистике в союзе с математикой ещё предстоит проверить истинность утверждения, что все слова в языке имеют суммарные исчисления меры, подчиняющиеся закономерности, что слова-синонимы имеют одну и ту же сумму чисел, что в древних языках слова одного смысла имеют одинаковую числовую меру [Мартынов 1966].

ности. Мы можем только предсказать вероятность того, что он будет вести себя некоторым определенным образом. Статистические законы можно применять только к **большим совокупностям, но не к отдельным индивидуумам, образующим эти совокупности**» (выделено мной – З. К.) [Эйнштейн, Инфельд 1965 : 231; Горелов 2010 : 50].

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что использование математических методик и приёмов в лингвистике не является самоцелью, а только одним из вспомогательных средств увеличения объективности и точности. Математические данные обрастают плотью и кровью в том случае, если они получают качественную (лингвистическую) интерпретацию.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Каковы объективные предпосылки применения математических методов в лингвистике?
2. Как и почему сложился лингвостатистический метод?
3. В чем состоит сущность лингвостатистического метода?
4. Чем отличаются *детерминированные законы* от *статистико-вероятностных*?
5. Какова роль *средней выборочной частоты* в лингвостатистическом методе?
6. Есть ли необходимость использования лингвостатистического метода в Вашем исследовании?
7. Прокомментируйте высказывания:

Точность нужна в той мере, в какой она допускается природой материала. Излишняя точность может оказаться помехой в развитии науки и понимания существа дела (Д. С. Лихачёв).

Я уважаю математику как самую возвышенную, полезную науку, поскольку её применяют там, где она уместна, но не могу одобрить, чтобы ею злоупотребляли, применяя её к вещам, которые не входят в её область и которые превращают благородную науку в бессмыслицу (И. В. Гёте).

Литература для углублённого изучения

Алексеев 1977; 1983	Карлинский 2009	Статистико-комбинаторное 1965
Алефиренко 2009	Колмогоров 1997	Статистические методы 1982
Алпатов 2003	Комарова А.И. 2004	Сухотин 1990
Анализ метаязыка 1982	Комарова, Краев 2008	Титов 2002
Андреев 1967; 1975; 1979	Комарова, Дедюхина 2010	Тондл 1975
Андрющенко 1987	Комарова, Запевалова 2010	Трубецкой 2000
Арапов 1974; 1988	Корнилов 2003	Тулдава 1987
Аристотель 1976		
Арнольд 1991 (2010)		

Ахманова и др. 1961; 1966; 2004	Крейндлин, Шмелев 1994	Фёдоров 1969
Баранов 2001	Лейчик 2007	Фрумкина 1964; 1966; 1975
Бельская 1969	Лосев 1983	Хайдеггер 1993
Бодуэн де Куртенэ 1963	Марков 2011	Хансен 2004
Бор 1963; 1971	Мартынов 1966; 1989	Хант 1993
Борисов и др. 1999	Марчук 2007	Хмелев 2000
Васильев 1990; 1997	Машинный фонд 1986	Хроленко, Бондалетов 2006
Вяч. Вс. Иванов 1963; 2004	Методология 2006	Частотный 1977
Гегель 1975	Налимов 2003	Шайкевич 1976; 1996; 2002
Герд 2005	Николаева 2000	Шемакин 2001
Гируцкий 2001	Переверзьев 2002	Шеннон 1963
Гладкий 1973	Перцов 2009	Штейнфельд 1963
Гладкий, Мельчук 1969	Пиотровский 1975; 1979; 1985; 2007	Эйнштейн, Инфельд 1965
Головин 1974; 1983	Пищальникова, Сонин 2009	Яглом 1975
Горелов 2010	Плотников 1979; 1984	Якубайтис 1982
Гринберг 1963	Плунгян 2006; 2008	Ярцева 1952
Декарт 1994	Поспелов 1995	Integrum 2006
Журавлёв 1994	Рокицкий 1964	
Иванова 1995	Сводеш 1960; 1999	
Ильин 1972		
Кант 1999		

14.1.3. Контекстологический анализ

Как и другие исследовательские процедуры, методика контекстуального анализа неразрывно связана с соответствующей языковой теорией в данном случае с теорией *контекстной семантики* (термин Г.В. Колшанского).

Родоначалником теории контекста можно считать основателя Лондонской лингвистической школы структурализма¹ Дж. Фёрса (1890-1960) [Фёрс 1962], который, продолжая идеи антрополога и этнографа Бронислава Малиновского [2000] (1884-1942), считал, что высказывание получает смысл в ситуативном и социальном контексте и является функцией такого контекста. При этом подходе учитывается влияние на языковую семантику коммуникативной ситуации, ролевой структуры общения, социальных факторов и условий функционирования языка, всего многообразия познаваемого человеком мира, образующего информационную основу коммуникации.

В этой школе *контекст ситуации* определяется в лексическом плане как типичное и постоянное окружение данного элемента (*коллокация*): в грамматическом плане – как соположение грамматических форм (*коллигация*).

Под понятие *коллокации* подводятся характерные, часто встречающиеся *сочетания слов*, чьё появление рядом друг с другом основывается на ре-

¹ Общую характеристику Лондонской школы структурализма (школы концептуализма), которая оформилась в 40-е гг. XX века, см.: [Сусов 2006 : 248-252].

гулярном характере взаимного ожидания и задаётся не грамматическими, а чисто семантическими факторами, т. е. понятие коллокации близко к понятию *сущностных семантических отношений* Вальтера Порцига и к понятию *лексических солидарностей* Эуджениу Косериу.

Колликации трактуются как совокупности морфолого-синтаксических условий, обеспечивающих сочетаемость языковых единиц. Это понятие сближается с понятием *совместной встречаемости* З. Харриса, к понятию валентности С. Д. Кацнельсона, Л. Теньера, А. А. Холодовича, Г. Хельбига и к понятию *сочетаемостной потенции* В. Г. Адмони.

Таким образом, рассмотрение контекста как *внеязыковой среды*, в которой функционируют языковые единицы всех рангов: слова, предложения, тексты, возникло раньше, чем концепция лингвистического и стилистического контекстов, составляющих основу современной методики, называемой *контекстологической*.

Подход Фёрса несомненно перспективен, особенно в свете современной теории коммуникации и прагмалингвистики. К сожалению, при наличии целого ряда теоретических работ, рассматривающих проблемы контекста с этой точки зрения, ни соответствующего исследовательского *метода*, ни необходимых *методик общего характера* пока не создано [Арнольд 1991 : 46].

Это – дело близкого будущего. В нашей стране теория и методика контекстологического анализа связана прежде всего с именем Натальи Николаевны Амосовой (1911-1966). Теория контекстологического анализа была создана ею в процессе исследований английской фразеологии, причем основное ее внимание первоначально было сосредоточено на разграничении постоянного и переменного контекста при описании и характеристике фразеологических единиц, т. е. теория возникла при решении конкретной задачи, но оказалась вскоре применимой в значительно более широком диапазоне и плодотворно разрабатывалась уже после смерти ученого многочисленными учениками и коллегами. Методика не потеряла своего значения и непрерывно развивалась в последние десятилетия¹.

Н. Н. Амосова определяла *контекст* как соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом. В основе такого понимания имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке, основанная на следующих *допущениях*:

1. Языковой знак асимметричен, полисемия и омонимия являются языковыми универсалиями, но все множество значений каждого языкового знака можно разделить на отдельные дискретные элементы – *лексико-семантические варианты*, которые могут идентифицироваться по лексической, грамматической или комбинированной сочетаемости.

2. В речи слово актуализируется только в одном из возможных для него вариантов.

3. Отправитель и получатель сообщения одинаково знакомы с условиями реализации слов в данном языке, и поэтому слушатель или читатель, зная кон-

¹ Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

текстуальные индикаторы, в состоянии понять, в каком из возможных для него значений встретилось слово и соответственно понять смысл текста.

4. Система языка в процедуре анализа остается неизменной.

Нетрудно убедиться в том, что эта модель достаточно огрублена и реальные условия коммуникации сложнее, о чем будет сказано позже.

В работах Н. Н. Амосовой контекст ограничивается рамками предложения. Различают *лексический, синтаксический, морфолого-синтаксический, конструктивный и смешанный контексты*, что зависит от того, на каком уровне отмечается индикация.

Если лексический контекстуальный индикатор, обеспечивающий указательный минимум, находится в непосредственной синтаксической связи с реализуемым словом, такой лексический контекст называется *лексическим контекстом первой степени*.

Если же связь их опосредована, то говорят о *лексическом контексте второй степени*. Важным достоинством подхода Н.Н. Амосовой является то, что она рассматривает контекст как единство реализуемого слова и индикатора, т. е. учитывает их взаимодействие. Многие другие исследователи считают контекстом только окружение слова. Внеязыковые условия, влияющие на реализацию значения, в теории Н. Н. Амосовой называются *ситуацией*. Различают *внетекстовую жизненную ситуацию*, в которую входят общие жизненные условия, такие, как прямой показ, и некоторые другие факторы, и *текстовую ситуацию* – общую тему текста, или текстовое описание ситуации.

Теория ситуации получила за последнее время сильное развитие и привлекает внимание многих ученых. В этих работах можно, пожалуй, усматривать развитие концепций, начало которым было положено Дж. Фёрсом.

Лингвистический контекстологический анализ, по Амосовой, часто сочетается с *компонентным анализом по словарным дефинициям* и имеет немало общего с *валентностным и дистрибутивным анализами*, но возник раньше и независимо от них. Он менее формализован, но более требователен к описанию деталей фактического текстового материала.

Для иллюстрации этой методики приведем анализ, выполненный уже в 80-х годах. Анализируется слово *rain* и его лексико-семантическое поле. Контекстуальный анализ начинается со сбора фактического материала. Большой массив обследованного текста (15000 – 30000 страниц) – обязательное требование. В диссертационном исследовании М.И. Румянцевой путем сплошной выборки из словарей было отобрано 60 единиц. Критерием для отбора служило наличие инвариантного элемента в дефинициях. Наличие общего семантического компонента позволило признать эти 60 единиц лексико-семантическим полем *rain*.

Затем по текстовому материалу соответствующего объема были определены типичные лексические и синтаксические контексты. Так, например, удалось показать, что значение «*физическая боль*» реализуется в лексическом контексте первой степени в структуре N + Pгер + N₁, где лексическим индикатором N₁ является слово, означающее какую-нибудь часть тела.

Развитие первоначальной концепции Н. Н. Амосовой последующими исследователями внесло ряд корректив в технику такого анализа, причем он сочетался с другими существующими методиками.

Главная трудность, неизбежная при этой методике, заключается в зыбкости дискретизации значений, в чем легко убедиться, обратив внимание на то, как по-разному решается вопрос о числе и составе лексико-семантических вариантов одного и того же слова в разных словарях.

Кроме того, в реальных текстах, особенно художественных, слова нередко передают не одно значение. Это особенно заметно для разного рода метафорических или метонимических переносных значений, где экспрессивность и образность зависят именно от сохранения как бы на заднем плане первоначального прямого значения.

Не всегда оправдывается и третье из перечисленных допущений – *коды отправителя* и *получателя* сообщения полностью совпасть не могут. И, наконец, что особенно важно, языковая система находится в состоянии постоянного развития и под действием сообщения все время меняется, чтобы удовлетворить условиям коммуникации [Арнольд 1991 : 49]. Контекстологический анализ используется в лингвостилистике (см. раздел 14.2.4).

14.1.4. Валентностный анализ

Валентностный анализ имеет много общего с дистрибутивно-статистическим, хотя он разрабатывался независимо от *дистрибутивного*, вне всякой связи со структурализмом, и он более лингвистичен.

Термин валентность заимствован в лингвистику из химии. Там валентностью называется способность атома химического элемента образовывать химические связи с другими атомами. Само слово валентность происходит от латинского *valentia* – «сила». Термин применяется и в других науках, например, в биологии. Там валентность, или «экологическая пластичность», есть степень приспособляемости животного к условиям среды. Весьма вероятно, что изучение развития этого понятия в других науках могло бы быть эвристически полезным и для языковедов, но мы на этом останавливаться не будем.

В лингвистику термин был введен в 1948 году С. Д. Кацнельсоном, который определил *валентность* как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами». Его же более позднее определение более лаконично: «Валентность – это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова»¹.

Для семиологии также очень важно замечание этого учёного, ставшего ещё при жизни классиком советского языкознания, о том, что валентность есть свойство значения, в котором как бы содержатся пустые места, нуждающиеся в восполнении. Валентность, таким образом, есть «имплицитно содер-

¹ Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. – 1987. – №3. – С. 20-32.

жащееся в нём (в слове) указание на необходимость восполнения его другими словами определённых типов в предложении» [Кацнельсон 1987 : 21].

Общая концепция валентности иллюстрируется в цитируемой выше статье (опубликованной посмертно) на примерах из области синтаксиса. Валентность предиката, например, характеризуется числом открываемых им мест. Событийные непереходные предикаты (*надать, тонуть*) одновалентны. В них события не выходят за пределы субъекта. Предикаты относительные выражают события, происходящие между двумя или больше участниками (*Подводная лодка потопила транспорт*). В таких случаях валентность определяется числом ролей, их обычно не больше трех-четырех. Тогда, соответственно, говорят о *трех-* или *четырёхместной валентности*.

Не следует смешивать, как подчеркивает С. Д. Кацнельсон, «место» при глаголе и обстоятельственную характеристику действия. Поясним его положение примером. После глагола *отправил* обстоятельство времени возможно, но необязательно (*Он отправил письмо; Он отправил письмо 24-го марта*).

Однако существует ряд глаголов «времяпрепровождения», которые обязательно требуют временного дополнения (*Он прождал ответа целый месяц*). Приводятся такие примеры одноместных, двухместных и трехместных глаголов. Одноместные: *смеяться, плакать, прыгать, лежать*; двухместные: *убивать, находить, ловить, догонять*; трехместные: *дать, дарить*.

По признакам сходства валентностных характеристик могут выделяться лексико-грамматические разряды, идеографические или еще более мелкие группы.

Под *лексической валентностью* понимается способность данного слова сочетаться с другими словами, которые образуют его валентностный набор. При этом, разумеется, целесообразно рассматривать не слова в целом, а их лексико-семантические варианты. Многозначные слова должны входить в несколько валентностных наборов. Валентностные наборы представляют собой множества, задаваемые перечислением. На некоторых этапах они удобно поддаются обработке методами символической логики.

Валентностный анализ проходит следующие стадии:

1. После того как установлена общая задача исследования, создается список слов, валентность которых намечено изучить, определяется тип текстов, из которых будет взята выборка, и устанавливается общий объем выборки.

2. Общей методики свертывания примеров пока не существует, каждый решает эту задачу в соответствии со своим материалом. Так, например, в некоторых работах могут быть отброшены все элементы, которые не имеют синтаксической связи с ядром, устранение которых не нарушает отмеченности и которые избыточны как контекстуальные индикаторы. Здесь нельзя не обратить внимания на связь этой методики с методом контекстуального анализа, о котором речь шла в предыдущем разделе: связана эта методика и с *теорией вероятностей* и со *статистикой*.

Большой вклад в разработку этой методики внесли М. Д. Степанова, Б. М. Лейкина, а за рубежом – Г. Хельбиг.

Термин валентность для Б. М. Лейкиной означает сочетательную способность лингвистического элемента, его способность встречаться вместе с другими элементами того же класса. Эта способность предопределяется смысловыми, грамматическими, экспрессивными и стилистическими факторами¹.

Впрочем, возможны и особые случаи. Так, О. Н. Селивёрстова выделяет ещё и произвольные особенности в сочетаемости, которые она называет *конфигуративными* (термин этот не привился) и иллюстрирует таким примером: можно сказать *Он прекратил чтение* и *Он перестал читать*, но нельзя сказать *Он перестал чтение*.

Сфера применения валентностного анализа очень разнообразна. Так В. И. Шаховский использует эту методику для показа взаимодействия денотативных и эмотивных компонентов в значении слова. Под эмотивной валентностью этот автор понимает способность лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе содержащихся в них явных или скрытых (импликационных) *эмосем* и таким образом осуществлять свою эмотивную функцию².

Специально занимаясь *валентностным анализом*, Мария Дмитриевна Степанова внесла очень важный вклад в его теорию и методику³.

М. Д. Степанова считает *валентностный анализ* частным случаем *дистрибутивного*. Но они так близки, что с таким же успехом можно было бы считать дистрибутивный анализ частным случаем валентностного. Вероятно, точнее было бы сказать, что методика валентностного анализа хорошо комбинируется и коррелирует со многими другими, и в том числе, и с *дистрибутивным*, и с *компонентным*, и со *статистической обработкой материала* и очень хорошо поддается формализации. Заслуга М. Д. Степановой в том, что она не только перенесла валентностный анализ в область словообразования, но и четко связала его с вероятностным подходом.

Вероятность принято определять как числовую характеристику степени возможности наступления случайного события при определенной комбинации условий. Лингвистическую вероятность М. Д. Степанова понимает, как *меру возможностей* при превращении последней, в действительность, т. е. в факт языка. Лингвистическая вероятность проявляется на разных уровнях языка по-разному.

М. Д. Степанова предлагает различать *внутреннюю (словообразовательную)* и *внешнюю валентность* слова.

Внутренней валентностью она называет общую закономерность сцепления в слове его непосредственно составляющих. Она складывается из закономерностей комбинаторики фонетических, морфологических и семантических компонентов.

Изучение этих закономерностей позволяет прогнозировать дальнейшие судьбы словообразования, а определение словообразовательных потенций мо-

¹ Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей. – М., 1961.

² Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи//Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С. 97-103.

³ Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. – С., 1973.

жет составить существенную часть изучения общей проблематики лингвистической вероятности [Степанова 2004].

Итак, эти две методики – *контекстологический* и *валентностный анализы* – как правило, используются в сочетании с другими методиками и методами. Однако сами не развивались до методов, хотя активно применяются в современных лингвистических исследованиях.

Таковы наиболее эффективные методы и методики лингвистики. Перейдём к характеристике её частнодисциплинарных методов и методик.

14.2. Частнодисциплинарные непарадигмальные методы и методики

14.2.1. Метод и методики диалектологии

Диалектология (<греч. *dialektos* – «разговор, говор» + *logos* – «учение, наука») – традиционный раздел языкознания (наука), изучающий местные, территориальные разновидности языка – диалекты в их синхронном состоянии и историческом развитии.

Диалектология подразделяется на 1) описательную диалектологию, изучающую особенности территориальных диалектов, устанавливающую характер их фонетических, грамматических и лексических черт и определённых неязыковых (социально-исторических) факторов, которые отличают одни диалекты от других, и 2) историческую диалектологию, осуществляющую реконструкцию истории различных диалектов; историю возникновения, развития или утраты диалектных особенностей и установления диалектных разновидностей какого-либо языка (языков) на всём протяжении его существования и развития.

Внимание к диалектам было свойственно для всех периодов истории языкознания. Различия в основном сводились к пониманию их специфики и ценности для науки.

Развитие сравнительно-исторического языкознания привело к открытию и изучению не только древнеписьменных языков, но и говоров и наречий живых современных языков. Диалектный материал стал объектом сравнительно-исторического языкознания, но в то же время предметом изучения специальных лингвистических дисциплин – диалектологии, а затем в конце XIX века выделившихся из диалектологии – лингвистической географии и ареальной лингвистики.

В первом периоде сравнительно-исторического языкознания (Ф. Бопп, Я. Гримм и В. Гумбольдт) не делалось различия между письменными источниками и говорами. Показательна в этом отношении первая работа немецкого диалектолога Иоганна Шмеллера, которая вышла в 1821 году, вторая (в четырёх частях) – в 1827-1837 годах. Развитию диалектологии способствовали воззрения младограмматиков, которые считали, что, во-первых, народные говоры являются живыми языками, они естественно и закономерно представляют жизнь языка; во-вторых, говоры полнее сохраняли жизнь языка, являясь в ряде случаев единственным источником нефиксированного прошлого. «Во всех жи-

вых народных говорах, – писали Г. Остхоф и К. Бругман, – свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более последовательно, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменных языков» [Цитируется по: Кодухов 1974 : 52].

Потому со времен младограмматиков диалектные данные стали одним из трёх основных источников исторического изучения языка.

Это дало толчок диалектным исследованиям в разных странах. Так, в 1876 году Г. Венкер разослал *анкеты* учителям и за 10 лет получил 40 тысяч анкет, содержащих в основном ответы по фонетике, на основе которых был издан «*Немецкий атлас*» в 1926-1932 годах. Кроме того, немецкие диалекты активно изучались *полевой методикой*: сбора материала путём работы с информантами-говорноносителями.

Иначе поступили французы. Начав работу позже немцев, они применили разреженную сетку (639 пунктов на всю Францию), Ж. Жильерон и Э. Эдмон, сосредоточив внимание на лексике, составили 12-томный лингвистический атлас Франции и опубликовали его намного раньше немцев (1902-1910 гг.). Вслед за французскими и немецкими атласами вышли другие европейские атласы – в Италии, Швейцарии и др.

В России диалектология зародилась в недрах этнографии в связи с изучением материальной и духовной культуры народа¹. Истоки её восходят к трудам М.В. Ломоносова (18 век), который впервые выделил «три главных российских диалекта» – *московский, северный и украинский*, из которых основным он считал московский диалект.

С начала XIX века начался сбор диалектного материала. Идея географических карт языков вынашивалась с середины XIX века И. И. Срезневским и В. И. Ламанским, в 80-е годы Б. де Куртенэ, который изучает и описывает звуковую сторону диалектов ряда славянских языков и литовского языка. Но осуществить идею удалось только в 1915 году – «*Диалектологическая карта русского языка в Европе*» (Р. И. Иванесов, Д. Н. Ушаков, А. А. Шахматов), хотя систематическое изучение русских говоров началось с 1904 года, когда была создана Московская диалектологическая комиссия.

Значение этой карты состоит прежде всего в том, что впервые в лаконичной и обобщенной форме были даны классификация и картина диалектного членения русского и других восточнославянских языков. Однако в карте отсутствует четкая дифференцированная картина распространения отдельных языковых явлений. Потому дальнейшее развитие лингвистической географии шло по пути разработки *лингвистических атласов* [Демидова 2011 : 43].

Объекты диалектологии настолько сложны, что аспекты и методы их изучения неизбежно многообразны. Так, с одной стороны, различают *описательную* и *историческую диалектологию*, которые обуславливают использова-

¹ Эта связь сохранилась и позже. Глава российской и славянской этнолингвистики Н.И. Толстой, опираясь на успехи диалектологии, ареальной лингвистики и обновлённого направления «*Слова и вещи*», расширил понятие *диалекта*, включив в его содержание изоглоссы трёх видов: языковые (*изолексы*), материально-предметные (*изопрагмы*) и духовно-ментальные (*изодоксы*) [Хроленко, Бондалетов 2006 : 122].

ние синхронных и диахронных методик. С другой стороны, развитие и варьирование диалектных систем исследуется в *территориально-структурном, функциональном, социолингвистическом, этнолингвистическом, культурологическом, психолингвистическом, антропоцентрическом, аксиологическом, коммуникативно-прагматическом и когнитивном аспектах* [Пшеничнова (Рус. яз. 2003); Белякова 2005; Демидова 2011 и др.].



Итак, **метод диалектологии** – это междисциплинарный и междисциплинарный синтез методов, методик, приёмов и процедур исследования, направленных на изучение диалектных языков, диалектов, групп говоров и наречий, с целью создания теории диалектологии, а также теории и практики диалектографии, проливающих свет на историю возникновения, развития и функционирования языков.

Основные концепты:

- **Диалект** (<греч. *dialectos* – «разговор, говор, наречие») – основная разновидность данного языка, которая является средством общения населения исторически сложившейся области со специфическими этнографическими особенностями; реальная единица лингвоэтнографического членения, обрисовывающаяся на карте совокупностью языковых и этнографических границ (Г. А. Хабургаев, Н. А. Пшеничнова).

В наши дни диалект рассматривается как сложное переплетение неоднородных и взаимно перекрещивающихся между собой явлений, часто не имеющих чётко очерченных границ (А. Б. Михалёв).

- **Группа говоров** – элементарная, минимальная ареальная единица языка (Л. Л. Касаткин).
- **Наречие** – наиболее крупная единица диалектного членения языка; совокупность диалектов, объединённых общими признаками (Л. Л. Касаткин).
- **Диалектная зона** – территория распространения комплекса диалектных явлений, не противопоставленная другим территориям, которая характеризовалась бы соответствующими, собственно диалектными чертами (Л. Л. Касаткин).
- **Диалектное сообщество** – это относительно территориально ограниченный социум с тесными связями между его членами и особо значимыми межличностными отношениями, обладающий целостной, «наивной» картиной мира (С. М. Белякова).
- **Диалектная личность** – один из субъектов диалектного сообщества, территориально ограниченного социума, тесно связанный с ним, который характеризуется открытостью, готовностью к общению, особенностями ролевого поведения и иной, чем в литературном языке, гносеологической базой, которая складывается из традиционных знаний крестьянина, из архаических представлений об устройстве мира и из обобщения опыта деревенской жизни (С. М. Белякова, Р. Ф. Пауфошима).

- **Диалектная коммуникация** – достаточно сложное явление, сочетающее в себе универсальное, общерусское, а также устно-речевые и диалектные особенности (К. И. Демидова).
- **Диалектный язык** – понятие, противоположное литературному языку, которое позволяет описать всё многообразие говоров, которые имеют как общие, так и различные языковые черты. Диалектный язык – это совокупность всех говоров какого-либо данного языка, который территориально варьируется, служит для обиходно-бытового общения в крестьянской семье, среди односельчан; ему мало свойственна монологическая форма, в принципе является бесписьменным. Если та или иная разновидность языка в прошлом приобретала письменность, то она стремилась стать языком народности, а затем нации и утрачивала в письменности специфику диалектных черт (Н. Н. Пшеничнова). Термин ввел Р. И. Аванесов¹.

Уже эти базовые концепты показывают разноаспектность объектно-предметных областей методов диалектологии.

Они описываются:

- *диалектный язык* как самостоятельная коммуникативная единица чаще всего использует описательный монографический метод;
- *совокупность говоров*, имеющих одинаковые черты (на карте изоглоссы обозначаются одним каким-либо цветом), чаще всего используют сочетание метода картографирования, дополненного приёмом культурно-исторической интерпретации и текстологическим приёмом;
- *наречия* и *диалектные группы* также чаще изучаются методами лингвистической географии и ареальной лингвистики;
- современное состояние *диалектов*, *групп говоров* и *наречий* обычно изучаются диалектографическим методом.

Диалектографическим методом называется совокупность методик и приёмов сбора, обработки и интерпретации диалектного материала. Он охватывает в целом приёмы и методики диалектологических, лингвогеографических и ареальных исследований [Кодухов 1974 : 268]².

Существует довольно большая литература, посвященная методике изучения диалектов способами традиционного описания³ с использованием

¹ **Рубен Иванович Аванесов** (1902-1982) – отечественный языковед, член-корреспондент АН СССР (1958), профессор МГУ (1937). Основные труды посвящены исторической и описательной русской диалектологии, истории русского языка, исторической и описательной фонетике, фонологии, русской орфоэпии и орфографии. В книге «*Очерки русской диалектологии*» (1949) представлена система фонем всех русских говоров; «*Вопросы теории лингвистической географии*» (1962). Особый этап в развитии русской диалектологии связан с деятельностью Р. И. Аванесова – основателя Московской диалектологической школы (И. А. Оссоветский, К. Ф. Захарова, Л. П. Жуковская, В. Г. Орлова и др.), организатора работы по диалектологическому атласу (ДАРЯ), «*Общеславянскому лингвистическому атласу*» (ОЛА) и «*Лингвистическому атласу Европы*», которые пока не завершены.

² См. детальное описание этих методик, приёмов и процедур в разделе 13.4 пособия.

³ См. раздел 14.1.1 пособия.

лингвистических карт, атласов, диалектологических словарей [Общее языкознание 1973; Сороколетов, Кузнецова 1987; Блинова 1984 и др.].

Ещё раз подчеркнем, что в зависимости от целей и задач конкретного исследования могут быть востребованы уже описанные в пособии методики макропарадигмальных методов, а также методики частных парадигм лингвистики¹.

Объекты исторической диалектологии изучаются в русле сравнительно-исторического метода, используя его методики и приёмы анализа², дополненные методиками и приёмами лингвистической географии и ареальной лингвистики.

Особо следует сказать о комплексной методике 1) **определения ареалов распространения диалектов** праязыка; 2) **определения центров распространения языковых явлений** и 3) **определения инноваций и архаизмов** [Общее языкознание 1973 :140-166; Михалёв 2008 : 88-90].

В современной диалектологии, с одной стороны, продолжается изучение традиционных объектов, а с другой стороны, изучаются новые объекты: диалектная языковая личность, диалектное сообщество, диалектная коммуникация. В XXI веке началось изучение ещё одного нового объекта – диалектной языковой картины мира [Радченко, Закуткина 2004; Беляева 2005, Демидова 2011], что стало возможным в связи с развитием когнитивной лингвистики и становлением её методик, приёмов и процедур исследования.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Когда и почему произошло становление диалектологии как науки?
2. Что изучает описательная диалектология?
3. Каковы основные объектно-предметные области исторической диалектологии?
4. Б.А. Серебренников пишет: «Однако историческая диалектология является самой отсталой областью языкознания» [Общее языкознание 1973 : 166]. Опираясь на дополнительную литературу по диалектологии, подготовьте сообщение на тему: «Состояние и проблемы современной описательной и исторической диалектологии».
5. Каковы базовые концепты диалектологии?
6. Почему изучение диалектных объектов возможно только при сочетании методов, методик и приёмов исследования?
7. Почему для теории диалектологии значительный интерес представляют уральские говоры?
8. Опираясь на научную литературу, найдите ответ на вопрос: каковы основные задачи и принципы подготовки «Лексического атласа русских

¹ См. главы 12 и 13 пособия.

² См. раздел 12.1 пособия.

народных говоров» (ЛАРНГ), в подготовке которого участвуют около 60 вузов нашей стороны?

9. *Невеста* в день венчания в некоторых уральских говорах именуется *лебёдушкой*. Сравните номинации в толковых словарях разных языков и диалектных словарях русского языка. Скажите, каковы культурные коды этих номинаций (*антропоморфный, фитоморфный, соматический, временной, пространственный* и т. д.).
10. Ознакомьтесь с работой Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой «*Очерки по русскому диалектной лексикографии*», прочитайте предисловия к диалектным словарям русского языка (их более 30!) и подготовьте сообщение: «Типы русских диалектных словарей».
11. Найдите в предложении диалектное слово: «*Мой парнишка спарчивый – в школе его все любят*». Обоснуйте своё мнение.

Литература для углублённого изучения¹

Аванесов 1961	Кодухов 1974	Радченко, Закуткина 2004
Алефиренко 2009-б	Крысин 2003	2004
Баранникова 1975	Макаев 1964; 2004	Реформатский 1999
Белякова 2005	Мейе 1938	Серебренников 1973
Бодуэн де Куртенэ 1963	Михалёв 2008	Сороколетов, Кузнецова 1987
Вяч. Вс. Иванов (ЛЭС) 2002	Нерознак (ЛЭС) 2002	Сусов 2006
Гируцкий 2001	Общее языкознание 1973	Филин 1982
Дельбрюк 1964	Пауфошима 1989	Хроленко, Бондалетов 2006
Демидова 2011	Пищальникова, Сонин 2009	Шухардт 1950-а,б
Жирмунский 1954	Пшеничнова 2003 (РЯЭ)	
Касаткин (ЛЭС) 2002		

14.2.2. Метод и методики этимологии

Этимология² (<греч. *etimologia* < *etymon* – «истина, истинное значение слова» + *logos* – «учение, наука») – традиционный раздел языкознания, старейшая лингвистическая дисциплина, связанная с *диалектологией* и *исторической лексикологией*, в которой изучается происхождение слов на основе реконструкции первых форм и значений с помощью *этимологического анализа* на основе *сравнительно-исторического метода*.

Сам процесс установления происхождения слов (и фразем) обычно обозначается терминами: *этимологический анализ*, *этимологизирование*, *этимологизация* [Кодухов 1974 : 262].

¹ См. также литературу к разделам 12.1; 13,4 и 14.2.2.

² Термин *этимология* многозначен: 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов; 2) совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия; 3) происхождение слова. В XIX веке этот термин применялся в языкознании в значении «грамматика» [Варбот 2002 (ЛЭС) : 596; 2003 (РЯЭ – 2003) : 643].

Первые попытки этимологизирования возникли в древней Индии, в древней Греции и Риме. В древней Индии в связи с толкованием и правильным произнесением священных гимнов Вед. 1500 лет до н.э. возникла необходимость создания списков непонятных слов в Ведах и их истолкования, что проявилось в творчестве Яски (V в. до н.э.).

Гениальный древнегреческий философ Платон (427-347 г. до н.э.) в работе «*Кратил, или О правильности имён*»¹ рассматривал факторы, влияющие на процесс «правильности» именования, формирует понятие «истинности» (как верное отражение объективных и не зависящих от человека свойств вещи) и правил моделирования отклонений имени и вещи, т. е. *этимологии имени*².

Но термин этимология, введенный в научный оборот древнегреческими стоиками, обретает подлинно научный смысл только в связи со становлением *сравнительно-исторического метода*, т. е. с использованием его методик, приёмов и процедур.

Основателем научной этимологии признан компаративист *Август Фридрих Потт* (1802-1887), который изложил основы этимологии в большом двухтомном труде «*Этимологические исследования в области индоевропейских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом, латинском, литовском и готском*» (1833-1836). Он первым обосновал необходимость установления строгих *звуковых соответствий* между родственными языками и их единицами, без чего, утверждал А.Ф. Потт, этимологические исследования – это лишь упражнения в остроумии, лишённые всякой доказательной силы.

Базой русской научной этимологии послужили работы русских компаративистов, особенно *Александра Христофоровича Востокова* (1781-1864), а сформировалась она в конце XIX – первой половины XX века (А.А. Шахматов, Г.А. Ильинский, Б.М. Ляпунов, А.И. Соболевский, А.Г. Преображенский и др.).

Предметом этимологии как лингвистической дисциплины является исследование источников и процесса формирования словарного состава языка, включая реконструкцию словарного состава древнейшего (обычно дописьменного периода). Непосредственным **объектом** этимологии как науки являются главным образом так называемые «тёмные» слова, в которых носителям языка непонятны связь *формы* и *значения* («*Почему это так называется?*»?).

Для этимологизирования необходимы данные ряда, во-первых, лингвистических наук: сравнительно-исторического языкознания, фонетики, исторической лексикологии, морфемики, словообразования, морфологии, морфонологии, диалектологии, ономастики, лингвостатистики, семантики, семасиологии и ономазиологии; позже – типологического языкознания, ареальной лингвистики, лингвогеографии, сопоставительной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др.; во-вторых, нелингвистических дисциплин: истории, археологии, этнографии, палеографии, палеонтологии, истории культуры и др.

¹ Подробнее см.: Михалёв 2008 : 102-105.

² Анализ концепции древнегреческой этимологии дал исследователь классических языков *Георг Курциус* (1820-1885) в своём главном двухтомном труде «*Основы греческой этимологии*» (1858-1862).



Этимологический анализ – это комплекс методов, в котором основным является сравнительно-исторический, методик и приёмов анализа, направленных на выявление происхождения и первичного значения (этимона) слов с целью изучения источников и процессов формирования словарного состава языка (языков), начиная с его древнейшего (дописьменного) периода, и создания этимологических и исторических словарей языка или группы языков.

Целью этимологического анализа слова является определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю [ЛЭС 2002 : 596].

Объектом анализа могут быть разные по происхождению слова:

- восходящие к праязыковому состоянию;
- возникшие на почве конкретного языка (собственно русские, собственно немецкие и т. п.);
- заимствованные (для выделения их в особую группу).

Предметом анализа являются слова, значение которых в современном языке является немотивированным, претерпевшим фонетические, морфологические, словообразовательные и семантические изменения и в которых необходимо выявить *этимон*.

Базовые концепты метода:

- **Этимон** (<греч. *etymon* – «истина, истинное значение слова») – первоначальное значение и форма слова.
- **Внутренняя форма слова** – связь звукового состава слова и его первоначального значения; семантическая и структурная соотнесённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данной значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков. Это как бы соединительное звено, через которое значение слова связывается с его внешней формой.

Например, *вторник* и *пятница* называют второй и пятый день недели; а *подснежник* – это цветок, который появляется очень рано, «под снегом». Восстановлением утраченной внутренней формы занимается этимология [Вяч. Вс. Иванов 2003 : 72].

- **Дезэтимологизация, или демотивация** – процесс утраты словом прежних смысловых и словообразовательных связей с производящей основой, в результате чего слово утрачивает свою внутреннюю форму вследствие разных причин. Например, с утратой того слова, от которого оно образовано: *кольцо* от утраченного слова *коло* со значением «колесо» [Вяч. Вс. Иванов 2003 : 72].

- **Немотивированные слова** – слова с утраченной внутренней формой слова.
- **Мотивированные слова** – это сохранение в его семантической структуре связи звучания со значением; наличие наглядного «образа» слова в сознании носителя языка, т. е. наличие «живой» (ясной и прозрачной) внутренней формы слова.

Поскольку **основная задача** этимологического анализа состоит в том, чтобы раскрыть, опираясь на факты родственных языков, историю слов вплоть до их древнейших форм и значений, то в основу его **комплексного анализа** положены методики, приёмы и процедуры *сравнительно-исторического метода*: этимологический анализ является венцом этого метода: в нём, как в зеркале, отражаются как достижения, так и недостатки метода [Тарланов 1995 : 131].

Напомним, что развитие исследования, представленное в виде последовательности (серии) процедур, образует следующую схему:

I этимологии → II – соответствия в лексике → III – соответствия в корнях и аффиксах → IV – соответствия грамматических систем → V – соответствия фонетические → VI – фонетические законы¹.

Этимологические исследования базируются на принципе **историзма** и обязательно учитывают **хронологическое расслоение лексики**².

Потому этимологизирование начинается с двух предварительных этапов – **отсечение производных слов**³ и **заимствований**, поскольку считается, что они не могут быть основанием для установления дивергенций, поэтому они должны быть исключены.

Приём анализа лексических заимствований состоит в том, что заимствованная лексика выделяется в особую группу как слова не поддающиеся дальнейшему анализу в рамках *материала родственных языков*.

К примеру, установив, что слова *алый* и *тайга* тюркского происхождения, этимолог оставляет их для дальнейшего анализа исторической лексикологии русского языка, а анализ корня – *этимологии*, ведущейся на основе сравнительно-исторического изучения тюркских языков [Кодухов 1974 : 261].

Приём анализа разных производных слов со своей собственной историей имеет большое значение для утверждения исторического подхода к изучению лексики.

Например, *жар* и *гарь*, *горький* и *горе* должны подвергаться *самостоятельному историческому анализу*, хотя они и являются однокорневыми словами, но их форма и значение не могут быть поняты без отдельного рассмотрения их истории.

Собственно этимологический анализ предполагает соблюдение **трех основных правил** этимологизирования: фонетической обоснованности, словообразовательной мотивированности и семантической вероятности.

¹ См. раздел 12.1 пособия.

² Вот почему многие лингвисты относят этимологию как науку к *историческому языкознанию*.

³ Производные слова являются деривационно мотивированными.

Фонетическое обоснование этимологии того или иного слова состоит в том, что устанавливается *генетическое тождество* сравниваемых слов, соответствия признаются закономерными, а все фонетические изменения объясняются *фактами* и *аналогиями*.

Словообразовательная мотивированность этимологии слова заключается в отнесении анализируемого слова к реально существующему словообразовательному ряду и определению последовательности словообразовательных процессов.

Семантическая вероятность этимологии состоит в том, что семантические сближения слов признаются возможными благодаря закономерностям их семантического развития и относятся к одному и тому же семантическому ряду.

При этом эти правила используются не только в процессе этимологизирования, но и как критерии оценки правильности той или иной этимологии и направленности процесса этимологизирования¹.

При этом различают две разновидности научной этимологии: 1) *истинную*, бесспорную, абсолютно надежную, а значит – окончательную и 2) *гипотетическую*, условную, предположительную [Введенская, Колесников 1986 : 9].

Покажем методику анализа *истинной этимологии* слова *сестра* со значением «каждая из дочерей по отношению к другим детям этих же родителей» [Алефиренко 2004 : 268].

Это слово имеет соответствие в других индоевропейских языках. Сравним: укр. *сестра*, бел. *сястра*, болг. *сестра*, серб. *сестра*, словен. *sestra*, чеш. *sestra*, словац. *sestra*, польск. *siostra*, в.-луж. *sotra*, н.-луж. *soŕša*. Следовательно, убедительно реконструируется *общеславянское *sestra*, а сопоставление с другими индоевропейскими языками позволяет восстановить *индоевропейскую* основу **s(u)esor*.

Затем идёт выделение **морфемной структуры слова**, при этом каждая из его составных частей должна объясняться отдельно.

Это сложное образование, первой частью которого является корень **se* – *<se us – (*sue – «свой, своя», этот же корень в рус. яз. – «свой»)*.

Второй частью служит корень **sr/sor* – «женщина». Сравним: хинди *stri* – «женщина»; бенгали *stri* – «жена», англ. *sister*; исл. *systir* и соответствия с начальным *su* (sw); гот. *swistar*, нем. *Schwester*; др.-инд. *svasar*.

В некоторых индоевропейских языках между [s] и [r] наблюдается вставка [t] во второй части индоевропейского сложения: о. – с. **se-s-t-r-a < *se-sr-a*.

Таким образом, этимологический анализ показывает, что слово *сестра* первоначально значило «*своя женщина, женщина моего рода или кровная сестра*» по отношению к говорящему, что подтверждается этимологическим анализом других слов этой тематической группы «Обозначение родства».

¹ См. этимологический анализ в соответствии с этими правилами русского слова *луна* [Кодухов 1974 : 262-263].

Но в этой же тематической группе обнаруживается гипотетическая этимология у слова *свекровь* [Алефиренко 2004 : 268-269], что не умаляет её научной ценности, если к тому же учесть, что достоверных этимологий не так уж много [Мейе 1938 : 38; Тарланов 1995 : 133].

Наиболее безупречные этимологии допускают индоевропейские и семитские языки, в которых существует развитое словоизменение и многословные словоформы.

Языки же с однослоговыми словами, не обладающие развитой флексией, исключают возможность строгих этимологических доказательств посредством сравнительно-исторического метода, потому для них используются другие методы и методики: *типологический, лингвогеографический, ареальный, методы моделирования, метод семантических параллелей*.

Следует подчеркнуть, что в силу того, что семантические изменения необычайно разнообразны по качеству и по диапазону, а в семантике нет законов, определяющих *обязательные* изменения значений, этимологизирование опирается только на вероятность семантических изменений.

При анализе семантического аспекта слова этимолог опирается на набор методов, исходящих из принципа аналогии: *метод семантических параллелей; метод семантического поля* (и производные от него принципы номинации); *метод сопоставления с семантическим содержанием этимологического гнезда* [Варбот 2003 : 645].

Метод семантических параллелей заключается в том, что в качестве доказательства предполагаемого изменения значения (или возможности сочетания значений) используются случаи аналогичного развития (или сочетания) значений. Так, производность слова *мелкий* от *молоть* в семантическом плане аргументируется аналогичным образованием слова *дробный* и *дробить*.

Метод семантического поля¹ предполагает рассмотрение генезиса слова и истории семантики слова на фоне синонимичных или семантически близких образований, на материале которых выявляются типичные для этого поля принципы номинации (первичной мотивации) и соответственно определяется *вероятностная первичная мотивация* исследуемого слова.

Так, известная мотивация названий рельефа названиями частей тела человека или животного (ср. *нос, хребет...*) позволяет генетически отождествлять *стень* – «безлесное, покрытое травой пространство» (но первоначально – «возвышенная равнина») с диалектным *стень* – «холка лошади»².

¹ Напомним, что под семантическим полем понимается иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу, в структуре которого обычно выделяется ядро, центр и периферия [Гак 2003 : 458].

Семантическое поле многомерно, его единицы входят в три вида отношений: парадигматические (*рука – нога – голова...*; ср. «парадигматические поля» Й. Трира и Л. Вайсгербера); синтагматические (*трогать, хватать, махать... рукой/руками*; ср. «семантические поля В. Порцига») и ассоциативно-derivационные (полисемия: *рука* – «часть тела человека» и *рука* – «почерк»), которые могут входить за пределы семантического поля, указывая на его связи с другими полями.

² Отметим, что этимология тесно связана с *диалектологией*, т.к. диалектная лексика сохраняет многие древние лексемы и формы, утраченные литературным языком, а поэтому диалектные данные важны для решения вопроса о происхождении многих слов литературного языка. Так, образование слова *сустав* от глагола *ставить* аргументируется диалектным употреблением *выставить* (*палец, руку, ногу*) в значении «вывихнуть».

Метод сравнения семантики анализируемого слова с семантическим содержанием (значениями всех родственных лексем) **этимологического гнезда**, которое предполагается в качестве источника этого слова, обеспечивает наибольшую языковую близость сопоставляемых материалов.

Например, принадлежность слова ***рыхлый*** к этимологическому гнезду ***рушить*** обосновывается в плане семантики наличием в этом гнезде синонимических с *рыхлый*, диалектных *рухлый* и *рохлый*.

Семантическая вероятность этимологии требует, чтобы этимологизирование базировалось на совокупности знаний о всём мире, окружающем носителей языка, их истории, которые могут обусловить неординарные изменения значений слов. Так, для выявления этимологии слова ***орех*** ключевым моментом оказалось обращение к природной среде славян, в которой *орехи* – это плоды лещины, растущие пучками, связками, что позволило объяснить *орех* как производное от *решить*, первичное значение которого было «связать».

Без знания русской истории невозможно выявить этимологию слов *обжигать* и *подкузьмить* в значении «обжудить» [Реформатский 1999 : 110; Гируцкий 2005 : 174].

Объясняя развитие значения слова, этимолог опирается на общие закономерности человеческого мышления, на всю совокупность знаний о человеке и окружающем его мире. Например, установление родства русского глагола *двигать* с немецким существительным *Zweig* – «ветка» и его производности от слова *два* было осуществлено благодаря реконструкции для глагола *двигать* первичного значения «поднимать» и привлечению сведений из истории техники об использовании в качестве рычага для поднятия тяжести *палки* или *ветки с раздвоенным концом* [Вендина 2001 : 175].

Объяснение родства латинского существительного *rex* – «царь» и глагола *regere* – «править» со славянским **rezati*, как доказала Ж.Ж. Варбот, оказалось возможным только благодаря уяснению жреческих функций царя в древнейшем обществе и их связи с сакральными измерениями, которые осуществлялись *надрезами* [Там же : 176].

Сложность установления этимологии слов объясняется ещё двумя явлениями. Этимологические изыскания показывают, что один и тот же **этимон** может развиваться в дальнейшем в разных языках по-разному, формируя слова с разными значениями. Например, русское слово *берег* и немецкое *Berg* имеют одинаковое происхождение, но в современных языках это различные слова: *Berg* значит «гора».

В противоположность этому иногда современные одинаковые по значению слова различных языков оказываются основанными на разных **этимонах**.

Так, в латинском языке слово *femina* (*женщина*) значило «кормящая»; в греческом *pontia* (*женщина*) – «хозяйка»; в английском *woman* (*женщина*) – «труженица», а русское слово *женщина* имеет этимон «рождающая» [Гируцкий 2005 : 175].

Научные этимологии следует отграничивать от *ненаучных*. Этимологизирование по первому попавшемуся созвучию, без учёта фонетических и грамма-

тических закономерностей и семантических вероятностных изменений и переосмысление неизвестного и малопонятного слова по случайному сходству его с известным и понятным (часто с переделкой звукового состава слова) показывается народной этимологией [Реформатский 1999 : 110]. **Народные этимологии** чаще касаются заимствованных слов, например, *гульвар* вместо *бульвар* на основе сближения с глаголом гулять; *мелкоскоп* вместо *микроскоп* – с прилагательным *мелкий*; *скупилянты* (сближается со *скупой*) вместо *спекулянты*; *полуклиника* вместо *поликлиника* и т. д.

Некоторые учёные такие этимологии называют *ложной этимологией* (Л. А. Булаховский, Р. Р. Гельгардт, Т. И. Вендина, Ю. С. Маслов, Б. Ю. Норман и др.), другие же настаивают на их разграничении. Так, Н. Ф. Алефиренко полагает, что народную этимологию не следует называть ложной хотя бы потому, что некоторые из «народноэтимологических» слов вошли в словарный состав литературного языка, вытеснив своих законных двойников. Например, слово *близорукий* вытеснило *близозоркий*; *муравей* из *моравий* [Алефиренко 2004 : 270].

Главное отличие народной этимологии от научной состоит в том, что она опирается исключительно на случайное фонетическое сходство слов и не имеет никаких обоснований. При этом такое «народное словопроизводство» (этот термин использовали Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. И. Томпсон) происходит подсознательно, стихийно.

Преднамеренное изменение слова не в результате его переосмысления, а для создания речевой экспрессии, достижения необходимого художественно-стилистического эффекта называется **псевдонародной этимологией**. Например, в «*Войне и мире*» Л. Н. Толстой описывает, как имя молоденького французского барабанщика *Vincent* казаки переделали в *Весенний*, а мужики и солдаты в *Висеню*.

К народной этимологии примыкает и так называемая **детская этимология**, т. е. попытка детей осмыслить значение слова в соответствии со своими представлениями. Например, не *молоток*, а *колоток*, потому что им не *молотят*, а *колотят*, а также – *копатка* вместо *лопатка*; *кусарик* вместо *сухарик* и т. п.

Как видим, этимологические изыскания требуют широкой эрудиции исследователя не только в области лингвистики и других наук, но и осмысления им картины мира в целом. Все это обуславливает необходимость индивидуального подхода к этимологизированию какого-либо слова и потому с трудом поддаются типизации и обобщению.

Однако многовековая практика позволяет выявить в целом этапы **этимологического анализа**:

- *выделение совокупности элементов, дающих системные отношения в пределах семантического поля*;
- анализ семантических отношений *каждого* из элементов одного языка к *каждому* из элементов другого языка или других языков;
- установление семантических связей между сближаемыми элементами *разных систем* (этимологией);

- совокупность этимологий даёт возможность вскрыть пути образования и изменения значений (например, метафора, функциональное замещение и т. п.), т. е. вскрывает законы *лингвистической семантики* [Амирова и др. 2003 : 273-274; Михалёв 2008 : 84]

Такова в принципе логика этимологического анализа, которая может быть более сложной или более простой в зависимости от множества факторов, включая и культурно-историческую принадлежность языкового материала, подлежащего анализу.

В наши дни, когда за результатами этимологических изысканий начинают признавать научную и прикладную роль для освещения проблем других наук, открывается новый период в истории этимологии: происходит не просто расширение этимологических исследований с привлечением новых лексических материалов, но и осмысление новых методологических принципов и освоение новых методов и методик.

Покажем хотя бы одну возможность. Исходя из того, что лексикография является «гуманитарным звеном всех наук» [Дорошевский 1973 : 39], т. е. работает не только на свою какую-либо науку, но способствует **интеграции наук** [Дубичинский 2009 : 14], а «успехи этимологии не только как отрасли языкознания, но и как области знания, связанной с воссозданием определённых линий в истории культуры» [Тарланов 1995 : 133], Замир Курбанович Тарланов составил пространный список неэтимологизированных слов из двух известных словарей русского языка: словаря А. Преображенского и М. Фасмера¹, который наталкивает на мысль о том, что, во-первых, настало время сформулировать и поставить проблему слов с «тёмной» этимологией как отдельную особую проблему исторического языкознания русского языка (и других языков); во-вторых, для такого исследования недостаточно традиционного подхода, отталкивающегося в целом от отдельного слова, и необходимо соотносить наблюдения над словом со всей массой сведений, представляемых этимологическими (и историческими!) словарями языков [Тарланов 1995 : 138], а также шире привлекать приёмы *синхронно-статистического* и *синхронно-зонального* анализа [Там же 139].

Таким образом, в наши дни поиск новых методов, методик и приёмов анализа, оснащающих этимологические исследования, является актуальным.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Какие значения имеет термин *этимология* и почему?
2. Когда и почему возникла этимология как наука?
3. Что Вы понимаете под *предметом* и *объектом* этимологии?

¹ В этот список, включающий примерно 4% всего лексикона этих словарей, вошли слова, снабжённые пометой «неясно», «темное слово» и «неизвестного происхождения».

4. Как связаны между собой основные концепты этимологического анализа? Обоснуйте своё мнение.
5. Что значит этимологизировать?
6. Какие типы научных этимологий Вы знаете?
7. Какие типы ненаучных этимологий Вы знаете?
8. Почему этимологический анализ не может не быть комплексным?
9. Что понимал А.А. Потебня под *ближайшим этимологическим значением слова*?
10. Подготовьте сообщение: «Учение о внутренней форме А.А. Потебни».
11. Установите тип этимологии: *Одна молочница рассказывала, что муж у неё солист, и на вопрос «В каком же он ансамбле?» недоуменно отвечала: «Нет, он у меня по капусте, а раньше был по огурцам».* Обоснуйте своё мнение.
12. Прокомментируйте высказывания:
Совокупность этимологий одного языка есть картина материальных связей этого языка с древними языками через систему значений (А.Б. Михалёв).
В утверждении, что человек, правильно употребляющий слово, должен уметь раскрыть его значение, не больше логики, чем в утверждении, что правильно движущиеся планеты должны знать законы Кеплера [Б. Рассел].

Литература для углублённого изучения¹

Агеев 1990	Кацнельсон 1984; 2001	Потебня 1993; 1999
Алефиренко 2004	Кодухов 1974	Преображенский 1959
Амирова и др. 2003	Колесов 2002; 2003;	Реформатский 1999
Арапова 2002 (ЛЭС)	2006	Степанов 1975
Бенвенист 1974	Маковский 1986	Тарланов 1995
Варбот 1963; 1965; 2003;	Маслова 2008	Топоров 1960; 1995
(РЯЭ) 2002 (ЛЭС)	Мейе 1938	Трубачёв 1961; 1991
Введенская, Колесников	Михалёв 2008	Фасмер 1986
1986	Норман 2004	Шпет 1994
Вендина 2001	Общее языкознание	Щерба 1974
Гируцкий 2005	1972; 1973	Щур 1971; 2007
Гречко 2003	Пищальникова, Сонин	Этимологические
Гумбольдт 1984; 1985	2009	1977-1988
Иванов Вяч. Вс. 2003 (РЯЭ)	Плотников 1984	

14.2.3. Метод и методики ономастики

Ономастика (<греч. *onomastike techne* – «искусство давать имена») – раздел языкознания, оформившийся в самостоятельную интегративную науку в 30-е годы XX века, связанную с *историей, этнографией, археологией, генеалогией*

¹ См. литературу к разделу 12.1. Сравнительно-исторический метод, а также к разделу; 13.4. Ареальная лингвистика и лингвистическая география; 12.2.1. Диалектология.

гией, геральдикой, текстологией, литературоведением, географией, астрономией и др. и изучающий историю возникновения имен собственных и мотивы их номинации.

Ономастика включает: 1) *антропонимику* (<греч. *anthronos* – «человек» и *onyta* – «имя») – раздел ономастики, изучающий *антропонимы* – собственные наименования людей; 2) *топонимику* (<греч. *topos* – «место» и *onyta* – «имя, название») – раздел ономастики, изучающий *топонимы* – географические названия; 3) *этнонимику* (<греч. *ethnos* – «племя, народ» и *onyta* – «имя, название») – раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение и функционирование *этнонимов* – слов, называющих различные виды этнических общностей (наций, народов, народностей, племен, родов и т. п.) и *лингвонимов* (названий языков и диалектов); 4) *идеонимы* – объекты умственной, идеологической и художественной сферы деятельности человека (журнал «Русская речь», поэма «Евгений Онегин», праздник «День Победы»); 5) *прагмонимы* – названия объектов практической деятельности человека (кафе «Исеть», кинотеатр «Совкино», завод «Красный октябрь»).

В свою очередь топонимика и антропонимика членят свой предмет исследования на более узкие разновидности.

В топонимику включаются: *ойконимия* (< греч. *oikos* – «дом, жилище») – названия населённых пунктов; *гидронимия* (<греч. *hydor* – «вода») – названия водных объектов; *оронимия* (<греч. *oras* – «гора») – названия элементов рельефа.

В составе антропонимики выделяют *гипокористику* – сокращённые формы личных имён; *патронимы* (<греч. *pater, patros* – «отец») – отчества и иные наименования по отцу; *матронимы* (<лат. *matrona* – «уважаемая женщина, мать») – производные от имени матери; *криптонимы* (<греч. *kryptos* – «тайный, скрытый») – скрытые имена (подпольные клички); *катойконимы* – родовые названия жителей по названию места жительства.

Все эти разнородные единицы объединяются единым понятием – *оним* (<греч. *onyta, onota* – «имя, название») – имя собственное (слово, словосочетание, предложение), которое служит для выделения именуемого объекта среди других в том же классе, например, *Екатеринбург* (один из городов России), *Исеть* (река), *«Преступление и наказание»* (роман Достоевского)...

Основная функция онимов в языке – номинативная, идентификационно-дифференцирующая, а факультативные функции – *информационная, экспрессивная*, а в художественной литературе – *поэтическая* [Подольская 2003 : 288].

Развитие ономастики шло в какой-то мере парадоксально. С одной стороны, имена собственные были предметом внимания учёных и философов древнейшей эпохи, размышлявших о тайне *именования* (древняя Индия, Греция, Рим)¹, а с другой стороны, – свой научный статус она получила только в 1930

¹ См.: трактат Платона *«Кратил»*, сочинения Конфуция и др. [Амирова и др. 2003 : 21-41], в которых смысл теории именованья усматривался в том, чтобы «уметь устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно» [Там же : 23].

году на первом Международном ономастическом конгрессе, созванном во Франции по инициативе А. Доза¹. А дальше развитие шло неравномерно, зигзагообразно, со сменой векторов интересов.

Длительное время лингвистика не обращала должного внимания на характер и место в лексической системе языка имен собственных, хотя очевидно, что эта лексика, особенно антропонимы, играет важную роль в человеческом общении. В силу этого ономастический лексикон изучен гораздо слабее, чем лексика нарицательная (апеллятивная).

Возможно, это обусловлено тем, что имена собственные традиционно считаются «семантически ущербными», причем этот взгляд имеет солидную традицию, т.к. его придерживались известные учёные прошлого [Милль 1989 : 24-26; Есперсен 2006 : 71-74 и др.] и современные учёные [Суперанская 1988 : 89; Уфимцева 1986 : 156 и др.].

К концу XX и началу нового века всплеск интереса к онима́м был обусловлен необходимостью изучения массово возникающих *прагмонимов* и активизации изучения проблемы искусственной номинации (В. А. Агапитов, В. А. Агеев, Л. Е. Березович, Е. И. Голованова, М. В. Голомидова, З. И. Комарова, В. М. Лейчик, А.К. Матвеев, А.В. Подольская, Е. Н. Полякова, А. В. Суперанская, А.Х. Халиков и мн. др.).

Такое многообразие типов онимов как объектов исследования, а также то, что они́мы могут быть литературными, диалектными, современными и историческими, этноязыковыми и т. д. обуславливают комплексный, междотраслевой характер ономастических исследований.



Итак, **метод ономастики** – это комплекс междотраслевых методов, методик и приёмов исследования, направленных на изучение они́ми, с целью выявления и описания ономастических систем, рядов, универсалий, а также решения ряда прикладных задач.

Цели и задачи ономастических исследований имеют многовекторный характер:

- 1) история возникновения онимов;
- 2) мотивы номинации (называния);
- 3) становление имён в каком-либо классе онимов;
- 4) явления трансонимизации, т. е. различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой;
- 5) территориальное и языковое распространение онимов;
- 6) функционирование онимов в речи;
- 7) фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические, этимологические и другие аспекты онимов;
- 8) различные преобразования онимов;
- 9) социальный, психологический, этнолингвистический и другие аспекты онимов;

¹ Однако научный подход был заложен ещё в XIX веке в трудах В. фон Гумбольдта, а в России – А.Х. Востоковым.

- 10) формульность онимов и их юридических статус;
- 11) табуирование онимов и другие.

Прикладная ономастика также имеет множество **задач**:

- транскрипция и транслитерация иноязычных имён;
- установление произношения и написания традиционных и новых имён; переводимых и непереводаемых имён;
- создание инструкций по передаче «чужих» имён;
- правила образования производных от иноязычных имён;
- проблемы наименования и переименования городов, улиц, районов и т. п.

Методы, методики, приёмы и процедуры ономастических исследований

Многообразие *объектно-предметных сфер* исследований, многовекторность целей и задач обуславливают необходимость использования лингвистических и нелингвистических средств изучения:

- *сравнительно-исторический* метод и его методики и приёмы (при установлении родства собственных имён);
- *структурный* метод (исследование структуры имён и основ);
- *ареальный метод* (выявляет ареалы сходных элементов собственных имён), особенно топонимических и гидронимических ареалов [Общее языкознание 1973 : 139-140];
- *метод ономастической картографии* (создание ономастических карт и использование материала карт для ономастических исследований);
- *типологический* (для установления изоморфизма и алломорфизма в онимии);
- *диалектологический и региональный* (исследование специфики диалектных и региональных онимов);
- *сопоставительный метод* (для сопоставления онимов разных языков);
- *этимологический метод* (используется с ограничением: выявляется только этимон-апеллятив или первичное имя собственное [Подольская 2003 : 291]);
- *лингвостатистический метод* (подтверждает активность моделей онимов и тенденции их развития);
- *текстологический анализ* (применяется к специальным ономастическим текстам, где онимы преобладают над апеллятивами, и к обычным текстам, особенно древним, где необходимо разграничение собственного и несобственного имени (апеллятива); дешифровка текста по именам и реконструкции имени в тексте);
- *стилистический анализ* (применяется к именам собственным в речи и особенно в художественном тексте при анализе поэтической и других функций онимов в речи);
- *социолингвистический и психолингвистический* методы (для изучения соответствующих аспектов онимов);

- *уровневые анализы*: фонетический, фонологический, морфемный, словообразовательный, морфологический (при изучении соответствующих языковых характеристик онимов);
- *философско-общелогические методы* (анализ и синтез, индукция и дедукция; обобщение, идеализация, классификация и др.);
- *общенаучные методы*, прежде всего, моделирование и экспериментальный (для изучения и верификации результатов исследования онимов);
- методы тех естественных, гуманитарных и технических наук, онимы которых изучаются.

Таков далеко не полный перечень методологического арсенала ономазиологических исследований.

А для **сбора ономастического материала**, безусловно, используются *полевые методик*, *специальные анкеты и опросники*, и часто достаточно сложные *программы*, предназначенные для экспедиций¹.

Завершая анализ, следует подчеркнуть, что ономастика как наука имеет двусторонние связи с множеством других наук: она не только использует арсенал методов и методик многих наук, но и сама является «доктором» для них.

В ономастике, как ни в каком другом аспекте, ярче всего проявляется социальная сущность языка. Возникая в обществе, имя собственное отражает все особенности общественной жизни, общественно-исторической, социальной, политической и личной жизни отдельного человека. Как и человеческая личность смысл личного имени неповторим.

Изучая историю возникновения имён в синхронном и диахронном аспектах, ономастика позволяет проникнуть в глубь веков. Являясь своеобразным «языком земли» и хронологизатором (при этом нередко безошибочным), она даёт бесценный материал для понимания истории того или иного народа, его культуры и психологии [Вендина 2001 : 181].



Вопросы и задания для обсуждения

1. Когда и почему возникла ономастика как лингвистическая дисциплина?
2. Чем существенно отличается имя собственное (оним) от нарицательного (апеллятива)?
3. Что изучает ономастика?
4. Какие методы и приёмы используются для сбора ономастического материала?
5. Почему ономастические исследования требуют комплексного, междисциплинарного метода?
6. «Как показали новые исследования в области семиотики (см. работы Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова), древнейшая ономастическая система – это не

¹ См. описание методов в пособии в соответствующих главах и разделах.

случайный набор имён, попавших в ономастическую орбиту, а своеобразный языковой текст, обнажающий систему ценностей, высшие идеалы, концептуальную модель мира», – пишет в своём учебном пособии Татьяна Ивановна Вендина [2001 : 177].

7. Приведите Ваши аргументы, подтверждающие это высказывание.
8. Рассмотрите трансформации одного личного имени, отражающие богатую гамму межличностных человеческих отношений: *Александр – Саша – Шура – Саня – Алексаика – Санёк – Санечка – Шурочка – Сашка – Шурка – Сашок...* Скажите, в каких ситуациях следует использовать ту или иную форму имени.
9. Прочитайте в книге Валерия Андреевича Миронова «*Имени тайная власть*» (М., 2001) психолингвистическую интерпретацию Вашего имени. Насколько, по Вашему мнению, она характерна лично Вам?
10. Замечательный русский мыслитель Павел Александрович Флоренский в книге «*Имена*» (М., 1998), соединив философию имени с теорией имени как инвариантной характеристикой личности, пришёл к такому, говоря его словами «**таинственному высвечиванию «действительности» русского имени Владимир**: *«В итоге: Владимир есть Василий, выросший на русской почве, и потому понятно, что для России это есть наиболее значительное из имён, типичное имя великого человека, из русских только. Воздух России наиболее соответственное своё выражение имеет во Владимире. Но черты подлинного величия, свойственного Василию, во Владимире несравненно расплывчатее и грубее. Замыслы же и притязания его несравненно больше: Владимир, как сказано, не значит владеющий миром, но сознание русского народа, а следовательно, и его собственное, навязывают этому имени притязательный замысел на мировое господство. В этом извращении коренного национального имени сказались основная правда и основная неправда самого народа»* [Флоренский 1998 : 557].

Опираясь на данные этнолингвистики, лингвокультурологии, этимологии и ономастики, подготовьте Ваш ответ П.А. Флоренскому.

Литература для углублённого изучения

Агеев 1990	Демидова 2011	Реформатский 1999
Амирова и др. 2003	Есперсен 2006	Суперанская 1973
Ахманова 1966	Колесов 2002	Теория 1986
Вендина 2001	Кубрякова 2002 (ЛЭС)	Толстой 1995
Герд 2001	Лосев 1982; 1990	Топоров 1995
Гируцкий 2005	Матвеев 1969; 1979	Топоров, Трубочёв 1962 (2002)
Голованова 2008	Миронов 2001	Трубочёв 1968 (2002)
Гречко 2003	Новиков 1982; 2001	Уфимцева 1986
Гумбольдт 1984; 1985	Общее языкознание 1973	Флоренский 1998
Гуров 1992	Подольская 1988, 2002 (ЛЭС), 2003	Шкатова 1984
Даль 1978	Потебня 1976; 1993; 1999	Шпет 1989; 2007
Даниленко 2007		

14.2.4. Метод и методики лингвостилистики

Лингвистическая стилистика, общая стилистика¹ – особая комплексная научная языковедческая дисциплина, оформившаяся к середине XX века, которая изучает выразительные средства языка и закономерности функционирования (*использования*) языка в различных сферах общественной деятельности и ситуациях общения.

Предметом стилистики является *стиль* во всех его значениях, однако **задачи** современной стилистики шире, поскольку она исследует и вопросы формирования стилей в связи с историей литературного языка, и язык художественной литературы (смыкаясь с *поэтикой*), и проблемы организации текста (смыкаясь с *лингвистикой текста*), и различные *жанры общения*, исходя из учёта структуры речевого акта и его успешности, эффективности (смыкаясь с *прагматикой*) [Стилистический энциклопедический словарь (СЭС) 2003 : 408-414].

Существенной приметой современной стилистики является изучение языка *в динамике*, в связи с чем выделяется *функциональный* и *речеведческий* аспект, поэтому развитие стилистики связано с оформлением в языкознании *коммуникативно-функциональной парадигмы* лингвистики, а затем когнитивно-коммуникативной.

Предшественницами современной стилистики были античные и средневековые *поэтика* и в большей степени *риторика* [Античные теории языка и стиля 1996].

Лингвистическая стилистика как научная дисциплина восходит к работам отечественных и чешских учёных 20-30-х годов XX века (к трудам М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. П. Якубинского; членов Пражского лингвистического кружка: Б. Гавранека, В. Матезиуса, К. Гаузенбласа, В. Мукаржовского и др.). Зачинателем её признан Шарль Балли, создатель французской стилистики («Трактат по французской стилистике», 1909 г.), а также К. Ф. Фослер и Л. Шпитцер.

Как любая наука, стилистика прошла ряд этапов своего развития, в результате чего оформилось несколько направлений:

- пять этапов (*дескриптивная, текстовая, функциональная, прагматическая, стилистика языка художественной литературы*) [Степанов 2002 : 492-493];
- четыре этапа-раздела: *функциональная, стилистика языковых единиц, стилистика текста, стилистика художественной речи* [Бельчиков 2003 : 540-541];
- семь направлений: *структурная (аналитическая), функциональная, историческая (диахроническая), сопоставительная, стилистика художественной речи, стилистика кодирования и стилистика декодирования* [Кожина 2003 : 408-414];

¹ Термин *стилистика* появился в начале XIX века в произведениях немецких романтиков в связи с новыми для того времени понятиями индивидуальности творческой личности [Степанов 2002 : 493]

- пять направлений: *стилистика ресурсов (языковая), экспрессивная, функциональная, практическая, креативная* [Купина, Матвеева 2012];
- поскольку основным предметом стилистики является стиль, то с позиции развития *стиля* в истории мировой стилистики выделяется: 1) *стиль как орнамент* (в античной риторике); 2) *стиль как отклонение, девиация* (в структурализме); 3) *стиль как эстетическая категория* (в художественной речи); 4) *стиль как выбор* (аналитическая стилистика); 5) *функциональная стилистика* (выделение стилей на основе репертуара стилевых черт); 6) *стиль как коммуникативная деятельность* (в коммуникативно-прагматической парадигме лингвистики); 7) *интегративные концепции стиля и текста*: а) три измерения: *познавательное, интегративное и языковое* (Т. ван Дейк); б) семь измерений: *когеренция* (глобальная связность), *когезия* (локальная связность), *интенциональность, акцентуальность, информативность, ситуативность, интертекстуальность*¹ (Р. де Богранд и В. Дресслер 1981); в) пять прототипических измерений: *функция, ситуативность, тема, когезия, когеренция* (Б. Сандиг 2000; 2009); г) *стилевая принадлежность, жанровость и дискурсивность* (Е. Бартминский); д) *стиль как наивысшая организационно-интегрирующая основа текста//гуманистическая структура текста//экологическая структура текста* [Гайда 2010 : 93-102].

Отечественная лингвистика, которую иногда называют *функциональной стилистикой в широком смысле, или славянской стилистикой* [Гайда 1992; Салимовский 2002], также прошла в своём развитии ряд этапов.

Так, с 20-30-х годов XX века доминировало понимание функциональных стилей как структурного воплощения языковых функций (коммуникативной, эстетической, экспрессивной и др.), а затем – как структурно-функциональных вариантов литературного языка, обслуживающих различные сферы деятельности и общения человека. Исследования в основном сводились к анализу языковых средств *макростилей*² (термин А.Н. Васильевой): *научного, официально-делового, публицистического, разговорно-бытового, религиозного, художественного*.

К началу 60-х годов было осмыслено, что по основному подходу к лингвистическому материалу *стилистика* противопоставлена *описательным разделам языкознания* (фонетике, фонологии, лексикологии, грамматике...), а соотносится с *культурой речи, риторикой, учением о норме, теорией литературного языка* и т. п. [Бельчиков 2003 : 540]. Очень точно скажет об этом позже М.Н. Кожина: «В лингвистике две главные сферы исследования: в одной изучаются языковые системы, в другой – речь» [Кожина 2010 : 28]³.

¹ В зарубежной стилистике: различные функциональные семантико-стилистические разновидности текстовых категорий.

² *Макростили* – высший уровень абстракции функциональных стилей, в которых на более низких уровнях выделялись подстили (например, в *научном* – *собственно научный, или академический; научно-технический, научно-учебный, научно-популярный*), в подстилях – речевые жанры: научная статья, монография, диссертация (в академическом подстиле).

³ Так начала свою речь Маргарита Николаевна Кожина в лекции, написанной для церемонии присуждения ей звания Почётного профессора Опольского университета (Польша) 27 мая 2010 года [Кожина 2010 : 28].

В.В. Виноградов, характеризуя положение в стилистике начала 60-х годов, вновь подчеркивает, что «на долю *стилистики речи* (здесь и далее выделено мной – З.К.) выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между различными *жанрами* и общественно обусловленными видами устной и письменной *речи*» [Виноградов В.В. 1963 : 15].

Благодаря широкой дискуссии по вопросам стилистики, прошедшей на страницах журнала «Вопросы языкознания», и усилиям отечественных учёных (А.Н. Васильева, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Т.А. Ладыженская, В.Н. Мещеряков, О.Б. Сиротинина, А.А. Холодович, Т.В. Шмелёва и др.) к середине 60-х годов была создана *функционально-стилистическая теория* как единая концептуальная система, на основе которой определены предмет, основные понятия, категории и методы отечественной лингвостилистики.

Основной принцип этой концепции заключается в том, что *речь (текст)* изучается *неотъемлемо от сферы общения*, которая рассматривается как *экстралингвистическая основа функционального стиля* [Котюрова 1988]. По отношению к проблемам речеведения¹ понятия *сфера общения* определяется как единство вида деятельности, формы общественного сознания и типа общественных отношений [Кожина 1968].

Новый этап развития лингвистики связан с анализом *целого текста* (И. Р. Гальперин, В. В. Одинцов, Л. М. Майданова, О. А. Лаптева, О. Д. Митрофанова, М. П. Котюрова, Т. В. Матвеева...), с тенденцией к снижению уровня абстракции функциональных стилей (А. Н. Васильева, Г. Я. Солганик, Е. С. Троянская...), что создаёт предпосылки для разработки концепции *жанрового уровня функционально-стилистической системы языка*, «поскольку жанр несёт в себе, как в капле воды, всю ситуацию речи, включая образ автора и образ адресата, память сферы, зависимость от фактуры текста, в котором он бывает воплощен, вплоть до отбора языковых средств» [Шмелёва 1996 : 11].

Импульс в развитии теории жанров, которой был дан М. М. Бахтиным, А. Вежбицкой, М. Ю. Федосюк, направлен на создание единой методологии описания речевых жанров с учётом их крайней неоднородности [Салимовский 2002 : 13].

Понимание М. М. Бахтиным *речевого жанра* как ключевой категории диалогической концепции культуры [Библер 1991 : 33], социологии языка, наук о духовном творчестве; жанра как формы знакового общения, вбирающего фактический материал, накопленный философией, науковедением, искусствоведением, религиоведением и др. [Бахтин 1979], естественно, предполагает развитие теории жанров речи в различных направлениях и пересечение её с другими лингвистическими и шире – гуманитарными науками. Таким образом, жан-

¹ Речеведение – «зонтичный» термин, который объединяет совокупность наук, изучающих *речь, речевую деятельность*: стилистика, культура речи, риторика, лингвистика текста, теория речевых актов, текстология – формирующаяся новая область знаний в лингвистике; синоним: *лингвистика речи* [Кожина 2003 : 333].

ровая проблематика междисциплинарна [Салимовский 2002 : 17], как и стилистическая проблематика в целом.

Эта тенденция ярко проявилась в дальнейшем развитии жанра как модели коммуникативного и когнитивного взаимодействия участников общения [Шмелёва 1996 : 11; Салимовский 2002 : 32]¹.



Итак, **лингвостилистический метод** – это междисциплинарная и межпарадигмальная интеграция методов, методик, приёмов и процедур исследования, направленных на изучение использования языка в речевой деятельности, на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами, а также на изучение закономерностей формирования стилистической системы того или иного языка.

Базовые концепты метода:

- **Стиль** – (<лат. *stilus, stylus* – «остроконечная палочка для письма, манера письма, своеобразие слога, склад речи»)² – результат языкового варьирования: одна из языковых подсистем, связанная с определённой сферой речевого употребления, целью общения и составом его носителей [Матвеева 2010 : 464].
- **Функциональный стиль** – это своеобразный характер речи той или иной социальной её разновидности, соответствующей определённой сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемой особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией [Кожина 1993 : 51]³.
- **Речевой жанр** – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов [Федосюк 1997 : 104].
- **Речевая системность** – обусловленность речевой системы экстралингвистическими факторами, в том числе целями и задачами говорящих в их речевой деятельности, определяемыми не столько субъективными (индивидуальными) интенциями, а назначением в социуме тех или иных видов деятельности и соотносимых с ними сфер общения [Кожина 2002 : 49].

¹ Жанровая модель, предложенная Т.В. Шмелёвой: коммуникативная цель, концепция автора, концепция адресата, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего, тип событийного содержания и формальная организация, – с одной стороны могут рассматриваться как результат изучения вопроса об измерениях *иллокутивных актов* [Сравни: Сёрл 2010], а с другой – включаются в более общую проблематику *экстралингвистических основ* текстовой деятельности.

Т.В. Шмелёва рассматривает теорию жанра как один из разделов общей теории коммуникации – речеведения. Близкое понимание жанрового образца как наиболее «реалистичного» образа, типа текста [Гайда 2010 : 101].

² В языкознании нет единого общепринятого определения понятия *стиль*, что обусловлено многомерностью самого феномена и изучением его с разных точек зрения.

Термин *стиль* многозначен, см.: [Степанов 2002 : 494-495].

³ Из множества дефиниций функционального стиля как наиболее точной, отражающей сущность терминируемого понятия, принимаем определение М.Н. Кожинной, поскольку в данном определении подчёркнуты: 1) речевой статус функционального стиля; 2) обусловленность общественной сферой деятельности; 3) зависимость от формы сознания; 4) специфичность функционирования языковых средств и характера их организации, т. е. дифференциация стилей на основе *лингвистических* и *экстралингвистических* факторов.

Иначе говоря, *речевая системность* основывается на идеях *целесообразности* (речь сообразна целевым сферам её применения) и *целесолагания* (речь отражает замысел её носителей) [Купина, Матвеева 2012 : 26].

Цель метода: поиск возможностей установления закономерностей жанрово-стилевой организации речи, её системности с *единых методологических позиций*¹.

Обобщенный предмет изучения: системная² жанрово-стилевая организация речи (текста, дискурса) какого-либо языка.

Более конкретные **объектно-предметные области метода** настолько многовекторны, что обозначим только основные из возможных:

- *вся вертикальная парадигма базовых концептов лингвостилистики: стиль (языковой и речевой) ↔ функциональный стиль (макростиль) ↔ жанр (первичный, речевой и вторичный, риторический) ↔ субжанр ↔ экземпляр текста (идиостиль) ↔ стиль высказывания (речевого акта);*
- *речевая системность функционального стиля;*
- *стилеобразующие факторы;*
- *стилевые доминанты (М. К. Кожина); конструктивно-стилевые векторы (В. Г. Костомаров);*
- *традиционная модель стиля;*
- *стилистика-речевые функции (информационная, воздействия, констатации, предписания, социальной оценки, ценностной ориентации, выразительности, образности и др.);*
- *стилевые черты;*
- *стилистика-текстовые категории (диалогичности, акцентности, гипотетичности, оценки; образа автора, темпоральности, тональности, локальности и др.);*
- *функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение, а также разновидности – объяснение, доказательство, констатация, предписание);*
- *стилистика-парадигматика;*
- *стилистика-синтагматика;*
- *лексическая стилистика;*
- *грамматическая стилистика;*
- *синтаксическая стилистика;*
- *экспрессивная стилистика;*
- *стилистика-значение, окраска (мелиоративные и пейоративные);*

¹ Единая методологическая позиция является тем основанием, которое цементирует единство лингвистики языка и лингвистики речи, а также лингвистики в целом. В противном случае, как писал Р.А. Будагов, «лингвистика, как целостная наука, перестанет существовать и распадется на сумму отдельных толкований, никак внутренне между собой не связанных» [Будагов 2000 : 48].

² *Системность языка и системность речи – не одно и то же.* Определяющим принципом системности речи являются не *valeur* (термин Ф. де Соссюра), а комплекс экстралингвистических факторов, которые обуславливают выбор и организацию языковых и текстовых единиц и их взаимосвязи на текстовой плоскости, т. е. **системность речи** [Кожина 2010 : 29].

- *стилистическая норма* (нормы языковые и собственно речевые, текстовые, логические, лингвоэтологические, онтологические);
- *стилистические приёмы* (фигуры речи и тропы);
- *стилистические ошибки*.

Методы, методики и приёмы лингвостилистического анализа

Как уже было отмечено, система методов, методик и приёмов лингвостилистического анализа будет эффективной, прежде всего, при условии **единства методологического основания**.

Такое единое основание *системной методологии языкознания* было обосновано во Введении учебного пособия (раздел 4), потому лишь напомним его основные принципы и постулаты:

- *первый принцип и постулат* – антропоцентризм;
- *второй* – деятельностный;
- *третий* – системный;
- *четвертый* – дискурсивный;
- *пятый* – парадигмальность/непарадигмальность;
- *шестой* – статистико-комбинаторный (с. 37-40 пособия).

Эти принципы и постулаты, находятся в отношениях взаимообусловленности и комплементарности, что позволяет распространять эту методологию и на лингвостилистику с её системно-функциональной, коммуникативно-прагматической природой.

Эта единая методология объединяет две основные сферы исследований лингвистики: языковые системы и речь, обеспечив её дисциплинарно-методологическое единство.

Принятая методология, во-первых, детерминирует качественно-количественный¹ подход к анализу лингвостилистических феноменов, что обусловлено и общефилософским принципом комплементарности качественной и количественной сторон любых объектов и явлений, в том числе *языковых и речевых*.

Использование качественно-количественного подхода *целесообразно* при изучении фрагментов бесконечно неоднородных совокупностей языковых единиц, какими являются совокупности текстов того или иного функционального стиля в любой исторический период.

Применение качественно-количественного подхода позволяет *выявить основные тенденции*, вероятностные стилистические закономерности в развитии исследуемых явлений. Более того, такой подход – основной критерий *достоверности* полученных результатов во взаимообусловленности качественных и количественных данных.

Во-вторых, *детерминированность* метода объектом и предметом исследования, той *теорией*, в рамках которой проводится исследование, а также *целью, задачами и другими установками исследователя* (см. раздел 7.1 пособия), обуславливает необходимость учёта концепций стилистики как науки и её ос-

¹ Некоторые исследователи считают, что это традиционный метод лингвистики [Трошева 2000 : 7].

новых методолого-стилистических направлений, которые неизбежно будут различаться методами и методиками анализа своих объектов исследования.

Обычно выделяют шесть таких направлений: *стилистика ресурсов* (в том числе *практическая лингвистика*), *функциональная стилистика*, *стилистика текста*, *диахроническая и сопоставительная стилистики* и *стилистика художественного текста* [СЭС 2003 : 222].

При этом **принципы функциональной стилистики** как методологически более широкого направления пронизывают собой все другие направления стилистики. Иначе говоря, в рамках функционально-стилистических исследований могут быть поставлены цели и решаться задачи, относящиеся к любому из направлений или сразу к нескольким из них, поскольку концептуальная основа и целевое начало будет оставаться за функциональной стилистикой [Данилевская (СЭС) 2003 : 222]¹.

Так, во всех направлениях используется общедисциплинарный лингвостатистический метод², модификация которого в стилистике обозначается термином стилостатистический метод.

1. Стилостатистический метод

Метод состоит в выявлении вероятностно-статистических данных и наиболее частотных, ведущих элементов речи, текста или тех элементов, которые интересуют исследователя.

Использование стилостатистического метода обусловлено стремлением подтвердить интуитивные представления о функциональных стилях и других стилистических категориях и явлениях *объективными показателями частотности*, которые находятся в отношении корреляции с качественными сторонами изучаемых стилистических явлений³.

Напомним вывод Б.Н. Головина, который много занимался вопросами внедрения статистических методов в лингвистические исследования: «язык вероятностен, речь частотна» [Головин 1970 : 89].

История современной статистической стилистики восходит к 1851 году, когда де Морган высказал мнение, что длина слов может быть доказательством различия стилей писателя [Мирошниченко 2009 : 176]. А первый опыт применения статистических методик в лингвистике касается именно стилистики: это работа А.А. Маркова «*Опыт статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепи*» (1913).

Формирование стилостатистического метода, как и лингвостатистики в целом, приходится на середину XX века, при преимущественном применении их к речи и тексту. К этому времени уже было осмыслено и подтверждено конкретными результатами, что «*понятие частотности – понятие речевое*» (Т. П.

¹ О базовых и производных принципах функциональной стилистики, применимых и в других направлениях, см: [Там же : 222-229].

² О принципах, методиках, приёмах и процедурах лингвостатистического метода см. в разделе 14.1.2 этого пособия.

³ Так, в нашем исследовании изучение частотности служебных слов в подъязыке информатики позволило выявить корреляции частотности с семантико-грамматическими свойствами этих слов [Комарова, Краев 2008].

Ломтев) и «*всё, что обладает повторяемостью, является речевым*» (Н.Д. Андреев, Л.Р. Зиндер), т. е. при изучении речевых явлений целесообразно использование стилостатистического метода, который, как и лингвостатистический метод, обладает значительным эвристическим потенциалом (см. раздел 14.1.2 пособия).

Так, В.И. Перебийнос, один из авторов монографического описания стилостатистическим методом функциональных стилей, заключает: «*Статистика помогает выявить закономерности, которые другими методами не определимы*» (1967).

Исходя из того, что функциональный стиль формируется, прежде всего, *отбором языковых единиц*, а потому повышением *частотности* отобранного материала, и что речевая картина любого стиля представляет собой особую «*картину частот*» (М.Н. Кожина), можно заключить, что и *норма стиля* определяется набором и количественными пропорциями использованных в нём единиц. При этом важны не столько *внутритекстовые* пропорции такого рода, сколько *межстилевые* сравнения и сопоставления частотности того или иного средства в рамках *отдельного стиля* и в русской речи в целом [Купина, Матвеева 2012 : 22], что находит отражение в частотных словарях.

Таким образом, приоритетным объектом стилостатистического метода являются прежде всего *функциональные стили языков*, хотя статистическая нормативность их изучена неравномерно: наиболее обстоятельно изучены *научный* и *разговорный стили* [Там же : 23], а также *художественный стиль* [Болотнова 2009].

Что ещё можно считать в стилистике? Ответ может быть очень коротким: стилостатистический метод применим как к *обобщенному предмету* изучения в стилистике, так и ко всем *конкретным объектно-предметным областям*, сформулированным выше (см. с 613-614).

Конкретные исследования подтвердили целесообразность его применения к выявлению стилистической доминанты произведения [Болотнова 2009 : 416-417], к изучению идиостиля автора произведения [Болотнова и др. 2001; Болотнова 2009 : 418-419; Котюрова и др. 2011].

Количественный анализ с применением компьютерной обработки может использоваться для *классификации основных ментальных установок* автора текста [Мирошниченко 2009 : 178] и др.

На вопрос «**Как** считать?» ответ предсказуем: в соответствии с правилами математической статистики (напоминаем: см. 14.1.2 пособия), т. е. использование метода требует от лингвиста-исследователя соответствующей подготовки.

Возможно этим объясняется парадоксальная ситуация: несмотря на явную эффективность и эвристичность метода (позволяет снять многие дискуссионные вопросы, выявить ряд стилистических закономерностей!), его использование пошло на убыль и сменилось использованием в наши дни процентных методик.

«Но можно полагать, – считает М. Н. Кожина, – что стилистику ждёт новая волна активизации стилостатистических исследований» [Кожина 2003 : 506],

если «чистые филологи» не убоятся бездны математической премудрости [Корнилов 2003 : 231].

Принятый качественно-количественный подход к анализу лингвостилистических феноменов требует дополнить стилистический метод другими методами, направленными на качественный анализ, под которым будем понимать исследование *функционально-семантической и структурной сторон речевых явлений*.

2. Семантико-стилистический анализ

Разработан, прежде всего, в Пермской школе функциональной стилистики и главой этой школы М.Н. Кожиной и апробирован в разных модификациях исследователями ряда школ и направлений.

Семантико-стилистический метод, направленный на «адекватность выражения оттенков смысла» (Кожина), опирающийся на использование *компонентного и текстологического анализов*, позволяет изучать механизм смысловой трансформации лексических единиц в системе произведений различной жанрово-стилистической природы. Изучение смысловых нюансов слова в различных контекстах на основе этого метода позволяет определить функции лексических единиц, а через них выйти и на специфику стилевой организации данного текста.

При этом концептуальной базой является то, что в языке, его структуре **нет стилистического уровня с готовым набором стилистических единиц**, способных удовлетворять потребности общения во всех его тонкостях. Стил, стилистическое творится каждый раз **заново**, как **творческий акт**. В связи с этим важно выявление **динамики стилистических значений и окраски слов** [Кожина 2010 : 30].

А генетически образный термин **стилистическая окраска**, удачно подчёркивая тот факт, что в системе языка **нет особого стилистического уровня**, а потому стилистический компонент семантики носит *качественный характер* и распространяется на языковые единицы всех уровней системы – от фонетического до синтаксического и собственно текстового [Купина, Матвеева 2012 : 11].

Потому при анализе могут быть выделены два типа стилистических окрасок: *эмоционально-экспрессивных* и *функционально-стилевых*¹. Эта методика чаще используется в стилистике ресурсов и путь анализа – *от средств к функциям*.

Другая разновидность методики анализа, которую можно назвать **функционально-семантической**, имеет противоположный подход: *от функций к средствам*.

Цель анализа состоит в выявлении того, какими языковыми и речевыми средствами реализуются основные функции речевых разновидностей (функциональных стилей, подстилей, жанров), как экстралингвистическая основа стилей влияет на формирование речевой организации, речевой системности стилей.

¹ См. пример анализа в работе: Болотнова 2009 : 473-475.

Таким образом, методика предполагает:

- 1) структурно-системный и коммуникативно-системный анализ единиц разных уровней;
- 2) установление значимости языковых средств для специфики речевой системы, стиля и его разновидностей (текстов);
- 3) выявление речевой единицы как некоторого компонента взаимообусловленности в ряду других подобных единиц.

Итак, комплексный подход к изучению **речевой ткани текста** – основа *функционально-семантического анализа* [Даниевская 2003 : 229].

3. Методика ступенчатого анализа стилистически маркированных текстов

Методика, разработанная И. Р. Гальпериным, представляет собой ряд процедур¹.

1. **Первая процедура** – анализ начинается с *таксономической* процедуры, задача которой – путём сопоставлений или учёта исследовательской интуиции, или любым другим способом *идентифицировать* подлежащий рассмотрению текст с соответствующим функциональным стилем языка, его подстилем и жанром, далее определить, что он собой представляет по манере организации – *повествование, описание, сказ, портрет, диалог* и т. п.

2. **Вторая процедура** – *информативная*. Цель её – декодирование сообщения, т. е. «раскрытие содержания текста в его наиболее общем виде», получение квинтэссенции его содержания, для чего могут быть использованы и некоторые приёмы *трансформационного анализа*. При «сжатии» текста могут быть опущены информационно несущественные его части вплоть до целых глав, если он включает в себя и такие единицы.

3. **Третья процедура** – *семантическая*, которая связана с непосредственным анализом стилистически маркированных отрезков текста (значений слов, предложений и т. д.) с целью выявления их внутренних потенций в микро- и макротекстах. В качестве основных приёмов на этой стадии используются *компонентный анализ* значений слов и *суперлинейный анализ* предложений. При этом важно выявить все связи единиц языка в тексте, в том числе и отдалённые – ассоциативные.

4. **Четвёртая процедура** – *стилистическая*, с помощью которой решается вопрос о соотношении между стилистическими приёмами, используемыми в тексте, и стилистически нейтральными средствами языка. Здесь фронтально оцениваются элементы всех уровней языка с точки зрения их участия в создании стилистического содержания. Выполняется процедура на фоне *внутристилистических норм*, определяющих общий характер текста, и с привлечением результатов всех предыдущих этапов анализа. Требование учитывать внутристилистические нормы обосновывается тем, что те или иные приёмы, будучи рядовыми, обычными для данного стиля, не обладают свойством маркированности. Так, например, «такие приёмы, как *ритм, рифма, аллитерация, образность* яв-

¹ Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. – М. 1976. – С. 267-290.

ляются стилистически немаркированными» для поэтического текста. Процедура носит линейный характер и выявляет тонкие взаимосвязи слов, конструкций со всеми составляющими текста.

5. **Пятая процедура** – функциональная – предназначена для определения функционального назначения стилистически маркированных отрезков высказывания. Она пересекается со второй (информативной) процедурой, вместе с которой решает единую задачу – выявление содержательной (информативной) насыщенности языковых средств в их соотнесённости с действительностью.

6. **Шестая**, заключительная, **процедура** анализа является *синтезирующей*. В результате её осуществления суммируются выводы, полученные с помощью предыдущих процедур, и определяются манера автора, его индивидуальные особенности в использовании и организации языковых средств¹.

4. Методика стилистического эксперимента

Предложенная А.М. Пешковским ещё в 1927 г. методика может быть названа *стилистическим экспериментом*. Говоря о возможном пути анализа и оценки художественной речи в статье «*Принципы и приёмы стилистического анализа и оценка художественной прозы*», опубликованной в 1927 году в сборнике «*Ars poetica*», А.М. Пешковский предлагает приём «искусственного придумывания стилистических вариантов к тексту». Смысл его сводится к следующему:

1. Стилистические наблюдения должны приводиться только на тексте и только *методом эксперимента*.

2. На начальных этапах стилистический анализ не может не быть дифференцированным по типам (уровням) языковых средств организации стиля, т. е. анализ должен быть либо лексическим (словарным), либо синтаксическим, либо звуковым, либо ритмическим и т. д.

Словарная часть заключается в работе над синонимами, антонимами, омонимами, паронимами [Пешковский 1959 : 172]. А. М. Пешковский убедительно показывает как это сделать, в частности, на примере синонимов. Так, обратившись к фразе «*Чуден Днепр при тихой погоде*», можно экспериментировать: «*Красив Днепр при тихой погоде*» и т. д.

Целью эксперимента является при этом углублённое понимание текста, а не усвоение именно данных синонимов... Это не значит, что работа над синонимами исключается из содержания эксперимента. Речь идёт лишь о том, что работа над ними составляет только часть анализа «достаточного количества текстов» [Там же : 174].

3. Стилистический анализ должен «непрерывно связываться с *общелитературной работой* над произведением. Сплошь и рядом оценить выбор автором того или другого синонима можно только при рассмотрении данного текста на фоне всего произведения или даже всех произведений данного автора. Например, замена гоголевского *чуден* словом *прекрасен* не так явно ослабляет

¹ Эта методика в более конкретизированном виде представлена в методике комплексного стилистического анализа [Болотнова 2009 : 64-67; Мирошниченко 2009 : 210-215].

текст, как замена словом *красив*, и это ослабление можно понять, только учтя общую гиперболичность и экзальтированность языка «*Страшной мести*».

4. Отсюда естественно следует, что анализ данного конкретного фрагмента должен быть соотнесён с тем, частью чего он является, и шире – «с *целым произведением*, а если возможно, то и с другим произведением того же автора и той же эпохи».

5. Стилистический анализ должен быть ориентирован не столько на установление конкретных значений анализируемых стилистических фактов, сколько на пробуждение и развитие стилистического чутья.

6. При выявлении стилистических функций и возможностей тех или иных языковых фактов важную роль играет подбор форм, противостоящих им в синхронной языковой системе. Например: «Ни что так не помогает выявить разницу между синонимами, как подбирание к ним антонимов» [Там же : 175].

7. Стилистический анализ на базе синтаксиса «сводится к наблюдению и экспериментированию над тем, что называют *синтаксическими синонимами* (*дом строится плотниками – плотники строят дом; когда я приду, я пообедаю – я приду и пообедаю* и т. д.)» [Там же : 176].

Таково в общей форме содержание метода стилистического эксперимента, предложенного А.М. Пешковским.

Ясность, последовательность идей и процедуры рассмотрения соответствующих языковых факторов, соображения, предложения и конкретные опыты, в которых они реализуются, дают вполне законченную картину того, что им справедливо было названо *стилистическим экспериментом*.

Последующее развитие методики стилистического анализа полностью подтвердило правильность идей А.М. Пешковского. Его идеи и стилистические опыты демонстрировали собою первые попытки разработки и внедрения принципов и норм системно-структурного анализа в стилистике.

Аналогичный эксперимент провел Л.В. Щерба [1974 : 32-34]. Сходство этих экспериментов заключалось в том, что они были ориентированы на языковую компетенцию одного лица (обычно исследователя).

Но чаще эксперименты, особенно психолингвистические, предполагают обращение к множеству лиц, носителей языка (Н.В. Черемисина, И.В. Арнольд, А.Е. Супрун, А.И. Тарасова и др.).

Серия экспериментов на восприятие разных аспектов текста и его прагматики была проведена Н.С. Болотновой [2009 : 437-439], а также Н.Г. Петровой, А.В. Курьянович и др.

5. Контекстологический анализ¹

Контекстологический анализ сближается с *дистрибутивным*: «В самых общих чертах всякий стилистический анализ будет анализом *контекстуальным*, т. е. *дистрибутивным*, так как стилистическое содержание и отдельный языковой единицы, и целого высказывания проявляется главным образом в линейном употреблении» [Азнаурова 1973 : 27].

¹ *Контекстологический анализ* в лингвистике см. раздел 14.1.3.

Начало контекстологическому анализу в стилистике было положено Б. А. Лариным, который указал на взаимосвязь целого текста и его отдельных частей при стилистическом анализе. Поскольку контекстологический анализ предполагает изучение языковой единицы в *контексте*, то, безусловно, развитие анализа напрямую связано с развитием теории контекста.

Теорию стилистического контекста разрабатывали отечественные лингвисты: И. А. Банникова, Р. А. Киселёва, С. И. Болдырева, Г. В. Андреева, С. Ш. Чагдуров и другие.

В практике анализа выделяются разные *виды контекста*:

- *минимальный* – в рамках словосочетания, отражающего грамматические связи лексической единицы;
- *развернутый* – в рамках предложения (высказывания);
- *расширенный* – в объеме текстовых фрагментов – сверхфразовых единств, абзацев, строф, типов речи;
- *максимальный* – в рамках целого произведения;
- *сверхконтекст* в объеме целого творчества художника слова или учёного¹.

В зависимости от аспекта изучения языковой единицы правомерно дифференцировать на уровне узуса *парадигматический контекст* класса (с учётом того, к каким классам слов – частям речи, семантическим полям, тематическим и лексико-семантическим группам и т. д. – относится данная единица); *синтагматический контекст* типовых узуальных моделей сочетаемости; на уровне линейного речевого употребления – текстовые фрагменты разного объема и масштаба.

Взгляд на слово с учётом узуального парадигматического и синтагматического контекста многое даёт для понимания его своеобразия с учётом других связанных с ним лексических единиц и для изучения специфики его словоупотребления на фоне общепринятых в узусе моделей сочетаемости.

Однако следует подчеркнуть, что *стилистический контекст* основан (в отличие от языкового!) *не на минимальных контекстах*, идентифицирующих узуальные значения, а напротив, на возможном *максимуме*, позволяющем заметить и выявить новые оттенки значений, коннотаций и новые связи с обозначаемой действительностью или вымыслом автора текста.

Стилистический контекст не ограничивается рамками непосредственного окружения элемента, а учитывает *дистантные связи* в тексте в целом и возможные ассоциации в тезаурусе читателя. Языковой контекст при этом должен учитываться на первой ступени анализа [Арнольд 1991 : 49].

Исследования живой речи показали плодотворность и необходимость применения контекстологического анализа за рамками предложения с учётом фоновых знаний коммуникантов, речевой ситуации и ролевой структуры общения [Там же : 49].

¹ См.: Чагдуров С.Ш. О выразительности слова в художественной прозе. – Улан-Удэ, 1959.

В разных типах текстов, особенно в художественном, контекстологический анализ должен учитывать *биографический, социально-исторический, литературный, культурологический и языковой контексты*, чтобы в полной мере можно было судить о содержании произведения и его эстетически значимых элементах [Болотнова 2009 : 453].

6. Особую группу составляют методики и их приёмы, применяемые для анализа **художественного текста**: *семантико-стилистический метод; интертекстуальный анализ; метод «слово-образ»; сопоставительно-стилистический; метод, близкий к эксперименту, биографический метод, мотивный и композиционный анализы* и их сочетания [Болотнова 2009 : 470-485], а также *ассоциативно-концептуальный анализ, лингво-поэтические интерпретации, метод ассоциативного поля, интертекстуальный и композиционный анализы, методика регулятивного структурирования и информационно-смыслового анализа* и др. методики [Болотнова 2000; Данилевская 2003].

В целом все эти методы и методики можно условно объединить в общем методе, называемом **слово и образ** (В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелев, А. Н. Васильева, М.Н. Кожина и др.).

Метод «слово–образ» определяется М.Н. Кожинной как «выявление того комплекса языковых средств различных уровней со всеми стилистико-смысловыми нюансами, который служит выражению и созданию данного микрообраза в системе образной мысли писателя» [Кожина 1993 : 18], т. е. он служит для реализации образно-эстетической функции художественного стиля речи.

Он направлен на достижение наиболее адекватного прочтения авторского текста в единстве слова и образа индивидуального стиля писателя.

Кроме того, в последние годы в исследованиях художественного текста широко применяется *комплексный анализ*, совмещающий в себе разные виды не только лингвистического, но и литературоведческого анализа (И. И. Бабенко, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, Е. В. Васильев, Ю. В. Казарин, Н. А. Купина, Н.А. Кузьмина и др.).

7. В оформлении стилистики как науки велика заслуга **исторической стилистики**, в которой зародились и формировались основные понятия стилистики и методы её изучения. З. К. Тарланов отмечает: «Количество проблем неизменно возрастает при обращении к *исторической стилистике*» [Тарланов 1995 : 155].

Становление стилей неотделимо от условий и путей складывания литературного языка. Потому одной из основных задач отечественной исторической стилистики является *сопоставительное изучение* памятников церковнославянского языка, как следующих друг за другом во времени, так и относящихся к одному и тому же времени, но составленных в разных культурных центрах славянства, с учётом *жанровых типов* этих памятников, а также памятников разных жанров древнерусской письменности (А. И. Соболевский, Л. П. Якубинский, Д. С. Лихачёв, С. П. Обнорский, В. В. Колесов, В. И. Борковский, Ф. П. Филин, З. К. Тарланов и др.).

Были выделены *стили*: «светские» и «церковно-богослужебные», а внутри их *жанры*: «летописно-хроникальный», «литературный», «житийный», «проповеднический» и др.

Основываясь на идее устойчивости этих первичных жанров, начали изучение специфических наборов речевых (текстовых) *формул* характерных определённым жанрам для установления стилистического употребления языковых средств, особенно *образных* средств языка, т. е. была заложена область *исторической поэтики* (А. А. Потебня, А. Н. Веселовский...).

Используемые для этой эмпирической работы *общенаучные методы* (*исторический, диахронический, историко-сравнительный*)¹ модифицировались применительно к задачам стилистического анализа. Таким путём шла кристаллизация специфических стилистических методов, методик и приёмов анализа.

8. Характеристику методологии, методов и методик лингвистики мы начали со *специфических*, т. е. **частнодисциплинарных**², **методов и методик**, поскольку именно они свидетельствуют об уже состоявшейся институционализации лингвостилистики как науки и являются её основным, базовым арсеналом для современных стилистических исследований.

Но напомним мнение Э.С. Азнауровой, которая считает: «Научный аппарат для лингвиста и для лингвостилиста один и тот же, ибо объект исследования у них один – *язык*» [Азнаурова 1973 : 22].

Эти слова следует понимать не буквально, т. е. что у лингвостилистики не может быть своих, *частнодисциплинарных* методов, а как указание на то, что лингвостилистика как лингвистическая наука, изучающая употребление языка в речи, формирует свои методы, прежде всего, на основе методов лингвистики.

Исходя из этого, неизбежно экстраполируются в лингвистику:

- во-первых, все **макропарадигмальные методы** лингвистики (*сравнительно-исторический, структурный, коммуникативно-прагматический и когнитивно-коммуникативный*, особенно два последних), описанные в 12-ой главе пособия;
- во-вторых, многие методы и методики **частных парадигм** лингвистики, описанные в 13-ой главе пособия;
- в-третьих, **непарадигмальные** (дисциплинарные и *частнодисциплинарные*) методы, описанные в 14-ой главе.

На распространённость этого явления неоднократно указывал Ю. С. Степанов: «Современная лингвистика характеризуется экстраполяцией методов: одни и те же методы переносятся из одной сферы языка в другую, на другой материал» [Степанов 2007 : 12]³.

Всё дело в том, насколько сильна модификация метода или методики в условиях другой среды. Если степень модификации небольшая, т. е. не затраги-

¹ См.: разделы 9.1 и 9.2 пособия.

² Генетически большая часть этих *частнодисциплинарных* методов является экстраполяцией лингвистических или общенаучных методов.

³ Потому Ю. С. Степанов считал, что нецелесообразно классифицировать методы по сфере языка на «методы фонологии», «методы морфологии», «методы синтаксиса» и т. д. [Там же : 12].

вающая сущности метода и методики (о чем можно судить по их дефинициям), то за методом (методикой) сохраняет её общелингвистический статус.

К такому виду экстраполяции можно отнести *трансформационную методику, дистрибутивный анализ, компонентный анализ* как методики *структурного метода, концептуальный анализ*, которые рекомендует использовать при анализе художественного текста Н. С. Болотнова [Болотнова 2009 : 445-460].

Если же при экстраполяции степень модификации метода высокая, т. е. затрагивает сущность метода, то можно уже говорить о *частнодисциплинарном* методе или методике, генетически связанным с исходным методом. Например, *контекстологический анализ* является **частнодисциплинарной методикой** лингвостилистики, т.к. она базируется на собственной теории *стилистического контекста*, отличающегося от *лингвистического* контекста (см. раздел 14.1.3) пособия.

В целом же *экстраполяция* методов и методик в лингвостилистику осуществляется в соответствии с многоуровневой субординированной системной лингвистической методологией, включающей девять иерархических уровней¹. Классификация методов и методик научного познания проводится в работе² на основе этой модели, потому в лингвостилистику экстраполируются ещё методы и их методики: *философского, философско-общелогического, системологического, синергетического, семиотического, общенаучного, частнонаучного, дисциплинарного и частнодисциплинарного* методологических уровней.

Подведём итоги

Речевая реальность современного человека бесконечно разнообразна. Ежедневно и ежечасно в мире появляется не поддающееся исчислению множество текстов, обслуживающих разнообразные контакты людей, отражающих их дела и намерения, размышления и исследования, чувства и настроения [Купина, Матвеева 2012 : 8].

Это привело к выдвиганию текста в качестве *центрального объекта исследования* в стилистике, лингвистике, речеведении, филологии и ряде других смежных и несмежных наук, что мотивировало создание методов и методик системного стилистического анализа языковых средств, речевых структур и целых текстов разной жанрово-стилевой природы.

Из этого богатейшего арсенала лингвист-исследователь имеет возможность выбрать наиболее эффективные методы и методики, соответствующие проблематике, целям и задачам своего исследования.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Когда и почему возникла стилистика как наука?
2. Что изучает стилистика?

¹ См.: в итогах первой части пособия схему 14 на с. 216.

² См. главы с 7-ой по 14-ую.

3. Какие направления существуют в современной стилистике?
4. Опираясь на дополнительную литературу, осветите основные понятия стилистики средств, функциональной и креативной стилистики.
5. Почему концепт *стиль* не имеет общепринятого определения?
6. В чём состоит дискуссионность концепта *функциональный стиль*? Обоснуйте своё мнение.
7. Опираясь на дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «*Языковая и речевая системность*».
8. Сравните концепты *речь* и *текст*. В чём состоят их сходства и отличия?
9. Сформулируйте принципы изучения стилистических феноменов.
10. Что такое лингвостилистический метод?
11. Каковы общие цели и задачи *стилистического анализа*? В чём его отличие от *лингвистического* и *филологического* анализов текста?
12. Каково назначение стилостатистического метода?
13. Какие из описанных методов и методик эффективны для Вашего исследования?
14. Отечественные учёные-стилисты дали следующее определение стилистике: «*это наука о наиболее эффективных формах выражения мыслей и чувств, о целесообразном отборе и комбинировании средств языка в определённых сферах общения*» [Кожин и др. 1982 : 10]. Близкое определение: «*...укрепляется представление о стилистике как науке, ориентированной на оптимальность, отточенность, совершенство языкового выражения*» [Купина, Матвеева 2012 : 8]. Сравните эти определения с другими, доступными Вам в отечественных и зарубежных источниках. В чём состоят различия в дефинициях?
15. Прокомментируйте высказывания:

Стиль – это сам человек (Ж. де Бюффон).

Художественный текст не может быть исключительно «риторическим» или «стилистическим», а представляет собой сложное переплетение общих тенденций (Ю. М. Лотман).

Чем лучше мы владеем жанрами, ... тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (М. М. Бахтин).

Жанр – это не язык, но и не совсем речь... (В. В. Дементьев).

Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов (М. М. Бахтин).

Настоящее владение языком начинается только тогда, когда человек начинает чувствовать всю прелесть отступлений от нормы (Л. В. Щерба).

Литература для углублённого изучения

Азнаурова 1973	Золотова 1973	Николина 2003
Античные 1996	Золотова и др. 1998	Новиков 1982; 1988;
Апухтин 1977	Индивидуально 1980	2001
Аргентонова 1988; 2002	Каган 1996	Одинцов 1980

- (ЛЭС)
 Аспекты 1982
 Ахманова 2004 (1957)
 Бабенко 2004
 Бабенко и др. 2000
 Баженова 2001
 Бахтин 1979
 Бельчиков 2002 (ЛЭС);
 2003 (РЯЭ)
 Бенвенист 2002
 Бергельсон 2004
 Библер 1978
 Болотнова 2000; 2008; 2009
 Болотнова и др. 2001
 Брандес 1971
 Будагов 2000
 Валгина 2003
 Виноградов 1963
 Винокур Г.О. 1959
 Винокур Т.Г. 1980; 1993
 Выготский 1982; 2007
 Гавра 2011
 Гайда 1992; 2010
 Гальперин 1981
 Голуб 2001
 Гончарова 2003; 2010
 Данилевская 2003 (СЭС);
 2005
 Дементьев 2000
 Демьянков 1983; 1989
 Дридзе 1980; 1985
 Ельмслев 1960; 1964
 Жинкин 1974; 1982; 1998
 Залевская 1990; 1996
 Звегинцев 1965; 1996; 2007
 Зимняя 2001
- Казарин 1999; 2000
 Кайда 2000
 Караулов 1987; 2007
 Карданова 2012
 Клюканов 2010
 Кожин и др. 1982
 Кожина 1968; 1984;
 1993; 2002; 2003; 2008;
 2010
 Колшанский 1999
 Костомаров 2005
 Котюрова 1988; 2003;
 2005; 2010
 Котюрова и др. 2011
 Крылова 2006
 Крысин 2003-а, б
 Кузьмина 2009
 Культура 2003
 Купина 1980; 1995
 Купина, Матвеева 2012
 Ларин 2003
 Леонтьев 1967; 1969;
 1975; 2000
 Лотман 1996; 2000
 Маслова 2001
 Матвеева 1990; 2003;
 2010
 Матезиус 1967
 Мещеряков и др. 1998
 Мирошниченко 2009
 Москальская 1981
 Москальчук 2003
 Москвин 2006
 Мостепаненко 1966
 Мурзин 1990
 Николаева 2000
- Пановски 1999
 Педагогическое рече-
 ведение 1998
 Переверзев 2000; 2002
 Почепцов 1990; 1999
 Пражский 1967
 Ракитина 2006
 Салимовский 2002
 Скворцов (РЯЭ) 2003
 Слышкин 2000
 Современная научная
 1985
 Солганик 2000; 2010
 Сосюр 1999
 Степанов 1975; 1976;
 1985; 1995; 2001; 2007
 Степанов 2002 (ЛЭС)
 Стилистический (СЭС)
 2003
 Табанакова 2004
 Тарланов 1995
 Теория 1996; 2003
 Тураева 1986
 Федосюк 1997
 Формановская 1998
 Черненко 2002
 Чернявская 2003; 2004;
 2008; 2009; 2010; 2011
 Шанский 1983
 Шмелёва Т.В. 1996
 Щерба 1957
 Энциклопедический
 2005
 Якубайтис 1982
 Якубинский 1986

14.2.5. Методы и методики прикладной лингвистики

Разнообразие методов прикладной лингвистики¹ вполне сопоставимо с разнообразием конкретных областей приложения знаний о языке: каждая кон-

¹ Специфику прикладной лингвистики см. в разделе см. в разделе 11.2 пособия.

кретная прикладная дисциплина обладает своим уникальным набором методов¹.

Например, количественная лингвистика в значительной мере опирается на методический инструментарий статистики, компьютерная лингвистика широко использует методы теории программирования и представления знаний, теория воздействия опирается на представление о значимом варьировании языковых структур.

Тем не менее можно выделить нечто общее, характерное для метода прикладной лингвистики в целом. Эта общая часть хорошо видна при сравнении методов описательной, теоретической и прикладной лингвистики.

Перед *описательной лингвистикой* стоит задача описания фактов языка различных уровней. Иными словами – на первом плане стоит метод классификации, то есть выявления той сетки параметров, которая позволяет охватить все релевантные (в теории) свойства языковых структур. *Теоретическая лингвистика* формирует само представление о релевантности в концептуальных моделях языка. Концептуальные модели функционирования языка не просто описывают, а объясняют наблюдаемые факты, предсказывая, например, условия их появления.

Моделирование в теоретической лингвистике в своих существенных чертах соответствует идее моделирования в естественнонаучной сфере. Метод моделирования используется в тех случаях, когда непосредственное изучение объекта моделирования в том или ином отношении затруднено – например, объект разрушается при непосредственном контакте или сам контакт затруднён. В этом случае объект моделирования представляет перед исследователем как своеобразный «чёрный ящик». Типичным объектом такого рода является мышление человека и язык во всех его проявлениях².

Прикладная лингвистика также использует и метод *классификации* и метод *моделирования*. Однако поскольку задачи прикладной лингвистики сосредоточены в области оптимизации функций языка, а оптимизация определяется конкретной задачей, то в приложениях языкознания используется познавательная установка, известная под несколько ироничным названием «*Фокус-покус*» (более уважительно можно было бы сказать «*Инженерный подход*») [Баранов 2001: 10]. Эта установка в качестве основной ценности выдвигает не познание того, «как всё обстоит на самом деле», а решение конкретной задачи, в частном случае – удовлетворение требований «заказчика», преследующего свои собственные цели, часто очень далёкие от канонов собственно лингвистических исследований. Это, впрочем, не означает, что результаты прикладных исследований не представляют никакой ценности для теории языка: напротив, прикладные модели оказывают значительное влияние на лингвистическую теорию, способствуя обновлению концептуального аппарата современного языкознания.

¹ Разнообразие используемых методов и методик см. в учебнике «*Прикладное языкознание*» (СПб.: СПбГУ, 1996).

² Специфику моделирования см. в разделе 9.2.2 пособия.

Таким образом, важнейшим свойством методов прикладной лингвистики является **оптимизация**. Под оптимизацией понимается такое описание (модель) проблемной области, при котором эта область сохраняет в результирующем представлении только те существенные свойства, которые необходимы для данной практической задачи. Иными словами, если для теоретического исследования предполагается полное описание проблемной области со всеми её сложностями и т. п., то прикладное оптимизированное описание должно быть удовлетворительным только для данной конкретной задачи. Рассмотрим это на примере [Баранов 2001 : 10].

Возьмём категорию времени. Теоретический подход, в зависимости от выбранной концепции, будет требовать следующего.

1) Описательная лингвистика – описание грамматической категории времени (выделение грамем, морфологических способов выражения грамем, сочетаемость грамем категории времени с граммами других грамматических категорий), классификация синтаксических конструкций.

2) Теоретическая лингвистика (в рамках уровневой модели языка) – семантика временных отношений → способы выражения на синтаксическом уровне; → способы выражения на лексическом уровне; → способы выражения на морфологическом уровне.

Прикладное описание будет выглядеть совершенно по-другому:

- составление технического задания (определяется заказчиком);
- анализ проблемной области (сколько типов временных отношений представлено в проблемной области и каковы формальные способы выражения темпоральных отношений в данном подязыке);
- формирование метаязыка, способов описания проблемной области, совместимых с другими привлекаемыми метаязыками;
- применение метаязыка → результирующее представление (модель) проблемной области;
- проверка результирующего представления (объяснительная и предсказывающая сила модели; компьютерная реализация или эксперимент).

Суммируя основные отличия прикладных моделей от теоретических и описательных, можно сказать, что:

- прикладные модели в целом ориентированы на конкретные подязыки, а не на весь язык в целом;
- как правило, они требуют большей степени формализации;
- прикладные модели используют знания о языке выборочно;
- прикладные модели не делают различий между собственно лингвистическими и экстралингвистическими аспектами семантики языковых выражений;
- прикладные модели в существенно большей степени огрубляют моделируемый объект, чем теоретические модели;
- прикладные модели не налагают никаких сущностных ограничений на инструмент моделирования.

Подчеркнём, что современная прикладная лингвистика – это единство теории языкознания, философии, математики и кибернетики [Герд 2005 : 8]. Прикладная лингвистика математична по своему духу: это строгость постановки конкретных задач, обязательная структуризация фактов, поиск формальных моделей описания и, наконец, едва ли не основное сегодня – поиск наиболее адекватных компьютерных форм представления данных. Например, инновационные формы сбора языковых фактов¹. Разработка в последние годы Русского национального корпуса показала, что большинство проблем Машинного фонда русского языка актуальны и сегодня [Герд 2005 : 9].

Считаю уместным напомнить, что ни одна отрасль науки не даёт столь очевидных и социально значимых результатов, как *прикладные исследования*², но одновременно никакие труды не устаревают так быстро, а потому и обновляются так часто.



Вопросы и задания для обсуждения

1. В чём состоит специфика прикладной лингвистики?
2. Почему, говоря о методах прикладной лингвистики, как правило, напоминают о методах *описательной* и *теоретической* лингвистики?
3. Почему *моделирование* является господствующим методом прикладной лингвистики?
4. Как модифицируется общенаучный метод моделирования при экстраполяции его в прикладную лингвистику?
5. Какого рода справки из прикладной лингвистики нужны современному гуманитария, в том числе – лингвисту?
6. Прокомментируйте высказывание:

Характеризуя методы и приёмы прикладных лингвистических исследований, прежде всего методики обучения родным и иностранным языкам [Карлинский 2009 : 137-173], А. Е. Карлинский пишет: «*Вопрос о связи лингвистики и методики решается положительно, однако проблема их взаимодействия и взаимовлияния остаётся открытой вплоть до последнего времени...Л. В. Щерба считает, что методика и есть прикладная лингвистика*» [Карлинский 2009 : 138].

Выскажите Ваше мнение и аргументируйте его.

М. А. Марусенко в разделе «*Апробация анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики*» [Прикладное языкознание 1996 : 466-479] доказывает, что решение такой задачи необходимо осуществлять методами прикладной лингвистики.

Как Вы полагаете, каковы эти методы? Проверьте себя, ознакомившись с этой работой.

¹ См. раздел 1.5.4 пособия.

² *Слама-Казаку Т.* Место прикладной лингвистики в системе наук: отношение ПЛ к «лингвистике»//Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XII. – М., 1983. – С. 23-34.

Литература для углублённого изучения

Андрющенко 1987;
2002 (ЛЭС); 2003
(РЯЭ)
Апресян 1966; 1967
Баранов 2001
Бахтин 1983
Вайнрих 1987
Винер 1983
Выготский 1982
Гадамер 1980
Гвишиани 2008
Герд 1996; 2005
Городецкий 1983
Дейк 1989
Ельмслев 1960
Звегинцев 2001
Каган 1974
Караулов 1981

Карлинский 2009
Кибрик 2002
Комарова 2002; 2010;
2012
Комарова, Прошина
2009
Лейчик 1996
Марусенко 1996
Марчук 2007
Налимов 2003
Никитина 2010
Пищальникова, Сонин
2009
Потапова 1992; 1997;
1998; 2002
Прикладное языко-
знание 1996

Разумова, Благодат-
ских 2006
Ревзин 1977
Реформатский 1999
Слама-Казаку 1983
Слобин, Грин 1976
Степанов 1985
Табанаква 1999; 2004
Ульдалль 1960
Филлмор 1983
Частотный словарь
1974
Шайкевич 1976; 2002
(ЛЭС)
Штейнфельдт 1963
Якобсон 1985



Итоги третьей части

*Здесь должна быть своя онтология, онтология **динамического предмета**, где течёт не только содержание, но где сами формы живут, меняются, тоскуют и текут. **Содержание языкового предмета**, – живой смысл, – течёт и осуществляется в живых, творимых и осуществляющих формах.*

Густав Шпет¹

В третьей части учебного пособия последовательно, опираясь на структуру системной лингвистической методологии, описанной в первой части пособия², анализируется *система методов лингвистики* дисциплинарного и частнодисциплинарного уровней методологии.

При этом учёт дисциплинарно-методологической структуры современной лингвистики и парадигмального подхода к ней позволили выявить и описать «гибридные» (междисциплинарные) методы и методики частных парадигм лингвистики, а также её непарадигмальные методы и методики.

Анализ показал:

- формирование методов, методик и приёмов лингвистического анализа, стимулированное развитием теории лингвистики, особенно интенсивно осуществлялось в последние два столетия усилиями лингвистов разных времен и народов;
- последние десятилетия XX и начала XXI веков обогатили исследовательский опыт значительным количеством достаточно эффективных методов научного анализа: лингвистических, филологических, социально-гуманитарных, естественнонаучных, общенаучных и т. д.;
- *значимость* того или иного метода для решения задач современной лингвистики не зависит от того, когда и в рамках какого направления в науке он складывался, важны его эвристические возможности как инструмента анализа для достижения конкретных целей, потому нельзя отгораживаться от классических методов анализа языка или игнорировать их;
- каждый метод исследования, каковы бы ни были границы его применения, не может, естественно, иметь *всеобъемлющий характер*, но при всех обстоятельствах должен быть приспособлен к языку таким образом, чтобы быть в состоянии адекватно вскрывать сущность языковых явлений [Колшанский 2005 : 237];

¹ См.: Шпет Г.Г. 2007 : 482.

Отметим, что Густав Шпет был первым среди русских гуманитариев, кто сознательно стал заниматься теорией знака на материале слова-знака и словесного творчества.

² См. в итогах первой части пособия схему 14 на с. 216.

- современные тенденции в развитии методов характеризуются отказом от исключительности того или иного метода, *стремлением сочетать и комбинировать* различные общенаучные, общие и частные методы лингвистики [Степанов 2002 : 299];
- лингвистика располагает богатейшим арсеналом методов, методик и приёмов для результативного лингвистического анализа; однако некоторые из рассмотренных методов так и не были внедрены в широкую научную практику, хотя это не свидетельствует об их малой пригодности;
- для лингвиста-исследователя, желающего проникнуть в лабораторию методов, опасность представляет не множественность выбора, а *абсолютизация одного какого-либо метода* как якобы *универсального* [Степанов 2007 : 17];
- можно констатировать, что методы языкознания дают пример и даже становятся образцом для других дисциплин [Бенвенист 1998 : 21]; могут с достоинством выдержать сравнение с научной процедурой, применяемой в точных науках [Макаев 2004 : 23];
- сила современной лингвистики – в богатстве методов, отвечающем разнообразию и сложности стоящих перед ней задач и целей [Степанов 2007 : 18], которые выдвигают проблему совершенствования методов в число наиболее актуальных проблем современности;
- выделяя идею синтеза методов лингвистической науки, следует подчеркнуть, что всё это позволяет надеяться, что «лингвистика возвещает плодотворный синтез методов и в других гуманитарных науках» [Степанов 2007 : 300].

В завершение для раздумий приведу прозорливые строки Антона Павловича Чехова: *«Я подумал, что чутьё художника стоит мозгов учёного, что то и другое имеет одни цели, одну природу и что, быть может, со временем при совершенстве методов им суждено слиться в гигантскую, чудовищную силу, которую теперь трудно и представить себе»*¹.



¹ См. работу Николая Наумова «О новой возможной парадигме познания» [Семиотика и Авангард 2006 : 1077-1126] о создании научной группы «Эйдос» на стыке науки и искусства, в которой лингвистическая парадигма рассматривается с трёх точек зрения: 1) общей семиотики; 2) методологии познания и 3) технологии познания.

Часть четвертая

Технология системной лингвистической методологии

Не может быть ни познания без сообщества исследователей, ни внутреннего опыта без сообщества тех, кто им живёт.

Жорж Батай¹

В третьей части пособия были охарактеризованы методы и методики дисциплинарного (седьмой уровень) и частнодисциплинарного (восьмой уровень), а также частично были обозначены контуры последнего (девятого) уровня *системной лингвистической методологии*.

Задача этой части пособия состоит в том, чтобы раскрыть технологию конкретного лингвистического исследования – фиксированную совокупность приёмов научно-практической деятельности, приводящей к заранее определённом результату и включающей *способы и средства* описания как получения нового знания, так и описания результатов этого конкретного лингвистического исследования, которые зависят от личности лингвиста-исследователя.

При этом мы исходим из методологического постулата о внутреннем единстве процесса открытия и процесса описания полученного знания [Степанов 2007 : 11], а потому расчленённое изложение этих процессов в двух главах – чисто условный способ, учитывающий лишь последовательность операций исследования.

Глава 15

Технология познания в лингвистическом исследовании

Творчество поэта, диалектика философа, искусство исследователя – вот материалы, из которых слагается великий учёный.

К. А. Тимирязев²

Еще великий Рене Декарт советовал разделять всякую сложную задачу на множество мелких, до тех пор, пока не станет ясно само собой, каким образом

¹ Батай Ж. Внутренний опыт/пер. с франц., 1997. – С. 23.

Отметим особое понимание опыта Ж. Батаем: «Я называю опытом путешествие на край возможностей человека» [Там же : 23]. В нашем случае – это творческое, виртуозное владение, прежде всего, методологическим и методическим арсеналом.

² Тимирязев К.А. Собр. сочинений: в 4-х т. – Т. 1, 1948. – С. 26.

их можно решить. Нас пугает именно сложная задача, т.к. мы не знаем, как к ней подступиться.

Любое научное исследование, в том числе и в области языкознания, – очень сложный процесс научно-познавательной деятельности, очень сложная научная задача, имеющая ряд познавательных этапов, а потому нуждающаяся в расчленении и чётко спланированной организации.

15.1. Технология научно-исследовательского процесса

Всякое научное исследование – от творческого замысла до окончательного оформления научного труда – осуществляется очень индивидуально, обусловленное личностью исследователя. Но всё же существуют общие подходы к его проведению и к полученным результатам.

Обычно указывают на следующие отличительные признаки научного исследования¹:

- это обязательно *планируемый* и *целенаправленный* процесс на достижение осознанно поставленной цели и чётко сформулированных задач;
- это процесс, направленный на поиск *нового*, на творчество, на открытие неизвестного, на выдвижение оригинальных идей, на новое освещение проблем;
- это поисковое исследование, опирающееся на реальные достижения науки, но устремлённое в будущее;
- это процесс, который характеризуется *систематичностью* и *последовательностью*, в котором приведены в систему и сам процесс исследования, и его результаты;
- это процесс, которому присуща строгая доказательность, обоснование сделанных обобщений и выводов.

Общий замысел исследования как основная идея связывает все структурные элементы работы воедино, определяет последовательность изучения, его этапы.

15.1.1. Этапы лингвистического исследования

В научно-учебной литературе выделяется разное количество этапов научно-исследования: 3 этапа [Кузнецов 2006 : 64-65]; 4 этапа [Шкляр 2009 : 74-75]; 6 этапов [Безуглов и др. 2008 : 31]; 7 этапов [Кузнецов 1998 : 42-47; Кузин 1997 : 7]; 8 этапов [Тихонов, Ворона 2009 : 69] и даже 35 [Сысоева 2000 : 43-45].

Такой большой «разброс» этапов обусловлен множеством подходов. Мой опыт подсказывает, что в лингвистическом исследовании целесообразно выделять четыре крупных этапа:

- 1) подготовительный;
- 2) основной: проведение теоретического и эмпирического исследования;

¹ Оговоримся сразу же: имеются в виду, прежде всего, *диссертационные исследования*.

- 3) моделирование научно-исследовательского текста по проведённому исследованию и его редактирование;
- 4) внедрение результатов исследования.

При этом этапы неравноценны и по объёму и по трудности исполнения. Каждый из них решает свои специфические задачи.

Кратко остановимся на их характеристике.

Первый этап – подготовительный, включает ряд технологических процедур:

- выбор темы исследования;
- составление рабочего плана и программы (плана-проспекта) исследования, а также графика проведения исследования;
- технология поиска научной литературы по избранной теме;
- технология изучения научной литературы по этой теме;
- технология сбора и частичной классификации языкового материала;
- технология изучения научной литературы по вопросам методологии и методики научного и лингвистического исследования;
- технология формирования понятийно-терминологического аппарата исследования;
- технология создания методологии и методики исследования по избранной теме;

Обычно подготовительный этап завершается написанием первого (чернового) варианта *введения*, структурированием и часто написанием *первой (теоретической) главы* диссертации.

Второй этап – основной, исследовательский – это проведение теоретического и эмпирического исследования по избранной теме и проблеме.

Как правило, он начинается с обсуждения *концепции* диссертации на заседании кафедры (по материалам введения и первой главы).

Целью этого обсуждения является уточнение ряда кардинальных вопросов:

- 1) **что** исследуется в работе (*объект исследования*);
- 2) по каким показателям, аспектам исследуется объект (*предмет исследования*);
- 3) **зачем, почему, для чего** исследуется (*историография проблемы и обоснование актуальности работы*);
- 4) какова *цель* и *задачи* данного исследования;
- 5) **как** исследуется – какие методы, методики и приёмы избраны для данного исследования и каков порядок их применения;
- 6) каковы этапы реализации этой цели и задач;
- 7) каковы предполагаемые *результаты исследования*.

После одобрения концепции диссертации её автор приступает к поэтапной реализации этой концепции, для чего выполняет ряд технологических процедур:

- выяснение современного состояния вопроса по теме;

- анализ эмпирического материала, проверка и уточнение гипотезы (если она сформулирована);
- обобщение научных фактов;
- формулирование общих и частных выводов в диссертации;
- формулирование (уточнение) научной новизны, теоретической и практической значимости работы;
- анализ и обобщение полученных данных;
- подготовка общего заключения по результатам исследования; формулирование положений, выносимых на защиту.

Третий этап предполагает описание результатов данного лингвистического исследования по избранной теме и проблеме и включает:

- *технологии моделирования научного текста*:
 - разработку стилистико-жанровых особенностей диссертации и автореферата;
 - разработку вербального и паралингвистического (графического) мета-языка работы;
 - технику цитирования;
 - технику использования ссылок;
 - технику формирования и описания библиографии;
- *технологии редактирования (саморедактирования)* текста диссертации и автореферата.

Четвертый этап – пропаганда внедрения результатов исследования в практику и авторское сопровождение внедряемых разработок, который включает:

- публикации по теме исследования и выступления с докладами на конференциях;
- предзащиту диссертационного исследования на кафедре, где выполнено исследование;
- защиту работы в диссертационном совете;
- прохождение диссертации в ВАКе, которое зависит от качества выполненной автором работы и её оценки экспертами ВАК;
- внедрение результатов исследования в какую-либо область прикладной лингвистики (чаще – в учебный процесс, лексикографическую и переводческую практику и т. д.)¹, а также, если в работе решена какая-либо межнаучная проблема, то возможно и внедисциплинарное внедрение полученных результатов (к примеру, обслуживание информационно-поисковых систем).

Все эти вопросы поэтапно раскрываются в двух главах этой четвертой части пособия, но прежде остановимся лишь на двух вопросах *первого, подготовительного* этапа.

¹ Области прикладной лингвистики см. в разделе 11.2 пособия.

15.1.2. Проблема выбора темы исследования

Выбор темы – это первый и очень ответственный момент любой научно-исследовательской работы, т.к. тема – это не просто название Вашей диссертации, а намечаемый результат Вашего исследования, направленный на решение конкретной проблемы. Поэтому от правильного выбора зависит удача всего исследования. Практика показывает, что правильно выбрать тему – это значит наполовину обеспечить успешное её выполнение [Коношенко и др. 1985].

Главный мой совет – при выборе темы надо исходить из *собственных научных интересов, стремлений и наклонностей*. Тема должна нравиться будущему исследователю. Очень хорошо, если со временем он её полюбит. Казалось бы, странно: наука и любовь! Но практика доказывает прямую зависимость: если тема человеку нравится, то для работы над ней он находит в сутках больше 24-х часов. И наоборот.

Идеальный вариант, когда вступающий в науку рассматривает будущую диссертацию как возможность реализовать свой замысел, свою идею, которую он долго вынашивал, пока она не «созрела», и остаётся воспользоваться советом научного руководителя, чтобы точно вербализовать этот Ваш замысел, идею, т. е. дать название темы.

Если же тему Вам предлагает на кафедре научный руководитель, то также «примерьте её на себя». Сложность заключается в том, что выбор темы требует определённых знаний: надо знать, насколько она *актуальна* (интересна ли для лингвистики «здесь» и «сейчас?»), насколько *разработана*, есть ли по ней источники материала, много ли научной литературы по этой теме, имеет ли она практическую ценность и т. д.

Часто при выборе тем предпочитают «широкие» темы и избегают «узких» тем, что вряд ли целесообразно. Работы, посвященные широким темам, часто получаются поверхностными и мало самостоятельными. Узкая тема, как правило, прорабатывается более глубоко и детально. И если в начале работы кажется, что тема настолько узка, что и писать-то не о чем, то по мере вхождения в эту тему это опасение исчезает, т.к. открываются такие стороны вопроса, которые раньше и не предполагались. Погоня за глобальными темами приводит, как правило, к неудачам.

Наконец, не следует гнаться за «модными» темами и их формулировками, не имеющими нужного научного и практического значения. Тема является составной частью проблемы, потому особенно опасны темы, содержащие псевдопроблемы (ложные, мнимые).

Выбрать тему, т. е. предварительно оценить её по названным параметрам, соискателю могут помочь следующие приёмы:

- ознакомление с уже выполненными на кафедре диссертационными работами;
- просмотр каталогов библиотек с тематикой диссертаций или авторефератов;
- просмотр тематики научных конференций, симпозиумов, конгрессов;

- просмотр научных журналов, обзоров, рецензий и т. д.;
- советы ведущих преподавателей лингвистических кафедр;
- консультации научного руководителя.

Кстати, выбор научного руководителя – это тоже важный шаг для начинающего исследователя [Галагузова 2011 : 41-43]. Потому, может быть, верный совет: найдите прежде научного руководителя, с которым Вы сформулируете тему «под себя». Это один из возможных вариантов.

15.1.3. Планирование исследования

В нескольких научно-методических работах повторяется сентенция о том, что открытие запланировать невозможно. Да, это так, но это вовсе не означает, что работу не нужно планировать. Напротив, *систематичность* является категориальным признаком научно-исследовательской работы. В хронологическом плане это проявляется в том, что результат в науке можно получить, если заниматься ею не эпизодически, не от случая к случаю, а *системно, постоянно*. С позиции методики реализации систематичность проявляется в том, что осуществляется не хаотично, а *последовательно, планоно*. Хороший результат в научной работе напрямую связан с тем, насколько рационально составлен *план работы* по диссертационному исследованию (с учётом бюджета времени, режима дня и условий гигиены умственного труда). Все эти вопросы широко освещены в научной литературе (А. Н. Алексюк, И. Б. Баткина, Т. Н. Болдырева, В. А. Козаков, Я. Л. Наумченко, П. И. Пидкасистый, А. С. Фаустов, В. В. Федотов и др.).

Итак, будем считать, что самой распространённой ошибкой, которая приводит к огромному непроизводительному труду, является отсутствие хотя бы приблизительного плана работы уже на первой стадии исследования. Помним прекрасную поговорку: «Для того, кто не знает, куда плывёт, не бывает попутного ветра». Вы должны с самого начала представлять, чего Вы хотите достичь в работе.

При этом понятно, что составить подробный план своего будущего исследования в начале работы неопытный исследователь просто не в состоянии. Потому правильнее назвать это не *планом*, а *замыслом* работы, предусматривающим систему действий, их последовательность и примерные сроки исполнения. Такой *рабочий план* имеет обычно произвольную форму и представляет собой логически связанный перечень действий (вопросов), позволяющий эскизно представить разработку темы.

Даже в таком виде план необходим, т.к. он поможет определить основное направление работы, а также осознать, как нужно собирать материал. Он позволит определить примерные сроки выполнения, т. е. составить график работы над темой [Комарова 2003 : 64]. А когда составлен план и график работы, надо быть *хозяином* своих плановых заданий. Иначе говоря, этот план в целом должен содержать ответы на три кардинальных вопроса: *что делать? как делать? и зачем?* [Арнольд 1991 : 72].

И только в процессе «присвоения» темы, или её обоснования, позже в соответствии с целью и задачами исследования составляется *план-проспект*, который должен быть гибким, чтобы можно было включать в него новые возможные аспекты, обнаруженные в процессе работы. Так постепенно можно довести его до *структурно-фактологической* схемы диссертационной работы [Арнольд 1991 : 72].

Напомню обращение Ивана Петровича Павлова, достигшего таких высот в своей науке: «Что бы я хотел пожелать молодёжи моей родины, посвятившей себя науке? Прежде всего *последовательности*. Об этом важнейшем условии я никогда не могу говорить без волнения. *Последовательность, последовательность и последовательность*. С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в накоплении знаний. Изучите азы науки прежде, чем пытаться взайти на её вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего»¹.

15.2. Технология поиска научной информации по языкознанию

Итак, Вы осознали тему и проблему своей работы, имеете примерный план разработки этой темы (в соответствии с её целью и задачами) – это даёт возможность целеустремлённо приступить к решению следующей задачи: выяснить степень разработанности этой темы и проблемы в современной отечественной и зарубежной лингвистике. Для этого необходимо провести *проблемный библиографический поиск*². Почему именно *проблемный*?

15.2.1. Что такое проблемный библиографический поиск?

Однажды, просматривая первичный³ библиографический список научной литературы одного из аспирантов, я вынуждена была выбраковать больше половины источников этого списка, т. к. они не соответствовали теме и проблеме диссертационного исследования. Чтобы избежать такой неэффективной «лишней» работы, следует избрать наиболее рациональную схему поиска библиографической информации, которой является *проблемный поиск*.

Сущность его состоит в том, что выбирается только та часть источников, которая соответствует *теме и проблеме* работы. Казалось бы, всё очень просто, но как это сделать?

Для этого в наименовании темы и проблемы вычленяются *ключевые слова*, вербализующие базовые понятия данной работы. Например, диссертационное исследование по теме «*Когнитивные функции цитаты в естественно-*

¹ Павлов И. П. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М; Л: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 22.

² Все видные учёные, отечественные и зарубежные, всегда подчёркивали, что без научной библиографии в принципе не может быть научной работы. Так, Дмитрий Иванович Менделеев сравнивал важность библиографического поиска перед началом научных исследований с важностью разведки перед наступлением армии.

³ Этот список является первичным, потому что был составлен на первом, подготовительном этапе работы, во время обоснования темы. А затем на всех других этапах работы этот список регулярно пополняется новыми изданиями. Окончательный библиографический список составляется после завершения всего исследования, во время описания результатов работы.

научном тексте (на материале русского и английского языков)» и по проблеме: *когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте*, имеет следующие ключевые слова: *цитата* (как полноправный элемент композиции научного текста); *когнитивные функции* (выделяем парадигму исследования – *когнитивно-функциональную*); *текст* (области – *текстологии* и *речеведения*), *естественнонаучный* (специфика текста как среды обитания цитаты). Ограничение языкового материала показывает, что научную литературу, прежде всего, следует отбирать на этих языках в названных областях лингвистики.

Такой подход позволяет сэкономить время и усилия по поиску нужной литературы.

15.2.2. Традиционные библиографические источники

Многовековая лингвистическая мысль человечества, зафиксированная в печатном слове – в научных книгах, статьях, словарях, справочниках, энциклопедиях – насчитывает сотни и сотни тысяч наименований. Верно заметил академик Сергей Иванович Вавилов: «Современный человек находится перед Гималаями библиотек в положении золотоискателя, которому надо отыскать крупинцы золота в массе песка»¹.

Для лингвиста это традиционный и важнейший источник информации.

Но в связи с непрерывно нарастающим выпуском печатной продукции и усложнением самой системы поиска, поиск диссертантом научной литературы становится всё сложнее и сложнее. А знаний и навыков по основам библиотековедения и библиографии, которые даются в вузах, становится явно недостаточно, потому необходимо восполнять их из существующей значительной литературы [см. например: Амбарцумян 1968; Кричевич 1991; Наумченко 1974; Рольфф 1980; Кузин 1997; Кузнецов 2000; Тихонов, Ворона 2009; Шкляр 2009; Галагузова 2011 и др.]. Это общие источники, а о том, где и как искать научную литературу *по лингвистике*, о 12 типах библиографических указателей см. учебное пособие [Комарова 2003 : 25-40].

Проще, конечно, обратиться за советом к специалисту-библиографу, но не следует торопиться. Лучше воспользоваться советом специалиста в конце поиска, для проверки правильности и полноты сбора библиографической информации. А в начале работы важно узнать у специалиста, какими текущими и ретроспективными отраслевыми указателями располагает данная библиотека.

Итак, где нужно искать научную литературу по лингвистике?

I. Поиск можно начать с таких традиционных источников, как

- все виды каталогов библиотек (алфавитные, систематические, предметные, вспомогательные, генеральные, архивные² и др.);
- ретроспективные библиографические указатели³;

¹ Вавилов С. И. Несколько замечаний о книгах // Советская книга. – 1947. – Т1. – С. 15.

² В системе архивов можно получить рукописные документы. Наиболее полная информация находится на портале «Архивы России» <http://www.rusarchives.ru>, а также в «Справочнике научного работника».

³ Лучшие из них: Общее языкознание: библиографический указатель литературы, изданной в СССР в 1918-1962 г. – М.: Наука, 1965. 276 с.; Славянское языкознание: библиографический указатель литературы с 1971-1975 г. – М.: Наука, 1980. – 382 с.; Структурное и прикладное языкознание: библиографический указатель литературы с 1918-1962 г. М.: Наука, 1965. – 194 с. и др.

- текущие тематические указатели и обзоры («Языкознание»);
- текущие указатели диссертаций, авторефератов, депонированных рукописей, научных отчетов и др. видов изданий;
- государственные библиографические указатели (например, «Книжная летопись» – еженедельно; «Ежегодник книги» в 2-х т.; «Летопись журнальных статей» – ежемесячно; «Летопись рецензий» – ежемесячно и др.).
- каталоги изданий органов научно-технической информации;
- путеводители по изданиям отечественной текущей библиографической информации (Л. 1975 и др.) [Иениш 1998];
- отраслевые путеводители (Михалёв А. Б. Общее языкознание и история языкознания: путеводитель по лингвистике. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 240 с. и др.).
- новые типы научно-вспомогательных библиографических пособий машинной подготовки [Комарова 2003].

15.2.3. Инновационные источники информации

1. Электронные информационно-поисковые системы.

По мере развития вычислительной техники появилась возможность накопления больших машинных информационных массивов, получивших название **баз данных** (а затем и **баз знаний**), которые подразделяются на *библиографические* и *фактографические*.

В нашей стране под руководством АН РФ создана сеть документальных баз данных различной тематической документации с доступом в диалоговом режиме: по общественным наукам (ИНИОН), по диссертациям, научно-исследовательским и конструкторским работам (ВНТИЦ), по естественным наукам (ВИНИТИ) и т. д. Активно действует ряд международных информационных сетей, обеспечивающих доступ к 200 документальным и 300 фактографическим базам данных [Комарова 2003 : 59-60; Тихонов. Ворона 2009 : 73-76].

2. Глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов **INTERNET (Интернет)**, в которой информация представляется, как правило, в электронном виде и может быть обработана (отобрана, систематизирована по внутренней структуре документов) с помощью ЭВМ.

Путь поиска в Интернете и проще, и сложнее, чем работа с бумажными источниками. Если учитывать, что в Интернете всё «как на блюдечке», всё доступно – это упрощает поиск. Но способ формирования информационного массива сети, когда выкладывает информацию любой, кто хочет и как хочет, приводит к ряду сложностей. Так, количество работ может быть огромно¹, а качество не всегда может удовлетворять запросы потребителей. Потому при работе в Интернете очень важно умение определять *степень достоверности* найденного материала. Следует выбирать материалы, расположенные на официальных

¹ Так, однажды моему аспиранту было выложено несколько тысяч работ, большая часть которых оказалась потом недоступной. Время и усилия были потрачены попусту на получение фактически информационного мусора.

сайтах, желательно наличие индексов УДК, ББК, ISBN или ISSN. Лучше, если поиск ведётся с помощью специально созданных поисковых систем. Поиск путём выбора адресных ссылок на случайных сайтах не гарантирует результативности, надежности материалов, а иногда и безопасности персонального компьютера.

Информационные базы Интернет даны в приложении 6 в учебно-методическом пособии И.Н. Кузнецова [М., 2006 : 430-436]. Можно воспользоваться официальным сайтом библиофонда [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru>; базой Integrum; словарями русского языка: www.aot.ru и др.

Наконец, поиск важной для Вас библиографической информации можно заказать специалистам крупных библиотек, которые хорошо ориентируются в Интернет-среде.

Итак, в заключение несколько практических советов:

- Более эффективный результат в библиографическом поиске будет получен, если воспользоваться как традиционными, так и инновационными источниками информации, т.к. Вы получите *широкий охват источников*, что позволит Вам при изучении составить точную *историографию* изучаемой проблемы, осознать её место в современной науке, степень разработанности, и, следовательно, верно определить степень новизны и некоторые другие параметры Вашей работы.
- При поиске возможны два пути: 1) поиск источников начинать с *новой литературы*, выбранной из защищённых диссертаций, близких по проблематике, прикнижных и пристатейных библиографий, постепенно углубляясь в ретроспективную литературу вопроса; 2) второй путь – в обратной последовательности: от ретроисточников к современным. Оба пути имеют свои плюсы и минусы, значит, – Вам выбирать.
- Создать *собственную библиографическую картотеку* (если вы не сделали это в студенческие годы) по интересующей Вас теме в отдельной папке (или в персональном компьютере – файл), которую, кстати, имели и имеют почти все крупные деятели в своей области. О технике создания такой картотеки просто и хорошо описано в книге Г. Г. Гецова (М., 1989).
- Отметим, что нерационально библиографию записывать в тетрадях, лучше на отдельных *карточках*, формат 125x75 мм (формат библиотечной карточки). Преимущество карточек заключается в том, что зафиксированная таким путём информация легко поддаётся классификации, накоплению и перегруппировке в зависимости от задач и плана работы. Такая библиография динамична: можно легко вставить новую карточку или, наоборот, убрать. На карточке должна быть *полная информация* о научном аппарате этого источника, чтобы не восстанавливать потом дополнительно. Необходимо указывать шифры библиотеки и личный номер этой книги, чтобы при необходимости легко было её найти снова.



Приведём пример.

Ш 1 Степанов Ю. С.

С 79 Методы и принципы современной лингвистики. – изд-е 4-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

ISBN 5-354-00339-3

В книге исследуются основные специальные методы лингвистики. Показываются возможности их дальнейшего обобщения: с одной стороны – для целей исторической реконструкции, с другой – для синхронного описания. Все теоретические положения иллюстрируются развёрнутыми примерами из индоевропейских языков.

№ 711779

15.3. Технология изучения научной литературы по теме исследования

15.3.1. Как нужно читать научную литературу?

Казалось бы, всякий грамотный человек умеет читать. Тогда, как понять слова учёного и поэта И. Гёте, сказавшего как-то в последние годы своей жизни: «Сколько времени и труда надо затратить на то, чтобы выучиться читать? Я затратил восемьдесят лет и всё же не могу ещё сказать, что вполне достиг цели».

Слова Гёте относятся к *самообразовательному чтению*, которое является большим искусством, требующим от человека огромного умственного, физического и психологического напряжения для приобретения навыков и умений такого *изучающего* чтения [Богин 1986; Гецов 1989]. Оно включает, прежде всего, владение техникой разных видов чтения, а также то, что оно протекает в определённой последовательности.

1. Просмотровое, или беглое чтение направлено на получение самого общего представления о содержании какой-либо крупной работы, чтобы решить вопрос, нужна ли эта книга для детального изучения. При просмотровом чтении достаточно прочесть заголовки, подзаголовки, т. е. ознакомиться с оглавлением книги, просмотреть предисловие, введение и заключение книги. Такой вид чтения необходим для отбора литературы на этапе составления библиографии. Для такого чтения характерен высокий темп – **скорочтение**¹. Если исследователь убедился, что данная книга нужна, на неё оформляется библиографическая карточка указанного образца.

2. Далее идёт этап ознакомительного чтения, близкого к первому типу. Оно используется при чтении небольших по объёму работ, текст которых читается целиком, но в быстром темпе. Целью такого чтения является получение

¹ См.: Бородин В.А., Бородин С.М. Учим... читать: Уроки динамического чтения. – Л., 1985; Гецов Г.Г. Рациональные приёмы работы с книгой. М., 1975; Кузнецов О.А., Хромов Л.Н. Быстрое чтение М. 1976; Лезер Ф. Рациональное чтение/пер. с нем. М., 1980 и др.

общего представления о круге вопросов, поднимаемых в данной работе, и путях их решения. Читающий не стремится запомнить прочитанное. Он стремится воспринять лишь *основную информацию*, пренебрегая деталями сообщения. Такой тип знакомства с работой именуют ещё **поисковым чтением** [Кузнецов 2006 : 25].

3. Изучающее, или осмысливающее чтение¹. Это, по словам видного отечественного философа В. Ф. Асмуса, может быть только «вторичное прочтение»² после ознакомительного, когда читающий стремится максимально полно и точно понять содержащуюся в работе информацию.

Текст читается целиком (если он небольшой) в довольно медленном темпе, сопровождается перечитыванием отдельных мест, иногда даже несколько раз, до полного понимания, т.к. учитывающего установку на продуктивное восприятие информации для дальнейшего её использования.

При этом существует много видов изучающего чтения.

3-А. Изучающее повторное чтение используется для полного понимания содержания, установления связей с ранее прочитанным, для переноса в свои записи схем, таблиц, диаграмм, выписки цитат и т. п.

3-Б. Изучающее выборочное чтение используется чаще всего при изучении первичной, а иногда и справочной литературы для выбора ответов на возникшие вопросы.

3-В. Изучающее синтетическое чтение (аналитическое чтение) заключается в рациональном использовании всех существующих видов чтения, т. е. в «переключении» с одного вида на другой. Именно этот **итоговый** вид чтения Б.С. Алякринский называл *критическим* и *творческим* способами чтения. Они дают возможность очень глубоко, критически, с мобилизацией интеллектуальных резервов прочитать текст, *выразить к нему своё отношение* и *выработать свою точку зрения на рассматриваемую проблему*.

Таким образом, правильно организованное и последовательное чтение – это всегда актуальный творческий процесс *осмысления прочитанного, спора с автором, выдвижения собственных положений*.

Кроме овладения техникой разных видов чтения, в умение читать научную литературу входят умения и навыки ведения записей прочитанного.

Ведение записей – это неперемное условие технологии научного труда, а не вопрос вкуса или привычки. Не случайно всегда говорится о необходимости чтения «с карандашом в руке». Ведение записей не только способствует лучшему усвоению прочитанного, но, главное, – даёт возможность сохранить нужные материалы в формате удобном для дальнейшего использования в работе над диссертацией.

Но облегчает работу не любая запись. Нередко можно видеть, как переписывается почти полностью какой-либо научный источник. И тогда это превращается в бессмысленное занятие, только отнимается время.

¹ См.: Алякринский Б.С. О таланте и способностях (Очерк о самовоспитании). М., 1971. – С. 138-145. В этой интересной книге рассмотрены пять способов чтения: *сюжетный, фиксирующий* (см. описанные 1-ый и 2-ой типы); *осмысливающий, критический и творческий*.

² Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество//Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968. – С. 66.

Рациональными записи могут быть лишь в том случае, если соблюдены некоторые общие требования к их ведению и правильно выбрана форма [Кузнецов 2006 : 107].

15.3.2. Как вести записи при изучении научной литературы?

В зависимости от целей и глубины овладения материалом применяются различные виды записей:

- 1) планы прочитанного (простые, сложные, цитатные, тезисные, свободно-тематические, фоновые и др.);
- 2) выписки, пометки, цитирование¹;
- 3) конспекты (краткие, подробные, смешанные, сводные, селективные, интегральные и др.);
- 4) рефераты (обзорные, монографические, информативные и др.);
- 5) тезисы;
- 6) рецензии;
- 7) отзывы;
- 8) аннотации [Кузнецов 1998; 2000; 2006; Кузин 1997; Комарова 2003; Тихонов, Ворона 2009; Шкляр 2009; Галагузова 2011 и др.].

Эти традиционно используемые виды записей, широко освещенные в литературе, обрели канонические формы. Они могут использоваться как самостоятельные в научной деятельности. Полагаю, каждый из нас неоднократно использовал эти формы не только при изучении научной литературы, потому остановимся на более *индивидуализированных приёмах и способах записей, выписок и пометок*, используемых именно при изучении научной литературы по теме диссертации.

1. Так называемые маргиналии

Если вы работаете с книгой или журналом из Вашей личной библиотеки, то очень эффективным и экономичным способом фиксации прочитанного являются пометы и записи на полях, внутренних обложках этих собственных книг, разного рода подчёркивания, выделения какими-либо условными знаками. Такие пометы всегда индивидуальны, и что-либо рекомендовать в этом отношении, видимо, не имеет смысла. Важно уяснить одно: пометы должны быть однотипными и чёткими, чтобы их можно было легко понять при повторном прочтении текста для использования в диссертации.

Например, я использую такие легкие, «говорящие» знаки:

+ – для полного согласия с тем, о чем речь идёт в книге;

~ – озадаченность, сомнение, несогласие;

? – удивление, недоумение;

! – хорошо, одобрение.

Иногда пользуюсь для пометок словами: *правда? неужели? конечно! да! нет! зачем? откуда? как?* и другими.

¹ О цитировании см. раздел 16.1.3 пособия.

В тексте работы выделение главного, основного хорошо делать с помощью подчеркиваний (можно разным цветом) или заключать его в *рамки*.

II. Разметка исходных источников информации

Для предварительной рубрикации изучаемого (исходного) текста можно использовать систему закладок. *Закладочный способ*, как правило, сочетают с записями на них. Закладки могут отличаться друг от друга по ширине, цвету бумаги, порядковым номером закладки, указывающим на фрагменты текста, объединённые одной темой. Каждый вид закладок используется по-своему. Например, широкие закладки почти всегда снабжаются пояснительными подписями. Цветные – на принадлежность фрагмента текста к определённой информации. Нумерованные – на последовательность изучения фрагмента текста. Целесообразно снабжать закладки краткими надписями, указывая на них номер страницы источника; ключевое слово для быстрого поиска нужного фрагмента источника; краткие замечания, определяющие суть предстоящей работы с данным фрагментом источника и др. [Шкляр 2009 : 129-130].

III. В тех случаях, когда в книге нужно выделить какие-то части текста, а пометки в ней делать нельзя, целесообразно применить приём, называемый обычно «**системой чистых листов**». Суть его заключается в том, что между страницами закладываются чистые листы бумаги, на которых делаются пометки на уровне интересующего текста. При необходимости возле этих пометок могут быть краткие пояснения. Листы с пометками нумеруются в соответствии со страницами книги. В дальнейшем, приложив такой лист к странице книги, можно сразу же найти нужные места в тексте.

Эта же система хороша при работе над крупным источником.

Результатом проработки книги может быть ещё такой вид записи, как *перечень страниц, содержащих материалы по определённым вопросам*. В дополнение к номерам страниц в нём целесообразно также указывать, в каких абзацах находятся нужные материалы или какое расстояние до них от верха или от низа страницы в сантиметрах [Кузнецов 2006 : 111].

IV. Ещё одна группа записей – **аналитические записи**. Простейшими из этой группы являются *оценочные записи на тех библиографических карточках*, которые составлены были во время формирования первичной библиографии. На обороте карточки делается запись о том, когда изучена работа и какое мнение сложилось об этой книге, следует ли обращаться далее к ней и что в ней можно найти. Такая краткая информация может отсылать к номеру папки (конверта, файла), в которой хранится запись по этой работе [Кузнецов 1998].

К этому типу можно отнести **выборочные записи** из изученного источника на отдельных карточках по одному какому-либо конкретному факту, необходимому для диссертации.

V. Наконец, **основная форма фиксации работы** над научными источником идёт в свободной форме: конспект с элементами тезисов, плана, аннотации, отзыва и т. п., который ведётся либо в тетрадях, либо на отдельных листах – карточках (сайтах). Этот вопрос уже обсуждался, и, с моей точки зрения, намного рациональнее вести такой своеобразный конспект на карточках, только

бóльшего размера, чем библиографическая карточка: формат тетрадного листа или половины тетрадного листа.

Для ведения конспекта на карточках необходимо соблюдать ряд **условий**.

1. Источник информации (название конспектируемой работы) следует указывать на *каждой карточке*. Без такого «адреса» запись на карточке не будет иметь никакой научной ценности: источник может забыться, а проверка, т. е. поиск источника, может потребовать много времени и усилий, и не всегда источник может быть восстановлен.

2. Адресная ссылка на каждой карточке должна быть полная, т.к. указание лишь фамилии автора без названия работы и её выходных данных не позволит некоторое время спустя вспомнить, из какого произведения этого автора сделана выписка.

3. В одном из углов карточки следует указывать шифр, наименование или номер раздела Вашей работы, в котором записанная информация может быть использована. Записи датировать.

4. Авторскую мысль, аргументацию или какой-либо факт желательно выписывать на карточку лишь по *одной проблеме*. Это даст возможность в последующем накапливать и группировать материал. Если мысль или факт можно использовать и для других тем, в других разделах Вашей работы, выписку можно либо повторить, либо указать на ней номер другого раздела.

5. Собственные оценки, мысли, резюме, возникшие в момент чтения источника, необходимо **обязательно фиксировать** («Незаписанная мысль – потерянный клад», – считает Д. И. Менделеев!), или выделять их из текста каким-либо способом (другим цветом, подчёркиванием, в ремарке: «Я:...»; и т. д.).

6. Карточка может иметь такой вид:

К главе 1. Проблема классификации методов.

№47 Как классифицировать методы? По соответствующей каждому теории? Но это не всегда возможно, т.к. соответствие «теория-метод» имеется лишь для наиболее общих и разработанных методов, а мы уже сказали, что нашей целью является обзор частно-лингвистических методов. По методике и техническим приёмам? Это, очевидно, ещё менее целесообразно. Столь же нецелесообразна классификация по сферам языка, на «методы фонологии», «методы морфологии», «методы синтаксиса» и т. д. Как мы неоднократно будем убеждаться в дальнейшем (ср., например, I, §5) современная лингвистика характеризуется экстраполяцией методов: одни и те же методы переносятся из одной сферы языка в другую, на другой материал.

Единственно приемлемой классификацией оказывается классификация, основанная на предварительном выявлении глубинного принципа каждого метода <...>, рассматриваются *исторический* и *логический* принципы в современной лингвистике (с. 12).

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 312 с.

Если авторская мысль нужна будет Вам в диссертации как цитата, то следует оформлять её по нормам и правилам цитирования¹.

7. Имея в перспективе ту или иную форму копирования прочитанного – (фотографирование, микрофильмирование, ксерокопирование – и т. д.) следует сразу же по ходу чтения готовить перечень страниц (фрагментов текста источника), подлежащих копированию. А в конспекте (на карточке) указывать страницы копирования.

8. Если в тексте источника встречаются затрудняющие понимание какие-либо неизвестные Вам термины, то лучшей формой является создание небольшого *словарика терминов и понятий*. Он может значительно облегчить работу под диссертацией.

9. Все эти выписки из первоисточников целесообразно хранить в отдельных *тематических конвертах (папках)*, либо в каталожных ящиках (либо файл в компьютере), располагая их по проблемам и темам исследовательских интересов. Здесь же размещается всё то, что нашел, отксерокопировал или распечатал диссертант.

10. Если всё же Вы предпочитаете тетрадную форму записи, то ведите конспекты на одной стороне страницы, с широкими полями. Можно рекомендовать ещё такой способ: страницу тетради надо поделить пополам вертикальной чёртой. С левой стороны делать выписки из изучаемого источника, а с правой – свои замечания, размышления по поводу прочитанного. Чистая сторона страницы и широкие поля дают возможность производить любые вставки, дополнения и пояснения при вторичном обращении к контексту, дополнять его из других источников по той же проблеме.

Но в этом случае нужны «**тетрадные лоции**». Тетрадь может содержать конспект нескольких первоисточников. Чтобы облегчить поиск нужного материала в ней, приходится составлять *оглавление* или *тематический указатель* содержания тетради, перечни которых выносятся на обложку или на первую страницу. Для этого, конечно, нужна ещё нумерация страниц.

11. И последнее – *накопление* описанными способами, а, возможно, и найденными Вами, *информации* должно быть **постоянным**, на всем протяжении работы над диссертацией, чтобы знать, *достаточна ли информация* для аналитической работы с ней.

Но нужно все же выбрать такие способы обработки информации, которые лучше всего соответствуют *Вашим индивидуальным особенностям*: типу и темпу мышления, объему памяти, широте ассоциативных связей, воображению и фантазии и др. [Библер 1975; Холодная 1990; Котюрова и др. 2011 и др.].

15.4. Технология сбора и классификации языкового материала по теме исследования

Как известно, любое лингвистическое исследование в той или иной мере опирается на анализ языкового материала, языковых данных. При этом чем

¹ См. раздел 16.1.3 пособия.

больше материал, тем выше достоверность выводов и тем шире сфера действия наблюдаемых закономерностей. Потому в традиционном языкознании сбору материала всегда придавалось особое значение. А есть такие области лингвистики, в которых сбор языковых фактов считается *основной задачей* лингвистического описания, к примеру, в исследованиях неописанных или слабо описанных языков¹.

Очень часто начинающие исследователи спрашивают своих научных руководителей, с чего надо начинать: начитывать ли научную литературу или собирать фактический материал. Видимо, это нужно делать одновременно или почти одновременно. Опыт показывает, что начинать сбор фактического языкового материала нужно только тогда, когда исследователь уже осознал, что он должен получить в результате своего исследования (*цель и задачи работы*), сформулировал *объектно-предметную сферу* диссертации, т. е. после некоторой теоретической подготовки. Не случайно ещё И. П. Павлов подсказывал своим ученикам: «*Без идеи в голове вообще не увидишь факта*»². А если и увидишь, то не исключены ошибки в сборе материала, которые приведут к недостоверности полученных результатов. Потому обязательно следует обсудить **критерии отбора материала** для конкретного лингвистического исследования с руководителями. К этому вопросу вернёмся после обсуждения *источников фактического материала*.

15.4.1. Традиционные источники языкового материала

К широко апробированным традиционным источникам материала для лингвистических работ относятся: *тексты, словари, справочники и грамматики разных языков, опрос информантов* и реже – *наблюдение, некоторые виды эксперимента* (чаще в прикладной лингвистике) и *полевые методики сбора материала* [Кибрик 2002].

Самыми старыми, традиционными являются: во-первых, **первичные источники** – *тексты*, сущность и значение которых прекрасно выразил М. М. Бахтин: это «есть первичная данность (реальность!) всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин 1979 : 294], а точнее – *дискурс* «как высшая реальность языка» (по Е.С. Кубряковой), вписанные в эволюцию культуры и цивилизации с конца IV и начала III-го тысячелетия до н.э.; во-вторых, **вторичные источники**: *словари, справочники, энциклопедии*, существующие более двух тысячелетий; в-третьих, *грамматики*, ведущие своё начало с известной грамматики Панини (5-4 вв. до н.э.).

Заметим, что значимость *текстов* и *грамматик* была осознана как-то изначально, тогда как только к середине XX века человечество осознало непре-

¹ К примеру, *объектом* нашего исследования был язык, который не имел собственно статуса, а в научной отечественной и зарубежной литературе по ботанике и агрономии условно именовался «биологической латынью». В результате исследования был определён статус этого искусственного специализированного языка как латинизированный семантический метаязык агрономии и введено в научный оборот 3500 терминов-номенов этого языка [Комарова, Хасаншина 2009].

² О соотношении *факта* и *теории* см.: раздел 1.3 пособия.

ходящую научную и культурную роль *словаря* как адекватной формы любого типа знания¹, а, следовательно, авторитетного и вполне надёжного источника для отбора материала.

Следует обратить внимание на то, что данных лексикографии оказывается вполне достаточно для серьезных лингвистических исследований [см., например: Ш. Чудинова 1998, Глазырина 2006; Сандалова 2010], либо текстовых источников [см., например: Ш. Шагеева 2005; Шилова 2005; Казанцева 2007 и др.], но чаще используются оба типа источников [см., например: Ш. Жавкина 2004; Хасаншина 2004; Ефимов 2005; Трушина 2005; Жучкова 2008; Василенко 2008; Запелалова 2008; Прошина 2008 и др.].

Интересно, что многие американские исследователи считали возможным исследовать язык на основе *придуманных примеров*. Однако отсутствие объективных данных или, точнее, ограничение данных интуицией учёного стали причиной недолговечности такого источника [Арнольд 1991 : 77].

Возможность использования «отрицательного» материала, т. е. материала с нарушением языковых и речевых норм, была обоснована Л.В. Щербой (1957), но используется только там, где такой материал целесообразен, например, в исследованиях по лингвостилистике, культуре речи, лингводидактике и некоторых других.

15.4.2. Инновационные источники языкового материала

При всей важности и необходимости использования традиционных источников языкового материала они всё же имеют ограничения.

Во-первых, для того чтобы обеспечить эмпирическую базу, достаточную для получения **достоверных результатов**, исследователь затрачивает много сил и времени на кропотливую, в какой-то мере рутинную работу, состоящую в ручной обработке письменных текстов, которая иногда затягивается на годы [Баранов 2002 : 112]. Дефицит времени иногда приводит к тому, чтобы ограничиться лишь минимально достаточным количеством материала, что снижает степень достоверности исследования.

Во-вторых, *функциональный подход* к анализу лексико-семантической системы языка, а тем более – *речеведческий*, можно уподобить микроскопу, позволяющему лингвисту разглядеть микроизменения в языке, незаметные «невооруженным глазом». Наличие такого инструментария даёт возможность фиксировать *тенденции в развитии* языка и осуществлять прогнозирование. Но для этого нужны большие массивы текстов.

В-третьих, по мнению А. А. Кретьева, сложность состоит в том, что список единиц, функции которых подлежат всестороннему изучению, исследователь получает лишь по завершению сбора материала и анализа источников. Это значит, что для сбора информации о функционировании интересующих его лексических единиц требуется *заново обработать* тот же корпус источников

¹ Поэтому, по образному выражению видного французского лексикографа А. Рея, «современная цивилизация есть цивилизация словаря» [Цитируется по: Гак 1971 : 524].

под новым углом зрения. Избежать повторения исследовательского цикла можно, лишь формируя *электронные корпуса текстов*¹.

Таким образом, **поиски инновационных источников языкового материала** закономерны.

Создание таких корпусов и формирование **корпусной лингвистики** является магистральным направлением современной лингвистики. Встаёт задача разработки общих принципов построения корпусов с использованием современных компьютерных технологий с *точки зрения пользователя, и, прежде всего, – национальных корпусов* (вторая половина XX века).

Национальный корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Он представляет данный язык на определённом этапе его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов, потому может использоваться для решения широкого круга задач лингвистики. При этом полученные результаты «максимально объективны», поскольку «языковой материал отчуждён от исследователя и не зависит от него» [Кронгауз 2001 : 95].

Доступ к большому объёму текстов позволяет избежать непропорциональных обобщений о состоянии языка, которые возможны при работе с ограниченным и разрозненным материалом [Гвишиани, Герви 2001].

В настоящее время **национальные корпуса** – это не просто дань техническому прогрессу и очень удобный **инструмент** для поиска языкового материала, но именно предмет **новой идеологии** изучения языка, для которой язык, собственно говоря, и **есть корпус** [Плунгян 2008 : 12], т. е. корпусная лингвистика сосредоточила своё внимание на **идее выбора** и **лингвистике речи**, а потому национальные корпуса языков – это одновременно и **база**, и **инструмент** лингвистического исследования, и третий, обязательный **формат представления** языкового знания и языка.

Смысл **корпусно-ориентированной лингвистики** в том, что она позволяет изучать действительно существующие явления языка, т.к. весь материал является отмеченным в реальной языковой коммуникации, а не мнимые явления, поэтому исследования, базирующиеся на корпусах, сильно отличаются от исследований, созданных в «докорпусную» эпоху [Кронгауз 2001 : 91-95; Плунгян 2008 : 7-20].

Вот почему мои аспиранты активно используют национальные корпуса [например: Ш. Василенко 2008; Запевалова 2008; Талапина 2008; Дедюхина 2010; Шадрин 2010 и др.].



Приведём хотя бы один пример.

Диссертационное исследование **Ю. Ю. Шадрин** «**Функционирование местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах**» (Екатеринбург, 2010) базируется на языковом материале, извлечённом из «*Национального корпуса русского языка*» [www.ruscorgo.ru] и «*The British National Corpus*» («*Британского национального корпуса*»)

¹ Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006.

[www.sara.natcor.ox.ac.uk] в объеме 100 000 высказываний (одинаково по языкам).

Такой объем оказался достаточным для решения *трех специфических задач*:

- выделить и описать семантическое пространство местоименных прилагательных в изучаемых языках;
- выявить и описать денотативное пространство местоименных прилагательных в изучаемых языках;
- определить степень когнитивной выделенности местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсе.

Как видим, решение таких задач оказалось возможным только в рамках корпусной лингвистики и когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Следует отметить, что на сегодняшний день работа с корпусами имеет определённые сложности, связанные и с качеством корпусов и не сложившейся пока методикой работы с корпусами (*исследовательскими и иллюстративными*).

С множеством проблем корпусной лингвистики можно ознакомиться в работе: [Баранов 2001 : 112-137].

Необходимо сказать и о других **инновационных формах** сбора языкового материала. Поскольку компьютерные технологии широко используются в печатном деле и в средствах массовой информации, то существенно упростился процесс получения материала: большинство крупных газет имеют *электронные версии*, функционирующие в информационных сетях, в частности, в **Интернете**. Имеются довольно продуктивные устройства *сканирования* текста (сканеры) и эффективные программы расшифровки графической информации.

Хочу обратить внимание исследователей на то, что если корпусы по сути своей сближаются с основным, первичным традиционным источником языкового материала – *текстами*, то со вторым традиционным источником (лексикографическим), по мнению В. М. Лейчика, сближаются такие **инновационные источники**, как **БД** (базы данных) и **ТБД** (терминологические базы данных), а на их основы **БЗ** (базы знаний) и **ТБЗ** (терминологические базы знаний), которые можно рассматривать как «развитие словарей в сторону автоматизации поиска упорядоченной информации» [Лейчик 2006 : 214-215].

В 1996 году специалистами по компьютерной лингвистике и индексированию текстов была создана компания «*Интегрум*», разработавшая информационно-поисковую систему баз данных для гуманитарных исследований – *Integrum* [www.integrum.ru]. Сравнивая «*Национальный корпус русского языка*» и *Integrum*, В. А. Плунгян считает, что они дополняют друг друга: для специальных лингвистических исследований, к примеру, грамматических, благодаря развитой системе разметки, наиболее приспособлен «*Национальный корпус русского языка*». Но с другой стороны, для фронтальных исследований в области «истории слов конца XX века» собрание баз «*Интегрум*» вне конкуренции [Integrum 2006 : 84].

Кроме того, эта крупнейшая электронная коллекция русскоязычных документов и информационно-поисковая система для их обработки (в том числе уникальный инструмент для статистического анализа) в нашей стране – самая мощная. Так, она – рекордсмен среди информационных систем на русском языке: на начало 2006 г. «Национальный корпус» содержал 120 млн. словоупотреблений, тогда как в базах «Интегрума» хранилось уже 350 млн. документов. В книге «*Integrum: точные методы и гуманитарные науки*» (М., 2006) содержатся описания исследований, выполненных при помощи Интегрума. В приложении даётся характеристика существующих баз данных (отечественных и зарубежных), к примеру, хочу обратить внимание на «*Полистилевой корпус русского языка*» [www.philol.msu.ru/humlang/articles/polystylcorp.html] [Интегрум 2006 : 406-420].

Остался ещё один важный вопрос: какова должна быть по объёму **эмпирическая база** лингвистического исследования?

Однозначный ответ дать невозможно: количество единиц определяется рядом параметров данного исследования: *темой* → *проблемой* → *объектом* → *предметом* → *целью* и *задачами*. Если исследователь владеет лингвистическими методиками, то они уже обуславливают верификацию результатов [см.: Комарова, Краев 2008 : 59-66]¹.

Если же не владеет, то всегда для того, чтобы полученные научные результаты были в зоне достоверности, приходится собирать материал «с запасом» и комбинировать использование источников.



Приведём пример.

В диссертационном исследовании «**Репрезентация категории партитивности в статике и динамике (в русском и английском языках)**» А. С. Дедюхина в эмпирическую базу исследования включает два типа источников:

1) для анализа категории партитивности в сопоставляемых языках в системно-категориальном (языковом) аспекте – словари и справочники, грамматики русского и английского языков;

2) для анализа категории партитивности в сопоставляемых языках в конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном) аспекте – национальные корпуса русского и английского языков («Британский национальный корпус»), из которых сплошной выборкой были извлечены 100 тысяч высказываний в равных количествах по языкам [Ш. Дедюхина 2010 : 11].

Первый источник позволил выявить четыре прототипических смысла категории партитивности, а второй – 12 модификационных смыслов в зоне ближней периферии; 15 – в зоне дальней периферии и 16 – в зоне крайней периферии, т. е. 43 модификационных смысла.

Думаю, что эти результаты можно было получить только при сочетании источников материала и, безусловно, только с использованием корпусов языков.

¹ См. раздел 14.1.2 пособия.

Вместе с тем такая эмпирическая база позволила провести классификацию языкового материала с учётом 1) логических правил операции классификации (см. раздел 3.1.3 пособия); 2) философско-общелогического метода классификации (см. раздел 7.4 пособия); 3) методики классификации описательного метода лингвистики (см. раздел 14.1.1 пособия).

15.5. Технология создания понятийно-терминологического аппарата исследования

15.5.1. Что такое понятийно-терминологический аппарат диссертации?

Диссертация как научно-исследовательская работа очень специфична.

По определению, **диссертация** (<лат. *dissertatio* – «рассуждение, исследование») – это форма научно-исследовательского произведения, носящего *квалификационный характер и содержащего решение задачи, имеющий существенное значение для соответствующей отрасли знания.*

Как видно из определения, главное её отличие состоит в том, что она в системе науки выполняет квалификационную функцию, т. е. готовится с целью *публичной защиты и получения научной степени*¹.

Квалификационный характер диссертации означает, что соискатель должен не просто сообщить о проведённом научном исследовании и полученных новых научных результатах, но, главное, – *продемонстрировать уровень своей научной квалификации*, и, прежде всего, – умение самостоятельно вести научный поиск и решать конкретные научные задачи [Кузнецов 2006 : 79].

При этом в диссертации полученные научные результаты должны быть представлены не в любой произвольной форме, какая больше нравится автору, а в соответствии с установленными формальными требованиями – композиционным стандартом научного жанра [Купина, Матвеева 2012 : 129]².

Следовательно, каждая форма познания, в нашем случае, – диссертация требует своего «*инструментария*».

¹ В странах, где сложилась *двухуровневая* система высшего образования, включающая уровни бакалавриата и магистратуры, защищаются две диссертации: *магистерская* после окончания второго уровня университетского образования, которая является *учебной научно-исследовательской работой*, и *докторская*, для тех, кто выбрал науку своей профессией.

В нашей стране традиционной была *одноуровневая* система высшего образования, в которой студент по окончании вуза защищал *дипломную* работу, а диссертации защищали только те, кто занимался научной деятельностью. Причем диссертации были двух видов: сначала защищалась кандидатская диссертация (человек становился «кандидатом в учёные»), а в дальнейшем он мог защитить докторскую диссертацию, которая подтверждала его статус как учёного.

В наши дни, после вступления России в Болонский процесс, существует пока *смешанная система*: 1) система *специалитет*, сохраняющая традиционную систему образования и 2) новая, двухуровневая система, но в которой пока сохранилась система аспирантуры и защиты кандидатской диссертации.

Кандидатская диссертация отличается от докторской тем, что в ней, как уже было сказано, решается *научная* задача, имеющая, существенное значение для данной науки. В докторской диссертации решается *глобальная* научная проблема (научное направление), с большим масштабом и глубиной предмета исследования и высокой степенью научной и практической значимости.

² Этому будет посвящен раздел 6.1 следующей главы пособия.

К сожалению, для этого методологического понятия (концепта) в науке наших дней нет общепринятого термина и дефиниции, потому при методологическом обосновании определённого конкретного исследования пока используются разные обозначения: «*основные звенья исследования*» (В. И. Загвязинский); «*диссертационная атрибутика*» (Г. И. Саранцев); «*методологические характеристики исследования*» (В. В. Краевский); «*основные характеристики диссертационного исследования*» (М. А. Галагузова); «*понятийно-терминологическая система*» (И. М. Кантор, Г. Н. Штинова); «*научный аппарат*» (Э. С. Азнаурова); «*методологический инструментарий*» (А. Н. Баранов) и др.

Я в своей работе с аспирантами и докторантами называю этот «инструментарий» – **понятийно-терминологическим аппаратом** (инструментарием) диссертации, под которым понимаю *систему взаимосвязанных и взаимообусловленных терминированных понятий (концептов), определяющих стратегию и тактику данного исследования, от его замысла и формулировки темы до завершения, описания результатов исследования и их верификации.*

При этом сам состав «инструментария» (*тема, проблема, гипотеза, объект и предмет исследования, цель и задачи*) и его назначение, функции являются философско-общенаучными, но при их экстраполяции в конкретное лингвистическое исследование они обретают тот субъективно-индивидуализированный облик (содержание), который характерен только данному исследованию и его автору как профессиональной языковой личности.

Важность для любого исследования в точном определении **понятийно-терминологического аппарата** состоит не только в том, что он выполняет свою первичную функцию (определяет стратегию и тактику данного исследования), но ещё и в том, что он участвует в формировании **диссертательности работы** и является той первой методологической «ступенькой», на которой диссертант формирует **методологию и методику исследования**, о чем речь пойдёт позже.

15.5.2. Какова технология моделирования понятийно-терминологического аппарата диссертации?

1. Как уже говорилось, диссертант, избрав *тему*, тем самым устанавливает ту область, то направление, в котором он организует своё исследование, область своего научного поиска в соответствии со своим *замыслом, основной идеей*. Изучение научной литературы по теме вводит его в круг *основных научных теорий в этой области* и их состояния, что и создаёт возможность «нащупать» **проблему**¹ как следствие противоречия в отдельной теории, либо как столкновение различных теорий, либо в результате противоречия между теорией и какими-либо лингвистическими фактами, явлениями (т. е. практикой) [Поппер 1983].

Иначе говоря, проблема – это «знание о незнании» [Кохановский и др. 2008 : 181], а потому необходимая предпосылка для её успешного решения.

¹ Подробнее о проблеме см. раздел 1.3 первой главы пособия.

При формулировании проблемы необходимо:

- определить центральный вопрос;
- выявить противоречия, которые лежат в основе проблемы;
- дать описание ожидаемого (предполагаемого) результата.

Построение проблемы включает:

- разделение центрального (проблемного) вопроса на вспомогательные, количество которых должно быть таким, чтобы наилучшим образом достичь поставленной цели;
- упорядочение вопросов и подвопросов проблемы, определение последовательности их решения (*композиция*);
- определение ограничений исследования, т. е. точных границ исследования (*локализация*).

Обоснование проблемы предполагает:

- установление содержательных связей данной проблемы с другими проблемами, т. е. её место в проблематике лингвистики;
- выработку доказательств и доводов в пользу реальности проблемы, необходимости её постановки, важности решения и обоснования её актуальности;
- изложение содержания проблемы.

Оценка проблемы содержит:

- выяснение специфики содержания;
- определение квалификации проблемы;
- выявление научно-методического аппарата для решения проблемы;
- установление содержательных связей проблемы со смежными областями исследования;
- выявление наличия возможностей и предпосылок для решения проблемы [Кузин 2006; Кузнецов 1998; 2006; Тихонов, Ворона 2009; Галагузова 2011].



Приведём пример.

В диссертационном исследовании «Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике» А. А. Прошина формулирует проблему диссертации следующим образом:

Диссертация посвящена разработке концепции двуязычного словаря-тезауруса по экономике на основе синтеза теории идеографической терминографии и опыта составления отраслевых словарей (на материале русского и немецкого языков), что потребовало интеграции теории терминоведения и современной антропологической лингвистики, общей лексикографии и терминографии, общей идеографии и идеографической терминографии, а также предметного знания – экономики.

Решение такой комплексной межнаучной проблемы стало возможным только в наши дни в силу того, что накопилось достаточно сведений в этих интегрированных областях знания.

Важнейшей предпосылкой исследования является осознание важности словарного дела для лингвистики и культуры в целом.

Особое значение приобретают идеографические терминологические словари – тезаурусы, поскольку идеографическое представление знаний служит не только средством описания существующих терминосистем, но и средством систематизации и упорядочения терминологий, то есть идеографическое описание терминологии может рассматриваться как моделирование терминосферы соответствующей области знаний и шире – самого знания. Идеографический принцип подачи материала имеет большое значение для перевода специальных текстов, так как обеспечивает выбор наиболее точного термина-эквивалента. Идеографическое описание облегчает процесс приобретения знаний на родном и иностранных языках, и потому имеет учебную направленность.

Тем не менее словари данного типа чаще встречаются в научных классификациях, чем в списках реально существующих словарей [Табанаква 1999 : 82]. И хотя ещё в 1986 году А.С. Герд писал о том, что весьма желательно создание одноязычных и многоязычных толково-переводных терминологических словарей, построенных по идеографическому типу [Герд 1986 : 9], однако, двуязычного словаря-тезауруса по экономике, тем более – универсального, до сих пор не существует.

Таким образом, задача, решаемая в нашем исследовании, находится в русле важнейшей задачи тезаурусной терминографии.

2. Ясно осознав проблему исследования, диссертант может чётко представить, в каком, образно говоря, исследовательском поле он находится. В диссертации это поле определяется как **объект** и **предмет** исследования.

Это обусловлено тем, что **объект**¹ исследования представляет собой знание, порождающее *проблемную ситуацию*, объединённое в понятие или системе понятий, и определяется как область научных изысканий диссертационной работы исследователя.

Чтобы правильно сформулировать объект исследования, необходимо ответить на вопрос: **что** изучается в работе.



Приведём примеры формулировок **объекта** исследования по нескольким темам кандидатских диссертаций².

1. ...является *отфитонимическая семантическая деривация*.
2. ...послужили *контактными английского происхождения в русском компьютерном подъязыке*.
3. ...*категория паритивности в русском и английском языках*.
4. ...*терминосфера СМИ в русском и английском языках*.
5. ...*вариативность термина и его субституция в научном тексте*.
6. ...*выбрана отраслевая типология словарей предметной области психология в русском и английском языках*.

¹ Понятие *объекта* и *предмета* исследования, а также *цели* и *задач* см. в разделе 2.4 пособия.

² Нумерация соответствует списку источников материала (тем диссертаций их авторов), приведённых в библиографии пособия в разделе III.

7. ...функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках.
8. ...семантизация терминов радиотехники в научно-учебном подстиле в русском и французском языках.
9. ...мы называем функционально-семантическую категорию субъективной модальности в русских и английских информационных проспектах образовательных услуг.
10. ...ядерные служебные слова русского подъязыка информатики.
11. ...концептосфера и терминосфера экономики как предмет терминографии.
12. ...явление варьирования юридических терминов в русском и английском языках.
13. ...фрагмент языковой картины мира в русском и английском языках, репрезентированный антонимической парой белый/черный и white/black.
14. ...терминосферы криминалистики и криминологии в русском и французском языках.
15. ...латинизированный семантический метаязык, функционирующий в русском агрономическом подъязыке.
16. ...полнозначные русские слова с широко развитой многозначностью.
17. ...явление цитации в научном тексте.
18. ...фрагмент языковой картины мира, репрезентированный местоименными прилагательными в русском и английском языках.
19. ...терминологические дефиниции, функционирующие в научно-технических текстах русского и английского языков.

Приведённые формулировки объектов показывают, что, действительно, современная лингвистика «изучает всё то, что вербализовано» [Маслова 2008 : 3], т. е. «объектный мир» её почти беспределен.

Кроме того, как правило, кандидатская диссертация имеет один объект исследования, за редким исключением – два взаимосвязанных (см. 5).

3. Предмет исследования можно определить как *новое научное знание об объекте исследования*, получаемое соискателем в результате научных изысканий, т. е. это всё то, что находится в границах объекта исследования в определённом аспекте рассмотрения.

Если объект целиком находится вне исследователя, т. е. он *объективен*, то предмет формируется как под влиянием объекта (*объективный фактор*), так и под влиянием сознания исследователя (*субъективный фактор*).

Чтобы правильно сформулировать *предмет исследования* необходимо указать, **как** рассматривается объект; **какие** новые отношения, свойства, аспекты, функции раскрывает данное исследование.



Сравним формулировки *предмета исследования* с ранее приведёнными формулировками *объектов*.

1. *Предмет исследования определяется как механизмы и модели отфитонимической семантической деривации в русском и английском языках.*

2. ...типы контактом английского происхождения в русском компьютерном подъязыке.
3. ...концептуализация категории партитивности и её вербализация в русском и английском языках (в статике и динамике).
4. ...терминсфера СМИ русского и английского языков в коммуникативно-когнитивном, категориально-понятийном, денотативном и структурном аспектах.
5. ...специфика вариативности термина и его субституции в русскоязычных и немецкоязычных текстах агрономического подъязыка.
6. ...методологические и методические аспекты создания отраслевой словарной типологии в сопоставляемых языках.
7. ...системно-категориальный (языковой) и конкретно-смысловой (речевой, дискурсивный) аспекты ФСК единичности.
8. ...типы терминологической семантизации, манифестированные в учебниках по радиотехнике в сопоставляемых языках.
9. ...типы и средства репрезентации функционально-семантической категории субъективной модальности, а также закономерности её функционирования на базе русских и английских текстов проспектов образовательных услуг.
10. ...квантитативные и квалитативные характеристики ядерных служебных слов русского подъязыка информатики.
11. ...идеографическое моделирование терминсфер экономики русского и немецкого языков.
12. ...формальное и семантическое варьирование юридических терминов в сопоставляемых языках (в сфере фиксации).
13. ...семантическая оппозиция белый/черный и white/black как фактор формирования и отражения лингвоцветовой картины мира в сопоставляемых языках.
14. ...когнитивно-ономасиологические, когнитивно-понятийные и концептуальные характеристики терминсистем криминалистики и криминологии в двух изучаемых языках.
15. ...латинизмы и латинизированные слова как терминологические элементы, структурирующие семантический метаязык агрономии.
16. ...грамматические, лексико-грамматические и лексические свойства полнзначных слов, образующих зону широко развитой многозначности.
17. ...когнитивные функции цитаты в русскоязычных и англоязычных естественнонаучных текстах.
18. ...семантические и денотативные пространства местоименных прилагательных, функционирующих в русскоязычном и англоязычном дискурсах.
19. ...особенности, которые определяют метаязыковой характер терминологических дефиниций в сопоставляемых языках.

Из приведённых формулировок объектов и предметов исследования видно, что общее отношение между ними (**объект – что** изучается, а предмет – **как** это **что** рассматривается) может детализоваться чрезвычайно многообразно:

- 1) объект – его аспекты (целое/часть) – 4, 6, 7;
- 2) объект – свойства – 10, 14, 16;
- 3) объект – отношение – 15 (структурирование), 18 (пространство);
- 4) объект – механизмы и модели – 1;
- 5) объект – его типы – 2;
- 6) объект – метод – 3, 11;
- 7) явление – его специфика, свойства – 5;
- 8) явление – его типы – 8, 12;
- 9) объект – его типы и средства – 9;
- 10) объект – фактор его формирования – 13;
- 11) явление – функции – 17;
- 12) объект – свойства + причинно-следственные отношения – 19;

Этот анализ показывает, что у диссертанта всегда есть возможность точно сформулировать предмет своего исследования в его отношении в любому объекту, явлению языковой действительности.

4. Цель исследования

Это то, ради чего осуществляется изучение *темы и проблемы*, т. е. потребность в решении воплощается в *цель* научного исследования. Сущность взаимосвязи *проблемы* и *цели* исчерпывающе раскрывают Д.В. Здор и Н.Л. Коршунова: «Целью научного познания является идеальный образ будущего результата научной деятельности. Цель исследования устанавливается на основе сформулированности проблемы, понимается как некоторый замысел, вытекающий из контекста проблемы, как предполагаемый результат, определённый в самых общих чертах. Таким образом, проблема и цель характеризуют научную работу со стороны её начального и конечного состояния. Можно сказать, что проблема и цель – своеобразные полюса научного исследования»¹.

Следовательно, чтобы правильно сформулировать цель работы, необходимо ответить на вопрос, **какие результаты** исследователь намерен получить, **какими** он видит эти результаты.



Приведём несколько формулировок целей сопоставительных исследований:

1. **Цель работы** состоит в сопоставительном синхроническом анализе моделирования отфитонимической семантической деривации в русском и английском языках.
2. **Целью** исследования является разработка типологии английских контактных элементов в русском компьютерном подъязыке на основе синхронно-сопоставительного анализа.
3. **Цель работы** – провести комплексное, полипарадигмальное исследование русской и английской терминосферы СМИ в коммуникативно-ког-

¹ Здор Д.В., Коршунова Н.Л. Современные концептуальные представления о проблеме и цели педагогического исследования // Профессиональное образование. Столица. – 2010. – №4. – С. 13.

нитивном, категориально-понятийном, денотативном и структурном аспектах.

8. Цель исследования – на базе эмпирического исследования типов семантизации терминов в русскоязычной и франкоязычной научно-учебной литературе создать типологию способов семантизации терминов с учётом жанрово-стилевой разновидности текстов.

10. Цель диссертации – охарактеризовать количественные и качественные свойства ядерных служебных свойств русского подъязыка информатики и вскрыть отношения (корреляции) между ними.

15. Цель работы состоит в полипарадигмальном лингвистическом описании латинизированного семантического метаязыка агрономии, структурированного латинизмами и латинизированными словами как терминологическими элементами, для установления типологических характеристик этого языка.

Проанализированы формулировки целей в 19 диссертационных исследованиях. Из них в 13-ти работах цели реализуют потребности в решении поставленных проблем. И, действительно, являются полюсами (начало – конец) этих научных исследований.

А в шести приведённых формулировках целей уточняются результаты исследований, какими их видят авторы. Так, в формулировке 1 указаны метод и методика, с помощью которых автор намерен получить результаты; в цели 2 уточнён результат – «разработка типологии»; в цели 3 – указывается методика работы; в цели 8 – указан индуктивно-дедуктивный путь получения результатов; в цели 10 – уточнены отношения между количественными и качественными свойствами – «корреляции»; в цели 15 – указана методика и уточнён конечный результат – «типологические характеристики».

5. Задачи исследования

Задачи – это частные, сравнительно самостоятельные подцели. Именно задачи, вытекающие из целей исследования, обуславливают то количество конкретных задач (обычно их в кандидатской диссертации 5-6, в докторской – 6-8), которые минимально достаточны для реализации цели, решения поставленной проблемы¹. Чтобы верно сформулировать задачи, необходимо ответить на вопрос: **что надо сделать**, чтобы цель была достигнута.

Конкретика задач обусловлена специфическими условиями исследования: исходными данными, ограничениями и условиями в данном пространстве и времени, материальными средствами, информацией и др.

Обычно именно ограничения, условия, исходные данные и др. превращают какой-либо фантастический проект в научную проблему.

Задачи исследования выступают в основном в двух видах: *эмпирическом* и *теоретическом*.

¹ Не следует ставить одну-две задачи, тогда они фактически повторяют цель работы. При рецензировании встречала кандидатские диссертации, в которых было поставлено 11-12 задач. Такое дробление нарушает структуру работы, да, к тому же, ещё и не все задачи оказываются решёнными.

К *эмпирическим задачам* относятся: установление, уточнение и классификация научных фактов, которые относятся к предмету исследования, характеристика их наблюдаемых явлений, эмпирическая проверка истинности результатов исследования и др.

Теоретические задачи включают: выявление и изучение конкретных причин, связей, зависимостей, взаимодействий процессов, которые объясняют те или иные факты языковой реальности, построение новых гипотез, выявление закономерностей и др.¹

В диссертациях по прикладной лингвистике эти два типа задач формулируются самостоятельно, по другим специальностям они предлагаются, но могут не формулироваться в самостоятельные группы.

Задачи определяют структуру диссертации – разделение на главы и разделы.



Приведём примеры.

1. Кандидатская диссертация «Отфитонимическая семантическая деривация в современных литературных русском и английском языках».

Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда задач:

- на основе анализа научной литературы уточнить понятийно-терминологический инструментарий для исследования семантической деривации;
- определить корпус фитонимов в русском и английском языках; отобрать среди них на основе материалов толковых словарей и текстов единицы, участвующие в деривационных процессах;
- выявить модели семантической деривации для каждого языка;
- определить факторы, обуславливающие особенности протекания деривационных процессов, а также языковые механизмы, при помощи которых осуществляется семантическое варьирование;
- на базе решения предшествующих задач выявить общее и специфичное в семантических моделях сопоставляемых языков.

6. Гипотеза

Гипотеза – это научное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-либо явлений, которое обосновывается затем в работе². Некоторые учёные считают, что «гипотеза является обязательным атрибутом любого целенаправленного исследования, а, значит, и диссертационного» [Галагузова 2011 : 88].

Такое мнение возникло, видимо, потому, что в ряде научных исследований – педагогических, социологических, психологических, естественнонаучных и др. – гипотеза обязательный атрибут.

Что касается лингвистики, то гипотеза обязательно используется в лингводидактике, в прикладных исследованиях, социолингвистике и некоторых других областях. В теоретических исследованиях гипотеза не является обяза-

¹ Подробнее об этих типах задач см.: [Безуглов и др. 2008 : 39-40].

² О видах гипотез и условиях их использования см. раздел 1.3 пособия.

тельной, а только желательной. Она формулируется, если изучается новая или малоизученная проблема.

Так, гипотеза обычно формулируется тогда, когда проблема нова или для постановки эксперимента.

Чтобы верно сформулировать гипотезу, необходимо ответить на вопрос: **что** не очевидно в объекте, **что** исследователь видит в нём такого, что не заметили другие исследователи?



Так, по теме 10 «**Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование**», где основным методом исследования было экспериментальное лингвостатистическое моделирование, была сформулирована следующая гипотеза:

«Гипотезой, положенной в основу настоящего исследования, является предположение о том, что частотные характеристики изучаемых слов и их типовые лексико-грамматические и семантические признаки находятся в отношениях взаимообусловленности».

По теме 16 «**Широко развитая многозначительность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии)**»:

«Гипотеза, положенная в основу настоящего исследования – это предположение о том, что у наиболее многозначных слов русского языка могут быть обнаружены типовые категориально-грамматические, лексико-грамматические, лексико-семантические и иные признаки, которые создают возможность для широкого варьирования лексической семантики слов рассматриваемой зоны».

Все описанные основные параметры должны включаться в **рабочий план** диссертанта, который составляется в подготовительный период, а затем неоднократно уточняется.

15.5.3. Параметры «диссертабельности» исследования

Квалификационный характер диссертационной работы обуславливает ещё одно её специфическое свойство – **диссертабельность**, обеспечивающее успешную защиту диссертации и утверждение её ВАК.

Диссертабельность – это соответствие диссертаций шести основным *квалификационным требованиям, критериям*:

- актуальность темы и проблемы;
- новизна;
- теоретическая и практическая значимость;
- достоверность и обоснованность полученных результатов;
- апробация работы;
- личное участие автора в получении научных результатов.

1. Актуальность темы диссертационного исследования является одним из основных критериев при его **экспертизе**. Она означает, что задачи, поставленные в диссертации, требуют скорейшего решения для практики или соответствующей отрасли науки. Актуальность темы раскрывается как актуальность объекта исследования и предмета исследования диссертации.

Актуальность объекта исследования диссертации не должна вызывать сомнения у специалистов и должна быть очевидна. В чём выражается очевидность? Она состоит в том, что специалист действительно осознаёт наличие проблемы по теме работы в исследуемой области знаний данной отрасли науки. Например, невозможно на данном уровне развития теории что-то объяснить, или невозможно на существующей экспериментальной базе в отрасли что-то измерить с требуемой точностью, или данные эксперимента не соответствуют пониманию процесса.

При обосновании актуальности, как ни при какой другой категории диссертационного исследования, от диссертанта и его научного руководителя требуется целостное представление о развитии конкретной отрасли науки и направлении, представляющем данную отрасль науки. Целостность достигается систематизацией объекта исследования, составлением классификаций, характеризующих *направление научного исследования*. Классификация позволяет в целом изложить понимание направления развития и более подробно остановиться на той области, где находится предмет исследования диссертанта, который формулируется как тема работы.

При этом необходимо обратить внимание соискателя на тот недостаток, что часто обосновывается актуальность *только направления исследования* как целой отрасли науки и не приводится обоснование актуальности конкретно выбранной соискателем темы.

При доказательстве актуальности исследований можно выделить следующие аспекты:

- важность задачи (проблемы), решаемой в диссертации для теории и практики соответствующей отрасли науки и техники;
- направленность на решение ключевых проблем и важнейших задач разработки новых объектов, на выполнение целевых и комплексных программ и т. д.;
- обобщение опыта, учёт перспектив развития, влияния на задачи (проблемы) различных факторов (социальных, технических, экономических и т. д.) [Тихонов, Ворона 2009 : 195].

Соискатель часто не останавливается на актуальности предмета исследования диссертации – новом знании об объекте исследования. Новое знание, получаемое самим диссертантом, сам подход к решению задачи (проблемы), пути достижения результата, метод исследования могут представлять значительный интерес, иногда не только для отдельной отрасли знания, но и для науки в целом.

Следует отметить, что иногда тема диссертации может показаться на первый взгляд неактуальной вследствие отсутствия должного её обоснования, особенно постороннему взгляду, например, члену диссертационного совета, не занимающемуся проблемами по теме диссертации соискателя, что, в конечном итоге, может отразиться на результатах защиты. Поэтому актуальность диссертации должна быть **наглядно доказана**.

Актуализация темы, прежде всего, предполагает её увязку с важными научными и прикладными задачами. В сжатом изложении показывается, какие задачи стоят перед теорией и практикой научной дисциплины в аспекте выбранной темы исследования при конкретных условиях; что сделано предшественниками (в общем, конспективном изложении), и что предстоит сделать в данном диссертационном исследовании.

На этом этапе исследования *формулируется противоречие* – важная логическая форма развития познания как взаимодействия между взаимоисключающими, но при этом взаимообуславливающими и взаимопроникающими противоположностями внутри единого объекта и его состояний. Противоречие может выражаться в несовместимости или взаимном исключении двух понятий относительно одного объекта, например, между корпускулярной теорией строения вещества и волновыми свойствами поведения элементарных частиц, которое позже было разрешено созданием квантовой механики. Противоречие может состоять в различном понимании и объяснении протекания процесса, в точках зрения о зависимости или не зависимости каких-то величин от таких-то факторов. В менее «строгом» смысле противоречие проявляется как несогласованность, несоответствие между какими-либо противоположностями, но обязательно относительно одного объекта исследования. Это выражается, прежде всего, в необходимости научного подхода в изменяющихся условиях к практическим задачам в сложных системах различного рода, решение которых до настоящего момента никем не было получено.

На основе выявленного противоречия была сформулирована проблема диссертационного исследования.

Актуальность темы диссертации обосновывается в **научном** и в **прикладном** значениях.

Актуальность в научном аспекте означает:

- задачи фундаментальных наук требуют разработки данной темы для объяснения новых фактов;
- уточнение, развитие и разрешение проблемы диссертации возможны и остро необходимы в современных условиях;
- теоретические положения диссертации позволят снять существующие разногласия в понимании процесса и явления;
- гипотезы и закономерности, выдвинутые в диссертационной работе, позволяют обобщить известные ранее и полученные соискателем эмпирические данные, предсказать протекание явлений и процессов.

Актуальность темы в прикладном аспекте означает:

- задачи прикладных исследований требуют разработки вопросов по данной теме;
- существует настоятельная потребность решения задач диссертации для нужд общества, практики и воспроизводства;
- диссертация по данной теме существенно повышает качество разработок творческих и научных коллективов в определённой области знаний;

- новые знания, полученные в диссертационной работе, способствуют повышению квалификации кадров или могут войти в учебные программы обучения студентов.

Итак, *актуальность* – это степень важности и существенности данной проблемы и темы в современной науке, а потому, чтобы точно и ясно сформулировать актуальность, нужно ответить на вопрос, **почему** данную проблему нужно изучать в настоящее время.



Приведём примеры.

Тема диссертации: «Английские контактные элементы в русском компьютерном подъязыке» (2)

На с. 6-7 описывается историография проблемы, после чего делается вывод об актуальности работы:

Итак, актуальность данного исследования обусловлена экстралингвистическими и внутриязыковыми факторами, а именно:

- *повышением уровня информатизации и компьютеризации российского общества и мирового сообщества, что обусловило бурное формирование компьютерного подъязыка;*
- *активным влиянием национального английского языка на русский язык вообще;*
- *ярким взаимодействием английского компьютерного подъязыка и русского компьютерного подъязыка, часто носящего стихийный характер;*
- *малочисленностью работ, посвящённых компьютерному подъязыку;*
- *многочисленностью заимствований из английского компьютерного подъязыка;*
- *отсутствием единообразной точки зрения на проблему заимствований;*
- *недостаточной разработанностью положений контактной лингвистики;*
- *новым взглядом на традиционную проблему заимствований, базирующихся на синтезе теорий контактной лингвистики, теории подъязыков и теории заимствований.*

Тема диссертации: «Репрезентация категории партитивности в русском и английском языках (статика и динамика)» (3)

После историографии проблемы делается вывод об актуальности темы.

Несмотря на приоритетность изучения категории партитивности, на сегодняшний день сведения о ней носят фрагментарный характер, в результате чего не разработана теория концептуализации категории партитивности и её вербализация в языках, поэтому решение проблемы, безусловно, является актуальным.

Итак, актуальность исследования обусловлена рядом факторов:

- *отсутствием теории концептуализации категории партитивности и её вербализации в языках;*
- *в лингвистическом, общеграмматическом аспекте – необходимостью категориального подхода, так как «грамматика становится наукой се-*

годняшнего дня, если её изучать от категории к знаку» [Мигирин 2009 : 234] в плане прогнозного знания [Алефиренко 2009 : 32];

- в общетеоретическом плане – необходимостью разработки теории партиитивности для проникновения в сущность языка, поскольку именно через категории реализуется «миросозидающая функция языка»;
- в общетеоретическом плане – необходимостью разработки теории партиитивности для проникновения в сущность языка, поскольку именно через категории реализуется «миросозидающая функция языка» [Кубрякова 2009];
- в типолого-сопоставительном аспекте – необходимостью выявления этнолингвистических особенностей концептуализации категорий, поскольку, как указывает крупный типолог У. Лабов: «в самом общем плане исследование языка можно определить как исследование категорий, выраженных в языке» [Лабов 1983 : 138];
- в общенаучном плане – необходимостью накопления знаний при категориальном изучении языков для создания общечеловеческого когнитивно-семантического континуума [Манакин 1994; Налимов 2003; Чебанов, Мартыненко 2008];
- в семиотическом плане – для уточнения места естественного человеческого языка (в его категориях) в семантической шкале естественных и искусственных языков [Налимов 2003] и «едином семиотическом континууме» [Мечковская 2004 : 392].

2. Научная новизна диссертационного исследования

Научная новизна – это главное требование к диссертации, как, впрочем, любой научной работы, да и науки в целом. Это значит, что кандидатская диссертация должна содержать новое решение научной задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний, или новые научно обоснованные разработки, обеспечивающие решение важных прикладных задач науки и техники.

Что стоит за положением «*содержать новое решение научной задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний*»?

Попробуем это уточнить. Безусловно, предполагается, что решение научной задачи (проблемы) при данных условиях и в такой обстановке *получено впервые*.

Очень важен вопрос о новой задаче, «имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний». В вопросе скрываются два понятия, требующие разъяснения: «*новизна*», или «*степень новизны*» задачи и её «*существенность*» для отрасли знания.

Новизна знания в научном смысле предполагает открытие, разработку, формулирование нового знания для отрасли науки, общества. Открытие нового знания и его общеизвестность в отрасли науки – далеко не одно и то же, но это отдельная тема для обсуждения. Новизна может быть связана как со старыми идеями, что выражается в их углублении, конкретизации, дополнительной аргументации, показом возможного использования новых условиях, в других об-

ластях знания и практики, так и с новыми идеями, выдвигаемыми лично соискателем.

О сущности решаемой научной задачи можно судить по следствиям полученного решения научной задачи на положения теории конкретной науки, по изменению точки зрения на протекание какого-либо явления, процесса, его влияния на развитие науки и технологии.

Выявить и определить новизну позволяют следующие положения:

- обстоятельное изучение литературы по предмету исследования с анализом его исторического развития; распространённая ошибка соискателей заключается в том, что за новое положение выдаётся известное, но не оказавшееся в поле зрения при изучении литературы;
- рассмотрение существующих точек зрения, критический анализ и сопоставление которых в свете задач диссертации часто приводят к новым или компромиссным решениям;
- вовлечение в научный оборот нового цифрового и фактического материала, например, в результате проведения эксперимента – это уже заметная заявка на оригинальность;
- детализация известного процесса, явления; подробный анализ практически любого интересного в научном отношении объекта приводит к новым полезным результатам, выводам, обобщениям [Тихонов, Ворона 2009 : 198].

Элементы новизны, которые могут быть представлены в диссертационной работе:

- новый объект исследования, т. е. задача, поставленная в диссертации, рассматривается впервые;
- новая постановка известных проблем или задач (например, сняты допущения, приняты новые условия);
- новый метод решения;
- новое применение известного решения или метода;
- новые следствия из известной теории в новых условиях;
- новые результаты эксперимента, их следствия;
- новые или усовершенствованные критерии, показатели и их обоснование.



Приведём примеры по этим же темам.

Тема 2

Научная новизна работы заключается в рассмотрении заимствуемых элементов в специальном подъязыке в рамках контактной лингвистики.

При этом заимствованные элементы подразделяются на различные типы контактом в зависимости от уровней языка и реальности/абстрактности этих единиц. Разработанная методика выделения базовых терминов русского компьютерного подъязыка может быть перенесена на исследование других предметных областей.

Тема 3

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые категория партициптивности изучается с позиции синтеза функционально-семантичес-

кой и когнитивно-дискурсивной парадигм в аспекте статики и динамики, что позволило впервые выделить концептуальные смыслы партитивности, актуализированные в дискурсах, и выявить средства их вербализации в сопоставляемых языках, а также раскрыть когнитивные механизмы концептуализации данной категории.

Всё это даёт возможность показать конструирование «мира в целом» через «языковое существование человека» [Халина 2009] сквозь призму категории партитивности.

3. Теоретическая и практическая значимость работы

Не менее важным критерием качества диссертационной работы является *теоретическая и практическая значимость* (полезность) диссертационного исследования, которая устанавливается и обосновывается в двух аспектах: *теоретическом* (положительные результаты использования полученных новых знаний) и *практическом* (возможность применения в прикладной лингвистике, а так же внедисциплинарное применение).

Правильное формулирование этих положений содержит краткое указание на то, что **нового** вносит данная работа в теорию науки (точнее – в данную проблему) и в каких **практических** направлениях могут быть использованы результаты этого исследования.



Приведём пример.

Тема 9 «Субъективная модальность в русских и английских проспектах услуг высшего профессионального образования»

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что для теории предложения, функциональной грамматики, семантического синтаксиса существенно расширяются знания о семантическом объеме категории субъективной модальности и средствах её языковой манифестации в русском и английском языках. Кроме того, для функциональной стилистики, стилистики текста углубляется разработка проблем, связанных с речеведческим аспектом изучения языковых явлений: функционирование субъективной модальности на базе широкого контекста, случаи синкретизма типов исследуемой категории в избранном жанре проспекта.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью применения результатов исследования в лингводидактике: при изучении научного и рекламного текстов, преподавании элективных курсов и проведении семинаров (по теоретической грамматике, семантическому синтаксису, стилистике текста, функциональной стилистике); при составлении учебников и методических пособий, а также в практике создания и редактирования текстов исследованной жанрово-стилевой разновидности. Материалы могут также представлять интерес для специалистов в области маркетинга образовательных услуг, психологии и гносеологии.

4. Достоверность и обоснованность результатов исследования

Не имеет смысла убеждать рецензентов и оппонентов в актуальности, новизне и полезности результатов исследования, если полученные результаты не являются обоснованными и достоверными.

Обоснование научного знания и приведение его в стройную единую систему всегда были важнейшими факторами развития науки. При обосновании своих теоретических результатов диссертант должен опираться на следующие факторы (требования):

- непротиворечивость;
- соответствие языковым фактам, эмпирическим данным;
- самостоятельность при описании изучаемых явлений;
- способность к предсказанию новых явлений.

Следует строго соблюдать **один из законов логики: закон достаточного основания**¹: всякая мысль, чтобы быть достоверной должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых *доказана* или *самоочевидна*.

В этом плане диссертация, отражающая всегда одну концепцию, одну определённую точку зрения, изначально включена в *научную полемику*, являясь по сути дела одним из участников заочной научной дискуссии. Потому в её содержании должны быть приведены *веские и убедительные аргументы* в пользу избранной концепции. А также всесторонне анализируются и доказательно критикуются противоречащие ей точки зрения.

Достоверность результатов диссертационного исследования достигается:

- базированием на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, положения которых нашли отражение в работе;
- проверкой теоретических положений и новых решений, идей экспериментальными исследованиями или другими какими-либо средствами верификации материалов диссертации (к примеру, лингвостатистическими данными);
- комплексным использованием адекватных цели и задачам работы методов, приёмов и процедур исследования;
- согласованием новых положений с уже известными положениями науки, и устранением противоречий;
- сопоставлением своих полученных результатов с теоретическими положениями других авторов, работающих по этой проблеме или близким проблемам;
- проверкой теоретических положений практикой;
- достаточной апробацией результатов своей работы: публикациями в рецензируемых и других изданиях и выступлениях на научных конференциях;
- соответствием полученных результатов номенклатуре научных специальностей, которая разрабатывается Высший аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ².

¹ См. разделы 3.1.1 и 3.1.2 пособия.

² ВАК создан для осуществления экспертизы соответствия диссертаций установленным критериям, а также для присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий, поэтому полезно посещать сайты ВАК, чтобы отслеживать все изменения требований к диссертациям.

5. Апробация работы

Это один из критериев «диссертабельности» работы, поэтому при ограниченном числе опубликованных работ и выступлений на научных конференциях диссертация не будет принята к защите в диссертационном совете.

Количество работ в нормативных документах пока специально не оговаривается, поэтому то число работ, которое признаётся диссертационным советом *достаточным* для принятия диссертации к защите, может различаться. В среднем («золотая середина»!) для кандидатских диссертаций это 7-10 публикаций, для докторских – 50-60. нормативно определено то, что несколько работ (пока 1-3 для кандидатских и 15-17 – для докторских) должны быть опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК для публикации статей соискателей. При этом перечень таких журналов изменяется ежегодно, поэтому тем, кто планирует защищать диссертацию, необходимо следить за этими изменениями, которые даются на сайте ВАК¹.

Немаловажно, в каких изданиях опубликованы работы соискателей и какова «география» этих публикаций.

6. Последнее квалификационное требование к диссертации состоит в том, что результаты, полученные в работе, должны принадлежать автору *единолично*, т. е. соавторство в диссертационных работах не допускается.

Таковы параметры «диссертабельности», которые по сути своей являются понятийно-прагматическим аппаратом диссертаций. Он в совокупности с понятийно-терминологическим аппаратом (инструментарием) составляет понятийно-терминологическую систему этого жанра научного исследования как *центральную, ядерную часть общей системной методологии* диссертационной работы. При этом входящие в эту систему терминованные понятия являются **философско-общенаучными методологическими понятиями**. Но, экстраполируясь в определенную научную область, а в ней в определённое научное направление и конкретную теорию или теории, они специализируются, наполняясь понятийным дисциплинарным и частнодисциплинарным содержанием, о чем речь пойдёт в следующем разделе.

15.6. Технология формирования методологии и методики исследования

Из предшествующего обсуждения основополагающих методологических категорий – методология – метод – методика – технология – следует напомнить несколько положений.

Во-первых, *методология* как основной путь лингвистического исследования, как принципы, положенные в его основу, базируется на философских принципах познания² и общенаучных³, которые экстраполируясь в языкозна-

¹ См.: *Положение о порядке присуждения учёных степеней*: Утверждено Постановлением Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 741/Бюллетень ВАК, 2002, №2.

О размещении объявлений и авторефератов на официальном сайте ВАК Минобр. Науки России. 16.06.2006 №1-327/06-01 <http://ed.gov.ru/contacts/218>

² См. раздел 1.2 пособия.

³ См. раздел 2.2 пособия.

ние, становятся её основными принципами, постулатами, определяющими *методологические подходы* для диссертационного исследования в науке о языке.

Напомним эти принципы, основные постулаты:

- *первый* – антропоцентризм;
- *второй* – деятельностный;
- *третий* – системный;
- *четвертый* – дискурсивный;
- *пятый* – парадигмальность/непарадигмальность;
- *шестой* – статистико-комбинаторный¹.

Все они в совокупности помогут исследователю определить далее способы действия в диссертации.

Во-вторых, системная лингвистическая методология, которая последовательно рассматривается в шести главах первой части пособия, представляет собой девятиуровневую субординированную систему², в которой последним, девятым уровнем является методология конкретного лингвистического исследования, т. е. *методология диссертации*. Эта методология самая сложная, т.к. она вбирает в себя методологию всех предшествующих уровней, в результате чего становится самой конкретизированной, т.к. в этом случае методологическая мысль движется от абстрактного к конкретному: к методологии проблемы, изучаемой в данной работе.

В-третьих, поскольку метод возникает и закрепляется *на базе определённой теории* для регуляции и ориентации исследователя в *средствах познания*, то он, прежде всего, направлен на теорию, которую он *обслуживает* и «выдаёт» эмпирические языковые факты для проверки и корректировки используемых в теории гипотез, закономерностей и законов; затем учитывает содержание *объекта* и *предмета* исследования и *целеустановки* исследователя, а в конце концов – всю совокупность условий протекания данного конкретного исследования. Иначе говоря, всю понятийно-терминоведческую систему, рассмотренную в предыдущем разделе.

Из этих посылок вытекает несколько следствий:

- такая многофакторность определяет необходимость использования *нескольких* «надёжных рабочих методов» (М. Вебер), что обуславливает, как правило, *комплексность* создаваемой для данной диссертации *методики*;
- *методика* исследования как совокупность научно-исследовательских приёмов, процедур, «шагов» исследования определяется *лингвистическими основами метода* или группы используемых методов;
- всё это вбирает в себя *технология* как последнее звено в структуре метода, которая обязательно конкретизируется, а точнее – *индивидуализируется*, собственно той профессиональной языковой личностью, которая осуществляет технологический процесс моделирования методологии и методики своего диссертационного исследования.

¹ Их изложение см. в разделе 4 Введения (с. 37-38).

² См. в итогах первой части пособия схему 14 на с. 216.

Сложность этого моделирования состоит в том, что диссертанту надо «вписать» изучаемую проблему в структуру современной науки, найти и обозначить её место и выявить круг смежных проблем, с которыми контактирует изучаемая проблема. Это означает необходимость выявления того, что так легко обозначается во всех научных изданиях как «лингвистические основы метода»: в общей картине современной лингвистики (в метаязыке лингвистики это обозначено нами как дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики)¹ найти этот фрагмент и осветить его.

Технологически это состоит из ряда процедур в обозначенной методологической последовательности: от абстрактного к конкретному.

Потому *первое звено*, или *шаг* состоит в том, чтобы найти ту область, направление в макролингвистике, в которую входит изучаемая проблема².

Второй шаг – определить парадигму, к которой принадлежит проблема.

Третий шаг – в этой парадигме отыскать ведущий или ведущие методы.

Четвертый шаг – найти основные терминологические понятия (концепты) этого метода³, которые введут исследователя в смежные проблемы к изучаемой.

Эта лестница шагов может быть длиннее или короче в зависимости от специфики изучаемой проблемы. Но в любом случае так мы можем выделить ту иерархическую субординированную систему *лингвистических терминологических понятий (концептов)*, которая и составляет абстрактно именуемые «лингвистические основы метода».

Опыт показывает, что выработаны три основные *формы* вербализации понятия «методология диссертационного исследования».

Первая форма представляет собой очень «плотный» текст⁴, в котором даётся только перечень концепций, теорий;

Вторая форма в виде «менее плотного» текста содержит раскрытие концепций, теорий, понятий.

Третья форма в виде «рыхлого» текста, представляющего собой целый раздел в теоретической главе.



Приведём примеры.

Первая форма. Тема 8

Методологической основой проводимого исследования послужила концепция семантизации как деятельности, которая базируется на общей философско-психологической теории деятельности (Л.С. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин), теории научной деятельности и речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина, И.А. Зимняя) и общей теории коммуникации (В.А. Жеребцов, Э.П. Шубин); на теории когнитивного терминоведения (Л.М. Алексеева, З.И. Комарова, Е.С. Кубрякова, В.М. Лейчик, В.Ф. Табанакова,

¹ См. раздел 11.2 пособия и схему 20 на с. 352.

² Образно говоря, отыскать (см. схему 20) тот плод на дереве лингвистики (один из 70!), в котором находится зерно: Ваша проблема.

³ См. описание любого метода в пособии.

⁴ О понятии *плотность* научного текста см.: [Котюрова 2003 : 120-139; 2010 : 139-154].

С.Д. Шелов, М.Т. Cabré, F. Rastier); на общей теории семантизации (Д.И. Арбатский, О.С. Ахманова, А.С. Герд, З.И. Комарова, В.Д. Табанакова, С.Д. Шелов, E. Benveniste, P. Guiraud, L. Hébert, J.-W. Lapierre), а также на концепции профессиональной языковой личности (Ю.Н. Караулов, Е.И. Голованова, Т.В. Кочеткова, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, М.Т. Cabré).

Вторая форма. Тема 5.

Методологическую базу работы составляют следующие основные концепции:

– во-первых, концепция асимметрии в языке, которая проявляется в двух феноменах: 1) в различении центра, ядра (типичные, наиболее употребительные формы и значения для данной категории) и периферии (отклоняющиеся от этих моделей, нетипичные формы и значения); 2) в асимметричном дуализме языкового знака, что в парадигматическом плане приводит к образованию полисемии, омонимии и синкретизма языковых единиц, а в нашем материале, кроме того, ещё к асимметрии концептосферы (системы понятий) и терминосферы (терминосистемы).

– во-вторых, теория вариативности/инвариантности, рассматривающая вариативность как фундаментальное, конститутивное свойство языка, характеризующее языки и их единицы как способы существования и функционирования (Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.С. Горбачевич, Н.В. Перцов, Н.С. Трубецкой, Р. Якобсон и др.). Само бытие любой отдельной единицы языка (в нашем случае термина) есть её варьирование, сосуществование множества её вариантов, что создаёт возможность субституции термина в научном тексте, вследствие этого эти два явления органически связаны: вариативный терминологический материал выступает в научном тексте в качестве возможных форм субституции.

– в-третьих, сложность феномена текста обуславливает многообразие подходов к его пониманию, множественность интерпретаций и синтез релевантных парадигм. В нашем исследовании научный текст (жанра научной статьи) рассматривается как «хранитель и транслятор научного знания» [Баженова 2001 : 5], детерминированный экстралингвистическими факторами научно-познавательной деятельности (эпистемической ситуацией) (Герд 1981, 1986; Кожина 1998; Котюрова 1988; Кржижановская 2000), обусловившими его сложную политекстуальную природу, реализуемую через системы субтекстов (Баженова 2001). Потому в целом исследование выполняется в рамках когнитивного терминоведения, то есть с позиции терминоведческой репрезентации агрономической концептосферы (Алексеева, Мишланова 2002; Володина 2000; Новодранова 2000).

– в-четвертых, в парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как «типовая информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе профессионально-научной деятельности» [Володина 2000 : 89].

– в-пятых, в онтологическом аспекте термин, функционирующий в каком-либо подъязыке (в нашем случае агрономическом), является единицей, воз-

никшей в результате вторичной, терминоведческой категоризации и концептуализации на «суперординатном уровне» (Болдырев 2000; Комарова 2002; Кубрякова 1997; Степанов 2001), вследствие чего предметом речи (референтом) в научном тексте является класс явлений, обобщенный в научном понятии, концепте как «структуре представления знания, отражающей содержание опыта» [Голованова 2004 : 23].

Третью форму не представляю в пособии, т.к. она занимает несколько страниц¹.

Вербализация понятия «**Методы исследования**» обычно даётся в диссертациях чаще всего в двух формах.



Покажем на примере.

Тема 4.

Методы исследования. В целом работа выполнена в русле сопоставительного метода. В соответствии с целью и задачами в работе используется группа синхронных методик и процедур исследования, дефиниционно-сопоставительный и компонентный анализы, сравнительно-сопоставительный метод, а также анализ, синтез, аналогия, систематизация, классификация, последовательно применяются приёмы статистических подсчётов.

Тема 15

Методы исследования. В соответствии с целевой установкой и задачами в работе используется комплекс синхронных методик и приёмов анализа: лингвистическое описание базируется на общенаучных методах индукции и дедукции, а также анализа и синтеза, классификации, для раскрытия семантики используются дефиниционный и полевой анализы; для выявления формально-структурных особенностей ЛСМА применяются грамматический, морфемный и словообразовательный анализы; для описания типов терминологических значений применяется методика языкового моделирования; для выявления типологических особенностей ЛСМА – типолого-характерологический анализ; частично используются статистические методики.

Думаю, что возможны и другие формы вербализации этих методологических категориальных понятий на страницах диссертаций и авторефератов.

Завершая этот раздел и главу в целом, я решаюсь обратиться Ваше внимание в виде обобщения на трудно дефинируемое фундаментальное понятие – **теоретико-методологическая база лингвистического исследования**, в объём которого следует включить:

- 1) категориальные понятия: методология – метод – методика – технология (дефинирование которых дано в разделе 4 Введения);
- 2) терминированный категориально-понятийный аппарат лингвистики (на всех иерархических уровнях: от дисциплинарно-методологиче-

¹ См. разделы кандидатских диссертаций А.И. Глазыриной, А.С. Дедюхиной, Л.А. Запеваловой или монографии: Глазырина 2010 : 42-48; Комарова, Запевалова 2010 : 55-63; Комарова, Дедюхина 2010 : 75-87; Комарова, Талапина 2011 : 54-58.

ской структуры лингвистики до теории конкретного лингвистического исследования)¹;

3) понятийно-терминологический инструментарий диссертации;

4) понятийно-прагматический аппарат диссертации, обеспечивающий её «диссертабельность».

Вопросы и задания для обсуждения

1. Дайте определения основным категориальным терминам: *методология, метод, методика* и *технология* в лингвистике. Раскройте взаимоотношения между ними.
2. Что означает понятие *технология конкретного лингвистического исследования*?
3. Расскажите о роли планирования в реализации лингвистического исследования.
4. Охарактеризуйте этапы выполнения диссертационного исследования. Аргументируйте свою позицию.
5. Как соотносятся *тема* и *проблема* диссертации? Покажите на материале Вашей работы.
6. Покажите взаимосвязь *объекта* и *предмета* исследования, *цели* и *задач*, *проблемы* и *цели*.
7. Какова роль библиографического поиска в системе работы над диссертацией?
8. Расскажите, как Вы составили свою первичную библиографию по теме исследования.
9. Как, по Вашему мнению, следует изучать научную литературу? Поделитесь своим опытом.
10. Как, по Вашему мнению, наиболее эффективно вести записи по прочитанной научной литературе?
11. Какие приемы сбора и классификации материала Вы считаете рациональными? Покажите на материале Вашей темы.
12. Что такое *понятийно-терминологический аппарат (инструментарий)* исследования?
13. Каковы критерии «диссертабельности» научной работы по избранной теме исследования?
14. В чем состоят, по Вашему, основные трудности формирования методологии диссертации?
15. Предложите Ваши варианты описания понятия *методы диссертации*. Проанализируйте вербализацию этого понятия в 4-5 авторефератах по близкой Вам проблеме.
16. Подготовьте сообщение на тему: «*Теоретико-методологическая база моего исследования*».

¹ Об этом речь пойдёт ещё в 16-ой главе, в разделе 6.2.1 – о метаязыке лингвистики.

17. Прокомментируйте высказывания:

Всякое новое начинается как ересь и кончается как ортодоксия (К. Лоренц).

Чередование тем и форм без всякого порядка казалось мне отвечающим естественному ходу мыслей живого думающего человека (В. И. Вернадский).

Основной вопрос всякого знания: откуда и, поскольку можно судить по этому вопросу, куда мы идём (А. А. Потемни).

Наука слагается из фактов, как дом из кирпичей. И одно голое накопление фактов ещё не составляет науки точно также, как куча ещё не составляет дома (А. Пуанкаре).

Литература для углублённого изучения

- | | | |
|---------------------|------------------------|-------------------------|
| Агапов 1975 | Леонтьев 2001 | Светлов 2008 |
| Алефиренко 2009-б | Лосев 1965; 1966; 2004 | Селье 1987 |
| Амбарцумян 1968 | Лукашевич 1991 | Сергеев 1997 |
| Арнольд 1991 (2010) | Манакин 1994 | Серебренников 1976 |
| Баранов 2001 | Марчук 1990; 2007 | Серов 1999; 2004 |
| Батай 1997 | Маслова 2008 | Скворцов 2001 |
| Безуглов и др. 2008 | Машинный фонд 1986 | Скворцов и др. 2009 |
| Богин 1986 | Методика 1998 | Соколова 1989 |
| Вебер 1990 | Методологические | Степанов 2007 |
| Волков 2002 | 1984; 1991; 2001 | Стёпин 2000 |
| Вольт 1975 | Методология 1988; | Ступин 2000 |
| Гадамер 1988 | 2006 | Сысоева 2000 |
| Галагузова 2011 | Методы 1975; 1977; | Тарланов 1995 |
| Гершунский 1998 | 1985; 1988; 2007 | Теория 1981; 1983 |
| Гецов 1989 | Мечковская 2004 | Тимирязев 1948 |
| Глазырина 2010 | Мигирин 2002 | Тихонов, Ворона 2009 |
| Горелов 2010 | Михайлова 1988 | Токарева 2004 |
| Горизонты 2009 | Михалёв 2008 | Уёмов 1978 |
| Грошко 2007 | Мишланова и др. 2011 | Ульдалль 1999 |
| Грязнов 1979 | Налимов 2003 | Федотов 1990 |
| Декарт 1953; 1994 | Наумченко 1974 | Философия 1994; 2007; |
| Джевонс 2007 | Научные 1998 | 2010 |
| Зализняк 1996 | Национальный корпус | Фрумкина 1995; 1999; |
| Зубкова 2002 | 2006; 2007 | 2001 |
| Зубов и др. 2004 | Никифоров 1988 | Фундаментальные 1997 |
| Иванова 1995 | Новиков 2003; 2007 | Халина 2009 |
| Ивлев 1994 | Общая 1996 | Хроленко, Бондалетов |
| Каде 1998 | Павилёнис 1983 | 2006 |
| Караулов 1987; 2007 | Павлов 1951 | Чебанов 2008 |
| Карлинский 2009 | Паршин 1996 | Человеческий 1988; 1991 |
| Карпович 1980 | Петров 1982 | Черняк 1975 |

Книгин 2002	Пирон 2007	Шафиков 2007
Коваленко 2010	Пищальникова, Сонин 2009	Швырёв 1978; 1988
Кодильяк 2007	Понятийные категории 1989	Шептулин 1983???
Комарова 2003	Попов 1992	Шкляр 2009
Комарова, Дедюхина 2010	Поппер 1983	Штофф 1963
Комарова, Запевалова 2010	Потапова 1992; 1997	Шумилин 1989
Комарова, Талапина 2011	Принципы 1971; 1976; 1985; 2008	Щедровицкий 1997; 1999
Коношенко 1985	Проблемы 2003; 2007	Эко 1998; 2005
Котюрова 2003; 2010; 2011	Райзберг 2005	Юдин 1997
Кохановский и др. 2008	Рикёр 2010	Юрченко 2008
Крисевич 1991	Рольфф 1980	Ядов 1988
Кубрякова 2009	Рубакин 1977	Язык 1992; 1995; 2000; 2002
Кузин 1997; 2006	Рузавин 1999	Якобсон 1985
Кузнецов 1998; 2000; 2006	Самаргин 1962	Якушин 1984
Купина, Матвеева 2012		Яркова 2007
Кустова 1994		Integrum 2006
Лабов 1983		
Лекторский 1980		



Глава 16

Технология описания результатов лингвистического исследования



Как счастлива была бы жизнь натуралиста, если бы ему можно было только наблюдать и никогда не писать.

Чарльз Дарвин¹

16.1. Технология моделирования² научного текста по проведённому исследованию

В самом общем понимании научный текст – это способ представления нового научного знания в какой-либо области. «Научное знание – это совокупность идеальных образов в сознании человека, отражающих явления, свойства, отношения или законы материального мира в сфере науки и техники» [Герд 1996 : 69], т. е. знание как модель теории.

С этой позиции научный текст всегда двойственен по своей природе. С одной стороны, – это как бы вторичный текст. Ни одно исследование не может возникнуть с нуля, оно опирается, отталкивается и соотносится с наработанными результатами в той или иной области. С другой стороны, – в каждой работе присутствует собственно авторский подход и результаты его исследования, а эта составляющая содержания текста указывает на его *первичность* [Табанаква 2004 : 5]. Нас интересует именно авторское изложение результатов исследования.

Такой подход предполагает выделение трёх основных уровней: содержательного (это, прежде всего, понятийно-терминологическое наполнение); логико-смыслового³ и композиционного. Но если учесть, что логический уровень является аспектом содержательной структуры текста [Табанаква 2004 : 63], а композиционный предполагает единство содержательного и структурного компонентов, то дальше будем говорить о содержательно-композиционной структуре научного текста. Иначе говоря, «струк-

¹ *Энгельгардт М.А., Дарвин Ч.* Его жизнь и научная деятельность. – СПб, 1891 (в одном из писем Ч. Дарвина Бэтсу).

² В рамках этого учебного пособия, ориентированного на решение методической задачи – как сформировать научно-исследовательский текст диссертации по проведённому исследованию – не ставится общая проблема создания формально-семантической *модели порождения* специального текста. Отметим, что теоретико-методологическая база лингвистического исследования, раскрытая в 15-ой главе, по сути своей является той моделью, которая подлежит вербализации в научном тексте. В филологии модели разрабатываются, как правило, на материале художественных текстов [Купина 1980; Казарин 1999; Кайда 2000; Бабенко 2000; 2004; Болотнова 2001; 2009 и др.]. Моделирование специальных текстов обычно ограничивается формализованным описанием вторичных текстов в информационно-поисковых целях [Прикладное языкознание 1996; Баранов 2001; Зубов 2004 и др.], реже – поиском путей к смыслу специального текста [Золотова 1973; Мельчук 1974; Новиков 1982; 2001].

³ Поскольку продуцирование научного текста опирается на закономерности процесса научного мышления, то это требует обращения как к понятиям психологии (см. раздел 3.2 пособия), так и к понятиям формальной и диалектической логики (см. раздел 3.1 пособия).

турно-смысловый пейзаж текста¹ формируется в единстве формы и содержания, языковой и смысловой организации текста, обуславливая его *стилевую специфику*» [Котюрова 2010 : 21].

16.1.1. Стилистико-жанровые особенности диссертации и автореферата

Основной функцией диссертации является информационная: это сообщение специалиста на научную тему, предназначенное специалистам. Следовательно, стиль работы – *научный*, а подстиль – собственно научный, академический². Стиль научной речи сложился под влиянием так называемого академического этикета, суть которого заключается в интерпретации своих собственных и привлекаемых «чужих» точек зрения с целью обоснования научной истины. Однако не следует полагать, что существует свод «писанных правил» научной речи. Можно говорить лишь о некоторых особенностях научной речи, *закреплённой традицией*. До сих пор жива «аскетическая традиция», берущая начало, видимо, ещё в средневековых университетах, которая заставляет авторов убирать из текста диссертации всё то, что не относится непосредственно к излагаемым результатам и использованным методам³. В результате этого создаются очень жесткие, аскетические тексты.

В наши дни в синергетической концепции творческой деятельности особое значение придаётся понятию *креативного поля (креативного ландшафта)*, структура которого не жесткая, а подвижная. Поскольку творческая деятельность – нелинейная система, то она не строго следует по «предписанным» ей путям, а совершает блуждания по полю возможного. Так, представляется важным замечание Е.Н. Князевой о том, что по результатам исследований психологов, «креативность связана с наличием расширенного фокуса ассоциации»⁴, а когнитологов – о «распределённой когниции» [Кравченко 2008 : 43].

Ориентиры для диссертантов даёт Е.С. Троянская, которая вводит полевое представление жанровой структуры научного стиля, выделяя в нём ядерную, периферийную и пограничную зоны. Ядерную зону образуют ведущие жанровые разновидности, репрезентующие новое знание: *диссертация, монография, собственно научная статья, научно-технический отчёт и тезисы*. В этих жанрах находит своё наиболее яркое выражение стандарт стиля⁵ и композиционный стандарт жанра [Купина, Матвеева 2012 : 129].

¹ Опираясь на теорию текста И.Р. Гальперина будем соотносить термин *значения* с номинативными единицами текста, *смысл* – с коммуникативными, а *содержание* – с текстовыми [Гальперин 1981 : 21].

² Подстили выделяются в зависимости от конкретизации цели и характера адресованности текста.

³ Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. – М., 1984. – С. 108.

⁴ См.: Князева Е.Н. Типология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познавание. – М., 2000. – С. 240. См.: раздел 8.2 пособия.

⁵ Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература: Язык, стиль, жанры. – М., 1985.

1. В чём состоит стандарт научного стиля?

Научный стиль связан с порождением текстов, обладающих существенной интеллектуальной глубиной и значимостью. Они обеспечивают доказательное описание действительности (в нашем случае – *языковой действительности*), утверждение, хранение и распространение открываемых учёным знаний, в совокупности создающих постоянно развивающуюся и пополняющуюся *научную картину мира*¹.

Основу научного текста составляет *субъективно-логическое содержание*. *Рациональная программа* преобладает над субъективно-оценочной и отличается развернутостью и логической продуманностью. Модальное содержание, наоборот, несущественно, фрагментарно и опосредовано логикой.

Поскольку научный стиль призван отражать процессы и результаты познания, то он характеризуется, как уже указывалось, абсолютным доминированием *функции сообщения (информативной)*, а *функция воздействия* редуцирована (сохраняется лишь на логической основе – через убеждение читателя), даже *функция общения (коммуникативная)* предельно логизирована и сведена к заботе о понимании содержания текста читателями.

Сама научная коммуникация в целом также носит *опосредованный характер*, хотя непосредственное общение существует (семинар, конференция, симпозиум, защита диссертации и др.), но *главной целью* автора научного текста является фиксация добытой им доли научного знания. Адресат же может быть отделён от автора текста не только пространством, но и временем: в научном сообществе является обязательным обращение к текстам предшественников, так и расчёт на длительную жизнь текста. Даже научная полемика чаще происходит в виде обмена публикациями, а не путём публичной дискуссии.

Основным способом опосредованного коммуникативного контакта является **письменная форма** текста, изначально обязательная для науки как более прочная по сравнению с устной, способная обеспечить сохранность, устойчивость добытого знания, а иногда и авторство текста [Баранов 2001]. Доминирование письменной формы в языке науки бесспорно. При этом преобладает *монологическая речь*, а диалогическая речь может быть представлена только в научной полемике, устной и письменной.

Эти самые общие подходы должен представлять себе диссертант, приступая к написанию текста диссертации.

Конструктивный принцип научного стиля речи, по определению, вытекает из стилеобразующих факторов², – это *«обобщенно-отвлечённость в сочетании с подчёркнутой логичностью и терминированностью речи*, а основные **стилевые черты** – *абстрагизация, или иначе, отвлечённость-обобщённость, подчёркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его последовательность, терминированность, логизированная оценочность, именной характер речи, а также некатегоричность изложения»* [Кожина 2003 (СЭС) : 242].

¹ См. раздел 1.3 учебного пособия.

² См. раздел 14.2.4 учебного пособия.

Таковы в обобщенном виде те стилевые свойства, которые должен иметь в виду диссертант, обязательно, непреложно эксплицируя их в тексте диссертационной работы.

Но по признанию многих лингвистов (Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, А.Н. Васильева, М.П. Котюрова, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова и др.) ведущим является **конструктивный принцип логичности речи**.

Он обусловлен *познавательной-коммуникативной* природой научной деятельности и *понятийным типом* научного мышления.

Логичность – одно из важнейших коммуникативных качеств речи, которое характеризуется как последовательность, непротиворечивость высказывания или построения речи в соответствии с законами логики, т. е. выражение смысловых связей и отношений между частями и компонентами мысли посредством языковых единиц (разных уровней), способствующих организации *смысловой связности и непротиворечивости элементов речевой структуры* [СЭС 2003 : 211].

При этом под логичностью научной речи понимается и *логичность целого текста* как его стилевая черта, т. е. его структурно-логическая схема и соответствующее свойство развёртывания этой схемы. При этом разграничивается две такие ипостаси логичности речи/текста, как «логический конденсат целого текста» и «развёртывание, ход мысли в тексте» [Матвеева 1990 : 39-43].

Логичность речи/текста, понимаемая в качестве конструктивного принципа, или порождающего пути (термин А. Греймаса) научного текста соотносится с центральным, глубинным уровнем построения, в широком смысле – синтаксиса речи, на котором субъект стремится соединиться с объектом. Иначе говоря, порождающий путь научной речи/текста – путь логического движения¹ от понятий как простейших единиц мысли к суждениям, от суждений – к умозаклучениям, от умозаклучений – к логемам, от логем – к концепциям², а также это путь перехода единиц от отдельного уровня абстракции, к другому, более высокому, но никогда не совершается переход к единицам менее абстрактным, конкретным. В этом проявляется жесткое действие конструктивного *абстрактно-логического принципа* порождения научной речи [Котюрова 2010 : 43].

Итак, последовательное и «вездесущее» действие логичности речи/текста: открытой логичности (термин А.Н. Васильевой), подчёркнутой логичности (термин М.Н. Кожинной) и эксплицитной логичности (термин Н.А. Купиной и Т.В. Матвеевой), т. е. «вербальной выраженности, обеспечивающей адресату оптимальную доступность для прослеживания» [Купина, Матвеева 2012 : 131], – специфически и концентрированно проявляется в тен-

¹ «Путь, конечно, с перерывами, скачками, которые можно заполнить логическими «шажками», - указывает М.П. Котюрова [2010 : 42].

² *Допонятийный путь* (представление, образы, восприятия, но ещё не мысли) в научной речи не эксплицируется.

денции к *абстрактности*, что закономерно приводит к формированию таких свойств научной речи/текста (*стилевых черт*), как:

- *отвлечённость-обобщённость*, которая обуславливает использование соответствующих языковых единиц всех уровней языка;
- *связность* – создание цельности через выражение логико-семантических связей как внутри высказывания, так и в целом тексте;
- *эпистемическая точность*, которая может быть достигнута благодаря достаточно тонкому равновесию *полноты* выражения мысли с необходимой *лаконичностью*; при этом понятие лаконичности расширяется за счёт соотнесения его не только с *краткостью* и *чёткостью изложения*, но и с тем объемом содержания, которое заключено в тексте [Котюрова 2010 : 43].

Из этого делается вывод о том, что «глобализующее <...> целостно-композиционное мышление учёного (автора конкретного текста) способно справиться с любым объектом знания (добавим: по природе своей фрагментарным и иерархическим!) – содержанием научной речи – благодаря мощному конструктивному принципу – *абстрактно-логическому пути* построения высокоорганизованной речи» [Там же : 43].

К близкому выводу приходят и Н.А. Купина и Т.В. Матвеева: «Итак, конструктивный принцип научного стиля сводится к сочетанию *обобщённости* и *эксплицитной логичности* (выделено мной – З.К.)» [Купина, Матвеева 2012 : 131].

Логичность и обобщённость, а также другие стилиевые черты научного изложения проявляются прежде всего в лексике, словообразовании и грамматике научного стиля¹.

2. В чем состоит композиционный стандарт жанра диссертации?

Под композицией будем понимать группировку и последовательность содержательных частей текста, мотивированные замыслом автора [Матвеева П. 2000: 152]².

Если брать *текст в статике* как законченное речевое целое, то *композиция* – это строение, расположение содержательных частей, структура речевого произведения.

Если же иметь в виду текст как *линейный ряд* языковых единиц, создаваемых в процессе речевого общения автора текста и адресата (читателей), то под *композицией* следует понимать *выстраивание последовательности частей*, с помощью которой постепенно раскрывается целостный замысел (при постоянной заботе автора об управлении вниманием адресата) [Там же : 153].

¹ Этот вопрос будет рассматриваться в разделе 16.1.2 пособия.

² Термин *композиция* в филологической литературе употребляется неоднозначно: 1) как только формальная структура текста, и тогда термины *композиция*, *структура* и *архитектоника* используются как синонимы (В.Е. Хализеев); 2) как систему соединения всех элементов текста и тогда выделяют внешнюю композицию (*архитектонику*) и внутреннюю композицию (*содержательную*) [Болотнова 2009 : 234; Н.А. Николина 2003 : 46] и 3) как органическую взаимосвязь и взаимозависимость *формы* и *содержания*, при условии признания того, что «форма содержательна, а содержание формально» (по А.М. Пешковскому), т. е. как «*форма существования содержания*» [Баженова, Котюрова СЭС 2003 : 531], как «*композиционно-смысловая структура*» [Баженова СЭС 2003 : 171]. Нам наиболее рациональной представляется эта третья позиция.

Композиция в научном стиле стандартна: текст имеет *заглавие*, а его «тело» делится на *введение*, *основную часть* и *заключение* [Купина, Матвеева 2012 : 151]¹.

Композиция текста диссертации в статике содержит:

- титульный лист;
- оглавление;
- введение;
- основной текст, содержащий 2-4 главы с выводами по каждой главе;
- заключение;
- библиографический список;
- приложение (при необходимости)².

Титульный лист является первой страницей диссертационной работы и заполняется по строго определённым правилам [Кузнецов 2000; Кузин 1997; 2006; Шкляр 2009 и др.], поэтому можно посмотреть его оформление по любой диссертации, лучше с близкой тематикой. Основным компонентом титульного листа является заглавие диссертации, потому нужно остановиться на вопросе: **как правильно и рационально озаглавить диссертационную работу?**

Мы уже говорили о важности выбора темы³, но следует отдавать себе отчёт в том, что *тема диссертации* и её *конкретная формулировка* – не одно и то же. Если тема диссертационного исследования как некое ядро диссертации, её *квинтэссенция* (М.А. Галагузова), как правило, не меняется на протяжении всего периода работы над ней, то её формулировка может неоднократно уточняться и корректироваться. Конечно, лучше изначально дать точное, непротиворечивое название теме диссертации.

Заглавие носит информационный характер и включает базовое имя темы всего текста диссертации. Обычно это номинативное словосочетание на основе имени темы, выраженного основным термином, отражающим проблему (направление, объект) диссертации. Заголовки прагматического характера, как правило, не используются. Хороши заголовки со скрытой предикацией, позволяющей свернуть информацию, что делает заголовки более лаконичными [Табанакова 2004 : 87]. Удобны для названий неметафорические семантические устойчивые номинации – *синлексы* (термин Г.И. Климовский и Т.В. Вяничевой). При этом единичные номинации используются не очень часто, но можно считать их идеальными названиями, если они способны обозначить *направление* и *объект* исследования, например: *Сопоставительная политическая метафорология*.

Чаще в заголовке диссертация может быть несколько номинаций, например: (1) *Функционально-семантические особенности* (2) *приёма аллитерации* (3) *в древнеанглийском языке*. В последнее время в заголовки диссертаций проникли из названий научных статей расчленённые номинации, в которых через

¹ В инструктивных материалах под основным текстом диссертации понимается текст от его начала до библиографии. В композиции диссертации под основной частью «тела» диссертации понимаются главы диссертационного сочинения.

² Иногда ещё после приложений даются *вспомогательные указатели*.

³ См. раздел 15.1 пособия.

двоеточие к имени объекта добавляется ещё имя предмета исследования, например: *Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах; Семантическое поле «нечистая сила»: лингвокультурологический аспект; Русская деривационная лексикография: история, теория, практика* и др.

Недочёты в формировании заголовков диссертации описаны в учебном пособии Ирины Владимировны Арнольд [1991 (2010) : 70-71], а требования и правила даны [Галагузова 2011 : 84-87].

После титульного листа пишется **оглавление**, в котором приводятся все заголовки разделов и подразделов работы (кроме заголовков, даваемых в подбор с текстом) и указываются страницы, с которых они начинаются. Заголовки оглавления должны точно повторять заголовки в тексте. Сокращать или давать их в другой формулировке, другой последовательности и соподчинённости по сравнению с заголовками текста нельзя: считается ошибочным. В последние годы нумерация рубрик делается по индексационной системе, принятой в монографиях¹.

Требования к заголовкам те же самые, что и к названию диссертации².

Что касается триады – *введение, главы работы и заключение*, – то они составляют так называемый *основной текст диссертации*, рассмотрим его подробнее позже.

После заключения помещается **библиографический список использованной литературы**. Не следует смотреть на этот список как на некое техническое приложение к диссертации. Роль библиографии в научной работе, как мы уже говорили³, важна и многообразна. Поскольку список должен охватить возможно бóльший временной и географический диапазон и показывать не только эрудицию и добросовестность пишущего и его приоритет, но, что гораздо важнее, участие других учёных в разработке данной темы, что даст отражение «совокупного знания» по теме и её связях с другими. Библиография нужна и для ориентации читателя, который будет заниматься близкими вопросами. «Образно выражаясь, библиография – это мост между прошлым и будущим науки» – считает И.В. Арнольд [Арнольд 1991 (2010) : 126].

Вот почему до сих пор не решен вопрос о том, какие произведения следует включать в этот список: одни исследователи полагают, что в библиографический список следует включать только те источники, которые *цитируются* в диссертации [Кузин 1997; 2006; Шкляр 2009], другие – все те работы, которые так или иначе использованы автором при подготовке диссертации, даже те, в которых изложенные концепции оказались совсем не востребованными в диссертации. Не принято включать в библиографию работы, которые знакомы только с чужих слов [Арнольд 1991 (2010) : 130; Галагузова 2011 : 181].

¹ См. дополнительно в разделе о рубрикации диссертации.

² Отметим ещё одно требование к ним – *краткость, немногословие*: не следует выходить за оперативную память человека: 7±2, т. е. от 5 до 9 слов в одном заголовке.

³ См. разделы 15.2 и 15.3 пособия.

Полагаю, что первый подход слишком узкий, потому непропорциональный, т.к. в этом случае читатель не может точно составить представление о состоянии изученности проблемы.

Библиография, сопровождающая научное исследование, заслуживает положительной оценки, если она достаточно целенаправленна, широка по временному и географическому диапазону, не пропускает существенных работ (т. е. обладает достаточной полнотой – 150-200 работ), включает работы на разных языках и правильно оформлена [Арнольд 1991 (2010) : 127].

В этом случае библиография полностью реализует свою основную *ретроспективно-перспективную* направленность на основной текст диссертации [Баженова 2001 : 240] и фиксирует «сцепление научных идей» (Д. Прайс). Таким образом, коммуникативно-прагматический потенциал библиографии определяется тем, что она демонстрирует эстетический фон научного знания, одновременно настраивая читателя на восприятие и интерпретацию интеллектуальной информации, содержащейся в основной части [Баженова 2001 : 240].

Относительно композиции библиографии надо помнить, что в *первом списке* сначала даются (в алфавите первых пяти букв) работы соотечественников, затем работы на иностранных языках также в алфавите.

Второй список включает использованные словари, справочники и энциклопедии в алфавитном порядке.

Третий список включает источники языкового материала (также в алфавите)¹.

При этом на всю библиографию даётся *единая нумерация*.

Наконец, отметим, что требования к оформлению библиографии в настоящее время очень жесткие, т.к. тенденция к стандартизации достаточно сильна. Но стандарты меняются, поэтому оформление следует проводить в соответствии с требованиями действующего (т. е. последнего по времени) стандарта: в наши дни – это ГОСТ Р. 7.05 – 2008, введённый 01.01.2009 г.

После библиографии располагается **приложение**, в котором при необходимости размещаются какие-либо вспомогательные или дополнительные материалы. Если приложений несколько, то они нумеруются и озаглавливаются.



Например, **по теме 12** даются два приложения:

Приложение 1. *Типы русских вариативных юридических терминов.*

Приложение 2. *Типы английских вариативных юридических терминов.*

Довольно редко диссертация снабжается **вспомогательными указателями**, которые помещаются после приложений или на их месте, если последние отсутствуют. В научной литературе чаще высказываются пожелания их иметь, чем реально они существуют в диссертационных работах [Кузин 1997 : 72; Шкляр 2009 : 174]. Я встречала такие вспомогательные указатели только в работах по прикладной лингвистике.

¹ Если в работе используется не более трёх источников материала (к примеру, национальные корпуса языков), то они указываются во Введении и не включаются в библиографию.

Эти четыре (или пять) периферийных текстов композиции диссертации – *титульный лист, оглавление, библиография, приложения (и вспомогательные указатели)* образуют **композиционную рамку диссертации**, которая имеет прагматическую направленность.

Несмотря на научно-познавательную избыточность, *композиционная рамка* является необходимым компонентом композиции: в краткой и обобщенной форме дублируя основной текст диссертации и программируя его тематическое развёртывание, она удовлетворяет информационные потребности адресата, ориентируя читателей в информации о теме (*титульный лист*); расположении научной информации на текстовом пространстве (*оглавление*), выполняют справочно-библиографическую функцию (*библиография*) и даёт другую дополнительную информацию (*приложение и указатели*). Тем самым обеспечивается *целостность* диссертационного сочинения и его *ограничения*, т.к. рамка подчёркивает её небольшой размер по сравнению с «телом» основного текста диссертации, объем которого в наши дни не ограничивается (≈ 150-180 страниц основного текста).

3. Композиция текста автореферата диссертации в статике

Автореферат диссертации (АРД), фиксирующий основное содержание диссертации, имеет специфичную композицию по сравнению с другими типами рефератов.

Основная функция АРД – информирование научного сообщества о результатах проведённого исследования и введения их в сферу научной коммуникации.

Наряду с основной информационной функцией, АРД выполняет ряд дополнительных, специфичных (свойственных именно ему!) функций: «*сигнальную*», «*адресную*», «*представительскую*», «*правовую*»¹.

«*Сигнальная*» связана с тем, что факт появления автореферата сигнализирует о предстоящей защите диссертации.

«*Адресная*» – с наличием в АРД сведений о месте и времени защиты, об оппонентах, ведущей организации, месте хранения диссертации и др.

«*Представительская*» функция заключается в ознакомлении с диссертацией читателей, как правило, специалистов в соответствующей области науки, среди которых выделяются читатели-учёные, выступающие в роли оппонентов, рецензентов, критиков, авторов отзывов на автореферат. В связи с этим важно, чтобы АРД содержал данные, по которым можно было бы судить как об уровне диссертационного исследования, так и научной квалификации автора работы, включая его навык *реферирования* и оформления результатов научного труда.

АРД имеет силу официального юридического документа, без которого диссертация не может быть допущена к защите, – с этим связана его «*правовая*» функция.

Основные характеристики автореферата диссертации определены в отечественном и ряде зарубежных стандартов. Отдельные требования, предъяв-

¹ Соловьев В.И. О функциональных свойствах автореферата диссертации и особенностях его составления// Научно-техническая информация. – Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 1981. – № 6. – С. 20-25.

ляемые к нему, можно найти в «*Положении о порядке присуждения учёных степеней и присвоения научных званий*» [Положения ... 2002].

Тем не менее исследователи продолжают отмечать, что «составление многих документов базируется главным образом на эмпирическом подходе, и именно так обстоит дело с авторефератами диссертаций» [Соловьев 1981 : 20]. Структуризация АРД не предписана инструкциями, а установилась на основе опыта составления авторефератов. Значит, «нельзя говорить о каком-либо статичном образце данного текста, предписываемом государственным стандартом, или застывшей форме воплощения стандартизованного содержания, которой при написании автореферата можно было бы пользоваться наподобие своеобразного письмовника»¹.

Все это объясняет переход от рассмотрения жанра в качестве канона к изучению динамики этого сложного феномена. Понятие динамичного жанрового стереотипа позволяет выявлять законы вариативного воплощения заданного содержания в стандартизованную форму.

Стереотип по отношению к стандарту является более широким понятием (жанровый стереотип, динамический стереотип, сложившийся стереотип), обладающим семантикой процесса и его результата: «стереотипность научного текста – его обязательная характеристика, обусловленная стандартизацией – процессом установления жестких стилевых и жанровых норм» [Там же : 47-48].

Автореферат диссертации как пограничный жанр сочетает в себе признаки делового и научного стилей, что необходимо учитывать при овладении культурой научной речи [Котюрова 2010 : 92].

В структурном отношении автореферат диссертации включает три части: 1) *заголовочную* (сведения о специализированном совете, фамилию, имя и отчество автора, название темы, шифр и название специальности, название ученой степени); 2) *собственно реферативную*, в которой излагается содержание диссертации; 3) *справочную* (сведения о ведущей организации, научном руководителе, оппонентах, дате защиты, а также перечень опубликованных работ).

Основной объем автореферата диссертации занимает *собственно реферативная часть*, которая существенно отличается от аналогичного структурного элемента прочих рефератов. Ее особенность заключается в том, что она состоит из трех по существу самостоятельных разделов.

Начинаться АРД может необязательной частью – краткой *аннотацией* содержания диссертации, обычно не более чем в одном абзаце.



Например, **аннотация по теме 7**

Реферируемая работа представляет собой сопоставительное исследование функционально-семантической категории (ФСК) единичности на основе синтеза функционально-коммуникативного и когнитивно-дискурсивного направлений в современном языкознании, которое проводится в двух взаимосвязанных аспектах: системно-категориальном (языковом) и конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном).

¹ Водякова Н.А. Стереотипность и вариативность в научном тексте (на материале кандидатских диссертаций по языкознанию и педагогике): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – (24 с.) – С. 21.

В первом разделе АРД даётся общая поаспектная характеристика содержания диссертации; во втором излагается содержание диссертации по основным композиционным элементам диссертации, а в третьем – приводится обобщенное заключение.

В первом разделе «**Общая характеристика работы**» реферируется содержание *Введения диссертации*, которое составляется до написания основного текста и перерабатывается, корректируется после его завершения. Основной сложностью написания Введения является его *краткость* (по данным науковедения оно должно составлять не более 1/10 части всего основного текста диссертации) и одновременно его *многоаспектность*.

Как и во Введении диссертации, в эту часть АРД включается одиннадцать *аспектов*:

1. Обоснование темы (проблемы), её актуальность.
2. Объект исследования.
3. Предмет исследования.
4. Цель работы.
5. Задачи работы.
6. Гипотеза работы.
7. Положения, выносимые на защиту.
8. Материал и методы исследования.
9. Теоретическая и практическая значимость работы.
10. Апробация работы.
11. Структура и объем работы.

Как видим, названные аспекты в этой части АРД есть ничто иное, как понятийно-терминологический инструментарий исследования и понятийно-прагматический аппарат диссертации, обеспечивающий её «диссертабельность».

При этом в АРД нельзя изменить ни один аспект этих аппаратов: они повторяют формулировки Введения диссертации, т. е. должны быть абсолютно идентичными.

Новым является лишь 7-ой аспект, а 11-ый формулируется более лапидарно, чем во Введении диссертации.



Например, **по теме 4.**

Структура и объем работы определяются её целью и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, сопровождающихся выводами, заключения и библиографии, включающей три раздела: I – список научной литературы (191); II – словари и справочники (30); III – источники материала (20). В работе имеется одно приложение (диаграммы логико-понятийного, категориального и структурного состава СМИ). В диссертации содержится 38 таблиц, 3 схемы и 16 диаграмм. Объем диссертации – 150 страниц основного текста и 34 страницы приложения.

Безусловно, самым сложным, является написания **положений, выносимых на защиту**, поскольку в них формулируются основные результаты, полученные автором диссертации. Они не должны повторять выводы по главам и Заключение по диссертации, но учитывать их. Положения, с одной стороны, не

должны отрываться от проанализированного языкового материала, т. е. быть конкретными, доступными для дальнейшего анализа, а с другой стороны, они должны «подниматься» над материалом, абстрагироваться, т. е. если и не содержать формулировку законов языка, то, по крайней мере, выходить на формулирование языковых закономерностей. Потому они связаны с новизной работы, однако не прямо повторяют её в положениях, а даются с несколько иных позиций.

Формулировка положений, выносимых на защиту, может быть разной, в зависимости от предпочтений автора. Но при этом общим для положений разных диссертаций является объективирование концепции диссертации, сущности вклада соискателя в науку, хотя и подаётся все это с отражением «портрета исследователя» и «облика» диссертационной работы.

Контролем содержательности положений являются задачи исследования: положения должны содержать ответы на решения этих задач, потому количественно, по данным науковедения, положений должно быть: n (количество задач работы) ± 1 (2). Плохо, когда в АРД формулируются много положений, как правило, в этом случае не подтверждённых исследованием, или наоборот, слишком мало, т. е. абстрагированных настолько, что они «отрываются» от проанализированного материала и трудно осознаются читателями.

Итак, поймём, что положения, выносимые на защиту, «лицо» Вашей работы, и по нему будут судить о результативности работы в целом, как в процессе предзащиты и защиты диссертации, так и её прохождения и утверждения ВАК.



Приведем пример.

Тема 12

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процессы формального и семантического варьирования юридических терминов (вариантность, дублетность, синонимия, амбисемия, эврисемия, омонимия) закономерны и обусловлены как общеязыковыми, так и терминологическими антиномиями, а также высоким уровнем иерархии юридического подъязыка и его антропологичностью.

2. Противоречивость традиционного широкого подхода к вариантности как любой модификации языковой единицы, но без утраты ее тождества и дескриптивного подхода к термину выявляется при индуктивном анализе терминологического материала с позиции прескриптивного подхода к термину, который обнаруживает как возможное тождество единицы, так и его утрату, что не соответствует традиционному пониманию вариантности. Исходя из этого, мы принимаем узкое понимание вариантности термина.

3. В русском юридическом подъязыке в системно-категориальном (языковом) аспекте господствующее положение занимают компрессионные виды вариантности – аббревиация и универбация, а также морфологические варианты. В английском юридическом подъязыке аббревиация также превалирует, но значительно сильнее выражены словообразовательные варианты, а морфологические варианты не частотны, что обусловлено синтетичностью русского языка и аналитичностью английского.

4. *Синонимия и дублетность, в отличие от вариантности, в обоих юридических подъязыках менее выражена. В русском юридическом подъязыке ведущее положение занимает дублетность (абсолютная синонимия), в английском – неабсолютная синонимия. Отличия обусловлены господствующим положением заимствования как источника дублетных отношений в русском подъязыке.*

5. *Механизмы развития семантики юридических терминов в обоих подъязыках изоморфны (сужение и расширение понятия, метонимический и метафорический перенос, а также распад многозначности). Основными источниками и механизмами, которые создают полиморфизм терминов в обоих подъязыках, являются внутриотраслевая полисемия, сужение понятия и метонимический перенос. Метафорический перенос и внутренняя омонимия наименее частотны.*

6. *В обоих подъязыках в рамках формальной и семантической вариативности выделяются смешанные подтипы варьирования. В отношении формального варьирования таковыми являются группы разнотипных вариантов, манифестирующих одно понятие. Для семантического варьирования выделяются смешанные многозначные термины, семантика которых развивается комплексно, на основе различных механизмов.*

7. *Сопоставительный анализ русских и английских юридических терминов в целом наглядно демонстрирует высокий изоморфизм типов формального и семантического варьирования, а их алломорфизм имеет количественный характер.*

Как видим на защиту вынесено 7 положений, а количество задач в работе – 6.

Второй раздел АРД «**Основное содержание работы**» должен дать как можно более полное представление о научном содержании и внутреннем единстве диссертации. Здесь важно показать, как были получены результаты, представить ход исследования, изложить суть использованных методов, описать условия и основные этапы эксперимента. Во всех случаях, т. е. независимо от научной области, темы и других конкретных факторов, в АРД необходимо включать выводы и конечные результаты. Сокращение текста в процессе реферирования достигается за счет уменьшения количества (или исключения) рассуждений, сравнений, обсуждений, обоснований, описаний и т. п. Резервом для сокращения могут послужить иллюстрации, из которых в АРД целесообразно включать лишь самые необходимые.

В **Заключении** (третьей части АРД) целесообразно давать обобщенную итоговую оценку проделанной работы. При этом следует указывать, в чем автор видит главный смысл своего труда; какие важные побочные результаты получены при выполнении исследования; какие новые научные задачи/проблемы ставятся и намечаются возможные направления их решения. Заключение, составленное по такому принципу, дополнит характеристику теоретического уровня диссертации, а также продемонстрирует профессиональную зрелость автора и его научную квалификацию.

В некоторых случаях возникает необходимость указать пути продолжения исследуемой темы, т. е. обозначить **перспективы** исследования проблемы.



Приведём пример по той же теме **12**.

*В **Заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования. Полученные в ходе исследования результаты, обусловленные целью и задачами, можно представить следующим образом.*

- *обоснована методология исследования вариологических особенностей юридических терминов в лексикографическом аспекте;*
- *упорядочен понятийно-терминологический аппарат исследования, уточнен метаязык и типология варьирования;*
- *изучены и обоснованы специфические черты современных юридических терминосистем, их становление и развитие в русском и английском языках;*
- *определены закономерности типологии вариативности юридических терминов в английском и русском языках;*
- *установлена профилированность типов варьирования в сопоставляемых подъязыках;*
- *выявлены и обоснованы причины изоморфизма и алломорфизма типов формального и семантического варьирования юридических терминов в сопоставляемых подъязыках.*

Отдаём себе отчёт в том, что исследование, выполненное в русле поставленных задач, не решает всех проблем, связанных с вариологическими аспектами юридических терминов. Считаем, что перспектива изучения вариативности широка: возможно привлечение к анализу второй сферы бытования терминов, а именно – сферы функционирования юридического дискурса) для проведения исчерпывающего анализа терминов на основе синтеза двух научных парадигм: функционально-семантической и когнитивно-дискурсивной; привлечение к анализу других языков, типологически близких и далеких, других подъязыков и иных форм бытования языков.

Широкую перспективу для дальнейших изысканий представляет также и теоретический аспект исследования, связанный с созданием общей теории вариологии, упорядочением типологии вариантов и гармонизацией метаязыка самой теории.

4. Композиция текста диссертации в динамическом аспекте

Как мы уже указывали, композиция диссертации может быть рассмотрена в статике текста (см. пункт 2) и в динамике, к чему мы и перейдём.

Напомним, что в работах по функциональной стилистике¹ принимается за бесспорное следующее утверждение: адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, принимаются как внутренние, преобразованные в результате взаимодействия с конкретным содержанием текста [Кожина 1968; 2002; Котюрова 1988; 2010 и др.].

¹ См. раздел 14.2.4 пособия.

Это концептуальное положение развивается при моделировании и описании смысловой структуры диссертации как целого научно-речевого произведения в динамическом аспекте.

Согласно этой концепции можно выделить **три уровня** реализации композиции диссертации.

Первый уровень представлен смыслом весьма высокой степени абстракции, который формируется благодаря воплощению в тексте таких общих свойств научного мышления, как *отвлеченно – обобщенность, логичность и целостность*.

Второй уровень составляют собственно *эпистемические явления*, запечатлеваемые в содержательно-композиционной стороне текста – эмпирический и теоретический этапы познавательной деятельности ученого, рациональный и интуитивный пути познания, формы знания как продукта познавательной деятельности и др.

И лишь **третий уровень**, соотносящийся с более низкой степенью абстрагирования от *конкретной эпистемической* (научно-познавательной) ситуации, представляет собой «реализацию авторского замысла»¹.

Значит, третий уровень смысловой структуры научного текста связан с человеком-исследователем, целенаправленно формирующим композицию и стиль изложения диссертации.

При этом мы уже рассмотрели технологию реализации композиции диссертации на *первом уровне абстракции* (в начале раздела 6.1.1, пункт 1), – перейдем к его действиям на втором уровне абстракции.

Как было уже выявлено, композиция диссертации, определяемая на всех уровнях абстракции *процессом коммуникативно-познавательной деятельности учёного и динамикой научного мышления*, после осознания композиционного стандарта научного стиля и композиционного стандарта жанра диссертации, приступает к реализации замысла (темы, проблемы) своего исследования.

Вслед за М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой считаем, что метамоделью научного знания, добытого данным исследователем, является *эпистемическая* (научно-познавательная) ситуация [Котюрова 1988; Баженова 2001].

Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. *текстовые*, т.к. именно научный текст (в нашем случае диссертации) – это «узел, связывающий познание и общение» [Котюрова 2010 : 49]. А поскольку научное общение ориентировано на коммуникацию, то *эпистемическая ситуация* соотносится не только с собственно познавательной, но и *текстообразующей* деятельностью учёного, в результате которой «когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным»².

¹ Салимовский В.А. Вклад М.Н. Кожинной в развитие лингвистической стилистики и становления речеведения// Stylistyka. – XIV. – Opole, 2005. – (С. 13-38). – С. 31.

² Баженова Е.А. Дискурсивно-стилистикальный подход к изучению научного текста//Stylistyka. – XIV. – Opole, 2005. – С. 317-334.

При этом эпистемическая ситуация в предельно обобщенном виде развивается в последовательности следующих этапов: выбор проблемы, обзор «старого знания» по избранной проблеме, выработка авторской гипотезы решения данной проблемы, подбор методов изучения и групп материала для анализа, изложение нового знания в виде доказательства или классификации, приложение авторской теории к новому эмпирическому материалу [Купина, Матвеева 2012 : 129].

Как видим, «развёртывание» эпистемической ситуации осуществляется в соответствии с этапами научно-исследовательского процесса¹.

Каждый из этапов получает оформление посредством функционально типизированных текстовых единиц – коммуникативных блоков (Е.М. Крижановская)², которые ещё раньше были осмыслены А.А. Вейзе как «компонент связного текста, развивающий одну из его основных тем и обобщающий темы нескольких сверхфразовых единств, входящих в его состав» и обозначен термином *субтекст*³. Близкой точки зрения придерживается О.Л. Каменская, которая называет *субтекстом* «фрагмент линейной структуры текста, тематически объединяющий несколько предложений».

Как видим, раскрывая понятие коммуникативного блока с синтаксических позиций А.А. Вейзе и О.Л. Каменская показывают, что субтексты, выражаются суперсинтаксическими единицами (СФЕ, ССЦ, абзац и др.), В.Д. Табанакова подчёркивает логико-смысловую природу субтекста [Табанакова 2004 : 55].

В концепции Е.А. Баженовой в рамках функционально-стилистического подхода к научному тексту *субтекст* получает развитие в соотнесении с эпистемической ситуацией: «*Субтекст – это относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством речевой реализации онтологического, методологического, рефлексивного или коммуникативно-прагматического аспекта*⁴ эпистемической ситуации, имеющая свой денотат и целеустановку, обусловленную спецификой соответствующего аспекта» [Баженова 2001 : 105].

Множество *типов субтекстов*, выражающих содержание определённого этапа научно-познавательного процесса, дано в схеме 28 [Баженова 2001 : 105].

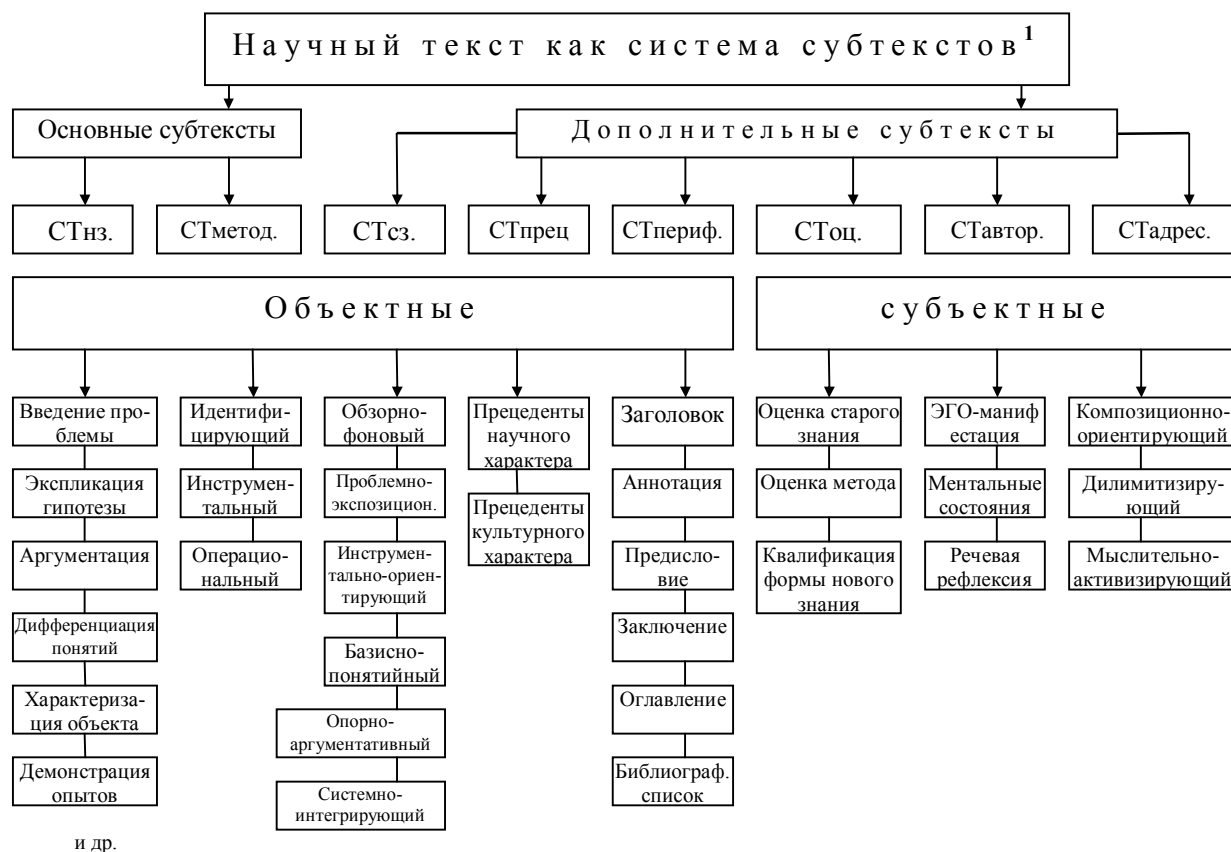
¹ См. раздел 15.1 пособия.

² Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2000

³ Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста – М.: Высшая школа, 1985. – (125 с.) – С. 24.

⁴ Понятие обо всех этих аспектах эпистемической ситуации см. в разделе 4 Введения этого пособия.

Политекстуальность диссертации в динамическом аспекте



Отметим, что политекстуальность смысловой структуры диссертации соотносится с её композиционным устройством.

Значит, **композицию диссертации** в динамическом аспекте можно рассматривать как «*последовательность, соотношение и взаимное расположение структурно-смысловых единиц целого текста – субтекстов, с помощью которых автор управляет вниманием адресата таким образом, что произведение воспринимается как единое целое, или, точнее, как иерархия, где каждому субтексту уделяется внимание, соответствующее его значимости в рамках целого текста*» [Баженова 2001 : 83].

Понятно, что комбинаторика субтекстов, определяющая композицию конкретного произведения, не может носить случайный характер: состав и последовательность субтекстов отражают логику развития темы, ход научной мысли автора, его замысел и прагматические установки.

Интеграция субтекстов в единую *политекстуальную структуру* обуславливает возможность существования таких, казалось бы, взаимоисключающих свойств диссертации как *монолитность* и *членимость*.

Монолитность текста выражается стремление автора объективировать результат проведённого исследования и *целостно представить* полученное научное знание.

¹ Принятые сокращения: субтекст – СТ; новое знание – НЗ; старое знание – СЗ; методологический – метод.; прецедентный – прецед.; периферийный – периф.; оценка – оц.; авторизация – автор.; адресация – адрес.

Членимость текста на такие относительно самостоятельные структурно-смысловые единицы, как *субтексты*, обеспечивает сегментацию знания посредством актуализации его отдельных аспектов.

Политекстуальная структура диссертации позволяет автору разграничивать старое и новое знание, активизировать фоновые знания читателя, акцентировать внимание на этапах и способах решения проблемы, «включать» в работу механизм оценки, управлять процессом восприятия текста.

Анализ политекстуальной смысловой структуры диссертации и её соотношения с композицией работы позволяет вернуться к обсуждению основного «тела» композиции диссертации в динамическом аспекте, включающем *введение, главы работы и заключение*.

5. Введение как начальный структурно-смысловой компонент диссертации

Это важная часть диссертационного сочинения, которая маркируется стандартно: *Введение* и находится в препозиции к главам диссертации.

Цель этой начальной части работы состоит в том, что она знакомит читателя с проблематикой работы и тем самым готовит к восприятию его основного содержания.

Двойственность текста введения состоит в том, что, с одной стороны, он обладает всеми признаками, свойственными целому тексту: *развёрнутостью* (1/10 часть всего основного текста диссертации), *расчленённостью*, *связностью* и относительной *целостностью*. Вместе с тем от содержания глав его отличают перспективная направленность на последующие изложения, а также неисчерпанность авторского замысла [Баженова 2001 : 232].

Исходя из этого, введение выполняет в диссертации ещё объединяющую, обобщающую и глобализующую функцию¹.

При этом развёртывание текста введения диссертации, как и текста автореферата, осуществляется в соответствии с эпистемической ситуацией, а потому содержательно и в той же последовательности в нём идёт изложение понятийно-терминологического инструментария, а также понятийно-прагматического аппарата, обуславливающих «диссертательность» работы², по всем тем структурно-смысловым компонентам, которые уже были описаны при характеристике композиции автореферата диссертации³.

Различие двух *введений* (диссертации и автореферата) состоит только в содержательной сжатости изложения в автореферате (по принципу «краткой полноты»), а сходство – в концептуальной понятийно-терминологической изоморфности.

6. Главы диссертационной работы как её основная часть

Основная часть диссертации обычно состоит из нескольких глав. При этом первая глава противопоставлена всем остальным, т.к. она является *теоретической*, тогда как остальные главы – *исследовательскими*. Хотя такое разме-

¹ Котурова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения//Очерки по истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т. II. – Ч. 1. – С. 353.

² См. разделы 15.5 и 15.6 пособия.

³ См. раздел 16.1.1 (пункт 3) пособия.

жевание достаточно условное, но оно подчёркивается уже в названиях этих первых глав: «*Теоретические основы сопоставительного исследования семантической деривации*» (тема 1); «*Теоретические основы изучения английских контактов в русском компьютерном подъязыке*» (тема 2); «*Категория партициптивности в свете современных логико-философских и лингвистических воззрений*» (тема 3); «*Теоретическая база сопоставительного исследования субъектной модальности в русских и английских проспектах образовательных услуг*» (тема 9); «*Теоретические основы моделирования двуязычного словаря тезауруса по экономике*» (тема 11) и т. п.

Как мы уже говорили, развёртывание содержания глав обусловлено конкретной эпистемической ситуацией данного исследования, которая создаёт специфику содержания всех глав исследования. Но всё же можно найти то объективное содержание, особенно первых глав, которое свойственно многим лингвистическим работам.

По утверждению Н. Бора, «всякое новое знание является в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, ... и всякая такая оболочка может оказаться узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт» [Цитируется по: Попович 1975 : 178].

Чтобы уяснить и обосновать это необходимо, прежде всего, обстоятельный критический анализ этапов и переломных моментов в изучении проблемы, фиксация противоречий и недостаточности *предпосылочного (старого) знания*, опора на авторитетное мнение предшественников для подтверждения и обоснования своего (нового) знания, уяснение своего места в решении проблемы, что помогает поставить и сформулировать задачи.

Потому некоторые учёные читают, что основная *функция теоретической главы* – дать теорию вопроса в целом или с модификацией, приближающей её к задачам исследования [Тихонов, Ворона 2009 : 205].

Полагаю, что этого недостаточно: 1) необходима ещё авторская оценка эффективности/неэффективности «старых» методов для решения поставленной проблемы и задач; 2) необходимо расчлнить «проблемную зону» исследования и установить тем самым понятийно-терминологическую соотнесенность старого и нового знания для того, чтобы укрепить «фундамент» создаваемой концепции и поддержать «доказательность стратегии автора текста» [Чернявская 1999 : 57]; 3) упорядочить новое знание через установление его интертеоретических связей, т. е. провести «разгерметизацию» (термин В.Е. Чернявской) излагаемой концепции и сделать её открытой потенциальному знанию. Таким образом на фоне предпосылочного (старого) знания развёртывается параллельно новое знание, как бы создавая второй смысловой план текста первой, а затем и других глав.

Иначе говоря, развёртывание текста идёт путём чередования старого и нового знания, а познавательная оценка становится «механизмом» этого движения [Данилевская 2005]. При этом доля старого знания постепенно убывает, а нового – нарастает и становится господствующим в исследовательских главах.

Характерно, что новое знание (впрочем, как и любое знание!) в силу своей фрагментарности и иерархичности (т. е. выдаётся «квантами») распределяется по всему «телу» диссертации: *во введении, главах и заключении*.

Уже говорилось, какая доля нового знания манифестируется во введении. В теоретической главе, если суммировать уже сказанное, как видим, закладывается **концепция** автора работы как наиболее развитая форма теории.

Концепция соискателя – это ядро его исследования, теоретическое кредо. Концептуальный подход обладает всеми *существенными признаками*, присущими теории.

Один из её существенных признаков – **наличие одной или нескольких стержневых идей**, пронизывающих всю работу и цементирующих её.

Другой признак концепции – **комплексность, всесторонность**, обеспечивающая изучение проблемы во всех её наиболее существенных связях и отношениях, в единстве содержания и формы, с определением места и роли в системе более высокого порядка.

К числу наиболее значимых черт концепции следует отнести её **аналитико-синтезирующий характер**. Это означает, что сложившаяся концепция не останавливается в своем развитии на стадии анализа, когда изучаемый объект оказывается как бы разложенным на составные части, каждая из которых подвергается детальному изучению. Это и является *основным содержанием исследовательских глав*.

Но концепция как таковая рождается **на стадии синтеза**, когда отдельные элементы и части (свойства, отношения и др.) объекта рассматриваются во взаимосвязях, взаимодействии, взаимообусловленности, когда идёт «открытие» противоречий, закономерностей и законов. В итоге концепция даёт целостное и обобщенное представление о предмете исследования, показывает его в динамике, характеризует его развитие, а также предоставляет обоснованные прогнозы и рекомендации по использованию полученных новых научных результатов.

Таким образом, хотя и распределение манифестации элементов концепции очень индивидуально, т.к. зависит от всех компонентов эпистемической ситуации (объективных и субъективных!), тем не менее в **исследовательских главах** происходит:

- экспликация идеи (замысла), гипотезы или основного тезиса научной концепции, «отражённого» гипотетической модальностью;
- доказательство гипотезы или ведущей идеи с использованием разнообразных средств аргументации;
- характеристика изучаемого объекта/предмета;
- демонстрация эмпирического материала, подтверждающего достоверность концепции (нового знания);
- выводы (полученные результаты по манифестации концепции *на стадии синтеза*), которые удовлетворяют требованиям *новизны, достоверности и теоретической и практической полезности*.

При этом следует подчеркнуть, что *логичность* и *целеустремлённость* в манифестации концепции достигаются только тогда, когда каждая глава **имеет определённое целевое назначение** и является базой к последующей главе.

Наиболее рациональным способом достижения этого считаю увязку содержания главы с определённой **задачей диссертации**, поскольку именно задачи работы структурируют основную часть диссертации, т. е. членение её на главы.

В том случае, когда задачи чётко и логично поставлены, когда в главе решается одна определённая задача, советую в начале главы обязательно указать её и для читателя.

Если же в главе решается несколько задач диссертации, то советую дать в начале главы обобщённую формулировку задачи данной главы, желательно указать пути её решения.

Приведём пример.



Тема 13

Задача теоретической главы

*Основная задача настоящей главы – создание теоретической основы для сопоставительного исследования прилагательных **белый/черный** и **white/black** в когнитивно-дискурсивном аспекте. Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть контекст проблемы, выявить и определить основные понятия, связанные с когнитивно-дискурсивным подходом к языковым явлениям, проанализировать общие свойства качественных прилагательных, рассмотреть основные черты явления варьирования семантики слов и на этой базе сформировать методологию и методику анализа семантической оппозиции **белый/черный** и **white/black**.*

Задача второй главы

*Задача этой главы – раскрыть семантический потенциал прилагательных **белый/черный** и **white/black** для концептуализации коллективного знания на основе лексикографических источников. Данная задача предполагает изучение семантики названных прилагательных в макроситуационном аспекте [Гак 1971 : 95], то есть анализ закономерностей внешнего и внутреннего мира человека, закреплённых за значениями слов в словарях. Результаты, полученные в данной главе, станут базой для дальнейшего когнитивно-дискурсивного исследования семантики этих прилагательных.*

Задача третьей главы

*Задачей настоящей главы является изучение семантики прилагательных **белый/черный** и **white/black** в микроситуационном аспекте [Гак 1971 : 95]. На материале текстов «Национального корпуса русского языка» и «The British National Corpus» («Британского национального корпуса») исследуется речевое варьирование прилагательных **белый, черный, white** и **black**. Исследование речевого варьирования служит цели выявления потенциальных сем в структуре семантики соответствующих прилагательных, что позволяет выявить признаки концептов **белый** и **чёрный** в русском и английском языках, находящиеся на крайней периферии.*

Такая постановка задачи конкретной главы с указанием путей её решения способствует *структурированию* содержания главы, о чем речь пойдёт далее.

7. Заключение как логико-смысловой компонент композиции диссертации

Этот заключительный композиционный блок маркируется в диссертации стереотипной номинацией – **Заключение** – и выполняет функцию «рамочного» элемента целого текста, благодаря *вариативному повторению* результатов исследования, представленных уже в выводах по главам работы и в положениях, вынесенных на защиту.

Скажем сразу же, следует различать выводы, изложенные в заключении диссертации, от выводов и рекомендаций, сделанных в каждой главе.

Выводы по главам работы более «привязаны» к тексту главы, вытекают из её содержания, а потому они более конкретно раскрывают сущность полученного нового знания, с указанием деталей, особенностей новизны конкретных результатов исследования. Обычно они имеют **форму тезисов** и по объему невелики: 2-3 страницы текста.

Выводы, изложенные в разделе *Заключение*, отличаются бóльшей степенью обобщения результатов всего исследования. Можно в принципе построить заключение в диссертации по схеме выполнения этого раздела в автореферате, только усилив аргументативную сторону¹.



Итак, **заключение** – это относительно самостоятельный текст, расположенный непосредственно после основной части, в *обобщенной форме* репрезентующий результаты проведенного исследования и выявляющий квинтэссенцию нового знания, формирующий целостное представление адресата о содержании научного текста и исчерпанности авторского замысла [Баженова 2001 : 236].

Е. М. Крижановская правомерно выделяет два типа заключения научных трудов, различающихся характером эпистемической информации. В заключениях первого типа сжато актуализируется авторское знание, уже получившее обоснование в основном тексте. При этом *новая научная информация* в них не привносится. В заключениях второго типа, помимо результатов проведенного исследования, репрезентируется *потенциальное, прогностичное знание* [Крижановская 2000 : 126-128; Чернявская 1999 : 132-136].

При этом в обоих случаях смысловой доминантой заключения является *обобщение содержания основной части*. Иначе говоря, в заключении дублируются наиболее важные, с точки зрения автора, научные положения, конкретизированные в основном тексте и актуальные для его целостного восприятия. По существу в заключении представлен «предельно компрессированный субтекст нового знания, составляющий «тело» основного текста» [Баженова 2001 : 237].

Однако следует подчеркнуть, что для жанра диссертации *репрезентировать потенциальные, прогностическое знание является обязательным*², т.к. это

¹ См.: Заключение в автореферате диссертации.

² Если Вы это не сделаете, то ждите вопрос на предзащите и защите о перспективе исследования.

подчеркивает важность изучаемой в диссертации проблемы и акцентирует актуальность Вашего исследования, а также активизирует эвристическое мышление читателя, приобщая его к научному предвидению.

Мой опыт показывает, что в практике написания диссертацией сложились **три основные формы заключений**: *первая* – самая лапидарная – это заключение в форме тезисов (см., например, заключение по теме 14); *вторая* – заключение в форме целого относительно самостоятельного текста (см., например, заключение по теме 13) и *третья* – смешанная форма, в которой активно используются логические операторы связности типа: *во-первых, во-вторых, в-третьих*¹ и др., а также частично включаются в текст фрагменты в виде тезисов (см., например заключение по теме 6).

Автор диссертации может выбрать ту форму, которой он владеет лучше.

Обобщая, ещё раз подчеркнём, что заключение маркирует правую (окончание) границу диссертационного текста, свидетельствуя о законченности исследования и исчерпанности авторского замысла. По объёму оно должно занимать не более 1/20 части основного текста диссертации.

8. Рубрикация текста диссертации

Как мы уже говорили, компактное осмысление композиции диссертации актуализируется в дополнительном «рамочном» тексте – **оглавлении**, которое, фиксируя тематическое развёртывание авторской мысли, программирует смысловую прогрессию текста диссертации, обладая «колоссальной энергией туго свёрнутой пружины»², т. е. актуализирует рубрикации текста диссертации.

Рубрикация диссертации – это чёткое разделение текста на логико-смысловые соподчинённые части. Крупные композиционные блоки уже описаны ранее (см. раздел 6.1.1), потому сейчас обратимся к рубрикации глав на конкретном примере рубрикации одной главы **по теме 1**.



Глава 3. Сопоставительный анализ моделей отфитонимической семантической деривации, основанных на классификационных понятийных связях.....114

3.1. Модели, основанные на гиперо-гипонимической связи.....	115
3.2. Модели, основанные на симулятивной предметно-логической связи.....	119
3.3. Модели, основанные на симулятивной синестезической связи.....	132
3.4. Модели, основанные на симулятивной образно-эмотивной связи.....	135
3.5. Сопоставление моделей, основанных на импликационных ³ и классификационных связях.....	174
3.6. Выводы по третьей главе.....	177

¹ Но при этом надо знать меру (оперативная память человека: 7 ± 2), потому не следует использовать: в-одиннадцатых, в-двенадцатых и т. д.

² Кухаренко А.В. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1979. С. 97.

³ Согласно теории М.В. Никитина все содержательные понятийные связи делятся на два класса: 1) импликационные, отражающие реальные связи между предметами и явлениями и 2) классификационные, являющиеся выражением связей, установленных в сознании человека [Никитин 1988]. Первые проанализированы во 2-ой главе, а вторые – в 3-ей.

Во-первых, видим, что в основу рубрикации главы положены основные логические правила деления объема понятий [Кондаков II 1975 : 464-465; Краткое методическое пособие 1979 : 22-28].

Правило первое: *при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание.*

Как видим, признак, положенный в основу деления остаётся одним и тем же на всём протяжении деления: *типы понятийных классификационных связей в языке/языках.*

Правило второе: *деление должно быть полным* (перечислены все возможные видовые понятия одного родового) и *соразмерным* (видовые понятия одного иерархического уровня). Как видим, родовое понятие – *типы классификационных связей* – разделены на два существующих в языке: *гиперогипонимические* (родо-видовые) и 2) *симилятивные* (метафорические, метонимические, расширение значения и развитие значения по аналогии).

Это деление *полное*, т.к. выделены все возможные классы, и *соразмерное*, т.к. эти два класса связей выделены на одном уровне иерархии.

На втором уровне иерархии симилятивные связи делятся на три класса: 1) *симилятивные предметно-логические*, 2) *симилятивные синестезические* и 3) *симилятивные образно-эмотивные*.

Деление также *полное* и *соразмерное*, что можно проверить логическим правилом: *объем членов деления равен сумме делимого родового понятия.*

Правило третье: *члены деления должны взаимно исключать друг друга, а не соотноситься между собой как часть и целое.*

Деление соответствует этому правилу, т.к. их признаки исключают друг друга.

Правило четвертое: *деление должно быть непрерывным, поэтапным и не совершать «скачков в делении».*

Это правило так же соблюдено, т.к. деление является непрерывным, проведённое в два иерархических этапа.

Было бы ошибкой такое деление – *классификационные связи бывают: гиперогипонимическими и симилятивными синестезическими* – произошёл «скачок в делении» по иерархии, к тому же деление неполное.

Во-вторых, заголовки глав, разделов и подразделов точно отражают содержание относящегося к ним текста, т.к. не расширяют и не сокращают объем смысловой информации, которая в них заключена.

Особо следует оговорить раздел **3.5**, в котором сопоставляются все модели, основанные на импликационных понятийных связях, проанализированные во 2-ой главе диссертации, с моделями, основанными на классификационных связях. Благодаря этому осуществляется связь между главами работы, с одной стороны, и анализируются *синкретические модели*, базирующиеся на этих двух типах связи одновременно.

Если возникает такая ситуация в диссертационном сочинении, то либо этот материал излагается в другой (четвертой) главе (если материала достаточно для целой главы), либо он даётся, как в этом случае, в последнем разделе за-

вершающей главы. Потому такие случаи не считаются ошибочным расширением смыслового содержания главы.

В-третьих, рубрикация главы сочетается с нумерацией – числовым обозначением последовательности расположения разделов и подразделов¹. Используемая нумерация является сейчас наиболее принятой в лингвистических диссертациях в силу её удобства. В науковедении она именуется *нумерацией по типу монографий*, где они стали использоваться намного раньше. Единственное предупреждение: не следует «глубину» нумерации давать больше, чем в четырех цифрах (например, 1.2.2.5), иначе это будет затруднять чтение работы.

В-четвёртых, простейшей рубрикой в тексте диссертации является абзац – это отрезок письменной речи от одной красной строки (отступ на начальной строчке) до другой, заключающий в себе относительно самостоятельный в содержательном (выражает одну какую-либо *микротему!*) и структурном отношении фрагмент текста.

Абзацы делаются для того, чтобы мысли выступали более зримо, а их изложение носило более завершённый характер. Потому правильная разбивка текста на абзацы существенно облегчает его чтение и осмысление.

Число самостоятельных предложений в абзаце различно и колеблется в очень широких пределах, определяемых сложностью передаваемой мысли. Также различно и количество абзацев на одной странице. Нужно следовать принципу: каждая законченная мысль – абзац, но тем не менее «мельчить» не нужно: более 5-6 абзацев на страницу создают впечатление, что автора отличает некоторое легкомыслие.

Итак, понимая абзац как обязательный композиционный приём оформления мыслей в их логической последовательности, будем стремиться к верному его использованию.

9. Функционально-смысловые типы речи в диссертации с позиции стандарта стиля

Традиционная классификация типов речи, уходящая своими корнями в древнюю риторику, включает три основные разновидности текстов – *повествование, описание и рассуждение*. В лингвостилистике² для обозначения разных способов монологического изложения в соответствующих речевых композициях закрепился термин **функционально-смысловые типы речи (ФСТР)**³, которые «столько же речевая структура, сколько текстовое образование» [Купина, Матвеева 2012 : 145].

Повествование – это ФСТР, представляющий событие в его динамике; рассказ о событии. Этот тип речи применяется также для представления последовательности событий, процессов изменения состояния, т. е. представление любого явления в развитии.

¹ Возможные системы нумерации описаны в ряде работ [Кузин 1997; 2006; Кузнецов 2000; 2006; Шкляр 2009 и др.].

² См. раздел 14.2.4 пособия.

³ Термин введен в научное обращение О.А. Нечаевой в работе: *Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)*. – Улан-Удэ, 1974.

Он является опорным для художественного текста, в котором выполняет общую композиционную роль, а в научном тексте *повествование* важно только во *вспомогательной роли*, т.к. оно используется лишь фрагментарно. В особых коммуникативных эпизодах: изложение хода эксперимента, истории вопроса, реальных подступах к решению проблемы и в отдельных иллюстрациях [Трошева П 2000; 2003; Купина, Матвеева 2012].

Описание – ФСТР, представляющий предмет на основе перечисления его свойств, признаков, качеств, а потому оно достаточно широко используется в диссертационных текстах.

Описание используется везде, где осуществляется констатация научного положения, приводится информация, которую автор вводит без использования доказательства: во-первых, при представлении объекта исследования; во-вторых, при представлении исходной теории (особенно при описании старого знания) и, в-третьих, при описании класса понятий, а классификация в целом представляет собой сумму описания [Там же : 147].

Рассуждение – это ФСТР, который передаёт процесс логического постижения идеи, т. е. это такая разновидность речи, которая соответствует особой форме абстрактного мышления – умозаключению¹, выполняет особое коммуникативное задание – придать речи *аргументированный характер* (прийти логическим путём к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и определяется с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики.

Сущность рассуждения такова, что оно является доминирующим типом в научной речи, поскольку напрямую связано с абстрактностью научного мышления. В рамках жанра диссертации реализуется наиболее полно, т.к. выражение собственной концепции автора-учёного, добытого им нового знания требует использования рассуждения, т. е. применения аргументативных структур.

Вот почему, по данным Т.Б. Трошевой, количество ФСТР рассуждение по ходу развития науки активно увеличивалось, а аргументативные предложения в XX веке достигают до 45% от общего числа предложений научного текста [Трошева 1999 : 77; 2000 : 24].

Рассуждение используется в жанре диссертации настолько широко, что функционирует в виде нескольких коммуникативно-композиционных вариантов (подтипов).

Согласно дедуктивно-индуктивной типологии Т.Б. Трошевой, эти подтипы (варианты) образуют полевую структуру [Трошева 2000 : 12], представленную в схеме 29.

¹ См. раздел 3.1.2 пособия.

Коммуникативно-композиционные подтипы рассуждения



В центре поля находится собственно рассуждение как подтип речи, наиболее последовательно выражающий причинно-следственные отношения между суждениями – от причины к следствию, а не от следствия (тезиса) к причине (основанию). В этом отношении ядром поля будет *собственно рассуждение*, свойственное строго логичной научной речи. Это рассуждение точнее других соответствует умозаключению как форме мышления, посредством которой из суждений-посылок по определённым правилам вывода получают заключение.

Отводя собственно рассуждению центральное место в системе аргументативных подтипов речи, мы учитываем и его роль в коммуникативно-познавательном процессе. Именно данный подтип ФСТР оформляет выведение нового научного знания, демонстрирует ход авторской мысли, путь решения проблемы.

Прилегающую к центру область занимают подтипы речи, которые служат для того, чтобы придать высказанным суждениям более аргументированный характер: доказательство (коммуникативно-познавательная функция – установление истинности тезиса), опровержение (установление ложности тезиса), подтверждение (или эмпирическое доказательство, функция установления достоверности высказанного положения посредством подкрепления его фактами) и обоснование (функция установления целесообразности утверждения, действия).

В отличие от доказательства, опровержения и подтверждения, которые соответствуют коммуникативному вопросу: «*Действительно ли это так?*», обоснование даёт ответ на вопрос: «*Действительно ли это нужно, целесообразно?*». Можно говорить и о некоторой функциональной субординации четырех указанных подтипов рассуждения, которые по степени близости к логизированному собственно рассуждению могли бы быть расположены в следующем

порядке: 1) доказательство и опровержение; 2) подтверждение; 3) обоснование. Однако эти подтипы объединяются между собой на основе структурного сходства: все они включают *тезис* (или высказывание, выполняющее функцию, аналогичную функции тезиса), образующий ключевую часть построения, и *аргументы* – комментирующую часть, которая призвана снять сомнения (полностью или частично) относительно выдвинутого в качестве тезиса положения.

Далее от центра располагается объяснение. В отличие от указанных подтипов рассуждения, объяснение служит не столько целям подтверждения справедливости тезиса (или установления его ложности), столько *раскрытию причин реальных явлений*. Хотя мы, в соответствии с традицией, сложившейся в русской лингвостилистической литературе, относим объяснение к аргументативному типу речи, отводя данной разновидности периферийное место в системе подтипов рассуждения, но признаём возможность рассмотрения аргументативности и объяснительности и в качестве отдельных классифицирующих категорий¹.

При построении модели поля, размещении подтипов аргументативного ФСТР от центра к периферии учитывался и такой фактор, как степень их близости к неаргументативным типам речи. Собственно рассуждение, доказательство, опровержение, подтверждение и обоснование могут включать элементы описания в качестве посылок или аргументов. Объяснение ещё теснее связано с описанием, основано на описании явления и лежит поэтому на периферии поля рассуждения. И наконец, наиболее отдалённой от центра зоной является открытое пространство (общее для аргументативных и представляющих типов речи), занимаемое контаминированными ФСТР, в которых элементы рассуждения присутствуют, но не играют решающей роли².

Таковы основные положения стандарта научного стиля и композиционного стандарта жанра диссертации и автореферата, знание которых, полагаем, поможет создать текст, отвечающий всем требованиям научной речи.

16.1.2. Язык, метаязык и графический метаязык диссертации и автореферата

Пособие предназначено лингвисту-исследователю, в языковую компетенцию которого входит *владение системой и нормами языка, культурой речи и правилами построения высказывания и текста*. Это даёт мне право не излагать те общие истины, которые даются обычно в пособиях для «нелингвистов» под заголовками «*Язык и стиль научной работы*» [Кузин 1997; 2006; Кузнецов 1998; 2000; 2006; Шкляр 2009 и др.], а лишь в перечислительном виде напомнить некоторые известные, как я полагаю, понятия.

1. Культура речи – область духовной культуры, связанная с применением языка, а именно: качества речи, обеспечивающие эффективные достижения

¹ См. раздел 7.4 пособия.

² Иллюстрации разных ФСТР широко даются в научной литературе по лингвостилистике (см раздел 14.2.4).

цели общения при соблюдении языковых правил, этических норм, ситуативных требований и эстетических установок [Матвеева 2010 : 167].

В современной теории культуры речи обычно выделяются следующие **коммуникативные качества речи** (качества хорошей речи!):

- *правильность*, т. е. нормативность – соблюдение норм языка на всех его уровнях, включая *текстовой*;
- *логичность* – соответствие общего логического строения текста замыслу автора;
- *лаконизм* (краткость) – выражение идеи, замысла, заключающее в себе только необходимое для уяснения предмета;
- *точность* (понятийная) – поиск слова или выражения, наилучшим образом соответствующего авторскому замыслу;
- *ясность* (понятность, недвусмысленность) – речь, которая без затруднений воспринимается адресатом; по выражению Аристотеля, признаётся «конечной целью всего»; связана с *точностью* и *логичностью* речи;
- *уместность* – умелое приспособление к задачам общения; все остальные качества речи (богатство, выразительность, точность и др.) корректируются на основе уместности;
- *богатство* – количество и разнообразие языковых средств, которые находятся в употреблении;
- *выразительность* – обеспечение полноценного и эстетически привлекательного восприятия путём особой организации речи и текста;
- *чистота* – речь, в которой нет элементов, чуждых литературному языку по нравственным и эстетическим соображениям.

Эти коммуникативные качества речи в современной коммуникативно-прагматической лингвистике¹ трактуются как *постулаты* (*принципы, максимумы*) речи, определяющие *успешность* речевого общения.

При этом каждое из этих качеств речи варьируется в зависимости от функционального стиля, жанра и характера адресованности (А. Н. Васильева, М. Н. Кожина, Т. В. Матвеева, Л. Р. Дускаева, О. В. Протопопова и др.).

2. Языковые предпочтения научного стиля и жанра диссертации и автореферата

Стилевой и жанровой стандарт обусловили абстрактность и логичность научного изложения, что потребовало специфичного отбора **лексических средств**: *термины, общенаучная и общекнижная (абстрактная) лексика*. А фоном их использования являются *общеупотребительные слова языка*, в числе которых особенно значимы единицы со значением логических отношений и «строевой» фонд языка (служебные слова), функция которых – быть средствами связности текста. Таким образом, лексический состав текста диссертации и автореферата достаточно однороден: его «среду» составляют нейтральные слова и книжная лексика, лишённая экспрессивных приращений.

¹ См. раздел 12.3 пособия.

Чётко прослеживаются **морфологические и синтаксические** предпочтения.

Именной характер научной речи подтверждён авторитетными исследователями на основе лингвостатистического обследования научных текстов (Е.А. Баженова, А.Н. Васильева, Г.А. Золотова, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, О.А. Крылова, О.Д. Митрофанова, Т.Б. Трошева, Т.А. Якубайтис и др.). Это обуславливает предпочтение *отглагольных существительных*, а не глагола; *составного именного сказуемого*, а не простого глагольного; *форм причастий*, имеющих грамматические признаки имени, а не личной формы глагола; *относительных прилагательных*, выражающих признаки объектов и понятий; широкое использование местоимений: *этот, тот, такой...*, кроме неопределённых и др.

Глагол в научной речи значительно урезан в своих правах [Купина, Матвеева 2012; Кожина II 2003; Трошева 2000, Салимовский 2002 и др.]¹, что часто проявляется в десемантизации глагола и превращении его в связочную единицу (*являться, стать, признаваться, входить, служить, обладать, вытекать...*). Наиболее характерно использование форм настоящего времени глагола со значением *настоящего постоянного (вневременного)*, что позволяет акцентировать устойчивость обозначаемого процессуального признака и распространяет утверждение во времени, например: *Энтропии **противостоит** внесение энергии извне. В этом и природа поэтического слова: за обычным смыслом скрывается другой – необычный* [Купина, Матвеева 2012 : 138].

Характерным стилевым маркером научной речи является **бессубъектность** изложения, что влечёт за собой почти полный отказ от *личных местоимений первого и второго лица: я, вы*, а объективность изложения подчёркивается либо этикетным *мы (считаем, полагаем, предлагаем...)*, либо безличными конструкциями (*предлагается, считается, что...*).

В наши дни использование местоимения **я** (*я стараюсь проследить; я думаю, что; мне представляется возможным...*) уместно в трудах учёных, чей авторитет уже прочно установлен. Начинаящим авторам лучше избегать этих эгоцентричных построений, а наиболее уместными считаются формы множественного числа (*мы считаем; заметим, что...*), которые как бы предполагают диалог с читателем².

В области синтаксиса следует подчеркнуть, что установка на сообщение проявляется в преобладании *повествовательных* предложений. При этом *простое предложение* используется сравнительно редко: в основном как первое предложение абзаца, вводящее в новую тему изложения. Зато активно используются простые предложения с различными типами осложнения (обособлёнными членами, вводными словами и конструкциями и т. п.), выражающими не простую, а сложную мысль, поэтому часто длина простого предложения немно-

¹ К примеру, по данным В.А. Салимовского из <1700 глаголов движения в русском языке в научной речи используется только 153 глагола, а из них частотными являются лишь 5: *являться, следовать, приводить, привести, выступить* [Салимовский 1991 : 2002].

² Хотя в некоторых исследованиях (по философии, психологии и социологии) в наши дни считается вполне приемлемой формой – **я**.

гим отличается от сложного (<20% словоупотреблений в простом, и 25% - в сложном) [Кожина II 2003 : 245].

При очень высоком проценте сложных предложений (41-50%) преобладают *сложноподчинённые* (62%), особенно *определятельные* и *изъяснительные*. Отметим, что господствуют предложения с *союзной связью*, поскольку союзы позволяют более чётко передавать логико-смысловые связи частей предложения [Кожина и др. 2008].

Необходимо отметить, что в стилистическом отношении научная речь настроена на стандартную сочетаемость, что согласуется с информационной доминантой языка науки. Потому в текстах диссертаций частотны *многочленные именные словосочетания (синлексы)* терминологического и нетерминологического характера, тяжеловатые для восприятия неподготовленного читателя.

При этом многие стилисты подчёркивают, что такие многочленные единицы довольно часто не создаются вновь автором текста, а воспроизводятся как готовые (своеобразные клише), потому некоторые исследователи условно называют их «фразеологией научной прозы» [Кузнецов 2006 : 134].

Попутно заметим, что из числа приёмов выразительности в научной речи, а особенно в жанре диссертации, избираются с осторожностью немногие: *антитеза, анафора, синтаксический параллелизм* и др., помогающие установлению логической связи содержания фрагментов текста. Напротив, все фигуры, создающие эффект неожиданности, парадоксальности, отвергаются. Об уместности использования средств выразительности см.: [Кожина и др. 2008; Купина. Матвеева 2012 и др.].

Что касается клишированных речевых структур, которыми можно воспользоваться, то они даются во многих источниках [Кузин 1997; 2006; Комарова 2003; Табанакова 2004; Котюрова 2005 и др.]. Более того, часть из них исследователи включают в метаязык лингвистики [Табанакова 2004 : 138-139].

3. Метаязык диссертации и автореферата



Под метаязыком понимается язык, средствами которого проводится описание и последующее исследование свойств другого языка, выступающего по отношению к первому объектом его исследования¹.

К нашим дням такое или близкое понимание установилось в философии науки, науковедении и частных науках. Однако проблема метаязыка языкознания намного сложнее: он в значительной своей части строится на основе тех же языковых единиц, что и язык-объект, т. е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию, а поэтому является консубстанциональным с языком-объектом

Во-вторых, метаязык языкознания представляет собой сложное образование, ядро которого составляет его терминосистема, которая является особой семиологической системой, употребляемой тогда, когда надо изучать есте-

¹ Как синонимы используются ещё термины: язык науки, язык научного общения [Гвишиани 2008].

ственный человеческий язык (язык-объект), выступающий «как предмет языковедческого исследования» [Гвишиани 2002 (ЛЭС) : 297].

О.С. Ахманова в предисловии к «Словарю лингвистических терминов» одна из первых обратила внимание на ошибочность отождествления *метаязыка* и *терминологии* (в наши дни – терминосистемы), которая «не просто список терминов, а семиотическое выражение определённой системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определённое научное мировоззрение» [Ахманова II 1966 : 9]. Это важнейшая составляющая часть метаязыка, но не единственная.

В-третьих, в метаязык языкознания входят такие методологические понятия, как: *предмет, объект, проблема, гипотеза, задача, эксперимент, система, структура, метаязык* и др., которые используются не только при изучении лингвистических объектов, но и объектов других наук. Потому этот «пласт» метаязыка часто именуют межнаучным, или междисциплинарным.

В-четвёртых, это *общенаучная книжная лексика*, используемая в разных науках, например, глаголы, которые мы употребляем при формулировании цели и задач исследования: *исследовать, раскрыть, проанализировать, обобщить, систематизировать* и др.

В-пятых, это те клишированные многокомпонентные языковые средства, с помощью которых в научном тексте мы выражаем разные речевые функции. К примеру, для введения новой информации используются: *рассмотрим следующие случаи...; остановимся подробнее на...; некоторые дополнительные замечания; несколько слов о перспективе исследования* и т. п.

В-шестых, логические операторы связи: *во-первых; следовательно, итак, таким образом, с одной стороны*; акцентуализаторы: *обращаем внимание на..., ещё раз подчеркнём; следует обратить внимание...; категории оценки: вызывает сомнение; нуждается в проверке, неубедительные факты, некорректный подход...*

В-седьмых, наконец, это та языковая «ткань» текста, которую образуют общеупотребительные слова литературного языка, в том числе и «строёвые» (служебные) слова [Даниленко 1977; Березин, Головин 1979].

Такова сложная структура метаязыка языкознания, который, действительно, можно отождествлять с понятием ЯСЦ (*язык для специальных целей*), или, *подъязыка* [Куликова, Салмина 2002 : 101]. Он «используется и реально существует в соответствующей метаречи, т. е. в той разновидности речи, которая существует при общении учёных, исследующих те или иные свойства языка-объекта» [Гвишиани 2002 (ЛЭС) : 297].

Из сказанного следует, что без освоения метаязыка просто невозможна научная работа ни в одной области знания.

Особую сложность составляет овладение «ядром» метаязыка – научной терминологией, поскольку, как мы уже указывали, терминологичность является одним из стилевых свойств научной речи в целом и жанра диссертации, – в частности.

И это ясно, самоочевидно: термин как «*носитель специальной информации*» (В. П. Даниленко), как «*квант научного знания*» и «*единица логоса*»

(Л. Ю. Буянова) относится к числу «интегрирующих факторов, который позволяет создать единое информационное пространство»¹ диссертационной работы, т. е. создать систему терминов своей работы, необходимую и достаточную, чтобы эпистемически точно передать добытое в исследовании знание.

Суть термина была осознана и хорошо передана уже в 1947 г. академиком В. В. Виноградовым в его работе «Русский язык»: «если слово становится средством логического определения, тогда оно научный термин» [Виноградов 1986 : 16]. Способность научного термина отражать систему знаний предопределяет обязательную системность и дефиниционность термина.

При этом автору диссертации приходится разобраться в сложной проблеме по крайней мере трёх «системностей» термина: во-первых, на уровне терминосистемы, чтобы знать точное значение нужного термина, во-вторых, на уровне понятийно-терминологической системы, соответствующей авторской концепции работы, и, в-третьих, на уровне текста диссертации, т. е. «среды» бытования того или иного термина, поскольку «моделирование семантической структуры текста – это моделирование термина» [Табанаква 2004 : 26].

Описать все сложности, которые ждут исследователя-лингвиста в работе над терминологией в жанре этого пособия просто невозможно, потому ограничимся основными советами.

Во-первых, безусловно, необходимо изучить ряд работ по терминоведению – особой междисциплинарной науке о терминах и их сообществах: терминологиях (стихийно сложившихся совокупностях терминов) и терминосистемах (естественно – искусственных образованиях с эксплицированными системными свойствами и связями).

Во-вторых, располагать рядом терминологических словарей, справочников и энциклопедий. Хорошо бы иметь их в своей личной библиотеке, чтобы были всегда под рукой во время работы.

В-третьих, ознакомиться с хорошими пособиями по метаязыку, в том числе и терминологии, из которых я бы выделила: [Гвишиани 2008; Никитина 2010; Куликова, Салмина 2002; Арнольд 1991 (2010); Лейчик 2006; Табанаква 2004; Голованова 2011], а также те работы, которые приведены в библиографии этого учебного пособия.

Это даст Вам возможность следовать двум главным правилам. Первое: *в первый раз используя в работе какой-то важный для Вас термин, непременно нужно дать ему определение, даже если он достаточно известен.*

Второе правило: *то, что можно передать читателю с помощью одного терминированного понятия, не следует передавать с помощью двух.* Иначе говоря, надо твердо установить минимально достаточное число терминов для раскрытия Вашей концепции.

А также следует осмыслить предупреждение Ирины Владимировны Арнольд: «*Научный уровень работы количественного измерения не имеет, а всё*

¹ Даниленко В.П. Язык для специальных целей//Культура русской речи и эффективность общения. – М, 1996. – С. 236. См. также: Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического анализа. – М.: Наука, 1977. – 245 с.

же надо помнить, что два-три неудачно выбранных термина могут его сильно снизить» [Арнольд 1991 (2010): 94].

4. Графический метаязык диссертации и автореферата

Ещё древние греки различали в «идее» («сущности») наглядную и ненаглядную стороны. Те, кто следует античной традиции, предлагает трактовать наглядность как специфичное единство чувства и разума, как созерцательное свойство разума, т. е. «мыслящего видения сущности» (по Платону). Потому визуализация знания не есть его примитивизация [Ланг 1967; Славин 1972].

Наоборот, психологи доказывают, что наглядный образ как продукт визуального мышления – «это знание, скорректированное действием», поэтому более предпочтительное, т.к. информация, заключённая в нём, легче усваивается и более понятна [Минаева и др. 2007 : 31].

Вот почему в таких рафинированных научных трудах, как диссертация и автореферат диссертации, активно используется графический метаязык, в чем можно легко убедиться, посмотрев несколько диссертаций и авторефератов.

Обычно в понятие графический метаязык включаются самые разнообразные виды наглядности:

- *буквенная символика*, в том числе:
- аббревиатуры, индексы и формулы;
- *графика формальной и символической логики* [см.: Кондаков 1975];
- *схемы* (изображения в самых общих чертах);
- *таблицы* (способ суммирования и обобщенного представления языкового материала);
- *графики* (показ зависимости одних величин от других);
- *графы* (отношения между языковыми единицами);
- *векторы* (отрезок прямой, которой придано определённое направление, указываемое стрелкой или стрелками);
- *диаграммы* (графическое изображение зависимостей): *линейные, столбиковые (ленточные), плоскостные, круглые (секторные)*;
- *лингвистические карты* (см. метод картографирования);
- *технические рисунки* (изображение предмета или явления без лишних деталей и подробностей);
- *фотографии* (средство наглядной документальной передачи действительности в социолингвистике, этнолингвистике, диалектологии и др.);
- *чертёж* (основной вид иллюстраций в инженерных работах, в лингвистике используется редко);

Средства графического метаязыка широко описаны в методической литературе [Арнольд 1991 (2010) : 96-112; Кузин 1997 : 93-111; Кузнецов 2000: 146-157; 2006 : 180-190; Сысоева 2000 : 107-114 и др.].

16.1.3. Нормы, правила и техника цитирования

Общеизвестно, что научная работа предполагает цитирование не принадлежащих автору источников¹. Смысл цитирования был хорошо объяснен ещё Ф. Энгельсом в предисловии к английскому изданию «*Капитала*» Маркса: «В большинстве случаев цитаты служат <...> документальными доказательствами, подкрепляющими утверждения, сделанные в тексте. Однако во многих случаях отрывки из сочинений <...> цитируются для того, чтобы показать, когда, где и кем было впервые высказано определённое положение»².

Это самое общее назначение цитаты, понимаемой как «дословное воспроизведение чужой речи» [Ахманова II 1966 : 511].

Одно из **основных требований (правил)** к цитированию заключается в том, что оно не должно быть *ни избыточным, ни недостаточным*, т.к. то и другое снижает уровень научной работы. К тому же злоупотребление цитатами вызывает подозрение в начетничестве, а недостаточное – в невежестве или гордыне.

Как определить оптимальное количество цитат? Для этого необходимо конкретное знание функций цитат в научном тексте.

Цитата в тексте диссертации является, прежде всего, основным способом реализации старого знания, и в этом состоит её основная познавательная, когнитивная функция. Но актуализируя старое знание (во введении и теоретической главе), цитата показывает его связь с полученным новым и прогнозируемым знанием. Это обуславливает тот факт, что общая когнитивная функция цитаты складывается из нескольких частных функций:

- **аксиологическая функция**, свойственная любой цитате, – определение степени важности старого знания для получения нового;
- **обзорно-фоновая функция** – цитата в представлении истории изучения того или иного вопроса, научной проблемы, идеи, теории, в частности, отражает динамику приращения знания и предоставляет информацию научно-исторического, хронологического и биографического характера; а также участвует в обзоре современного (на момент написания произведения) состояния изучаемой области, а именно: осуществляет экспликацию степени изученности вопроса, демонстрирует существующие научные мнения, теории, гипотезы, направления и научные коды, освещает господствующие в науке точки зрения и участвует в создании интердисциплинарного фона исследования;

¹ По данным Д. Прайса цитирование в науке появляется с первыми научными журналами примерно с 1854 года и характеризует науку как социальный институт [Прайс 1976 : 94].

² Маркс, Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 32.

- **проблемно-экспозиционная функция** – цитата участвует в раскрытии содержания проблемных ситуаций и выдвижении (формулировании) проблем исследования;
- **инструментально-ориентирующая функция** – при помощи цитаты осуществляется обзор существующих в научном фонде методов и методик исследования, их оценка, что позволяет сформировать программу познавательных действий автора, направленных на получение нового знания;
- **понятийно-экспозиционная функция** – цитата эксплицирует использованные предшественниками понятия, раскрывает их содержание и репрезентирует их оценку цитирующим автором и другими учёными;
- **аргументативная функция** – цитата выступает средством аргументации на этапе обоснования нового знания, интегрируясь в целостную доказательную систему;
- **прогностическая функция** – цитата отражает открытость новой авторской концепции потенциальному (прогностическому знанию, представляет перспективы дальнейших исследований, т. е. служит для выражения преемственности знания [Комарова, Шагеева 2009 : 202-203].

Таким образом, цитата может быть использована на всех этапах познавательно-коммуникативной деятельности.

Второе требование к цитированию сводится к дословной, точной передаче чужой речи (особенно определений терминов), состоящей из логически законченного фрагмента текста. Пропуск ненужных для целей цитирования слов допускается, но без искажения мысли автора цитируемого текста и обозначается многоточием <...>.

Третье правило состоит в том, что чужая речь, представляющая собой «текст в тексте» обязательно графически выделяется (кавычки, особый шрифт, разрядка и др.). Например:

Пушкин соглашался с тем, что «предисловие есть пустословие довольно скучное...».

Четвёртое правило требует, чтобы каждая цитата сопровождалась ссылкой на источник, автора и цитируемую страницу. «Слепые» цитаты в тексте диссертации и автореферата не допускаются.

Пятое правило: чужая мысль (цитата) должна составлять с принимаемым текстом органическое единство, что реализуется через вокруг цитатное окружение – метакогнитивную оболочку цитированного знания. Например:

Роль термина в науке эпистемически точно обозначил П.А. Флоренский: «Всякая наука – система терминов. Потому жизнь терминов – и есть история науки, всё равно какой...» [Флоренский 1998 : 221].

Выделяют два основных способа введения цитаты в окружающий контекст: во-первых, сцепление с новым текстом; во-вторых, «погружение» в принимаемый текст [Чернявская 1999; Баженова 2001].

Сцепление цитаты с текстом происходит по синтаксическим моделям *прямой и косвенной речи* с помощью различного рода структурно-семантических операторов¹.

При втором способе цитата «погружается» в контекст без использования вводящих компонентов, т. е. как бы с «нулевым вводом» (термин Е.В. Петровой), а есть только кавычки или особый дополнительный шрифт. Например: *По словам М.П. Котюровой, цитированное знание представляет собой не только «место встречи автора и предшественника, но и характер этой встречи»* [Котюрова и др. 2011 : 253].

Технику цитирования можно посмотреть в любой научной работе. Она широко освещается в ряде пособий [Арнольд 1991; Кузин 1997; 2006; Кузнецов 2000; 2006; Шкляр 2009 и др.].

Кроме того, есть много хороших справочников. Так, можно рекомендовать «Справочник по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя (М.: Книга, 1971 и др. года издания), в котором имеются три раздела: 1. Орфография. 2. Пунктуация. 3. Литературная правка. Особенно ценен последний раздел, содержащий нормы (лексические, морфологические и синтаксические) литературной речи.

16.1.4. Система библиографических ссылок и техника их оформления

Библиографическая ссылка – неотъемлемая часть любой научной работы, тем более диссертации как квалификационного исследования, в котором факты должны быть документированы.

Ссылка применяется при цитировании; изложении близком к оригиналу; при заимствовании из других источников идей, имён, цифр, примеров; при упоминании или анализе работ того или иного автора; при необходимости отсылки читателя к трудам, в которых рассматривается данный вопрос или проблема.

При этом ссылки в диссертации и автореферате должны составлять систему, т. е. быть взаимосвязанными, что обусловлено рядом объективных (достоинство той или иной ссылки) и субъективных (предпочтения автора) факторов.

Самыми частотными являются внутритекстовыми ссылками, которые полностью включаются в основной текст, а потому удобны и для автора работы и читателя.

В современных работах используются несколько вариантов такой ссылки: [Иванов 1997 : 45]²; [Петрова, 1987, с. 10]; [Новая философская энциклопедия 2010. II : 135]³; [КСКТ 1996 : 18]⁴.

¹ См. таблицу лексических операторов: [Комарова, Шагеева 2009 : 85].

² Если в работе необходимо сослаться на однофамильцев, то приходится использовать инициалы авторов: [Иванов Вяч. Вс. 2004], а при цитировании обязательно указывать (через двоеточие) ещё и страницу: [Иванов Вяч. Вс. 2004 : 45].

³ В многотомных изданиях указывается том.

⁴ Если в работе введены сокращения, например: *Краткий словарь когнитивных терминов* – КСКТ, то внутритекстовая ссылка включает эту аббревиатуру.

Если необходимо обратить внимание читателя на какую-то необходимую работу, то используется ещё один вариант внутритекстовой ссылки. Например:

Ценным справочником по методике использования ссылок и составления библиографических списков к научным работам является справочник Ю.В. Альберта «Библиографическая ссылка» (Киев: Наукова думка, 1983. – 248 с.).

При необходимости сослаться на положение, разделяемое рядом авторов, или на несколько работ одного и того же автора по какой-либо проблеме используется комплексная внутритекстовая ссылка. Например: *Исследованиями ряда лингвистов [Кожина 1968; 2002; 2008; Котюрова 1988; 2010; Баженова 2001; Салимовский 2002 и др.] установлена оптимальная композиция диссертационного сочинения.*

Обратим внимание диссертантов на необходимость *единообразия* оформления этих ссылок: варьирование должно быть только обусловленным, а в качестве **основной ссылки на источник в целом** выбрать либо ссылку [Иванов 1997 : 45], либо [Петрова, 1987, с. 10] и использовать её в тексте всей работы¹.

Притекстовые (или подстрочные) ссылки (см. только что приведённую сноску 1) активно использовались и используются сейчас (правда, несколько уже!) в печатной научной продукции. Это обусловлено тем, что притекстовые сноски удобны читателю: располагается в подстрочнике под текстом. В наши дни такие сноски довольно часто используются в текстах курсовых и дипломных (выпускных квалификационных работ – ВКР) работ, но значительно реже – в жанре диссертации и тем более в автореферате в силу их громоздкости.

Как видим, в учебном пособии они используются довольно часто, но каждый раз это должно быть уместным. Так, в этом пособии, как правило, в подстрочнике указываются те источники, которые являются узкоспециальными, необходимыми в каком-либо одном разделе, но не для всей работы. В этом случае их можно не включать в библиографический список, особенно тогда, когда он итак уже большой.

Затекстовые ссылки часто используются в печатных работах для сокращения листажа, особенно в журналах и сборниках статей и тезисов. Под затекстовыми ссылками понимается указание источников цитат с отсылкой к пронумерованному списку литературы, помещённому в конце работы или при каждой главе монографии. Они могут быть различными, но более частотные оформляются так:

За последние два десятилетия исследованиями лингвистов-когнитологов обосновано новое понимание категории «как функции когниции и коммуникации» [33, 182].

Как видим, эта «слепая» сноска очень неудобна читателю, потому, да и по другим причинам, её не рекомендуется использовать в диссертациях и авторефератах диссертаций.

¹ «Вопросы унификации библиографических ссылок, прикнижных и пристатейных списков литературы относятся к наиболее острому, актуальному и сложному», – считает Ю.В. Альберт (Библиографическая ссылка – Киев: Наукова думка, 1983. – с. 5).

Рекомендательные ссылки делаются для отсылки читателей к библиографическому списку. Начинаются они, как правило, со слов: *См.*; *См. об этом*; *См. также*.

Когда специально подчёркивается, что источник, на который даётся ссылка, не единственный, используются слова: *См., например, См., в частности...*

Если ссылка употребляется для сравнения, то она обычно обозначается словами: *сравни, например*.

Специфично оформляются **ссылки на рукописные материалы**, см. об этом: [Справочник научного работника: архивы, документы, исследователь 1983; Кузнецов 2006].

16.1.5. Типичные трудности и ошибки при описании научных результатов

Обозначить речетекстовыми «вехами» полученное научное знание в виде цельного гармоничного текста – объективно необычайно сложная задача. Поэтому практически в каждой написанной научной работе неизбежны те или иные недочёты, промахи и даже ошибки.

Обозначим только самые типичные сложности и ошибки при конструировании текста диссертации.

1. Необычайно обширно представлены результаты изучения научной литературы по теме исследования, при этом не в *проблемном освещении*, а чисто описательно путём перечисления мнений. При этом часто подчёркивается расхождение во взглядах предшественников, что в науке неудивительно, как доказательство актуальности своей темы, что неубедительно.

Анализ новых диссертационных работ показывает, что молодые исследователи, акцентируя своё внимание на новых источниках (часто только с 2000-го года!), не в состоянии уяснить, кто первым ввел в науку то или иное понятие. Иногда даже приписывают приоритеты какому-либо молодому исследователю, в работе которого это понятие используется. Не показывается, что конкретно добавили последующие авторы к сделанному ранее, а в конце изложения *истории вопроса* не рассматривается *концепция*, наиболее близкая к концепции автора и не поясняется, в какой мере автор с ней солидарен, и в чём он видит необходимость её уточнения. Тем самым недостаточно объясняются *результаты собственного научного поиска*.

2. Другая ситуация: текст перегружен чисто констатирующим описанием, теоретически не осмысленными «сырыми» фактами. В этом случае даже при условии, что собранные языковые материалы очень интересны, научная ценность работы невелика, т.к. факты не объяснены.

Тем более, что в наши дни на смену «как-лингвистике» уже пришла «зачем/почему-лингвистика», в основе которой лежит примат объяснения [Кибрик 2003 : 103].

3. В работе представлен весь массив проанализированного материала: в текст диссертации внесена вся «кухня» анализа. В этом случае научные резуль-

таты трудно воспринимаются, растворяясь в описании конкретного анализа. Потому образцы анализа должны пройти строгий отбор, чтобы они не только демонстрировали собственно технологию анализа, но, в первую очередь, позволяли проследить те общие связи и закономерности, которые выявлены в ходе научного поиска.

4. В работе вообще не представлены образцы анализа, причины чего могут быть самые разные. Но в итоге такая работа заметно проигрывает в достоверности и доказательности.

5. Выводы, вместо того чтобы обобщать полученные результаты, повторяют исходные положения работы или подменяются оценочными суждениями. Недостаточность выводов может быть обусловлена бессодержательностью работы, когда малы её реальные результаты. Но может быть и другое: качество проведённого исследования вполне позволяет сформулировать добротные выводы, а они существуют в работе практически в «скрытом» виде.

Эти недочёты связаны с построением работы в целом, с наполнением структурно-логической схемы (композиции) работы реальным содержанием, отражающим научно-исследовательский процесс.

Другой тип погрешностей связан с развёртыванием отдельных фрагментов текста в результате нарушения канонов научного стиля и жанра диссертации, к примеру, неточная цитация, погрешности в системе ссылок в работе, отсутствие интерпретации таблицы и т. п.

В конечном счёте все описанные недочёты можно квалифицировать как композиционные, которыми противопоставлены *речевые ошибки*.

Речевые ошибки – это общее название нарушений действующей языковой нормы, т. е. отступлений от *правильности речи* и других *коммуникативных качеств речи*¹. Иначе говоря, это всё ошибки речевого пользования, кроме ошибок в области практической грамотности: *орфографических* и *пунктуационных*, которых в работе просто не должно быть.

Следовательно, в состав речевых ошибок входят:

- *алогизмы* (нелогичность) – нарушения в логичности высказываний, проявляющиеся в нарушении законов логики² (несоотнесенность понятий, подмена понятий, расширение/сужение объема понятий, искажение содержания понятий и др.);
- *лексические речевые ошибки*, проявляющиеся прежде всего в неточности словоупотребления, неправильном сочетании слов, искажение устойчивых выражений;
- *грамматические ошибки* – нарушения в области словоизменения, образования форм слов, грамматических связей слов, словообразования;
- (собственно) *стилистические ошибки* – отклонения от стилистических норм речи, проявляющиеся прежде всего в нецелесообразном отборе языковых средств, противоречащем научному стилю и жанру.

¹ См. раздел 16.1.2 пособия.

² См. раздел 3.1 пособия.

Анализ собранного материала по речевым погрешностям в научной речи показал, что «дать полный свод (реестр) речевых погрешностей, пожалуй, не представляется возможным из-за их необычайного разнообразия» [Котюрова 2010 : 194].

Особое внимание следует уделить возможным концептуальным погрешностям, о которых речь пойдёт в следующем разделе.

16.2. Технология редактирования (саморедактирования) текста диссертации и автореферата

В справочной литературе **редактирование (правка)** определяется как совершенствование *чужого текста* при подготовке к изданию. Речь в этом случае идёт о профессиональном редактировании, которое имеет несколько разновидностей в зависимости от степени вмешательства в этот чужой текст:

- 1) *правка-вычитка* – сличение текста с оригиналом, применяемая к официальным документам, историческим источникам и трудам классиков;
- 2) *правка-сокращение* – введение текста в запланированный объём;
- 3) *правка-обработка* – наиболее распространённый тип редактирования, который предполагает улучшение содержательной стороны и речевого оформления текста и
- 4) *правка-переделка* – глубокое вмешательство в текст, необходимое при желании сохранить мысли автора, не владеющего литературным языком [Матвеева 2010 : 367]¹.

Саморедактирование – это процесс совершенствования содержания и формы *собственного текста*, чтобы сделать его максимально удобным для восприятия читателя, для чего необходимо устранить все типы погрешностей и ошибок.

При этом предполагается разная степень вмешательства и в собственный текст в зависимости от степени его соответствия необходимым нормам. Чаще это первые три вида редактирования, реже – *правка-переделка*, если текст диссертации не принимается научным руководителем, а ещё хуже – на предзащите соискателю предложена «доработка диссертации».

Безусловно, такая сложная работа, как *саморедактирование* требует определённых знаний (и навыков), минимум из которых даём в этом разделе².

16.2.1. Подходы к редактированию текста диссертации

Диссертационная работа написана, но завершена ли? Что необходимо исследователю делать дальше?

Необходимо отложить её на некоторое время, заняться другими делами, а работе дать «вылежаться». Писатели и литературоведы называют этот период

¹ Для профессионального редактирования существует ряд пособий; см.: например: *Сикорский Н.М.* Вопросы методики редактирования//О редактировании книги: сб. ст. М., 1959. – С. 31-39; *Мильчик А.Э.* Методика редактирования текста. – М.: Книга, 1983. – 135 с.; *Справочная книга корректора и редактора* – М.: Книга, 1984. – 499 с.

Эти источники будут полезны и при саморедактировании.

² Принципиально методика и технология саморедактирования и редактирования не различаются (только редактор-профессионал не просто знает, как нужно редактировать любой текст, но и владеет навыками и умениями, чего нет у большинства соискателей-лингвистов), потому дальше использует термин – р е д а к т и р о в а н и е .

«остранением» [Бельчиков 1975 : 212]¹. Каков срок «вылеживания» научной работы? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ². Но хотя бы столько, чтобы автор несколько «забыл» своё произведение и приступил к редактированию как посторонний читатель.

Условием хорошего редактирования (саморедактирования) является целостно-композиционное мышление, которое обеспечивает целостное, нерасчленённое, общее представление концепции и её фрагментов, текстуально оформленных в научной работе. Такому мышлению присущи, с одной стороны, континуальность, нерасчленённость, а с другой – дискретность, расчленённость, стройность линейно организованных речевых отрезков и единиц, которые соотносятся друг с другом по принципу комплементарности (дополнительности) [Котюрова 2010 : 190-191]. Именно такой подход позволяет автору диссертации не только улучшить текст как форму, но и углубить и усовершенствовать само содержание текста работы.

Среди возможных подходов к редактированию основными считаются нормативно-грамматический и нормативно-стилистический, опирающиеся на языковую и стилистическую норму.

Напомним, что под нормой (языковой, литературной) понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации [Семенов 2002 (ЛЭС) : 337]³, а под нормативно-стилистическими понимаются исторически сложившиеся правила речевого пользования, признанные за образцовые с учётом стандарта стиля и жанра.

Если первые два подхода, часто называемые описательными, т.к. они в целом статичные, то третий подход – функционально-стилистический – является уже динамическим подходом к редактированию текста.

Наконец, в наши дни, вобрав, по сути дела, в себя предшествующие подходы, сформировался системный, объяснительный подход.

Сущность его заключается в том, что научный текст как готовый продукт речевой деятельности не может быть отчуждён от коммуникативно-познавательной деятельности, этапов эпистемической ситуации, а его структура в значительной мере обусловлена структурой получения нового знания.

В связи с этим автор в процессе редактирования своего текста может реконструировать мыслительные процессы, соотнести их с коммуникативно-познавательной стратегией, а затем и улучшить, усовершенствовать свой текст [Котюрова 2010 : 197].

¹ Писатель М. Пришвин признавался: «Бывает, пишешь с увлечением и думаешь потом, что написал замечательно хорошо. Потом случилось на неделю уехать. Радостно возвращаешься в написанному, читаешь, и оказывается – никуда оно не годится, рвёшь бумагу на мелкие кусочки и бросаешь в корзину. Так писатель за одну неделю сделался читателем и осудил писателя» [Цитируется по: Бельчиков 1975 : 213].

² Как пишет в своей автобиографии Ч. Дарвин, период «вылеживания» его книги *«Насекомоядные растения»* составил 16 лет: «Отсрочка в этом случае, как и для многих моих книг, была для меня большим преимуществом, так как человек после долгого промежутка времени, может критиковать своё сочинение почти так же хорошо, как если бы это был труд другого лица» [Цитируется по: Шкляр 2009 : 187].

³ См. также: Ицкович 1968; Степанов 1975; Горбачевич 1978; Граудина и др. 2001; Скворцов 2003 (РЯЭ-2003) и др.

16.2.2. Принципы редактирования текста диссертации

Поскольку редактирование, как мы убедились, сложный процесс, то для его успешности следует руководствоваться несколькими принципами.

К важнейшим принципам редактирования вслед за М.П. Котюровой относим:

- 1) *функциональный (эпистемический)*, учитывающий специфическое научно-познавательное содержание текста, соотносимое с научным знанием;
- 2) *голографический*, соотносимый с эпистемической целостностью содержания как всех текстовых единиц, так и текста произведения в целом;
- 3) *аналитико-синтезирующий*, совмещающий редактирование двух типов: дотекстовое, с акцентом на словосочетаниях и предложениях, и текстовое – с акцентом на сложных фрагментах текста (*субтекстах*) и композиционных блоках, а также на тексте целого произведения;
- 4) *технологический*, соотносимый с *редактирующим* (медленным, многократным, разнонаправленным) чтением, которое характеризуется «включённым» вниманием той или иной разновидности редактирующего чтения текста (*волнообразным, челночным, скачкообразным, паутинным, спиралевидным*)¹.

16.2.3. Смысловое редактирование диссертации

Названные подходы и принципы редактирования обуславливают необходимость **двух типов редактирования**: *смыслового (концептуального)* и *системного, объяснительного*.

Цель смыслового редактирования заключается в устранении концептуальных недочётов диссертации (и автореферата) и, следовательно, усовершенствования **концепции диссертации**.

В самом общем виде это совершенствование заключается в том, чтобы устранить типичные недостатки в методологии, методике и технологии лингвистического исследования, а именно:

- несовершенство исходных теоретических положений; их односторонность;
- недостаточная изученность объекта: приписывание объекту особенностей, не свойственных его природе;
- смешение различных временных плоскостей; соотношение синхронии и диахронии;
- отсутствие точных формулировок и их противоречивость;
- негармоничное соотношение композиционных частей, т. е. «флюсовые» (расширенные) введение и часто – теоретическая глава и усечённые исследовательские главы (соотношение должно быть 1:2);
- абсолютизация методике формального описания языка и речи;
- элиминирование (устранение, исключение) свойств объекта, «неудобных» для описания языка объективными методами;

¹ Типы редактирующего чтения подробно изложены М.П. Котюровой в учебном пособии «*Культура научной речи: Текст и его редактирование*» (Пермь, 2005. – С. 13-16].

- наличие неувязок и противоречий между составными компонентами концепции работы;
- отсутствие достаточных логических оснований в методике применения того или иного метода и др.;
- нерациональный выбор метода.

Эти и другие концептуальные погрешности описаны Б. А. Серебренниковым и И. П. Сузовым [Общее языкознание 1973 : 288-310].

16.2.4. Редактирование диссертации с позиции модели «Качество эталонного текста»

«Общеизвестно, что современные научные издания (не говоря уже о рукописных) пестрят ошибками, погрешностями и опечатками. Одна из причин шквала погрешностей <...> в современных научных текстах, по нашему представлению, лежит не в обычном, последовательном, а в так называемом смысловом чтении, при котором актуализируется концептуальность мысли, а значит, сужаются задачи и автора, и читателя», – справедливо пишет М. П. Котюрова [2010 : 191].

Действительно, *смысловое (концептуальное)* чтение, выполняя свои функции, не является достаточным для системного редактирования.

Для такого редактирования необходимы названные выше подходы, принципы, иной тип чтения.

Чтение как стихия интеллектуальной деятельности порождает управляемый самим автором (субъектом) деятельности поток сознания¹. При *редактирующем чтении* этот поток может контролироваться имеющейся в сознании субъекта моделью эталонного, идеального текста.

Под эталонным текстом, предназначенным для использования его в качестве инструмента редактирования, понимается текст, обладающий целостностью содержания как *эмерджентным* (ранее отсутствующим, новым) свойством, возникающим в результате преодоления *линейности текста* благодаря его перестройке в содержательную *композицию текста* [Котюрова 2010 : 206-207].

Нам представляется необычайно эффективной для системного редактирования модель, разработанная М. П. Котюровой [Там же : 206], представленной в схеме 30.

Схема 30



¹ См. раздел 3.2 пособия.

Интерпретация схемы 30

Системе «*Качество эталонного текста*» соответствует метафора *система-паутина*, отражающая связи элементов (частных качеств текста). Схематичное представление системы подчёркивается самим термином *контур*, обозначающим частное качество (понимаемое как одна из характеристик текста). *Контур* – внешнее очертание чего-нибудь, контурная линия – прерывистая, из точек. Вместе с тем термину *контур* придаётся более широкое, объемное значение, применяя его в отношении содержания и формы того или иного качества¹. В нашем случае, *контур* – это ориентир для наблюдения за тем или иным качеством речи в пространстве текста целого произведения. См., например, *связность*: нельзя в одном фрагменте контролировать выражение связности (в частности, связи между смежных предложений), а в другом – не обращать на неё внимания; это качество текста проявляется на всем его протяжении. Так же и *логичность*, которая проявляется и внутри предложения, и между самостоятельными предложениями, и между более сложными единицами.

Как видим, контуры системы, названной «*Качество эталонного текста*», образуют (на схеме) по горизонтали пары, взаимосвязанные на градуальной основе; см.: *монолитность* – *членимость*, *логичность* – *ассоциативность*, *связность* – *прерывистость*, *целостность* – *композитивность*, *понятность* – *непонятность* как «*мучительное непонимание*».

Те же контуры системы, если рассматривать их на схеме в разных направлениях, оказываются связанными как по вертикали, так и перекрёстно; см.: *логичность* – *связность* – *целостность*; *членимость* – *ассоциативность* – *прерывистость* – *композитивность*; *членимость* – *логичность*, *членимость* – *связность*, *членимость* – *целостность*, *логичность* – *прерывистость*, *логичность* – *композитивность* и др.

Система «*Качество эталонного текста*» имеет полипараметральный (многоконтурный) характер, ей присуща *эластичность* (внимание к одному свойству/элементу может изменить форму всей «паутины»), а также *открытость* и *релятивность*, поскольку ни один из контуров этой системы не является абсолютным, проявленным в высшей степени.

На схеме 30 после отточия приведены такие частные качества текста, соотносимые с контурами системы, как *понятность* – «*мучительное непонимание*». Отточие сигнализирует о том, что данные контуры установлены на другой основе – с учётом интерпретации текста либо автором, либо читателем. Так, *понятность* текста для автора несомненна, вместе с тем ясно, что затруднения при выражении мысли обусловлены её несовершенством, неясностью связей между элементами мысли, «мучительным непониманием её сущности».

Как считает А. А. Леонтьев, «понимание не гарантировано, оно ограничено». Естественно, что понимание текста читателем сталкивается с другими барьерами, прежде всего с неопределённостью, нечеткостью терминированных понятий и их связи в терминосистеме текста.

¹ В кибернетике «вытягивание» цепочек взаимосвязанных элементов и их связей в многомерной системе получило название *контурное мышление*, а термин *контур* – замкнутая цепь причинно-следственных связей [Котурова и др. 2011 : 20].

Интересно, что к своему непониманию авторы относятся по-разному. Одни скрывают его, выражая мысль «мягко», гипотетично, эксплицируя сомнение, неуверенность. Другие игнорируют непонимание, предпочитая констатирующую форму речи. Третьи покрывают его флёром уверенности, предпочитая категориально-экспрессивную форму речи [Котюрова 2010 : 214].

В случае непонимания хода авторской мысли редактору целесообразно устранить «тёмные места» и заполнить их связующими конструкциями.

Итак, в заключение ещё раз подчеркнём значимость при редактировании модели «Качества эталонного текста», которая накладывается на конкретный текст (в нашем случае – диссертации) и позволяет автору-редактору выявить отклонения и улучшить текст.

Конкретная методика и технология редактирования как *дотекстовых* единиц, так и *текстовых* на богатом иллюстративном материале даётся М.П. Котюровой в уже названном учебном пособии, а также в многочисленных пособиях по практической лингвостилистике¹.



Вопросы и задания для обсуждения

1. Охарактеризуйте стандарт научного стиля.
2. В чём состоит композиционный стандарт жанра диссертации в статике и динамике?
3. Охарактеризуйте *композиционную рамку* диссертации.
4. В чём заключаются основные функции автореферата диссертации?
5. В чём состоит сложность формулировки положений, выносимых на защиту?
6. Проведите аналитико-критический анализ положений, выносимых на защиту, в одном из авторефератов по близкой Вам теме (на Ваш выбор).
7. Что определяет композицию диссертации в динамическом аспекте?
8. Раскройте сущность теории субтекстов. Какую роль они выполняют в композиции диссертации?
9. Какую роль выполняет введение в композиции диссертации? В чем состоят основные трудности написания введения?
10. Каково содержание основной части диссертационной работы?
11. Объясните, в чём состоит сходство и различие выводов, изложенных в заключении диссертации, и выводов и рекомендаций, сделанных по каждой главе работы.
12. Какова роль рубрикации текста диссертационной работы?
13. Каковы основные требования к формулированию заголовков глав, разделов, подразделов диссертации?
14. Какие функционально-смысловые типы речи (ФСТР) следует использовать при изложении материала диссертации? Почему?

¹ См. раздел 14.2.4 пособия.

15. Почему рассуждение является основным аргументативным типом речи, используемым при написании диссертации? Аргументируйте свою позицию.
16. Охарактеризуйте подтипы рассуждения.
17. Каковы основные особенности языка научной речи?
18. Раскройте понятие метаязык лингвистики. Чем он отличается от метаязыков других наук?
19. Почему в диссертации следует использовать *графический метаязык*? Какие его средства кажутся Вам наиболее оптимальными для Вашей работы?
20. Используя дополнительную литературу, подготовьте сообщение на тему: «Цитата в тексте диссертации и автореферата».
21. Какую систему библиографических ссылок Вы будете использовать в своей работе? Почему?
22. Охарактеризуйте типичные трудности и ошибки при написании диссертации и автореферата.
23. Можно ли обойтись без редактирования текста диссертации и автореферата диссертации?
24. Какие подходы к саморедактированию представляются Вам наиболее оптимальными? Почему?
25. В чём состоит специфика редактирующего чтения?
26. Каковы основные принципы редактирования текста диссертации?
27. Проанализируйте модель «*Качество эталонного текста*» как инструмент редактирования. Какие минусы и плюсы Вы видите в этом инструменте?
28. Прокомментируйте высказывания:

Всякое научное открытие можно изложить в шести словах (П.Л. Капица).

Развитие науки <...> состоит из вопросов «почему?» (а не «для чего?») и из ответов: «потому что» (а не «для того, чтобы») (Б. де Куртенэ).

Скажите мне, каков библиографический справочник в диссертации, и я скажу, как её автор относится к своим научно-литературным обязанностям (С.А. Рейберг).

Корень зла учёного, как и литератора, приходится искать в неумении выразить свою мысль (В.О. Ключевский).

Стиль – не только человек, но и материал, он должен приспособиться к предмету исследования (К. Маркс).

*Кто умеет и кто в силах **своё вычеркивать**, тот далеко пойдёт* (Ф.М. Достоевский).

Не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, как дошли до этого (Л.Н. Толстой).

Литература для углублённого изучения

- Алексеева, Мишланова 2002
Алефиренко 2009-б
Амбарцумян 1968
Арнольд 1991 (2010)
Ахманова 1966 (II)
Бабенко 2000; 2004
Баженова 2001
Баранов 2002
Безуглов и др. 2008
Бельчиков 1975
Березин, Головин 1979
Библер 1975
Богин 1986
Болдырев 2000
Болотнова 2001; 2009
Василенко 2008 (III)
Виноградов В.В. 1986
Володина 2000
Галагузова 2011
Гвишиани 2002 (ЛЭС)
Гвишиани, Герви 2001
Герд 1981; 1986
Гецов 1989
Глазырина 2006 (III); 2010
Голованова 2004; 2011
Горбачевич 1978
Граудина и др. 2001 (II)
Даниленко 1977
Дедюхина 2010 (III)
Ефимов 2005 (III)
Жавкина 2004 (III)
Жучкова 2008 (III)
Запевалова 2008 (III)
Золотова 1973
Зубов и др. 2004
Иванова 2007 (III)
Иениш 1998
Ицкович 1968
Казанцева 2007 (III)
Казарин 1999
Кибрик 2003
Кожина 1968; 1988; 2003 (II)
Комарова 1991; 1998; 2002; 2003; 2008-а; 2010-а,б; 2011
Комарова, Запевалова 2010
Комарова, Краев 2008
Комарова, Талапина 2011
Комарова, Шагеева 2009
Комарова. Дедюхина 2010; 2011
Кондаков 1975 (II)
Коношенко и др. 1985
Котюрова 1988; 2005; 2010
Котюрова и др. 2011
Кравченко 2008 (СЭС) 2003 (II)
Краев 2007 (III)
Краткое 1979
Кржижановская 2000
Крисевич 1991
Кронгауз 2001
Кубрякова 1997
Кузин 1997
Кузнецов 1998; 2000; 2006
Куликова, Салмина 2002
Купина 1980
Купина, Матвеева 2012
Лейчик 2006
Лукин 2005
Манакин 1994
Матвеева 1990; 2010 (II)
Мельчук 1974
Мечковская 2004
Мигирин 2009
Минаева и др. 2007
Михалёв 2008
Налимов 2003
Никитина 2010
Новиков 1982; 2001
Новодранова 2000
Общее языкознание 1973
Плунгян 2008
Попович 1975
Прайс 1976
Прошина 2008 (III)
Рольфф 1980
Салимовский 2002
Сандалова 2010 (III)
Скворцов (РЯЭ – 2003)
Соловьев 1981
Степанов 1975; 2001
Сысоева 2000
Табанаква 1999; 2004
Талапина 2008 (III)
Тихонов, Ворона 2009
Трошева 1999; 2000
Трушина 2005 (III)
Халина 2009
Хасаншина 2004 (III)
Чебанов, Мартыненко 2008
Чернявская 1999
Чудинова 1998 (III)
Шагеева 2005 (III)
Шадрина 2010 (III)
Шилова 2005 (III)
Шкляр 2009
Щерба 1957
Integrum 2006

Итоги четвертой части

Творчество отныне – не совокупность приёмов, а манера видения мира, манера обращения с окружающей действительностью и внутренней, ментальной реальностью.

Владимир Фещенко¹

Опускаемся по «лестнице» (уровням) системной лингвистической методологии:

- в первой части пособия определены основы теоретической методологии, установлены её основания и дана общая характеристика деятельности, в том числе – научной;
- во второй части проанализирована теория метода и описана система методов шести верхних уровней методологии;
- в третьей части рассмотрены дисциплинарные и частнодисциплинарные методы лингвистики с позиции парадигмальности / непарадигмальности;
- наконец, в четвертой части пособия освещается нижний уровень практической методологии (методики) – технология научно-исследовательского процесса в лингвистическом исследовании и проблемы текстовой реализации полученных лингвистом-исследователем новых научных результатов.

Анализ показал:

- эпистемическую необходимость и целесообразность методологического постулата о диалектическом единстве процесса открытия и процесса описания полученного в исследовании нового знания [Степанов 2007 : 11];
- технология познавательно-коммуникативного процесса (от творческого замысла до окончательного оформления научного труда) обусловлена органическим единством объективных и субъективных факторов этого единого процесса;
- в объективные факторы, определяющие технологию познавательно-коммуникативного процесса исследования, включается комплекс взаимодействующих параметров: этапы и планирование исследования; проблемный поиск научной информации и её изучение; сбор, классификация и интерпретация языкового материала; формирование понятийно-терминологического инструментария исследования; учёт параметров «диссертабельности» работы; создание методологии и методики данного исследования; выявление предметно-понятийного компонента знания

¹ См.: Фещенко 2006 : 55.

(«лингвистические основы метода»); наличие стандарта научного стиля и жанра диссертации и автореферата диссертации и др.;

- в субъективные факторы, обуславливающие технологию познавательно-коммуникативного процесса исследования, включаются: познавательный интерес и психологическая установка исследователя; психические свойства личности исследователя, его методологическая компетентность; владение арсеналом методов, методик и приёмов и умение их творческого применения; наличие/отсутствие целостно-композиционного мышления исследователя; речевая индивидуальность исследователя; тип когнитивного стиля¹ автора текста;
- в конкретном лингвистическом исследовании и его описании объективные факторы реализуются сквозь субъективную призму автора работы на основе его «личностнообразующей доминанты» (А.А. Ухтомский, А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя и др.);²
- композиция диссертации (в динамике) как процесс выстраивания её содержательных частей для реализации проблемно-тематического замысла автора обусловлена фазами, этапами *эпистемической ситуации* как мета-модели познавательно-коммуникативной деятельности;
- содержание диссертации и автореферата репрезентирует концептуальное «триединство» *старого* (предпосылочного), *нового* (добытого автором) и *прогностического* знания, при доминирующем положении нового знания;
- понятие *хорошего научного текста* диссертации настолько объемно, многомерно, что неизбежны концептуальные и текстовые погрешности, обуславливающие необходимость *редактирования* созданного текста;
- сочетание различных типов редактирования (концептуального и системного) под контролем модели «*Качество эталонного текста*» целесообразно и эффективно для приближения текста диссертационного сочинения к эталонному.



¹ Когнитивные стили – это своего рода посредники между «ментальным миром» субъекта и «миром реальности», обеспечивающие в конечном счёте такое универсальное человеческое качество как «индивидуальность творческого ума» (Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – С. 362).

² В пособии не ставилась задача анализа субъективных факторов, субъективной стороны познавательно-коммуникативной деятельности учёного, тем более, что объективно она ещё недостаточно изучена [Котюрова и др. 2011 : 150].

Вместо заключения

Вот и окончен мой диалог с Вами, уважаемый читатель!

Всё, что хотела я сказать Вам сегодня, уже сказано. Возможно, завтра многое, но не главное, осталось бы за рамками этого общения.

В заключение сегодня, вопреки канону жанра, ничего не объясняю и не обобщаю, а лишь напоминаю известные нам с Вами вещи слова Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ о том, *«что лингвистика как законченное целое есть и остаётся всегда лишь непостижимым идеалом»*.

А потому он считает: *«Никакая книга не может представить целой системы языкознания. Никакая человеческая голова не в состоянии объять всю массу относящихся сюда фактов. Каждый из исследователей языка держит в своей голове только отрывок, только небольшой обломок целого, который даст ему возможность дойти до общего взгляда на целое и создать себе менее или более точную картину языковой жизни вообще»¹*.

Остаётся только пожелать Вам успехов

в этом нелегком, но благородном труде!



^{1 1} См.: Б. де Куртенэ 1963. I : 206.

Библиография

I. Список научной литературы

- Абдулова Е.А.* Наука и время: страницы истории // Вестник Пятигорского гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 396-399.
- Абеляр П.* Теологические трактаты / пер. с лат. – М.: Прогресс: Гнозис, 1995. – 413 с.
- Абрамова Н.Т.* Принципы целостности синтеза знания // Синтез современного научного знания. – М.: АН СССР; Ин-т философии, 1983. – С. 275-293.
- Абрамова Н.Т.* Границы фундаменталистского идеала и новый образ науки // Философские науки. – 1989. – № 11. – С. 37-50.
- Аванесов Р.И.* Русская диалектология. – М.: Учпедгиз, 1961. – 335 с.
- Аванесов В.Г.* Тесты в социолингвистических исследованиях. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
- Авербух К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
- Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
- Аверьянов Л.Я.* Методика контент-анализа // Контент-анализ: учебное пособие. – М.: Кнорус, 2009. – С. 279-320.
- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
- Агапов В.И.* Проблемная ситуация в науке (методологический подход): автореф. дис... канд. филос. наук. – Л., 1975. – 17 с.
- Агапов С.Г.* Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 288 с.
- Агеев В.Н., Узилевский Г.Я.* Человеко-компьютерное взаимодействие: концепции, процессы, модели. – М.: Мир книги, 1955. – 352 с.
- Агеев Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – 236 с.
- Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
- Ажеж К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Прогресс, 2003. – 304 с.
- Азнаурова Э.С.* Очерки по стилистике слова. – Ташкент: ФАН, 1973. – 405 с.
- Актуальные проблемы науки в исследованиях российских и зарубежных ученых.* – М.: Наука, 2000. – 165 с.
- Александрова О.В.* Когнитивная функция языка в свете функционального подхода к его изучению // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань: Рязан. ун-т, 2000. – С. 151-153.
- Александрова О.В.* Новый вид дискурса – новый вид языка? // Пелевинские чтения. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 15-25.
- Алексеев А.П.* Аргументация. Познание. Общение. – М.: МГУ, 1992. – 149 с.
- Алексеев П.М.* Языковая норма и статистика // Квантитативные аспекты речевой деятельности. – М.: Наука, 1977. – С. 40-57.
- Алексеев П.М.* Методика квантитативной типологии текста: учебное пособие. – Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т, 1983. – 76 с.
- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учебное пособие. – СПб.: Академия, 2004. – 352 с.
- Алексеева Л.М.* Онтологическая сущность научной метафоры // Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – Гл. 2. – С. 75-105.
- Алексеева Л.М.* Специфика научного перевода: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2002. – 125 с.
- Алексеева Л.М.* Интерпретация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 101-104.

- Алексеева Л.М.* Философия термина русской традиции // Терминология и знание: Материалы II международного симпозиума. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 11-25.
- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
- Алексеева М.В.* Научный текст как полилог. – М.: МПУ Сигнал, 2001. – 162 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Парадигмы современной науки о языке: Традиция и инновации // Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – Волгоград, – 2002. – № 1. – С. 5-13.
- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 386 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009-а. – 344 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Методологические проблемы современного языкознания // Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009-б. – Ч. IV. – С. 314-397.
- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
- Аликаев Р.С.* Язык науки как объект лингвистического описания. – Нальчик: Изд-во Каб.-Балк. ун-та, 1998. – 77 с.
- Аликаев Р.С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 318 с.
- Алимтиева Р.В.* Об основных объектах исторической семантики: на материале прилагательных-цветообозначений // Вопр. исторической семантики русского языка. – Калининград, 1990. – С. 11-16.
- Алимурадов О.А.* Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. – Пятигорск: Пятигорск. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 312 с.
- Алимурадов О.А., Каратышова М.А.* Проблема дискурса и дискурсивной деятельности. Система корреляций дискурсивной деятельности и концептосферы языковой личности // Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения. – Пятигорск: Снег, 2010. – С. 6-40.
- Алимурадов О.А., Лату М.Н., Раздуваев А.В.* Особенности структуры и функционирования отраслевых терминисистем (на материале системы нанотехнологий): монография. – Пятигорск: Снег, 2011. – 112 с.
- Алпатов В.М.* Принципы типологического описания частей речи // Части речи. Теория и типология. – М: Наука, 1990. – С. 25-50.
- Алпатов В.М.* О сопоставительном изучении лингвистических традиций (к постановке проблемы) // Вопр. языкознания. – 1990. – № 2. – С. 13-25.
- Алпатов В.М.* Об антропоцентрическом и системоцентричном подходе к языку // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-27.
- Алпатов В.М.* О прогнозах в лингвистике и социолингвистике // Язык: теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 74-82.
- Алпатов В.М.* История лингвистических учений: учебное пособие. 3-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
- Алтунян А.Г.* Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – 173-214.
- Амбарцумян З.Н.* Читателям о библиотечных каталогах. – М.: Книга, 1988. – 61 с.
- Амирова Т.А.* История лингвистики XX века (20-70-е г.г.). Структурно-функциональное языкознание (истоки, направления, школы): учебное пособие. – М.: МГЛУ, 2000. – 107 с.

- Амирова Т.А., Ольховников Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. – учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 672 с.
- Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ.* – М.: Наука, 1982. – 95 с.
- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
- Андреев И.Д.* Научная теория и методы познания. – М.: Наука, 1975. – 62 с.
- Андреев И.Д.* Теория как форма организации научного знания. – М.: Наука, 1979. – 302 с.
- Андреев Н.Д.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. – Л.: Наука, 1967. – 404 с.
- Андрющенко В.М.* Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка. – М.: Наука, 1987. – 147 с.
- Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71-78.
- Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. труды. М.: Наука, 1978. – 400 с.
- Антиномии языка // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского языка / под ред. М.В. Панова.* – М.: Наука, 1968. – С. 24-36.
- Античные теории языка и стиля (антология текстов).* – СПб.: Алетейя, 1996. – 364 с.
- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т.1-2.* – Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.
- Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.* – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.
- Ануфриев А.Ф.* Научное исследование. Курсовые, дипломные и диссертационные работы. – М.: Академия, 2002. – 201 с.
- Апресян В.Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопр. языкознания. – 2011. – № 1. – С. 19-51.
- Апресян Ю.Д.* Дистрибутивный анализ значений: структурные семантические поля // Лексикографический сборник. – 1962. – № 5. – С. 52-72.
- Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1963. – С. 102-149.
- Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
- Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.
- Апресян Ю.Д.* О языке для описания значений слов // Изв. АН ССР, ОЛЯ, 1969. – № 5. – С. 415-429.
- Апресян Ю.Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX века // Изд. АН СССР, Сер. яз. и лит-ра. – Т. 54. – 1999. – № 4. – С. 39-53.
- Апресян Ю.Д.* Дистрибутивный анализ // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 137-138.
- Апухтин В.Б.* Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. ... дис. канд. психол. наук. – М., 1977. – 21 с.
- Аракин В.Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования. – М.: Высшая школа, 1989. – 158 с.
- Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
- Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 184 с.
- Арапов М.В., Херц М.М.* Математические методы в исторической лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 168 с.

- Аргументация и интерпретация: Исследования по логике, истории философии и социальной философии: сб. науч. ст. – Калининград: Изд-во РГУ, 2006. – 236 с.*
- Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 249 с.*
- Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.*
- Аристотель. Категории. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 71 с.*
- Арнольд И.В. Оппозиция в семантике // Вопр. языкознания. – 1966. – № 2. – С. 106-110.*
- Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1991. (изд. 2-е. 2010) – 140 с.*
- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 443 с.*
- Арутюнов С. Этические процессы и язык // Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – Хрестоматия. – СПб: СПбГУ, 2001. – С. 164-183.*
- Арутюнова Н.Д. О структурных и традиционных методах в грамматике // Филологические науки. – 1963. – № 3. – С. 172-174.*
- Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 92-118.*
- Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 203 с.*
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факты. – М.: Наука, 1988. – 328 с.*
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.*
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 384 с.*
- Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В. Методы типологии // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – Гл. 5. – С. 224-256.*
- Арутюнова Н.Д., Климов Г.А., Кубрякова Е.С. Американский структурализм / Основные направления структурализма. – Наука, 1965. – 420 с.*
- Арчибальд Р.С. Управление высокотехнологическими программами и проектами. – М.: ДМК-Пресс, 2002. – 464 с.*
- Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – 192 с.*
- Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 349 с.*
- Ахипкин Я.Э., Сосновцева Е.Г. Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы // Вопросы языкознания. – 2011. – № 4. – С. 153-155.*
- Ахлибининский Б.Н., Хроленко Н.И. Теория качества в науке и практике: Методологический анализ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 200 с.*
- Ахманова О.С. О предмете лингвостилистики // Очерки по общей и русской лексикологии. Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 234-250.*
- Ахманова О.С., Краснова И.Е. О методологии языкознания (Извлечения) // Вопр. языкознания. – 1974. – № 6. – С. 32-47.*
- Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка (и так называемой «математической лингвистике»). – М.: МГУ, 1961. – 162 с.*
- Ахманова О.С. и др. О принципах и методах лингвистического исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1966-а. – 183 с.*
- Ахманова О.С. и др. О перспективах применения статистических методов в филологических исследованиях // О принципах и методах лингвостатистического исследования. М.: МГУ, 1966-б. – С. 97-113.*
- Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. – М.: МГУ, 1975. – 143 с.*
- Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 215 с.*

- Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
- Бабенко Л.Г.* Категоризация мира по данным идеографических словарей // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 23-52.
- Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 534 с.
- Бабосов Е.М.* Социология науки. – Минск: Харвест, 2009. – 224 с.
- Бабурин К.Б.* Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопр. языкознания. – 1997. – № 3. – С. 48-52.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
- Байбурун А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.
- Баженов Л.Б.* Обладает ли наука особым эпистемологическим статусом. // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 105-116.
- Баженова Е.А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 272 с.
- Балашов Ю.В.* «Антропные аргументы» в современной космологии // Вопр. философии. – 1988. – № 7. – С. 122-124.
- Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001-а. – 416 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001-б. – 383 с.
- Барабанищев В.А.* Восприятие и событие. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
- Баранников Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблемы их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22-31.
- Баранов А.Г.* Текст в функционально-прагматической парадигме. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1988. – 95 с.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
- Баранов А.Н.* Объект и методы прикладной лингвистики // Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 6-12.
- Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
- Баранов А.Н.* О жанре лингвистической экспертизы (вместо заключения) // Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 553-555.
- Баранов Г.В.* Научный метод: понятие, структура, функции. – Самара: Изд-во Самар. гос. эконом. ун-та, 2007. – 219 с.
- Барт Р.* Лингвистика текста // Новое в лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 442-449.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- Барт Р. Т.А. ван Дейк – А. Вежбицкая:* сравнительная методология концептуализации объектов дискурса // Вестник Пятигорского ун-та. – 2011. – № 2. – С. 145-149.
- Барулин А.Н.* Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация – М.: Спорт и культура-2000, 2002. – 464 с.
- Бауман З.* Спор о постмодернизме // Хрестоматия по социальной философии. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 556-563.

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985. – М.: Наука, 1986. – С. 156-169.
- Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 992 с.
- Безуглов И.Г., Лебединский В.В., Безуглов А.И.* Научная методология (психологические и педагогические специальности) // Основы научного исследования: учебное пособие. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 14-20.
- Бейкер М.К.* Атомы языка: Грамматика в поле сознания / пер. с англ. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 272 с.
- Белл Р.Т.* Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения. 1980. – 318 с.
- Белов А.В., Мезинова Г.Н.* Наука и паранаука. – Ростов на/Д.: ЦВВР, 2005. – 107 с.
- Белокурова В.Е.* Парадигмы научного знания в лингвистике // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. – Вып.12. – С. 43-47.
- Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е.* Когнитивные модели дискурса: учебное пособие. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2004. – 256 с.
- Белюсов К.И., Блазнова Н.А.* Введение в экспериментальную лингвистику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 136 с.
- Бельская И.К.* Язык человека и машина. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – Т.1. – 408 с.; Т.2. – 250 с.
- Бельчиков Н.Ф.* Вопросы методологии и методики исследования // Пути и навыки литературоведческого труда: учебное пособие. Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 170-204.
- Беляевская Е.Г.* Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М.: РАН ИНИОН, 2008-а. – С. 64-81.
- Беляевская Е.Г.* Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. Грамматика в когнитивно-дискурсивном аспекте. – М.: МГУ, 2008-б. – С. 140-146.
- Белякова С.М.* Образ времени в диалектной языковой картине мира: монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 207 с.
- Белянин В.П.* Психолингвистика как наука о речевой деятельности // Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2007. – Тема 1. – С. 8-20.
- Белянин В.П.* Эксперимент в психолингвистике // Психолингвистика: учебник, М.: Флинта, 2007. – Тема 7. – С. 126-149.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – Изд. 2-е. М.: УРСС, 2002. – 304 с.
- Бендикс Э.Г.* Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 75-107.
- Бергельсон М.Б.* Лингвистические методы исследования в области коммуникации // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. – Ростов на/Д.: ЦВВР, 2004. – С. 38-45.
- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. – М.: Искусство. – 1989. – 417 с.
- Бердяев Н.А.* Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. – 1996. – 297 с.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
- Берестнев Г.И.* О новой реальности языкознания // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 47-55.

- Берестнев Г.И.* Слово, язык и за их пределами: монография. – Калинин: Изд-во РГУ, 2007. – 357 с.
- Бернал Дж.* Наука в истории общества. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 736 с.
- Беркли Дж.* Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений в науках, а точнее основания скептицизма, атеизма и безверия. – М.: Мысль, 1978. – С. 168-184.
- Берков В.Ф.* Научная проблема: Логико-методологический анализ. – Минск: БГУ, 1979. – 127 с.
- Берков В.Ф.* Структура и генезис научной проблемы. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 238 с.
- Берталанфи Л.* Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Наука, 1969. – 203 с.
- Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. – Л.: Медицина, 1974. – 152 с.
- Бибихин В.В.* Слово и событие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 380 с.
- Бибихин В.В.* Язык философии. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
- Библер В.С.* Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.
- Блажевич Н.В.* Универсалии языка науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культ. информации, 1999. – 119 с.
- Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.
- Блумфилд Л.* Язык / пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 608 с.
- Богин Г.И.* Типология понимания текста. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
- Богин Г.И.* Общефилологическая и общепедагогическая ценность интерпретационных методов // Филология на рубеже XX – XXI веков. – Пермь: Пермск. ун-т, 1996. – С. 6-7.
- Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. – М.: Наука, 1985. – 176 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки. Фонема // Изб. труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 67-95.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Количественность в языке и мышлении // Избранные работы по языкознанию. Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 311-324.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 140 с.
- Болдырев Н.Н.* Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 283-293.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
- Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
- Болдырев Н.Н.* Актуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 5-14.
- Болотнова Н.С.* Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики текста // Вестник Томского гос. пед. ун-та, Томск. 2000. – С. 60-66.
- Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
- Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др.* Коммуникативная стилистика художественного текста: Лексическая структура и идиостиль. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 331с.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
- Бондарев И.М.* Тернистый путь науки. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 412 с.

- Бондарко А.В.* Грамматические категории и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 420 с.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 156 с.
- Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* Исследование фонетики // Основы теории речевой деятельности. – М.: Просвещение, 1974. – С. 145-161.
- Бор Н.* Избранные научные труды: в 4 т. – М.: Наука, 1971. – 583 с.
- Борботько В.Г.* Синергетика языка и дискурса // Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Либроком, 2009. – Гл.7. – § 3-5. – С. 195-210.
- Борисов В.В. и др.* Лингвостатистика и критерии истинности в языкознании // Научно-техническая информация. – Сер.2. Информационные процессы и системы. – 1999. – № 7. – С. 30-35.
- Борн М.* Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 536 с.
- Бородастов Г.В., Лобастов Г.В., Мареев С.Н.* Методологические основы научно-технического творчества: учебно-методическое пособие. – М.: МФ ЦИПК, 1985. – 85 с.
- Боронин А.А.* Суперконцепт «коммуникативная ситуация» и его вербальное воплощение // Проблемы представления (репрезентация в языке. Типы и форматы знаний). – М.: Калуга, 2007. – С. 180-188.
- Бочкарев А.С.* Эпистемологические аспекты значения. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007. – 224 с.
- Бразговская Е.М.* Текст культуры: от события к со-бытию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий): монография – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2004. – 284 с.
- Брайт У.* Введение: параметры социолингвистики: пер. с англ. // Зарубежная лингвистики. 1. Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1999. – С. 107-114.
- Бросова Н.З.* Современная филология: аспекты и концепты // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 181-186.
- Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
- Брутян Г.А.* Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1976. – С. 53-69.
- Брутян Г.А.* Аргументация. – Ереван: АН Арм. СССР, 1984. – 105 с.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. – Воронеж: Модек, 1996. – 392 с.
- Брюшинкин В.Н.* Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретация: Сб. науч. ст. – Калининград: Изд-во РГП, 2006. С. 11-17.
- Бугорская Н.В.* Проблема философии науки XX века // Проблема термина и терминологические проблемы. – Барнаул: Алтайский ун-т, 2007. – С. 60-119.
- Бугорская Н.В.* Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2009. – 38 с.
- Будагов Р.А.* Язык и речь в кругозоре человека. – М.: Добросвет, 2000. – 303 с.
- Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? – М.: Добросвет, 2004. – 304 с.
- Будаев Э.В.* Сопоставительная политическая метафорология: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 48 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Методология современной политической лингвистики // Современная политическая лингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург, Изд-во УрГУ, – 2006. – С. 34-52.

- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Методология политической лингвистики // Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 42-68.
- Буданов В.Г.* О методологии синергетики // Вопр. философии. – 2006. – № 5. – С. 79-94.
- Бузгалин А.В.* Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопр. философии. – 2009. – № 5. – С. 20-35.
- Бузгалин А.В.* Социальная философия XXI в.: Ренессанс марксизма // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 36-48.
- Булатов М.А.* Логические категории и понятия. – Киев: Наукова думка, 1981. – 123 с.
- Булгаков С.Н.* Философский смысл троичности // Вопр. философии. – 1989. – № 12. – С. 90-98.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. – 447 с.
- Булыгина Т.В.* Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 175-231.
- Булыгина Т.В.* Проблемы теории и практики морфологического описания // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и языка. – 1975. – № 4. – С. 333-343.
- Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
- Бунге М.* Интуиция и наука. – М.: Прогресс, 1967. – 188 с.
- Бургин М.С., Кузнецов В.И.* Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем значения. – М.: Просвещение, 1994. – 304 с.
- Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 272 с.
- Бутенко И.А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
- Бушев А.Б.* Языковая феномены политического дискурса. – М.: Просвещение, 2004. – 412 с.
- Буянова Л.Ю.* Язык науки как когнитивно-семиотическое пространство // Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2010. – Гл.2. – С. 25-117.
- Быков В.В.* Методы науки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
- Бычков В.В.* Эстетика: учебник. – М.: Гардарики, 2002. – 556 с.
- Бэкон Ф.* Новый органон // Сочинения: в 2-х т., Т.1. – М.: Мысль, 1977. – 567 с.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. – М.: Прогресс Универс, 1993. – 502 с.
- Валгина Н.С.* Теория текста. – М.: Мир книги, 2003. – 280 с.
- Вандриес Ж.* Родство языков и сравнительный метод // Язык (лингвистическое введение в историю) / пер. с франц. Изд. 3-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – Гл. 5. – С. 271-284.
- Варбот Ж.Ж.* Этимология // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 596-597.
- Вартофски М.* Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Просвещение, 1988. – 508 с.
- Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. – М.: Просвещение, 1987. – 141 с.
- Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Васильев Л.М.* Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1990. – 60 с.
- Васильев Л.М.* Методы современной лингвистики: учебное пособие. – Уфа: Башкир. ун-т, 1997. – 182 с.
- Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речь. – М.: Русский язык, 1976. – 189 с.

- Введение в языкознание: хрестоматия* / под. ред. А.Е. Супруна. – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – 268 с.
- Введение в языкознание: хрестоматия.* – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 342 с.
- Введенская Л.А., Колесников Н.П.* Этимология и её виды. – Ростов н/Д., 1986. – 267 с.
- Вдовиченко А.В.* Хаос в лингвистическом материале как проблема метода. Актуализация вербального феномена // *Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка, беспорядка.* – М.: Индрик, 2003. – С. 248-156.
- Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
- Веденов А.А.* Моделирование элементов мышления. – М.: Наука, 1988. – 159 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Прогресс. 1996. – 312 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – 288 с.
- Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика.* – М.: Прогресс, 1981. – С. 50- 176.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. – М.: Смысл: Академия, 2006. – Т. 2. – 432 с.
- Вендина Т.И.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 2001. – 288 с.
- Веников В.А.* Теория подобия и моделирования. – М.: Высшая школа, 1976. – 479 с.
- Верёвкина Н.А.* Как оформить библиографию к научной работе. – М.: Книга, 1998. – 98 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Просвещение, 1999. – 84 с.
- Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1988. – 191 с.
- Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
- Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. – 181 с.
- Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
- Ветров А.А.* Семиотика и её основные проблемы. – М.: Просвещение, 1968. – 264 с.
- Винарская Е.Н.* Клинические проблемы афазии. – М.: Сфера, 2007. – 224 с.
- Винарская Е.Н., Кузнецов С.Н.* Нейролингвистика // *ЛЭС.* – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 327-328.
- Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. Изд. 2-е. – М.: Советское радио, 1968. – 326 с.
- Виноградов В.А.* Сопоставительный метод // *ЛЭС.* – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – С. 481.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АПН СССР, 1963. – 253 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 600 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
- Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958. – 422 с.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч.1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.

- Вишняцкий Л.Б.* Происхождение языка: современное состояние проблемы // *Вопр. языкознания.* – 2002. – № 3. – С. 48-63.
- Водак Р.* Язык. Дискурс. Практика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
- Войтов А.Г.* История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. – М.: Дашков и К, 2004. – 692 с.
- Войшвилло Е.К.* Понятие. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – 369 с.
- Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. – М.: Либроком, 2009. – 240 с.
- Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г.* Объекты познания и их характеристики // *Логика с элементами эпистемологии и научной методологии: учебник.* – М.: Интерпракс, 1994. – Гл. IV. – С. 124-143.
- Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г.* Определение (дефиниция) как прием познания // *Логика с элементами эпистемологии и научной методологии.* – М.: Интерпракс, 1994. – Гл. VII. – С. 204-229.
- Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г.* Некоторые методы научного познания // *Логика с элементами эпистемологии и научной методологии.* – М.: Интерпракс, 1994. – Гл. X. – С. 346-390.
- Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г.* Логико-эпистемические аспекты аргументации // *Логика с элементами эпистемологии и научной методологии.* – М.: Интерпракс, 1994. – Гл. XI. – С. 391-410.
- Волков Ю.Г.* Диссертация: подготовка, защита, оформление. – М.: Гардарики, 2002. – 160 с.
- Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб: Изд-во Астак-пресс Ltd, 1995. – 338 с.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка, М.М. Бахтин (под маской) – М.: Лабиринт, 2000.–189 с.
- Вольт Л.О.* Объект, проблема и модель. Метод моделирования и некоторые философские проблемы истории и методологии естествознания. – Таллин: Изд-во ТТУ, 1975. – 287 с.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
- Вольфсон И.В.* Язык политики. Политика языка. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2003. – 128 с.
- Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.* – М.: АН СССР, 1956. – 359 с.
- Вопросы полевого описания языка: сб. науч. тр.* – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 2003. – 232 с.
- Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки.* – 2001. – № 1. – С. 4-72.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Теория и методы: монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
- Ворожбитова А.А.* Теория текста: антропоцентрическое направление. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
- Воронова Н.Г.* Деятельностная модель интерпретации художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 18 с.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Наука, 2002. – 326 с.
- Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // *Вопр. языкознания.* – 2009. – № 3. – С. 76-99.
- Всеволодова М.В.* Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // *Вестник Моск. ун-та. Сер.9. Филология.* – 2010. – № 6. – С. 7-35.

- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений в шести томах. Т.2. – М.: Педагогика, 1982 (переизд. 2007). – С. 5-36.
- Выготский Л.С.* Проблема и метод исследования // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2007. Гл. 1. – С. 6-19.
- Выготский Л.С.* Экспериментальное исследование развития понятий // Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2007. – Гл. 5. – С. 110-127.
- Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире.* – М.: Наука, 2004. – 475 с.
- Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 288 с.
- Гаврилова М.В.* Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – 265 с.
- Гаврилова М.В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис: политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 127-139.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного / пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
- Гайда Ст.* Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1992. – С. 37-49.
- Гайда Ст.* Что есть стиль? // Стереотипность и творчество в тексте. – Вып. 14. – Пермь: Пермск. гос. ун-т, 2010. – С. 93-102.
- Гайденок П.П.* Научная рациональность и философский разум. – М.: Наука, 2003. – 420 с.
- Гак В.Г.* К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. – М.: МГУ, 1971. – С. 90-98.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. – М.: Междун. отношения, 1977. – 264 с.
- Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 2006. – 288 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Наука, 1998. – 768 с.
- Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Наука, 2004. – 832 с.
- Галагузова М.А.* Методологическое обоснование научного исследования // Диссертационные исследования по педагогике: вопросы и ответы: научно-практическое пособие. – Екатеринбург: СВ-96. 2011. – С. 67-100.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
- Гамкрелидзе Т.В.* Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими проблемами // Вопр. языкознания. 1996. – № 3. – С. 5-8.
- Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – 480 с.
- Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения (вопросы методологии). – М.: Высшая школа, 1986. – (ЛКИ, 2008). – 280 с.
- Гегель Г.В.* Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1975. – 597 с.
- Гейзенберг В.* Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / пер. с нем. – СПб.: Наука, 2006. – 572 с.
- Герасимов И.Г.* Структура научного исследования: философский анализ познавательной деятельности в науке. – М.: Мысль, 1985. – 215 с.
- Герасимов В.В., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Когнитивные аспекты языка – М.: Просвещение, 1988. – С. 5-11.
- Герд А.С.* Язык науки и техники как объект лингвистического изучения // Филологические науки. – 1986. – № 2. – С. 54-59.

- Герд А.С.* Научное знание и система языка // Вестник СПб ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993. – № 1. – С. 30-44.
- Герд А.С.* Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание: учебник. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 5-14.
- Герд А.С.* Этногенез и этническая история как объект этнолингвистики // Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – Лекция 8. – С. 116-137.
- Герд А.С.* О специфике задач в прикладной лингвистике // Прикладная лингвистика. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – С. 103-111.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
- Герман И.А.* Лингвосинергетика. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 137 с.
- Гершунский Б.С.* Философия образования XXI века. – М.: Совершенство, 1998. – 408 с.
- Гетманова А.Д.* Предмет и значение логики // Логика: учебник, словарь, практикум. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. – Гл. 1. – С. 7-28.
- Гиндин С.И.* Современная лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты // Изв. АН СССР. – 1977. – № 4. – С. 264-269.
- Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 222 с.
- Гинзбург Р.С.* Значение слова и методика компонентного анализа // Иностр. языки в школе. – М.: Просвещение, 1978. – № 5. – С. 26-31.
- Гипотеза в современной лингвистике.* – М.: Просвещение, 1980. – 384 с.
- Гируцкий А.А.* Методология, метод, методика: сходства и различия // Общее языкознание: учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2001. – С. 267-294.
- Гладкий А.В.* Формальные грамматики и языки. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А.* Элементы математической лингвистики. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
- Глазман М.С.* Научное творчество как диалог // Научное творчество. – М.: Наука, 1989. – С. 221-232.
- Глазырина А.И.* Английские контактные элементы в русском компьютерном подязыке: Монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2010. – 201 с.
- Глинских Г.В., Петрова О.В.* Введение в языкознание. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 1999. – 252 с.
- Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику / пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 339 с.
- Глухов В.П.* Экспериментальные исследования в психолингвистике // Основы психолингвистики: учебное пособие. Раздел VII. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – С. 306-328.
- Голованова Е.И.* Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – Изд. 2-е. – М.: Элпис, 2008. – 304 с.
- Голованова Е.И.* Особенности категоризации и концептуализации специальных знаний // Введение в когнитивное терминоведение. – М.: Наука; Флинта, 2011. – С. 104-139.
- Головин Б.Н.* Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 190 с.
- Головин Б.Н.* Методы лингвистического исследования // Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1983. – С. 128-135.
- Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
- Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997 – 448 с.
- Гольдберг В.Б.* Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: Методы исследования: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 373 с.
- Гольдфайн И.А.* Векторный анализ и теория поля. – М.: Просвещение, 1969. – 132 с.
- Гончарова Е.А.* Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стил. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. – С. 9-23.
- Гончарова Е.А.* Теория и практика стилистического анализа. – М.: Академия, 2010. – 352 с.

- Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. – Л.: Наука, 1978. – 238 с.
- Горбачевский А.А.* Методы в языкознании // Введение в языкознание: учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. – С. 110-127.
- Горбачевский А.А.* Методы в языкознании // Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 185-225.
- Горелов А.А.* Концепции современного языкознания: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – 512 с.
- Горелов А.А.* Личность ученого и этика науки // Концепции современного языкознания: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – С. 247-260.
- Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
- Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой.* – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 312 с.
- Городецкий Б.Ю.* Актуальные проблемы прикладной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-17.
- Городецкий Б.Ю.* Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-22.
- Горский Д.П.* О видах определений и их значение в науке // Проблемы логики научного познания. – М.: Мысль, 1964. – С. 294-357.
- Горский Д.П.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М.: Мысль, 1966. – 412 с.
- Горский Д.П.* Определение (логико-методологические проблемы). – М.: Мысль, 1974. – 311 с.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – Прогресс, 1985. – 500 с.
- Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. – М.: Академический проект, 2004. – 368 с.
- Грибанов Н.И.* Феномен предпосылочного знания. – Самара: Изд-во СамГУ, 2004. – 213 с.
- Григорьева В.С.* Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 46-57.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотипы и творчество: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.
- Гридина Т.А.* Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 138 с.
- Гридина Т.А., Шебалов Р.Ю.* Корректурa и компьютерная верстка: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – 97 с.
- Гринберг Дж.* Лингвистика как наука // Антропологическая лингвистика: Вводный курс / пер. с англ. Гл. II. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 24-40.
- Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение: учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
- Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.* О современных методах лингвистических исследований (к постановке проблемы) // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 277-290.
- Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г.* Основные постулаты антропологической лингвистики // Основы антропологической лингвистики: учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – С. 15-26.
- Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

- Грошко Е.И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: Каратум, 2007. – С. 213-237.
- Грязнов Б.С.* Теория и её объект. – М.: Наука, 1979. – 248 с.
- Грязнов Б.С.* Логика. Рациональность. Творчество. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 256 с.
- Губанов В.В.* Наука ли синергетика // Вопр. философии. – 2009. – № 10. – С. 159-165.
- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
- Гулида В.В., Вахтин Н.Б.* Петербургская социолингвистика: пятнадцать лет развития // Вопр. языкознания. – 2010. – № 2. – С. 106-119.
- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 291-314.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984; 2-е изд., 2000 (переизд. 2001). – 399 с.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
- Гумилёв Л.Н.* Этносфера. История моделей и история природы. – М.: Экропос, 1993. – 544 с.
- Гуревич П.С.* Культурология. – М.: Знание, 1996. – 287 с.
- Гуров Н.В., Зограф Г.А.* Ареальное языкознание: предмет и метод (на материале языков Южной Азии) // Вопр. языкознания. 1992. – № 3. – С. 67-83.
- Гуссерль Э.* Феноменология // Логос. – 1991. – № 1. – С. 132-143.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная философия // Вопр. философии. – 1992. – № 7. – С. 137-176.
- Гуссерль Э.* Общее введение в чистую феноменологию // Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1. / пер. с нем. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 336 с.
- Данилевская Н.В.* Эпистемической ситуации как система познавательных действий (в качестве обобщения) // Роль оценки в механизме развертывания научного текста. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – С. 286-290.
- Даниленко В.П.* Методологическая структура ономазиологической грамматики // Ономазиологическое направление в грамматике. – М.: ЛКИ, 2007. – Гл. 2. – С. 42-70.
- Даниленко В.П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
- Девис П.* Случайная Вселенная. М.: Мир, 1985. – 132 с.
- Дейвисон М.* Многомерное шкалирование. М.: Мир, 1986. – 284 с.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Декарт Р.* Рассуждения о методе. – М.: Мысль, 1953. – 655 с.
- Декарт Р.* Размышления о первой философии: Сочинения в двух томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 913 с.
- Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академия, 1995. – 272 с.
- Дельбрюк Б.* Из истории и методологии сравнительного языкознания // Введение в изучение сравнительного языкознания. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 152 с.
- Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и её жанры. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
- Демидова К. И.* Дialeктная языковая картина мира и аспекты её изучения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011. – 238 с.
- Демьянков В.З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58-67.
- Демьянков В.З.* Ошибки продуцирования и понимания // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: сб. науч. трудов – М.: Ин-т языкознания: Пермск. ун-т, 1989. – С. 22–34.

- Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания.* – 1994. – № 4. – С. 17-33.
- Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX века.* – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 262-273.
- Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования.* – М., 2002. – № 3. – С. 32- 43.
- Демьянков В.З.* Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике.* – М.: РАН ИНИОН, 2008. – С. 15-39.
- Денисов П.Н.* Принципы моделирования языка. – М.: МГУ, 1965. – 151 с.
- Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму.* – М.: 2000. – С. 407-420.
- Джевонс С.* О логике и научном методе / пер. с англ. // *Классическая философия науки: Хрестоматия.* – М.: Март, 2007. – С. 105-207.
- Диалектика.* Познание. Наука. – М.: Наука, 1988. – 286 с.
- Дидро Д.* Сочинения в двух томах/пер. с франц. – М.: Мысль, 1986.–592 с.
- Дильтей В.* Возникновение герменевтики // *Собрание сочинений в шести томах. Т.4.* / пер. с нем. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. –Т.1. – С. 235-254.
- Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты: коллективная монография / отв. ред. Е.Н. Азначеева.* – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2008. – 154 с.
- Дискурсология: методология, теория и практика.* – Екатеринбург: Изд-во Дискурс-Пи, 2006. – 172 с.
- Дмитриев Ю.Я.* Категория качества, количества и меры в историко-философском процессе. Закономерности развития. Функции. – М.: Наука, 1985. – 159 с.
- Дмитровская М.А.* Знание и мнение. Образ мира, образ человека // *Логический анализ языка, знание и мнение.* – М.: Наука, 1988. – С. 6-18.
- Добров Г.М.* Наука о науке. – 2-е изд. – Киев: Наукова думка, 1980. – 172 с.
- Добровольский О.Д.* Корпус параллельных текстов как инструмент сопоставительного описания языков // *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы.* – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. – 280-290.
- Добронравова И.С.* Синергетика: становление нелинейного мышления. – Киев: Лыбидь, 1990. – 152 с.
- Долгих Н.Г.* О способах выделения и методы анализа семантических полей // *Сб. науч. трудов МГПИИЛ им. М. Тореца. Вып. 65.* М.: Изд-во МГПИИЛ им. М. Тореца, 1972. – С. 31-43.
- Долгов К.О.* О XVIII Международном эстетическом прогрессе // *Вопр. философии.* – 2011. – № 3. – С. 172-177.
- Долинин К.А.* Интерпретация текста. – М.: Просвещение, – 1978. – 159 с.
- Донец П.Н.* Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: автореф. дис ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 43 с.
- Дорожкин А.М.* Научный поиск как постановка и решение проблем. – Н. Новгород, 1993. – 219 с.
- Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики / пер. с польск. – М.: Прогресс, 1973. – 243 с.
- Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология.– М.: Высшая школа, 1980.–224с.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. –М.: Наука, 1985. – 45 с.
- Дроздова Т.В.* Проблемы понимания научного текста. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
- Дубичинский В.В., Метешкин К.А.* Место и роль современной лексикографии в методологии науки // *Прикладная лингвистики. Проблемы построения лингвистического*

- обеспечения образовательных систем высшей школы. – Харьков: МСУ, 2005. – С. 26-32.
- Дубичинский В.В., Самойлов А.Н.* Словари русского языка: учебное пособие. – Харьков: Изд-во Междунар. слав. ун-та, 2000. – 242 с.
- Дударева З.М.* Контрастивное исследование концептуальной сферы время в русской и башкирской языковых картинах мира: монография. – Екатеринбург-Стерлитамак: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. – 200 с.
- Думченко А.Д.* Интерлингвистические аспекты языковых единиц и проблемы лингвоконструирования // *Вопр. языкознания.* – 1991. – № 5. – С. 157-159.
- Дэвидсон Д.* Истина и значение // *Новое в зарубежной лингвистике*, Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 99-120.
- Дэвидсон Д.* Общение и конвенциональность // *Философия. Логика. Язык* / сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1987. – С. 213-233.
- Дюнфорт Э.* Грамматическое строение языка как произведение искусства / пер. с нем. – М.: Парсифаль, 1997. – 320 с.
- Елистратов В.С.* О философском подтексте фонологии // *Вестник МГУ.* – Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2000. – № 1. – С. 30-35.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // *Новое в лингвистике.* Вып.1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 264-389.
- Ельмслев Л.* Метод структурного анализа в лингвистике // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в отрывках и извлечениях: в 2-х т. – М.: Просвещение. – Т.1., 1964. – С. 101-111.
- Есперсен О.* Философия грамматики / пер. с англ. – М.: КомКнига, 2006. – 408 с.
- Естественный язык, искусственные языки и информационные процессы в современном обществе.* – М.: Наука, 1988 – 176 с.
- Жариков Е.С.* Гносеологический анализ научной проблемы: автореф. дис... д-ра философ. наук. – Киев, 1988. – 46 с.
- Женетт Ж.* Фигуры: В 2-х томах. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
- Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопр. языкознания.* – 1974. – № 6. – С. 26-38.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
- Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество: Избранные труды. – М.: Лабиринт, 1998. – 412 с.
- Жирмунский В.М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // *Вопр. языкознания.* – 1954. – № 4. – С. 21-30.
- Жоль К.К.* Язык как практическое сознание (философский анализ). – Киев: Вища школа, 1990. – 238 с.
- Журавлев В.К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Индрик, 1982. – 336 с.
- Журавлев В.К.* Внутренняя реконструкция // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.* – М.: Индрик, 1988. – С. 68-90.
- Журавлев В.К.* Истоки лингвистического мировоззрения XX века // *Язык: Теория, история, типология.* – М.: Индрик, 2000. – С. 83-96.
- Журавлев А.Ф.* Лексикостатистика как инструмент глоттогенетического исследования // *Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства.* – М.: Индрик, 1994-а. – С. 30-49.
- Журавлев А.Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. – М.: Индрик, 1994-б. – 254 с.
- Заботкина В.И.* Типы прагматических знаний // *Когнитивные исследования языка.* Вып. II. Типы знаний и проблема их классификации. – М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008. – С. 90-94.
- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.

- Залевская А.А.* Методы исследования межъязыковых и межкультурных взаимодействий // Этнос. Культура. Перевод. – Пятигорск: Классика, 1996. – С. 18-48.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1999. – 328 с.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Язык славянской культуры, 2005. – 544 с.
- Засорина Л.Н.* Введение в структурную лингвистику. – М.: Высшая школа, 1974. – 319 с.
- Звегинцев В.А.* Лингвистическое датирование методом глоттохронологии (лексикостатистика) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.1. – М.: Просвещение, 1960. – С. 9-22.
- Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1. – М.: 1964. – Ч.2.; – 1965. – 466 с.
- Звегинцев В.А.* Язык и знание // Вопр. философии. – 1982. – № 1. – С. 71-80.
- Звегинцев В.А.* Современная лингвистика – её теоретические и практические задачи // Мысли о лингвистике. М.: КомКнига, 1996. – 336 с.
- Звегинцев В.А.* Что является объектом изучения в лингвистике // Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: КомКнига, 2007. – С. 7-12.
- Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М.: Просвещение. – 1969. – 214 с.
- Зеленицкий А.Л.* Метод типологии // Сравнительная типология основных европейских языков: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – С. 38-40.
- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. – М.; Воронеж: Изд-во МОДЭК, 2001. – 432 с.
- Зиндер Л.Г.* Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 190 с.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. – М.: Просвещение, 1971. – 279 с.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структуры сознания // Вопр. психологии. – 1991. – № 2. – С. 15-37.
- Золотова Г.А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 260 с.
- Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии: учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
- Зубкова Л.Г.* Принцип знака в системе языка. – М.: РУДН, 2010. – 750 с.
- Зубов А.В., Зубова И.И.* Базы данных и лингвистические информативные ресурсы // Информационные технологии в лингвистике: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – С. 146-175.
- Зуев В.В.* К вопросу о генезисе научной теории // Вопр. философии. – 2011. – № 1. – С. 98-105.
- Зяблова О.А.* Принципы исследования языка для специальных целей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 45 с.
- Ибраев Л.И.* Надзнаковость языка (к проблеме соотношения семиотики и лингвистики) // Вопр. языкознания. –1981. – № 1. – С. 17-36.
- Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т.1. – М.: Наука, 1998. – 880 с. (переиз. 2000).
- Иванов Вяч. Вс.* Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук // Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 151-161.
- Иванов Вяч. Вс.* Методы реконструкции и их роль // Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 128-134.
- Иванова Л.П.* Методы лингвистических исследований. – Киев: ИСИО, 1995. – 87 с.
- Иванова С.В.* Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм: учебное пособие. – Уфа: Изд-во БашГУ 2004. – 150 с.

- Ивин А.А.* Логика норм. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 122 с.
- Ивин А.А.* Ценности и понимание // *Вопр. философии.* –1987. – № 8. – С. 31-43.
- Ивин А.А.* Теория аргументации. – М.: Наука. – 2000. – 416 с.
- Ивин А.А.* Ценности и проблемы понимания // *Полигиозис.* – 2002. – №4. – С. 123-139.
- Ивлев Ю.В.* Логика и методология. Основные методологические принципы логики // *Логика: экспериментальный учебник для студентов гуманитарных вузов.* – М.: Наука, 1994. – С. 27-35.
- Илларионов С.В.* Гносеологическая функция принципа инвариантности // *Вопросы философии.* – 1968. – № 12. – 89-95.
- Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 215 с.
- Ильин В.В.* Онтологические и гносеологические функции качества и количества. – М.: Высшая школа, 1972. – 216 с.
- Ильин В.В.* Критерии научности знания. – М.: Высшая школа, 1989. – 127 с.
- Ильин В.В.* Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 163 с.
- Ильин В.В.* Методология социально-гуманитарных наук // *Философия социально-гуманитарных наук: учебное пособие.* – М.: Академический проект, 2006. – 56-76 с.
- Ильин В.В.* Теория познания. Эпистемология. – М.: Либроком, 2011. – 136 с.
- Ильин В.В., Калинин А.Т.* Природа науки: гносеологический анализ. – М.: Высшая школа, 1985. – 230 с.
- Ильяшенко Т. П.* Языковые контакты (на материале русско-молдавских контактов). – М.: Наука, 1970. – 204 с.
- Ирисханова О.К.* О теории концептуальной интеграции // *Изв. РАН. – Сер. лит. и яз.* – М., 2001. – Т.60. – №3. – С. 44-49.
- Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М.: Изд-во ВТНТИ, 2004. – 350 с.
- Ирисханова О.К.* Семиотические гибриды как способ репрезентации знаний в дискурсе // *Когнитивные исследования языка. Вып. III. Проблемы репрезентации в языке.* – М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2009. – С. 303-311.
- Исаев М.И.* Интерлингвистика как языковедческая дисциплина // *Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания.* – М.: Московский Лицей, 1998. – Вып. 2. – С. 105-109.
- Исаев М.И.* Этнолингвистические проблемы в СССР и на постсоветском пространстве // *Вопр. языкознания.* – 2002. – № 6. – С. 101-117.
- Иссерт О.С.* Методологические и теоретические проблемы описания речевого воздействия // *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.* – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. (М., 2003) – С. 13-50.
- История отдельных направлений лингвистики //* *Вопр. языкознания.* – 1999. – № 2. – С. 68-117.
- История русской культуры.* – М.: ЭКСМО, 2006. – 832 с.
- История русской лексикографии /* отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1998. – 610 с.
- История философии: учебник для вызов.* – СПб: Питер. 2010. 432 с.
- Ицкович В.А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. – 93 с.
- Ищенко Е.Н.* Современная эпистемология гуманитарного знания. – Воронеж, 2003. – 144 с.
- Йоргансен М.В., Филипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
- Кабакова Г.И.* Французская этнолингвистика: проблематика и методология // *Вопр. языкознания.* –1993. – № 6. – С. 100-112.
- Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. – М.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 384 с.

- Каганский В.Л.* Классификация как знание и знание о классификации // Язык и структура знания. – М.: Прогресс, 1990. – С. 230-245.
- Каде Т.Х.* Научные методы лингвистических исследований: учебное пособие. – Краснодар, 1998. – 139 с.
- Кадеева М.И.* Восток и запад: специфика соотношения мировоззрения и методологии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: в 2 т. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 21-41.
- Казарин Ю.В.* Поэтический текст как система. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 260 с.
- Казарин Ю.В.* Текстосоносемантика: объект и предмет изучения // Проблемы фоносемантики поэтического текста: учебное пособие. – Екатеринбург, 2000. – С. 101-119.
- Кайда Л.Г.* Композиционный анализ художественного текста. Теория. Методология. Алгоритмы обратной связи. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 152 с.
- Какзанова Е.М.* Методы исследования научного текста// Лингвокогнитивные и культурологические особенности научно-математического дискурса: монография. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. – С. 60-64.
- Калинкин А.Т., Ильин В.В.* Природа науки. – М.: Просвещение, 1990. – 290 с.
- Калуга Л.В.* Цветолингвистика как самостоятельная парадигма языкознания // Новый взгляд на проблемы современного языкознания. – Курск, 2008. – С. 130-138.
- Каменский З.А.* Методология историко-философского исследования. – М.: ИФ РАН, 2002. – 371 с.
- Камчатнов А.М.* Лингвистическая герменевтика. – М.: Просвещение, 1995. – 168 с.
- Камчатнов А.М., Николина Н.А.* Лексикология: философия имени // Введение в языкознание. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 2001. – С. 29- 92.
- Канке В.А.* Семиотическая философия. – Обнинск, 1997. – 96 с.
- Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. – М.: Логос, 2004. – 400 с.
- Канке В.А.* Философия для технических специальностей: учебник. – М.: Омега-Л, 2010. – 394 с.
- Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002-а. – 333 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002-б. – 477 с.
- Карасик В.И.* Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
- Каратеев В.П.* Единство научного знания. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1981. – 190 с.
- Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 363 с.
- Караулов Ю.Н.* Словарь как компонент описания языков: принципы описания языков. – М.: Наука, 1976. – 159 с.
- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
- Караулов Ю.Н.* Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. – М.: Русский язык, 1988. – С. 5-8.
- Караулов Ю.Н.* Предисловие: Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1987. – С. 3-8.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- Караулов Ю.Н.* О предпосылках включения “языковой личности” в объект науки о языке // Русский язык и языковая личность. – М. ЛКИ, 2007. – С. 11-27.

- Карданова К.С.* Научные модели коммуникации: принципы построения // Русский язык в школе. – 2012. – № 3. – С. 59-64.
- Карлинский А.Е.* Методология и парадигмы современной лингвистики. – Алматы: Изд-во КазУМОиМЯ, 2009. – 353 с.
- Карлинский А.Е.* Этнолингвистика как отрасль языкознания // Методология и парадигма современной лингвистики. – Алматы: Изд-во КазУМОиМЯ, 2009. – С. 275-314.
- Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / пер. Н.Н. Воробьева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 382 с.
- Карпович В.Н.* Проблема, гипотеза, закон. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85-93.
- Касавин И.Т.* Междисциплинарность в эпистемологии // Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – С. 275-280.
- Касевич В.Б.* Морфонология. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 162 с.
- Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции, понятии и о функции / пер. с нем. – СПб.: Изд-во Шиповник, 1912. – 451 с.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М.: Гардарики, 1988. – 472 с.
- Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. – М.: Университетская книга, 1997. – 447 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 томах. – М.: СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с., 280 с. и 398 с.
- Кассирер Э.* Познание и действительность / пер. с нем. // Классическая философия науки: Хрестоматия. – М.: МарТ, 2007. – С. 341-425.
- Категории* искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии. – М.: Наука, 1987. – 54 с.
- Катц Дж.* Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 33-49.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
- Кацнельсон С.Д.* Лингвистическая типология // Вопр. языкознания. – 1983. – № 3. – С. 9-20.
- Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. – 1984. – № 4. – С. 96-110.
- Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 320 с.
- Кацнельсон С.Д.* Категория языка и мышления. – М.: Наука, 2001. – 864 с.
- Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 173 с.
- Квадратура* смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
- Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г.* Терминоведческие проблемы редактирования. – Львов: Вища школа, 1986. – 152 с.
- Кедров Б.М.* Единство диалектики, логики и теории познания. – М.: КомКнига, 2006. – 294 с.
- Кезин А.В.* Научность: эталоны, идеалы, критерии. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 26-36.
- Кибрик А.Е.* Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. – С. 47-65.
- Кибрик А.Е.* Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ: Филология. – 1995. – № 5. – С. 93-103.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 336 с.
- Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейя, 2003. – 720 с.

- Кибрик А.Е.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.
- Ким В.В., Блажевич Н.В.* Язык и наука: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 214 с.
- Киров Е.Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1989. – 256 с.
- Киселевский А.И.* Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 176 с.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151- 239 с.
- Кифер И.* О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 333-348.
- Кичева И.В., Неверова Т.А.* Лингвопедагогический анализ как метод исследования трансформаций современной понятийно-терминологической системы педагогики // Вестник Пятигорского лингв. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 154-159.
- Киященко П.Л.* В поисках исчезающей предметности: (Очерки и синергетике языка). – М.: РАН. Ин-т философии, 2000. – 199 с.
- Классическая философия науки: хрестоматия / под ред. В.И. Пржиленского.* – М.: ИКЦ “Март”, 2007. – 592 с.
- Клаус Г.* Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. – М.: Прогресс, 1967. – 214 с.
- Клепикова Г.П.* Из опытов картографирования славянской лексики // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. – М.: Прогресс, 1968. – 145 с.
- Климов Г.А.* О глоттохронологическом подходе датировки распада праязыка // Вопр. языкознания. – 1959. – № 2. – С. 34-44.
- Климов Г.А.* О лексикостатистической теории М. Сводеша // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР. 1961. – С. 239-248.
- Климов Г.А.* Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. – Л.: Просвещение, 1971. – 440 с.
- Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР. – М.: Наука, 1981. – 113 с.
- Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. – М.: Прогресс, 1983. – 224 с.
- Климов Г.А.* Образ мира в разнотипных профессиях. – М.: МГУ, 1995. – 265 с.
- Клириков Г.В.* К вопросу о проблемной ситуации в науке // Логика и теория познания: межвуз. сб. науч. трудов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 103-120.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. – Тверь: Изд-ва Твер. гос. ун-та, 1998. – 99 с.
- Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум. – М.: РОССПЭН, 2010. – 255 с.
- Кнабе Г.С.* О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе // Вопр. языкознания. – 1956. – № 1. – С. 76-85.
- Книгин Н.А.* Учение о категориях: учебное пособие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – 193 с.
- Князева Е.Н.* Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. – М.: ИФ РАН, 1994. – 288 с.
- Князева Е.Н.* Методы нелинейной динамики в когнитивной науке // Синергетика и психология. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 29-49.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетеия, 2002. – 414 с.

- Князева Е.Н., Курдюмов С.Н.* Основания синергетики: синергетическое мировоззрение. М.: КомКнига, 2005. – 321 с.
- Кобозева И.М.* Компонентный анализ лексического значения // Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – Гл. 5. – С. 107-122.
- Кобозева И.М.* Эксперимент в лексической семантике // Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – Гл. 9. – С. 180-197.
- Коваленко О.А.* Метод проектов с использованием компьютерных технологий как средство развития исследовательских умений // Вестник Пятигорск. гос. ун-та, 2010. – № 3. – С. 40-344.
- Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания.* – М.: Рязань, 2007. – 308 с.
- Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке.* – М.: Тамбов, 2010. – 551 с.
- Когнитивный анализ слова.* – Иркутск: Изд-во ИРЭА, 2000. – 282 с.
- Кодильяк Э.Б.* О языке и методе / пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 269 с.
- Кодухов В.И.* Методы лингвистического анализа. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ун-та им. А.П. Герцена, 1963. – 128 с.
- Кодухов В.И.* Методы языкознания // Общее языкознание: учебник. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 202-280.
- Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.* Функциональные типы речи. – М.: Высшая школа, 1982. – 368 с.
- Кожина М.Н.* К основаниям функциональной стилистики. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1968. – 252 с.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 1993. – 464 с.
- Кожина М.Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – С. 3-18.
- Кожина М.Н.* Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избр. труды. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. – 475 с.
- Кожина М.Н.* Стиль как феномен речеведческого аспекта лингвистики // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 14. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. – С. 28-32.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 413 с.
- Колесникова Н.И.* От конспекта к диссертации: учебное пособие по развитию навыков письменной речи. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 288 с.
- Колесникова С.И.* Модификация метода анализа иерархий для динамических наборов альтернатив // Вестник Томск. гос. ун-та, 2009. – №4(6). – С. 103-109.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 448 с.
- Колесов В.В.* История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 472 с.
- Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
- Колмогоров А.Н.* Семиотические послания // Новое литературное обозрение. – М.: Прогресс, 1997. – № 24. – С. 216-245.
- Колишанский Г.В.* Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 98-119.
- Колишанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1999. – 108 с.
- Колишанский Г.В.* Логика и структура языка. Изд. 2-е. М.: Ком Книга, 2005. – 240 с.
- Колишанский Г.В.* Задачи логического анализа языка // Логика и структура языка. Изд. 2-е. – М.: Ком Книга, 2005. – §4. – С. 64-75.
- Колишанский Г.В.* Паралингвистика. Изд. 4-е. – М.: КомКнига. – 2010. – 96 с.

- Комарова А.И.* Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 192 с.
- Комарова З.И.* Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – 156 с.
- Комарова З.И.* Методология и методика терминографической семантизации // Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: дис... д-ра филол. наук, 1992. – С. 271-310.; Z. Komarova. Terminographical semantization Techniques and Methodology // Russian Terminology Science (1992-2002). – Austria, Vienna: Term-Net, 2004. – P. 316-336.
- Комарова З.И.* Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: дис... д-ра филол. науки. – Екатеринбург, 1992. – 401 с.
- Комарова З.И.* Мировые терминологические школы: терминологическая проблематика // Славистика. – Люблин: Изд-во Люблин. ун-та, 1998. – С. 97-114.
- Комарова З.И.* Семантизация в терминологии // Очерки научно-технической лексикографии: сб. ст. – СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – С. 33-47.
- Комарова З.И.* Азбука самостоятельной работы студента – лингвиста: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 95 с.
- Комарова З.И.* Гармония / дисгармония терминов в русском научном дискурсе в аспекте гармонизации // Язык и культура. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2008-а. – С. 61-86.
- Комарова З.И.* Терминоведение и переводоведение: история и современность // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация. – Екатеринбург, 2008-б. – Изд-во ИМС. – С. 64-73.
- Комарова З.И.* Полипарадигмальность как креативное свойство языка науки // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010-а. – С. 120-128.
- Комарова З.И.* Проблема языка науки // Актуальные проблемы германистики, романстики и русистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010-б. – С. 7-23.
- Комарова З.И.* Проблема идиоматичности термина в языке науки // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – № 24. – 2011. – С. 22-26.
- Комарова З.И., Дедюхина А.С.* Методология и методика исследования категории партитивности в русском и английском языках // Репрезентация категории партитивности в статике и динамике (в русском и английском языках): монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федеральный ун-т, 2010-а. – С. 75-87.
- Комарова З.И., Дедюхина А.С.* Методологические и методические основы изучения категории партитивности в современном языкознании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 2 (8). – Пермь, 2010-б. – С. 35-41.
- Комарова З.И., Дедюхина А.С.* Суперкатегория партитивности как тип понятийной и языковой категории // Когнитивные исследования языка. – Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН: Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010-в. – С. 482-491.
- Комарова З.И., Дедюхина А.С.* Категория как формат знания в когнитивной лингвистике, когнитивном терминоведении и философии науки: история и современность // Термінологічний вісник. – Киев: ІУМ НАНУ, 2011. – № 1. – С. 28-46.
- Комарова З.И., Запелова Л.А.* Категория как формат предпосылочного и выводного знания (на материале категории единичности // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 37-53.
- Комарова З.И., Краев С.В.* Методология и методика количественного исследования // Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: количественно-качественное исследование: монография. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008. – С. 59-74.

- Комарова З.И., Плотникова Г.Н.* О соотношении фитонимических концептов в языковой и научной картине мира // Проблемы языковой концептуализации и категоризации мира. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 70-86.
- Комарова З.И., Прошина А.А.* Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике: монография. – Екатеринбург: Форум-Книга, 2009. – 276 с.
- Комарова З.И., Талапина М.В.* Методология и методика исследования // Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федеральный ун-т, 2011. – С. 54-60.
- Комарова З.И., Хасанишина Г.В.* Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке: монография. – Екатеринбург: Изд-во ИМС, 2009. – 334 с.
- Комарова З.И., Шагеева А.А.* Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте: монография. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2009. – 249 с.
- Комби Б.* Защитник природы за атомную энергию. – М.: Росатом, 2009. – 400 с.
- Комлев Н.Г.* Закон, правило и норма в языке // Проблема закона в общественных науках: сб. ст. – М.: МГУ, 1989. – С. 139-146.
- Комлев Н.Г.* Аспекты языка // Компоненты содержательной структуры слова. Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – Гл. II. – С. 34-53.
- Комлев Н.Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 216 с.
- Компьютерное моделирование. Инструменты для исследования социальных систем.* – Омск: Изд-во Омск. гос. Ун-та, 2001. – 415 с.
- Конецкая В.Л.* Социальная коммуникация. – М.: Междунар. ун-т базиса и управления, 1997. – 302 с.
- Конецкая В.Л.* Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // Вопр. языкознания, 1998. – № 2. – С. 22-37.
- Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – 167 с.
- Коношенко А.И., Савельев А.Д., Сейдова О.В.* Методы выбора тематики научных исследований. – М.: ИИ ВШ, 1985. – 36 с.
- Концептуальный анализ языка: современные направления исследования:* сб. науч. трудов. – М.: Эйдос, 2007. – 297 с.
- Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
- Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. – М.: Наука, 1978. – 324 с.
- Копыленко М.М.* Основы этнолингвистики. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.
- Корнилова Т.В.* Введение в психологический эксперимент. – М.: МГУ-ЧеРо, 1997. – 254 с.
- Коржнева Е.А.* Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. – 20 с.
- Кормилов С.И.* Математика на службе филологии // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология, 2003. – С. 223-231.
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
- Коровушкин В.П.* Основы контрастивной социолектологии: монография: в 2 ч. – Череповец: ЧГУ, 2005. – Ч.1. – 284 с.
- Коршунов А.М., Мантатов В.В.* Диалектика социального познания. – М.: Просвещение, 1988. – 297 с.
- Коршунова Л.С.* Воображение и его роль в познании. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 265 с.
- Коршунова Л.С., Пружинкин Б.И.* Воображение и рациональность. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 353 с.
- Косарева Л.М.* Социокультурный генезис науки Нового времени. – М.: Наука, 1999. – 185 с.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 206 с.

- Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Логоепистема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков. – М.: Флинта: Наука, 2000. – С. 213-246.
- Котов Р.Г., Новиков А.И., Стокан Ю.П.* Прикладная лингвистика и информационная технология. – М.: Наука, 1987. – 161 с.
- Котюрова М.П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 286 с.
- Котюрова М.П.* Плотность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – С. 120-139.
- Котюрова М.П.* Культура научной речи: Текст и его редактирование: Учебное пособие. – Пермь: ПГУ, 2005. – 125 с.
- Котюрова М.П.* Стилистика научной речи: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – 240 с.
- Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В.* Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 2011. – 394 с.
- Кохановский В.П.* Диалектико-материалистический метод. – Ростов на/Д.: Ростов. ун-т, 1992. – 272 с.
- Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т. П., Фатхи Т.Б.* Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 603 с.
- Кочергина В.А.* О предмете синтаксиса // Введение в языкознание: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2004. – С. 191-198.
- Кочкарева А.Г.* Метаязык современной науки // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 333-245.
- Кошарная С.А.* О процедуре концептуального анализа // Colloquium. – Белгород: Бергамо, 2006. – С. 98-114.
- Кравец А.С.* Идеалы и идолы науки. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. – 246 с.
- Кравченко Е.Л.* К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Филологические науки. 1973. – № 1. – С. 100-103.
- Кравченко А.В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопр. языкознания. 1999. – № 6. – С. 3-12.
- Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Изд-во ОГУП, 2001. – 261 с.
- Кравченко А.В.* Языковой семиозис и пределы человеческого познания // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Типы знаний и проблемы их классификации. – М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008. – С. 37-45.
- Краевский В.В.* Методология научного исследования: пособие для студентов и аспирантов гуманитарных ун-тов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 148 с.
- Красиков Ю.В.* Теория речевых ошибок. – М.: Наука, 1980. – 165 с.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ. 1998. – 284 с.
- Красных В.В.* Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 43 с.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих» миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

- Красовский Н.А.* Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистические парадигмы: традиции и инновации. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. – С. 8-20.
- Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А.* Семиотика как Азбука общения: учебное пособие. – М.: Мирос, 2004. – 214 с.
- Кривоногов А.Т.* «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношений языка и мышления // Вопр. языкознания. – 1986. – № 6. – С. 56-63.
- Крипке С.* Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. – М.: Радуга, 1982. – С. 340-376.
- Крипке С.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 194-241.
- Крисевич В.С.* Организация информационного поиска. – М.: Просвещение, 1991. – 102 с.
- Кристева Ю.* К семиологии параграмм // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 56-94.
- Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
- Кронгауз М.А.* Методы семантики // Семантика. – М.: Рос. Гос. гуманитар. ун-т, 2001. – С. 92-103.
- Кронгауз М.А.* Семантика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
- Кронгауз М.А.* Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 137-141.
- Крушевский Н.В.* Предмет, деление и метод науки о языке // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX в отрывках и извлечениях: в 2-х т. – М.: Просвещение. – Т.2. – 1965. – С. 247-252.
- Крылов С.А.* Из каких элементов состоит профессиональный метаязык лингвистики? // Терминология и знания: Материалы II Международного симпозиума. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 192-202.
- Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика: в 2-х кн. – Кн. 1. Теория: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
- Крылова Э.М.* К методике описания смысловых отношений слов близких по значению: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 21с.
- Крымский С.Б.* Научное знание и принципы его трансформации. – Киев: Наукова думка, 1974. – 207 с.
- Крысин Л.П.* Территориальные диалекты // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003-а. – С. 47-52.
- Крысин Л.П.* Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003-б. – С. 33-77.
- Куайн У.В.* Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. ХУШ. Логика и лингвистика. – М.: Радуга, 1982. – С. 24-92.
- Куайн У.В.* Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 24- 98.
- Кубрякова Е.С.* К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем // Вопр. языкознания. 1967. – № 2. – С. 98-108.
- Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа (на материале германских языков). – М.: Наука, 1974. – 328 с.
- Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Изв. РАН. Сер. Лит. и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – 3-15.
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.

- Кубрякова Е.С.* О семантике в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. РАН. – Сер. лит. и яз. – М., 1999. – Т. 58. – № 5. – С. 3-12.
- Кубрякова Е.С.* О связи когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. – М.: Языки славянской культуры, 2001-а. – С. 283-291.
- Кубрякова Е.С.* Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопр. филологии. – 2001-б. – № 1(7). – С. 28-32.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004-а. – 560 с.
- Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004-б. – № 1(001). – С. 6-17.
- Кубрякова Е.С.* Дискурс: определение и направления его исследования // Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры. 2004-в. – С. 519-531.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008-а. – 160 с.
- Кубрякова Е.С.* Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М.: РАН ИНИОН, 2008-б. – С. 4-14.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопр. когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2009. – № 1. – С. 5-12.
- Кубрякова Е.С.* О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. – М. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН. Издательский дом ТГУ, 2010. – С. 13-18.
- Кудряшов А.Ф.* Единство наук: основания и перспективы. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 184 с.
- Кузин Ф.А.* Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. Практическое пособие для студентов-магистров. – М.: Ось-89, 1997. – 304 с.
- Кузин Ф.А.* Кандидатская диссертация. Методика написания, правила оформления и порядок защиты: практическое пособие для аспирантов и соискателей учёной степени. – М.: Ось-89, 1998. – 208 с.
- Кузнецов А.М.* О применении метода компонентного анализа в лексике // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М.: Наука, 1971. – С. 257-269.
- Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – 123 с.
- Кузнецов В.Г.* Предмет и задачи сопоставительной концептологии // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 26-34.
- Кузнецов И.Н.* Подготовка и оформление рефератов, курсовых и дипломных работ. – Минск: Сэр-Вит, 2000. – 256 с.
- Кузнецов И.Н.* Диссертационные работы: Методика подготовки и оформления: учебно-методическое пособие. – М.: Дашков и К, 2006. – 452 с.
- Кузнецов С.Н.* Теоретические основы интерлингвистики. – М.: Изд-во РУДН, 1987. – 207 с.
- Кузнецова Э.В.* Методика компонентного анализа лексических значений // Лексикология русского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 216 с.
- Кузнецова Э.В.* Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопр. металингвистики. Л.: Издательство ЛГУ, 1973. – С. 78-97.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. – Екатеринбург: Омск. – 1999. – 272 с.

- Кузьмина Н.А.* Когнитивные механизмы цитации // Стереотипность и творчество. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. – С. 217-235.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномен культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009-а. – 228 с.
- Кузьмина Н.А.* Синергетика // Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009-б. – С. 31-41.
- Куликова И.С., Салмина Д.В.* Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). – СПб.: САГА, 2002. – 352 с.
- Куликова О.В.* Об эвристическом характере дискурсивной деятельности // Грамматика в когнитивно-дискурсивном аспекте. Вестник Моск. гос. лингвистического ун-та. – М., 2008. – С. 115-122.
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ: Ерман, 2003. – 365 с.
- Купина Н.А.* Лингвистический анализ художественного текста. – М: Просвещение, 1980. – 178 с.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1995. – 144 с.
- Купина Н.А., Матвеева Т.В.* Стилистика современного русского языка: учебник. – М.: Юрайт, 2012. – 385 с.
- Курилович Е.* О методах внутренней реконструкции / пер. с англ. // Новое в лингвистике. Вып. 4. – М.: Прогресс, 1965. – С. 400-433.
- Кусов Г.В.* Теория языка и криминалистика: развитие современных диагностических методик в рамках теории судебной лингвистической экспертизы // Вестник Пятигорск. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 137-145.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В.* Словарь как лексическая база данных // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 96-106.
- Кутепов В.П.* Проблема и задача в системе познания. – Фрунзе: Илим, 1998. – 174 с.
- Кучиева Ю.Т.* Авторский метод обучения иностранным языкам // Вестник Пятигорск. гос. ун-та. – 2010. – № 3. – С. 344-347.
- Кюнз Г.* Онтология и логический анализ языка. – М.: ДИК, 1999. – 295 с.
- Лабов У.* Структура денотативного значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – С. 123-148.
- Лаврова Н.А.* Опрос информантов-носителей языка как метод определения степени кодифицированности и институционализации контаминированных слов современного английского языка // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 100-106.
- Ладенко И.С.* О логической систематизации методов научного исследования // Методологические проблемы научного исследования. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1984. – С. 53-68.
- Лаенко Л.Б.* Категория ментальной репрезентации: результаты теоретического и методологического поиска // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. – № 1. – С. 5-12.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический проект, 2008. – 475 с.
- Лазарев В.В.* Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2006. – 506 с.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: введение / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.

- Лайонз Дж.* Язык и лингвистика: вводный курс / пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 320 с.
- Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ // *Вопр. философии.* – 1995. – № 4. – С. 135-154.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении? / пер. с англ. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Ланг А.П.* О понятии наглядности и ее роли в процессе познания и обучения. – Таллинн: НИИ педагогики Эстонской ССР, 1967. – 274 с.
- Лангакер Р.У.* Когнитивная грамматика. – М.: ИНИОН, 1992. – 56 с.
- Ланп Л.М.* Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи» (на материале русской научной литературы). – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1993. – 218 с.
- Ларин Б.А.* Филологическое наследие: сб. ст. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – 471 с.
- Левковская К.А.* Теория слова: принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. – М.: КомКнига, 2005. – 296 с.
- Лебедев С.А.* Философия математики и технических наук. – М.: Академический проект, 2006. – 779 с.
- Лебедев С.А.* Философия науки. – М.: Академический Проект, 2007. – 731 с.
- Лебедев С.А.* Уровни научного знания // *Вопр. философии.* 2010. – № 1. – С. 62-75.
- Левин В.Г., Баранов Г.В.* Философия науки: учебное пособие. – Самара: Самар. науч. центр РАН, 2007. – 200 с.
- Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
- Левицкий В.В., Стернин И.А.* Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 191 с.
- Левченко Е.В.* Уровни развития научной идеи и их отображение в тексте // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов.* – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. – С. 6-21.
- Левченко Е.В.* О возможности дискурсивного анализа гуманитарных методологических текстов // *Стереотипность и творчество.* – Вып. 9. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. – С. 67-93.
- Лейбниц Г.В.* Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
- Лейчик В.М.* Прикладное терминоведение и его направления // *Прикладное языкознание: учебник.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 276-287.
- Лейчик В.М.* Методы терминоведения // *Терминоведение: предмет, методы, структура.* Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2006. – С. 141-173.
- Лекомцев Ю.К.* Введение в формальный язык лингвистики. – М.: Наука, 1983. – 261 с.
- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
- Лекторский В.А.* Диалектика рефлексивного и нерефлексивного в познании // *Проблемы рефлексии в научном познании.* – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1983. – С. 3-6.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
- Лекторский В.А.* Теория познания // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т.4.* – М.: Мысль, 2010. – С. 47-52.

- Леонтович О.А.* Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Ростов н/Д., Вып. 1. – 2002. – С. 63-67.
- Леонтович О.А.* Метод дискурс-анализа и сферы его применения // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 50-56.
- Леонтович О.А.* Этика научных исследований // Ялик: Язык. Литература. История. Культура. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2011. – № 84. – С.17-18.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистика. – Л.: Наука, 1967. – 118 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум: Деятельность. Знак. Личность. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Наука, 1975. – 304 с.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
- Леонтьева Н.Н.* Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
- Лешкевич Т.Г.* Философия науки: Традиции и новации: учебное пособие. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 428 с.
- Лиз Р.Б.* Что такое трансформация // Вопр. языкознания. – 1961. – № 3. – С. 66-77.
- Лингвистика XX века: система и структура языка: хрестоматия.* – М.: Изд-во РУДН, 2004. – Ч.1. – 631 с.
- Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина,* – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. – 368 с.
- Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / отв. ред. Ю.Н. Марчук.* – М.: Наука, 1989. – 141 с.
- Лингвистическое моделирование: Коллективная монография.* – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 186 с.
- Лингвосинергетика: проблемы и перспективы.* Барнаул, 2001. – 136 с.
- Линский Л.* Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. – М.: Радуга, 1982. – С. 161-178.
- Литвинов В.П.* Типологический метод в лингвистической семантике. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та. 1986. – 168 с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-288.
- Лич Дж. Н.К.* К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы в лексикографии. Вып. XII – М.: Прогресс, 1983. – С. 108-132.
- Логический анализ естественного языка // Логика и методология науки.* – Вильнюс: ВГУ, 1982. – 175 с.
- Логический анализ языка. Квантификационный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова.* – М.: Индрик, 2005. – 672 с.
- Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова.* – М.: Наука, 1993. – 173 с.
- Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
- Ломтев Т. П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Общее и русское языкознание. М.: Просвещение, 1976. – 512 с.
- Лопатин В.В.* К соотношению морфемного и словообразовательного анализа // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд: Изд-во Самарк. пед. ин-та, 1972. – С. 210-216.
- Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.

- Лосев А.Ф.* О методах изложения математической лингвистики для лингвистов // *Вопр. языкознания.* 1965. – № 5. – С. 13-30.
- Лосев А.Ф.* Логическая характеристика методов структурной типологии // *Вопр. языкознания.* 1966. – № 1. – С. 96-99.
- Лосев А.Ф.* О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структуральной // *Вопр. языкознания.* 1968. – № 1. – С. 50-63.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
- Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // *Теория и методологии языкознания: Методы исследования языка.* – М.: Просвещение, 1989. – С. 5-92.
- Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 300 с.
- Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – (первое в 1968). – 296 с.
- Лосский Н.О.* Обоснование интуитивизма // *Избранное.* – М.: Правда, 1991. – С. 11-334.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиотика – История. – М.: Язык русской культуры, 1996. – 464 с.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
- Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М.: Наука, 1961. – 107 с.
- Лузина Л.Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике.* – М.: РАН ИНИОН, 2008. – С. 40-48.
- Лукашевич В.К.* Научный метод: структура, обоснование, развитие. – Минск: Изд-во БГУ, 1991. – 207 с.
- Лукашевич Е.В.* Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: монография. – М.: Барнаул, 2007. – 234 с.
- Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 319 с.
- Льюис К.И.* Виды значения // *Семиотика.* – М.: Радуга, 1983. – С. 211-224.
- Майданов Е.С.* Процесс научного творчества: философско-методологический анализ. – М.: Просвещение, 1983. – 208 с.
- Макаев Э.А.* Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. – М.-Л.: Наука, 1964. – 440 с.
- Макаев Э.А.* Проблемы реконструкции // *Общая теория сравнительного языкознания.* Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – Гл. III. – С. 100-108.
- Макаев Э.А.* Лингвистическая экстраполяция // *Общая теория сравнительного языкознания.* Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – Гл. IV. – С. 191-195.
- Макколи Дж. Д.* О месте семантики в грамматике языка // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 235-301.
- Макколи Дж.Д.* Логика и словарь // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1983. – С. 177-200.
- Маклаков А.Г.* Общая психология. – СПб.: Питер, 2002. – 592 с.
- Маковский М.М.* Системность и системность в языке. – М.: Просвещение, 1980. – 216 с.
- Маковский М.М.* Что такое этимология // *Иностранные языки в школе.* – 1986. – № 1. – С. 38-45.
- Маковский М.М.* Символы жизни и жизнь символов. – М.: Наука, 1996. – 215 с.
- Маковский М.М.* Лингвистическая комбинаторика. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 304 с.
- Максименко О.И.* Формальные методы в современной прикладной лингвистике. – М.: МГОУ, 2002. – 256 с.
- Малащенко В.П.* Слово в синтаксисе: Избранные труды. – Ростов на/Д.: Изд-во РГПУ, 2004. – 368 с.

- Малинович Ю.М, Малинович М.В.* Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории. – Москва – Иркутск: ИГЛУ, 2003. – С. 7-28.
- Малиновский А.А.* Текстология. Теория систем. Теоретическая биология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 448 с.
- Малиновский Б.* Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2000. – 269 с.
- Малишевский Н.Н.* Психология и организация выборов. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
- Мальберг Б.* Проблема метода в синхронной фонетике // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностр. лит-ры. 1962. – С. 340-388.
- Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 70-78.
- Мамардашвили М.К.* Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии. – М.: Языки русской культуры. 1996. – 264 с.
- Мамчур Е.А.* Принципы простоты и мера сложности. – М.: Просвещение, 1989. – 304 с.
- Мамчур Е.А.* Философия и наука // Вопр. философии. 2008. – № 7. – С. 159-164.
- Мамчур Е.А.* Фундаментальная наука и современные технологии // Вопр. философии. – 2011. – № 3. – С. 80-89.
- Манаенко Г.Н.* Онтология мира дискурса (К проблеме соотношения сознания и идеального) // Язык. Текст. – Ставрополь; Пятигорск, 2004. – С. 26-40.
- Манаенко Г.Н.* Психическое-когнитивное (сознание) – идеальное – познанное (сознание) // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Типы знаний и проблема их классификации. – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008-а. – С. 292-303.
- Манаенко Г.Н.* Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 12. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008-б. – С. 48-61.
- Манаков Н.А., Москальчук Г.Г.* Фрактальная природа языка // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. – Барнаул, 2000. – С. 24-33.
- Манерко Л.А.* Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. М.: Изд-во МГУ, 2000. – № 2. – С. 39-52.
- Манерко Л.А.* Специальный текст как ступень формирования новых типов знания // Терминология и знания: Материалы II Международного симпозиума. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 128-141.
- Маркарян Э.Б.* Философско-методологические проблемы анализа языка науки. – Ереван: Изд-во Армянск. ун-та, 1987. – 211 с.
- Марков Б.В.* Философия: учебник. – СПб: Питер, 2011. – 432 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений: в 39 т. – М.: Госполитиздат, 1954 – 1981.
- Маркус С.* Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд. АН СССР, 1963. – С. 50-63.
- Марова Н.Д.* Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та; Ин-т иностранных языков УрГПУ, 2006. – 209 с.
- Марти А.О.* О понятии и методе всеобщей грамматики и философии языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в отрывках и извлечениях: в 2-х т. – М.: Просвещение. – Т.1. – 1964. – С. 7-13.
- Мартине А.* О книге «основы лингвистической теории Луи Ельмслева» // Новое в лингвистике. – Вып.1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 437-461.
- Мартине А.* Лингвистика, язык и языки. Филологический анализ // Основы общей лингвистики: / пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 24-27.
- Мартынов В.В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. – Минск: Изд-во БГУ, 1966. – 275 с.
- Марчук Ю.Н.* Методы моделирования перевода. – М.: Наука, 1985. – 203 с.
- Марчук Ю.Н.* Математические методы в языкознании. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 47 с.

- Марчук Ю.Н.* Компьютерная лингвистика: учебное пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с.
- Маслова В.А.* Методология и методы лингвокультурологии // Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – С. 33-47.
- Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике: учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
- Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстрактной топонимии Русского Севера // Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 74-85.
- Матвеев А.К.* Семь названий на карте Урала. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1979. – 128 с.
- Матвеева Г.Г., Петрова Е.И.* Введение в скрытую прагмалингвистику: спецкурс для студентов немецкого отделения. – Ростов на/Д.: ИПОПИ ЮУФ, 2009. – 97 с.
- Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
- Матезиус В.* Задачи сравнительной фонологии // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 70-83.
- Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95-142.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания / пер. с англ. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 223 с.
- Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. – М.: Учредгиз, 1959. – 135 с.
- Мауро Т. де.* Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре // Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 235-293.
- Машинный фонд русского языка: идеи и суждения.* – М.: Наука, 1986. – 375 с.
- Медведев В.А.* О тенденциях развития методологической культуры мысли // Вопр. философии. 2010. – № 2. – С. 160-164.
- Медникова Э.М.* К критике некоторых современных методов лингвистической семантики // Вопр. языкознания. 1969. – № 3. – С. 37-46.
- Медникова Э.М.* Значение слова и методы её описания. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
- Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопр. философии. – 2009. – № 10. – С. 70-94.
- Мейе А.* Метод // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: / пер. с франц. Гл. I. – М.; Л.: Изд-во иностр. лит., 1938. – С. 48-81.
- Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Сов. Радио, 1978. – 366 с.
- Мельников Г.П.* Систематизация общеметодологического понятийного базиса системной типологии языков // Системная типология языков. Принципы, методы, модели. – М.: Наука, 2003. – С. 38-88.
- Мельчук И.А.* К вопросу о термине «система» в лингвистике // Вопр. языкознания. – 1962. – № 2. – С. 46-56.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст». – М.: Прогресс, 1974. – С. 62-67.
- Мень А.* Культура и духовное возрождение. – М.: Искусство, 1992. – 496 с.
- Метешкин К.А.* Анализ и обобщение методологических парадигм языкознания // Прикладная лингвистика. Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы. – Харьков: МСУ, 2005. – С. 11-20.
- Методика и методология изучения языка: английская филология.* – М.: МГУ, 1988. – 397 с.
- Методологические основы новых направлений в мировом языкознании: Коллективная монография.* – Киев: Наукова думка, 1991. – 438 с.

- Методологические* проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 182 с.
- Методологические* проблемы научного исследования. Новосибирск: Наука, 1984. – 719 с.
- Методологические* проблемы языкознания / отв. ред. А.С. Мельников. – Киев: Наукова думка, 1988. – 216 с.
- Методологический* синтез: прошлое, настоящее и возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
- Методология* исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Минск: Белгосуниверситет. – 1998; 2000. – 520 с.
- Методология* лингвистики и аспекты изучения языка. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 296 с.
- Методология* математического моделирования и вычислительного эксперимента // Методы разработки курсовых работ. Моделирование, вычисление, программирование. Гл.1. – М.: СОЛОН-Пресс, 2006. – С. 10-24.
- Методология*: вчера, сегодня, завтра: В трех томах. – М.: Школа культурной политики. Т.1. – 472 с.
- Методы* анализа данных / пер. с франц. – М.: Финансы и статистика. 1985. – 358 с.
- Методы* и приёмы описания коммуникативного поведения народа // Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Наука: Флинта, 2007. – С. 56-89.
- Методы* и принципы лингвистического анализа в общем и романском языкознании. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – 280 с.
- Методы* изучения лексики. – Минск: Наука, 1975. – 49 с.
- Методы* логического анализа. – М.: Наука, 1977. – 276 с.
- Методы* сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – 197 с.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
- Мечковская Н.Б.* Предмет типологии языков // Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2001. – С. 10-23.
- Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
- Мещанинов И.И.* Типологические сопоставления и типология систем // Филологические науки. – 1958. № 3. – С. 43-67.
- Мещаников И.И.* Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 431 с.
- Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отображения. – Кишинев: Штинца, 1973. – 237 с.
- Мигирин В.Н.* Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях. – Кишинев: Инесса, 2002. – 256 с.
- Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. – М.: Прогресс-Традиция; Флинта, 2005. – 464 с.
- Микешина Л.А.* Эпистимология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007. – 439 с.
- Миллер Е.Н.* Что такое язык? Гносеологический аспект. – М.: Либроком, 2009. – 96 с.
- Миловидов В.А.* От семиотики текста к семиотике дискурса. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. – 98 с.
- Миловидов В.А.* Введение в семиологию. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2003. – 400 с.
- Мильман В.З.* Цель как способ проектирования деятельности // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1987. – С. 102-123.
- Минский М.* Фреймы для представления знания. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
- Мир* психологии: Научно-популярный информационный психологический портал Электронный ресурс – Режим доступа: www.psychology.net.ru. – Загл. с экрана. – Рус. яз.
- Мирошниченко И.В.* Лингвистический анализ текста: Конспект лекций. – М.: А-Приор, 2009. – 224 с.

- Митрофанова О.Д.* Язык научно-технической литературы. – М.: МГУ, 1973. – 148 с.
- Михайлова И.Б.* Чувственное отражение в современном научном познании. – М.: Мысль, 1972. – 279 с.
- Михайлова О.А.* Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 240 с.
- Михайлова С.Ю., Нефедова Р.М.* О конспектировании и реферировании при чтении текстов // Русский язык в школе. – 1988. – № 2. – С. 15-18.
- Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б.* Социолингвистика в России // Вопр. языкознания. – 2002. – № 5. – С. 116-141.
- Михеев В.И.* Моделирование и методы измерения в педагогике. – М.: Высшая школа, 1987. – 200 с.
- Мишанкина Н.А.* Проблемы моделирования в языке и речи // Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. – С. 8- 56.
- Мишланова С.Л., Пермязова Т.М., Аликина Е.Ю.* Корпусная лингвистика vs лингвистика стереотипного и творческого // Стереотипность и творчество. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. – С. 289-301.
- Моисеев А.И.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопр. философии. – 1999. – № 4. – С. 3-10.
- Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
- Мокиенко В.М.* Образы русской речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
- Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. / пер. с франц. – М.: Мир, 1966. – 352 с.
- Мордовин А.Ю.* Спорные вопросы методологии семантического анализа корпусными методами // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 163-166.
- Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 168 с.
- Моррис Ч.* Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
- Москальская И.И.* Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
- Москальчук Г.Г.* Структура текста как синергетический процесс. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 296 с.
- Мостепаненко А.М.* Четырёхмерность пространства и времени. – М.-Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. – 190 с.
- Мулу Н.* Структурные методы и философия языка // Вопр. философии. 1969. – № 2. – С. 74-85.
- Мурзин Л.Н.* Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: сб. науч. тр. – М.: Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 2000. – С. 3-13.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. – Свердловск: М.: Прогресс, 1990. – 344 с.
- Мустайоки А.* О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 170-181.
- Мустайоки А.* О лингвистических экспериментах // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Наука, 1995. – С. 155-160.
- Мухин А.М.* Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 297 с.
- Мышление и когнитивные наука, искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. В.В. Петров.* – М.: Наука, 1988. – 179 с.
- Найда Ю.А.* Анализ значения и составления словарей // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Просвещение, 1962. – С. 45-71.
- Найда Ю.А.* Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 61-84.

- Найсер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
- Налимов В.В.* Характеристики языковых систем // Вероятностная модель языка. – М.; Томск: Водолей publishers, 2003. С. 46-71.
- Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения.* – М.: Наука, 2004. – 371 с.
- Науменко Л.К.* Эвристический потенциал диалектической теории мышления // Вопр. философии, 2009. – № 6. – С. 60-71.
- Научная информация и научная коммуникация: РЖ. Науковедение за рубежом.* – М.: Наука, 1981. – 213 с.
- Научное творчество.* – М.: Наука, 1969. – 397 с.
- Научные работы: Методика подготовки и оформления.* – Минск: Амалфея, 1998. – 272 с.
- Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования.* – М.: Гос. ун-т; Высш. шк. экономики, 2007. – 234 с.
- Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – Результаты и перспективы.* – М.: Индрик, 2006. – 521 с.
- Нелюбин Л.Л.* Компьютерная лингвистика и машинный перевод. – М.: Наука, 1983. – 241 с.
- Барт Р. – Т.А. Ван Дейк – А. Вежбицкая: сравнительная методология концептуализации объектов дискурса // Вестник Пятигорского ун-та – 2011. – № 2. – С. 145-149.*
- Немов Р.С.* Психология: в 3-х т. – М.: Просвещение. 1995. – 576 с.
- Нерознак В.П.* Метод сравнения в синхронном языкознании: к основаниям лингвистической компаративистики // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и языка. Т. 45. – М.: Наука, 1986-а. – С. 402-412.
- Нерознак В.П.* О границах типологического анализа языков // Литература. Язык. Культура. – М.: Наука, 1986-б. – С. 279-297.
- Нерознак В.П.* Сравнительно-исторический метод // ЛЭС. – М.: Сов. энциклопедия, 2002-а. – С. 485-486.
- Нерознак В.П.* Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 2002-б. – С. 43-44.
- Неуймин Я.Г.* Модели в науке и технике: история, теория и практика. – Л.: Наука, 1984. – 189 с.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
- Никитин М.В.* Предел семиотики // Вопр. языкознания. – 1997. – № 1. – С. 3- 14.
- Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. – М.: Наука, 1987.; (2-е изд. УРСС 2010). – 146 с.
- Никифоров А.Л.* Философия науки: История и методология: учебное пособие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1988. – 280 с.
- Никифоров В.Е.* Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции. – Рига, 1988. – 185 с.
- Николаева Т.М.* От звука к тексту (Язык. Семиотика. Культура). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
- Николаева Т.М.* Паралингвистика // ЛЭС: М.: Сов. энциклопедия, 2002. – 367 с.
- Николаева Т.М., Успенский Б.А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966. – 516 с.
- Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
- Никольский Л.Б.* Синхронная социоллингвистика (Теория и методы). – М.: Наука, 1976. – 416 с.
- Нифанова Т.С.* Сопоставительное описание семантически единиц разных языков: монография. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 2004. – 296 с.

- Нишанов В.К.* Феномен понимания: когнитивный анализ. Фрунзе: ИЛИМ, 1990. – 227 с.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 214 с.
- Новиков А.М.* Методология. – М.: СИНТЕГ, 2007. – 668 с.
- Новиков А.С.* Научные открытия. Поворотные, одновременные, преждевременные, запоздалые. – М.: Изд-во УРСС, 2003. – 427 с.
- Новиков Л.А.* Философские вопросы семантики в их отношении к лингвистической семантике // Семантика русского языка: учебное пособие – М.: Высшая школа, 1982. – С. 34-59.
- Новиков Л.А.* Оппозитивный метод в поэтике // Избранные труды. Т.2. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 153-165.
- Новиков Л.А.* Семантический анализ противоположности в лексике // Избранные труды: в 2-х т. – Т.1. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 19-917.
- Новиков Л.А.* Структура лексического значения и его анализ // Избранные труды: в 2-х т. – Т.1. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 483-564.
- Новодранова В.Ф.* Когнитивная картина науки // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 6-17.
- Новодранова В.Ф.* Роль обыденного знания в формировании научной картины мира: Материалы I Международного симпозиума. – М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – С. 89-93.
- Новые идеи в философии науки и научном познании.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 372 с.
- Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 2003. – 250 с.*
- Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. – Минск: Высшая школа, 1987. – 220 с.
- Норман Б.Ю.* Теория языка: Вводный курс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
- О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков.* – М.: Наука, 1960. – 173 с.
- О'Коннор Дж.* Искусство системного мышления: необходимые знания о системах в творческом подходе решения проблем. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с.
- Общая динамика развития лингвистической теории // Вопр. языкознания. 1996. – № 3. – С. 19-37.*
- Общая теория систем.* – М.: Мир, 1998. – 421 с.
- Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – 604 с.*
- Общее языкознание: Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 566 с.*
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – 318 с.*
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – Страсбург: Департамент по языковой политике, 2003. – 256 с.*
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – 532 с.*
- Одинцов В.В.* Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
- Олешков М.Ю.* Моделирование коммуникативного процесса: монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. – 336 с.
- Олешков М.Ю.* Лингвоконцептуальный анализ дискурса // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 68-95.
- Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках: в 3-х т. – М.; Л. ГТТИ, 1933-1934. – (304 с.; 212 с.; 324 с.).
- Олянич Г.А.* Презентационная теория дискурса: монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
- Оре О.* Графы и их применение. – М.: Мир, 1965. – 174 с.
- Ортега – и – Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.

- Ору С.* История. Эпистемология. Язык. – М.: Прогресс, 2000. – 240 с.
- Осгуд И. и др.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Наука, 1972. – С. 278-297.
- Основные* направления структурализма. – М.: Наука, 1965. – 360 с.
- Основы* компонентного анализа: учебное пособие / под ред. Э.М. Медниковой. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 239 с.
- Основы* науковедения. – М.: Наука, 1985. – 431 с.
- Оствальд В.* Философия природы / пер. с нем. // Классическая философия науки: Хрестоматия. – М.: Март, 2007. – С. 12-104.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
- Официальный сайт* Американского Психологического общества (APS) – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.psychologicalscience.org. – Загл. с экрана – Яз. англ.
- Официальный сайт* Британского Психологического общества (BPS) – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.bps.org.uk – Загл. с экрана – Яз. англ.
- Официальный сайт* Российского Психологического общества (РПО) – Электронный ресурс. – Режим доступа: www.psychology.ru – Загл. с экрана – Яз. рус.
- Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 288 с.
- Павилёнис Р.И.* Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 380-388.
- Павлов И.П.* Лекции по физиологии. М.: Мол. гвардия, 1962. – 103 с.
- Павлова Н.Д.* Интент-анализ политических диалогов // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М.: МГУ, 1997. – С. 113-117.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования: семантика времени и вида; семантика нарратива. – М.: Языка русской культуры, 1999. – 464 с.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- Пайтген Х.О., Рихтер П.Х.* Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. – М.: Мир, 1993. – 176 с.
- Пановски Э.* Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / пер. с нем. – СПб.: Аксиома, 1999. – 228 с.
- Панфилов В.З.* О гносеологических аспектах языкового знака // Вопр. языкознания. 1977. – № 3. – С. 3-14.
- Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
- Пап А.* Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии / пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 420 с.
- Парадигмы* научного знания в современной лингвистике. – М.: РАН ИНИОН, 2006. – 164 с.
- Парахонский Б.А.* Стиль мышления: Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. – Киев: Наукова думка, 1982. – 120 с.
- Паршин П.Б.* К вопросу о лингвистически ориентированной классификации знаний // Диалоговые системы и представление знаний. – Тарту: Татр. ун-т, 1981. – С. 102-116.
- Паршин П.Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопр. языкознания. 1996. – № 3. – С. 19-42.
- Патнэм Х.* Разум, истина и история / пер. с англ. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.

- Пауль Г.* Принципы истории языка. Введение (извлечения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в отрывках и извлечениях: в 2-х т. Т.1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 165-182.
- Пауфошима Р.Ф.* Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М.: Наука, 1989. – С. 135-149.
- Переверзев В.Н.* Теория коммуникации: математический подход // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики: материалы I междунар. науч. конференции. – М.: Языки русской культуры, 2002. – С. 4-12.
- Переверзев К.А.* Пространства, ситуации, миры. К проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языка пространства. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 255-268.
- Пермякова Т.М.* Моделирование и типология межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в свете теории дискурса: монография. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. – С.70-78.
- Перцов Н.В.* О лингвистической эвристике. Основные выводы и результаты работы // Инварианты в русском словоизменении. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 19; 245-250.
- Перцов Н.В.* О точности филологии // Вопр. языкознания. – 2009. – № 3. – С. 100-124.
- Перцов Н.В., Пильщиков И.А.* О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкознания. – 2011. – № 5. – С. 3-17.
- Перцова Н.Н.* Формализация толкования слова. – М.: Просвещение, 1956. – 260 с.
- Пестова Н.В.* Абсолютная метафора // Энциклопедический словарь экспрессионизма. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 21-23.
- Пестова Н.В.* Понятие художественного концепта // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 23-30.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: МГУ, 1983. – 230 с.
- Петренко Д.И.* Страницы истории филологии: Московский лингвистический кружок // Стереотипность и творчество: межвуз. сб. научных трудов. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. – С. 20-34.
- Петров В.В.* От философии языка к философии сознания // Философия, логика, язык. – М.: Наука, 1987. – С. 3-17.
- Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопр. языкознания. 1988. – № 2. – С. 39-40.
- Петров М.К.* Заключение // Язык, знак, культура. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 317-321.
- Петров Ю.А.* Логика и методология научного познания. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 249 с.
- Петрутин Ю.Ю.* Искусственный интеллект: история, методология, философия. – М.: Звездапад, 2002. – 248 с.
- Пешковский А.М.* Ещё к вопросу о предмете синтаксиса // Русский язык в советской школе. – М.: Наука, 1929. – № 2. – С. 47-58.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Изб. труды. – М.: Наука, 1959. – С. 50-62.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956.; 2-е изд. М.: УРСС, 2002. – 511 с.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Изб. психологические труды. – М.: Просвещение. 1969. – С. 232-248.
- Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983-а. – С. 90-101.
- Пиаже Ж.* Схемы действий и усвоение знания // Семиотика – М.: Радуга, 1983-б. – С. 133-136.

- Пильх Г.* Язык или языки? Предмет изучения лингвиста / пер. с англ. // *Вопр. языкознания.* 1994. – № 2. – С. 5-28.
- Пименов Е.А., Пименова М.В.* Типология когнитивных моделей: метаязык описания // *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 226-231.
- Пименова М.В.* Понятие «Языковая наивная картина мира» как объект лингвистического исследования // *Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 8-13.
- Пименова М.В.* Введение в концептуальные исследования. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 160 с.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт / пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: Либроком, 2009. – 456 с.
- Пиотровский Р.Г.* Доказательно-экспериментальная парадигма современного языкознания: Исходные понятия синергетики. Технология синергетической парадигмы // *Структурная и прикладная лингвистика.* – Вып.7. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – С. 5-13.
- Пиотровский Р.Г.* Информационное измерение языка. – Л.: Наука, 1966. – 116 с.
- Пиотровский Р.Г.* Текст, машина, человек. – Л.: Наука, 1975. – 327 с.
- Пиотровский Р.Г.* Математическая лингвистика. – М.: Высшая школа, 1977. – 387 с.
- Пиотровский Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. – Л.: Наука, 1979. – 112 с.
- Пиотровский Р.Г.* О лингвистической синергетике // *Научно-техническая информация.* Сер. 2. – № 12. – 1996. – С. 1-12.
- Пиотровский Р.Г., Билан М.Н. и др.* Методы автоматического анализа и синтеза текста. – Минск, 1985. – 222 с.
- Пирон К.* Введение. Цель и методы науки / пер. с англ. // *Классическая философия науки: Хрестоматия.* – М.: МарТ, 2007. – С. 208-236.
- Пирс Ч.* Символы. Сигналы. Шумы. Закономерности и процессы передачи информации. – М.: Мир, 1967. – 333 с.
- Пирс Ч.* Элементы логики. *Grammatica speculativa* // *Семиотика* / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: 1983. – С. 151-210.
- Пирс Ч.* Начала прагматики. СПб.: Лаборатория Метафизических исследований философского ф-та СПбГУ; Алетейя, 2000. – 318 с.
- Пирс Ч.* *Grammatica Speculativa* // *Начало прагматизма. Т.2. Логические основания теории знаков* / пер. с англ. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 40-223.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Методы лингвистического исследования // *Общее языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений.* Гл. 2. – М.: Академии, 2009. – С. 41-76.
- Пищальникова В.А., Херман И.А.* Введение в лингвосинергетику. – М.: Просвещение, 1998. – 382 с.
- Платт Дж.* Метод строгих выводов // *Вопр. философии.* – 1965. – № 9. – С. 82-97.
- Плотников Б.А.* Методы исследования семантики // *Основы семасиологии.* – Минск: Наука, 1984. – 223 с.
- Плотникова Г.Н.* Лингвистические основы обучения русскому словообразованию. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988 – 144 с.
- Плунгян В.А.* Объект морфологии и место морфологии в модели языка // *Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие.* – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 12-18.
- Плунгян В.* «Интегрум» и национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* – М.: Летний сад, 2006. – С. 76-83.
- Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении.* – 2008. № 2 (16). – С. 7-20.

- Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* О некоторых направлениях современной французской лингвистики // *Вопр. языкознания*. 1994. – № 5. – С. 107-122.
- Подготовка научных и научно-педагогических кадров. О работе аспирантуры и докторантуры. Часть III. Нормативные документы, информационные материалы.* – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2002. – 336 с.
- Подкорытов Г.А.* О природе научного метода. – Л.: Наука, 1988. – 224 с.
- Позднякова Е.М.* Парадигмы научного знания в лингвистике и современное лингвистическое образование // *Парадигмы научного знания в современной лингвистике.* – М.: РАН ИНИОН, 2008. – С. 49-63.
- Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. – М.: АН СССР, 1959. – 382 с.
- Полани М.* Личностное знание. – М.: Просвещение, 1985. – 344 с.
- Полевые структуры в системе языка / под ред. И.А. Стернина,* – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 200 с.
- Поляков И.В.* Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. – Новосибирск: Наука, 1983. – 267 с.
- Поляков С.Э.* Мифы и реальности современной психологии. – М.: Изд-во УРСС, 2004. – 484 с.
- Понятийные категории и их языковая реализация.* – Л.: ЛГПИ, 1989. – 172 с.
- Попов А.Н.* Как написать научную статью // Эл. ресурс [http:// www.article.com](http://www.article.com).
- Попов Г.Х.* Техника личной работы. – М.: Книга, 1992. – 93 с.
- Попов Р.Н.* Методы исследования фразеологического состава языка: учебное пособие для студентов. – Курск: Кур. пед. ин-т, – 1976. – 83 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Методы изучения и описания лексической системы языка // *Лексическая система языка. Гл. VI.* – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С. 102-146.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание: учебное пособие. Изд. 2-е. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2004. – 208 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов // *Когнитивная лингвистика. Гл. III.* – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 160-217.
- Попова Т.В.* Креализованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // *Лингвистика креатива.* – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 147-175.
- Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Герунова Д.В.* Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
- Попович М.В.* Философские вопросы семантики. – Киев: Наукова думка, 1975. – 243 с.
- Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. – М.: Просвещение, 1983. – С. 226-239.
- Поппер К.Р.* Социология знания // *Открытое общество и его враги / пер. с англ. Т.П.* – М.: Культурная инициатива, 1992. – Гл. 23. – С. 245-258.
- Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
- Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. Рост научного знания. – М.: Изд-во АСТ»; ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 638 с.
- Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. – Иваново: Изд-во Иванов. ун-та, 1994. – 367 с.
- Порце В.Н.* Является ли наука самоорганизующейся системой? // *Вопр. философии.* – 2006. – № 1. – С. 95-108.
- Постовалова В.И.* Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
- Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания // *Язык и наука конца XX века.* – М.: Наука, 1995. – С. 342-420.

- Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25-33.
- Постовалова В.И.* Нанотехнология и лингвистика: прогнозы и перспективы взаимодействия // Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ (в рамках инновационной образовательной программы МГЛУ «Лингвапарк»). – 2007. – С. 9-12.
- Потапова Р.К.* Технология обработки естественного языка в науке и промышленности: обзор. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 63 с.
- Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М.: Радио и связь, 1997. – 527 с.
- Потапова Р.К.* Коннотативная паралингвистика. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1998. – 69 с.
- Потапова Р.К.* Новые информационные технологии и лингвистика: учебное пособие. – М.: МГЛУ, 2002. – 575 с.
- Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
- Потебня А. А.* Собрание трудов. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.
- Похилько В.И., Шмелёв А.Г.* Семантическая пространственная мнемощкала – новая измерительная техника в экспериментальной психосемантике // Вестник МГУ. Психология, 1982. – № 4. – С. 30-41.
- Почепцов Г.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-123.
- Почепцов Г.Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефлбук, 1999. – 352 с.
- Почепцов Г.Г.* Идеи и методы тартуско-московской «школы» семиотики // Русская семиотика. – М.: Рефлбук, 2001. – С. 665-677.
- Почепцов Г.Г.* Русская семиотика: идеи, методы, персоналии, история. – М.: Рефлбук; Ванлер, 2001. – 763 с.
- Правикова Л.В.* Язык как орган и как когнитивный феномен в свете лингвистических парадигм и семантических репрезентаций // Вестник Пятигор. Гос. ун-та. – Пятигорск, 2000. – № 2. – С. 92-100.
- Пражский лингвистический кружок.* – М.: Прогресс, 1967. – 558 с.
- Прайс Д.* Квоты цитирования в точных и неточных науках, технике и не науке // Вопр. философии, 1971. – № 3. – С. 149-155.
- Прибрам К.* Языки мозга. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
- Привалова И.В.* Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф... дис. д-ра филол. наук. – М., 2006. – 41 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 371 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: Прогресс, 1994. – 264 с.
- Прикладное языкознание: учебник / отв. ред. А.С. Герд.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 528 с.
- Принципы и методы исследования единиц языка.* – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 320 с.
- Принципы и методы когнитивного исследования языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев.* – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2008. – 368 с.
- Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины.* – М.: МГУ, 1971. – 268 с.

- Принципы и методы семантических исследований* / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1976. – 375 с.
- Принципы и методы социолингвистических исследований.* – М.: Наука, 1989. – 200 с.
- Принципы описания языков мира* – М.: Наука, 1976. – 343 с.
- Принципы типологического анализа языков различного строя.* – М.: Наука, 1972. – 240 с.
- Проблематика определений терминов в словарях разных типов.* – Л.: Наука, 1976. – 266 с.
- Проблемы грамматического моделирования.* – М.: Наука, 1973. – 262 с.
- Проблемы картографирования в языкознании и этнографии.* – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 132 с.
- Проблемы и методы лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV.* – М.: Прогресс, 1983. – 399 с.
- Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний.* – М.: Камра, 2007. – 403 с.
- Проблемы структурной лингвистики.* – М.: Наука, 1978. – 315 с.
- Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики.* – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 412 с.
- Проблемы функциональной грамматики (под ред. В.Н. Ярцевой).* – М.: Наука, 1985. – 630 с.
- Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариантность.* – СПб.: Наука, 2003. – 514 с.
- Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы: очерк языка выборов // Вестник Московск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – 1999. – № 1. – С. 34-49.*
- Прохоров В.Ф. Принципы синергетики в языкознании // Colloquium.* – Белгород: Бергамо, 2005. – С. 105-112.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс.* – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение.* – М.: Флинта: Наука, 2007. – 328 с.
- Прохорова О.Н. Потенциал когнитивных методов исследования концепта // Colloquium.* – Белгород: Бергамо, 2005. – С. 153-168.
- Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия: учебное пособие / под ред. В.К. Радзиховской.* – М.: Академия, 2003. – 464 с.
- Психологические ресурсы ассоциации «Психология. Развитие. Здоровье».* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.shp.by.ru. – Загл. с экрана. – Рус. яз.
- Психология XX века / под ред. В.Н. Дружинина.* – М.: ПЕРСЭ, 2003. – 863 с.
- Пуанкаре А. О науке / пер. с фр. – 2-е изд., стереотип.* – М.: Наука, 1990. – 736 с.
- Пуанкаре А. Наука и гипотеза / пер. с франц. // Классическая философия науки: Хрестоматия.* – М.: МарТ, 2007. – С. 426-492.
- Пульчинеллы О.Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ.* – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
- Радионова Е.С. Методы атрибуции художественных текстов // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 7.* – СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2008. – С. 118-127.
- Радугин А.А. Психология.* – М.: ПЕРСЭ, 2003. – 863 с.
- Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.*
- Разумов О.С., Благодатских В.А. Методология анализа и синтеза систем // Системные знания: концепция, методология, практика.* – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 113-158.
- Разумовский О.С. Оптимология. Ч.1. Общенаучные и философско-методологические основы.* – Новосибирск, 1999. – 285 с.

- Райзберг Б.А.* Диссертация и учёная степень: пособие для соискателей. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 428 с.
- Ракитина С.В.* Научный дискурс с позиции когнитивно-дискурсивного подхода // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. – М.; Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 412-417.
- Ракитина С.В.* Научный текст: Когнитивно-дискурсивные аспекты. – Волгоград: Перемена, 2006. – 277 с.
- Ракитов А.И.* Философские проблемы науки. Системный подход. – М.: Мысль, 1977. – 270 с.
- Ракитов А.И.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. – М.: Просвещение, 1982. – 303 с.
- Ракитов А.И.* Прологомены к идее технологии // Вопр. философии. – 2011. – № 1. – С. 3-14.
- Распопов И.П.* Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – 107 с.
- Рассел Б.* Человеческое познание. Его сферы и границы / пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 556 с.
- Рассел Б.* Исследование значения и истины / пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 400 с.
- Рассел Б.* История западной философии. – М.: Наука, 2001. – 315 с.
- Растье Ф.* Интерпретирующая семантика / пер. с франц. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. – 368 с.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость, – М.: Русские словари, 2004. – 416 с.
- Ревзин И.И.* Модели языка. – М.: Наука, 1962. – 192 с.
- Ревзин И.И.* Метод моделирования и типология славянских языков. – М.: Наука, 1967. – 298 с.
- Ревзин И.И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Просвещение, 1980. – 263 с.
- Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 20-37.
- Реферовская Е.А.* Философия лингвистики Г. Гийома. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 275 с.
- Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Русский язык в национальной школе. – 1962. – № 5. – С. 23-33.
- Реформатский А.А.* Сравнительно-исторический метод в языковедении // Введение в языковедение: учебник. 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 393-411.
- Рикёр П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / пер. с франц. – М.: Искусство, 1996. – 270 с.
- Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
- Рикёр П.* Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – С. 283 – 285.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М.: Просвещение, 1995. – С. 80-97.
- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий / пер. с нем. //Классическая философия науки: Хрестоматия. – М.: МарТ, 2007. – С. 492-589.
- Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
- Роговин М.С.* Метод наблюдения и деятельность наблюдателя // Вопр. философии. – 1988. – № 7. – С. 93-104.
- Рождественский Ю.В.* Нормирование языка // Лекции по общему языкознанию. Лекция 9. – М.: Добросвет, 2000, – С. 241-266.

- Рождественский Ю.В.* Предмет и метод языкознания // Лекции по общему языкознанию. Ч.2. – М.: Добросвет, 2000. – С. 95-192.
- Рождественский Ю.В.* Философия языка. Культуроведение и дидактика. – М.: Грантъ, 2003. – 239 с.
- Рождественский Ю.В., Волков А.А., Марчук Ю.Н.* Введение в прикладную филологию. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 116 с.
- Розин В.М.* Семиотические исследования. – М.: Прогресс, 2001. – 256 с.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников.* – М.: Наука, 1988. – 242 с.
- Рольфф Г.* Новые средства каталогизации: От фассетной классификации к дескрипту и тезаурусу: пер. с нем. – М.: Книга, 1980. – 90 с.
- Романов А.А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. – М.: Тверь, 2002. – 191 с.
- Росман В.* Техника пунктуации: знак препинания как философский метод // Вопр. философии. – 2003. – № 4. – С. 68-72.
- Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 194 с.
- Рош Э.* Когнитивное представление семантических категорий. – М.: Наука, 1978. – 157 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя книги. / Краткое введение в библиологическую психологию. – М.: Книга, 1977. – 264 с.
- Рубаник Ю.Т.* Системное мышление как искусство правдивой простоты: предисловие к русскому изданию // О'Коннер Дж., Макдеротт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах в творческом подходе решения проблем. – М.: Прогресс, 2000. – С. 5-12.
- Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР. Ин-т философии, 1958. – 147 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М.: Просвещение, 1989. – 712 с.
- Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. – М.: Наука, 1997. – 463 с.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 470 с.
- Рубинштейн С.Л.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения в клинике: практическое руководство. – М.: Апрель-Пресс, 2004. – 224 с.
- Руденко Д.И.* Имя в парадигмах «философии языка». – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.
- Руденко Д.И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 19-35.
- Руденко Д.И.* Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гос. Гуман. ун-т, 1995. – С. 118-143.
- Рузавин Г.И.* Методологические проблемы аргументации. – М.: РАН, 1997. – 208 с.
- Рузавин Г.И.* Методология научного исследования: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 1999. – 317 с.
- Рузин И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопр. языкознания. – 1996. – № 5. – С. 39-50.
- Русина Ю.А.* История и теория источниковедения: курс лекций. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. – 124 с.
- Рябцева Н.К.* Информационные процессы и машинный перевод. – М.: Наука, 1986. – 167 с.
- Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia РАН; Ин-т языкознания, 2005. – 639 с.
- Рябцева Н.К.* Металингвистические знания в теории и практике перевода // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Проблемы репрезентации в языке. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2009. – С. 116-126.

- Сааринен А.* О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М.: Просвещение, 1986. – 392 с.
- Садовский В.Н.* Общая теория систем. – М.: Наука, 1974-а. – 279 с.
- Садовский В.Н.* Основы общей теории систем. – М.: Наука, 1974-б. – 279 с.
- Садовский В.Н.* Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1978. – С. 7-25.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – 236 с.
- Самарин Ю.А.* Очерки технологии ума. – М.: Наука, 1962. – 689 с.
- Сарычев В.М.* Время как характеристика действительности // Конструкция времени в естествознании: на пути понимания феномена времени. – М.: Просвещение, 1996. – С. 289-302.
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л.: Наука, 1989. – 184 с.
- Сачков Ю.В.* Научный метод: вопросы и развитие. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 160 с.
- Светлов В.А.* «Органон» Аристотеля: обоснование индуктивно-дедуктивного метода научного познания // История научного метода: учебное пособие. – М.: Академический проект: Деловая книга, 2008. – С. 24-39.
- Светлов В.А.* История научного метода: учебное пособие. – М.: Академический проект: Деловая книга, 2008. – 700 с.
- Сводеш М.К.* К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании // Новое в лингвистике. – М.: Просвещение, 1960.– Вып. 1. – С. 53-87.
- Сводеш М.К.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) // Зарубежная лингвистика 1. / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1999. – С. 7-36.
- Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.
- Седов К.Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
- Секерина И.* Процесс понимания и синтаксический анализ предложения // Вопр. языкознания. – 1996. – № 3. – С. 29-35.
- Селезнёва С.Ю.* Концептуальная интеграция: Направления в исследовании (обзор) // Социальные и гуманитарные науки: отечественная зарубежная литература. Сер.6. Языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 139-156.
- Селивёрстова О.Н.* Обзор семантических работ по компонентному анализу // Филологические науки. 1975. – № 5. – С. 125-132.
- Селивёрстова О.Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопр. языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12-26.
- Селивёрстова О.Н.* Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 819 с.
- Селье Г.* От мечты к открытию. Как стать ученым / пер. с англ. – М.: Просвещение, 1987. – 368 с.
- Семантика и категоризация.* – М.: Наука, 1991. – 168 с.
- Семереньи О.* Задачи индоевропейского языкознания // Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. – М. Эдиториал УРСС, 2002. – 400 с. Гл. III. – С. 44-47.
- Семиотика и Авангард: Антология.* – М.: Академический проект, 2006. – 1168 с.
- Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов; Изд. 2-е, испр. и доп.* – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с нем. 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 655 с.
- Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 3-22.

- Сергеев Ф.П.* Основы лингвистических исследований: учебное пособие по спецкурсу. – Волгоград: Перемена, 1997. – 163 с.
- Серебрянников Б.А.* Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1973. – С. 120-167.
- Серебрянников Б.А.* Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – 343 с.
- Серебрянников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 147-187.
- Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 243 с.
- Серебрянников Б.А., Климов Г.А.* Методы лингвогенетических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – Гл. 1. – С. 9-119.
- Серебрянников Б.А., Сусов И.П.* Типичные недостатки в применении методов // Общее языкознание. Методы лингвистических познаний. Гл. 6. – С. 288-310.
- Серио П.* В поисках четвертой парадигмы // Философия языка в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. – С. 37-52.
- Серкин В.П.* Методы психосемантики: учебное пособие – М.: Аспект Пресс, 2004. – 207 с.
- Серова Т.С.* Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2001. – 211 с.
- Сеше А.* Программа и методы теоретической лингвистики: / пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 201 с.
- Сеше А.* Программа и методы теоретической лингвистики: Психология языка / пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 264 с.
- Сеше А.* Три сосюрювские лингвистики. Критика «курса общей лингвистики» / пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – С. 212-235.
- Сёрл Дж. Р.* Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96-126.
- Сёрл Дж.Р.* Открывая сознание заново / пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
- Сёрл Дж. Р.* Введение // Философия языка / пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 6-22.
- Сёрл Дж. Р.* Что такое речевой акт // Философия языка / пер. с англ.; ред. – сост. Дж. Р. Сёрл, Изд. 2-е. – М.: Эдиторная УРСС, 2010. – С. 56-74.
- Сигал К.Я.* Эксперимент в лингвистике: pro et contra // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 170-179.
- Сигал К.Я., Юрьева Н.М.* Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. – М.: Авторская академия, 2009. – 240 с.
- Сидоров Е.В.* Онтология дискурса. Изд. 2-е. – М.: Либрикон, 2009. – 232 с.
- Синельникова Л.Н.* Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) // <http://Russia.org.ua/fair/lorumruss/reports/3e4b8b54cb15f/21.02.2004>. – С. 1-12.
- Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / отв. ред. В.А. Копчик.* – М.: Прогресс – Традиция, 2002. – 496 с.
- Сиротинина О.Б., Кадькалова Э.П.* Лингвофилософские исследования В.С. Юрченко // Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 8-15.
- Сироткин Н.С.* О методологии исследования авангардизма или семиотические отношения авангардизма к действительности // Семиотика и авангардизм: Антология. – М.: Академический проект, 2006. – С. 33-68.

- Систематизация научных методов и проблема универсального метода // Методы социальной психологии: учебное пособие / под ред. Н.С. Минаевой. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2007. – С. 9-34.*
- Системный анализ и аналитические исследования / отв. ред. А.И. Ракитов. – М.: Альменда, 2009. – 638 с.*
- Системный анализ и научное знание. М.: Наука, 1978. – 247 с.*
- Ситуационный анализ, или анатомия кейс-метода. – Киев: Центр инноваций и развития, 2002. – 128 с.*
- Сичивица О.М. Методы и формы научного познания. – М.: Наука, 1979. – 236 с.*
- Скворцов Л.И. Языковая норма // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 270-272.*
- Скворцов О.Г. Методы исследования лексических систем. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2001. – 142 с.*
- Скворцов О.Г., Лазарева Э.А., Горина Е.В. Дискурс Интернета: Монография. – Екатеринбург: Ин-т международных связей, 2009. – 177 с.*
- Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. – М.: Радуга, 1983. – С. 228-271.*
- Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. – М.: Политизд, 1972. – 125 с.*
- Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 330 с.*
- Сложеникина Ю.В. Термин: семантическое, формальное, функциональное варьирование: монография. – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – 288 с.*
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Acadimia, 2000. – 128 с.*
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.*
- Слюсарева Н.А. Методы анализа языка (в теории Соссюра) // Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – §3. – С. 80-84.*
- Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопр. языкознания. – 1979. – № 4. – С. 69-76.*
- Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа // Докл. и сообщ. филолог-го ф-та МГУ. Вып.1. – 1948. – С. 20-25.*
- Смирницкий А.И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках (к методике сопоставления языков) // Иностран. языки в школе. – 1953. – № 2. – С. 50-58.*
- Смирнов С.Н. Становление междисциплинарного облика науки будущего. Будущее науки. – М.: Знание, 1988. – 267 с.*
- Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 480 с.*
- Современная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т., 1985. – 279 с.*
- Соколов А.В. Знакомьтесь: метатеория социальной коммуникации // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 6. – С. 4-15.*
- Соколова Е.П. Как работать с книгой. – М.: Просвещение, 1989. – 211 с.*
- Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 256 с.*
- Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи. – М.: МГУ, 2010. – 256 с.*
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 344 с.*
- Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопр. языкознания. – 1977. – № 2. – С. 15-28.*
- Соловьев В.Д. Типологические базы данных: перспективы использования // Вопросы языкознания. – 2010. – № 1. – С. 94-110.*
- Соловьев В.С. Достоверность разума // Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1988. – С. 797-813.*

- Соловьева Г.И.* Противоречие между теорией и фактами и когнитивная проблемная ситуация // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов.* – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. – С. 219-227.
- Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. – М.: Мысль, 1995. – 352 с.
- Сорокин Ю.А.* Политический дискурс: попытка истолкования понятия // *Политический дискурс в России.* – М.: Наука – Флинта, 2007. – 618 с.
- Сорокина Т.С.* Функциональные основы теории грамматической синонимии // *Вопр. языкознания.* – 2003. – № 3. – С. 92-112.
- Сорокина Э.А.* Матричный подход в лингвистическом исследовании // *Терминоведение и преподавание иностранных языков.* – М.: МПУ, 2000. – С. 80-84.
- Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л.: Наука, 1987. – 127 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики: пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
- Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике: пер. с франц. – М.: Прогресс, 2000. – 280 с.
- Спиноза Б.* Избранные произведения: В двух томах. – М.: Политиздат, 1957. – 462 с.
- Спиркин А.Г.* Происхождение сознания. – М.: Изд-во Полит. лит., 1960. – 417 с.
- Сравнительное изучение цивилизаций: учебное пособие и хрестоматия.* – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 556 с.
- Старостин Б.А.* Параметры развития науки. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
- Статистико-комбинаторное моделирование языков: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Д. Андреева.* – М.; Л.: Наука, 1965. – 502 с.
- Статистические методы в общественных науках. Сборник обзоров.* – М.: ИНИОН, 1982. – 159 с.
- Стеблин-Каменский М.И.* Название и познание в истории грамматики // *Вопр. языкознания.* – 1971. – № 5. – С. 29-45.
- Степанов Ю.С.* Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 167 с.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания: учебное пособие. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
- Степанов Ю.С.* Семиологический принцип описания языка // *Принципы описания языков мира.* – М.: Наука, 1976. – С. 203-281.
- Степанов Ю.С.* О трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип причинности // *Язык и наука конца XX века* – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
- Степанов Ю.С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // *Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц.* – Благовещенск: БГУ, 1998. – С. 5-16.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
- Степанов Ю.С.* Предмет и метод // *Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика).* – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – Гл. I. – С. 3-44.
- Степанов Ю.С.* Семиотика, философия, авангард // *Семиотика и Авангард.* – М.: Академический Проект, 2006. – С. 5-32.
- Степанов Ю.С.* Концепт. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 248 с.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 6-е. – М.: ЛКИ, 2007. – 312 с.

- Степанов Ю.С., Демьянков В.З.*, Философия языка // Современная западная философия: Словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 128-148.
- Степанова М.Д.* Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.
- Стёпин В.С.* Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 431 с.
- Стёпин В.С.* Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.
- Стёпин В.С.* Теоретическое знание // Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000-а. – С. 703-714.
- Стёпин В.С.* Наука и лженаука // Науковедение. – 2000-б. – № 1. – С. 72-81.
- Стёпин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М.: Наука, 2006. – 574 с.
- Стёпин В.С.* Наука и философия // Вопр. философии. – 2010. – № 8. – С. 58-75.
- Стёпин В.С.* Цивилизация и культура. – СПб: СПб. гум-ый ун-т, 2011. – 407 с.
- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 58-65.
- Стернина С.Г.* Метод обратного перевода как прием выделения лексико-семантической группы // Методы и принципы лингвистического анализа в общем и романском языкознании. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – С. 71-78.
- Стефаненко Т.* Этнопсихология. – М.: ИП РАН; Екатеринбург, 2000. – 320с.
- Стросон П.С.* Намерение и конвенция речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 130-150.
- Ступин В.А.* Особенности инфолосоциолингвистики как направления и метода // Инфолосоциолингвистика: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 6-11.
- Султанов А.Х.* О природе научного термина: проблемы философии языка. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 93 с.
- Суник О.П.* Общая теория частей речи. – М.; Л.: Наука, 1966. – 102 с.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1969. – 206 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Терминологическая деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 288 с.
- Сусов И.П.* История языкознания. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 295 с.
- Сусов И.П.* Введение в теоретическое языкознание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.
- Сухотин Б.В.* Оптимизационные методы исследования языка. – М.: Наука, 1976. – 157 с.
- Табанакова В.Д.* Идеографическое описание научной терминологии. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
- Табанакова В.Д.* Моделирование научно-исследовательского текста: учебное пособие. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. – 152 с.
- Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. –1999. – № 1. – С. 91-115.
- Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики – М.: Наука, 1987. – 168 с.
- Тарасов Е.Ф.* Язык и культура. Методологические проблемы // Язык – культура – этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 29-38.
- Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа: учебное пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. – 189 с.
- Тарланов З.К.* Категория падежа: к проблеме ее грамматического статуса и этноментальной соотнесенности // Филологические науки. – 2011. – № 2. – С. 36-46.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
- Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики.* – М.: Эдиториал РСС, 2001. – 578 с.
- Текст как объект комплексного анализа в вузе.* – Л.: Наука, 1984. – 530 с.

- Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики.* – М.: МГУ, 1981. – 210 с.
- Теория и методология языкознания. Методы исследования языка.* М.: Наука, 1983. – 254 с.
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.* – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
- Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.* – М.: Наука, 2003. – 328 с.
- Теория языка, методы его исследования и преподавания.* – Л.: Наука, 1981. – 292 с.
- Терехова А.Ю.* Анализ данных методами многомерного шкалирования. – М.: АПН, 1986. – 168 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: Вопросы теории и практики. – М.: АСТ: Астрель-Хранитель, 2007. – 286 с.
- Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума.* – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – 220 с.
- Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума.* – М.: Азбуковник, 2010. – 361 с.
- Тимофеева М.К.* Язык с позиции философии, психологии, математики: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 176 с.
- Типы знания и их репрезентация в языке:* Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. – 311 с.
- Тираспольский Г.И.* Система языка и системность в языке // Филологические науки. – 1999. – № 6. – С. 45-53.
- Титов В.Г.* Общая квантитативная лексикология языков. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 238 с.
- Тихонов В.А., Ворона В.А.* Методологические основы научного познания и творчества // Научные исследования: концептуальные, теоретические и практические аспекты. – М.: Горячая линия – Телеком, 2009. – 296 с.
- Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопр. языкознания. – 1963. – № 1. – С. 49-61.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
- Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных наук // Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – Хрестоматия. – С. 152-163.
- Токарева И.И.* Принципы и методы исследования языка: курс лекций. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2004. – 121 с.
- Тондл Л.* Проблемы семантики / пер. с чешс. – М.: Прогресс, 1975. – 485 с.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области славянской мифологии и этнолингвистики. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
- Трансформационно-генеративная грамматика в свете современной научной критики.* – М.: ИНИОН АН СССР, 1980. – 400 с.
- Трансформационный метод в структурной лингвистике.* – М.: Наука, 1964 – 450 с.
- Трофимова Г.Н.* Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
- Трошева Т.Б.* Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. (Сопоставительно с другими функциональными разновидностями): автореф. дис... д-ра филол. наук по специальности 10.02.01–русский язык. – Екатеринбург: УрГПУ, 2000. – 38 с.

- Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древних славян. – М.: Наука, 2003. – 489 с.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / пер. с нем (1960). – М.: Аспект Пресс, 2000. – 336 с.
- Тулдава Ю.А.* Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. – Таллинн: Валгус, 1987. – 204 с.
- Тулмин Ст.* Человеческое понимание / пер. с англ. – М.: Просвещение, 1984. – 335 с.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. – М.: Просвещения, 1986. – 128 с.
- Тюхтин В.С.* Гносеология, теория отражения и методология научного исследования в системе математической диалектики // Диалектика. Познание. Наука. – М.: Наука, 1988. – С. 25-34.
- Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 718 с.
- Уёмов А.И.* Послесловие к русскому переводу книги Л. Тондла «Проблемы семантики» / пер. с чешс. – М.: Прогресс, 1975. – С. 443-463.
- Уёмов А.И.* Логические основы метода моделирования. – М.: Мысль, 1978-а. – 272 с.
- Уёмов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978-б. – 271 с.
- Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Ульдалль Х.И.* Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике // Зарубежная лингвистика 1. Новое в лингвистике. Избранное / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1999. – Ч. 1. – С. 257-303.
- Умнов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1999. – 275 с.
- Универсалии* и типологические исследования. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
- Уорс Д.С.* Трансформационный анализ конструкций с творительным и падежом в русском языке // Новое в лингвистике. – Вып. 2. – М.: Прогресс, 1962. – С. 98-114.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Хрестоматия. – СПб: СПбГУ, 2001. – С. 195- 226.
- Урсул А.Д.* Информация. Методологические аспекты. – М.: Наука, 1971. – 317 с.
- Усманова А.Р.* Семиотика // Новейший философский словарь. – М.: Минск, 2001. – С. 895- 896.
- Успенский Б.А.* Избранные труды в 3-х тома. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.
- Устин А.К.* Культурогенетический эксперимент. – СПб.: Изд-во SuperMax, 1995. – 108 с.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
- Федоров А.К.* Использование лингвистического эксперимента при изучении некоторых вопросов синтаксиса // Русский язык в школе. – 1969. – № 1. – С. 49-56.
- Федотов В.В.* Техника и организация умственного труда. – М.: Просвещение, 1990. – 138 с.
- Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 98-114.
- Федюченко Л.Г.* Метод когнитивного моделирования учебного дискурса // Лингвистическое моделирование: Коллективная монография. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 86-93.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М.: 1988. – 542 с.
- Фейербах Л.* История философии. Собрание произведений: в 3-х т. – М.: Мысль, 1974. – (544 с.; 480 с.; 486 с.).
- Фейнман Р. И. др.* Фейнмановские лекции по физике. Т.2. Пространство, время, движение. – М.: Мир, 1965. – 675 с.
- Фельде О.В.* Профессиональное просторечие как лингвистический феномен // Терминология и знание: Материалы II международного симпозиума. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 71-76.
- Фененко Н.А.* Язык реалий и реалии языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 140 с.

- Фефилов А.И.* Морфотемный анализ единиц языка и речи. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1997. – 246 с.
- Фефилов А.И.* Философские проблемы лингвистики: учебное пособие. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2005. – 295 с.
- Фефилов А.И.* Введение в когнитологию: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 240 с.
- Фещенко В.В.* Autopoeisis как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики // Семиотика и Авангард: Антология. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 54-122.
- Фёрс Дж. Р.* Техника семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 72-86.
- Филин Ф.П.* Диалектное слово и его границы // Очерки по теории языкознания. – М.: Просвещение, 1982. – 336 с.
- Филипс Л., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
- Филичева Н.И.* Методика «семантического синтаксиса» и возможности её применения при анализе языкового материала // Ученые записки – М.: МГПИИЯ, 1968. – Т. 46. – С. 221-226.
- Филлмор Ч. Дж.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII / пер. с англ. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
- Филлмор Ч. Дж.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
- Философия* и история культуры. – М.: Наука, 1985. – 319 с.
- Философия* и методология науки. – Ч.1. – М.: SvR-Аргус, 1994. – 304 с.
- Философия* науки: общий курс / под ред. С.А. Лебедева: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2007. – 731 с.
- Философия* языка: пер. с англ. / ред. сост. Дж. Р. Сёрл. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 208 с.
- Философская антропология* XX столетия // История философии: учебник. – СПб.: Питер, 2010. – С. 470-511.
- Философские* и лингвокультурологические проблемы: коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во гос. ун-та, 2003. – 550 с.
- Финн В.К.* Семиотика // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 520-521.
- Флоренский П.* Имена. Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – 912 с.
- Фолькман П.* Теория познания естественных наук. Связь их с духовной жизнью нашего времени / пер. с нем. // Классическая философия науки: Хрестоматия. – М.: МарТ, 2007, – С. 269-352.
- Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты общения. – М.: Просвещение, 1998. – 291 с.
- Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
- Формирование* общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / пер с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 232 с.
- Фортуатов Ф.Ф.* Значение звуковой стороны в языке // Изб. труды: в 2 т. – М.: Изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. – Т.1. – О языке в процессе мышления и процессе речи. – С. 170 – 180.
- Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987. – 232 с.
- Фреге Г.* Логика и логическая семантика / пер. с нем. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. – М.: Наука, 1989. – 467 с.
- Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 1998. – 310 с.

- Фриз И.* Значение и лингвистический анализ // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 98-117.
- Фролов И.Т.* На пути к единой науке о человеке // Природа. – 1995. – № 8. – С. 62-71.
- Фрумкина Р.М.* Статистические методы изучения лексики. – М.: Наука, 1964. – 158 с.
- Фрумкина Р.М.* Объективные и субъективные оценки вероятностей слов // Вопр. языкознания. – 1966. – № 2. – С. 90-96.
- Фрумкина Р.М.* Об отношении между методом и объектом изучения в современной семантике // Семиотика и информатика. Вып. XI. – М.: Просвещение, 1979. – С. 334-388.
- Фрумкина Р.М.* «Язык и мышление» как проблема лингвистического эксперимента // Изв. АН СССР – Отдел. яз и лит., 1981. – Т. 40. – № 3. – С. 225-236.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
- Фрумкина Р.М.* Есть ли у лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века: Рос. гос. гумнит. ун-т. – М.: Просвещение, 1995. – С. 74-117.
- Фрумкина Р.М.* Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. РАН. Сер. лит. и языка, 1999. – Т.58. – № 4. – С. 28-38.
- Фрумкина Р.М.* Статистические методы и стратегия лингвистического исследования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – № 2. – 1975. – С. 129-141.
- Фрумкина Р.М.* Немного гносеологии (о методах в психолингвистике) // Психолингвистика: учебник. – М.: Академия, 2001. – С. 17-39.
- Фрумкина Р.М. и др.* Представление знаний как проблема // Вопр. языкознания. – 1990. – № 6. – С. 85-101.
- Фуко М.* Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977 (переизд. 1994). – 487 с.
- Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров.* – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 455 с.
- Хайдеггер М.* Работы и размышления различных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
- Хакен Г.* Интервью: синергетика // Вопр. философии. – 2000. – № 3. – С. 49-56.
- Хакинг Я.* Представление и вмешательство / пер. с англ. – М.: Мир, 1998. – 321 с.
- Халина Н.В.* Категория градуальности в слове и тексте. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 164 с.
- Халле М.* О роли простоты в лингвистических описаниях // Новое в лингвистике. – Вып. IV. – М.: Прогресс, 1965. – С. 117-125.
- Хансен Г.* Базы данных: Разработка и управление. – М.: Академия, 2004. – 291 с.
- Хант Дж.* Вычислительная лингвистика в Летнем Институте лингвистики // Вопросы языкознания. – 1993. – № 6. – С. 120-130.
- Хантингтон С.* Становление цивилизаций. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2003. – 460 с.
- Харман Г.* Современный факторный анализ. – М.: Статистика, 1972. – 412 с.
- Харченко В.К.* Белые пятна на карте современной лингвистики: книга рисков. – М.: Изд-во Литературного ин-та, 2008. – 135 с.
- Харченко В.К.* Функции метафоры: учебное пособие. – М.: Либроком, 2009. – 96 с.
- Харченко В.П.* Малоизвестные приемы и методики исследования языкового материала. – М.: Изд-во Литературного ин-та, 2008. – 128 с.
- Харченко Е.В.* Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 307 с.
- Хейрартс Д.* Принцип прагматической ономазиологии // Вестник МГУ. Филология. – 1995. – № 5. – С. 127-135.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. – М.: Педагогика, 1986. – Т.1. – 407 с.; Т.2 – 392 с.
- Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. Сборник избранных статей. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

- Хинтиikka Я.* Философские исследования: Проблемы и перспективы // *Вопр. философии.* – 2011. – № 7. – С. 3-17.
- Хлебникова И.Б.* Оппозиции в морфологии. – М.: Наука, 1969. – 286 с.
- Хоккет И.Ф.* Проблем языковых универсалий // *Новое в лингвистике.* – Вып. V. – М.: Прогресс, 1970. – С. 64-76.
- Хомский Н.* Картезианская лингвистика. – М.: КомКнига, 2010. – 232 с.
- Хомский Н.* Синтаксические структуры // *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып.2. – М.: Прогресс, 1962. – С. 31-45.
- Хомский Н.* Язык и проблема знания // *Вестник МГУ.* – Сер.9. Филология – 1995. – № 4. – С. 130-157.
- Храмушина Ж.А.* Методология и технология языковой подготовки в техническом вузе как фактор обеспечения социальной компетентности выпускников // *Языковая подготовка как компонент социальной компетентности выпускников технического вуза: монография.* – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2009. – С. 45-68.
- Хрестоматия* по истории русского языкознания / сост. М.Ф. Березин. – М.: Высшая школа, 1973. – 274 с.
- Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. – М.: Изд-во Юрайт, 2005. – 184 с.
- Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Перспективные маршруты лингвистического поиска // *Теория языка: учебное пособие.* – М.: Флинта, 2006. – С. 480-494.
- Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Теория языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 528 с.
- Хрусталеv Ю.М.* История и философия науки: учебное пособие. – Ростов на/Д: Феникс, 2009. – 476 с.
- Хэррис З.С.* Метод в структурной лингвистике // *Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях.* – Ч.II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 209-227.
- Цветков Н.В.* К методологии компонентного анализа // *Вопр. языкознания.* – 1984. – № 2. – С. 61-71.
- Цейтлин Г.С.* О соотношении естественного языка и формальной модели // *Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке.* – М.: Наука, 1982. – С. 267-282.
- Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории. – Новосибирск: Наука, 1982. – 189 с.
- Цепцов В.А., Куарье Л.* Когнитивная модель аргументации // *Психологический журнал.* – 1997. – № 1. – С. 47-58.
- Цивьян Т.В.* Модель мира и её лингвистические основы. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 198 с.
- Чебанов С.В., Мартыненко Р.Я.* Из истории типологических представлений. Методологические трудности // *Структурная и прикладная лингвистика.* Вып.7. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – С. 328-389.
- Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта // *Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ.* – Вып.7. – М.: Радуга, 1983. – С. 35-73.
- Чейф У.Л.* Значение и структура языка / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. (переизд. 1982). – 432 с.
- Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.* – М.: Наука, 1988. – 240 с.
- Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.* – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления.* Изд. 2. – Гл. 10. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 340-345.
- Чернавский Д.С.* Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Наука, 2001. – 506 с.
- Чернавский Д.С.* Информация, самоорганизация, мышление. – М.: Наука, 2001. – 105 с.

- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997 (переизд. 1998). – 320 с.
- Чернейко Л.О.* Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Московск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 2000. – № 5. – С. 39-52.
- Черненко Н.М.* Специфика научного текста // Ярослав. пед. вестн. – Ярославль, 2002. – № 4. – С. 31-42.
- Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 71-79.
- Чернявская В.Е.* От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 68-76.
- Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста: теоретическое учебное пособие. – СПб.: Наука, 2004. – 127с.
- Чернявская В.Е.* Нетолерантность в науке, или когда научное открытие становится несвоевременным // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. тр. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 2008. – С. 78-88.
- Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – М.: Либроком. 2009. – 284 с.
- Чернявская В.Е.* Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в текста. – Вып. 14. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. – С. 113-124.
- Чернявская В.Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – М.: Изд-во УРСС, 2011. – 270 с.
- Черняк В.С.* Оборачиваемость метода и диалектика развития языка // Вопр. философии. – 1975. – № 8. – С. 89-105.
- Черняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Вып. XII. – М.: Радуга, 1983. – С. 272-317.
- Чоговадзе Г.Г.* Информация: информация, общество, человек. – М.: Изд-во Дата+, 2003. – 320 с.
- Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 249 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: общие проблемы, метафора: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 248 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.
- Чудинов Э.М.* Природа научной истины – М.: Наука, 1977. – 237 с.
- Шабанова М.Д., Зайцева О.Л.* К вопросу об эффективности метода семантического толкования // Вестник Пятигорского гос. лингв-го ун-та, 2010. – № 3. – С. 115-118.
- Шайкевич А.Я.* Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. – С. 353-377.
- Шалан В.И.* Современный контент-анализ. – М.: Омега-Л, 2004. – 272 с.
- Шанский Н.М.* Лингвистический анализ художественного текста. – Л.: Просвещение, 1990. – 414 с.
- Шарафутдинова Н.С.* Методы лингвистического исследования // Теория и история лингвистической науки: учебное пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. – С. 132-157.
- Шарафутдинова Н.С.* Метод морфотемного анализа А.И. Фефилова // Теория и история лингвистической науки. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – С. 152-154.
- Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации. – М.: Перспектива, 2002.– 246 с.
- Шаумян С.К.* Абстракция в современной лингвистике. – Логос. – 1999. – № 1. – С. 186-213.

- Шаумян С.К.* О понятии языкового знака (к концептуальному анализу языкового знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Язык славянской культуры, 2001. – С. 149-165.
- Шафиков С.Г.* Категории и концепты в лингвистике // Вопр. языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3-17.
- Шахнарович А.М.* Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 129-134.
- Шахнарович А.М., Голод В.В.* Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопр. языкознания. – 1986. – № 2. – С. 52-56.
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: теория, проблем, методы. – М.: Наука, 1977. – 176 с.
- Швейцер А.Д.* Этнометодология // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. Американская социолингвистика. – М.: Наука, 1977. – С. 232-243.
- Швырёв В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М.: Наука, 1978. – 383 с.
- Швырёв В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. – М.: Наука, 1988-а. – 175 с.
- Швырёв В.С.* Восхождение от абстрактного к конкретному как метод развития теоретического знания // Диалектика. Познание. Наука. – М.: Наука, 1988-б. – С. 54-62.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 440 с.
- Шелестюк Е.В.* О лингвистическом исследовании символа: обзор литературы // Вопр. языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125-147.
- Шелов С.Д.* Логическое и лингвистическое в определении терминов. Степень терминологичности // Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 175-196.
- Шелюстюк Е.В.* О лингвистическом исследовании термина: обзор литературы // Вопр. языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125-142.
- Шемакин Ю.И.* Семантика самоорганизующих систем. – М.: Академический проект, 2003. – 176 с.
- Шемякин М.А.* Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с.
- Шендельс Е.И.* Связь языкознания с другими науками. – М.: Высшая школа, 1962. – 64 с.
- Шенк Р.* Обработка концептуальной информации / пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 361 с.
- Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Вып. XXIV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32-47.
- Шеннон К.* Математическая теория связи. Введение // Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 243-247.
- Шептулин А.П.* Категория диалектики как отражение закономерностей развития. – М.: Знание, 1980. – 164 с.
- Шептулин А.П.* Диалектический метод познания. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.
- Шипицына Г.М.* О языковых механизмах современного образования устойчивых сочетаний слов // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 259-264.
- Шкатова Л.А.* Развитие ономаσιологических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 152 с.
- Шкатова Л.А.* Принцип и методика лингвокультурологического анализа // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2001. – С. 276-281.

- Шкляр М.Ф.* Методологические основы научных исследований (экономические науки) // Основы научных исследований: учебное пособие. – М.: Дашков и К., 2009. – С. 76-95.
- Шмелёв А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. – М.: МГУ, 1983. – 158 с.
- Шмелёв А.Г.* Валидность психосемантических тестов // Психодиагностика личностных черт. – Гл. 5. – СПб.: Речь, 2002 – С. 286-299.
- Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- Шмелёв Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
- Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 345-472.
- Шпет Г.Г.* Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994 – 472 с.
- Шпет Г.Г.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. – 240 с.
- Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007. – 712 с.
- Шрейдер Ю.А.* Тезаурусы в информатике и теоретической семантике // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1971. – № 3. – С. 21-24.
- Шрейдер Ю.А.* Эвристика, или 44 способа познать мир // Химия и жизнь. – М.: Просвещение, –1979. –№ 1. – С. 2-7.
- Штайн К.Э.* Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 292 с.
- Штофф В.А.* Введение в методологию научного познания. – М.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 128 с.
- Штофф В.А.* К вопросу о гносеологической природе знака и знаковой деятельности // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1976. – С. 77-89.
- Штофф В.А.* Моделирование и философия. – М.; Л.: Наука, 1996. – 304 с.
- Штрекер Э.* Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающая теории науки. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. – М.: Логос, 1996. – С. 376 - 392.
- Шубина Н.Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и её место в семиотической системе русского текста: дис...д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 450 с.
- Шульц В.Л.* Методология социального познания // Вопр. философии. – 2008. – № 1. – С. 152-162.
- Шульц О.Э., Шульц С.Э.* История современной психологии. – СПб.: Питер, 1998. – 349 с.
- Шумилин А.Т.* Проблемы теории творчества. – М.: Высшая школа, 1989. – 143 с.
- Шупер В.А.* Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопр. философии. – 2008. – № 12. – С. 3-21.
- Шухардт Г.* Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950-а. – С. 198-209.
- Шухардт Г.* Выражение отношения в языке // Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950-б. – С. 245-258.
- Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание / Системные исследования: методологические проблемы. – М.: Просвещение, 1987. – С. 221-231.
- Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. – М.: Наука, 1997. – 548 с.
- Щедровицкий Г.П.* Программирование научных исследований и разработок // Г.П. Щедровицкого. Т.1. – М.: Просвещение, 1999. – 288 с.

- Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. –Т.4. – Вып. 5., 1945. – 175 с.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Общие вопросы языкознания. Гл. 1. – Л.: Наука, 1974. – С. 24-38.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку – М.: Учпедгиз, 2007. – 259 с.
- Щирова А.И., Гончарова Е.Л.* Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 172 с.
- Щирова А.И., Турава З.Я.* Текст как интерпретация: взгляды, концепции, школы. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 120 с.
- Щур Г.С.* О месте в лингвистическом анализе традиционных и современных методов // Слово в парадигматике и синтагматике: сб. докл. Вильнюс, 1971. – С. 56-93.
- Щур Г.С.* Об одном методе анализа лексики // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докладов. – М.: Наука, 1971. – С. 180-183.
- Щур Г.С.* О топологическом подходе в языкознании // Теория поля в лингвистике. – Гл. IX – М.: Наука, 1974. – С. 200-211.
- Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
- Щур Г.С.* О принципе инвариантности в лингвистике и в других науках // Теория поля в лингвистике. Гл. XI. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 220-232.
- Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: в 4 т. – М.: Наука. – 1921-1955. – 878 с.
- Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики. – М.: Наука, 1965. – 241 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
- Эко У.* Роль читателя: исследование по семиотике текста / пер. с англ. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.
- Эксперимент и квазиэксперимент в психологии: учебное пособие.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 384 с.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1982. – 263 с.
- Энквист Н.* Стили как стратегия в моделировании текста // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1988. – № 4. – С. 329-339.
- Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л.И. Гришаевой.* – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 196 с.
- Этимологические исследования.* – Свердловск, 1978-1988 (изд. продолжается).
- Этнопсихолингвистика.* – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- Эхо Ю.* Письменные работы в вузах. Практическое руководство для всех, кто пишет дипломы, курсовые, контрольные, доклады, рефераты, диссертации. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 127 с.
- Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. – М.: Наука, 1964. – 830 с.
- Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – 176 с.
- Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Просвещение, 1997. – 449 с.
- Юзвишин И.И.* Основы информатиологии. – М.: Информатиология, 2000. – 744 с.
- Юнг К.* Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
- Юрченко В.С.* Реальное время и структура языка // Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 85-96.
- Юрченко В.С.* Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М.: ЛКИ, 2008. – 368 с.
- Юсслер М.* Социолингвистика /пер. с нем.– Киев: Вища школа, 1987. – 200 с.
- Юсупов У.К.* Сопоставительная лингвистики как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 28-35.

- Яблонский А.И.* Модели и методы исследования науки. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 400 с.
- Яглом А.М., Яглом И.М.* Вероятность и информация. – М.: Гос. изд. техн. теор. лит-ры, 1975. – 159 с.
- Ядов В.А.* Социальное исследование. Методология. Программа. Методы. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1988. – 375 с.
- Ядов В.А.* Социальная идентификация личности в условиях быстрых перемен // Социальная идентификация личности. – М.: Наука, 1994. – С. 111-150.
- Якубайтис Т.А.* Вероятностная атрибуция текста по нескольким морфологическим признакам. – Рига: АН Латв. ССР; ИЭВТ, 1982. – 248 с.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Просвещение. – 1986. – 615 с.
- Язык и наука конца XX века:* сб. ст. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – 345 с.
- Язык и национальное сознание.* Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 314 с.
- Язык и стиль научного изложения.* – М.: Наука, 1983. – 271 с.
- Язык и структура представления знаний:* сборник научно-аналитических обзоров. – М.: РАН, 1992. – 164 с.
- Язык науки // Общие вопросы философии науки:* Словарь для аспирантов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. – С. 303-307.
- Язык.* Этнос. Картина мира. – Кемерово: Графика, 2003. – Вып. 1. – 185 с.
- Язык:* теория, история, технология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 512 с.
- Языки как образ мира.* – М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 568 с.
- Языки науки – языки искусства.* – М.: ИФРАН, 2000. – 400 с.
- Языковое сознание и образ мира:* сб. ст. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 2000. – С. 39-54.
- Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
- Якобсон Р. О.* Тексты, документы, исследования. – М.: РГГУ, 1999. – 916 с.
- Якобсон Р.О.* В поисках сущности языка // Семиотика. – М.: Радера, 1983. – С. 102-117.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
- Якобсон Р.О.* Два аспекта языка и два типа афотических нарушений // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110-132.
- Якобсон Р.О.* Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное. – М.: Прогресс, 1996. – С. 139-161.
- Якобсон Р.О.* Мои любимые темы // Тексты, документы, исследования. – М.: РГГУ, 1999. – С. 75-80.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
- Якушин Б.В.* Гипотезы о происхождении языка. – М.: Просвещение, 1984. – 136 с.
- Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: ЯСК. – 2001. – 384 с.
- Янковский С.* Концепция общей теории информации: www.cit-forum.ru
- Яркова Е.Н.* История и методология науки: учебное пособие. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2007. – 320 с.
- Ярцева В.Н.* О внутренних законах языка // Изв. АН СССР, ОЛЯ. – Т.11. – Вып. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 189-197.
- Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 10-21.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. – 111 с.
- Ярцева В.Н.* К определению понятия «языковой тип» // Лингвистическая типология. – М.: Наука, –1985. – С. 3-5.
- Ярцева В.Н.* Теория и практика сопоставительного исследования языков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 45. – № 6. – М.: Изд-во АН СССР. – 1986. – С. 493-499.

- Яскевич Я.С.* Становление эталонов аргументации научного знания // *Философские науки*. – 1991. – № 2. – С. 173-180.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Просвещение, 1991. – 527 с.
- Яхонтов С.Е.* Метод исследования и определение исходных понятий. – М.: Наука, 1982. – 330 с.
- Яцкевич Л.Г.* Виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика русского языка // *Филологические науки*. – 2010. – №5-6. – С. 86-95.
- Integrum: точные методы и гуманитарные науки*. – М.: Летний сад, 2006. – 430 с.

II. Словари и справочники

- Алексеев Д.И.* и др. Словарь сокращений русского языка: Около 15000 сокращений. – М.: Русский язык, 1977. – 416 с.
- Альберт Ю.В.* Библиографическая ссылка: Справочник. – Киев: Наукова Думка, 1983. – 248 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Прогресс, 1991. – 123 с.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: Просвещение, 1994. – 543 с.
- Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.
- Беликова И.А.* Компьютерная техника: Англо-русский словарь новых терминов. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. – 80 с.
- Берлов В.И.* Психологический словарь: реалистическое миропонимание. – Краснодар: Советская Кубань, 2001. – 288 с.
- Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2008. – 331 с.
- Большая психологическая энциклопедия*. – М.: ЭКСМО, 2007. – 544 с.
- Большая советская энциклопедия: в 30 т.* – М.: Советская энциклопедия, 1975-1980 (сокращ. – БСЭ).
- Большая энциклопедия: в 62 т.* – М.: Терра, 2006.
- Большой Российский энциклопедический словарь*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 1888 с.
- Большой толковый словарь правильной русской речи / под. ред. Л.И. Скворцова*. – М.; СПб.: ДИЛЯ, 2007. – 208 с.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под. ред. В.Н. Ярцевой*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 688 с.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: ЭКСМО, 2006. – 672 с.
- Брусенская Л.А.* Учебный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: КАРО, 2005. – 148 с.
- Буянова Л.Ю.* Терминологический словарь корневых гнезд языка науки. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2005. – 458 с.
- Валединский В.Д.* Информатика: Словарь компьютерных терминов. – М.: Аквариум, 1997. – 127 с.
- Васек И.* Лингвистический словарь Пражской школы. – М.: Иностранная литература, 1964. – 350 с.
- Васильев Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Русский язык, 1995. – 145 с.
- Власов В.Г.* Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 8 т. – СПб.: ЛИТА, 2000. – 848 с.

- Воройский Ф.С.* Информатика: Новый систематизированный толковый словарь-справочник. – М.: Либерия, 2001. – 536 с.
- Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры.* Энциклопедическое издание. – М.: ОЛИМП; АСТ, 1988. – 608 с.
- Всемирная энциклопедия: философия.* – М.: АСТ; Минск; Харвест, 2001. – 1312 с.
- Глухов Б.А., Щукин А.Н.* Термины методики преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1993. – 371 с.
- Граудина Л.К. и др.* Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. – М.: Наука, 2001. – 672 с.
- Гуссейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика: Энциклопедический словарь – М.: Гардарики, 2001. – 562 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1978-1980.
- Данилов Н.Я.* Справочник автора книги. – М.: Книга, 1986. – 304 с.
- Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь – М.: Русский язык, 2000. – 846 с.
- Еникеев М.И.* Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, 2006. – 560 с.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1209 с. – Т. 2. – 1088 с.
- Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М.: Русский язык, 1977. – 880 с.
- Землякова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 301 с.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
- Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. – М.: Владос, 1998. – 384 с.
- Иениш Е.В.* Библиографический поиск в научной работе: Справочное пособие-путеводитель, – М.: Книга, 1998. – 247 с.
- Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 200 с.
- Канке В.А.* Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М.: Омега-Л, 2008. – 328 с.
- Касаткин Л.Л. и др.* Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1995. – 382 с.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. 2-е изд. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
- Кондрашов В.А. и др.* Новейший философский словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 668 с.
- Кравченко А.И.* Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2009. – 352 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой.* – М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. – 197 с. (сокр. – КСКТ).
- Краткий словарь по эстетике.* – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
- Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Виктория плюс, 2004. – 432 с.
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2007. – 944 с.
- Кузнецов С.Н.* Основные понятия и термины интерлингвистики. – М.: Изд-во РУДН, 1982. – 80 с.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева.* – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
- Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2-х т.* – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.

- Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М.: Академический проект, 2008. – 692 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.В. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 685 с. (сокращ. – ЛЭС).
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: М.: Владос, 1996. – 416 с.
- Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Иностр. лит., 1960. – 436 с.
- Матвеева Т.В.* Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика: учебный словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
- Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
- Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификация. Терминологический словарь. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
- Национальная психологическая энциклопедия.* – [Электронный ресурс]. – режим доступа: www.vocabulary.ru
- Немченко В.Н.* Основные понятия морфемики в терминах: краткий словарь-справочник. – Красноярск: 1985. – 526 с.
- Немченко В.Н.* Основные понятия словообразования в терминах: краткий словарь-справочник. – Красноярск: 1985.
- Немченко В.Н.* Основные понятия фонетики в терминах: учебный словарь-справочник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1993. – 252 с.
- Немченко В.Н.* Основные понятия лексикологии в терминах: учебный словарь-справочник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. – 251 с.
- Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики текстов. – М.: Просвещение, 1983. – 324 с.
- Новая философская энциклопедия:* в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т.1 – 744 с.; Т.2 – 634 с.; Т.3 – 692 с.; Т.4 – 736 с.
- Новейший философский словарь* / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 2001. – 1280 с.
- Новейший философский словарь.* 2-е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 668 с.
- Общая психология.* Словарь / под ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕРСЭ, 2006. – 198 с.
- Общие проблемы философии: Словарь для аспирантов и соискателей.* – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007. – 315 с.
- Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова.* – М.: Изд-во АСТ, 2002. – 432 с.
- Ономастика.* Указатель литературы, изданной в СССР в 1963-70. – М., 1976; 1978; 1984.
- Орфографический словарь русского языка.* – 33-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – 400 с.
- Педагогическое речеведение: Словарь-справочник.* – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
- Пидкасистый П.Я. и др.* Психолого-педагогический справочник преподавателя высшей школы / Пед. об-во России. – М., 1999. – 354 с.
- Подольская Н.В.* Словарь по русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- Полонский В.М.* Словарь по образованию и педагогике. – М.: Высшая школа, 2004. – 512 с.
- Полонский В.М.* Словарь понятий и терминов по законодательству РФ об образовании. – М.: Наука, 1995. – 237 с.
- Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. – М., 1019-1914 (2-е изд. 1959).
- Призмет Э.Л.* Вспомогательные указатели к научной книге. – М.: Книга, 1975. – 379 с.
- Ребер А.* Большой толковый психологический словарь / пер. с англ.: в 2-х т. – М.: Вече, 2000. – 1120 с.

- Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Книга, 1971. – 303 с. (4-е изд. М., 2009. – 400 с.)
- Руднев Л.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1999. (2003). – 381 с.
- Русский ассоциативный словарь:* в 2 т. – М.: Астрель, 2002. – 992 с.
- Русский язык:* Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 704 с. (сокращ. – РЯЭ – 2003).
- Русское культурное пространство:* Лингвокультурологический словарь. – Вып.1. – М.: Генезис, 2004. – 368 с.
- Семёнов А.Л.* Контекстологический словарь основных терминов маркетинга. – М.: ВЦП, 1994. – 122 с.
- Слитно или раздельно?;* Опыт словаря-справочника / Под ред. Д. Э. Розенталя. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 480 с.
- Словари русского языка* // www.aot.ru.
- Словари русского языка:* www.dct.ruslang.ru
- Словарь античности* / пер. с нем. – М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993. – 704 с.
- Словарь библиотечных терминов.* – М.: Книга, 1976. – 224 с.
- Словарь по программированию* (английский, русский, немецкий, французский). – М.: Русский язык, 1991. – 286 с.
- Словарь терминов познания.* – Тюмень: Слово, 1999. – 253 с.
- Словарь философских терминов.* – М.: ИНФРА-М, 2004. – 731 с.
- Словарь-справочник по русскому языку* / Под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Цитадель, 1996. – 704 с.
- Советский энциклопедический словарь.* – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – 1600 с.
- Современный словарь иностранных слов.* – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – 816 с.
- Современный философский словарь* / под. ред. В.Е. Кемерова. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
- Справочная книга корректора и редактора* / под общ. ред. А. Э. Мильчина. – М.: Книга, 1984. – 478 с.
- Справочник научного работника:* Архивы, документы, исследователь. – Львов: Высшая школа, 1983. – 499 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с. (сокращ. – СЭС).
- Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж.* Словарь социолингвистических терминов. – Алматы, 1998. – 368 с.
- Татаринов В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.
- Толковый словарь русского языка конца XX века.* Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Склярской. – СПб.: Изд-во РАН, ИЯ, 1998. – 700 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. – М.: 1964-1973 (2-е изд. 1986-1987).
- Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 240 с.
- Философия:* Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
- Философский словарь.* – М.: Республика, 2001. – 720 с.
- Философский энциклопедический словарь.* – М.: ИНФРА, 1999. – 576 с.
- Хемп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. – М.: Иностр. лит., 1964. – 240 с.
- Хоруженко К.М.* Культурология: Энциклопедический словарь. – Ростов на/Д.: Феникс, 1997. – 640 с.

- Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шати́ро Е.И.* Язык. Речь. Коммуникация: Междисциплинарный словарь: СПб.: КАРО, 2006. – 128 с.
- Частотный словарь русского языка* / под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
- Шарков Ф.И.* Коммуникология: энциклопедический словарь – справочник. – М.: Дашков и К°, 2009. – 768 с.
- Шаров А.С.* Частотный словарь русского языка: <http://www.artint.ru/projects/fglist.asp>.
- Шаяхметова А.П.* Методы лингвистики. Словарь-справочник. – Алматы, 2000. – 538 с.
- Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике.–М.: Дрофа, 2000. – 340с.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- Шушков А.А.* Толково-понятийный словарь русского языка. – М.: АСТ: Астраль: Хранитель, 2008. – 988с.
- Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746 с.
- Энциклопедический словарь экспрессионизма.* – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 736 с.
- Этимологический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 672 с.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / под ред. О.Н. Трубачева. – т. 1-22. – М., 1974-1995 (издание продолжается).
- Юдакин А.* Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. – М.: Советский писатель, 2000. – 915 с.
- Языкознание.* Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
- Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – М.: Лань, 1999. – 524 с.
- Wikipedia, the free encyclopedia:* www.en.wikipedia.org.
- Библиофонд* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=14162>

III. Источники материала

1. *Василенко О.И.* Отфитонимическая семантическая деривация в современных литературных русском и английском языках: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 232 с.
2. *Дедюхина А.С.* Репрезентация категории партитивности в русском и английском языках (статика и динамика): дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 206 с.
3. *Глазырина А.И.* Английские контактные элементы в русском компьютерном языке: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 197 с.
4. *Ефимов Д.К.* Терминосфера СМИ в русском и английском языках: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 215 с.
5. *Жавкина Е.Б.* Вариативность термина и его субституция в научном русскоязычном и немецкоязычном тексте: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 175 с.
6. *Жучкова Е.В.* Моделирование отраслевой словарной типологии (на материале словарей по психологии в русском и английском языках): дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 189 с.
7. *Запелова Л.А.* Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 236 с.
8. *Иванова С.А.* Семантизация термина в научно-учебном тексте (на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках): дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 246 с.

9. *Казанцева Ю.С.* Субъективная модальность в русских и английских проспектах услуг высшего профессионального образования: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 193 с.
10. *Краев С.В.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитивно-квалитативное исследование: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 303 с.
11. *Прошина А.А.* Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 276 с.
12. *Сандалова Н.В.* Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминографическим источникам): дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 281 с.
13. *Талатина М.Б.* Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных “белый / чёрный” и “white / black” в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 209 с.
14. *Трушина Е.В.* Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках): дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 185 с.
15. *Хасанишина Г.В.* Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 258 с.
16. *Чудинова Е.А.* Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии): дис ... канд. филол. наук. – Пермь, 1998. – 201 с.
17. *Шагеева А.А.* Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте на материале русского и английского языков: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 216 с.
18. *Шадрина Ю.Ю.* Функционирование местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсах: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 321 с.
19. *Шилова Е.В.* Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 226 с.

Приложение. Рабочая учебная программа для магистров «Методология научных исследований в языкознании» (для ООП 050100 «Педагогическое образование», «Языковое образование (иностранные языки)» по профессиональному циклу М.1.В.02 (вариативная часть)

Степень (квалификация): магистр

Срок обучения: 2 года

Форма обучения: очная/заочная

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Пояснительная записка

- 1.1. Цели и задачи дисциплины
- 1.2. Место дисциплины в структуре ООП магистратуры
- 1.3. Требования к результатам освоения дисциплины
- 1.4. Объем учебной дисциплины и виды учебной работы

2. Учебно-тематическое планирование

- 2.1. Учебно-тематическое планирование по дисциплине
- 2.2. Тематика лекций
- 2.3. Тематика практических заданий

3. Содержание дисциплины

4. Самостоятельная работа и организация контрольно-оценочной деятельности

- 4.1. Часы, отведенные на самостоятельную работу над каждым разделом и темой дисциплины
- 4.2. Формы самостоятельной работы магистров над дисциплиной и формы контрольно-оценочной деятельности
- 4.3. Экзаменационный комплекс

5. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

5.1. Рекомендуемая литература

Обязательная

Дополнительная

5.2. Информационное обеспечение дисциплины

6. Материально-техническое обеспечение дисциплины

7. Сведения об авторе

1. Пояснительная записка

Кардинальные изменения, происходящие в социально-экономической структуре нашего общества, интеграция в мировое сообщество и мировую рыночную экономику предъявляют, как никогда ранее, повышенные требования к личности будущего специалиста, особенно – лингвиста-преподавателя иностранных языков. Помимо высокого уровня квалификации, выпускник современного вуза должен быть человеком **самостоятельно инициативным, творческим:** должен уметь быстро принимать решения, мыслить нестандартно,

быстро адаптироваться в меняющихся жизненных условиях, даже при необходимости в смене профессии, быть конкурентноспособным, уметь ориентироваться в потоках современного знания и прогнозировать своё будущее.

В современном мире в результате действия двух противоположных тенденций – интеграции и дифференциации наук, а также лавинообразного прироста научного знания, оно приобретает временный, неустойчивый характер. А это в свою очередь приводит к быстрому устареванию профессиональных знаний и вызывает необходимость постоянного пополнения знаний через самообразование, что возможно только благодаря умению добывать знания **самостоятельно**.

Наконец, ещё один важный фактор, обуславливающий самоценность умения учиться самостоятельно. Как известно, образование всегда работает на будущее, а потому всем обучаемым необходимо знать прогнозы.

Ключевым понятием современности является свобода выбора профессии на базе личностных приоритетов, поскольку смысл жизни каждого человека состоит в наиболее полной самореализации. А поскольку самостоятельная познавательная деятельность является основным фактором развития личности, то конечные ценностные приоритеты специалиста нашего XXI века состоят в созидании своей **личности, знающей** смысл своей жизни, **верующий** в возможности его достижения, целенаправленно и активно **работающей** во имя наиболее полной жизненной самореализации¹.

На базе этого прогноза формируется основная задача **современного педагогического университета** как «высшего учебного заведения, деятельность которого направлена на **развитие образования, науки и культуры путём проведения фундаментальных научных исследований и обучения на всех уровнях высшего, послевузовского и дополнительного образования** по широкому спектру естественнонаучных, гуманитарных и других направлений науки, техники и культуры»².

Исходя из этой концепции, содержание данной дисциплины должно соответствовать основным принципам:

- интеграции образования и науки;
- «обучения – через исследования»;
- ориентации на фундаментальные исследования и поддержку научных школ и направлений;
- ориентации на междисциплинарную интеграцию гуманитарной и естественной науки и культуры, а также принципы: открытости, доступности, непрерывности, гуманизации, информатизации, регионализации, валеологизации, экономичности и др.

Из сказанного ясно, что научно-исследовательская работа магистра-лингвиста является важным неотъемлемой компонентом успешного овладения специальностью, а также условием будущей профессиональной творческой деятельности. Потому тематика данной дисциплины имеет профессиональную направленность и значительный развивающий и воспитательный потенциал.

1.1. Цели и задачи дисциплины состоят в том, чтобы заложить основы научно-исследовательской деятельности магистров в процессе выполнения ими исследовательских работ; показать необходимость научно-исследовательских знаний, умений и навыков в формирование нравственных и психолого-педагогических качеств профессиональной деятельности будущих специалистов.

Задачи дисциплины:

- раскрыть понимание онтологической связи теории языка с общим состоянием знаний, достигнутых в смежных областях, и с методологией, методикой и технологией исследований в языкознании;
- показать необходимость исследовательской деятельности как необходимого компонента

¹ Гершунский Б.С. Философия образования XXI века (Текст) /Б.С. Гершунский. – М.: Совершенство, 1998. – 408 с.

² Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации, от 27.12.1994 г. № 1428.

профессиональной подготовки лингвиста-магистра;

- раскрыть важнейшие принципы, умения и навыки исследовательской деятельности в языкознании;
- дать понятие о науке, её структуре и функциях на материале языкознания;
- раскрыть структуру методологии языкознания и её органическую связь с методикой и технологией лингвистических исследований;
- дать понятие о методе, его структуре и функциях, опираясь на онтологию языкознания;
- раскрыть возможности исследовательских методик в области языкознания (на материале разных языков);
- раскрыть технологию исследований в области языкознания (родного и иностранных языков) на всех этапах исследовательской деятельности.

1.2. Место дисциплины в структуре ООП магистратуры

Дисциплина «*Методология научных исследований в языкознании*» входит в общенаучный цикл (М1) подготовки магистра-языковеда, в его вариативную часть (В.02).

Дисциплина предполагает предварительную подготовку по квалификации «бакалавр лингвистики», осуществляется в органической связи со всеми дисциплинами *общенаучного, профессионального* циклов и всех видов практик (*педагогической, научно-педагогической и научно-исследовательской*), предусмотренных учебным планом квалификации – *магистр*.

1.3. Требования к результатам освоения дисциплины

Компетенции¹ магистра лингвистики, формируемые в результате освоения данной дисциплины:

Магистр лингвистики:

- владеет методологией, методикой и технологией научного творчества;
- способен к обоснованию выбора темы и методов исследования;
- способен обосновать актуальность темы и новизну поставленных целей и задач исследования;
- способен проводить самостоятельные теоретические и экспериментальные исследования;
- способен аргументированно излагать полученные результаты;
- способен видеть место проведенного им исследования в ряду научных работ по избранной проблематике и практическую значимость;
- готов выполнить магистерскую диссертацию как вид выпускной квалификационной работы, обеспечивающей необходимую совокупность методологических представлений и методических навыков в избранной области профессиональной деятельности;
- готов использовать нормативные правовые документы в своей научно-исследовательской деятельности.

Магистр-преподаватель иностранных языков должен **ЗНАТЬ:**

- понятие о науке, её структуре, функциях (в онтологии языкознания);
- методологию и методику научного исследования по языкознанию;
- принципы научно-исследовательской работы в языкознании;
- структуру и содержание этапов научно-исследовательской работы по языкознанию;
- соотношение методологии – метода – методики и технологии в лингвистических исследованиях;
- особенности моделирования научного (лингвистического) текста по исследовательской теме;
- быть знакомым с научной организацией труда и гигиеной умственного труда.

Магистр, освоивший курс, должен **УМЕТЬ:**

- самостоятельно пользоваться библиографическими каталогами и справочно-информационными изданиями по лингвистике и информационными ресурсами;

¹ В целом компетенции магистра лингвистики – преподавателя иностранных языков предполагают наличие компетенций по владению иностранными языками. См.: *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка.* – Страсбург, 2003. – 256 с.

- накапливать научную информацию, используя карточки и перфокарты для языкового материала;
- уметь работать с необходимыми приборами, компьютером, словарно-справочными изданиями;
- анализировать и обобщать языковые факты и учиться давать им теоретические объяснения;
- уметь провести саморедактирование текста научной работы по индивидуальной теме исследования;
- оформлять исследовательскую работу (курсовую, диссертацию);
- учиться размышлять по существу новой научной информации, критически оценивать её достоинства и недостатки, воспитывать в себе умение «нестандартного» мышления и поиска новых, лучших решений.

В целом магистр, освоивший курс, должен **ВЛАДЕТЬ** научно-исследовательскими знаниями, умениями и навыками для осуществления профессиональной деятельности:

- преподавательской;
- социально-педагогической;
- воспитательной;
- культурно-просветительской;
- коррекционно-развивающей;
- управленческой.

1.4. Объем учебной дисциплины и виды учебной работы

Объем в часах, всего – 24 часа
в том числе: лекции – 10 часов
практические занятия – 14 часов
самостоятельная работа – 48 часов
Всего по дисциплине – 72 часа

Виды учебной работы:

- аудиторная: лекции и практические занятия; консультации по проектированию исследовательских индивидуальных тем.
- внеаудиторная, самостоятельная работа:
- подготовка к лекциям (перечитывание лекций);
- подготовка к практическим занятиям;
- самостоятельное изучение обязательной и дополнительной литературы по дисциплине;
- подготовка к зачёту по практической части дисциплины: а) выполнение домашней зачетной работы «Анализ структуры и содержания магистерской диссертации по языкознанию»; б) написание реферата по проектированию индивидуальной исследовательской темы магистра.
- подготовка и сдача экзамена по дисциплине.

2. Учебно-тематическое планирование

2.1. Учебно-тематическое планирование по дисциплине

п/п	Наименование темы/раздела	Всего трудоемкость	Аудиторные часы			Самостоятельная работа
			Всего	Лекций	Практические	
1	Введение	6	2	2		4
2	Методология науки о языке	10	4	4		6
3	Язык и метод	12	4	2	2	8

4	Методика лингвистического исследования	12	4	2	2	8
5	Технология НИР в языкознании					
5.1.	Технология поиска научной информации по языкознанию	6	2		2	4
5.2.	Технология изучения научной литературы по языкознанию	8	2		2	6
5.3.	Технология сбора и классификации языкового материала по теме исследования	6	2		2	4
5.4.	Технология моделирования научного (лингвистического) текста по проведенному исследованию	6	2		2	4
5.5.	Технология редактирования (саморедактирования) текста диссертационного исследования	6	2		2	4
	Всего	72	24	10	14	48

2.2. Тематика лекций

№ п/п	Название темы, раздела	Темы лекций	Количество часов
1	Введение	1 . Введение в методологию, методику и технологию языкознания	2 часа
2	Методология науки о языке	2. Основные понятия методологии познания, науки, языкознания	2 часа
		3. Уровни и структура методологии языкознания	2 часа
3	<i>Язык и метод</i>	4. Строение метода о языке и языках. Система методов в языкознании	2 часа
4	Методика лингвистического исследования	5. Важнейшие принципы научно-исследовательской работы в области языкознания. Этапы исследования	2 часа
		Итого:	10 часов

2.3. Тематика практических занятий

№ п/п	Название темы, раздела	Темы практических занятий	Количество часов
-------	------------------------	---------------------------	------------------

3	Язык и метод	1 Концептуально-онтологическая структура языкознания и её соотношение с системой методов	2 часа
4	Методика лингвистического исследования	2. Методика лингвистического исследования на разных этапах	2 часа
5	Технология НИР в языкознании		
5.1.	Технология поиска научной информации по языкознанию	3. Анализ традиционных и инновационных источников лингвистической информации (библиографические и электронные ресурсы)	2 часа
5.2.	Технология изучения научной литературы по языкознанию	4. Как изучать научную литературу разных жанров по языкознанию?	2 часа
5.3.	Технология сбора и классификации языкового материала по теме исследования	5. Технология сбора и классификации языкового материала (по индивидуальным темам исследования)	2 часа
5.4.	Технология моделирования научного (лингвистического) текста по проведенному исследованию	6. Анализ структуры и содержания диссертационной работы по языкознанию	2 часа
5.5.	Технология редактирования (саморедактирования) текста диссертационного исследования	7. Редактирование погрешностей стиля научного изложения в соответствии с моделью «Качество эталонного научного текста»	2 часа
		Итого:	14 часов

3. Содержание дисциплины

1. Введение. Основные виды человеческой деятельности. Познание как вид человеческой деятельности. Специфика научного познания. Наука и её отношение к другим общественным явлениям. Структура и функции науки. Место языкознания в системе наук. Научно-исследовательская работа (НИР) как необходимый компонент профессиональной подготовки магистра лингвистики. Важнейшие принципы научно-исследовательской работы.

2. Методология науки о языке

Методология научная и практическая; содержательная и формальная. Иерархия уровней методологии языкознания: гносеологический, мировоззренческий, общенаучный (логико-гносеологический), частнонаучный (научно-содержательный), методологический. Структура методологии языкознания: 1) основания методологии: источники и составные части методологии языкознания (философия, логика, системология, семиотика, психология, информатика, науковедение, этика, эстетика, онтология лингвистики); 2) характеристика деятельности (принципы, условия, нормы научно-исследовательской деятельности); 3) логическая структура деятельности (объект, предмет, цель, задачи, формы, средства, результат;

4) временная структура деятельности (фазы, стадии, этапы); 5) технология деятельности (технология познания, технология описания результатов познания).

3. Язык и метод. Метод в языкознании как сложная, динамическая, целостная, субординированная система принципов, приемов и способов исследования. Метод и теория. Метод и объект, предмет языкознания. Метод и концептуально-онтологическая структура современного языкознания. Аспектирующие и синтезирующие концепции в истории языкознания. Методы междисциплинарных исследований в языкознании.

4. Методика лингвистического исследования. Понятие об эпистемической (познавательной) ситуации в языкознании как метамодели познавательного процесса. Понятие об эпистемической цепочке: методология – метод – методика – технология. Технология познания (исследования языковых феноменов). Технология описания результатов исследования. Этапы лингвистического исследования.

5. Технология НИР в языкознании

5.1. Технология поиска научной информации по языкознанию. Библиографические традиционные (каталоги библиотек, библиографические указатели, обзоры, архивы, рефераты, словарно-справочные) и инновационные (электронные ресурсы, интернет-ресурсы) источники научной информации по языкознанию. Личная картотека по индивидуальной научно-исследовательской теме. Первичная библиография по теме исследования. Основные нормы и требования к библиографии по теме исследования. Понятие о ГОСТах по информации, библиографическому и издательскому делу (ГОСТ 7.1-2003; Р.7.03-2006 и ГОСТ Р 7.05-2008, введенный с 01.01.2009 г.).

5.2. Технология изучения научной литературы по языкознанию

Классификация стилей, под стилей и жанров учебной и научной литературы. Техника чтения разных текстов (просмотровое, ознакомительное, изучающее выборочное и изучающее аналитическое). Приёмы скорочтения. Виды записей при изучении литературы (выписки, пометки, цитирование, планы прочитанного, тезисы, рефераты, конспекты и т. д.). Правила оформления записей при чтении литературы.

Технология сбора и классификации языкового материала по теме исследования. Основные понятия источниковедения. Типы источников языкового материала: 1) сфера фиксации – словарно-справочная литература и её компьютерные аналоги; 2) сфера функционирования – тексты, дискурсы (на бумажных и электронных носителях). Инновационные источники: корпуса национальных языков; БД (базы данных на разных языках); ТБД (терминологические базы данных на разных языках); БЗ (базы знаний) и ТБЗ (терминологические базы знаний). Способы фиксации языкового материала по теме исследования. Понятие о классификации и типы классификаций языкового материала (логические и когнитивные).

Технология моделирования научного (лингвистического) текста по проведенному исследованию.

Технология моделирования научного (лингвистического) текста по приведенному исследованию. Понятие о моделировании текста. Жанровые особенности диссертации и автореферата по диссертации. Метаязык и графический метаязык. Нормы и правила цитирования. Техника цитирования. Типичные трудности и ошибки при моделировании научных текстов.

Технология редактирования (саморедактирования) текста диссертационного исследования. Принципы редактирования научного текста. Виды внимания при редактирующем чтении. Подходы к редактированию научного текста. Трансдисциплинарный подход к редактированию научного текста. Системный подход к редактированию научного текста. Психологический компонент объяснения погрешностей стиля научного изложения. Модель «Качество эталонного текста». Анализ текста диссертационного сочинения и текста автореферата.

4. Самостоятельная работа и организация контрольно-оценочной деятельности

4.1. В разделе 2.1. «Учебно-методическое планирование по дисциплине» указаны часы, отведенные на самостоятельную работу¹ над каждым разделом и темой дисциплины. Всего в объеме 48 часов.

4.2. Формы самостоятельной работы магистров над дисциплиной и формы контрольно-оценочной деятельности

№ п/п	Формы самостоятельной работы	Формы и сроки контроля и оценки
1	Подготовка к аудиторным формам работы (согласно учебно-тематическому плану)	10-й семестр систематически Аудиторный контроль и оценка
2	Изучение обязательной литературы по дисциплине	10-й семестр систематически Аудиторный контроль и оценка
3	Изучение трех источников из списка дополнительной литературы (по выбору магистра)	10-й семестр систематически Контроль на консультациях
4	Консультации по дисциплине	еженедельно
5	Подготовка к зачёту (как допуск к экзамену) по практической части дисциплины: а) выполнение домашней контрольной работы «Анализ структуры и содержания магистерской диссертации по языкознанию» б) написание реферата по проектированию избранной (индивидуальной) темы исследования по языкознанию.	Согласно графику учебного процесса. Последняя неделя семестра.
6	Подготовка и сдача экзамена по дисциплине	По графику учебного процесса

4.3. Экзаменационный комплекс по дисциплине

I. Экзаменационные вопросы

1. Основные виды человеческой деятельности.
2. Место познавательной деятельности среди других видов деятельности человека. Виды познания. Структура научного познания.
3. Понятие о науке и её отношении к другим общественным явлениям.
4. Структура и функции науки. Роль науки в современном обществе.
5. Классификация наук. Место языкознания среди других наук: традиция и современность.
6. Важнейшие функции научно-исследовательской работы (НИР).
7. Научно-исследовательская работа как необходимый компонент профессиональной подготовки магистра лингвистики.
8. Понятие о методологии. Методология научная и практическая; содержательная и формальная.

¹ Введение в общую технологию самостоятельной работы и знакомство с новыми перспективными технологиями самостоятельной работы даны: *З.И. Комарова*. Азбука самостоятельной работы студента-лингвиста: учебное пособие/ Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностранных языков. –Екатеринбург, 2003.- 94 с.

9. Иерархия уровней методологии.
10. Структура методологии языкознания (общий обзор).
11. Источники и составные части методологии языкознания (общий обзор).
12. Функции философии в научном познании и познании языка.
13. Понятие о методе. Классификация методов. Метод в языкознании.
14. Метод и объект языкознания. Метод и предмет языкознания.
15. Метод и теория языкознания.
16. Аспектирующие и синтезирующие концепции в истории языкознания.
17. Метод и концептуально-онтологическая структура современного языкознания.
18. Методы междисциплинарных исследований в языкознании.
19. Понятие о познавательной (эпистемической) ситуации в языкознании.
20. Понятие о познавательной (эпистемической) цепочке в языкознании: методология – метод – методика – технология.
21. Специфика методологии гуманитарных наук и языкознания в них.
22. Специфика методологии и методов в современный постнеклассический этап науки.
23. Этапы научной работы.
24. Культура научной работы.
25. Этика в науке и научном исследовании.
26. Технология исследования языковых феноменов и технология описания результатов исследования.
27. Традиционные и инновационные источники библиографии в лингвистическом исследовании.
28. Основные нормы и требования к библиографии по теме исследования.
29. Технология изучения научной литературы по языкознанию.
30. Техника чтения (изучения) научной и учебно-научной литературы.
31. Традиционные и инновационные типы источников языкового материала.
32. Понятие о моделировании научного (лингвистического) текста.
33. Типичные трудности и ошибки в моделировании научных текстов.
34. Жанровые особенности магистерской диссертации.
35. Жанровые особенности автореферата по диссертации.
36. Цитирование в науке, лингвистическом исследовании и лингвистическом описании исследования.
37. Нормы и правила цитирования. Технологии цитирования.
38. Метаязык диссертационного исследования.
39. Графический метаязык в диссертации по языкознанию.
40. Принцип редактирования (саморедактирования) научного текста.
41. Виды внимания при редактирующем чтении.
42. Подходы к редактированию научного текста.
43. Системный подход к редактированию лингвистического текста.
44. Психологический компонент объяснения погрешностей научного изложения.
45. Сущность модели «Качество эталонного текста» в стилистике научного текста.

II. Практические задания к экзамену¹.

1. Собеседование по домашней контрольной работе «Анализ структуры и содержания магистерской диссертации по языкознанию».
2. Собеседование по реферату «Проектирование темы научного исследования по языкознанию».

5. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

¹Предлагается по выбору магистра одно из возможных практических заданий.

5.1. Рекомендуемая литература

Обязательная:

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1991. –140 с.; 2-е изд.: М.: Либроком, 2010. – 140 с.
2. Кузин Ф.А. Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. Практическое пособие для студентов-магистров. – М.: Ось-89, 1997. – 304 с.
3. Кузнецов И.Н. Диссертационные работы: Методика подготовки и оформления: учебно-методическое пособие. – М.: Дашков и К°, 2006. – 452 с.
4. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – 318 с.
5. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – Изд-е 6-е – М.: ЛКИ. 2007. – 312 с. (Параграф 1-3. – С. 3-17).
6. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с. (Введение. – С. 3-15).
7. Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

Дополнительная:

1. Алефиренко Н.Ф. Методологические проблемы современного языкознания // Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 314-397.
2. Ануфриев А.Ф. Научное исследование. Курсовые, дипломные и диссертационные работы. – М.: Академия, 2002. – 201 с.
3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
4. Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, – 2005. –136 с.
5. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики: учебное пособие. – Уфа: Башкир, ун-т, 1997. – 182 с.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
7. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). – М.: Высшая школа, 1986. – 280 с.
8. Гируцкий А.А. Методология, метод, методика: сходства и различия//Общее языкознание: учебное пособие для студентов вызов. – Минск: ТетраСистема, 2001. – С. 267-294.
9. Денисов П.Н. Принципы моделирования языка. – М.: МГУ, 1965. – 151 с.
10. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Ч.1., 1964; 4.2., 1965.
11. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований. – Киев: ИСПО, 1995. – 138 с.
12. Карлинский А.Е. Методология и парадигмы современной лингвистики. –Алматы: Изд-во КазУМОпМЯ, 2009. – 352 с.
13. Классическая философия науки: хрестоматия/ под ред. В.И. Пржиленского. – М.: ИЦК, 2007. – 592 с.
14. Кобозева И.М. Компонентный анализ лексического значения// Лингвистическая семантика: учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – С. 109-122.
15. Кодильяк Э.Б. О языке и методе: пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 269 с.
16. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
17. Комарова З.И. Азбука самостоятельной работы студента-лингвиста: учебное пособие/ Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностранных языков. – Екатеринбург, 2003. –94 с.
18. Комлев Н.Г. Закон, правило и норма в языке//Проблема закона в общественных науках: сб. ст. – М.: МГУ, 1989. – С. 139-146.
19. Котюрова М.П. Культура научной речи: Текст и его редактирование: учебное пособие / Пермск. гос. ун-т. – Пермь, 2005. – 125 с.
20. Котюрова М.П. Стилистика научной речи: учебное пособие. – М.: Академия, 2010. – 240 с.

21. Кохановский В.П. и др. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 603 с.
22. Кравченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методы его изучения//Филол. науки. – 1973. – №1. – С. 99-103.
23. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу – М.: Наука, 1986. – 123 с.
24. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1989. – 191 с.
25. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей/ А.Ф. Лосев. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 296 с.
26. Максименко О.И. Формальные методы в современной прикладной лингвистике. – М.: МГОУ, 2002. – 256 с.
27. Маркарян Э.Б. Философско-методологические проблемы анализа языка науки – Ереван: Изд-во Армянск ун-та, 1987. – 211 с.
28. Мартыненко Г.Я. Методы статистического моделирования в языкознании// Прикладное языкознание: учебник. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – С. 201-223.
29. Марчук Ю.Н. Математические методы в языкознании. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 47 с.
30. Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. – М.: Наука, 1985. – 203 с.
31. Методологические основы новых направлений в мировом языкознании: Коллективная монография. - Киев: Наукова думка, 1991. – 438 с.
32. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание/ под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2001. – 182 с.
33. Методологические проблемы языкознания/ отв. ред. А.С. Мельничук. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 216с.
34. Методология лингвистики и аспекты изучения языка. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 296 с.
35. Минский М. Фреймы для представления знания – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
36. Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект/ под ред. В.В. Петрова. – М.: Наука, 1988. – 407 с.
37. Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. – М.: Наука, 2004. – 371 с.
38. Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – Результаты и перспективы. – М.: Ин-дрик, 2006. – 521 с.
39. Нерознак В.П. Метод сравнения в синхронном языкознании: К основаниям лингвистической компаративистики//Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – М.: Наука, 1986. – Т.45. – С. 402-412.
40. Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 2003. – 250 с.
41. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – Стратсбург, 2003. – 256 с.
42. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1983. – 203 с.
43. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Методы лингвистического исследования// Общее языкознание. – М.: Академия, 2009. – Гл.2. – С. 41-76.
44. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 378 с.
45. Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины. – М.: МГУ, 1971. – 268 с.
46. Распопов И.П. Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1976. – 197 с.
47. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Просвещение. 1980. – 263 с.

48. Рождественский Ю.В. Предмет и метод языкознания // Лекции по общему языкознанию. – М.: Добросвет. 2000. – Т.2. – С. 95-192.
49. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – 279 с.
50. Светлов В.А. История научного метода: учебное пособие. – М.: Академический проект; Деловая книга, 2008. – 700 с.
51. Серебренников Б.А. Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – 343 с.
52. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики: пер. с франц. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 201 с.
53. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.
54. Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс традиция, 2000. – 744 с.
55. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Наука, 2006. – 574 с.
56. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа: учебное пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та. 1995. – 189 с.
57. Теория и методология языкознания: Методы исследования. – М.: Наука, 1983. – 254 с.
58. Токарева И.И. Принципы и методы исследования языка. – Минск: МГЛУ, 2004. – 121 с.
59. Тулдава Ю. Проблемы и методы когнитивно-системного исследования лексики. – Таллин: Валгус, 1987. – 204 с.
60. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принципы семасиологического описания лексики. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 240 с.
61. Философия и история культуры. – М.: Наука, 1985. – 319 с.
62. Философия и методология науки. – Ч. 1. – М.: SvR-Аргус, 1994 – 304 с.
63. Философия науки: общий курс/ под ред. С.А. Лебедева: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2007. – 731 с.
64. Философия языка: пер.с англ. / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 208 с.
65. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы/ пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 232 с.
66. Фрумкина Р.М. Статистические методы и стратегии лингвистического исследования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1975. – №2. – С. 129-141.
67. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Наука, 1980. – 200 с.
68. Чоговадзе Г.Г. Информация: информация, общество, человек. – М.: Изд-во Дата+, 2003. – 320 с.
69. Штофф В.А. Роль моделей в познании. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 128 с.
70. Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания/ В.С. Юрченко. – М.: Эдиториал УРСС. 2007. – 317 с.
71. Язык и стиль научного изложения. – М.: Наука, 1983. – 271 с.
72. Ярцева В.Н. К определению понятия «языковой тип»//Лингвистическая типология. – М.: Наука, 1985. – С. 3-5.
73. Integrum: точные методы и гуманитарные науки. – М.: Летний сад, 2006. – 430 с.

Словари и справочники

1. Алексеев Д.И. Словарь сокращений русского языка: Около 15000 сокращений. – М.: Русский язык, 1977 и (и др. изданий). – 416 с.
2. Альберт Ю.В. Библиографическая ссылка: справочник. – Киев: Наукова Думка, 1983. – 248 с.
3. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М.: Наука, 2001. – 831 с.
4. Данилов Н.Я. Справочник автора книги. – М.: Книга, 1986. – 304 с.
5. Иениш Е.В. Библиографический поиск в научной работе: справочное пособие-путеводитель. – М.: Книга. 1998. – 247 с.

6. Канке В.А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М.: Омега-Л, 2008. – 328 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов/ под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
8. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категория). – М.: Академический проект, 2008. – 692 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь: гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.; Изд-во 2-е Языкознание. Большой энциклопедический словарь: гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мохль, 2002. – Т.3. – 692 с.
11. Орфографический словарь русского языка: 33-е изд. – М.: Русский язык, 1988. – 400 с.
12. Педагогическое речеведение: словарь-справочник. – М.: Флинта; Наука, 1988. – 312 с.
13. Полонский В.М. Словарь понятий и терминов по законодательству РФ об образовании. – М.: Наука, 1995. – 237 с.
14. Призмет Э.Л. Вспомогательные указатели к научной книге. – М.: Книга, 1975. – 379 с.
15. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Книга, 1971. – 303 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель, 2002. – 992 с.
17. Слитно или отдельно? Опыт словаря-справочника: под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 480 с.
18. Словарь библиографических терминов. – М.: Книга, 1976. – 224 с.
19. Словарь терминов познания. – Тюмень: Слово, 1999. – 253 с.
20. Справочная книга корректора и редактора: под общ. ред. А.Э. Мильченко. – М.: Книга, 1984. – 478 с.
21. Справочник научного работника: Архивы, документы, исследователь. – Львов: Высшая школа, 1983. – 499 с.
22. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
23. Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский лицей, 2006. – 528 с.
24. Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка, А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 2001. – 1229 с.
25. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра, 1998. – 700 с.
26. Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация: Междисциплинарный словарь. – СПб.: КАРО. 2006. – 128 с.

5.2. Информационное обеспечение дисциплины

1. Национальный корпус русского языка (в том числе ТБД) в Интернете на сайте www.ruscorgo.ru
2. Британский национальный корпус (в том числе ТДБ) английского языка в Интернете на сайте [www.http://sara.natcorp.ox.ac.uk](http://sara.natcorp.ox.ac.uk)
3. Лингвистическая концепция терминологического банка данных Машинного фонда русского языка: под ред. А.С. Герда. – М.: Наука, 1970. – 227 с.
4. ГОСТ 7.1-2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание». – М.: ИПК Издательство стандартов, 2004. – 67 с.
5. Информационно-библиографические ресурсы:
 - 1) Библиофонд [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=14162>
 - 2) Библиотека Администрации Президента РФ url:<http://www.194.22.30.32/book.htm>.
 - 3) Российская библиотечная ассоциация url: <http://www.rba.ru>
 - 4) Межрегиональная ассоциация деловых библиотек url: <http://www.library.ru/madb>

- 5) Муниципальное объединение библиотек url: <http://www.gibs.uralinfo.ru>
- 6) Сетевая электронная библиотека url: <http://www.ido.ra>
- 7) Служба электронной доставки документов и информации Российской государственной библиотеки Русский курьер url: <http://www.rsl.ra/courier>
- 8) Список ссылок на библиотеки мира url: <http://www.techno.ru/ismm/culture/cat/o-o/htm>
- 9) Электронная библиотека Москвы url: <http://www.stratum/pstu/ac/ra:82/libray>
- 10) Виртуальные библиотеки url: <http://www.imin.urs.ac.ru/intt/spab.htm>
- 11) Российская национальная библиотека url: <http://www.nir.ra>
- 12) Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы url: <http://www.libel.ras.ru>
- 13) Государственная научная педагогическая библиотека им. К.Д. Ушинского url: <http://www.gnpbu.ru>
- 14) Библиотека Российской Академии наук url: <http://www.ban.pu.ra>
- 15) Пермская государственная научная библиотека url: <http://www.lib.raid.ra>
- 16) Свердловская областная научная библиотека url: <http://www.library.uraic.ru>
- 17) Тюменская областная научная библиотека url: <http://www.tonb.tyumen.ru>
- 18) Челябинская областная научная библиотека url: <http://www.unilib.chel.su>
- 19) Справочно-информационная поисковая система url: <http://www.195-2.80.238>
- 20) Компьютерная библиотека url: <http://www.dvr.ru>

6. Материально-техническое обеспечение дисциплины

При изучении дисциплины используются:

- учебно-наглядные пособия (таблицы, схемы, диаграммы, графики, гистограммы и др.);
- тексты курсовых работ и диссертационных работ, авторефераты;
- словари и справочники, библиографические указатели по лингвистике;
 - материалы каталогов библиотеки (алфавитные, систематические, каталоги авторефератов и др.);
- аудиовизуальные материалы;
- технические средства обучения.

7. Сведения об авторе

Комарова Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», рабочий телефон: 336-13-42; факс (343) 336-13-42, e-mail: vtmp@r66.ru, zikomarov@bk.ru

Оглавление

Предисловие	4
Введение в проблематику системной лингвистической методологии: предпосылки и источники	8
1. Предварительные замечания.....	8
2. Проблемный анализ работ 70-х–80-х годов XX века.....	9
3. Проблемный анализ работ конца XX–начала XXI века.....	17
4. Принципы, основные постулаты и концепты системной методологии языкознания.....	27
<i>Часть первая. Системная лингвистическая методология: основания и характеристика деятельности</i>	34
<i>Глава 1. Философия и философия науки как источники и составные части лингвистической методологии</i>	34
1.1. О соотношении философии, философии науки и методологии.....	35
1.2. Философские принципы современного познания.....	38
1.3. Уровни научного познания и знания.....	41
1.4. Философия лингвистики и философия языка.....	58
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	69
<i>Литература для углублённого изучения</i>	70
<i>Глава 2. Науковедение и наука как источники и составные части лингвистической методологии</i>	71
2.1. Науковедение и наука.....	71
2.2. Характерные черты науки.....	74
2.3. Функции науки в обществе.....	78
2.4. Структура научной деятельности.....	79
2.5. От классической науки к современной.....	84
2.5.1. Специфика классической науки (XVII – XIX вв.).....	85
2.5.2. Особенности неклассической науки (начало XX века по 70-е годы).....	87
2.5.3. Характерные черты постнеклассической науки (70-е годы XX – начало XXI века).....	90
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	95
<i>Литература для углублённого изучения</i>	96
<i>Глава 3. Логика и психология как источники и составные части лингвистической методологии</i>	97
3.1. Логика как философская наука.....	97
3.1.1. Основные методологические принципы формальной и диалектической логики.....	99
3.1.2. Формы мысли, логические формы и логические законы...102	
3.1.3. Логические операции: классификация и определение.....110	
3.1.4. Логика в классической, неклассической и постнеклассиче ской науке.....	117
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	119
<i>Литература для углублённого изучения</i>	120
3.2. Психология как наука о психической деятельности.....	121

3.2.1. Психика и психические процессы.....	123
3.2.2. Сознание как высшая форма психического состояния человека.....	126
3.2.3. Творчески «мыслящая» психика человека.....	129
3.2.4. Бессознательное в психике человека.....	133
3.2.5. Психология науки.....	135
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	137
<i>Литература для углублённого изучения</i>	138
Глава 4. Аксиология, этика и эстетика как источники и составные части лингвистической методологии.....	139
4.1. Аксиология науки и научной деятельности.....	139
4.2. Этика науки и научной деятельности.....	143
4.3. Эстетика науки и научной деятельности.....	147
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	149
<i>Литература для углублённого изучения</i>	150
Глава 5. Системология как источник и составная часть лингвистической методологии.....	151
5.1. Понятие о системологии.....	151
5.2. Общая теория систем и её основные концепты.....	152
5.2.1. Система и структура.....	155
5.2.2. Типы систем в различных типах наук.....	160
5.3. Классификация систем.....	166
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	168
<i>Литература для углублённого изучения</i>	169
Глава 6. Семиотика и лингвистика как источники и составные части лингвистической методологии.....	170
6.1. Семиотика как наука и метанаука.....	170
6.1.1. Семиотика как наука.....	170
6.1.2. Семиотика как метанаука.....	178
6.2. Лингвосемиотика как межнаучное направление.....	183
6.3. Лингвистика как наука и метанаука.....	198
6.3.1. Лингвистика как наука.....	198
6.3.2. Лингвистика как метанаука.....	207
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	212
<i>Литература для углублённого изучения</i>	213
Итоги первой части.....	215
Часть вторая. Метод как ядро системной лингвистической методологии.....	218
Глава 7. Общая теория метода.....	218
7.1. Сущность метода и его функции.....	218
7.2. Проблема классификации и систематизации методов – одна из основных проблем теории метода.....	225
7.3. Философские методы.....	226
7.3.1. Натурфилософский метод.....	227
7.3.2. Диалектический метод.....	229

7.3.3. Метод восхождения от абстрактного к конкретному.....	235
7.3.4. Метафизический метод (подход).....	236
7.3.5. Трансцендентальный метод.....	238
7.3.6. Феноменологический метод.....	239
7.4. Философско-общелогические методы и приёмы.....	243
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	260
<i>Литература для углублённого изучения</i>	262
Глава 8. Методы гибридных методологических уровней.....	263
8.1. Системный подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа системного метода.....	263
8.1.1. Основные концепты системологии.....	263
8.1.2. Основные методы исследования систем.....	268
8.2. Синергетический подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа синергетического метода.....	272
8.3. Семиотический подход как синтез философской и общенаучной методологии – основа семиотического метода.....	276
8.3.1. Основания семиотического подхода.....	276
8.3.2. Семиотический метод в его проблематике, процедурах и приёмах.....	280
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	288
<i>Литература для углублённого изучения</i>	289
Глава 9. Общенаучные методы и приёмы исследования.....	291
9.1. Методы и приёмы эмпирического исследования.....	291
9.2. Методы и приёмы теоретического исследования.....	303
9.2.1. Краткая характеристика теоретических методов и приёмов.....	303
9.2.2. Метод моделирования.....	312
9.2.3. Методы активизации творческого мышления.....	317
9.3. Проблема методов метатеоретического уровня научного познания.....	320
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	324
<i>Литература для углублённого изучения</i>	325
Глава 10. Частнонаучные методы в социально-гуманитарном познании.....	327
10.1. Проблема специфики социально-гуманитарного познания и социально-гуманитарных наук.....	327
10.2. Методы и приёмы социально-гуманитарных наук.....	329
10.3. Вопрос о новой парадигме и методологии социально-гуманитарных наук на пути к единству естественнонаучной и гуманитарной культуры.....	337
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	343
<i>Литература для углублённого изучения</i>	344
Итоги второй части.....	345
Часть третья. Дисциплинарные методы и методики системной лингвистической методологии.....	347

<i>Глава 11. Лингвистические основы дисциплинарного метода и методик</i>	347
11.1. Вопрос об языковой действительности и дисциплинарном методе лингвистики.....	348
11.2. Дисциплинарно-методологическая структура современной лингвистики.....	350
11.3. Вопрос о парадигмальном подходе в методологии современной лингвистики.....	365
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	378
<i>Литература для углублённого изучения</i>	379
<i>Глава 12. Макропарадигмальные методы и методики лингвистики</i>	381
12.1. Сравнительно-исторический метод и его методики.....	381
12.1.1. Лингвистический компаративизм.....	381
12.1.2. Общая характеристика метода.....	383
12.1.3. Методика внешней реконструкции.....	388
12.1.4. Методика внутренней реконструкции.....	389
12.1.5. Методика относительной хронологии и глоттохронологии.....	391
12.1.6. Методика лингвистической экстраполяции.....	393
12.1.7. Типологический метод и его методики.....	394
12.1.8. Непарадигмальные методики компаративизма.....	406
12.1.9. Успехи и недостатки компаративистики.....	408
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	409
<i>Литература для углублённого изучения</i>	410
12.2. Структурный метод и его методики.....	411
12.2.1. Общая характеристика метода.....	412
12.2.2. Оппозиционный анализ.....	414
12.2.3. Дистрибутивный анализ.....	417
12.2.4. Анализ по непосредственно составляющим.....	420
12.2.5. Трансформационный анализ.....	424
12.2.6. Компонентный анализ.....	431
12.2.7. Успехи и ограниченность структурного метода и его методик.....	436
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	438
<i>Литература для углублённого изучения</i>	439
12.3. Коммуникативно-прагматический метод и его методики.....	440
12.3.1. Проблема метода и его концепты.....	441
12.3.2. Методики анализа текста.....	445
12.3.3. Методики анализа дискурса.....	448
12.3.4. Эвалютивный аспект коммуникативно-прагматических исследований.....	455
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	457
<i>Литература для углублённого изучения</i>	458
12.4. Когнитивный метод и его методики.....	459
12.4.1. Идеи, принципы и концепты метода.....	459

12.4.2. Методики анализа концептов.....	465
12.4.3. Методики анализа категорий.....	470
12.4.4. Методики анализа дискурса.....	486
12.4.5. Морфотемный анализ.....	491
12.4.6. Эвалютивный аспект когнитивных исследований.....	492
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>494</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>496</i>
Глава 13. Методы и методики частных парадигм лингвистики.....	498
13.1. О сущности междисциплинарных исследований в гибридных областях наук.....	498
13.2. Метод и методики социолингвистики.....	499
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>505</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>505</i>
13.3. Метод и методики этнолингвистики.....	506
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>515</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>515</i>
13.4. Метод и методики ареальной лингвистики.....	516
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>519</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>520</i>
13.5. Метод и методики психолингвистики.....	520
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>524</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>525</i>
13.6. Метод и методики нейролингвистики.....	526
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>529</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>529</i>
13.7. Метод и методики паралингвистики.....	529
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>534</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>534</i>
13.8. Метод и методики лингвокультурологии.....	535
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>543</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>544</i>
13.9. Метод и методики межкультурной коммуникации.....	545
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>554</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>555</i>
13.10. Метод и методики политической лингвистики.....	555
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>561</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>562</i>
13.11. Перспективы частных парадигм лингвистики.....	563
Глава 14. Непарадигмальные методы и методики лингвистики.....	564
14.1. Дисциплинарные непарадигмальные методы и методики лингвистики.....	564
14.1.1. Описательный метод и его методики.....	564
<i>Вопросы и задания для обсуждения.....</i>	<i>569</i>
<i>Литература для углублённого изучения.....</i>	<i>569</i>
14.1.2. Лингвостатистический метод и его методики.....	570

	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	582
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	582
14.1.3.	Контекстологический анализ.....	583
14.1.4.	Валентностный анализ.....	586
14.2.	Частнодисциплинарные непарадигмальные методы и методики.....	589
14.2.1.	Метод и методики диалектологии.....	589
	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	593
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	594
14.2.2.	Метод и методики этимологии.....	594
	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	602
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	603
14.2.3.	Метод и методики ономастики.....	603
	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	607
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	608
14.2.4.	Метод и методики лингвостилистики.....	609
	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	624
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	625
14.2.5.	Метод и методики прикладной лингвистики.....	626
	<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	629
	<i>Литература для углублённого изучения</i>	630
	Итоги третьей части	631
	<i>Часть четвертая. Технология системной лингвистической методологии</i>	633
<i>Глава 15.</i>	Технология познания в лингвистическом исследовании	633
15.1.	Технология научно-исследовательского процесса.....	633
15.1.1.	Этапы лингвистического исследования.....	634
15.1.2.	Проблема выбора темы исследования.....	637
15.1.3.	Планирование исследования.....	638
15.2.	Технология поиска научной информации по языкознанию...	639
15.2.1.	Что такое проблемный библиографический поиск?....	639
15.2.2.	Традиционные библиографические источники.....	640
15.2.3.	Инновационные источники информации.....	641
15.3.	Технология изучения научной литературы по теме исследования.....	643
15.3.1.	Как нужно читать научную литературу?.....	643
15.3.2.	Как вести записи при изучении научной литературы?..	645
15.4.	Технология сбора и классификации языкового материала по теме исследования.....	648
15.4.1.	Традиционные источники языкового материала.....	649
15.4.2.	Инновационные источники языкового материала.....	650
15.5.	Технология создания понятийно-терминологического аппарата исследования.....	654
15.5.1.	Что такое понятийно-терминологический аппарат диссертации?.....	654

15.5.2. Какова технология моделирования понятийно-терминологического аппарата диссертации?.....	655
15.5.3. Параметры «диссертабельности» исследования.....	663
15.6. Технология формирования методологии и методики исследования.....	671
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	676
<i>Литература для углублённого изучения</i>	677
Глава 16. Технология описания результатов лингвистического исследования	679
16.1. Технология моделирования научного текста по проведенному исследованию.....	679
16.1.1. Стилистико-жанровые особенности диссертации и автореферата.....	680
16.1.2. Язык, метаязык и графический метаязык диссертации и автореферата.....	706
16.1.3. Нормы, правила и техника цитирования.....	713
16.1.4. Система библиографических ссылок и техника их оформления.....	715
16.1.5. Типичные трудности и ошибки при описании научных результатов.....	717
16.2. Технология редактирования (саморедактирования) текста диссертации и автореферата.....	719
16.2.1. Подходы к редактированию текста диссертации.....	719
16.2.2. Принципы редактирования текста диссертации.....	721
16.2.3. Смысловое редактирование диссертации.....	721
16.2.4. Редактирование диссертации с позиции модели «Качество эталонного текста».....	722
<i>Вопросы и задания для обсуждения</i>	724
<i>Литература для углублённого изучения</i>	726
Итоги четвёртой части	727
Вместо заключения	729
Библиография	730
I. Список научной литературы.....	730
II. Словарно-справочная литература.....	791
III. Источники материала.....	795
Приложение Рабочая учебная программа для магистров «Методология научных исследований в языкознании».....	797
Оглавление	811